МИНЕИ-ЧЕТЬИ

НА

РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

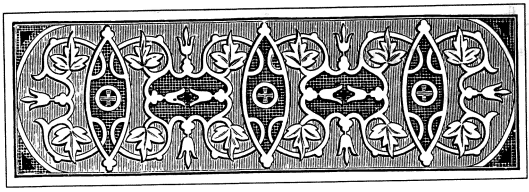
КНИГА ДЕВЯТАЯ

Москва
Синодальная Типографія
1906

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ

МѢСЯЦЪ МАЙ

ISBN 966-7358-19-X



День первый

ЖИТІЕ и СТРАДАНІЕ

СВЯТАГО ПРОРОКА

ІЕРЕМІИ

Святый Пророкъ Іеремія[1]) родился въ Анаѳоѳѣ, городѣ священническомъ[2]), въ предѣлахъ колѣна Веніаминова, недалеко отъ Іерусалима. Сынъ священника Хелкіи—онъ былъ предъизбранъ и предназначенъ къ пророческому служенію, подобно Самуилу[3]), еще прежде рожденія своего, какъ сказалъ о томъ Самъ Господь: «Прежде нежели Я образовалъ тебя во чревѣ, Я позналъ тебя, и прежде нежели ты вышелъ изъ утробы, Я освятилъ тебя: пророкомъ для народовъ поставилъ тебя»[4]).

Святый Іеремія, священникъ по рожденію своему, учитель же и пророкъ по званію отъ Бога, былъ, по свидѣтельству святаго Игнатія Богоносца, дѣвственникомъ въ продолженіе всей жизни

---

1) *Іеремія*—съ еврейск.: *возвышенный Богомъ*.

2) *Колѣно Левія* при раздѣлѣ Земли Обѣтованной не получило особаго удѣла; оно разсѣяно, разселено было среди другихъ колѣнъ, гдѣ отведены были левитамъ, по жребію, города съ ихъ предмѣстьями. Городъ Анаѳоѳъ находился въ предѣлахъ колѣна Веніаминова и принадлежалъ потомкамъ Аарона. Кн. І. Нав., гл. 21, ст. 18; 1 Паралип. 6, 60.

3) 1 Кн. Царствъ, гл. 2.

4) Кн. Прор. Іерем., гл. 1, ст. 4—5.

своей[1]). На пророческое служеніе онъ выступилъ въ 630 г. до Рождества Христова — еще въ нѣжномъ юношескомъ возрастѣ, какъ то видно изъ первой главы его книги, гдѣ повѣствуется, что на призывъ отъ Господа къ пророчеству онъ такъ выразилъ свое смущеніе:

— О Господи Боже!—я не умѣю говорить, ибо я еще молодъ—отрокъ.

Господь же ободрилъ его и, одаряя его разумомъ человѣка взрослаго и совершеннаго, сказалъ:

— Не говори: «я молодъ», ибо ко всѣмъ, къ кому пошлю Я тебя, пойдешь, и все, что Я повелю тебѣ, скажешь. Не бойся ихъ; ибо Я съ тобою, чтобы избавить тебя.

Сказавши это, Господь простеръ руку Свою и, коснувшись устъ Іереміиныхъ, изрекъ ему:

— Вотъ, Я вложилъ слова Мои въ уста твои. Смотри, Я поставилъ тебя въ день сей надъ народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать (грѣховную, беззаконную жизнь людскую) и на мѣстѣ разрушеннаго и искорененнаго вновь созидать и насаждать (добрые нравы и богоугодную жизнь людей)[2]).

Это Слово Господа, призвавшее Іеремію на пророческое служеніе, было во дни Іосіи, царя Іудейскаго, въ тринадцатомъ году его царствованія[3]); святому же Пророку тогда шелъ пятнадцатый годъ отъ рожденія: въ столь юномъ возрастѣ онъ сдѣлался орудіемъ дѣйственной благодати Божіей!

Въ тѣ времена Іудейскій народъ хотя наружно и хранилъ преданность вѣрѣ отеческой, поклонялся Богу Истинному, изведшему его нѣкогда изъ Египта, но внутренно далекъ былъ отъ истиннаго служенія Ему. Входя въ близкія сношенія съ окрестными народами, Іудеи нравственно были развращены; подчиняясь чужимъ обычаямъ, они въ большинствѣ своемъ, особенно зажиточные и властные изъ нихъ, служили языческимъ мерзостямъ. Не только въ окрестностяхъ Іерусалима — по холмамъ и долинамъ, но и въ самомъ Іерусалимѣ, подлѣ храма Господня, воздвигнутаго Соломономъ, были поставлены идолы, которымъ приносились жертвы такъ же, какъ Истинному Богу. Это нравственное тлѣніе, глубоко

---

1) Кн. Прор. Іерем., гл 16, ст. 2.

2) Кн. Прор. Іерем., гл. 1, ст. 7—10.

3) *Іосія* царствовалъ съ 642 г. по 611 г. до Р. Хр.

проникавшее въ народную жизнь, возбуждая справедливый гнѣвъ Божій, приготовляло Іудейской землѣ разоренія и пагубу, что̀ и предуказано было святому Іереміи въ двухъ видѣніяхъ: жезла орѣховаго и кипящаго котла.

И было слово Господне къ Іереміи:

— Что видишь ты, Іеремія?

Онъ отвѣтилъ:

— Вижу жезлъ миндальнаго дерева.

Господь сказалъ ему:

— Ты вѣрно видишь; ибо Я бодрствую[1]) надъ Словомъ Моимъ, чтобы оно скоро исполнилось.

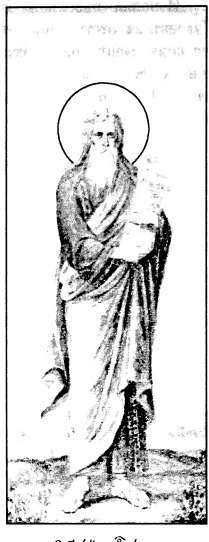
И было слово Господне къ нему въ другой разъ:

— Что видишь ты?

— Вижу, — отвѣчалъ Іеремія, — поддуваемый вѣтромъ кипящій котелъ, и онъ показывается съ сѣвера.

И сказалъ ему Господь:

— Отъ сѣвера польется бѣдствіе[2]) на всѣхъ обитателей земли сей. А ты опояшь чресла твои, и встань, и скажи имъ все, что Я повелю тебѣ; не малодушествуй предъ ними, чтобы Я не поразилъ тебя предъ ихъ глазами. Вотъ, Я поставилъ тебя нынѣ укрѣпленнымъ городомъ, и желѣзнымъ столбомъ, и мѣдною стѣною на всей этой землѣ, противъ царей Іуды, противъ князей его, противъ священниковъ его и противъ народа земли сей. Они будутъ ратовать противъ тебя, но не превозмогутъ тебя, ибо Я съ тобою, чтобы избавлять тебя[3]).



Ст҃ый прро́къ
Іеремі́а

---

[1]) *Миндальное дерево* ранѣе другихъ деревъ пробуждается послѣ зимняго сна — оно цвѣтетъ въ январѣ, а въ мартѣ уже приноситъ плоды, потому у евреевъ оно называлось *бодрствующимъ*.

[2]) *Кипящій котелъ* был у народовъ Востока символомъ ожесточенной войны. Іеремія угрожалъ Іудеѣ нашествіемъ Халдеевъ; Вавилонъ былъ на востокѣ отъ Іудеи, но Халдеи вторглись въ нее, чтобы миновать Аравійскую пустыню, обходомъ чрезъ Сирію, — именно съ сѣвера.

[3]) Кн. Прор. Іерем., гл. 1, ст. 17—19.

Исполяя повелѣніе Божіе, святый Іеремія началъ обличать Іудеевъ за отступленіе отъ Истиннаго Бога и уклоненіе къ языческому суевѣрію, угрожая грядущимъ на нихъ гнѣвомъ Вседержителя и увѣщавая, для избавленія отъ страшныхъ послѣдствій гнѣва Господня, принести покаяніе. Пророческое служеніе Іереміи продолжалось отъ дней, какъ уже сказано было, царя Іосіи во дни сына его Іоахаза и Іоакима—брата Іоахаза, и во дни Іехоніи сына Іоакимова, и во дни Седекіи, сына Іосіи, брата Іоахаза и Іоакима[1]).

Много страданій претерпѣлъ Пророкъ Божій отъ своихъ соплеменниковъ, утратившихъ истинную вѣру въ Бога и страхъ Божій!—Грозныя прещенія Господа Саваоѳа онъ возвѣщалъ безъ колебаній и смущеній, слово Истины онъ смѣло и дерзновенно возглашалъ и во дворѣ храма, и при воротахъ города, и во дворцѣ царскомъ, и въ темницѣ, и въ окрестностяхъ Іерусалима. Не разъ онъ бывалъ приводимъ къ царямъ и вельможамъ, и всѣмъ онъ прямо, безъ лукавства или малодушной застѣнчивости,—открыто говорилъ, что если они не покаются и не отвратятся отъ лжи, то ихъ постигнутъ злыя напасти. Ибо вотъ что говоритъ Господь: «Я призову всѣ племена царствъ сѣверныхъ, и придутъ они, и поставятъ каждый престолъ свой при входѣ въ ворота Іерусалима, и вокругъ стѣнъ его, и во всѣхъ городахъ іудейскихъ. И будутъ они исполнителями судебъ Моихъ надъ преступнымъ народомъ, казнителями беззаконниковъ. И все это Я попущу на нихъ за то, что они оставили Меня, и воскурили ѳиміамы чужеземнымъ богамъ, и поклонились дѣламъ рукъ своихъ[2]). Выслушайте Слово Господне, домъ Іаковлевъ и всѣ рабы дома Израилева! Такъ говоритъ Господь: какую неправду нашли во Мнѣ отцы ваши, что удалились отъ Меня, и осуетились, и не сказали: гдѣ Господь, Который вывелъ насъ изъ земли Египетской, велъ насъ по пустынѣ необитаемой, по землѣ сухой, по землѣ тѣни смертной, по которой никто не ходилъ и гдѣ не обиталъ человѣкъ? Я ввелъ васъ въ землю плодоносную, чтобы вы питались плодами ея и добромъ; а вы вошли и осквернили землю Мою, и достояніе Мое сдѣлали мерзостью. Я буду судиться съ вами, и съ сыновьями сыновей вашихъ буду судиться. Ибо пойдите на острова Хиттимскіе и посмотрите, и пошлите въ Кедаръ и развѣдайте тща-

[1]) Его служеніе продолжалось 42 года, съ 627 г. до 585 г. до Р. Хр.

[2]) Кн. Прор. Іерем., гл. 1, ст. 15—16.

тельно и разсмотрите: было ли тамъ что-либо подобное сему? Перемѣнялъ ли какой народъ боговъ своихъ, хотя они и не боги? А Мой народъ перемѣнилъ славу свою на тò, чтò не помогаетъ. Подивитесь сему, Небеса, и содрогнитесь и ужаснитесь основанія земли; два зла сдѣлали люди Мои: потерявъ страхъ Мой, они оставили Меня, Господа Бога своего — источникъ живой воды, и устроили, высѣкли себѣ водоемы негодные, которые не могутъ держать воды. Я насадилъ народъ Мой какъ благородную лозу—на берегахъ Іордана,—самое чистое сѣмя, а она превратилась въ дикую отрасль чужой лозы. Израиль—рабъ Мой и домочадецъ, какъ рѣзвая верблюдица, какъ дикая ослица, рыщущая въ пустынѣ, въ страсти души своей глотающая воздухъ, сказалъ: не надѣйся, нѣтъ! ибо люблю я чужихъ и буду ходить путями ихъ. Осрамилъ себя домъ Израилевъ: люди его, и цари его, и князья его, и священники, и пророки его оборотились спиною ко Мнѣ, а не лицемъ и сказали: «Мы сами себѣ господа; мы уже не придемъ къ Тебѣ»; но, вотъ, во время бѣдствія своего будутъ говорить: «Встань и спаси насъ!» — О родъ! Внемлите вы слову Господню: былъ ли Я пустынею или страною мрака для Израиля?—Забываетъ ли дѣвица украшеніе свое и невѣста—нарядъ свой? А народъ Мой забылъ Меня, нѣтъ числа днямъ забвенія его! И по вѣроломству своему ты искусно направляешь, прикрывая срамоту свою одеждою благочестія, пути твои, чтобы снискать любовь! И для того даже къ преступленіямъ приспособляешь ты пути твои, такъ что на краяхъ одежды твоей находится кровь людей бѣдныхъ, невинныхъ...[1]) И вотъ, за то, что они поступаютъ по упорству злаго сердца своего, Я приведу на нихъ съ сѣвера бѣдствіе и великую гибель. И будетъ въ тотъ день, говоритъ Господь, замретъ сердце у царя, и сердце у князей и ужаснутся священники и изумятся пророки![2]) Какъ источникъ извергаетъ изъ себя воду, такъ Іерусалимъ источаетъ изъ себя зло: въ немъ слышно насиліе и грабительство, предъ лицемъ Моимъ—всегда обиды и раны. Вразумись, Іерусалимъ, чтобы душа Моя не удалилась отъ тебя, чтобы я не сдѣлалъ тебя пустынею, землею необитаемою»[3]).

Съ такими и подобными симъ восторженно-пламенными рѣчами

---

[1]) Кн. Прор. Іерем., гл. 2. ст. 4—34.
[2]) Кн. Прор. Іерем., гл. 43, ст. 17; гл. 4, ст. 6—9.
[3]) Кн. Прор. Іерем., гл. 6, ст. 7—8.

святый Іеремія многократно обращался къ своимъ современникамъ; онѣ—подобныя молоту, разбивающему скалы, изложены пространно въ его пророческой книгѣ. И все пророчески сказанное имъ сбывалось.

Политическія невзгоды и бѣдствія для Іерусалима начались при царѣ Іосіи такъ: въ тридцать первомъ году его царствованія[1]) Египетскій фараонъ Нехао предпринялъ военный походъ противъ царя Ассирійскаго на рѣку Евфратъ. А такъ какъ путь ему лежалъ чрезъ предѣлы земли Іудейской, то Іосія, чтобы предохранить свое царство отъ нашествія египтянъ, собралъ свое войско и рѣшилъ противостать имъ. Фараонъ послалъ къ нему пословъ сказать:

— Что мнѣ и тебѣ, царь Іудейскій? Не противъ тебя теперь я иду, но туда, гдѣ у меня война. И Богъ повелѣлъ мнѣ поспѣшать; не противься же Богу, чтобы Онъ не погубилъ тебя.

Но Іосія не послушалъ этого предостереженія Нехао и вышелъ противъ него съ своимъ войскомъ на Мегиддонскую равнину, которая лежала на пути отъ прибережья Средиземнаго моря къ Іордану, откуда ближайшимъ путемъ чрезъ Дамаскъ Нехао намѣревался достигнуть береговъ Евфрата.

Произошло сраженіе; іудейское войско, подавляемое численнымъ превосходствомъ непріятеля, было совершенно разбито; самъ Іосія былъ смертельно раненъ. Тѣлохранители поспѣшно взяли своего любимаго умирающаго царя и отвезли въ Іерусалимъ, гдѣ онъ и предалъ духъ свой Богу. Іосія погребенъ былъ въ гробницѣ своихъ отцовъ и былъ оплаканъ народомъ въ Іерусалимѣ и во всей Іудеѣ съ великою скорбію, ибо онъ былъ лучшій, достойнѣйшій изъ царей по своей добротѣ и богобоязненности[2]). Оплакалъ Іосію царя и Іеремія въ пѣсни плачевной[3]).

Фараонъ Нехао продолжилъ послѣ того свое воинское шествіе въ Ассирію, а въ Іерусалимѣ на царство былъ помазанъ вторый сынъ Іосіи Іоахазъ[4]), который царствовалъ, впрочемъ, только три мѣсяца до возвращенія Нехао изъ Ассирійскаго похода. Египетскій царь, къ которому послѣ побѣды Мегиддонской перешло

---

[1]) 4 Кн. Царствъ, гл. 22, ст. 1; 2 Паралипом., гл. 34, ст. 1.

[2]) 2 Паралип., гл. 35. ст. 20—24; Кн. Прор. Захаріи, гл. 12, ст. 11.

[3]) 2 Паралип., гл. 35. ст. 25.

[4]) *Іоахазъ* былъ вторый сынъ Іосіи и его любимой жены—Хамутальи и имеиовался Саллумъ.—4 Кн. Царствъ, гл. 23. ст. 31; срав. 22, ст. 11.

главенство надъ Іудейской землей и который въ то время имѣлъ въ виду главнаго и могущественнаго противника Ассиро-Вавилонію, а слабое царство Іудейское оставилъ безъ вниманія, на обратномъ пути овладѣлъ Іерусалимомъ и всею Іудеею и подчинилъ своей власти.—Новоизбраннаго царя Іоахаза, когда сей явился къ нему въ военный лагерь въ Ривлѣ, землѣ Емаѳской,[1]) для полученія утвержденія въ своемъ царскомъ достоинствѣ, онъ низложилъ и какъ плѣнника въ оковахъ отправилъ въ Египетъ, и царемъ въ Іудеѣ поставилъ старшаго его брата Еліакима, переименовавъ его въ Іоакима. Въ то же время Нехао наложилъ на Іудею дань въ сто талантовъ серебра и талантъ золота[2])—невыносимо тяжелую для маленькаго государства и тѣмъ болѣе, что взыскивалась она съ безпощадною строгостью[3]).

Такъ сѣмя Авраамово, народъ свободный, славное нѣкогда и могущественное царство, утратило свою самобытность, оказалось въ порабощеніи. И это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ беззаконія Іудеевъ, которымъ они прогнѣвляли Всевышняго Бога, не принося искреннаго покаянія по увѣщаніямъ пророческимъ, не устрояя своей нравственной жизни по Закону Божію!

Въ началѣ царствованія Іоакима, царя Іудейскаго, было такое слово отъ Господа къ святому Іереміи:

«Стань на дворѣ дома Господня и скажи всѣмъ Іудеямъ, приходящимъ на поклоненіе въ домъ Господень, всѣ тѣ слова, какія повелю тебѣ сказать,—не убавь ни слова. Такъ говоритъ Господь: если вы не послушаетесь Меня въ томъ, чтобы поступать по Закону Моему, который Я далъ вамъ,—чтобы съ покорностью внимать словамъ рабовъ Моихъ—пророковъ, которыхъ Я посылаю къ вамъ съ ранняго утра и которыхъ вы оставляете безъ вниманія, то съ домомъ симъ, на которомъ наречено Имя Мое и на который вы возлагаете свою надежду[4]), Я сдѣлаю то же, что сдѣлалъ съ Силомомъ[5]), и городъ сей предамъ на проклятіе всѣмъ народамъ земли»[6]).

---

[1]) *Емаѳъ* находился у подошвы Антиливанскихъ горъ.

[2]) *Талантъ золота* — 125 000 рубл. Вся дань равнялась нашимъ 300 000 р.

[3]) 4 Кн. Цар., гл. **23**, ст. 35.

[4]) Срав. Кн. Прор. Іерем., гл. **7**, ст. 14.

[5]) Здѣсь указывается на то обстоятельство, что, когда при первосвященникѣ Иліи Евреи потерпѣли страшное пораженіе отъ Филистимлянъ и Ковчегъ Завѣта былъ плѣненъ, тогда отошла слава отъ Израиля. 1 Кн. Цар., гл. **4**, ст. 10—22.

[6]) Кн. прор. Іерем., гл. **26**, ст. 1—6.

Слыша такія грозныя вѣщанія Пророка отъ лица Божія, мнимые ревнители общественнаго спокойствія и государственной безопасности — священники и лжепророки, исполненные гнѣва, схватили Іеремію и потребовали суда надъ нимъ,—требовали, чтобы и отъ князей и отъ народа произнесенъ былъ ему смертный приговоръ. Въ домѣ Господнемъ собрались толпы возбужденнаго такимъ образомъ противъ Іереміи народа,—пришли туда же князья Іудейскіе и нѣкоторыя лица изъ дома царскаго и сѣли у входа при воротахъ въ домъ Господень. Составился такимъ образомъ формальный судъ надъ Пророкомъ.—Нечестивые священники и лжепророки, обратившись къ собранію народа и князей Іудейскихъ, сказали:

— Смерть этому человѣку, потому что онъ пророчествуетъ противъ города сего, какъ вы слышали своими ушами.

Іеремія же въ свое оправданіе произнесъ:

— Господь послалъ меня пророчествовать противъ дома сего и противъ города сего всѣ тѣ слова, которыя вы слышали. Итакъ, исправьте пути ваши и дѣла ваши и послушайтесь гласа Господа Бога вашего, и Господь отмѣнитъ бѣдствіе, которое изрекъ на васъ. А что до меня, то вотъ я — въ вашихъ рукахъ; дѣлайте со мною, что вамъ угодно и что въ глазахъ вашихъ покажется лучшимъ и справедливымъ. Но только твердо знайте, что если вы умертвите меня, неповинную кровь возлóжите на себя, и на городъ сей, и на жителей его, ибо истинно Господь послалъ меня къ вамъ сказать всѣ тѣ слова въ уши ваши.

Тогда предсѣдательствовавшіе въ народномъ собраніи князья Іудейскіе и вельможи царскіе сказали неистовымъ священникамъ и лжепророкамъ:

— Этотъ человѣкъ не можетъ быть приговоренъ къ смерти, потому что онъ говорилъ намъ Именемъ Господа Бога нашего.

Встали на защиту Іереміи и нѣкоторые изъ старѣйшинъ земли и обратились къ народу съ такими словами:

— Вспомните — Михей Морасѳитянинъ пророчествовалъ во дни Езекіи, царя Іудейскаго, и сказалъ всему народу Іудейскому: «Такъ говоритъ Господь Саваоѳъ: Сіонъ будетъ вспаханъ какъ поле, и Іерусалимъ сдѣлается грудою развалинъ, и гора храма станетъ лѣсистымъ холмомъ». — Умертвили ли его за это Езекія царь и народъ Іудейскій? Не убоялись ли они Господа и не умоляли ли Его? И Господь отмѣнилъ бѣдствіе, которое изрекъ

на нихъ; а мы—мы хотимъ сдѣлать великое зло душамъ нашимъ[1]). Итакъ, покаемся, отвратимся отъ зла и не будемъ искать смерти невиннаго человѣка. Ибо была ли хотя бы какая-либо польза и отъ недавно пролитой крови Урія, сына Шемаіи изъ Каріаѳіарима, пророчествовавшаго Именемъ Господнимъ противъ города сего и противъ земли сей точно такими же словами, какъ и Іеремія предсказываетъ?—Царь и вельможи его, слыша тогда рѣчи сего Урія, возненавидѣли его и искали убить; а онъ, обреченный на смерть, отъ страха бѣжалъ въ Египетъ; царь Іоакимъ и въ Египетъ послалъ людей своихъ, которые и привели его оттуда: Урія былъ умерщвленъ мечомъ; но что же произошло изъ того?—народное негодованіе противъ царя и князей Іудейскихъ: то̀ же будетъ непремѣнно, если вы предадите смерти и Іеремію.

Послѣ того произошло раздѣленіе въ народномъ собраніи: одни настаивали, чтобы убить святаго Пророка, другіе же защищали его невинность. И ненавистники Іереміи конечно одолѣли бы его защитниковъ, если бы не взялъ его подъ свое покровительство одинъ изъ вліятельныхъ при царскомъ дворѣ вельможей, именемъ Ахикамъ, сынъ Сафановъ; онъ избавилъ Іеремію отъ рукъ людей злобныхъ, готовыхъ на убіеніе его[2]).

Между тѣмъ идолопоклонство, отравлявшее совѣсть народную въ продолженіе многихъ предшествующихъ лѣтъ и порождавшее крайнее растлѣніе нравственности, болѣе и болѣе усиливалось въ Іудеѣ. Находились среди Іудеевъ и такіе, которые на пророческій призывъ—исправить путь своей жизни и слѣдовать Закону Божію—насмѣшливо говорили:

— Не надѣйся; мы будемъ жить по своимъ помысламъ и будемъ поступать каждый по стремленію (злаго) сердца своего[3]),—будемъ дѣлать все то̀, что вышло изъ устъ нашихъ, будемъ кадить «богинѣ неба» и возливать ей возліянія, какъ дѣлали мы и отцы наши, цари и князья наши, въ городахъ Іудеи и на улицахъ Іерусалима, потому что это давало намъ сытость и счастье[4]).

Не стало истины у нихъ, отнята она была отъ устъ ихъ; отъ малаго до большаго каждый изъ нихъ преданъ былъ корысти, и отъ (лживаго) пророка до священника—всѣ дѣйствовали лживо и,

---

[1]) Кн. Прор. Іерем., гл. **26**, ст. 11—19.
[2]) Кн. Прор. Іерем., гл. **26**, ст. 20—24.
[3]) Кн. Прор. Іерем., гл. **18**, ст. 12.
[4]) Кн. Прор. Іерем., гл. **24**, ст. 17.

дѣлая мерзости, нисколько не стыдились и не краснѣли[1]). Неугодное въ очахъ Господнихъ творилъ и царь Іудейскій Іоакимъ, увлекаясь общимъ потокомъ нечестія[2]).

И вотъ, святый Іеремія опять получилъ отъ Господа приказаніе:

— Иди и войди въ домъ царя Іудейскаго и произнеси тамъ слово сіе и скажи: выслушай слово Господне, царь Іудейскій, сидящій на престолѣ Давидовомъ,—ты, и слуги твои, и народъ твой, входящіе сими воротами. Такъ говоритъ Господь: производите судъ и правду и спасайте обижаемаго отъ руки притѣснителя, не обижайте и не тѣсните пришельца, вдовы и сироты, не проливайте крови неповинной на мѣстѣ семъ. Ибо если вы будете исполнять слово сіе, то будутъ входить воротами дома сего цари, сидящіе на престолѣ Давидовомъ изъ рода его, ѣздящіе на колесницѣ и на коняхъ,—сами и слуги ихъ, и народъ ихъ. А если не послушаете словъ сихъ, то Мною Самимъ клянусь,—говоритъ Господь,—что домъ сдѣлается пустымъ, города станутъ необитаемы и вся земля Іудина превратится въ пустыню; ибо Я приготовлю истребителей съ орудіями ихъ, которые будутъ поражать людей нераскаянныхъ, какъ срубаютъ деревья. И будутъ многіе народы приходить чрезъ запустѣлый городъ сей и говорить другъ другу: «За что Господь такъ поступилъ съ этимъ великимъ городомъ?» И скажутъ въ отвѣтъ: «За то̀, что они оставили завѣтъ Господа Бога своего и поклонились инымъ богамъ и служили имъ».

И о самомъ царѣ Іудейскомъ Іоакимѣ святый Пророкъ именемъ Господнимъ говорилъ, что такъ какъ глаза его и сердце его обращены къ своекорыстію и пролитію невинной крови, къ тому, чтобы дѣлать притѣсненіе и насиліе, то послѣ смерти не будутъ оплакивать его, выражая скорбь восклицаніями: «увы, государь!» и «увы, его величіе!»—Ослинымъ погребеніемъ будетъ онъ погребенъ: вытащатъ его и бросятъ далеко за ворота Іерусалима[3]).

Такія дерзновенныя слова Пророка Божія, сказанныя публично, предъ народомъ, возбудили великій гнѣвъ царя и его приближенныхъ: святаго Іеремію тогда непремѣнно предали бы смерти, если бы промышленіе Божіе не сохранило его для будущихъ таинственныхъ вѣщаній отъ лица Господня. Грубо онъ схваченъ былъ и съ безчестіемъ, въ оковахъ посаженъ въ темницу.

---

[1]) Кн. Прор. Іерем., гл. 6. ст. 13—15.

[2]) 4 Кн. Цар., гл. 23, ст. 37; Парал., гл. 36, ст. 5.

[3]) Кн. Прор. Іерем., гл. 22, ст. 1—19

Въ это время наступило исполненіе суда Божія надъ преступнымъ городомъ, оскверненнымъ мерзостями языческими и обагреннымъ кровію невинныхъ.—Навуходоносоръ, сынъ Набопалласара, царя Вавилонскаго, завоевателя Ассирійской монархіи, по порученію отца выступилъ противъ Египетскаго царя Нехао и, при Кархемышѣ[1]) поразивъ войско фараона, покушавшагося овладѣть Ассиріею, немедленно направилъ свои силы и противъ его данника — царя Іудейскаго. Іерусалимъ послѣ непродолжительной осады былъ взятъ Навуходоносоромъ; царь Іудейскій Іоакимъ, на третьемъ году своего царствованія, былъ захваченъ въ плѣнъ и, вмѣстѣ съ избранными отроками изъ царскаго и княжескихъ знатныхъ родовъ — въ томъ числѣ Пророка Даніила, еще юноши, и съ нимъ трехъ отроковъ: Ананія, Мисаила и Азарія,[2]) — отведенъ былъ въ Вавилонъ. Туда отведена была и значительная часть іерусалимскихъ гражданъ и взята часть изъ сосудовъ дома Божія.

Спустя немного времени Навуходоносоръ, воцарившійся въ Вавилонѣ послѣ смерти своего отца, возвратилъ плѣненнаго Іоакима въ Іерусалимъ, возстановивъ его въ достоинствѣ царя Іудейскаго, и только сдѣлалъ его своимъ данникомъ. Такъ прошло три года: Іоакимъ платилъ дань царю Вавилонскому, какъ прежде до сего времени платилъ онъ дань фараону Египетскому. Освободившись такимъ образомъ отъ тяготѣвшей надъ Іудеей зависимости отъ Египта и не прозрѣвая будущей грозной опасности отъ Вавилона, монархіи еще молодой, занятой тогда устройствомъ своихъ внутреннихъ дѣлъ, Іоакимъ и его вельможи, задумавъ самонадѣянно свергнуть съ себя иго Халдейское, предались распутству и разнымъ безумствамъ.

Но прежде чѣмъ Іоакимъ, царь Іудейскій, открыто отрекся отъ покорности Навуходоносору и явно провозгласилъ независимость своего царства отъ Вавилона, было слово Господне къ Іереміи Пророку, содержащемуся тогда въ темницѣ,—слово такое:

«Возьми себѣ книжный свитокъ и напиши въ немъ всѣ слова, которыя Я говорилъ тебѣ объ Израилѣ и объ Іудѣ и о всѣхъ народахъ съ того дня, какъ Я началъ говорить тебѣ,—отъ дней Іосіи до сего дня; можетъ быть, домъ Іудинъ, народъ Іудейскій услышитъ о всѣхъ бѣдствіяхъ, какія помышляю Я сдѣлать

[1]) *Городъ Кархемышъ* стоялъ при впаденіи Ховара въ Евфратъ.

[2]) Кн. Прор. Даніила, гл. 1, ст. 1—6.

имъ, чтобы они обратились каждый отъ злаго пути своего, чтобы Я простилъ неправды ихъ и грѣхи ихъ».

Это повелѣніе Божіе Іеремія исполнилъ чрезъ своего ученика—писца Варуха, сына Ниріи, который записалъ въ книжный свитокъ всѣ слова отъ устъ Пророка. Послѣ того Іеремія сказалъ Варуху:

— Я заключенъ, и меня стерегутъ, я не могу выйти отсюда и идти въ домъ Господень. Итакъ, иди ты и прочитай написанныя тобою съ устъ моихъ слова Господни въ слухъ народа въ домѣ Господнемъ, въ день поста, такъ же и въ слухъ всѣхъ Іудеевъ, пришедшихъ изъ городовъ своихъ; прочитай имъ, и, быть можетъ, они вознесутъ моленіе предъ Лицемъ Господнимъ и обратятся каждый отъ злого пути своего, ибо велико негодованіе и гнѣвъ, которыя объявилъ Господъ на народъ сей.

Варухъ прочиталъ предъ народнымъ собраніемъ слова Господни, написанныя въ свиткѣ. Это было въ пятомъ году царствованія Іоакима[1]).

Чтеніе свитка произвело потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ; народное собраніе было взволновано. О происшедшемъ сообщено было въ царскій дворецъ, гдѣ находились тогда всѣ вельможные совѣтники; послѣдніе потребовали Варуха къ себѣ. Пророчество Іереміи, прочитанное Варухомъ, поразило и безпечно-распутныхъ, растлѣнныхъ въ совѣсти вельможъ. Съ ужасомъ посмотрѣли они другъ на друга и спросили у Варуха, какъ онъ написалъ это пророчество? Варухъ отвѣтилъ:

— Іеремія произносилъ мнѣ устами слова сіи, а я вписалъ ихъ въ этотъ свитокъ.

Сановники сказали:

— Пророчества эти такъ важны, что содержаніе ихъ непремѣнно нужно пересказать царю[2]).

Благорасположенные же изъ нихъ къ Варуху посовѣтовали ему скрыться на время, а также и Іеремію Пророка они распорядились перевести въ другое мѣсто заключенія, чтобы никто не зналъ, гдѣ находятся провозвѣстники опредѣленій Божіихъ.

Когда довели до свѣдѣнія царя о пророческомъ свиткѣ, Іоакимъ приказалъ представить этотъ свитокъ къ себѣ и прочитать въ его присутствіи въ слухъ всѣхъ князей. Время тогда было холодное—былъ ноябрь мѣсяцъ; царь сидѣлъ въ своемъ домѣ предъ жаровнею,

---

[1]) Кн. Прор. Іерем., гл. 36. ст. 9.

[2]) Кн. Прор. Іерем., гл. 36, ст. 10—19.

наполненною горящими углями, а вельможи стояли вокругъ него. Съ напряженнымъ вниманіемъ слушали слова Іереміи нѣкоторые изъ вельможъ[1]), но на очерствѣлое сердце царя и раболѣпныхъ его сановниковъ чтеніе пророчества не производило должнаго впечатлѣнія. Мало того, по мѣрѣ того, какъ чтецъ развертывалъ свитокъ и прочитывалъ три или четыре столбца, царь отрѣзывалъ ихъ писцовымъ ножичкомъ и бросалъ на огонь въ жаровню; свитокъ сполна былъ прочитанъ и весь сожженъ[2]). Іоакимъ послѣ того далъ повелѣніе своимъ приспѣшникамъ взять Іеремію и Варуха и предать обоихъ смерти. Но, промышленіемъ Божіимъ, они были скрыты въ то время и избѣжали смерти; а вскорѣ настала такая пора для Іудейскаго царства, что врагамъ и ненавистникамъ пророковъ уже некогда было думать и приводить въ исполненіе свою месть.

Между тѣмъ по повелѣнію Божію Пророкъ Іеремія произнесъ новое слово въ обличеніе нечестиваго царя.

— Возьми себѣ другой свитокъ,—сказалъ ему Господь,—и напиши въ немъ всѣ прежнія слова, какія были въ первомъ свиткѣ, который сожегъ Іоакимъ, царь Іудейскій. Іоакиму же скажи: «Такъ говоритъ Господь—ты сожегъ свитокъ, такъ какъ въ немъ было написано, что непремѣнно придетъ царь Вавилонскій и опустошитъ эту землю, истребитъ на ней людей и скотъ. За это вотъ что говоритъ Господь объ Іоакимѣ: потомство его не будетъ сидѣть на престолѣ Давидовомъ, и тѣло его по смерти будетъ брошено на зной дневной и на холодъ ночной»[3]).

Это повелѣніе Господне исполнено было святымъ Пророкомъ: съ устъ Іереміиныхъ былъ написанъ рукою Варуха другой свитокъ, въ которомъ многое было прибавлено къ прежнимъ пророческимъ рѣчамъ.

Въ это время неожиданно для Іудеевъ Іерусалимъ окруженъ былъ войскомъ Навуходоносора, составленнымъ изъ легкихъ отрядовъ халдейскихъ, сирійскихъ, моавитскихъ и аммонитскихъ. Священный городъ, не приготовленный къ оборонѣ, безъ труда взятъ былъ нападавшими; царь Іоакимъ былъ схваченъ и погибъ безславною смертію: трупъ его былъ выброшенъ за городскія

---

[1]) *Елнаванъ, Делаія и Гемарія;* царскіе слуги надѣялись, по-видимому, что это чтеніе воздѣйствуетъ на царя и склонитъ его, подобно отцу его—Іосіи, къ нравственному улучшенію. (4 Кн. Цар., гл. **22**, ст. 10—13.)

[2]) Кн. Прор. Іерем., гл. **36**, ст. 1—26.

[3]) Кн. Прор. Іерем., гл. **36**. ст. 27—30.

стѣны на съѣденіе дикимъ звѣрямъ и птицамъ. Сбылось, такимъ образомъ, пророческое слово святаго Іереміи, что царь Іудинъ будетъ погребенъ ослинымъ погребеніемъ,—вытащатъ его и бросятъ далеко за ворота Іерусалима[1]), что мертвое тѣло его будетъ брошено на зной дневной и на холодъ ночной. Впрочемъ, оставшіяся кости его, объѣденныя звѣрями, были погребены Іудеями въ родовой царской усыпальницѣ.[2])

Послѣ смерти Іоакима на престолъ Іерусалимскій вступилъ сынъ его Іехонія и былъ не благочестивѣе своего отца. О немъ святый Іеремія пророчествовалъ, что со всѣмъ домомъ своимъ онъ преданъ будетъ отъ Господа въ руки царя Вавилонскаго и уже не увидитъ своей земли!—что и сбылось вскорѣ. Іехонія занималъ престолъ Давида только сто дней. Воцарившись вмѣсто отца, онъ въ неразумномъ ослѣпленіи предавался несбыточной мечтѣ о возможности противостоять Навуходоносору и не хотѣлъ добровольно покориться ему, признать надъ собою его власть. Предаваясь безнравственнымъ, идолопоклонническимъ мерзостямъ подобно своему отцу, Іехонія думалъ найти безопасность за крѣпкими стѣнами Іерусалима, а въ случаѣ осады своей столицы разсчитывалъ на помощь со стороны Египта. Но захваченный врасплохъ быстрымъ нападеніемъ Навуходоносора, появившагося лично среди своихъ войскъ, окружившихъ Іерусалимъ, онъ долженъ былъ отдаться на волю побѣдителя со всѣмъ семействомъ своимъ, со всѣмъ дворомъ и евнухами. Весь царскій домъ, знатные вельможи, всѣ лучшіе люди Іудейской земли, цвѣтъ воиновъ и ремесленниковъ,—всего до десяти тысячъ отборнаго населенія отведены были въ Вавилонъ; туда же вмѣстѣ съ плѣнниками вывезены были золотые сосуды изъ храма Господняго и царскія сокровища[3]).

Такъ исполнилось пророческое Іереміино слово: Іехонія, царь Іудейскій,—этотъ перстень на правой рукѣ Господа Бога, изведшаго нѣкогда Евреевъ изъ Египта, сорванъ былъ со своего мѣста и какъ презрѣнное и отверженное созданіе, какъ сосудъ непотребный брошенъ былъ съ матерью своею и племенемъ своимъ въ страну чужую, которой они не знали, гдѣ они не родились, и тамъ умерли, не возвратившись въ землю родную, которой желала душа ихъ[4]).

1) Кн. Прор. Іерем., гл. 22, ст. 19.
2) 2 Паралип., гл. 36, ст. 8.
3) 4 Кн. Цар., гл., 24, ст. 8—16.
4) Кн. Прор. Іерем., гл. 24, ст. 24—29.

Послѣ захвата Іерусалима Навуходоносоромъ и выселенія въ Вавилонъ наиболѣе уважаемыхъ, лучшихъ людей Іудейскаго царства въ Іудеѣ осталось почти только бѣдное, низшее населеніе. Для управленія этимъ останкомъ Іуды на мѣсто Іехоніи халдейскимъ побѣдителемъ поставленъ былъ третій сынъ царя (благочестиваго) Іосіи Матѳаній —дядя Іехоніи, братъ Іоахаза и Іоакима,—переименованный въ Седекію.

Седекія, ставленникъ Навуходоносора, царствовалъ одиннадцать лѣтъ и во все свое царствованіе дѣлалъ почти только то, что должно было переполнить мѣру долготерпѣнія Божія: нравственная испорченность была настолько сильна въ немъ, что, невзирая на самыя тяжкія испытанія, постигавшія его, онъ не могъ побороть своихъ нечестивыхъ склонностей — не могъ съ сердечною искренностію обратиться къ Господу Богу Израилеву. Таковы же были и окружавшіе его близкіе ему люди и священники. Въ Іудеѣ все болѣе и болѣе умножались языческія мерзости; самый домъ Божій—храмъ въ Іерусалимѣ—осквернялся гнусностями идольскаго служенія [1]); рѣчей Господнихъ, вѣщаемыхъ пророческими устами, не слушали, внимая болѣе льстивымъ словамъ пророковъ ложныхъ, поблажавшихъ страстнымъ вожделѣніямъ развращенныхъ людей. Все это собирало гнѣвъ Господень, какъ грозную тучу, надъ Іерусалимомъ и надъ всею землею Іудейскою, пока не отвратилъ наконецъ Господь лица Своего отъ народа Своего и не предалъ на окончательное разореніе и запустѣніе Святый Градъ Іерусалимъ [2]).

Эта послѣдняя напасть, разразившаяся надъ Іерусалимомъ, ужаснѣйшая всѣхъ предшествующихъ, совершилась такъ. Навуходоносоръ, выселившій въ Вавилонъ сильныхъ и воинственно противъ него настроенныхъ Іудеевъ и поставившій Седекію царемъ въ Іерусалимѣ надъ слабымъ останкомъ народа Божія, надѣялся имѣть въ ослабленной Іудеѣ опорный пунктъ противъ Египта, борьба съ которымъ продолжала занимать его. Халдейскій властелинъ разсчитывалъ, что ставленникъ его невоинственный Седекія, оставаясь его данникомъ, будетъ искать для себя опоры въ его могущественной силѣ и сохранитъ покорность ему. Такъ это и было: около трехъ—четырехъ годовъ. Но потомъ, укрѣпившись, а лучше, точнѣе сказать — только обсидѣвшись на царскомъ пре-

[1]) Кн. Прор. Іезек., гл. **8**, ср. Іерем., гл. **23**.

[2]) Кн. Прор. Іерем., гл. **52**, ст. 1—3.

столѣ, Седекія пересталъ довольствоваться своимъ скромнымъ положеніемъ и захотѣлъ освободиться отъ ига царя Вавилонскаго. Къ тому располагали его и окружавшіе его царедворцы, охваченные безумнымъ ослѣпленіемъ; особенно же соблазнительны были для него совѣты окрестныхъ царьковъ—Идумейскаго, Моавитскаго, Аммонитскаго, Тирскаго и Сидонскаго,—которые также съ ненавистью несли зависимость отъ Халдеи. Послѣдніе составили союзъ противъ Навуходоносора и отправили посольство въ Іерусалимъ съ предложеніемъ Седекіи присоединиться къ ихъ союзу, чтобы вмѣстѣ встать противъ владычества царя Вавилонскаго, свергнуть его ненавистное иго и не платить ему дани.

Въ это время было повелѣніе отъ Господа Пророку Іереміи:

«Сдѣлай себѣ узы и ярмо и возложи ихъ себѣ на шею, пошли такія же и царямъ Идумейскому, Моавитскому, Аммонитскому, Тирскому и Сидонскому чрезъ пословъ ихъ и накажи имъ сказать государямъ своимъ слово Господне»[1]).

Святый Пророкъ такъ и сдѣлалъ: возложивъ себѣ на шею узы и деревянное ярмо, онъ явился во дворецъ Седекіи, когда тамъ находились послы названныхъ царей, и сказалъ:

— Такъ говоритъ Господь воинствъ, Богъ Израилевъ,—такъ передайте и вы государямъ вашимъ: «Я сотворилъ землю, человѣка и животныхъ, которыя на лицѣ земли, великимъ могуществомъ Моимъ и отдалъ ее, кому Мнѣ угодно было. И нынѣ Я отдаю всѣ земли сіи въ руки Навуходоносора, царя Вавилонскаго. И всѣ народы будутъ служить ему и сыну его, и сыну сына его, доколѣ не придетъ время и его землѣ, и ему самому. И если какой народъ и царство не захочетъ служить ему, царю Вавилонскому, и не подклонитъ шеи своей подъ ярмо Навуходоносора, тотъ народъ Я накажу мечомъ, голодомъ и моровою язвою, доколѣ не истреблю его рукою царя Вавилонскаго. И не слушайте вы своихъ прорицателей и гадателей, своихъ сновидцевъ и волшебниковъ, и звѣздочетовъ, которые увѣряютъ васъ, что «не будете служить царю Вавилонскому»; ибо они предрекаютъ вамъ ложь, чтобы удалить васъ изъ земли вашей, чтобы Я изгналъ васъ и погубилъ.—Не слушайте ихъ, но служите царю Вавилонскому и живите. Зачѣмъ доводить городъ сей и земли ваши до опустошенія?»[2]).

---

[1]) Кн. Прор. Іерем., гл. 27, ст. 2—4.

[2]) Кн. Прор. Іерем., гл. 27, ст. 5—17.

Это было въ четвертомъ году царствованія Седекіи, царя Іудейскаго[1]).

Съ ярмомъ на шеѣ зашелъ однажды Пророкъ Божій въ храмъ Господень, и здѣсь встрѣтился ему одинъ изъ ложныхъ пророковъ именемъ Ананія, который предъ глазами священниковъ и всего народа сказалъ:

— Такъ говоритъ Господь Богъ Израилевъ: «Сокрушу ярмо царя Вавилонскаго; чрезъ два года возвращу на мѣсто сіе всѣ сосуды дома Господня, взятые въ Вавилонъ, и Іехонію царя, и всѣхъ Іудеевъ возвращу сюда».

И взялъ Ананія ярмо, лежавшее на шеѣ Іереміи Пророка, и сокрушилъ. Іеремія вышелъ изъ храма, но вскорѣ, получивъ откровеніе отъ Бога, возвратился въ храмъ и сказалъ Ананіи:

— Послушай, Ананія! Господь тебя не посылалъ, и ты обнадеживаешь народъ сей ложно. Ты сокрушилъ ярмо деревянное; сдѣлай же вмѣсто него ярмо желѣзное. Ибо желѣзное ярмо наложитъ Богъ на шею всѣхъ этихъ народовъ, чтобы они работали Навуходоносору, царю Вавилонскому. А ты, за то, что ложь говорилъ отъ Имени Божія, въ этомъ же году умрешь, сброшенъ будешь съ лица земли, потому что говорилъ наперекоръ Господу.

И дѣйствительно, черезъ мѣсяцъ времени смерть постигла лжепророка.

Извѣщенный о томъ, Седекія пришелъ въ смущеніе и не посмѣлъ въ то время открыто отложиться отъ царя Вавилонскаго. Впослѣдствіи же, когда во главѣ союзныхъ хананейскихъ царьковъ сталъ фараонъ Египетскій, Псамметихъ II, сынъ Нехао, увлекшійся, послѣ побѣды надъ еѳіопами, смѣлымъ планомъ расширить свое владычество и на области Евфрата, Седекія примкнулъ къ союзникамъ явно,—отложился отъ Навуходоносора, объявилъ себя его противникомъ, не слушая увѣщаній святаго Іереміи, который всегда давалъ ему и всему народу полезные по времени совѣты.

Между тѣмъ въ это же время Пророкъ Іеремія тайно отправилъ посланіе[2]) въ Вавилонъ къ Іудеямъ, отведеннымъ туда въ плѣнъ. Въ своемъ посланіи онъ сообщалъ соплеменникамъ, что они, по опредѣленію Божію, пробудутъ тамъ семьдесятъ лѣтъ, и именемъ Божіимъ увѣщевалъ ихъ «строить себѣ тамъ домы и разводить

---

[1]) Кн. Прор. Іерем., гл. **28**, ст. 1.

[2]) Письмо Іереміи доставили туда царскіе послы, отправленные Седекіей съ подарками Навуходоносору (Кн. Прор. Іерем., гл. **29**, ст. 3).

виноградники, устроять супружества сыновей и дочерей своихъ, чтобы въ плѣну не умалялся, а размножался народъ избранный, а также — заботиться о благоустройствѣ города, гдѣ они поселены, и молиться за него Богу, ибо при его благосостояніи и имъ будетъ хорошо, будутъ и они жить мирно и спокойно. Кромѣ того, Именемъ же Божіимъ предостерегалъ Пророкъ святый соплеменниковъ отъ ложныхъ пророковъ, мнимыхъ патріотовъ, которые находились среди нихъ и обѣщали имъ скорое освобожденіе изъ плѣна, ибо «такъ говоритъ Господь: когда исполнится вамъ въ Вавилонѣ семьдесятъ лѣтъ, тогда Я посѣщу васъ и исполню доброе слово Мое о васъ, чтобы возвратить васъ въ землю сію....; только Я знаю намѣренія, какія имѣю о васъ, намѣренія во благо, а не на зло, чтобы дать вамъ будущность и надежду» [1]).

Посланіе Іереміино было внимательно прочитано и выслушано іудеями, отведенными въ Вавилонъ; ознакомились съ нимъ и мнимо-истинные любители своего несчастнаго отечества, лживые пророки, но у послѣднихъ оно возбудило гнѣвъ и желаніе отомстить Пророку. Они написали отъ себя въ Іерусалимъ къ тамошнимъ священникамъ, чтобы тѣ запретили Іереміи пророчествовать и писать посланія. Мало того—они требовали, чтобы Іеремія, связанный, подверженъ былъ строгому надзору въ заточеніи, чтобы не смущалъ онъ людей ни словами, ни письмами, устрашая продолжительнымъ плѣномъ. Впрочемъ, пророкъ Божій, невзирая на запрещенія и оковы, кои возложены были на него, не переставалъ возвѣщать слово Господне и говорить, что переселенныхъ въ Вавилонъ Господь посѣтитъ Своею милостію, а остающихся въ Іерусалимѣ, напротивъ, погубитъ Своимъ праведнымъ гнѣвомъ.

«Вотъ, Я,—говоритъ Господь о царѣ, сѣдящемъ на престолѣ Давидовомъ, и о всемъ народѣ, живущемъ въ городѣ семъ,—Я пошлю на нихъ мечъ, голодъ и моровую язву, и сдѣлаю ихъ такими, какъ негодныя смоквы, которыхъ нельзя ѣсть по негодности ихъ; и буду преслѣдовать ихъ и предамъ ихъ на озлобленіе всѣмъ царствамъ земли, на проклятіе и ужасъ, на посмѣяніе и поруганіе между всѣми народами, куда Я изгоню ихъ за то, что они не послушали словъ Моихъ» [2]).

Близъ Іерусалима находилась долина сыновей Енномовыхъ, называвшаяся Тофетъ, на которой устроены были высокіе жерт-

---

1) Кн. Прор. Іерем., гл. 29, ст. 5.

2) Кн. Прор. Іерем., гл. 29.

венники; тамъ нечестивые іудеи приносили жертвы Молоху, закалая и сожигая своихъ сыновей и дочерей; мѣстность эта часто оглашалась неистовыми звуками трубъ и литавровъ, заглушавшими отчаянные вопли и крики закалаемыхъ дѣтей. Для обличенія такого гнуснаго, безчеловѣчнаго беззаконія своихъ современниковъ Пророкъ Іеремія, по повелѣнію Божію, купивъ у горшечника глиняный обожженный кувшинъ, пошелъ въ долину Тофетъ, пригласивъ съ собою старѣйшинъ изъ народа и старѣйшинъ священническихъ. Тамъ онъ громкимъ голосомъ возопилъ:

— Слушайте слово Господне, цари Іудейскіе и жители Іерусалима! Такъ говоритъ Богъ Израилевъ: «Вотъ, Я наведу на мѣсто сіе бѣдствіе, о которомъ кто услышитъ, у того зазвенитъ въ ушахъ,— за то, что люди Мои оставили Меня и чужимъ сдѣлали мѣсто сіе и кадятъ на немъ инымъ богамъ, которыхъ не знали прежде ни отцы ихъ, ни цари ихъ; они наполнили мѣсто сіе кровію невинныхъ — устроили высокіе жертвенники и сожигаютъ сыновей своихъ огнемъ во всесожженіе Ваалу, чего Я не повелѣвалъ имъ и что̀ на мысль не приходило Мнѣ. За то вотъ приближаются дни — говоритъ Господь,— когда мѣсто сіе не будетъ болѣе называться Тофетъ—долиною Еннома, а долиною смерти, закланія, потому что здѣсь будетъ убито множество Іудеевъ мечомъ враговъ ихъ; и отдамъ трупы ихъ въ пищу птицамъ небеснымъ и звѣрямъ земнымъ. Я приведу городъ сей Іерусалимъ въ разореніе и сдѣлаю его предметомъ ужаса и удивленія для всѣхъ; каждый мимоходящій изумится и посвищетъ, смотря на всѣ язвы его. И будутъ они кормиться плотью сыновей своихъ и плотью дочерей своихъ, каждый будетъ ѣсть плоть своего ближняго, находясь въ осадѣ и тѣснотѣ, когда окружатъ, сожмутъ ихъ враги, ищущіе души ихъ»[1]).

Произнеся такія страшныя слова отъ Лица прогнѣваннаго Бога, святый Іеремія бросилъ на землю глиняный кувшинъ, бывшій у него въ рукахъ, разбилъ его предъ глазами всѣхъ и сказалъ:

— Такъ говоритъ Господь Саваоѳъ: «Такъ сокрушу Я народъ сей и городъ сей, какъ вотъ сокрушенъ горшечный сосудъ, который уже не можетъ быть возстановленъ; сдѣлаю Іерусалимъ подобнымъ Тофету,—домы іерусалимлянъ и домы царей Іудейскихъ будутъ—какъ мѣсто Тофетъ—нечистыми»[2]).

---

[1]) Кн. Прор. Іерем., гл. 19, ст. 3—9.

[2]) Кн. Прор. Іерем., гл. 19, ст. 10—13.

Произнеся это грозное пророчество, Іеремія удалился съ Тофета и возвратился въ Іерусалимъ. И здѣсь, ставъ на дворѣ дома Господня, онъ обратился къ народу съ такими словами:

— Такъ говоритъ Господь, Богъ Израилевъ: «Вотъ, Я наведу на городъ сей и на всѣ города его все то бѣдствіе, которое изрекъ на него, потому что—они жестоковыйны и не слушаютъ словъ Моихъ»[1]).

Пророчески произнесенныя слова весьма не понравились Пасхору—священнику, который былъ и надзирателемъ въ домѣ Господнемъ. Онъ ударилъ Іеремію Пророка и посадилъ его въ колоду, которая была у верхнихъ воротъ Веніаминовыхъ при домѣ Господнемъ. Но на другой день Пасхоръ выпустилъ Іеремію, причемъ Іеремія сказалъ ему:

— Не Пасхоръ (миръ тебѣ) приличествуетъ имя тебѣ, а Магоръ Миссавивъ (ужасъ вокругъ); ибо такъ говоритъ Господь: «Вотъ, Я сдѣлаю тебя ужасомъ для тебя самого и для всѣхъ друзей твоихъ; всѣ вы падете отъ меча враговъ своихъ: это увидишь ты своими глазами. И всего Іуду предамъ Я въ руки царя Вавилонскаго, и отведетъ ихъ въ Вавилонъ и поразитъ ихъ мечомъ. И предамъ все богатство этого города, и все стяжаніе его, и всѣ сокровища царей Іудейскихъ отдамъ въ руки враговъ ихъ, и разграбятъ ихъ, и возьмутъ, и отправятъ въ Вавилонъ. И ты, Пасхоръ, и всѣ живущіе въ домѣ твоемъ пойдете въ плѣнъ; и придешь ты въ Вавилонъ и тамъ умрешь, тамъ же и похороненъ будешь ты и всѣ друзья твои, которымъ пророчествовалъ ты ложно»[2]).

Вскорѣ и сбылось это пророчество святаго Іереміи.

Въ девятомъ году своего царствованія Седекія, царь Іудейскій, открыто отложился отъ царя Вавилонскаго, прервалъ свою зависимость отъ него; а въ десятый день десятаго мѣсяца Навуходоносоръ подступилъ[3]) къ Іерусалиму съ многочисленнымъ своимъ войскомъ и обложилъ его со всѣхъ сторонъ: возвелъ вокругъ стѣнъ его высокія насыпи, на которыхъ поставилъ осадныя башни. Для Іерусалима насталъ грозный часъ!—Въ столицѣ царства Іудейскаго, защищаемой крѣпкими стѣнами и въ довольной мѣрѣ снабженной водой и всякими запасами, вслѣдствіе чрезвычайнаго ско-

---

1) Кн. Прор. Іерем., гл. 19, ст. 14—15.
2) Кн. Прор. Іерем., гл. 20, ст. 1—6.
3) Кн. Прор. Іерем., гл. 52, ст. 4.

пленія народа, укрывавшагося отъ халдейскаго нашествія[1]), вскорѣ обнаружилась большая нужда въ самомъ необходимомъ,—въ городѣ недоставало хлѣба[2]). Пророкъ Божій въ это тяжелое время, по повелѣнію Божію, являлся къ царю Седекіи и говорилъ ему и всѣмъ людямъ:

— Такъ говоритъ Господь: «Вотъ, Я отдаю городъ сей въ руки царя Вавилонскаго,—и онъ возьметъ его и сожжетъ; и ты, царь, не избѣжишь отъ руки его, но непремѣнно будешь взятъ и преданъ въ руки его, и будешь отведенъ въ Вавилонъ»[3]).

Впрочемъ, по желанію сохранить Іерусалимъ отъ окончательнаго разоренія и царство Іудейское отъ гибели, Іеремія совѣтовалъ Седекіи добровольно сдаться Навуходоносору, полагаясь на его великодушіе. Но ложные пророки и старѣйшіе изъ священниковъ всячески противодѣйствовали совѣтамъ Пророка Божія и, поощряемые нелѣпыми мечтаніями своекорыстныхъ и честолюбивыхъ вельможъ, убѣждали царя не слушаться «обезумѣвшаго, какъ говорили они, Іереміи»[4]).

Между тѣмъ неразумное увлеченіе Седекіи и его совѣтниковъ, не допускавшихъ добровольной покорности царю Вавилонскому, получило, по-видимому, для себя оправданія, хотя то продолжалось и немного времени. Фараонъ Египетскій, на котораго царь Іудейскій, вмѣстѣ съ другими, прежде упомянутыми, союзными царьками, возлагалъ свое упованіе, собравши свое войско, выступилъ на помощь Седекіи, осажденному Халдеями. Узнавъ о томъ, Навуходоносоръ быстро прекратилъ осаду Іерусалима и устремился со своими всѣми силами противъ главнаго своего соперника[5]). Въ Іерусалимѣ началось тогда необычайное ликованіе. Когда ворота, почти цѣлый годъ остававшіяся запертыми, были открыты, іерусалимляне бросились за городъ, чтобы насладиться чувствомъ свободы и посмотрѣть, какъ обстояло въ окрестныхъ селеніяхъ и городахъ, что сталось съ полями и виноградниками. Іудеи думали, что Навуходоносоръ поспѣшно снялъ осаду съ ихъ города и удалился по сознанію слабости своихъ силъ и невозможности одолѣть крѣпость ихъ столицы. «Вотъ,—похвалялись самообольщенные ревнители

---

[1]) Кн. Пр. Іерем., гл. 35, ст. 11.
[2]) Кн. Пр. Іерем., гл. 52, ст. 6.
[3]) Кн. Пр. Іерем., гл. 34, ст. 2—3.
[4]) Кн. Пр. Іерем., гл. 28.
[5]) Кн. Пр. Іерем., гл. 37, ст. 5.

своихъ мечтаній о могуществѣ своего отечества,—царь Вавилонскій не осилилъ насъ и позорно бѣжалъ». И ругались они, хульно понося пророчество Іеремiино какъ несбывшееся. Однако святый Іеремія и въ это время, не стѣсняясь, возвѣщалъ, что Іерусалимъ будетъ взятъ Халдеями.

— Халдеи,—говорилъ онъ,—снова придутъ и будутъ воевать противъ города сего, и возьмутъ его, и сожгутъ его огнемъ. Не обманывайтесь! Если бы вы даже разбили все войско Халдеевъ, воюющихъ противъ васъ, и остались бы у нихъ только раненые, то и тѣ встали бы каждый изъ палатки своей и сожгли бы городъ сей огнемъ[1]).

Послѣ отступленія Халдеевъ отъ Іерусалима наряду съ другими Іудеями, двинувшимися изъ осаднаго города, и Іеремія Пророкъ Божій, осѣдлавъ осла, отправился въ свой отечественный городъ Анаѳоѳъ, въ колѣнѣ Веніаминовомъ, гдѣ имѣлъ свою собственность. Но едва онъ доѣхалъ до Веніаминовыхъ городскихъ воротъ, его остановилъ начальникъ стражи при тѣхъ воротахъ, по имени Ирсія, внукъ лжепророка Ананіи (о коемъ упоминалось прежде), которому Іеремія предсказалъ скорую смерть. Этотъ Ирсія, по ненависти къ Пророку за своего дѣда, задержалъ его, заподозривъ въ измѣнѣ.

— Ты хочешь перебѣжать къ Халдеямъ,—сказалъ Ирсія.

На что Іеремія отвѣтилъ:

— Лжешь ты,—я иду не къ Халдеямъ, а въ свой городъ, въ которомъ есть моя собственность.

Но, несмотря на увѣренія, стражникъ схватилъ раба Божія и съ грубымъ насиліемъ отвелъ его къ князьямъ, а эти, обрадовавшись случаю осуществить свой давній злой замыселъ противъ досаждавшаго имъ невиннаго человѣка, взглянули на него какъ на подлиннаго шпіона, подвергли его побоямъ и заключили въ подземную темницу въ домѣ Іонаѳана—писца, человѣка[2]) жестокаго и безсердечнаго, которому поручили и надзоръ за заключеннымъ. Возложить же руки на Пророка—умертвить его они не осмѣлились, опасаясь тѣмъ заслужить немилость своего царя Седекіи, оказывавшаго по временамъ, хотя и боязливо[3]), вниманіе святому Іереміи. По распоряженію Седекіи Пророкъ Божій вскорѣ былъ

---

1) Кн. Прор. Іерем., гл. 37, ст. 7—10.
2) Кн. Прор. Іерем., гл. 37, ст. 12—16.
3) Кн. Прор. Іерем., гл. 37, ст. 19.

переведенъ изъ подвальной темницы въ дворцовую тюрьму, гдѣ давался ему хлѣбъ[1]) и откуда онъ могъ передавать свои наставленія народу.

Непродолжительно, однако, было радостное ликованіе въ Іерусалимѣ. Навуходоносоръ, продержавшій въ осадѣ іудейскую столицу 390 дней и снявшій эту осаду, чтобы только отразить фараона Египетскаго, шедшаго на помощь Седекіи, скоро обратилъ своего противника въ бѣгство и возвратился опять къ Іерусалиму и еще тѣснѣе прежняго обложилъ его. Походъ Халдеевъ противъ Египтянъ продолжался намного болѣе 100 дней; послѣдняя же осада Іерусалима—только 40 дней[2]).

Святый Пророкъ Іеремія во все это время не переставалъ увѣщевать Іудеевъ, чтобы они обратились съ раскаяніемъ къ Богу, указывая имъ на свои, теперь явно исполняющіяся предсказанія,—на то, что уже настало время казни, опредѣленной Богомъ за беззаконія грѣшниковъ, и давалъ полезный совѣтъ не противиться волѣ Божіей и покориться Халдеямъ.

— Такъ говоритъ Господь,—говорилъ Іеремія:—«Кто останется въ этомъ городѣ, тотъ умретъ отъ меча, голода и моровой язвы, а кто выйдетъ къ Халдеямъ, тотъ будетъ живъ,—тотъ сохранитъ, по крайней мѣрѣ своей, главное сокровище — свою душу и останется живъ. Городъ же сей непремѣнно будетъ взятъ войскомъ царя Вавилонскаго»[3]).

Слыша о такихъ внушеніяхъ Пророка, князья іудейскіе и фанатики-патріоты, не имѣвшіе понятія объ истинной любви къ отечеству, обратились къ царю съ требованіемъ:

— Да будетъ этотъ человѣкъ преданъ смерти, потому что онъ ослабляетъ руки воиновъ и руки всего народа, говоря къ нимъ такія слова; ибо этотъ человѣкъ не благоденствія желаетъ народу своему, а разоренія и позора.

Царь Седекія на это отвѣчалъ имъ въ отчаяніи:

— Онъ — въ вашихъ рукахъ, дѣлайте съ нимъ — что хотите; царь ничего не можетъ дѣлать вопреки вамъ[4]).

Святый Іеремія послѣ того спущенъ былъ на веревкахъ въ глубокую яму на дворѣ придворной тюрьмы, въ которой было

---

[1]) Кн. Прор. Іерем., гл. **37**, ст. 21.
[2]) Кн. Прор. Іезек., гл. **4**, ст. 5—6.
[3]) Кн. Прор. Іерем., гл. **38**, ст. 2—3.
[4]) Кн. Прор. Іерем., гл. **38**. ст. 4—5.

много нечистой грязи. Въ этой ямѣ и страдалъ невинно человѣкъ Божій, погруженный до шеи въ тину; и умеръ бы онъ тамъ отъ сырости и голода, если бы не спасъ его одинъ богобоязненный иностранецъ. При царскомъ дворѣ былъ евнухъ, по имени Авдемелехъ—еѳіоплянинъ; онъ, слыша, что Іеремію посадили въ яму, возмущенъ былъ такимъ недостойнымъ обращеніемъ съ уважаемымъ Пророкомъ, обратился къ царю и сказалъ:

— Государь мой, царь! Худо ты сдѣлалъ, что такъ поступилъ съ Іереміею Пророкомъ, подвергая его смертной опасности.

Царь далъ приказаніе Авдемелеху, чтобы тотъ вытащилъ его изъ ямы. А потомъ Седекія призвалъ Іеремію къ себѣ и наединѣ спрашивалъ у него:

— Вѣрно ли все то, о чемъ ты пророчествуешь?

Пророкъ отвѣтилъ ему:

— Если я скажу тебѣ истину, не предашь ли ты меня смерти? И если дамъ совѣтъ, ты не послушаешь меня?

Царь клятвенно обѣщалъ Іереміи, что не предастъ его смерти и не выдастъ его въ руки тѣхъ людей, которые ищутъ убить его. Тогда Іеремія сказалъ Седекіи:

— Такъ говоритъ Господь Саваоѳъ, Богъ Израилевъ: «Если ты (добровольно покоришься и) выйдешь къ князьямъ царя Вавилонскаго, то жива будетъ душа твоя и этотъ городъ не будетъ сожженъ огнемъ, и ты будешь живъ и домъ твой; а если не выйдешь къ воеводамъ царя Вавилонскаго, то этотъ городъ будетъ преданъ въ руки Халдеевъ, и сожгутъ его огнемъ, и ты не избѣжишь отъ рукъ ихъ».

Царь, обольщенный мнимыми друзьями своими, не послушалъ Пророка, не послѣдовалъ его благому совѣту. Но, опасаясь вѣроломства со стороны этихъ же друзей своихъ не столько за Іеремію, сколько за себя, онъ сказалъ человѣку Божію, что никто не долженъ знать ихъ тайнаго разговора и что, въ случаѣ опроса о томъ князей, онъ долженъ отвѣчать:

— Я повергнулъ предъ лице царя прошеніе мое, чтобы не возвращать меня въ домъ Іонаѳана, чтобы не умереть мнѣ тамъ.

И оставался Пророкъ подъ надзоромъ во дворѣ царской стражи во все время осады Іерусалима, до того самаго дня, когда онъ взятъ былъ Халдеями. Это совершилось въ одиннадцатый годъ царствованія Седекіи[1]).

[1]) Кн. Прор. Іерем., гл. 38.

Пробилъ, наконецъ, послѣдній часъ для города, славнаго оплота Израиля—Іерусалима: число защитниковъ его сократилось настолько, что они уже не могли оборонять городскія стѣны. Въ городѣ не оказывалось хлѣба,—ужасъ голодной смерти нависъ надъ іудейской столицей; объятые страхомъ іерусалимляне утрачивали послѣдніе остатки человѣческаго чувства: уже не въ переносномъ смыслѣ они «поѣдали другъ друга»,—а буквально «кормились плотью сыновей своихъ и дочерей и ближнихъ своихъ». Сбылось, такимъ образомъ, пророчество Іереміи![1])

Въ девятый день мѣсяца Таммуза, въ четвертый мѣсяцъ въ девятый день одиннадцатаго года царствованія Седекіи[2]) (въ іюнѣ мѣсяцѣ 589 г. до Р. Хр.), Халдеи сдѣлали широкій проломъ въ городской стѣнѣ и вторглись въ Іерусалимъ. Самаго Навуходоносора при этомъ не было. Онъ въ то время находился въ Ривлѣ, въ Сиріи. Его полководцы, ворвавшись въ городъ, расположили свои палатки въ среднихъ воротахъ, которыя находились между Сіономъ и нижнимъ городомъ[3]). Суровые воины, ожесточенные продолжительностью осады, разсѣявшись по городу, не давали пощады никому. Іудеи, истомленные голодомъ и ужасомъ,—всѣ, кто могъ, предались бѣгству[4]). Седекіи царю съ окружавшими его тѣлохранителями удалось ночью пробраться чрезъ тайный проходъ, находившійся подлѣ царскаго сада, въ сѣверо-восточной части города, и бѣжать изъ столицы. Онъ хотѣлъ скрыться въ пустынѣ Галаадской. Но бѣгство его скоро было замѣчено Халдеями, и за нимъ и его спутниками была послана погоня. Бѣглецы легко были настигнуты на Іерихонской равнинѣ. Воины, бывшіе съ царемъ, или разбѣжались, или были перебиты. Седекія былъ взятъ въ плѣнъ и отведенъ къ Навуходоносору въ Ривлу, городъ Сирійскій. Туда же отведены были и схваченные въ городѣ первосвященникъ Сераія и храмовой начальникъ Цефанія, а такъ же евнухъ, главный начальникъ войскъ и семь вельможъ, предстоявшихъ лицу царя, и шестьдесятъ знатныхъ представителей изъ народа. Побѣдитель произнесъ свой судъ надъ побѣжденными: сыновья Седекіи и всѣ іерусалимляне, приведенные предъ грозныя очи восточнаго повелителя, были заколоты на глазахъ у несчастнаго Іудейскаго

---

[1]) Кн. Прор. Іерем., гл. 19, ст. 9 и др.
[2]) Кн. Прор. Іерем., гл. 39, ст. 2.
[3]) Кн. Прор. Іерем., гл. 39, ст. 1—3.
[4]) 4 Кн. Царствъ, гл. 25, ст. 2.

царя, самому ему потомъ выкололи глаза, а послѣ того его въ мѣдныхъ оковахъ отправили въ Вавилонъ и тамъ посадили въ темничное заключеніе, гдѣ онъ и умеръ[1]).

Спустя мѣсяцъ послѣ захвата Халдеями Іерусалима[2]) туда прибылъ начальникъ тѣлохранителей Навуходоносора Навузарданъ. Столица царства Іудейскаго представляла тогда жилище мертвецовъ: всѣ ворота ея опустѣли, пути къ Сіону обезлюдѣли, священники изнывали,—какъ въ точилѣ истоптаны были юноши и дѣвы Іуды[3]). Но городъ, стольный городъ потомковъ Давида, до того времени чудный и преславный, еще оставался, сохранялъ свое величіе и красоту. Военачальники, покорившіе его, не имѣли полномочій распорядиться его судьбой. Самъ владыка Халдеевъ колебался: съ одной стороны, онъ желалъ имѣть въ Іудейской землѣ опорный пунктъ для себя противъ враждебныхъ поползновеній Египетскаго царя, и Іерусалимъ съ его крѣпостною стѣной могъ быть полезенъ; а съ другой стороны,—не могъ онъ не подозрѣвать и опасности для себя, что всегда коварные и мятежные Іудеи воспользуются этимъ крѣпкимъ оплотомъ въ своихъ измѣнническихъ видахъ. Послѣднее соображеніе пересилило,—Навуходоносоръ послалъ Навузардана съ порученіемъ разрушить Іерусалимъ до основанія его. Это окончательное, полное разрушеніе Іерусалима трогательно изобразилъ святый Іеремія, изливъ свою великую скорбь въ стихахъ своего «Плача». Гибель Святаго Града глубоко потрясла сердца и Израиля,—начавши свой искренній плачъ «на рѣкахъ Вавилонскихъ»[4]), они продолжаютъ его и до нашихъ дней, проводя день, посвящаемый памяти сего событія, въ постѣ и безъ обуви на ногахъ—безъ сапогъ и башмаковъ въ знакъ печали.

Воевода Навузарданъ имѣлъ относительно святаго Пророка Іереміи особое повелѣніе отъ своего властелина Навуходоносора—именно такое: взять его и наблюдать съ нарочитымъ вниманіемъ, чтобы онъ жилъ безъ утѣсненій, не дѣлать ему ничего худого и предоставить ему во всемъ поступать, какъ онъ самъ захочетъ[5]). Навуходоносору извѣстно было объ Іереміи, объ его предсказа-

---

1) Кн. Прор. Іерем., гл. 52; сравн. гл. 39, ст. 4—7.
2) Кн. Прор. Іерем., гл. 52, ст. 12.
3) Плачъ Іерем., гл. 1, ст. 1—15.
4) Псал. 136.
5) Кн. Прор. Іерем., гл. 39, ст. 11—12.

ніяхъ и совѣтахъ, какіе давалъ онъ царю Седекіи; потому онъ и далъ Навузардану такое распоряженіе о судьбѣ Пророка.

Святый Іеремія, во время осады Іерусалима содержавшійся въ оковахъ подъ надзоромъ во дворѣ придворной стражи, захваченъ былъ Халдеями въ плѣнъ вмѣстѣ съ другими Іудеями; по прибытіи же въ Іерусалимъ Навузардана онъ немедленно представленъ былъ къ этому полномочному распорядителю судьбы города и всего Іудейскаго царства и выслушалъ отъ послѣдняго такую благосклонную рѣчь:

— Господь Богъ твой изрекъ это бѣдствіе на мѣсто сіе, и — сдѣлалъ то, что сказалъ... Но вотъ тебя я освобождаю сегодня отъ цѣпей, которыя на рукахъ твоихъ: и если тебѣ угодно идти со мною въ Вавилонъ,—иди; а если не угодно тебѣ идти со мною,— оставайся. Вся земля предъ тобою, куда тебѣ угодно и куда нравится идти, туда и иди [1]).

Іеремія выразилъ желаніе остаться въ родной землѣ.

Получивъ свободу и видя покровительственное благорасположеніе къ себѣ со стороны Навузардана, Іеремія прежде всего позаботился о Святынѣ Божіей, высочайшей красотѣ и славѣ всѣхъ временъ Израиля, то есть о Кивотѣ Завѣта, чтобы онъ не былъ уничтоженъ иноплеменниками, чтобы не была уничижена слава Божія. Пророкъ дерзновенно тогда же испросилъ у побѣдителя позволеніе взять святыню Бога Израилева, прежде чѣмъ подвергнется разграбленію и сожженію храмъ Господень. И воспользовавшись такимъ разрѣшеніемъ, онъ отыскалъ благоговѣйныхъ, оставшихся въ живыхъ священниковъ и левитовъ, взялъ ихъ съ собою и, безбоязненно и безпрепятственно проходя съ ними среди Халдеевъ, вошелъ въ храмъ, построенный Соломономъ. Здѣсь Пророкъ Божій воспламенилъ приготовленный имъ свѣтильникъ отъ огня, чудесно сшедшаго отъ Господа во дни Моисея и Аарона на жертву всесожженія [2]) и съ того времени неугасимо поддерживаемаго на Жертвенникѣ, и скрылъ тотъ свѣтильникъ въ безводномъ колодезѣ, имѣя крѣпкую вѣру и пророчески предвидя, что этотъ огонь тамъ если временно и погаснетъ (измѣнясь чудесно въ иную стихію, густую воду), но въ свое время опять, возвративъ свое прежнее свойство, воспламенится, что̀ и исполнилось по возвращеніи Израильтянъ изъ Вавилонскаго плѣна, при возобновленіи храма во

[1]) Кн. Прор. Іерем., гл. **40**, ст. 1—4.

[2]) Кн. Лев., гл. **9**, ст. 24.

времена Нееміи, много лѣтъ спустя послѣ смерти святаго Пророка Іереміи, который заключилъ сей огонь въ колодезь и самое мѣсто заравнялъ, такъ что оно стало незамѣтно и долгое время оставалось неизвѣстнымъ никому[1]).

Послѣ сокрытія жертвеннаго огня Пророкъ Божій взялъ Кивотъ Завѣта, вынесъ его изъ храма и сохранялъ въ своемъ жилищѣ до той поры, пока не кончилось смятеніе въ городѣ, происшедшее вслѣдствіе даннаго тогда Навузарданомъ приказа касательно разграбленія и сожженія Іерусалима.

Когда святыня Господня вынесена была изъ храма, воины халдейскіе, по распоряженію Навузардана, немедленно собрали всѣ храмовыя драгоцѣнности — золотыя, серебрянныя и мѣдныя — для отправленія ихъ въ Вавилонъ, и самый храмъ подвергли полному разрушенію; тогда же разорены были и сожжены и всѣ царскіе дворцы и лучшіе дома, красовавшіеся на улицахъ Іерусалима; раскопаны были и сравнены съ землей и городскія стѣны. Великое множество Іудеевъ пало тогда отъ меча завоевателей и болѣе всего—въ долинѣ Тафетъ, на которой прежде беззаконники закалали въ жертву Молоху своихъ сыновей и дочерей и на которую теперь сгоняли халдеи ихъ самихъ для убоя. Оставленные же въ живыхъ и еще не утратившіе силъ уведены были потомъ въ плѣнъ. И только слабые и ничего не имѣющіе изъ народа жестоковыйнаго оставлены были въ Іудеѣ, которымъ, по приказанію Навузардана, отданы были для обработки и для пропитанія виноградники и поля[2]).

Покидая разграбленный и разоренный Іерусалимъ, Навузарданъ поставилъ надъ опустошенной Іудеею областнымъ начальникомъ Годолію, сына того Ахикама, который однажды избавилъ Іеремію отъ рукъ убійцъ и который избралъ себѣ мѣстожительство уже не въ Іерусалимѣ, а въ Массифѣ[3]), подлѣ Іерусалима. Тамъ же поселился и Пророкъ Іеремія, чтобы жить, по распоряженію Навузардана, подъ охраной и покровительствомъ областнаго начальника[4]).

Пользуясь свободой и наступившимъ успокоеніемъ своей страны,

---

1) 2 Кн. Маккав., гл. 1, ст. 19—32.

2) Кн. Прор. Іерем., гл. 39, ст. 10; 4 Кн. Царствъ, гл. 25, ст. 12.

3) *Массифа* находилась недалеко отъ Іерусалима и въ древности была мѣстомъ молитвы; Самуилъ тамъ принесъ жертву всесожженія предъ отраженіемъ Евреями напавшихъ Филистимлянъ (1 Кн. Цар., гл. 7).

4) Кн. Прор. Іерем., гл. 40, ст. 5.

святый Іеремія вмѣстѣ съ благоговѣйными священниками и левитами взялъ сохранявшуюся у него святыню дома Божія и отнесъ ее на гору въ землѣ Моавитской, за рѣкой Іорданомъ, близъ Іерихона, съ которой нѣкогда Пророкъ Моисей созерцалъ Обѣтованную Землю, на которой онъ умеръ и погребенъ на мѣстѣ, никому не извѣстномъ[1]). На той горѣ Пророкъ Іеремія нашелъ пещеру, внесъ въ нее Кивотъ Завѣта; входъ въ эту пещеру загородили большимъ камнемъ. И камень этотъ какъ бы запечаталъ Іеремія, начертавъ на немъ своимъ перстомъ Имя Божіе,—причемъ написаніе тò было подобно написанію желѣзнымъ остріемъ, ибо твердый камень подъ пишущимъ пальцемъ Пророка былъ мягокъ, какъ воскъ, а послѣ опять отвердѣлъ по свойству своей природы. И сдѣлалось мѣсто оное крѣпко какъ бы отлитое изъ желѣза. Послѣ того святый Іеремія, обращаясь къ сопровождавшимъ его людямъ, сказалъ:

— Отошелъ Господь отъ Сіона на Небо!—И возвратится Онъ съ силою, а знаменіемъ Его пришествія будетъ: когда всѣ народы земные поклонятся древу (крестному, на которомъ распятъ Спаситель міра Господь Іисусъ Христосъ).

Къ тому Іеремія еще присовокупилъ, что Ковчега того никто не можетъ вынести съ этого мѣста, только Моисей, Пророкъ Боговидецъ, и скрижалей Завѣта, которыя въ Ковчегѣ, никто изъ священниковъ не раскроетъ и не прочитаетъ, только Ааронъ, угодникъ Божій; въ день же всеобщаго воскресенія онъ вынесенъ будетъ изъ-подъ запечатаннаго Именемъ Божіимъ камня и поставленъ на Сіонской горѣ, и всѣ святые соберутся къ нему въ ожиданіи пришествія Господа, Который избавитъ ихъ отъ страшнаго врага—антихриста,—ищущаго ихъ смерти. Когда святый Іеремія говорилъ это священникамъ и левитамъ, внезапно облако покрыло ту запечатлѣнную пещеру, и никто не могъ прочитать Имени Божія, начертаннаго на камнѣ перстомъ Іереміинымъ, даже самое мѣсто оное сдѣлалось неузнаваемо, такъ что никто не могъ указать его. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ тамъ и желали бы примѣтить это мѣсто и путь къ нему, но никакъ не могли того сдѣлать. Пророкъ же въ духовномъ озареніи сказалъ имъ:

— Мѣсто это ни для кого не будетъ вѣдомо, доколѣ Господь не соберетъ соборы людей, а тогда, умилосердившись, Онъ покажетъ

---

[1]) Кн. Второзак., гл. **34**.

это мѣсто,—тогда явно для всѣхъ обнаружится слава Божія на немъ, и облако будетъ осѣнять его, какъ то было при Моисеѣ[1]) и при Соломонѣ[2]).

Такъ и остается въ неизвѣстности пещера та, и невѣдомо будетъ то мѣсто до кончины міра; но слава Божія прикровенно осіяваетъ Кивотъ Завѣта свѣтлымъ пламенѣющимъ облакомъ, какъ покрывала она его въ скиніи Моисеевой и храмѣ Соломоновомъ, ибо озареніе ея не можетъ прекратиться!

По прошествіи семидесяти лѣтъ, по возвращеніи изъ плѣна Вавилонскаго, Іудеи построили въ Іерусалимѣ новый храмъ, но въ немъ уже не было славы древняго храма святыни Господней;—сдѣланъ былъ тогда изъ золота новый Кивотъ, по образцу Моисеева, устроено было, также по прежнему образцу, и все то, что находилось внутри его и что окружало его, но въ немъ уже не было чудодѣйственной силы, не осіявала его слава Божія. Сохранялся въ новомъ храмѣ только небесный огонь изъ прежняго храма, сокрытый, какъ сказано выше, въ колодезѣ Пророкомъ Іереміею и найденный впослѣдствіи священниками.

Послѣ сокрытія Кивота Господня святый Іеремія возвратился въ Массифу, новую столицу Іудейской страны, къ Годоліи, новому правителю опустошеннаго отечества, и сталъ жить среди оставшихся соотечественниковъ, неутѣшнымъ плачемъ оплакивая несчастную родину. Около Годоліи начали собираться Іудеи, разбѣжавшіеся по странамъ окрестнымъ при нашествіи Халдеевъ. Годолія, пользовавшійся расположеніемъ властелина, ободрялъ ихъ, обѣщая имъ свое заступничество предъ Халдеями и мирную жизнь. Самъ Господь, наказавшій нечестивыхъ, въ первый же годъ послѣ нашествія Вавилонянъ утѣшилъ скорбный остатокъ сыновъ Израиля: они въ тотъ годъ много собрали всякихъ плодовъ отъ земли и вина[3]); однако зараза мятежническихъ страстей и необузданнаго произвола, не сдерживаемаго нравственнымъ заковомъ, такъ глубоко проникла въ сердца Іудейскаго народа, что сила и вліяніе ея сказывались и въ тѣ тяжелыя времена. Нѣкто Исмаилъ, сынъ Наѳаніи, родственникъ царя Седекіи, отведеннаго въ Вавилонъ, и Іоананъ и Іонаѳанъ—сыновья Карея и другіе изъ военачальниковъ іудейскихъ, разбѣжавшихся отъ Халдеевъ къ Моави-

---

1) Кн. Левит., гл. 9, ст. 23—24.
2) 3 Кн. Цар., гл. 8, ст. 10—11.
3) Кн. Прор. Іерем., гл. 40, ст. 9—12.

тянамъ, и Аммонитянамъ, и Идумеямъ, возвратились и поселились съ своими дружинниками въ окрестностяхъ разрушеннаго Іерусалима; входили они въ сношенія и съ Годоліею, являясь къ нему въ Массифу какъ бы съ выраженіемъ ему своей покорности. Довѣрчивый Годолія, не подозрѣвая у нихъ злыхъ умысловъ, принималъ ихъ радушно и съ почетомъ, даже устроялъ для нихъ пиры. Іоананъ, сынъ Карея, между прочимъ предупреждалъ Годолію, что Исмаилъ по уговору съ Аммонитянами намѣревается убить его и секретно предлагалъ ему свои гнусныя услуги:

— Позволь мнѣ,—говорилъ онъ,—я пойду и убью Исмаила, сына Наѳаніи, и никто не узнаетъ; зачѣмъ допускать, чтобы онъ убилъ тебя, и чтобы Іудеи, собравшіеся къ тебѣ, разсѣялись, и чтобы погибъ остатокъ Іуды?

— Не дѣлай этаго,—сказалъ ему Годолія, — неправду ты говоришь объ Исмаилѣ.

Между тѣмъ вскорѣ дѣйствительно Исмаилъ, явившись къ Годоліи съ десятью своими дружинниками, въ поздній вечеръ среди пира мечомъ поразилъ Годолію и всѣхъ Іудеевъ, бывшихъ у него, и Халдеевъ—людей военныхъ, присутствовавшихъ тамъ. Совершивши такъ удачно свой гнусный кровавый подвигъ, Исмаилъ съ стаей своихъ хищныхъ заговорщиковъ разграбилъ Массифу, плѣнилъ дочерей правителя области и людей, начавшихъ привыкать тамъ къ мирной жизни, и повелъ ихъ въ предѣлы Аммонитскіе. Это дерзкое злодѣяніе разбойника, будто дѣйствовавшаго на пользу отечества, возбудило противъ него общую ненависть. Іоананъ, сынъ Карея, и другіе предводители воинскихъ отрядовъ скоро объединились и рѣшили наказать злодѣя; собравъ свои дружины, они погнались за Исмаиломъ и настигли его въ Гаваонѣ. Плѣненные Исмаиломъ Іудеи и даже соратники его, какъ только увидѣли Іоанана, обрадовались и передались на его сторону. Исмаилъ въ сообществѣ только восьми приближенныхъ бѣжалъ къ Аммонитянамъ.

Но и Іоананъ съ товарищами своими далекъ былъ отъ истиннаго пониманія интересовъ своего злополучнаго отечества, о чемъ настойчиво всегда возвѣщалъ Пророкъ Іеремія.—Послѣ легко доставшейся побѣды надъ Исмаиломъ Іудеи, остановившись въ селеніи Химамъ, близъ Виѳлеема, составили, подъ главенствомъ Іоанана, совѣтъ, на которомъ изъ боязни мщенія за вѣроломное убійство Годоліи, ставленника Вавилонскаго царя, рѣшили уйти

въ Египетъ. И стали они уже приготовляться, чтобы всѣмъ народомъ идти въ Египетъ, изъ котораго нѣкогда рукою крѣпкою Вседержителя Бога и мышцею Его высокою изведены были ихъ отцы!... Но прежде исполненія такого рѣшенія они пожелали выслушать отзывъ о томъ святаго Іереміи. И приступили всѣ военные начальники, и Іоананъ, сынъ Карея, и Іезанія, сынъ Гошаіи, и весь народъ отъ малаго до большаго, и сказали Іереміи Пророку:

— Да падетъ предъ лице твое прошеніе наше, помолись о насъ Господу Богу твоему («твоему», говорятъ, а не «нашему»,— сіе достойно особаго вниманія) обо всемъ этомъ остаткѣ, ибо изъ многаго осталось насъ мало, какъ глаза твои видятъ насъ, чтобы Господь Богъ твой указалъ намъ путь, по которому намъ идти, и то, что̀ намъ дѣлать.

Пророкъ отвѣтилъ имъ:

— Слышу и помолюсь Господу Богу вашему по словамъ вашимъ и все, что̀ скажетъ Господь, объявлю вамъ,—не скрою отъ васъ ни слова.

При этомъ они заявили Іереміи:

— Господь да будетъ между нами свидѣтелемъ вѣрнымъ и истиннымъ въ томъ, что мы точно выполнимъ все то̀, съ чѣмъ пришлетъ тебя къ намъ Господь Богъ твой: хорошо ли, худо ли будетъ, но гласа Господа Бога, къ Которому посылаемъ тебя, послушаемся, чтобы намъ было хорошо, когда будемъ послушны гласу Господа Бога нашего.

Пророкъ исполнилъ данное обѣщаніе и по прошествіи десяти дней объявилъ Іоанану, и бывшимъ съ нимъ военачальникамъ, и всему народу:

— Такъ говоритъ Господь Богъ Израилевъ, къ Которому вы посылали меня, чтобы повергнуть предъ Нимъ моленіе ваше: если останетесь на землѣ сей, то Я устрою васъ и не разорю, насажду васъ и не искореню, ибо Я сожалѣю о томъ бѣдствіи, какое сдѣлали вамъ. Не бойтесь царя Вавилонскаго, котораго вы боитесь;—не бойтесь его, говоритъ Господь, ибо Я съ вами, чтобы спасать васъ и избавлять васъ отъ руки его. И явлю къ вамъ милость: онъ—царь Вавилонскій не накажетъ васъ и позволитъ вамъ оставаться въ землѣ вашей. Если же вы скажете: «не хотимъ жить въ этой землѣ» и не послушаетесь гласа Господа Бога вашего, говоря: «Нѣтъ, мы пойдемъ въ землю Египетскую, гдѣ войны не увидимъ, и трубнаго звука не услышимъ, и голодать не будемъ,

и тамъ будемъ жить»,—то выслушайте нынѣ слово Господне, вы, остатокъ Іуды, такъ говоритъ Господь Саваоѳъ, Богъ Израилевъ: если вы рѣшительно обратите лица ваши, чтобы идти въ Египетъ, и пойдете, чтобы жить тамъ, то мечъ, котораго вы боитесь, настигнетъ васъ тамъ, въ землѣ Египетской, и голодъ, котораго вы страшитесь, будетъ всегда слѣдовать за вами; тамъ, въ Египтѣ, вы и умрете. И всѣ, которые обратятъ лице свое, чтобы идти въ Египетъ и тамъ жить, умрутъ отъ меча, голода и моровой язвы, и ни одинъ изъ нихъ не останется и не избѣжитъ того бѣдствія, которое Я наведу на нихъ. Ибо такъ говоритъ Господь Богъ Израилевъ: какъ излился гнѣвъ Мой и ярость Моя на жителей Іерусалима, такъ изольется ярость Моя на васъ, когда войдете въ Египетъ, и вы будете проклятіемъ и ужасомъ, и поруганіемъ и поношеніемъ, и не увидите болѣе мѣста сего. Къ вамъ, остатокъ Іуды, изрекъ Господь: не ходите въ Египетъ; твердо же знайте, что я нынѣ предостерегъ васъ!—не погрѣшайте противъ себя самихъ: вы послали меня къ Господу Богу, сказавши, что сдѣлаете все, что скажетъ Онъ вамъ; и вотъ, нынѣ я объявилъ вамъ волю Божію.—Итакъ, знайте, что вы умрете въ томъ мѣстѣ отъ меча, голода и моровой язвы, куда хотите идти, чтобы жить тамъ въ сытости и спокойствіи[1]).

Эта рѣчь пророческая не произвела должнаго воздѣйствія на сердца, пропитанныя ядомъ необузданнаго произвола.—Азарія, сынъ Осаіи, и Іоананъ, сынъ Карея, и другіе дерзкіе люди сказали Іереміи:

— Неправду ты говоришь, не Господь послалъ тебя сказать намъ: «не ходите въ Египетъ»..., а Варухъ, сынъ Ниріи, возбуждаетъ тебя противъ насъ, чтобы предать насъ въ руки Халдеевъ, чтобы они или умертвили насъ, или отвели въ Вавилонъ[2]).

Такъ и не вняли своевольные люди слову Господа, чтобы остаться жить въ землѣ Іудиной. Іоананъ, и его дружинники, и весь остатокъ Іуды, собравши свои семьи и пожитки, пошли въ Египетъ, насильственно увлекая съ собою и Пророка Іеремію съ его вѣрнымъ писцомъ—Варухомъ.

Прійдя въ Египетскую страну, они поселились въ городѣ Тафнисѣ, гдѣ нѣкогда Пророкъ Моисей совершалъ чудесныя знаменія предъ фараономъ. Тамъ среди добровольныхъ переселенцевъ со-

[1]) Кн. Прор. Іерем., гл. 42, ст. 2—22.
[2]) Кн. Прор. Іерем., гл. 43, ст. 1—3

отечественниковъ прожилъ Іеремія четыре года, пользуясь большимъ уваженіемъ отъ египтянъ за свою праведную жизнь и за тѣ благодѣянія, какія онъ оказывалъ имъ, своими молитвами поражая аспидовъ и крокодиловъ. Тамъ же и умеръ онъ, и былъ погребенъ.

Кончина святаго Пророка была мученическая.—Въ Тафнисѣ было слово Господне къ Іереміи:

«Возьми въ руки свои большіе камни и скрой ихъ въ смятой глинѣ при входѣ въ домъ фараоновъ въ Тафнисѣ, предъ глазами Іудеевъ, и скажи имъ: такъ говоритъ Господь Саваоѳъ, Богъ Израилевъ:—вотъ, Я пошлю и возьму Навуходоносора, царя Вавилонскаго, раба Моего, и поставлю престолъ его на этихъ камняхъ, скрытыхъ Мною, и раскинетъ онъ надъ нимъ великолѣпный шатеръ свой; и придетъ, и поразитъ землю Египетскую: кто обреченъ на смерть, тотъ преданъ будетъ смерти, а кто—въ плѣнъ, пойдетъ въ плѣнъ, и кто—подъ мечъ,—подъ мечъ[1]). И только малое число Іудеевъ, избѣжавшихъ отъ меча, возвратится изъ земли Египетской въ землю Іудейскую, и узнаютъ оставшіеся Іудеи, которые пришли въ землю Египетскую, чтобы жить здѣсь, чье слово сбудется: Мое или ихъ. И вотъ вамъ знаменіе, говоритъ Господь, что Я посѣщу васъ на мѣстѣ семъ, чтобы вы знали, что сбудутся слова Мои о васъ къ погибели вамъ; вотъ, Я отдамъ фараона Египетскаго въ руки враговъ его, какъ отдалъ Седекію, царя Іудейскаго»[2]).

Озлобленіе Іудеевъ отъ такихъ рѣчей Іереміи достигло крайнихъ предѣловъ, и—они наконецъ побили камнями Пророка Божія, безбоязненно говорившаго имъ истину! Въ годъ смерти святаго Пророка пришелъ въ Египетъ царь Вавилонскій, поразилъ войско египетское и убилъ фараона Вафрія; въ то же время истреблены были и сыны Израиля, поселившіеся тамъ.

Мощи святаго Пророка Іереміи, много лѣтъ спустя, перенесены были царемъ Македонскимъ Александромъ[3]) въ построенный имъ городъ Александрію и положены въ мѣстѣ, называемомъ Тетрапилъ, которое весьма почиталось александрійцами. Царица Елена украсила зданіемъ въ Іерусалимѣ то мѣсто, гдѣ Іеремія вверженъ былъ въ яму съ грязью.

---

1) Кн. Прор. Іерем., гл. 43, ст. 8—11.

2) Кн. Прор. Іерем., гл. 44, ст. 28—30.

3) *Александръ Македонскій* царствовалъ съ 336 г. по 323 г. до Р. Хр. Прославился какъ замѣчательный завоеватель. Въ Іерусалимѣ Александръ Македонскій былъ въ 332 г. до Р. Хр.

Пророчествовалъ святый Іеремія и о страданіи Господа Іисуса Христа, являя въ себѣ самомъ таинственный прообразъ Его, «кроткаго Агнца, ведомаго на закланіе»[1]). По сказанію, записанному святымъ Епифаніемъ, Пророкъ Іеремія предсказалъ о паденіи и разрушеніи всѣхъ египетскихъ идоловъ въ то время, когда въ Египетъ придетъ Дѣва—Мать съ Младенцемъ, въ вертепѣ рожденнымъ и въ ясляхъ положеннымъ;—каковое пророчество будто дало основу для обычая, существовавшаго у египтянъ, изображать дѣву, почивающую на одрѣ, съ младенцемъ, обернутымъ пеленками и лежащимъ подлѣ нея въ ясляхъ, и воздавать поклоненію такому изображенію. При семъ еще сообщается, будто жрецы египетскіе на вопросъ царя Птоломея, почему почитается такое изображеніе,—отвѣтили, что это есть тайна, святымъ Пророкомъ предсказанная ихъ древнимъ отцамъ и что они ждутъ осуществленія этой тайны.

Много лѣтъ прошло послѣ смерти святаго Пророка Іереміи: плѣненные Халдеями Іудеи возвратились въ свою родную землю; въ Іерусалимѣ сооруженъ былъ новый храмъ Господень—въ Іудеѣ возстановленъ былъ по возможности порядокъ жизни церковной и гражданской. Но въ тѣ времена Іудеи уже не пользовались политической свободой и подчинялись то Сирійцамъ, то Египтянамъ, то Македонянамъ, терпѣли они невзгоды и отъ Хананейскихъ племенъ, и отъ внутреннихъ смутъ и раздоровъ.

Случилось однажды, что когда вѣроломный сирійскій полководецъ Никаноръ, причинившій много зла іудейскому народу, съ надменною гордостью хотѣлъ во что бы то ни стало погубить пламеннаго ревнителя религіозной свободы, грознаго защитника святой отеческой вѣры Іуду Маккавея, сей Іуда, вооружая своихъ соратниковъ не столько крѣпкими щитами и копьями, сколько добрыми рѣчами своими и указаніями на прежде бывшія обстоятельства чудесной помощи отъ Вседержителя, повѣдалъ имъ и о своемъ сновидѣніи и разсказомъ этимъ всѣхъ обрадовалъ и воодушевилъ[2]).

Видѣніе же его было такое: онъ видѣлъ Онію—бывшаго первосвященника, мужа честнаго и добраго, съ дѣтства ревностно усвоившаго все, что касалось добродѣтели,—видѣлъ, что сей, почтенный видомъ, простирая руки молится за весь народъ Іудейскій. По-

---

[1]) Кн. Прор. Іерем., гл. 2, ст. 19; срав. Кн. Прор. Исаіи, гл. 53, ст. 7.
[2]) 2 Кн. Маккав., гл. 15, ст. 1—11.

томъ явился другой мужъ, украшенный сѣдинами и славою, окруженный дивнымъ и необычайнымъ величіемъ. И сказалъ Онія:

— Это—братолюбецъ, который много молится о народѣ и о Святомъ Городѣ,—Іеремія, Пророкъ Божій.

Тогда Іеремія, простерши руку, далъ Іудѣ золотой мечъ и, подавая, сказалъ:

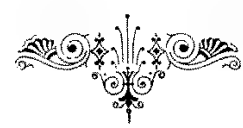
— Возьми этотъ святый мечъ; это—даръ отъ Бога, которымъ ты сокрушишь враговъ[1]).

И соратники Іуды Маккавея, утѣшенные и ободренные его рѣчью, отважно ринулись въ бой и побѣдили непріятеля.

Этотъ разсказъ Іуды о его сновидѣніи наглядно удостовѣряетъ, что святые угодники Божіи, по кончинѣ своей, молятся за насъ Богу и оказываютъ намъ помощь, какъ святый Іеремія помогъ Іудѣ Маккавею одолѣть его противниковъ. Его святыя молитвы да споспѣшествуютъ и намъ преодолѣвать видимыхъ и невидимыхъ враговъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, Ему же слава съ Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

Конда́къ, гла́съ г҃:

Ѡ҆чи́стивъ дх҃омъ, вели́кїй прⷪ҇ро́че и҆ мч҃нче, твоѐ свѣтоза́рное се́рдце, сла́вне і҆еремі́е, проро́чествїѧ да́ръ свы́ше прїѧ́лъ є҆сѝ, и҆ возопи́лъ є҆сѝ велегла́снѡ во страна́хъ: се́й бг҃ъ на́шъ, и҆ не приложи́тсѧ и҆́нъ къ немꙋ̀, и҆́же вопло́щсѧ на землѝ ꙗ҆ви́лсѧ є҆́сть.



---

1) 2 Кн. Маккав., гл. 15, ст. 12—16.

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ПАФНУТІЯ БОРОВСКАГО[1])

Преподобный Пафнутій былъ внукомъ татарина-баскака. Когда за грѣхи русскаго народа пришелъ на нашу землю, по Божію попущенію, татарскій царь Батый[2]) съ своимъ многочисленнымъ войскомъ, то, опустошивъ ее мечомъ и огнемъ, плѣнивши города, разрушивши церкви Божіи съ ихъ святынями и посѣкши, какъ деревья или колосья, русскихъ князей и начальниковъ, онъ поставилъ въ ней татарскихъ властителей, называвшихся баскаками[3]).

---

[1]) Свѣдѣнія о преп. Пафнутіи содержатся: 1) въ превосходной запискѣ ученика его Иннокентія о послѣднихъ дняхъ преподобнаго, составленной въ 1477 или 1478 гг., т. е. очень скоро послѣ кончины святаго; 2) въ древнемъ житіи преп. Пафнутія, написанномъ другимъ ученикомъ, роднымъ братомъ преп. Іосифа Волоколамскаго, Вассіаномъ Саниным между 1500 и 1515 годами въ бытность Вассіана архимандритомъ Симонова подмосковнаго монастыря (съ 1502 г. по 1506 г.) или архіепископомъ Ростовскимъ (съ 1506 г. по 1515 г.); 3) въ воспоминаніяхъ Досиѳея Топоркова, племянника преп. Іосифа Волоколамскаго, инока его обители; 4) въ духовной преп. Іосифа Волоколамскаго и нѣкоторыхъ другихъ грамотахъ; наконецъ 5) въ лѣтописяхъ.

[2]) Нашествіе татарскаго хана Батыя на Русь было въ 1237—1238 и 1240 годахъ.

[3]) Въ переводѣ на русскій языкъ это слово значитъ *давитель*. Прямыми обязанностями баскаковъ были: перечисленіе народа и сборъ податей. Въ дѣйствительности же эти татарскіе чиновники, стоявшіе выше русскихъ князей и полководцевъ, были полными хозяевами Руси. Будучи отправляемы съ войскомъ и множествомъ разныхъ мелкихъ татарскихъ чиновниковъ, они завѣдывали и внутренними дѣлами покоренной Руси: слѣдили за поведеніемъ князей, вникая въ ихъ взаимныя отношенія, разбирая ихъ тяжбы и наблюдая главнымъ образомъ за ихъ отношеніями къ татарскому хану. Они появились на Руси вскорѣ послѣ взятія Кіева, бывшаго въ 1240 году.

Такимъ баскакомъ и былъ дѣдъ преподобнаго Пафнутія. Во время одного возстанія русскихъ противъ татаръ дѣдъ Пафнутія принужденъ былъ креститься и былъ названъ Мартиномъ. У новаго Христова послѣдователя, отличавшагося благочестіемъ, родился сынъ Іоаннъ, который, по достиженіи совершеннолѣтія, женился на дѣвицѣ Фотиніи. Іоаннъ и Фотинія жили въ своемъ наслѣдственномъ селѣ Кудиновѣ, верстахъ въ четырехъ отъ Боровска[1]). Отъ этой четы, благочестивой и нищелюбивой, и родился около 1395 года преподобный Пафнутій, названный во Святомъ Крещеніи Парѳеніемъ. Развиваясь и возрастая тѣлесно, Парѳеній вмѣстѣ съ тѣмъ совершенствовался и духовно. Преуспѣвая въ изученіи грамоты и особенно въ чтеніи Божественныхъ книгъ, отрокъ поучался и добрымъ нравамъ: кротости, незлобію, цѣломудрію. Охотно подражая людямъ добродѣтельнымъ, онъ стремительно избѣгалъ общенія съ пустыми людьми.

Когда Парѳенію исполнилось двадцать лѣтъ отъ роду, онъ оставляетъ домъ отца, сладкую любовь родителей, сродниковъ и друзей; отрекается отъ всего мірского и поступаетъ въ Высокій Покровскій монастырь близъ города Боровска[2]). Отъ Маркелла, настоятеля этого монастыря, Парѳеній принялъ постриженіе съ именемъ Пафнутія и былъ отданъ подъ руководство престарѣлаго священноинока Никиты, бывшаго ученика преподобнаго Сергія[3]). Семь лѣтъ преподобный Пафнутій былъ въ послушаніи у благочестиваго старца и научился отъ него иноческимъ добродѣтелямъ. Онъ пріобрѣлъ общую любовь и почтеніе братіи. Когда игуменъ Маркеллъ скончался, преподобный Пафнутій былъ избранъ настоятелемъ Высокой обители — послѣ долгихъ и настоятельныхъ просьбъ братіи и Боровскаго князя Симеона Владиміровича. Посвященіе онъ принялъ отъ рукъ Всероссійскаго митрополита свя-

---

[1]) *Боровскъ* — въ настоящее время уѣздный городъ Калужской губерніи.—О мѣстѣ *села Кудинова* нынѣ напоминаетъ часовня.

[2]) *Высокій Покровскій монастырь* находился при р. Протвѣ, въ 1 верстѣ отъ Боровска. Основанъ въ 1410 г. Въ 1618 г. монастырь былъ приписанъ къ Пафнутіеву Боровскому, въ 1764 г. упраздненъ. Названіе «Высокій» получилъ по мѣсту, которое занималъ: мѣстность эта господствуетъ надъ всею окрестностью. Теперь на мѣстѣ этой обители находится подгородная слобода Высоцкая.

[3]) *Преподобный Никита* былъ игуменомъ Высоцкаго Серпуховскаго монастыря, преемникомъ преп. Аѳанасія Младшаго, съ 1395 г. Послѣ 19-лѣтняго управленія обителью, состарѣвшись и страдая болѣзнію глазъ, преп. Никита семь лѣтъ жилъ на покоѣ въ Высокомъ Боровскомъ монастырѣ. Оставивъ этотъ монастырь (около 1421 года), преп. Никита ушелъ на сѣверъ и основалъ въ Костромѣ Богоявленскій монастырь (около 1426 г.), существующій до сихъ поръ (съ 1864 года женскій). Здѣсь подвижникъ скончался и погребенъ.

таго Фотія[1]). Новый игуменъ присоединилъ къ подвигамъ инока заботы добраго и искуснаго пастыря словесныхъ овецъ Христовыхъ и бдительнаго стража ихъ. Въ своей жизни онъ являлъ образъ своему стаду. **Оу҆клонѧ́ѧсѧ всегда̀ шꙋ́ихъ, десны̑мъ же прилѣжѧ̀**, онъ непрестанно работалъ Господу—и днемъ, и ночью. День употреблялъ на исполненіе монастырскихъ работъ; ночь проводилъ въ молитвѣ.

Прп҃бный
Пафнꙋ́тїй

Своего вѣрнаго раба Господь украсилъ разсудительностью, прозорливостью, дивными откровеніями и иными дарами Святаго Духа. Всевѣдущій Богъ далъ преподобному Пафнутію способность узнавать по человѣческому лицу и взору скрытыя душевныя страсти и немощи, а иное открывалъ святому во снѣ.

Вотъ разсказъ, наглядно подтверждающій то и другое. Одинъ братъ, посланный по монастырскимъ нуждамъ въ село, впалъ тамъ въ плотской грѣхъ. Въ ночь его паденія святый по совершеніи обычнаго правила склонился, чтобы уснуть немного, и увидѣлъ слѣдующій сонъ. Преподобному снился чудный садъ съ прекрасными плодовыми деревьями. Радостнымъ и изумленнымъ взоромъ смотрѣлъ онъ на нихъ и особенно восхищался однимъ деревомъ, отличавшимся поразительною красотою. Вдругъ на его глазахъ дерево это было вырвано и упало на землю. Преподобный, забывъ о красотѣ остальныхъ деревьевъ, очень опечалился внезапнымъ паденіемъ прекраснаго дерева. Подошелъ къ нему, поднялъ и посадилъ

---

[1]) *Князь Симеонъ Боровскій* былъ сынъ Владиміра Андреевича Серпуховскаго, скончался отъ моровой язвы въ 1426 г инокомъ съ именемъ Саввы и положенъ въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ —Св. митрополитъ Фотій (память его—2 іюля) управлялъ Русскою Церковію съ 1408 г. по 1431 г. Отсюда слѣдуетъ, что преп. Пафнутій сталъ игуменомъ не позднѣе 1426 г.

на прежнемъ мѣстѣ. Чтобы дерево не засохло, онъ обкладывалъ его навозомъ, утаптывалъ вокругъ него землю. Долгихъ трудовъ стоило святому утвердить вырванное дерево. Проснувшись, онъ понялъ смыслъ видѣнія и очень опечалился. Прекрасный садъ означалъ его обитель. Красивыя плодовыя деревья—его братій. Вырванное же и падавшее дерево знаменовало падшаго брата, требующаго отъ отца-настоятеля особеннаго труда для поставленія и утвержденія на своемъ мѣстѣ. Когда согрѣшившій, окончивъ дѣло своего послушанія, возвратился въ обитель и предсталъ предъ своимъ игуменомъ, то, раскаиваясь въ грѣхѣ своемъ, смутился и лицо его покрылось густою краскою стыда. Преподобный спросилъ брата, не случилось ли съ нимъ чего-либо прискорбнаго на пути. Падшій застыдился еще болѣе, не рѣшился исповѣдать предъ игуменомъ свой грѣхъ; даже не могъ смотрѣть ему въ глаза. Видя такое смущеніе ученика, святый разсказалъ ему свой сонъ и, какъ хорошій духовный врачъ, настаивалъ, чтобы онъ открылъ ему внутреннюю язву души своей. Послѣ долгихъ убѣжденій игумена согрѣшившій инокъ покаялся. Преподобный долгое время давалъ ему духовное врачевство, приличествующее его душевной язвѣ, утѣшалъ его, склоннаго къ отчаянію, надеждой на милосердіе Божіе и въ концѣ концовъ привелъ грѣшника къ совершенному исправленію. Такъ заботился преподобный о своей братіи: какъ искусный врачъ врачевалъ ихъ душевныя немощи, какъ добрый пастырь исторгалъ изъ волчьей пасти овцу и принималъ на свои плечи и какъ сильный мужъ носилъ немощи немощныхъ.

Тринадцать лѣтъ игуменствовалъ преподобный Пафнутій въ Высокомъ монастырѣ. Потомъ онъ сильно и надолго заболѣлъ и во время болѣзни принялъ схиму.

По выздоровленіи онъ оставилъ игуменство и уединился вмѣстѣ съ однимъ братомъ на высокое, очень красивое мѣсто, поросшее густымъ лѣсомъ, на берегахъ двухъ рѣкъ, въ трехъ верстахъ отъ Боровска[1]). Мѣсто это принадлежало не къ Боровской, а къ Суходольской области. Поселеніе преподобнаго Пафнутія на новомъ мѣстѣ произошло около 1440 года. Сюда начали приходить къ нему братія, ставить себѣ съ его благословенія келліи и жить подъ его спасительнымъ руководствомъ. Монастырь росъ, и братія

---

[1]) *Пафнутіевъ-Рождество-Богородицкій монастырь* стоитъ при впаденіи рѣчки Истремы въ реку Протву.

умножались. Иноки молили своего наставника о дозволеніи имъ построить церковь. И такъ какъ преподобный этого не запретилъ имъ, то они поставили деревянную церковь въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы. Храмъ освященъ былъ повелѣніемъ Московскаго митрополита святаго Іоны[1]).

Нужно сказать, что святый какъ смиренный схимонахъ не литургисалъ въ своей новой обители. И только одинъ разъ предъ своей кончиной, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, когда не нашли и за большія деньги священника, совершилъ Литургію со многимъ вниманіемъ и умиленіемъ.

— Нынѣ едва душа моя осталась во мнѣ, — говорилъ онъ по совершеніи ея своимъ ученикамъ.

Ненавидящій добро діаволъ подстрекалъ нѣкоторыхъ людей дѣлать непріятности преподобному и вредить его новоустроенной обители. Но преподобный побѣждалъ благимъ злое и одолѣвалъ все своимъ терпѣніемъ.

Обидчикомъ преподобнаго Пафнутія явился тогдашній Боровскій князь Василій Ярославичъ[2]). Видя умаленіе и обѣдненіе покинутой святымъ Высокой Боровской обители, а также процвѣтаніе и умноженіе новой, находящейся внѣ его княжества, князь Василій сильно гнѣвался на святаго и измышлялъ средства изгнать отсюда преподобнаго. Но такъ какъ онъ не могъ этого сдѣлать явно въ чужомъ княжествѣ, то началъ преслѣдовать подвижника тайнымъ образомъ. Онъ много разъ подсылалъ своихъ буйныхъ слугъ зажечь со всѣхъ сторонъ ненавистную ему обитель. И всякій разъ, увидавши трудящихся преподобнаго Пафнутія и его учениковъ, слуги возвращались ни съ чѣмъ къ своему князю. Среди слугъ Боровскаго князя былъ новокрещенный татаринъ, по имени Ермолай. Когда князь Василій далъ ему приказаніе поджечь обитель преподобнаго, этотъ варваръ поспѣшилъ съ радостью. Преподобный, встрѣтивъ татарина, ласково назвалъ его по имени и спросилъ, зачѣмъ онъ пришелъ. Такая привѣтливость святаго мгновенно преобразила звѣроподобный нравъ Ермолая. Онъ раскаялся въ своемъ зломъ умыслѣ и откровенно разсказалъ, зачѣмъ былъ посланъ. Потомъ, испросивъ прощеніе и

---

1) *Св. Іона* занималъ митрополичью каѳедру съ 1448 г. по 1461 годъ. Память его — 31 марта. Такимъ образомъ, освященіе храма обители было не ранѣе 1448 г.

2) *Василій Ярославичъ, князь Боровскій*, сынъ кн. Ярослава (Аѳанасія) Владиміровича, скончался въ 1483 г.

благословеніе, ушелъ, не сдѣлавъ ничего дурного обители преподобнаго.

Въ это время, по Божьему попущенію, неожиданно вторгся въ Россію нечестивый царь Мамотякъ[1]) со множествомъ татаръ. Великій Князь Василій Васильевичъ[2]) и другіе русскіе князья, не успѣвши собрать достаточнаго войска, встрѣтили безбожныхъ татаръ у Суздаля[3]). Произошло сраженіе, въ которомъ Татары побѣдили Русскихъ и многихъ взяли въ плѣнъ, въ томъ числѣ и Великаго Князя. Среди плѣнныхъ былъ и Боровскій князь Василій Ярославичъ, враждовавшій съ преподобнымъ. Находясь въ плѣну, князь раскаялся въ своей грѣховной злобѣ на преподобнаго Пафнутія и молился Богу о своемъ освобожденіи изъ плѣна по молитвамъ его. Между тѣмъ незлопамятный подвижникъ тоже усердно молился объ освобожденіи князя. Молитва угодника Божія была услышана: князь Василій безвредно убѣжалъ изъ плѣна. По возвращеніи на родину онъ немедленно пришелъ въ обитель своего молитвенника и получилъ отъ него прощеніе и благословеніе. Съ тѣхъ поръ князь питалъ великую вѣру къ преподобному Пафнутію.

Преподобный былъ не только незлобивъ при оскорбленіяхъ, но и удивительно терпѣливъ въ нуждахъ, всегда непоколебимо вѣруя въ Божію помощь. Разъ приближался праздникъ Пасхи, а въ обители совсѣмъ не было рыбы. Братія и монастырскіе служители были тѣмъ очень опечалены и даже роптали на святаго.

— Не скорбите объ этомъ, братія, и не гнѣвите Бога,—говорилъ имъ преподобный,—всемилостивый Владыка, создавшій насъ и просвѣтившій весь міръ Своимъ возстаніемъ (отъ мертвыхъ), утѣшитъ насъ, Своихъ рабовъ, въ скорби нашей и подастъ въ изобиліи блага боящимся Его.

Такая надежда на Всеблагаго и Премудраго Промыслителя не замедлила принести свой прекрасный плодъ. Вечеромъ въ Великую Субботу, незадолго до Свѣтлой ночи, пономарь пошелъ на малый источникъ почерпнуть воды для Литургіи и увидалъ безчисленное множество рыбъ, называвшихся на тамошнемъ на-

---

1) *Мамотякъ*—сынъ царя Ординскаго Магомета, царь Казанскій. Нашествіе, о которомъ здѣсь рѣчь, было въ 1445 г. Въ такомъ порядкѣ событія разсказаны въ древнемъ житіи преп. Пафнутія. Но происшествіе это было ранѣе освященія храма (около 1448 г.) и офиціальнаго открытія обители.

2) *Великій Князь Василій II Васильевичъ Темный* княжилъ съ 1425 по 1462 г.

3) *Суздаль*—въ настоящее время уѣздный городъ Владимірской губ.

рѣчіи «сижки», по своей величинѣ немного больше сельдей. Въ то время былъ разливъ воды, и ихъ собралось такъ много, какъ никогда прежде. Пономарь поспѣшилъ сказать о томъ святому. Преподобный прославилъ Бога и повелѣлъ рыболовамъ закинуть сѣти. И поймали такое множество этихъ рыбъ, что ихъ достало цѣлой обители на всю Свѣтлую недѣлю какъ на обѣды, такъ и на ужины.

Далеко разносилась слава о великихъ подвигахъ преподобнаго Пафнутія и все болѣе и болѣе привлекала въ его святую обитель любителей иноческаго благочестія. Между ними было немало людей высокодобродѣтельныхъ. Таковы, напримѣръ, преподобный Іосифъ, постриженный руками святаго въ иночество и бывшій впослѣдствіи основателемъ Волоколамской обители [1]), старецъ Иннокентій, Исаія, по прозванію Черный, родственникъ преподобнаго, Вассіанъ, писатель его житія, бывшій потомъ Ростовскимъ архіепископомъ, и другіе.

Преподобный являлся живымъ образцомъ подвижника для братіи. Онъ былъ строгій постникъ: ничего не ѣлъ по понедѣльникамъ и пяткамъ, по средамъ разрѣшалъ себѣ только сухояденіе и весьма умѣренно вкушалъ въ остальные дни за общей трапезой.

— Его пищей,—говоритъ ученикъ преподобнаго,—было—угожденіе братіи.

Себѣ онъ выбиралъ все худшее и въ пищѣ и во всемъ, касающемся удобствъ. Одежды: мантія, ряска, сшитая изъ овчины, и обувь не годились ни одному нищему. Вся жизнь преподобнаго Пафнутія была непрерывнымъ трудомъ въ потѣ лица, подвигомъ, страданіемъ и молитвой. Никто прежде его не являлся ни на общее молитвенное правило, ни на работы. Онъ выполнялъ съ усердіемъ самыя тяжелыя послушанія: рубилъ и носилъ дрова, копалъ землю и поливалъ растенія въ саду. Зимой занимался чтеніемъ, плетеніемъ рыболовныхъ сѣтей. Постоянный врагъ праздности, подвижникъ былъ отъ чрева матери вѣрнымъ, безупречнымъ другомъ дѣвства. Во имя цѣломудрія онъ не дозволялъ никому прикасаться къ своему тѣлу, а женщинъ не только не пускалъ въ обитель, но не хотѣлъ ихъ видѣть и издалека; женщинамъ и знатнымъ онъ не разрѣшалъ даже приближаться къ воротамъ обители своей, а братіи строго запрещалъ всякія разговоры о нихъ.

---

[1]) Память преп. Іосифа — 9 сентября.

Преподобный отличался учительностью. Охотно бесѣдовалъ онъ и съ иноками, и съ мірянами. Рѣчь его была всегда проста и пріятна. Подвижникъ чуждъ былъ человѣкоугодія—никогда онъ не льстилъ собесѣднику: не стыдился лица князя или боярина, не смягчался приносами богатыхъ, но всегда говорилъ правду—по Божію Закону, по Его святымъ Заповѣдямъ. Такъ же говорилъ онъ и съ простецами, называя ихъ братіей, и никто послѣ бесѣды его не ушелъ когда-либо скорбнымъ. Для многихъ открывались здѣсь тайны сердечныя, прежде недоступныя.

Нѣкоторыя бесѣды преподобнаго Пафнутія записаны старцемъ Досиѳеемъ Топорковымъ, племянникомъ преподобнаго Іосифа Волоколамскаго[1]). Приведемъ ихъ содержаніе.

...Подвижникъ разсказывалъ братіи о великомъ морѣ 1327 года. Гнѣвъ Господень обратился тогда на Русскую землю за грѣхи людскія, и настала великая скорбь въ градахъ и селахъ. Появлялась у человѣка язва, а черезъ три дня наступала и смерть. Много людей умирало безъ помощи: некому стало помогать больнымъ, ибо у каждаго былъ свой мертвецъ, котораго нужно было погребсти и оплакать. Страхъ и трепетъ напалъ на народъ. Благочестивые, боящіеся Бога обращались на покаяніе, принимали постриженіе и съ миромъ отходили ко Господу. Но другіе, безчувственные, не страшась гнѣва Божія или желая забыться, въ отчаяніи предавались страшному пьянству и пили даже тогда, когда уже заболѣвали; иные такъ и помирали среди пирующихъ друзей, а тѣ пихали умершаго, думая, что онъ упился. Много померло людей во время этого повѣтрія; имущество умершаго валялось и никто не хотѣлъ его брать: оставшіеся въ живыхъ брали только золото и серебро.

...Преподобный усердно поучалъ своихъ слушателей творить милостыню, эту царицу добродѣтелей. Онъ указывалъ на примѣры нищелюбивыхъ людей, удостоившихся награды за гробомъ: на Московскаго Великаго Князя Іоанна Даніиловича Калиту[2]), раздававшаго нищимъ подяніе всѣмъ безъ отказа; на одного маго-

---

[1]) Трудъ Досиѳея, написанный не ранѣе 1546 г., представляетъ собою нѣчто вродѣ Патерика—рядъ краткихъ разсказовъ, слышанныхъ отъ преп. Пафнутія, преп. Іосифа и другихъ подвижниковъ Волоколамскаго монастыря. Досиѳею принадлежитъ еще надгробное слово преп. Іосифу.

[2]) *Іоаннъ Калита*, сынъ св. кн. Даніила Александровича, былъ Великимъ Княземъ съ 1328 г. по 1340 г

метанина, котораго Господь за многую милостыню избавилъ отъ адскихъ мукъ.

— Одна милостыня можетъ спасти человѣка, если живетъ онъ законно,—говорилъ преподобный.

...Одинъ милостивый человѣкъ скончался, а другому было откровеніе о его загробной судьбѣ. Приведенъ былъ умершій къ рѣкѣ огненной, а на другой сторонѣ рѣки рай—чудное мѣсто, свѣтлое и злачное, прекрасный садъ. Но не можетъ никакъ перейти душа человѣка чрезъ страшную рѣку. И вотъ, приходятъ множество нищихъ, получившихъ его милостыню; они ложатся мостомъ чрезъ рѣку, и милостивый человѣкъ переходитъ по мосту въ рай. Къ этому разсказу преподобный прибавляетъ, что души праведныхъ переносятся въ рай Ангелами, но Господь открылъ судьбу праведной души въ такомъ видѣ для нашего вразумленія.

Когда братія обители умножились, святый, при содѣйствіи ихъ, построилъ каменный храмъ. Во все время его строенія онъ и самъ трудился какъ простой работникъ, нося на своихъ плечахъ камень, воду и все необходимое для постройки. Поставивъ церковь, преподобный украсилъ ее иконописью и пригласилъ для этого лучшихъ живописцевъ, которые расписали ее «чудно вельми». Преподобный украсилъ храмъ иконами, книгами и всякой утварью церковною, такъ что дивились даже князья, привыкшіе къ церковному благолѣпію.

Составляя и самъ одушевленную церковь, преподобный Пафнутій украшался отъ Бога чудесною благодатію, проявлявшеюся въ исцѣленіяхъ, прозорливости, откровеніяхъ и иныхъ дарахъ Святаго Духа.

Вотъ нѣкоторыя изъ чудесъ подвижника.

...Искусный художникъ-иконописецъ, мірянинъ Діонисій, приглашенный преподобнымъ расписывать храмъ обители, по болѣзни ногъ не могъ работать. Святый старецъ сказалъ ему:

— Діонисій! Богъ да благословитъ тебя, начни доброе дѣло; Господь и Пречистая Матерь Божія подастъ здравіе ногамъ твоимъ.

Иконописецъ, твердо повѣривъ словамъ преподобнаго, съ радостью принялся за дѣло и исцѣлѣлъ. Этому же Діонисію и прочимъ иконописцамъ-мірянамъ святый отецъ заповѣдалъ не вкушать въ обители мяса, а ѣсть его въ ближайшемъ селеніи. Нѣкоторое время они исполняли эту заповѣдь. Потомъ позабыли и при-

несли въ обитель къ себѣ на ужинъ вареное бедро ягненка, начиненное яйцами. Когда Діонисій первымъ изъ нихъ отвѣдалъ его, то въ начинкѣ нашелъ множество червей и принужденъ былъ выбросить запрещенную пищу собакамъ. Вдругъ онъ заболѣлъ свербежомъ[1]). Въ одинъ часъ все тѣло Діонисія представляло какъ бы одинъ сплошной струпъ, и онъ не могъ двигаться. Тогда больной немедля послалъ къ преподобному, прося принять его раскаяніе и дать прощеніе. Святый же, заповѣдавъ Діонисію не дѣлать впредь ничего запрещеннаго, повелъ его въ церковь, куда собрана была вся братія. По совершеніи соборнаго молебствія, преподобный освятилъ воду и повелѣлъ больному омывать ею все больное тѣло. Лишь только Діонисій это сдѣлалъ, онъ ненадолго заснулъ. Потомъ, пробудившись, почувствовалъ себя совершенно здоровымъ, какъ-будто никогда и не хворалъ. Струпья его отпали какъ чешуя, и онъ прославилъ Бога.

...Обитель преподобнаго Пафнутія окружена была густымъ лѣсомъ, въ которомъ обитало много птицъ. Въ изобиліи водились здѣсь черноперые вороны, вившіе гнѣзда близъ монастыря. Смотря на нихъ, преподобный восхищался и далъ заповѣдь не ловить и не губить ихъ. Между тѣмъ однажды сынъ городского воеводы проѣзжалъ мимо обители святаго Пафнутія и, увидавъ стаю вороновъ, натянулъ лукъ и убилъ одного изъ нихъ. Обрадовался юноша, но скоро почувствовалъ, что голова его, повернутая въ сторону, осталась неподвижною въ такомъ неестественномъ положеніи. Скорбь и ужасъ смѣнили въ его сердцѣ веселье и самодовольство. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ юноши явилось сознаніе дѣйствительной причины случившагося съ нимъ бѣдствія, а вслѣдъ за этимъ—и раскаяніе. Охваченный имъ, сынъ воеводы быстро отправился къ преподобному и, припавъ къ его ногамъ, просилъ прощенія и святыхъ его молитвъ предъ Господомъ о своемъ исцѣленіи. Подвижникъ приказалъ ударить въ било и пошелъ въ церковь. Удивленные несвоевременнымъ звукомъ била иноки быстро собрались въ церковь и спрашивали святаго о причинѣ необычайнаго звона. Преподобный съ улыбкой сказалъ:

— Отомстилъ Богъ за кровь ворона.

Совершивши затѣмъ молебное пѣніе и осѣнивъ святымъ крестомъ страждущаго юношу, подвижникъ обратился къ нему со словами:

---

[1]) *Свербежъ*—то же, что и чесотка, зудъ.

— Силою Честнаго и Животворящаго Креста обратись напередъ.

И тотчасъ голова его приняла естественное положеніе.

...Другой юноша напустилъ на ворона ястреба. Но ястребъ, убивши ворона, самъ палъ мертвымъ. Такимъ образомъ, охотникъ лишился своей забавы.

...Одною ночью пришли къ обители преподобнаго воры и, захвативъ трехъ рабочихъ монастырскихъ воловъ, пасшихся въ окольномъ лѣсу, хотѣли вести ихъ къ себѣ домой. И вдругъ они заблудились, и ходили подобно слѣпымъ вокругъ обители. Съ наступленіемъ утра воры хотѣли убѣжать безъ воловъ. Но невидимая сила Божія связала ихъ, и они не могли отойти отъ похищеннаго скота, пока разыскивавшіе его монастырскіе работники не нашли ихъ и не привели затѣмъ къ преподобному. Онъ же, давъ имъ наставленіе не присвоять чужаго, повелѣлъ накормить воровъ и отпустилъ ихъ съ миромъ.

...Два инока сговорились выйти тайно изъ обители и уже собрали свои вещи. Но Богъ открылъ это преподобному во снѣ. Послѣ утренняго пѣнія онъ склонился, чтобы немного почить, и увидѣлъ слѣдующій сонъ. Черный эѳіоплянинъ взялъ изъ его келейной печи горящія головни и металъ ихъ на келліи этихъ учениковъ. Святый же грозно запрещалъ ему это, говоря, что такимъ образомъ онъ зажжетъ обитель. Но эѳіоплянинъ отвѣтилъ ему, что для того-то и бросаетъ онъ головни. Проснувшись, преподобный понялъ значеніе сна и тотчасъ же послалъ за этими иноками. Когда подвижникъ разсказалъ имъ видѣнный сонъ, устрашенные и въ то же время умиленные разсказомъ святаго, они показали ему собранныя вещи, исповѣдали свой грѣхъ и просили прощенія.

...Одинъ ропотливый братъ, хулившій все, что совершалось въ обители, и самого святаго, имѣлъ такое видѣніе во снѣ: будто бы онъ стоитъ посреди церкви съ поющими; внезапно приходитъ въ нее святый отецъ и, взглянувъ на него гнѣвно, говоритъ:

— Этотъ—хульникъ: возьмите его изъ церкви.

И тотчасъ два черныхъ эѳіоплянина схватили его, повлекли вонъ и при этомъ сильно били. Проснувшись, братъ почувствовалъ сильный страхъ и со слезами на глазахъ поспѣшилъ къ преподобному просить у него прощенія.

...Былъ въ его обители благочестивый старецъ, по имени

Константинъ. Заболѣвши, онъ скончался. Въ моментъ его кончины, ни для кого еще не извѣстной, инокъ Іосифъ приблизился къ дверямъ келліи преподобнаго Пафнутія, почивавшаго послѣ утренняго славословія, и хотѣлъ совершить, по монастырскому обычаю, Іисусову молитву. Вдругъ преподобный отворилъ оконце и, увидавши Іосифа, сказалъ:

— Нѣкто сотворилъ молитву и сказалъ: «Старецъ Константинъ отошелъ ко Господу». Я же, проснувшись и открывши окно, никого не увидалъ, кромѣ тебя идущаго.

Іосифъ замѣтилъ:

— Я сейчасъ только вышелъ отъ Константина. Онъ еще живъ.

Но святый повелѣлъ ученику идти въ келлію Константина. Придя туда, Іосифъ дѣйствительно нашелъ его преставившимся.

Преподобный Пафнутій имѣлъ даръ прозорливости: онъ узнавалъ по лицу инока, какою страстію тотъ обуревается, исполнилъ онъ или нѣтъ положенное на день молитвенное правило; узнавалъ даже тайные и давніе грѣхи людей, которыхъ въ первый разъ видѣлъ.

...Одинъ новоначальный инокъ, сожительствовавшій преподобному и еще не преодолѣвшій въ себѣ страстей, вышелъ по нѣкоторой нуждѣ изъ обители. На пути ему встрѣтились міряне и въ томъ числѣ женщины. Взглянувъ на нихъ, инокъ прельстился любострастно женскими взорами и остановился на грѣховной мысли. Возвратившись въ келлію святаго, согрѣшившій нашелъ его за чтеніемъ. Посмотрѣлъ на своего ученика преподобный, тотчасъ же нашелъ его смущеннымъ нечистыми помыслами и, отвративъ отъ него свое лице, далъ понять, что знаетъ его прегрѣшеніе. Устрашившись такой прозорливости, братъ сообщилъ о ней своему однокелейнику Іосифу. Тотъ велѣлъ ему исповѣдать грѣхъ преподобному и испросить прощенія. Когда инокъ исполнилъ это, онъ получилъ прощеніе и отеческое наставленіе.

...Однажды, тоже во время чтенія святымъ Божественнаго Писанія, подошелъ къ его келліи человѣкъ, сотворилъ молитву и, посмотрѣвъ на святаго черезъ оконце, спросилъ объ его ученикѣ Іосифѣ, которому пришедшій былъ землякомъ. Увидавъ совершенно незнакомаго человѣка, святый старецъ сказалъ Іосифу:

— Выйди! Злой взоромъ мужъ спрашивалъ тебя.

Ученикъ вышелъ и, увидавши своего знакомаго, спросилъ его, зачѣмъ онъ пришелъ. Тотъ отвѣчалъ:

— Хочу быть монахомъ.

Іосифъ повѣдалъ о его желаніи святому игумену, но тотъ сказалъ:

— Напитавши, отпусти этого человѣка, потому что онъ недобрый.

Іосифъ удивленъ былъ такимъ отвѣтомъ; однако не осмѣлился разспрашивать. Исполнивъ волю преподобнаго, онъ возвратился къ нему въ келлію. Тогда самъ святый сказалъ Іосифу:

— Этотъ мужъ—убійца. Еще будучи юношей, онъ ударилъ одного монаха ножомъ въ животъ и умертвилъ его. Но это было давно, и онъ забылъ о своемъ грѣхѣ.

Іосифъ изумленъ былъ этими словами: онъ никогда не слышалъ объ этомъ грѣхѣ своего знакомаго.

... Нѣкоторый инокъ пришелъ въ обитель преподобнаго. Подвижникъ, увидавъ его, тихо сказалъ своимъ ученикамъ:

— Видите ли, что и ради иноческаго чина не очистился отъ крови?

Ученики удивились, но боялись спросить преподобнаго о значеніи этихъ словъ. Впрочемъ, послѣ самъ старецъ объяснилъ ихъ:

— Этотъ инокъ,—сказалъ святый,—будучи міряниномъ, отравилъ въ Новгородѣ князя, которому служилъ. Мучимый совѣстью, онъ принялъ монашество[1]).

... Боярыня, супруга Алексѣя Габурина, питала особенное уваженіе и вѣру къ святому и часто посылала къ нему своихъ дѣтей съ дарами, прося его молитвъ и благословенія. По діавольскому дѣйствію, она впала въ болѣзнь и часто видѣла многихъ, устрашающихъ ее, демоновъ. Потомъ являлся ей какой-то сгорбленный и малорослый старецъ съ большой сѣдой бородой, въ плохой одеждѣ. Старецъ властно отгонялъ демоновъ, и послѣ того она становилась здоровою. Однажды больная услышала при этомъ голосъ, говорившій ей:

— Пафнутій, который въ Боровскѣ, отгоняетъ отъ тебя демоновъ.

Такъ случалось съ боярыней много разъ. Прошло нѣсколько времени, она совершенно выздоровѣла и пожелала увидать святаго, чтобы узнать, дѣйствительно ли онъ являлся ей и отгонялъ бѣсовъ. Боярыня пришла со слугами къ обители. Но такъ какъ монастырь

---

[1]) Здѣсь разумѣется *князь Димитрій Георгіевичъ Шемяка*, отравленный въ 1453 г. въ Великомъ Новгородѣ. Отраву далъ князю его бояринъ и любимецъ Іоаннъ Котовъ.

для женщинъ былъ невходенъ, то, остановившись у его воротъ, она послала слугъ своихъ къ ученикамъ блаженнаго съ просьбой о томъ, какъ бы ей увидать преподобнаго. Иноки, показавъ святаго старца слугамъ, повелѣли имъ указать его госпожѣ своей во время его выхода съ братіей въ трапезу, такъ какъ приближалось обѣденное время. Но боярыня, прежде всякаго указанія, увидѣвши преподобнаго, тотчасъ узнала въ немъ являвшагося ей старца и со слезами возопила:

— Воистину это тотъ, который своимъ явленіемъ отгонялъ отъ меня демоновъ и даровалъ мнѣ исцѣленіе.

Затѣмъ, воздавъ благодареніе Богу, Пречистой Его Матери и преподобному Пафнутію, послала милостыню.

... У одного изъ учениковъ преподобнаго болѣлъ глазъ. Больной, сильно страдая, усиленно искалъ лѣкаря. Святый же далъ ему свои четки и приказалъ тысячу разъ произнести молитву Іисусову. Но, понуждаемый сильными страданіями, больной едва исполнилъ половину приказаннаго числа. Произнеся полтысячи разъ молитву и замѣтивъ исцѣленіе своего глаза, инокъ отъ радости съ поспѣшностію пошелъ къ преподобному, чтобы сообщить ему о своемъ выздоровленіи. Но прозорливый старецъ опять повелѣлъ ученику возвратиться къ себѣ для окончанія заповѣданнаго числа молитвъ.

... Благочестивые міряне повѣдали преподобному и сидѣвшимъ въ его келліи братіямъ объ оставленіи архимандритства тогдашнимъ архимандритомъ подмосковнаго Симонова монастыря. При этой вѣсти начался разговоръ о томъ, кто будетъ теперь Симоновскимъ архимандритомъ. Одинъ назвалъ такого-то, другой—иного. Святый же, взглянувши на своего очень юнаго новопостриженнаго ученика, по имени Вассіана, родного брата преподобнаго Іосифа (своего будущаго жизнеописателя), и указавъ на него, съ улыбкой сказалъ:

— Этотъ—Симоновскій архимандритъ.

Въ этихъ словахъ святаго обнаружилось его прозрѣніе въ болѣе отдаленное будущее. Спустя много лѣтъ Вассіанъ дѣйствительно былъ архимандритомъ Симоновскаго монастыря[1]).

---

[1]) *Вассіанъ* (*Санинъ*) упоминается архимандритомъ Симоновскимъ въ 1502 г. Въ 1506 г. онъ былъ посвященъ въ епископа Ростовскаго.—Симоновъ монастырь основанъ около 1370 г. преп. Сергіемъ Радонежскимъ по порученію Великаго Кн. Димитрія Донского. Съ первоначальнаго мѣста построенія (слобода Старое Симоново) монастырь вскорѣ перенесенъ былъ на нынѣшнее его мѣсто—на высокомъ берегу р. Москвы на южной окраинѣ города. Первымъ игуменомъ монастыря былъ племянникъ преп. Сергія Ѳеодоръ (послѣ архіеп. Ростовскій, † 1395 г.).

...Разъ преподобный выпросилъ у одного князя половить рыбу три дня на одномъ мѣстѣ Оки съ тѣмъ, чтобы все пойманное пошло въ пользу монастыря. Отправляя одного изъ служителей на эту ловитву, подвижникъ повелѣлъ дать ему пять гривенъ [1]) денегъ для покупки сосудовъ, чтобы въ нихъ посолить рыбу, пойманную въ назначенный срокъ. Служитель не бралъ столько денегъ, не надѣясь и одного малаго сосуда наполнить рыбой. Преподобный же гнѣвно посмотрѣлъ на него и велѣлъ дѣлать, что̀ ему приказано. Тогда посланный пошелъ и въ три дня поймалъ 730 большихъ рыбъ. Столько не поймали рыболовы князя и во все лѣто. Предвидя чудесную ловитву, святый и повелѣлъ купить такъ много сосудовъ.

...Одинъ юноша, ставъ инокомъ, подвергся искусительному дѣйствію діавола. Исконный врагъ людей являлся ему въ разныхъ образахъ: то въ образѣ неизвѣстнаго звѣря или чернаго пса, а иногда въ то время, когда инокъ сидѣлъ въ келліи, подобно медвѣдю онъ ходилъ кругомъ келліи и ударялъ по ея стѣнамъ. Старецъ повелѣлъ юному иноку прочесть при немъ Псалтирь. Какъ только юноша исполнилъ приказаніе святаго, бѣсовскія мечтанія совершенно исчезли, и онъ освободился отъ страшныхъ призраковъ.

Были прозорливцы и среди учениковъ преподобнаго Пафнутія. Таковъ былъ слезоточивый инокъ Евѳимій. Этотъ подвижникъ, испускавшій слезы молитвеннаго умиленія не только въ келліи, но и въ церкви на всякомъ правилѣ, получилъ отъ Бога даръ прозорливости, который проявился однажды такимъ образомъ. Два брата имѣли между собою любовь не по Богѣ, а мірскую. И такъ какъ преподобный очень негодовалъ на нихъ за это, то они помышляли тайно уйти изъ обители. Стоя во время Литургіи съ своимъ обычнымъ слезнымъ умиленіемъ, Евѳимій взглянулъ на святаго отца и поющихъ съ нимъ, среди которыхъ были и эти два брата. И вотъ онъ видитъ, какъ выскочилъ изъ-за нихъ эѳіоплянинъ съ острымъ шлемомъ на головѣ. Въ рукахъ своихъ бѣсъ держалъ желѣзный крюкъ. Зацѣпляя крюкомъ за одежды грѣшныхъ монаховъ, онъ вытаскивалъ ихъ за клиросъ и, привлекая къ себѣ, хотѣлъ схватить ихъ своими руками. Но какъ только онъ приближалъ ихъ къ себѣ, желѣзный крюкъ отскакивалъ. Это значило, что когда два грѣшника склонялись на посѣянный въ нихъ вра-

---

[1]) На нашъ счетъ это составитъ нѣсколько десятковъ рублей.

гомъ помыслъ уйти изъ обители и не покоряться отцу, врагъ легко привлекалъ ихъ къ себѣ, но, при ихъ противленіи этому помыслу, бѣсовское орудіе бывало безсильно и отскакивало. Смотря на это, прозорливецъ проникалъ духовными очами въ то, что происходило въ ихъ душахъ. При чтеніи Евангелія и во время Херувимской эѳіоплянинъ исчезалъ. По окончаніи ихъ онъ снова появился. Когда же настало освященіе Святыхъ Даровъ и изрядная пѣснь Пресвятой Богородицѣ[1]), тогда эѳіоплянинъ исчезъ, какъ дымъ, и уже не появлялся снова. Всю Литургію простоялъ въ трепетѣ и изступленіи прозорливый старецъ, а потомъ разсказалъ о своемъ видѣніи преподобному Пафнутію. Преподобный призвалъ грѣшниковъ и заповѣдалъ имъ бороться съ грѣховными помыслами и исторгать ихъ изъ своихъ сердецъ. Послѣ наставленія и увѣщанія святаго оба инока исправились.

Святая жизнь преподобнаго Пафнутія, его благоразсудительность и опытность во всякомъ дѣлѣ, Божіемъ и человѣческомъ, сдѣлали то, что не только иноки, но и многіе міряне выбирали его духовнымъ отцемъ себѣ. Къ нему, какъ къ искусному врачу, шли знатные и простолюдины, богатые и бѣдные, добродѣтельные и грѣшные, и всѣ получали полезные совѣты и должныя епитиміи. Въ пріемѣ приходящихъ у святаго не было никакого лицепріятія. Не боясь сильныхъ и не щадя гордыхъ, подвижникъ былъ очень ласковъ съ смиренными.

Преподобный Іосифъ Волоколамскій пишетъ о своемъ учителѣ преподобномъ Пафнутіи, что, когда нужно, онъ былъ милостивъ и снисходителенъ, но подчасъ бывалъ суровъ и гнѣвенъ, если это требовалось. Духовныя дѣти преподобнаго почитали его и боялись. Георгій Васильевичъ, князь Дмитровскій, разсказывалъ, что когда онъ шелъ на исповѣдь къ преподобному, у него подгибались колѣна. Зато духовныя дѣти, выбравъ преподобнаго отцемъ своимъ, не разрывали съ нимъ общенія и за гробомъ. Одинъ разъ, задремавъ на порогѣ церкви предъ заутреней, преподобный видѣлъ во снѣ, будто открылись врата обители и вошло множество народа со свѣчами, направлявшагося къ церкви, а въ серединѣ былъ князь Георгій Васильевичъ. Придя къ церкви, князь поклонился ей, потомъ духовному отцу. Преподобный спросилъ его:

— Сынъ и князь! Ты уже преставился?

— Да, честный отче!

1) Т. е.—«Достойно есть».

— Каково же тебѣ тамъ нынѣ?—спрашиваетъ преподобный.

— Твоими святыми молитвами Богъ далъ мнѣ добро. Особенно же потому, что, когда я шелъ подъ Алексинъ на безбожныхъ агарянъ, покаялся у тебя во всѣхъ грѣхахъ[1]).

Въ это время начали звонить къ заутренѣ, и преподобный пробудился.

Преподобный былъ очень милостивъ и нищелюбивъ. Проповѣдуя милосердіе словомъ, подвижникъ осуществлялъ эту добродѣтель на дѣлѣ. Въ Боровской странѣ случился сильный голодъ, и преподобный усердно питалъ въ обители своей голодающихъ, приходившихъ изъ окрестныхъ селъ. Такъ собиралось ежедневно до тысячи человѣкъ, даже болѣе, и милосердный подвижникъ истощилъ всѣ запасы монастыря. На слѣдующій годъ Господь послалъ умноженіе плодовъ земныхъ.

Преподобный Пафнутій дожилъ до глубокой старости—до 83 лѣтъ, изъ которыхъ 63 года онъ провелъ въ иноческихъ подвигахъ. Отрекшемуся отъ всѣхъ утѣхъ земныхъ, живущему лишь для Бога и для вѣчности, преподобному оставалось только освободиться отъ всего временнаго и перейти къ тому вѣчному, уготованному Богомъ для любящихъ Его, чего ѻ҆́ко не ви́дѣ и҆ ᲂу҆́хо не слы́ша и҆ на се́рдце чл҃вѣ́ку не взыдо́ша[2]).

Господь открылъ святому старцу за цѣлую седмицу день его блаженной кончины, и подвижникъ готовился встрѣтить ее мирно и непостыдно. Всѣ эти дни при святомъ находился ученикъ его Иннокентій, который оставилъ описаніе послѣднихъ дней жизни своего святаго учителя[3]).

Это происходило весною 1477 года, вскорѣ послѣ праздника Святой Пасхи, бывшаго въ тотъ годъ 6 апрѣля.

Въ четвергъ третьей недѣли по Пасхѣ (24 апрѣля), послѣ утрени святый вышелъ съ Иннокентіемъ къ пруду, который самъ выкопалъ. Замѣтили они, что сквозь запруду протекаетъ вода. Преподобный училъ Иннокентія, какъ преградить путь водѣ; потомъ вернулся въ обитель ввиду наступившаго времени святой Ли-

---

1) Здѣсь разумѣется *истребленіе города Алексина* (нынѣ уѣзд. гор. Тульской губ.) ханомъ Ахматомъ въ 1472 г. Князь Георгій и другіе не сумѣли и не успѣли помочь несчастному городу.

2) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 2, ст. 9.

3) Записки Иннокентія признаются однимъ изъ лучшихъ произведеній древнерусской житійной письменности. Въ нижеслѣдующемъ разсказѣ онѣ помѣщаются съ нѣкоторыми сокращеніями.

тургіи. При уходѣ старца ученикъ просилъ его придти на работу послѣ обѣденнаго часа. Въ отвѣтъ на это святый сказалъ:

— Невозможно мнѣ придти, потому что я имѣю иное, болѣе нужное и неотложное дѣло.

Послѣ Литургіи святый старецъ трапезовалъ съ братіею, потомъ послалъ за Иннокентіемъ и приказалъ ему идти къ пруду. Иннокентій пошелъ въ келлію святаго и, увидавши своего наставника сидящимъ на одрѣ, напомнилъ ему о работѣ.

— У меня есть другая нужда, которой ты не знаешь; **сꙋщїй соꙋзъ разрѣшитисѧ хо́щетъ**,—отвѣтилъ святый.

Иннокентій былъ такъ смущенъ словами старца, что, выйдя съ тремя братіями на работу, ничего не могъ сдѣлать.

Вернувшись въ монастырь, ученикъ нашелъ подвижника опять сидящимъ на одрѣ. Старецъ приказалъ передать князю Михаилу Андреевичу[1]), чтобы онъ не приходилъ въ обитель, потому что приспѣло иное дѣло. Въ этотъ день святый не ходилъ въ церковь ни на вечернее, ни на послѣвечернее правила, но велѣлъ Иннокентію совершить ихъ въ своей келліи. Братія подошли къ келліи преподобнаго, чтобы узнать, почему онъ не явился на Богослуженіе. Но подвижникъ никому не позволилъ войти къ себѣ и просилъ всѣхъ собраться на слѣдующее утро. Отпуская отъ себя ученика, подвижникъ сказалъ ему:

— Въ такой же четвергъ я освобожусь отъ своей немощи.

Всю ночь святый провелъ въ молитвѣ.

Утромъ въ пятницу, 25 апрѣля братія монастыря приходили къ преподобному прощаться и получить его благословеніе. Иноковъ въ монастырѣ было тогда 95 человѣкъ, и всѣ до одного собрались къ болящему подвижнику, даже немощные и слѣпые. Простившись съ братіею, преподобный пошелъ къ Литургіи, поддерживаемый своими учениками. Когда одинъ изъ нихъ, уже немолодой, желая поддержать святаго, взялъ его за ладонь, то преподобный съ гнѣвомъ выхватилъ руку и велѣлъ держать себя только за одежду. Вотъ какимъ осторожнымъ хранителемъ безстрастія былъ онъ,—даже въ старости и болѣзни, уже предъ смертнымъ исходомъ не дозволялъ прикасаться къ своему тѣлу. Старецъ ничего не вкушалъ въ тотъ

---

[1]) *Князь Михаилъ Андреевичъ Верейскій*, внукъ Димитрія Донского, былъ женатъ на дочери Боровскаго князя Еленѣ Ярославнѣ и, можетъ быть, съ ея рукою получилъ Боровское княжество. Скончался онъ въ 1486 г. и погребенъ въ обители преподобнаго Пафнутія.

день; только попросилъ себѣ сыты, то есть воды съ медомъ. Князь Михаилъ Андреевичъ прислалъ своего діакона узнать, что съ преподобнымъ, и почему онъ не велѣлъ ему приходить къ себѣ. Но преподобный не принялъ посланнаго. Не принялъ онъ также грамоту и деньги, присланныя въ монастырь изъ тверскихъ предѣловъ. Онъ былъ въ тотъ день и у Вечерни. Отъ слабости больной едва держался и стоялъ, положивъ на посохъ руки, наклонивъ на нихъ голову. Тѣмъ не менѣе онъ усердно подпѣвалъ братіи и остался послѣ Вечерни на панихиду, несмотря на то, что братія хотѣли отвести его въ келлію.

— Эта панихида мнѣ нужна,—сказалъ имъ преподобный,—я не услышу ее болѣе.

Въ субботу, 26-го больной старецъ также былъ у святой Литургіи. По окончаніи ея Иннокентій приготовилъ для него немного пищи и просилъ вкусить ея, указывая на субботній день и на то, что онъ не ѣлъ съ четверга. Но святый отказался отъ пищи, сказавъ:

— И я знаю это: и по Божественнымъ правиламъ подобаетъ въ субботу вкусить разрѣшенія ради поста, однако болящему слѣдуетъ три дня воздерживаться отъ пищи предъ причащеніемъ Божественныхъ Таинъ.

Таковъ былъ многолѣтній обычай святаго старца—поститься предъ пріобщеніемъ святыхъ Таинъ и проводить въ молчаніи цѣлую седмицу.

Вечеромъ онъ исповѣдался предъ священноинокомъ Исаіей.

Міряне продолжали докучать болящему подвижнику, который готовился къ кончинѣ и всѣ мысли свои устремилъ къ Богу. Князь Михаилъ снова прислалъ въ монастырь, на этотъ разъ духовнаго отца своего, священника Іоанна и просилъ у святаго прощенія и благословенія себѣ и сыну своему Іоанну. Иннокентій передалъ просьбу князя. Помолчавъ немного, преподобный сказалъ:

— Удивляюсь на князя, зачѣмъ присылаетъ: «благослови сына моего, князя Іоанна». А князь Василій развѣ не сынъ его?[1]) Богъ знаетъ, самъ на себя раздѣлился; какъ же можетъ онъ обрѣсти миръ и благословеніе?

Затѣмъ прибавилъ:

---

[1]) У кн. Михаила Андреевича извѣстны дѣти: Василій, по прозванію Удалый († 1495 г.), Іоаннъ и дочь Анастасія, бывшая въ замужествѣ за княземъ Іосифомъ Андреевичемъ Дорогобужскимъ, въ 1485 г. поступившимъ на службу къ Великому Князю Московскому.

— Нѣтъ у него ко мнѣ никакого дѣла, хотя бы и князь онъ былъ.

Эти слова были переданы княжескому духовнику, но тотъ всетаки хотѣлъ повидать старца и для этого пошелъ въ церковь къ Вечернѣ. Пошелъ и подвижникъ, но онъ поспѣшно скрылся въ алтарѣ и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока посолъ князя оставилъ монастырь. Отстоялъ преподобный и Всенощную, хотя поддерживаемый своими учениками. Потомъ сказалъ братіи:

— Отселѣ уже не услышу всенощнаго бдѣнія.

Молитвою готовился преподобный къ пріобщенію великой святыни и лишь только начало свѣтать, повелѣлъ преподобному Іосифу прочесть правило ко Причащенію.

Пріобщившись Животворящихъ Христовыхъ Таинъ въ храмѣ за Божественной Литургіей въ воскресенье (27 апрѣля), святый старецъ приведенъ былъ въ келлію. Опять заботливый Иннокентій приготовилъ ему немного пищи. Братія понуждали его подкрѣпиться и, чтобы не оскорбить ихъ, преподобный немного вкусилъ, а затѣмъ отдалъ братіи, что̀ было ему приготовлено.

Въ тотъ день Великій Князь Московскій Іоаннъ Васильевичъ[1]), неизвѣстно какъ узнавшій о болѣзни преподобнаго Пафнутія, прислалъ къ нему посла съ грамотой. Когда ученикъ подалъ подвижнику великокняжеское посланіе, онъ сказалъ:

— Возврати посланіе принесшему,—пусть отдастъ его пославшему. Теперь я уже ничѣмъ не связанъ съ міромъ: не желаю чести и не имѣю страха предъ сильными міра.

Иннокентій замѣтилъ своему наставнику:

— Что касается тебя, ты сказалъ правду; но ради Бога сотвори полезное намъ—не оскорбляй Великаго Князя, не разгнѣвай его.

Старецъ же отвѣтилъ:

— Истину говорю вамъ: не разгнѣвайте Единаго, тогда ничего не успѣетъ противъ васъ гнѣвъ человѣческій. Если же Единаго разгнѣваете—Христа, никто помочь вамъ не сможетъ. А человѣкъ, если и разгнѣвается, снова смягчится.

Ученикъ не смѣлъ больше возражать наставнику и возвратилъ послу великокняжескую грамоту.

Присылала посла и мать Великаго Князя Марія Ярославна, которая была великой почитательницей добродѣтельнаго старца, а

1) *Іоаннъ III Васильевичъ* былъ Великимъ Княземъ съ 1462 г. по 1505 г.

также супруга князя гречанка Софія Ѳоминична[1]), которая прислала преподобному грамоту и золота. Старецъ ничего не взялъ и велѣлъ все вернуть назадъ, а ученику своему даже выговорилъ за то, что ему все докучаютъ. Присылали въ монастырь къ болящему подвижнику многіе бояре и простые міряне, но объ этомъ ему уже и не докладывали.

Видя святаго старца въ великой немощи, Иннокентій сказалъ ему:

— Сильно неможется тебѣ, отецъ Пафнутій?

Старецъ отвѣтилъ:

— Самъ видишь—изнемогаю, но не чувствую болѣзни выше силъ моихъ.

Подвижникъ не вкушалъ больше пищи. Прикажетъ себѣ что-нибудь изготовить, но когда приносили, то, похваливъ, онъ отдавалъ все братіи съ словами:

— Кушайте, и я съ вами.

Наступила ночь. Подвижникъ сидѣлъ на одрѣ своемъ и творилъ про себя молитву Іисусову. Утреню ему прочли въ келліи.

Въ понедѣльникъ, 28-го подвижникъ съ помощью братіи отстоялъ Божественную Литургію. Послѣ службы онъ ничего не вкушалъ; только выпилъ немного сыты. Иннокентій думалъ, почему это старецъ не дѣлаетъ никакихъ распоряженій о монастырѣ, и, поборовъ смущеніе, спросилъ преподобнаго:

— Отецъ Пафнутій! Прикажи при жизни своей написать завѣщаніе объ устроеніи монастыря: какъ жить послѣ тебя братіи и кому быть игуменомъ.

Помолчавъ недолго, старецъ со слезами сказалъ:

— Братія, сами собою сохраняйте чинъ церковный и строй монастыря. Не перемѣняйте сроковъ церковной молитвы. Священниковъ почитайте, какъ и я, и не лишайте ихъ платы, чтобы не оскудѣла Божественная служба, ибо отъ нея зависитъ успѣхъ во всемъ. Не затворяйте трапезы своей отъ странника, заботьтесь о милостынѣ, просящаго не отпустите ни съ чѣмъ. Трудитесь въ рукодѣльяхъ; но удаляйтесь отъ мірскихъ бесѣдъ; заботливо хра-

---

[1]) *Марія Ярославна*, дочь князя Ярослава (Аѳанасія) Владиміровича, сестра упомянутаго выше Василія Ярославича, въ 1433 г. вышла замужъ за Вел. Князя Василія Васильевича Темнаго, скончалась въ 1484 г. въ иночествѣ съ именемъ Марѳы.—*Софія Ѳоминична*, дочь Морейскаго деспота Ѳомы Палеолога (брата послѣдняго Константинопольскаго императора Константина XI, погибшаго на стѣнахъ греческой столицы при взятіи ее Турками въ 1453 г.). Она была второю супругою Вел. Кн. Іоанна III, сочеталась съ нимъ бракомъ въ 1472 г., скончалась въ 1503 г.

ните сердце свое отъ помысловъ лукавыхъ. Послѣ вечерняго правила не сходитесь для бесѣды: пусть всякій безмолвствуетъ въ своей келліи. Церковной молитвы никогда не отлучайтесь, развѣ по немощи; исполняйте весь уставъ, правило церковное и всѣ предписанія церковныя кротко, немятежно и молчаливо. Однимъ словомъ, поступайте такъ, какъ я. Если не презрите моей заповѣди, вѣрую Вседержителю Богу и Непорочной Дѣвѣ Богоматери, Господь не лишитъ это мѣсто всѣхъ благъ Своихъ. Но знаю, — пророчески прибавилъ преподобный, — что по отшествіи моемъ въ монастырѣ Пречистой будетъ мятежникъ; онъ смутилъ мою душу, внесетъ мятежъ въ братію. Однако Пречистая Царица усмиритъ мятежъ и бурю, подастъ тишину обители Своей и живущей въ ней братіи[1]).

Сказавъ это, старецъ умолкъ отъ изнеможенія. Ночь его прошла въ обычныхъ молитвахъ.

29-го, во вторникъ преподобный безмолвствовалъ, потому что готовился къ пріобщенію Христовыхъ Таинъ въ праздникъ Преполовенія святой Пятидесятницы, который въ тотъ годъ приходился на 30 апрѣля. Старецъ пѣлъ Псалмы, молебны, каноны и священные стихи. Такъ продолжалось цѣлый день. Иннокентій и келейникъ преподобнаго молча внимали этому необычайному пѣнію, не смѣя ничего сказать, ибо подвижникъ заповѣдалъ имъ ничѣмъ не развлекать его. Ночь провелъ болящій безъ сна въ молитвѣ, почти все время стоя на ногахъ и присаживаясь только на короткое время.

Только насталъ день (среда), преподобный Іосифъ прочелъ для святаго правило ко Причащенію. Литургію отстоялъ въ храмѣ и пріобщился Животворящихъ Таинъ Христовыхъ. Принявъ по обычаю благословеніе отъ служащаго іерея, преподобный былъ веденъ братіей въ келлію. Ставъ въ сѣняхъ своей келліи, съ обѣихъ сторонъ поддерживаемый учениками, преподобный посмотрѣлъ на образъ Пречистой Богородицы, а душевнымъ окомъ обращаясь ко всей братіи, со вздохомъ и слезами сказалъ:

— Господи Вседержителю! Испытающій сердца и помышленія, Ты знаешь все. Если кто пожалѣетъ о мнѣ, воздай ему, Го-

---

1) Изъ древнихъ житій преп. Іосифа Волоколамскаго (память его — 9 сентября) извѣстно, что преп. Пафнутій назначилъ его игуменомъ своей обители. По предсказанію преподобнаго Пафнутія, вскорѣ послѣ его кончины въ монастырѣ пошли несогласія, пререканія, и новый игуменъ—преп. Іосифъ въ 1477 г. или въ 1478 г. тайно оставилъ Боровскую обитель.

споди, сторицею въ семъ вѣкѣ, а въ будущемъ даруй жизнь вѣчную. Если же кто порадуется о смерти моей, смерти грѣшнаго человѣка, не постави ему, Господи, сего во грѣхъ.

Слышавшіе это ужасались, и каждый обращался къ суду своей совѣсти. Когда же ввели старца въ келлію, онъ съ радостнымъ лицемъ началъ утѣшать братію, какъ будто бы хотѣлъ, чтобы они забыли только что сказанныя слова. Вспомнивъ прежнія слова святаго, что болѣзнь его не тяжка, братія подумали, что ему становится легче. Они понуждали его вкусить пищи, но старецъ не хотѣлъ. Выпилъ немного сыты, потомъ отдалъ ее братіи со словами:

— Пейте чашу сію, чада; пейте какъ мое послѣднее благословеніе, ибо я больше не буду отъ нея пить или вкушать.

Много говорилъ онъ братіи и еще утѣшительныхъ словъ, потомъ возлегъ на одрѣ своемъ, на которомъ чрезъ день скончался. Иннокентію, служившему ему при болѣзни, преподобный завѣщалъ сосудъ меда, а потомъ послалъ братію въ трапезу, ибо настало время обѣда. Иннокентій, не отходившій отъ своего больного учителя, быстро возвратился съ трапезы и увидѣлъ его лежащимъ на одрѣ, потомъ, помолчавъ немного, спросилъ преподобнаго:

— Отецъ Пафнутій! Ты не поправляешься, потому что цѣлую недѣлю совершенно не вкушаешь пищи. Что молчишь, господинъ мой? Кому приказываешь монастырь свой,—братіи или Великому Князю? Почему не говоришь ты ничего?

Святый отвѣтилъ:

— Пречистой.

Затѣмъ, немного помолчавъ, сказалъ ему:

— Братъ Иннокентій! Правду ли ты говоришь?

Замѣтивъ, что старецъ смущается, Иннокентій молчалъ.

— Мнѣ, братъ, кто приказывалъ монастырь? Сама Пречистая Царица изволила. Она возлюбила это мѣсто прославленія имени Своего, воздвигла храмъ Свой, собрала братію и меня нищаго много времени питала и покоила вмѣстѣ съ братіей. И теперь, когда я, смертный человѣкъ, смотрю въ гробъ и не могу помочь себѣ, Сама Царица Небесная можетъ устроить полезное Своей обители, какъ Она начала это. Ты знаешь самъ: ни княжеской властью, ни богатствомъ сильныхъ, не золотомъ и не серебромъ воздвиглась эта обитель, но изволеніемъ Божіимъ и волею Пречистой Его Матери. На Нее возлагаю всю надежду: Своею милостью Она покроетъ меня на мытарствахъ отъ насилія мрачныхъ

и лукавыхъ духовъ, а въ день праведнаго суда избавитъ вѣчной муки и причтетъ къ избраннымъ. Если же я получу благодать, то не премолчу молиться о васъ ко Господу. И сами вы будьте поэтому усердны: живите чисто; не только такъ, какъ жили при мнѣ, но еще и лучше; содѣвайте спасеніе со страхомъ и трепетомъ, чтобы ради вашихъ добрыхъ дѣлъ я почивалъ мирно, чтобы вселились добрѣ пришедшіе сюда послѣ меня. Да обрѣтете вы покой по кончинѣ своей. Пусть каждый пребываетъ въ томъ званіи, въ которомъ призванъ. Не возвышайтесь паче мѣры,—это не полезно вамъ, но и душевредно. Не возноситесь надъ немощными братьями ни мыслью, ни дѣломъ, но долготерпите о нихъ, какъ о членахъ своихъ. Ей, чада, спѣшите дѣлать добро!

Сказавъ это, святый въ изнеможеніи замолчалъ.

Немного спустя пришелъ въ монастырь посланный отъ Московскаго митрополита Геронтія[1]), пришли новые послы отъ Великаго Князя и Великихъ Княгинь. Они настойчиво добивались свиданія съ преподобнымъ и его бесѣды. Долго Иннокентій отказывался и отлагалъ говорить о нихъ болящему старцу, но наконецъ доложилъ о посланныхъ. Старецъ оскорбился на своего ученика и говорилъ ему, что всѣ 60 лѣтъ своего иночества онъ постоянно обращался съ князьями, боярами и другими мірянами.

— Теперь я понялъ, что нѣтъ никакой пользы отъ этого,—одно испытаніе для души. Своимъ милосердіемъ, не хотя смерти грѣшника безъ покаянія, далъ мнѣ Господь шесть дней для покаянія; а ты мнѣ не даешь покоя, наводишь на меня мірянъ. Ужъ теперь мнѣ нельзя и изъ келліи выйти, чтобы они не докучали мнѣ.

Иннокентію стало очень прискорбно и то, что онъ смутилъ старца, и то, что не получилъ разрѣшенія для посланныхъ. Выйдя изъ келліи, онъ передалъ имъ отвѣтъ преподобнаго и просилъ ихъ оставить монастырь. Но, выйдя изъ обители, посланные ночевали въ близлежащемъ селѣ, чтобы наутро повидать подвижника. Слѣдующую ночь, послѣднюю ночь своей жизни, святый старецъ провелъ безъ сна, въ непрестанной молитвѣ: то пѣлъ Псалмы, то читалъ молитву Іисусову.

Наступилъ четвергъ 1 мая, день кончины преподобнаго Пафнутія. Подвижникъ повелѣлъ отслужить Литургію ранѣе обыкновеннаго. Самъ онъ думалъ идти къ ней, собирался спѣша и говорилъ про себя:

---

1) *Митрополитъ Геронтій* управлялъ Русскою Церковію съ 1473 г. по 1489 г.

— Вотъ, пришелъ день.

Въ недоумѣніи братія смотрѣли другъ на друга, не понимая, что̀ говоритъ старецъ. Иннокентій спросилъ его, о какомъ днѣ говоритъ онъ.

— О томъ днѣ, о которомъ говорилъ вамъ раньше,—отвѣтилъ святый.

Ученикъ началъ перечислять дни: «воскресенье, понедѣльникъ, вторникъ?»

Преподобный сказалъ:

— Этотъ день—четвергъ, о которомъ говорилъ я вамъ и раньше.

Братія были въ недоумѣніи. Повели старца въ церковь, но не успѣли выйти изъ келліи, какъ пришелъ преподобный Іосифъ и возвѣстилъ ему, что посланные отъ знатныхъ лицъ міряне ожидаютъ его, что сверхъ бывшихъ вчера пришли новые: всѣ они собрались и стоятъ на пути подвижника въ церковь. Тогда преподобный оскорбился тѣмъ, что они заградили ему путь въ храмъ Божій и не пошелъ изъ келліи. Отпустивши братію въ церковь, онъ сѣлъ въ сѣняхъ и сказалъ:

— Это все дѣлаетъ Иннокентій, онъ такъ распорядился.

Иннокентій же не смѣлъ и оправдываться.

Онъ также пошелъ въ церковь, старецъ остался съ однимъ ученикомъ въ келліи и заперъ двери, чтобы не пришелъ къ нему кто-либо изъ посланныхъ. По окончаніи Литургіи міряне поняли, что нельзя видѣть святаго, и возвратились назадъ. Когда же пришли къ нему опять ученики и въ молчаніи окружили одръ, то онъ говорилъ какъ бы о комъ-либо другомъ:

— Пришелъ для него день, и онъ умретъ.

— О комъ говоришь, отче, что умретъ? — спросилъ его Иннокентій.

— О томъ, о которомъ вы говорите: болитъ; тотъ покаявшись, хочетъ умереть,—сказалъ онъ.

Пришелъ часъ обѣда, и братія отправились въ трапезу. Остался при больномъ одинъ Иннокентій.

Святый приказалъ ученику перевести его на другую сторону келліи, потому что тамъ спокойнѣе; приказалъ никого не впускать.

— Утомился,—сказалъ онъ,—и хочу отдохнуть до вечерняго пѣнія; вечеромъ же придутъ ко мнѣ вся братія.

Тогда ученикъ понялъ, что приблизилось время его преставленія. Иннокентій спросилъ святаго:

— Отче, когда преставишься, звать ли протопопа и иныхъ священниковъ изъ города на твое погребеніе?

Святый завѣщалъ никого не звать и довольствоваться монастырскими священниками, чтобы не собрался въ обитель народъ и не разнесъ вѣсти о его смерти по городу и селамъ. Ученикъ спросилъ:

— Гдѣ ты велишь ископать себѣ могилу?

Онъ велѣлъ ее ископать у южной стороны церкви, близъ церковныхъ дверей.

— А гроба дубоваго не покупайте мнѣ,— сказалъ святый.— На эти шесть денегъ купите калачей и раздайте ихъ нищимъ.

Ученикъ замолчалъ, а старецъ молился о спасеніи своей души, полагая надеждой своей Пресвятую Богородицу. Ей онъ ввѣрялъ и монастырь свой. Иннокентій разбудилъ келейника преподобнаго, заставилъ его сидѣть при болящемъ старцѣ, а самъ вышелъ заснуть, такъ какъ ему нездоровилось. Лишь только онъ началъ дремать, какъ услышалъ голоса многихъ пѣвцовъ въ келліи преподобнаго. Удивленный этимъ, Иннокентій вошелъ въ келлію и спрашивалъ келейника:

— Кто изъ братіи былъ здѣсь?

— Никто,—отвѣчалъ тотъ.—Послѣ твоего ухода онъ началъ пѣть:

— **Бл҃же́ни непоро́чнїи въ пꙋ́ть, ходѧ́щїи въ зако́нѣ гд҃ни**,—припѣвая заупокойные стихи. Окончивъ же Псаломъ, онъ пѣлъ послѣдующіе стихи:

— **Ст҃ы́хъ ли́къ ѡ҆брѣ́те и҆сто́чникъ жи́зни**,[1])—и прочіе.

— Отходитъ старецъ къ Богу, — сказалъ Иннокентій келейнику.

Ученики припали къ ногамъ святаго и лобызали ихъ, затѣмъ на грудь къ нему, прося прощенія и благословенія. Но старецъ уже не внималъ словамъ ихъ, а только молился ко Господу:

— Царю Небесный, Всесильный! Молюся Тебѣ, Владыко мой, Іисусе Христе, милостивъ буди душѣ моей, да не удержана будетъ она лукавыми, но да встрѣтятъ ее Ангелы Твои, проводящіе сквозь хитрости мрачныхъ мытарствъ и направляющіе ее къ свѣту милосердія Твоего. Знаю я, Владыко, что безъ заступленія Твоего никто не можетъ избыть козней духовъ лукавыхъ.

Дальнѣйшая рѣчь умирающаго была неясна, и ученики ее не поняли. Вдругъ онъ началъ поворачиваться слѣва направо. Много

---

1) Псаломъ 118, ст. 1.

разъ ученики повертывали его на лѣвую сторону, но онъ опять поворачивался направо, шепча невнятныя слова. Отсюда они заключили, что умирающій подвижникъ видитъ нѣчто необычайное. Братія нѣсколько разъ подходили къ келліи преподобнаго, но два ученика, находившіеся при немъ, говорили, что старецъ заснулъ. Въ то время, когда въ обители шла Вечерня, преподобный приготовился къ смерти: сложилъ крестообразно руки на своей груди и тремя дуновеніями предалъ свою святую душу въ руки Господа.

Преподобный Пафнутій скончался въ четвертокъ, 1 мая 1477 года, за часъ до захода солнца, то есть около 7 часовъ вечера[1]). Братія вышли изъ церкви и, узнавъ о кончинѣ преподобнаго, горько оплакали его. Было уже поздно погребать подвижника, и, чтобы исполнить его завѣщаніе о погребеніи безъ мірянъ, братія на другой же день, въ пятокъ, 2 мая, въ 5 часовъ утра похоронили своего наставника. Скорбь братіи была такъ велика, что всѣ рыдали и проливали слезы; никто не могъ ни пѣть, ни канонархать. Погребеніе совершалъ вѣрный ученикъ преподобнаго Иннокентій. Отъ слезъ онъ едва могъ проговорить чинъ погребенія. «И никто отъ мірскихъ человѣкъ не былъ въ то время, не прикоснулся къ одру его, никто не узрѣлъ, какъ полагали его во гробъ»,—такъ повѣствуетъ Иннокентій.[2])

Какъ только погребеніе совершилось, о смерти подвижника узнали въ Боровскѣ, и весь городъ пришелъ въ движеніе. Не только монахи и священники, но и намѣстники города и народъ пошли въ обитель преподобнаго. И хотя въ городѣ скоро узнали, что тѣло святаго уже въ землѣ, народъ непрерывно весь день приходилъ въ монастырь — и со многою любовію всѣ кланялись гробу почившаго.

Мѣстное празднованіе преподобному Пафнутію началось съ 1531 года. Митрополитъ Московскій Даніилъ[3]) съ соборомъ епископовъ благословилъ пѣть канонъ и читать на Богослуженіи житіе преподобнаго Пафнутія, то есть установилъ мѣстное празднованіе

---

[1]) Такъ повѣствуетъ Иннокентій. Въ лѣтописи сказано, что преподобный скончался въ 15-ый часъ дня (послѣ восхода солнца). Принимая во вниманіе, что 1 мая въ Боровскѣ солнце восходитъ приблизительно въ 4 часа, кончина подвижника будетъ приходиться на 7-ой часъ вечера и по этому разсчету.

[2]) Впрочемъ въ лѣтописи и въ житіи преп. Пафнутія отмѣчено, что при погребеніи подвижника случился одинъ мірской священникъ Никита, духовный отецъ князя Андрея Васильевича

[3]) *Митрополитъ Даніилъ* управлялъ Русскою Церковію съ 1522 г. по 1539 г.

ему. Соборъ же 1547 года постановилъ память преподобнаго Пафнутія праздновать общецерковно.

Святыя мощи преподобнаго почиваютъ въ главномъ монастырскомъ храмѣ въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы, въ придѣлѣ, посвященномъ его имени.

Тропа́рь, гла́съ д҃:

Жи́тїѧ свѣ́тлостїю просвѣти́въ твоѐ ѻ҆те́чество въ мл҃твахъ и҆ постѣ́хъ, дарова́нїй бж҃е́ственнаго дх҃а и҆спо́лнилсѧ є҆сѝ: и҆ во вре́менѣй се́й жи́зни до́брѣ подвиза́всѧ, мл҃ти бл҃гоу̀тро́бїѧ всѣ́мъ скорбѧ́щымъ ѿве́рзлъ є҆сѝ, и҆ ни́щымъ бы́лъ є҆сѝ заступникъ. тѣ́мъ мо́лимъ тѧ̀ ѻ҆́тче пафнꙋ́тїе, молѝ хр҃та̀ бг҃а, да сп҃се́тъ дꙋ́шы на́шѧ.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Бж҃їимъ свѣтоли́тїемъ просвѣще́нъ ѻ҆́тче, по́стническое стѧжа́въ жи́тельство пр҃бне, мона́хомъ предо́брый наста́вниче, и҆ по́стникѡмъ бл҃го́е ᲂу҆краше́нїе: сегѡ̀ ра́ди гдⷭ҇ь трꙋды̀ твоѧ̀ ви́дѣвъ, чꙋде́съ да́ромъ ѿбогати́ тѧ, и҆сточа́ѥши бо и҆сцѣле́нїѧ. мы́ же ра́дꙋющесѧ вопїе́мъ ти̑: ра́дꙋйсѧ, ѻ҆́тче пафнꙋ́тїе.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ВАТЫ

Святый мученикъ Вата происходилъ изъ Персіи. Предки его были христіане, и самъ онъ былъ воспитанъ въ христіанской вѣрѣ. Достигши тридцатилѣтняго возраста, онъ оставилъ отца, мать, жену и дѣтей, имущество свое раздалъ бѣднымъ и, ушедши изъ родительскаго дома, принялъ иночество. Усердно подвизаясь въ иноческой жизни, онъ пожелалъ окончить жизнь свою мученическою смертію. Въ то время воздвигнуто было на христіанъ гоненіе,[1]) и когда всѣ иноки изъ той обители, гдѣ подвизался святый,

---

[1]) Здѣсь разумѣется гоненіе на христіанъ, воздвигнутое въ Персіи царемъ Сапоромъ II, царствовавшимъ съ 310 г. до 381 г.

разбѣжались, онъ одинъ остался въ ней. Вскорѣ онъ былъ схваченъ и отданъ на судъ правителю города Низибіи.[1]) Послѣдній сталъ принуждать его отречься отъ Христа и поклониться солнцу и огню,[2]) но святый не послушался его и дерзновенно исповѣдалъ Христа Истиннымъ Богомъ. За это ему связали руки такъ, что отъ сильнаго напряженія онѣ вышли изъ плечевыхъ суставовъ. Послѣ сего святаго стали влачить по землѣ и при этомъ били его по всему тѣлу. Святой мученикъ послѣ всѣхъ этихъ истязаній скончался за вѣру во Христа, будучи усѣченъ мечомъ.[3])

Въ тотъ же день память **священномученика Макарія, митрополита Кіевскаго,** отъ татаръ въ 1497 г. убіеннаго, въ селѣ Стриголовѣ, Минской губерніи. Жизнеописаніе его помѣщено на стр. 826 этой книги.

---

[1]) *Низибія* —древнѣйшій городъ, расположенный въ древней Месопотаміи въ сѣверной части ея, близъ границъ Арменіи.

[2]) Персы боготворили Солнце подъ образомъ верховнаго божества Митры, а также поклонялись огню.

[3]) Кончина святаго мученика послѣдовала около 364 года.

День второй

СТРАДАНІЕ
СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ
ЕСПЕРА и ЗОИ

Святые мученики Есперъ, супруга его Зоя и два ихъ сына, Киріакъ и Ѳеодулъ,—странники на землѣ подобно Аврааму [1]), отцу избранныхъ, направлявшіе путь свой къ Отечеству Небесному, были куплены въ качествѣ рабовъ [2]) Катулломъ, знатнымъ Римляниномъ, и его женой Терціей. Этотъ Катуллъ переселился изъ Рима въ Памфилію [3]) въ городъ Атталію [4]); покупая себѣ рабовъ, какъ это было въ обычаѣ у римлянъ-язычниковъ, онъ пріобрѣлъ во Фригіи [5]) сихъ святыхъ мучениковъ, происходившихъ изъ хри-

---

1) *Святый Апостолъ Павелъ* въ Посланіи къ Евреямъ (гл. 11, ст. 13) называетъ Авраама вмѣстѣ съ другими ветхозавѣтными праведниками, «странникомъ и пришельцемъ на землѣ», ищущимъ Отечества Небеснаго.

2) Рабовладѣніе было очень распространено въ древности у Римлянъ, какъ и у другихъ, современныхъ имъ, народовъ. Всякій, болѣе или менѣе состоятельный Римлянинъ, имѣлъ у себя рабовъ. У очень богатыхъ Римлянъ число ихъ доходило до многихъ десятковъ и даже сотенъ.

3) *Памфилія*—малоазійская область.

4) *Атталія*—памфилійскій городъ, расположенный на южномъ берегу Малой Азіи. Онъ назывался такъ по имени Пергамскаго царя Аттала II-го (въ 159 г. по 138 г. до Р. Хр.), его построившаго. Подъ именемъ Адаліи этотъ городъ сохранился и до настоящаго времени; имѣетъ 15 000 жителей и принадлежитъ Турціи.

5) *Фригія*—малоазійская область.

стіанской семьи и поэтому преисполненныхъ вѣры и надежды на Господа.

Ст҃іи мч҃нцы
Е҆сперъ и҆ зѡ́я

Языческая семья Катулла, преданная идолопоклонству, приносила по обычаю своей вѣры жертвы идоламъ и называла ихъ своими богами. Вѣрные же рабы Христовы, видя суетное нечестіе своихъ господъ, тяжко сокрушались объ этомъ и, какъ христіане, не могли вкушать пищи, отпускаемой для нихъ хозяевами - язычниками, опасаясь оскверниться, тѣмъ болѣе, что и въ самомъ домѣ ихъ господъ находились идолы.

Однажды святая Зоя, получивъ пищу отъ своихъ хозяевъ, подошла къ воротамъ и сказала привратнику:

— Усни и отдохни немного; а если ты будешь нуженъ, то я тебя разбужу; ты довольно уже утомился, такъ какъ всю ночь бодрствовалъ, впуская и выпуская къ господину нашему суетныхъ людей, которые посѣщаютъ его домъ для поклоненія мнимой богинѣ—Фортунѣ[1]).

Привратникъ, исполняя ея совѣтъ, отошелъ отъ воротъ и уснулъ во дворѣ, а Зоя, опасаясь, чтобы привязанные недалеко псы своимъ лаемъ не разбудили его, дала имъ немного хлѣба, а остальную часть своего обѣда раздала нищимъ и странникамъ, подходившимъ къ воротамъ, убѣждая ихъ перейти въ христіанскую вѣру.

Обязанности Зои въ домѣ Катулла состояли въ томъ, чтобы кормить домашнихъ животныхъ, которыхъ держали ея господа, мужъ же и дѣти ея исполняли всѣ остальныя работы на хозяевъ.

---

[1]) *Фортуна*—считалась у Римлянъ богиней счастія и покровительницей домашняго очага.

Цѣлый день они трудились, при закатѣ же Солнца вкушали немного пищи отъ тѣхъ яствъ, о которыхъ несомнѣнно знали, что они не осквернены языческими обрядами. Эта пища посылалась имъ Божіимъ промышленіемъ; вкушая ее, они вспоминали слова, сказанныя Господомъ въ Его святомъ Евангеліи: **воззрѝте на пти҃цы небе́сныѧ, ꙗ҆́кѡ не сѣ́ютъ, ни жнꙋ́тъ, ни собира́ютъ въ жи҃тницы, и҆ ѻ҆ц҃ъ ва́шъ небе́сный пита́етъ и҆́хъ**[1]).

Однажды, когда блаженный Есперъ былъ посланъ своими господами на какую-то работу, сыновья его, Киріакъ и Ѳеодулъ, сказали матери:

— Мы не желаемъ больше жить съ нечестивыми; не ты ли сама учила насъ, согласно божественному Писанію, хранить апостольскую заповѣдь: **не быва́йте** (**ᲂу҆до́бь**) **прело́жни ко и҆но́мꙋ ꙗ҆рмꙋ̀, ꙗ҆́коже невѣ́рніи**[2]). Если мы, повинуясь Божественному Писанію, и пожелали бы сохранить Заповѣди Господни, но не удалились отъ язычниковъ, то мы приняли бы одинаковое съ ними и возмездіе отъ Господа и погибли бы, какъ они.

Мать отвѣчала своимъ сыновьямъ:

— Дѣти мои любезные! Какъ можно удалиться отъ нихъ? Вѣдь они—наши господа; они имѣютъ власть и надъ нашимъ тѣломъ.

Сыновья отвѣчали ей на это:

— Христосъ за насъ предалъ Себя въ руки невѣрныхъ іудеевъ, былъ распятъ, погребенъ и въ третій день воскресъ. Если и мы свое тѣло отдадимъ во власть нечестиваго Катулла на мученія за Имя Христово, то хотя бы онъ послѣ пытокъ и умертвилъ насъ, то вѣдь души наши будутъ жить вѣчно. Итакъ, представь насъ радующихся и веселящихся господину нашему, и что вложитъ въ уста наши Господь, то мы и будемъ говорить господину.

И готовились оба добрые юноши, какъ мужественные воины Христовы, на страдальческій подвигъ за Христа, ожидая удобнаго случая предстать предъ господиномъ своимъ и исповѣдать предъ нимъ Имя Господа Іисуса Христа. Они говорили между собою:

— Если благоугодно будетъ Господу нашему Іисусу Христу, чтобы мы умерли за Имя Его Святое, то въ награду за это мы сподобимся видѣть Его и будемъ пребывать съ Нимъ вѣчно.

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 6, ст. 26.

2) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 6, ст. 14.

Когда же мать ихъ, опасаясь, какъ бы дѣти ея, не устрашившись мукъ по примѣру другихъ, не предались бы служенію идоламъ, по сей причинѣ медлила исполнить ихъ просьбу (до того времени господа не знали, что они христіане), то сыновья ея сказали ей:

— Что же ты медлишь? Чего ты боишься? Развѣ ты не знаешь, что говоритъ Писаніе: **глаго́лахъ ѡ҆ свидѣ́нїихъ твои́хъ пред̾ цари̇, и҆ не стыдѧ́хсѧ?**[1])

Однажды Катуллъ откуда-то возвращался въ обѣденный часъ домой. Встрѣтить его вышли оба брата, Киріакъ и Ѳеодулъ, и сказали ему:

— Добрый часъ тебѣ, господинъ видимыхъ тѣлъ нашихъ: господинъ же невидимыхъ душъ нашихъ есть Господь Іисусъ Христосъ, пребывающій на Небесахъ Богъ Истинный.

Катуллъ весьма удивился ихъ словамъ и сказалъ:

— Эти юноши потеряли разсудокъ: они произносятъ странное и незнакомое мнѣ Имя Іисуса Христа, называя его Богомъ и Господомъ.

Затѣмъ, обращаясь къ слугамъ, сказалъ:

— Позовите ко мнѣ отца и мать этихъ юношей.

Слуги тотчасъ пошли и, не найдя отца, привели одну мать юношей. Катуллъ спросилъ ее:

— Гдѣ твой мужъ?

Она отвѣчала ему:

— Не ты ли послалъ его для какой-то работы въ селеніе Тритонію?

— Если бы и вы были съ нимъ сейчасъ въ Тритоніи,—сказалъ Катуллъ,—то вы не смутили бы меня вашими рѣчами о Богѣ, Котораго вы исповѣдуете и о Которомъ ни я, ни другіе никогда ничего не слыхали. Впрочемъ, теперь я не хочу испытывать васъ; но когда Терція разрѣшится отъ бремени и я буду по этому случаю приносить великой богинѣ нашей Фортунѣ благодарственную жертву, тогда я испытаю васъ.

И тотчасъ приказалъ святую Зою съ дѣтьми ея отправить къ мужу въ Тритонію.

Мать и дѣти, переселившись туда, радовались и веселились, вспоминая въ пѣніи и разговорѣ слова святаго Писанія: **гдⷭ҇ь**

---

[1]) Псал. 118. ст. 46.

пасѣ́тъ мѧ̀ и҆ ничто́же мѧ̀ лиши́тъ. На мѣ́стѣ зла́чинѣ, та́мѡ всели̑ мѧ[1]). И еще: и҆збáвилъ є҆сѝ дꙋ́шꙋ мою̀ ѿ а҆́да[2]), и҆ и҆зѧ́тъ дꙋ́шꙋ мою̀ ѿ смéрти[3]) (святые въ душѣ считали домъ своего господина—адомъ, Катулла—смертью, идоловъ—адскимъ огнемъ).

Но вотъ родился у Катулла сынъ. Всѣ горожане радовались и праздновали вмѣстѣ съ Катулломъ день рожденія у него сына, принося своей богинѣ—Фортунѣ благодарственныя жертвы. Въ это время святая Зоя молилась Богу, прося Его дать мужу и дѣтямъ ея силы мужественно перенести свой подвигъ. Между тѣмъ, Катуллъ въ концѣ пира сказалъ своей женѣ Терціи:

— Пусть повеселятся на нашемъ праздникѣ всѣ домашніе и рабы наши.

Она же отвѣчала ему:

— Хорошо, пусть всѣ повеселятся.

Тотчасъ послали рабамъ своимъ, въ числѣ которыхъ была и семья Еспера,—сосудъ вина отъ идоложертвеннаго пира и блюдо съ мясомъ. Святая Зоя, увидавъ издали слугъ, несшихъ дары господина, вздохнула, сказавъ:

— Господи Боже Неизреченный, вѣдущій тайныя помышленія человѣческія! Пребывай съ нами, убогими странниками: кромѣ Тебя, Господа нашего, другого бога мы не знаемъ. Помоги намъ твердо исповѣдать святое Имя Твое.

При этихъ словахъ она подошла къ принесеннымъ подаркамъ и, взявъ мясо, бросила его псамъ, а вино вылила на землю. Рабъ тотчасъ пошелъ и разсказалъ объ этомъ господину своему.

Это извѣстіе сильно разгнѣвало Катулла, и онъ приказалъ тотчасъ же привести Еспера съ его семьею къ себѣ въ домъ. На пути къ господину Зоя, ободряя мужа и дѣтей, говорила:

— Не устрашимся гнѣва нечестиваго Катулла и уготовляемыхъ имъ для насъ мукъ, но перенесемъ ихъ мужественно, дабы, окончивъ свой подвигъ, мы вошли въ Небесное Царство Христа и Его святыхъ.

Когда святые были приведены въ домъ господина, Катуллъ спросилъ ихъ:

— На защиту кого вы надѣялись, нанося мнѣ такое оскорбленіе? Какъ осмѣлились вы наши дары кинуть собакамъ? Впрочемъ, я не

1) Псал. 22, ст. 1 и 2.
2) Псал. 85, ст. 13.
3) Псал. 114, ст. 7.

столько оберегаю свою честь, сколько честь великой богини нашей Фортуны.

Святая Зоя отвѣтила ему на это:

— Надежда и упованіе наше—Господь Іисусъ Христосъ, Сынъ Бога Живаго; боги же, которыхъ ты чтишь—бѣсы.

Катуллъ сказалъ на это:

— Вотъ, я предамъ мукамъ твоихъ сыновей; тогда мы увидимъ, въ состояніи ли избавить ихъ отъ мученій Христосъ, Котораго вы называете Богомъ.

Тогда палачи, обнаживъ обоихъ юношей, повѣсили ихъ на деревѣ и начали терзать желѣзными орудіями. Святая Зоя, взирая на страданія дѣтей своихъ, укрѣпляла ихъ такими словами:

— Переносите мужественно страданія, дѣти мои! Терпите, не устрашайтесь мученій, причиняемыхъ вамъ нечестивымъ Катулломъ.

Дѣти отвѣчали ей:

— Эти мученія слишкомъ легки для насъ: скажи нечестивому господину, пусть онъ придумаетъ бо́льшія, чтобы мы могли своими страданіями заслужить мученическіе вѣнцы въ будущей жизни.

Святая Зоя сказала Катуллу:

— Ты слишкомъ слабыми пытками терзаешь моихъ дѣтей; они не ощущаютъ особенныхъ страданій; постарайся увеличить ихъ страданія.

Тогда нечестивый Катуллъ повелѣлъ, жестоко наказавъ святую Зою, блаженнаго Еспера и ихъ дѣтей, ввергнуть всѣхъ ихъ въ сильно раскаленную печь, и для охраны печи поставилъ сторожей.

Святые мученики въ раскаленной печи воспѣвали и славили Господа. Катуллъ же, слыша пѣніе и видя святыхъ невредимыми, весьма дивился, какъ такая стихійная сила огня не умертвила ихъ и не обратила тѣла ихъ въ пепелъ. Предполагая, что христіане какимъ-либо волхвованіемъ укрощаютъ стихію, онъ сталъ думать, какимъ бы инымъ, болѣе жестокимъ, способомъ умертвить ихъ. Святымъ же мученикамъ Духомъ Святымъ было сказано:

— Мужайтеся! Катуллъ измышляетъ еще бо́льшія муки, чтобы погубить васъ.

Услышавъ это, мученики молились, сказавъ:

— Боже, Отче Господа нашего Іисуса Христа, прими въ мирѣ души наши.

И вскорѣ святыя предали святые души свои въ руки Божіи.

Это произошло въ царствованіе Адріана[1]) во второй день мѣсяца мая.

На слѣдующій день нечестивый Катуллъ со своими единомышленниками, придя къ печи, нашелъ мученическія тѣла святыхъ неповрежденными огнемъ. Тѣла лежали лицомъ къ востоку, святыя же души ихъ присоединились къ лику честныхъ мучениковъ, Ангеловъ и Архангеловъ. И былъ слышенъ Гласъ съ Неба:

— Войдите, праведные, въ рай Господа своего. Ты же, нечестивый Катуллъ, пойдешь въ геенну и будешь тамъ вѣчно мучиться въ неугасимомъ огнѣ.

И такъ нечестивый Катуллъ воспріялъ безконечныя муки, а святымъ мученикамъ Христовымъ отверзлось Небо. Своимъ страданіемъ они пріобрѣли вѣчную радость, пребывая съ Іисусомъ Христомъ, Господомъ нашимъ, Которому подобаетъ вѣчная слава. Аминь.

[1]) *Императоръ Адріанъ* управлялъ Римскою имперіею съ 117 г по 138 г.—Годъ смерти святыхъ мучениковъ съ точностію не извѣстенъ.

СТРАДАНІЕ и ЧУДЕСА

СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

БОРИСА и ГЛѢБА,

князей Русскихъ[1])

Родъ праведныхъ во вѣки въ благословеніи будетъ[2]).

Святый Владиміръ, сынъ Святослава, внукъ Игоря, просвѣтившій Святымъ Крещеніемъ всю землю Русскую, имѣлъ 12 сыновей, не отъ одной жены, но отъ разныхъ.

Старшимъ сыномъ былъ Вышеславъ[3]), вторымъ Изяславъ, а третьимъ Святополкъ, который и придумалъ злое убійство братьевъ своихъ. Мать Святополка, гречанка, была прежде монахинею. Братъ Владиміра Ярополкъ, прельщенный ея красотою, разстригъ ее и женился на ней. Владиміръ, тогда еще язычникъ, убилъ

---

[1]) Житіе сіе представляетъ собою переводъ сочиненія Іакова Мниха, называющагося, «Сказаніе страстей и похвала объ убіеніи святую мучеику Бориса и Глѣба», написаннаго мало лѣтъ спустя послѣ ихъ мученическихъ кончинъ — или въ концѣ правленія Ярослава, или въ началѣ правленія Изяслава, во всякомъ случаѣ до 1072 года, а также переводъ продолженій сего житія, сопровождающихъ его въ древнихъ спискахъ. Переводъ дополненъ по «Чтенію о житіи и о погубленіи блаженную страстотерпцу Борнса и Глѣба», сочиненному преподобнымъ Несторомъ Лѣтописцемъ послѣ Іакова Мниха до 1091 года, и по «Сказанію о убіеніи святыхъ страстотерпцевъ, Русскихъ князей, Бориса и Глѣба», составленному св. Димитріемъ Ростовскимъ (подъ 2 мая Миней Четьихъ).

[2]) Псаломъ 111, ст. 2.

[3]) *Вышеславъ* умеръ при жизни отца въ 1010 году.

Ярополка и взялъ его жену себѣ въ замужество. Отъ нея-то и родился Святополкъ окаянный. И не любилъ его Владиміръ.

У Владиміра были и еще сыновья—отъ Рогнѣды четверо: Изяславъ, Мстиславъ, Ярославъ и Всеволодъ. Отъ чехини—Вышеславъ, отъ иной жены—Святославъ и Мстиславъ, а отъ болгарыни—Борисъ и Глѣбъ. И посадилъ ихъ отецъ на княженіе по разнымъ землямъ: Святополка—въ Пинскѣ, Ярослава—въ Новгородѣ, Бориса—въ Ростовѣ, а Глѣба—въ Муромѣ[1]).

Когда уже прошло 28 лѣтъ по Святомъ Крещеніи, постигъ Владиміра злой недугъ. Въ это время къ отцу прибылъ Борисъ изъ Ростова. Печенѣги[2]) шли ратью на Русь, и Владиміръ былъ въ великой печали, потому что не имѣлъ силъ выступить противъ безбожныхъ. Озабоченный симъ, призвалъ онъ Бориса, которому во Святомъ Крещеніи было наречено имя Романъ[3]). Отецъ далъ Борису, блаженному и скоропослушливому, много воиновъ и послалъ его противъ безбожныхъ Печенѣговъ. Съ радостью пошелъ Борисъ, сказавъ отцу:

— Вотъ, я предъ тобой готовъ сотворить, что требуетъ воля сердца твоего.

О сихъ сказано въ притчахъ: **сы́нъ бы́хъ ѻ҆тцꙋ̀ послꙋ́шливый, и҆ люби́мый пред̾ лицемъ ма́тере**[4]).

Но не нашелъ Борисъ супостатовъ своихъ. На возвратномъ пути къ нему прибылъ вѣстникъ и сказалъ, что отецъ его Владиміръ, нареченный во Святомъ Крещеніи Василій, умеръ[5]), а Свято-

---

1) О раннемъ возрастѣ свв. Бориса и Глѣба преподобный Несторъ сообщаетъ слѣдующее. Святый Владиміръ отпустилъ всѣхъ своихъ дѣтей по волостямъ, которыя далъ имъ въ управленіе, но Бориса и Глѣба держалъ при себѣ, потому что они были весьма юны. Святый Глѣбъ былъ совсѣмъ еще дитя, а святый Борисъ уже проявлялъ высокій разумъ, былъ полонъ благодати Божіей, зналъ грамоту и любилъ читать книги. Читалъ же онъ житія и мученія святыхъ и, молясь со слезами, просилъ у Господа, чтобы Онъ сподобилъ его участи единаго изъ сихъ святыхъ. Такъ онъ молился постоянно, а святый Глѣбъ слушалъ его, безотлучно находясь при немъ. Когда св. Борисъ достигъ совершеннолѣтія, отецъ задумалъ женить его. Но святый не желалъ брака. Бояре однако упросили его не ослушаться отца. Изъ-за послушанія отцу святый вступилъ въ бракъ по ихъ просьбѣ. Затѣмъ отецъ послалъ его на княженіе во Владиміръ Волынскій, гдѣ онъ проявилъ много милосердія, но узнавъ, что Святополкъ по зависти умышляетъ на жизнь Бориса, возвратилъ его въ Кіевъ. Сіе могло быть до посланія Бориса въ Ростовъ.

2) *Печенѣги*—кочевой народъ тюркскаго происхожденія, со второй половины X в. начавшій нападать на Русь. Св. Владиміръ строилъ города по р. Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ—какъ сторожевую линію противъ печенѣговъ. Изъ южнорусскихъ степей ихъ вытѣснили впослѣдствіи Турки и Половцы, также тюркскіе народы.

3) Во имя св. Романа Сладкопѣвца.

4) Притчи Соломона, гл. 4, ст. 3.

5) 15 іюля 1015 года.

полкъ утаилъ смерть отца, ночью разобралъ полъ палатъ въ селѣ Берестовомъ, обернулъ тѣло усопшаго въ коверъ, спустилъ его на веревкахъ, отвезъ въ саняхъ[1]) въ церковь Святыя Богородицы[2]) и поставилъ тамъ. Все это было сдѣлано тайно.

Услышавъ сіе, Борисъ ослабъ тѣломъ, все лице его облилось слезами, и онъ не могъ говорить. Но въ сердцѣ такъ плакался по отцѣ своемъ:

«Увы мнѣ, свѣтъ очей моихъ, сіяніе и заря лица моего, воспитатель юности моей, наказаніе неразумія моего; увы мнѣ, отецъ и господинъ мой! Къ кому я прибѣгну, на кого я посмотрю, гдѣ я насыщусь благого ученія и наказанія твоего разума? Увы мнѣ, увы мнѣ! Закатилось солнце мое, а я не былъ тутъ, не могъ самъ облачить честно̀е тѣло твое и предать гробу своими руками. Не переносилъ я твоего прекраснаго и мужественнаго тѣла, не сподобился поцѣловать твоихъ сѣдинъ! О блаженный мой, помяни меня въ мѣстѣ твоего упокоенія. Сердце у меня горитъ, смущается у меня разумъ, не знаю я, къ кому обратиться и повѣдать мою горькую печаль. Если къ брату, котораго я имѣлъ бы вмѣсто отца, то тотъ, кажется, думаетъ о суетѣ мірской и о моемъ убіеніи. Если же онъ рѣшится на мое убіеніе, то я буду мученикомъ Господу моему. Но не противлюсь, ибо пишется: гдⷭ҇ь гѡ́рдымъ проти́витсѧ, смире́ннымъ же дае́тъ благода́ть[3]). Апостолъ говоритъ: а҆́ще кто̀ рече́тъ, ꙗ҆́кѡ люблю̀ бг҃а, а҆ бра́та своего̀ ненави́дитъ, ло́жъ є҆́сть[4]). И еще: стра́ха нѣ́сть въ любви̇̀, но соверше́нна любы̀ во́нъ и҆згонѧ́етъ стра́хъ[5]). Но что мнѣ сказать и что сотворить? Пойду я къ брату своему и скажу: «Ты мнѣ будь отцемъ, ты мнѣ братъ старшій; что мнѣ велишь, господинъ мой?»

Такъ помышляя въ умѣ своемъ, пошелъ Борисъ къ брату своему и говорилъ въ душѣ:

«Тамъ узрю я лице брата моего меньшого Глѣба, какъ Іосифъ Веніамина[6]). Воля Твоя да будетъ, Господи мой.

---

[1]) Въ Древней Руси былъ обычай усопшихъ переносить и перевозить въ саняхъ на отпѣваніе въ церковь.

[2]) Разумѣется *Кіевскій Десятинный храмъ*, посвященный славѣ Богоматери, который построилъ и украсилъ св. Владиміръ. Въ древнихъ прологахъ освященіе сего храма показано подъ 11 мая.

[3]) Посланіе Ап. Іакова, гл. 4, ст. 6.

[4]) Посланіе Ап. Іоанна, 1, гл. 4, ст. 20.

[5]) Посланіе Ап. Іоанна, 1, гл. 4, ст. 18.

[6]) Кн. Бытія, гл. 42—45.

И думалъ Борисъ:

«Если я пойду въ домъ отца своего, то многіе обратятъ мое сердце къ мысли изгнать брата моего, какъ это сдѣлалъ отецъ мой, прежде Святаго Крещенія, ради славы княженія міра сего[1]). А это все мимолетно, тлѣнно и ничтожнѣе паутины. Если же я рѣшусь на сіе, то куда мнѣ идти, что со мной будетъ, какой отвѣтъ дамъ я тогда, гдѣ скрою множество грѣха моего. Что пріобрѣли братія отца моего и отецъ мой, гдѣ ихъ жизнь и слава міра сего, багряница и пиры, серебро и золото, вина, медъ и брашна, быстрые высокіе кони, имѣніе многое, дани и почетъ безъ числа и гордость своими боярами. Уже все сіе какъ бы никогда и не существовало, все исчезло вмѣстѣ съ ними. И нѣтъ имъ помощи ни отъ кого — ни отъ имѣнія, ни отъ многочисленныхъ рабовъ, ни отъ славы міра сего. Вотъ, и Соломонъ все испыталъ, все видѣлъ, все пріобрѣлъ и, разсмотрѣвъ все, сказалъ: **всѧ̀ сꙋета̀ сꙋетствїй всѧ́ческаѧ сꙋета̀**[2]); помощь только отъ добрыхъ дѣлъ, отъ правовѣрія и отъ нелицемѣрной любви».

Идя своимъ путемъ, помышлялъ Борисъ о красотѣ и силѣ тѣла своего и горько плакалъ; хотѣлъ удержаться отъ слезъ, но не могъ, и всѣ, видя его въ слезахъ, плакались о его благородной красотѣ и добромъ разумѣ, и каждый горевалъ въ душѣ: всѣхъ смутила его печаль. И кто могъ не заплакать, предчувствуя смерть Бориса, видя его унылое лицо и его скорбь! Ибо былъ блаженный князь правдивъ, щедръ и тихъ, кротокъ и смирененъ, всѣхъ миловалъ и всѣмъ помогалъ.

Но святаго Бориса укрѣпляла мысль о томъ, что, если его братъ, по наученію злыхъ людей, и убьетъ его, то онъ будетъ мученикомъ, и Господь пріиметъ духъ его. Онъ забылъ смертную скорбь, утѣшая свое сердце словами Божіими: **и҆́же погꙋби́тъ дꙋ́шꙋ свою̀ менѐ ра́ди и҆ є҆ва́нгелїа, то́й спасе́тъ ю҆̀**[3]) и въ жизни вѣчной сохранитъ ее.

И шелъ Борисъ съ радостнымъ сердцемъ, говоря:

— Не презри, премилостивый Господи, меня, уповающаго на Тебя, но спаси душу мою.

Святополкъ же возсѣлъ на отеческій княжій столъ въ Кіевѣ, призвалъ кіевлянъ, роздалъ имъ многіе дары и отпустилъ ихъ. Затѣмъ послалъ къ Борису съ такими словами:

---

1) Такъ поступилъ Владиміръ съ братомъ своимъ Ярополкомъ.

2) Екклесіастъ, гл. 1, ст. 2.

3) Евангеліе отъ Марка, гл. 8., ст. 35.

— Братъ, я хочу съ тобою жить въ любви и увеличу твою часть въ отчемъ наслѣдіи.

Въ этихъ словахъ была лесть, а не истина.

Святополкъ прибылъ тайно ночью въ Вышегородъ, призвалъ Путшу и вышегородскихъ мужей и сказалъ имъ:

— Скажите мнѣ по правдѣ, имѣете ли вы ко мнѣ пріязнь.

Путша сказалъ:

— Всѣ мы готовы за тебя головы свои положить.

Исконный ненавистникъ добрыхъ людей, діаволъ, видя, что святый Борисъ возложилъ всю надежду на Бога, сталъ сильнѣе воздѣйствовать на Святополка, который, подобно Каину, горѣлъ огнемъ братоубійства, задумавъ избить всѣхъ наслѣдниковъ отца своего и одному принять власть его.

Ст҃ый мч҃нкъ
Бори́съ

Окаянный, проклятый Святополкъ, совѣтникъ всякаго зла и начальникъ всякой неправды, снова призвалъ къ себѣ вышегородскихъ мужей, отверзъ свои мерзкія уста, испустилъ свой злой гласъ и сказалъ людямъ Путши:

— Если вы обѣщаете положить за меня головы, идите тайно, братья мои, найдите брата моего Бориса и, улучивъ время, убейте его.

И обѣщались они Святополку такъ сотворить. О такихъ людяхъ сказалъ Пророкъ: «ско́ри сꙋ́ть пролїѧ́ти кро́вь бе́зъ пра́вды, си ѡ҆бьщева́ютсѧ кро́ви и҆ собира́ютъ себѣ̀ зла́ѧ, си́хъ пꙋ́тїе сꙋ́ть беззако́нїѧ, нече́стьемъ бо свою̀ дꙋ́шꙋ объе́млютъ»[1]).

Блаженный Борисъ на возвратномъ пути сталъ на рѣкѣ Альтѣ[2]) въ шатрахъ. И сказала ему дружина его:

---

[1]) Ср.: Притчи Соломона, гл. 1; ст. 16, Кн. Прор. Исаіи, гл. 59, ст. 6, 7; Посл. къ Римлянамъ, гл. 3, ст 15.

[2]) Близъ Переяславля южнаго.

— Иди и сядь на княжескомъ столѣ отца своего, ибо всѣ воины находятся у тебя[1]).

Онъ же отвѣчалъ имъ.

— Не подниму руки на брата своего, да еще на старшаго меня, котораго мнѣ слѣдуетъ считать за отца.

Услышавъ сіе, воины ушли отъ Бориса, и онъ остался только съ отроками своими[2]).

Былъ тогда день субботній.

Удрученный печалью, вошелъ онъ въ шатеръ свой и со слезами жалобно воззвалъ:

— Слезъ моихъ не презри, Владыко. Уповаю на Тебя, что пріиму жребій съ Твоими рабами, со всѣми святыми Твоими. Ибо Ты—Богъ милостивый, и Тебѣ славу возсылаемъ во вѣки, аминь.

Говоря это, онъ помышлялъ о мученіи и страданіи святаго Никиты[3]) и святаго Вячеслава[4]), думая, что будетъ убитъ подобно сему князю, и о томъ, какъ святая Варвара[5]) была убита роднымъ отцомъ. Пришло ему на память слово премудраго Соломона: **пра́ведницы во вѣ́ки живꙋ́тъ, и҆ въ гдⷭ҇ѣ̀ мзда̀ и҆́хъ, и҆ попече́ніе и҆́хъ оу҆ вы́шнѧгѡ**[6]). Симъ лишь словомъ онъ утѣшался и радовался.

Наступилъ вечеръ, и святый Борисъ велѣлъ служить Вечерню; а самъ вошелъ въ шатеръ и сталъ творить молитву и Вечерню со слезами горькими и частымъ воздыханіемъ и стенаніемъ многимъ. Потомъ легъ и уснулъ. И былъ его сонъ полонъ многими думами и глубокой и страшной печалью—о томъ, какъ ему предаться на страданіе, теченіе скончать и вѣру соблюсти, чтобы принять отъ руки Вседержителя уготованный вѣнецъ.

Проснувшись рано, онъ увидѣлъ, что уже время быть Утрени. Было же тогда святое воскресенье. И сказалъ онъ пресвитеру своему:

— Возстань и начни Утреню.

Самъ же обулъ ноги, умылъ лице и началъ молиться Господу Богу.

Посланные Святополкомъ пришли на Альту ночью, приблизи-

---

1) По сказанію Нестора, дружины было у Бориса около 8000 человѣкъ.

2) По сказанію Нестора, св. Борисъ послалъ было къ Святополку отрока съ мольбою. Но тотъ удержалъ отрока у себя.

3) См. подъ 15 сентября.

4) См. подъ 28 сентября.

5) См. подъ 4 декабря.

6) Премудрости Соломона, гл. 5, ст. 15.

лись и услышали голосъ блаженнаго страстотерпца, поющаго Псалмы, положенные на Утрени. Уже дошла до святаго вѣсть о предстоящемъ убіеніи, и онъ пѣлъ:

— **Гдⷭ҇и, что̀ сѧ оу҆мно́жиша стꙋжа́ющїи мѝ, мно́зи востаю́тъ на мѧ̀**[1]) и прочіе Псалмы.

Затѣмъ онъ сталъ пѣть:

— **Ѡ҆быдо́ша мѧ̀ псѝ мно́зи и҆ ю҆нцы̀ тꙋ́чнїи ѡ҆держа́ша мѧ̀.** Потомъ: **гдⷭ҇и бж҃е мо́й, на тѧ̀ оу҆пова́хъ, сп҃сѝ мѧ**[2]).

Послѣ сего пѣлъ канонъ. Окончивъ Утреню, святый Борисъ сталъ молиться предъ иконою Господа, говоря:

— Господи Іисусе Христе, Ты явился симъ образомъ на землѣ, изволилъ добровольно взойти на крестъ и принялъ страданія за наши грѣхи. Сподоби и меня пострадать.

И услышавъ сильный топотъ около шатра, святый Борисъ затрепеталъ, залился слезами и сказалъ:

— Слава Тебѣ Господи, что въ свѣтѣ семъ сподобилъ меня принять горькую смерть изъ-за зависти и пострадать за любовь и слово Твое. Ибо я не хотѣлъ искать княженія себѣ. Ни въ чемъ я не поступилъ самовольно, по слову Апостола: **любы̀ долготерпи́тъ, всемꙋ̀ вѣ́рꙋ є҆́млетъ и҆ не и҆́щетъ свои́хъ сѝ**[3]) и еще: **стра́ха нѣ́сть въ любвѝ, но соверше́нна любы̀ во́нъ и҆згонѧ́етъ стра́хъ**[4]). Въ Твоихъ рукахъ, Владыко, душа моя, не забылъ я Заповѣди Твоей. Что Господу угодно, пусть такъ и будетъ.

Священникъ и отрокъ, слуга святаго Бориса, увидя господина своего ослабѣвшимъ и одержимымъ печалью, горько заплакали и сказали:

— Милый господинъ нашъ дорогой, какой благодати сподобился ты, ибо не захотѣлъ противиться брату своему ради любви Христовой, хоть и много воиновъ имѣлъ ты у себя.

Такъ говорили они съ умиленіемъ.

Тутъ они увидѣли бѣгущихъ къ шатру, блескъ ихъ оружія и обнаженные ихъ мечи. Безъ милости было пронзено честно̀е тѣло святаго блаженнаго страстотерпца Христова Бориса. Его проткнули копьями Путша, и Талецъ, и Еловичъ Ляшко.

Видя сіе, отрокъ святаго Бориса бросился на тѣло его и сказалъ:

---

1) Псал. **3**, ст. 2.

2) Псал. **21**, ст. 17, 13; **7**, ст. 2.

3) 1 Посланіе къ Коринѳ., гл. **13**, ст. 4, 5, 7.

4) 1 Посланіе Ап. Іоанна, гл. **4**, ст. 18.

— Не оставлю тебя, господинъ мой дорогой; гдѣ увяла красота тѣла твоего, тутъ и я пусть буду сподобленъ окончить свою жизнь съ тобою.

Былъ же онъ родомъ венгерецъ, звали его Георгій. Святый Борисъ возложилъ на него золотую гривну, и былъ онъ любимъ княземъ безмѣрно. Тутъ пронзили и отрока.

Раненный святый Борисъ въ испугѣ выбѣжалъ изъ шатра. И стали говорить окружившіе его:

— Что стоите и смотрите. Покончимъ приказанное намъ.

Слыша сіе, блаженный началъ умолять и упрашивать ихъ, говоря:

— Братья мои милые и любимые! Погодите немного, дайте мнѣ помолиться Богу моему.

И, со слезами воззрѣвъ на Небо, горько онъ вздохнулъ и сталъ молиться:

— Господи Боже милостивый, слава Тебѣ, ибо освободилъ меня отъ прельщеній житія сего. Слава Тебѣ, прещедрый податель жизни, сподобившій меня страданія святыхъ Твоихъ мучениковъ. Слава Тебѣ, Владыко Человѣколюбецъ, исполнившій желаніе сердца моего. Слава, Христе, милосердію Твоему, ибо Ты направилъ на правый и мирный путь ноги мои идти къ Тебѣ безъ соблазна. Призри съ высоты святости Твоей; посмотри на сердечное мое страданіе, которое я принялъ отъ своего сродника. Ибо ради Тебя умерщвляютъ меня сегодня. Они, какъ агнца, пожираютъ меня. Знаешь, Господи, знаешь, что я не противлюсь, ни возражаю. Имѣя въ своихъ рукахъ всѣхъ воиновъ отца своего и всѣхъ его любимцевъ, я не помыслилъ ничего злого сотворить брату моему. Онъ же всѣми силами воздвигся противъ меня. Если бы меня оскорблялъ врагъ, я бы перенесъ, если бы ненавидящій уничижилъ меня, я бы укрылся. Но Ты, Господи, смотри и разсуди меня съ братомъ моимъ. И не поставь ему въ вину грѣха сего, но пріими съ миромъ душу мою. Аминь.

Затѣмъ, обративъ къ убійцамъ истомленное лице свое и воззрѣвъ на нихъ умиленными очами, заливаясь слезами, сказалъ имъ:

— Братья, приступите и окончите повелѣнное вамъ, и да будетъ миръ брату моему и вамъ, братья.

Всѣ, кто слышалъ слова святаго, не могли говорить отъ страха, горькой печали и многихъ слезъ. Съ горькимъ воздыханіемъ жалостно всѣ плакали и каждый думалъ:

— Увы мнѣ, князь мой милый, дорогой, блаженный, водитель слѣпымъ, одежда нагимъ, жезлъ старости, наука ненаученымъ! Кто сіе исправитъ? Какъ удивительно, что ты не захотѣлъ славы міра сего и величія, не захотѣлъ быть среди честны̀хъ вельможъ! Кто не удивится великому его смиренію, кто не смирится, видя и слыша его смиреніе!

Посланные Святополкомъ избили и многихъ отроковъ. Съ Георгія же они не могли снять гривны, отсѣкли голову ему и отбросили ее, такъ что и послѣ не могли узнать тѣла его. Блаженнаго Бориса они обернули шатромъ и, положивши на повозку, повезли.

Когда доѣхали до лѣса, святый Борисъ сталъ клонить голову. Узнавъ о семъ, Святополкъ послалъ двухъ варяговъ, и тѣ пронзили мечомъ сердце мученика. И тотчасъ святый скончался[1]), предавъ душу въ руки Бога Живаго, мѣсяца іюля въ 24 день. Тѣло его тайно принесли въ Вышегородъ[2]), положили у церкви святаго Василія и въ землѣ погребли его.

Такъ святый Борисъ, пріявъ вѣнецъ отъ Христа Бога, былъ сопричтенъ съ праведными и водворился съ пророками, и апостолами, и съ ликами мученическими, почивая въ лонѣ Авраама, видя неизреченную радость, воспѣвая съ Ангелами, веселясь въ ликѣ святыхъ.

Окаянные же убійцы пришли къ Святополку и, беззаконные, какъ бы считали себя достойными похвалы. Такими слугами бѣсы бываютъ. Ибо бѣсы посылаемы бываютъ на зло, а Ангелы на добро. Ангелъ человѣку зла не сотворяетъ, но всегда думаетъ о благѣ его. Онъ помогаетъ христіанамъ и защищаетъ ихъ отъ супротивнаго діавола. Бѣсы же всегда на злое ловятъ, всегда завидуя человѣку, ибо видятъ, что онъ любимъ Богомъ. Завидуя человѣку, бѣсы стремятся ему сдѣлать зло. Господь сказалъ: «Кто прельститъ Ахава?», а бѣсъ отвѣтилъ: «Вотъ, я иду»[3]). Злой же человѣкъ, стремящійся ко злу, не уступаетъ во злѣ бѣсу. Бѣсы человѣка боятся, а злой человѣкъ Бога не боится и не стыдится людей. Бѣсы креста Господня боятся, а злой человѣкъ даже и креста не боится. Вотъ имъ и сказалъ Пророкъ Давидъ: «А҆́ще вои́стиннꙋ оу҆́бѡ пра́вдꙋ глаго́лете, пра̑ваѧ сꙋди́те сы́нове человѣ́честїи: и҆́бо въ

[1]) По сказанію Нестора, одинъ изъ убійцъ ударилъ св. Бориса въ сердце.

[2]) *Вышегородъ* отстоитъ отъ Кіева на 15 поприщъ.

[3]) 3 Кн. Царствъ, гл. **22**, ст. 20, 21.

се́рдцѣ беззако́нїе дѣ́лаете на земли̑, непра́вдꙋ рꙋ́ки ва́шѧ сплета́ютъ. Ѡ҆чꙋжди́шасѧ грѣ́шницы ѿ ложе́снъ, заблꙋди́ша ѿ чре́ва, глаго́лаша лжꙋ̀. Ꙗ҆́рость и҆́хъ по подо́бїю ѕмїинꙋ̀»[1]).

Не остановился на семъ убійствѣ окаянный Святополкъ, но въ неистовствѣ сталъ стремиться къ большему. Увидѣвъ исполненіе желанія сердца своего, не задумался онъ надъ такимъ злымъ убійствомъ и надъ соблазномъ своимъ и нисколько не почувствовалъ раскаянія. Вошелъ въ сердце его сатана и сталъ его подстрекать къ большему и худшему преступленію и къ дальнѣйшему убійству. И думалъ окаянный:

«Что мнѣ дѣлать? Если я остановлюсь на семъ убійствѣ, то ожидаетъ меня двоякое зло. Услышатъ о совершенномъ мои братья и скоро воздадутъ мнѣ хуже совершеннаго. А если и не совершатъ сего, то изгонятъ меня. И буду я чуждъ престола отца моего, и загложетъ меня сожалѣніе о землѣ моей. Враги мои будутъ поносить меня, мое княженіе получитъ другой, и въ домахъ моихъ не будетъ живущаго. Ибо я подвергъ гоненію возлюбленнаго Господомъ и болѣзнь увеличилъ раной. Посему приложу беззаконіе къ беззаконію. Грѣхъ моей матери не очистится, я все равно не буду написанъ съ праведными. Такъ ужъ пусть я буду изглаженъ въ книгѣ живота».

Замысливъ это въ умѣ своемъ, сей злой другъ діавола послалъ сказать блаженному Глѣбу[2]):

— Иди скорѣй, отецъ очень нездоровъ и зоветъ тебя.

Глѣбъ тотчасъ сѣлъ на коня и съ малой дружиной помчался на зовъ. Когда онъ доѣхалъ до Волги, у устья Тьмы на полѣ споткнулся подъ нимъ конь въ канаву и повредилъ себѣ ногу. Затѣмъ прибылъ къ Смоленску и, отойдя отъ Смоленска, невдалекѣ остановился на рѣкѣ Смядынѣ въ лодкѣ.

Въ это время пришла отъ Предславы къ Ярославу вѣсть о смерти отца. Ярославъ же послалъ къ Глѣбу со словами:

— Не ходи, братъ, отецъ у тебя умеръ, а братъ твой убитъ Святополкомъ.

Услышавъ сіе, блаженный запечалился, горько зарыдалъ и сказалъ:

---

1) Псал. 57, ст. 1—4.

2) По сказанію преподобнаго Нестора, св. Владиміръ, отправивъ Бориса на княженіе, Глѣба оставилъ при себѣ. Послѣ смерти отца св. Глѣбъ, боясь насилія со стороны Святополка, замыслилъ бѣжать на сѣверъ, къ брату. Помолившись въ церкви святыя Богородицы, онъ сѣлъ въ лодку и бѣжалъ. Сіе было до убіенія святаго Бориса.

— Увы мнѣ, господинъ мой, двумя плачами я плачу и сѣтую двумя сѣтованіями. Увы мнѣ, увы мнѣ, плачу я объ отцѣ, плачу больше, въ отчаяніи, по тебѣ, братъ и господинъ мой Борисъ. Какъ пронзили тебя, какъ ты безъ милости былъ преданъ смерти— и не отъ врага, но отъ своего брата пріялъ гибель. Увы мнѣ! Лучше бы мнѣ умереть съ тобою, нежели жить въ семъ житіи одному, осиротѣвшему отъ тебя. Я думалъ увидать твое ангельское лице. И вотъ какое горе постигло меня. Лучше я желалъ бы умереть съ тобою, господинъ мой. А теперь что дѣлать мнѣ, умиленному и скорбящему о твоей красотѣ и о глубокомъ разумѣ отца моего? О милый мой братъ и господинъ, если ты получилъ дерзновеніе у Бога, моли о мнѣ, уныломъ, чтобы и я сподобленъ былъ ту же смерть пріять и жить съ тобою, а не въ свѣтѣ семъ, полномъ прельщеній.

Когда святый Глѣбъ такъ стеналъ, увлажняя слезами землю, и съ воздыханіемъ часто призывалъ Бога, внезапно пришли посланные Святополкомъ злые его слуги, немилостивые кровопійцы, братоненавистники лютые, имѣющіе свирѣпую душу. Святый плылъ въ лодкѣ, и они встрѣтили его на устьѣ Смядыни. Увидя ихъ, онъ возрадовался душею, а они омрачились и стали плыть къ нему. Святый же ожидалъ принять отъ нихъ цѣлованіе[1]). Когда лодки поравнялись, злодѣи схватили лодку князя за уключины, подтянули къ себѣ и стали скакать въ нее, имѣя въ рукахъ обнаженные мечи, блиставшіе, какъ вода. Тотчасъ у гребцовъ выпали изъ рукъ весла, и всѣ помертвѣли отъ страха. Блаженный, видя, что его хотятъ убить, взглянулъ на злодѣевъ умиленными очами и съ сокрушеннымъ сердцемъ, смиреннымъ разумомъ и частымъ воздыханіемъ, заливаясь слезами и слабѣя тѣломъ, сталъ жалобно молить ихъ:

— Не троньте меня, братья мои милые и дорогіе, не троньте меня,—я не сдѣлалъ вамъ ничего дурного. Не троньте меня, братья милые и господа мои, не стерегите меня? Какую обиду нанесъ я брату моему и вамъ, братья и господа мои? Если и есть обида, то ведите меня къ князю вашему, а къ моему брату и господину.

---

1) По сказанію преп. Нестора, убійцы долго гнались въ лодкѣ за св. Глѣбомъ. Когда они приблизились, св. Глѣбъ, подозрѣвая ихъ злой умыселъ, упросилъ своихъ спутниковъ не браться за оружіе и не противиться, говоря, что при покорности они просто отведутъ его къ брату, а при сопротивленіи всѣхъ порубятъ. По просьбѣ святаго спутники его высадились на берегъ, съ жалостью обращая свои взоры на блаженнаго, который остался посреди рѣки съ отроками.

Пощадите юность мою, помилуйте, господа мои; будьте мнѣ господами, а я—вашъ рабъ. Не пожните меня еще несозрѣлаго, не пожните колоса, еще не поспѣвшаго, но еще полнаго молокомъ беззлобія. Не срѣзайте лозы, еще не возросшей, но имѣющей уже плодъ. Прошу васъ и умоляю. Убойтеся Сказавшаго устами Апостоловъ: **не дѣ́ти быва́йте оу҆мы̀, но ѕло́бою младе́нствꙋйте**[1]). Это не убійство, но сырорѣзаніе. Докажите мнѣ, что злого сдѣлалъ я. И не пожалѣю, если крови моей вы хотите насытиться, я уже въ рукахъ у васъ, братья, и въ рукахъ брата моего, вашего князя.

Но убійцъ не устыдило ни одно слово, и они не измѣнили своего замысла. Какъ свирѣпые звѣри, напали они на святаго и такъ схватили его. Онъ же, видя, что они не внимаютъ словамъ его, сталъ говорить:

— Будь спасенъ, милый мой отецъ и господинъ Василій, будь спасена мать, госпожа моя, будьте спасены братъ Борисъ, старѣйшина юности моей, братъ Ярославъ, мой помощникъ, будь спасенъ и ты, братъ и врагъ Святополкъ, и вы всѣ, братья и дружина. Уже мнѣ не увидать васъ въ житіи семъ, ибо насильно разлучаютъ меня съ вами.

И говорилъ онъ со слезами:

— Василій, Василій, отецъ мой, приклони слухъ твой и услышь голосъ мой. Погляди, что случилось съ сыномъ твоимъ, какъ безъ вины закалаютъ меня. Увы мнѣ, увы мнѣ! Слушай небо и внемли земля[2]). И ты, Борисъ братъ, услышь голосъ мой. Я призывалъ отца моего Василія, но онъ не послушалъ меня, неужели и ты не хочешь меня услышать. Погляди на скорбь сердца моего и на рану души моей, на мои слезы, бѣгущія подобно рѣкѣ. Никто мнѣ не внемлетъ. Но ты помяни меня и помолись обо мнѣ общему всѣхъ Владыкѣ, такъ какъ ты имѣешь дерзновеніе и предстоишь Престолу Его.

Преклонивъ колѣна, сталъ онъ такъ молиться:

— Прещедрый, премилостивый Господь, не презри слезъ моихъ, но съ жалостью посмотри на сокрушеніе сердца моего. Вотъ, я закалаемъ, но за что и за какую обиду—я не знаю. Ты знаешь, Господи, Господи мой. Я вѣдь знаю, что Ты сказалъ своимъ апостоламъ: **ꙗ҆́кѡ за и҆́мѧ моѐ возло́жатъ на вы рꙋ́ки и҆ преда́ны бꙋ́дете ро́домъ и҆ дрꙋ́гы и҆ бра́тъ бра́та преда́стъ на сме́рть и҆ оу҆мертвѧ́тъ**

1) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 14, ст. 20.

2) Ср. Кн. Второзак., гл. 32, ст. 1.

вы̀ и҆́мене моегѡ̀ ра́ди[1]). И еще: въ терпѣні́и ва́шемъ ст҃ѧжи́те дꙋ́шы ва́шѧ[2]). Смотри, Господи, и суди. Вотъ, готова душа моя передъ Тобою, Господи, и Тебѣ̀ славу возсылаемъ, Отцу, и Сыну, и Святому Духу.

Ст҃ый мч҃нкъ Гл҃ѣбъ

Затѣмъ, взглянувъ на убійцъ, сказалъ имъ тихимъ голосомъ:

— Приступайте ужъ и кончайте то, за чѣмъ вы посланы.

Тогда окаянный Горясѣръ велѣлъ его тотчасъ зарѣзать. Старшій поваръ Глѣба, именемъ Торчинъ, обнажилъ ножъ свой, сталъ на колѣни, взялъ святаго Глѣба за голову и перерѣзалъ горло блаженному, какъ незлобивому агнцу. Сіе было мѣсяца сентября въ 5 число, въ понедѣльникъ. И принеслась Господу жертва чистая, святая и благовонная, и взошла въ небесныя обители къ Богу. И узрѣлъ святый желаннаго брата, и оба они воспріяли вѣнцы Небесные, которыхъ такъ желали. И возрадовались радостью неизреченною, которую достигли братолюбіемъ своимъ. Сѐ что̀ добро̀, и҆лѝ что̀ красно̀, но ѐже жи́ти бра́тїи вкꙋ́пѣ[3]).

Окаянные тѣ убійцы возвратились къ пославшему ихъ, какъ сказалъ Пророкъ Давидъ: да возврати́тѧ грѣ́шницы во а҆́дъ, всѝ ѩ҆зы́цы забыва́ющїи бг҃а[4]). И еще: мѣ́чь и҆зблеко́ша грѣ́шницы, напрѧго́ша лꙋ́къ свои́, закла́ти пра́выѧ се́рдцемъ. Мѣ́чь и҆́хъ да вни́детъ въ сердца̀ и҆́хъ и҆ лꙋ́цы и҆́хъ да сокрꙋша́тсѧ, ꙗ҆́кѡ грѣ́шницы погі́внꙋтъ, и҆счеза́юще ꙗ҆́кѡ дымъ и҆счезо́ша[5]).

---

[1]) Ср.: Еванг. отъ Матѳ., гл. **10**, ст. 17, 21.

[2]) Еванг. отъ Луки, гл. **21**, ст. 19.

[3]) Псал. **132**, ст. 1.

[4]) Псал. **9**, ст. 18.

[5]) Псал. **36**, ст. 14, 15, 19, 20.

И сказали они Святополку:

— Сотворили мы повелѣнное тобою.

Услышавъ это, онъ вознесся сердцемъ, и сбылось сказанное Псалмопѣвцемъ Давидомъ: что̀ хва́лишися во зло́бѣ си́льне; беззако́нїе ве́сь де́нь, непра́вдꙋ ᲂу҆мы́сли ѧ҆зы́къ тво́й. Возлюби́лъ є҆сѝ зло́бꙋ па́че благости́ни, непра́вдꙋ, не́же глаго́лати пра́вдꙋ: возлюби́лъ є҆сѝ всѧ̀ глаго́лы потѡ́пныѧ, ѧ҆зы́къ льсти́въ. Сегѡ̀ ра́ди бг҃ъ разрꙋши́тъ тѧ̀ до конца̀, восто́ргнетъ тѧ̀, и҆ пресели́тъ тѧ̀ ѿ селе́нїѧ твоегѡ̀, и҆ ко́рень тво́й ѿ земли̇̀ живы́хъ[1]). Какъ сказалъ и Соломонъ: а҆́зъ ва́шей поги́бели посмѣю́сѧ, пора́дꙋюсѧ же, є҆гда̀ прїи́детъ ва́мъ па́гꙋба. Тѣ́мъ же снѣдѧ́тъ свои́хъ пꙋте́й плоды̀, и҆ своегѡ̀ нече́стїѧ насы́тѧтсѧ[2]).

Когда святый Глѣбъ былъ убитъ, тѣло его бросили въ пустынномъ мѣстѣ, между двухъ колодъ. Но Господь никогда не оставляетъ Своихъ рабовъ, какъ сказалъ Давидъ: храни́тъ гдⷭ҇ь всѧ̑ кѡ́сти и҆́хъ, ни є҆ди́на ѿ ни́хъ сокрꙋши́тсѧ[3]). И вотъ, когда тѣло святаго долго лежало на пустырѣ, Господь не оставилъ его пребывать въ невѣдѣніи и небреженіи, но показывалъ сіе мѣсто то свѣщой горящей, то прохожіе купцы, охотники и пастухи слышали пѣніе ангельское. Но ни слышавшимъ, ни видѣвшимъ сіе не пришло на мысль поискать тѣло святаго, пока Ярославъ, возмущенный симъ убійствомъ, не пошелъ войною на братоубійцу, окаяннаго Святополка, котораго, пріявъ много браннаго труда, побѣдилъ, при помощи Божіей и поспѣшеніи святыхъ князей мучениковъ. Такъ былъ посрамленъ и побѣжденъ нечестивый.

Убивъ своихъ братьевъ, Святополкъ сталъ княжить въ Кіевѣ. Ярославъ же еще не зналъ о смерти отца. У Ярослава было много Варяговъ, которые творили насиліе новгородцамъ и ихъ женамъ. Жители Новгорода возмутились и избили Варяговъ во дворѣ Парамона. Тогда Ярославъ разгнѣвался и со словами: «Уже мнѣ убитыхъ не воскресить!» съ княжескаго судилища во дворѣ послалъ за знатными новгородцами, которые зарубили Варяговъ, и, обманувъ, перебилъ ихъ.

Въ ту же ночь пришла къ нему вѣсть изъ Кіева отъ сестры его Предславы: «Отецъ у тебя умеръ. Святополкъ княжитъ въ Кіевѣ, убилъ онъ Бориса, а на Глѣба послалъ убійцъ. Берегись его».

---

1) Псал. 51, ст. 3—7.

2) Притчи Соломона, гл. 1, ст. 26, 31.

3) Псал. 33, ст. 21.

Услышавъ сіе, Ярославъ загрустилъ объ отцѣ, братѣ и о дружинѣ. На другой денъ онъ собралъ остальныхъ новгородцевъ и сказалъ:

— Милая моя дружина! Вчера я перебилъ ее, а нынѣ она мнѣ пригодилась бы.

Утеръ онъ слезы и сказалъ новгородцамъ на вѣчѣ:

— Отецъ мой умеръ, а Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ, побивая своихъ братьевъ.

И сказали ему новгородцы:

— Хоть и перебилъ ты нашихъ братьевъ, но мы можемъ бороться за тебя.

Собравъ Варягъ тысячу, да другихъ воиновъ 40 тысячъ, Ярославъ призвалъ Бога на помощь и пошелъ на Святополка со словами:

— Не я началъ избивать братьевъ, но онъ. Пусть же онъ и отвѣтитъ за кровь братьевъ, ибо безъ вины пролилъ онъ праведную кровь Бориса и Глѣба и мнѣ можетъ то же сотворить. Но суди Богъ по правдѣ, чтобы прекратилась злоба грѣшнаго.

И пошелъ на Святополка. Тотъ же, услышавъ про походъ Ярослава, собралъ безчисленное войско Руси и Печенѣговъ и выступилъ къ Любечу.

Это было въ лѣто 6524-е (1016 г.).

Оба войска встрѣтились у Днѣпра, стали одно противъ другаго по обѣ стороны рѣки и никакое изъ нихъ не имѣло смѣлости начать бой. Такъ они и стояли другъ противъ друга около 3 мѣсяцевъ. И сталъ воевода Святополка, ѣздя по берегу, укорять новгородцевъ:

— Что вы пришли съ хромымъ, вы—плотники, вотъ, мы васъ заставимъ строить намъ хоромы.

Услышавъ сіе, новгородцы оскорбились и сказали Ярославу:

— Завтра перевеземся черезъ рѣку. Если же кто не пойдетъ съ нами, сами убьемъ его.

Въ ту пору были уже заморозки. Святополкъ стоялъ между двумя озерами. Высадившись на берегъ, онъ всю ночь пилъ вино съ дружиною. На зорѣ Ярославъ съ войскомъ перевезлись черезъ рѣку, высадились и оттолкнули лодки отъ берега.

И вотъ, пошли войска другъ на друга и столкнулись. Сильная была сѣча; Печенѣги стояли за озеромъ и не могли помочь Святополку. Воины Ярослава притиснули Святополкову рать къ озеру,

столкнули ихъ на ледъ, который подъ ними проломился. И сталъ одолѣвать Ярославъ.

Видя сіе, Святополкъ бѣжалъ къ Ляхамъ. Ярославъ же сѣлъ на отцовскомъ княженіи въ Кіевѣ, послѣ того какъ пробылъ въ Новгородѣ 28 лѣтъ.

Черезъ 2 года Святополкъ пошелъ противъ Ярослава съ королемъ Болеславомъ и Ляхами. Ярославъ собралъ войско изъ Руси, Варяговъ и Словѣнъ и пошелъ въ Волынію. Войска встрѣтились у рѣки Буга и стали на противоположныхъ берегахъ. Былъ у Ярослава пѣстунъ, воевода Буды, и началъ онъ укорять Болеслава:

— Вотъ, мы копьемъ проткнемъ твое чрево.

Болеславъ же былъ огромный и тяжелый и едва могъ сидѣть на конѣ. И сказалъ Болеславъ дружинѣ своей:

— Если вы не оскорбились симъ укоромъ, я одинъ погибну.

И бросился на конѣ въ рѣку, за нимъ пошли и воины его. Ярославъ же не успѣлъ приготовиться къ битвѣ, и побѣдилъ Болеславъ Ярослава. Болеславъ вошелъ со Святополкомъ въ Кіевъ, а Ярославъ бѣжалъ съ 4-мя мужами въ Новгородъ. Оттуда онъ уже хотѣлъ бѣжать за море, но посадникъ Константинъ, сынъ Добрыни, съ новгородцами разсѣкли лодки Ярослава, говоря:

— Мы еще можемъ биться съ Болеславомъ и Святополкомъ.

И начали они собирать деньги, съ каждаго мужа по 4 куны, со старостъ по 9 гривенъ, а съ бояръ по 80 гривенъ. Затѣмъ призвали Варяговъ и заплатили имъ собранныя деньги. Такъ собралъ Ярославъ большое войско. Безумный же Святополкъ сказалъ:

— Избивайте по городамъ Ляховъ.

Такъ и сдѣлали. Тогда Болеславъ бѣжалъ изъ Кіева, захвативъ съ собою имущество и бояръ. Ярославъ же устремился на Святополка и побѣдилъ его. Святополкъ бѣжалъ къ Печенѣгамъ.

Въ лѣто 6527 (1019 г.) онъ возвратился со множествомъ Печенѣговъ. Ярославъ собралъ войско и выступилъ противъ него на Альту. Ставъ на мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ святый Борисъ, онъ воздѣлъ руки на Небо и сказалъ:

— Вотъ, кровь брата моего вопіетъ къ Тебѣ, Владыко, какъ кровь Авеля. Отомсти за него Святополку такъ, какъ братоубійцѣ Каину, на котораго Ты возложилъ стенаніе и трясеніе[1]). Молю Тебя, Господи, пусть Святополкъ получитъ то же.

---

[1]) Кн. Бытія, гл. 4, ст. 12.

Затѣмъ, помолившись, Ярославъ сказалъ:

— О братья мои, если вы и умерли тѣломъ, то живы благодатію и предстоите Господу. Помогите мнѣ молитвою.

Сказавъ сіе, онъ пошелъ на Святополка, и поле у рѣки Альты покрылось множествомъ воиновъ. И сошлись войска на восходѣ солнца, и была злая сѣча, соступались трижды, бились цѣлый день, и только къ вечеру одолѣлъ Ярославъ.

Сей же окаянный Святополкъ бѣжалъ. И напалъ на него бѣсъ, и разслабли кости его такъ, что онъ не могъ сидѣть на конѣ, и его несли на носилкахъ. Такъ донесли его до Берестья. Онъ же говорилъ:

— Бѣгите, вотъ, гонятся за нами!

Посылали противъ погони, но никого не находили. Лежа въ немощи, Святополкъ все вскакивалъ и говорилъ:

— Бѣжимъ, опять гонятся. Охъ мнѣ!

Такъ не могъ онъ побыть на одномъ мѣстѣ. И пробѣжалъ онъ черезъ Ляшскую землю, гонимый гнѣвомъ Божіимъ, и достигъ пустыни между землей Ляховъ и Чеховъ. Тутъ онъ лишился жизни и принялъ возмездіе отъ Господа такъ, какъ свидѣтельствовала посланная на него болѣзнь о вѣчной мукѣ по смерти. Такъ былъ онъ лишенъ той и другой жизни: здѣсь онъ лишился не только княженія, но и житія, а тамъ не только Царства Небеснаго и пребыванія съ Ангелами, но и былъ преданъ мукѣ и огню. Могила его осталась. Отъ нея исходитъ злой смрадъ, на показаніе людямъ, что, если услышавшій о семъ сотворитъ подобное, то пріиметъ и горше сего. Ибо Каинъ, не зная о возмездіи, принялъ одно наказаніе, а Ламехъ, какъ уже знавшій о Каинѣ, въ семьдесять разъ сильнѣе былъ отомщенъ[1]). Такое возмездіе получаютъ творящіе зло. Какъ Юліанъ царь, пролившій много крови святыхъ мучениковъ, подвергся горькой и безчеловѣчной смерти, пронзенный копьемъ въ сердце невѣдомо кѣмъ[2]), такъ и этотъ погибъ въ бѣгствѣ, не зная, отъ кого пришла ему злострастная смерть. Съ того времени затихла въ Русской землѣ крамола, а Ярославъ получилъ господство въ Руси.

И сталъ онъ вопрошать о тѣлесахъ святыхъ, какъ и гдѣ они положены. И повѣдали ему, что святый Борисъ погребенъ въ

---

1) Кн. Бытія, гл. 4, ст. 24.

2) *Императоръ Римскій Флавій Клавдій Юліанъ Отступникъ*, царствовалъ съ 361 г. по 363 г. Онъ отрекся отъ христіанства, стремился возстановить язычество. Былъ убитъ въ битвѣ съ Персами и умеръ со словами: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ».

Вышегородѣ, о святомъ же Глѣбѣ не всѣ знали, что онъ былъ убитъ въ Смоленскѣ. И тогда сказали Ярославу близкіе, что они слышали отъ приходившихъ оттуда, будто тамъ они видѣли сіяніе и свѣчи на пустынномъ мѣстѣ[1]). Услыхавъ сіе, Ярославъ послалъ на поиски въ Смоленскъ пресвитеровъ и сказалъ имъ:

— Это мой братъ.

Тѣ пошли и отъискали его тѣло тамъ, гдѣ совершались видѣнія[2]). Съ почтеніемъ, со свѣчами многими и кадилами перенесли они его въ лодки и отвезли въ Вышегородъ, гдѣ лежало тѣло преблаженнаго Бориса; тамъ они вырыли могилу и положили тѣло, изумленные его прекраснымъ и цвѣтущимъ видомъ. Дивно и чудно и памяти достойно, что тѣло святаго столько лѣтъ оставалось невредимымъ, не тронутое плотоядными звѣрями, и не только не почернѣло, какъ это бываетъ съ трупами, но было свѣтло, прекрасно, цѣло и благовонно. Такъ Богъ сохранилъ останки своего страдальца.

Многіе не вѣдали, что тутъ лежали тѣлеса святыхъ страстотерпцевъ. Но какъ сказалъ святый Евангелистъ: **не мо́жетъ гра́дъ ᲂу҆кры́тисѧ верхꙋ̀ горы̀ стоѧ̀. Нижѐ вжига́ютъ свѣти́льника, и҆ поставлѧ́ютъ є҆го̀ под̾ спꙋ́домъ, но на свѣ́щницѣ, и҆ свѣ́титъ всѣ́мъ**[3]), такъ и сихъ святыхъ Господь поставилъ свѣтить міру и сіять премногими чудесами въ Русской странѣ, гдѣ много страждущихъ получили спасеніе. Слѣпые стали видѣть, хромые получили быстроту серны, согбенные выпрямились. Но развѣ можно все повѣдать и разсказать о сотворившихся тамъ чудесахъ. Поистинѣ даже весь міръ не можетъ вмѣстить содѣянныхъ предивныхъ чудесъ, они многочисленнѣе песка морского; святые творили ихъ не только здѣсь, но и по всѣмъ странамъ и землямъ, исцѣляя болѣзни и всѣ недуги, посѣщая заключенныхъ въ темницахъ и узахъ. На мѣстахъ же, гдѣ они пріяли мученическіе вѣнцы, были созданы церкви во имя ихъ. И творили они здѣсь много чудесъ.

Нѣтъ умѣнія и силъ прославить васъ, святыя братья! Если назвать васъ Ангелами, которые тотчасъ приходятъ на помощь скорбящимъ, то вы во плоти жили среди людей. Если назвать васъ людьми, то вы превышаете человѣческій умъ множествомъ чудесъ. Назвать ли васъ цесарями и князьями, то вы стяжали смиреніе

---

1) По сказанію Нестора, старѣйшина города на мѣстѣ, гдѣ лежало тѣло, видѣлъ самого святаго Глѣба, блистающаго, какъ молнія.

2) По сказанію Нестора, тѣло св. Глѣба было найдено при помощи охотниковъ.

3) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 14, 15.

большее, чѣмъ у простыхъ и смиренныхъ людей, и черезъ него вселились въ вышнія жилища. Поистинѣ вы—цари надъ царями и князья надъ князьями, ибо при вашей помощи и защитѣ наши князья противниковъ своихъ державно побѣждаютъ и прославляются вашей помощью. Вы—имъ и намъ оружіе, вы—земли Русской забрало и утвержденіе, вы—обоюдоострые мечи, которыми мы низлагаемъ дерзость враговъ и попираемъ въ землю гордость діавола. Поистинѣ и безъ сомнѣнія слѣдуетъ сказать: вы—небесныя люди и земные Ангелы, столпы и утвержденіе земли нашей. Помогите же своему Отечеству, какъ великій Димитрій[1]), который сказалъ:

«Если я былъ съ ними при веселіи, то умру съ ними, когда они погибаютъ».

Но тотъ великій Димитрій изрекъ сіе объ одномъ городѣ, а вы имѣете попеченіе и возносите молитву не объ одномъ городѣ, ни о двухъ, а о всѣхъ—о всей землѣ Русской. О блаженное вмѣстилище, пріявшее ваши тѣлеса честныя какъ многоцѣнное сокровище, блаженная церковь, въ которой стоятъ ваши святыя раки, гдѣ положены ваши блаженныя тѣлеса! О Христовы угодники! Блаженъ поистинѣ и высокъ городъ Вышегородъ, имѣющій у себя такое сокровище, которому не равенъ весь міръ. Поистинѣ онъ названъ Вышегородомъ, будучи превыше другихъ городовъ. Вторымъ Солунемъ явился онъ въ Русской землѣ, имѣя въ себѣ врачевство безмездное. И не только нашему племени дано было Богомъ спасеніе, но и всей землѣ. Отъ всѣхъ странъ туда приходятъ и безмездно получаютъ исцѣленіе. Какъ во святомъ Евангеліи Господь сказалъ святымъ Апостоламъ:

— **Тѹ́не прїѧ́сте, тѹ́не дадѝте**[2]).

О семъ и Самъ Господь сказалъ:

— **Вѣ́рѹѧй въ мѧ̀, дѣла̀, ꙗ̀же а҆́зъ творю̀, и҆ то́й сотворитъ, и҆ бо́льша сѝхъ сотворитъ**[3]).

Но, о блаженные страстотерпцы Христовы, не забывайте отечества, гдѣ пожили вы тѣлесно, не оставляйте его посѣщеніемъ и въ молитвахъ всегда молитесь о насъ, чтобы не постигло насъ зло и чтобы не коснулась болѣзнь тѣлесъ вашихъ рабовъ. Ибо вамъ дана благодать молиться за насъ, васъ сдѣлалъ Господь ходатаями, молящимися за насъ. Къ вамъ прибѣгаемъ, умоляемъ васъ,

---

[1]) *Св. великомученикъ Димитрій Солунскій*, см. подъ 26 октября.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. **10**, ст. 8.

[3]) Еванг. отъ Іоан., гл. **14**, ст. 12.

припадая къ вамъ со слезами, вамъ молимся, чтобы не наступила на насъ нога гордыни, чтобы рука грѣшника не погубила насъ и чтобы не постигла насъ всякая пагуба. Отгоните отъ насъ голодъ и несчастіе, избавьте насъ отъ меча и усобной брани, не дайте пасть во грѣхѣ; уповаемъ на васъ, молитву нашу приносите усердно ко Христу Богу, ибо мы согрѣшили и сотворили безмѣрное беззаконіе. Но надѣясь на вашу молитву, возопіемъ ко Спасу:

— Владыко, единъ Ты безъ грѣха, призри съ Твоего святаго Небеси на насъ, убогихъ. Мы согрѣшили—очисти насъ, сотворили беззаконіе—пощади, споткнулись—повремени, очисти насъ, какъ блудницу, и, какъ мытаря, прости. Пусть придетъ милость Твоя, пусть прольется на насъ человѣколюбіе Твое, не оставь насъ въ грѣхахъ нашихъ, не предай насъ горькой смерти, но искупи насъ отъ зла вѣка сего, дай время для покаянія, ибо велико наше беззаконіе предъ Тобою, Господи. Поступи съ нами милосердно, Господи, ибо мы Тебя именуемъ. Помилуй насъ, ущедри, заступи молитвами пречестныхъ Твоихъ страстотерпцевъ, не предай насъ въ поношеніе, но излей милость Твою на овецъ пажити Твоей, ибо Ты—Богъ нашъ, Тебѣ славу возсылаемъ—Отцу, и Сыну, и Святому Духу.

Сей благовѣрный Борисъ былъ потомокъ благого рода, послушливъ отцу, всѣмъ покоренъ, тѣломъ былъ прекрасенъ, высокъ, широкъ въ плечахъ, тонокъ въ поясѣ, лицо у него было круглое, веселое, глаза добрые, борода и усы небольшіе, ибо былъ онъ еще юнъ. По-царски сіялъ онъ, былъ украшенъ какъ цвѣтъ цвѣтущей юностью своей. На рати былъ онъ храбръ, въ совѣтѣ мудръ и разуменъ, благодать Божія цвѣла въ немъ.

Не возмо́жетъ мꙋ́жъ глаго́лати: и҆ не насы́титсѧ ѻ҆́ко зрѣ́ти, ни и҆спо́лнитсѧ ᲂу҆́хо слы́шанїѧ[1]), сказалъ Екклесіастъ, такъ и чудесъ святыхъ мучениковъ ни умъ нашъ не можетъ постигнуть, ни языкъ выразить, ни слово изъяснить, какое возмездіе получили они отъ Господа за трудъ свой какъ чада и причастники Царства Божія. Какъ сказалъ Іоаннъ Богословъ: **є҆ли́цы же прїѧ́ша є҆го̀, дадѐ и҆̀мъ ѻ҆́бласть ча́дѡмъ бж҃їимъ бы́ти**[2]). И Давидъ: **свѧты́мъ, и҆̀же сꙋ́ть на землѝ є҆гѡ̀, ᲂу҆дивѝ гдⷭ҇ь всѧ̑ хотѣ́нїѧ своѧ̑ въ ни́хъ**[3]). И еще: **ди́венъ бг҃ъ во свѧты́хъ свои́хъ, творѧ́й чꙋдеса̀ є҆ди́нъ**[4]). Преподобный же

1) Екклесіастъ, гл. 1, ст. 8.
2) Еванг. отъ Іоан., гл. 1, ст. 12.
3) Псал. 15, ст. 3.
4) Псал. 67, ст. 36; 71, ст. 18.

Іоаннъ Дамаскинъ писалъ, что такіе мужи и по смерти живы и Богу предстоятъ. Источникъ нашего спасенія Владыка Христосъ помощь ихъ подастъ, ибо отъ мученическихъ тѣлесъ мѵро благоуханное исходитъ. И еще: кто въ Бога вѣруетъ и въ надежду воскресенія, тотъ не назоветъ ихъ мертвыми. Ибо какъ мертвая плоть можетъ творить чудеса, какъ ими бѣсы отгоняются, проходятъ болѣзни, исцѣляются немощи, слѣпые получаютъ зрѣніе, прокаженные очищаются, скорби и несчастія прекращаются и всякое доброе даяніе отъ Отца свѣта черезъ нихъ исходитъ, и ихъ съ вѣрою и безъ сомнѣнія молятъ! Какъ ты долженъ утруждаться, чтобы найти заступника передъ смертнымъ царемъ, держащаго за тебя отвѣтъ, а вотъ сіи—заступники всего рода, которые за насъ Богу молитвы творятъ. Какъ намъ не чтить ихъ, приводящихъ всѣхъ къ Церкви и къ Богу! Почитая память ихъ, съ веселіемъ творимъ праздникъ святыхъ, которыхъ Господь прославилъ премногою благодатью и чудесами—сихъ чудотворцевъ, заступниковъ всѣхъ странъ нашей Русской земли.

Многіе не знали, что въ Вышегородѣ почиваютъ святые мученики и страстотерпцы Христовы Романъ и Давидъ, но Господь не допустилъ, чтобы такое сокровище таилось въ землѣ, и обнаружилъ его для всѣхъ. На мѣстѣ, гдѣ они лежали, иногда видѣлся огненный столпъ, иногда же слышалось Ангельское пѣніе. Слыша сіе и видя, люди славили Бога и приходили поклоняться со страхомъ на мѣстѣ томъ. Много приходило и отъ иныхъ странъ. Одни вѣрили слухамъ, другіе не вѣрили, считая сіе за ложь, какъ Апостолъ сказалъ о Крестѣ: **погиба́ющымъ ю҆ро́дство є҆́сть, а҆ спаса́емымъ на́мъ си́ла бж҃їа є҆́сть** [1]). Господь же во святомъ Евангеліи сказалъ: **падый на ка́мени се́мъ, сокрꙋши́тсѧ** [2]), а вѣрующій въ него—не постыдится. Однажды пришли къ тому мѣсту, гдѣ лежали святые, погребенные подъ землею, Варяги, и одинъ изъ нихъ вступилъ на него; тотчасъ же огонь вышелъ изъ гроба и опалилъ ноги Варяга. Тотъ вскочилъ, сталъ разсказывать и показалъ дружинѣ свои обожженныя ноги. Съ тѣхъ поръ не осмѣливались подходить близко, но со страхомъ поклонялись. Немного спустя загорѣлась церковь святаго Василія, у которой были положены святые. Пономарь той церкви, по окончаніи Заутрени, былъ омраченъ отъ вселукаваго сатаны сномъ и, не осмотрѣвъ церковь, какъ

[1]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 1, ст. 18.
[2]) Ср.: Еванг. отъ Матѳ., гл. 21, ст. 44.

слѣдуетъ, ушелъ къ себѣ домой, а въ церкви забылъ потушить свѣчу, горѣвшую на высокомъ мѣстѣ. Спустя нѣкоторое время загорѣлась церковь. Люди устремились къ ней; горѣла церковь отъ верха; все оттуда вынесли, иконы и сосуды, такъ что ничего не сгорѣло, кромѣ самого зданія. Все это произошло по Божіему попущенію. Церковь была деревянная и обветшала. Господь явилъ симъ Свою волю, чтобы иная церковь была построена на томъ мѣстѣ, во имя святыхъ блаженныхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, и чтобы тѣлеса ихъ были съ любовію вынуты изъ нѣдръ земныхъ, что и случилось. О всемъ этомъ повѣдали Ярославу. Князь призвалъ митрополита Іоанна, сказалъ ему о своихъ братьяхъ, святыхъ мученикахъ, и тотъ былъ какъ бы въ ужасѣ, сомнѣніи, радости и дерзновеніи къ Богу. Выйдя отъ князя, митрополитъ собралъ клирошанъ и всѣхъ священниковъ и велѣлъ идти Крестнымъ ходомъ къ Вышегороду. И пошли къ мѣсту, гдѣ лежали святые, съ ними и Ярославъ князь. На томъ мѣстѣ, гдѣ стояла сгорѣвшая церковь, поставили небольшую храмину. Архіепископъ же, придя съ крестами, сотворилъ въ ней всенощное пѣніе. Рано утромъ архіепископъ пошелъ съ крестами къ мѣсту, гдѣ лежали пречестныя тѣлеса святыхъ, сотворилъ молитву и велѣлъ разрыть землю, находившуюся надъ гробомъ святыхъ. И откопавъ, вынули гробъ изъ земли. И приступилъ митрополитъ Іоаннъ и пресвитеры со страхомъ и любовью, открылъ гробъ святыхъ, и увидѣли чудо преславное. Тѣлеса святыхъ не имѣли никакого поврежденія, но были совершенно цѣлы и бѣлы какъ снѣгъ, лица ихъ были свѣтлы, какъ у Ангеловъ, благоуханіе исходило отъ нихъ. Сильно дивились архіепископъ и всѣ люди. И отнесли они тѣлеса въ ту храмину, которая была поставлена на мѣстѣ сгорѣвшей церкви, и положили ихъ надъ землею на правой сторонѣ.

Былъ въ Вышегородѣ мужъ, именемъ Миронѣгъ, огородникъ. Онъ имѣлъ сына, у котораго нога высохла и согнулась. И не могъ онъ ходить и не ощущалъ ее. Ходилъ же онъ, сдѣлавъ себѣ деревянную ногу. И пришелъ онъ къ святымъ, припалъ къ ихъ гробу и молился Богу и святымъ, прося отъ святыхъ исцѣленія. Такъ день и ночь молился онъ со слезами. Однажды ночью явились ему святые страстотерпцы Христовы Романъ и Давидъ и сказали:

— Что ты вопіешь къ намъ?

Тотъ показалъ ногу, нуждающуюся въ исцѣленіи. Они взяли ногу сухую и трижды ее перекрестили. Пробудившись отъ сна,

онъ увидѣлъ себя здоровымъ и вскочилъ, славя Бога и святыхъ. Затѣмъ онъ повѣдалъ всѣмъ, какъ святые его исцѣлили, и сказалъ, что видѣлъ и Георгія, отрока святаго Бориса, который шелъ передъ святыми, неся свѣчу. Видя такое чудо, люди прославили Бога.

Нѣкій слѣпецъ пришелъ и палъ у гроба святыхъ, и цѣловалъ его съ любовію, прикладывая къ нему очи и прося исцѣленія. И тотчасъ прозрѣлъ. И всѣ прославили Бога.

Тогда Миронѣгъ разсказалъ князю объ обоихъ чудесахъ. Князь Ярославъ прославилъ Бога и святыхъ мучениковъ и, призвавъ митрополита Іоанна, съ веселіемъ повѣдалъ ему слышанное. Архіепископъ также воздалъ хвалу Богу и далъ князю богоугодный совѣтъ построить прекрасную церковь. И угоденъ былъ князю совѣтъ его, и велѣлъ онъ плотникамъ приготовить деревья на строеніе церкви. Была уже зима. Плотники приготовили дерева и при наступленіи лѣта построили церковь великую, имѣющую пять главъ. Князь же украсилъ ее всякою живописью и иконы святыхъ велѣлъ написать, чтобы вѣрные видѣли въ церкви какъ бы самихъ святыхъ и поклонялись имъ и лобызали ихъ, съ вѣрою и любовью. И въ Крестномъ ходу Іоаннъ митрополитъ, князь Ярославъ, всѣ священники и весь народъ перенесли въ церковь мощи святыхъ и освятили ее. И уставили празднованіе мѣсяца іюля въ 24 день, когда былъ убитъ преблаженный Борисъ. Въ этотъ же день совершилось и перенесеніе святыхъ мощей, и освященіе церкви.

Когда на Святой Литургіи присутствовали князь и митрополитъ, случилось быть въ храмѣ человѣку хромому. Съ большимъ трудомъ приползъ онъ въ храмъ, молясь Богу и святымъ. И тотчасъ стали крѣпкими ноги его, благодатью Божіею и молитвами святыхъ. И, возставъ, пошелъ онъ передъ всѣми. Видя сіе чудо, благовѣрный князь Ярославъ, митрополитъ и всѣ люди воздали хвалу Богу и святымъ.

Послѣ Литургіи князь позвалъ на трапезу всѣхъ — и митрополита и пресвитеровъ, и справили они праздникъ, какъ подобало. И много имѣнія роздалъ князь нищимъ, сиротамъ и вдовицамъ.

И вотъ, скончался Ярославъ [1]), проживъ съ честью по смерти отца своего 38 лѣтъ и оставивъ наслѣдниками своихъ сыновей: Изяслава, Святослава и Всеволода, раздѣливъ между ними наслѣдіе,

---

[1]) Въ 1054 году.

какъ слѣдовало: Изяслава, старшаго, посадилъ княжить въ Кіевѣ, Святослава—въ Черниговѣ, Всеволода—въ Переяславлѣ, прочихъ же по инымъ волостямъ. Изяславъ князь, унаслѣдовавшій Великое княженіе, положилъ тѣло отца своего въ мраморной ракѣ, которую поставилъ въ притворѣ церкви святой Софіи, созданной отцомъ[1]).

Прошло два года, и церковь уже обветшала. Придя однажды въ нее, Изяславъ Ярославичъ увидѣлъ ея ветхость, призвалъ старшину плотниковъ и велѣлъ ему построить новую, одноглавую церковь во имя святыхъ страстотерпцевъ, указалъ онъ и мѣсто для нея близъ первой ветхой церкви. Князь упросилъ и митрополита Георгія, чтобы онъ помолился на мѣстѣ томъ и далъ денегъ, нужныхъ на построеніе церкви. Старшина плотниковъ собралъ всѣхъ своихъ рабочихъ и скоро построилъ церковь на указанномъ мѣстѣ. Услышавъ о семъ, князь послалъ къ старѣйшинѣ города со словами:

— Даю отъ княжеской дани на украшеніе церкви.

Когда церковь была закончена совсѣмъ, боголюбецъ Изяславъ умолилъ архіепископа Георгія, чтобы тотъ учредилъ перенесеніе мощей святыхъ въ новую церковь. Съѣхались братья Изяславъ и Всеволодъ и митрополитъ Георгій Кіевскій и другіе: Неофитъ, Черниговскій епископъ, Петръ Переяславскій, Никита Бѣлозерскій, Михаилъ Юрьевскій, игуменъ Печерскаго монастыря Ѳеодосій, Софроній отъ святаго Михаила, Германъ отъ святаго Спаса и прочіе всѣ игумены и сотворили свѣтлое празднество. И взяли прежде князья на рамена тѣло святаго Бориса въ ракѣ деревянной, и понесли въ предшествіи преподобныхъ черноризцевъ со свѣчами. За иноками шли діаконы и пресвитеры, затѣмъ митрополитъ и епископы. И принесши, поставили раку въ церкви, открыли ее, и исполнилась церковь благоуханія чуднаго. Видѣвше сіе, всѣ прославили Бога. Митрополита же объялъ ужасъ, ибо онъ не твердо вѣровалъ святымъ; палъ онъ ницъ и просилъ прощенія. И цѣловавъ мощи, положили ихъ въ каменную раку. Затѣмъ взяли каменную раку съ тѣломъ святаго Глѣба, поставили на сани и, взявшись за веревки, повезли ихъ. И когда были уже въ дверяхъ, остановилась рака и не двинулась впередъ. Тогда повелѣли народу восклицать: «Господи, помилуй!» И молились Господу и святымъ. И тотчасъ сдвинули раку. Затѣмъ цѣловали главу святаго Бориса. Митрополитъ Георгій взялъ руку святаго Глѣба и благословилъ

---

[1]) Сія кіевская церковь была заложена въ 1037 году.

князей Изяслава, Святослава и Всеволода. И снова Святославъ, взявъ руку митрополита, державшаго святаго за руку, приложилъ ее къ язвѣ, которая была у него на шеѣ, къ очамъ и къ темени. Затѣмъ положилъ руку въ гробъ, и стали пѣть святую Литургію. Тогда Святославъ сказалъ Берну:

— Что-то мнѣ колетъ голову.

Бернъ поднялъ клобукъ и, увидѣвъ на головѣ ноготь святаго Глѣба, снялъ его и отдалъ Святославу. Тотъ же прославилъ Бога о благомъ дарѣ святыхъ. Послѣ Литургіи всѣ братья пошли и обѣдали вмѣстѣ. Свѣтло отпраздновали они праздникъ и много милостыни сотворили убогимъ. Затѣмъ облобызались и мирно разошлись каждый къ себѣ. И съ тѣхъ поръ[1]) установился сей праздникъ мѣсяца мая во 2-й день, въ честь и славу святыхъ мучениковъ, благодатію Господа нашего Іисуса Христа.

Нѣкій человѣкъ былъ нѣмъ и хромъ, нога у него была отнята по колѣно. Сдѣлавъ деревянную ногу, онъ ходилъ на ней. И пребывалъ у церкви святыхъ, съ иными убогими, принимая отъ христіанъ милостыню, платье или иное, что кто хотѣлъ дать. И былъ въ Вышегородѣ старшина огородниковъ, котораго мірское имя было Жданъ, а во Святомъ Крещеніи Николай. И творилъ онъ праздникъ святому Николаю ежегодно. Въ одинъ изъ дней на его праздникъ пошли убогіи и тотъ хромецъ, надѣясь что-нибудь получить. Войдя въ домъ тотъ, сѣлъ онъ передъ храминою. Случилось же такъ, что ему не дали ни ѣсть, ни пить, и сидѣлъ онъ голодный и жаждущій. Тогда внезапно впалъ онъ въ изступленіе и видѣніе видѣлъ. Представилось ему, что онъ сидѣлъ у церкви святыхъ. И увидѣлъ онъ Бориса и Глѣба, вышедшихъ какъ бы изъ алтаря и шедшихъ къ нему, и палъ онъ ницъ. Святые взяли его за руку, посадили его и стали говорить объ исцѣленіи его. Потомъ перекрестили уста его, взяли его больную ногу, какъ бы помазали масломъ и потянули ее за колѣно. Все сіе недужный какъ бы во снѣ видѣлъ, ибо онъ упалъ ницъ въ томъ домѣ. Увидѣвъ его распростертымъ на землѣ, люди повертывали его туда и сюда. Онъ же лежалъ какъ мертвый, не имѣя силъ двинуть ни устами, ни очами. Только душа его въ немъ была и сердце билось въ немъ. Всѣ думали, что его поразилъ бѣсъ. Взяли его, понесли и положили у церкви святыхъ, передъ дверями. Много людей

[1]) Т. е. съ 1072 года.

стояло вокругъ, смотрѣли и дивились преславному чуду. Изъ колѣна страдальца появилась нога и стала расти, пока не сравнялась съ другой, и это произошло не въ долгій срокъ, а въ одинъ часъ. Видя сіе, находившіеся тутъ прославили Бога и его угодниковъ, мучениковъ Романа и Давида. И всѣ воскликнули:

— **Кто̀ возглаго́летъ си̑лы гдⷭ҇ни, слы̑шаны сотвори́тъ всѧ̑ хвалы̀ є҆гѡ̀. Ди́венъ бг҃ъ творѧ́й чꙋдеса̀ є҆ди́нъ**[1]).

Въ городѣ Дорогобужѣ нѣкая женщина, раба, трудилась въ домѣ госпожи своей, по ея повелѣнію, въ день святаго Николая, когда всѣ шли въ церковь его. Другія женщины, видя ее за работой, стали укорять и звали ее въ церковь. Она же не послушала ихъ и продолжала свое дѣло. Вдругъ въѣхали во дворъ три мужа въ бѣлыхъ ризахъ. Выглянувъ изъ дверей, она увидѣла ихъ. Одинъ изъ нихъ былъ старъ, по обѣимъ же сторонамъ его двое юношей. И сказали ей юноши:

— О женщина, какъ ты посмѣла оскорбить отца нашего Николая, работая въ его праздникъ и не идя въ церковь?

Она же отвѣчала имъ:

— Я—убогая вдова, мнѣ надо работать, а не ходить въ церковь.

Тогда старый мужъ сказалъ юношамъ:

— Что вы съ ней говорите? Размечите ея домъ.

Они приступили и разметали домъ до половины. Старый же мужъ, подойдя къ женщинѣ, взялъ ее за правую руку и выбросилъ ее изъ комнаты. И упала она замертво. Видя женщину распростертой, сосѣди взяли ее и отнесли въ другой домъ. Положили ее и сѣли около, желая послушать, что она скажетъ. Она же не могла двинуть ни глазами, ни устами, но лежала какъ мертвая и ничего сама не ѣла, только, раздвинувъ ей уста, вливали ей въ ротъ ложкою молоко или воду. Такъ пребывала она до Великаго Поста. Въ Недѣлю мясопустную взяли женщину и отнесли въ церковь святаго Николая. Послѣ молитвы, совершенной надъ нею, она нѣсколько открыла глаза и, какъ бы пробудившись отъ сна, попросила ѣсть, смогла принять пищу и разсказала случившееся. Правая же рука у ней оказалась высохшей, и она ее не ощущала. И вотъ она уже не имѣла силъ служить господамъ. Видя ее такой немощной, госпожа прогнала ее отъ себя, и отрокъ, который ро-

---

[1]) Псал. **105**, ст. 2; ср. псал. **71**, ст. 18.

дился у нея на свободѣ, сталъ рабомъ. Но судьи не позволили поступить такимъ образомъ, а повелѣли господамъ ея лишиться ея цѣны, и обоихъ освободили, такъ какъ она работала по неволѣ и получила наказаніе. Прошло 3 года. Сухорукая женщина услыхала, какъ человѣкъ со сведенными руками и ногами получилъ исцѣленіе въ церкви святыхъ мучениковъ Романа и Давида. И вотъ, пошла она въ Вышегородъ. Пришла въ день субботній, когда былъ канонъ Успенія святой Богородицы, и сказалась старѣйшинѣ клириковъ той церкви, Лазарю. Онъ велѣлъ ей пробыть ночь у церкви. Утромъ, когда шли съ крестами къ церкви святой Богородицы, сухорукая женщина приступила къ Лазарю и повѣдала ему такой свой сонъ:

— Когда я въ эту ночь сидѣла у церкви, пришли ко мнѣ двое прекрасныхъ юношей и сказали мнѣ: кто тебя посадилъ здѣсь? Я же отвѣчала: священникъ Лазарь такъ велѣлъ мнѣ, сказавъ: сядь здѣсь, можетъ быть, Богъ, по молитвѣ святыхъ мучениковъ, исцѣлитъ тебя. Слышавъ сіе, тотчасъ старшій изъ юношей, снявъ перстень, отдалъ мнѣ и сказалъ: надѣнь его на руку и перекрестись, и онъ исцѣлитъ тебѣ руку.

Услышавъ сіе, Лазарь велѣлъ ей присутствовать на Литургіи у дверей церковныхъ, чтобы ей по окончаніи пѣнія и молитвъ помазали руку масломъ изъ лампады. Стали пѣть Литургію. Когда отпѣли «Святый Боже» и пѣвецъ сказалъ «пѣснь Богородицѣ, прокименъ: Величитъ душа моя», внезапно сухая рука женщины заболѣла, повязка, поддерживавшая руку, спала, и женщина устремилась къ алтарю, трепеща и потрясая рукою. Видя это, всѣ люди и клирики сочли ее бѣсноватой и повлекли ее ко гробу святыхъ. Глядя на нее и узнавъ ее, Лазарь пришелъ въ ужасъ. И въ то время рука ея исцѣлилась. Всѣ видѣвшіе это прославили Бога за такое чудо, дивясь скорому Божію посѣщенію и силѣ святыхъ мучениковъ Христовыхъ.

Жилъ въ городѣ нѣкій слѣпецъ. Приходилъ онъ къ церкви святаго Георгія и молился святому, прося прозрѣнія. Однажды ночью явился ему святый мученикъ Георгій и сказалъ:

— Что ты взываешь ко мнѣ! Если ты хочешь прозрѣть, я тебѣ повѣдаю, какъ сего достигнуть. Иди къ святымъ Борису и Глѣбу, они, если пожелаютъ, даруютъ тебѣ зрѣніе, о которомъ ты просишь. Ибо имъ дана благодать отъ Бога въ странѣ Русской прощать и исцѣлять всякія муки и недуги.

Видя сіе и слыша, слѣпецъ пробудился и отправился въ путь, какъ ему было велѣно. Пришелъ онъ въ церковь святыхъ мучениковъ и пробылъ тутъ нѣсколько дней, припадая и моля святыхъ, пока они не посѣтили его. И прозрѣлъ онъ, и сталъ видѣть, славя Бога и святыхъ мучениковъ, такъ какъ получилъ исцѣленіе. И разсказалъ онъ всѣмъ, какъ видѣлъ, что пришли къ нему святые мученики, перекрестили ему глаза трижды, и тотчасъ они отверзлись. Всѣ возблагодарили Бога за тѣ преславныя, предивныя и несказанныя чудеса, которыя творились святыми мучениками. Ибо написано: «во́лю боѧ́щихсѧ є҆гѡ̀ сотвори́тъ, и҆ моли́твꙋ и҆́хъ ᲂу҆слы́шитъ»[1]), и еще: всѧ̑, є҆ли́ка восхотѣ̀, сотвори̑[2]).

Умножались чудеса святыхъ и росла ихъ благодать. И какъ писано во Святомъ Евангеліи: ни всемꙋ̀ мі́рꙋ вмѣсти́ти пи́шемыхъ[3]), они творились, не будучи записываемы, и кто зналъ о нихъ—разсказывалъ. Тогда Святославъ, сынъ Ярослава, замыслилъ создать святымъ каменную церковь; построилъ онъ ее до 50 локтей въ высоту и скончался[4]). Всеволодъ, ставъ княземъ въ землѣ Русской, довершилъ ее всю. Когда же она была окончена, тотчасъ, въ ту же ночь, упалъ ея верхъ, и вся она разрушилась. Потомъ Всеволодъ умеръ[5]), поживъ мирно и исправивъ державство, порученное ему Богомъ. Княженіе въ Кіевѣ принялъ Святополкъ Изяславичъ, а Давидъ и Олегъ—въ Черниговѣ, Владиміръ же—въ Переяславѣ. Въ тѣ времена враги земли нашей стали крѣпче насъ и причиняли намъ много насилія за наши грѣхи. Церковь святыхъ мучениковъ пришла въ забвеніе, и никто не могъ позаботиться о строеніи ея и о записи чудесъ.

Вотъ что повѣдали очевидцы происшедшаго чуда. Святополкъ князь заключилъ въ подземную темницу за нѣкую вину двухъ мужей въ тяжкихъ оковахъ, не изслѣдовавъ дѣла, но послушавъ оклеветавшихъ ихъ. Забылъ онъ сказанное Пророкомъ Давидомъ: не прильпѐ мнѣ̀ се́рдце стропти́во: ᲂу҆клонѧ́ющагосѧ ѿ менѐ лꙋка́ваго не позна́хъ. Ѡ҆клевета́ющаго та́й и҆́скреннѧго своегѡ̀, сегѡ̀ и҆згонѧ́хъ[6]). Заключивъ мужей въ темницу, князь забылъ о нихъ. Находясь въ такой бѣдѣ, они много молились святымъ страстотерпцамъ и каждое

1) Псал. 144, ст. 19.
2) Псал. 113, ст. 11.
3) Еванг. отъ Іоан., гл. 21, ст. 25.
4) Въ 1079 году.
5) Въ 1093 году.
6) Псал. 100, ст. 4—5.

воскресенье давали стражу денегъ, чтобы онъ купилъ просфору и принесъ ее въ церковь святыхъ Романа и Давида. Прошло много времени, а заключенные все томились въ печали и скорби, молясь непрестанно и призывая святыхъ страстотерпцевъ. И тѣ не презрѣли ихъ, но спасли, заступились за нихъ и помогли. Однажды ночью, когда двери темницы были заперты и вынутая лѣстница лежала наружѣ, во время сна сихъ узниковъ и иныхъ многихъ, внезапно одинъ изъ заключенныхъ мужей оказался спящимъ внѣ, надъ темницею, пробудился свободнымъ отъ узъ и увидѣлъ, что желѣзныя оковы, которыя были на немъ и на его товарищѣ, изломаны и лежали около него, обручи же, полагавшіяся на ноги, извиты какъ веревка. Возставъ, онъ прославилъ Бога и святыхъ Его угодниковъ. Вспомнивъ видѣнное, онъ позвалъ сторожа, показалъ ему, что произошло, и сказалъ:

— Отведи меня къ церкви преславныхъ мучениковъ.

Придя въ церковь къ Утрени, а было это въ четвергъ, поклонился онъ передъ святыми ковчегами и сказалъ всѣмъ клирикамъ и людямъ, бывшимъ въ церкви:

— Когда мы и много другихъ спали въ темницѣ, внезапно какъ бы поднялась ея крыша, и мы увидѣли, что вошли святые и сказали: «Почему вы находитесь здѣсь?» Мы отвѣтили: «Такова воля князя, насъ оклеветали». Святые же сказали намъ: «Повелѣваемъ вамъ: ты иди въ церковь и повѣдай, что видѣлъ, товарища же твоего мы оставляемъ въ темницѣ. Его мы сдѣлали слѣпымъ — на увѣреніе другихъ, когда тѣ не повѣрятъ. Сами же мы удалимся въ Греческую землю; возвратившись черезъ три дня, посѣтимъ его и возвратимъ ему зрѣніе. Тогда ступайте и скажите князю: зачѣмъ ты такъ поступаешь, не изслѣдовавъ дѣла, томишь и мучаешь? Если ты въ семъ не раскаешься и не перестанешь такъ творить, то знай, что никакъ не избѣгнуть тебѣ ада». Сказавши это и иное, они изчезли изъ нашихъ глазъ. Я, видѣвшій сіе, разсказалъ вамъ, братія, если же вы хотите лучше видѣть и слышать, пойдемъ къ темницѣ.

Придя къ ней, всѣ увидѣли, что замки невредимы и заперты, а что лѣстница, по которой входятъ и выходятъ, лежитъ внѣ. И удивились они и прославили Господа и святыхъ. Открывъ темницу, увидѣли они, что узникъ, о коемъ сказано, дѣйствительно ослѣпъ, такъ что ни вѣкъ, ни рѣсницъ нельзя было различить, узъ же на немъ не было. Разспрошенный, онъ разсказалъ то же самое. Тогда оба узника были отпущены и не отходили отъ церкви день

и ночь, особенно ослѣпленный; какъ бы позоръ имѣвшій отъ святыхъ и какъ бы прося о долгѣ, припадалъ онъ къ гробамъ и, молясь, говорилъ:

— О святые угодники Христовы, не презрите, не забудьте вашего обѣщанія. Даруйте мнѣ по вашему обѣту, которымъ вы обязались.

Такъ онъ творилъ три дня. Настало воскресенье, пришелъ онъ въ церковь и молился до Утрени. Досадилъ его вопль поющимъ, такъ что они прогнѣвались и сказали:

— Слѣдуетъ удалить слѣпца сего, ибо нельзя пѣть.

Онъ же оставался, біясь и припадая къ святымъ, и восклицалъ:

— Помилуйте меня, ибо обѣщали мнѣ это.

Затѣмъ онъ внезапно обернулся и сказалъ:

— Пойте: «Господи помилуй!» Созерцайте славу Божію и святыхъ: вотъ, я прозрѣлъ.

И стали очи его здравы, какъ бы и не болѣли и не были слѣпыми. Тогда всѣ прославили Бога и святыхъ страстотерпцевъ. Затѣмъ пошли и сказали Святополку князю, что слышали и видѣли. И съ тѣхъ поръ онъ рѣдко причинялъ насиліе людямъ и въ продолженіе многихъ лѣтъ творилъ праздникъ святымъ, часто приходя лѣтомъ въ Вышегородъ.

Хотѣлъ онъ и церковь построить на старомъ мѣстѣ, надъ гробомъ святыхъ, говоря:

— Не посмѣю переносить съ мѣста на мѣсто.

Но, по Божьему устроенію и по волѣ святыхъ мучениковъ, не сбылся его замыселъ. Въ тѣ времена, какъ сказано, Владиміръ, сынъ Всеволода, называемый Мономахъ, княжилъ въ Переяславской землѣ. Большую любовь онъ имѣлъ къ святымъ и много приношеній творилъ имъ. И замыслилъ онъ оковать святыя раки честныхъ мучениковъ серебромъ и золотомъ. Придя ночью, онъ обмѣрилъ гробы и, расковавъ доски серебряныя, позолотилъ ихъ. Затѣмъ, опять придя ночью, оковалъ всѣ чудодѣйные и достохвальные святые гробы и ночью же ушелъ. Пришедшіе утромъ узрѣли сіе съ радостью, поклонились и хвалу воздали святымъ и Богу, возложившему на сердце благовѣрному князю такую мысль. Многими словами похвалили они кротость его и смиреніе, благородство и великій умъ, любовь къ святымъ и тщаніе къ Богу и ко святымъ церквамъ, которую проявлялъ благовѣрный князь Владиміръ, особенно къ симъ святымъ.

Это онъ сотворилъ въ лѣто 6610-е (1102 г.), послѣ же перенесенія мощей онъ сотворилъ еще большее надъ святыми гробами. Выковавъ серебряныя доски съ изображеніями святыхъ, онъ позолотилъ ихъ, украсилъ серебромъ и золотомъ и хрустальными большими позолочеными свѣщниками, на которыхъ горѣли свѣчи. И такъ онъ все прекрасно устроилъ, что не возможно разсказать сей красоты. И говорили приходившіе изъ Греціи и изъ другихъ земель:

— Много мы видѣли ракъ святыхъ, но нигдѣ не было такой красоты.

Такъ хорошо устроилъ онъ все на память о своихъ добрыхъ дѣлахъ и на благословеніе отъ Господа, сказавшаго: **не скрыва́йте себѣ́ сокро́вищъ на землѝ**, но **на небесѝ** [1]), и отъ святыхъ, которыхъ онъ такъ почтилъ, и на похвалу и благословеніе людей, видѣвшихъ и слышавшихъ.

Когда Владиміръ оковалъ раки святыхъ, князь Олегъ, сынъ Святослава, задумалъ построить въ Вышегородѣ вмѣсто разрушившейся каменную церковь. Привелъ онъ храмоздателей и велѣлъ имъ строить, давъ имъ обильно все, что для этого требовалось. Когда церковь была построена и расписана, онъ часто понуждалъ и молилъ Святополка перенести святыхъ мучениковъ въ созданную церковь. Тотъ же, изъ зависти къ труду его, не хотѣлъ перенести, ибо не самъ создалъ ту церковь.

Спустя немного времени Святополкъ преставился, на второе лѣто по украшеніи церкви. И былъ сильный мятежъ, и крамола въ народѣ, и ропотъ. Тогда соединились всѣ люди, особенно большіе и знаменитые мужи, и пришли ко Владиміру съ просьбой, чтобы онъ прекратилъ крамолу. Тотъ пошелъ, утолилъ мятежъ и ропотъ и пріялъ княженіе въ землѣ Русской.

Въ лѣто 6623 (1115 г.), когда Владиміръ княжилъ въ Руси, умыслилъ онъ перенести сихъ святыхъ страстотерпцевъ въ созданную церковь и возвѣстилъ объ этомъ братьямъ своимъ, Давиду и Олегу. Тѣ всегда молили и понуждали Владиміра перенести мощи святыхъ. Тогда Владиміръ съ своими сыновьями, затѣмъ Давидъ и Олегъ съ своими сыновьями пришли къ Вышегороду, прибылъ и митрополитъ Никифоръ, собравъ всѣхъ епископовъ: изъ Чернигова—Ѳеоктиста, изъ Переяслава—Лазаря, Мину—изъ Полоцка, Даніила—

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 6, ст. 19—20.

изъ Юрьева, и всѣхъ игуменовъ: Прохора Печерскаго, Савву отъ святаго Спаса, Сильвестра отъ святаго Михаила, Петра отъ обители святой Богородицы Влахернской, Григорія отъ святаго Андрея, Ѳеофила отъ святаго Димитрія и многихъ другихъ игуменовъ и весь святительскій и чернеческій чинъ, всѣхъ клириковъ и всѣхъ священниковъ. И сошлось сюда отъ всѣхъ странъ Русской земли и отъ иныхъ странъ многое множество народа и князей — всѣ бояры, старѣйшины и воеводы всей Русской земли и всѣхъ подчиненныхъ ей областей, короче сказать, всѣ люди тутъ были, всякая область, богатые и убогіе, здоровые и больные, такъ что наполнился весь городъ, и народъ не находилъ мѣста и по стѣнамъ городскимъ. И въ 1-ый день мѣсяца мая освятили церковь, въ субботу второй недѣли по Пасхѣ. Утромъ въ святое воскресенье, во 2-й день того же мѣсяца, начали пѣть Утреню въ обѣихъ церквахъ. И поставивъ сначала на украшенныя сани, которыя для сей цѣли были устроены, раку святаго Бориса, повезли ее. За санями пошелъ Владиміръ съ благоговѣніемъ и смиреніемъ, митрополитъ и священники со свѣчами и кадилами. И влекли сани за толстыя веревки, тѣснясь и утруждаясь, вельможи и всѣ бояре. Веревки были привязаны съ двухъ сторонъ, за нихъ и влекли честныя раки, и не было возможно ни идти, ни тащить сани вслѣдствіе множества людей. Тогда Владиміръ велѣлъ бросать народу деньги, мѣха и ткани. Видя это, часть народа бросилась къ нимъ, другіе же, оставя сіе, устремились къ святымъ ракамъ, чтобы удостоиться прикосновенія къ нимъ. И сколько не было людей, никто не могъ удержать слезъ отъ радости и великаго веселія. И такъ едва имѣли возможность влечь сани. Такъ же и раку святаго Глѣба повезли на другихъ саняхъ, въ сопровожденіи князя Давида, епископовъ, клириковъ, бояръ и безчисленныхъ людей, которые всѣ восклицали: «Господи, помилуй» и со слезами призывали Бога. И произошло великое чудо. Мощи святаго Бориса везли благополучно, только отъ людей была тѣснота. Когда же повезли святаго Глѣба, рака стала неподвижно. Потащили ее насильно, но веревки оборвались, хотя и были такъ толсты, что человѣкъ едва могъ охватить ихъ обѣими руками. И оборвались онѣ сразу. Люди восклицали: «Господи, помилуй». Было же ихъ множество во всемъ градѣ, тѣснились они по заборамъ и по стѣнамъ городскимъ. И поднялся отъ всего народа кликъ: «Господи, помилуй». И тотчасъ двинулась рака сама собою. Такъ привезли и положили съ честью

святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба въ новосозданной церкви на правой сторонѣ, мѣсяца мая во 2-й день. Затѣмъ всѣ разошлись по своимъ домамъ, славя Бога и святыхъ страстотерпцевъ.

Въ городѣ Владимірѣ Залѣсскомъ княжилъ внукъ Владиміра Мономаха, Всеволодъ Юрьевичъ. На него возстали два племянника—Мстиславъ и Ярополкъ Ростиславичи[1]), которые пришли изъ Великаго Новгорода, тайно призванные ростовцами на княженіе. И пошли они войною на Всеволода, дядю своего, ко граду Владиміру, желая изгнать князя изъ его отчины и получить себѣ большую область. Послѣ великой битвы Ростиславичи были поражены Всеволодомъ, захвачены въ плѣнъ и приведены во Владиміръ. Всеволодъ приставилъ къ нимъ стражу, но позволилъ имъ ходить на свободѣ. Владимірцы, видя сихъ плѣнныхъ князей на свободѣ, а не въ темницѣ, возроптали и, придя съ оружіемъ на дворъ князя своего Всеволода, восклицали:

— Зачѣмъ, князь, держишь ты враговъ нашихъ не въ узахъ, а на свободѣ? Или казни ихъ смертью, или ослѣпи, или отдай ихъ намъ.

Будучи милостивымъ, Всеволодъ не хотѣлъ причинить зла плѣненымъ на войнѣ князьямъ, но для народа велѣлъ посадить ихъ въ темницу, чтобы утишился мятежъ народный. Спустя нѣкоторое время опять владимірцы стали взывать къ Великому Князю Всеволоду:

— Выдай намъ Ростиславичей, хотимъ ихъ ослѣпить.

Великій Князь опечалился, но не могъ удержать народъ отъ мятежа. Владимірцы разметали темницу и, схвативши Мстислава и Ярополка, ослѣпили ихъ и отпустили. Такъ несчастные Ростиславичи, Мстиславъ и Ярополкъ, хотѣвшіе большей славы и власти, были усмирены и ослѣплены. И вотъ пошли они къ Смоленску и пришли на Смядыню въ церковь святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба. Былъ же тогда день памяти убіенія святаго Глѣба, 5 сентября. И молились князья Богу съ великимъ усердіемъ, и призывали на помощь святыхъ мучениковъ какъ сродниковъ своихъ, чтобы святые послали имъ облегченіе, такъ какъ язвы на мѣстѣ очей гноились у нихъ. Когда они молились, сначала облегчилась боль, а затѣмъ неожиданно имъ было даровано прозрѣніе. Ясно видя, начали Ростиславичи славить и благодарить Бога, Пречистую Бого-

[1]) Въ 1175 г.

родицу и святыхъ князей Романа и Давида. И возвратились они съ радостью въ домы свои, разсказывая всюду о милости Господней, поданной имъ по молитвѣ святыхъ мучениковъ.

Въ городѣ Туровѣ жилъ въ древніе времена[1]) старецъ нѣкій, именемъ Мартинъ, бывшій прежде поваромъ у епископовъ Туровскихъ, Симеона, Игнатія, Іоакима и Георгія. Епископъ Георгій освободилъ Мартина ради старости его отъ службы. Пріявъ иноческій образъ, Мартинъ сталъ жить въ епископскомъ монастырѣ у церкви святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, одинъ въ келліи. И страдалъ онъ часто отъ болѣзни живота. Когда страданія приступали къ нему, старецъ лежалъ, крича отъ боли, не имѣя силъ встать и позаботиться о тѣлѣ своемъ. Однажды, хворая тѣмъ недугомъ, лежалъ онъ въ келліи и изнемогалъ отъ жажды. Но никто не посѣтилъ его, такъ какъ вокругъ монастыря тогда разлилась вода. На третій день вошли къ нему святые мученики Борисъ и Глѣбъ, въ томъ видѣ, какъ они были изображены на иконѣ, и сказали:

— Чѣмъ ты хвораешь, старче?

Тотъ разсказалъ имъ о своемъ недугѣ. И спросили они его:

— Не надо ли тебѣ воды?

— О господа мои,—отвѣчалъ старецъ,—уже давно я ее жажду.

Одинъ изъ нихъ взялъ коромысло и принесъ воды, а другой зачерпнулъ ковшикъ. И напоили они старца. Тогда онъ спросилъ:

— Чьи вы дѣти?

Они ему отвѣчали:

— Мы—братья Ярослава.

Старецъ, думая, что они родственники князя Георгія Ярослава, сказалъ:

— Да пошлетъ вамъ Господь многія лѣта, господа мои, возьмите сами хлѣба и ѣшьте, ибо я не могу послужить вамъ.

Они отвѣчали:

— Пусть хлѣбъ останется для тебя, а мы пойдемъ. Ты же не хворай больше, но усни.

И тотчасъ стали невидимы. Выздоровѣвъ, старецъ понялъ, что его посѣтили святые Борисъ и Глѣбъ, и, вставъ, прославилъ Бога и угодниковъ Его. И съ тѣхъ поръ никогда не хворалъ онъ

---

1) Въ половинѣ XII-го вѣка.

тѣмъ недугомъ, но все время былъ здоровъ и разсказывалъ братіи о исцѣленіи, дарованномъ ему святыми мучениками.

Благовѣрный князь Александръ Ярославичъ, прозванный Невскимъ, во время княженія своего въ Великомъ Новгородѣ велъ войну со Шведами. Когда онъ съ войскомъ пришелъ на рѣку Неву, одинъ изъ его воеводъ, богобоязненный мужъ, именемъ Филиппъ, исполняя порученную ему ночную стражу, увидѣлъ при восходѣ солнца плывущій по водѣ корабль; посреди корабля стояли святые мученики Борисъ и Глѣбъ въ одеждахъ червленыхъ, гребцы же сидѣли, одѣтыя какъ бы мглою. И сказалъ святый Борисъ святому Глѣбу:

— Братъ Глѣбъ, пойдемъ скорѣе, поможемъ сроднику нашему князю Александру противъ неистовыхъ враговъ.

Сіе видѣніе воевода повѣдалъ князю своему. И въ тотъ день князь Александръ, помощью святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, побѣдилъ и попралъ силу Шведовъ, вождя ихъ Биргера самъ уязвилъ мечомъ въ лицо и съ торжествомъ возвратился въ Великій Новгородъ [1]).

Подобнымъ же образомъ, когда Великій Князь Московскій Димитрій Іоанновичъ велъ войну съ царемъ татарскимъ Мамаемъ, ночной стражъ Ѳома Хацибѣевъ видѣлъ открытое ему Богомъ такое видѣніе. На высотѣ показалось большое облако, и вотъ, съ востока шли какъ бы великіе полки, съ юга же явились двое свѣтлыхъ юношей, державшіе въ рукахъ свѣчи и острые обнаженные мечи. Сіи юноши были святые мученики Борисъ и Глѣбъ. И сказали они воеводамъ татарскимъ:

— Кто вамъ велѣлъ истреблять отечество наше, отъ Господа намъ дарованное?

И стали они сѣчь враговъ, такъ что никто изъ нихъ не уцѣлѣлъ. Наутро стражъ тотъ повѣдалъ свое видѣніе Великому Князю. Князь же, возведя очи свои на Небо и воздѣвъ руки, сталъ молиться со слезами, говоря:

— Господи Человѣколюбче, по молитвѣ святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба помоги мнѣ! Какъ Моисею на Амалика [2]), какъ Давиду на Голіаѳа [3]), какъ Ярославу на Святополка, какъ прадѣду моему Александру на Шведскаго короля, такъ и мнѣ на Мамая подай помощь.

---

1) Сіе произошло въ 1240 г.

2) Кн. Исход., гл. 17.

3) 1 Кн. Царствъ, гл. 17.

И въ тотъ день Великій Князь Московскій Димитрій, по молитвѣ святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, побѣдилъ Мамая царя Татарскаго [1]).

Сіи и множайшія чудеса сотворилъ Господь черезъ святыхъ страстотерпцевъ, которымъ поклоняются люди, прося прощенія грѣховъ о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Ему же слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тропа́рь ст҃ы́хъ, гла́съ в҃: [2])

Правди́ваѧ стр҃тотє́рпца, и҆ и҆́стиннаѧ є҆ѵ҃лїа хр҃то́ва послꙋ́шателѧ, цѣломꙋ́дренный рѡма́не съ неѕло́бивымъ дв҃домъ, не сопроти́въ ста́ста врагꙋ̀ сꙋ́щꙋ бра́тꙋ, оу҆бива́ющемꙋ тѣлеса̀ ва́ша, дꙋша́мъ же коснꙋ́тисѧ не могꙋ́щꙋ. да пла́четсѧ оу҆́бѡ ѕлы́й властолю́бецъ: вы́ же ра́дꙋющесѧ съ ли́ки а҆́гг҃льскими, предстоѧ́ще ст҃ѣ́й тр҃цѣ, моли́тесѧ ѡ҆ держа́вѣ сро́дникѡвъ ва́шихъ, бг҃оꙋго́днѣй бы́ти, и҆ сыновѡ́мъ рѡссі́йскимъ спасти́сѧ.

Конда́къ, гла́съ г҃:

Возсїѧ̀ дне́сь пресла́внаѧ па́мѧть ва́ша, благоро́днїи стр҃тотє́рпцы хр҃то́вы, рѡма́не и҆ дв҃де, созыва́ющи на́съ къ похвале́нїю хр҃та̀ бг҃а на́шегѡ. тѣ́мъ притека́юще къ ра́цѣ моще́й ва́шихъ, и҆сцѣле́нїѧ да́ръ прїе́млемъ моли́твами ва́шими ст҃і́и: вы́ бо бж҃е́ственнїи вра́чеве є҆стѐ.

Въ тотъ же день память **во святыхъ отца нашего Аѳанасія Великаго**, Патріарха Александрійскаго. Память его совершается еще 18 января, гдѣ и помѣщено его жизнеописаніе.

---

1) Сіе произошло 8 сентября 1380 г.

2) Служба святымъ Борису и Глѣбу составлена нѣкимъ Іоанномъ въ 1021 г.

День третій

СТРАДАНІЕ
СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ
ТИМОѲЕЯ и МАВРЫ

Во время гоненія на христіанъ, воздвигнутаго нечестивымъ императоромъ римскимъ Діоклетіаномъ [1]), для преслѣдованія христіанъ въ Ѳиваидѣ [2]) былъ назначенъ игемонъ Арріанъ [3]). Въ числѣ прочихъ христіанъ, приведенныхъ къ нему на испытаніе, былъ и Тимоѳей, чтецъ церковный [4]); онъ происходилъ изъ селенія Перапеи, былъ еще юнъ возрастомъ и незадолго передъ тѣмъ вступилъ въ бракъ съ дѣвицею Маврою. Спустя двадцать дней послѣ бракосочетанія онъ былъ взятъ язычниками и приведенъ на допросъ къ игемону. Когда игемонъ увидѣлъ его, то прежде всего спросилъ:

— Кто ты такой и какую должность ты исполняешь?

Тимоѳей отвѣчалъ:

— Я — христіанинъ и состою чтецомъ церкви Божіей.

Игемонъ сказалъ ему:

— Неужели ты одинъ не слыхалъ объ указѣ царскомъ, по-

---

1)—управлялъ съ 284 г. по 305 г. восточною половиною Римской имперіи.

2) *Ѳиваида*—область въ Среднемъ Египтѣ.

3) *Игемонъ Арріанъ* впослѣдствіи самъ обратился ко Христу и сподобился получить вѣнецъ мученическій. Память его празднуется 14 декабря.

4) *Чтецъ*, или *причетникъ;* обязанности Тимоѳея состояли не только въ чтеніи, но и въ храненіи богослужебныхъ книгъ.

велѣвающемъ предавать мукамъ и самой смерти всѣхъ тѣхъ, кто не будетъ приносить жертвъ нашимъ великимъ богамъ?

Тимоѳей отвѣчалъ:

— Я отъ всего сердца вѣрую и всецѣло принадлежу Господу моему, Іисусу Христу, и потому не могу приносить жертвы богамъ вашимъ.

Игемонъ Арріанъ продолжалъ:

— Развѣ ты не видишь орудій, приготовленныхъ для мученія, лежащихъ около тебя?

Тимоѳей отвѣчалъ:

— Во всякомъ случаѣ ты не видишь Ангеловъ Божіихъ, укрѣпляющихъ меня.

Игемонъ сказалъ святому:

— Дай мнѣ твои книги[1]), чтобы я могъ понять волшебную силу, заключающуюся въ нихъ.

Отвѣчалъ святый:

— Безумный и лишенный смысла человѣкъ! Развѣ ты не знаешь, что никто никогда не отдаетъ дѣтей своихъ на смерть? А книги, мною списанныя, мои чада: когда я ихъ читаю, мнѣ предстоятъ Ангелы Божіи.

Сказалъ игемонъ:

— Вотъ, ты не хочешь ни жертвъ принести нашимъ богамъ, ни книгъ своихъ показать. Смотри, какъ бы это твое непослушаніе не было причиною твоихъ мученій.

Святый же Тимоѳей отвѣтствовалъ такъ:

— Я не принесу жертвъ и не покажу тебѣ моихъ книгъ, потому что я — христіанинъ.

Тогда разгнѣвавшійся игемонъ приказалъ своимъ слугамъ принести двѣ острыхъ желѣзныхъ палки, раскаленныхъ докрасна, и вложить ихъ въ уши святому Тимоѳею. Отъ невыносимой боли у мученика истекли глаза, такъ что онъ не могъ ничего видѣть. Послѣ этого слуги игемоновы сказали святому:

— Такъ какъ ты не хотѣлъ принести жертвы богамъ нашимъ, то вотъ теперь ты потерялъ свое зрѣніе.

Святый же Тимоѳей отвѣчалъ на это:

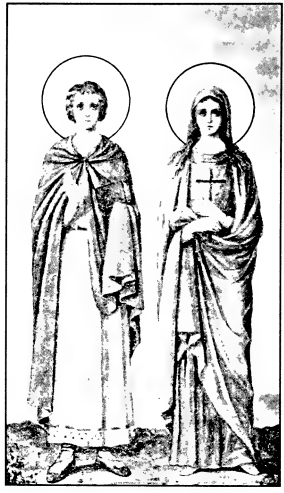
— Тѣлесныя очи мои, видѣвшія многое неподобное, нынѣ

---

1) Необходимо замѣтить, что указъ Діоклетіана предписывалъ не только преслѣдовать самихъ христіанъ, но и разрушать ихъ храмы и сожигать ихъ священныя книги. На этомъ основаніи игемонъ Арріанъ и требуетъ отъ Тимоѳея его богослужебныя книги.

пострадали, будучи ослѣплены; но мои внутреннія, душевныя очи просвѣщаютъ мою душу.

Послѣ того, какъ святый сказалъ это, игемонъ приказалъ, связавъ святому руки позади, вложить ему въ ротъ кусокъ дерева и повѣсить его внизъ головою; для увеличенія же страданій святаго мучитель приказалъ привязать тяжелый камень къ его шеѣ.



Ст҃іи мч҃нцы
тімоѳе́й и ма́вра

Когда слуги игемоновы приступили къ выполненію этого нечестиваго приказанія игемона, святый, поднявъ очи къ Небу, сказалъ:

— Я вѣрю, что есть Богъ, пребывающій на Небесахъ, Который можетъ избавить меня отъ этихъ мученій.

Страданія, которыя испытывалъ Тимоѳей, были настолько ужасны, что даже сами мучители прониклись къ нему жалостію и просили игемона не столько жестокостію, сколько милостію склонить Тимоѳея къ исполненію приказанія царскаго. При этомъ, желая умилостивить игемона, слуги сказали ему, что Тимоѳей всего только двадцать дней тому назадъ вступилъ въ бракъ и что супруга его еще очень молодая женщина.

Услышавъ это, игемонъ приказалъ привести предъ судилище супругу Тимоѳееву и сказалъ ей:

— Какъ звать тебя?

— Имя мое Мавра,—отвѣчала святая.

Игемонъ сказалъ ей:

— Весьма сострадаю твоему несчастію, такъ какъ ты, будучи столь юной, уже готовишься быть вдовою. Я приказываю тебѣ: облекись въ самыя лучшія одежды, заплети свои волосы, укрась

лице твое и иди сейчасъ же къ твоему мужу; придя къ нему, уговори его принести жертвы богамъ, чтобы дѣйствительно не сдѣлаться тебѣ вдовою въ столь юныхъ лѣтахъ. Если ты его уговоришь принести жертвы богамъ, то я награжу тебя многими дарами, золотомъ и серебромъ.

Мавра сдѣлала все такъ, какъ ей приказалъ игемонъ. Облачившись въ свѣтлыя одежды, она пошла къ своему мужу и долго увѣщевала его исполнить хотя бы на время приказаніе игемоново, чтобы такимъ образомъ избавиться отъ многихъ мукъ. Но супругъ ея не могъ сказать ей ни слова, такъ какъ въ уста его былъ вложенъ кусокъ дерева, мѣшавшій ему говорить.

Тогда Мавра возвратилась къ игемону и начала усердно просить его сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы было вынуто дерево изъ устъ ея мужа, черезъ что онъ получилъ бы возможность говорить. Игемонъ согласился исполнить ея просьбу. Дерево было вынуто изъ устъ мученика, и Мавра снова отправилась къ святому Тимоѳею.

Святый же (не имѣвшій зрѣнія), обонявъ благоуханіе отъ одеждъ Мавры, громко воззвалъ:

— Гдѣ мой отецъ, пресвитеръ Пиколпосъ?

Отецъ же его, стоявшій неподалеку оттуда въ народѣ и наблюдавшій за страданіями сына, подошелъ къ нему и сказалъ:

— Что тебѣ нужно, возлюбленный сынъ мой?

Тимоѳей отвѣчалъ:

— Прошу тебя, отецъ,—сдѣлай для меня благое дѣло: возьми какое-нибудь рубище и прикрой имъ лице мое, чтобы я не обонялъ благоуханія душевреднаго, исходящаго отъ одеждъ Мавры; это благоуханіе пагубно для людей, оно уготовляетъ имъ геенну; этотъ ароматъ есть источникъ вожделѣнія, спутникъ діаволу; онъ противенъ и мерзостенъ святымъ и праведнымъ людямъ.

Когда святый окончилъ говорить, Мавра сказала ему:

— Возлюбленный Тимоѳей! Для чего ты меня такъ унижаешь? Вѣдь я тебя ничѣмъ еще не оскорбила! Прошло всего только двадцать дней, какъ мы обвѣнчались съ тобою, и ты еще не узналъ какъ слѣдуетъ моего характера, какъ и я не изучила еще какъ слѣдуетъ дома твоего. Я далека отъ того порока, въ которомъ ты обвиняешь меня, потому что я еще ни одному мужчинѣ не обѣщала отдать себя. Теперь же я, видя тебя въ столь великихъ мукахъ, горько плачу о тебѣ и невыносимо страдаю сердцемъ,

потому что ты терпишь мученія неповинно. Твои страданія уязвляютъ и мою душу, такъ какъ ты хочешь оставить меня вдовою. Но, можетъ быть, ты взялъ у кого-либо деньги взаймы и, не имѣя чѣмъ уплатить долгъ, терпишь теперь мученія отъ заимодавцевъ? Если это такъ, то продадимъ наши лучшія одежды и выплатимъ долгъ; а если ты терпишь столь великія мученія изъ-за народнаго долга — изъ-за податей, какія тебѣ нечѣмъ уплатить, то вотъ предъ тобою вся наша утварь, золото и всѣ наши одѣянія; продай все это и уплати подать царю.

Послѣ этого святый Тимоѳей сказалъ ей:

— Сестра моя, Мавра! Когда я тебя увидѣлъ своими душевными очами выходящей изъ дому, то я замѣтилъ діавола, шедшаго по правую сторону отъ тебя. Онъ имѣлъ въ рукахъ ключъ, которымъ обращалъ сердце твое къ мірскимъ утѣхамъ и привязанностямъ.

Мавра сказала на это:

— Братъ мой, Тимоѳей! Я тебя ищу; а потомъ гдѣ я найду тебя? Вотъ, придетъ суббота или воскресенье: кто же будетъ читать твои книги?

Отвѣчалъ ей святый Тимоѳей:

— Оставь суету міра сего и иди со мною на доблестный подвигъ сей. О Мавра! Богъ проститъ намъ за этотъ подвигъ всѣ грѣхи наши и сподобитъ насъ благодатныхъ вѣнцовъ въ Царствѣ Своемъ.

Мавра же сказала:

— Когда я шла къ тебѣ, сердце мое дѣйствительно было преисполнено мірскихъ пристрастій, но лишь только ты началъ бесѣдовать со мною, благодать Божія осѣнила меня. Знай же, мой возлюбленный братъ, что и я того же самаго желаю, чего и ты желаешь.

Отвѣчалъ ей святый Тимоѳей:

— Если ты дѣйствительно говоришь истину, то пойди къ игемону и обличи его нечестіе.

Сказала на это святая Мавра:

— Я боюсь, братъ мой, какъ бы мнѣ не устрашиться послѣ того, какъ я увижу множество орудій мученія и гнѣвающагося игемона. Я боюсь, что я не стерплю лютыхъ мученій, такъ какъ я еще слишкомъ юна возрастомъ,—мнѣ всего только семнадцать лѣтъ.

Отвѣчалъ ей святый Тимоѳей:

— Уповай на Господа и Бога нашего Іисуса Христа, и всѣ муки будутъ для тебя какъ бы елеемъ, изливаемымъ на тѣло твое, и какъ бы росою, освѣжающею кости твои и облегчающей всѣ страданія твои.

Затѣмъ святый мученикъ началъ молиться о ней къ Богу, говоря такъ:

— Богъ и Отецъ всякой благодати, подавшій помощь тремъ отрокамъ [1]), брошеннымъ въ пещь огненную; избавившій Даніила отъ устъ львовыхъ [2]), Пророку черезъ Пророка Аввакума [3]) пославшій пищу [4]), помогавшій не только въ рву львиномъ, но и въ пещи огненной и уповавшихъ на Тебя спасавшій во свидѣтельство всѣмъ Твоего человѣколюбія, по силѣ котораго Ты изъ плѣнниковъ сдѣлалъ пророковъ и мучениковъ: Ты, Господи, Господи, призри и нынѣ на рабу Твою Мавру! Ты, Господи, соединившій насъ супружествомъ, соедини насъ и въ подвигѣ этомъ, дабы мы не были отлучены отъ лика святыхъ Твоихъ мучениковъ; Ты, Господи, дай намъ силы мужественно претерпѣть всѣ мученія и самую смерть, чтобы посрамились всѣ противники наши, которые не будутъ въ силахъ разлучить насъ отъ единой вѣры во Іисуса Христа, Господа

---

[1]) См. кн. Прор. Данінла, гл. 3.

[2]) *Даніилъ* — четвертый изъ числа *великихъ* пророковъ (Исаія, Іеремія, Іезекіиль, Даніилъ); происходилъ изъ царскаго рода и еще юношею былъ отведенъ въ Вавилонъ въ числѣ прочихъ плѣнныхъ Іудеевъ. Одаренный прекрасными душевными и тѣлесными качествами, онъ научился здѣсь языку и мудрости халдейской и вмѣстѣ съ тремя своими товарищами—Ананіею, Азаріею и Мисаиломъ былъ взятъ на службу при царскомъ дворѣ. Даніилъ истолковывалъ царю вавилонскому Навуходоносору его замѣчательные сны и самъ удостоился неоднократныхъ видѣній, въ которыхъ были открыты ему важнѣйшія и замѣчательнѣйшія священныя событія. При восшествіи на престолъ Дарія онъ былъ сдѣланъ однимъ изъ трехъ правителей Имперіи и былъ чудеснымъ образомъ спасенъ отъ львовъ, въ ровъ къ которымъ онъ былъ брошенъ за свою привязанность къ отеческой вѣрѣ (Кн. Прор. Дан., гл. 6, ст. 10—24). Исторія его жизни и дѣятельности описана имъ самимъ въ священной книгѣ его имени.—Память его празднуется св. Церковію 17-го декабря.

[3]) *Аввакумъ* — одинъ изъ числа *малыхъ* (двѣнадцати) пророковъ; происходилъ изъ колѣна Симеонова и пророчествовалъ во времена плѣна вавилонскаго. По выраженію церковнобогослужебныхъ пѣсней, Пророкъ Аввакумъ, стоя «на божественной стражѣ», «уразумѣлъ Божіе пришествіе» и «возвѣстилъ міру» Христово воскресеніе. Онъ оставилъ послѣ себя книгу, состоящую изъ 3-хъ главъ; здѣсь излагается пророчество о плѣненіи Іудеевъ и разрушеніи храма іерусалимскаго. Въ 3-ей главѣ своей книги Пророкъ воспѣваетъ могущество и величіе Божіе. Эта глава очень походитъ на псаломъ или молитву; она служитъ основаніемъ 4-ой пѣсни каноновъ нашей Православной Церкви.—Скончался св. Пророкъ Аввакумъ около 600 г. до Р. Хр. Память его празднуется 2 декабря.

[4]) Здѣсь имѣется въ виду то обстоятельство, что Пророкъ Аввакумъ чудесно восхищенъ былъ Богомъ и перенесенъ черезъ воздухъ изъ города Остракины (на границахъ Аравіи, Палестины и Египта) въ Вавилонъ, въ ровъ къ Пророку Даніилу и принесъ ему обѣдъ.—Подробнѣе см. объ этомъ въ житіи Пророка Аввакума подъ 2 декабря.

нашего. Ему подобаетъ вмѣстѣ со Отцемъ и Святымъ Духомъ всякая слава во вѣки. Аминь!

Послѣ того, какъ святый Тимоѳей помолился Богу о супругѣ своей Маврѣ, сія послѣдняя, будучи одушевлена Духомъ Святымъ, отправилась къ игемону и, представъ ему, сказала:

— О нечестивый игемонъ! Ты обѣщалъ дать мнѣ серебро и золото для того, чтобы довести душу мою до погибели; больше ты ничего и не желаешь, какъ только доводить до погибели души человѣческія! Однако, ты не одолѣешь меня никакими соблазнами, потому что я предстою предъ тобою, облекшись во всеоружіе Господа и Бога нашего.

Игемонъ Арріанъ сказалъ своимъ совѣтникамъ и слугамъ:

— Развѣ я не говорилъ вамъ, что Тимоѳей волхвъ? Вотъ, онъ и жену свою очаровалъ своимъ волшебствомъ, внушивъ ей противиться нашему приказанію.

Затѣмъ, обратившись къ Маврѣ, игемонъ сказалъ ей:

— И ты вмѣстѣ съ Тимоѳеемъ избираешь смерть вмѣсто жизни? Подумай немного, и увидишь, что ты лишаешь себя сладкой сей жизни и предаешь себя горькимъ мученіямъ. Но, можетъ быть, ты, предвидя смерть своего мужа и свое вдовство, рѣшила умереть вмѣстѣ съ нимъ? Въ такомъ случаѣ не смущайся и не печалься, ибо ты не будешь вдовою: я отдамъ тебя въ замужество за одного изъ лучшихъ и богатѣйшихъ сотниковъ[1]) моихъ, чтобы ты насладилась съ нимъ этою жизнью и возвеличилась еще болѣе, такъ какъ будешь имѣть мужа болѣе благороднаго, чѣмъ первый.

Отвѣчала на это святая Мавра:

— Я отреклась отъ всякой суеты мірской; поэтому я не нуждаюсь въ твоемъ сотникѣ, говорю же тебѣ по истинѣ, что я обручила себя Жениху Небесному, Іисусу Христу, Сыну Божію; уповая на Него, я и предстала предъ тебя съ мужественнымъ сердцемъ и нисколько не боюсь твоего неправеднаго суда.

Разгнѣванный игемонъ приказалъ терзать волоса ея до тѣхъ поръ, пока всѣ они не были вырваны. Потомъ сказалъ святой мученицѣ:

— Вотъ, уже волосы съ головы твоей вырваны; я совѣтую тебѣ принести жертву богамъ, чтобы тебѣ не пришлось испытать многихъ другихъ, еще болѣе тяжкихъ, мученій.

---

[1]) *Сотникъ* —начальникъ отряда воиновъ, обыкновенно въ 100 человѣкъ.

Святая Мавра отвѣчала на это:

— Теперь я познаю, о игемонъ, что Самъ Христосъ принимаетъ меня къ Себѣ и прощаетъ мнѣ грѣхъ мой, сдѣланный по невѣдѣнію,—именно, что я, послушавши твоего злого совѣта, украсила свои волосы, дабы прельстить моего мужа; и ты хорошо сдѣлалъ, что вырвалъ ихъ, потому что съ отнятіемъ у меня волосъ отъ меня отнимается великій грѣхъ; теперь уже я не буду служить соблазномъ для окрестъ стоящихъ людей, наблюдающихъ за мною.

Услышавъ такія слова отъ святой, игемонъ весьма разгнѣвался и приказалъ отсѣчь ей пальцы на рукахъ и кинуть ихъ въ сторону. Святая же Мавра сказала ему:

— И этимъ ты дѣлаешь мнѣ добро, потому что отнимаешь отъ меня мои персты, которыми я возлагала на себя суетныя украшенія; знай же, что ты не понимаешь самъ того, что ты дѣлаешь, потому что ты очистилъ меня черезъ отсѣченіе перстовъ отъ второго грѣха моего. Поэтому я съ веселіемъ и радостію предстою тебѣ, будучи готовой на всѣ муки.

Игемонъ весьма дивился столь великому терпѣнію святой мученицы. Пресвитеръ же Пиколпосъ, отецъ Тимоѳея, находясь поблизости отъ того мѣста среди народа, наблюдавшаго за допросомъ святыхъ, дивясь подвигу святой Мавры, сказалъ ей негромко:

— О Мавра, честная дочь моя! Какъ ты могла вынести отсѣченіе перстовъ твоихъ?

Отвѣчала ему на это святая Мавра:

— Подобно тому, какъ ты, отецъ, видѣлъ, какъ въ виноградномъ саду отрѣзываютъ отъ растенія вѣтви, такъ и я съ подобнымъ же чувствомъ смотрѣла на отсѣченіе перстовъ моихъ и потому не чувствовала никакой боли.

Послѣ всего этого игемонъ Арріанъ приказалъ двѣнадцати воинамъ своимъ наполнить водою большой котелъ и, разжегши его, ввергнуть въ него святую Мавру. Когда вода въ котлѣ закипѣла и запумѣла отъ огня, въ котелъ была брошена святая Мавра. Но, стоя посреди котла и нисколько не опаляясь, она сказала игемону:

— Снова благодарю тебя за то, что ты приказалъ меня омыть и очистить отъ грѣховъ моихъ, чтобы я съ чистымъ сердцемъ приступила къ Богу моему и восприняла отъ Него вѣнецъ жизни вѣчной. Страданія, которыя я принимаю отъ тебя, даруютъ мнѣ

спасеніе у Христа и Господа моего. Но ты, кажется, слишкомъ поторопился ввергнуть меня въ котелъ этотъ, еще не совсѣмъ разогрѣтый, потому что вода, находящаяся въ немъ, очень холодна и я совершенно не ощущаю жара, какъ и ранѣе не ощущала прочихъ мукъ.

Игемонъ же, сильно разгнѣвавшись, началъ думать, что воины изъ состраданія къ мученицѣ вылили изъ котла горячую воду и налили вмѣсто нея холодную, чтобы сохранить въ живыхъ Мавру для своихъ плотскихъ вожделѣній. Тотчасъ же игемонъ сошелъ со своего судилищнаго мѣста и подошелъ къ котлу, желая узнать, дѣйствительно ли холодна вода, находившаяся въ котлѣ. Подойдя къ котлу, онъ сказалъ святой:

— Полей мнѣ на руку немного воды, чтобы я узналъ, не холодная ли здѣсь вода.

Святая отвѣчала ему:

— Эта вода очень холодна, и я совершенно не ощущаю ея теплоты. Поэтому, если тебѣ нечѣмъ болѣе разжечь котла, пошли одного изъ слугъ своихъ къ отцу моему, и онъ дастъ тебѣ вязанку дровъ, такъ какъ онъ плотникъ; этими дровами ты и разожжешь котелъ.

Сказавъ это, святая возлила на руку игемона кипящую воду изъ котла, и тотчасъ же рука игемона была обожжена, такъ что и кожа сошла съ нея; самъ же игемонъ громко закричалъ отъ боли и съ удивленіемъ въ слухъ всѣхъ произнесъ:

— Благословенъ Господь Богъ Мавринъ, и нѣтъ Бога, кромѣ Него, черезъ Котораго прославляется нынѣ Мавра.

Сказавъ это, онъ приказалъ отпустить святую. Однако, прежде нежели святая успѣла отойти отъ мѣста мученія, діаволъ снова вошелъ въ сердце игемона и возбудилъ его противиться всѣмъ тѣмъ, кто имѣлъ правую вѣру въ Бога и хранилъ чистую совѣсть. Подозвавъ къ себѣ мученицу, онъ сказалъ ей:

— Не уповай и не надѣйся, Мавра, на Христа твоего: принеси лучше жертву богамъ нашимъ.

Святая же отвѣчала ему:

— Я не принесу жертвы идоламъ, потому что у меня есть Христосъ, Который защититъ меня.

Игемонъ сказалъ на это:

— Я уста твои наполню разжженными угольями, если ты не принесешь жертвы богамъ нашимъ.

Отвѣчала святая:

— Ты не понимаешь того, что намѣреваешься дѣлать по безумію твоему: ты хочешь наполнить уста мои горящими угольями для того, чтобы я очистилась отъ грѣховъ моихъ, сдѣланныхъ языкомъ и устами. Ибо и Господь мой,—когда явилъ славу Свою Пророку Исаіи[1]) и удостоилъ его слышать пѣніе ангельское, для того, чтобы очистить его отъ грѣховъ, послалъ къ нему одного изъ Серафимовъ, имѣвшаго въ рукѣ уголь горящій, взятый клещами отъ алтаря; Серафимъ прикоснулся этимъ углемъ ко устамъ пророческимъ и сказалъ: **сѐ прикоснꙋ́сѧ сїѐ ѹ҆стна́мъ твои́мъ, и҆ ѿи́метъ беззакѡ́нїѧ твоѧ̀, и҆ грѣхѝ твоѧ̀ ѡ҆чи́ститъ**[2]). И если Пророкъ получилъ прощеніе грѣховъ своихъ послѣ прикосновенія углемъ къ устамъ его, то, молю тебя, не только уста мои наполни горящими угольями, но и лице, и главу мою, а также и все тѣло мое обложи горящими угольями и сожги его, чтобы я черезъ это сдѣлалась благоуханіемъ Христовымъ. Богъ, очистившій нѣкогда грѣхи Пророка. очиститъ и меня отъ грѣховъ.

Услышавъ отъ святой такія слова, игемонъ пришелъ еще въ болѣе сильный гнѣвъ и приказалъ принести лампаду, наполненную сѣрою и смолою, для того, чтобы жечь мученицу. Народъ же, стоявшій поблизости отъ того мѣста и видѣвшій все, громкимъ голосомъ началъ взывать къ игемону, говоря:

— До какихъ поръ ты будешь придумывать все новыя и новыя мученія для юной отроковицы! Перестань, игемонъ, гнѣваться, ибо мы весьма удивляемся терпѣнію ея.

Святая же Мавра, обратившись къ народу, сказала:

— Пусть каждый изъ васъ заботится о своихъ дѣлахъ: мужчины пусть исполняютъ свои дѣла и обязанности, женщины—свои; обо мнѣ же пусть никто изъ васъ не заботится; я не пропу у

---

[1]) *Исаія*—знаменитѣйшій Пророкъ, жившій и дѣйствовавшій въ царствѣ Іудейскомъ за восемь вѣковъ до Р. Хр. при царяхъ: Озіи, Іоаѳамѣ, Ахазѣ, Езекіи и Маиассіи. Онъ всецѣло отдался своему пророческому призванію, дѣйствуя на пророческомъ поприщѣ въ теченіи 60-ти лѣтъ. По преданію, онъ потерпѣлъ мученическую кончину, бывъ распиленъ деревяниою пилою по приказанію царя Маиассіи. Написанная имъ книга состоитъ изъ 66 главъ и занимаетъ первое мѣсто въ ряду всѣхъ пророческихъ книгъ Ветхаго Завѣта. Содержаніе ея составляютъ, главнымъ образомъ, пророчества о судьбѣ какъ еврейскаго, такъ и другихъ, современныхъ имъ, народовъ. Но—что самое важное—здѣсь содержатся многочисленныя мессіанскія пророчества, которыя такъ точно и наглядно предъизображали событія земной жизни Господа, что Пророкъ Исаія по справедливости получилъ наименованіе *ветхозавѣтнаго Евангелиста*.—См. житіе его подъ 9 мая.

[2]) Кн. Прор. Исаіи, гл. 6, ст. 7.

васъ помощи и защиты, потому что у меня есть Защитникъ—Богъ, на Котораго я уповаю.

Между тѣмъ какъ святая говорила это, игемонъ приказалъ лампадою опалять тѣло ея. Святая же, взирая на лампаду, сказала игемону:

— Ты думаешь меня устрашить этою лампадою, какъ будто еще не достаточно испыталъ меня раннѣйшими мученіями. Развѣ ты не погружалъ меня въ большой и страшный котелъ, сильно кипѣвшій, и однако же не повредившій мнѣ, такъ какъ онъ показался мнѣ наполненнымъ холодною водою? Ты самъ былъ свидѣтелемъ того, что въ то время, какъ твои руки пострадали отъ воды и были обварены ею,—я нисколько не пострадала. Неужели ты думаешь, что я испугаюсь этой небольшой лампады? Если хочешь, игемонъ, разожги цѣлую печь и брось меня въ нее, и ты увидишь силу Христа моего, рабой Котораго я состою; я вѣрю, что меня не оставитъ Богъ мой, призвавшій меня на подвигъ сей черезъ посредство блаженнаго мужа моего Тимоѳея. Что же касается до лампады, которою ты опаляешь тѣло мое, то для меня она кажется какъ бы росою утреннею, сходящею на землю и способствующею произрастанію деревьевъ и плодовъ.

Будучи побѣжденъ словами святой мученицы, подтвержденными самимъ дѣломъ, и не зная, какія еще придумать муки для святой Мавры, игемонъ весьма опечалился. Затѣмъ онъ приказалъ распять на крестахъ Тимоѳея и Мавру, обративъ ихъ лицемъ другъ къ другу.

Когда святые шли на распятіе, ихъ встрѣтила мать Мавры и, обнявъ дочь свою, сказала ей:

— Дочь моя Мавра! Зачѣмъ ты оставляешь мать свою, ищущую тебя? Кто же будетъ носить украшенія твои? Серебро, золото и драгоцѣнныя одежды твои кому достанутся, если ты, дочь моя, не останешься въ живыхъ?

Святая же Мавра такъ отвѣтствовала своей матери:

— Золото и серебро погибнутъ, а одежды поѣстъ моль; красота юнаго лица также со временемъ исчезнетъ, вѣнецъ же, который даруетъ мнѣ Іисусъ Христосъ, будетъ неувядаемымъ во вѣки.

И не могла мать возразить что-либо святой Маврѣ. Мученица же, вырвавшись изъ рукъ матери, пошла къ мѣсту распятія, сказавъ матери:

— Для чего ты меня отвлекаешь отъ креста и не даешь мнѣ насладиться вѣнцомъ отъ Господа моего, Которому я хочу уподобиться въ смерти своей?

Тогда воины распяли святыхъ, обративъ ихъ лицемъ другъ къ другу. Святые пробыли на крестѣ девять дней и девять ночей, взаимно увѣщевая и утѣшая другъ друга. Святый Тимоѳей поучалъ свою супругу до вечера, а святая Мавра увѣщевала сострадальца до утра. При этомъ святая Мавра сказала Тимоѳею:

— Не предадимся сну, чтобы Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, пришедъ, не нашелъ насъ спящихъ и не разгнѣвался на насъ. И въ дому человѣка, не спящаго ночью, горящая свѣча предотвращаетъ приходъ воровъ, и, наоборотъ, при погашенной свѣчѣ воръ легко входитъ въ домъ и окрадываетъ его. Будемъ же бодрствовать и постоянно молиться, чтобы Господь нашъ нашелъ насъ терпѣливо ожидающими пришествія его; равно какъ и врагъ не дерзнетъ приступить къ намъ, находящимся на крестахъ, и не осмѣлится оскорбить насъ.

Спустя нѣкоторое время святая Мавра опять сказала Тимоѳею:

— Ободрись, братъ мой, и отгони отъ себя сонъ; бодрствуй и уразумѣй то, что я видѣла: мнѣ показалось, что предо мною, находившейся какъ бы въ восторгѣ, былъ человѣкъ, имѣвшій въ рукѣ своей чашу, наполненную молокомъ и медомъ. Человѣкъ этотъ сказалъ мнѣ: «Взявши это, выпей». Но я сказала ему: «Кто ты?» Онъ же отвѣтилъ: «Я—Ангелъ Божій». Тогда я сказала ему: «Помолимся ко Господу». Потомъ онъ сказалъ мнѣ: «Я пришелъ къ тебѣ для того, чтобы облегчить твои страданія. Я видѣлъ, что ты сильно хотѣла ѣсть и пить, такъ какъ до сего времени ты не вкушала никакой пищи». Снова я сказала ему: «Кто побудилъ тебя оказать мнѣ эту милость? И какое дѣло тебѣ до моего терпѣнія и поученія? Развѣ ты не знаешь, что Богъ силенъ сотворить и то, что невозможно людямъ?» Когда я помолилась, то увидѣла, что человѣкъ тотъ отворачивалъ лице свое на западъ. Изъ этого я поняла, что это было обольщеніе сатанинское; сатана хотѣлъ искусить насъ и на крестѣ. Затѣмъ вскорѣ видѣніе то исчезло. Потомъ подошелъ другой человѣкъ, и мнѣ показалось, что онъ привелъ меня къ рѣкѣ, текущей молокомъ и медомъ, и сказалъ мнѣ: «Пей». Но я отвѣчала: «Я уже сказала тебѣ, что не буду пить ни воды, ни какого другого земного питія до тѣхъ поръ, пока не

испію чашу смерти за Христа, Господа моего, которую Онъ Самъ растворитъ для меня спасеніемъ и безсмертіемъ жизни вѣчной». Когда я говорила это, тотъ человѣкъ пилъ изъ рѣки, и вдругъ исчезъ и онъ самъ, и рѣка съ нимъ. Также я видѣла и третьяго мужа, прекраснаго видомъ; лицо его сіяло какъ солнце. Взявъ меня за руку, онъ возвелъ меня на Небо и показалъ мнѣ престолъ, покрытый бѣлою одеждою, и вѣнецъ, прекрасный видомъ. Удивившись такой красотѣ, я спросила того мужа, который привелъ меня на Небо: «Чье это, господинъ?» Онъ же сказалъ мнѣ: «Это—воздаяніе за подвигъ твой, это тебѣ приготовлены и престолъ, и одежда, и вѣнецъ». Затѣмъ тотъ же мужъ возвелъ меня немного повыше и показалъ мнѣ другой престолъ такъ же красиво убранный, и одежду бѣлую, и вѣнецъ. Я снова спросила приведшаго меня мужа: «А это чье, господинъ?» Онъ же сказалъ мнѣ: «Это—твоего мужа, Тимоѳея». Я осмѣлилась спросить его: «Почему же престолы эти находятся не рядомъ, а на большомъ разстояніи другъ отъ друга?» Онъ же отвѣчалъ мнѣ: «Потому что есть большая разница между тобою и мужемъ твоимъ. Развѣ ты не знаешь, что и ты сама приняла на себя подвигъ мученическій по его же увѣщанію, и потому онъ въ извѣстной степени виновникъ вѣнца твоего. Но теперь возвратись въ тѣло твое; утромъ же, въ шестый часъ, пріидутъ Ангелы Божіи, чтобы взять ваши души и вознести ихъ на Небо. Однако продолжайте бодрствовать, чтобы врагъ снова не началъ бы искушать васъ».

Это видѣніе святая Мавра повѣдала брату своему Тимоѳею, и утѣшались они взаимно о Господѣ.

Когда же насталъ шестый часъ десятаго дня, пришли Ангелы Божіи для того, чтобы взять души святыхъ мучениковъ. При этомъ святая Мавра, обратившись къ народу, смотрѣвшему на ея страданія, сказала громкимъ голосомъ:

— Братія и сестры! Вспомните, что мы жили по-человѣчески (по-мірски), когда пребывали среди людей; но потомъ мы жили по-Божьи, будучи рабами Бога. И вотъ теперь мы уже скоро воспріимемъ безсмертные вѣнцы отъ Господа нашего Іисуса Христа. Точно такъ же и вы, совершая все то, чего требуетъ природа человѣческая, старайтесь совершить и то, что угодно Богу; тогда вы получите прощеніе грѣховъ и пріимите вѣнцы отъ Того же Владыки и Бога нашего.

Когда святая Мавра окончила слова сіи, оба святые предали

честныя души свои въ руки Божіи[1]). Такъ заключились страданія ихъ вѣнцомъ правды отъ Христа Іисуса, Господа нашего, Которому возсылается слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, вѣчно. Аминь.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Многоѡбра̑зныѧ ꙗ҆́звы претерпѣ́вше, и҆ вѣнцы̀ ѿ бг҃а прїе́мше, ѡ҆ на́съ моли́тесѧ ко гдⷭ҇ꙋ, па́мѧть всесщ҃е́ннꙋю ва́шꙋ соверша́ющихъ, превели́кїй тїмоѳе́е и҆ пресла́внаѧ ма́vро, є҆́же ᲂу҆мири́ти гра́дъ и҆ лю́ди: то́й бо є҆́сть вѣ́рныхъ ᲂу҆твержде́нїе.

---

[1]) Кончина святыхъ мучениковъ послѣдовала ок. 286 г.—Въ Константинополѣ впослѣдствіи торжественно праздновалась память святыхъ мучениковъ Тимоѳея и Мавры въ построенномъ въ честь ихъ храмѣ близъ дворцовъ Іустиніановыхъ; на основаніи этого можно предположить, что въ этомъ храмѣ были ихъ мощи или часть мощей.

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ѲЕОДОСІЯ,

игумена Печерскаго

После преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антонія Печерскаго[1]) великимъ свѣтильникомъ Русской Церкви и доблестнымъ подвижникомъ славной Кіево-Печерской Лавры былъ преподобный и богоносный отецъ нашъ Ѳеодосій, прославленный отъ Бога многочисленными подвигами и чудесами. Для всѣхъ желающихъ познакомиться съ житіемъ сего славнаго мужа подробныя свѣдѣнія о немъ сохранилъ намъ преподобный Несторъ—лѣтописецъ Печерскій[2]); какъ вѣрный небесный свидѣтель, онъ предлагаетъ намъ достовѣрныя свѣдѣнія о житіи преподобнаго Ѳеодосія.

---

[1]) Память преподобнаго Антонія празднуется св. Церковію 10-го іюля.

[2]) *Преподобный Несторъ* подвизался въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ еще при жизни преподобнаго Ѳеодосія. Кромѣ житія преподобнаго Ѳеодосія, онъ написалъ еще житіе святыхъ благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба. Помимо того онъ оставилъ намъ первоначальную исторію нашего Отечества, или Лѣтопись, гдѣ онъ излагаетъ по годамъ исторію Русской земли; за этотъ трудъ ему усвоено наименованіе «Лѣтописца». Лѣтопись Нестора доведена до 1111 года. Слѣдуетъ замѣтить, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, лѣтопись написана не однимъ Несторомъ. Весьма вѣроятно, что въ составленіи ея принималъ участіе Сильвестръ, игуменъ Михайловскаго Выдубицкаго монастыря въ Кіевѣ (жившій въ началѣ XII-го вѣка) За свои подвижническіе труды Несторъ причисленъ св. Церковію къ лику святыхъ. Память его празднуется 27-го октября.

На основаніи этого житія съ небольшими сокращеніями составлено и предлагаемое здѣсь повѣствованіе.

Родиной преподобнаго и богоноснаго отца нашего Θеодосія былъ одинъ изъ городовъ русской земли—Василевъ[1]). Благовѣрные родители съ раннихъ лѣтъ воспитывали своего сына въ благочестіи, когда же онъ подросъ,—отдали его учиться грамотѣ. Скоро Θеодосій столь основательно изучилъ Божественное Писаніе, что всѣ удивлялись его разуму и мудрости. Съ отроческихъ лѣтъ Θеодосій каждый день ревностно посѣщалъ храмъ Божій и, со вниманіемъ слушая все, что здѣсь читалось и пѣлось, всегда до конца выстаивалъ церковныя службы. Уже въ эти годы онъ сторонился своихъ сверстниковъ и не принималъ никакого участія въ дѣтскихъ играхъ.

Когда Θеодосію исполнилось 13 лѣтъ, родители его по какой-то причинѣ должны были переселиться въ Курскъ[2]). Здѣсь въ скоромъ времени, согласно велѣнію Божественнаго Промысла, суждено было умереть его отцу, праведная душа котораго переселилась изъ юдоли земной въ обители Небесныя. Лишившись отца, тринадцатилѣтній Θеодосій жилъ съ матерью, укрѣпляемый съ лѣтами благодатію Божіею. Послѣ смерти отца своего земного Θеодосій началъ еще ревностнѣе заботиться о снисканіи себѣ вѣчной жизни на Небесахъ: онъ жаждалъ богоугодныхъ дѣлъ и удалялся отъ какихъ бы то ни было мірскихъ удовольствій; пересталъ одѣваться въ дорогія одежды и носилъ только бѣдное платье. Онъ всегда имѣлъ лишь одно желаніе—достичь спасенія.

Однажды Θеодосію случилось встрѣтиться со странниками изъ Іерусалима. Заинтересовавшись ихъ разсказами и воспылавши сильной любовью къ Святымъ мѣстамъ, блаженный юноша упросилъ ихъ вмѣстѣ съ ними посѣтить тѣ Святыя мѣста, гдѣ обиталъ и пролилъ Свою безцѣнную кровь ради нашего спасенія Спаситель міра. И вотъ, исполняя свое намѣреніе, Θеодосій ночью, тайно

---

1) *Василевъ* съ именемъ Василькова существуетъ и въ настоящее время и представляетъ собою уѣздный городъ Кіевской губ.; онъ находится въ 36 верстахъ къ юго-западу отъ Кіева и расположенъ при рѣкѣ Стугнѣ—притокѣ Днѣпра.—Преподобный Θеодосій родился между 1035—1038 гг.

2) Причиной, побудившей родителей Θеодосія переселиться въ Курскъ, было распоряженіе князя о перемѣщеніи изъ Василева отца Θеодосія на службу въ Курскъ. Въ Василевѣ, какъ и въ Курскѣ, отецъ Θеодосія исполнялъ вѣроятно обязанность княжескаго *тіуна*, или судьи, мирового посредника (по дѣламъ не уголовнымъ).

отъ матери, отправляется въ далекій путь. Мать же три дня вся въ слезахъ искала его по городу до тѣхъ поръ, пока не узнала, куда онъ пошелъ. Тогда мать съ младшимъ сыномъ тотчасъ отправилась за нимъ и, догнавши его, въ сильномъ гнѣвѣ стала наносить ему жестокіе побои, повергая его на землю и попирая ногами. Затѣмъ, приведя его домой, она заперла его въ комнатѣ. Все это Θеодосій сносилъ безъ ропота, даже съ благодарностью. Наконецъ мать сжалилась надъ нимъ и, освободивъ его, со слезами начала упрашивать его не уходить никуда изъ ея дома. Тогда Θеодосій возвратился къ своимъ прежнимъ подвигамъ и по-прежнему каждый день посѣщалъ церковь.

Прп҃бный Θеодо́сій

Замѣтивъ разъ, что въ церкви часто не совершалось Божественной Литургіи по недостатку просфоръ, Θеодосій рѣшилъ самъ приготовлять хлѣбъ, приносимый въ жертву Богу. Съ этой цѣлью Θеодосій покупалъ пшеницу, мололъ ее своими руками и пекъ изъ нея просфоры, которыя приносилъ въ даръ церкви. Если же ему приходилось получать немного денегъ отъ тѣхъ, кто подавалъ просфоры на проскомидію, то Θеодосій отдавалъ ихъ нищимъ. Такую жизнь велъ онъ года два или немного болѣе, не обращая вниманія на препятствія, которыя ставилъ ему въ этомъ дѣлѣ врагъ рода человѣческаго—діаволъ. По внушенію діавола на Θеодосія за это негодовали его сверстники, которые старались вооружить противъ него даже его мать. Мать говорила Θеодосію:

— Прошу тебя, дитя, оставь свою работу; ею ты возбуждаешь нареканія на свой родъ.

Блаженный же отрокъ со смиреніемъ отвѣчалъ ей:

— Послушай меня, мать, прошу тебя! Самъ Господь Богъ нашъ Іисусъ Христосъ смирилъ Себя ради насъ и тѣмъ далъ при-

мѣръ намъ, чтобы и мы смирялись ради Него. Онъ Самъ на Тайной Вечери претворилъ хлѣбъ въ Свое тѣло; за что же можно порицать или упрекать человѣка, приготовляющаго хлѣбъ, на которомъ должна совершиться эта великая тайна претворенія хлѣба въ тѣло Христово?

Услышавъ такой отвѣтъ, мать весьма удивилась премудрости отрока и съ этого времени оставила его въ покоѣ. Однако діаволъ не переставалъ возбуждать ее противъ смиреннаго и трудолюбиваго отрока и внушалъ ей запретить сыну приготовлять просфоры. По прошествіи года мать, увидавъ Ѳеодосія пекущимъ просфоры и загорѣвшимъ отъ печного жара, опять начала убѣждать его оставить печеніе просфоръ. Она дѣйствовала на сына иногда ласками, иногда угрозами, а иногда даже и побоями. Блаженный юноша, не зная, что дѣлать, вставъ ночью, тайно вышелъ изъ дому. Ушедши отсюда въ сосѣдній городъ, онъ поселился у пресвитера, гдѣ и продолжалъ свои труды. Мать снова разыскала его и, нанесши ему побои, заставила его опять вернуться въ свой городъ.

Начальникъ города Курска, замѣтивъ смиреніе и благоговѣйныя молитвы въ церкви блаженнаго Ѳеодосія, подарилъ ему для ношенія свѣтлую одежду. Поносивъ непродолжительное время новую одежду, Ѳеодосій отдалъ ее нищимъ. Начальникъ города снова одѣлъ его въ еще лучшую одежду, но и ту отрокъ отдалъ нищимъ. Такимъ образомъ Ѳеодосій поступалъ много разъ.

Послѣ этого блаженный отправился въ кузницу и поручилъ тамъ кузнецу сковать себѣ желѣзный поясъ въ видѣ цѣпи. Этотъ тѣсный и до крови врѣзавшійся въ тѣло поясъ онъ надѣлъ прямо на тѣло и съ тѣхъ поръ никогда уже его не снималъ.

Разъ въ праздникъ начальникъ города приказалъ Ѳеодосію присутствовать на его званомъ обѣдѣ, желая, чтобы отрокъ прислуживалъ его гостямъ. Собираясь на обѣдъ, отрокъ по наставленію матери долженъ быть одѣться въ праздничную одежду. И вотъ когда онъ сталъ одѣваться, мать увидала на его хитонѣ (нижней одеждѣ) кровь, какъ ни старался отрокъ скрыть это отъ нея. Желая узнать, почему тѣло отрока было въ крови, мать стала внимательнѣе вглядываться и, замѣтивъ на тѣлѣ юноши желѣзный поясъ, убѣдилась, что кровь текла изъ ранъ отъ врѣзавшагося въ тѣло желѣзнаго пояса. Разгнѣвавшись на Ѳеодосія, мать разорвала на немъ хитонъ и съ побоями сняла съ сына поясъ. А блаженный, какъ будто ничего не испытавъ обиднаго, одѣлся и съ великой

скромностью прислуживалъ на обѣдѣ начальнику города и его гостямъ.

Спустя нѣкоторое время Θеодосію пришлось услышать въ церкви евангельскія слова: **и҆́же лю́битъ ѻ҆тца̀ и҆лѝ ма́терь па́че менѐ, нѣ́сть менѐ досто́инъ**[1]); и еще: **ма́ти моѧ̑ и҆ бра́тїѧ моѧ̑, сі́и сꙋ́ть слы́шащїи сло́во бж҃їе и҆ творѧ́щїи є҆**[2]). Воспламенившись къ подвигамъ этими словами, Θеодосій тайно ушелъ изъ дому въ городъ Кіевъ. Здѣсь онъ услыхалъ о строгой иноческой жизни въ пещерѣ преподобнаго Антонія и, заинтересовавшись разсказами о немъ, восхотѣлъ посѣтить преподобнаго старца. Придя въ пещеру къ Антонію, Θеодосій палъ на колѣни предъ нимъ и со слезами началъ упрашивать принять его къ себѣ для иноческихъ подвиговъ. Преподобный же Антоній, выслушавъ его, такъ отвѣчалъ ему:

— Отрокъ, ты видишь, какъ мрачна и тѣсна сія пещера; ты не вынесешь здѣшнихъ неудобствъ.

На это боговдохновенный юноша съ умиленіемъ отвѣчалъ:

— Богъ меня привелъ въ твою святую пещеру, ясно предуказывая, что мнѣ дòлжно спастись черезъ тебя. Я буду исполнять все, что ты мнѣ ни прикажешь.

Тогда преподобный Антоній съ любовію принялъ его къ себѣ и, благословивъ, отдалъ на попеченіе образованному священнику—блаженному Никону[3]), который скоро и постригъ юношу въ иночество. Постриженіе Θеодосій принялъ 23 лѣтъ отъ роду вскорѣ же послѣ смерти благовѣрнаго князя Кіевскаго Ярослава Владиміровича[4]).

Принявъ святой иноческій чинъ, преподобный Θеодосій всего себя отдалъ на служеніе Богу и усердно исполнялъ волю своего старца Антонія. Онъ ревностно исполнялъ великіе иноческіе труды—какъ подвижникъ, воспріявшій иго Христово. Превозмогая дремоту, цѣлыя ночи онъ бодрствовалъ, славословя Бога; днемъ же, удручая плоть свою воздержаніемъ и постомъ, исполнялъ разныя тяжелыя работы. Такое благонравіе, смиреніе, бодрость и трудолюбіе юноши вызывали удивленіе даже въ преподобномъ Антоніи и блаженномъ Никонѣ; видя праведную жизнь Θеодосія, оба они прославляли за это Бога.

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. **10**, ст. 37.

2) Еванг. отъ Луки, гл. **8**, ст. 21.

3) См. житіе его подъ 23-мъ марта.

4) Это было въ 1055—1056 гг. Ярославъ (I-ый) Владиміровичъ княжилъ съ 1019 г. по 1054 г.

Между тѣмъ мать Ѳеодосія, тщетно проискавъ сына въ своемъ городѣ и въ его окрестностяхъ, оплакивала уже его какъ умершаго. Только потомъ, спустя уже много времени, узнала она о постриженіи своего сына въ Кіевѣ у преподобнаго Антонія въ пещерѣ. Тогда она пошла къ сему старцу и просила его выйти изъ пещеры къ ней. Когда старецъ, наконецъ, вышелъ къ ней, она въ слезахъ обратилась къ нему съ усердной просьбой показать ей сына. Узнавъ отъ старца о просьбѣ матери, юноша сильно смутился тѣмъ, что никакъ не могъ скрыться отъ нея; однако, внявъ увѣщаніямъ Антонія, вышелъ изъ пещеры къ матери. Увидѣвъ сына инокомъ съ лицомъ, похудѣвшимъ отъ великихъ подвиговъ и трудовъ, мать пала къ нему на грудь и, горько плача, говорила ему:

— Возвратись ко мнѣ въ домъ, сынъ мой, и дѣлай по своей волѣ все, что считаешь полезнымъ для спасенія души твоей. Когда же я умру, то предай мое тѣло землѣ и тогда возвратись въ эту пещеру. Безъ тебя же жить я не могу.

Блаженный юноша отвѣчалъ ей:

— Останься, мать, здѣсь, въ Кіевѣ, и постригись въ женскомъ монастырѣ, и тогда ты получишь возможность иногда приходить ко мнѣ для свиданія. Этимъ ты стяжешь себѣ спасеніе и сподобишься лицезрѣть Бога въ вѣчной жизни.

Но мать не хотѣла и слушать сына. Тогда блаженный, возвратясь въ пещеру, началъ усердно молиться Богу о спасеніи души своей матери. И Богъ услышалъ молитву Своего угодника. Черезъ нѣсколько дней мать, пришедши къ нему, сказала:

— Сынъ мой, я поступаю по твоему совѣту и не возвращусь уже болѣе домой. Постригшись по волѣ Божіей, проведу остатокъ дней въ женскомъ монастырѣ, потому что я убѣдилась, какъ ты мнѣ сказалъ, что маловременный міръ сей—ничто.

Узнавъ объ этомъ, блаженный возрадовался душею и разсказалъ о намѣреніи матери своей преподобному Антонію. Послѣдній прославилъ Бога за обращеніе сердца его матери на путь истины и, выйдя изъ пещеры, долго поучалъ ее душеспасительными бесѣдами; а затѣмъ онъ направилъ ее въ женскій монастырь святаго Николая, гдѣ она и приняла постриженіе. Проживъ здѣсь благочестно нѣсколько лѣтъ, мать Ѳеодосія въ мирѣ отошла къ Богу.

Окончательно отрекшись отъ всякихъ мірскихъ заботъ послѣ постриженія матери, блаженный Ѳеодосій вмѣстѣ съ преподобнымъ Антоніемъ и блаженнымъ Никономъ еще ревностнѣе сталъ по-

двизаться въ трудахъ иноческихъ. Въ сообществѣ старцевъ Θеодосій скоро проявилъ свою силу—побѣждать злыхъ духовъ, воздѣйствуя на нихъ постомъ и молитвой. Въ этомъ помогалъ имъ Самъ Богъ, который сказалъ: **и҆дѣ́же є҆ста̀ два̀ и҆лѝ трїѐ со́брани во и҆́мѧ моѐ, тꙋ̀ є҆́смь посредѣ̀ и҆́хъ**[1]).

Когда блаженному Никону нужно было уйти изъ монастыря для болѣе усиленнаго подвига въ другое мѣсто, блаженный Θеодосій, по волѣ Божіей и по желанію преподобнаго Антонія, былъ посвященъ въ іереи[2]). Принявъ этотъ санъ, онъ старался ежедневно съ великимъ благоговѣніемъ совершать Божественную Литургію. Вскорѣ послѣ посвященія Θеодосія преподобный Антоній, собравъ въ пещерѣ 12 иноковъ изъ братіи, поставилъ имъ въ игумены блаженнаго Варлаама[3]), а самъ ушелъ оттуда и сталъ подвизаться въ другой, выкопанной имъ самимъ, пещерѣ. Тогда почтенный іерейскимъ саномъ благоговѣйный отецъ нашъ Θеодосій, оставшійся въ Антоніевой пещерѣ вмѣстѣ съ блаженнымъ игуменомъ Варлаамомъ, сообща поставили надъ пещерою небольшую церковь въ честь Пресвятой Богородицы, предназначивъ ее для общей братской молитвы.

Святой Θеодосій превосходилъ тогда всѣхъ своими великими подвигами: постомъ, бодростью, ручной работой, а болѣе всего смиреніемъ и послушаніемъ. Онъ помогалъ братіи, иногда нося воду, иногда доставляя изъ лѣсу дрова, иногда же исполнялъ по ночамъ назначенную другимъ инокамъ работу; и притомъ онъ всегда бодрствовалъ цѣлыми ночами, стоя на молитвѣ. Иногда ночью лѣтомъ онъ восходилъ на верхъ пещеры и, обнаживъ до пояса свое тѣло, предавалъ его жалу многочисленныхъ оводовъ и комаровъ. Въ это время руками своими онъ прялъ волну, а устами воспѣвалъ стихи изъ Псалтыри. Вслѣдствіе многочисленныхъ ужаленій и пораненій насѣкомыхъ, все тѣло его обагрялось кровью, но онъ недвижимо сидѣлъ, не трогаясь съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не ударяли къ Утрени. Въ церковь онъ опять приходилъ первымъ и, ставъ на своемъ мѣстѣ, неотступно совершалъ церковныя молитвы, не развлекаясь суетными мыслями. И изъ церкви выходилъ онъ послѣ всѣхъ. Видя все это, всѣ дивились его смиренію и терпѣнію и относились къ нему съ любовію, какъ къ отцу.

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. **18**, ст. 20.

2) Это было въ 1056—1057 гг.

3) См. житіе его подъ 19-мъ ноября.

Спустя нѣкоторое время блаженный Варлаамъ, начальникъ братьевъ-пещерниковъ, былъ назначенъ княземъ Изяславомъ[1]) игуменомъ въ монастырь святаго великомученика Димитрія. Тогда по желанію и просьбѣ всѣхъ братій преподобный Антоній, призвавъ къ себѣ святаго Ѳеодосія, благословилъ его на игуменство надъ двѣнадцатью братьями, находившимися тогда въ Кіево-Печерской обители. Достохвальный же сей игуменъ, преподобный отецъ нашъ Ѳеодосій и въ этомъ высокомъ санѣ не измѣнилъ своего смиреннаго образа жизни и по-прежнему строго слѣдилъ за своими поступками, **сáмъ себѣ подавáѧ ѿбразъ дóбрыхъ дѣлъ**[2]): раньше всѣхъ исполнялъ работы, приходилъ раньше другихъ въ церковь на Богослуженіе и позже всѣхъ уходилъ оттуда. Богоугодными молитвами сего праведника стала цвѣсти и богатѣть съ того времени Кіево-Печерская обитель. Такъ исполнилось сказанное въ Божественномъ Писаніи: **прáведникъ ꙗ҆́кѡ фі́нїѯъ процвѣтéтъ, ꙗ҆́кѡ кéдръ, и҆̀же въ лѵ҆вáнѣ, ᲂу҆мнóжитсѧ**[3]). И дѣйствительно, подобно тому какъ сѣмя благодатію Божіею въ доброй почвѣ приноситъ плодъ во сто кратъ, такъ и святый Ѳеодосій увеличилъ число братьевъ-пещерниковъ. Мало-помалу онъ собралъ въ свою обитель человѣкъ сто братій, жизнь которыхъ цвѣла добрыми нравами; многіе изъ братіи приносили **достѡ́йныѧ плоды̀ покаѧ́нїѧ**[4]).

По причинѣ значительнаго увеличенія числа братій пещера оказалась тѣсною, что мѣшало инокамъ въ строгости провождать безмолвную жизнь; также и церковь оказалась слишкомъ тѣсною для общей молитвы. Вслѣдствіе этого преподобный Ѳеодосій избралъ одно красивое мѣсто, находившееся невдалекѣ отъ пещеры, достаточно обширное для возведенія на немъ монастырскихъ стѣнъ, и вознамѣрился построить здѣсь обитель. Съ благословенія преподобнаго Антонія, онъ испросилъ это мѣсто у христолюбиваго князя Изяслава и затѣмъ при помощи Божіей вскорѣ соорудилъ на немъ просторную деревянную церковь въ честь Успенія Пресвятой Богородицы. Затѣмъ онъ возвелъ тамъ монастырскія стѣны и, построивъ достаточное число келлій, переселился съ братіею въ новую обитель.

---

1) *Изяславъ (1-ый) Ярославичь* княжилъ съ 1054 г. по 1073 г., затѣмъ вторично съ 1076 г. по 1078 г.

2) Посл. къ Титу, гл. 2, ст. 7.

3) Псал. 91, ст. 13.

4) Ср.: Еванг. отъ Матѳ., гл. 3, ст. 8.

Разъ эту обитель посѣтилъ блаженный Ефремъ[1]); отъ него-то и привелъ Богъ Θеодосія познакомиться подробно со Студійскимъ уставомъ монашескаго житія[2]). Получивъ отъ Ефрема полный списокъ устава святой Студійской обители, Θеодосій сталъ во всемъ ему слѣдовать и въ дѣлахъ своей обители. А впослѣдствіи этотъ уставъ приняли и всѣ остальные русскіе монастыри, слѣдуя примѣру древнѣйшаго Кіево-Печерскаго монастыря.

Преподобный Θеодосій усердно поучалъ учениковъ своихъ, возбуждая ихъ къ истинному покаянію. Сей преподобный учитель имѣлъ обычай каждую ночь обходить келліи братіи; такимъ путемъ онъ знакомился съ образомъ жизни братій и узнавалъ степень усердія въ подвигахъ каждаго брата. Онъ радовался и славилъ Бога, когда, обходя келліи, слышалъ молитву инока; когда же приходилось ему услыхать послѣ вечерней молитвы разговоръ двухъ или трехъ сошедшихся въ келлію для бесѣды иноковъ, то Θеодосій, давая знать о своемъ присутствіи, ударялъ рукой въ двери и съ сокрушеннымъ сердцемъ отходилъ прочь. На слѣдующій день онъ призывалъ къ себѣ провинившихся и, не обличая прямо, притчами вызывалъ ихъ на раскаяніе. Кроткій сердцемъ братъ тотчасъ, сознавъ свою вину, просилъ прощенія, а ожесточенный, думая, что игуменъ говоритъ въ притчахъ о постороннемъ лицѣ, а не о немъ самомъ, не сознавался въ своемъ поступкѣ до тѣхъ поръ, пока преподобный, прямо не обличивъ его, не налагалъ на виновнаго эпитимію. Такъ Θеодосій училъ братію прилежно молиться Богу, не разговаривать послѣ вечерней молитвы и тѣмъ болѣе не ходить изъ кельи въ келью для бесѣды; онъ училъ молиться каждому въ своей кельѣ, а при исполненіи ручной работы всегда читать вслухъ Псалмы Давида. Во время его жизни иноки, казалось, были равны подвигами своими Ангеламъ Божіимъ, а монастырь Кіево-Печерскій уподоблялся какъ бы Обители Небесной. Дѣйствительно, въ своей обители преподобный отецъ нашъ

---

[1]) См. житіе его подъ 28-мъ января.

[2]) *Святый Ефремъ* путешествовалъ въ Константинополь, гдѣ и списалъ уставъ Студійскаго монастыря. Этотъ уставъ былъ составленъ преподобнымъ Θеодоромъ Студитомъ, игуменомъ Студійскаго монастыря въ Константинополѣ, въ началѣ IX в. Въ концѣ IX в. онъ былъ введенъ въ руководство Русскою Церковью и держался въ ней до половины XIV в., когда начинаетъ уступать Іерусалимскому (этотъ уставъ введенъ преподобнымъ Саввою Освященнымъ въ палестинскихъ монастыряхъ въ VI в. Память св. Саввы — 5 декабря). Въ основу Студійскаго устава преподобный Θеодоръ положилъ общежительныя правила монастырскаго житія святаго Василія Великаго.—Память святаго Ефрема совершается Церковію 28 января.

Θеодосій просіялъ свѣтомъ добрыхъ дѣлъ, какъ великій свѣтильникъ небесный. За свою праведную жизнь Θеодосій еще при жизни своей былъ прославленъ Богомъ передъ людьми, будучи осіяваемъ видимымъ свѣтомъ. Это случилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Разъ въ темную ночь игуменъ монастыря святаго Архистратига Михаила Софроній возвращался къ себѣ мимо Θеодосіевой обители. Вдругъ предсталъ глазамъ его необычайный свѣтъ, сіявшій надъ монастыремъ праведника. Пораженный необыкновеннымъ явленіемъ, Софроній прославилъ Бога, говоря:

— Сколь велико милосердіе Твое, Господи! Ты далъ людямъ въ этомъ мѣстѣ свѣтильникъ въ лицѣ Θеодосія, и онъ своимъ сіяніемъ просвѣщаетъ монастырь.

Подобныя явленія наблюдались много разъ и другими людьми, а такъ какъ народъ говорилъ объ этомъ много, то слухъ о томъ дошелъ и до князя и его бояръ. Сіянія эти были отраженіемъ свѣта праведной жизни святаго старца. Такъ всѣ объясняли себѣ это явленіе.

Блаженный Θеодосій пользовался большой любовью и христолюбиваго князя Изяслава, занявшаго княжескій престолъ въ Кіевѣ послѣ своего отца Ярослава. Изяславъ часто приходилъ къ преподобному насладиться его боговдохновенной бесѣдой. Надо замѣтить, что преподобный отецъ нашъ Θеодосій отдалъ своему привратнику строгій наказъ: въ промежутокъ времени между Обѣдней и Вечерней не отворять воротъ и никого не впускать въ монастырь. Этимъ онъ хотѣлъ дать возможность братіи отдохнуть днемъ передъ продолжительными ночными молитвами и утреннимъ пѣснопѣніемъ. Однажды въ эти часы пріѣхалъ верхомъ христолюбивый князь Изяславъ въ сопровожденіи отрока (до этого времени князь никогда не ѣздилъ въ монастырь верхомъ). Сойдя съ коня, Изяславъ подошелъ къ воротамъ и постучалъ, приказывая привратнику отворить ихъ. Привратникъ объяснилъ ему, что по приказанію игумена нельзя ни для кого отворять воротъ до Вечерни. Тогда князь, желая объяснить привратнику, кто онъ, сказалъ:

— Это—я, отвори одному мнѣ.

Привратникъ же, не зная, что съ нимъ говоритъ князь, отвѣчалъ:

— Говорю тебѣ,—игуменъ никому не велѣлъ отворять воротъ, даже самому князю, если бы онъ пришелъ. Поэтому, если хочешь, подожди немного до Вечерни.

— Я—князь,—сказалъ Изяславъ;—неужели ты не отворишь мнѣ?

Вратарь, нагнувшись подъ ворота, увѣрился, что это князь, но воротъ все-таки не отворилъ, а пошелъ извѣстить объ этомъ преподобнаго. Князь же вынужденъ былъ терпѣливо дожидаться у воротъ. Потомъ вышелъ преподобный и, увидя князя, поклонился ему. Тогда князь сталъ говорить святому Ѳеодосію:

— Какъ строгъ, отецъ, твой приказъ: инокъ говоритъ, что ты не велѣлъ впускать даже самого князя.

Преподобный отвѣчалъ:

— Это для того, благій владыко, чтобы братія немного отдохнули въ полдень предъ наступающимъ ночнымъ молитвеннымъ трудомъ. Но твое похвальное стремленіе къ Пресвятой Владычицѣ нашей Богородицѣ благо и спасительно для твоей души; и мы весьма радуемся твоему приходу къ намъ.

Тогда они пошли въ церковь; здѣсь послѣ молитвы, прочтенной преподобнымъ, христолюбивый князь насладился душеполезной бесѣдой со святымъ Ѳеодосіемъ. Затѣмъ князь съ большой пользой для себя возвратился къ себѣ домой, славя Бога. Съ этого дня Изяславъ еще больше привязался къ святому и, видя въ немъ человѣка, подобнаго древнимъ святымъ отцамъ, сталъ во всемъ руководствоваться его совѣтами.

Несмотря на почтеніе, оказываемое ему княземъ и вельможами, преподобный отецъ нашъ Ѳеодосій нисколько не возгордился этимъ, но поистинѣ, какъ свѣтило ярко сіяетъ во тьмѣ, такъ и онъ, облекшись еще въ бо́льшее смиреніе, сталъ еще болѣе трудиться, уча своихъ учениковъ не только словами, но и дѣломъ. Не взирая на свой игуменскій санъ, святый Ѳеодосій часто заходилъ въ хлѣбопекарню и работалъ тамъ вмѣстѣ съ пекарями, мѣся тѣсто и выкатывая хлѣбы. Преподобный не сокрывалъ въ землю данный ему отъ Бога талантъ крѣпости тѣлесной, но, всегда веселясь духомъ, своею бодростью подкрѣплялъ и другихъ, убѣждая никогда не ослабѣвать въ усердіи къ своему дѣлу.

Однажды наканунѣ праздника Успенія Пресвятой Богородицы келарь Ѳеодоръ пришелъ къ преподобному и сказалъ, что въ поварнѣ не хватило воды, а носить ея некому. Тогда преподобный, вставъ, тотчасъ же самъ принялся носить воду изъ колодца. Одинъ изъ братіи, увидавъ игумена за этимъ занятіемъ, поспѣшилъ разсказать объ этомъ прочимъ инокамъ, а тѣ съ большою поспѣшностію собрались и наносили воды съ избыткомъ.

Былъ и другой подобный случай. Разъ не приготовили въ достаточномъ количествѣ дровъ для варки пищи; келарь опять явился къ преподобному и сказалъ:

— Прикажи, отче, кому-нибудь, незанятому изъ братіи, пойти приготовить необходимое количество дровъ.

— Я не занятъ, я и пойду,—отвѣчалъ преподобный.

Этотъ разговоръ происходилъ въ обѣденный часъ. Блаженный, взявъ топоръ, пошелъ и началъ самъ рубить дрова, а прочей братіи велѣлъ идти обѣдать. Вышедши изъ трапезной послѣ обѣда, иноки увидали своего игумена за работой. Устыженные его смиреніемъ, монахи сами взялись за топоры и приготовили столько дровъ, что хватило ихъ на нѣсколько дней.

Когда въ Кіево-Печерскій монастырь возвратился изъ своего подвижническаго путешествія постригшій преподобнаго блаженный Никонъ[1]), то преподобный Ѳеодосій оказывалъ ему всякое почтеніе, какъ отцу, несмотря на то, что самъ тогда былъ въ санѣ игумена. И когда у блаженнаго Никона случался недостатокъ въ ниткахъ для сшиванія книгъ (онъ занимался этимъ), Ѳеодосій прялъ ему нитки. Таковы были смиреніе и простота въ разнообразныхъ трудахъ и занятіяхъ боговдохновеннаго мужа. И одежду игуменъ носилъ скромную и бѣдную: на тѣлѣ жесткую власяницу, а поверхъ другую, очень поношенную; эту онъ надѣвалъ, чтобы не показывать людямъ нижней колючей власяницы.

Однажды преподобный отправился по какому-то дѣлу къ христолюбивому князю Изяславу, а такъ какъ послѣдній находился въ это время далеко отъ города, то Ѳеодосію пришлось промедлить тамъ до вечера. Когда онъ сталъ собираться домой, христолюбивый князь велѣлъ отвезти его въ монастырь на своей колесницѣ. На пути везшій его отрокъ, видя на преподобномъ плохую одежду и думая, что это не игуменъ, а простой инокъ, сказалъ ему:

— Чернецъ, сядь на коня, а я сяду на колесницу.

Преподобный тотчасъ же смиренно сошелъ съ колесницы, уступивъ мѣсто на ней отроку, а самъ или шелъ подлѣ, или, когда уставалъ, садился на коня верхомъ. Такъ ѣхали они ночью. При разсвѣтѣ начали попадаться имъ навстрѣчу вельможи, ѣхавшіе къ князю. Послѣдніе, узнавъ преподобнаго, сходили съ коней и низко кланялись ему. Тогда преподобный обратился къ отроку и сказалъ:

---

[1]) Преподобный Никонъ удалялся на югъ Россіи, въ Тмутаракань.

— Вотъ, уже день, встань съ колесницы и сядь на своего коня.

Отрокъ же, увидѣвъ, что преподобному кланяются вельможи, испугался и, сойдя съ колесницы, сѣлъ на коня. Между тѣмъ встрѣчные еще чаще стали привѣтствовать преподобнаго, когда онъ сѣлъ въ колесницу. Сопутствовавшій же ему отрокъ еще болѣе приходилъ отъ того въ смущеніе.

Когда они пріѣхали такимъ образомъ къ монастырю, навстрѣчу преподобному вышли вся братія и привѣтствовали его земнымъ поклономъ. Отрокъ пришелъ въ еще большій ужасъ, недоумѣвая— кто это, которому всѣ поклоняются. Преподобный же, взявъ его за руку, повелъ въ трапезную и тамъ велѣлъ накормить и напоить его, затѣмъ отпустилъ его съ подарками. Этотъ случай сталъ всѣмъ извѣстенъ отъ самого отрока, преподобный же никому объ этомъ не разсказывалъ, такъ какъ всегда училъ братію ни въ чемъ никогда не возноситься, но всегда пребывать во смиреніи и ставить себя ниже всѣхъ.

Вотъ такому-то смиренію училъ преподобный свою братію. Между прочимъ, онъ училъ при началѣ всякаго дѣла испрашивать благословеніе у старшаго, памятуя слова Писанія: **сѣѧй ѿ благословéніи, ѿ благословéніи и пожнетъ**[1]). Справедливость этого изреченія онъ показалъ на дѣлѣ. У него былъ обычай: когда приходили къ нему по своей нуждѣ благочестивые люди, преподобный, преподавъ божественное наставленіе, отпускалъ имъ изъ монастырскихъ запасовъ хлѣбъ и горячую пищу. Однажды самъ князь, попробовавъ у него монастырскаго кушанья, сказалъ преподобному:

— Ты знаешь, отче, что мой домъ наполненъ всѣми благами міра, но я никогда не ѣлъ съ такой сладостью, какъ здѣсь. Мои рабы, хотя и приготовляютъ различныя дорогія кушанія, но они не такъ сладки, какъ эти. Молю тебя, отче, скажи мнѣ, почему такая сладость въ вашей пищѣ?

Блаженный же Ѳеодосій отвѣчалъ на это:

— Если, благій владыко, ты хочешь знать, почему это, послушай—я тебѣ скажу: когда наши братія собираются варить горячую пищу или печь хлѣбы, они соблюдаютъ такой порядокъ: прежде всего приходитъ инокъ къ игумену и беретъ у него бла-

---

[1]) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 9, ст. 6.

гословеніе, потомъ, поклонившись передъ святымъ алтаремъ три раза до земли, зажигаетъ свѣчу отъ алтаря, и этимъ огнемъ разжигаетъ дрова въ поварнѣ и хлѣбнѣ. А когда нужно вливать воду въ котелъ, инокъ говоритъ старѣйшему: «благослови, отче». Послѣдній же отвѣчаетъ: «Богъ благословитъ тебя, братъ». Всякое дѣло такимъ образомъ начинается у насъ съ благословенія, поэтому и сладость бываетъ въ кушаніяхъ. А твои рабы, я думаю, работаютъ, бранясь, ропща и клевеща другъ на друга, можетъ быть, даже часто принимая побои отъ своихъ начальниковъ. Поэтому и дѣло ихъ, не безъ грѣха совершаемое, бываетъ не въ сладость.

Выслушавъ это, князь сказалъ:

— Поистинѣ, отче, это такъ, какъ ты говоришь.

Когда преподобному случалось услышать о какомъ-нибудь кушаньѣ, что оно совершается не съ благословенія старшаго и вопреки иноческимъ правиламъ, то, называя это кушанье вражескимъ, онъ не позволялъ, чтобы благословенное его стадо вкусило его; приготовленную же такимъ образомъ пищу приказывалъ бросать въ воду или въ огонь. Такъ случилось и тогда, когда преподобный съ братіею отправлялся на праздникъ святаго великомученика Димитрія въ сосѣдній монастырь имени сего святаго. Въ этотъ день какими-то благочестивыми людьми были присланы въ монастырь очень вкусные хлѣбы. Ѳеодосій велѣлъ келарю подать ихъ въ тотъ же день къ трапезѣ оставшейся братіи. Но келарь не послушалъ его приказанія, думая про себя:

«Вотъ когда всѣ братія соберутся завтра, тогда и подамъ къ обѣду эти хлѣбы, а сегодня оставшіеся иноки пусть ѣдятъ обыкновенный монастырскій хлѣбъ».

Такъ онъ и поступилъ. На слѣдующій день къ обѣду возвратился въ монастырь игуменъ съ братіею. Во время трапезы преподобный, замѣтивъ, что поданы именно присланные въ даръ хлѣбы, позвалъ келаря и спросилъ его:

— Откуда эти хлѣбы?

Келарь отвѣчалъ:

— Хлѣбы эти принесены еще вчера, но я не подалъ ихъ въ тотъ день потому, что на обѣдѣ присутствовало мало братіи; я думалъ, что лучше предложить вкусные хлѣбы всей братіи, когда они соберутся вмѣстѣ.

Преподобный же сказалъ ему:

— Лучше бы было тебѣ не заботиться о наступающемъ днѣ, а дѣлать по моему приказанію. Вѣдь Господь, всегда о насъ пекущійся, и сегодня подалъ бы намъ все, что необходимо, и даже болѣе того.

Затѣмъ онъ велѣлъ собрать нарѣзанные ломти хлѣба въ корзину и кинуть ихъ въ рѣку, а на келаря, какъ на ослушавшагося его приказанія, наложилъ эпитимію. Такъ онъ поступалъ и съ другими иноками, когда они въ чемъ-нибудь ослушивались старшихъ.

Замѣчая, что иноки не совсѣмъ оставляютъ заботу о завтрашнемъ днѣ и пріобрѣтеніи временныхъ благъ (а это противорѣчило монашескимъ обѣтамъ), преподобный Θеодосій училъ свою братію слѣдовать добродѣтели нестяжанія. Онъ говорилъ, что иноки должны обогащаться вѣрою и надеждою на Бога, а не искать тлѣннаго имущества. Онъ часто обходилъ кельи и, если находилъ у кого лишнее, не положенное по уставу, было ли то пища, одежда или еще что другое, онъ бралъ это и бросалъ въ печь—какъ исходящее отъ діавола и противное уставу монастырскому. Преподобный такъ увѣщевалъ братію къ добродѣтели нестяжанія:

— Нехорошо намъ, инокамъ, отказавшимся отъ всего мірского, собирать въ кельяхъ суетныя вещи. Какъ мы будемъ приносить Богу чистую молитву, когда хранимъ въ своей кельѣ сокровище тлѣнное! Вѣдь вы слышали слова Господа: **ꙗ҆дѣ́же є҆́сть сокро́вище ва́ше, тꙋ̀ бꙋ́детъ и҆ се́рдце ва́ше**[1]). И еще: **безꙋ́мне, въ сїю̀ но́щь дꙋ́шꙋ твою̀ и҆стѧ́жꙋтъ ѿ тебѐ: а҆ ꙗ҆̀же оу҆гото́валъ є҆сѝ, комꙋ̀ бꙋ́дꙋтъ**[2]). Поэтому, братія,—говорилъ онъ,—будемъ довольны установленной одеждой и пищей, предлагаемой на трапезѣ, а въ кельяхъ не подобаетъ намъ имѣть ничего подобнаго. Итакъ, со всякимъ усердіемъ отъ всего сердца будемъ возносить къ Богу чистую молитву.

Такъ увѣщевалъ братію святый Θеодосій съ великимъ смиреніемъ и слезами.

Преподобный былъ милосердъ, кротокъ, не вспыльчивъ и всѣмъ оказывалъ вниманіе. Такъ, когда случалось, что кто-нибудь изъ нестяжательнаго его стада ослабѣвалъ духомъ и уходилъ изъ монастыря, тогда преподобный въ великой печали и скорби объ ушедшемъ молился со слезами Богу, чтобы Онъ возвратилъ назадъ отлучившуюся отъ его стада овцу. Такъ онъ молился до тѣхъ поръ, пока ушедшій не возвращался.

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. **6**, ст. 21.

2) Еванг. отъ Луки, гл. **12**, ст. 20.

Въ числѣ его братіи былъ одинъ инокъ, отличавшійся большимъ непостоянствомъ. Онъ часто убѣгалъ изъ монастыря, и всякій разъ, когда онъ возвращался, преподобный съ радостью принималъ его назадъ, говоря, что Богъ не оставитъ его и не допуститъ скончать ему жизнь свою внѣ монастыря:

— Хотя онъ и многократно уходитъ отъ насъ,—говорилъ преподобный,—но все-таки окончитъ жизнь въ нашемъ монастырѣ.

И со слезами молилъ Бога ниспослать брату терпѣніе.

Однажды этотъ братъ пропадалъ особенно долго, но все-таки возвратился и по обыкновенію сталъ просить преподобнаго снова принять его. Поистинѣ милостивый Ѳеодосій и теперь принялъ его съ радостью и присоединилъ къ своему стаду возвратившуюся заблудшую овцу. Возвратившись послѣ продолжительной отлучки, братъ тотъ принесъ и положилъ передъ преподобнымъ небольшую сумму денегъ, заработанную имъ своими руками (онъ занимался шитьемъ одежды). Тогда преподобный сказалъ ему:

— Если хочешь быть совершеннымъ,—возьми это и брось въ горящую печь, потому что принесенное тобой есть дѣло ослушанія.

Онъ же, какъ истинно кающійся, собралъ все и, по повелѣнію преподобнаго, бросилъ въ печь и сжегъ. Съ этого времени братъ, не отлучаясь, жилъ въ монастырѣ, проводя остатокъ дней своихъ въ покаяніи, и здѣсь, по предсказанію преподобнаго, съ миромъ скончался.

Преподобный Ѳеодосій былъ очень милосердъ къ бѣднымъ. Онъ построилъ близъ монастыря дворъ съ церковью во имя святаго первомученика Стефана и тамъ поселилъ нищихъ, слѣпыхъ, хромыхъ и прокаженныхъ, а все необходимое для нихъ отпускалъ изъ монастыря. На это употреблялась десятая часть монастырскаго дохода. Кромѣ этого, преподобный каждую субботу посылалъ возъ хлѣба заключеннымъ въ темницахъ и тюрьмахъ.

Преподобный отецъ нашъ Ѳеодосій былъ милосердъ не только къ бѣднымъ, но даже и къ наносящимъ вредъ его монастырю. Такъ, однажды въ окрестностяхъ монастыря поймали разбойниковъ, пришедшихъ туда для кражи, и привели ихъ къ игумену. Видя ихъ связанными и въ угнетенномъ состояніи духа, преподобный прослезился и велѣлъ развязать ихъ. Накормивъ и напоивъ ихъ, онъ поучалъ ихъ не дѣлать никому обиды, но быть довольнымъ

каждому плодами своихъ трудовъ. Затѣмъ, давъ имъ достаточно денегъ, онъ отпустилъ покаявшихся разбойниковъ съ миромъ.

Преподобный Ѳеодосій твердо надѣялся, что Самъ Господь сохранитъ отъ грабителей все, что нужно братіи. Что упованіе это было ненапрасно, это подтвердилось слѣдующимъ чудомъ.

Съ увеличеніемъ числа братіи преподобному отцу нашему Ѳеодосію понадобилось расширить монастырь, такъ какъ необходимо было строить новыя келліи. Вмѣстѣ съ братіей преподобный приступилъ къ работамъ и началъ возводить большихъ размѣровъ ограду. И вотъ, когда сломали старую ограду и монастырь остался безъ ея защиты, въ темную ночь пришли къ монастырю разбойники и начали такъ разсуждать между собой:

— Въ церковныхъ палатахъ скрыто у иноковъ имущество; пойдемъ туда.

Но когда разбойники приблизились съ этой цѣлью къ церкви, они услыхали пѣніе. Предполагая, что это поютъ иноки, собравшіеся на вечернюю молитву, разбойники ушли оттуда въ густой лѣсъ. Немного помедливши тамъ, они опять подошли къ храму. На этотъ разъ также было слышно пѣніе и былъ виденъ чудесный свѣтъ внутри, отъ церкви же распространялось благоуханіе. Это происходило оттого, что въ церкви находились Ангелы, славословившіе Бога. Разбойники же, предположивъ, что это братія совершаютъ теперь полуночное пѣніе, опять удалились. Они рѣшили еще подождать, чтобы, когда разойдутся иноки, войти въ церковь и похитить все, находящееся въ ней. Такимъ образомъ они многократно подходили къ церкви и всякій разъ слышали то же пѣніе Ангеловъ.

Между тѣмъ, наступило время Утрени, и пономарь по обыкновенію началъ ударять въ колоколъ. Услыша звонъ, разбойники удалились въ лѣсъ, разговаривая между собой:

— Что намъ дѣлать? Вѣдь въ церкви мы видѣли, должно быть, привидѣніе. Поступимъ такъ: когда монахи соберутся въ церковь, мы преградимъ выходъ имъ и, убивъ ихъ всѣхъ, завладѣемъ ихъ богатствами.

Дождавшись, когда всѣ иноки съ своимъ наставникомъ блаженнымъ Ѳеодосіемъ собрались въ церковь на утреннюю молитву, разбойники устремились къ церкви. Они уже приближались съ преступной цѣлью къ храму, какъ вдругъ были поражены страшнымъ чудомъ: церковь съ находящимися въ ней иноками стала

подниматься и остановилась въ воздухѣ на такой высотѣ, что разбойники не могли достать ее даже выстрѣломъ. Они сильно испугались, увидавъ это, и въ великомъ страхѣ и ужасѣ возвратились домой. Пораженные чудомъ, разбойники дали себѣ обѣщаніе съ этого времени болѣе не грабить, а начальникъ ихъ съ тремя товарищами, придя къ преподобному Ѳеодосію, покаялся и исповѣдалъ ему всѣ свои преступленія. Выслушавъ его, преподобный прославилъ Бога, сохранившаго не только церковное имущество, но и жизнь братіи. Отпущенные же со спасительными наставленіями игумена разбойники удалились, славя и благодаря Бога и Его угодника Ѳеодосія.

Подобное чудо во время игуменства преподобнаго Ѳеодосія имѣло мѣсто вторично въ той же монастырской церкви. Поистинѣ эта церковь охранялась съ Неба Самимъ Богомъ—какъ незримо стоящая на воздухѣ подъ покровомъ Самой Пресвятой Богородицы.

Одному изъ бояръ христолюбиваго князя Изяслава случилось разъ ночью проѣзжать черезъ поле, отстоящее поприщъ на пятнадцать отъ монастыря преподобнаго Ѳеодосія. Вдругъ онъ увидѣлъ вдалекѣ церковь, стоящую на воздухѣ подъ облаками. Отъ такого видѣнія бояринъ пришелъ въ великій ужасъ, однако съ слугами своими тотчасъ же ускорилъ бѣгъ лошади, чтобы узнать, что это была за церковь. Когда же онъ приблизился къ монастырю преподобнаго Ѳеодосія, то церковь въ его глазахъ начала спускаться на землю и оказалась въ монастырской оградѣ на своемъ мѣстѣ. Тогда бояринъ постучалъ въ ворота и, войдя въ монастырь, разсказалъ о своемъ видѣніи преподобному. Съ этого времени бояринъ сталъ часто посѣщать преподобнаго и съ наслажденіемъ слушалъ его боговдохновенныя рѣчи. Впослѣдствіи этотъ бояринъ удѣлилъ много своихъ средствъ на устроеніе монастыря и на украшеніе хранимой Богомъ церкви.

Какъ будетъ видно изъ слѣдующаго случая, Господь чудесно хранилъ не только самую церковь, но и имущество, принадлежавшее монастырю преподобнаго Ѳеодосія.

Случилось разъ, что нужно было нѣкоторымъ людямъ доставить въ городъ къ судьѣ пойманныхъ грабителей. Дорога шла мимо одного поселка, принадлежавшаго Кіево-Печерскому монастырю. Когда связанныхъ разбойниковъ проводили мимо этого села, то одинъ изъ нихъ, кивнувъ головой на село, сказалъ:

— Однажды ночью мы приходили къ этому селу, намѣреваясь убить людей и ограбить весь монастырь. Однако намъ это не удалось, потому что, когда мы пришли, селеніе оказалось стоящимъ на такой высотѣ, что къ нему совершенно нельзя было подойти.

Такъ Промыслитель Богъ охранялъ имущество монастыря, внимая молитвамъ уповавшаго на Него преподобнаго. Θеодосій имѣлъ обыкновеніе обходить по ночамъ монастырь съ молитвою и ею, какъ крѣпкой стѣной, ограждалъ обитель со всѣмъ, находящимся въ ней.

Во время игуменства преподобнаго Θеодосія Богъ и Пресвятая Богородица не только охраняли отъ грабителей монастырь, но и помогали свыше украшенію его. Одинъ бояринъ упомянутаго князя Изяслава по имени Судиславъ Геуевичъ, въ Святомъ Крещеніи—Климентъ, отправляясь съ своимъ княземъ на войну, далъ такое обѣщаніе: «Если Богъ сподобитъ меня въ добромъ здоровьѣ возвратиться домой, то я пожертвую въ церковь Θеодосіева-Печерскаго монастыря двѣ гривны[1]) золота, а для иконы Пресвятой Богородицы изготовлю золотой вѣнецъ».

Много народа пало въ этой битвѣ, но все-таки враги были побѣждены. Бояринъ, возвратившись невредимымъ съ поля битвы, забылъ о своемъ обѣщаніи.

Нѣсколько дней спустя онъ спокойно спалъ въ послѣобѣденный часъ въ своемъ домѣ, какъ вдругъ его разбудилъ страшный голосъ, называвшій его по имени:

— Климентъ!

Пробудившись, онъ увидѣлъ передъ собою икону Пресвятой Богородицы, которая находилась въ монастырѣ преподобнаго Θеодосія, и услыхалъ исходящій отъ нея голосъ:

— Почему, Климентъ, ты не пожертвовалъ Мнѣ того, что обѣщалъ; вотъ, Я и напоминаю теперь тебѣ объ этомъ; постарайся исполнить свое обѣщаніе.

Какъ только голосъ произнесъ эти слова, икона тотчасъ исчезла изъ глазъ боярина. Бояринъ страшно испугался видѣнія и при-

---

[1]) *Гривна* (отъ санскрит. griva—шея)—собственно ожерелье, цѣпочка, обыкновенно золотая, носившаяся на шеѣ въ качествѣ украшенія. Обычай носить гривну на шеѣ привился у насъ на Руси отъ татаръ. Впослѣдствіи наименованіе гривны стало усвояться слитку золота опредѣленной величины (отъ 72-хъ до 96-ти золотн.), обращавшемуся въ качествѣ монеты.

готовилъ, сколько обѣщался, золота, а также, сдѣлавъ золотой вѣнецъ для украшенія иконы Пресвятой Богородицы, немедленно же пошелъ въ монастырь и отдалъ все это преподобному Ѳеодосію.

Спустя нѣкоторое время бояринъ пожелалъ пожертвовать въ тотъ же монастырь Евангеліе. Съ этимъ намѣреніемъ онъ пришелъ къ преподобному, имѣя подъ своей одеждой приготовленное для пожертвованія Святое Евангеліе. Помолившись, они хотѣли сѣсть, но такъ какъ бояринъ все еще не показывалъ Евангелія, то преподобный сказалъ:

— Братъ Климентъ, вынь сначала обѣщанное Пресвятой Богородицѣ Святое Евангеліе, которое ты скрываешь подъ своей одеждой, и тогда сядемъ.

Услышавъ это, бояринъ ужаснулся прозорливости преподобнаго, такъ какъ онъ былъ убѣжденъ, что объ Евангеліи, которое онъ принесъ, никому ничего не было извѣстно. Тотчасъ же, вынувъ изъ-подъ одежды Святое Евангеліе, бояринъ отдалъ его преподобному. Послѣ этого они сѣли, и бояринъ, насладившись духовной бесѣдой съ Ѳеодосіемъ, возвратился домой.

Господь многими чудесами Своими доказалъ, что надежда и упованіе на Бога преподобнаго Ѳеодосія были не напрасны. Особенно замѣтно обнаруживалась божественная помощь Кіево-Печерскому монастырю тогда, когда въ монастырѣ ощущался недостатокъ въ чемъ-нибудь. Въ своей кельѣ преподобный жилъ вмѣстѣ съ инокомъ Иларіономъ; обыкновенно святый Ѳеодосій, тихо произнося стихи Псалтыри, прялъ волну или дѣлалъ еще что-нибудь, а Иларіонъ день и ночь писалъ книги. Вотъ этотъ то инокъ и разсказалъ потомъ о слѣдующемъ случаѣ.

Разъ вечеромъ, когда они, по обыкновенію, занимались каждый своимъ дѣломъ, вошелъ въ келью экономъ, по имени Анастасій, и сказалъ преподобному:

— Завтра у насъ не на что купить съѣстныхъ припасовъ для братіи, и у насъ нѣтъ денегъ для удовлетворенія другихъ потребъ монастырскихъ.

Преподобный же отвѣчалъ:

— Сейчасъ, какъ видишь, вечеръ, а завтрашній день еще далекъ. Поэтому иди и съ терпѣніемъ жди. Молись Богу: Онъ позаботится о нашихъ нуждахъ и помилуетъ насъ, если на то будетъ Его воля.

Выслушавъ это, экономъ ушелъ. Преподобный же тотчасъ всталъ и отправился во внутреннюю келью пѣть, по обыкновенію, свое правило. Возвратившись послѣ молитвы, онъ сѣлъ и продолжалъ свое дѣло. Въ келью опять вошелъ экономъ и сталъ говорить о томъ же. Тогда преподобный сказалъ ему:

— Не сказалъ ли я тебѣ,—молись Богу? Завтра иди въ городъ и возьми необходимое для братіи у торговцевъ взаймы, а потомъ, когда Богъ поможетъ, отдадимъ долгъ. Іисусъ Христосъ истинно сказалъ: не пецы́тесѧ на оу҆́трей[1]): Богъ не оставитъ насъ Своею благодатію.

Лишь только удалился экономъ, какъ въ келью вошелъ сіяющій свѣтомъ отрокъ въ воинской одеждѣ. Поклонившись, онъ положилъ на столъ близъ преподобнаго гривну золота и, ничего не сказавъ, вышелъ вонъ. Преподобный же всталъ и, взявъ золото, со слезами благодарности помолился Богу.

Наутро преподобный позвалъ привратника и спросилъ, не приходилъ ли кто въ прошедшую ночь въ монастырь. Привратникъ же отвѣчалъ:

— Нѣтъ; какъ только зашло солнце, я тотчасъ же затворилъ ворота и съ того времени не отворялъ ихъ, потому что никто не приходилъ въ монастырь.

Тогда преподобный призвалъ эконома и, отдавая ему гривну золота, сказалъ:

— Какъ же ты говоришь, братъ Анастасій, что намъ не на что купить необходимое для братіи,—вотъ, бери золото и иди покупать то, что нужно.

Экономъ же, понявъ, что это послано по милости Божіей, поклонился святому въ ноги, прося прощенія. А преподобный поучалъ его по этому случаю такъ:

— Братъ, никогда не впадай въ отчаяніе, но всегда укрѣпляйся вѣрою въ Бога и во всякой печали надѣйся на помощь Господа, ибо Онъ позаботится о насъ, если будетъ на то Его воля. Итакъ, приготовь праздничное угощеніе для братіи, потому что это есть Божіе посѣщеніе. Когда обѣднѣемъ, Богъ тогда позаботится о насъ, какъ было и сегодня.

Подобнымъ же образомъ пришелъ однажды къ преподобному келарь, именемъ Θеодоръ, и сказалъ:

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 6, ст. 34.

— У меня нѣтъ ничего съѣстнаго, что я могъ бы предложить братіи къ обѣду.

Преподобный же, какъ и въ тотъ разъ, отвѣчалъ:

— Иди, потерпи немного и молись Богу; Онъ позаботится о насъ; а если мы не будемъ достойны Его милости, то подай къ обѣду вареную пшеницу съ медомъ. Но мы должны надѣяться, что Господь, въ пустынѣ пославшій хлѣбы непокорнымъ людямъ[1]), можетъ и намъ подать пищу.

Выслушавъ это, келарь удалился, а преподобный сталъ усердно молиться Богу. И вотъ, по тайному внушенію Божію, первый бояринъ князя Изяслава, по имени Іоаннъ, прислалъ преподобному въ монастырь три полныхъ воза со съѣстными припасами — хлѣбомъ, рыбой, овощами, пшеномъ и медомъ. Получивъ все это, преподобный прославилъ Бога, а келарю сказалъ:

— Видишь, братъ Ѳеодоръ, Богъ не оставитъ насъ, если только мы будемъ надѣяться на Него всѣмъ сердцемъ. Итакъ, иди и приготовь угощеніе братіи, такъ какъ это посѣщеніе Божіе.

Такъ радовался духовно преподобный съ братіею во время трапезы и благодарилъ Бога за то, что нѣ́сть лише́нїѧ бо́ѧщымсѧ є҆гѡ̀[2]). Подобныя чудеса Богъ часто творилъ въ Кіево-Печерской обители по молитвѣ преподобнаго.

Однажды пришелъ изъ города къ преподобному священникъ съ просьбой одолжить вина дня совершенія Божественной Литургіи. Тотчасъ же святый Ѳеодосій призвалъ церковнаго старосту и велѣлъ ему наполнить виномъ сосудъ, съ которымъ пришелъ священникъ. Староста же сказалъ, что у нихъ у самихъ такъ мало вина, что его едва хватитъ на совершеніе трехъ-четырехъ Литургій. Преподобный же отвѣчалъ ему:

— Вылей все вино этому человѣку, а о насъ позаботится Самъ Богъ.

Староста, отойдя въ сторону и не послушавшись приказанія святаго, отлилъ немного вина въ сосудъ священника, а остальное приберегъ себѣ на завтра для совершенія Божественной службы. Тогда священникъ пошелъ и показалъ преподобному, какъ мало отлилъ ему вина староста. Преподобный вновь позвалъ старосту и сказалъ ему:

---

[1]) См. Кн. Исх., гл. **16**, ст. 15.

[2]) Псал. **33**, ст. 10.

— Не говорилъ ли я тебѣ, чтобы ты отдалъ все вино, а о завтрашнемъ днѣ не заботился? Господь не допуститъ, чтобы церковь Его Матери осталась завтра безъ службы; Онъ еще сегодня пошлетъ вина съ избыткомъ.

Тогда староста отдалъ священнику все свое вино и отпустилъ его. Между тѣмъ, послѣ обѣда къ вечеру по предсказанію преподобнаго привезли три воза бочонковъ, наполненныхъ виномъ. Это прислала въ даръ монастырю одна домоуправительница христолюбиваго князя Всеволода. Видя совершившееся, церковный староста прославилъ Бога, дивясь исполненію предсказанія преподобнаго Θеодосія, который сказалъ, что Богъ сегодня же пошлетъ въ обитель вина съ избыткомъ.

Тотъ же церковный староста былъ свидѣтелемъ и другого подобнаго чуда, совершившагося по молитвамъ преподобнаго. Случилось это такъ.

Когда подъ праздникъ Успенія Пресвятой Богородицы не оказалось масла, необходимаго для возженія церковныхъ лампадъ, церковный староста рѣшилъ приготовить его изъ сѣмянъ и этимъ масломъ замѣнить при Богослуженіи деревянное. Староста спросилъ разрѣшенія на это у преподобнаго Θеодосія, а такъ какъ тотъ ничего не возразилъ ему, то староста и поступилъ такъ, какъ задумалъ. Но когда онъ намѣревался влить приготовленное масло въ лампады, то увидѣлъ, что въ сосудѣ съ масломъ плаваетъ мертвая мышь. Тогда староста поспѣшно пошелъ къ преподобному и сказалъ:

— Я тщательно покрылъ сосудъ съ приготовленнымъ мною масломъ и не знаю, какъ могла попасть туда мышь.

Преподобный же, понявъ, что это случилось по усмотрѣнію Промысла Божія, сказалъ старостѣ:

— Намъ слѣдовало бы надѣяться на Бога, что Онъ подастъ намъ все нужное, и нехорошо было дѣйствовать безъ вѣры въ всемогущество Господне: иди и вылей масло на землю. Немного подождемъ и помолимся Богу; Онъ сегодня же дастъ намъ деревяннаго масла въ избыткѣ.

Староста сдѣлалъ, какъ ему было сказано, преподобный же, между тѣмъ, сталъ молиться. Къ вечеру одинъ богатый человѣкъ дѣйствительно привезъ въ даръ монастырю очень большую бочку деревяннаго масла. Преподобный прославилъ Бога, такъ скоро услышавшаго его молитву. Полученнымъ масломъ не только на-

полнили всѣ лампады, но его осталось еще больше половины. Такимъ образомъ братія отпраздновали съ должной торжественностью свѣтлый праздникъ Успенія Пресвятой Богородицы.

Вотъ еще одно изъ подобныхъ же чудесъ, посредствомъ которыхъ Господь по молитвѣ преподобнаго Θеодосія удовлетворялъ насущныя нужды обители. Христолюбивый князь Изяславъ, питавшій къ преподобному Θеодосію истинно христіанскую любовь, часто посѣщалъ его, находя наслажденіе въ его пріятной бесѣдѣ. Въ одно такое посѣщеніе онъ незамѣтно пробесѣдовалъ съ нимъ до времени вечерняго пѣнія; затѣмъ князь вмѣстѣ съ преподобнымъ пошелъ въ церковь. По устроенію Божію, вдругъ въ это время пошелъ сильный дождь. Замѣтивъ это, преподобный, призвавъ ключаря, велѣлъ ему приготовить обѣдъ для князя.

— Отче,—сказалъ ключарь,—у насъ совсѣмъ нѣтъ меда, чтобы угостить князя и его спутниковъ.

Тогда преподобный спросилъ:

— Неужели у тебя нѣтъ хотя бы немного?

— Да, отче, совсѣмъ нѣтъ,—отвѣчалъ ключарь;—я даже порожній сосудъ, въ которомъ былъ напитокъ, перевернулъ, поставивъ его дномъ кверху.

Преподобный же Θеодосій, преисполненный благодатныхъ даровъ, какъ на то указываетъ и самое имя его[1]), сказалъ:

— Пусть такъ. Однако же ступай, согласно моему приказанію и по вѣрѣ въ могущество Имени Господа нашего Сладчайшаго Іисуса Христа, ты найдешь медъ въ томъ сосудѣ.

Ключарь пошелъ съ вѣрою во всемогущество Господа и увидѣлъ, что бочонокъ стоитъ на своемъ мѣстѣ и наполненъ медомъ, какъ предсказалъ преподобный. Ключарь въ страхѣ поспѣшилъ разсказать преподобному о происшедшемъ.

— Молчи,—сказалъ ему преподобный,—и не разсказывай объ этомъ никому. Иди и подавай тотъ медъ князю и его спутникамъ; пусть кушаютъ сколько хотятъ. Угости этимъ медомъ и братію: это вѣдь благословеніе Божіе.

Спустя нѣкоторое время дождь пересталъ лить, и князь отправился домой. Въ монастырѣ же осталось еще столько меда, что его хватило братіи на долгое время.

---

1) *Θеодосій* въ переводѣ съ греческаго значитъ: «данный отъ Бога»; въ переносномъ смыслѣ: *надѣленный дарами отъ Бога*.

Въ другой разъ къ преподобному пришелъ однажды старшій пекарь и сказалъ, что въ монастырѣ нѣтъ муки для печенія хлѣбовъ.

— Иди и осмотри житницу,—отвѣчалъ ему преподобный,— можетъ быть, найдешь тамъ немного муки, и намъ какъ-нибудь хватитъ до тѣхъ поръ, пока Господь опять не позаботится о насъ.

Пекарь же сказалъ преподобному:

— Я говорю тебѣ правду, отче: я самъ мелъ житницу, но тамъ ничего нѣтъ, кромѣ оставшихся въ углу трехъ-четырехъ горстей отрубей.

Тогда преподобный сказалъ ему:

— Вѣрь мнѣ, сынъ, что Богъ можетъ и эти оставшіеся отруби обратить въ муку и ею наполнить нашу житницу, подобно тому какъ при Иліи[1]) Онъ изъ одной горсти сотворилъ столько муки, что вдова съ дѣтьми питалась ею въ голодное время до тѣхъ поръ, пока урожай не доставилъ въ избыткѣ хлѣба всѣмъ[2]). И теперь Богъ столь же могущественен, что можетъ сотворить намъ изъ недостатка избытокъ. Итакъ, иди и посмотри, не благословитъ ли Господь милостью и то мѣсто, гдѣ хранится у насъ мука.

Выслушавъ эти слова, пекарь ушелъ. Войдя затѣмъ въ житницу, онъ увидѣлъ, что, пустой прежде, амбаръ теперь по молитвѣ преподобнаго Ѳеодосія былъ такъ переполненъ, что мука сыпалась на землю черезъ края его стѣнъ. Инокъ ужаснулся, увидя столь славное чудо; возвратившись, онъ разсказалъ все преподобному.

— Иди, братъ,—сказалъ ему преподобный,—и не говори никому о случившемся, пеки по обыкновенію свои хлѣбы. Эту милость послалъ намъ Богъ по молитвамъ святыхъ братій нашихъ.

Хваля и благодаря Бога за Его такія великія благодѣянія, преподобный отецъ нашъ Ѳеодосій всѣ ночи проводилъ въ молитвахъ: обливаясь слезами и падая на колѣни, онъ благодарилъ Бога за Его великія благодѣянія. Братія обители, приходившіе къ преподобному ежедневно предъ Утреней брать благословеніе для

---

[1]) *Илія*—славнѣйшій изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, грозный обличитель нечестія и идолопоклонства во времена нечестиваго царя Израильскаго Ахава и его жены Іезавели. Онъ былъ родомъ изъ галилейскаго города Ѳесвы, почему и называется Ѳесвитяниномъ. За свое ревностное служеніе Имени Божію, Илія былъ взятъ живымъ на Небо (4 Кн. Царствъ, гл. **2**, ст. 1—15). Исторія его жизни и дѣятельности излагается въ концѣ 3-ей и началѣ 4-ой книги Царствъ. Память его празднуется св. Церковію 20-го іюля.

[2]) 3 Кн. Царствъ, гл. **17**, ст. 8—16.

начала Богослуженія, всегда слышали изъ-за двери, какъ игуменъ весь въ слезахъ творитъ молитву, часто ударяя головою о землю. Преподобный же, услышавъ шаги ихъ, умолкалъ и принималъ видъ спящаго, такъ что братіямъ приходилось иногда раза по три стучать въ дверь, произнося каждый разъ слова:

— Благослови, отче!

Тогда преподобный, показывая видъ, что онъ только что проснулся, отвѣчалъ:

— Богъ да благословитъ васъ!

И, давъ благословеніе, прежде всѣхъ приходилъ въ церковь. Разсказывали, что онъ поступалъ такъ каждую ночь.

Кромѣ этихъ подвиговъ, преподобный во время своего игуменства подвизался и во многихъ другихъ трудахъ. Его никогда не видѣли отдыхавшимъ на постели, а когда по немощи тѣлесной ему необходимо было отдохнуть послѣ дневныхъ молитвъ, то онъ засыпалъ лишь на короткое время и то сидя; затѣмъ онъ вскорѣ же просыпался и шелъ ко Всенощной, гдѣ молился, часто преклоняя колѣна. Также никогда не видѣли его моющимъ свое тѣло для удовольствія; онъ омывалъ водой только руки и лицо. А когда иноческій уставъ предписывалъ братіи сухоядѣніе, то онъ самъ тоже вкушалъ сухой хлѣбъ и похлебку, сваренную на маслѣ, и пилъ лишь одну воду. Тѣмъ болѣе никогда не видѣли его печально сидящимъ за трапезой: онъ всегда имѣлъ веселое лицо, потому что его сердце укрѣплялось не пищей, а благодатью Божіей.

Каждый годъ преподобный переселялся на время Великаго Поста въ пещеру (гдѣ впослѣдствіи было положено честное тѣло его) и тамъ затворялся до наступленія Недѣли Ваій (Цвѣтоносной); въ пятницу передъ Цвѣтоносной Недѣлей во время Вечерни онъ возвращался къ братіи. Братія думали, что онъ безвыходно живетъ въ извѣстной имъ пещерѣ, а на самомъ дѣлѣ ночью, тайно ото всѣхъ, онъ уходилъ въ одно монастырское село и тамъ въ другой пещерѣ, находящейся въ скрытомъ мѣстѣ, пребывалъ одинъ, такъ что никто, кромѣ Бога, не зналъ о его дѣйствительномъ мѣстопребываніи. Оттуда передъ пятницею на Шестой недѣлѣ Великаго Поста онъ опять ночью уходилъ въ первую пещеру, изъ которой въ пятницу и выходилъ къ братіи, такъ что всѣ думали, что онъ весь постъ пребывалъ въ извѣстной имъ пещерѣ.

Много скорбей и суетныхъ мыслей внушали тогда преподобному въ пещерѣ злые духи, которые иногда наносили ему даже

раны. Но Богъ подавалъ ему невидимую силу для побѣды надъ ними, и духи никакъ не могли заставить блаженнаго уйти изъ пещеры. Преподобный пребывалъ одинъ въ темной пещерѣ и не страшился множества полковъ князя тьмы. Но самъ, какъ добрый воинъ Христовъ, молитвой и постомъ отгонялъ демоновъ отъ себя такъ, что они не смѣли потомъ къ нему приблизиться и только издали показывались ему въ призрачныхъ видахъ.

Разъ послѣ вечерняго пѣнія въ пещерѣ Ѳеодосій сѣлъ, желая немного отдохнуть. Вдругъ раздался страшный вопль. Казалось, въ пещерѣ собралось множество бѣсовъ: причемъ одни ѣздили на колесницахъ, другіе били въ тимпаны, третьи играли въ свирѣли. Отъ шума и голосовъ содрогалась вся пещера. Слыша все это, преподобный не испугался, не ужаснулся, но, оградивъ себя, какъ оружіемъ, крестнымъ знаменіемъ, всталъ и началъ пѣть стихи изъ Псалтыри. Землетрясеніе и шумъ тотчасъ прекратились. Но когда послѣ молитвы онъ опять сѣлъ отдохнуть, опять послышался прежній шумъ и голосъ безчисленныхъ бѣсовъ. Преподобный, вставъ, опять началъ пѣть, и опять шумъ прекратился. Такъ много дней и ночей безпокоили его злые духи, не давая ему заснуть хоть немного. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока преподобный при помощи благодати Божіей окончательно ихъ не побѣдилъ и не получилъ надъ ними такую власть, что они уже не осмѣливались приблизиться къ тому мѣсту, гдѣ преподобный стоялъ на молитвѣ. Сами бѣсы стали бѣгать отъ него, какъ это подтверждаютъ многочисленные нижеприводимые случаи.

Въ помѣщеніи, гдѣ пеклись для братіи хлѣбы, бѣсы немало досаждали братіи своими кознями: то разсыпали муку, то проливали квасъ, приготовленный для хлѣбовъ, дѣлали и многія другія непріятности братіи. Однажды старшій пекарь разсказалъ о козняхъ демоновъ преподобному Ѳеодосію. Тогда послѣдній отправился въ то помѣщеніе и, затворивъ за собою двери, пробылъ тамъ до Утрени, все время молясь Богу. Съ того часа бѣсы навсегда оставили это мѣсто въ покоѣ и не дѣлали уже тамъ ничего злого.

Въ другой разъ пришелъ однажды къ преподобному братъ изъ монастырскаго села и разсказалъ ему, что въ хлѣвѣ, куда загоняли скотъ, появились бѣсы, которые причиняли большой вредъ, не давая скоту ѣсть. Многократно священникъ читалъ молитву и окроплялъ помѣщеніе для скота святою водою, но ничто не помогало. Тогда преподобный, подкрѣпившись молитвой и постомъ,

отправился въ то село. Съ наступленіемъ вечера онъ вошелъ въ хлѣвъ, затворилъ за собой двери и пробылъ тамъ на молитвѣ до утра. Съ того часа бѣсы уже не появлялись въ этомъ мѣстѣ и никому въ томъ селѣ не могли сдѣлать ничего злого.

Преподобный не только самъ побѣждалъ бѣсовскую силу, но и другихъ училъ, какъ избавиться отъ демоновъ. Если онъ узнавалъ, что кто-нибудь изъ братіи страдалъ отъ бѣсовъ, то училъ такого брата не уходить съ того мѣста, но ограждать себя молитвой и постомъ и призывать Бога для побѣды надъ демонами.

Преподобный такъ поучалъ братію по поводу козней діавольскихъ:

— Сначала и со мной случалось подобное. Разъ ночью, когда я пѣлъ въ кельѣ обычные Псалмы, вдругъ передо мной появился черный песъ и притомъ такъ близко, что я не могъ сотворить земного поклона. Долго стоялъ онъ такъ, и я уже хотѣлъ его ударить, какъ вдругъ онъ исчезъ. Меня охватилъ тогда такой страхъ и трепетъ, что я намѣревался бѣжать съ того мѣста, если бы Господь не помогъ мнѣ. Немного придя въ себя отъ ужаса, я началъ усердно молиться и класть частые поклоны. Съ тѣхъ поръ я совершенно пересталъ бояться бѣсовскихъ навожденій, хотя бы бѣсы и являлись передъ моими глазами.

Одинъ изъ братіи — Иларіонъ (о которомъ было упомянуто выше)—разсказалъ слѣдующее:

— Много зла мнѣ дѣлали въ кельѣ бѣсы. Такъ, когда я ложился ночью спать, являлось вдругъ множество бѣсовъ, которые, схвативъ меня за волосы и наступая на меня ногами, волокли меня по земли; другіе же изъ бѣсовъ, поднявъ стѣну, говорили: «Подтащимъ его сюда и задавимъ стѣною». Подобное продѣлывали они со мною всѣ ночи, а я, не будучи въ состояніи терпѣть это, пошелъ и разсказалъ все преподобному Ѳеодосію, намѣреваясь переселиться оттуда въ другую келью. Преподобный же сказалъ мнѣ:

«Нѣтъ, братъ, не уходи, чтобы бѣсы не могли похвалиться побѣдой надъ тобой и сказать, что ты бѣжалъ отъ нихъ. Если ты уйдешь, то бѣсы съ той поры будутъ дѣлать тебѣ еще больше зла—какъ получившіе власть надъ тобою. Усердно молись въ своей кельѣ, и Богъ, увидѣвъ твое терпѣніе, поможетъ тебѣ побѣдить ихъ такъ, что они не посмѣютъ и приблизиться къ тебѣ.

Я же вновь сказалъ преподобному:

— Молю тебя, отче, позволь перейти въ другую келью; теперь ужъ у меня нѣтъ никакихъ силъ оставаться болѣе въ старой кельѣ, потому что тамъ живетъ множество бѣсовъ.

Тогда преподобный, осѣнивъ меня крестнымъ знаменіемъ, сказалъ:

— Иди, братъ, въ свою келью. Съ этого времени лукавые бѣсы не посмѣютъ причинять тебѣ никакого зла.

Я съ вѣрой выслушалъ слова святаго Θеодосія и, поклонившись преподобному, вышелъ. Съ того времени дерзкіе бѣсы уже не осмѣливались приблизиться къ моей кельѣ, будучи разъ навсегда отогнаны молитвами преподобнаго Θеодосія.

Насколько преподобный Θеодосій былъ настойчивъ въ борьбѣ съ невидимыми врагами, настолько же мужественен въ борьбѣ съ видимыми врагами Христа Господа. Онъ имѣлъ такой обычай: часто, вставъ ночью, тайно отъ всѣхъ отправлялся онъ къ евреямъ и тамъ мужественно вступалъ съ ними въ споръ о Христѣ. Онъ укорялъ и обличалъ ихъ, называя ихъ преступниками Закона и Богоубійцами. Онъ, какъ истинный подражатель Христа, страстно желалъ принять смерть за исповѣданіе Имени Его именно отъ тѣхъ людей, отъ которыхъ принялъ смерть и Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ.

Что этотъ мужественный исповѣдникъ Имени Христова дѣйствительно имѣлъ желаніе пострадать за правду,—подтверждаетъ слѣдующій случай.

Во время его игуменства невидимый врагъ, князь тьмы, возбудилъ распрю между тремя русскими князьями. Два брата по плоти — Святославъ, князь Черниговскій, и Всеволодъ Переяславскій — подняли неправую войну на своего старшаго брата, христолюбиваго князя Изяслава Кіевскаго, и прогнали его изъ стольнаго града Кіева[1]). Сѣвъ на его мѣсто въ Кіевѣ, они послали просить преподобнаго Θеодосія зайти къ нимъ на обѣдъ. Преподобный же съ мужествомъ и рѣшимостью отвѣчалъ на ихъ приглашеніе:

— Мнѣ не достойно идти на трапезу неправды, какъ на трапезу Іезавели[2]).

---

1) *Святославъ II Ярославичъ* княжилъ въ Кіевѣ съ 1073 г. по 1076 г., а *Всеволодъ I Ярославичъ* — съ 1078 г. по 1093 г.

2) *Іезавель*—жена Израильскаго царя Ахава, отличавшаяся крайнимъ нечестіемъ и распутствомъ. Слѣпо подчиняясь ея вліянію, Ахавъ превзошелъ нечестіемъ всѣхъ своихъ предшественниковъ и предался самому постыдному идолопоклонству. Онъ построилъ въ Самарін храмъ Ваалу, насадилъ священныя рощи, позволилъ Іезавели воздвигнуть олтари

Когда же Всеволодъ удалился въ свою Переяславскую область, а Святославъ сѣлъ въ Кіевѣ на мѣсто Изяслава, преподобный Ѳеодосій началъ безпрестанно обличать князя Святослава въ томъ, что онъ не по праву сѣлъ на братній престолъ. Приходившихъ къ нему княжескихъ пословъ преподобный просилъ передать князю, что онъ не одобряетъ его поступка. Однажды онъ послалъ ему большое обличительное письмо, въ которомъ между прочимъ писалъ: «Голосъ крови единоутробнаго брата твоего вопіетъ на тебя къ Богу, какъ кровь Авелева на Каина»[1]).

Въ поученіе ему онъ напоминалъ въ письмѣ имена многихъ нечестивыхъ древнихъ братоубійцъ. Князь Святославъ такъ разгнѣвался, прочитавъ это письмо, что съ гнѣвомъ бросилъ его на землю и съ того времени сталъ искать случая заточить преподобнаго Ѳеодосія въ монастырь. Братія же обители, сильно опечаленная намѣреніемъ князя, упрашивала преподобнаго прекратить обличенія князя. Точно такъ же и многіе бояре, посѣщавшіе преподобнаго, передавая ему о княжескомъ гнѣвѣ, совѣтовали не противорѣчить князю.

— Вѣдь князь,—говорили они,—намѣренъ тебя заточить.

Преподобный же, слыша, что они говорятъ о заточеніи, возрадовался душею и сказалъ:

— Я весьма радуюсь этому, братія! Нѣтъ для меня въ жизни ничего пріятнѣе, какъ быть изгнаннымъ за правду; за нее я готовъ идти и въ заточеніе, и на смерть.

Съ того времени преподобный еще больше сталъ укорять князя въ ненависти къ брату, какъ бы желая вызвать этимъ распоряженіе о своемъ заточеніи. Несмотря на свой гнѣвъ, князь не осмѣлился сдѣлать преподобному какого-нибудь зла, зная его праведность и святость, такъ какъ онъ ранѣе завидовалъ своему брату князю Изяславу въ томъ, что онъ имѣлъ въ своей области такого праведника, какимъ былъ великій Ѳеодосій. Вскорѣ послѣ этого преподобный Ѳеодосій, понявъ, что его жестокіе укоры не имѣютъ успѣха у князя, снисходя къ просьбамъ братіи и вельможъ, пересталъ обличать князя и началъ съ этого времени со слезами убѣждать его, чтобы онъ возвратилъ своему брату его область.

божествамъ Тирскимъ и Сидонскимъ (3 Кн. Царствъ, гл. 16. ст. 31—33). Іезавель содержала четыреста ложныхъ пророковъ, которые питались отъ ея стола (3 Кн. Царствъ, гл. 18, ст. 19). Очевидно эту именно «трапезу» и разумѣетъ въ данномъ случаѣ святый Ѳеодосій.

[1]) См.: Кн. Быт., гл. 4, ст. 10.

Когда спустя нѣсколько дней послѣ этого князь Святославъ узналъ о намѣреніи преподобнаго Ѳеодосія прекратить обличенія, онъ очень обрадовался этому и послалъ спросить преподобнаго: разрѣшитъ ли онъ придти ему въ монастырь, или нѣтъ. А когда тотъ разрѣшилъ, князь съ радостью отправился вмѣстѣ съ боярами въ монастырь. Преподобный съ братіею, выйдя изъ церкви, встрѣтилъ князя съ честью, такъ что всѣ братія поклонились князю.

— Я не осмѣливался придти къ тебѣ, отче, думая, что ты, гнѣваясь, не пустишь меня въ свой монастырь, — сказалъ князь преподобному.

Преподобный же отвѣчалъ ему:

— Что значитъ, благій владыко, нашъ гнѣвъ при твоей власти? Но намъ подобаетъ обличать и говорить то, что спасительно для души, вамъ же слѣдуетъ слушать это.

Они вошли въ церковь и помолились, а затѣмъ преподобный Ѳеодосій долго поучалъ его отъ Божественнаго Писанія, разсуждая о братской любви, такъ какъ князь винилъ во многомъ своего брата. Послѣ продолжительной душеполезной бесѣды князь возвратился къ себѣ домой, славя Бога за то, что сподобился бесѣдовать съ таковымъ мужемъ, и съ тѣхъ поръ сталъ часто посѣщать его обитель. Многократно и самъ преподобный Ѳеодосій ходилъ потомъ къ сему державному князю Святославу, напоминая ему о страхѣ Божіемъ и любви къ брату.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній преподобный встрѣтилъ у князя музыкантовъ, игравшихъ на разныхъ инструментахъ. Всѣ веселились. Долго преподобный, потупивъ глаза, молча сидѣлъ подлѣ князя; потомъ сказалъ:

— Будетъ ли такъ на томъ свѣтѣ?

Умиленный князь прослезился и тотчасъ велѣлъ играющимъ прекратить музыку. И съ тѣхъ поръ, когда преподобному приходилось заставать музыку во дворцѣ, князь, узнавъ о приходѣ блаженнаго, тотчасъ же приказывалъ прекратить ее.

Когда князя извѣщали о приходѣ преподобнаго, то нерѣдко онъ самъ выходилъ съ радостнымъ лицомъ и встрѣчалъ его передъ дверьми дворца. Исполняясь радости, князь говорилъ пришедшему преподобному:

— Отецъ, воистину говорю тебѣ,—если бы мнѣ сказали, что отецъ родной возсталъ изъ мертвыхъ, я бы не обрадовался такъ,

какъ твоему приходу, но въ то же время и не боялся бы его такъ, какъ боюсь твоей святой души.

— Если это такъ, какъ ты говоришь,—отвѣчалъ преподобный,— то исполни мою просьбу: возврати своему брату престолъ, который отдалъ ему благовѣрный твой отецъ.

Князь молчалъ на это, не зная, что отвѣтить святому; такъ сильно врагъ разжегъ его гнѣвомъ, что онъ не хотѣлъ даже и слышать о братѣ. Впрочемъ, преподобный Ѳеодосій молился Богу день и ночь о христолюбивомъ князѣ Изяславѣ и на церковныхъ службахъ приказывалъ поминать его какъ законнаго Кіевскаго князя и старшаго брата, а Святослава, какъ незаконно сѣвшаго на братній престолъ, запрещалъ поминать въ своемъ монастырѣ. И только потомъ, упрошенный братіею, преподобный велѣлъ поминать ихъ обоихъ, но все-таки Изяслава первымъ, а Святослава вторымъ.

Не желая быть свидѣтелемъ такой распри между русскими князьями, вышеупомянутый блаженный Никонъ (постригшій преподобнаго Ѳеодосія и впослѣдствіи во всемъ ему помогавшій) вторично удалился изъ Печерскаго монастыря на полуостровъ Тмутаракань, гдѣ и основалъ свой монастырь. Преподобный же Ѳеодосій послѣ его ухода по-прежнему уже одинъ продолжалъ свои труды.

Такъ какъ во время его игуменства увеличилось число братіи настолько, что ветхій Кіево-Печерскій монастырь оказался слишкомъ тѣснымъ для братіи, то преподобный отецъ нашъ Ѳеодосій началъ помышлять о томъ, какъ бы и куда бы съ Божьей помощью переселиться на болѣе обширное мѣсто и тамъ построить бо́льшую каменную церковь тоже во имя Пресвятой Богородицы. Богъ внялъ молитвѣ праведника, одобрилъ выбранное имъ для переселенія мѣсто и благословилъ постройку большой каменной церкви. Свою волю Господь обнаружилъ дивными чудесами.

Одинъ благочестивый и богобоязненный человѣкъ шелъ разъ темной ночью мимо ветхаго Кіево-Печерскаго монастыря и видѣлъ слѣдующее. Отъ монастыря исходилъ яркій свѣтъ, а преподобный Ѳеодосій стоялъ передъ церковью, воздѣвъ къ Небу руки и возносся къ Богу молитву. Прохожій продолжалъ еще съ удивленіемъ смотрѣть на это, какъ вдругъ видѣніе измѣнилось, и онъ увидѣлъ другое чудо: надъ церковной крышей показалось очень большое пламя и, принявъ видъ дуги, перешло на другой холмъ, именно

на тотъ, на которомъ преподобный Θеодосій началъ потомъ строить новую каменную церковь. И, такимъ образомъ, одинъ край огненной дуги стоялъ надъ старой церковью, а другой надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ предполагалось построить новый храмъ. Видѣвшій это чудо впослѣдствіи повѣдалъ о немъ въ монастырѣ преподобнаго Θеодосія.

Въ другой разъ ночью окрестные жители были разбужены пѣніемъ множества голосовъ, слышавшихся близъ обители. Они встали и, выйдя изъ домовъ своихъ, пошли на возвышенное мѣсто посмотрѣть, откуда именно слышатся эти голоса. Тогда они увидѣли слѣдующее. Ветхій Кіево-Печерскій монастырь былъ залитъ яркимъ свѣтомъ; множество иноковъ, выходя изъ старой церкви, шли на новое мѣсто: одни несли икону Пресвятой Богородицы, а прочіе съ пѣснопѣніями сопутствовали первымъ, неся въ рукахъ зажженныя свѣчи. Во главѣ всѣхъ шелъ отецъ и наставникъ иноковъ преподобный Θеодосій. Дойдя до новаго мѣста, они сотворили на немъ пѣніе и молитву, а затѣмъ, возвратившись назадъ, съ пѣніемъ опять вошли въ старую церковь. Множество свидѣтелей удостовѣряло потомъ дѣйствительность этого чуда. А такъ какъ въ вышеупомянутомъ шествіи не участвовалъ ни одинъ инокъ, то всѣ поняли, что люди эти видѣли Ангеловъ.

На ознаменованномъ Богомъ столь великими чудесами мѣстѣ стала строиться, такимъ образомъ, каменная церковь во имя Пресвятой Богородицы [1]). Въ постройкѣ этой церкви принималъ боль-

[1]) Храмъ заложенъ былъ въ 1073 году. Преподобный Θеодосій не успѣлъ докончить постройку храма и монастыря. Ее довели до конца преемники Θеодосія: *Стефанъ* (бывшій игуменомъ съ 1074 г. до 1078 г.), *Никонъ* (управлявшій монастыремъ съ 1078 г. до 1088 г.) и *Іоаннъ* (избранный въ игумены въ 1088 г. или 1089 г.). Каменная церковь новаго монастыря, заложенная преподобнымъ Θеодосіемъ, была окончена кладкой при Стефанѣ въ 1075 г., но, вѣроятно, по причинѣ недостатка денежныхъ средствъ для отдѣлки, производившейся медленно, она была освящена только чрезъ 14 лѣтъ, въ 1089 г. Въ 1108 г. была окончена постройка трапезной для братіи, а въ 1182 г. монастырь былъ обнесенъ каменной стѣной. Старый монастырь послѣ постройки новаго не былъ уничтоженъ, а продолжалъ существовать съ небольшимъ числомъ оставшейся въ немъ братіи; пещера же, при которой находился этотъ монастырь, послѣ того какъ вышли изъ нея братія, стала служить для монастыря усыпальницей, или кладбищемъ.—Въ 1240 г. Кіево-Печерскій монастырь былъ въ значительной степени разрушенъ Татарами. Возстановленіе монастыря послѣдовало въ концѣ XIII в. Въ современномъ своемъ видѣ монастырь сохранилъ отъ домонгольскаго періода только нижнюю часть *Великой*, или главной, церкви и, можетъ быть, надвратную церковь въ честь Святой Троицы. Нынѣшнія каменныя стѣны монастыря построены на мѣсто деревянныхъ (замѣнившихъ собою разрушенныя Татарами каменныя стѣны) въ концѣ XVII в, и вообще всѣ современыя зданія монастыря выстроены въ XVIII в. (за исключеніемъ упомянутой нижней части главной церкви и надвратной церкви въ честь Святой Троицы).

шое участіе своими трудами и самъ преподобный Ѳеодосій: онъ ежедневно приходилъ туда, тщательно наблюдалъ за работами и, насколько возможно, помогалъ строить, работая вмѣстѣ съ каменщиками. Во время работы онъ такъ плохо одѣвался, что его можно было принять за послѣдняго послушника, но никакъ не за игумена.

Однажды, когда преподобный шелъ на постройку церкви, встрѣтила его одна вдова, обиженная судьей, и спросила:

— Чернецъ, скажи мнѣ, гдѣ вашъ игуменъ? Не въ монастырѣ ли онъ?

— Что тебѣ нужно отъ него?—отвѣчалъ преподобный.—Вѣдь онъ тоже грѣшный человѣкъ.

Женщина же отвѣтила на это:

— Я не знаю, грѣшенъ ли онъ, или нѣтъ; знаю только то, что онъ многихъ избавляетъ отъ печали и зла. Поэтому я и иду просить его, чтобы онъ защитилъ меня отъ обидъ несправедливаго судіи.

Преподобный же, разузнавъ ея дѣло, сжалился надъ ней и сказалъ:

— Иди теперь домой, а когда возвратится нашъ игуменъ, я скажу ему о тебѣ, и онъ избавитъ тебя отъ бѣды.

Выслушавъ его, женщина пошла домой, а преподобный отправился къ судьѣ. Внявъ просьбамъ святаго Ѳеодосія, судья вошелъ въ положеніи вдовы и, сдѣлавъ снисхожденіе, возвратилъ ей все, въ чемъ она была имъ обижена.

Такими и подобными этому достойными праведника дѣлами преподобный Ѳеодосій сопровождалъ постройку печерской церкви во имя Пресвятой Богородицы. Онъ окончательно не отстроилъ этой церкви при жизни своей, но и послѣ смерти своими, угодными Богу, молитвами помогалъ въ этомъ преподобному Стефану, который послѣ него принялъ игуменство и продолжилъ начатую святымъ Ѳеодосіемъ постройку храма.

Между тѣмъ богоугодная жизнь преподобнаго отца нашего Ѳеодосія стала склоняться къ закату. Предчувствуя свое отшествіе къ Богу, преподобный въ день своей кончины велѣлъ собрать всю братію, позвавъ къ себѣ не только находящихся въ монастырѣ, но и всѣхъ почему-либо отсутствовавшихъ и занятыхъ дѣломъ и даже всю монастырскую прислугу. Когда всѣ собрались, онъ началъ убѣждать каждаго со всякимъ усердіемъ и страхомъ Божіимъ исполнять порученныя ему обязанности. Со слезами говорилъ онъ

о спасеніи души, о богоугодной воздержной жизни, объ усердномъ посѣщеніи церкви, о благоговѣйномъ страхѣ, съ которымъ всѣ должны стоять на Богослуженіи, о любви и покорности въ отношеніи не только къ старшимъ, но и къ своимъ сверстникамъ. Сказавъ объ обязанностяхъ каждаго, онъ благословилъ братію и отпустилъ ее съ миромъ. Затѣмъ пришелъ посѣтить преподобнаго благочестивый князь Святославъ. Его онъ училъ своими благодатными устами благочестію, охраненію Православія и попеченію о святыхъ церквахъ. Затѣмъ онъ сказалъ ему:

— Я буду молиться Господу Богу и Его Всенепорочной Матери о укрѣпленіи тебя въ благочестіи. Дай Богъ, чтобы правленіе твое было тихо и безмятежно. И вотъ, я поручаю твоему благочестію этотъ святой Кіево-Печерскій монастырь и храмъ Пресвятой Богородицы, по Ея волѣ созданный.

Перемежающіеся страшный ознобъ и болѣзненный палящій жаръ такъ разслабили тѣло преподобнаго, что онъ долженъ былъ лечь въ постель, на которую никогда прежде не ложился. Въ постели онъ говорилъ:

— Да будетъ воля Божія! Какъ Господь соизволитъ, такъ пусть Онъ и творитъ! Но молю Тебя, Владыко мой, Іисусе Христе, будь милостивъ къ душѣ моей: пусть избѣгнетъ она лукавыхъ демоновъ, пусть встрѣтятъ ее Твои Ангелы и, проведя мимо воздушныхъ мытарствъ, пусть представятъ ее къ свѣту Твоего милосердія!

Сказавъ это, онъ умолкъ.

Три дня преподобный не могъ ни говорить, ни открыть глазъ, такъ что его можно было принять за умершаго, если бы не было замѣтно слабаго дыханія на устахъ его. Опасная болѣзнь святаго старца причиняла братіи великую скорбь и печаль. Пробывъ три дня въ такой болѣзни, преподобный поднялся съ одра своего и сказалъ собравшейся всей братіи:

— Братія мои и отцы! Вотъ, жизнь моя кончается—это Господь мнѣ открылъ въ пещерѣ Великимъ Постомъ. Подумайте между собой, кого бы вы хотѣли имѣть у себя игуменомъ вмѣсто меня.

Сильно опечаленные этими словами братія начали плакать. Выйдя отъ преподобнаго и посовѣтовавшись, всѣ иноки согласились избрать себѣ игуменомъ уставщика[1]) Стефана. На другой день преподобный снова созвалъ всѣхъ братій и спросилъ ихъ:

[1]) *Уставщикъ*—управитель хора, регентъ.

— Какъ вы рѣшили между собой, дѣти? Кто изъ васъ достоинъ быть игуменомъ?

Всѣ сказали, что игуменства достоинъ Стефанъ.

Подозвавъ къ себѣ Стефана, преподобный благословилъ его на игуменство вмѣсто себя и сказалъ ему:

— Вотъ, чадо, передаю тебѣ монастырь; тщательно береги его; какой порядокъ въ службахъ завелъ я, такой соблюдай и ты и во всемъ держись монастырскаго преданія. Устава не измѣняй, но все дѣлай по закону и монастырскому чину.

Братію же преподобный долго поучалъ, завѣщевая имъ слушаться новаго игумена. Затѣмъ отпустилъ всѣхъ, предуказавъ имъ день своего преставленія—субботу.

— Послѣ восхода солнца,—сказалъ онъ братіи,—душа моя выйдетъ изъ тѣла.

Затѣмъ преподобный снова позвалъ къ себѣ одного Стефана и наединѣ много поучалъ его о томъ, какъ пасти святое стадо. Такъ какъ преподобный сильно ослабъ отъ болѣзни, то Стефанъ, не отлучаясь, со смиреніемъ служилъ ему. Въ наступившую субботу на разсвѣтѣ святый Ѳеодосій послалъ за братіей. Когда всѣ иноки собрались, святый, прощаясь, съ любовью поцѣловалъ каждаго; они же горько рыдали, предвидя скорую потерю такого добраго пастыря. Святый Ѳеодосій, уже совсѣмъ приготовившись къ смерти, сказалъ имъ:

— Дѣти мои любезныя и братія мои! Я всѣхъ васъ облобызалъ потому, что отхожу къ моему Владыкѣ, Іисусу Христу. Вотъ вамъ игуменъ, котораго вы сами выбрали; почитайте его за духовнаго отца, слушайтесь его и по его повелѣнію творите все богоугодное. Богъ же, сотворившій все словомъ и премудростью, пусть Самъ благословитъ васъ и сохранитъ отъ навѣтовъ лукаваго; да сохранитъ Онъ въ васъ до послѣдняго издыханія вашего твердую и непоколебимую вѣру и любовь другъ къ другу. Затѣмъ, молю васъ и заклинаю,—похороните меня въ той одеждѣ, въ которой я нахожусь теперь, и положите тѣло мое въ ту пещеру, гдѣ я пребывалъ Великимъ Постомъ; ни въ какомъ случаѣ не омывайте моего убогаго тѣла. Пусть никто изъ мірскихъ людей не видитъ моего погребенія; вы одни, иноки, положите меня въ указанномъ мною мѣстѣ.

Слушая слова святаго, братія сильно плакали. Преподобный снова сталъ утѣшать ихъ, говоря:

— Обѣщаю вамъ, братія и отцы, что хотя я отхожу отъ васъ тѣломъ, но душою своею всегда пребуду съ вами.

Послѣ этихъ словъ преподобный всѣхъ отпустилъ, не оставивъ при себѣ никого. Одинъ изъ братіи, который постоянно ему служилъ, просверливъ скважину въ двери, посмотрѣлъ, что онъ дѣлалъ. Преподобный, поднявшись съ постели, павъ ницъ, со слезами молилъ милостиваго Бога о спасеніи души своей. Въ своей молитвѣ онъ призывалъ на помощь всѣхъ святыхъ и болѣе всего Пресвятую Владычицу нашу Богородицу, Которой онъ поручалъ свое стадо и самую обитель свою. Послѣ молитвы онъ снова легъ на постель, а затѣмъ, немного отдохнувъ, поднялъ глаза къ Небу и, съ радостью на лицѣ, громкимъ голосомъ сказалъ:

— Благословенъ Богъ! Если это такъ, то уже я не боюсь, но еще съ бо́льшей радостью отхожу отъ этого міра.

Надо думать, что, произнося вышеприведенныя слова, онъ созерцалъ какое-то видѣніе. Потомъ онъ, выпрямивъ ноги и сложивъ крестообразно на груди руки, предалъ святую душу свою Богу и присоединился къ лику святыхъ Отцевъ. Это произошло въ 1074 году, 3-го мая, въ субботу, какъ предсказалъ преподобный, послѣ восхода солнца. Горячо оплакавъ кончину святаго Ѳеодосія, братія отнесли святое тѣло его въ церковь и тамъ совершили обычныя молитвы и пѣснопѣнія о преставившемся.

По божественному устроенію о кончинѣ преподобнаго тотчасъ узнало очень много людей. Народъ и многіе изъ бояръ, собравшіеся по собственному усердію у монастырскихъ воротъ, ожидали времени, когда вынесутъ тѣло преподобнаго изъ монастыря для погребенія въ пещерѣ. Братія же, затворивъ ворота, никого не пускали въ монастырь, дожидаясь времени, когда разойдется народъ, чтобы предать погребенію тѣло преподобнаго, какъ онъ самъ завѣщалъ объ этомъ, въ отсутствіи мірянъ. И вотъ, по волѣ Божіей, небо внезапно закрылось тучами, пошелъ сильный дождь. Только что народъ разошелся, какъ опять засіяло солнце. Тогда братія вынесли изъ церкви тѣло преподобнаго и съ честію положили его въ пещерѣ [1]).

---

[1]) Въ 1091 году честныя мощи преподобнаго Ѳеодосія изъ пещеры, гдѣ онѣ первоначально были положены, были перенесены братіею въ церковь Успенія Пресвятой Богородицы, гдѣ и были положены въ притворѣ съ правой стороны. Во время татарскаго нашествія святыя мощи Ѳеодосія были положены, для сохраненія, подъ спудъ у западныхъ дверей той же церкви, гдѣ онѣ почиваютъ и до настоящаго времени.—Событіе

Въ моментъ кончины праведника князь Святославъ находился недалеко отъ Печерскаго монастыря; вдругъ онъ видитъ надъ монастыремъ огненный столбъ, простиравшійся отъ земли до неба. Догадавшись о кончинѣ преподобнаго, князь сказалъ присутствовавшимъ:

— Это, какъ я думаю, сегодня преставился отъ земли къ Небу преподобный Ѳеодосій; я вчера былъ у него и видѣлъ, что онъ находился въ очень тяжкой болѣзни.

Онъ послалъ узнать о преподобномъ и, когда удостовѣрился въ его смерти, много плакалъ.

Въ годъ смерти блаженнаго Ѳеодосія по молитвамъ его всѣ монастырскія сокровища стали умножаться, въ поляхъ было обиліе, въ монастырскихъ животныхъ—большой приплодъ. Такого года

перенесенія честныхъ мощей преподобнаго Ѳеодосія празднуется 14-го августа. Въ 1108 г. митрополитъ Никифоръ (съ 1103 г. по 1121 г.) постановилъ на Соборѣ «вписать Ѳеодосія въ сунодикъ по всѣмъ епископіямъ». Съ этого времени начали праздновать вездѣ какъ преставленіе преподобнаго Ѳеодосія, такъ и перенесеніе честныхъ мощей его.—Преподобный Ѳеодосій назидаетъ отдаленныя отъ него поколѣнія не только своею подвижническою жизнію, но и своими письменными наставленіями, дошедшими до насъ преимущественно въ формѣ поученій на разные случаи. Къ сожалѣнію, вопросъ о подлинности нѣкоторыхъ сочиненій преподобнаго Ѳеодосія не выясненъ еще окончательно. Съ несомнѣнностію преп. Ѳеодосію должны быть приписаны слѣдующія пять поученій: 1) Поученіе въ среду 3 недѣли Великаго Поста «на часѣхъ» «О терпѣніи и любви»: 2) Поученіе въ четвергъ 3 недѣли Поста «О терпѣніи, о любви и о постѣ»; 3) Поученіе въ четвергъ 3 недѣли Поста «на часѣхъ» «О терпѣніи и милостынѣ»; 4) Поученіе въ пятницу 3 недѣли Поста «О терпѣніи и о смиреніи»; и, наконецъ, 5) Поученіе въ пятницу 3 недѣли Поста «на часѣхъ» «О хожденіи къ церкви и о молитвѣ». Кромѣ того, преподобному Ѳеодосію приписываются еще слѣдующія поученія: 1) Поученіе «къ келарю» (объ его обязанностяхъ); 2) Поученіе «о казняхъ Божіихъ» (полагаютъ, что оно было сказано преподобнымъ Ѳеодосіемъ въ 1067 г. послѣ несчастной битвы съ Половцами); 3) Поученіе относительно «обѣда и питія» (для братіи); 4) «Слово нѣкоего христолюбца и ревнителя по правой вѣрѣ»; 5) «Наказаніе отца духовнаго къ дѣтямъ о піанствѣ»; 6) «Слово о томъ, како крестися Владиміръ, возмя Корсунь» и, наконецъ, 7) нѣкоторыя *отрывки* изъ поученій. Преп. Ѳеодосію также приписываются два Поученія — на вторникъ и среду 3-ей недѣли Великаго Поста съ именемъ святаго Ѳеодора Студита, а также и нѣкотор. друг. Затѣмъ преподобному Ѳеодосію принадлежатъ нѣсколько Посланій (вѣроятно, два—три) къ Великому Князю Изяславу (эти Посланія носятъ въ дошедшихъ до насъ памятникахъ названіе «Вопрошаній» князя Изяслава).—Всѣ перечисленныя произведенія преподобнаго Ѳеодосія написаны очень просто и съ большимъ чувствомъ. Поученія и Посланія преп. Ѳеодосія чужды всякой риторической витіеватости. Что касается до содержанія ихъ, то въ тѣхъ изъ нихъ, которыя назначались для братіи, преподобный Ѳеодосій говоритъ объ монашескихъ обѣтахъ и обязанностяхъ; особенно подробно онъ останавливается на обѣтѣ нестяжательности; въ поученіяхъ же, предназначенныхъ для народа, преподобный Ѳеодосій энергично возставалъ противъ различныхъ языческихъ обычаевъ, которые въ то время были очень распространены в Кіевской Руси и едва только начали искореняться христіанскими проповѣдниками. Особенно сильно преп. Ѳеодосій вооружался противъ идолопоклонства и пьянства. Наконецъ, преподобному Ѳеодосію приписываются еще нѣкоторыя молитвы, помѣщенныя съ его именемъ въ нѣкоторыхъ спискахъ древнихъ Псалтирей.

еще не было прежде. Видя это, братія вспомнили обѣщаніе святаго отца своего и прославили Бога за то, что Онъ сподобилъ угодника Своего, блаженнаго Θеодосія, благодатныхъ даровъ Своихъ. Благодатные дары обнаружились послѣ смерти святаго Θеодосія многими чудесами, которыя творилъ святый по усердной молитвѣ всѣхъ, призывавшихъ его на помощь.

Въ описываемое время князь Святославъ сильно прогнѣвался на одного боярина. Многіе говорили, что князь хочетъ послать его въ заточеніе. Бояринъ же тотъ усердно молился Богу и призывалъ на помощь преподобнаго Θеодосія, говоря:

— Знаю, отче, что ты святъ; вотъ, я въ бѣдѣ: будь милостивъ ко мнѣ,—своей молитвой къ Небесному Владыкѣ избавь меня отъ бѣды.

Когда бояринъ уснулъ, ему явился во снѣ преподобный и сказалъ:

— Что такъ печалишься? Неужели ты думаешь, что я совсѣмъ ушелъ отъ васъ? Если тѣломъ я и отлучился, но душою всегда пребываю съ вами. Вотъ, завтра князь безъ всякаго гнѣва призоветъ тебя и опять возвратитъ тебѣ прежній чинъ.

Опомнившись и придя въ себя, бояринъ увидѣлъ сзади близъ двери выходившаго изъ комнаты преподобнаго. Предсказанное святымъ Θеодосіемъ дѣйствительно сбылось, и бояринъ съ этого времени сталъ питать еще большую любовь къ Кіево-Печерскому монастырю.

Собираясь въ путь, одинъ человѣкъ принесъ въ монастырь преподобнаго Θеодосія ковчежецъ серебра и отдалъ его на сохраненіе своему знакомому иноку по имени Конону. Объ этомъ узналъ инокъ Николай и, укравъ, по бѣсовскому наущенію, тотъ ковчежецъ, скрылъ его. Возвратившійся Кононъ не нашелъ въ своей кельѣ серебра и, сильно опечалившись по этому поводу, сталъ со слезами молиться Богу, призывая на помощь преподобнаго Θеодосія. Заснувъ послѣ молитвы, Кононъ увидѣлъ явившагося къ нему преподобнаго Θеодосія, который сказалъ ему:

— То серебро, о которомъ ты печалишься, взялъ, по діавольскому внушенію, инокъ Николай и скрылъ въ пещерѣ.

Потомъ, открывъ, гдѣ было спрятано серебро, онъ сказалъ ему:

— Иди и, никому не говоря объ этомъ, возьми свое.

Проснувшись, обрадованный инокъ быстро всталъ и, затепливъ свѣчу, отправился въ указанное мѣсто. Найдя похищенное, онъ возблагодарилъ Бога и Его угодника, преподобнаго Θеодосія.

Имѣлъ мѣсто и слѣдующій случай. Одинъ клирикъ святой Великой соборной Кіевской Софійской церкви сильно занемогъ: все тѣло его пылало отъ сильнаго внутренняго жара. Придя въ чувство, онъ помолился Богу и преподобному угоднику Его Θеодосію, прося облегчить его страданія. Едва онъ уснулъ, какъ увидѣлъ во снѣ преподобнаго Θеодосія, который, подавая ему жезлъ, сказалъ:

— Возьми и ходи съ нимъ.

Проснувшись, больной почувствовалъ, что жаръ въ тѣлѣ его слабѣетъ и болѣзнь прекращается. А когда послѣ этого онъ выздоровѣлъ, то пошелъ въ Кіево-Печерскій монастырь и разсказалъ братіи, какъ онъ исцѣлился отъ болѣзни по молитвамъ преподобнаго Θеодосія. Иноки же прославили Бога, давшаго такую благодать праведнику.

Былъ еще и такой случай. Во время своего игуменства въ Печерскомъ монастырѣ преподобный Θеодосій постановилъ, чтобы въ пятницу Первой недѣли Великаго Поста подавались на трапезу братіи,—какъ добрымъ подвижникамъ, потрудившимся въ воздержаніи,—совершенно чистые хлѣбы, обязательно съ медомъ и макомъ. Это постановленіе соблюдалось всегда и блаженнымъ Стефаномъ[1]), поставленнымъ въ игумены самимъ преподобнымъ Θеодосіемъ. Послѣ Стефана принялъ игуменство въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ блаженный Никонъ[2]), и онъ въ наступившую пятницу Первой недѣли Великаго Поста приказалъ келарю сдѣлать согласно установленію преподобнаго Θеодосія. Келарь же ослушался повелѣнія игумена и не исполнилъ установленнаго преподобнымъ Θеодосіемъ подъ предлогомъ, что нѣтъ муки для такихъ хлѣбовъ. Но Самъ Богъ не допустилъ погибнуть установленному преподобнымъ Θеодосіемъ обычаю. Когда послѣ Литургіи братія направлялись въ трапезную на постный обѣдъ, откуда-то неожиданно привезли имъ возъ чистыхъ хлѣбовъ. Видя это чудо, братія прославили Бога и Его угодника, не оставлявшаго ихъ и послѣ своей смерти. Они прославляли отца и наставника своего, преподобнаго Θеодосія, хранившаго для благоденствія иноковъ свое установленіе и исполнявшаго свое обѣщаніе—всегда оказывать обители помощь, право испрашивать которую у Господа онъ заслужилъ своими богоугодными дѣлами. Споспѣшествуемые

---

[1])—настоятельствовалъ съ 1074 г. по 1078 г.

[2])—настоятельствовалъ съ 1078 г. по 1088 г.

святыми дерзновенными молитвами преподобнаго Θеодосія, да сподобимся и мы получить даръ Божій — жизнь вѣчную со Христомъ Іисусомъ, Господомъ нашимъ, славимымъ съ Богомъ Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

Тропа́рь, гла́съ и҃:

Возвы́сивсѧ на добродѣ́тель, и҆змла́да возлюби́въ мона́шеское житїѐ, къ жела́нїю до́блественнѣ дости́гъ, всели́лсѧ є҆сѝ въ пеще́рꙋ, и҆ ᲂу҆краси́въ житїѐ твоѐ поще́нїемъ и҆ свѣ́тлостїю, въ мл҃твахъ ꙗ҆́кѡ безпло́тенъ пребыва́лъ є҆сѝ, въ рѡссі́йстѣй землѝ ꙗ҆́кѡ свѣ́тлое свѣти́ло просїѧ́въ, ѻ҆́тче ѳеодо́сїе: молѝ хр҃та̀ бг҃а сп҃сти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ г҃:

Звѣздꙋ̀ рѡссі́йскꙋю дне́сь почти́мъ, ѿ восто́ка возсїѧ́вшꙋю, и҆ на за́падъ прише́дшꙋю: всю́ бо странꙋ̀ сїю̀ чꙋдесы̀ и҆ добро́тою ѡ҆богати́вшꙋ, и҆ всѧ̑ ны̀ содѣ́ѧнїемъ и҆ бл҃года́тїю мона́шескагѡ ᲂу҆ста́ва, бл҃же́ннагѡ ѳеодо́сїа.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ПЕТРА ЧУДОТВОРЦА

Родиной сего преподобнаго былъ городъ Константинополь. Онъ происходилъ отъ богобоязненныхъ родителей. Когда родители преподобнаго приняли иноческое званіе, а вскорѣ за ними постриглись въ монашество и два брата его, Павелъ и Діонисъ, то и онъ, подражая имъ и желая проводить одинаковую съ ними жизнь, также принялъ иночество вмѣстѣ съ братомъ своимъ Платономъ. Ставъ инокомъ, онъ съ такимъ усердіемъ предался иноческой жизни, что превзошелъ въ этомъ всѣхъ своихъ сверстниковъ, ибо, стараясь сперва подражать имъ, а потомъ и всѣмъ прочимъ инокамъ, онъ перенималъ отъ нихъ добродѣтели и примѣнялъ ихъ къ своей жизни. Своею высокою подвижническою жизнію онъ снискалъ себѣ любовь бывшаго въ то время италійскаго епископа Николая[1]), который имѣлъ желаніе почтить его епископскимъ саномъ, но онъ уклонился отъ этого, сославшись на то, что считаетъ себя недостойнымъ такой чести. Епископъ Николай отправился тогда къ брату его Павлу и въ утѣшеніе Коринѳской Церкви, не имѣвшей тогда епископа, рукоположилъ его во епископы города Коринѳа[2]). Послѣ сего и преподобный Петръ, уходя отъ усиленныхъ просьбъ принять епископство, пришелъ къ брату своему Павлу въ Коринѳъ и наложилъ на себя обѣтъ молчанія, но пробылъ въ немъ одинъ только годъ, не доведши своего подвига до конца, такъ какъ пришли къ Павлу въ Коринѳъ изъ далекой страны[3]) знатные люди и владѣльцы кораблей и просили

---

1) Это былъ Константинопольскій патріархъ *Николай I Мистикъ*. Въ 895 году онъ занялъ константинопольскую патріаршую каѳедру, въ 906 году за отлученіе отъ св. причащенія императора Льва VI Философа по поводу его вступленія въ четвертый бракъ—съ Зоею сосланъ былъ императоромъ на островъ Ирію, а въ 911 году возвращенъ былъ снова на свою каѳедру, которую и занималъ до смерти своей, послѣдовавшей въ 925 году.

2) *Коринѳъ*—древнѣйшій изъ городовъ Греціи, расположенъ въ сѣверной части древней Арголиды, на берегу Коринѳскаго залива. Основаніе христіанской Церкви въ немъ было положено св. Ап. Павломъ.

3) Т. е., изъ города Аргоса, расположеннаго на берегу Арголидскаго залива. О томъ, что преподобный Петръ былъ епископомъ въ городѣ Аргосѣ, говорится въ одномъ изъ синаксарей. Тутъ же говорится и о томъ, что его рукоположилъ во епископы Патріархъ Николай I Мистикъ.

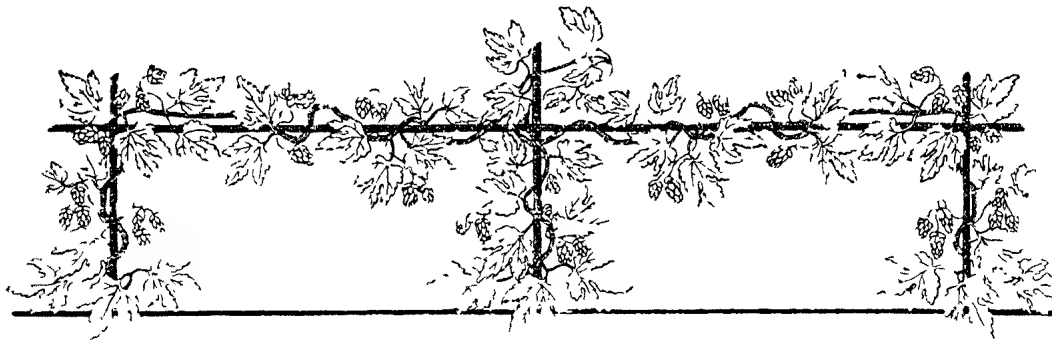
его поставить имъ во епископы брата его — по причинѣ того, что епископъ ихъ скончался. Самаго святаго Петра они такъ настойчиво просили быть у нихъ епископомъ, что онъ, не находя въ себѣ силъ отказать имъ, задумалъ было бѣжать изъ Коринѳа, но когда прошло довольно много времени, и пришедшіе еще съ большею настойчивостію продолжали свои просьбы, то онъ, наконецъ, тронутъ былъ ихъ слезами и принялъ ихъ предложеніе.

Принявъ епископскій санъ, преподобный со всѣмъ усердіемъ отдался дѣлу церковнаго учительства и усердіемъ своимъ платилъ за усердіе къ нему паствы. Въ дѣлахъ милосердія онъ доходилъ до того, что не жалѣлъ для бѣдныхъ даже своей одежды. Онъ кормилъ сиротъ, заботился о вдовахъ, доставлялъ пищу бѣднымъ, тайно подавалъ милостыню всѣмъ, нуждавшимся въ ней. Когда однажды случился неурожайный годъ и страну посѣтилъ голодъ, то онъ неослабнымъ подаяніемъ милостыни прокормилъ многія тысячи голодавшаго народа. Въ это время случилось разъ, что въ сосудѣ осталось немного уже пищи, но преподобный нашелъ его вскорѣ совершенно полнымъ, такъ что бывшей въ немъ пищи хватило для нуждающихся на цѣлый годъ. По милосердію своему къ страдающимъ онъ выкупалъ плѣнниковъ и освобождалъ слабыхъ отъ насилія сильныхъ людей. Кромѣ того, онъ исцѣлилъ одну бѣсноватую отроковицу, предсказалъ въ притчѣ бѣдствіе Пелопоннесу [1]) и задолго прозрѣлъ день своей кончины. Достигши семидесятилѣтняго возраста и совершивъ безчисленное множество добрыхъ дѣлъ, онъ отдалъ блаженную душу свою Господу. И по кончинѣ своей онъ совершалъ чудеса, источая изъ гроба своего благоуханіе, изгоняя бѣсовъ и исцѣляя всякія болѣзни, а также вразумляя тѣхъ, кто искалъ этого у гроба его [2]).

---

1) *Пелопоннесомъ* называлась въ древности южная часть нынѣшней Греціи.

2) Преподобный скончался въ X вѣкѣ. Мощи его въ 1421 году были перенесены изъ Аргоса въ Навплію. При открытіи гроба, какъ повѣствовали очевидцы, потряслась земля, воздухъ наполнился благоуханіемъ, потекли многія исцѣленія.



День четвертый

СТРАДАНІЕ

СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ

ДѢВИЦЫ ПЕЛАГІИ

Когда нечестивый императоръ римскій Діоклетіанъ[1]) воздвигъ на христіанъ гоненіе, тогда многіе изъ нихъ, страшась мученій, бѣжали въ горы. Но тѣ изъ христіанъ, которые были крѣпки въ вѣрѣ и боялись Бога болѣе, чѣмъ людей,—те остались при церквахъ, къ которымъ принадлежали, и горячо молили Бога укрѣпить ихъ на подвигъ, дабы они вышли изъ предстоящей борьбы побѣдителями.

Въ это время въ городѣ Тарсѣ[2]) епископомъ былъ Клинонъ. Онъ обратилъ къ Истинному Богу и крестилъ многихъ язычниковъ;

---

[1]) *Императоръ Діоклетіанъ* управлялъ Римскою имперіею съ 284 г. по 305 г.

[2]) *Тарсъ*—большой и населенный въ древности городъ Киликіи—малоазійской области. Основанъ ассирійскимъ царемъ Сеннахерибомъ (съ 705 г. по 681 г. до Р. Хр.). Благодаря своему положенію при рѣкѣ Киднѣ велъ большую торговлю.—Для христіанъ городъ Тарсъ важенъ какъ мѣсто рожденія и первоначальнаго проживанія здѣсь святаго Апостола Павла. Призванный Самимъ Господомъ къ великому служенію своему, Апостолъ Павелъ первоначально въ Тарсѣ приготовлялся къ выступленію на проповѣдь (см. Дѣян., гл. 9, ст. 11 –30).—Въ настоящее время Тарсъ представляетъ собою небольшой городокъ Аданскаго вилайета съ 8 000 жителей и принадлежитъ Турціи. Замѣчательно, что до сихъ поръ главное занятіе жителей Тарса и его окрестностей состоитъ въ изготовленіи ковровъ, войлоковъ для палатокъ и всякаго рода утвари, какъ это было и во времена Апостола Павла, который снискивалъ себѣ пропитаніе дѣланіемъ палатокъ (Дѣян., гл. 18, ст. 3).

присоединяя ихъ, какъ добрый пастырь, къ Христову стаду, онъ увѣщевалъ каждаго изъ нихъ мужественно стоять за исповѣданіе Имени Христова и положить за Него душу свою, съ несомнѣнной надеждою воспринять отъ Него въ Небесномъ Царствѣ вѣнецъ побѣды.

Ст҃аѧ мч҃нца
Пелагіѧ

Діоклетіанъ, находившійся тогда въ Киликіи, услыхавъ о семъ мужественномъ епископѣ, приказалъ схватить его и повелѣлъ затворить городскія ворота, чтобы онъ не могъ спастись изъ города бѣгствомъ. Но еще раньше приказа епископъ получилъ отъ Бога откровеніе о всемъ, имѣющемъ совершиться, и тайно отъ всѣхъ вышелъ изъ города, такъ какъ еще не пришелъ часъ его. Онъ вмѣстѣ съ другими христіанами скрывался по горамъ и пустынямъ. Діоклетіанъ же, раздраженный тѣмъ, что не могъ найти епископа, обратилъ свою ярость на тѣхъ, кого епископъ привелъ ко Христу; приказавъ схватить многихъ изъ новообращенныхъ христіанъ, онъ заключилъ ихъ въ темницу.

Въ это время въ городѣ Тарсѣ жила одна дѣвица по имени Пелагія, знатная родомъ, славная богатствомъ и красотою, преисполненная страха Божія и цѣломудрія. Когда она услыхала отъ христіанъ объ Іисусѣ Христѣ, Сынѣ Божіемъ, сердце ея воспылало любовью къ Нему, она увѣровала въ Него и дала обѣтъ не соединяться брачнымъ союзомъ ни съ кѣмъ изъ смертныхъ людей, рѣшившись уневѣститься Небесному, Безсмертному, Нетлѣнному Жениху; увѣровавъ во Христа, она возжелала сподобиться Святаго Крещенія.

Но узнавъ, что епископъ христіанскій ушелъ изъ города, она сильно опечалилась, такъ какъ хотѣла видѣть его и принять отъ рукъ его Святое Крещеніе. До тѣхъ поръ она не видала еще

епископа и лишь слышала о немъ. Такъ какъ мать Пелагіи, вдова, была предана идолослуженію, то Пелагія скрывала отъ нея и свою вѣру во Христа, и свои намѣренія.

Въ это время сынъ царя[1]) услыхалъ объ удивительной красотѣ дѣвицы Пелагіи и имѣлъ случай видѣть ее. Онъ послалъ къ ней почетныхъ мужей, которымъ поручено было передать Пелагіѣ о намѣреніи сына царя сочетаться съ нею брачнымъ союзомъ.

Мать Пелагіи была очень рада такому обороту дѣла, но святая дѣвица рѣшила иначе. Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, она безъ боязни отвѣчала посланнымъ:

— Я уже обручилась съ Сыномъ Божіимъ, Царемъ Безсмертнымъ.

Съ этимъ отвѣтомъ посланные вернулись къ царскому сыну.

Услыхавъ отвѣтъ святой Пелагіи, царскій сынъ пришелъ въ великій гнѣвъ; онъ замыслилъ жестоко отомстить святой дѣвицѣ, но не сейчасъ, такъ какъ надѣялся, что дѣвица одумается и исполнитъ его желаніе.

Между тѣмъ Пелагія сказала своей матери, что она желаетъ посѣтить свою кормилицу, которую она давно не видѣла. Кормилица же ея жила за городомъ, и Пелагія собралась уйти изъ дому съ той цѣлью, чтобы найти христіанскаго епископа, о мѣстѣ тайнаго убѣжища котораго она слышала отъ нѣкоторыхъ христіанъ. Мать же святой Пелагіи, по діавольскому наущенію, не соглашалась исполнить просьбу своей дочери и рѣшительно воспротивилась ей, говоря:

— Нельзя теперь тебѣ туда идти; пойдешь въ другой разъ.

Это весьма опечалило Пелагію.

Въ ту же ночь явился ей Господь въ образѣ епископа Клинона, ничего не говоря ей. Удивилась она этому видѣнію, потому что честный ликъ явившагося ей сіялъ свѣтомъ, и дивно было одѣяніе его.

Проснувшись, она тайно снарядила двухъ своихъ самыхъ вѣрныхъ евнуховъ[2]) въ темницу къ христіанамъ, тамъ заключеннымъ,

---

[1]) Діоклетіанъ не имѣлъ сыновей. Подъ упоминаемымъ здѣсь «царскимъ сыномъ» слѣдуетъ разумѣть,—какъ это объясняетъ св. Димитрій Ростовскій,—юношу, взятаго Діоклетіаномъ на воспитаніе и усыновленнаго съ правомъ наслѣдованія царскаго престола.

[2]) *Евнухъ*—оскопленный слуга, предназначавшійся къ службѣ въ гаремахъ Востока. Обычай кастрированія (оскопленія) слугъ имѣлъ мѣсто въ Древней Греціи и Римѣ, но особенно распространенъ былъ въ древности въ Малой Азіи.

съ цѣлью разспросить ихъ о внѣшнемъ видѣ епископа. Они исполнили порученіе и возвратились съ подробнымъ описаніемъ внѣшности епископа. Изумилась честная дѣвица тому, что наружность епископа, по ихъ словамъ, во всемъ согласовалась съ тѣмъ, что видѣла она во снѣ, и поняла, что во снѣ видѣла она епископа. Исполнившись радости, она всѣмъ сердцемъ возжелала видѣть его наяву и усердно молилась Богу такими словами:

— Дай мнѣ, Господи, увидѣть Твоего служителя, вѣстника Твоихъ благъ, и не лиши меня святыхъ Твоихъ Таинствъ.

Послѣ того снова стала она проситься у матери своей отпустить ее къ кормилицѣ, говоря, что скучаетъ по ней, не видавъ ея такъ давно. Не хотѣлось матери ее отпускать. Но боясь, что отъ печали она заболѣетъ, мать исполнила ея просьбу и приказала приготовить колесницы, коней и слугъ для путешествія. Затѣмъ, надѣвъ на Пелагію, какъ невѣсту царскаго сына, царскую порфиру и украсивъ ее золотыми уборами и драгоцѣнными камнями, она отпустила ее въ сопровожденіи довѣреннѣйшихъ слугъ и евнуховъ въ роскошной колеснипѣ съ напутствіемъ:

— Поѣзжай, будь здорова, дочь моя, и передай привѣтъ отъ меня своей кормилицѣ.

Съ радостію поѣхала Пелагія, окруженная множествомъ слугъ.

Отъѣхавъ отъ города около десяти поприщъ[1]), они приближались къ одной, покрытой густымъ лѣсомъ, горѣ. Въ это время одинъ изъ слугъ ея, по имени Лонгинъ, увидѣлъ честнаго мужа, сходящаго съ горы. То былъ епископъ Клинонъ, которому, по Божію усмотрѣнію, случилось здѣсь встрѣтиться съ путниками. Лонгинъ, бывшій тайнымъ христіаниномъ, узналъ въ семъ мужѣ епископа Клинона и сказалъ другому слугѣ, тайному христіанину:

— Братъ Юліанъ! Узнаешь ли ты мужа, идущаго намъ навстрѣчу? Это человѣкъ Божій, епископъ Клинонъ, слава о которомъ идетъ по всему Востоку — по причинѣ совершаемыхъ имъ чудесъ; царь, узнавъ о немъ, долго искалъ его, но не могъ найти, и за это воздвигъ гоненіе на христіанъ.

Этотъ разговоръ Лонгина и Юліана услышали тѣ два евнуха, которыхъ Пелагія послала въ темницу къ христіанамъ, чтобы узнать о внѣшности епископа. Они разсказали то, о чемъ услышали, Пелагіи.

---

[1]) *Поприще*—мѣра длины, равнявшаяся приблизительно 690 нашимъ саженямъ.

Святая дѣвица остановила колесницу и, сойдя съ нея, направилась къ человѣку Божію. Слугамъ своимъ она приказала быть подальше и расположиться для отдыха въ тѣни деревьевъ, такъ какъ ей не хотѣлось, чтобъ язычники слышали о тайнахъ святой вѣры христіанской. Подойдя къ человѣку Божію, она привѣтствовала его такими словами:

— Радуйся, служитель Христовъ!

Епископъ отвѣчалъ ей:

— Да будетъ съ тобою, отроковица, миръ Христа моего.

Пелагія продолжала:

— Благословенъ Богъ, явившій мнѣ въ видѣніи подобіе лица твоего и пославшій тебя ко мнѣ, чтобы спасти душу мою отъ погибели. Молю тебя Именемъ Бога, Которому ты служишь, открой мнѣ, ты ли Клинонъ, епископъ христіанскій?

Клинонъ отвѣчалъ ей:

— Я—пастырь словесныхъ овецъ Христовыхъ, надѣющихся получить вѣчную жизнь.

— Что приказываешь дѣлать ты овцамъ твоимъ, чтобы они могли получить жизнь вѣчную?—спросила епископа Пелагія.

— Учу ихъ познавать Отца, и Сына, и Святаго Духа и наставляю ихъ къ богоугодной жизни въ страхѣ Божіемъ и любви ко Христу.

— Возвѣсти мнѣ, отецъ мой, что прежде всего должны дѣлать тѣ, кто хочетъ соединиться съ твоимъ Богомъ?

— Я возвѣщаю тебѣ,—былъ отвѣтъ епископа,—Крещеніе во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную; ничто не можетъ быть нужнѣе этого.

Припавъ къ ногамъ епископа, Пелагія съ мольбой сказала ему:

— Пожалѣй меня, владыко, и дай мнѣ даръ твой! Съ тѣхъ поръ, какъ я бесѣдую съ тобой, свѣтъ Божій возсіялъ въ сердцѣ моемъ, я отрицаюсь сатаны, слугъ его, и козней его, и бездушныхъ идоловъ, которыхъ я давно ненавижу, въ которыхъ не жизнь, но смерть и вѣчная пагуба. Теперь же молю Бога Небеснаго, чтобы Онъ меня, недостойную, уневѣстилъ Своему Сыну, Который просвѣтилъ сердце мое, ибо Онъ—Солнце правды.

Услыша это, епископъ удивлялся столь великой любви къ Богу сей дѣвицы и возрадовался о ней духомъ. Затѣмъ, поднявъ къ Небу свои руки, онъ началъ молиться такими словами:

— Боже, Отче Господа нашего Іисуса Христа! Ты, пребывающій на Небѣ и призвавшій эту дѣвицу познать Тебя, пошли ей Святое Крещеніе возлюбленнаго Сына Твоего.

Такъ молился епископъ.

Вдругъ внезапно истекъ предъ ними изъ земли источникъ воды живой. Увидавъ такое чудо, епископъ прославилъ Бога, говоря:

— Великъ Ты, Богъ нашъ, Отецъ, и Сынъ, и Святый Духъ, давшій людямъ въ наслѣдіе Крещеніе въ жизнь вѣчную. Господи Сердцевѣдче! Предъ Тобою открыто смиреніе раба Твоего. Ты видишь, что я стыжусь крестить эту дѣвицу. Устрой же Ты, Всемогущій, все смотрѣніемъ Твоимъ и научи, что мнѣ дѣлать.

— Господинъ отецъ мой,—воскликнула въ это время Пелагія,—твоя молитва услышана; вотъ, я вижу двухъ свѣтоносныхъ юношей, стоящихъ у источника и держащихъ въ рукахъ своихъ свѣтлыя покрывала. Ты можешь безъ смущенія крестить меня.

Возблагодаривъ Бога, епископъ приступилъ къ источнику и увидѣлъ двухъ Ангеловъ Божіихъ, которые, какъ сказала Пелагія, держали покрывало бѣлѣе снѣга, чтобъ имъ прикрыть тѣло дѣвицы. Затѣмъ епископъ освятилъ воду, произнеся надъ нею такую молитву:

— Царь всей твари, **творѧ́й а҆́гг҃лы своѧ̑ дꙋ́хи, и҆ слꙋгі̑ своѧ̑ пла́мень ѻ҆́гненный**[1]), сдѣлай меня достойнымъ принести Тебѣ въ духовную жертву эту дѣвицу, которую Ты ко мнѣ послалъ. Причти ее къ лику избранныхъ Твоихъ, дабы въ день Царствія Твоего и она съ пятью мудрыми дѣвами вошла въ чертогъ Христа Твоего, съ возженнымъ свѣтильникомъ[2]).

Совершивъ молитву, епископъ сподобилъ Святаго Крещенія блаженную Пелагію во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа и причастилъ ее частицею тѣла Христова, которую носилъ при себѣ.

По совершеніи Таинства святая Пелагія поклонилась епископу и, лобызая ноги его, сказала ему:

— Господинъ мой, отче честны̀й, помолись обо мнѣ ко Господу, дабы укрѣпилъ Онъ меня Духомъ Своимъ Святымъ.

Епископъ сказалъ ей:

— Богъ, Которому ты предала себя, **да по́слетъ ти̑ по́мощь**

[1]) Пс. **103**, ст. 4.

[2]) См. притчу о десяти дѣвахъ (Еванг. отъ Матѳ., гл. **25**, ст. 1—13).

ѿ ст҃аго[1]) жилища Своего и да даруетъ тебѣ побѣду на враговъ.

Преисполнившись великой радости отъ Духа Святаго, Пелагія сказала епископу:

— Отче, молю тебя Именемъ Бога, даровавшаго мнѣ черезъ тебя спасеніе, не откажи мнѣ въ моей просьбѣ: отъ святыхъ рукъ твоихъ я получила нетлѣнную порфиру Вѣчнаго Царя; поэтому не слѣдуетъ мнѣ теперь носить эту земную тлѣнную порфиру и эти суетныя украшенія. Возьми ихъ ты у меня, продай ихъ и раздай деньги, вырученныя за нихъ, нуждающимся, такъ какъ во мнѣ всѣ эти драгоцѣнности возбуждаютъ лишь одно отвращеніе.

Епископъ отвѣчалъ ей:

— Неприлично мнѣ взять въ руки это; однако, я возьму сіе отъ тебя, дабы не оскорбить тебя, такъ какъ ты просишь меня Именемъ Божіимъ. Хорошо, я исполню твое желаніе.

— Я слышала,—сказала на это Пелагія,—что Господь нашъ говоритъ во святомъ Евангеліи Своемъ: никто́же мо́жетъ двѣма̀ господи́нома рабо́тати: не мо́жете бг҃у рабо́тати и҆ мамѡ́нѣ[2]). Поэтому и я, желая служить Единому Богу, отвергаю мамону[3]).

Удивился епископъ разуму святой Пелагіи. Помолившись о ней Богу, онъ благословилъ ее и отошелъ отъ нея.

Святая же Пелагія, весьма радуясь о Духѣ Святомъ, всѣмъ сердцемъ своимъ прославила и возблагодарила Бога за то, что Онъ сподобилъ ее воспріять небесные дары.

Когда она дошла до ожидавшихъ ее слугъ, то увидѣла, что очи ихъ были помрачены бѣсовскимъ навожденіемъ: они ничего не видѣли и не знали, куда имъ нужно было идти. Святая, понявъ, что это случилось по дѣйству врага нашего спасенія, осѣнила каждаго изъ слугъ крестнымъ знаменіемъ и тѣмъ избавила ихъ отъ слѣпоты; они снова стали видѣть хорошо, по-прежнему.

Прозрѣвъ, слуги стали разспрашивать святую Пелагію:

— Госпожа! Гдѣ тотъ человѣкъ, съ которымъ ты бесѣдовала? Въ твое отсутствіе мы видѣли Пресвѣтлую Жену, стоявшую между тобою и нами съ двумя дѣвами; на головѣ Ея были двѣ діадимы; надъ діадимами же сіялъ крестъ[4]).

---

1) Псал. 19, ст. 3.

2) Еванг. отъ Матѳ., гл. 6, ст. 24.

3) *Мамона*—наименованіе сирскаго божества, покровителя богатства. Въ переносномъ смыслѣ подъ «мамоною» подразумѣвалось вообще богатство, блага земныя.

4) Очевидно, явившаяся чудная Жена была Божіей Матеріею.

Святая Пелагія приказала слугамъ умолкнуть; потомъ начала учить ихъ вѣрѣ въ Господа нашего Іисуса Христа.

Слуги отвѣчали ей:

— Какъ не вѣровать, госпожа наша, въ Того, Кто по смерти избавитъ насъ отъ вѣчныхъ мукъ и Кто Одинъ имѣетъ власть даровать намъ вѣчную жизнь на Небесахъ!

Святая радовалась, видя обращеніе слугъ своихъ, и совѣтовала имъ немедленно приступить къ Святому Крещенію. Потомъ, сѣвъ въ колесницу, она продолжала свой путь къ своей кормилицѣ.

Кормилица вышла навстрѣчу своей питомицѣ и сказала, что она стала еще болѣе красивой, чѣмъ была раньше, но удивлялась, что она одѣта такъ просто и безъ всякихъ украшеній.

Послѣ первой радости свиданія кормилица замѣтила большую перемѣну въ характерѣ святой Пелагіи: прежде она была горделива и надменна, теперь же стала смиренна и кротка; прежде многорѣчива, а теперь молчалива; прежде любила разныя тонкія кушанья, а теперь пребывала въ постѣ и воздержаніи, принимая очень немного пищи; прежде проводила дни въ праздности и удовольствіяхъ, а ночью покоила свое тѣло на мягкой постели; теперь большую часть дня проводила въ молитвѣ, отдыхая на твердомъ ложѣ, а ночью также вставала на молитву. По всѣмъ этимъ признакамъ кормилица поняла, что Пелагія приняла христіанскую вѣру. Затѣмъ она сказала ей:

— Любезная дочь моя! Какъ раньше великой тѣлесной красотой своей ты удивляла царскаго сына и всѣхъ встрѣчавшихъ тебя, такъ и теперь постарайся угодить истинной душевной красотой своей Сыну Божію, Царю Вѣчному, Которому ты обручила себя въ невѣсту. Я вижу, что ты увѣровала въ Небеснаго Истиннаго Бога. Да укрѣпитъ Онъ тебя на подвигъ страданія за Него, да дастъ Онъ тебѣ побѣду на врага и да увѣнчаетъ Онъ тебя въ Своей славѣ вѣнцомъ торжества. А теперь, дочь моя, поскорѣе съ миромъ уходи отъ меня; мнѣ не хочется, чтобы ты медлила у меня въ домѣ, не смѣю удерживать тебя, такъ какъ боюсь гнѣва царскаго сына, который считаетъ тебя своею невѣстою. Однако не думай, что я боюсь за себя: если бы я пострадала съ тобою, то вмѣстѣ съ тобою я приняла бы и награду отъ Бога; но я боюсь за всю семью свою и за всѣхъ своихъ родныхъ. Если царскій сынъ, думающій стать мужемъ твоимъ, узнаетъ, что ты

христіанка, а также и то, что ты гостишь у меня въ домѣ, то онъ погубитъ меня со всей моей семьей.

Выслушавъ эти слова своей кормилицы, святая Пелагія, поникнувъ лицемъ своимъ, отправилась обратно къ своей матери.

Когда Пелагія приблизилась къ своему дому, навстрѣчу ей вышла ея мать. Увидавъ свою дочь не въ царской порфирѣ и безъ драгоцѣнныхъ украшеній, но въ простой одеждѣ, она пришла въ ужасъ и недоумѣніе.

Одинъ изъ слугъ разсказалъ ей обо всемъ, что случилось на пути, повѣдалъ ей, какъ Пелагія приняла Святое Крещеніе отъ христіанскаго епископа. Услышавъ объ этомъ, мать ея какъ бы омертвѣла тѣломъ и по причинѣ великой скорби пролежала долгое время на одрѣ, какъ мертвая. Потомъ, придя въ себя, она, ничего не сказавъ дочери, поспѣшила къ царю и просила дать ей воиновъ, чтобы разыскать и схватить епископа, обратившаго въ христіанство ея дочь, и привлечь его къ суду. Царь далъ ей много воиновъ конныхъ и пѣшихъ.

Между тѣмъ блаженная Пелагія, видя мать свою въ сильномъ гнѣвѣ, взяла съ собою нѣсколькихъ вѣровавшихъ во Христа слугъ, вышла съ ними тайно изъ дому и, переправившись чрезъ рѣку по имени Киднъ[1]), рѣшила здѣсь скрыться.

Мать ее, вернувшись домой съ воинами и не найдя Пелагіи дома, опечалилась еще больше и разослала повсюду воиновъ, приказавъ имъ искать Пелагію и епископа Клинона.

Воины разошлись по всѣмъ окрестностямъ, разспрашивая о Пелагіи по дорогамъ и разыскивая ее всюду по горамъ и пустынямъ, но не могли найти ее, потому что ее чудесно защищалъ Самъ Богъ. Святая Пелагія, сидя на берегу рѣки, видѣла на противоположномъ берегу воиновъ, разыскивавшихъ ее; но воины, у которыхъ въ это время по устроенію Божію закрылись ихъ тѣлесные очи, не видѣли ни ее, ни ея спутниковъ. Тогда святая сказала своимъ слугамъ:

— Видите ли вы, какъ Господь нашъ любитъ и покрываетъ рабовъ Своихъ, надѣющихся на Него?

Послѣ усиленныхъ безплодныхъ розысковъ воины вернулись, не отыскавъ ни епископа, ни Пелагіи. Это повергло мать Пелагіи въ величайшую скорбь и печаль, такъ что она казалась едва живой.

---

1) *Киднъ*—нынѣ Терсусъ-Чай—небольшая рѣка въ Киликіи; беретъ начало на Таврѣ и протекаетъ черезъ городъ Тарсъ.

Тогда Пелагія, ощутивъ въ сердцѣ своемъ внушеніе отъ Духа Святаго и воспылавъ любовію къ своему Небесному Жениху въ такой степени, что готова была отдать себя на мученія за Имя Христово, пошла въ домъ къ матери и начала такъ увѣщевать ее оставить свою ложную скорбь:

— Къ чему,—говорила Пелагія матери,—ты такъ гнѣваешься? Отчего ты не хочешь познать Истины? Ты не посовѣстилась созвать воиновъ для розысковъ святаго мужа, который чтитъ Бога Всевышняго, Создателя всей твари. Не стыдно ли тебѣ воздвигать брань на Бога Небеснаго! Не знаешь ли ты, что рабъ Его, епископъ, могъ бы молитвою упросить Его послать къ нему одного изъ Своихъ Ангеловъ, который во мгновеніе ока истребилъ бы всѣ полки воинскіе?

Это и многое другое говорила о Господѣ Іисусѣ Христѣ святая Пелагія, увѣщевая свою мать познать Истиннаго Бога, но безъ всякаго успѣха, такъ какъ мать ея была ослѣплена безуміемъ и ожесточена злобой. Она, не внимая богодухновеннымъ словамъ дочери, послала сказать царскому сыну слѣдующее:

— Твоя обручница посвятила себя христіанскому Богу.

Услышавъ это, юноша тотъ сильно огорчился. Его надежды рушились. Онъ вспомнилъ, какъ много христіанъ замучилъ его отецъ, не убѣдивъ, однако, ни одного изъ нихъ подчиниться ему. Въ смущеніи и печали сидѣлъ онъ одиноко въ своей палатѣ и разсуждалъ съ собою такъ:

«Если Пелагія увѣровала въ христіанскаго Бога и обручилась съ Нимъ, то ни за что не согласится она отступить отъ Него и стать моей женой. Что же мнѣ дѣлать? Предамъ ли ее на муки,—это ни къ чему не приведетъ, такъ какъ я знаю, съ какою великой радостью христіане сами предаютъ себя на муки и на лютѣйшую смерть за своего Бога. Такъ же сдѣлаетъ и Пелагія; конечно, она скорѣе предпочтетъ умереть, нежели стать моей женой; на мою же долю останется только стыдъ и еще бо́льшее горе. Стыдъ и позоръ будетъ мнѣ отъ этого посмѣянія надо мною отъ христіанъ, а печаль и горе—отъ ея смерти, такъ какъ я люблю ее безмѣрно и весь горю огнемъ любви къ ней. Знаю свою участь! Чтобъ не смотрѣть на ея муки и самому болѣе не страдать муками сердца, уязвленнаго любовью, убью я себя самъ, такъ какъ мнѣ лучше умереть одинъ разъ, чѣмъ ежедневно переживать муки смерти, презираемому и ненавидимому по причинѣ той любви, которой я пылаю».

Сказавши это, юноша тотъ вынулъ свой мечъ, обнажилъ свою грудь и, приставивъ остріе меча къ груди, съ плачемъ сказалъ:

— Пусть будетъ проклятъ тотъ часъ, въ который очи мои увидѣли великую красоту, которой я не могу ни насладиться, ни насытиться. Но вотъ, разомъ освобожусь я отъ всѣхъ своихъ страданій!

Послѣ этихъ словъ юноша сильно ударилъ себя мечомъ въ грудь и, пронзивъ ее, палъ на мечъ и умеръ.

Мать Пелагіи, узнавъ объ этомъ, пришла въ ужасъ, боясь, что царь Діоклетіанъ казнитъ ее со всѣмъ родомъ ея изъ мести за своего сына. Посему она сама связала дочь свою и привела ее къ царю, на нее одну возлагая вину смерти его сына и выдавая ее на смерть и казнь. Діоклетіанъ, посмотрѣвъ на мать и дочь, сказалъ имъ съ великою печалью въ сердцѣ:

— Что сдѣлали вы? Вы убили моего сына.

Мать отвѣтила ему такъ:

— Вотъ, я привела къ тебѣ виновницу смерти твоего сына. Казни ее и отомсти за эту смерть.

Между тѣмъ Діоклетіанъ засмотрѣлся на великую красоту Пелагіи, которая была прекраснѣе всѣхъ его женъ и наложницъ, такъ что никогда онъ еще не видалъ такой красивой женщины. Онъ думалъ теперь уже не о казни и не о мести, а о томъ, чтобы удовлетворить разгорѣвшейся въ немъ страсти. Онъ сталъ придумывать, какъ бы отвратить Пелагію отъ Христа и взять къ себѣ въ жены. Онъ приказалъ принести и положить предъ дѣвицей множество золота и драгоцѣнныхъ камней, желая прельстить этимъ Невѣсту Христову, а матери ея далъ сто талантовъ[1]) золота и отпустилъ ее. Она вернулась въ свой домъ, радуясь демонской радостью. Святая же Пелагія была оставлена въ царской палатѣ на попеченіе царскихъ служанокъ.

На слѣдующій день царь приказалъ привести къ себѣ святую дѣвицу съ честью, а самъ возсѣлъ на тронѣ во всемъ своемъ блескѣ, со всѣми своими совѣтниками. Множество воиновъ окружали его. Предъ столь великимъ собраніемъ обратился онъ къ святой дѣвицѣ съ такими словами:

---

[1]) *Талантъ*—слитокъ серебра или золота различной величины и цѣнности, въ зависимости отъ времени и мѣста обращенія. Древнееврейскій талантъ равнялся на наши деньги: золотой—26 875 р., серебряный—2016 р. Древнегреческій золотой талантъ равнялся приблизительно 1500 р.

— Одного прошу я у тебя, Пелагія, чтобы ты отверглась Христа; я же возьму тебя въ супружество, и будешь ты первою въ моемъ дворцѣ; я возложу на тебя вѣнецъ царскій, и всѣмъ царствомъ моимъ будешь обладать ты вмѣстѣ со мною. Если отъ тебя буду имѣть сына, то послѣ меня онъ сядетъ на престолѣ моемъ.

Святая Пелагія, исполнившись божественной ревности, безъ боязни отвѣчала ему:

— Ты безумствуешь, царь, говоря мнѣ такія рѣчи! Знай же, что я не исполню твоего желанія, ибо я гнушаюсь твоимъ мерзкимъ бракомъ, такъ какъ у меня есть Женихъ—Христосъ, Царь Небесный; не желаю я твоего царскаго, суетнаго и маловременнаго вѣнца, ибо у Господа моего въ Небесномъ Царствѣ мнѣ уготованы три нетлѣнныхъ вѣнца. Первый—за вѣру, такъ какъ я увѣровала всѣмъ сердцемъ моимъ въ Бога Истиннаго; второй—за чистоту, такъ какъ я вручила Ему мое дѣвство; третій—за мученичество, такъ какъ я хочу принять за Него всякую муку и положить душу мою ради моей любви къ Нему.

Услыхавъ такія слова, Діоклетіанъ сильно разгнѣвался и приказалъ разжечь мѣднаго вола, разсчитывая испугать тѣмъ святую дѣвицу. Когда волъ былъ раскаленъ, такъ что отъ него летѣли искры, какъ отъ горящаго угля, къ нему подвели святую дѣвицу. Среди народа, собравшагося на это зрѣлище, было много тайныхъ христіанъ. Видя дѣвицу, приготовившуюся на мученіе, они тайно молились о ней Богу, чтобъ Онъ укрѣпилъ ее свыше невѣдомой силой Своей. Царь и вельможи и ласками, и угрозами убѣждали ее исполнить царское желаніе, но она была непоколебима въ своемъ рѣшеніи.

Тогда царь велѣлъ совлечь съ нея всѣ одежды. Увидѣвъ, что ее хотятъ обнажить, святая громко сказала Діоклетіану:

— Лучше бы ты вспомнилъ, царь, о твоихъ женахъ и наложницахъ, такъ какъ я обладаю тѣмъ же тѣломъ, какъ и онѣ.

Но царь, воспылавъ похотью и желая насытить взоръ зрѣлищемъ дѣвической наготы, велѣлъ скорѣе обнажить ее. Но мученица, не дожидаясь, пока ея коснутся руки нечестивыхъ, сама, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, быстро совлекла съ себя всю свою одежду, бросила ее къ лицу царя и стала нагая предъ очами Ангеловъ и людей, красуясь какъ царскою багряницей единымъ дѣвическимъ стыдомъ. И начала она укорять царя въ такихъ словахъ:

— Считаю тебя, царь, подобнымъ тому змію, который прельстилъ Еву[1]) и подстрекнулъ Каина на убійство Авеля[2]), и тому демону, который просилъ у Бога позволенія искусить праведнаго Іова[3]). Но вскорѣ, врагъ Христовъ, ты погибнешь со всѣми твоими единомышленниками.

Сказавъ это, она снова сотворила на себѣ крестное знаменіе и сама пошла къ раскаленному волу, не дожидаясь, чтобъ ее туда бросили. Когда же она взялась руками за этого вола, то руки ея растаяли какъ воскъ отъ лютаго огня. Но она, какъ будто не чувствуя боли, вложила свою голову въ отверстіе вола и, войдя внутрь его, начала громко прославлять Бога, говоря:

— Слава Тебѣ, Господи, Единородный Сынъ Бога Вышняго, за то, что укрѣпилъ меня, немощную, на этотъ подвигъ и помогъ мнѣ побѣдить діавола и козни его. Тебѣ и Безначальному Твоему Отцу со Святымъ Духомъ да будетъ за то слава и поклоненіе во вѣки.

Сказавъ это, святая предала душу свою въ руки Пречистаго и Безсмертнаго своего Жениха и вошла съ нимъ въ Чертогъ Небесный при ликованіи и пѣніи Ангельскихъ Силъ[4]). Тѣло же ее честно̀е въ мѣдномъ волѣ растопилось какъ масло, разлилось какъ благовонное мѵро, такъ что весь городъ наполнился неизреченнымъ благоуханіемъ. Честны̀я кости ея нечестивый царь повелѣлъ выбросить изъ города, и онѣ были занесены на гору, называемую Литатонъ. Четыре льва, придя изъ пустыни, сѣли около нихъ, охраняя ихъ отъ другихъ звѣрей и плотоядныхъ птицъ.

Епископу Клинону было откровеніе отъ Бога о кончинѣ святой Пелагіи и о мѣстѣ, гдѣ находились кости. И епископъ пошелъ на ту гору, и нашелъ здѣсь честны̀я кости святой Пелагіи и охраняющихъ ихъ львовъ. Львы, увидавъ человѣка Божія, подошли къ нему и, преклонившись предъ нимъ, возвратились въ пустыню. Епископъ же, взявъ кости святой мученицы, отнесъ ихъ на самый высокій холмъ той горы и положилъ камень. Впослѣдствіи, въ царствованіе императора Константина[5]), когда

---

1) Кн. Быт., гл. 3, ст. 1—6.

2) Кн. Быт., гл. 4, ст. 2—16.

3) Кн. Іова, гл. 1, ст. 6—12.

4) Кончина святой мученицы Пелагіи послѣдовала въ 287-мъ году. Въ VIII в., при императорѣ Константинѣ Копронимѣ (съ 741 г. до 775 г.) ея честны̀я мощи были перенесены въ Константинополь и положены въ храмѣ ея имени.

5) Императоръ *Константинъ Великій* управлялъ Западною частью Римской имперіи съ 306 г. по 324 г.; какъ единовластитель управлялъ Западомъ и Востокомъ съ 324 г. по 337 г.

повсюду возсіяло благочестіе, онъ воздвигъ тамъ церковь надъ честными мощами невѣсты Христовой. На надгробномъ камнѣ епископъ Клинонъ сдѣлалъ такую надпись:

«Святая дѣвица Пелагія, посвятившая себя Богу и до конца подвизавшаяся за Истину, почиваетъ здѣсь своими мощами, душа же ея на Небесахъ царствуетъ съ Ангелами въ славѣ Христовой».

Такъ окончила свой подвигъ святая мученица Пелагія за Христа Господа нашего, Которому подобаетъ слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ, и всегда, и во вѣки вѣковъ.

Конда́къ, гла́съ г҃:

Бре́менная презрѣ́вши, и҆ нб҃ныхъ бла́гъ прича́стница бы́вши, вѣне́цъ страда́нїѧ ра́ди прїи́мши, пелагі́е всечⷭ҇тна́ѧ, ꙗ҆́кѡ да́ръ принесла́ є҆си крѡ́вныѧ пото́ки влⷣцѣ хрⷭ҇тꙋ̀. молѝ ѿ бѣ́дъ и҆зба́вити на́съ, твою̀ па́мѧть почита́ющихъ.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

СИЛЬВАНА,

епископа Кесійскаго[1])

и съ нимъ сорока мучениковъ

Святый священномученикъ Сильванъ происходилъ изъ окрестностей города Газы[2]) и былъ сперва воиномъ. Впослѣдствіи онъ оставилъ для Христовой вѣры воинство у земного царя и сталъ воиномъ Царя Небеснаго—Христа, почему и удостоился благодати священства: былъ сперва пресвитеромъ, а потомъ и епископомъ. Стоя во главѣ Христовой Церкви, онъ своимъ учительнымъ словомъ многихъ невѣрующихъ обратилъ къ Истинному Богу. За это

---

[1]) Святой священномученикъ *Сильванъ* называется епископомъ Кесійскимъ, т. е., кесарійскимъ по мѣсту осужденія его на каторжныя работы, а по мѣсту служенія онъ былъ газскимъ (или вблизи Газы), какъ это указано и въ Четьи-Минеяхъ.

[2]) Древній филистимскій городъ *Газа* находился въ Палестинѣ и расположенъ былъ недалеко отъ южной границы Іудеи, близъ береговъ Средиземнаго моря. Съ IV вѣка Газа была уже христіанскимъ городомъ; въ VII вѣкѣ она была покорена магометанами.

ревностные почитатели идоловъ схватили его и привели на судъ въ городъ Кесарію[1]). Здѣсь его подвергли сперва жестокому избіенію, потомъ повѣсили и строгали тѣло его и, наконецъ, онъ былъ осужденъ на работы въ мѣдныхъ рудникахъ[2]). Исполняя эти работы, святый мученикъ дошелъ до полнаго изнеможенія, но непрестанно исповѣдовалъ Христа Богомъ, за что язычники и отсѣкли мечомъ голову ему, а также и сорока другимъ мученикамъ, которые были наставлены имъ въ Христовой вѣрѣ[3]).

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

АЛВІАНА

епископа[4]) и ученика его

Святый священномученикъ Алвіанъ пострадалъ въ царствованіе императора Максиміана[5]), когда Асія[6]) находилась подъ управленіемъ Эліана. Святый Алвіанъ схваченъ былъ въ то время, когда нѣкій языческій жрецъ, по имени Агрипинъ, совершалъ жертвоприношенія идоламъ. Святаго стали принуждать принести жертву идоламъ и повергнуть на жертвенникъ ладонъ, но онъ на это съ достоинствомъ отвѣтилъ:

— Я воздаю хвалу вѣрѣ во Христа, а служеніе идоламъ поношу.

За это ему сперва обожгли раскаленными желѣзными прутьями животъ и голени. а потомъ безъ всякой пощады стали бить палками. Такими истязаніями мучители хотѣли принудить святаго

---

[1]) *Городъ Кесарія*, нѣкогда резиденція римскихъ прокураторовъ Палестины, находился въ предѣлахъ древней Самаріи на берегу Средиземнаго моря.

[2]) *Евсевій*, современникъ святыхъ мучениковъ, говоритъ, что Сильванъ осужденъ былъ на работы въ рудокопняхъ города Фена, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ, находился въ пустыняхъ Аравіи, а по Евсевію—въ Палестинѣ.

[3]) Святые мученики скончались въ 311 году.

[4]) *Святый священномученикъ Алвіанъ* былъ епископомъ въ городѣ Анеѣ, находившемся въ римской малоазійской провинціи Асіи.

[5]) Здѣсь разумѣется *Максиміанъ Галерій*, соправитель Діоклетіана, съ 305 года правившій Восточною частію Римской имперіи.

[6]) *Асіею* называлась небольшая, обильная водами, болотистая равнина въ Лидіи, т. е., средина западной части нынѣшняго малоазійскаго полуострова, на восточномъ берегу Эгейскаго моря. Въ ней находились упоминаемые въ Апокалипсисѣ (1, 11) семь малоазійскихъ городовъ, и она была нѣкоторое время мѣстомъ дѣятельности св. Апостола Іоанна Богослова.

отречься отъ Христа и принести жертву идоламъ, но на это не согласился ни онъ самъ, ни ученикъ его, вмѣстѣ съ нимъ подверженный мученіямъ. Послѣ сего онъ осужденъ былъ на сожженіе, для чего раскалили печь и бросили въ нее его и его ученика, гдѣ святые мученики и скончались[1]).

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ЕРАЗМА

Блаженный Еразмъ, съ юныхъ лѣтъ своихъ воспылавъ любовію ко Христу, ревностно исполнялъ Его заповѣди и поставленъ былъ епископомъ города Форміи[2]). Когда нечестивый императоръ Діоклетіанъ, подвергая христіанъ мученіямъ, привелъ въ смятеніе жителей городовъ своего царства, то святый Еразмъ оставилъ свою каѳедру и бѣжалъ въ Ливанскія горы[3]), гдѣ и пробылъ, скрываясь отъ гонителей, семь лѣтъ. Однажды онъ услышалъ съ Неба голосъ Ангела, который сказалъ ему:

— Еразмъ! Никто не побѣдитъ враговъ, если будетъ спать. Иди же въ городъ свой, мужественно подвизайся и побѣдишь враговъ.

Когда послѣ этихъ словъ Еразмъ отправился въ указанный ему Ангеломъ путь, то его встрѣтили воины и спросили: «Какого Бога ты почитаешь?» Святый Еразмъ объявилъ себя христіаниномъ. Тогда воины схватили его и привели въ Антіохію[4]) къ императору Діоклетіану. На дорогѣ святый открыто призналъ себя христіаниномъ, и императоръ приказалъ бить его палками, но онъ обличилъ императора. Тогда послѣдній повелѣлъ бить его свинцовыми прутьями, и такъ какъ и послѣ этого онъ остался непоколебимымъ въ своей вѣрѣ, то по приказанію мучителя его подвергли новымъ мученіямъ: желѣзными скобами острогали сперва всю кожу на тѣлѣ его, а потомъ растопили смолу и сѣру и стали лить ее на раны, но это не причинило ему никакой боли. Послѣ

[1]) По Миню, святые мученики скончались въ 304 году.

[2]) *Городъ Формія* находился въ Италіи у Кастанскаго залива на берегу Средиземнаго моря.

[3]) *Ливанскія горы* находятся въ Сиріи.

[4]) *Антіохія*, древняя столица Сиріи, расположена была на берегахъ рѣки Оронта, недалеко отъ впаденія ея въ Средиземное море.

этого мучитель повелѣлъ наложить на его шею тяжелыя желѣзныя оковы и заключить его въ темницу, но Ангелъ Господень, открывъ двери темницы, освободилъ его отъ оковъ и сказалъ ему:

— Иди за мною, я отведу тебя въ Италію. Много людей и тамъ ты приведешь ко спасенію.

Послѣ сего Ангелъ привелъ святаго Еразма въ городъ Ликій[1]) и тамъ оставилъ его. Еразмъ сталъ учить всѣхъ вѣрѣ во Христа и крестить. Онъ совершалъ при этомъ великія чудеса, воскресилъ между прочимъ сына одного знатнаго человѣка, по имени Анастасія, и крестилъ послѣ этого десять тысячъ человѣкъ. Максиміанъ[2]), узнавъ объ этомъ, послалъ воиновъ, чтобы тѣ привели его въ Италію, и, когда святый былъ приведенъ, повелѣлъ бить его по щекамъ и угрожалъ ему распятіемъ на крестѣ, если онъ не принесетъ жертвы языческимъ богамъ. Тогда Еразмъ сказалъ ему:

— Гдѣ же находятся боги твои, чтобы я могъ принести имъ жертву?

Святаго привели въ храмъ Юпитера. Здѣсь онъ помолился, и по молитвѣ его всѣ идолы попадали, а изъ храма вышелъ огонь и попалилъ идолопоклонниковъ, такъ что Максиміанъ вынужденъ былъ бѣжать изъ города. Послѣ сего святый Еразмъ крестилъ здѣсь много народа и ушелъ въ городъ Сирмій[3]). Въ этомъ городѣ, по повелѣнію Максиміана, онъ опять былъ схваченъ и подверженъ новымъ мученіямъ. На него надѣли мѣдную броню и посадили на раскаленное ложе, а ноги прибили гвоздями къ землѣ. Послѣ сего обложили ложе дровами до верха и, зажегши дрова, стали поливать ихъ смолою и масломъ, но дрова сгорѣли, а святый остался невредимымъ. Максиміанъ убоялся народа и ушелъ во дворецъ, а Ангелъ Господень, взявъ святаго, привелъ его въ городъ Формію, гдѣ имъ крещено было еще множество народа. Послѣ всего этого святый Еразмъ съ молитвою благодаренія за все предалъ душу свою въ руки Божіи[4]), и христіане съ честію похоронили его.

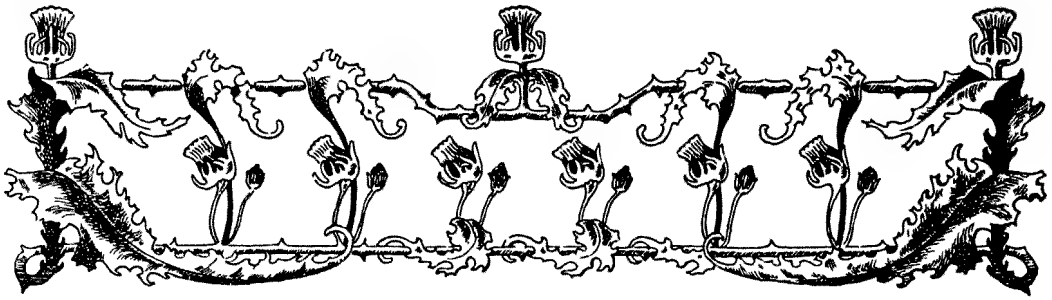
---

1) *Мѣстоположеніе города Ликія* указываютъ различно. По Никодиму, это былъ македонскій городъ Лихнидъ, расположенный на берегу озера того же имени.

2) *Максиміанъ Геркулъ,* носившій титулъ августа, былъ соправителемъ Діоклетіана и управлялъ Западною половиною Римской имперіи съ 285 г. до 305 г.

3) *Городъ Сирмій* находился въ Иллиріи на берегу притока рѣки Дуная Савы.

4) Святый священномученикъ скончался въ 303 году, 10 іюля. При св. папѣ Григоріи (590—604) мощи его находились въ Форміи, а въ IX вѣкѣ — перенесены въ Кайсту.



День пятый

СТРАДАНІЕ

СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ

ИРИНЫ

Въ тѣ времена, когда свѣтъ святой вѣры христіанской благодаря проповѣди Апостоловъ возсіялъ среди людей, погруженныхъ во тьму служенія идоламъ, въ городѣ Магеддонѣ [1]) жилъ князь по имени Ликиній [2]). У него была жена, носившая такъ же, какъ и онъ, имя Ликиніи. Родившуюся у нихъ дочь они назвали Пенелопою. Когда она стала подрастать и ей исполнилось 6 лѣтъ, она оказалась необычайно прекрасна лицомъ, такъ что затмевала своей наружностью всѣхъ своихъ сверстницъ. Отецъ ея построилъ для нея далеко за городомъ на живописномъ мѣстѣ столпъ, въ которомъ заключалось много комнатъ, убранныхъ съ самымъ изящнымъ вкусомъ и блиставшихъ богатствомъ. Креслы, столы, свѣтильники, ложа и всѣ сосуды были здѣсь окованы чистымъ

---

1) *Магеддонъ*, или *Мигдонія*,—городъ во Ѳракіи—области, расположенной по сѣверному берегу Эгейскаго моря.

2) Упоминаемаго здѣсь князя Ликинія слѣдуетъ отличать отъ императора Римскаго Ликинія (царствовалъ съ 311 г. по 324 г.), управлявшаго Восточною половиною Римской имперіи. Послѣдній имѣлъ въ супружествѣ Констанцію, сестру Константина Великаго; а этотъ—Ликинію; тотъ жилъ въ славномъ городѣ Никомидіи, а этотъ — въ Магеддонѣ; тотъ погибъ въ своемъ нечестіи, а этотъ честно скончался, увѣровавъ во Христа; наконецъ, тотъ жилъ въ началѣ IV столѣтія, а этотъ — въ концѣ I столѣтія, почти во времена апостольскія.

золотомъ. На этотъ столпъ онъ возвелъ дочь свою Пенелопу вмѣстѣ съ тринадцатью красивыми дѣвушками и поставилъ тамъ своихъ золотыхъ идоловъ, чтобы они хранили его дочь. Въ этомъ столпѣ онъ и назначилъ жить дочери, пока она не достигнетъ брачнаго возраста. Ликиній приставилъ къ своей дочери въ качествѣ воспитательницы одну честную старицу по имени Карію, приказавъ ей постоянно быть съ дочерію и вкушать пищу вмѣстѣ съ нею и поручивъ ей начальство надъ всѣми дѣвушками. Кромѣ того, Ликиній поручилъ одному почтенному и благоразумному старцу, по имени Апеліану, ежедневно ходить къ его дочери и обучать ее книжной премудрости. Такъ провела дѣвица шесть лѣтъ и три мѣсяца, и когда ей исполнилось 12 лѣтъ, отецъ ея сталъ размышлять, кому изъ славнѣйшихъ княжескихъ сыновей отдать ее въ супружество [1]).

Однажды, когда дѣвица сидѣла въ своей комнатѣ, къ ней въ открытое окно, обращенное на востокъ, влетѣлъ голубь, державшій въ своемъ клювѣ маленькую вѣтвь; положивъ ее на столъ, онъ тотчасъ вылетѣлъ чрезъ окно изъ комнаты. Затѣмъ черезъ часъ влетѣлъ въ комнату орелъ съ вѣнкомъ изъ разныхъ цвѣтовъ, и онъ также, положивъ вѣнокъ на столъ, тотчасъ улетѣлъ. Потомъ еще другимъ окномъ влетѣлъ воронъ, несшій въ клювѣ малую змѣю, которую онъ положилъ на столъ, а самъ также улетѣлъ.

Видя все это, отроковица вмѣстѣ со своею воспитательницею весьма удивлялись, недоумѣвая, что предвѣщалъ этотъ прилетъ птицъ? Когда учитель Апеліанъ пришелъ къ нимъ, онѣ разсказали ему о происшедшемъ. Апеліанъ былъ тайный христіанинъ и обладалъ даромъ прозорливости. Обсудивъ въ себѣ все, переданное ими, онъ сказалъ, обратившись къ Пенелопѣ:

— Знай, дочь моя, что голубь означаетъ твой добрый нравъ, твою кротость, смиреніе и дѣвическое цѣломудріе. Вѣтвь маслины знаменуетъ Божію благодать, которая будетъ подана тебѣ чрезъ Крещеніе. Орелъ, высоко парящій, изображаетъ собою царя и побѣдителя, знаменуетъ, что ты будешь царствовать надъ своими страстями и, возвысившись Богомысліемъ, побѣдишь невидимыхъ враговъ, какъ орелъ побѣждаетъ птицъ. Вѣнокъ же изъ цвѣтовъ есть знаменіе воздаянія, которое примешь ты за твои подвиги отъ Царя Христа въ Небесномъ Его Царствѣ, гдѣ готовится тебѣ

[1]) Въ древности на Востокѣ дѣвушки выдавались замужъ въ очень юномъ возрастѣ (это было въ обычаѣ и у насъ, на Руси, въ старину).

нетлѣнный вѣнецъ вѣчной славы. Воронъ со змѣею знаменуетъ врага-діавола, силящагося нанести тебѣ скорбь, печаль и гоненіе. Знай же, дѣвица, что Великій Царь, содержащій въ Своей власти небо и землю, хочетъ обручить тебя въ невѣсту Себѣ, и ты претерпишь за Имя Его многія страданія.

Ст҃а́ѧ мч҃нца
І҆ри́на

Слушая своего учителя, отроковица слагала слова его въ своемъ сердцѣ, и въ это сердце мало-помалу сталъ проникать огонь Божественной любви.

На слѣдующій день вошелъ къ Пенелопѣ на столпъ отецъ ея, князь Ликиній съ княгинею и со своими придворными. Онъ хотѣлъ видѣть ее и поговорить съ ней о ея бракѣ. Увидѣвъ, что лицо ея сіяетъ красотой, какъ лучомъ солнечнаго свѣта, онъ чрезвычайно обрадовался и сказалъ ей:

— Вотъ, дорогое дитя мое, ты достигла уже брачнаго возраста. Скажи же мнѣ теперь: сынъ котораго князя нравится тебѣ больше всѣхъ другихъ? За того юношу я и отдамъ тебя въ замужество.

И онъ назвалъ ей имена сыновей многихъ окрестныхъ князей. Дѣва Пенелопа отвѣчала своему отцу:

— Отецъ мой! Дай мнѣ лишь семь дней на размышленіе, и потомъ я отвѣчу тебѣ.

Исполняя ее желаніе, отецъ оставилъ ее и пошелъ къ себѣ домой.

Когда Ликиній ушелъ, Пенелопа, подойдя къ идоламъ, сказала имъ:

— Если вы боги, то вы услышите меня: отецъ мой хочетъ отдать меня въ замужество, а я хотѣла бы остаться въ дѣвствѣ, потому что житейскія попеченія препятствуютъ служить отъ всего сердца Богу. Скажите же: идти ли мнѣ замужъ, или нѣтъ?

Нѣмые идолы молчали, потому что были бездушны. Плюнувъ на нихъ, Пенелопа обратилась на востокъ и, смотря на высоту небесную, сказала:

— Если Ты Богъ Истинный—Тотъ, Котораго проповѣдуютъ христіане, молю Тебя—скажи мнѣ: слѣдуетъ ли мнѣ взять мужа, или всегда оставаться дѣвой?

Такъ какъ былъ уже вечеръ, то Пенелопа задремала. Во снѣ увидѣла она Ангела Божія, который ей сказалъ слѣдующее:

— Пенелопа! Съ этихъ поръ ты будешь называться не Пенелопою, но Ириною, ибо ты будешь многимъ прибѣжищемъ и мирнымъ пристанищемъ[1]) и чрезъ тебя обратятся къ Богу и спасутся многія тысячи душъ человѣческихъ. Твое имя будетъ велико и дивно по вселенной. То, что сказалъ тебѣ старецъ Апеліанъ о видѣнныхъ тобою птицахъ, истинно, такъ какъ это Духъ Божій говорилъ его устами. Въ эту ночь придетъ къ тебѣ человѣкъ Божій по имени Тимоѳей[2]), наставленный въ ученіи христіанскомъ и принявшій священство отъ святаго Апостола Павла. Этотъ человѣкъ разноситъ по церквамъ и посланія Апостола Павла[3]). Онъ сподобитъ тебя Святаго Крещенія и скажетъ тебѣ, что ты должна дѣлать.

Послѣ этихъ словъ Ангелъ исчезъ. Пенелопа же, придя въ себя, ощутила радость и съ нетерпѣніемъ ждала прихода пресвитера.

Въ скоромъ времени дѣйствительно пришелъ къ столпу человѣкъ Божій Тимоѳей, ведомый и возведенный на столпъ Ангеломъ Божіимъ. Радостно принятый дѣвицею, онъ сѣлъ и сталъ учить

---

1) Имя *Ирина* происходитъ отъ греческаго слова εἰρήνη—миръ, благоденствіе.

2) *Тимоѳей*—ученикъ, спутникъ и сотрудникъ святаго Апостола Павла. Онъ раздѣлялъ не только труды и славу апостольства, но и узы и страданія святаго Апостола Павла и былъ рукоположенъ имъ въ перваго епископа Ефесской Церкви. Церковное преданіе свидѣтельствуетъ, что апостолъ Тимоѳей по смерти Апостола Павла въ продолженіе 15-ти лѣтъ управлялъ Ефесскою Церковью и, наконецъ, окончилъ свое служеніе мученическою смертію въ царствованіе Домиціана (съ 87 г. по 96 г.) или Нервы (съ 96 г. по 98 г.) въ одинъ языческій праздникъ, будучи побитъ камнями отъ раздраженныхъ его обличительною проповѣдію язычниковъ.—Память святаго апостола Тимоѳея совершается Церковію 22-го января.

3) *Святый Павелъ*, до призванія своего въ апостолы называвшійся Савломъ,—величайшій изъ Апостоловъ, болѣе всѣхъ другихъ апостоловъ потрудившійся въ дѣлѣ благовѣстія Евангельскаго, какъ замѣчаетъ онъ самъ (1 Посл. къ Коринѳ., гл. 15, ст. 10). Онъ проповѣдовалъ Имя Христово въ Аравіи, Палестинѣ, Кесаріи, Малой Азіи, Греціи, Италіи и другихъ мѣстахъ. Апостолъ Павелъ написалъ 14 Посланій, въ которыхъ онъ разъясняетъ самыя глубокія тайны христіанскаго богословія. Скончался въ Римѣ около 67 г., будучи усѣченъ мечомъ по повелѣнію императора Нерона (съ 54 г. по 68 г.).—Память его совершается святою Церковію 29 іюня.

ее, ея воспитательницу, а также и всѣхъ подругъ ея ученію христіанскому, и пріятными показались всѣмъ слова его. Достаточно поучивъ ихъ въ вѣрѣ и открывъ имъ все, что подобало знать объ Истинномъ Богѣ Іисусѣ Христѣ, о святой вѣрѣ въ Него и о Таинствахъ христіанскихъ, онъ крестилъ Пенелопу во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. При Крещеніи Тимоѳей нарекъ ей новое имя — Ирина и, такимъ образомъ, уневѣстилъ ее Христу, завѣщавъ ей до конца сохранить въ цѣломудріи свое дѣвство. Тимоѳей крестилъ также воспитательницу ея Карію и всѣхъ ея служанокъ; затѣмъ онъ началъ увѣщевать Ирину быть мужественной въ мученическомъ подвигѣ, который ей надлежитъ воспріять за исповѣданіе Имени Господа нашего Іисуса Христа, Бога Истиннаго, безсмертнаго Жениха ея. Затѣмъ Тимоѳей благословилъ Ирину и ея сверстницъ и, поручивъ всѣхъ ихъ благодати Божіей, простился съ ними.

Блаженная же Ирина съ служанками своими днемъ и ночью славила и благодарила Бога и усердно изучала апостольскія писанія, которыя оставилъ ей святый Тимоѳей[1]). Затѣмъ она брала золотыхъ идоловъ, поставленныхъ отцемъ, и свергала ихъ по одному чрезъ окно внизъ, говоря:

— Если вы боги, спаситесь сами.

Падая съ большой высоты на землю, идолы разбивались и разсыпались въ прахъ, святая же посмѣивалась ихъ безсилію и радовалась о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, Богѣ Истинномъ.

Когда прошло семь дней, отецъ и мать Ирины съ вельможами взошли къ ней на столпъ и заговорили съ ней о бракѣ. Она имъ отвѣчала:

— Знайте, что я — раба Христа, въ Него я вѣрую, Его люблю, вѣчнаго Царя Небеснаго. Я уневѣстила себя этому Жениху — Чистому, Небесному и Безсмертному. Другаго жениха я не желаю и не поклонюсь иному богу, ибо нѣтъ Бога, кромѣ Него. Развѣ не видѣли вы, — продолжала Ирина, — гибели вашихъ боговъ, упавшихъ съ окна на землю? Они не могли себѣ помочь. Какъ же они могутъ быть вашими помощниками? Тщетна ваша надежда на нихъ и суетны всѣ ваши труды и траты на идоловъ. Золото и серебро надо было раздать просящимъ, нищимъ, сиротамъ и вдовамъ: вы же, призвавъ ремесленниковъ, сковали себѣ бездуш-

[1]) Апостолъ Тимоѳей дѣятельно распространялъ среди христіанъ Посланія святаго Апостола Павла, особенно тѣ (два), которыя были написаны на его имя.

ныхъ идоловъ и лишили черезъ это нищихъ милостыни; вы сдѣлались благодаря этому врагами Бога Живаго и слугами бѣсовъ. До которыхъ же поръ вы будете неистовствовать, подобно необъѣзженной лошади? Когда же вы познаете Бога Живаго, познаете Того, Кто можетъ умерщвлять и оживлять? Когда же Свѣтъ Божій возсіяетъ въ сердцахъ вашихъ, тогда діаволъ, влекующій человѣка отъ Свѣта во тьму, въ погибель, совращающій людей съ правой стези на неправую, отбѣжитъ отъ васъ. Но вы первые постарайтесь теперь же бѣжать отъ діавола, потому что онъ золъ и лютъ. Онъ соблазнитель, закрывающій очи сердецъ вашихъ, дабы вы не познали Истины. Я прошу тебя, отецъ, я умоляю тебя: познай Истиннаго Бога, создавшаго все Своимъ словомъ. Когда ты задумалъ воздвигнуть для меня этотъ столпъ, ты собралъ для этого дѣла много людей: однихъ работниковъ было три тысячи пятьсотъ человѣкъ и триста надсмотрщиковъ; и несмотря на это, они едва успѣли въ десять мѣсяцевъ выстроить зданіе. Богъ же Вѣчный единымъ Словомъ Своимъ сотворилъ небо и солнце, мѣсяцъ и звѣзды, свѣтъ и тьму и нарекъ свѣтъ днемъ, а тьму ночью; Онъ содержитъ землю въ воздухѣ, повелѣлъ водамъ течь на пользу намъ, возрастилъ разныя деревья, расположилъ времена, годы и мѣсяцы, создалъ звѣрей на землѣ, птицъ на воздухѣ и рыбъ въ водахъ; наконецъ, пречистыми Своими руками создалъ человѣка, взявъ персть отъ земли, и поставилъ его господиномъ всей вселенной, покоривъ ему все. И все это совершилъ Богъ въ шесть дней однимъ Словомъ Своимъ, Которое есть Единородный Сынъ Его, Іисусъ Христосъ, рожденный отъ Него, не сотворенный, соприсносущный и сопрестольный Ему. Онъ, по дѣйству Святаго Духа, родился и воплотился отъ Пречистой Приснодѣвы Маріи и пожилъ съ людьми, творя безчисленныя чудеса: даровалъ зрѣніе слѣпымъ, очищалъ прокаженныхъ, воскрешалъ мертвыхъ и воздвигалъ разслабленныхъ. Евреи по зависти распяли Его по Его собственному изволенію—пострадать ради нашего спасенія. Но Онъ по смерти и погребеніи Своемъ воскресъ въ третій день силою Своего Божества, вознесся на Небо, сѣвъ одесную Бога Отца, низвелъ Святаго Духа на Своихъ учениковъ и послалъ ихъ во вселенную, дабы они просвѣтили помраченныхъ духомъ, обратили заблуждающихся и спасли погибшихъ; ибо Онъ всѣмъ желаетъ спасенія и милость Его къ роду человѣческому не оскудѣетъ во вѣкъ.

Такъ говорила святая, и сладостною всѣмъ показалась рѣчь ея. Князь и княгиня взяли свою любезную дочь и повели ее съ собой въ городъ. Навстрѣчу ей вышли всѣ городскія дѣвицы съ вѣнками на головахъ и кланялись ей, а весь народъ, собираясь на возвышенныхъ мѣстахъ, на стѣнахъ оградъ и на кровляхъ домовъ, выражалъ радостные крики и похвалы прекрасной дѣвицѣ. Когда приближались они къ княжескому дворцу, святая Ирина увидѣла демона, который взывалъ къ ней:

— Ничего общаго нѣтъ у меня съ тобою въ этомъ городѣ, отроковица; уйди изъ нашего города, ибо здѣсь не живетъ никто изъ христіанъ.

Святая же сказала ему:

— Повелѣваю тебѣ Именемъ Господа Іисуса Христа сказать мнѣ, кто ты.

Онъ отвѣчалъ:

— Я—демонъ, живущій въ идолахъ, учитель блудниковъ и прелюбодѣевъ, поспѣшникъ волхвамъ, вождь враговъ, другъ пьяницамъ, я радуюсь кровопролитію, я — отецъ всякой неправды и лжи, и всякаго зла. Я опять говорю тебѣ: иди и бѣги изъ нашего города, а то я подвигну на тебя твоего отца, возбужу его гнѣвъ на тебя, и онъ убьетъ тебя.

Многіе слышали этотъ голосъ демона, но не видѣли его самого. Блаженная же Ирина, обратившись, сказала ему:

— Повелѣваю тебѣ Именемъ Господа Іисуса Христа выйти изъ этого города.

Тотчасъ вострепеталъ демонъ и сталъ невидимъ.

Затѣмъ демонъ вошелъ въ сердце князя и возбудилъ въ немъ гнѣвъ противъ его дочери. Призвавъ княгиню, Ликиній сказалъ ей:

— Что намъ дѣлать? Наша дочь уловлена въ сѣти христіанами. Ахъ, зачѣмъ я воздвигъ этотъ столпъ! Я хотѣлъ сохранить своего ребенка, а вмѣсто того погубилъ его. Теперь погибли всѣ мои надежды.

Княгиня отвѣчала ему:

— Какія ты странныя рѣчи говоришь! Чѣмъ прельстилась наша дочь и что дурное она сдѣлала?

Князь отвѣчалъ:

— Она вѣруетъ во Христа и отрицаетъ нашихъ боговъ.

— Пусть же погибнутъ,—возразила ему княгиня,—боги, не

сотворившіе неба и земли, а моя дочь да сподобится славы Христа Царя, призвавшаго ее въ жизнь вѣчную!

Въ гнѣвѣ князь приказалъ вывести княгиню изъ дворца. Одна изъ служанокъ передала эту вѣсть Иринѣ, и та пошла къ своему отцу. Когда царь увидѣлъ любимую дочь свою, онъ поникъ головой. Но въ душѣ его, по навѣту діавола, бушевалъ гнѣвъ. Святая Ирина сказала отцу:

— Отчего ты такъ печаленъ, отецъ мой? Царство твое мирно, тебѣ не грозитъ война; вотъ я, твоя дочь, пришла къ тебѣ; почему же лицо твое такъ печально?

Ликиній отвѣчалъ ей:

— Мнѣ было бы лучше, если бъ я тебя не родилъ. Какъ внимательно я заботился о тебѣ, воздвигъ для тебя прекрасный столпъ, поставилъ въ немъ для сохраненія тебя золотыхъ идоловъ, ради тебя украсилъ золотомъ столы и ложа, а ты воздала мнѣ за добро зломъ.

— Объясни мнѣ, отецъ, какое зло я тебѣ сдѣлала? — сказала ему святая Ирина.

— А развѣ для меня немалое горе въ томъ, что дочь моя признаетъ Христа Богомъ и отрицается отъ моихъ боговъ?

Святая отвѣчала:

— Отецъ! Я не сдѣлала ничего дурного, увѣровавъ въ Истиннаго Бога и возложивъ мою надежду на Него, а не на твоихъ идоловъ.

— Принеси жертву богамъ, Пенелопа! — раздался грозный крикъ князя.

— Не измѣняй имени моего, отецъ: я называюсь не Пенелопой, а Ириной, и это имя наречено мнѣ Ангеломъ въ видѣніи и священникомъ при Крещеніи,— съ кротостью отвѣчала Ликинію святая Ирина.

— Принеси жертву богамъ, не мое, а чужое дитя! — воскликнулъ опять Ликиній.

— Не принесу имъ жертвы. Это они возбуждаютъ тебя на гнѣвъ; благодаря имъ ты будешь мучиться въ огнѣ вмѣстѣ съ язычниками.

Внѣ себя отъ гнѣва князь приказалъ связать дѣвицу и бросить ее подъ копыта свирѣпымъ конямъ. Когда приказаніе Ликинія начали исполнять, пришелъ онъ самъ, чтобы видѣть смерть ея. Но одинъ, самый свирѣпый конь, оторвался отъ привязи, бро-

сился на Ликинія и, схвативъ его правую руку, вырвалъ ее изъ плечъ, затопталъ до смерти князя и потомъ всталъ спокойно на своемъ мѣстѣ. Всѣ прочіе кони вели себя кротко, какъ агнцы, и не коснулись святой Ирины. Конь же, убившій Ликинія, по Божію повелѣнію возопилъ человѣческимъ голосомъ, такъ ублажая святую мученицу:

— Блаженна ты, голубица Христова, поправшая змія[1]). Славна ты на землѣ и будешь съ любовью принята на Небѣ. Ты будешь ликовать среди праведныхъ. Тебя ждетъ свѣтъ вѣчный и чертогъ безсмертнаго Жениха — какъ мудрую и мужественную дѣвицу: будучи женщиной по природѣ, ты выказываешь храбрость воина.

Когда со святой Ирины сняты были узы, она воскресила молитвою своею мертваго отца своего и исцѣлила его руку. Видя такое чудо, увѣровали во Христа князь съ княгинею, и весь домъ ихъ, и много народа,—всего около трехъ тысячъ человѣкъ.

Ликиній вскорѣ оставилъ управленіе своимъ княжествомъ, чтобы свободнѣе служить Христу, и поселился со своей супругой и приближенными людьми въ томъ самомъ столпѣ, который когда-то воздвигъ для своей дочери; святая же Ирина осталась въ городѣ, научая народъ вѣрѣ во Христа, и многихъ привела ко Христу Богу. Жила же она въ домѣ своего учителя Апеліана.

Послѣ Ликинія управленіе государствомъ принялъ другой царь, по имени Седекія. Услышавъ объ Иринѣ, онъ призвалъ къ себѣ Апеліана и спросилъ его, у него ли находится дѣвица — царская дочь Ирина. Апеліанъ отвѣчалъ на это утвердительно. Седекія спросилъ его:

— Не знаешь ли ты, какъ она живетъ?

Старецъ отвѣчалъ ему:

— Она живетъ такъ же, какъ я и всѣ, вѣрующіе въ Бога Истиннаго. Жизнь ея проходитъ въ томъ, что она каждый день постится до вечера, вечеромъ же съѣдаетъ небольшой кусокъ хлѣба и выпиваетъ одну чашку воды, ложа не имѣетъ и отдыхаетъ недолго на голой землѣ; день и ночь она проводитъ въ молитвахъ къ Богу и занимается чтеніемъ божественныхъ книгъ.

Удивился князь, услыхавъ это, и послалъ за Ириной епарха[2]), приказавъ ему съ честью привести дѣвицу къ нему. Придя къ нему, святая Ирина сказала:

---

[1]) Т. е. врага спасенія рода человѣческаго—діавола.

[2]) *Епархъ*—начальникъ города или области.

— Радуйся, князь!

Седекія отвѣчалъ ей:

— Радуйся и ты, чудная отроковица!

— Зачѣмъ ты призвалъ меня?—спросила его Ирина.

— Сядемъ и будемъ бесѣдовать мирно и любовно,—былъ царскій отвѣтъ.

Святая дѣвица сказала:

— Я исполняю слова Святаго Писанія, которое говоритъ: **съ нечестивыми не сѧдꙋ и со законопрестꙋпными не внидꙋ**[1]).

— Въ чемъ же мы преступны?—спросилъ Седекія.

Святая дѣвица отвѣчала на это:

— Всякій язычникъ, не вѣдущій Истиннаго Бога и поклоняющійся идоламъ, есть преступникъ.

— Ты принуждаешь меня, несмотря на мое нежеланіе, мучить тебя, не щадя тебя, княжеской дочери,—возразилъ Седекія.

— Зачѣмъ же ты попусту тратишь время на разговоры,—мужественно отвѣчала ему святая Ирина:—начинай же мучить меня: я готова на всякую муку за Христа моего.

— Оставь свое безуміе, дѣвица, принеси жертву богамъ.

Святая отвѣчала на это:

— Напрасно ты безпокоишься, царь, смущаемый сатаною: знай, что я не послужу бѣсу и не пощажу плоти моей ради Христа Господа моего.

Исполнившись гнѣва, князь сталъ совѣтоваться съ епархомъ, какой бы казни предать святую. По приказанію мучителя выкопали глубокій ровъ и наполнили его змѣями, пресмыкающимися и всякими гадами, и бросили туда святую дѣвицу. Но она осталась тамъ здрава и невредима въ теченіе десяти дней, ибо Ангелъ Господень сошелъ къ ней въ ровъ и сохранилъ ее невредимою; всѣ же гады, бывшіе тамъ, издохли.

Седекія, узнавъ, что мученица осталась живою во рву, удивлялся и полагалъ, что она обворожила гадовъ силою волшебства своего и убила ихъ. Онъ приказалъ извлечь ее изъ рва и привести къ нему на допросъ. Сѣвъ на судилищѣ, онъ сказалъ ей:

— Принеси жертву богамъ, которые тебя пощадили: вотъ, они умертвили змѣй, тебя же сохранили живою, чтобъ ты познала ихъ силу и милосердіе и поклонилась имъ.

---

[1]) Псал. 25, ст. 4—5.

Святая отвѣчала на это:

— Безумецъ, прельщенный сатаною, котораго я презираю! Развѣ эти деревянные или каменные идолы когда-либо умерщвляли змѣй? Ты самъ вскорѣ будешь вверженъ въ ровъ преисподняго ада съ богами твоими, которымъ ты служишь, и погрязнешь **во тьмѣ кромѣшней**, уготованной тебѣ сатаною: **тꙋ бꙋ́детъ пла́чъ и скре́жетъ зꙋбѡ́мъ**[1]).

Князь во гнѣвѣ призвалъ плотниковъ съ желѣзной пилой и приказалъ имъ перепилить святую дѣвицу. Когда святую привязали къ дереву и начали пилить, то пила не касалась дѣвическаго тѣла и притуплялась какъ бы объ острый камень; наконецъ, переломилась по срединѣ. Была принесена другая пила, но и эта переломилась, а пилившіе упали, ранили себя обломками пилы и умерли. Наконецъ, была принесена третья, самая острая и крѣпкая пила, и Седекія приказалъ пилить дѣвицу по чресламъ ея. Связавъ, ее положили на землѣ, грудь же ея придавили большимъ камнемъ, и начали пилить святое тѣло великомученицы: на сей разъ коснулась пила тѣла, и потекла изъ него кровь. Седекія тогда со смѣхомъ сказалъ мученицѣ:

— Гдѣ же Богъ твой? Пусть Онъ придетъ теперь и поможетъ тебѣ, если есть у Него сила.

При этихъ словахъ Седекіи внезапно блеснула молнія, раздался страшный громъ, поднялся вихрь въ воздухѣ; слуги, терзавшіе тѣло святой мученицы, лишились чувствъ. Князь въ страхѣ побѣжалъ въ свой дворецъ, и народъ бросился съ площади по своимъ домамъ; пролился великій дождь, словно потокъ, съ сильнымъ градомъ, и многіе изъ мучителей пали мертвыми, убитые молніею, громомъ и градомъ. А Ангелъ Господень, сойдя съ Неба, снялъ камень съ груди святой мученицы, исцѣлилъ язвы ея и воздвигъ ее здоровой.

Восемь тысячъ человѣкъ, видя это чудо, увѣровали во Христа. Но князь, наущаемый діаволомъ, снова приказалъ схватить святую и снова началъ разсуждать съ епархомъ, какъ бы погубить ее. Мучители придумали для нея такую казнь: ее привязали къ мельничному колесу, чтобы оно въ своемъ вращеніи истерзало ее. Но, когда пустили воду подъ колесо, вода остановилась, какъ будто окаменѣвъ; ни одна капля ея не потекла, и святая была невредима. Князь же съ совѣтниками своими воскликнулъ:

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 25, ст. 30.

— О, какъ велика ея волшебная сила, которая претворила водную стихію въ иное вещество.

Народъ, смотря на это чудо, возмутился противъ нечестиваго князя, и съ громкимъ крикомъ укоренія и досады сталъ бросать въ него каменьями и изгналъ его изъ города. Онъ же, придя на свою родину, прожилъ здѣсь семь дней и умеръ отъ печали, гнѣва и стыда.

По смерти Седекіи сынъ его Савахъ, желая отомстить за позоръ своего отца, собралъ много воиновъ, числомъ около ста тысячъ, и пошелъ войной на городъ Магеддонъ. Жители этого города, узнавъ о приближеніи царя Саваха, въ страхѣ затворились въ городѣ и сказали святой Иринѣ:

— Изъ-за тебя мы погибаемъ.

Но она повелѣла имъ не бояться враговъ и начала молиться Богу такими словами:

— Ты, услышавшій нѣкогда раба Твоего—пророка Елисея[1]), услышь и мою молитву и невидимо порази этотъ народъ, идущій погубить городъ, ослѣпи враговъ нашихъ, да разумѣютъ они, что Ты—единый Богъ Истинный.

И тотчасъ, услышавъ молитву ея, Господь поразилъ слѣпотою князя и всѣхъ воиновъ, бывшихъ съ нимъ.

Князь Савахъ понялъ, что это Ирина навела слѣпоту на него и на его войско, и послалъ къ ней посланца съ такой просьбой:

«Я знаю теперь, что непобѣдима сила твоего Бога; молю же тебя, помолись твоему Богу обо мнѣ и о воинахъ моихъ, чтобы прозрѣть мнѣ и имъ!»

Умилосердившись, святая принесла прилежную молитву ко Владыкѣ всѣхъ, и прозрѣлъ князь и всѣ бывшіе съ нимъ. Затѣмъ Савахъ послалъ въ городъ сказать гражданамъ такія мирныя слова:

«Возьмите меня къ себѣ княземъ, какъ имѣли вы княземъ и отца моего; я же прощу вамъ безчестіе, нанесенное вами моему отцу».

---

1) *Елисей*—пророкъ израильскій, ученикъ и преемникъ въ дарѣ пророческомъ святаго славнаго Пророка Иліи. Въ продолженіе 65-ти лѣтъ онъ мужественно возвѣщалъ истину при царяхъ: Ахавѣ, Охозіи, Іорамѣ, Іиуѣ, Іоахазѣ и Іоасѣ. Его пророческая дѣятельность относится къ IX-му вѣку до Р. Хр.—Случай, о которомъ упоминаетъ святая Ирина въ своей молитвѣ къ Богу, имѣлъ мѣсто въ жизни пророка Елисея въ то время, когда царь Сирійскій осадилъ городъ Доѳаимъ, въ которомъ находился пророкъ. По молитвѣ Елисея непріятель былъ пораженъ слѣпотою (4 кн. Царствъ, гл. 6, ст. 8—23).

Граждане, видя, какъ велико царское войско, заключили съ нимъ миръ, отперли ему городскія ворота, поклонились ему и признали его своимъ царемъ. Когда же Савахъ получилъ царство, онъ, по наущенію діавола, разгнѣвался на святую Ирину и, призвавъ святую, сказалъ ей:

— Я прощаю городу его вину, а на тебя гнѣваюсь, потому что ты возбудила мятежъ противъ моего отца, и его за то побили камнями; но если и ты хочешь получить прощеніе отъ меня, исполни мою волю: принеси жертву богамъ и будешь свободна.

Святая стала укорять князя въ его безуміи и тѣмъ привела его въ еще бо́льшій гнѣвъ.

Савахъ приказалъ бросить ее въ темницу и сталъ совѣщаться съ вельможами, какую для нея изобрѣсти пытку. Святая между тѣмъ пребывала въ темницѣ уже въ продолженіе семи дней. Здѣсь явился ей Христосъ и сказалъ:

— Не бойся, дочь моя, ибо съ тобой Я, укрѣпляющій тебя.

Савахъ приказалъ, выведши мученицу изъ темницы, вбить ей въ пятки желѣзныя гвозди, затѣмъ, положивъ ей на плечи тяжелый мѣшокъ съ пескомъ, повелѣлъ гнать ее до одного мѣста, отстоявшаго отъ города въ пяти поприщахъ [1]). Слуги вложили вожжи въ уста святой и погнали ее, какъ гонятъ лошадей, къ назначенному мѣсту. Святая же, будучи такъ унижаема, говорила, обратясь къ Богу:

— Воистину **ско́тенъ бы́хъ оу҆ тебѐ**, Господи. **И҆ а҆́зъ вы́нꙋ съ тобо́ю: оу҆держа́лъ є҆сѝ рꙋ́кꙋ десню́ю мою̀: и҆ совѣ́томъ твои́мъ наста́вилъ мѧ̀ є҆сѝ, и҆ со сла́вою прїѧ́лъ мѧ̀ є҆сѝ** [2]).

Посмотрѣвъ направо отъ себя, святая увидѣла сопутствующихъ ей Ангеловъ Господнихъ и возрадовалась душею. Когда мучители пришли на назначенное мѣсто, слуги повернули назадъ къ городу, ведя съ ругательствами на вожжахъ святую мученицу. Много народа слѣдовало за ними, а святая увидѣла предъ собою Ангела, ударяющаго жезломъ по землѣ, и подумала въ себѣ: «Погибнутъ враги Божіи».

Когда они дошли до мѣста, гдѣ стоялъ Ангелъ, земля внезапно разсѣлась и пожрала слугъ мучителя, ведшихъ святую. Святая почувствовала себя разрѣшенною отъ узъ, и невидимыя руки сняли мѣшокъ съ пескомъ съ ея плечъ, гвозди выпали изъ ея ногъ. И

---

[1]) *Поприще*—мѣра длины; равнялось приблизительно 690 нашимъ саженямъ.

[2]) Пс. 72, ст. 22—24.

стала она здорова ногами и ходила, славя Бога. Князь, узнавъ объ этомъ, сказалъ:

— Боги разверзли землю и отвели подъ землю отъ этой волшебницы моихъ слугъ.

Но другіе возразили ему, говоря:

— Богъ Живый со святою мученицей Ириной!

Иные же поносили бранными словами святую дѣвицу. Тогда Ангелъ, разверзшій землю, поразилъ внезапною смертью многихъ невѣрныхъ, числомъ до десяти тысячъ; уцѣлѣвшіе же изъ язычниковъ взывали:

— Богъ Ирины, пощади насъ, ибо мы вѣруемъ въ Тебя и прибѣгаемъ къ Тебѣ!

Въ это время дѣйствительно увѣровало во Христа около тридцати тысячъ человѣкъ. Однако не увѣровалъ въ Бога князь Савахъ, и Ангелъ Божій поразилъ его за это смертію.

Между тѣмъ святая Ирина продолжала проповѣдовать Имя Христово въ городѣ и творила много чудесъ силой Христовой. Она не только исцѣляла больныхъ, очищала прокаженныхъ и изгоняла отъ людей бѣсовъ, но воскресила юношу умершаго, горько оплакиваемаго родителями, и обратила ко Христу до десяти тысячъ народа.

Въ городъ въ это время по повелѣнію Божію пришелъ святый Тимоѳей пресвитеръ, крестившій святую Ирину. Съ радостью встрѣтивъ его, святая Ирина вмѣстѣ съ нимъ и съ прочими людьми, увѣровавшими во Христа, пошла къ столпу, гдѣ жили ея отецъ и мать, въ безмолвіи работая Богу, и тамъ всѣ, увѣровавшіе во Христа, приняли Святое Крещеніе.

Три года провела святая Ирина въ городѣ Магеддонѣ, уча людей и утверждая ихъ въ вѣрѣ Христовой. Потомъ она пошла въ другой городъ, по имени Каллиполь[1]), гдѣ правилъ князь Нумеріанъ, родственникъ гонителямъ Ирины — царямъ Седекіи и Саваху.

Когда Ирина входила въ городъ, язычники справляли тамъ нечестивый праздникъ въ честь богини Артемиды[2]), и царь приносилъ предъ идоломъ жертву. Святая Ирина стала предъ нимъ, обличила его въ нечестіи и исповѣдала Христа Истиннымъ Богомъ. Князь сказалъ своимъ вельможамъ:

---

[1]) Городъ *Каллиполь* находился такъ же, какъ и Магеддонъ, во Ѳракіи.

[2]) *Артемида*, или *Діана*,—греко-римская богиня свѣта и Луны, считавшаяся также покровительницею охоты.

— Эта дѣвица лицомъ и ростомъ похожа на отца своего Ликинія, но дурныя дѣти составляютъ несчастіе для своихъ родителей. Такъ, и изъ-за этой отроковицы добрый отецъ ея лишился царства. Она же, какъ я слышалъ, виновница смерти брата моего Седекія, также и сына его, Саваха, она умертвила своимъ волшебствомъ; воистину эта дѣвица—губительница царей.

Затѣмъ Нумеріанъ сказалъ святой Иринѣ:

— Что скажешь ты, волшебница? Принесешь ли ты жертву богамъ, или останешься въ своемъ пагубномъ заблужденіи?

Святая, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, отвѣчала:

— Я принесу жертву хвалы Богу Вышнему, а бѣсамъ твоимъ и бездушнымъ идоламъ не принесу жертвы. Что же касается твоихъ родственниковъ князей, то знай, что не я, а мой Богъ, обладающій жизнію и смертію каждаго, повелѣлъ имъ умереть; убойся же и ты моего Бога, ибо немного дней осталось тебѣ жить, и вскорѣ постигнетъ и тебя кончина.

Услышавъ это, Нумеріанъ распалился яростью, заскрежеталъ зубами, зарычалъ, какъ левъ, и приказалъ своимъ слугамъ растопить трехъ мѣдныхъ воловъ, рѣшивъ, что если святая одолѣетъ въ одномъ волѣ силу огня, то будетъ брошена въ другой; если же сдѣлаетъ то же и съ другимъ, тогда будетъ брошена въ третій. Такъ и случилось. Когда мѣдные волы были раскалены какъ горячіе угли, святую бросили въ одинъ изъ нихъ. Здѣсь она стала громко молиться такими словами: «Господи! Поспѣши на помощь мнѣ, страждущей ради святаго Имени Твоего!»

Явился ей Ангелъ Господень. Увѣщевая ее не бояться мученій, онъ остудилъ пламя огня. Народъ же ропталъ на Нумеріана, говоря:

— Напрасно погубилъ ты цвѣтущую юностью отроковицу.

Когда мѣдь остыла, святую нашли живой и здравой, нисколько не поврежденной огнемъ, и князь сказалъ окружающимъ:

— Не предупреждалъ ли я васъ, что эта дѣвица—волшебница? Видите, какъ погасила она огонь; бросьте ее въ другой волъ.

И святая была брошена въ другой волъ. Когда же и этотъ былъ чудесно остуженъ, она была брошена въ третій. И тогда этотъ третій волъ, по повелѣнію Всесильнаго и Всемогущаго Бога, двинулся съ мѣста какъ живой, прошелъ четвертую часть поприща и, возвратившись на свое мѣсто, распался, а святая мученица

вышла изъ него невредимою. Народъ, видя такое чудо, громко взывалъ:

— Великъ Ты, Богъ Ирины! Помилуй насъ по великой милости Твоей! Ты—Богъ нашъ, сильный и крѣпкій, творящій чудеса дивныя и преславныя!

И увѣровали во Христа тогда до ста тысячъ человѣкъ. Князь же Нумеріанъ не только пребывалъ въ невѣріи, но и хулилъ Бога Вышняго, за что, невидимо пораженный Ангеломъ Божіимъ, разболѣлся смертельно. Умирая, онъ приказалъ своему епарху Вавoдану подвергнуть Ирину различнымъ мукамъ и затѣмъ умертвить ее самою лютою казнію.

Когда нечестивый князь Нумеріанъ умеръ, то святая Ирина, пребывая въ городѣ, продолжала учить народъ вѣрѣ во Христа Господа и исцѣляла всякіе недуги; а пресвитеръ Тимоѳей, пришедшій туда въ это время, крестилъ увѣровавшихъ во Христа.

Епархъ, видя, что весь народъ сочувствуетъ святой Иринѣ, боялся подвергнуть ее мукамъ въ этомъ городѣ, опасаясь возбудить въ народѣ ропотъ и мятежъ. Онъ отправился въ другой городъ, называемый Константина[1]), мученицу же велѣлъ воинамъ своимъ вести за собою. Придя въ этотъ городъ, онъ возсѣлъ на судилищномъ мѣстѣ и сказалъ святой:

— Знаешь ли ты, что мнѣ дана власть надъ тобою? Приступи же къ богамъ нашимъ и принеси имъ жертву; въ противномъ случаѣ я предамъ тебя лютымъ мукамъ.

Святая отвѣчала ему:

— Слушай, епархъ, мой отвѣтъ: предай меня всѣмъ, какія только можешь изобрѣсти, мученіямъ — и увидишь силу Божію.

Епархъ приказалъ принести желѣзную рѣшетку и, положивъ мученицу на рѣшетку, приказалъ привязать ее къ ней желѣзными цѣпями; затѣмъ, подложивъ подъ рѣшетку дрова, приказалъ зажечь ихъ. Запылалъ сильный огонь, и тогда, по приказанію епарха, на мученицу стали лить масло, сало и смолу; такъ мучили святую въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ; рѣшетка и желѣзныя цѣпи накалились докрасна. Однако святая пребывала невредимой и воспѣвала, прославляя Бога, какъ будто ее орошала холодная роса. Потомъ желѣзныя цѣпи спали съ нея, и она встала здравою и совершенно невредимою.

---

1)—находился неподалеку отъ Каллиполя, во Ѳракіи.

Епархъ и его совѣтники, видя это, сильно удивились. Припавъ къ ногамъ святой, епархъ сказалъ ей:

— Раба Истиннаго Бога! Умоляю тебя, не погуби меня, какъ погубила ты князей нашихъ, ибо и я вѣрую въ Сына Божія и хочу быть христіаниномъ.

И такъ увѣровалъ во Христа епархъ Ваводанъ и вмѣстѣ съ нимъ множество народа. Ангелъ Божій привелъ въ этотъ городъ пресвитера Тимоѳея, и всѣ, увѣровавшіе во Христа, крестились отъ него.

Пробывъ въ этомъ городѣ пятьдесятъ дней, святая Ирина вышла оттуда и была схвачена воинами князя Саворія, который жилъ во Ѳракійскомъ городѣ Месемвріи. Она была приведена къ нему, такъ какъ этотъ князь слышалъ о ней и давно желалъ ее схватить. Увидѣвъ святую, онъ пришелъ въ ярость, казнилъ ее мечомъ, и она была погребена внѣ города. Послѣ этого Саворій сказалъ во всеуслышаніе:

— Страшные слухи ходили объ этой волшебницѣ, такъ какъ она чарами своими убивала князей. Почему же теперь не могла она убить меня, но я убилъ ее, и гдѣ ея помощникъ Христосъ? Почему не избавилъ Онъ ее отъ рукъ моихъ?

Такъ невѣрный царь поносилъ силу Христову и гордился собою какъ побѣдитель Ирины.

Но что невозможно для всемогущей силы Божіей? Тотъ, Кто во время вольной Своей смерти **мнѡ́га тѣлеса̀ оу҆со́пшихъ свѧты́хъ** воскресилъ, такъ что они **и҆зше́дше и҆з̾ грѡ́бъ, по воскресе́нїи є҆гѡ̀, внидо́ша во свѧты́й гра́дъ, и҆ ꙗ҆ви́шасѧ мнѡ́зѣмъ**[1]), Сей не могъ ли воскресить изъ мертвыхъ и эту святую, чтобъ она вошла въ Месемврію и явилась князю? Воистину силенъ Христосъ Богъ нашъ на Небѣ и на землѣ и творитъ все, что возжелаетъ. Онъ послалъ Ангела Своего и возставилъ святую Ирину живою изъ гроба; при этомъ Ангелъ Господень сказалъ ей:

— Хотя ты и совершила уже подвигъ страданія своего и подобало тебѣ уже почить, ибо ты достойна блаженства на Небесахъ, но чтобы не возносились нечестивые и беззаконные паки, хвалящіеся, что они преодолѣли силу Бога нашего,—иди въ городъ, чтобы увидѣли тебя живою и посрамились всѣ нечестивцы, познавъ, что Богъ нашъ Всемогущъ; больше ты ни отъ кого уже не примешь никакого страданія.

---

[1]) Еванг. отъ Мате., гл. **27**, ст. 52—3.

И вошла святая въ городъ Месемврію, держа масличную вѣтвь въ рукѣ своей. Когда граждане увидѣли ее, сердца ихъ исполнились великимъ ужасомъ, и они весьма удивились. Весь народъ окружилъ святую съ громкими криками:

— Дивенъ Богъ Ирины, и нѣтъ иного Бога, кромѣ Него.

Князю города того было доложено, что Ирина воскресла изъ мертвыхъ. Услышавъ это, онъ весьма испугался и, увидѣвъ святую, припалъ къ ногамъ ея, говоря:

— Теперь я понялъ, что великъ твой Богъ. Умоляю тебя остаться въ нашемъ городѣ и сдѣлать насъ христіанами.

Святая оставалась съ ними въ продолженіе семидесяти дней, уча ихъ святой вѣрѣ, и всѣ жители того города увѣровали во Христа, блаженный же пресвитеръ Тимоѳей, придя туда по Божьему повелѣнію, крестилъ князя и всѣхъ прочихъ людей.

Отсюда святая Ирина отправилась на родину свою въ городъ Магеддонъ, гдѣ отецъ ея около этого времени умеръ. И она оплакала смерть его, молясь о немъ Богу. Нѣкоторое время она оставалась со своею матерью, а потомъ была перенесена на облакѣ и поставлена въ Ефесѣ[1]), и ходила она по этому городу, по-апостольски проповѣдуя Имя Христово, творила здѣсь многія чудеса, исцѣляя различные недуги. Своею проповѣдію святая Ирина многихъ язычниковъ обратила отъ идолопоклонства къ вѣрѣ Христовой.

Спустя нѣкоторое время пришелъ къ святой Иринѣ въ Ефесъ посланный ей Богомъ старецъ Апеліанъ, бывшій нѣкогда ея учителемъ. Святая, увидя его, весьма обрадовалась. Спустя нѣсколько дней она сказала народу:

— Радуйтесь, братія мои! Миръ Господа Іисуса Христа да будетъ съ вами; благодушествуйте, веселясь о Господѣ нашемъ, и крѣпко стойте въ вѣрѣ. Я отхожу отъ васъ и благодарю васъ, что вы приняли меня, странницу. Знайте же, что всякій, принимающій странниковъ, бываетъ другомъ Бога Небеснаго.

Граждане, выслушавъ ея слова, начали спрашивать другъ друга:

— Куда идетъ наша учительница?

---

[1]) *Ефесъ*—въ древности очень большой городъ въ Малой Азіи, у подошвы горъ Кореса и Піона; обладалъ обширной гаванью (нынѣ совершенно занесенной иломъ), благодаря которой велъ большую торговлю. Въ исторіи христіанской Церкви городъ Ефесъ замѣчателенъ какъ мѣсто проповѣди святаго Апостола Павла и какъ мѣсто Третьяго Вселенскаго Собора (въ 431 г.).

Другіе говорили:

— Не хочетъ ли она умереть?

Третьи вѣщали:

— Она достойна Бога; она будетъ взята отъ очей нашихъ, потому что мы грѣшны.

На слѣдующій день святая Ирина, взявъ старца Апеліана и шесть благоговѣйныхъ мужей, пошла съ ними за городъ и, найдя въ каменной скалѣ новый пустой гробъ, въ которомъ никогда никто не былъ положенъ, вошла въ этотъ гробъ и сказала Апеліану и другимъ мужамъ:

— Покройте меня плотно сверху камнемъ, чтобы никто не могъ открыть меня раньше четвертаго дня.

Затѣмъ она выразила послѣднее привѣтствіе Апеліану и бывшимъ съ нимъ мужамъ. Потомъ осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ и возлегла. Мужи положили сверху гроба тяжелый камень и возвратились въ городъ.

На четвертый день Апеліанъ съ тѣми же мужами пришелъ ко гробу, но, не найдя тамъ тѣла святой Ирины, подумалъ въ себѣ, что Христосъ Богъ призвалъ ее въ рай. Онъ отправился въ городъ, чтобы возвѣстить объ этомъ. Многіе собрались ко гробу и, увидѣвъ, что гробъ пустъ, удивлялись и съ ужасомъ прославили Бога.

Такъ окончились страданія святой дѣвы Ирины; таковы были подвиги этой дѣвы — невѣсты Христовой. Она исповѣдала вѣру свою во Христа сперва предъ отцомъ своимъ Ликиніемъ, потомъ предъ Седекіею и сыномъ его Савахомъ, затѣмъ предъ Нумеріаномъ, епархомъ Ваводаномъ и, наконецъ, предъ Саворіемъ. Города, въ которыхъ она страдала, суть слѣдующія: Магеддонъ—ея родина, Каллиполь (или Калиникъ), Константина и Месемврія во Ѳракіи. Она почила о Господѣ въ городѣ Ефесѣ мѣсяца мая въ пятый день [1]).

Представши ко Христу, она умоляетъ Его за всю вселенную. Сказаніе о подвигахъ и страданіи ея написалъ старецъ Апеліанъ, во славу Отца, и Сына, и Святаго Духа—Единаго Бога въ Троицѣ славимаго, Которому подобаетъ честь и поклоненіе отъ всякой твари нынѣ, и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

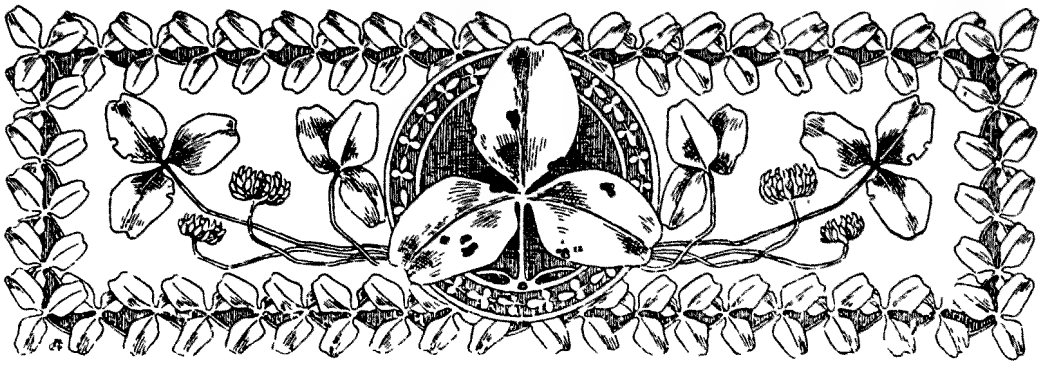
[1]) Кончина святой великомученицы Ирины послѣдовала въ концѣ I-го или нач. II-го в.

Тропа́рь, гла́съ д҃:

Агница твоѧ̀ і҆и҃се і҆ри́на зове́тъ ве́лїимъ гла́сомъ: тебѐ, женишѐ мо́й, люблю̀, и҆ тебѐ и҆́щꙋщи страда́льчествꙋю, и҆ сраспина́юсѧ, и҆ спогреба́юсѧ крещéнїю твоемꙋ̀, и҆ страждꙋ̀ тебѐ ра́ди, ꙗ҆́кѡ да ца́рствꙋю въ тебѣ̀, и҆ ᲂу҆мира́ю за тѧ̀, да и҆ живꙋ̀ съ тобо́ю, но ꙗ҆́кѡ же́ртвꙋ непоро́чнꙋю прїими́ мѧ, съ любо́вїю поже́ршꙋюсѧ тебѣ̀: тоѧ̀ мл҃твами, ꙗ҆́кѡ мл҃тивъ, сп҃сѝ дꙋ́шы на́шѧ.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Дѣ́вства добро́тами преиспещре́нна дѣ́во, страда́льчествомъ была̀ є҆сѝ краснѣ́йшаѧ і҆ри́но, кровмѝ твои́ми и҆сте́кшими ѡ҆багре́на, пре́лесть же низложи́вшаѧ безбо́жїѧ: сегѡ̀ ра́ди и҆ прїѧ́ла є҆сѝ по́чести побѣ́ды, рꙋко́ю созда́телѧ твоегѡ̀.



День шестой

ЖИТІЕ

СВЯТАГО ПРАВЕДНАГО и МНОГОСТРАДАЛЬНАГО

ІОВА

Святый праведный Іовъ по рожденію своему происходилъ изъ племени Авраамова; жилъ онъ въ Аравіи — мѣстомъ пребыванія его была земля Хусъ[1]), которую населяли потомки Уца, племянника Авраама, сына первенца Нахора, брата Авраамова[2]). Іовъ былъ человѣкомъ истины[3]),—онъ отличался безукоризненнымъ поведеніемъ, справедливостію съ доброжелательствомъ ко всѣмъ и благотворительностію, а всего болѣе богобоязненностію съ соблюденіемъ невинности своего сердца и удаленіемъ отъ всего злаго не только въ дѣлахъ своихъ, но и во внутреннихъ помышленіяхъ. У него было семь сыновей и три дочери. Извѣстенъ онъ былъ въ своей странѣ и богатствомъ: у него было семь тысячъ овецъ, три тысячи верблюдовъ, пятьсотъ паръ воловъ, пятьсотъ ослицъ и множество слугъ; принималъ онъ живое и дѣятельное участіе въ жизни своихъ соплеменниковъ и оказывалъ большое вліяніе на дѣла общественныя, ибо по всему Востоку онъ былъ въ великомъ почетѣ за свои благородство и честность[4]). Сыновья Іова, хотя

---

1) Земля Хусъ находилась на юго-востокѣ отъ Палестины, за Мертвымъ моремъ.

2) Кн. Бытія, гл. **22**, ст. 20—21.

3) Кн. Іова, гл. **6**, ст. 24—30; сравн. гл. **27**, ст. 2—4.

4) Кн. Іова, гл. **30**, ст. 5—10; сравн. гл. **1**, ст. 1—3.

и проживали каждый отдѣльно, въ своемъ шатрѣ—домѣ, но питали въ себѣ столь крѣпкую взаимную любовь и жили въ такомъ согласіи между собою, что никогда не дозволяли себѣ ѣсть и пить раздѣльно, помимо своего родственнаго содружества. Каждый день по очереди они дѣлали у себя пиры и проводили время въ братскомъ кругу, вмѣстѣ съ своими сестрами, среди невинныхъ увеселеній, свободныхъ отъ всякихъ неумѣренностей, чуждыхъ пьянства и безчиній. Собраній неблагочинныхъ не допустилъ бы и добрый и праведный отецъ ихъ. Но такъ какъ пиры дѣтей Іова были выраженіемъ ихъ братской любви и тихаго благонравія, то праведный мужъ не только не запрещалъ ихъ, но даже поощрялъ, утѣшаясь семейнымъ миромъ. Каждый разъ по прошествіи семи дней, по окончаніи очередныхъ братскихъ собраній, Іовъ предлагалъ своимъ дѣтямъ тщательно, по искренней совѣсти провѣрять свое поведеніе: не погрѣшилъ ли кто-либо изъ нихъ противъ Бога словомъ или помысломъ. Ибо онъ весьма боялся Бога, но боялся не страхомъ раба, а опасеніемъ сыновней любви, и внимательно наблюдалъ и за самимъ собою, и за домомъ своимъ, чтобы не случилось у нихъ чего-либо такого, что̀ прогнѣвляетъ Господа Бога. Впрочемъ, богобоязненный праведникъ не ограничивался только наблюденіями за своими домочадцами и увѣщаніями къ нимъ, чтобы проводили они жизнь непорочную, чтобы никто изъ нихъ и въ мысляхъ не погрѣшалъ предъ Создателемъ своимъ,—но всякій разъ, когда оканчивался кругъ пиршественныхъ дней, Іовъ въ присутствіи всей семьи раннимъ утромъ приносилъ жертвы всесожженія по числу всѣхъ дѣтей своихъ и одного тельца за грѣхъ о душахъ ихъ, ибо, говорилъ онъ, можетъ быть, сыновья мои согрѣшили и похулили Бога въ сердцѣ своемъ. Такъ дѣлалъ Іовъ во всѣ такіе нарочитые дни[1]).

Въ одно время, когда на небѣ Ангелы Божіи, хранители рода человѣческаго, собрались предъ Престоломъ Вседержителя Бога, чтобы предстательствовать предъ Нимъ своимъ ходатайствомъ за людей и принести Ему человѣческія моленія о всяческихъ жизненныхъ нуждахъ,—пришелъ между ними и діаволъ, клеветникъ и искуситель рода человѣческаго. Сатана, низверженный съ Неба, попущеніемъ Божіимъ явился тамъ, среди Ангеловъ, не измѣнивъ своей падшей природѣ, не по доброму желанію ходатайствовать о благѣ,

---

[1]) Кн. Іова, гл. 1, ст. 5.

а для того, чтобы изрыгнуть свое озлобленіе и похулить добро. Сатанинская гордыня въ своемъ внутреннемъ ослѣпленіи никогда не мирится съ истиною — не усматриваетъ радостнаго мира въ смиреніи и покорной преданности волѣ Всеблагаго Бога; она смѣло вноситъ переоцѣнку существующаго, по своему мрачному взгляду, и въ чуждую ей, свѣтозарную область жизни Божественной, дерзко измѣряя все мѣрою своего самомнѣнія!

Стый правный Іовъ

И сказалъ Господь сатанѣ, представшему вмѣстѣ съ Ангелами:

— Откуда ты пришелъ?

Сатана отвѣчалъ:

— Я ходилъ по землѣ и обошелъ ее всю.

Господь сказалъ ему:

— Обратилъ ли ты вниманіе свое на раба Моего Іова? Не найти на землѣ другого человѣка, который бы, какъ онъ, былъ такъ непороченъ, справедливъ, богобоязненъ, чуждъ всякаго порока!

На это сатана отвѣчалъ Господу:

— Развѣ даромъ богобоязненъ Іовъ? Не Ты ли бережешь его? Не Ты ли кругомъ оградилъ и домъ его, и все, что у него? Ты благословилъ дѣла рукъ его и стада его умножилъ, и распространилъ по землѣ. Но простри руку Твою и коснись всего, что есть у него,—отними то̀ у него, тогда увидишь, станетъ ли онъ благословлять Тебя?

Тогда Господь сказалъ сатанѣ:

— Все, что есть у него, Я предаю въ твои руки, дѣлай по волѣ твоей, только его самого не касайся.

Сатана отошелъ отъ лица Господня[1]).

Былъ день, въ который сыновья и дочери Іова пировали въ

[1]) Кн. Іова, гл. 1, ст. 6—12.

домѣ старшаго брата. И вотъ, приходитъ вѣстникъ къ Іову и говоритъ:

— Волы твои въ полѣ попарно подъ ярмомъ пахали, и ослицы паслись подлѣ нихъ; вдругъ напали Савеяне и угнали ихъ, а слугъ перебили; спасся только я, и прибѣжалъ донести тебѣ.

Пока говорилъ этотъ, приходитъ другой вѣстникъ къ Іову, и разсказываетъ:

— Огонь упалъ съ небесъ и попалилъ весь мелкій скотъ и пастуховъ; спасся я одинъ и пришелъ сказать тебѣ.

Еще не кончилъ этотъ своей рѣчи, приходитъ новый вѣстникъ и доноситъ:

— Подошли Халдеи и, раздѣлившись на три отряда, окружили верблюдовъ и угнали ихъ, а слугъ перебили; спасся я одинъ и пришелъ возвѣстить тебѣ.

Еще этотъ говорилъ, вотъ, приходитъ иной вѣстникъ и сказываетъ Іову:

— Сыновья твои и дочери твои пировали въ домѣ старшаго брата своего; вдругъ страшный вихрь понесся изъ пустыни, обхватилъ домъ съ четырехъ угловъ и обрушилъ его на дѣтей твоихъ; всѣ погибли; спасся только я одинъ и пришелъ извѣстить тебя.

Выслушавши одну за другой эти ужасныя вѣсти, Іовъ всталъ, въ знакъ тяжелой скорби своей разодралъ верхнюю одежду свою, остригъ голову свою, палъ на землю и, преклонившись предъ Господомъ, сказалъ:

— Нагимъ я вышелъ изъ чрева матери своей, нагимъ и возвращусь въ чрево матери земли. Господь далъ, Господь и взялъ! — какъ угодно Ему, такъ и сдѣлалось; да будетъ Имя Господне благословенно!

Такъ во всемъ этомъ Іовъ не согрѣшилъ предъ Богомъ ни однимъ безразсуднымъ словомъ[1]).

Былъ день, когда Ангелы Божіи опять предстали предъ Господомъ; между ними пришелъ опять и сатана.

И сказалъ Господь сатанѣ:

— Откуда ты пришелъ?

Сатана отвѣчалъ:

— Я былъ на землѣ и обошелъ ее всю.

---

[1]) Кн. Іова, гл. 1, ст. 13—22.

Господь сказалъ ему:

— Обратилъ ли ты вниманіе свое на раба Моего Іова?— Нѣтъ на землѣ человѣка, который бы былъ подобенъ ему: такъ онъ добръ, правдивъ и благочестивъ, такъ онъ далекъ отъ всего злого! И при постигшихъ его несчастіяхъ онъ и доселѣ остается твердъ въ своей непорочности; а ты возбуждалъ Меня противъ него, чтобы погубить его безвинно!

И отвѣчалъ сатана Господу, и сказалъ:

— Кожу за кожу, а за жизнь свою человѣкъ отдастъ все, что есть у него, — то есть: въ чужой кожѣ человѣку страдать можно — въ чужой кожѣ удары не такъ чувствительны, даже снятіе этой кожи сносно,—не болѣзненно для него, и онъ можетъ оставаться спокойнымъ; а вотъ попробуй коснуться его собственнаго тѣла,— простри руку Твою и коснись кости его и плоти его, и увидишь— благословитъ ли онъ Тебя?

Тогда Господь сказалъ сатанѣ:

— Вотъ, онъ въ рукѣ твоей. Я попускаю тебѣ сдѣлать съ нимъ, что захочешь; только душу его сбереги, — не посягай на основу его существа — свободное изволеніе[1]).

Сатана отошелъ отъ лица Господня и поразилъ все тѣло Іова страшною проказою отъ подошвы ногъ его по самое темя головы. Страдалецъ долженъ былъ выселиться изъ среды живыхъ людей, такъ какъ былъ нетерпимъ между ними по заразительности охватившей его болѣзни. Тѣло его покрылось отвратительными, смрадными струпьями; по всѣмъ составамъ разливался жгучій внутренній огонь; сидя, внѣ селенія, въ пеплѣ, Іовъ обломкомъ черепка скоблилъ свои гнойныя раны. Всѣ сосѣди его и знакомые отстранились, оставили его. Даже жена его утратила состраданіе къ нему.

Спустя много времени она, въ состояніи отчаянія, сказала однажды Іову:

— Доколѣ ты будешь терпѣть? Вотъ, подожду еще немного въ надеждѣ спасенія моего; ибо погибли съ земли память твоя— сыновья и дочери, болѣзни чрева моего и труды, которыми напрасно трудилась. Самъ ты сидишь въ смрадѣ червей, проводя ночь безъ покрова, а я скитаюсь и служу, перехожу съ мѣста на мѣсто, изъ дома въ домъ, ожидая, когда зайдетъ солнце, чтобы

---

[1]) Кн. Іова, гл. 2, ст. 1—6.

успокоиться отъ трудовъ моихъ и болѣзней, которыя нынѣ удручаютъ меня. Не упорствуй, не отстаивай неуклонно свою непорочность; но скажи нѣкое слово къ Богу, похули Его и умри,—въ смерти ты найдешь освобожденіе отъ своихъ страданій, она избавитъ и меня отъ мученій.

Такъ просто и естественно, по-видимому даже и удовлетворительно, разрѣшала жена Іова для него и для себя вопросъ о жизни, не простираясь далѣе земного пониманія ея значенія и назначенія, по внушенію сатаны—«кожу за кожу». Измученная и усталая нравственно, она готова была погасить послѣдній свѣточъ истинной жизни: «похули Бога и—умри».

Не такъ, однако, разсуждалъ о своемъ состояніи самъ страдалецъ, Іовъ, смотря на свою человѣческую природу не съ точки зрѣнія узкаго себялюбія. Съ сожалѣніемъ взглянувъ на жену, онъ сказалъ ей:

— Зачѣмъ ты говоришь такъ—какъ одна изъ безумныхъ женъ? Если доброе мы принимали отъ Бога, то неужели злаго мы не стерпимъ, не будемъ принимать?!

И въ этотъ разъ такимъ образомъ Іовъ не согрѣшилъ предъ Богомъ,—уста его не произнесли ничего хульнаго на Бога[1]).

Слухъ о несчастіи, постигшемъ Іова, распространился по окрестнымъ странамъ. Три друга его: Елифазъ Ѳеманитянинъ, Вилдадъ Савхеянинъ и Софаръ Наамитянинъ[2]), освѣдомленные о злополучіи его, собрались вмѣстѣ, чтобы идти утѣшать страдальца, раздѣливъ его скорбь. Но, приближаясь къ нему и не узнавая его, потому что лицо его представляло сплошной гнойный струпъ, они еще издалека отъ ужаса вскричали и зарыдали, разодрали каждый верхнюю одежду свою и въ сильной горести бросали пыль кверху надъ головами своими. Семь дней и семь ночей провели они потомъ, сидя на землѣ насупротивъ своего друга и не промолвивъ ни одного слова, ибо видѣли они, что страданіе его весьма велико, и не находили средствъ утѣшить его въ такомъ состояніи[3]). Томительное молчаніе это было прервано самимъ Іовомъ. Онъ первый открылъ уста свои: проклялъ день своего рожденія и выразилъ глубокую скорбь о томъ, зачѣмъ ему дано было увидѣть свѣтъ, который теперь покрытъ для него мракомъ? Зачѣмъ дана ему жизнь, когда она для него является безотраднымъ мученіемъ?

---

1) Кн. Іова, гл. 2, ст. 7—10.

2) Они происходили изъ потомства Исава, иначе «Едома» (см.: Кн. Бытія, гл. 36).

3) Кн. Іова, гл. 2, ст. 11—13.

— Ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня,—говорилъ страдалецъ,—и страшное, чего я боялся, то и пришло ко мнѣ. Нѣтъ мнѣ мира, нѣтъ покоя, нѣтъ отрады![1])

Тогда въ разговоръ съ нимъ вступили и друзья его, хотя своими разсужденіями, которыми они хотѣли утѣшить его, только еще болѣе отравляли изстрадавшееся сердце его[2]). По своему искреннему убѣжденію, по своей вѣрѣ, что Правосудный Богъ награждаетъ добрыхъ и наказываетъ злыхъ, они почитали за неоспоримое и несомнѣнное, что если кто подвергается несчастію, тотъ—грѣшникъ, и чѣмъ больше это несчастіе, тѣмъ—значитъ—мрачнѣе его грѣховное состояніе. Потому и объ Іовѣ они думали, что у него существуютъ какіе-либо тайные грѣхи, которые онъ умѣлъ искусно скрывать[3]) отъ людей и за которые Всевидящій Богъ и наказываетъ ихъ друга. Это они дали почувствовать страдальцу съ самаго начала своихъ разговоровъ и потомъ въ продолженіе длинныхъ своихъ разсужденій убѣждали его сознаться и раскаяться въ своихъ преступленіяхъ. Іовъ, въ сознаніи своей непорочности при всей по-видимому убѣдительности рѣчей, почиталъ себя внутренно далекимъ отъ того, чтобы признать ихъ разсужденія справедливыми[4]); со всею силою невинности защищалъ онъ свое доброе имя.

— Доколѣ будете мучить душу мою и терзать меня рѣчами своими? Вотъ, уже разъ десять вы срамили меня и не стыдитесь терзать меня!—Жалкіе утѣшители!—будетъ ли конецъ вѣтренымъ словамъ вашимъ?[5])

Іовъ разъяснялъ своимъ друзьямъ и увѣрялъ ихъ, что онъ страдаетъ не за грѣхи, но что Богъ по Своей, непостижимой для человѣка, волѣ посылаетъ одному тяжелую, а другому счастливую жизнь. Друзья Іова, полагавшіе, что и Богъ поступаетъ съ людьми по тѣмъ же законамъ возмездія, по которымъ произноситъ свой судъ и человѣческое правосудіе, не убѣждались его оправдательными словами, хотя и прекратили свои обличенія, направленныя противъ него, и перестали отвѣчать на слова его[6]). Въ это время принялъ горячее участіе въ общемъ разговорѣ молодой лѣтами

---

1) Кн. Іова, гл. 3, ст. 1—26.
2) Кн. Іова, гл. 21, ст. 34; гл. 16, ст. 2 и дал.
3) Кн. Іова, гл. 32—33, и друг.
4) Кн. Іова, гл. 27, ст. 1—7; сравн. гл. 10, ст. 17.
5) Кн. Іова, гл. 19, ст. 2—3; Сравн. гл. 16, ст. 2.
6) Кн. Іова, гл. 32, ст. 1—15.

нѣкто Еліуй, сынъ Варахіиловъ, изъ племени Рамова, Вузитянинъ; съ пламеннымъ дерзновеніемъ онъ ополчился на почтеннаго возрастомъ страдальца «за то, что тотъ оправдывалъ себя, свою невинность больше, нежели Бога»[1]). Воздавая Создателю справедливость, недоступную человѣку, и этотъ собесѣдникъ усматривалъ причину страданій Іова въ его порочности, хотя бы и незамѣтной для взоровъ людскихъ.

— Богъ могуществен и не презираетъ сердца сильнаго крѣпостію. Онъ не поддерживаетъ нечестивыхъ и не отвращаетъ очей Своихъ отъ праведниковъ; но ты,—говорилъ Еліуй Іову,—ты преисполненъ сужденіями нечестивыхъ, ибо по твоему сужденію наказаніе, посланное тебѣ отъ Бога, незаслуженно, «но вѣдь сужденія и осужденіе близки», такъ близко соприкасаются между собою[2]).

Наконецъ страдалецъ обратился съ молитвою къ Богу, чтобы Онъ Самъ засвидѣтельствовалъ о его невинности.

Дѣйствительно, Богъ явился Іову въ бурномъ вихрѣ и укорилъ его за намѣреніе требовать отчета въ дѣлахъ міроправленія. Вседержитель указалъ Іову, что для человѣка весьма много непостижимаго въ явленіяхъ и твореніяхъ даже одной видимой, окружающей его природы; а послѣ этого—желаніе проникнуть въ тайны судебъ Божіихъ и объяснять, почему Онъ поступаетъ съ людьми такъ, а не иначе,—такое желаніе представляетъ собою уже дерзкую самонадѣянность.

— Кто сей, омрачающій Провидѣніе словами безъ смысла? — вопрошалъ Господь Іова изъ бурнаго вихря. — Препояшь нынѣ чресла твои какъ мужъ и отвѣчай: гдѣ былъ ты, когда Я полагалъ основанія земли?—скажи, если знаешь. На чемъ утверждены основанія ея или кто положилъ краеугольный камень ея при общемъ ликованіи свѣтилъ небесныхъ и радостныхъ хвалебныхъ восклицаніяхъ сыновъ Божіихъ? Давалъ ли ты когда-нибудь въ жизни своей приказаніе утру и указывалъ ли мѣсто зарѣ? Знаешь ли ты уставы Неба, можешь ли возвысить голосъ твой къ облакамъ, можешь ли посылать молніи?.. Ты хочешь ниспровергнуть судъ Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя: такая ли у тебя мышца, какъ у Меня? Укрась себя величіемъ и славою, облекись въ блескъ и великолѣпіе; излей ярость гнѣва твоего, посмотри на все гордое и высокомѣрное и смири его, сокруши

[1]) Кн. Іова, гл. 32, ст. 2 и дал..

[2]) Кн. Іова, гл. 36, ст. 5—17.

сильныхъ нечестивыхъ на мѣстахъ ихъ. Тогда и Я признаю, что десница твоя сильна, чтобы защитить тебя. Состязующійся съ Вседержителемъ, обличающій Бога пусть отвѣчаетъ Ему.

И отвѣчалъ Іовъ Господу, и сказалъ:

— Знаю, что Ты все можешь и что намѣреніе Твое неизмѣнно.

— Кто сей, помрачающій провидѣніе, ничего не разумѣя?

— Это я, говорившій о томъ, чего не понималъ,—о чудныхъ для меня дѣлахъ, которыхъ я не зналъ. Я слышалъ о Тебѣ прежде только краемъ уха своего, теперь же мои глаза видятъ Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь въ прахѣ и пеплѣ; я ничтоженъ и что̀ я буду отвѣчать Тебѣ? Полагаю руку мою на уста мои [1]).

И было послѣ того повелѣніе отъ Господа друзьямъ Іова, чтобы они обратились къ нему и просили его принести за нихъ жертву, ибо только лицо Іова, сказалъ Господь Елифазу Ѳеманитянину, Я приму, дабы не отвергнуть васъ за то, что вы говорили обо Мнѣ не такъ вѣрно, какъ рабъ Мой Іовъ [2]). Друзья исполнили это Господне повелѣніе и привели къ Іову для жертвы семь тельцовъ и семь овновъ. Іовъ принесъ жертву Богу и помолился за друзей своихъ. Богъ принялъ его ходатайство за нихъ, возвратилъ ему самому тѣлесное здоровье и далъ ему вдвое больше того, что̀ онъ имѣлъ прежде. Родные и всѣ прежніе знакомые Іова, услыхавши объ его исцѣленіи, пришли навѣстить его и соутѣшиться, и порадоваться съ нимъ, и каждый изъ нихъ принесъ ему даръ и золотое кольцо. Господь же ущедрилъ Іова Своимъ благословеніемъ: у него было послѣ того четырнадцать тысячъ мелкаго скота, шесть тысячъ верблюдовъ, тысяча паръ воловъ и тысяча ослицъ. Родились у Іова, вмѣсто умершихъ, и семь сыновей и три дочери; и на всей землѣ не было такихъ прекрасныхъ женщинъ, какъ дочери Іова, и далъ имъ отецъ ихъ наслѣдство между братьями ихъ [3]). Господь не удвоилъ количества дѣтей Іова, какъ Онъ удвоилъ его пастушескія богатства: это потому, чтобы не подумалъ кто-либо, что его первыя дѣти умершія погибли совсѣмъ,—нѣтъ, они хотя и умерли, но не погибли,—они возстанутъ въ общее воскресеніе праведныхъ.

Іовъ послѣ терпѣливо перенесенныхъ имъ испытаній прожилъ сто сорокъ лѣтъ (всего же онъ жилъ на землѣ двѣсти сорокъ во-

---

[1]) Кн. Іова, гл. 38—40.

[2]) Кн. Іова, гл. 42, ст. 7—9.

[3]) Кн. Іова, гл. 42, ст. 10—15.

семь лѣтъ), и видѣлъ онъ потомство свое до четвертаго рода; умеръ онъ насыщенный днями въ глубокой старости[1]). Нынѣ же онъ живетъ жизнію нестарѣющейся и неболѣзненною въ царствіи Отца, и Сына, и Святаго Духа — Единаго въ Троицѣ славимаго Бога, ибо еще среди понесенныхъ имъ на землѣ несчастій онъ уже видѣлъ, какъ и Авраамъ, великій день Господень, видѣлъ его и радовался[2]).

— Я знаю,—говорилъ онъ, пораженный смрадною язвой,—знаю, что Искупитель мой живъ и Онъ возставитъ изъ праха въ послѣдній день распадающуюся кожу мою сію, и я во плоти моей узрю Бога. Я узрю Его самъ; мои глаза, не глаза другаго, увидятъ Его. Чаяніемъ сего истаеваетъ сердце мое въ груди моей![3])

Это исповѣдалъ праведный Іовъ предъ своими друзьями, внушая имъ *бояться* не тѣлесныхъ страданій и лишенія благъ земныхъ, а *меча Господня*, гнѣва Вседержителя, *Который есть отмститель неправды*.

— Знайте, что есть судъ[4]), — вѣщаетъ онъ въ наставленіе намъ,—судъ, на которомъ оправдается только имѣющій истинную премудрость—страхъ Господень и—истинный разумъ—удаленіе отъ зла[5]).

---

1) Кн. Іова, гл. **42**, ст. 16—17.

2) Еванг. отъ Іоан., гл. **8**, ст. 56.

3) Кн. Іова, гл. **19**, ст. 25—27.

4) Кн. Іова, гл. **19**, ст. 29.

5) Кн. Іова, гл. **28**, ст. 28. Предметъ книги Іова—рѣшеніе вопроса: какъ согласить съ существованіемъ Промысла Божія въ мірѣ то нерѣдкое на землѣ явленіе, что добродѣтельные люди проводятъ жизнь среди бѣдствій, тогда какъ нечестивые благоденствуютъ?

О несчастіяхъ, постигшихъ праведнаго Іова, узнали его друзья — Елифазъ, Вилдадъ и Софаръ; они пришли навѣстить страдальца, и когда увидѣли друга на гноищѣ, то семь дней молча оплакивали его. Потомъ они вступили въ разговоръ съ нимъ: выходя изъ общаго для ветхозавѣтнаго времени представленія, что всякое страданіе есть наказаніе за какую-нибудь неправду, они въ своихъ рѣчахъ, обращенныхъ къ Іову, развивали ту мысль, что если онъ страдаетъ теперь, то, безъ сомнѣнія, за какія-либо свои согрѣшенія, въ которыхъ потому и долженъ покаяться. Огорченный рѣчами друзей и чувствующій свою правоту предъ Богомъ, Іовъ, жалуясь, что руки Господни отяготѣли надъ нимъ, выразилъ вѣру въ неисповѣдимость судебъ Божіихъ, предъ коими мысль человѣка безсильна, а также—желаніе, чтобы Господь Самъ разсудилъ его. Богъ является Іову въ бурѣ. Обличивъ Іова за безразсудное требованіе у Него отчета въ міроправленіи, Господь внушаетъ Іову благоговѣніе предъ необъятными и непостижимыми путями Промысла Божія, все направляющаго къ благимъ цѣлямъ. Въ заключеніе Господь повелѣваетъ Елифазу съ товарищами просить молитвеннаго заступленія у Іова за грѣхъ его несправедливаго осужденія, а Іова вдвойнѣ вознаградилъ за его потери и страданія.

Вопросъ о писателѣ книги Іова спорный. Св. Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ склонялись къ той мысли, что имъ былъ Соломонъ. Но съ этимъ трудно согласить общее впечатлѣніе, получаемое отъ книги, говорящее объ ея несравненно болѣе раннемъ

Тропа́рь, гла́съ а҃:

Бога́тство ви́дѣвъ добродѣте́лей і҆ѡ́влихъ, оу҆кра́сти ко́знствоваше пра́ведныхъ вра́гъ, и҆ разтерза́въ сто́лпъ тѣлесѐ, сокро́вище не оу҆кра́де дꙋ́ха, ѡ҆брѣ́те бо вокрꙋже́нꙋ непоро́чнагѡ дꙋ́шꙋ. мене́ же и҆ ѡ҆бнажи́въ плѣні̀: предвари́въ оу҆́бѡ мѧ̀ пре́жде конца̀, и҆зба́ви мѧ̀ льсти́вагѡ, сп҃се, и҆ сп҃си́ мѧ.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Ꙗ҆́кѡ и҆́стиненъ и҆ пра́веденъ, бг҃очести́въ и҆ непоро́ченъ, ѡ҆щеще́нъ же ꙗ҆́вльсѧ всесла́вне, бж҃і́й оу҆го́дниче и҆́стинный, просвѣти́лъ є҆сѝ мі́ръ въ терпѣ́ніи твое́мъ, терпѣ́ливѣ́йшій и҆ до́блѣйшій: тѣ́мже всѝ бг҃омꙋ́дре, па́мѧть твою̀ воспѣва́емъ.

происхожденіи. Въ ней совершенно умалчивается о Законахъ Моисея; въ то же время въ изложеніи ея выступаютъ черты патріархальнаго быта, въ которомъ уже проглядываютъ признаки высокоразвитой общественной жизни. Іовъ какъ знатный воинъ, князь и судья живетъ съ значительнымъ блескомъ и пользуется почетомъ при частыхъ посѣщеніяхъ ближняго города; въ книгѣ, кромѣ того, есть указанія на правильныя формы судопроизводства, на умѣніе современниковъ Іова наблюдать за небесными явленіями и дѣлать изъ этихъ наблюденій соотвѣтствующіе астрономическіе выводы; говорится о рудокопняхъ, большихъ постройкахъ, а также о крупныхъ политическихъ переворотахъ. Все это даетъ основанія съ весьма значительной долей вѣроятности относить время жизни Іова ко времени пребыванія евреевъ въ Египтѣ.

Іовъ, послѣ дней благоденствія испытавшій потерю имущества, дѣтей и лютую болѣзнь, а затѣмъ снова и *въ сугубой* степени (**42**, 10) получившій отъ Бога утраченное, служитъ прообразомъ Христа Спасителя, Себя умалившаго до пріятія позорной крестной смерти и за это превознесеннаго отъ Бога Отца (Филип. **2**, 7—9),—воспріявшаго какъ вѣнецъ за искупительный подвигъ по человѣчеству ту славу, которую Онъ имѣлъ у Отца прежде бытія міра (Іоан. **17**, 5). Св. священномученикъ Зинонъ, епископъ Веронскій, жившій въ IV вѣкѣ, находитъ еще другія—частнѣйшія черты сходства между прообразомъ и образомъ. «Іовъ, по моему мнѣнію,—говоритъ св. отецъ,—былъ образомъ Спасителя нашего Іисуса Христа. Сравненіе объяснитъ намъ эту истину. Іовъ былъ праведенъ—Спаситель нашъ есть сама правда, источникъ нашей праведности, потому что о Немъ предречено было: *се день грядетъ и возсіяетъ Солнце правды* (Мал. **4**, 12). Іовъ былъ истиненъ—Господь нашъ есть подлинная, совершенная истина: *Азъ есмь,* говоритъ Онъ, *путь и истина и животъ* (Іоан. **14**, 6). Іовъ былъ богатъ, но чье богатство можетъ сравниться съ богатствомъ Господа нашего, Которому принадлежитъ вся вселенная, по свидѣтельству блаженнѣйшаго Давида: *Господня земля и исполненіе ея, вселенная и вси живущіе на ней* (Псал. **23**, 1)? Іовъ три раза былъ искушаемъ діаволомъ (лишеніемъ имѣнія, погибелью дѣтей и болѣзнію); подобнымъ образомъ, по свидѣтельству Евангелиста, трижды же искушалъ діаволъ и Господа нашего (Матѳ. **4**, 1—11). Іовъ, лишенный всего своего имѣнія, обнищалъ,—Господь нашъ, по любви къ намъ, снисшедши на землю и оставивъ Небо со всѣми его благами, также обнищалъ, чтобы насъ обогатить. Дѣти Іова были умерщвлены разсвирѣпѣвшимъ діаволомъ—дѣти Господа нашего—Пророки были побиты безумнымъ фарисейскимъ народомъ (Еванг. отъ Луки, **13**, 34. Дѣян. **7**, 52). Іовъ пораженъ былъ язвами—Господь нашъ, принявъ на Себя плоть нашу и грѣхи всего человѣческаго рода, вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ всѣ нечистоты и язвы грѣховныя. На Іова нападали друзья его—на Господа нашего преимущественно предъ всѣми возставали первосвященники и книжники, которые

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ВАРВАРА ВОИНА

И ДРУГИХЪ СЪ НИМЪ

Когда богоненавистный царь Юліанъ Отступникъ[1]) началъ войну съ Франками[2]), то послалъ противъ нихъ военачальника Вакха, въ полку котораго служилъ храбрый воинъ — по имени Варваръ, по вѣрѣ христіанинъ, но тайный. Полки обѣихъ странъ пригото-

---

должны были бы особенно чтить Его и быть Его друзьями. Іовъ, пораженный проказою, точимый червями, сидѣлъ на пеплѣ внѣ города — Господь нашъ, принявшій на Себя всѣ грѣховныя язвы всего рода человѣческаго, обращался въ этомъ нечистомъ мірѣ среди людей, исполненныхъ пороковъ и кипѣвшихъ похотями, которые и предали Его позорной смерти внѣ города. Іовъ непобѣдимымъ своимъ терпѣніемъ опять пріобрѣлъ и здоровье, и богатство,—Господь нашъ, побѣдивъ смерть Своимъ воскресеніемъ, даровалъ вѣрующимъ въ Него не здоровье только, но и безсмертіе, и получилъ отъ Бога Отца власть и господство надъ всѣмъ, какъ самъ Онъ засвидѣтельствовалъ: *вся Мнѣ предана отъ Отца Моего* (Еванг. отъ Луки, **10**, 22). Блаженный Іовъ скончался въ мірѣ — Господь нашъ, оставивъ намъ миръ, купленный цѣною Его крови, въ кроткой и мирной славѣ вознесся къ Отцу Своему.

Ввиду такого прообразовательнаго значенія жизни праведнаго Іова Церковь издревле установила во дни, посвященные воспоминанію страданій Христовыхъ, предлагать вниманію вѣрующихъ чтенія по книгѣ Іова.—Париміи изъ кн. Іова во дни Страстной Седмицы слѣдующія: въ Понедѣльникъ, на Вечернѣ гл. **1**, ст. 1—12; во Вторникъ, на Вечернѣ гл. **1**, ст. 13—22; въ Среду, на Вечернѣ гл. **2**, ст. 1—10; въ Великій Четвертокъ, на Вечернѣ гл. **38**, ст. 1—23; гл. **42**, ст. 1—5; въ Великій Пятокъ, на Вечернѣ гл. **42**, ст. 12—17.

1) *Юліанъ Отступникъ*, племянникъ Константина Великаго, сынъ его брата Юлія Констанція, родился въ 331 г. Въ 345 г. вмѣстѣ съ братомъ Галломъ былъ сосланъ Констанціемъ въ Каппадокію, гдѣ подъ строгимъ надзоромъ провелъ шесть лѣтъ. Въ 351 г. онъ покинулъ мѣсто ссылки и провелъ нѣсколько лѣтъ въ Никомидіи, гдѣ увлекался изученіемъ философіи; въ 355 г. былъ назначенъ Констанціемъ начальникомъ войскъ въ Галліи; здѣсь онъ умѣлъ привлечь любовь войска, которое въ 361 г. и провозгласило его императоромъ. Изученіе философіи подъ руководствомъ учителя-язычника, раздоры среди христіанъ вслѣдствіе аріанскихъ волненій, ненависть къ Констанцію возбудили въ Юліанѣ ненависть и къ религіи своего притѣснителя—христіанству. Онъ задался цѣлію возстановить язычество и уничтожить христіанство. Но всѣ его попытки потерпѣли полнѣйшую неудачу. Юліанъ умеръ въ 363 г. послѣ битвы съ Персами, во время которой былъ смертельно раненъ копьемъ; послѣдними словами своими—νενίκηκας, ὦ Γαλιλαῖε — «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» Юліанъ выразилъ сознаніе побѣды христіанства надъ язычествомъ.

2) *Франки* —союзъ германскихъ народовъ на Нижнемъ Рейнѣ. Своими нападеніями на Римскую область Франки значительно ускорили паденіе римскаго государства. Вторгшись въ сѣверную Галлію, Франки смѣшались съ туземнымъ населеніемъ и отчасти усвоили его нравы. Послѣ побѣдъ надъ Римлянами, южными племенами Алманновъ и Вестготами сила Франковъ при Каролингахъ возвысилась до всемірно-историческаго значенія.

вились къ битвѣ; среди Франковъ находился одинъ сильный, подобный Голіаѳу[1]), борецъ. Выходя предъ полкомъ Римлянъ, онъ вызывалъ на единоборство, чтобы одинъ кто-нибудь выступилъ бороться съ нимъ, и такъ какъ никто изъ Римлянъ не осмѣливался выйдти противъ него, потому что самый внѣшній видъ его, говорившій о его силѣ, устрашалъ ихъ, то онъ смѣялся надъ ними. Тогда воевода Вакхъ, зная о храбрости блаженнаго Варвара, призвалъ его къ себѣ и спрашивалъ, можетъ ли онъ выйдти на борьбу противъ этого гордаго борца, похваляющагося своею силою. Варваръ же, уповая на помощь Господа своего Іисуса Христа, въ Котораго вѣровалъ, не отказывался отъ единоборства: вооруживъ себя крестнымъ знаменіемъ, онъ выступилъ на врага и, схватившись съ нимъ, одолѣлъ его и убилъ съ помощью Божіею, ибо отъ Господа былъ ниспосланъ блаженному Варвару Ангелъ, который и помогалъ ему. Тогда Франки устыдились и пришли въ страхъ; Римляне же, воодушевленные мужествомъ, устремились на нихъ и одержали надъ ними окончательную побѣду. Такая храбрость блаженнаго Варвара пріобрѣла ему большую честь среди полковъ римскихъ и одобреніе царя: онъ былъ почтенъ саномъ комита[2]).

Ст҃ый мч҃нкъ
Варваръ

Впослѣдствіи воевода Вакхъ, послѣ этой славной побѣды надъ врагами, во время пребыванія съ войсками во Ѳракіи[3]) пожелалъ

1) 1 Кн. Царствъ, гл. 17.

2) *Комитами* назывались царскіе тѣлохранители. Впослѣдствіи этотъ титулъ сталъ прилагаться къ офиціальнымъ лицамъ, составлявшимъ свиту вообще высшихъ должностныхъ лицъ—проконсуловъ, областеначальниковъ, губернаторовъ, на обязанности которыхъ сталъ впослѣдствіи лежать и сборъ податей въ государственную казну.

3) Область въ Византійской имперіи въ сѣверо-восточной части Балканскаго полуострова. Въ настоящее время Ѳракія, подъ именемъ Ромоніи, или Румелін, составляетъ провинцію Европейской Турціи.

принести жертвы идоламъ, чтобы тѣмъ воздать имъ благодарность за побѣду, которую приписывалъ не Христу Богу, а суетнымъ своимъ идоламъ. И вотъ, онъ пригласилъ къ совершенію нечистыхъ своихъ жертвъ и комита Варвара—какъ перваго побѣдителя. Но святый Варваръ, открыто исповѣдавъ, что онъ—христіанинъ, отвращался отъ идоловъ. Тогда воевода возвѣстилъ о томъ царю; царь же, повелѣвъ представить къ себѣ воина Христова, принуждалъ его принести жертвы идоламъ; но такъ какъ блаженный Варваръ не повиновался, то царь повелѣлъ повѣсить его на мучилищномъ деревѣ и рѣзать мечомъ чрево его до тѣхъ поръ, пока внутренности его не вывалились на землю. Но въ то время, какъ святый молился, явился Ангелъ и, собравъ его внутренности, вложилъ ихъ снова на свое мѣсто въ чрево мученика, и исцѣлилъ его, такъ что не оставалось даже и слѣда язвы на его тѣлѣ, а потомъ отвязалъ его отъ мучилищнаго дерева. Увидѣвъ такое чудо, воевода Вакхъ вмѣстѣ съ двумя воинами, Каллимахомъ и Діонисіемъ, увѣровали во Христа и исповѣдали Его, а скверныхъ боговъ языческихъ похулили. За это, по повелѣнію царя Юліана, новые исповѣдники Имени Христова: Вакхъ, Каллимахъ и Діонисій были усѣчены во главу и, такимъ образомъ, сопричислились къ лику святыхъ мучениковъ на Небѣ. А святаго Варвара нечестивый царь повелѣлъ привязать къ желѣзному колесу, подъ коимъ возжечь сильный огонь, и то колесо вертѣть съ привязаннымъ къ нему мученикомъ, возливая на страдальческое тѣло послѣдняго кипящее масло. Но мученикъ, возносившій теплыя молитвы къ Богу, остался совсѣмъ неповрежденнымъ огнемъ: напротивъ, огонь устремился на мучителей-воиновъ, опалилъ ихъ, а двоихъ изъ нихъ обратилъ въ пепелъ. Послѣ этого страдалецъ Христовъ былъ ввергнутъ въ темницу, гдѣ явился ему Самъ Господь и укрѣпилъ его.

Наутро святый Варваръ снова былъ выведенъ для мученій; его, нагого, растянули въ четыре стороны, послѣ чего били его безжалостно по спинѣ и чреву воловьими жилами. Потомъ мученика ввергнули въ печь, которую предварительно разжигали въ теченіе трехъ дней. Пребывая въ ней въ продолженіе семи дней, святый обрѣтенъ былъ снова живымъ, здравымъ, нимало не поврежденнымъ отъ огня: словомъ, вышелъ изъ пещи, какъ бы изъ бани, славословя Бога. Послѣ того святый Варваръ снова былъ ввергнутъ въ темницу, куда къ нему вкинули множество

скорпіоновъ, змѣй и всякаго рода пресмыкающихся, въ томъ разсчетѣ, что онъ отъ нихъ погибнетъ. Но и при семъ заключеніи святый Варваръ, отогнавъ отъ себя крестнымъ знаменіемъ ядовитыхъ гадовъ, остался ни чѣмъ не поврежденнымъ.

Тогда ожесточенный мучитель, не хотѣвшій познать силы Христовой, повелѣлъ разжечь до возможной степени мѣднаго вола и ввергнуть въ него мученика; но и тамъ святый остался невредимымъ. Онъ не ощущалъ никакой боли отъ огня, а мѣдный волъ, точно чувствуя опаленіе отъ огня, какъ живой началъ двигаться, произносить какіе-то звуки и ходить. Увидѣвъ это чудо, многіе изъ язычниковъ увѣровали во Христа.

Наконецъ, послѣ всего этого мучитель повелѣлъ святому мученику Варвару отсѣчь главу. И такъ доблественно совершилъ онъ свой подвигъ страдальческій за Христа Господа. Честнòе тѣло его благочестивый епископъ Филикій, взявъ съ честію, предалъ погребенію въ городѣ Меѳонѣ Пелопонесскомъ, прославляя Христа Бога со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки славимаго, аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО

ВАРВАРА,

бывшаго прежде разбойникомъ

Сей блаженный Варваръ былъ прежде лютымъ разбойникомъ въ странахъ Луканскихъ [1]). Много пролилъ онъ крови человѣческой, и никто не могъ его изловить, ни тѣмъ болѣе бороться съ нимъ, такъ какъ онъ обладалъ необыкновенною тѣлесною силою. Но преблагій и человѣколюбивый Богъ, не хотящій смерти грѣшника и всѣмъ спасенія ищущій, подобно тому, такъ нѣкогда Апостола Павла [2]), такъ и сего разбойника дѣйствіемъ Своего Промысла уловилъ въ сѣти спасенія. Однажды, когда разбойникъ этотъ сидѣлъ въ пещерѣ и смотрѣлъ на множество награбленнаго зо-

---

[1]) Въ Греціи, вѣроятно.

[2]) Кн. Дѣян. Апост., гл. 22.

лота,—вдругъ сердца его коснулась благодать Божія, приводящая грѣшника на путь покаянія. И вотъ, разбойникъ умилился душой и, вспомнивъ о Страшномъ Судѣ Божіемъ, началъ скорбѣть, говоря въ душѣ своей:

— Увы мнѣ, грѣшному, что̀ сотворилъ я! Много пролилъ я крови человѣческой, многихъ женъ осквернилъ, чужія имущества похищалъ и много иного сотворилъ зла! Между тѣмъ, сегодня ли, завтра ли, но я до̀лженъ умереть; а что я пріобрѣлъ,—кому останется?!

И потомъ воззвалъ снова:

— Я знаю, что древняго разбойника Христосъ по Своему милосердію [1]) воспріялъ къ Себѣ: и меня Онъ пріиметъ, если только покаюсь. Се, нынѣ каюсь я, сокрушаюсь о своихъ злодѣяніяхъ и ищу Его милосердія.

Сказавъ это въ глубинѣ души своей, Варваръ воспрянулъ и, не сказавъ ничего своимъ товарищамъ, взялъ лишь мечъ подъ свою одежду и, оставляя все, ночью пошелъ въ ближайшее селеніе, въ которомъ была церковь. Пришедши въ церковь во время Утрени, онъ, по ея окончаніи, палъ священнику въ ноги, со слезами восклицая:

— Отче святый! Не отринь меня, окаяннаго грѣшника, пришедшаго къ твоей святости: ибо покаяться хочу я въ содѣянныхъ мною злодѣяніяхъ.

Священникъ, поднявъ его съ пола, подвелъ къ святому алтарю и сказалъ:

— Исповѣдуй, сынъ мой, предъ Богомъ содѣянныя тобою согрѣшенія; я же буду смиреннымъ свидѣтелемъ твоего исповѣданія и покаянія.

Кающійся сталъ говорить:

— Я, отче,—тотъ самый разбойникъ Варваръ, о которомъ, какъ думаю, и ты слышалъ. Преисполненъ я множествомъ грѣховъ, нечистоты тѣлесной, грабительствомъ и убійствами: ибо я убилъ до трехсотъ человѣкъ, въ томъ числѣ погубилъ мечомъ и двухъ пресвитеровъ, не хотѣвшихъ допустить меня къ Таинству Покаянія. И вотъ, нынѣ ты, отче, если знаешь, что Богъ пріиметъ меня, кающагося, то обвяжи по своему усмотренію мои грѣховныя язвы Заповѣдями Божіими; если же нѣтъ, то возьми сей мечъ и прикажи имъ убить меня.

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 23, ст. 40—43.

Но пресвитеръ сказалъ ему на это:

— Чадо! Нѣтъ грѣха, побѣждающаго Божіе милосердіе: только не отчаявайся. Ступай ко мнѣ въ домъ и, что я тебѣ повелю, то и исполни дѣломъ.

Вышедши изъ церкви, пресвитеръ оглянулся и увидѣлъ, что Варваръ подвигается за нимъ на локтяхъ и колѣнахъ, и сказалъ, обращаясь къ нему:

— Что это ты дѣлаешь, чадо?

Варваръ отвѣчалъ:

— Съ сего времени, какъ я повергся на землю предъ Господомъ Богомъ моимъ съ грѣхами моими, я не возстану отъ земли до тѣхъ поръ, пока не будутъ прощены мнѣ всѣ злыя мои дѣла.

— Чадо, — сказалъ ему пресвитеръ,—ты добровольно даешь обѣтъ въ семъ Богу. Итакъ, сохрани его,— и прощено тебѣ будетъ все.

Ст҃ый Варваръ

Пришедши домой, пресвитеръ снова сказалъ ему:

— Вотъ, чадо, дѣти мои, рабы, скотъ, псы: къ кому изъ нихъ хочешь быть приравненъ, чтобы вмѣстѣ съ ними принимать пищу?

Варваръ отвѣчалъ:

— Я, отче, не считаю себя равнымъ даже со псами; но, вслѣдствіе необходимой тѣлесной потребности въ пищѣ, помѣсти меня съ ними, чтобы съ ними вкушалъ я пищу и пребывалъ безъ крова въ продолженіе всѣхъ дней и ночей.

На это пресвитеръ сказалъ:

— Поступи же такъ, чадо, какъ ты говоришь предъ Богомъ, и уповай на великое Его милосердіе.

И прожилъ въ такомъ состояніи Варваръ у пресвитера того три года, подобно четвероногому скоту ползая на рукахъ и ногахъ и не поднимаясь отъ земли, считая себя недостойнымъ

находиться съ людьми, но лишь съ четвероногими животными, и со псами вмѣстѣ ѣлъ и съ ними вмѣстѣ находился внѣ дома и днемъ и ночью. По истеченіи третьяго года пресвитеръ сказалъ ему:

— Довольно, чадо, перестань питаться со псами, ибо Господь оказываетъ тебѣ Свое милисердіе.

— Но я, отче,—отвѣчалъ Варваръ,—еще хочу пастись вмѣстѣ со скотомъ.

И сказалъ ему пресвитеръ:

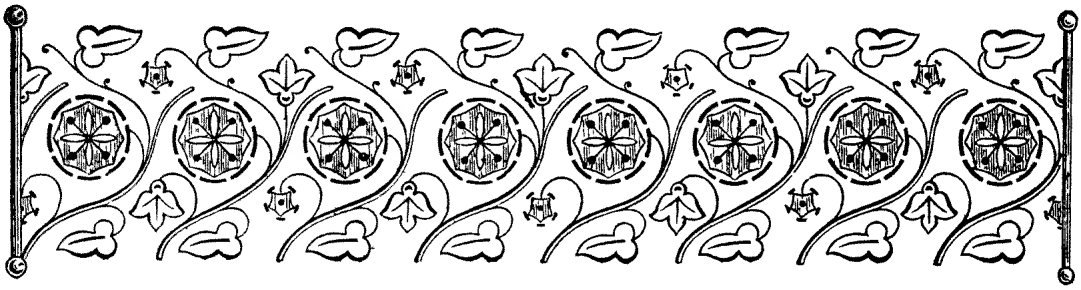
— Чадо! Богъ видитъ и сей обѣтъ твой, который ты приносишь Ему изъ своего смиренія, желая такимъ образомъ пострадать за свои грѣхи.

И вышелъ Варваръ вмѣстѣ со скотомъ за селеніе, ходя подобно четвероногому скоту и питаясь скудною травою. Достигнувъ луга, онъ пробылъ на немъ двѣнадцать лѣтъ, оставаясь нагимъ и не имѣя на себѣ даже никакого рубища. И сдѣлалась кожа его подобной корѣ древесной; опаляемая солнечнымъ зноемъ и растрескиваясь отъ мороза, она почернѣла, какъ уголь. И сталъ блаженный Варваръ добровольнымъ мученикомъ.

Когда прошло двѣнадцать лѣтъ таковыхъ страданій его въ пустынѣ, онъ получилъ, по Божественному откровенію, извѣщеніе о прощеніи своихъ грѣховъ и о томъ, что ему предстоитъ подвигъ покаянія своего завершить мученически, кровію своею. И вотъ, однажды, ходя по лугу, Варваръ приблизился къ дорогѣ, на которой остановились какіе-то купцы. Они, думая, что это подошелъ какой-то звѣрь (ибо не разглядѣли, что было въ густой травѣ), пустили въ него изъ своихъ напряженныхъ луковъ нѣсколько стрѣлъ и поразили его тремя стрѣлами; подошедши же, увидѣли, что застрѣлили человѣка, и пришли въ ужасъ. Варваръ же повелѣлъ имъ не бояться, не скорбѣть и разсказалъ все о себѣ, и заповѣдалъ имъ возвѣстить о его кончинѣ пресвитеру того селенія. Сказавъ это, онъ предалъ душу свою въ руки Божіи.

Вышеназванный пресвитеръ, узнавъ отъ купцовъ о происшедшемъ, пошелъ на то мѣсто, гдѣ увидалъ тѣло блаженнаго Варвара просвѣтившееся подобно свѣту. Совершивъ обычное надъ мертвымъ пѣніе, онъ предалъ погребенію его на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ онъ былъ убитъ. Впослѣдствіи отъ гроба блаженнаго Варвара стали истекать исцѣленія болящимъ различными недугами.

По прошествіи нѣкотораго времени собрался сюда народъ съ пресвитеромъ; открыли гробъ и увидѣли, что тѣло святаго не только было нетлѣннымъ, но и источало цѣлебное мѵро. Тогда всѣ пришли въ удивленіе и прославили Бога; честныя же мощи святаго Варвара перенесли съ великими почестями въ свое селеніе и положили въ церкви, изумляясь дивному человѣколюбію и милосердію Христа Бога нашего, Которому со Отцемъ и Святымъ Духомъ возсылается честь и слава во вѣки. Аминь.



День седьмой

СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО МУЧЕНИКА
АКАКІЯ

Святый Акакій пострадалъ за исповѣданіе Имени Христова въ царствованіе Максиміана[1]) и именно въ третье гоненіе на христіанъ, воздвигнутое этимъ императоромъ по наущенію діавола.

Происходилъ святый Акакій изъ Каппадокіи[2]), былъ саномъ воинъ въ званіи сотника и служилъ въ полкѣ мартисійскомъ[3]) подъ начальствомъ полковника Фирма.

Въ то время царемъ Максиміаномъ было приказано отыскивать христіанъ не только въ городахъ, но и въ рядахъ воиновъ; и если находился въ числѣ воиновъ кто-либо, вѣровавшій во Христа, такого повелѣно было предавать суду и мученіямъ; въ томъ случаѣ, если христіанинъ не оказывалъ повиновенія указу царскому, его дòлжно было предавать смерти.

Вслѣдствіе такого распоряженія полковникъ Фирмъ призывалъ къ себѣ каждаго воина поодиночкѣ и разспрашивалъ всякаго, какова его вѣра; и если оказывалось, что кто-либо изъ его воиновъ вѣровалъ во Христа, то Фирмъ всячески — и ласками и угрозами — принуждалъ его къ идолопоклонству. Дѣйствуя такъ,

---

1) *Максиміанъ*—управлялъ Западною половиною Римской имперіи съ 284 г. по 305 г.

2) *Каппадокія*—малоазійская область.

3) *Мартисійскій полкъ*—отрядъ Марсовыхъ (т.е. храбрыхъ).

Фирмъ многихъ нетвердыхъ въ вѣрѣ и боязливыхъ христіанъ совратилъ въ язычество.

Когда Фирмъ призвалъ къ себѣ сотника Акакія, то сей послѣдній во всеуслышаніе сказалъ:

— Среди христіанъ рожденъ я, христіаниномъ я и останусь; свидѣтелемъ въ этомъ да будетъ мнѣ Самъ Господь Іисусъ Христосъ; не только отецъ и мать моя, но и мои дѣды и прадѣды были христіанами; потому христіаниномъ останусь и я.

Послѣ этихъ словъ святаго Фирмъ началъ склонять его къ идолопоклонству и ласками, и угрозами; онъ три раза призывалъ его къ себѣ и увѣщевалъ исполнить приказаніе царское. Однако, видя, что Акакій остается непреклоннымъ, Фирмъ приказалъ заключить его въ оковы и отослать къ военачальнику Вивіану.

Въ то время, какъ военачальникъ Вивіанъ возсѣдалъ на судилищѣ и допрашивалъ другихъ исповѣдниковъ Христовыхъ, къ нему подошелъ комментарисій[1]) Антонинъ и сказалъ:

— Вчера полковникъ мартисійскаго полка Фирмъ заключилъ въ оковы своего сотника Акакія; нынѣ онъ присылаетъ его къ тебѣ, потому что Акакій не повинуется указу царскому и исповѣдуетъ вѣру христіанскую.

Тотчасъ Акакій былъ представленъ на допросъ къ военачальнику.

Посмотрѣвъ на него, военачальникъ спросилъ:

— Какое имя твое?

Отвѣчалъ святый:

— Вожделѣнное для меня и для всѣхъ родственниковъ моихъ есть то имя, которое происходитъ отъ достославнаго Имени Христова,—я называюсь христіаниномъ; но по-человѣчески я именуюсь Акакіемъ.

Сказалъ на это военачальникъ:

— По имени твоему и нравъ твой, ибо ты злой, такъ какъ не повинуешься царскому приказанію!

Отвѣчалъ на это святый:

— О воевода! Ты говоришь ложь и неправильно истолковываешь смыслъ моего имени, потому что Акакій—значитъ: *незлобивый*[2]). Этимъ именемъ я по справедливости и называюсь, такъ

---

1) *Комментарисій*—начальникъ надъ тюрьмами.

2) *Акакій* съ греч.—Ἀκάκιος отъ κακός — дурной, злой, и приставка отрицанія α дѣйствительно значитъ *незлобивый*.

какъ не хочу быть общникомъ злобы діавольской, кровь человѣческую піющей.

Сказалъ воевода:

— Откуда ты набрался такихъ неразумныхъ рѣчей?

Отвѣчалъ святый:

— Я—родомъ изъ Каппадокіи; отсюда было много мучениковъ за Имя Христово, и я самъ видѣлъ чудеса, которыя совершались по кончинѣ святыхъ по благодати и силѣ, данной отъ Господа; я самъ видѣлъ, какъ гробы и честныя мощи ихъ источали исцѣленія многимъ больнымъ. Потому я и хочу быть подражателемъ этихъ святыхъ мучениковъ, а не васъ, и потому я не повинуюсь вашимъ нечестивымъ законамъ, которые погибнутъ вмѣстѣ съ вами.

Тогда воевода сказалъ святому:

— Не думай, что ты будешь преданъ незначительнымъ мученіямъ. Ты за свое высокомѣріе и суесловіе заслуживаешь большой казни; но, если хочешь избавиться отъ нея, отрекись отъ христіанской вѣры и исполни приказаніе царское: поклонись богамъ, по милости которыхъ царствуютъ императоры и одерживаютъ побѣды надъ врагами своими; постыдись и меня, возсѣдающаго на этомъ судилищѣ; не считай себя умнѣе всѣхъ людей и не надѣйся на человѣка, именуемаго Христомъ, Который, какъ говорятъ, былъ преданъ мученіямъ и законно осужденъ на смерть.

Отвѣчалъ на это святый:

— Ты заблуждаешься, судія, говоря такъ, и сильно грѣшишь, будучи ослѣпленъ сатаною, потому что цари царствуютъ и одерживаютъ побѣды не по милости боговъ вашихъ, но по промышленію и соизволенію всеблагого Бога нашего. А относительно того, что ты говоришь, будто я уповаю на человѣка, преданнаго мученіямъ и осужденнаго на смерть,—знай, что это Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Который ради спасенія насъ, грѣшныхъ людей, пришелъ на землю и сталъ человѣкомъ, продолжая пребывать Богомъ Истиннымъ; Господь нашъ Іисусъ Христосъ нѣкоимъ дивнымъ и неизреченнымъ образомъ принялъ на Себя естество наше; какъ было это—ты не только не поймешь, но и не услышишь, если предварительно не сдѣлаешься христіаниномъ. Христосъ Господь, будучи Богомъ Истиннымъ, какъ я сказалъ, будучи Словомъ[1]), сопребывающимъ съ Отцемъ и со-

[1]) Выраженіе взято изъ Евангелія отъ Іоанна (гл. 1, ст. 1).

предвѣчнымъ Ему, во время, Ему благоугодное, совершилъ дѣло спасенія нашего и, такимъ образомъ, избавилъ насъ отъ рабства врагу-діаволу, отъ начала времени намъ позавидовавшему.

На эти слова святаго военачальникъ сказалъ:

— Если цари противны твоему Христу, то почему же Онъ не умерщвляетъ ихъ, будучи Богомъ Всемогущимъ, какъ ты говоришь?

Отвѣчалъ святый:

— Потому-то ты и долженъ познать Его безконечное милосердіе и безпредѣльную силу, что Онъ, поругаемый вами, не умерщвляетъ васъ, долготерпѣливо ожидая, что вы, эллины, покаетесь и воздадите честь, Богу подобающую, Ему, а не бѣсамъ. Затѣмъ, Онъ долго терпитъ и ради того, чтобы избранные рабы Его, возлюбленные Ему, явили бы предъ глазами всѣхъ людей свой славный подвигъ. Если бы Богъ нашъ погубилъ васъ вскорѣ, то и вы погибли бы навѣки, и рабы Его не были бы явлены міру; не была бы явлена людямъ и сила благодати Его. Какимъ бы образомъ прославился Владыка нашъ, если бы не явилъ долготерпѣнія Своего къ великимъ грѣхамъ нашимъ? Потому Онъ и теперь оставляетъ васъ безъ наказанія; однако вы, презирающіе долготерпѣніе Его, пребывающіе въ нечестіи своемъ и на насъ, неповинныхъ, гнѣвающіеся,—если не покаетесь, то приготовите себѣ погибель и погрузитесь въ нее по причинѣ беззаконій вашихъ; мы же, знающіе силу и могущество Бога нашего, терпѣливо перенося страданія за Имя Его, получимъ вѣчноблаженную жизнь отъ Него; слава Его будетъ явлена также и тѣмъ людямъ, которые, познавъ заблужденіе свое, покаются и исправятъ свою жизнь.

Ст҃ый мч҃нкъ
Акакій

Удивляясь такому благоразумному отвѣту мученика, военачальникъ Вивіанъ спросилъ его:

— Не обучался ли ты книгамъ, такъ какъ ты мудро отвѣтилъ мнѣ; ты справедливо говоришь, что жизнь человѣка находится во власти Божіей, въ Его промышленіи и долготерпѣніи.

Отвѣчалъ святый:

— Изъ того обстоятельства, что я, не обучавшійся книжной мудрости, такъ отвѣтилъ тебѣ, ты долженъ былъ бы познать силу и благодать Бога нашего, владычествующаго надъ всѣмъ міромъ; ибо Самъ Богъ говоритъ устами рабовъ Своихъ, чему и вы, считающіе себя премудрыми, удивляетесь. И изначала, когда Господь нашъ восхотѣлъ возвѣстить Евангеліе всей вселенной, Онъ избралъ для проповѣди не знатныхъ и богатыхъ людей, не мудрыхъ философовъ и сладкорѣчивыхъ риторовъ, но рыбарей и мытарей, простыхъ и неимущихъ. Такъ сдѣлалъ Господь для того, чтобы сила Его непостижимая и премудрость, превосходящая всякое разумѣніе, была познана въ тѣхъ, которыхъ Самъ Духъ Святый невидимо училъ и наставлялъ.

Послѣ этого военачальникъ сказалъ святому:

— Оставь свое многоглаголаніе и отвѣчай мнѣ на этотъ вопросъ: извѣстенъ ли тебѣ указъ царскій, повелѣвающій вамъ, христіанамъ, или принести жертву богамъ, или принять тяжкія муки? Скажи мнѣ: подчинишься ли ты приказанію царскому; принесешь ли ты жертву богамъ, или нѣтъ?

Отвѣчалъ святый:

— Я еще полковнику Фирму, который меня допрашивалъ ранѣе, заявилъ, и притомъ не одинъ разъ, что я — христіанинъ; то, что я говорилъ Фирму, говорю и тебѣ: я — христіанинъ и скверным бѣсамъ вашимъ не принесу жертвы.

Тогда военачальникъ сказалъ:

— Щадя юность твою, такъ какъ ты имѣешь не болѣе двадцати пяти лѣтъ, и уважая твое званіе—сотника, я вовсе не хотѣлъ бы мучить тебя. Однако, если ты пребудешь опять въ своемъ нечестіи, то ты заставишь меня предать тебя жесточайшимъ мукамъ.

Святый же отвѣчалъ на это:

— Это не безуміе, но самое благоразумное и самое богоугодное дѣло—не оставлять вѣры во Единаго Бога Истиннаго, Создателя моего, по волѣ Котораго я существую до нынѣшняго дня.

Военачальникъ сказалъ святому:

— Какъ же ты говоришь, что Богъ Одинъ? Вѣдь только сейчасъ ты исповѣдалъ Христа, Сына Божія. Но если вашъ Богъ имѣетъ Сына, равнаго Себѣ, то ты долженъ признавать двухъ боговъ: одного —Бога Отца, а другого—Бога Сына. А если у васъ два бога, то почему же ты теперь исповѣдалъ мнѣ только одного Бога? Я вижу теперь, что ты заблуждаешься и лжешь мнѣ, потому что противорѣчишь самъ себѣ на словахъ.

На это отвѣчалъ святый Акакій:

— Я вѣрую и надѣюсь на Господа моего Іисуса Христа, распятаго при Понтійскомъ Пилатѣ, что Онъ Духомъ Святымъ вразумитъ меня и научитъ меня отвѣтить тебѣ на твой вопросъ, потому что вопросъ твой о томъ, почему мы, двухъ называя, признаемъ только Единаго Бога,—вопросъ трудный и не легко разрѣшимый. Но я говорю тебѣ, что мы, христіане, не только Отца и Сына, но и Духа Святаго исповѣдуемъ Богомъ Истиннымъ. Въ этихъ трехъ наименованіяхъ—три Лица, но одно Божество и сила. Мы признаемъ Единаго Бога вмѣстѣ съ Словомъ и Духомъ Святымъ, потому что не подобаетъ Богу быть безъ Слова и Животворящаго Духа. Приведу тебѣ для поясненія моихъ словъ и подобіе: вотъ царь, котораго ты называешь владыкою, а я человѣкомъ,—называется Максиміаномъ; у него есть сынъ Максенцій. Вотъ ихъ двое; однако природа у нихъ одна—природа человѣческая, и царство ихъ нераздѣльно; сынъ почитается ради отца, отецъ прославляется ради сына. Подобно сему и о Богѣ мы мыслимъ, потому что божественная сущность Отца, Слова и Духа Святаго одна и та же и никогда не измѣняется, такъ какъ Богъ, почитаемый нами, есть Единъ.

Воевода сказалъ святому:

— Не разъ я замѣчалъ тебѣ, чтобы ты говорилъ мнѣ только о дѣлѣ; ты же всѣми этими суетными рѣчами только отклоняешься отъ предмета нашей рѣчи. Въ послѣдній разъ я говорю тебѣ: принеси жертвы нашимъ богамъ, по волѣ которыхъ существуетъ міръ; если же не исполнишь этого моего приказанія, то я болѣе уже не буду терпѣть твоего неповиновенія.

Отвѣчалъ на это святый:

— Не думай устрашить меня мученіями; вотъ тѣло мое уже готово воспріять раны; мучь его, сколько хочешь. Но мыслей моихъ и моихъ сердечныхъ убѣжденій ни ты, ни царь, ни бѣсы

ваши, которымъ ты поклоняешься, и никто другой никогда не измѣнитъ и не направитъ ко злу.

Тогда военачальникъ, разгнѣвавшись, приказалъ привязать святаго обнаженнымъ къ четыремъ столбамъ и шести воинамъ бить его суровыми жилами безъ милости — сначала по спинѣ, а затѣмъ по животу. При этомъ игемонъ сказалъ:

— Посмотримъ, поможетъ ли его Богъ ему?

Святый мученикъ былъ терзаемъ такимъ образомъ долгое время, такъ что воины, бившіе его, мѣнялись нѣсколько разъ. Уже земля обагрилась кровью его, но страдалецъ ничего другого не говорилъ, какъ только:

— Христе, Спасителю мой! Помоги мнѣ, смиренному рабу Твоему! Господи Боже мой! Не оставь меня!

Когда же военачальникъ увидѣлъ, что святый мученикъ былъ весь изъязвленъ и окровавленъ, то сказалъ ему:

— Можетъ быть, ты принесешь теперь жертву богамъ?

Отвѣчалъ святый:

— Не принесу жертвы бѣсамъ, потому что я вѣрую въ Господа моего Іисуса Христа, помогающаго мнѣ; теперь я чувствую себя среди мученій еще болѣе мужественнымъ и твердымъ, чѣмъ прежде; до сихъ поръ ожиданіе мученій отчасти смущало меня; но какъ только я началъ страдать, меня укрѣпила Сила Христова, и я почувствовалъ въ себѣ готовность на муки, хотя бы еще бо́льшія и еще тягчайшія, такъ какъ твердо вѣрую и надѣюсь на Господа и Бога моего. Но знай, что чѣмъ больше ты причинишь мнѣ мученій, тѣмъ больше пользы принесешь мнѣ; чѣмъ бо́льшимъ мукамъ ты предашь меня, тѣмъ бо́льшую благодать у Бога ты мнѣ исходатайствуешь.

Военачальникъ же, придя въ ярость отъ сихъ словъ святаго, приказалъ бить его по устамъ оловянными досками. Когда прекрасныя ланиты святаго обезображивались мучителями, военачальникъ сказалъ мученику:

— Принеси жертву богамъ, и тогда ты избавишься отъ еще болѣе тяжкихъ мученій, приготовленныхъ для тебя.

Отвѣчалъ ему святый:

— Я такъ же мало думаю о предстоящихъ мнѣ мученіяхъ, какъ мало думаю о мученіяхъ, уже бывшихъ.

Военачальникъ же сказалъ:

— Какимъ образомъ ты, будучи воиномъ и притомъ не обученнымъ книгамъ, такъ разумно отвѣчаешь мнѣ?

Отвѣчалъ святый мученикъ:

— Духъ Святый даетъ рабамъ Своимъ терпѣніе и помогаетъ отвѣчать на судѣ, потому что Спаситель нашъ, Господь Іисусъ Христосъ, сказалъ ученикамъ Своимъ: **ѐгда̀ предаю́тъ вы̀ князьямъ и владыкамъ, не пецы́чесѧ, ка́кѡ и҆ли̑ что̀ возглаго́лете: да́ствосѧ в҆ то́й ча́съ, что̀ возглаго́лете: не вы̀ бо бꙋ́дете глаго́лющїи, но дх҃ъ ѻ҆ц҃а̀ ва́шегѡ глаго́лѧй в҆ ва́съ**[1]).

Тогда комментарисій Антонинъ сказалъ святому:

— Какая тебѣ, окаянный, будетъ польза отъ многоглаголанія твоего, такъ какъ ты противишься царскому приказанію, за что и принимаешь мученія? Но вотъ тебя сейчасъ станутъ мучить еще больше; тогда ты ужъ непремѣнно исполнишь приказаніе царское.

Отвѣчалъ ему святый:

— Отойди отъ меня и лучше увѣщевай самого себя. Если я не послушалъ воеводы, несмотря на то, что меня подвергали многимъ мученіямъ, то послушаю ли я тебя?

Послѣ этого военачальникъ приказалъ заключить мученика въ темницу города Перинѳа, во Ѳракіи[2]). Здѣсь святый мученикъ пробылъ семь дней.

Въ то время, когда святый Акакій находился въ темницѣ, радостно веселясь о Господѣ и благодаря Его за то, что Онъ сподобилъ его пострадать за Святое Имя Его, къ военачальнику Вивіану пришло посланіе отъ ѳракійскаго игемона Флаккина; въ этомъ посланіи Вавіану предписывалось идти въ Византію вмѣстѣ со всѣми узниками, какіе были у него. Военачальникъ Вивіанъ тотчасъ отправился, а съ нимъ вмѣстѣ пошелъ въ Византію и святый Акакій, шедшій вмѣстѣ съ нѣсколькими другими узниками, за нѣкоторыя преступленія заключенными въ темницу. Святый мученикъ сильно изнемогалъ на пути и отъ ранъ, и отъ желѣзныхъ оковъ, и отъ голода, и отъ жажды, а также вообще и отъ продолжительнаго и спѣшнаго путешествія, тѣмъ болѣе что воины, сопровождавшіе святаго, были немилосердны и часто наносили ему побои, побуждая святаго идти скорѣе. При всѣхъ такихъ страданіяхъ святый не надѣялся остаться въ живыхъ и думалъ,

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 19—20.

2) *Ѳракія*—область Римской имперіи, лежавшая къ сѣверо-востоку отъ Македоніи. Въ настоящее время Ѳракія подъ именемъ Румеліи входитъ въ составъ Европейской Турціи.

что скоро скончается; поэтому онъ долго просилъ воиновъ, ведшихъ его, остановиться на нѣкоторое время, чтобы онъ могъ помолиться Богу; однако просьба святаго не была исполнена. Когда же всѣ остановились въ нѣкоторомъ мѣстѣ на ночлегъ, тогда святый, поднявъ очи къ Небу, тотчасъ сталъ молиться такъ:

«Слава Тебѣ, Боже, являющему по благоутробію Твоему милосердіе Свое всѣмъ, любящимъ Тебя! Слава Тебѣ, призвавшему меня, грѣшнаго, на подвигъ сей! Слава Тебѣ, Господи Іисусе Христе, знающему немощь плоти нашей и даровавшему мнѣ силы къ перенесенію мученій! Нынѣ же, Владыко, видя, что я окруженъ со всѣхъ сторонъ столь многими страданіями, такъ что и сама душа моя, какъ мнѣ кажется, хочетъ разрѣшиться отъ союза съ плотью,—пошли Ангела Твоего святаго, дабы онъ исцѣлилъ раны мои и облегчилъ мои страданія; или же повели мучителямъ предать меня поскорѣе смерти, дабы я скорѣе перешелъ къ Тебѣ, Господу моему».

Въ то время, когда святый молился въ такихъ словахъ Богу, внезапно на томъ мѣстѣ показался облакъ, изъ облака же послышался Голосъ, говорившій:

— Акакій! Мужайся и крѣпись!

Этотъ Голосъ слышали всѣ, тамъ бывшіе,—и воины, и узники; удивляясь, они говорили другъ другу:

— Неужели и облака могутъ говорить такъ же, какъ и люди? Когда кто слышалъ то, что мы слышали нынѣ?

И всѣ дивились бывшему. Многіе же изъ узниковъ, услышавъ Гласъ тотъ, увѣровали въ Господа Іисуса Христа, Сына Божія, и, припавъ къ ногамъ святаго Акакія, усердно просили его научить ихъ истинамъ христіанской вѣры. Святый же мученикъ Христовъ Акакій, идя вмѣстѣ съ ними, бесѣдовалъ, говоря такъ:

— Хотя до сего времени я упражнялся не въ книгахъ, но въ обязанностяхъ воинскаго званія, однако я былъ воспитанъ въ священническомъ домѣ, потому что я происхожу изъ священническаго рода. Я помню, что я слышалъ отъ священниковъ: именно, что Богъ, желая спасти человѣка, изгнаннаго изъ рая, и освободить его изъ ада, послалъ въ міръ сопредвѣчное Слово Свое, Сына Своего; Сынъ же Божій, прійдя въ міръ, принялъ плоть отъ Пресвятой и Пречистой Дѣвы Маріи, образомъ бывъ какъ человѣкъ; затѣмъ—претерпѣлъ крестную смерть, дабы исправить древомъ Креста грѣхъ Адамова непослушанія Заповѣди Бо-

жіей; чтобы даровать спасеніе осужденному человѣку, Онъ Самъ заплатилъ за насъ долгъ правосудію Божію Своимъ вольнымъ страданіемъ на крестѣ. Будучи пригвожденъ ко кресту, Сынъ Божій тѣмъ самымъ уничтожилъ рукописаніе нашихъ грѣховъ, побѣдилъ нашу смерть Своею смертію, адъ плѣнилъ и всю силу діаволову посрамилъ и сдѣлалъ ничтожной. Когда же Сынъ Божій поразилъ всѣхъ бѣсовъ и врата̀ мѣднаѧ сокрꙋши̇, и̂ вереи̇ желѣзныѧ сотре̇[1]), то воскресъ изъ мертвыхъ въ третій день и далъ черезъ это роду человѣческому возможность воскреснуть всѣмъ и жить вѣчно въ грядущемъ вѣкѣ. Этотъ же видимый міръ ничтоженъ и будетъ существовать незначительное время.

Слушая эти и имъ подобныя слова мученика, узники, сопутствовавшіе святому, съ радостію обратились къ вѣрѣ христіанской.

Когда наступила ночь, то путники остановились для ночлега въ близлежащемъ селеніи. Здѣсь узники въ полночь имѣли дивное видѣніе, именно: они видѣли нѣсколько юношей, одѣтыхъ въ свѣтлыя одежды (это были Святые Ангелы), какъ бы воинскаго чина, бесѣдовавшихъ со святымъ Акакіемъ. Узники, видя это, подумали, что это родственники и друзья Акакія пришли ночью посѣтить его (боясь мучителя).

Утромъ слѣдующаго дня всѣ отправились въ путь. Въ этотъ день всѣ шли очень быстро, такъ что къ вечеру прибыли въ Византію; на ночь же остановились ночевать всѣ въ одномъ домѣ. И въ эту ночь узники увидѣли тѣхъ же самыхъ юношей, бесѣдовавшихъ со святымъ Акакіемъ, какъ и въ прошлую ночь; при этомъ узники замѣтили, что эти свѣтлые юноши омывали теплою водою раны мученика и исцѣляли ихъ. Взирая на это, узники подумали про себя:

«Поистинѣ, это видѣніе — отъ Бога, потому что не люди, а Ангелы приходили прошлою ночью къ святому; и въ эту ночь Святые Ангелы посѣтили его».

Когда наступило утро, то всѣ они были отведены въ темницу. Святый же Акакій былъ заключенъ, по распоряженію военачальника, отдѣльно отъ другихъ, во внутреннемъ отдѣленіи темницы; онъ былъ скованъ желѣзными узами, забитъ въ колоду; къ нему не пропускали никого для бесѣды, даже не давали ему ни пить, ни ѣсть, такъ какъ мучители хотѣли голодомъ, жаждою и тяжкими страданіями заставить его отречься отъ Христа и исполнить ихъ

[1]) Выраженіе церковной пѣсни.

приказаніе—поклониться идоламъ; всѣ же прочіе узники были помѣщены во внѣшнемъ отдѣленіи темницы.

Передъ наступленіемъ ночи узники сподобились снова видѣть то же самое дивное явленіе,—именно: они увидѣли, что во внутреннемъ отдѣленіи темницы засіялъ яркій свѣтъ; подойдя къ окнамъ, чтобы разглядѣть, что это такое, они увидѣли нѣсколькихъ свѣтлыхъ мужей, которые, освободивъ мученика отъ оковъ, врачевали его раны и предлагали ему чудную, бѣлую какъ снѣгъ, пищу, а также и питіе.

Такъ какъ это продолжалось каждую ночь, то узники сообщили объ этомъ темничному сторожу. Этотъ послѣдній, подойдя ночью къ окну, увидѣлъ то же самое. Но когда сторожъ вошелъ во внутреннее отдѣленіе темницы, то не нашелъ никого, кромѣ святаго мученика, пребывавшаго въ оковахъ. Все это привело темничнаго сторожа въ великій страхъ.

Когда прошли семь дней по прибытіи узниковъ въ Византію, военачальникъ Вивіанъ возсѣлъ на судилищѣ и призвалъ къ себѣ на допросъ святаго мученика Акакія. Увидавъ, что мученикъ Христовъ — здравъ тѣломъ и радостенъ лицомъ, Вивіанъ пришелъ въ великое удивленіе, потому что думалъ увидѣть мученика больнымъ, изнемогшимъ отъ ранъ и оковъ, отъ голода и жажды и отъ продолжительнаго путешествія. Вивіанъ подумалъ, что это воины облегчали страданія святаго; поэтому, весьма разгнѣвавшись на нихъ, онъ сказалъ имъ:

— Развѣ я не приказалъ вамъ заключить этого человѣка во внутреннемъ отдѣленіи темницы, забить его въ колоды и оковы желѣзныя и совершенно не давать ему ни пищи, ни питія? Но вы держали его на свободѣ и помогли ему вылѣчиться отъ ранъ. И вотъ, я вижу теперь его еще болѣе здравымъ и цвѣтущимъ лицомъ, нежели прежде.

Комментарисій Антонинъ сказалъ на это:

— Какъ ты приказалъ, военачальникъ, такъ и было все сдѣлано. Начиная съ Перинѳа и до этого города мы вели его въ тяжелыхъ желѣзныхъ оковахъ; ты самъ можешь взвѣсить ихъ и узнать, какъ много они вѣсятъ. Въ этомъ городѣ мы заключили его въ самое внутреннее и самое тѣсное отдѣленіе темницы, и никто изъ воиновъ не давалъ ему ничего ни изъ пищи, ни изъ питія. Спроси сторожа темничнаго и ты узнаешь, такъ ли было все, какъ ты приказывалъ, или нѣтъ.

Тотчасъ военачальникъ приказалъ позвать темничнаго сторожа.

Когда сторожъ явился къ военачальнику, то этотъ послѣдній съ гнѣвомъ сказалъ ему:

— Почему ты, окаянный, не исполнилъ моего приказанія, но дозволилъ Акакію питаться и врачевать раны его, такъ что теперь онъ столь крѣпокъ тѣломъ, что вполнѣ годенъ къ войнѣ.

Святый же Акакій замѣтилъ на это:

— Силу и крѣпость далъ мнѣ съ неба Подвигоположникъ Іисусъ Христосъ, исцѣлившій меня отъ ранъ и сдѣлавшій меня здоровымъ.

Военачальникъ же съ гнѣвомъ сказалъ:

— Бейте его по лицу и сокрушите его уста, чтобы онъ не говорилъ тогда, когда ему не предлагаютъ вопроса.

Послѣ этого слуги стали бить святаго. Затѣмъ военачальникъ сказалъ сторожу темницы:

— Что ты, окаянный, отвѣтишь мнѣ?

Сторожъ же отвѣчалъ:

— Клянусь властію твоею, что все, что ты приказалъ мнѣ сдѣлать, я сдѣлалъ. Я очень строго держалъ его и всячески стѣснялъ; но были нѣкоторые, кто питалъ и врачевалъ его, какъ объ этомъ знаютъ всѣ, заключенные въ темницѣ. Разспроси ихъ, и если ты услышишь что-либо другое,—вотъ, голова моя передъ тобою, дѣлай со мною, что хочешь. Намъ часто казалось, что къ нему приходили какіе-то воины, причемъ одни изъ нихъ разрѣшали его отъ оковъ, другіе омывали язвы его и исцѣляли ихъ и, наконецъ, третьи приносили къ нему пищу и питіе и дружески бесѣдовали съ нимъ. Обо всемъ этомъ мнѣ сказали узники, приведенные сюда вмѣстѣ съ нимъ изъ Перинѳа; они говорили, что это было и на пути, и здѣсь, въ темницѣ. Но я не вѣрилъ ихъ словамъ, почему самъ хотѣлъ видѣть тѣхъ свѣтлыхъ мужей; и дѣйствительно, я самъ, своими глазами, видѣлъ все то, что они мнѣ передали. И когда я, внезапно открывъ дверь, вошелъ во внутреннее отдѣленіе темницы, чтобы разспросить Акакія, кто это были — приходившіе къ нему, откуда они пришли и какимъ образомъ они проникли сквозь запертыя двери, — то я не нашелъ тамъ никого, кромѣ самого узника, закованнаго въ колоду и желѣзныя оковы; иногда я заставалъ его молящимся Богу, иногда спящимъ.

Выслушавъ сторожа темничнаго, военачальникъ сказалъ ему:

— Ты, окаянный, вѣроятно принималъ золото отъ родственниковъ Акакія и впускалъ ихъ къ нему съ пищею, питіемъ и съ лѣкарствами.

И тотчасъ, сказавъ это, военачальникъ приказалъ сильно бить сторожа желѣзными прутьями.

Сторожъ же, принимая побои, воскликнулъ:

— Я прошу тебя, военачальникъ, сначала изслѣдуй тщательно, какъ было дѣло; если окажется, что было не такъ, какъ я разсказалъ тебѣ, тогда убей меня.

Воевода сказалъ на это:

— Значитъ, человѣкъ тотъ—чародѣй и волхвъ.

Сторожъ же отвѣчалъ:

— Я тебѣ сказалъ лишь то, что я видѣлъ самъ; чародѣй же или нѣтъ тотъ человѣкъ,—этого я не знаю.

Послѣ этого военачальникъ приказалъ еще сильнѣе бить сторожа темничнаго. Такимъ образомъ, этотъ сторожъ неповинно пострадалъ ради мученика Христова. Святый же мученикъ Акакій, видя это, посмѣялся неразумію военачальника, хотя уста и ланиты святаго мученика были сокрушены. Увидавъ это, военачальникъ пришелъ еще въ бо́льшій гнѣвъ и съ яростію сказалъ мученику:

— Развѣ ты пришелъ насмѣхаться надъ нами, надѣясь спастись своимъ волшебствомъ?

Святый отвѣчалъ:

— Не думай, что я смѣюсь надъ тобой и радуюсь твоей погибели; нѣтъ, я болѣю и страдаю сердцемъ о вашей вѣчной погибели; вы же сами посмѣваетесь и издѣваетесь надъ вами, потому что, оставивъ Бога Истиннаго, Творца Неба и земли, Виновника всего существующаго, вы поклоняетесь и воздаете божеское почитаніе камню и дереву.

Послѣ этихъ словъ военачальникъ приказалъ десяти воинамъ бить мученика дубовыми палками по спинѣ и по животу. Мученикъ же, терпѣливо перенося побои, говорилъ:

— Господи Іисусе Христе! Помоги мнѣ, рабу Твоему!

И слышенъ былъ съ Неба Голосъ, укрѣплявшій святаго; при этомъ воины, наносившіе удары, какъ бы оцепенѣли и не могли поднять рукъ своихъ на мученика. Военачальникъ же, не зная, что дѣлать, рѣшилъ послать святаго къ игемону, который прибылъ къ тому времени въ Византію, при чемъ военачальникъ написалъ игемону такое посланіе:

«Любезному и достославному судіи Флаккину, игемону ѳракійскому, отъ Вивіана военачальника—радоваться.

Я предавалъ разнаго рода мученіямъ Акакія, защитника нечестивой вѣры христіанской; его прислалъ ко мнѣ двадцать дней тому назадъ Фирмъ, начальникъ мартисійскаго полка, такъ какъ онъ не повиновался приказанію царскому. Я никакъ не могъ заставить его подчиниться императорскому указу; такъ какъ ты можешь наказать еще сильнѣе этого человѣка, то я и пересылаю тебѣ его вмѣстѣ съ записью его дѣяній, сдѣланною комментарисіемъ».

Игемонъ, прочитавъ посланіе Вивіана, приказалъ заключить мученика въ темницу, но безъ оковъ и безъ охраны крѣпкой стражей; сдѣлалъ же онъ такъ потому, что имѣлъ жену-христіанку, которая послѣ многихъ слезныхъ просьбъ убѣдила его не мучить слишкомъ долго христіанъ, приводимыхъ къ нему на допросъ, но поскорѣе предавать ихъ смерти, если ужъ нельзя ихъ освободить.

Спустя пять дней послѣ этого игемонъ вызвалъ мученика къ себѣ на допросъ, причемъ приказалъ предварительно прочитать описаніе всѣхъ дѣлъ мученика —исторію его страданій, запись о которыхъ ему была прислана военачальникомъ Вивіаномъ. Игемонъ весьма удивился какъ жестокости мученій, такъ и мужеству святаго Акакія, и сильно порицалъ Вивіана за то, что онъ такъ долго мучилъ человѣка, званіемъ воина, а не предалъ вскорѣ его смерти. Понявъ же, что святаго Акакія никоимъ образомъ нельзя отвратить отъ исповѣданія Имени Христова, игемонъ приказалъ отсѣчь ему голову внѣ города (Византіи). Когда святый мученикъ былъ веденъ на мученіе, то онъ такъ воскликнулъ Богу:

— Какъ бы я хотѣлъ восхвалить Тебя, Источничѣ жизни, Христосъ, Сынъ Божій, за то, что Ты былъ такъ благъ и милостивъ ко мнѣ, грѣшному, что сподобилъ меня подвига мученическаго!

Когда святый дошелъ до самаго мѣста усѣченія и испросилъ себѣ у воиновъ время на молитву, то, преклонивъ колѣна, сказалъ:

— Слава Тебѣ, Боже! Тебѣ дòлжно воздавать непрестанную хвалу, такъ какъ Ты прославляешься въ насъ, людяхъ, обремененныхъ грѣхами; и чѣмъ болѣе Ты являешь намъ милостей Своихъ, чѣмъ больше прощаешь нашихъ грѣховъ, тѣмъ сильнѣе и ярче сіяетъ слава Твоего благоутробія и милосердія неизреченнаго. Да будетъ благословенно Святое Имя Твое, Боже, потому что Ты сподобилъ меня, недостойнаго, столь великой чести—права назы-

ваться мученикомъ Христовымъ. И эту великую честь Ты даровалъ мнѣ не по какимъ-либо заслугамъ моимъ, но единственно по причинѣ Твоей неизреченной благости и Твоего несказаннаго милосердія. Прославляю и восхваляю Тебя, Господи Боже Святый Израилевъ, съ Единороднымъ Сыномъ Твоимъ и Святымъ Твоимъ Духомъ, потому что Тебѣ должна воздаваться слава, честь и поклоненіе, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Сказавъ это, святый преклонилъ подъ мечъ голову свою и былъ усѣченъ [1]).

Такъ окончилъ свое страданіе за Христа святый мученикъ Акакій. Честное тѣло его было погребено съ честію христіанами на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ усѣченъ; мѣсто это называлось «Ставріонъ». Все это произошло, какъ мы сказали, въ царствованіе среди язычниковъ Максиміана, въ царствованіе же среди христіанъ — Господа нашего Іисуса Христа, Которому возсылается слава, честь и поклоненіе во вѣки. Аминь.

ВОСПОМИНАНІЕ ЯВИВШАГОСЯ НА НЕБѢ ЗНАМЕНІЯ

ЧЕСТНАГО и ЖИВОТВОРЯЩАГО КРЕСТА ГОСПОДНЯ

По кончинѣ перваго христіанскаго, благовѣрнаго и благочестиваго царя Константина Великаго царскій престолъ занялъ сынъ его Констанцій [2]), который уклонился въ злочестивую ересь

[1]) Кончина святаго мученика послѣдовала въ 303 г. — Мощи его хранились долгое время въ храмѣ его имени, созданномъ императоромъ Константиномъ Великимъ на мѣстѣ его погребенія, въ Ставріонѣ, или Ставродроміи. Здѣсь мощи святаго Акакія хранились до временъ иконоборцевъ, когда христіане, спасая ихъ отъ преслѣдованія нечестивыхъ гонителей, перенесли ихъ въ южноитальянскій городъ Скилаксъ.

[2]) *Констанцій*, сынъ Константина Великаго, по смерти отца получилъ Востокъ, Азію и Египетъ; въ 357 г., побѣдивъ убійцу брата своего Констанса — Магненція, онъ соединилъ подъ своею властію всю Римскую имперію. Онъ разрушалъ языческіе храмы или отдавалъ ихъ христіанамъ для обращенія въ церкви; нѣсколько разъ имъ издавался законъ, запрещавшій отправленія языческаго культа. Но своимъ сочувствіемъ ереси Арія Констанцій сильно увеличилъ религіозные раздоры того времени: онъ преслѣдовалъ православныхъ епископовъ, низводилъ ихъ съ каѳедръ и даже подвергалъ заточенію; при немъ аріане занимали высшія мѣста въ государствѣ. Констанцій умеръ въ 361 г., во время похода противъ своего двоюроднаго брата Юліана, провозглашеннаго войсками въ Галліи императоромъ, куда онъ самъ назначилъ его главнокомандующимъ. Григорій Назіанзинъ сообщаетъ, что предъ смертью Констанцій раскаивался въ своемъ преслѣдованіи православныхъ.

Арія, хулившаго Сына Божія[1]). Тогда, въ посрамленіе злочестивыхъ еретиковъ, для увѣренія невѣрныхъ и утвержденія православныхъ во Святомъ Градѣ Іерусалимѣ явилось дивное знаменіе: во дни святой Пятидесятницы, 7-го мая, въ третьемъ часу[2]) на небѣ явилось изображеніе Честнаго Креста Господня, сіявшее неизреченнымъ свѣтомъ, сильнѣйшимъ солнечныхъ лучей, что видѣлъ весь народъ, пораженный великимъ ужасомъ и удивленіемъ. Сіе знаменіе Креста, начинаясь надъ святою горою Голгоѳскою, на которой былъ распятъ Господь нашъ[3]), достигало до самой горы Елеонской[4]), отстоящей отъ Голгоѳы на разстояніи пятнадцати стадій, широта крестнаго знаменія соотвѣтствовала его длинѣ; красота же его, напоминавшая подобіе разноцвѣтной радуги, была столь

Ꙗвле́нїе зна́менїѧ
ст҃аго крестѐ

1) Родоначальникомъ аріанской ереси былъ пресвитеръ александрійскій Арій. Онъ отрицалъ единосущіе Сына Божія съ Отцемъ, почиталъ Іисуса Христа твореніемъ и не признавалъ за Нимъ божественныхъ совершенствъ — всемогущества, всевѣдѣнія и проч. Ересь Арія подверглась рѣшительному осужденію на Первомъ (325 г.) и Второмъ (381 г.) Вселенскихъ Соборахъ, причемъ было установлено равенство Сына Божія съ Отцемъ, что и исповѣдуетъ каждый христіанинъ во Второмъ членѣ Сѵмвола Вѣры, который былъ составленъ Отцами I-го Всел. Собора. Въ V в. аріанство почти не имѣло послѣдователей въ Римской имперіи, но возродилось въ Германіи среди Готовъ, Бургундовъ, Вандаловъ и Логгобардовъ, гдѣ существовало до VII в.

2) По нашему счету — около 9 часовъ утра. Самое событіе слѣдуетъ отнести къ 351 г. Въ этомъ году Пасха была 31 марта, слѣдовательно, Пятидесятница — 19 мая; 7-е мая приходится на вторникъ послѣдней недѣли предъ Пятидесятницею.

3) *Голгова* находилась ранѣе внѣ Іерусалима (Еванг. отъ Мѳ., **27**, 32—33; Іоанна, **19**, 17. 41; Посл. къ Евр., **13**, 12), лежитъ на сѣверо-западной сторонѣ Святаго Града, Свое названіе (Голгоѳа съ еврейскаго—*черепъ, лобное мѣсто* (Еванг. отъ Лукн, **13**, **33**), вѣроятно, получила по сходству съ черепомъ. По преданію, здѣсь былъ погребенъ Адамъ.

4) *Гора Елеонская* и *Масличная* —горы іудейскія, лежатъ къ востоку отъ Іерусалима (Іезек., **11**, 23), Масличная получила свое названіе благодаря множеству рос-

велика, что привлекала къ себѣ взоры всѣхъ. И всѣ, имѣлъ ли кто въ рукахъ какое-либо дѣло, находился ли въ жилищахъ,— оставивъ всѣ свои дѣла и вышедши изъ домовъ, съ вниманіемъ и страхомъ созерцали пречудное знаменіе. Потомъ всѣ многочисленныя толпы іерусалимлянъ, исполнившись отъ этого божественнаго видѣнія страха и радости, поспѣшили съ глубокимъ умиленіемъ и сердечною теплотою въ святую церковь,—всѣ старцы и юноши, мужи и жены, притомъ и съ грудными младенцами, также и безбрачныя дѣвицы, заключившіяся въ безмолвіи,—и тѣ, вышедши изъ своихъ жилищъ, устремились туда же, и вообще всякаго возраста и состоянія жители Іерусалима, странники и чужеземцы, православные христіане и иновѣрные. И всѣ они единодушно громко прославляли Іисуса Христа, Господа нашего, **сн҃а бж҃їѧ є҆диноро́днагѡ, бг҃а и҆́стинна ѿ бг҃а и҆́стинна,** Промыслителя великихъ чудесъ.

Тогда невѣрующіе еретики, враги и хулители Божества Христова, исполнились стыда, видя въ явленіи Креста таковую великую, божественную славу и силу Христа Господа, самою дѣйствительностью удостовѣрившись въ то время въ томъ, что христіанская вѣра есть правая, истинная и благочестивая и предлагаетъ вѣрующему не отъ человѣческой внѣшней мудрости изученныя слова, но утверждается на откровеніи Духа Святаго и благодати, и засвидѣтельствована небесными знаменіями и чудесами. О повѣствуемомъ чудесномъ явленіи знаменія Креста Святѣйшій Патріархъ Іерусалимскій Кириллъ[1]) извѣстилъ посланіемъ царя Констанція, увѣщевая его обратиться къ православному ученію. Ермій же Созоменъ[2]) свидѣтельствуетъ, что чрезъ сіе явленіе на небѣ Святаго

шихъ на ней масличныхъ деревьевъ. Господь Іисусъ Христосъ во время Своей земной жизни часто приходилъ на гору съ учениками Своими (Еванг. отъ Іоанна, 8, 1; 18, 2). На западномъ склонѣ горы Елеонской находится Геѳсиманскій садъ, гдѣ Господь молился въ ночь предъ страданіями и гдѣ былъ преданъ Іудою (Еванг. отъ Мѳ., 21, 30—50; Луки, 14, 26—46; Луки, 22, 39). На юго-восточномъ склонѣ горы находилось селеніе Виѳанія, откуда Господь предпринялъ торжественный входъ въ Іерусалимъ (Еванг. отъ Мѳ., 21, 21; Луки, 14, 29). По преданію, съ горы Елеонской Господь вознесся на Небо (Дѣян., 1, 12). Въ II в. матеріею Константина Великаго на горѣ Елеонской былъ воздвигнутъ христіанскій храмъ, обращенный впослѣдствіи Турками въ мечеть.

[1]) *Св. Кириллъ*, архіеп. Іерусалимскій, патріаршествовалъ съ 350 г. по 387 г. Извѣстенъ своею борьбою съ ересью аріанъ. Память его—18-го марта.

[2]) *Созоменъ*—церковный историкъ V в. Его «Церковная исторія» обнимаетъ періодъ времени съ 323 г. по 439 г. (но до нашего времени сохранился разсказъ лишь до 423 г.). Созоменъ написалъ также Исторію трехъ первыхъ вѣковъ христіанства, но до насъ она, къ сожалѣнію, не дошла.—Объ описываемомъ дивномъ знаменіи Созоменъ упоминаетъ въ IV кн. своей «Церковной исторіи», въ главѣ 5-ой.

Креста весьма многіе изъ Іудеевъ и Еллинновъ пришли къ истинной вѣрѣ и, приступивъ съ покаяніемъ ко Христу Богу нашему, приняли Святое Крещеніе. И всѣ благочестно прославляли Христа Бога нашего, Единосущнаго и Соприсносущнаго Отцу и Святому Духу. Мы же, исповѣдуя неисповѣдимую Его Силу, явленную Крестомъ, превозносимъ нашими благодарными хвалами Господа Бога нашего и поклоняемся подножію ногъ Его, Святому Кресту, умоляя милосердіе Господне, дабы во Второе страшное Свое Пришествіе Христосъ сподобилъ насъ узрѣть имѣющее тогда явиться знáменїе сн҃а человѣ҃ческагѡ[1]) — Крестъ святый въ радости и надеждѣ спасенія и имъ, какъ бы ключомъ, отверзъ намъ двери Царства Небеснаго, какъ нѣкогда благоразумному разбойнику рай[2]), и вчинилъ насъ вмѣстѣ съ благословенными Своими овцами во вѣки[3]). Аминь.

Тропáрь крⷭ҇тà, глáсъ и҃:

Крⷭ҇тà твоегѡ̀ ѿбразъ ны́нѣ па́че со́лнца возсїѧ̀, є҆го́же ѿ горы̀ ст҃ыѧ̀ да́же до ло́бнагѡ мѣ́ста простéрлъ є҆сѝ: и҆ въ не́мъ твою̀, сп҃се, крѣ́пость оу҆ѧснѝлъ є҆сѝ, си́мъ оу҆крѣплѧ́ѧ и҆ вѣ́рныѧ на́шѧ царѝ: ꙗ҆́же и҆ сп҃са́й вы́ну въ ми́рѣ, мл҃твами бц҃ы хрⷭ҇тѐ бж҃е, и҆ сп҃сѝ на́съ.

Кондáкъ, глáсъ д҃:

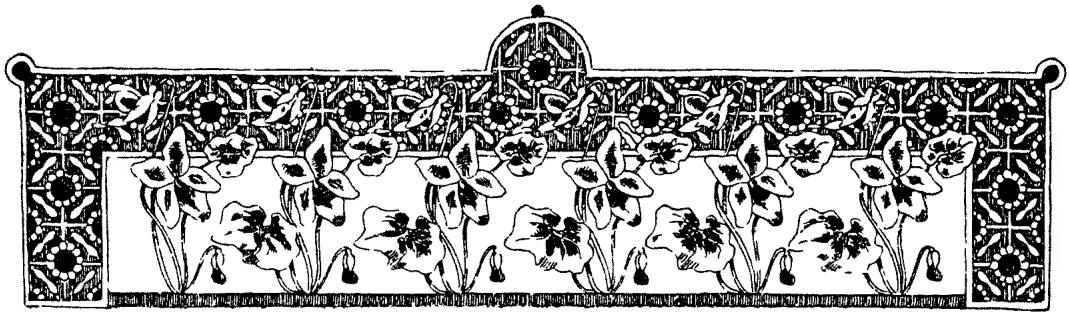
Ве́рзый нб҃сà заключе́ннаѧ, на нб҃сѝ пресвѣ́тлыѧ лꙋчѝ, на землѝ возсїѧ̀ пречⷭ҇тый крⷭ҇тъ: тѣ́мже сїѧ́нїй є҆гѡ̀ дѣ́йства прїе́мше, къ незаходи́момꙋ наставлѧ́емсѧ свѣ́тꙋ, и҆ во бране́хъ и҆́мамы є҆го̀, ѻ҆рꙋ́жїе ми́ра, непобѣди́мꙋю побѣ́дꙋ.

---

1) Еванг. отъ Мѳ., гл. 24, ст. 30.

2) Еванг. отъ Луки, гл. 23, ст. 40—43.

3) Еванг. отъ Мѳ., 25, 33—34. Явленіе Креста на небѣ предвѣщало Церкви тяжелыя времена — господство аріанства. Ровно 10 лѣтъ (по 371 г.) аріанство держалось на престолѣ въ лицѣ Констанція, затѣмъ смѣнилось богоотступничествомъ Іуліана (361—363 гг.); послѣ Іуліана 14 лѣтъ покровительствовалъ аріанству императоръ Валентъ (364—378 гг.).



День восьмой

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

АРСЕНІЯ ВЕЛИКАГО

Преподобный Арсеній родился въ Римѣ отъ благочестивыхъ родителей—христіанъ, которые воспитали его въ страхѣ Божіемъ и обучили его наукамъ. Арсеній былъ мужемъ не только добродѣтельнымъ, но и весьма мудрымъ: онъ изучилъ сочиненія всѣхъ риторовъ и философовъ и хорошо зналъ какъ греческій, такъ и латинскій языки. Однако онъ оставилъ суетную жизнь мірскую и пренебрегъ эллинскимъ любомудріемъ; онъ вступилъ въ сонмъ клириковъ, посвятивъ себя на служеніе Богу, такъ какъ искалъ премудрости истинной, восхваляемой святымъ Апостоломъ Іаковомъ,—той премудрости, которая **чиста̀, ми́рна, кротка̀, благопокорли́ва**, преисполнена **ми́лости и̂ плодѡ́въ благи́хъ**[1]). Арсеній, принявъ на себя санъ діакона великой Римской Церкви, проводилъ жизнь цѣломудренную, стараясь содѣлать изъ себя достойное жилище Святаго и Всеосвящающаго Духа.

Въ это время Восточною частію Римской имперіи управлялъ Θеодосій Великій[2]), а западною—Граціанъ[3]). Θеодосій, имѣя двухъ

---

1) Посл. Іак., гл. 3, ст. 17.

2) —управлялъ Восточною половиною Римской имперіи съ 379 г. по 395 г.; Западною—съ 383 г. по 395 г.

3) *Граціанъ* царствовалъ съ 375 г. по 383 г.

сыновей—Аркадія и Гонорія, искалъ для нихъ такого учителя, который бы научилъ ихъ не только человѣческой, но и божественной мудрости; Θеодосій хотѣлъ, чтобы дѣти его были обучены не только философіи и другимъ эллинскимъ наукамъ, но и добродѣтельной богоугодной жизни христіанской. Съ этою цѣлію Θеодосій приказалъ искать по всей имперіи своей такого человѣка, однако найти не могъ, потому что посланные его находили много умныхъ и ученыхъ людей, проводившихъ жизнь не богоугодную, и, наоборотъ, встрѣчали людей жизни благочестивой, но совершенно не обученныхъ свѣтскимъ наукамъ. Поэтому Θеодосій вынужденъ былъ написать къ западному императору Граціану о томъ, что ему для обученія дѣтей нуженъ такой именно человѣкъ, какъ сказано выше. Граціанъ же, посовѣтовавшись объ этомъ съ папою Дамасомъ[1]), сказалъ ему:

— Стыдно будетъ царству нашему, если мы не найдемъ въ немъ человѣка добродѣтельнаго и мудраго, какого проситъ императоръ Θеодосій. Намъ нужно найти такого человѣка, который могъ бы сыновей его и философіи научить, и наставить страху Божію не только словомъ, но и примѣромъ своей добродѣтельной жизни.

Тщательно поискавъ по всему Риму, они не нашли болѣе премудраго и болѣе добродѣтельнаго мужа, какъ Арсенія діакона, проводившаго жизнь добродѣтельную и превосходившаго многихъ своими подвигами и уже не юнаго возрастомъ. Призвавъ его къ себѣ, они передали ему желаніе царя восточнаго и приказали Арсенію идти къ нему. Но Арсеній всячески отговаривался, говоря, что онъ уже давно оставилъ всѣ мірскія науки, такъ какъ рѣшилъ посвятить себя на служеніе Богу въ званіи клирика; Арсеній говорилъ, что онъ уже давно забылъ всѣ рѣчи риторовъ, такъ какъ рѣшилъ посвятить всѣ силы свои на служеніе Церкви и алтарю.

Однако, чѣмъ болѣе Арсеній отговаривался, тѣмъ болѣе императоръ съ папой увѣщевали его исполнить ихъ просьбу, такъ какъ они просили его о дѣлѣ, полезномъ всему христіанскому міру и Церкви Божіей. Они говорили ему, что онъ долженъ научить дѣтей царскихъ не только книжной мудрости, но и христіанскому благочестію, дабы они не вѣрили въ языческія басни, а защищали бы и распространяли вѣру христіанскую.

---

[1]) *Дамасъ I* занималъ папскій престолъ съ 366 г. по 384 г.

Тогда Арсеній противъ своей воли повиновался приказанію императора и папы. Они отправили его въ Константинополь къ императору Ѳеодосію съ великою честію.

Когда преподобный прибылъ въ Константинополь, то былъ принятъ здѣсь имераторомъ Ѳеодосіемъ очень милостиво: увидѣвъ его, Ѳеодосій даже по внѣшнему виду призналъ въ немъ человѣка Божія, преисполненнаго мудрости и Боговѣдѣнія, и весьма обрадовался его прибытію. Воздавъ благодареніе Богу, Ѳеодосій привелъ къ Арсенію дѣтей своихъ, Аркадія и Гонорія, и вручилъ ихъ ему, сказавъ:

— Теперь ты будешь имъ болѣе отцемъ, нежели я, потому что труднѣе воспитать ихъ, чѣмъ родить. Я поручаю ихъ тебѣ и твоему благоразумію; воспитай ихъ такъ, какъ я прошу тебя: пріучи ихъ къ добродѣтели и обучи ихъ премудрости; какъ отецъ ихъ духовный, позаботься о томъ, чтобы они избѣгали разныхъ юношескихъ соблазновъ. За все это ты получишь награду отъ Бога. Честный Арсеній! О, если бы ты возрастилъ ихъ въ благочестіи и добродѣтельной жизни! Какъ бы я радовался сему и какъ бы благодарилъ за это Бога! Все это я говорю тебѣ при сыновьяхъ моихъ, дабы они все это сами слышали и видѣли. Не взирай на то, что они царскіе сыновья; воспитывай ихъ въ послушаніи и повиновеніи себѣ, потому что я хочу, чтобы они повиновались тебѣ во всемъ, какъ своему отцу и учителю, и слушались бы тебя, какъ твои чада и ученики.

Вручивъ дѣтей своихъ Арсенію, Ѳеодосій приказалъ построить имъ училище около дворца, чтобы ему самому было удобно приходить къ нимъ и наблюдать за ихъ обученіемъ и жизнію; блаженному же Арсенію императоръ оказалъ большія почести — далъ ему мѣсто среди своихъ совѣтниковъ и приказалъ называть его не только отцомъ дѣтей его, но и отцомъ своимъ, такъ что Арсенія всѣ называли: *отецъ государя и дѣтей его*. Есть еще извѣстіе о томъ, что блаженный Арсеній былъ воспріемникомъ при Святомъ Крещеніи сыновей царскихъ, Аркадія и Гонорія, такъ какъ тотъ и другой были крещены не въ младенческомъ, а въ юношескомъ возрастѣ.

Взявъ подъ свое руководство дѣтей царскихъ, Арсеній ревностно заботился объ ихъ воспитаніи и обученіи; онъ изучалъ съ ними греческія и латинскія книги и вмѣстѣ съ тѣмъ наставлялъ ихъ къ благочестивой жизни, изъясняя имъ Священное Писаніе; въ

особенности Арсеній поучалъ ихъ тому, какъ должны будутъ они вести себя тогда, когда Господь благоволитъ дать имъ управленіе государствомъ. Онъ говорилъ имъ, что они должны украшать себя не столько вѣнцемъ царскимъ, сколько добрыми дѣлами благочестія: хотя царствовали и нечестивые, беззаконные люди, каковы были всѣ языческіе императоры, но цари христіанскіе должны быть людьми добродѣтельными, должны и Богу угождать, и людямъ дѣлать добро, если хотятъ, чтобы память о нихъ переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Прп҃бный
А҃рсе́ній

Такъ поучая Аркадія и Гонорія, Арсеній оказывалъ имъ всякое почтеніе, какъ сыновьямъ царя; поэтому онъ обыкновенно предлагалъ имъ садиться на престолахъ, самъ же бесѣдовалъ съ ними стоя.

Случилось однажды, что Ѳеодосій пришелъ къ нимъ неожиданно во время обученія. Увидя, что сыновья его сидѣли, а учитель ихъ, Арсеній, стоялъ предъ ними, Ѳеодосій весьма опечалился и сказалъ Арсенію:

— Развѣ я такъ приказалъ? Не сказалъ ли я тебѣ, чтобы ты считалъ сыновей моихъ учениками и чадами своими и не обращалъ бы вниманія на то, что они царскія дѣти?

Блаженный же Арсеній со смиреніемъ отвѣтствовалъ Ѳеодосію такъ:

— Царь! Каждой вещи приличествуетъ свое дѣло: юность требуетъ ученія, чести же царской приличествуетъ почитаніе.

Отъ этихъ словъ царь оскорбился еще болѣе и сказалъ:

— Значитъ, ты считаешь ихъ царями?

Сказавъ это, Ѳеодосій снялъ съ сыновей своихъ знаки царскаго достоинства и насильно посадилъ Арсенія на престолъ, сыновей же своихъ заставилъ стоять предъ нимъ и сказалъ:

— Если они научатся бояться Бога и будутъ хранить Заповѣди Его и угождать Ему добродѣтельною жизнію, то Царь Небесный поставитъ ихъ царями на землѣ, если они будутъ достойны этого; но если они будутъ людьми дурными и недостойными царскаго престола, то лучше имъ и не царствовать вовсе. Я молю Бога о томъ, чтобы Онъ лучше взялъ ихъ изъ сей жизни въ ихъ юношескіе годы, чѣмъ позволилъ бы имъ вырасти во злѣ— на погибель какъ своей собственной души, такъ и прочихъ душъ человѣческихъ.

Сказавъ такъ, царь ушелъ.

Арсеній въ мысляхъ своихъ одобрялъ царя и съ тѣхъ поръ поступалъ согласно его приказанію: поучалъ сыновей царскихъ сидя, въ то время какъ они стояли передъ нимъ.

Но чѣмъ бо́льшая слава окружала Арсенія, тѣмъ больше онъ скорбѣлъ духомъ, потому что сердце его не лежало ни къ славѣ, ни къ богатству, ни къ суетной мірской похвалѣ; въ глубинѣ души онъ сильно желалъ послужить Богу въ смиренной жизни иноческой, въ безмолвіи и нищетѣ; поэтому Арсеній началъ усердно молиться ко Господу, прося освободить его отъ пребыванія въ царскихъ палатахъ и сподобить его пустынной иноческой жизни.

Случилось однажды, что Арсеній какъ-то замѣтилъ за Аркадіемъ нѣкоторый проступокъ. Разсердившись на него, Арсеній побилъ его розгами и притомъ настолько сильно, что Аркадій помнилъ это наказаніе до самой смерти своей, такъ какъ слѣды розогъ остались на тѣлѣ Аркадія. Все это произошло по промышленію Божію, дабы черезъ это освободить Арсенія отъ сей мірской жизни и дать ему возможность проводить пустынное иноческое житіе, котораго такъ жаждалъ преподобный. Аркадій, затаивъ въ сердцѣ гнѣвъ на учителя своего и придя въ совершенный возрастъ, сталъ думать, какъ бы ему убить Арсенія. Онъ открылъ намѣреніе свое одному довѣренному совѣтнику и упрашивалъ его убить Арсенія какимъ ему угодно способомъ. Но тотъ, боясь Бога и императора Ѳеодосія и не желая дѣлать столь дурного поступка, тѣмъ болѣе, что уважалъ Арсенія за многія его добродѣтели, тайно, наединѣ передалъ ему замыселъ Аркадія и совѣтовалъ преподобному поберечь свою жизнь. Арсеній же, преисполнившись скорби и страха, началъ снова со слезами молиться къ Богу, чтобы Онъ направилъ его на путь спасительный.

Ночью, во время молитвы, Арсеній услышалъ свыше голосъ, говорившій:

— Арсеній! Бѣги отъ людей, и ты спасешься.

Услышавъ это, Арсеній одѣлся въ худыя одежды и, выйдя тайно изъ дворца царскаго, пришелъ на берегъ морской; здѣсь, по Божію промышленію, онъ нашелъ корабль, отправлявшійся въ Александрію[1]). Онъ сѣлъ на него и отправился въ путь, возложивъ все упованіе свое на Бога. Когда корабль прибылъ въ Александрію, тотчасъ Арсеній отправился въ скитъ подвижниковъ[2]). Придя въ церковь, онъ началъ слезно упрашивать пресвитеровъ посвятить его въ монашество и наставить его на путь спасенія. Эти же послѣдніе, видя, что съ ними говоритъ мужъ честный и благоговѣйный, спросили его:

— Кто ты и откуда ты пришелъ?

Онъ же отвѣчалъ имъ:

— Я — странникъ и человѣкъ я убогій.

Пресвитеры, посовѣтовавшись между собою о томъ, кому бы можно было отдать пришельца для наставленія иноческому житію, рѣшили отдать его аввѣ Іоанну Колову[3]), о чемъ и извѣстили его. Старецъ же Іоаннъ, помолившись Богу, сказалъ:

— Да будетъ воля Господня!

Между тѣмъ Іоанну велѣлъ приготовить трапезу для братіи, такъ какъ былъ десятый часъ дня. Братія сѣли за столъ, но Арсеній стоялъ, потому что никто не приглашалъ его садиться. Братія начали вкушать пищу, но Арсеній не ѣлъ ничего и все время стоялъ, опустивъ голову внизъ, какъ бы предстоя предъ Богомъ и Его Святыми Ангелами. Старецъ же Іоаннъ взялъ одинъ изъ сухарей, предложенныхъ для трапезы, и бросилъ Арсенію, сказавъ:

— Ѣшь, если хочешь.

---

1) *Александрія* — знаменитый въ древности городъ, стоящій при устьѣ Нила въ Египтѣ и основанный Александромъ Македонскимъ (336 г.—323 г. до Р. Хр.). Александрія въ древности была центромъ торговли, промышленности и образованности, а въ первые вѣка христіанства — разсадникомъ христіанскаго просвѣщенія. Въ настоящее время Александрія принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ портовыхъ городовъ.

2) *Египетъ* былъ обычнымъ мѣстомъ обитанія многихъ подвижниковъ. Обители иноковъ находились какъ въ Средиемъ, такъ и Нижнемъ Египтѣ. Особенно славилась въ Египтѣ *пустыня Нитрійская,* находившаяся въ Нижнемъ Египтѣ и лежавшая вглубь страны, за рѣкою Ниломъ.—Скитская пустыня находилась близъ Ливіи. Это была дикая песчаная пустыня; сюда не было и проторенной дороги—путь сюда направляли по теченію звѣздъ.

3) *Іоаннъ Коловъ* (т. е. малорослый) — одинъ изъ славнѣйшихъ египетскихъ подвижниковъ. Память его празднуется св. Церковію 9 ноября.

Это сдѣлалъ Іоаннъ для того, чтобы испытать смиреніе пришельца и узнать, пришелъ ли онъ сюда дѣйствительно для того, чтобы отречься отъ міра.

Между тѣмъ Арсеній думалъ про себя такъ:

«Этотъ старецъ — Ангелъ Божій и прозорливецъ, потому что онъ знаетъ, что я хуже пса; поэтому и сухарь бросилъ онъ мнѣ какъ псу; по той же причинѣ я долженъ и съѣсть его, какъ песъ».

И наклонившись до земли, онъ пошелъ на четверенькахъ, какъ четвероногое животное, къ сухарю, взялъ его прямо ртомъ, затѣмъ отошелъ съ нимъ въ уголъ и тамъ съѣлъ его, лежа на землѣ.

Блаженный Іоаннъ, видя такое смиреніе святаго Арсенія, сказалъ пресвитерамъ:

— Онъ будетъ великимъ подвижникомъ.

Іоаннъ весьма возлюбилъ Арсенія за его смиреніе и вскорѣ облекъ его въ чинъ иноческій, затѣмъ, обучивъ его житію подвижническому, далъ ему келлію неподалеку отъ себя—какъ иноку уже твердому и опытному въ добродѣтели.

Между тѣмъ императоръ Ѳеодосій началъ разыскивать Арсенія, вскорѣ же послѣ того, какъ онъ ушелъ изъ дворца. Ѳеодосій очень сожалѣлъ объ Арсеніи и потому велѣлъ искать его въ разныхъ городахъ. Однако никакъ не могъ найти его, такъ какъ Господь скрывалъ мѣстопребываніе угодника Своего до того времени, когда Ему благоугодно будетъ явить его міру на пользу многимъ.

Арсеній же, живя въ келліи, указанной ему старцемъ, подвизался въ постѣ, молитвѣ и трудахъ иноческихъ и такъ преуспѣлъ во всѣхъ добродѣтеляхъ, что превзошелъ многихъ старцевъ своими подвигами. Однажды, когда молился, онъ сказалъ:

— Господи, научи меня спастись!

Въ отвѣтъ на это былъ Голосъ съ Неба, говорившій:

— Арсеній! Скрывайся отъ людей и пребывай въ молчаніи; это — корень добродѣтели.

Внимая этому голосу, Арсеній ушелъ изъ того мѣста вглубь пустыни и построилъ здѣсь для себя небольшую келлію; въ этой келліи онъ всегда пребывалъ одинъ, всемѣрно стараясь соблюдать молчаніе. Онъ избѣгалъ всякихъ бесѣдъ и постоянно устремлялъ умъ свой къ Небу: пребывая на землѣ тѣломъ, онъ духомъ возлеталъ къ горнимъ силамъ. Каждый воскресный и праздничный день онъ приходилъ въ церковь. По окончаніи Богослуженія

тотчасъ возвращался молча въ свою келлію; при этомъ онъ никогда не вступалъ ни съ кѣмъ въ разговоръ; лишь только изрѣдка, будучи спрошенъ, отвѣчалъ на вопросъ насколько возможно кратко и затѣмъ устремлялся къ своему безмолвному жилищу. Всѣ подвижники, обитавшіе въ скитской пустынѣ, весьма удивлялись добродѣтельной жизни преподобнаго Арсенія.

Одинъ разъ авва Маркъ спросилъ его:

— Для чего ты, честный отецъ, удаляешься отъ насъ?

Арсеній же отвѣчалъ ему:

— Знаетъ Богъ, какъ я люблю васъ; но я не могу пребывать одновременно и съ Богомъ, и съ людьми, потому что на Небѣ, хотя и очень много вышнихъ силъ,—тысячи тысячей или десятковъ тысячъ,—но всѣ они имѣютъ одну волю и потому единодушно славятъ Бога; но на землѣ много воль человѣческихъ, и у каждаго человѣка свои мысли; каждый изъ насъ имѣетъ различныя намѣренія и мысли, и потому я не могу, оставивши Бога, жить съ людьми.

Стремясь какъ можно ближе стать къ Богу, Арсеній всячески удалялся людей, такъ что даже не желалъ, чтобы кто-либо его видѣлъ или зналъ о немъ; но, подобно свѣтильнику, онъ не могъ укрыться подъ спудомъ; молва о его подвигахъ проходила всюду и дошла до Царьграда.

Послѣ смерти благочестиваго царя Ѳеодосія Великаго воцарился сынъ его Аркадій[1]). Узнавъ о мѣстопребываніи и образѣ жизни преподобнаго Арсенія, Аркадій написалъ ему посланіе, въ которомъ со смиреніемъ просилъ у него прощенія въ грѣхахъ своей юности, а также просилъ помолиться Богу за него и за брата его Гонорія, управлявшаго Западною половиною Римской имперіи[2]), дабы царствованіе ихъ было благословено Богомъ. Кромѣ того, Аркадій давалъ Арсенію право пользоваться всею данью, которая собиралась съ Египта, и раздавать ее Церквамъ, монастырямъ и всѣмъ нуждающимся—по своему усмотрѣнію. Преподобный Арсеній не пожелалъ письменно отвѣтить царю, но только сказалъ посланному:

— Скажи пославшимъ тебя—такъ говоритъ смиренный Арсеній: Богъ да проститъ грѣхи ваши и царствованіе ваше да

---

1) *Императоръ Аркадій* управлялъ Восточною половиною Римской имперіи съ 395 г. по 408 г.

2) —съ 395 г. по 423 г.

благословитъ и да поможетъ вамъ исполнять святую волю Свою. Вы писали о дани; но Арсеній въ ней не нуждается, потому что онъ умеръ для міра; пусть никто не считаетъ его болѣе живымъ (т. е. живущимъ для міра).

Съ такимъ отвѣтомъ пошелъ посланный къ императору, преподобный же удалился въ свою пустынную келлію и пребывалъ въ ней въ молчаніи, постоянно бесѣдуя съ Богомъ въ молитвѣ, и лишь только иногда выходилъ изъ нея, поучая другихъ иноческимъ добродѣтелямъ.

Однажды преподобный Арсеній пришелъ на одно мѣсто, гдѣ росло очень много тростника. Онъ нашелъ здѣсь иноковъ, сидѣвшихъ около тростника. Такъ какъ тростникъ шумѣлъ отъ вѣтра, то преподобный спросилъ иноковъ:

— Откуда происходитъ этотъ шумъ?

Иноки же отвѣчали ему:

— Это тростникъ шумитъ отъ вѣтра.

Тогда преподобный сказалъ имъ:

— Для чего же вы сидите здѣсь и слушаете шумъ тростника? Тотъ, кто дѣйствительно любитъ молчаніе, не долженъ слушать даже и пѣнія птицъ, которое можетъ нарушить миръ душевный; тѣмъ болѣе можетъ смутить сердце инока шумъ тростника.

Однажды къ преподобному пришелъ архіепископъ Александрійскій Ѳеофилъ[1]) вмѣстѣ съ однимъ вельможей, желавшимъ побесѣдовать съ преподобнымъ и принять отъ него наставленіе. Преподобный же, помолчавъ немного, сказалъ имъ:

— Исполните ли вы то, что я скажу вамъ?

Они обѣщали исполнить все, что̀ бы онъ ни сказалъ.

Тогда преподобный сказалъ:

— Не приходите никогда туда, гдѣ будетъ Арсеній.

Пришедшіе удивились отвѣту преподобнаго; однако послушались его и удалились.

Спустя нѣкоторое время архіепископъ пожелалъ снова видѣть Арсенія, поэтому послалъ спросить его:

— Откроешь ли ты келлію твою, когда къ тебѣ придетъ архіепископъ?

Преподобный же отвѣчалъ посланному:

— Если ты придешь, то открою; но если я открою келлію

---

1) *Ѳеофилъ* патріаршествовалъ съ 385 г. по 412 г.

тебѣ, тогда мнѣ придется открывать ее для всѣхъ; но въ такомъ случаѣ мнѣ придется удалиться изъ келліи.

Услышавъ такой отвѣтъ, архіепископъ не пошелъ къ преподобному, такъ какъ боялся, какъ бы онъ не ушелъ изъ того мѣста.

Случилось однажды, что одинъ странствующій инокъ пришелъ къ келліи преподобнаго Арсенія, такъ какъ хотѣлъ видѣть его. Подойдя къ двери, онъ постучалъ въ нее. Арсеній, думая, что это пришелъ его послушникъ, прислуживавшій ему, тотчасъ же открылъ дверь. Но, увидавъ посторонняго человѣка, упалъ на землю, лицомъ внизъ, для того чтобы не видѣть пришельца. Однако этотъ послѣдній сталъ упрашивать преподобнаго подняться съ земли. Арсеній же не хотѣлъ вставать и сказалъ:

— Я не встану до тѣхъ поръ, пока ты не уйдешь отсюда.

И дѣйствительно, не поднимался съ земли долгое время.

Инокъ долго упрашивалъ преподобнаго; но, такъ какъ преподобный не соглашался исполнить его просьбу, то инокъ ушелъ оттуда.

Въ другой разъ пришелъ еще одинъ инокъ издалека въ скитъ, также хотѣвшій видѣть преподобнаго, и началъ упрашивать братію указать ему дорогу къ келліи Арсенія. При этомъ онъ сказалъ братіи:

— Я хочу побесѣдовать съ отцемъ Арсеніемъ.

Но братія отвѣчали ему:

— Подожди, братъ, до воскресенья, и ты увидишь его, когда онъ придетъ въ церковь.

Инокъ же тотъ сказалъ братіи:

— Не буду ѣсть до тѣхъ поръ, пока не увижу преподобнаго.

Поэтому братія послали одного инока съ новопришедшимъ и поручили ему указать дорогу къ келліи старца Арсенія (слѣдуетъ замѣтить, что келлія Арсенія отстояла отъ скита на тридцать стадій[1]).

Подойдя къ келліи, братъ постучалъ въ нее.

Старецъ открылъ дверь и впустилъ въ келлію пришельцевъ; затѣмъ сѣлъ, опустивъ голову, и молчалъ. Сидѣли молча и пришедшіе. Всѣ молчали довольно продолжительное время. Наконецъ инокъ скитской обители сказалъ:

---

[1]) —около 5 верстъ по нашему счету.

— Я пойду назадъ, потому что я долженъ исполнять свои обязанности при церкви.

И, поднявшись съ мѣста, онъ собрался идти.

Другой же братъ, пришедшій съ нимъ, не имѣя дерзости остаться со старцемъ, сказалъ ему:

— И я пойду съ тобою.

Затѣмъ, вставъ, онъ поклонился старцу и вышелъ изъ келліи, не услыхавъ ни одного слова изъ устъ преподобнаго.

Послѣ того странствующій инокъ началъ упрашивать брата привести его къ Моисею[1]), бывшему разбойникомъ до постриженія въ иночество. Братъ согласился исполнить его просьбу и повелъ его къ преподобному Моисею.

Когда они пришли къ Моисею, то сей послѣдній принялъ ихъ съ радостію, предложилъ имъ отдохнуть и подкрѣпиться пищею и, оказавъ имъ большую любовь, отпустилъ ихъ отъ себя.

Дорогою скитскій братъ сказалъ пришельцу:

— Вотъ, ты видалъ и отца Арсенія, и отца Моисея. Кто изъ нихъ лучше, по твоему мнѣнію?

Братъ отвѣчалъ на это:

— Лучшій изъ нихъ тотъ, кто принялъ насъ съ любовію.

Одинъ инокъ, узнавъ объ этомъ, сталъ молиться къ Богу, говоря такъ:

— Господи! Скажи мнѣ, кто изъ нихъ болѣе совершенъ и заслуживаетъ большей благодати Твоей: тотъ ли, кто скрывается отъ людей, ради Тебя, или тотъ, кто принимаетъ всѣхъ также ради Тебя?

Этотъ инокъ въ отвѣтъ на молитву свою имѣлъ слѣдующее видѣніе: ему представились два корабля, плывшіе по какой-то очень большой рѣкѣ; въ одномъ кораблѣ находился преподобный Арсеній, и Духъ Божій управлялъ кораблемъ его, соблюдая его въ великой тишинѣ; въ другомъ былъ преподобный Моисей; кораблемъ же его управляли Ангелы Божіи, влагавшіе медъ въ уста Моисея.

Объ этомъ видѣніи инокъ тотъ разсказалъ другимъ, болѣе опытнымъ подвижникамъ, и всѣ нашли, что болѣе совершененъ Арсеній, пребывающій въ молчаніи, нежели Моисей, принимающій странниковъ, потому что съ Арсеніемъ пребывалъ Самъ Богъ, съ Моисеемъ же были только Святые Ангелы.

---

[1]) Память его празднуется св. Церковію 28 августа.

Всячески удаляясь лицезрѣнія людей и бесѣдъ съ ними вообще, Арсеній особенно остерегался лицезрѣнія женщинъ и разговоровъ съ ними, что можно видѣть изъ слѣдующаго случая.

Одна богатая боярыня, благочестивая, цѣломудренная и весьма богобоязненная, проводившая строгую жизнь, услыхавъ о преподобномъ Арсеніи, пожелала его видѣть; съ этою цѣлію она пришла изъ Рима въ Александрію къ архіепископу и просила его уговорить Арсенія принять ее какъ странницу и сподобить ее своего благословенія за то, что она предприняла столь далекое путешествіе. Архіепископъ принялъ ее съ большою честію, такъ какъ она происходила изъ одного знатнаго сенаторскаго рода, и всячески старался уговорить преподобнаго исполнить ея просьбу, но не имѣлъ никакого успѣха, потому что старецъ не только не желалъ видѣть ее, но даже не хотѣлъ и слышать о женщинѣ.

Узнавъ объ этомъ, боярыня приказала приготовиться слугамъ своимъ къ путешествію, сказавъ:

— Я надѣюсь на Бога, что Онъ сподобитъ меня увидать Арсенія, потому что я пришла не для того, чтобы видѣть простого человѣка (и въ нашемъ городѣ много обыкновенныхъ людей); нѣтъ, я хочу видѣть пророка. Ради этого я и предприняла столь далекое путешествіе.

Сказавъ это, она направилась въ скитскую пустыню.

Когда боярыня приблизилась къ келліи преподобнаго, случилось, по усмотрѣнію Божію, что старецъ былъ внѣ келліи; неожиданно подойдя къ нему, она припала къ ногамъ его. Онъ же, приказавъ ей встать, съ гнѣвомъ сказалъ ей, смотря ей прямо въ лицо:

— Если ты хотѣла видѣть мое лицо, то вотъ оно—смотри.

Но она отъ стыда не могла и очей поднять на него.

Тогда старецъ сказалъ ей:

— Если ты слышала о какихъ-либо добрыхъ дѣлахъ моихъ, то ты хорошо сдѣлаешь, если будешь исполнять ихъ. На лицо же мое тебѣ нечего смотрѣть. Для чего же ты предприняла столь далекій путь? Развѣ ты не знаешь, что ты — женщина и что ты, поэтому, должна быть въ домѣ своемъ и не выходить изъ него никуда? Неужели ты пришла сюда для того, чтобы, возвратившись въ Римъ, хвалиться передъ другими женщинами въ томъ, что ты видѣла Арсенія? Если ты такъ сдѣлаешь, то тогда всѣ женщины городскія пойдутъ ко мнѣ.

Она же отвѣчала:

— Если Господь поможетъ мнѣ возвратиться, то я никому не позволю идти къ тебѣ, чтобы не препятствовать твоимъ подвигамъ. Но я прошу тебя—помолись за меня Богу и поминай меня въ твоихъ молитвахъ.

Старецъ же сказалъ ей:

— Я буду молить Бога, чтобы Онъ изгладилъ изъ сердца моего память о тебѣ.

Услышавъ это, боярыня отошла отъ преподобнаго съ весьма смущеннымъ сердцемъ. Придя въ городъ Александрію, она впала въ еще бо́льшую печаль.

Архіепископу стало извѣстно, что боярыня возвратилась отъ преподобнаго съ великою печалію. Придя къ ней, онъ спросилъ ее о причинѣ ея скорби. Боярыня же отвѣчала ему:

— Лучше было бы для меня, если бы я вовсе не приходила сюда. Я просила старца поминать меня въ молитвахъ своихъ, но онъ сказалъ мнѣ: «Я буду молить Бога, чтобы Онъ изгладилъ изъ сердца моего память о тебѣ». По этой причинѣ я и скорблю смертельно.

Тогда архіепископъ сказалъ ей:

— Не печалься объ этомъ, дочь моя! Ибо старецъ сказалъ такъ не безъ причины: вѣдь ты женщина, а черезъ женщинъ діаволъ дѣлаетъ много непріятностей святымъ мужамъ. Поэтому и старецъ сказалъ тѣ слова, опасаясь искушенія демонскаго; о душѣ же твоей онъ молится и будетъ всегда молиться.

Боярыня успокоилась послѣ этихъ словъ, перестала печалиться и съ радостію отправилась въ обратный путь.

Преподобный Арсеній продолжалъ пребывать въ безмолвіи, все болѣе и болѣе углубляясь въ Богомысліи: онъ пылалъ столь сильною любовію къ Богу, что постоянно былъ какъ бы въ огнѣ по причинѣ своихъ пламенныхъ молитвъ.

Одинъ разъ нѣкій братъ пришелъ изъ скита къ келліи старца за какимъ-то дѣломъ; подойдя къ окну, онъ увидалъ старца стоявшимъ на молитвѣ, причемъ старецъ былъ воспламененъ молитвою какъ огнемъ. Видя это, братъ пришелъ въ ужасъ. Такъ какъ онъ былъ достоинъ этого видѣнія, то, постоявъ немного, постучалъ въ дверь. Старецъ вышелъ изъ келліи и, увидя брата, о чемъ-то ужасавшагося, спросилъ его:

— Давно ли ты здѣсь? Не видалъ ли ты чего особеннаго?

Но братъ сказалъ:

— Я ничего не видалъ.

Затѣмъ, поговоривъ съ нимъ по дѣлу, старецъ отпустилъ его въ скитъ.

Повѣствуютъ объ этомъ дивномъ старцѣ и то, что, когда онъ жилъ во дворцѣ царскомъ, то никто не носилъ одеждъ лучшихъ его; но когда онъ отрекся отъ міра, то ни у кого не было одеждъ худшихъ, нежели у него.

Старецъ сей удержалъ одну привычку изъ своей мірской жизни, именно: иногда онъ, садясь, полагалъ ногу на ногу, что могло показаться не совсѣмъ благопристойнымъ. Нѣкоторые братія видѣли это, однако никто изъ нихъ не осмѣливался сдѣлать ему какое-либо замѣчаніе, потому что всѣ весьма уважали его. Но только одинъ старецъ, авва Пименъ, сказалъ братіи:

— Пойдемте къ аввѣ Арсенію, и я сяду при немъ такъ, какъ иногда садится онъ; тогда вы сдѣлайте мнѣ замѣчаніе, что я нехорошо сижу. Я стану просить у васъ прощенія; вмѣстѣ съ тѣмъ мы исправимъ и старца.

Они пошли и сдѣлали такъ. Преподобный же Арсеній, понявъ, что такъ неприлично сидѣть иноку, оставилъ свою привычку.

Блаженный Арсеній былъ настолько смиренъ, что даже выслушивалъ наставленія отъ простыхъ иноковъ. Такъ, напримѣръ, бесѣдуя съ однимъ старцемъ-египтяниномъ, онъ просилъ научить его, какимъ образомъ можно отгонять отъ себя грѣховныя помышленія. Объ этомъ узналъ другой братъ, который и сказалъ потомъ Арсенію:

— Для чего ты, честный отецъ, столь искусный въ наукахъ, знающій хорошо греческій и латинскій языки, просишь совѣта у простеца о томъ, какъ отгонять отъ себя грѣховныя мысли?

Преподобный же отвѣчалъ иноку тому:

— Я хорошо знаю свѣтскую науку грековъ и римлянъ; но я не знаю даже азбуки того, что знаетъ простецъ, касательно жизни добродѣтельной.

Это сказалъ преподобный для того, чтобы показать, что смиреніе—есть основаніе всѣхъ добродѣтелей, подобно тому какъ азбука—есть основаніе всякой науки; тотъ, кто изучилъ бы всю мірскую мудрость, но не имѣлъ бы истиннаго смиренномудрія,—тотъ не можетъ спастись.

Кромѣ смиренія, преподобный обладалъ еще даромъ умиленія.

Въ продолженіе всей своей жизни онъ всегда, когда занимался рукодѣліемъ, имѣлъ у себя на груди платокъ, такъ какъ слезы постоянно текли изъ очей его. Онъ былъ весьма бодръ тѣломъ, какъ и духомъ; весь день онъ работалъ и всю ночь молился Богу, и только лишь изрѣдка предавался сну. Когда очи его смежались и ему очень хотѣлось спать, онъ говорилъ самъ себѣ:

— Уходи, злой рабъ, и не оставайся со мною!

И если послѣ этого и предавался, сидя, слегка дремотѣ, то вскорѣ же, ободрившись, вставалъ и молился Богу. Онъ часто говаривалъ ученикамъ своимъ:

— Иноку дòлжно предаваться сну лишь на одинъ часъ.

Наканунѣ каждаго воскреснаго дня онъ становился еще съ вечера въ субботу на молитву, поднявъ руки кверху; становился же онъ къ солнцу спиною и такъ стоялъ до тѣхъ поръ, пока солнце, наутро слѣдующаго дня, не начинало свѣтить ему въ лицо.

Блаженный старецъ всегда занимался рукодѣліемъ, именно: плелъ корзины и рогожи изъ финиковыхъ листьевъ, причемъ не мѣнялъ воду, въ которой мочилъ листья, въ теченіе цѣлаго года; лишь изрѣдка подливалъ воды понемногу. По причинѣ этого нѣкоторые изъ братій сказали ему:

— Почему ты, честный отецъ, не мѣняешь воду, въ которой ты мочишь финиковыя листья? Неужели ты не замѣчаешь, какъ смердитъ въ келліи твоей отъ той воды?

Преподобный же отвѣчалъ имъ:

— Вмѣсто ѳиміама и благовонныхъ мастей, которыя я обонялъ, когда жилъ въ мірѣ, я долженъ теперь обонять смрадъ этотъ, чтобы въ день Страшнаго Суда Господь избавилъ меня отъ нестерпимаго смрада гееннскаго.

Иногда преподобнаго дерзали искушать бѣсы; прислуживавшій же ему братъ, приблизившись къ келліи его, слышалъ, какъ старецъ взывалъ въ такихъ случаяхъ къ Богу:

— Не оставь меня, Господи! Хотя я и не сотворилъ предъ Тобою ничего благого, но помоги мнѣ, по благодати Твоей, положить нынѣ начало благое!

Случилось однажды преподобному Арсенію сильно заболѣть. Скитскіе иноки пришли къ преподобному, взяли его и понесли въ больницу при церкви, чтобы послужить ему. Они положили его на постели, хорошо убранной, и съ мягкимъ возглавіемъ. Преподобнаго пришелъ посѣтить одинъ братъ. Братъ тотъ, уви-

давъ, что преподобный лежалъ на мягкой постели, соблазнился и сказалъ:

— Это ли отецъ Арсеній! И неужели онъ лежитъ на мягкой постели?

Услышавъ это, одинъ изъ пресвитеровъ подозвалъ къ себѣ того брата и наединѣ спросилъ его:

— Братъ, когда ты былъ въ мірѣ, какую обязанность ты исполнялъ и какова была твоя жизнь?

Онъ отвѣчалъ:

— Я былъ пастухомъ и во многихъ трудахъ и печаляхъ проводилъ жизнь свою.

Потомъ пресвитеръ снова спросилъ его:

— А теперь ты какъ живешь?

Онъ отвѣчалъ:

— Теперь я живу въ покоѣ, имѣю все для нуждъ своихъ и не знаю никакой заботы и печали.

Тогда пресвитеръ сказалъ ему:

— Вотъ этотъ, кого ты видишь, отецъ Арсеній, когда былъ въ міру, то былъ отцомъ царей; ему предстояли тысячи слугъ въ свѣтлыхъ одеждахъ, въ золотыхъ поясахъ и гривнахъ[1]); постель его была весьма разукрашена, и богатства его были безчисленны; а ты раньше пасъ скотъ и былъ нищимъ; ты не имѣлъ въ міру такого покоя, какимъ пользуешься сейчасъ; ты отдыхаешь отъ трудовъ мірскихъ, а отецъ Арсеній теперь трудится и страдаетъ въ нищетѣ, послѣ покоя и довольства въ міру.

Братъ тотъ, тронутый словами пресвитера, поклонился и попросилъ у него прощенія, сказавъ:

— Дѣйствительно, честный отецъ, все было такъ, какъ ты сказалъ: я пришелъ сюда на покой отъ трудовъ, отецъ же Арсеній пришелъ сюда на трудъ отъ покоя.

Получивъ наставленіе, полезное для души, братъ тотъ отошелъ отъ пресвитера.

Случилось разъ нашествіе варваровъ на страну ту. Всѣ иноки бѣжали изъ скита въ города и селенія; но преподобный не хотѣлъ уходить изъ пустыни въ городъ, размышляя такъ:

«Если Господь не сохранитъ меня, то мнѣ незачѣмъ и жить на землѣ».

---

[1]) *Гривна*—золотая цѣпь, носившаяся въ качествѣ украшенія на шеѣ.

Варвары разграбили весь скитъ, но не могли найти преподобнаго Арсенія, такъ какъ Самъ Богъ скрывалъ отъ нихъ раба Своего. Однако, поразмысливъ въ себѣ, для того, чтобы не выслушивать похвалы отъ другихъ отцевъ и не предаться тщеславію, преподобный пошелъ въ тотъ же путь, по которому бѣжали и прочіе отцы. Арсеній много плакалъ объ опустошеніи скита, говоря:

— Римъ погубилъ міръ[1]), иноки же погубили скитъ.

Когда варвары ушли изъ скита, иноки снова возвратились туда; возстановивъ скитъ, они стали снова жить на своихъ мѣстахъ. Съ ними возвратился и преподобный Арсеній въ свою келлію.

Однажды къ преподобному принесли изъ Рима завѣщаніе одного боярина, сродника его, который предоставлялъ всѣ свои многочисленныя богатства въ пользу преподобнаго, дабы онъ истратилъ ихъ, какъ хотѣлъ самъ. Преподобный же, взявъ завѣщаніе, хотѣлъ его разорвать, но пришедшій съ завѣщаніемъ просилъ его не разрывать документа, сказавъ:

— Прошу тебя, честный отецъ, не разрывай этого завѣщанія, такъ какъ пославшіе взыщутъ его съ меня.

Преподобный же, возвративъ ему завѣщаніе въ цѣлости, сказалъ:

— Я еще раньше его умеръ (для міра); для чего же онъ, недавно умершій, дѣлаетъ меня, мертвеца, наслѣдникомъ своихъ богатствъ?

И возвратилъ посланнаго съ завѣщаніемъ къ пославшимъ его.

Преподобный не всегда подвизался на одномъ и томъ же мѣстѣ, но иногда переселялся изъ скитской пустыни въ болѣе уединенныя и безмолвныя мѣста, удаляясь отъ приходящихъ для бесѣды людей, такъ какъ они нарушали его душевный покой. Такъ онъ подвизался нѣкоторое время въ Трогинѣ, около Вавилона, и напротивъ города Мемфиса, затѣмъ въ Канопѣ, близъ Александріи, и въ нѣкоторыхъ другихъ пустынныхъ мѣстахъ; потомъ снова возвращался въ скитъ, такъ что никто не зналъ его образа жизни.

Одинъ разъ, когда преподобный жилъ въ нижнихъ странахъ Египта, онъ восхотѣлъ оставить келлію свою и идти въ какое-либо другое мѣсто—по причинѣ множества приходившихъ къ нему

[1]) Здѣсь, вѣроятно, должно разумѣть гоненія, поднятые на христіанъ римскими императорами.

людей, мѣшавшихъ его безмолвному жительству. Ничего не взявъ съ собою, онъ отправился въ путь, сказавъ двумъ ученикамъ своимъ—Александру и Зоилу:

— Ты, Александръ, останься здѣсь, а ты, Зоилъ, иди со мною къ рѣкѣ и поищи мнѣ корабль, который отправляется въ Александрію. Затѣмъ возвратись къ брату твоему Александру.

Ученики его были весьма смущены этими словами; однако ни одинъ изъ нихъ не осмѣлился спросить старца:

— Зачѣмъ ты отъ насъ уходишь?

Отплывъ въ Александрію, старецъ впалъ въ тяжкую болѣзнь и проболѣлъ довольно продолжительное время. Александръ же и Зоилъ, оставшіеся въ келліи старца, стали спрашивать другъ друга—не оскорбилъ ли кто изъ нихъ преподобнаго какимъ-либо непослушаніемъ? Не находя вины за собою, они впали въ большую печаль по старцѣ.

Когда преподобный выздоровѣлъ, то сказалъ самъ себѣ: «Пойду теперь къ ученикамъ своимъ».

И поднявшись, пошелъ.

Случилось ему быть близъ рѣки и встрѣтиться здѣсь съ толпой путниковъ, шедшихъ той дорогой; при этомъ одна женщина-египтяныня прикоснулась къ одеждѣ преподобнаго. Но онъ, оскорбившись, сдѣлалъ ей замѣчаніе, что женщина не должна прикасаться къ одеждѣ монашеской. Женщина же та сказала ему:

— Если ты монахъ, то иди въ гору пустынную.

Умилился старецъ отъ словъ ея и часто говорилъ себѣ, повторяя слова той женщины:

— Арсеній! Если ты монахъ, то иди въ горы и скитайся по пустынямъ.

Наконецъ, преподобный пришелъ на то мѣсто (называвшееся *Камень*), гдѣ жили его ученики. Александръ и Зоилъ, встрѣтивъ его, пали къ ногамъ его и плакали отъ радости. Плакалъ и старецъ, обнявъ ихъ. Затѣмъ ученики сказали старцу:

— Твое удаленіе отсюда, честный отецъ, повергло насъ въ большую печаль, потому что намъ говорили нѣкоторые иноки, что авва Арсеній не ушелъ бы изъ своей келліи, если бы ученики его не огорчили своимъ непослушаніемъ.

Старецъ же сказалъ имъ:

— Чада! Я тоже подумалъ, что такъ скажутъ иноки относительно моего ухода отсюда; поэтому я и возвратился къ вамъ.

Теперь иноки могутъ про меня сказать: «Голубь, вылетѣвшій изъ ковчега Ноева, не находя твердой почвы подъ ногами своими, возвратился опять къ Ною въ ковчегъ»[1]).

Такими словами преподобнаго ученики утѣшились и съ тѣхъ поръ пребывали съ нимъ неразлучно до самой кончины святаго.

Однажды, когда преподобный находился въ келліи своей, ему было такое откровеніе отъ Бога. Ему послышался Голосъ:

«Выйди изъ келліи твоей, и Я покажу тебѣ дѣла человѣческія».

Старецъ, вышедъ изъ келліи, пришелъ какъ бы въ нѣкій восторгъ. Онъ увидѣлъ Ангела Божія, который взялъ его за руку и повелъ въ одно мѣсто; здѣсь онъ показалъ ему чернаго человѣка, рубившаго дрова и наготовившаго ихъ очень много; затѣмъ человѣкъ тотъ хотѣлъ взять дрова, которыя нарубилъ, на плечи и нести, но не могъ этого сдѣлать, потому что дровъ было слишкомъ много. Однако, вмѣсто того, чтобы нѣсколько поубавить дровъ изъ вязанки, человѣкъ тотъ продолжалъ снова рубить дрова и снова пытался поднять ихъ, но уже совершенно не могъ; однако все болѣе рубилъ дровъ и все болѣе увеличивалъ ношу свою. Затѣмъ Ангелъ Божій показалъ преподобному въ другомъ мѣстѣ человѣка, стоявшаго около колодца и черпавшаго воду въ дырявый сосудъ; вода вытекала изъ сосуда и снова возвращалась въ колодезь, но человѣкъ, черпавшій воду, продолжалъ понапрасну трудиться. Наконецъ, Ангелъ показалъ преподобному новое видѣніе: Арсеній увидѣлъ церковь съ раскрытыми дверями и двухъ всадниковъ, имѣвшихъ по бревну въ рукахъ; всадники эти хотѣли проѣхать сквозь церковныя двери, но не могли, потому что бревна были поперекъ пути; одинъ всадникъ мѣшалъ другому расположить бревно вдоль пути; вмѣсто того, чтобы одному уступить дорогу другому, всадники пытались пройти сквозь дверь одновременно и потому все время суетились около двери и никакъ не могли войти въ церковь.

Послѣ всего этого старецъ спросилъ Ангела:

— Что знаменуетъ видѣніе это?

Ангелъ же сказалъ ему:

— Два человѣка, имѣющіе въ рукѣ по бревну,—это образъ мужей добродѣтельныхъ, но гордыхъ, не желающихъ смириться

---

[1]) Срав.: Кн. Быт., гл. 8, ст. 8—9.

другъ передъ другомъ; они не войдутъ въ Царствіе Небесное, но останутся внѣ его,—по причинѣ своей гордости, которая погубитъ всѣ добродѣтели ихъ. Человѣкъ, черпавшій воду и наливавшій ее въ дырявый сосудъ, есть подобіе человѣка, имѣющаго нѣкоторыя добрыя дѣла, но не оставляющаго и грѣховъ; этотъ человѣкъ понапрасну трудится, потому что грѣхами своими губитъ ту награду, какую могъ бы получить отъ Бога. Черный человѣкъ, рубившій дрова и прибавлявшій себѣ все большее и большее бремя,—это подобіе человѣка, предающагося многимъ грѣхамъ и, вмѣсто покаянія, прилагающаго беззаконіе къ беззаконію.

Объ этомъ видѣніи преподобный Арсеній повѣдалъ ученикамъ своимъ для ихъ назиданія, причемъ, по смиренію своему, сказалъ имъ, что все это не самъ онъ видѣлъ, а только слышалъ объ этомъ отъ другого старца.

Кромѣ того, Арсеній повѣдалъ ученикамъ своимъ и о страшномъ откровеніи о Божественныхъ Таинахъ Христовыхъ, бывшемъ другимъ отцамъ-пустынникамъ.

— Былъ,—говорилъ Арсеній,—въ скиту одинъ старецъ, проводившій очень строгую жизнь, славившійся своими добродѣтелями среди всѣхъ иноковъ. Этотъ старецъ, по причинѣ простоты своей (онъ не былъ обученъ Священному Писанію), соблазнялся о пречистыхъ Таинахъ Христовыхъ, помышляя, что хлѣбъ, который мы принимаемъ изъ священнаго алтаря, и чаша, которой причащаемся, не есть истинное Тѣло и Кровь Христовы, но только подобіе Тѣла и Крови Христовыхъ. Объ этомъ узнали два опытные старца; понявъ, что такъ думалъ тотъ старецъ не по злобѣ, но по простотѣ и невѣдѣнію своему, они рѣшили вразумить его. Съ этою цѣлію они пошли къ нему и, побесѣдовавъ съ нимъ о многомъ на пользу души, между прочимъ сказали и слѣдующее:

— Мы слышали, честный отецъ, объ одномъ братѣ, что онъ неправильно мыслитъ о хлѣбѣ, который мы принимаемъ отъ святаго алтаря, и о чашѣ, которую мы піемъ,—что это не есть истинное Тѣло и Кровь Христовы, но только ихъ подобіе.

Старецъ же отвѣчалъ имъ:

— Это я думаю такъ.

Они стали уговаривать его, говоря:

— Не думай такъ, честный отецъ, но вѣруй такъ, какъ учитъ вѣровать Святая Соборная и Апостольская Церковь. Мы вѣруемъ и исповѣдуемъ, что хлѣбъ есть истинное Тѣло Христово, а вино

въ чашѣ—есть истинная Кровь Его, а не подобіе только Тѣла и Крови.

Затѣмъ тѣ отцы привели въ доказательство истинности своихъ словъ многочисленныя свидѣтельства изъ Священнаго Писанія и изъ твореній отцевъ и учителей Церкви, стараясь убѣдить того старца оставить свое ложное вѣрованіе. Но онъ въ простотѣ сердца сказалъ имъ:

— Если не удостовѣрюсь самымъ дѣломъ, то не повѣрю.

Тогда старцы сказали ему:

— Помолимся Богу всѣ трое объ этомъ, дабы открылъ Онъ намъ тайну эту, предварительно попостившись всю недѣлю. Мы вѣруемъ, что Онъ откроетъ намъ эту тайну, такъ какъ онъ не допуститъ погибнуть многолѣтнимъ трудамъ твоимъ.

Старецъ съ любовію выслушалъ ихъ совѣтъ, и всѣ они затворились каждый въ келліи своей на всю недѣлю и проводили время въ постѣ и молитвѣ. Старецъ тотъ молился къ Богу такъ:

— Господи! Ты знаешь, что я мыслю такъ не по злобѣ, но своимъ простымъ умомъ не могу постигнуть тайны этой. Открой же мнѣ, по благодати Твоей, истину, дабы я не заблуждался въ невѣріи.

Другіе же два старца говорили въ молитвѣ своей:

— Господи! Открой брату нашему великую тайну Твою, дабы онъ не остался невѣрующимъ въ нее и не погубилъ бы своихъ трудовъ и добродѣтелей.

Богъ послушалъ рабовъ Своихъ и открылъ имъ страшную тайну ту такимъ образомъ.

По прошествіи недѣли съ тѣхъ поръ, какъ старцы начали свой постъ и молитву, и наступило воскресенье, то тѣ три старца пошли въ церковь для слушанія Божественной Литургіи; въ церкви стали они другъ около друга. Господь открылъ духовныя очи ихъ. Когда для святой трапезы былъ приготовленъ хлѣбъ, они увидѣли вмѣсто хлѣба юнаго младенца. Въ то время, какъ священникъ простеръ руку для того, чтобы преломить хлѣбъ, старцы увидѣли Ангела Божія, сшедшаго съ Неба и имѣвшаго въ рукахъ ножъ. Заколовъ младенца, Ангелъ вылилъ Кровь въ чашу. Когда священникъ преломлялъ хлѣбъ, Ангелъ раздроблялъ Тѣло на части.

Между тѣмъ наступило время причащенія. Вмѣстѣ съ прочими братіями пошелъ причащаться и невѣровавшій братъ. Принявъ въ

руки кусокъ мяса[1]), сырого и источавшаго кровь, и видя кровь въ чашѣ, старецъ этотъ въ ужасѣ воскликнулъ:

— Вѣрую Господи, что хлѣбъ сей есть Тѣло Твое, и вино сіе—есть Кровь Твоя.

Тотчасъ мясо обратилось въ хлѣбъ и кровь—въ вино.

Тогда старецъ причастился святымъ Таинамъ Христовымъ съ великимъ страхомъ и умиленіемъ сердечнымъ.

Другіе два старца сказали ему:

— Христосъ Богъ знаетъ, что человѣкъ не можетъ ѣсть сырого мяса и пить кровь. Поэтому онъ и предлагаетъ вѣрующимъ пречистое Тѣло Свое подъ видомъ хлѣба и животворящую Кровь Свою подъ видомъ вина.

Затѣмъ старцы возблагодарили Господа за откровеніе и за то, что Онъ не попустилъ погибнуть въ невѣріи тому добродѣтельному старцу.

Однажды нѣкоторый братъ спросилъ Арсенія о томъ, что полезно для души? Преподобный же отвѣтилъ ему:

— Всячески заботься о томъ, чтобы то, что ты мыслишь въ умѣ своемъ, было бы угодно Богу. Поступая такъ, ты легко побѣдишь всякій грѣхъ.

Это сказалъ святый для того, чтобы показать, что всѣ грѣхи и страсти рождаются отъ дурныхъ мыслей, принимаемыхъ сердцемъ и съ услажденіемъ удерживаемыхъ; наблюдающій же за своими мыслями и отгоняющій грѣховные помыслы, тѣмъ самымъ погашаетъ страсти свои и побѣждаетъ грѣховныя вожделѣнія.

Въ другой разъ преподобный сказалъ:

— Если мы дѣйствительно отъ всего сердца будемъ искать Бога, то Онъ Самъ придетъ къ намъ и мы увидимъ Его; и если мы удержимъ Его чистою жизнію близъ себя, то Онъ пребудетъ съ нами.

Одинъ старецъ спросилъ авву Арсенія:

---

[1]) Не должно удивляться тому, что братія принимали въ руки честное Тѣло Христово; въ первые вѣка христіанства и непосвященнымъ позволялось брать въ руки Святые Дары и уносить ихъ съ собою домой или въ путешествія; но впослѣдствіи отцы и учители Церкви запретили это дѣлать, и по слѣдующей причинѣ: во время патріаршества св. Іоанна Златоуста въ Константинополѣ одна женщина принесла домой Святые Дары и смѣшала ихъ съ какими-то снадобьями для волхвованія. Узнавъ объ этомъ, св. Іоаннъ Златоустъ сдѣлалъ распоряженіе по всѣмъ церквамъ, чтобы честное Тѣло Христово не предавалось въ руки христіанамъ, но чтобы вмѣстѣ съ Божественною Кровію преподавалось вѣрующимъ изъ чаши.—Св. Димитрій Ростовскій говоритъ объ этомъ подъ 9 ноября, въ повѣствованіи о житіи преподобной Ѳеоктисты.

— Какъ мнѣ быть, честный отецъ! Я никакъ не могу отстать отъ той мысли, что я старъ и потому не могу ни поститься, ни трудиться подвигами иноческими по причинѣ старости. Поэтому мнѣ кажется, что слѣдуетъ идти и посѣщать больныхъ, такъ какъ это дѣло любви христіанской.

Преподобный же, уразумѣвъ, что это было бѣсовское искушеніе, сказалъ старцу тому:

— Ѣшь, пей, спи, но только не выходи изъ келліи своей.

Такъ сказалъ преподобный потому, что зналъ, что иноку, выходящему изъ своей келліи и приближающемуся къ мірскимъ селеніямъ, предстоятъ многіе соблазны и искушенія врага; да и вообще не слѣдуетъ выходить безъ уважительной причины изъ монастыря тому, кто умеръ для міра, подобно тому, какъ мертвецъ не выходитъ изъ гроба своего. Монахъ же, выходящій по своей волѣ изъ монастыря, поистинѣ дѣлается мертвымъ, потому что умираетъ душею.

Еще говорилъ преподобный:

— Есть много такихъ людей, которые всячески стараются соблюдать чистоту тѣлесную и для этого умерщвляютъ тѣло свое постомъ, бдѣніемъ и многими трудами; но мало такихъ, которые ревниво оберегаютъ душу свою отъ грѣха тщеславія, гордости, сребролюбія, зависти, братоненавидѣнія, гнѣва, памятозлобія, осужденія. Таковые снаружи чисты тѣломъ, но душа ихъ грязна; они подобны гробамъ, снаружи разукрашеннымъ, извнутри же полнымъ костей смердящихъ. Блаженъ тотъ, кто старается сохранить отъ скверны какъ тѣло, такъ и душу свою; истинно блаженны чистые сердцемъ (а не тѣломъ только), потому что они Бога ѹзрятъ.

Одинъ братъ сказалъ преподобному:

— Честный отецъ! Я изучилъ много книгъ и Псалмовъ и хочу съ умиленіемъ сердечнымъ прочитывать ихъ, но не имѣю умиленія, потому что не разумѣю силы Священнаго Писанія, и весьма скорблю объ этомъ.

Преподобный отвѣчалъ на это:

— Чадо! Тебѣ дòлжно непрестанно поучаться въ чтеніи Слова Божія, хотя бы ты и не разумѣлъ силы его и не имѣлъ умиленія. Я слышалъ, какъ говорилъ авва Пименъ и прочіе отцы, что очарователи змѣй сами не понимаютъ тѣхъ словъ, которыя они говорятъ; однако же змѣи, слыша слова ихъ, укрощаются, какъ бы понимая слова ихъ, и безпрепятственно отдаются въ руки ихъ.

То же самое можемъ сдѣлать и мы, хотя бы и не разумѣли силы Священнаго Писанія. Ибо когда мы имѣемъ въ устахъ своихъ слова Священнаго Писанія, тогда демоны, слыша ихъ, приходятъ въ страхъ и бѣгутъ отъ насъ, не вынося словъ Духа Святаго, говорившаго черезъ рабовъ Своихъ—пророковъ и апостоловъ.

Когда приблизилось время блаженной кончины преподобнаго, то онъ сказалъ своимъ ученикамъ:

— Когда я умру, то не дѣлайте поминокъ по мнѣ, не собирайте братію на обѣдъ, но только позаботьтесь о томъ, чтобы приносилась Божественная Жертва за мою грѣшную душу.

Ученики его, услышавъ это, весьма опечалились и начали плакать. Но преподобный сказалъ имъ:

— Не плачьте, чада! Еще не пришелъ часъ кончины моей, хотя уже онъ недалекъ отъ меня.

Тогда ученики спросили его:

— Какъ похоронить тебя, честный отецъ?

Онъ же сказалъ имъ:

— Привяжите къ ногамъ моимъ веревки и выбросите меня за гору.

Когда же началъ приближаться самый часъ кончины преподобнаго, то онъ началъ много плакать и пришелъ въ большой страхъ. Ученики, увидавъ его плачущимъ, спросили его:

— Неужели и ты, честный отецъ, боишься смерти?

Но онъ отвѣчалъ имъ:

— Дѣйствительно, я всегда чувствовалъ страхъ смерти во всѣ дни иноческой жизни моей, начиная съ того дня, въ который я облекся въ образъ иноческій.

Затѣмъ преподобный уснулъ блаженнымъ сномъ смерти, предавъ честную душу свою въ руки Господа своего, Которому служилъ такъ усердно въ теченіе всей жизни своей.

Когда авва Пименъ услыхалъ о мирной кончинѣ преподобнаго, то прослезился и сказалъ:

— Блаженъ ты, отецъ Арсеній, потому что ты плакалъ въ продолженіе всей жизни своей; за это ты будешь вѣчно веселиться. Тотъ же, кто здѣсь не плачетъ по своей волѣ, поневолѣ заплачетъ послѣ смерти среди мученій, но отъ плача этого никому не будетъ пользы.

Разсказываютъ о преподобномъ Арсеніи, что онъ часто говорилъ себѣ такія слова:

— Арсеній! Для чего ты сюда пришелъ? Ты пришелъ сюда не для отдыха, а для трудовъ, не для лѣности, а для подвига. Подвизайся же, трудись и не лѣнись.

Часто говорилъ также преподобный и эти слова:

— Много разъ я сожалѣлъ о словахъ, которыя произносили уста мои, но о молчаніи я не жалѣлъ никогда.

Авва Даніилъ разсказывалъ про преподобнаго Арсенія, что онъ никогда не предлагалъ никому вопросовъ изъ книгъ, хотя бы и могъ ихъ предложить, потому что хорошо зналъ Священное Писаніе. Дѣлалъ же это преподобный потому, что не хотѣлъ показаться премудрымъ въ книгахъ; никогда преподобный не писалъ никому посланій, считая себя простецомъ и невѣждой Христа ради[1]); никогда не входилъ въ алтарь, хотя и имѣлъ на то право, будучи посвященъ въ санъ діакона, но всегда приступалъ къ Божественнымъ Таинамъ вмѣстѣ съ простыми монахами. Все это онъ дѣлалъ по причинѣ великаго смиренія своего. Когда же блаженный Арсеній приходилъ въ церковь къ Богослуженію, то становился за столпомъ, чтобы ни онъ не видалъ чьего-либо лица, ни его не видалъ никто.

По внѣшнему виду преподобный былъ благообразенъ, какъ Ангелъ: былъ сѣдъ, красивъ тѣломъ, худъ отъ великаго воздержанія, бороду имѣлъ до пояса; имѣлъ очи впалыя отъ постояннаго плача; былъ высокъ ростомъ, но сгорбленъ отъ старости. Скончался преподобный послѣ того, какъ пребылъ пятьдесятъ пять лѣтъ въ иноческихъ трудахъ и подвигахъ, постомъ и молитвою благоугождая Богу; въ скитѣ пробылъ сорокъ лѣтъ; десять лѣтъ жилъ на мѣстѣ, называвшемся Трогинъ, около Мемфиса; затѣмъ преподобный пробылъ три года въ Канопѣ, близъ Александріи; отсюда снова возвратился въ Трогинъ, прожилъ здѣсь два года и здѣсь же почилъ о Господѣ. Всего прожилъ преподобный около ста лѣтъ[2]). Да даруетъ и намъ Господь по его святымъ молитвамъ оставленіе грѣховъ и жизнь вѣчную у Христа, Господа нашего, Которому возсылается слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, во вѣки. Аминь.

---

[1]) Послѣ преподобнаго Арсенія осталось только нѣсколько изреченій и наставленій инокамъ, вродѣ двухъ вышеприведенныхъ, сохранившихся въ древнихъ Патерикахъ и собраніяхъ изреченій древнихъ отцевъ-пустынниковъ.

[2]) Жизнь и дѣятельность преподобнаго Арсенія располагается по годамъ такъ: родился въ 354 г., принятъ ко Двору на 29-мъ году жизни—въ 383 г., 11 лѣтъ жилъ при Дворѣ—до 394 г., 40 лѣтъ прожилъ въ скитской пустыни—до 434 г., 10 лѣтъ жилъ въ Трогинѣ (или Троёнѣ), 3 года пробылъ въ Канопѣ, два послѣдніе опять въ Трогинѣ и умеръ на 95-мъ году жизни въ 449 г. или нач. 450 г..

Тропа́рь, гла́съ и҃:

Слезъ твои́хъ тече́ньми пꙋсты́ни безпло́дное воздѣ́лалъ є҆сѝ, и҆ и҆́же и҆з̾ глꙋбины̀ воздыха́ньми, во сто̀ трꙋдѡ́въ ᲂу҆плодоноси́лъ є҆сѝ, и҆ бы́лъ є҆сѝ свѣти́льникъ вселе́ннѣй, сїѧ́ѧ чꙋдесы̀, а҆рсе́нїе ѻ҆́тче на́шъ. молѝ хрⷭ҇та̀ бг҃а, спⷭ҇ти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ г҃:

Ѡ ри́ма возсїѧ́лъ є҆сѝ ꙗ҆́коже со́лнце вели́кое, и҆ къ црⷭ҇комꙋ гра́дꙋ дости́глъ є҆сѝ преблⷭ҇же́нне, словесы̀ твои́ми просвѣща́ѧ сего̀ и҆ дѣ́лы, всѧ́кꙋ неразꙋ́мїѧ мглꙋ̀ ѿгонѧ̀. сегѡ̀ ра́ди тѧ̀ почита́емъ, ѻ҆тцє́въ сла́во, а҆рсе́нїе прпⷣбне.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО АПОСТОЛА и ЕВАНГЕЛИСТА

ІОАННА БОГОСЛОВА

Честно̀е преставленіе сего святаго Апостола и Евангелиста, наперсника, дѣвственника и возлюбленнаго ученика Христова Іоанна Богослова празднуется въ двадцать шестой день сентября мѣсяца; подъ этимъ числомъ и помѣщено его житіе. Въ нынѣшній же день совершается воспоминаніе его честна̀го праха, цѣльбоносно исходившаго отъ гроба его.

Когда святый Іоаннъ Богословъ дожилъ до столѣтняго возраста, много потрудившись во благовѣстіи Христовомъ, то вмѣстѣ съ семью учениками своими вышелъ изъ города Ефеса[1]) и приказалъ имъ ископать ему крестообразную могилу, въ которой онъ и приготовился умереть, легши въ нее еще будучи живымъ (какъ повѣствуется объ этомъ въ житіи его). Христіане, жившіе въ городѣ Ефесѣ, послѣ смерти Апостола раскопали могилу его, однако не нашли тѣла Апостола; оплакавъ его честну̀ю кончину, они воз-

---

1) *Ефесъ* стоялъ на берегу Эгейскаго моря, въ Малой Азіи; славился обширною торговлею и былъ однимъ изъ главныхъ центровъ науки и искусства въ древности. Въ настоящее время отъ этого, нѣкогда знаменитаго, города остались лишь однѣ развалины.

вратились въ городъ и потомъ часто приходили на могилу Апостола и возносили тамъ усердныя молитвы къ Богу, призывая себѣ на помощь и ходатайство предъ Богомъ святаго Іоанна Богослова. При этомъ каждый годъ въ этотъ день и мѣсяцъ отъ гроба Апостола исходилъ какъ бы нѣкій тонкій прахъ, творившій исцѣленія[1]). Вѣрующіе собирали этотъ прахъ и врачевали имъ различные недуги и болѣзни. Поэтому и вошло въ обычай среди вѣрующихъ въ этотъ день, такъ же какъ и въ сентябрѣ мѣсяцѣ, восхвалять и ублажать пѣснопѣніями сего великаго угодника Божія, возлюбленнаго Богомъ болѣе всѣхъ прочихъ святыхъ угодниковъ[2]). По молитвамъ его да даруетъ и намъ Господь исцѣленіе въ недугахъ нашихъ душевныхъ и тѣлесныхъ и да сподобимся и мы быть угодными и возлюбленными Христу Богу нашему.

Тропа́рь, гла́съ в҃:

А҆пⷭ҇ле хрⷭ҇тꙋ̀ бг҃ꙋ возлю́бленне, ᲂу҆скорѝ и҆зба́вити лю́ди безѿвѣ́тны: прїе́млетъ тѧ̀ припа́дающа, и҆́же па́дша на пе́рси прїе́мый, є҆го́же молѝ бг҃осло́ве, и҆ належа́щїй ѻ҆́блакъ ꙗ҆зы́кѡвъ разгна́ти, просѧ̀ на́мъ ми́ра и҆ ве́лїѧ млⷭ҇ти.

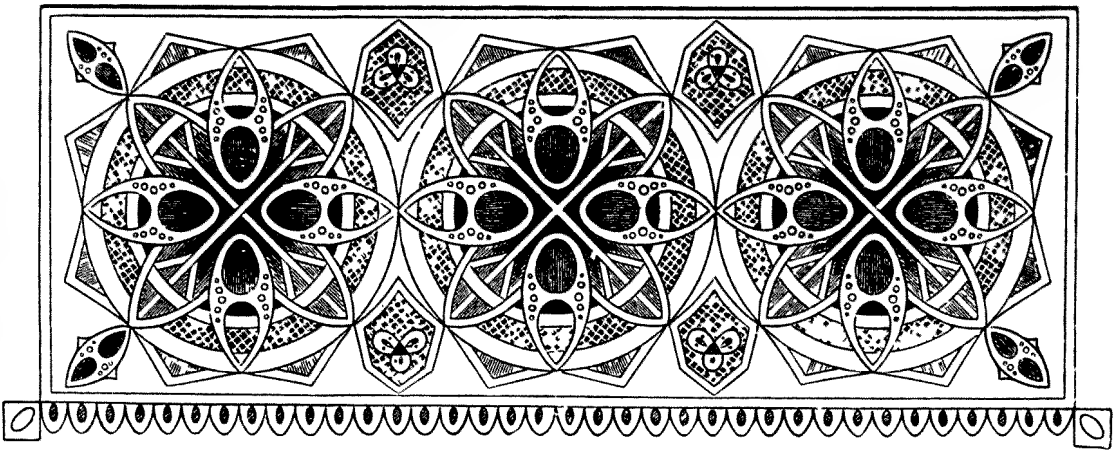
Конда́къ, гла́съ в҃:

Вели́чїѧ твоѧ̀, дѣ́вственниче, кто̀ повѣ́сть; то́чиши бо чꙋдеса̀, и҆ и҆злива́еши и҆сцѣле́нїѧ, и҆ мо́лишисѧ ѡ҆ дꙋша́хъ на́шихъ, ꙗ҆́кѡ бг҃осло́въ и҆ дрꙋ́гъ хрⷭ҇то́въ.

---

[1]) Объ этомъ *прахѣ*, или *маннѣ*, говорятъ блаж. Августинъ и Григорій Турскій. Объ исхожденіи персти отъ гроба Іоанна Богослова упоминаетъ и русскій паломникъ XII в. игуменъ Даніилъ.

[2]) Въ синайскихъ евангеліяхъ этотъ праздникъ называется ροδισμός, — т. е. *розовникъ*; думаютъ, что самая манна, исходившая отъ гроба Іоанна Богослова, называлась ρόδις—розовая мазь, розовый порошокъ; но вѣрнѣе разумѣть подъ *розовникомъ* празднованіе съ употребленіемъ розъ, подобно тому какъ у насъ употребляются цвѣты въ Троицынъ день.



День девятый

ЖИТІЕ
СВЯТАГО ПРОРОКА
ИСАІИ

Время пророческаго служенія святаго Исаіи[1]) было тяжелымъ временемъ въ жизни народа Еврейскаго: во дни этого великаго Пророка царство Израильское окончило свое существованіе, а Іудейское доживало послѣдніе годы предъ Вавилонскимъ плѣненіемъ. Эта печальная участь — подчиненіе *избраннаго народа* подъ тяжелую руку языческихъ царей — была ему наказаніемъ отъ Господа за то, что онъ вышелъ изъ послушанія Богу, все болѣе и болѣе погрязая въ беззаконіи и идолопоклонствѣ. Особенно было велико отступленіе отъ завѣта Божія въ царствѣ Израильскомъ, которое за это и постигло ускоренное наказаніе, «въ царствѣ же Іудейскомъ по временамъ просвѣчивала надежда на лучшее будущее», и если не совсѣмъ погасъ огонь святой ревности по Богѣ въ Іудеѣ, и Господь еще медлилъ съ исправляющимъ ее наказаніемъ, то этимъ Іудейское царство обязано, главнымъ образомъ, пророческой дѣятельности святаго Исаіи.

---

[1]) По-еврейски имя это произносится «*Іеша—Іагве*» и значитъ «спасеніе Іеговы», т. е. спасеніе, получаемое отъ Господа.

Святый Пророкъ Исаія, происходившій изъ колѣна Веніаминова, родился около 760 года до Рождества Христова; онъ былъ сынъ Амоса, о которомъ въ книгахъ Священнаго Писанія ничего не сообщается и котораго іудейское преданіе отожествляетъ съ Амосомъ, братомъ царя Амасіи. Мѣстомъ постояннаго жительства святаго Исаіи былъ Іерусалимъ—столица Іудейскаго царства. На годы сознательнаго дѣтства и отрочества Пророка падаетъ славное правленіе мудраго и добраго царя Озіи; это царствованіе безъ сомнѣнія имѣло благотворное религіозное и политическое вліяніе на душу будущаго Пророка. Ничего, собственно, неизвѣстно о дняхъ ранней юности святаго Исаіи, но явленіе ему славы Господней и избраніе его Господомъ на великое служеніе даютъ непререкаемое свидѣтельство о благочестіи Пророка и въ это время жизни; о томъ же говорятъ и его пророческія рѣчи, изъ которыхъ видно прекрасное знаніе имъ священныхъ книгъ своего народа; очевидно, съ раннихъ лѣтъ святый Исаія поучался въ Законѣ Божіемъ. Какъ человѣкъ благочестивый онъ взялъ и жену себѣ богобоязненную, отъ которой имѣлъ двухъ сыновей; о женѣ его извѣстно, что она тоже была пророчицей [1]).

На пророческое служеніе святый Исаія былъ призванъ въ годъ смерти царя Озіи [2]) особымъ видѣніемъ. Однажды онъ присутствовалъ въ храмѣ за Богослуженіемъ; предъ глазами его находились дворъ священниковъ и святилище. Взирая молитвенно къ святилищу, святый Исаія вдругъ увидѣлъ, что храмъ сталъ раздвигаться; предъ его духовными очами открывается внутренность святилища, затѣмъ исчезаетъ завѣса, скрывавшая таинственное Святое святыхъ, гдѣ изумленному и потрясенному Пророку является торжественное видѣніе Владыки Неба и земли, «сидящаго на престолѣ высокомъ и превознесенномъ»,—стоящемъ какъ бы между небомъ и землею; края царственныхъ ризъ Божіихъ наполняли храмъ. Вокругъ Господа «стояли Серафимы; у каждаго изъ нихъ — по шести крылъ: двумя закрывалъ каждый лице свое, и двумя закрывалъ ноги свои, и двумя леталъ. И взывали они другъ къ другу, и говорили: Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ [3]). Вся земля полна славы Его!» Отъ громогласнаго славословія Се-

1) Кн. Прор. Исаіи, гл. 7, ст. 3; 8, ст. 3, 18.

2) Въ 737 году.

3) Это славословіе Серафимовъ, *трижды* указующее на святость Божества, признается откровеніемъ о трехъ лицахъ Божества не только христіанами, но и нѣкоторыми раввинами. *Саваоѳъ*—Господь Воинствъ (Небесныхъ).

рафимовъ «поколебались верхи вратъ, и храмъ наполнился куреніями». Святый Исаія пришелъ въ ужасъ и испуганно воскликнулъ:

— Горе мнѣ! Погибъ я! Ибо я человѣкъ съ нечистыми устами и живу среди народа также съ нечистыми устами[1]), и глаза мои видѣли Царя, Господа Саваоѳа[2]).

Тогда къ смятенному Пророку прилетѣлъ одинъ изъ Серафимовъ, державшій въ рукѣ горящій уголь, взятый клещами съ жертвенника, т. е.,—какъ объясняетъ святый Василій Великій,—съ *Небесного Алтаря*. Онъ коснулся устъ Пророка со словами:

— Вотъ, это коснулось устъ твоихъ, и беззаконіе твое удалено отъ тебя, и грѣхъ твой очищенъ.

Тотчасъ же за этимъ Пророкъ услышалъ таинственный гласъ Іеговы, вопрошающій:

— Кого Мнѣ послать? И кто пойдетъ для Насъ?[3])

Ст҃ы́й прⷪ҇ро́къ
И҆са́і҆а

Исполненный священной увѣренности святый Исаія выступилъ съ выраженіемъ желанія принять на себя отвѣтственную и тяжелую обязанность: быть проповѣдникомъ воли Божіей для *жестоковыйнаго* еврейскаго народа:

— Вотъ я, пошли меня,—сказалъ онъ.

Господь не отвергъ предложенія святаго Исаіи и изъявилъ Свое согласіе въ такихъ словахъ:

— Пойди и скажи этому народу: слухомъ услышите—и не

---

1) Господь сказалъ Моисею: «человѣкъ не можетъ увидѣть Меня и остаться въ живыхъ». Кн. Исх., гл. 33, ст. 20.

2) Здѣсь св. Исаія вѣроятно уподобляетъ себя и народъ свой прокаженнымъ, которые, по Закону Моисея (Кн. Лев., гл. 13, ст. 45), должны были закрываться до устъ, предостерегая встрѣчныхъ крикомъ: «нечистъ, нечистъ».

3) Это мѣстоименіе множественнаго числа—Насъ, относящееся къ Единому Богу, тоже есть раскрытіе тайны Св. Троицы. Сравн.: Кн. Быт., гл. 1, ст. 26, гл. 11, ст. 7.

уразумѣете, и очами смотрѣть будете—и не увидите. Ибо огрубѣло сердце народа сего, и ушами съ трудомъ слышатъ, и очи свои сомкнули, да не ѹзрятъ очами, и не уразумѣютъ сердцемъ, и не обратятся, чтобъ Я исцѣлилъ ихъ.

Исаія спросилъ Господа,—долго ли народъ будетъ пребывать въ такомъ нравственномъ огрубѣніи, и получилъ отъ Него въ отвѣтъ страшное откровеніе о грядущихъ бѣдствіяхъ, имѣющихъ поразить Израиля:

— Доколѣ не опустѣютъ города и останутся безъ жителей и домы безъ людей, и доколѣ земля эта совсѣмъ не опустѣетъ[1]).

Видѣніе окончилось, и на святомъ Исаіи почилъ Духъ Божій, открывавшій передъ нимъ таинственное и отдаленное будущее какъ настоящее и укрѣплявшій его въ трудной борьбѣ съ нравственными нестроеніями среди родного народа.

Любящее народъ сердце Пророка не знало его политическаго раздѣленія, и послушный волѣ Божіей онъ не ограничивалъ своего пророческаго служенія предѣлами одного царства. Впрочемъ, когда святый Исаія выступилъ съ пророческою проповѣдью, дни царства Израильскаго были уже сочтены, и Пророку уже ничего не оставалось болѣе какъ предсказать великое *горе*, уже нависшее надъ Самаріею, столицею Сѣвернаго царства:

— Горе (Самаріи), вѣнку гордости пьяныхъ Ефремлянъ, увядшему цвѣтку красиваго убранства его, который на вершинѣ тучной долины сраженныхъ виномъ. Вотъ, крѣпкій и сильный у Господа... съ силою повергаетъ его на землю. Ногами попирается вѣнокъ гордости пьяныхъ Ефремлянъ. И съ увядшимъ цвѣткомъ красиваго убранства его... дѣлается то же, что бываетъ съ созрѣвшею прежде времени смоквою, которую, какъ скоро кто увидитъ, тотчасъ беретъ въ руку и проглатываетъ ее[2]).

Это печальное пророчество вскорѣ исполнилось. Въ 722 году Самарія была взята Саргономъ, царемъ Ассирійскимъ, и царство Израильское навсегда окончило свое существованіе[3]). Такъ Из-

---

1) Кн. Прор. Исаіи, гл. 6, ст. 1—11.

2) Кн. Прор. Исаіи, гл. 28, ст. 1—4.

3) Объ этомъ событіи въ лѣтописяхъ самого Саргона говорится слѣдующее: «Я осадилъ городъ Самарію и взялъ ее. Я увелъ въ плѣнъ 27 280 гражданъ; я выбралъ изъ числа взятыхъ колесницъ 50 колесницъ для себя; все другое богатство народа этого города я предоставилъ взять моимъ слугамъ. Я назначилъ постоянныхъ начальниковъ надъ ними и наложилъ на нихъ ту же самую дань, какая платилась раньше. На мѣсто взятыхъ въ плѣнъ я отправилъ туда жителей завоеванныхъ мною земель и наложилъ на

раильтяне, оставившіе «всѣ заповѣди Господа Бога», были отвергнуты Имъ отъ лица Своего. «Не осталось никого, кромѣ одного колѣна Іудина»[1]).

Съ паденіемъ Самаріи святый Исаія сосредоточилъ свой пророческій взоръ преимущественно на судьбахъ царства Іудейскаго, въ которомъ, съ воцареніемъ Ахаза, особенно усилилось нравственное развращеніе. Послѣ царей Амасіи, Озіи и Іоаѳама къ Ахазу перешло царство Іудейское, возведенное на значительную степень государственнаго могущества, такъ что Аммонитяне и многіе сосѣдніе филистимскіе города являлись данниками Іудеевъ. Вмѣстѣ съ этимъ въ Іудеѣ скопились значительныя богатства, которыя въ рукахъ нечестиваго Ахаза получили примѣненіе, недостойное избраннаго Богомъ народа. Израильтянинъ по происхожденію и язычникъ по душѣ Ахазъ задался цѣлію сдѣлать Іерусалимъ полнымъ подобіемъ столицъ языческихъ государствъ Финикіи и особенно Ассиріи. Онъ ввелъ въ Іерусалимѣ поклоненіе Солнцу, Лунѣ и остальнымъ свѣтиламъ небеснымъ[2]), причемъ не убоялся осквернить даже самый храмъ Іеговы. Въ домѣ Господнемъ былъ поставленъ идолъ Астарты, богини распутства, и здѣсь же при храмѣ находились «домы блудилищные», гдѣ женщины ткали одежды для Астарты[3]); при самомъ входѣ въ храмъ содержались бѣлые кони, посвященные солнечному богу; въ конюшни были обращены нѣкоторыя изъ помѣщеній, предназначавшихся для храненія священныхъ сосудовъ и для пребыванія священниковъ, отправлявшихъ чреду служенія[4]). Самый жертвенникъ всесожженія, поставленный Соломономъ, Ахазъ передвинулъ съ его мѣста предъ святилищемъ къ сѣверной сторонѣ храма и замѣнилъ новымъ, устроеннымъ по ассирійскому образцу[5]). По всѣмъ угламъ Іерусалима были устроены жертвенники, чтобы проходящіе имѣли возможность сожигать на нихъ куренія[6]); при воротахъ Іерусалима и въ другихъ городахъ іудейскихъ находились оставшіяся еще

нихъ дань, которую я требую отъ Ассиріянъ». Ср.: 4 Кн. Царствъ, гл. 17, ст. 6. Изъ соединенія остатковъ израильскаго населенія съ насильственно переселенными сюда Ассирійскимъ царемъ язычниками и образовалась та смѣшанная народность, которая впослѣдствіи носила наименованіе Самарянъ.

1) 4 Кн. Царствъ, гл. 17, ст. 16—18.
2) 4 Кн. Царствъ, гл. 23, ст. 5
3) 4 Кн. Царствъ, гл. 23, ст. 6—7.
4) 4 Кн. Царствъ, гл. 23, ст. 11.
5) 4 Кн. Царствъ, гл. 16, ст. 14—15.
6) 2 Кн. Паралипом., гл. 28. ст. 24.

отъ прежняго времени *высоты* для совершенія жертвъ Іеговѣ[1]); существованіе ихъ съ построеніемъ храма Господня было уже незаконно[2]). Въ честь финикійскаго божества Молоха подъ самыми стѣнами Іерусалима, въ долинѣ Гинномовой, было воздвигнуто новое капище; здѣсь стоялъ большой мѣдный идолъ Молоха. Внутри его была печь, а подъ протянутыми руками жертвенникъ, на который и приносились дѣти. Ахазъ самъ подалъ примѣръ ревностной преданности этому безчеловѣчному идолослуженію: онъ принесъ въ жертву Молоху одного изъ своихъ сыновей[3]).

За это нечестіе, растлѣвавшее царство Іудейское и возбуждавшее праведный гнѣвъ Господа, Іудею вскорѣ постигло наказаніе, служившее предвѣстникомъ болѣе грозныхъ прещеній Божіихъ въ будущемъ. Цари Израильскій Факей и Сирійскій Рецинъ вторглись съ соединенными силами въ Іудейское царство; грабя и опустошая все на дорогѣ, они дошли до самого Іерусалима; къ тому же возстали Едомитяне и Филистимляне, возвращая себѣ независимость. Такъ «унизилъ Господь Іудею за Ахаза, царя Іудейскаго, потому что онъ развратилъ Іудею и тяжко грѣшилъ предъ Господомъ»[4]).

Когда союзные цари Факей и Рецинъ стояли у воротъ Іерусалима, въ послѣднемъ царили ужасъ и смятеніе, какъ въ дубравѣ, колеблемой сильнымъ вѣтромъ[5]). Но милосердый Господь не оставилъ грѣшный народъ Свой: вмѣстѣ съ наказаніемъ Онъ чрезъ Пророка Исаію послалъ ему утѣшеніе и предостереженіе. Встрѣтивъ, по повелѣнію Божію, Ахаза на дорогѣ къ полю Бѣлильничьему у водопроводовъ верхняго пруда, святый Исаія сказалъ ему:

— Наблюдай и будь спокоенъ; не страшись, и да не унываетъ сердце твое... (Рецинъ и Факей—эти концы дымящихся головней) умышляютъ противъ тебя зло, говоря: «Пойдемъ на Іудею и возмутимъ ее, и овладѣемъ ею»... Но Господь Богъ такъ говоритъ: это не состоится и не сбудется.

Видя недовѣріе Ахаза къ его словамъ, святый Исаія сказалъ ему:

— Проси себѣ знаменія у Господа, Бога твоего: проси или въ глубинѣ, или на высотѣ.

---

1) 4 Кн. Царствъ, гл. 15, ст. 4, 35.
2) 3 Кн. Царствъ, гл. 3, ст. 2; Второзак., гл. 12. ст. 13—14.
3) 4 Кн. Царствъ, гл. 16, ст. 3; 2 Паралипом., гл. 28, ст. 3.
4) 2 Кн. Паралипом., гл. 18, ст. 19.
5) Кн. Прор. Исаіи, гл. 7, ст. 2.

На это Ахазъ, скрывая свое невѣріе нежеланіемъ искушать Господа, возразилъ:

— Не буду просить и не буду искушать Господа.

Тогда Пророкъ, укоривъ царя за невѣріе, указываетъ какъ на знаменіе, подтверждающее исполненіе его словъ,—на грядущее чудесное рожденіе Мессіи-Христа отъ Дѣвы; предсказавъ скорое удаленіе Рецина и Факея, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ предсказываетъ болѣе ужасное будущее нашествіе Ассирійцевъ:

— Слушайте же, домъ Давидовъ!.. Самъ Господь даетъ вамъ знаменіе: се, Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ Сына, и нарекутъ Ему имя: Еммануилъ [1]). Онъ будетъ питаться молокомъ и медомъ, доколѣ не будетъ разумѣть отвергать худое и избирать доброе; земля та, которой ты страшишься, будетъ оставлена обоими царями ея. Но наведетъ Господь на тебя и на народы твои, и на домъ отца твоего дни, какіе не приходили со времени отпаденія Ефрема отъ Іуды, наведетъ царя Ассирійскаго [2]).

Но невѣрующій Ахазъ надеждѣ на Бога предпочелъ надежду на царя Ассирійскаго, отъ котораго предостерегалъ его Пророкъ. Ища защиты противъ вступившихъ въ Іудею царей, Ахазъ заключилъ союзъ съ Ѳеглаѳфелассаромъ II, царемъ Ассирійскимъ и при этомъ отдалъ ему всѣ сокровища не только изъ своего царскаго дома, но и изъ храма; онъ самъ отправился къ Ѳеглаѳфелассару въ Дамаскъ на поклонъ и здѣсь получилъ чертежъ уже помянутаго Ассирійскаго жертвенника. Въ награду за это подчиненіе царь Ассирійскій разоряетъ Сирію и часть Палестины, составлявшую Израильское царство. Ахазъ же, ограбивъ храмъ, затворилъ его великія двери; угасли свѣтильники храма; куреніе болѣе не возносилось, и Святое мѣсто было оставлено въ полномъ пренебреженіи. Истинное поклоненіе Іеговѣ, замѣняемое все разроставшимся омерзительнымъ идолопоклонствомъ, было почти забыто [3]).

Со смертью Ахаза на престолъ вступилъ [4]) его двадцатилѣтній сынъ Езекія, бывшій однимъ изъ лучшихъ царей избраннаго на-

---

[1]) *Св. Ев. Матѳей* въ рожденіи Господа Іисуса Христа отъ Пресвятой Дѣвы Маріи видитъ исполненіе этого пророчества святаго Исаіи: «Все сіе произошло, да сбудется реченное Господомъ чрезъ пророка, который говоритъ: се, Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему: Еммануилъ, что значитъ: съ нами Богъ (Еванг. отъ Матѳ., гл. 1, ст. 22—23).

[2]) Кн. Прор. Исаіи, гл. 7, ст. 1—17.

[3]) 4 Кн. Царствъ, гл. 16, ст. 5—10. 2 Кн. Паралипом., гл. 28, ст. 5—25.

[4]) Въ 728 году.

рода. Отъ отца Езекіи досталось печальное наслѣдіе. Іудейское царство, платившее унизительную и разорительную подать Ассиріи, расшатывалось къ тому же подтачивавшими его внутренній строй пороками. Среди высшихъ классовъ населенія, сосредоточившихъ въ своихъ рукахъ судъ, царила неправда, и насиліе надъ бѣднымъ было обычнымъ явленіемъ со стороны судей-сребролюбцевъ[1]); священники—учители народа страдали тѣми же пороками[2]), и голосъ истинныхъ пророковъ заглушали ложные пророки-корыстолюбцы[3]). Весь вообще народъ, погрязшій въ развратѣ[4]) и далекій отъ Господа сердцемъ, въ лучшемъ случаѣ исполнялъ лишь обрядовую часть Закона[5]), не слѣдуя предписаніямъ его въ жизни. Поэтому Господь черезъ Пророка Исаію обращался съ такимъ трогательнымъ и грознымъ увѣщаніемъ къ Своему народу, призывая его къ исправленію:

— Я,—говоритъ Господь,—воспиталъ и возвысилъ сыновей, а они возмутились противъ Меня. Волъ знаетъ владѣтеля своего и оселъ ясли господина своего; а Израилъ не знаетъ Меня, народъ Мой не разумѣетъ. Увы, народъ грѣшный, народъ, обремененный беззаконіями, племя злодѣевъ, сыны погибельные! Оставили Господа (Іегову), презрѣли Святаго Израилева—повернулись назадъ. Во что васъ бить еще, продолжающіе упорство? Вся голова въ язвахъ, и все сердце исчахло. Отъ подошвы ноги до темени нѣтъ у него здороваго мѣста: язвы, пятны, гноящіяся раны, неочищенныя и необвязанныя и не смягченныя елеемъ... Слушайте Слово Господне, князья Содомскіе; внимай Закону Бога нашего, народъ Гоморрскій. Къ чему Мнѣ множество жертвъ вашихъ?.. Я пресыщенъ всесожженіемъ овновъ и тукомъ откормленнаго скота; и крови тельцовъ, и агнцевъ, и козловъ не хочу. Когда вы приходите являться предъ лице Мое,—кто требуетъ отъ васъ, чтобы вы топтали дворы мои! Не носите больше даровъ тщетныхъ: куреніе отвратительно для Меня; новомѣсячій и субботъ, праздничныхъ собраній не могу терпѣть: беззаконіе и празднованіе. Новомѣсячія ваши и праздники ваши ненавидитъ душа Моя: они—бремя для Меня; Мнѣ тяжело нести ихъ. И когда вы

---

1) Кн. Прор. Михея, гл. 3, ст. 9—11. Кн. Прор. Исаіи, гл. 1, ст. 17, 23; гл. 3, ст. 14—15.
2) Кн. Прор. Михея, гл. 3, ст. 11.
3) Кн. Прор. Исаіи, гл. 30, ст. 20—21. Кн. Прор. Осіи, гл. 9, ст. 8—9.
4) Кн. Прор. Исаіи, гл. 1, ст. 21.
5) Въ концѣ царствованія Ахаза, какъ уже видѣли, и храмъ былъ закрытъ.

простираете руки ваши, Я закрываю отъ васъ очи Мои; и когда вы умножаете моленія ваши, Я не слышу; ваши руки полны крови[1]). Сребро твое стало изгарью; вино твое испорчено водою. Князья твои — законопреступники и сообщники воровъ; всѣ они любятъ подарки и гоняются за мздою: не защищаютъ сироты и дѣло вдовы не доходитъ до нихъ[2]). Омойтесь, очиститесь, удалите злыя дѣянія ваши отъ очей Моихъ; перестаньте дѣлать зло; научитесь дѣлать добро, ищите правды, спасайте угнетеннаго, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите и разсудимъ... Если будутъ грѣхи ваши какъ багряное,—какъ снѣгъ убѣлю. Если будутъ красны какъ пурпуръ,—какъ волну убѣлю[3]).

Царь Езекія, потомокъ по матери Пророка Захаріи, былъ полною противоположностью своего отца, человѣка нечестиваго и склоннаго ко всему ассирійскому: Езекія былъ преданъ національнымъ нравамъ и обычаямъ и, горя любовью къ истинной вѣрѣ, цѣлью своей жизни поставилъ возстановленіе почитанія Іеговы и очищеніе земли, оскверненной язычествомъ. Нелегка была эта дѣятельность среди народа, въ большинствѣ отличавшагося языческими наклонностями. Здѣсь на помощь благочестивому царю пришли уважаемые имъ пророки, и во главѣ ихъ— святый Исаія. Онъ собралъ вокругъ себя множество учениковъ, которые, будучи просвѣщены своимъ учителемъ, въ свою очередь сами выступали просвѣтителями народа. Такъ пророческая школа, созданная святымъ Исаіею, оказывала могучую поддержку царю Езекіи въ религіозно-нравственномъ возрожденіи народа.—Первымъ дѣломъ Езекіи было очищеніе храма отъ языческихъ мерзостей и возстановленіе въ немъ Богослуженія[4]); вмѣстѣ съ тѣмъ уничтоженіемъ «высотъ» Езекія положилъ конецъ совершенію частныхъ богослуженій. Стремясь къ искорененію идолопоклонства, онъ не пощадилъ даже національнаго священнаго сокровища: по его приказанію былъ истребленъ обоготворяемый многими Іудеями мѣдный змѣй, сдѣланный почти 800 лѣтъ назадъ Моисеемъ[5]) и стоявшій посреди Іерусалима[6]). Затѣмъ, уже послѣ паденія Израильскаго царства, которому Езекія, опасаясь за свое собственное,

---

1) Кн. Прор. Исаіи, гл. 1, ст. 2—15.
2) Кн. Прор. Исаіи, гл. 1, ст. 22—23.
3) Кн. Прор. Исаіи, гл. 1, ст. 16—18.
4) 2 Кн. Паралипом., гл. 29, ст. 3—36.
5) Кн. Числ., гл. 21, ст. 9.
6) 4 Кн. Царствъ, гл. 18, ст. 4.

не могъ оказать помощи, была въ Іерусалимѣ въ присутствіи множества Іудеевъ[1]) торжественно отпразднована Пасха, ранѣе, вѣроятно, совершавшаяся частно, по семействамъ[2]).

Между тѣмъ умеръ завоеватель Самаріи Саргонъ, и на престолъ вступилъ младшій сынъ его Сеннахиримъ. Смерть Саргона положила начало возстанію, широкой волной разлившемуся среди томившихся подъ тяжелымъ игомъ Ассиріянъ народностей, населявшихъ громадное пространство, охватывавшее всю Западную Азію и отсюда идущее далѣе до береговъ Нила. Во главѣ возставшихъ находились Египетскій фараонъ Сети и Тиргакъ, царь Еѳіопскій. Къ возмутившимся народностямъ примкнулъ и царь Езекія. Съ громадными полчищами Сеннахиримъ двинулся на усмиреніе возставшихъ. Поставя конечною цѣлью своего похода Египетъ, онъ сначала съ сѣвера вступилъ въ Палестину. Снова подчинивъ здѣсь власти Ассиріянъ нѣкоторыя возмутившіяся народности, Сеннахиримъ двинулъ часть своихъ войскъ къ Іерусалиму. Послѣ взятія приступомъ и ограбленія 46 укрѣпленныхъ городовъ Іудеи, отрядъ Сеннахирима скоро осадилъ и столицу ея—Іерусалимъ; самъ же Сеннахиримъ окружилъ Лахисъ, тоже городъ Іудейскаго царства на границѣ съ Египтомъ. Ужасъ охватилъ жителей осажденнаго Іерусалима, къ которымъ святый Исаія не преминулъ обратиться со словомъ ободренія, предсказывая, что Ассиріянъ ждетъ наказаніе Божіе и именно въ земле избраннаго народа[3]). Но слово Пророка не вливало мужества въ смятенныя страхомъ души. Осада города затягивалась, такъ какъ Езекія не желалъ сдавать Іерусалима и усиленно укрѣплялъ его; къ довершенію бѣдствія появился голодъ, и нѣкоторые въ отчаяніи стали предаваться распутству, что вызвало со стороны святаго Исаіи грозное обличеніе[4]). Наконецъ, видя безполезность сопротивленія Ассиріянамъ, Езекія рѣшилъ сдаться: онъ отправилъ въ Лахисъ къ Сеннахириму пословъ съ изъявленіемъ покорности. Сеннахиримъ снялъ осаду съ Іерусалима, наложивъ на Іудейское царство дань въ бо́льшемъ, противъ прежняго, размѣрѣ, такъ что для уплаты ея пришлось снять золото, еще остававшееся отъ прежнихъ

---

1) Хотя Езекія и приглашалъ оставшихся отъ переселенія Саргономъ Израильтянъ на торжество, но послѣдніе съ презрѣніемъ отвергли это приглашеніе (2 Кн. Паралипом., гл. 30, ст. 5—10).

2) 2 Кн. Паралипом., гл. 30.

3) Кн. Прор. Исаіи, гл. 24, ст. 24—25.

4) Кн. Прор. Исаіи, гл. 22, ст. 1—2; 12—14.

разграбленій храма на воротахъ и косякахъ дверей, ведущихъ во святилище. Но вотъ Сеннахиримъ услышалъ, что противъ него выступилъ, было пораженный имъ, Египетскій фараонъ Сети съ Тиргакомъ, царемъ Ефіопскимъ, двинувшимъ свои войска съ береговъ Верхняго Нила. При такихъ обстоятельствахъ Сеннахириму подчиненіе Езекіи показалось не болѣе какъ вѣроломнымъ желаніемъ выгадать время, пока придутъ на помощь союзные цари. Поэтому Сеннахиримъ, не обращая вниманія на только что заключенный съ Езекіей договоръ, вновь отправилъ къ Іерусалиму отрядъ съ тремя военачальниками, среди коихъ находился и Рапсакъ, начальникъ штаба. Отрядъ нашелъ ворота Іерусалима запертыми и стѣны его готовыми къ оборонѣ. Начальники Ассирійскаго войска вступили въ переговоры съ представителями царя Езекіи, убѣждая Іерусалимъ къ добровольной сдачѣ; въ силу необходимости переговоры велись чрезъ стѣны города въ присутствіи множества народа. Они окончились слѣдующей богохульной рѣчью Рапсака, обращенной ко всѣмъ осажденнымъ:

— Слушайте слова... великаго царя Ассирійскаго. Такъ говоритъ царь: пусть не обольщаетъ васъ Езекія... и не обнадеживаетъ васъ... Господомъ, говоря: спасетъ насъ Господь, и не будетъ городъ сей отданъ въ руки царя Ассирійскаго. Не слушайте Езекіи, ибо такъ говоритъ царь Ассирійскій: примиритесь со мною и выйдите ко мнѣ, и пусть каждый ѣстъ плоды виноградной лозы своей, и смоковницы своей, и пусть каждый пьетъ воду изъ своего колодезя, пока я не прійду и не возьму васъ въ землю такую же, какъ и ваша земля, въ землю хлѣба и вина, въ землю плодовъ и виноградниковъ, въ землю масличныхъ деревъ и меда, и будете жить, и не умрете. Не слушайте же Езекіи, который обольщаетъ васъ, говоря: Господь спасетъ васъ. Спасли ли боги народовъ каждый свою землю отъ руки царя Ассирійскаго? Гдѣ боги Емаѳа и Арпада? Гдѣ боги Сепарваима, Ены и Иввы? Спасли ли они Самарію отъ руки моей? Кто изъ всѣхъ боговъ земель сихъ спасъ землю свою отъ руки моей? Такъ неужели Господь спасетъ Іерусалимъ отъ руки моей? [1])

Когда эту рѣчь передали Езекіи, то онъ въ знакъ великой скорби разодралъ одежды свои и, облекшись во вретище, отправился въ храмъ; къ Пророку же Исаіи онъ послалъ Еліакима и

[1]) 4 Кн. Царствъ, гл. 18, ст. 28—35.

Севну, придворныхъ чиновъ, вмѣстѣ со старѣйшими священниками; одѣтые по примѣру царя во вретище посланцы Езекіи сказали святому Исаіи:

— День скорби и наказанія, и посрамленія день сей... Можетъ быть, услышитъ Господь, Богъ твой, всѣ слова Рапсака, котораго послалъ царь Ассирійскій.... хулить Бога Живаго и поносить словами, какія слышалъ Господь, Богъ твой. Принеси же молитву объ оставшихся, которые находятся еще въ живыхъ[1]).

На эти слова, дышавшія нѣкоторой неувѣренностью, Пророкъ Божій далъ отвѣтъ, полный твердой вѣры въ помощь Господа:

— Такъ скажите господину вашему: Такъ говоритъ Господь: не бойся словъ, которыя ты слышалъ, которыми поносили Меня слуги царя Ассирійскаго. Вотъ, Я пошлю въ него духъ, и онъ услышитъ вѣсть и возвратится въ землю свою, и Я поражу его мечомъ въ землѣ его»[2]).

Обнадеженный Пророкомъ Езекія отвѣтилъ посламъ Ассирійскаго царя отказомъ сдать городъ, хотя вслѣдъ за этимъ отправилъ къ Сеннахириму посольство со своей стороны, желая спасти свою страну отъ нашествія Ассирійцевъ увѣреніемъ въ отсутствіи измѣнническихъ замысловъ. Посланцы Езекіи застали Сеннахирима уже въ самомъ Лахисѣ и не имѣли успѣха; Сеннахиримъ ихъ даже не выслушалъ. Чтобы обезопасить своимъ войскамъ тылъ, онъ рѣшилъ взять Іерусалимъ. Не желая тратить времени на осаду города, онъ попытался сначала склонить Езекію къ сдачѣ города безъ боя; поэтому Сеннахиримъ отправилъ къ Езекіи вторичное посольство съ письмомъ, въ которомъ, уповая на свое могущество, убѣждалъ его оставить надежду на спасеніе города Іеговою. Получивъ свитокъ, Езекія отправился въ храмъ Божій, развернулъ его предъ лицемъ Господа и обратился къ Нему съ такою проникновенною молитвою:

— Господи Боже Израилевъ, сидящій на Херувимахъ! Ты одинъ Богъ всѣхъ царствъ земли. Ты сотворилъ Небо и землю. Приклони, Господи, ухо Твое и услышь (меня); открой, Господи, очи Твои и воззри, и услышь слова Сеннахирима, который послалъ поносить Тебя, Бога Живаго. Правда, о, Господи! цари Ассирійскіе разорили народы и земли ихъ, и побросали боговъ

---

1) 4 Кн. Царствъ, гл. 19, ст. 3—4.

2) 4 Кн. Царствъ, гл. 19, ст. 6—7. Сеннахиримъ дѣйствительно черезъ нѣсколько лѣтъ скончался въ Ассиріи, умерщвленный своими же сыновьями. 4 Кн. Царствъ, гл. 19, ст. 37.

ихъ въ огонь. Но это не боги, а издѣлія рукъ человѣческихъ, дерево и камень—потому и истребили ихъ. И нынѣ, Господи, Боже нашъ, спаси насъ отъ руки его, и узнаютъ всѣ царства земли, что Ты, Господи, Богъ одинъ[1]).

Къ молитвѣ Езекіи присоединилъ свою молитву и святый Пророкъ Исаія[2]). И молитва ихъ была услышана. Господь чрезъ Пророка Исаію обратился къ Езекіи съ такимъ укрѣпляющимъ душу словомъ:

— Такъ говоритъ Господь, Богъ Израилевъ: то, о чемъ ты молился Мнѣ противъ Сеннахирима, царя Ассирійскаго, Я услышалъ. Вотъ слово, которое Господь изрекъ о немъ: презритъ тебя, посмѣется надъ тобою дѣвствующая дочь Сіона, вслѣдъ тебя покачаетъ головою дочь Іерусалима. Кого ты порицалъ и поносилъ? И на Кого ты возвысилъ голосъ, и поднялъ такъ высоко глаза твои? На Святаго Изралева... За твою дерзость противъ Меня и за то, что надменіе твое дошло до ушей Моихъ, Я вложу кольцо въ ноздри твои... и возвращу тебя назадъ тою же дорогою, которою ты пришелъ. И вотъ тебѣ, Езекія, знаменіе: ѣшьте въ этотъ годъ выросшее отъ упавшаго зерна, и на другой годъ—самородное; а на третій годъ сѣйте и жните, и садите виноградные сады, и ѣшьте плоды ихъ. И уцѣлѣвшее въ домѣ Іудиномъ оставшееся пуститъ опять корень внизу, и принесетъ плодъ вверху[3]). Ибо изъ Іерусалима произойдетъ остатокъ, и спасенное отъ горы Сіона[4]). Посему такъ говоритъ Господь о царѣ Ассирійскомъ: не войдетъ онъ въ этотъ городъ и не броситъ туда стрѣлы, и не приступитъ къ нему со щитомъ, и не насыплетъ противъ него вала... Я буду охранять городъ сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего[5]).

---

[1]) 4 Кн. Царствъ, гл. **19**, ст. 15—19.

[2]) 2 Кн. Паралипом., гл. **32**, ст. 20.

[3]) Всѣ жатвы Іудеи были сияты или потоптаны ассирійскими войсками; поэтому Іудеѣ грозилъ, по-видимому, неизбѣжный голодъ. Но Господь,—говоритъ Пророкъ,—не допуститъ до этого: упавшія на землю зерна принесутъ плодъ, достаточный для пропитанія не только въ годъ удаленія Ассиріанъ, но и на слѣдующій. Такъ «уцѣлѣвшій остатокъ (хлѣбныхъ злаковъ) пуститъ опять корень внизу и принесетъ плодъ вверху».

[4]) Здѣсь подъ *остаткомъ* разумѣется постоянно находившійся среди невѣрнаго іудейскаго народа *остатокъ* вѣрныхъ Истинному Богу (Кн. Прор. Исаіи, гл. **1**, ст. 9; гл. **10**, ст. 22; Кн. Прор. Іезек., гл. **6**, ст. 8. Римл. гл. **8**, ст. 29), изъ котораго произошли ветхозавѣтные праведники, къ которому принадлежали Христовы Апостолы и изъ котораго выросла Церковь—спасеніе міру.

[5]) 4 Кн. Царствъ, гл. **19**, ст. 21—22; 28—34.

И Господь не замедлилъ чудеснымъ образомъ явить Свое могущество надъ Ассирійскимъ царемъ и Свое благоволеніе Іудеѣ. Съ солнечнымъ разсвѣтомъ, разсѣявшимъ ночную мглу, разсѣялись страхъ и тревога, нависшіе надъ Іерусалимомъ: въ ту же самую ночь «пошелъ Ангелъ Господень и поразилъ въ станѣ ассирійскомъ сто восемьдесятъ пять тысячъ; и встали поутру, и вотъ, все тѣла мертвыя»[1]), и царь Ассирійскій «возвратился со стыдомъ въ землю свою»[2]). Жителямъ же Іерусалима досталась громадная добыча, наполнявшая лишившійся защитниковъ ассирійскій станъ[3]).

Наслаждаясь покоемъ, Езекія занялся мирнымъ благоустройствомъ своего государства, которое постепенно пріобрѣло уваженіе окружающихъ народовъ[4]). Но эти мирные и счастливые дни смѣнила новая тревога: царь Езекія заболѣлъ смертельно. Къ его одру явился Пророкъ Исаія и передалъ печальное слово Господне, чтобы Езекія сдѣлалъ завѣщаніе относительно своего дома, такъ какъ его ожидаетъ скорая смерть. Жившій во времена ветхозавѣтныя, когда во мракѣ загробномъ едва брезжился отблескъ Грядущаго Искупителя, Побѣдителя ада и смерти, лишенный къ тому же наслѣдника, которому бы могъ передать царство, и не насыщенный еще жизнью, Езекія въ отчаяніи повернулся къ стѣнѣ отъ солнечнаго свѣта и горько заплакалъ: «О! Господи,—воскликнулъ онъ,—вспомни, что я ходилъ предъ лицемъ Твоимъ вѣрно и съ преданнымъ тебѣ сердцемъ, и дѣлалъ угодное въ очахъ Твоихъ»[5]).

Пророкъ Исаія, оставившій больного царя, «еще не вышелъ изъ города, какъ было къ нему слово» Господа, услышавшаго молитву вѣрнаго раба Своего:

— Возвратись и скажи Езекіи, владыкѣ народа Моего: такъ говоритъ Господь —Богъ Давида, отца твоего: Я услышалъ молитву твою, увидѣлъ слезы твои. Вотъ, Я исцѣлю тебя; въ третій день пойдешь въ домъ Господень: и прибавлю ко днямъ Твоимъ пятнадцать лѣтъ, и отъ руки царя Ассирійскаго спасу тебя

---

1) 4 Кн. Царствъ, гл. 19, ст. 35.

2) 2 Кн. Паралипом., гл. 32, ст. 21.

3) Восторженная радость и благодарность избраннаго народа къ Богу Избавителю нашла свое выраженіе, какъ предполагаютъ нѣкоторые толкователи, въ Псалмахъ 45, 46 и 75.

4) 2 Кн. Паралипом., гл. 19, ст. 22—23.

5) 4 Кн. Царствъ, гл. 20, ст. 3.

и городъ сей, и защищу городъ сей ради Себя и ради Давида, раба Моего[1]).

Для исцѣленія болѣзни Езекіи Пророкъ Исаія велѣлъ употребить и доселѣ самое обычное на Востокѣ лекарство, именно пластъ смоквъ: его, по приказанію Пророка, приложили къ нарыву[2]), появившемуся на тѣлѣ царя. Для ободренія царя и по его просьбѣ Господь далъ ему чудесное знаменіе, уничтожающее всякое сомнѣніе въ томъ, что выздоровѣвшій Езекія будетъ «ходить въ домъ Господень». Пророкъ Исаія сказалъ царю:

— Вотъ тебѣ знаменіе отъ Господа, что исполнитъ Господь слово, которое Онъ изрекъ: впередъ ли пройти тѣни на десять ступеней или воротиться на десять ступеней?

Езекія отвѣтилъ:

— Легко тѣни подвинуться впередъ на десять ступеней; нѣтъ, пусть воротится тѣнь назадъ на десять ступеней.

И воззвалъ Исаія Пророкъ ко Господу, и возвратилъ тѣнь назадъ на ступеняхъ, гдѣ она спускалась по ступенямъ Ахазовымъ на десять ступеней[3]).

Въ книгѣ Пророка Исаіи записана молитва, какую произнесъ Езекія, получивъ радостную вѣсть о своемъ выздоровленіи. Молитва эта въ такихъ трогательныхъ словахъ изображаетъ настроеніе души царя въ преддверіи смерти и по избавленіи отъ нея:

«Я сказалъ въ себѣ: въ преполовеніе дней моихъ долженъ я идти во врата преисподней; я лишенъ остатка лѣтъ моихъ. Я говорилъ: не увижу я Господа, Господа на землѣ живыхъ; не увижу больше человѣка между живущими въ мірѣ. Жилище мое снимается съ мѣста и уносится отъ меня, какъ шалашъ пастушескій; я долженъ отрѣзать подобно ткачу жизнь мою: Онъ (т. е. Богъ) отрѣжетъ меня отъ основы; день и ночь я ждалъ, что ты пошлешь

---

[1]) 4 Кн. Царствъ, гл. **20**, ст. 5—6.

[2]) Въ еврейскомъ текстѣ болѣзнь Езекіи носитъ названіе *шехинъ*; предполагаютъ, что это былъ чумный нарывъ.

[3]) 4 Кн. Царствъ, гл. **20**, ст. 8—11. Здѣсь разумѣются устроенныя Ахазомъ по вавилонскому образцу солнечные часы; они могли представлять собою или высокое зданіе съ восходящими ступенями, или горизонтальный кругъ съ расположенными на немъ въ извѣстномъ порядкѣ чертами; солнечная тѣнь, падая на эти часы, постепенно передвигалась по ступенямъ или чертамъ, что, собственно и служило показателемъ времени. Примѣчательно, что по астрономическимъ вычисленіямъ 26 сентября 703 года, годъ падающій на время болѣзни Езекіи, было частное солнечное затмѣніе, видимое въ Іерусалимѣ; оно и могло быть причиною того чудеснаго явленія (возвращенія солнечной тѣни на десять ступеней назадъ), о которомъ сообщаетъ Библія.

мнѣ кончину. Я ждалъ до утра; подобно льву, Онъ сокрушалъ всѣ кости мои; день и ночь я ждалъ, что Ты пошлешь мнѣ кончину. Какъ журавль, какъ ласточка, издавалъ я звуки, тосковалъ, какъ голубь; уныло смотрѣли глаза мои къ Небу: Господи! тѣсно мнѣ: спаси меня. Что скажу я? Онъ сказалъ мнѣ,—Онъ и сдѣлалъ. Тихо буду проводить всѣ годы жизни моей, помня горесть души моей... Вотъ, во благо мнѣ была сильная горесть, и Ты избавилъ душу мою отъ рва погибели (т. е. отъ могилы), бросилъ всѣ грѣхи мои за хребетъ Свой[1])».

Слухъ о чудесномъ выздоровленіи царя Езекіи, быстро распространяясь, достигъ даже такой отдаленной страны, какъ Вавилонія. Царь ея Меродахъ Баладанъ, еще сохранившій независимость государства подъ могучимъ напоромъ Ассиріянъ, пользуясь случаемъ, отправилъ къ Езекіи посольство подъ видомъ того, чтобы поздравить его съ выздоровленіемъ и подробнѣе разузнать о сопровождавшемъ его чудесномъ знаменіи. Дѣйствительною же цѣлію посольства было заключеніе съ Езекіею наступательнаго и оборонительнаго союза; посольство везло къ Езекіи письмо и подарки отъ Вавилонскаго царя. Езекія обрадовался посольству, идущему отъ царя обширнаго государства, и показалъ ему всѣ свои сокровища. Посольство это было испытаніемъ Езекіи отъ Бога, «дабы открыть все, что у него на сердцѣ». И благочестивый царь не выдержалъ испытанія: еще такъ недавно видѣвшій надъ собою проявленіе милосердія Божія, соединеннаго съ чудеснымъ знаменіемъ, Езекія, увлекшись тщеславіемъ, при которомъ не было мѣста мысли о славѣ Господа, переноситъ свое упованіе съ Бога на людей и на себя самого. Но самое открытіе Езекіею посламъ Вавилонскаго государя всѣхъ тайнъ своего государства было обнаруженіемъ слабости человѣческаго разума въ познаніи неисповѣдимыхъ судебъ Божіихъ, по которымъ Іудея и должна была пасть именно отъ нашествія вавилонскаго повелителя. Съ такимъ печальнымъ откровеніемъ, бывшимъ наказаніемъ Езекіи за самонадѣянность, и явился Пророкъ Исаія къ царю Іудейскому по удаленіи пословъ. Узнавъ отъ самого Езекіи, что послы приходили «изъ земли далекой изъ Вавилона» и что «не оставалось ни одной вещи, которой не показалъ бы имъ царь во всемъ владѣніи своемъ», Исаія сказалъ царю Іудейскому:

---

[1]) Т. е. простилъ, забылъ ихъ. Кн. Прор. Исаіи, гл. 38, ст. 11—15. 17.

— Выслушай слово Господне: вотъ, придутъ дни, и взято будетъ все, что въ домѣ твоемъ, и что собрали отцы твои до сего дня, въ Вавилонъ; ничего не останется. Изъ сыновъ твоихъ, которые произойдутъ отъ тебя, которыхъ ты родишь, возьмутъ, и будутъ они евнухами во дворцѣ царя Вавилонскаго.

— Благо слово Господне, которое ты изрекъ,—со смиреніемъ отвѣчалъ раскаявшійся Езекія, молясь въ то же время, чтобы миръ и благосостояніе сопровождали хотя бы только дни его[1]).

Господь не отринулъ молитвы погрѣшившаго царя: въ мирѣ «почилъ Езекія съ отцами своими»[2]) и былъ похороненъ со всевозможными почестями, при стеченіи множества іудеевъ, надъ гробницами сыновъ Давидовыхъ въ Іерусалимѣ[3]).

Вскорѣ окончилъ дни свои и великій Пророкъ святый Исаія: по преданію іудейскому, принимаемому Тертулліаномъ, Лактанціемъ и блаженнымъ Іеронимомъ, святый Исаія скончался мученически, перепиленный пилою[4]) при преемникѣ Езекіи Манассіи.

Если, какъ говоритъ святый Кириллъ Іерусалимскій, «ни одному изъ пророковъ не былъ Христосъ невѣдомъ», то о Пророкѣ Исаіи это дòлжно сказать въ особенности. Книга его содержитъ предсказанія о Христѣ-Спасителѣ столь полныя и ясныя, что по справедливости устами отцевъ Церкви святому Исаіи усвоено наименованіе «Ветхозавѣтнаго Евангелиста».

У этого великаго ветхозавѣтнаго Пророка находимъ подробно начертанный образъ Грядущаго Мессіи.

Предваренный пришествіемъ Предтечи (гл. **40**, ст. 3) Мессія, происходя по человѣчеству отъ рода Іессеева (гл. **11**, ст. 1), родится отъ безмужней Дѣвы (гл. **7**, ст. 14) и будетъ преисполненъ Даровъ Святаго Духа (гл. **11**, ст. 2) и носить имена, съ несомнѣнностью указующія на Его Божеское достоинство (гл. **9**, ст. 6). Смиренный и кроткій Рабъ Божій, возлюбленный Господомъ и призванный Имъ для возвѣщенія народамъ истины, Мессія «трости надломленной не переломитъ и льна курящагося не угаситъ», проявляя въ то же время великую силу въ водвореніи на землѣ своего царства (гл. **9**, ст. 1—4), которое явится царствомъ прав-

---

1) 4 Кн. Царствъ, гл. **20**, ст. 13—19; 2 Кн. Паралипом., гл. **32**, ст. 31; Кн. Прор. Исаіи, гл. **39**.

2) 4 Кн. Царствъ, гл. **20**, ст. 21.

3) 2 Кн. Паралипом., гл. **32**, ст. 33. Езекія умеръ, по указанію наиболѣе заслуживающихъ довѣрія источниковъ, въ 699 году.

4) Вѣроятно, на мученическую кончину святаго Исаіи указываетъ 39 ст. **11**-ой главы Посланія св. Апостола Павла къ Евреямъ.

ды, и мира, и боговѣдѣнія,—«тогда волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ; и теленокъ, и молодой левъ, и волъ будутъ жить вмѣстѣ, и малое дитя будетъ водить ихъ, и корова будетъ пастись съ медвѣдицею, и дѣтеныши ихъ будутъ лежать вмѣстѣ, и малое дитя будетъ водить ихъ, и левъ, какъ волъ, будетъ ѣсть солому, и младенецъ будетъ играть надъ норою аспида, и дитя протянетъ руку свою въ гнѣздо змѣи. Не будутъ дѣлать зла и вреда на всей святой горѣ Моей, ибо земля будетъ исполнена вѣдѣніемъ Господа, какъ воды наполняютъ море» (гл. **11**, ст. 6—9). Но наступленью этого царства должны предшествовать уничиженіе, страданія и, наконецъ, смерть Мессіи за грѣхи людей: «Господи,—восклицаетъ Пророкъ, точно стоя у креста Распятаго Спасителя,—кто повѣрилъ слышанному отъ насъ (т. е. проповѣди о воплотившемся Сынѣ Божіемъ) и кому открылась мышца Господня? Ибо Онъ взошелъ предъ Нимъ, какъ отпрыскъ и какъ ростокъ изъ сухой земли; нѣтъ въ Немъ ни вида, ни величія; и мы видѣли Его, и не было въ Немъ вида, который привлекалъ бы насъ къ Нему. Онъ былъ презрѣнъ и умаленъ предъ людьми, мужъ скорбей и извѣдавшій болѣзни, и мы отвращали отъ Него лице свое; Онъ былъ презираемъ, и мы ни во что ставили Его». Тогда какъ «Онъ взялъ на себя наши немощи и понесъ наши болѣзни, а мы думали, что Онъ былъ поражаемъ, наказуемъ и уничиженъ Богомъ. Но Онъ былъ изъязвленъ за грѣхи наши и мучимъ за беззаконія наши; наказаніе мира нашего было на Немъ, и ранами Его мы исцѣлились; всѣ мы блуждали, какъ овцы, совратились каждый на свою дорогу, и Господь возложилъ на Него грѣхи всѣхъ насъ. Онъ истязуемъ былъ, но страдалъ добровольно и не открывалъ устъ Своихъ; какъ овца веденъ Онъ былъ на закланіе, и какъ агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, такъ Онъ не отверзалъ устъ Своихъ. Отъ узъ и суда Онъ былъ взятъ, но родъ Его кто изъяснитъ? Ибо Онъ отторгнутъ отъ земли живыхъ; за преступленіе народа своего претерпѣлъ казнь. Ему назначили гробъ со злодѣями, но Онъ погребенъ у богатаго, потому что не сдѣлалъ грѣха и не было лжи въ устахъ Его». Рядомъ съ этимъ величественнымъ въ своемъ неизмѣримомъ смиреніи образомъ страждущаго Мессіи Пророкъ изображаетъ прославленнаго за Его страданія Мессію Основателя Церкви: «Господу угодно было поразить Его, и Онъ предалъ Его мученію; когда же душа Его принесетъ жертву умило-

стивленія, Онъ узритъ потомство долговѣчное, и воля Господня благоуспѣшно будетъ исполняться рукою Его; на подвигъ души Своей Онъ будетъ смотрѣть съ довольствомъ; чрезъ познаніе его Онъ, Праведникъ, Рабъ Мой, оправдаетъ многихъ и грѣхи ихъ на Себѣ понесетъ. Посему Я дамъ Ему часть между великими, и съ сильными будетъ имѣть добычу за то, что предалъ душу Свою на смерть и къ злодѣямъ причтенъ былъ, тогда какъ Онъ понесъ на Себѣ грѣхъ многихъ и за преступниковъ сдѣлался Ходатаемъ» (гл. **53**, ст. 1—12).

Кондакъ, гласъ в҃:

Пророчества дарованіе пріемъ, пророкомѡнче, Ісаіе бгопроповѣдниче, всѣмъ ѩзснилъ еси вочловѣченіе гдне, возгласивъ велегласно концемъ: се два во чревѣ пріиметъ.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ХРИСТОФОРА

О семъ преславномъ мученикѣ[1]) разсказываютъ нѣчто странное и необыкновенное, будто онъ имѣлъ песью голову и происходилъ изъ страны людоѣдовъ[2]). Когда однимъ комитомъ[3]) онъ взятъ былъ на войнѣ въ плѣнъ, то не обладалъ даромъ человѣческой рѣчи. Онъ помолился Богу, и Господь послалъ къ нему Ангела, который сказалъ ему: «мужайся, Репревъ!»—таково было его первое имя,—а потомъ прикоснулся къ его устамъ и сооб-

[1]) Память святаго Христофора весьма чтится какъ на Востокѣ, такъ еще больше на Западѣ, особенно въ Испаніи. На Западѣ прибѣгаютъ къ нему во время заразительныхъ болѣзней.

[2]) Одни утверждаютъ, что святый Христофоръ по происхожденію своему былъ хананеемъ, а другіе производятъ его отъ канинеевъ (canis—собака) или кинокефаловъ (κύων—собака и κεφαλή—голова) антропофаговъ (ανθρωπος—человѣкъ и φαγεῖν—ѣсть). Песій видъ святаго въ славянскомъ Прологѣ отвергается, а Никодимъ въ Синаксарѣ даетъ ему только безобразный видъ.

[3]) *Комитами* назывались царскіе тѣлохранители, а впослѣдствіи этотъ титулъ сталъ прилагаться вообще къ лицамъ, составлявшимъ свиту проконсуловъ, областеначальниковъ и др.

щилъ ему чрезъ это способность говорить. Когда послѣ сего онъ прибылъ въ одинъ городъ, то сталъ обличать тѣхъ, которые преслѣдовали христіанъ. За это нѣкій Вакхъ избилъ его, но онъ въ отвѣтъ на это сказалъ Вакху, что принимаетъ со смиреніемъ отъ него побои только ради Заповѣди Христа, а если бы онъ поддался гнѣву, то не устоялъ бы ни самъ Вакхъ, ни даже сила императора, которую онъ обратилъ бы въ ничто. Вскорѣ за нимъ было прислано двѣсти человѣкъ воиновъ, чтобы привести его къ императору[1]), и, когда они шли, то на пути совершенно сухой жезлъ, бывшій въ рукахъ святаго, чудесно расцвѣлъ, а затѣмъ, когда во время путешествія у воиновъ не хватило хлѣба, то онъ умножилъ его въ изобиліи. Это великое чудо привело въ удивленіе воиновъ, и они увѣровали во Христа и вмѣстѣ со святымъ были крещены Антіохійскимъ епископомъ, святымъ священномученикомъ Вавилою[2]), причемъ святому вмѣсто Репрева дано было имя Христофора. Когда святый приведенъ былъ къ императору, то послѣдній при видѣ его почувствовалъ ужасъ и неожиданно упалъ навзничь, а потомъ, пришедши снова въ себя, задумалъ заставить его отречься отъ Христа, но не явными мѣрами насилія, а хитростію сперва измѣнить его настроеніе, а потомъ ласкою склонить его къ исполненію своей воли. Съ этою цѣлію онъ велѣлъ позвать двухъ женщинъ—блудницъ, красивыхъ лицомъ и готовыхъ отдать себя на блудное соединеніе, которыя соблазнительными бесѣдами возбуждали въ молодыхъ людяхъ непреодолимое, безумное стремленіе къ блудодѣянію. Имя одной изъ этихъ женщинъ было Каллиникія, а другой—Акилина. Императоръ велѣлъ имъ войти къ святому и внушить ему различныя соблазнительныя мысли, какъ это было у нихъ въ обычаѣ, чтобы, побуждаемый преступною любовію къ нимъ, онъ согласился отречься отъ вѣры во Христа и принести жертву языческимъ богамъ. Но святый Христофоръ сталъ ихъ поучать вѣрѣ во Христа и своимъ словомъ отвратилъ ихъ отъ идолослуженія. Вернувшись къ императору, онѣ объявили себя христіанками, за что подвергнуты были жестокимъ мученіямъ и, потерпѣвши такимъ образомъ страданія за вѣру во Христа, восприняли мученическіе вѣнцы. Сильно разгнѣвавшись на этихъ женщинъ, императоръ велѣлъ привести къ нему святаго Христо-

---

[1]) Согласно съ греческими прологами, Ассемани полагаетъ, что это былъ императоръ Декій, царствовавшій въ Римской имперіи съ 249 до 251 года.

[2]) Память священномученика Вавилы празднуется 4 сентября.

фора и сталъ издѣваться надъ нимъ по поводу необыкновеннаго вида его лица, но святый въ отвѣтъ на это назвалъ его вмѣстилищемъ дѣйствій діавола, ибо такой смыслъ имѣло имя императора Декія. Послѣ этого императоръ приговорилъ къ смерти тѣхъ двѣсти человѣкъ воиновъ, которые были посланы, чтобы привести къ нему святаго Христофора, и которые приняли Святое Крещеніе вмѣстѣ съ нимъ, такъ какъ они пришли къ святому и на глазахъ императора поклонились ему. Онъ велѣлъ всѣмъ имъ отсѣчь головы, а тѣла ихъ сжечь, святаго же Христофора приказалъ заключить въ мѣдный сосудъ, прибить его въ немъ гвоздями, а затѣмъ сосудъ раскалить. Но когда это было исполнено, то святый остался невредимымъ. Не испытывая никакихъ страданій ни отъ огня, ни отъ пригвожденія, онъ стоялъ въ раскаленномъ сосудѣ какъ бы въ какой пріятной прохладѣ. Многимъ изъ присутствовавшихъ это показалось обманомъ, а вѣрующимъ святый совершенно правдиво и съ радостію разсказалъ, что во время истязанія онъ видѣлъ какого-то весьма высокаго ростомъ и прекраснаго видомъ, одѣтаго въ бѣлыя одежды мужа, который исходящимъ отъ него свѣтомъ превосходилъ солнце и имѣлъ на главѣ своей блестящій вѣнецъ, что его окружало множество воиновъ, съ которыми какіе-то черные и смрадные арапы вели борьбу, стараясь схватить и увлечь его, но этотъ страшный вождь съ гнѣвомъ взглянулъ на нихъ и своимъ взглядомъ привелъ въ смятеніе и поразилъ все это вражеское воинство, а ему далъ силы безъ вреда перенести мученіе. Слыша такой разсказъ и видя святаго совершенно невредимымъ, многіе изъ народа повѣрили ему и обратились ко Христу, а затѣмъ вынули святаго изъ раскаленнаго сосуда, за что и были изрублены царскими палачами. Послѣ сего святому Христофору привязали на шею камень и бросили его въ колодецъ, но Ангелъ извлекъ его оттуда; потомъ надѣли на него раскаленную мѣдную одежду и, наконецъ, отсѣкли ему мечомъ голову[1]). Память святаго Христофора и другихъ святыхъ мучениковъ, съ нимъ пострадавшихъ, празднуется въ Кипариссіи[2]) въ день его кончины, близкій ко дню кончины святаго великомученика Георгія[3]).

---

[1]) Святый мученикъ скончался въ Ликіи при императорѣ Декіи около 250 г.

[2]) Согласно съ актами мученика день его кончины всѣ древнѣйшіе календари, восточные и западные, относятъ къ 23 апрѣля.

[3]) *Кипариссій*, или *Кипариссъ*,—мѣстность въ Константинополѣ.

Тропа́рь, гла́съ д҃:

Ѡ҆де́ждами ѿ крове́й оу҆краша́ѧйсѧ, гдⷭ҇еви предстои́ши цр҃ю̀ си́лъ хрїстофо́ре приснопа́мѧтне: ѿонꙋ́дꙋже со безпло́тными и҆ мч҃нки пое́ши тристы́мъ и҆ стра́шнымъ сладкопѣ́нїемъ: тѣ́мже мл҃твами твои́ми сп҃са́й ста́до твоѐ.

СКАЗАНІЕ о ПЕРЕНЕСЕНІИ МОЩЕЙ СВЯТИТЕЛЯ

НИКОЛАЯ,

архіепископа Мѵрликійскаго [1])

Въ лѣто 1087-е, при царѣ Греческомъ Алексіи Комнинѣ [2]) и при Патріархѣ Константинопольскомъ Николаѣ Грамматикѣ [3]), во время княженія на Руси Всеволода Ярославича [4]) въ Кіевѣ и сына его Владиміра Всеволодича Мономаха въ Черниговѣ [5]), въ греческую область вторглись Измаильтяне [6]) — какъ съ той, такъ и съ другой стороны моря. Они прошли по всѣмъ городамъ и селамъ, отъ Корсуня [7]) до Антіохіи и до Іерусалима; при этомъ они изсѣкали мужчинъ, женщинъ же и дѣтей брали въ плѣнъ и сожигали дома и имущества. Церкви и монастыри опустѣли, и города перешли во власть невѣрныхъ. Тогда были опустошены и Мѵры ликійскія, въ которыхъ почивало тѣло святителя Николая, тѣло драгое и всечестнòе, творившее дивныя и преславныя чудеса. Преподобный сей мужъ могъ бы защитить градъ свой и Церковь отъ опустошенія, но, по повелѣнію Божію, не воспротивился, говоря: «Гдⷭ҇и, оу҆гѡ́днаѧ пред̾ ѻ҆чи́ма твои́ма сотворю̀».

---

1) Житіе св. Николая Чудотворца см. подъ 6 декабря.

2) *Алексий I Комненъ* управлялъ Византійскою имперіею съ 1081 г. по 1118 г.

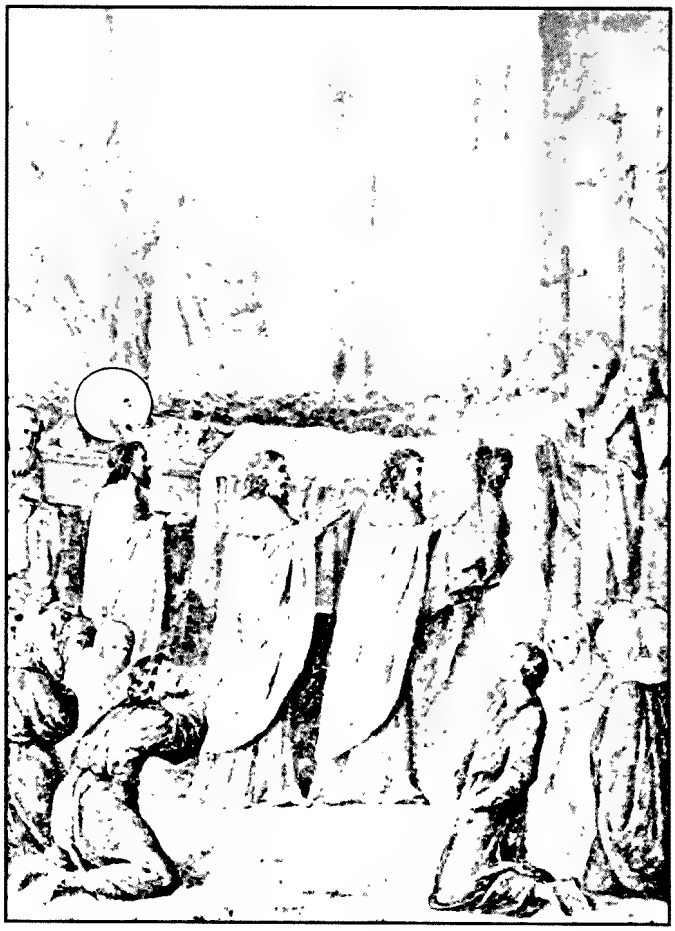
3) *Николай III Грамматикъ* патріаршествовалъ съ 1084 г. по 1111 г.

4) *Всеволодъ Ярославичъ*, сынъ Ярослава Мудраго и внукъ Владиміра Святаго, княжилъ съ 1075 г. по 1076 г. (6 мѣсяцевъ); затѣмъ вторично съ 1078 г. по 1093 г.

5) *Владиміръ Всеволодичъ Мономахъ* правилъ съ 1073 г. по 1125 г.

6) Подъ *Измаильтянами* здѣсь разумѣются одноплеменные восточные народы: Турки, Печенѣги и Половцы.

7) *Корсунь*-древній городъ въ Крыму, около Севастополя, называвшійся также *Херсонесомъ Таврическимъ*.



Пренесе́нїе чⷭ҇тны́хъ моще́й
ст҃и́теля и чꙋдотво́рца нїкола́а

Но Господь нашъ Іисусъ Христосъ не могъ допустить, чтобы мощи святителя почивали въ опустошенномъ мѣстѣ и никѣмъ не славились, по сказанному въ Писаніи: **восхвалятся преподобніи во славѣ**[1]); и еще: **слава будетъ всѣмъ преподобнымъ его**[2]).

Въ градѣ Бари, принадлежавшемъ тогда Норманнамъ[3]), жилъ нѣкій пресвитеръ, христолюбивый и праведный. Ему явился во снѣ святый Николай и сказалъ:

— Иди и скажи гражданамъ и всему собору церковному, чтобы они пошли въ градъ Мѵры, взяли меня оттуда и положили здѣсь, ибо я не могу пребывать тамъ, въ опустошенномъ мѣстѣ. Такова воля Господа.

Сказавъ сіе, святитель сталъ невидимъ. Пробудившись утромъ, пресвитеръ повѣдалъ всѣмъ бывшее видѣніе. Они возрадовались и говорили:

— Нынѣ возвеличилъ Господь милость Свою на людяхъ Своихъ и на градѣ нашемъ, ибо сподобилъ насъ пріять угодника Своего, святаго Николая.

Тотчасъ они избрали изъ своей среды мужей благоговѣйныхъ и богобоязненныхъ и отправили ихъ въ трехъ корабляхъ за мощами святителя. Представляясь идущими для торговли, тѣ мужи нагрузили свои корабли пшеницею и отправились въ путь.

Приплывъ въ Антіохію, они продали пшеницу и закупили все, что было нужно. Тутъ они узнали, что венеціанцы, находившіеся тамъ, хотятъ ихъ предупредить и взять мощи святаго Николая. Тотчасъ баряне съ поспѣшностью отправились, прибыли въ Мѵры ликійскія и пристали въ городской пристани. Задумавъ дѣло на спасеніе себѣ и граду своему, они вооружились и вошли въ церковь святаго Николая. Здѣсь они увидѣли четырехъ иноковъ и спросили ихъ, гдѣ почиваютъ мощи святаго Николая. Тѣ показали имъ мѣсто раки. Баряне раскопали помостъ церковный и нашли раку, полную мѵра. Мѵро они вылили въ сосудъ, а мощи святаго взяли и отнесли на корабль, затѣмъ отплыли. Двое иноковъ

---

[1]) Псал. **149**, ст. 5.

[2]) Псал. **149**, ст. 9.

[3]) *Городъ Бари* находится на югѣ нтальянскаго полуострова, на восточномъ его берегу у Адріатическаго моря, въ области, называвшейся Апуліею. Населеніе южной Италіи было издавна греческое. Къ концу IX вѣка здѣсь утвердилась власть Греческаго императора. Въ 1070 году городъ Бари былъ взятъ у Грековъ Норманнами, сѣвернымъ племенемъ германскаго народа, но и послѣ этого въ нѣкоторыхъ апулійскихъ монастыряхъ сохранилась Православная вѣра и Богослуженіе, и они были подчинены Константинопольскому Патріарху.

остались въ Мѵрахъ, а двое сопровождали мощи святаго Николая[1]). Отправились они изъ града Мѵръ мѣсяца апрѣля въ 11 день, а прибыли въ градъ Бари мѣсяца мая въ 9 день, въ воскресенье вечеромъ. Видя, что прибыли изъ града Мѵръ съ мощами святаго Николая, всѣ жители града Бари, мужи и жены, отъ мала до велика, вышли навстрѣчу святителю со свѣщами и ѳиміамомъ, приняли мощи съ радостію и великою честію и положили ихъ въ церкви святаго Іоанна Предтечи у моря.

Многія чудеса творили здѣсь мощи святителя. Прибыли они въ Бари въ воскресный день вечеромъ и уже въ понедѣльникъ утромъ исцѣлили 47 больныхъ — мужей и женъ, одержимыхъ различными недугами: у одного болѣла голова, у другого — очи, у иного — руки и ноги, сердце, а то и все тѣло страдало отъ духовъ нечистыхъ. Во вторникъ исцѣлились 22 больныхъ, а въ среду—29. Въ четвергъ рано утромъ святый Николай исцѣлилъ глухонѣмого, болѣвшаго уже 5 лѣтъ. Затѣмъ святитель явился нѣкоему благочестивому иноку и сказалъ:

— Итакъ, волею Божіею, пришелъ я къ вамъ въ страну сію, въ день воскресный, въ часъ девятый, и вотъ 111 человѣкъ исцѣлены мною.

И еще другія чудеса по вся дни творилъ святый Николай, подобный источнику, текущему безъ конца. И много даровъ приносили святому — золото и серебро, и многоцѣнныя одежды. Видя преславныя его чудеса, граждане преисполнились великою радостію, создали великую и прекрасную церковь во имя святителя и чудотворца Николая[2]) и сковали для мощей его раку серебряную позлащенную. Въ третье лѣто по перенесеніи мощей изъ Мѵръ ликійскихъ они послали къ Римскому папѣ Урбану, прося, чтобы онъ прибылъ въ Бари со своими епископами и со всѣмъ клиромъ церковнымъ для перенесенія мощей святаго Николая. Папа прибылъ въ сопровожденіи епископовъ и клира; они вложили мощи святаго въ серебряную раку, затѣмъ епископы и вельможи перенесли ее въ новую, великую церковь и положили въ алтарѣ, мѣсяца мая въ 9 день. Перенесли они и ветхій гробъ святителя, въ которомъ онъ былъ привезенъ изъ Мѵръ, поставили гробъ въ

---

[1]) Въ службѣ на перенесеніе мощей святителя Николая воспѣвается: мо́ремъ ст҃и́телю бы́ша ше́ствїѧ твоѧ̑, и҆з̾ мѵ́ръ лѵ̈кі́йскихъ въ ба́ръ гра́дъ: взѧ́тсѧ бо ѿ гро́ба ковче́гъ тво́й, и҆ къ за́падѡмъ до́йде ѿ восто́ка, бл҃гоче́стнѡ послѣ́довавшымъ моиа́хѡмъ, и҆̀же при гро́бѣ твое́мъ, че́сть ти̑ твори́вшымъ, манове́нїемъ вл҃ки всѣ́хъ, нїко́лае пресла́вие.

[2]) Церковь эта существуетъ до сихъ поръ.

церкви и положили въ него часть руки отъ мощей святаго. Многіе люди приходили и поклонялись святому, цѣлуя мощи его и раку. Римскій папа Урбанъ, епископы и всѣ граждане сотворили въ тотъ день великій праздникъ и прославленіе святому, которое творятъ и до сего времени[1]). Въ тѣ дни они утѣшались пищею и питіемъ и, раздавъ щедрую милостыню убогимъ, возвратились въ домы свои съ миромъ, славя и хваля Бога и святаго угодника Его Николая.

Тропа́рь, гла́съ д҃:

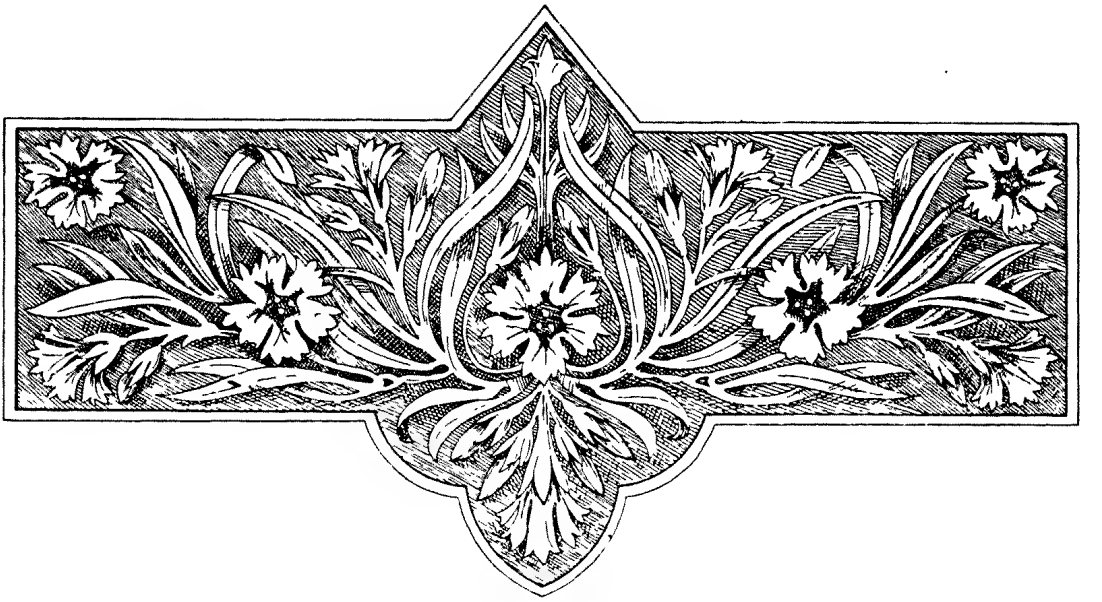
Приспѣ́ де́нь свѣ́тлагѡ торжества̀, гра́дъ ба́рскій ра́дꙋетсѧ, и҆ съ ни́мъ вселе́ннаѧ всѧ̀ ликовствꙋ́етъ пѣ́сньми и҆ пѣ́ньми дꙋхо́вными: дне́сь бо сщ҃е́нное торжество̀, въ пренесе́ніе чⷭ҇тны́хъ и҆ многоцѣле́бныхъ моще́й ст҃и́телѧ и҆ чꙋдотво́рца ні́колаа, ꙗ҆́коже со́лнце незаходи́мое возсі́ѧ̀ свѣтоза́рными лꙋча́ми и҆ разгонѧ́ѧ тьмꙋ̀ и҆скꙋше́ній же и҆ бѣ́дъ ѿ вопі́ющихъ вѣ́рнѡ: сп҃са́й на́съ ꙗ҆́кѡ предста́тель на́шъ вели́кій ні́колае.

Конда́къ, гла́съ г҃:

Изы́де ꙗ҆́кѡ ѕвѣзда̀ ѿ восто́ка до за́пада твоѧ̀ мо́щи, ст҃и́телю ні́колае, мо́ре же ѡ҆ст҃и́сѧ ше́ствіемъ твои́мъ, и҆ гра́дъ ба́рскій пріе́млѧ тобо́ю бл҃года́ть: на́съ бо дѣ́лѧ ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ чꙋдотво́рецъ и҆зѧ́щный, преди́вный и҆ мл҃тивый.

---

[1]) Празднованіе перенесенія мощей святителя Николая на Руси было установлено при митрополитѣ Кіевскомъ Іоаннѣ II, въ 1089 году.



День десятый

ПАМЯТЬ

СВЯТАГО АПОСТОЛА

СИМОНА ЗИЛОТА

Сей святый Симонъ происходилъ изъ Каны Галилейской и былъ лично извѣстенъ Господу и Его Пречистой Матери, такъ какъ городъ Кана отстоялъ на небольшомъ разстояніи отъ Назарета. Когда Симонъ справлялъ торжество по случаю своего вступленія въ бракъ, то на это торжество онъ пригласилъ и Господа съ Его учениками, и Пречистую Матерь. Но такъ какъ для гостей недостало вина, то Господь претворилъ воду въ вино[1]). Будучи пораженъ такимъ чудомъ, женихъ увѣровалъ въ Господа Іисуса Христа какъ Бога Истиннаго и, оставивъ брачное торжество и тотъ самый домъ, послѣдовалъ съ усердіемъ за Господомъ Іисусомъ; поэтому онъ и былъ прозванъ Зилотомъ, или ревнителемъ[2]),

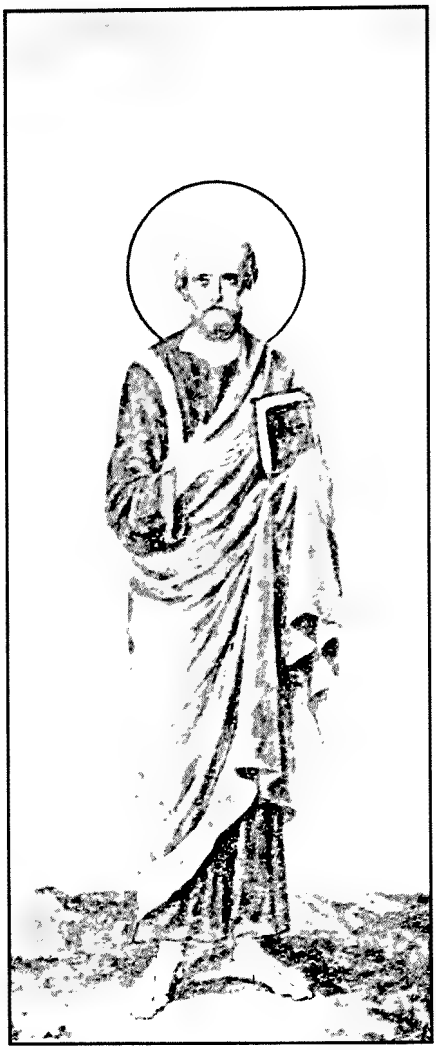
---

[1]) Срв.: Еванг. отъ Іоанна, гл. 2, ст. 1—11.

[2]) *Зилотъ* и *ревнитель* — подобозначащія слова; *зилотъ* есть греческій переводъ еврейскаго слова: *кананитъ* (отъ *кана* — ревность). Существуетъ предположеніе, по которому Симонъ Зилотъ до призванія въ Апостолы былъ членомъ секты зилотовъ — рев-

такъ какъ разжегся столь великою ревностію, что оставилъ ради любви ко Христу и свою невѣсту, и всѣ свои привязанности, уневѣстивъ душу свою Жениху Небесному. За это Симонъ былъ причтенъ къ сонму учениковъ Христовыхъ и къ лику святыхъ двѣнадцати Апостоловъ.

Когда на Апостоловъ въ день Пятидесятницы сошелъ Духъ Святый въ видѣ языковъ огненныхъ, то они получили даръ языковъ, такъ что могли проповѣдать Евангеліе всѣмъ народамъ; и Симонъ вмѣстѣ съ прочими одиннадцатью Апостолами сподобился получить Духа Святаго. Получивъ Духа Святаго, онъ отправился съ проповѣдію о Христѣ по разнымъ странамъ, прошелъ Египетъ, Мавританію, Ливію, Нумидію, Киринію и Абхазію. Былъ онъ также и въ Британіи. Здѣсь онъ просвѣтилъ вѣрою Христовою многихъ язычниковъ, не вѣдавшихъ Христа, за что и былъ распятъ невѣрными и окончилъ жизнь свою мученіемъ, подобнымъ мученію крестному, которому былъ преданъ Іисусъ Христосъ[1]).



Ст҃ый а҃пл҃ъ
сі́мѡнъ

нителей отечественной вѣры, обращавшихъ особенное вниманіе на соблюденіе обрядовыхъ предписаній Закона Моисеева.

[1]) *Симонъ Зилотъ* скончался мученическою смертію въ Абхазіи и погребенъ въ городѣ Никопсіи, лежавшемъ около Джигетіи. Остатки этого города мѣстные жители и доселѣ показываютъ верстахъ въ 20-ти отъ Сухума, недалеко отъ морского берега. На мѣстѣ кончины святаго была построена церковь, возобновленная въ 1875 г. усердіемъ одного изъ Великихъ князей.—Воспоминаемаго нынѣ святаго Апостола Симона Зилота слѣдуетъ отличать, во-первыхъ, отъ Симона Петра, также Апостола изъ двѣнадцати, и отъ Симона, или Симеона, сродника Господня по плоти (Еванг. отъ Матѳ., гл. 13, ст. 55), который принадлежитъ къ лику 70-ти апостоловъ и былъ вторымъ епископомъ Іерусалимскимъ — преемникомъ Апостола Іакова, брата Господня по плоти.—Память Симона Зилота празднуется еще св. Церковію 30 іюня (вмѣстѣ съ памятью прочихъ одиннадцати Апостоловъ).

Конда́къ, гла́съ в҃:

И҆звѣ́стнѡ премꙋ́дрости ᲂу҆че́нїѧ, въ дꙋша́хъ бл҃гоче́ствꙋющихъ поло́жшаго, во хвале́нїи ᲂу҆бл҃жи́мъ, ꙗ҆́кѡ бг҃оглаго́ливаго всѝ сі́мѡна: пр҃то́лꙋ бо сла́вы ны́нѣ предстои́тъ, и҆ со безпло́тными весели́тсѧ, молѧ́сѧ непреста́ннѡ ѡ҆ всѣ́хъ на́съ.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНОЙ

ИСИДОРЫ ЮРОДИВОЙ

Въ Тавеннисійскомъ женскомъ монастырѣ[1]), находившемся въ Ѳиваидѣ, среди прочихъ сестеръ подвизалась и одна дѣвица, по имени Исидора, принявшая на себя подвигъ юродства. Она вела себя какъ глупая и помѣшанная, почему и была въ столь великомъ презрѣніи у прочихъ сестеръ, что ни одна изъ нихъ никогда не вкушала пищи вмѣстѣ съ нею. Она была всѣми унижаема и оскорбляема, но свой подвигъ Исидора выдерживала съ великимъ терпѣніемъ, всегда благодаря и хваля Бога.

Исидора постоянно трудилась въ поварнѣ монастырской, служа всѣмъ сестрамъ, и исполняла всѣ монастырскія работы, не гнушаясь самыми трудными и грязными. Она своими руками очищала монастырь отъ всякой грязи и нечистоты. Такъ трудилась преподобная постоянно, отъ утра до ночи, не предаваясь покою даже и на часъ, всегда измождая плоть свою.

Иногда Исидора притворялась какъ бы бѣсноватой, дабы утаить предъ окружавшими ее сестрами свои добродѣтели. Такимъ образомъ на ней исполнялось апостольское слово: **а҆́ще кто̀**

---

[1]) *Тавеннисійскій монастырь* былъ основанъ извѣстнымъ египетскимъ подвижникомъ святымъ Пахоміемъ Великимъ (память его — 15-го мая). Монастырь Тавеннисійскій находился въ Верхней Ѳиваидѣ. Поводомъ къ основанію этого монастыря было желаніе сестры Пахомія подвизаться отшельнической жизнью. Избранное для обители мѣсто называлось Менъ и находилось на берегу Нила, тогда какъ мужской монастырь былъ расположенъ на островѣ, посреди Нила. Св. Пахомій далъ отшельницамъ строгій, почти одинаковый со своимъ монастыремъ, уставъ.

мни́тсѧ мꙋ́дръ бы́ти въ ва́съ въ вѣ́цѣ се́мъ, бꙋ́й да быва́етъ, ꙗ҆́кѡ да премꙋ́дръ бꙋ́детъ[1]).

Всѣхъ сестеръ въ монастырѣ томъ было сорокъ, и всѣ онѣ, согласно правиламъ монастырской жизни, носили на головахъ своихъ куколь; Исидора же покрывала голову свою простой тряпкой. Никто никогда не видалъ, чтобы она когда-либо ѣла кусокъ хлѣба или сидѣла за столомъ и вкушала вареную пищу, потому что она собирала крошки, падавшія со стола, и питалась ими; вмѣсто вареной пищи Исидора вкушала ту самую воду, въ которой мыла горшки и котлы. Никогда преподобная не оскорбляла никого словомъ, никогда не гнѣвалась ни на кого, никогда не роптала на Бога, но всегда пребывала въ молчаніи; никогда она не вела ни съ кѣмъ ни длинной, ни короткой бесѣды и вообще ни съ кѣмъ не разговаривала, несмотря на то, что другія сестры ее часто и били, и злословили.

Прп҃бнаѧ
і҆сі҆дѡ́ра

Послѣ того, какъ преподобная Исидора провела достаточное число лѣтъ въ такихъ подвигахъ, было о ней откровеніе Питириму, подвизавшемуся въ близлежащей Порфиритской пустынѣ, мужу весьма добродѣтельному. Ему явился Ангелъ Господень и сказалъ:

— Для чего ты величаешься въ умѣ своемъ и считаешь себя добродѣтельнымъ, пребывая въ этомъ пустынномъ мѣстѣ? Желаешь видѣть женщину, болѣе тебя добродѣтельную, угодившую Богу своими подвигами болѣе, нежели ты? Если желаешь видѣть такую женщину, то иди въ Тавеннисійскій женскій монастырь; здѣсь встрѣтишь ты одну сестру, носящую на головѣ своей вмѣсто куколя тряпку; эта сестра угодила Богу своими подвигами болѣе тебя,

---

1) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 3, ст. 18.

такъ какъ, живя всегда среди другихъ сестеръ и служа всегда всѣмъ съ любовію, она находится въ презрѣніи у всѣхъ; но, несмотря на это, никогда она своимъ сердцемъ не отлучается отъ Бога, равно какъ и умъ ея всегда погруженъ въ мысли о Богѣ. А ты, пребывая здѣсь въ уединеніи и никогда не уходя отсюда, умомъ своимъ обходишь всѣ города.

Питиримъ тотчасъ же отправился въ Тавеннисійскій женскій монастырь. Дойдя до мужского монастыря, находившагося въ Тавеннисахъ, Питиримъ попросилъ настоятеля этого монастыря дать ему проводниковъ, которые могли бы довести его до монастыря женскаго. Такъ какъ Питиримъ былъ извѣстенъ здѣсь своими подвигами, то ради его подвижническаго житія, а также и ради его старости, настоятель далъ ему проводниковъ изъ братіи, которые съ осторожностію и любовію перевезли его черезъ рѣку, раздѣлявшую два монастыря—мужской и женскій, и привели его къ женскому монастырю.

Придя въ монастырь, преподобный отправился прежде всего въ храмъ монастырскій. Сотворивъ здѣсь обычную молитву, Питиримъ попросилъ всѣхъ сестеръ собраться къ нему такъ, чтобы онъ могъ всѣхъ ихъ видѣть. Всѣ сестры собрались, кромѣ Исидоры. Не видя той самой сестры, о которой ему было извѣщеніе отъ Ангела и ради которой онъ пришелъ сюда, старецъ сказалъ:

— Приведите ко мнѣ всѣхъ сестеръ, потому что, думается мнѣ, здѣсь нѣтъ одной.

Сестры же отвѣчали ему:

— Вотъ, мы всѣ здѣсь предстоимъ честному лицу твоему.

Но старецъ сказалъ:

— Здѣсь нѣтъ одной, о которой мнѣ было откровеніе отъ Ангела Божія.

Тогда сестры сказали:

— Мы всѣ здѣсь, честный отецъ; здѣсь нѣтъ только одной сестры, которая находится въ поварнѣ; но она глупа и бѣсновата.

Старецъ же сказалъ:

— Приведите и эту сестру ко мнѣ, чтобы я могъ видѣть ее, такъ какъ ради ея я и пришелъ сюда.

Сестры отправились за ней и сказали ей, что ее зоветъ старецъ. Но она не хотѣла идти, такъ какъ разумѣла духомъ о откровеніи, бывшемъ отъ Ангела старцу.

Тогда сестры, схвативъ ее, силою повлекли за собою, сказавъ:

— Честный отецъ Питиримъ зоветъ тебя.

Когда Исидора была приведена къ старцу, то сей послѣдній, увидавъ ее и понявъ, что это была именно та сестра, о которой ему повѣдалъ Ангелъ, палъ къ ногамъ ея со словами:

— Благослови меня, честная мать!

Но Исидора сама упала къ ногамъ его и сказала:

— Ты меня благослови, честный отецъ!

Увидя все это, сестры весьма удивились и сказали старцу:

— Да не будетъ тебѣ такого безчестія, честный отецъ! Вѣдь эта сестра—помѣшанная.

Блаженный же Питиримъ сказалъ имъ:

— Можетъ быть, вы всѣ помѣшанные; но эта сестра болѣе меня и васъ всѣхъ угодила Богу; она всѣмъ намъ мать, и я буду молить Господа, дабы сподобилъ Онъ меня одной участи съ нею въ День судный.

Услыхавъ это, всѣ сестры пали предъ старцемъ и со слезами повѣдали ему о всѣхъ оскорбленіяхъ, которыя онѣ наносили ей ежедневно. При этомъ одна изъ сестеръ говорила:

— Я всегда ее бранила.

Другая:

— Я выливала на нее помои.

Третья:

— Я била ее рукой.

Четвертая:

— Я палкою ударяла ее.

И прочія сестры повѣдали старцу о многихъ другихъ оскорбленіяхъ, которыя онѣ наносили преподобной. Падая ницъ предъ Исидорой, всѣ онѣ просили у нея прощенія.

Честный же старецъ Питиримъ вмѣстѣ съ преподобною Исидорою вознесъ къ Богу усердную молитву о сестрахъ, дабы простились грѣхи ихъ. Затѣмъ Питиримъ достаточное время поучалъ сестеръ и бесѣдовалъ съ ними ради душевной пользы ихъ, и, наконецъ, возвратился на мѣсто подвиговъ своихъ, хваля и славя Бога, сподобившаго его видѣть укрываемую отъ всѣхъ рабу Свою.

Преподобная же Исидора, не желая принимать почтенія отъ сестеръ, вскорѣ послѣ того, какъ ушелъ старецъ, вышла тайно отъ всѣхъ изъ монастыря того и подвизалась въ никому невѣдомыхъ мѣстахъ до самаго дня своей кончины.

Такова была жизнь утаенной отъ всѣхъ угодницы Божіей, которая служила Господу тайно отъ всѣхъ подъ покровомъ своего юродства. За это она воспріиметъ награду отъ Господа на Небесахъ явно, предъ очами всѣхъ ея небесныхъ согражданъ; водворившись съ ними, она прославляетъ Отца, и Сына, и Святаго Духа—Единаго Бога въ Троицѣ[1]).

ПАМЯТЬ БЛАЖЕННОЙ

ТАИСІИ

Въ Египтѣ проживала одна отроковица-христіанка, по имени Таисія. Когда умерли родители ея и она осталась сиротою, то, желая сохранить себя въ дѣвической чистотѣ, Таисія раздала все имѣніе свое нищимъ, домъ же свой сдѣлала страннопріимницею для иноковъ скитскихъ. Такъ подвизалась она долгое время, принимая къ себѣ въ домъ подвижниковъ и доставляя имъ отдыхъ отъ путешествія. Спустя довольно продолжительное время, Таисія совершенно истратила все имѣніе свое, такъ что впала въ великую нищету. По коварству діавола съ ней сблизились нѣкоторые грѣхолюбцы, которые совратили и ее ко грѣху и отвлекли ее отъ пути спасительнаго; съ этого времени Таисія начала проводить грѣховную жизнь, предаваясь блуду и разврату.

Когда подвижники скитскіе узнали о такой перемѣнѣ жизни Таисіи, то весьма опечалились. Посовѣтовавшись между собою, они пошли къ аввѣ Іоанну Колову[2]) и сказали ему:

— Мы слышали о сестрѣ той, что она проводитъ грѣховную жизнь. Но такъ какъ она оказывала намъ большую любовь, давая намъ пріютъ въ своемъ домѣ, то и мы покажемъ ей нашу духовную любовь и позаботимся о спасеніи души ея. Потрудись же и ты, честный отецъ, пойди къ ней и увѣщай ее къ покаянію; ты съумѣешь это сдѣлать, такъ какъ ты надѣленъ мудростью отъ Бога. Мы же будемъ поститься и принесемъ Богу усердныя моленія, дабы помогъ тебѣ Господь.

---

1) Кончина св. Исидоры послѣдовала въ концѣ IV-го в.

2) *Іоаннъ Коловъ* — извѣстный египетскій подвижникъ. См. житіе его подъ 9 ноября.

Авва Іоаннъ Коловъ, исполняя просьбу честныхъ отцевъ, пошелъ въ городъ къ женщинѣ той, молясь дорогою про себя Богу, Помощнику своему, Которому благоугодно, чтобы всѣ спаслись.

Блаженная Таисія

Подойдя къ дому Таисіи, старецъ постучалъ въ дверь и затѣмъ сказалъ женщинѣ, охранявшей входъ въ домъ:

— Скажи госпожѣ своей, что я пришелъ побесѣдовать съ ней.

Привратница же съ гнѣвомъ отвѣчала ему:

— Вы, иноки, растратили все имущество ея!

Но старецъ сказалъ ей:

— Скажи ей о мнѣ, что я принесъ ей нѣчто весьма цѣнное.

Привратница пошла и возвѣстила госпожѣ своей какъ сказалъ старецъ.

Женщина же та отвѣтила:

— Иноки тѣ, ходя близъ Чермнаго моря, находятъ иногда бисеръ. Приведи того старца ко мнѣ.

Войдя въ домъ, старецъ сѣлъ близъ Таисіи; затѣмъ, посмотрѣвъ на лицо ея и глубоко вздохнувъ, наклонилъ голову свою и началъ плакать.

Тогда Таисія спросила старца:

— Честный отецъ! О чемъ ты плачешь?

Старецъ же отвѣчалъ ей:

— Я вижу, какъ сатана играетъ на лицѣ твоемъ; какъ же мнѣ не плакать? Почему ты не хотѣла имѣть своимъ женихомъ Господа нашего Іисуса Христа, Жениха Пречестнаго и Безсмертнаго? Для чего ты презрѣла чертогъ Его и отдала себя сатанѣ? Для чего ты поступаешь по сквернымъ дѣламъ его?

Услыхавъ такія слова, Таисія умилилась душою, такъ какъ слова старца были для нея какъ бы стрѣлою огненною, пронзившею сердце ея. Тотчасъ же въ ней явилось отвращеніе къ своей

грѣховной жизни; она стала стыдиться и самой себя, и своихъ дѣлъ грѣховныхъ. Затѣмъ она сказала старцу:

— Честный отецъ! Есть ли покаяніе для грѣшниковъ?

Старецъ же отвѣчалъ ей:

— Воистину есть, и Спаситель ждетъ твоего обращенія, будучи готовъ принять тебя въ Свои отеческія объятія; ибо Онъ не желаетъ, чтобы грѣшникъ погибъ, но желаетъ, чтобы грѣшникъ обратился къ пути спасительному. И вотъ, я буду тебѣ поручителемъ въ томъ, что, если ты покаешься искренно и отъ всего сердца обратишься къ Господу, то Онъ снова возлюбитъ тебя какъ невѣсту Свою и, очистивъ тебя отъ всякой грѣховной нечистоты, введетъ тебя въ нетлѣнный чертогъ Свой Небесный. О тебѣ возрадуются тогда всѣ чины Ангеловъ, потому что они радуются и объ одномъ грѣшникѣ кающемся.

Таисія сказала на это:

— Да будетъ воля Божія, честный отецъ! Возьми меня отсюда и веди, куда ты знаешь, гдѣ бы я могла найти себѣ мѣсто, удобное для покаянія.

Старецъ же сказалъ:

— Пойдемъ.

Затѣмъ, поднявшись, направился къ выходу изъ дому ея.

Встала и Таисія и пошла за старцемъ, ничего не устроивъ въ домѣ своемъ, ничего никому не сказавъ относительно дома, но сразу все оставивъ ради Христа.

Увидавъ, что Таисія нисколько не позаботилась о домѣ своемъ и ничего никому не сказала, отецъ Іоаннъ весьма удивился такой внезапной перемѣнѣ и такой ревности Таисіи по Богѣ. Возблагодаривъ за сіе Бога, онъ отправился въ путь свой. Таисія же шла сзади его на значительномъ разстояніи отъ него.

Когда путники дошли до пустыни, было уже поздно: наступала ночь. Устроивъ на землѣ небольшое возглавіе изъ песка, старецъ сказалъ Таисіи:

— Усни здѣсь подъ покровомъ благодати Божіей.

Затѣмъ, оградивъ ее крестнымъ знаменіемъ, отошелъ отъ нея на небольшое разстояніе. Сотворивъ обычныя свои молитвы, старецъ легъ на землю и уснулъ.

Когда наступила полночь, старецъ пробудился, такъ какъ увидѣлъ свѣтъ на небѣ. Поднявъ свои очи кверху, старецъ увидѣлъ огненную полосу, шедшую съ неба по направленію къ Таисіи.

Отъ сего видѣнія Іоаннъ пришелъ въ ужасъ. Посмотрѣвъ же пристальнѣе на Таисію, онъ замѣтилъ, что Ангелы Божіи возносили къ Небу по пути тому душу Таисіи. Іоаннъ взиралъ на это дивное видѣніе до тѣхъ поръ, пока оно не скрылось отъ глазъ его. Затѣмъ, вставъ, Іоаннъ пошелъ къ Таисіи; подойдя къ ней, онъ толкнулъ ее рукой, но увидѣлъ, что она умерла[1]). Тогда старецъ въ страхѣ и трепетѣ упалъ ницъ на землю. И былъ къ нему гласъ съ Неба, говорившій:

— Покаяніе ея, принесенное въ одинъ часъ, для Бога пріятнѣе покаянія, продолжающагося долгое время; потому что въ послѣднемъ случаѣ не бываетъ у кающихся такой теплоты въ сердцѣ.

Старецъ пробылъ въ молитвѣ до самаго утра. Затѣмъ, предавъ землѣ честнòе тѣло блаженной Таисіи, онъ пришелъ въ скитъ, гдѣ и повѣдалъ отцамъ о всемъ бывшемъ. Узнавъ обо всемъ происшедшемъ, иноки прославили и возблагодарили Христа Бога за Его великое милосердіе. Ему—Богу Истинному—возсылается слава во вѣки. Аминь.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО

СИМОНА,

епископа Владимірскаго и Суздальскаго

То, что сказалъ Іисусъ, сынъ Сираховъ, о Симонѣ, сынѣ Оніинѣ[2]): **сі́мѡнъ сы́нъ ѻ҆ні́инъ і҆ере́й вели́кїй, и҆́же въ животѣ̀ свое́мъ состро́и до́мъ, и҆ во дни̑ своѧ̑ ᲂу҆тверди̑ це́рковь**[3]); и еще: **ꙗ҆́кѡ ѕвѣзда̀ ᲂу҆́треннѧѧ посреди̑ ѻ҆блакѡ́въ, а҆́ки лꙋна̀ полна̀ во дне́хъ**

---

[1]) Кончина св. Таисіи послѣдовала въ V в.

[2]) Здѣсь разумѣется *Симонъ I*, первосвященникъ іудейскій, сынъ и преемникъ первосвященника Оніи I, за благочестіе свое прозванный современниками *праведнымъ*. Воспользовавшись спокойнымъ временемъ подъ владычествомъ царей египетскихъ, онъ возобновилъ укрѣпленія Іерусалима, украсилъ храмъ, обнесъ его высокими стѣнами и сдѣлалъ въ немъ значительныя исправленія и улучшенія; но,—что самое важное,—онъ поднялъ религіозно-нравственную жизнь народа примѣромъ своей благочестивой жизни, почему и оставилъ по себѣ самыя добрыя воспоминанія (см. Кн. Іисуса, сына Сирахова, гл. **50**, ст. 1—21).—Первосвященническое служеніе свое Симонъ проходилъ въ началѣ III в. до Р. Хр.

[3]) Кн. Іисуса, сына Сирахова, гл. **50**, ст. 1.

свойхъ, ꙗ҆́кѡ со́лнце сїѧ́ющее на це́рковь вы́шнѧгѡ[1]),—это самое мы должны сказать и о преподобномъ отцѣ нашемъ Симонѣ, епископѣ Владимірскомъ и Суздальскомъ, свидѣтелѣ и списателѣ житій угодниковъ печерскихъ, второмъ лѣтописцѣ по блаженномъ Несторѣ[2]). Поистинѣ, онъ хорошо **состро́и до́мъ** Божій и укрѣпилъ Церковь примѣромъ житія своего и назидательными повѣствованіями о житіи святыхъ—какъ одинъ изъ тѣхъ добрыхъ пастырей, о которыхъ Господь обѣщалъ Пророку Іереміи, говоря: **да́мъ ва́мъ па́стыри по се́рдцꙋ моемꙋ, и҆ ᲂу҆пасꙋ́тъ ва́съ ра́зꙋмомъ и҆ ᲂу҆че́нїемъ**[3]). Поистинѣ всѣ наименованія, относимыя къ Симону, доброму пастырю и хранителю закона іудейскаго, могутъ быть отнесены и къ сему преподобному Симону, архипастырю Владимірскому и Суздальскому.

Этотъ блаженный Симонъ принялъ образъ иноческій въ святомъ монастырѣ Кіево-Печерскомъ, подобно небу украшенному святыми подвижниками, какъ бы звѣздами мысленными, луною и солнцемъ. Поступивъ въ монастырь, Симонъ съ прилежаніемъ читалъ повѣсти о житіи прежде бывшихъ и Богу угодившихъ святыхъ, многочисленныхъ, какъ многочисленны звѣзды на небѣ. И самъ блаженный Симонъ воспламенялся любовію къ подвигамъ сихъ святыхъ и всячески старался имъ подражать. Съ любовію вспоминалъ онъ подвиги перваго строителя сей обители преподобнаго Ѳеодосія[4]), такъ умножившемъ сіи духовныя звѣзды обители—иноковъ, и всячески старался подражать жизни его. Вспоминалъ онъ также и о подвигахъ святаго Антонія[5]), просвѣтившаго всѣхъ, подобно солнцу, свѣтомъ добрыхъ дѣлъ своихъ; и его равноангельному житію подражалъ преподобный. Взирая на преподобныхъ, умноженныхъ какъ звѣзды, служащія Лунѣ и Солнцу, Симонъ поучался смиренію; въ особенности поучался смиренію примѣромъ святителя Ѳеодосія, который подобно Лунѣ сіялъ ярче всѣхъ прочихъ звѣздъ и заслужилъ себѣ у Бога болѣе славный сравнительно съ прочими братіями вѣнецъ. Отъ Антонія, какъ бы

---

1) Кн. Іисуса, сына Сирахова, гл. **50**, ст. 6—7.

2) *Преподобный Несторъ* извѣстенъ какъ лѣтописецъ. Кромѣ того, онъ оставилъ намъ описаніе житій нѣкоторыхъ печерскихъ святыхъ, изъ которыхъ самое важное—житіе Ѳеодосія Печерскаго.—Онъ жилъ и дѣйствовалъ въ XII в. Память его празднуется св. Церковію 27-го октября.

3) Кн. Прор. Іереміи, гл. **3**, ст. 15.

4) Память его—3 мая.

5) Память его—10 іюля.

Солнца, идущаго по небу одиноко, безъ прочихъ свѣтилъ, Симонъ заимствовалъ равноангельное безмолвное житіе. Подобно зеркалу, онъ отражалъ въ себѣ всѣ тѣ духовныя свѣтила—звѣзды, Луну и Солнце и самъ проявлялъ изъ себя свѣтъ звѣздный, лунный и солнечный. Кромѣ того, подобно тому древнему Симону первосвященнику, и сей былъ какъ **ѕвѣзда̀ оу҆́треннѧѧ**, какъ **лꙋна̀ полна̀** и какъ **со́лнце сїѧ́ющее на це́рковь вы́шнѧгѡ.** Онъ усердно подвизался въ святомъ монастырѣ Кіево-Печерскомъ, подобномъ Небу, и самъ Симонъ уподоблялся своими подвигами звѣздѣ утренней, всегда подражая Пресвятой Богородицѣ, прекрасной, какъ Луна, и славной, какъ Солнце. Сколько было у него силъ, онъ усердно служилъ Матери Божіей, пребывая постоянно въ великомъ смиреніи, усердной молитвѣ—какъ общей съ братіею, такъ и уединенной.

Прп҃бный
сі́мѡнъ

Когда сей святый Симонъ просіялъ подвигами своими по многимъ окрестнымъ странамъ, такъ что былъ даже извѣстенъ и въ странахъ весьма отдаленныхъ, случилось, что въ то время архіерейскій престолъ епархіи Владимірской и Суздальской не имѣлъ своей главы. Церкви же прилично украшаться звѣзднымъ вѣнцемъ[1]), какъ пишетъ святый Іоаннъ въ своемъ Апокалипсисѣ. На томъ престолѣ Владимірскомъ и Суздальскомъ не было пастыря,—пресвѣтлаго Солнца и красивой Луны, такъ что та церковь не могла похвалиться словами Псалма: престолъ мой какъ Солнце предо мною и **ꙗ҆́кѡ лꙋна̀ соверше́на въ вѣ́къ**[2]). Въ это именно время, по изволенію Начальника пастырей—Іисуса, вручившаго нѣ-

1) Срав.: Апокалип., гл. **12**, ст. 1.
2) Псал. **88**, ст. 38.

когда овецъ Своихъ любившему Его паче всѣхъ Симону Петру[1]), этотъ блаженный Симонъ, отъ всего сердца возлюбившій Пречистую Матерь Божію, былъ призванъ Богомъ на престолъ епископскій для управленія Богомъ хранимыми городами—Владиміромъ и Суздалемъ. Такимъ образомъ украсился вѣнецъ церкви той свѣтомъ звѣзднымъ, престолъ же ея просвѣтился какъ солнце и какъ луна полна. Сей блаженный пастырь просіялъ на престолѣ добрыми дѣлами своими, какъ звѣзда утренняя, какъ луна и какъ солнце; ученіемъ своимъ онъ просвѣщалъ всѣхъ, любовію согрѣвалъ, благодатію, испрошенною отъ Бога, даровалъ всѣмъ жизнь (духовную). Сей блаженный Симонъ всегда представлялъ себя какъ бы звѣздою утреннею, которая возвѣщаетъ конецъ ночи и начало дня, поэтому онъ всегда хранилъ себя отъ всѣхъ дурныхъ и грѣховныхъ дѣлъ и всѣми силами устремлялся на дѣла добрыя, благодатныя. Помышлялъ про себя святый и то, что Солнце и Луна—суть какъ бы два глаза, неусыпно бдящихъ на небѣ; поэтому онъ всячески заботился о томъ, чтобы его престолъ сіялъ, какъ Солнце и какъ полная Луна, и лично самъ старался подражать тѣмъ неусыпнымъ очамъ небеснымъ, для чего съ неусыпною бодростію прилежно пасъ духовное стадо свое.

Блаженный Симонъ долгое время подвизался какъ ревностный пастырь, усердно и внимательно заботившійся о своей паствѣ; и слѣдуетъ замѣтить, что преподобный весьма успѣшно проходилъ служеніе свое. Въ то же время святый не оставлялъ и трудовъ своихъ иноческихъ, всегда представляя въ мысли своей труды и подвиги честныхъ подвижниковъ печерскихъ и радуясь душею своею о томъ, что Господь сподобилъ его въ сей честной обители принять образъ иноческій и быть какъ бы сожителемъ святыхъ печерскихъ подвижниковъ; святый Симонъ постоянно призывалъ ихъ къ себѣ на помощь въ молитвахъ своихъ и по предстательству ихъ предъ Богомъ при помощи благодати Божіей успѣшно устроялъ дѣла паствы своей, такъ что на немъ исполнились и всѣ прочія подобія и наименованія, усвояемые Іисусомъ, сыномъ Сираха, Симону, первосвященнику іудейскому, угодившему Богу въ Ветхомъ Завѣтѣ. Кромѣ вышеупомянутыхъ наименованій, Іисусъ, сынъ Сираховъ, пишетъ о томъ Симонѣ, что онъ былъ какъ бы дугою небесною, какъ бы цвѣтъ шипковъ, какъ крінъ, какъ

[1]) Еванг. отъ Іоанна, гл. 21, ст. 15—17.

стебло̀ лїва́ново, какъ ѻ҆́гнь и҆ лїва́нъ на ѻ҆гни́щи, какъ сосꙋ́дъ зла́тъ и҆ско́ванъ, какъ ма́слина и какъ ки҆пари́съ[1]). Всѣ эти добродѣтели архипастырскія, предуказанныя этими наименованіями, проявилъ въ своей жизни и добрый пастырь Симонъ. Такъ онъ весьма заботился о сохраненіи и водвореніи между людьми мира, предуказаннаго небесною дугою; далѣе,—онъ училъ всѣхъ самимъ дѣломъ своимъ терпѣнію, произрастая какъ цвѣтокъ яблочнаго дерева среди терній, всегда трудясь въ мысленномъ вертоградѣ паствы своей; наставлялъ всѣхъ и дѣломъ и словомъ чистотѣ духовной, какъ бы насаждая бѣлую лилію; поучалъ всѣхъ непрестанной молитвѣ къ Богу, умножая какъ бы благоухающія растенія ливанскія. Всегда благодарилъ Бога, даже среди скорбей своихъ, и къ тому же поучалъ и паству свою, представляя собою какъ бы ладанъ, благоухающій на огнѣ, предлагаемый всѣмъ въ драгоцѣнномъ сосудѣ любви и премудрости духовной; онъ укоренялъ среди паствы своей маслину милосердія и любви къ ближнему, а также возращалъ въ паствѣ своей, какъ кипарисъ, постоянную мысль о Богѣ.

Сей блаженный Симонъ настолько изучилъ подвижническую жизнь святыхъ угодниковъ Кіево-Печерскихъ, что какъ бы написалъ ее на скрижаляхъ сердца своего; поэтому онъ восхотѣлъ, чтобы и прочимъ благочестивымъ людямъ была извѣстна жизнь Кіево-Печерскихъ подвижниковъ; а для этого онъ рѣшилъ составить письменное описаніе подвижнической жизни печерскихъ иноковъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ это время по причинѣ многочисленныхъ войнъ и усобицъ было утеряно много книгъ, такъ что многія событія, описанныя въ этихъ книгахъ, начинали приходить въ забвеніе. Ввиду этого блаженный Симонъ съ большимъ усердіемъ разыскивалъ всѣхъ очевидцевъ того или другого чудеснаго событія, случившагося въ Кіево-Печерской обители, и всѣ, полученныя такимъ образомъ свѣдѣнія, преподобный съ усердіемъ собиралъ въ одно цѣлое, трудясь какъ мудрая пчела. Потому-то онъ и просвѣтилъ насъ свѣтомъ солнечнымъ, луннымъ и звѣзднымъ, такъ какъ описалъ намъ чудеса преподобнаго Антонія, этого свѣтозарнаго солнца, и чудесное окованіе раки преподобнаго Ѳеодосія—луны полной; ко всему этому блаженный Симонъ присовокупилъ сказаніе о святой, небесамъ подобной, церкви Кіево-Пе-

---

[1]) Кн. Іисуса, сына Сирахова, гл. 50, ст. 8—11.

черской, престолъ которой поистинѣ сіялъ какъ Солнце и какъ Луна полная;—все это занесено преподобнымъ Несторомъ въ первую часть Патерика[1]). Кромѣ того, блаженный Симонъ въ посланіи къ Поликарпу предложилъ свѣдѣнія о жизни многихъ подвижниковъ печерскихъ, сіявшихъ какъ звѣзды подвигами своими;—это вошло во вторую часть Патерика. Впослѣдствіи Симонъ еще разъ написалъ посланіе къ тому же Поликарпу, въ которомъ говоритъ о подвигахъ и многихъ другихъ подвижниковъ Кіево-Печерскихъ.

Изъ сочиненій сего блаженнаго Симона видно, что онъ имѣлъ великую любовь ко Пресвятой Богородицѣ и къ преподобнымъ отцамъ—Антонію и Ѳеодосію Печерскимъ, такъ что онъ съ сими преподобными обиталъ духомъ и умомъ своимъ какъ бы въ одной пещерѣ, несмотря на то, что тѣломъ своимъ жилъ въ своей епархіи.

Подобно тому, какъ Симонъ Петръ болѣе прочихъ Апостоловъ любилъ Господа, такъ и этотъ Симонъ, тезоименитый тому славному Апостолу, выказывалъ больше всего любовь и ревность къ Пресвятой Богородицѣ и обители Ея Кіево-Печерской.

Во дни жизни его вѣрующіе видѣли на небѣ чудное знаменіе—именно, они видѣли, что Нѣкая Жена, Невѣста Неневѣстная, Пречистая Богородица, имѣла подъ ногами Своими не только свѣтъ лунный, но и звѣздный и солнечный; ибо этотъ пастырь добрый сіялъ своими дѣлами благими (какъ мы сказали выше), какъ звѣзда и какъ луна, причемъ являлъ столь великое смиреніе, что, будучи епископомъ, писалъ въ посланіи своемъ, что считалъ бы честію для себя быть соромъ, попираемымъ и разбрасываемымъ въ сторону ногами проходящихъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ посланіе его.

Этотъ добрый пастырь потрудился довольно продолжительное время, питая духовныхъ овецъ своихъ пищею нетлѣнною, ведущею въ жизнь, такъ какъ предлагалъ всѣмъ пасомымъ своимъ

---

[1]) *Патерикъ*, по переводу съ греческаго, значитъ *отечникъ*, то есть сборникъ, заключающій въ себѣ краткія повѣсти о жизни подвижниковъ благочестія, или нравоучительныя слова ихъ. Кіево-Печерскій Патерикъ представляетъ собою собраніе краткихъ повѣстей о подвигахъ печерскихъ иноковъ. Въ основу этого Патерика вошли 14 сказаній Симона, епископа Владимірскаго и Суздальскаго, затѣмъ жизнеописанія святыхъ, составленныя лѣтописцемъ Несторомъ и другими лицами.—Что касается до сказаній Симона, то девять изъ нихъ повѣствуютъ о чудотворцахъ печерскихъ и пять—о чудесахъ, сопровождавшихъ построеніе главной печерской церкви.—Болѣе подробныя свѣдѣнія о Патерикѣ Кіево-Печерскомъ можно читать на стр. XVI—XVII предисловія къ I-ой (сентябрьской) книгѣ «Житій святыхъ».

житія святыхъ, подвизавшихся въ обители Кіево-Печерской, и въ письмени и самымъ дѣломъ жизни своей.

Пробывъ двѣнадцать лѣтъ на архипастырскомъ престолѣ, блаженный Симонъ отошелъ къ пастырямъ, возсѣдающимъ на двѣнадцати престолахъ и къ Самому Пастыреначальнику, Господу Іисусу, дабы воспріять отъ Него неувядаемый вѣнецъ славы. Тѣло же его честнòе, согласно его желанію, выраженному въ посланіи къ блаженному Поликарпу, а также въ соотвѣтствіе его любви къ святымъ подвижникамъ Кіево-Печерскимъ, положено въ печерскихъ пещерахъ, гдѣ и донынѣ пребываетъ въ нетлѣніи, въ честь, славу и хвалу Отца, и Сына, и Святаго Духа — Единаго Бога въ Троицѣ славимаго, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь [1]).

[1]) Кончина преподобнаго Симона послѣдовала въ 1226 г., на 11-мъ году управленія имъ епархіей Владимірской и Суздальской (управлялъ епархіей съ 1215 г. по 1226 г.).

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ИСИХІЯ

Святый мученикъ Исихій пострадалъ въ царствованіе императора Максиміана[1]). При дворѣ послѣдняго онъ занималъ первое мѣсто, имѣлъ званіе магистріана[2]) и жилъ въ Антіохіи[3]). Максиміанъ исключилъ христіанъ изъ военной службы и тѣмъ, которые желали оставаться въ христіанской вѣрѣ, повелѣлъ снять съ себя воинскіе пояса и перейти въ положеніе наемныхъ слугъ. Послѣ такого царскаго повелѣнія многіе предпочли безславную жизнь слугъ губительному почету воинскаго званія. Въ числѣ ихъ былъ и славный Исихій. Узнавъ объ этомъ, Максиміанъ приказалъ ему снять съ себя драгоцѣнныя одежды сановника, одѣть грубую власяницу[4]) и пребывать въ числѣ женской прислуги. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ призвалъ Исихія къ себѣ и сказалъ ему:

— Исихій! Скажи мнѣ, неужели тебѣ не стыдно оставаться въ такомъ безчестіи?

Но святый на это отвѣтилъ ему:

— Честь, которую я имѣлъ отъ тебя, временна.

Послѣ такого отвѣта Максиміанъ повелѣлъ привязать Исихію на шею жерновный камень и бросить его въ рѣку. Такъ и скончался святый мученикъ[5]).

---

1) Здѣсь разумѣется *Максиміанъ Галерій*, зять и преемникъ императора Діоклетіана, царствовавшій въ Восточной половинѣ Римской имперіи съ 305 г. до 311 г. Въ 292 году Діоклетіанъ избралъ Галерія помощникомъ своимъ въ управленіи имперіей съ титуломъ кесаря и поручилъ ему Иллирію и страны по Дунаю. Состоя съ Діоклетіаномъ въ родственной связи, Галерій имѣлъ сильное вліяніе на престарѣлаго императора и еще до изданія въ 303 году общаго эдикта противъ христіанъ принудилъ его издать частный эдиктъ, по которому христіане удалялись изъ военной службы, причемъ самъ былъ наиболѣе ревностнымъ исполнителемъ этого эдикта. Онъ не только изгонялъ христіанъ изъ военной службы, но и удалялъ ихъ отъ своего двора.

2) Названіе *магистріана*, или *магистра*, означало при дворѣ Римскихъ императоровъ одну изъ высшихъ придворныхъ должностей, нѣчто въ родѣ нашего Министра Двора.

3) Здѣсь надо разумѣть *Антіохію Сирійскую*, нѣкогда великолѣпную столицу Сиріи, а нынѣ бѣдный городокъ Антіохійской Турціи.

4) *Власяница* — одежда, сплетенная изъ конскаго волоса.

5) Святый мученикъ скончался при Діоклетіанѣ, но годъ его кончины неизвѣстенъ.

СТРАДАНІЕ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

АЛФІЯ, ФИЛАДЕЛЬФА, КИПРІАНА[1])

и другихъ, съ ними пострадавшихъ

Сіи святые Христовы мученики происходили изъ Италіи. Изъ нихъ Алфій, Филадельфъ и Кипріанъ были сыновьями италійскаго князя[2]), и ихъ наставилъ въ христіанской вѣрѣ и крестилъ нѣкій Онисимъ. Въ то время изъ Рима было прислано въ ихъ страну повелѣніе разыскивать христіанъ, и когда обнаружилось, что они христіане, то ихъ вмѣстѣ съ Онисимомъ, Еразмомъ и другими четырнадцатью христіанами отправили въ Римъ къ императору Ликинію[3]). По повелѣнію послѣдняго Онисиму положили на грудь огромный камень, отъ чего онъ и скончался. Еразму же и другимъ четырнадцати святымъ мученикамъ отсѣкли мечомъ головы, а Алфій, Филадельфъ и Кипріанъ были отправлены въ Селевкію[4]) и тамъ умерщвлены за вѣру во Христа[5]).

---

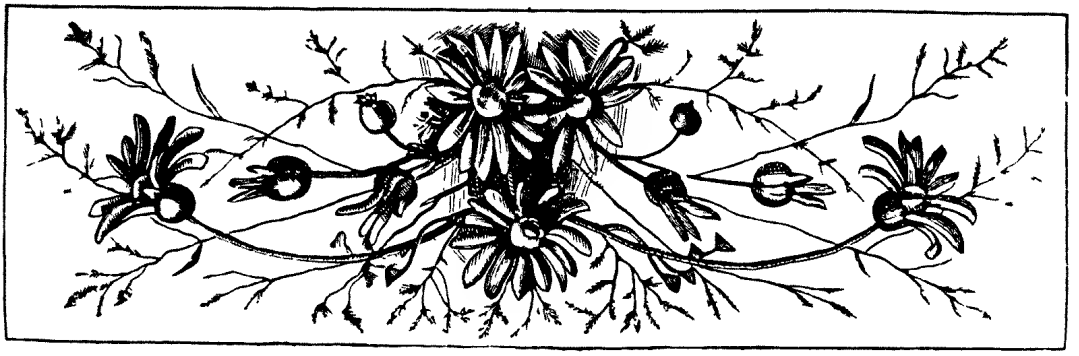
1) *Кипріанъ* по греческому стихословію въ Миннеѣ — *Киприпъ*, а по актамъ святыхъ и другимъ древнимъ памятникамъ — *Киринъ*.

2) По изысканіямъ Болландистовъ родиной сихъ святыхъ мучениковъ былъ городъ Баста въ южной Италіи близъ береговъ Сицилійскаго, или Іоническаго, моря; по мѣсяцеслову имп. Василія отецъ нхъ носилъ имя Виталія.

3) *Ликиній*, какъ утверждаютъ Болландисты, не былъ тогда еще императоромъ, а состоялъ только въ должности правнтеля области, управлялъ же имперіей Декій. По мѣсяцеслову имп. Василія мучителемъ святыхъ братьевъ-мучениковъ и другихъ, съ ними пострадавшихъ, былъ префектъ Діомидъ, которому Ликиній отдалъ нхъ для суда и наказанія.

4) *Селевкія*—городъ въ малоазійской римской провинціи Киликіи, но здѣсь въ Прологѣ опечатка или описка. По актамъ святыхъ святые три брата-мученика скитались въ Сициліи, въ городѣ Леонтинахъ.

5) Святые мученики скончались въ 251 году, 10 мая. Правитель Тертиллъ Алфею велѣлъ отрѣзать языкъ, и онъ умеръ отъ истеченія крови, Филадельфъ сожженъ на желѣзной рѣшеткѣ, а Кнпріанъ—на сковородѣ. Въ 1517 году тѣла ихъ обрѣтены въ городѣ Леонтиахъ н торжественно выставлены для почитанія.



День одиннадцатый

СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
МОКІЯ

Въ царствованіе Діоклетіана[1]) при анѳипатахъ[2]) Лаодикіи и Максимѣ во время гоненій, повсюду поднятыхъ на христіанъ, въ городѣ Амфиполѣ, находившемся въ Македоніи, проживалъ пресвитеръ христіанскій Мокій. Въ то время, когда язычники справляли нечистое торжество своему нечестивому богу Діонисію, или Бахусу[3]), этотъ пресвитеръ, разжегшись ревностію о Имени Христовѣ, сталъ посреди язычниковъ и во всеуслышаніе сказалъ:

— Слушайте, о прельщенные и заблуждающіеся! До которыхъ поръ вы будете заблуждаться, безразсудно ходя во тьмѣ идолослуженія? До которыхъ поръ не будете сознавать своей погибели? Когда же, наконецъ, опротивѣютъ вамъ всѣ эти бѣсовскія мер-

---

1) *Діоклетіанъ* управлялъ Римскою имперіею съ 284 г. по 305 г.

2) *Анѳипатъ* —правитель области.

3) *Діонисій*, или *Бахусъ*, по ученію греческой миѳологіи, сынъ Зевса и Семелы, богъ винограда и винодѣлія, даромъ вина радовавшій сердца людей. Діонисій считался покровителемъ вообще всего растущаго на поляхъ—цвѣтовъ и плодовъ. Празднованіе въ честь Діонисія носило первоначально характеръ умѣренный, но впослѣдствіи перешло въ разгулъ и развратъ. Во время этихъ празднествъ язычники бѣгали въ возбужденномъ, опьянѣломъ состояніи, растерзывали животныхъ и ѣли окровавленное мясо. Въ честь бога Діонисія празднества совершались четыре раза въ году и продолжались каждый разъ по нѣскольку дней или даже недѣль.

зости? Обратитесь же и познайте Владыку Бога, явленнаго намъ Единороднымъ Сыномъ Его, Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, свѣтомъ истины разогнавшаго тьму невѣдѣнія.

Много и другихъ, подобныхъ этимъ, словъ говорилъ блаженный Мокій и говорилъ не одинъ разъ, но ежедневно, подходя къ народу, во всеуслышаніе обличалъ заблужденіе язычниковъ, поклонявшихся идоламъ, и проповѣдовалъ Христа, Бога Истиннаго. Но, ослѣпленные безуміемъ, граждане не обращали вниманія на слова преподобнаго и продолжали совершать свои нечистые обряды.

Сщенномчнкъ
Мокій

Между тѣмъ изъ города Аполлонія, также находившагося въ Македоніи, въ Амфиполь прибылъ анѳипатъ, по имени Лаодикій, и сталъ приносить здѣсь жертву Діонисію. Лаодикію сказано было о служителѣ Христовомъ Мокіи, что онъ многихъ отвлекалъ отъ празднованія богу Діонисію. Язычники многое клеветали на святаго, говоря:

— Здѣсь есть учитель христіанскій, который старался прельстить народъ какимъ-то страннымъ ученіемъ; онъ убѣждаетъ всѣхъ вѣровать въ распятаго и умершаго Человѣка; и дѣйствительно, многіе, оставивъ боговъ нашихъ, приняли вѣру его. Если ты не воспретишь ему распространять это ученіе, то весь городъ пойдетъ за нимъ, и тогда уже некому будетъ приносить жертвъ богамъ.

Анѳипатъ, весьма разгнѣвавшись, велѣлъ бить святаго. Затѣмъ, сѣвъ на судилищномъ мѣстѣ, повелѣлъ призвать къ себѣ святаго Мокія. Когда онъ былъ призванъ, анѳипатъ спросилъ его:

— Скажи мнѣ: кто ты, не желающій принести жертвъ вмѣстѣ съ нами и отговаривающій людей отъ принесенія жертвъ богамъ?

Святый Мокій отвѣчалъ:

— Невѣжда, не знающій истины! Для чего ты меня спрашиваешь о томъ, что все равно ты не поймешь? Подумай немного про себя и признай истину, потому что я изучалъ Священное Писаніе и узналъ изъ него, что **всѝ бо́зи ꙗ҆зы́къ бѣ́сове** суть[1]), и надежда на нихъ суетна.

Лаодикій же сказалъ:

— Я вижу, что ты обученъ многословію.

Мокій сказалъ на это:

— Многословіе наше научаетъ насъ истинѣ; если хочешь разумѣть истину, выслушай, что я скажу тебѣ: боги, которымъ вы поклоняетесь, суть бѣсы,—они нѣмы и глухи.

Лаодикій сказалъ:

— Принеси жертву богамъ, если желаешь сохранить жизнь свою, которую ты самовольно хочешь погубить.

Но святый отвѣчалъ:

— О анѳипатъ! Смерть за Христа—есть великое пріобрѣтеніе для меня.

Тогда анѳипатъ, преисполнившись ярости, приказалъ повѣсить святаго Мокія на мучилищномъ деревѣ и строгать тѣло его отъ головы до ногъ желѣзными орудіями.

Будучи терзаемъ, святый воззвалъ къ Богу, говоря такъ:

— Владыко, царствующій во вѣки, сіяющій лучами правды! Яви рабамъ Твоимъ божественную силу Твою и дай мнѣ силу подвизаться до конца за Твои святыя Заповѣди.

Слуги мучителя столь долгое время терзали тѣло святаго, что, наконецъ, изнемогли сами. Тогда анѳипатъ приказалъ имъ уйти—какъ лѣнивымъ и слабосильнымъ; мученика же велѣлъ снова позвать къ себѣ на допросъ.

Несмотря на вынесенныя мученія святый предсталъ предъ Лаодикіемъ крѣпкимъ тѣломъ, готовый съ еще бо́льшимъ мужествомъ свидѣтельствовать истину. Идя къ мучителю, Мокій громогласно прославлялъ Бога.

Лаодикій сказалъ святому:

— Принеси жертву богу Діонисію, чтобы онъ избавилъ тебя отъ многихъ бѣдъ.

Но мученикъ отвѣчалъ:

— Неужели ты считаешь богомъ идола, недвижущагося и безгласнаго, сдѣланнаго рукою человѣка? О заблуждающійся слуга

---

1) Псал. 95, ст. 5.

діавола! Неужели ты не видишь, что тѣло мое не изнемогло отъ твоихъ мученій? Развѣ ты не видишь, что я не ощущаю совершенно никакой боли въ ранахъ моихъ? Вся сила твоя— ничто.

Выслушавъ эти слова, Лаодикій сказалъ:

— Твоя твердость въ мученіяхъ зависитъ не отъ силы Бога твоего, но отъ твоего волшебства. Вотъ, я даю приказаніе сжечь на огнѣ тѣло твое, такъ что всѣ члены твои будутъ обращены въ пепелъ, и ихъ развѣетъ вѣтеръ.

И тотчасъ мучитель приказалъ приготовить печь, весьма великую, велѣлъ наполнить ее смолою и хворостомъ и разжечь; дымъ отъ печи поднимался кверху на шестьдесятъ локтей, такъ что воздухъ кругомъ печи на большое разстояніе былъ затемненъ. Тогда Лаодикій сказалъ святому:

— Принеси жертву богу Діонисію.

Мученикъ же молчалъ.

Тогда Лаодикій снова сказалъ:

— До какихъ поръ ты будешь противиться моимъ приказаніямъ? Вотъ огонь, приготовленный для тебя. Посмотри на него и уразумѣй величіе и могущество бога нашего Діонисія, и поклонись ему.

Отвѣчалъ святый:

— Я тебѣ уже сказалъ, анѳипатъ, что я не поклонюсь глухому, слѣпому и нѣмому губителю душъ человѣческихъ. Не желаешь ли удостовѣриться въ томъ, что называемый тобою богомъ не есть богъ, но есть идолъ?

Отвѣчалъ Лаодикій съ гнѣвомъ:

— О проклятый! Можетъ ли быть идоломъ тотъ, кто имѣетъ въ себѣ божественную силу? Ты видишь самъ, что сила, обитающая въ немъ, принимаетъ жертвы отъ насъ и даруетъ намъ благоденствіе.

Но святый сказалъ ему:

— Не хочешь ли, чтобы я принесъ жертву богу твоему, дабы всѣ, увидавъ, что я приношу жертву богу Діонисію, познали его великую силу?

Лаодикій сказалъ:

— Поклонись и принеси жертву, и уразумѣй его величіе.

Тогда Мокій, войдя въ капище идольское, прежде всего сотворилъ на себѣ крестное знаменіе, дабы вооружиться оружіемъ

Христовымъ на діавола; затѣмъ, ставъ близъ того мѣста, гдѣ находился идолъ Діонисіевъ, помолился Богу, сказавъ такъ:

— Владыка, содержащій во власти Своей всю тварь и все создавшій черезъ посредство Христа Твоего, посрамившій діавола, не знающаго Твоей истины и даровавшій блаженство богопознанія и цѣломудрія всѣмъ, боящимся Тебя и почитающимъ Святое Имя Твое! Ты, Господи Святый, сокрушившій идоловъ вавилонскихъ и показавшій истинную вѣру Пророка Твоего Даніила; Ты, упразднившій мерзостный олтарь идольскій посредствомъ трехъ отроковъ Твоихъ и угасившій огонь въ печи[1]); Ты, потопившій фараона въ глубинахъ морскихъ и послушавшій молитвъ Моисея[2]); Ты, изведшій воду изъ камня[3]); Ты, Царь вѣчный, и нынѣ существующій и ранѣе бывшій и вѣчно имѣющій существовать,— услышь меня, раба Твоего! Вотъ, я молю Тебя: приди на помощь ко мнѣ и яви силу Твою тѣмъ, которые содержатъ вмѣсто истины ложь, дабы познали они, что Ты — Единый Истинный и вѣчный Богъ и дабы свѣтъ твой отогналъ бы тьму идолопоклонническаго заблужденія.

Помолившись такъ, святый воззвалъ громкимъ голосомъ, обратившись къ идолу:

— Непотребный и суетный! Нѣмой и безчувственный Діонисій! Повелѣваю тебѣ великимъ и преславнымъ Именемъ Христа моего, живущаго на Небесахъ: пади и простись по землѣ, дабы всѣмъ была видна твоя немощь и твое безсиліе.

И тотчасъ потряслась земля и капище то; идолъ упалъ на землю съ великимъ шумомъ и разбился на мелкія части. Увидавъ это, всѣ, бывшіе тамъ язычники, въ страхѣ бѣжали оттуда, дивясь сами въ себѣ происшедшему.

Послѣ этого святый Мокій сказалъ анѳипату Лаодикію:

— Посмотри на суету идоловъ твоихъ,—бѣсовъ. Подойди же и собери останки бога твоего, на котораго ты уповалъ, и уразумѣй, на какомъ погибельномъ пути ты стоишь!

Лаодикій весьма опечалился, сожалѣя объ идолѣ Діонисіевомъ, и тотчасъ приказалъ бросить святаго въ разожженную печь.

Когда святый былъ брошенъ въ огонь, то онъ небоязненно стоялъ среди пламени, какъ бы среди какого-либо сада, и во

---

1) Кн. Прор. Даніила, гл. 3.

2) Кн. Исх., гл. 14.

3) Кн. Исх., гл. 17, ст. 1—7.

всеуслышаніе прославлялъ Бога. Въ печи видѣли еще трехъ мужей, пѣвшихъ съ нимъ; среди этихъ трехъ мужей Одинъ имѣлъ очень свѣтлое лицо, сіявшее какъ Солнце; блескъ, исходившій отъ лица Его, былъ сильнѣе блеска огня. Затѣмъ святый сказалъ мужамъ, находившимся съ нимъ въ пещи:

— Благодарю Тебя, Владыко Боже нашихъ отцевъ, слову Котораго всѣ повинуются; благословенъ Ты, Господь силъ, Творецъ всѣхъ Силъ Небесныхъ, восхваляемый устами святыхъ Архангеловъ, соприсутствовавшій нѣкогда тремъ отрокамъ въ пламени (посреди тѣхъ трехъ отроковъ Ты, четвертый, былъ видѣнъ). Молю Тебя, Спаситель мой, разруши и уничтожь огонь разожженной печи сей и пожги огнемъ вотъ этого анѳипата. Покажи на немъ гнѣвъ Твой и уничтожь его съ лица земли, дабы всѣ видѣли, что Ты—единый Истинный Богъ, пребывающій на Небеси.

И тотчасъ огонь изъ печи простерся до анѳипата и превратилъ его въ пепелъ вмѣстѣ съ девятью оруженосцами, стоявшими близъ него, такъ что ничего не осталось отъ тѣлъ ихъ, ибо гнѣвъ Божій уничтожилъ ихъ. Народъ, видя все происшедшее, пришелъ въ великій страхъ и бѣжалъ въ ужасѣ отъ печи; святый же Мокій вышелъ изъ печи совершенно здоровымъ и невредимымъ.

Узнавъ о такомъ чудѣ, градоначальникъ Ѳалласій преисполнился великой ярости и, взявши святаго Мокія, приказалъ заключить его въ темницу.

Спустя двадцать дней послѣ этого въ городъ тотъ прибылъ другой анѳипатъ, по имени Максимъ. Узнавъ все, что сдѣлалъ святый, а также узнавъ и о гибели Лаодикія, Максимъ сталъ изыскивать средство, посредствомъ котораго онъ могъ бы погубить святаго. Сѣвъ на своемъ судилищномъ мѣстѣ, Максимъ приказалъ призвать къ себѣ на допросъ мученика Христова. Когда святый былъ приведенъ, анѳипатъ спросилъ его:

— Скажи мнѣ, какое имя твое и изъ какого рода ты происходишь?

Отвѣчалъ святый:

— Если хочешь узнать имя и родъ мой, то слушай: отецъ мой носилъ имя Евфратія, а мать—Евстафіи; когда они приняли Святое Крещеніе, то назвали меня Мокіемъ. Будучи воспитанъ родителями моими въ жизни благочестивой, я сподобился сана священническаго въ Церкви Христа Бога моего; и вотъ теперь жизнь моя приблизилась уже къ старости.

Тогда Максимъ сказалъ:

— Кто были твои родители?

Святый отвѣчалъ:

— Отецъ мой былъ гражданиномъ великаго города Рима и исполнялъ обязанности воинскаго званія; мать же моя была дочерью анѳипата Лампадія.

Сказалъ Максимъ:

— Если ты происходишь изъ столь знатнаго рода, то для чего отдался волшебству, неприличному для тебя? Для чего ты уничтожилъ великаго бога Діонисія и сжегъ друга царскаго, анѳипата Лаодикія? Для чего ты помѣшалъ приносить праздничныя жертвы богамъ?

Отвѣчалъ святый Мокій:

— Не я, а всесильный Богъ мой, Господь Іисусъ Христосъ, уничтожилъ и сокрушилъ бездушнаго бога Діонисія и сжегъ огнемъ ярости Своей Лаодикія. Я лишь со страхомъ и любовію служу Богу моему и исповѣдую устами своими Его Святое Имя.

Максимъ сказалъ на это:

— Оставь безуміе свое и принеси жертву Аполлону[1]); въ противномъ случаѣ ты умрешь лютою смертію.

Но мученикъ отвѣчалъ:

— Я умру лютою смертію въ томъ случаѣ, если забуду благодѣянія и милости ко мнѣ Бога моего и если буду покланяться и почитать тѣхъ, кто суть не боги, а идолы.

Тогда Максимъ приказалъ привязать мученика къ двумъ колесамъ, устроеннымъ для мученія,—такъ, чтобы при вращеніи колеса растерзали тѣло его.

Святый же посреди мукъ взывалъ:

— Какъ сладка любовь къ Богу!

Затѣмъ, обратившись къ мучителю, сказалъ:

— Исполняй съ усердіемъ волю отца твоего—діавола. Что касается меня, то я согласенъ на всѣ мученія и даже на самую смерть ради Имени Христова.

Потомъ святый началъ молиться, говоря такъ:

— Владыко, Источникъ чистоты, Помощникъ, Защитникъ и Избавитель мой! Благодарю Тебя за то, что Ты меня, недостой-

---

1) *Аполлонъ* — согласно греческой миѳологіи, сынъ Зевса и Латоны—богъ благополучія и порядка, охранитель законности. Какъ возвѣститель людямъ воли Зевса считался также богомъ предсказаній и оракула.

наго, сподобилъ подвига сего и помогъ мнѣ одолѣть діавола. Ты—Единый Богъ Истинный, содержащій умъ мой въ чистотѣ и охраняющій его отъ помысловъ нечистыхъ,—Ты устрояешь, дабы умъ мой наслаждался въ Тебѣ, Творцѣ моемъ, потому что велико Имя Твое для тѣхъ, кто любитъ Тебя.

Послѣ того какъ святый помолился такъ, внезапно сокрушились мучительскія колеса, и мученикъ всталъ на землю совершенно здоровымъ и невредимымъ.

Всѣ, видѣвшіе чудо это, весьма удивились происшедшему. Мучитель же, преисполнившись стыда какъ побѣжденный мученикомъ, еще больше разгнѣвался на святаго и приказалъ бросить его въ темницу. Спустя же три дня послѣ этого приказалъ вывести святаго изъ темницы и отдать на съѣденіе звѣрямъ.

На святаго были выпущены два голодныхъ льва, громко рыкавшихъ. Когда они подошли къ святому, то легли на землю предъ нимъ, какъ бы поклоняясь ему и обнимая ноги его; затѣмъ львы начали лизать ноги святаго, какъ бы лобызая ихъ.

Народъ, видя все происшедшее, громко воззвалъ, говоря:

— Пусть будетъ отпущенъ на свободу этотъ праведникъ, котораго почитаютъ даже звѣри и котораго любитъ Богъ!

Тогда анѳипатъ Максимъ послалъ мученика въ ѳракійскій городъ Перинѳъ, называющійся нынѣ Иракліею, къ игемону Филипписію, которому и написалъ все о мученикѣ. Игемонъ же этотъ, продержавъ святаго восемь дней въ темницѣ, приказалъ отвести его въ Византію, чтобы тамъ была отсѣчена голова мученика.

Когда святый былъ приведенъ на мѣсто усѣкновенія, то, поднявъ глаза свои къ Небу, сказалъ:

— Благословенъ Ты, Господи, создавшій вѣка и доводящій до конца подвиги святыхъ. Пріими въ мирѣ духъ мой!

И былъ къ святому Голосъ съ Неба, говорившій:

— Радуйся, добрый подвижникъ Мой, Мокій, побѣдившій явно предъ всѣми силу мучителя. Пріиди и водворись съ прочими подвижниками въ Царствѣ Небесномъ. Ты трудился достаточно въ мірѣ; отдохни же теперь и возвеселись на Небѣ.

Затѣмъ мученикъ Христовъ былъ усѣченъ во главу[1]).

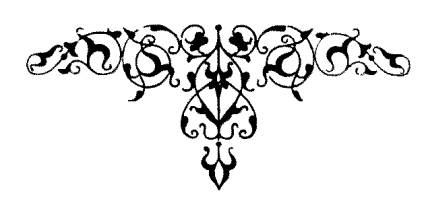
---

[1]) Кончина св. мученика послѣдовала около 295 г.

Свой мученическій подвигъ святый Мокій совершилъ въ одиннадцатый день мѣсяца мая, въ который впослѣдствіи императоръ Константинъ установилъ ему празднованіе. Этотъ же императоръ построилъ и храмъ въ честь святаго и перенесъ въ него мощи мученика. Всѣ, кто празднуетъ память святаго мученика Мокія, да воодушевятся вѣрою, что и они будутъ участниками вмѣстѣ съ нимъ въ благодатномъ царствѣ Господа нашего Іисуса Христа, Которому возсылается вмѣстѣ со Отцемъ, и Святымъ Духомъ слава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Воѡрꙋжи́вся щито́мъ вѣ́ры, нечести́выхъ ѡ҆полче́нїѧ сте́рлъ є҆сѝ сщ҃енномч҃нче, и҆ вѣне́цъ ѿ хрⷭ҇та̀ взѧ́лъ є҆сѝ мѡкі́е: тѣ́мъ и҆ со а҆́гг҃лы ра́дꙋѧсѧ, сп҃са́й ѿ бѣ́дъ пою́щыѧ тѧ̀, молѧ̀ непреста́ннѡ ѡ҆ всѣ́хъ на́съ.



ЖИЗНЬ и ТРУДЫ

ПРЕПОДОБНЫХЪ ОТЕЦЪ НАШИХЪ

МЕѲОДІЯ и КОНСТАНТИНА,

въ монашествѣ КИРИЛЛА,

учителей славянскихъ

Во дни иконоборческихъ греческихъ царей Льва Армянина[1]), Михаила Травла[2]), или Балба, и затѣмъ сына Михаила—Ѳеофила[3]) въ городѣ Солунѣ, въ Македоніи, жилъ знатный и богатый вельможа, званіемъ воинъ-сотникъ, по имени Левъ. Жену его звали Маріей. Жилъ онъ благочестиво, исполняя всѣ Заповѣди Божіи, какъ нѣкогда Іовъ. У нихъ было семь сыновей: старшаго звали Меѳодіемъ, а младшаго Константиномъ, въ монашествѣ Кирилломъ.

Святый Меѳодій сначала служилъ, какъ и отецъ его, въ военномъ званіи. Царь, узнавъ о немъ какъ о хорошемъ воинѣ, поставилъ его воеводой въ одно славянское княжество, Славинію, бывшею подъ греческою державой. Это случилось по особому усмотрѣнію Божію и для того, чтобы Меѳодій могъ лучше научиться

---

1) *Левъ V Армянинъ* — царствовалъ съ 813 г. по 820 г.

2) *Михаилъ II Балба,* или *Косноязычный,* царствовалъ съ 820 г. по 829 г.

3) *Ѳеофилъ* царствовалъ съ 829 г. по 842 г.

славянскому языку — какъ будущій впослѣдствіи духовный учитель и пастырь Славянъ[1]).

Пробывъ въ чинѣ воеводы около 10 лѣтъ и познавъ суету житейскую, Меѳодій сталъ располагать свою волю къ отреченію отъ всего земного и устремлять свои мысли къ Небесному. Къ тому же въ это время царь иконоборецъ Ѳеофилъ воздвигъ гоненіе на святыя иконы. Это гоненіе еще болѣе открыло предъ Меѳодіемъ суету мірской жизни, и онъ, оставивъ воеводство и всѣ утѣхи міра, ушелъ въ монахи на гору Олимпъ[2]), гдѣ съ большимъ повиновеніемъ и покорностью старался выполнять монашескіе обѣты, занимаясь при семъ изученіемъ священныхъ книгъ.

Блаженный Константинъ, младшій изъ сыновей Льва, уже въ младенческомъ возрастѣ проявлялъ нѣчто дивное. Когда мать, по рожденіи, отдала его кормилицѣ, чтобы та выкормила его, онъ никакъ не желалъ питаться чужимъ молокомъ, но только молокомъ матери своей. Очевидно, благочестивая отрасль не должна была питаться чужимъ молокомъ. Съ рожденіемъ Константина добрые родители дали обѣщаніе жить какъ братъ съ сестрой, какъ и прожили 14 лѣтъ до своей смерти. Предъ смертью мужа Марія плакала, говоря:

— Ни о чемъ я такъ не скорблю, какъ о Константинѣ: какъ онъ устроится въ жизни?

— Повѣрь мнѣ, жена,—отвѣчалъ Левъ,—я надѣюсь на Бога, что Господь Богъ сдѣлаетъ его таковымъ отцомъ и строителемъ, что онъ устроитъ всѣхъ христіанъ.

Такъ и произошло.

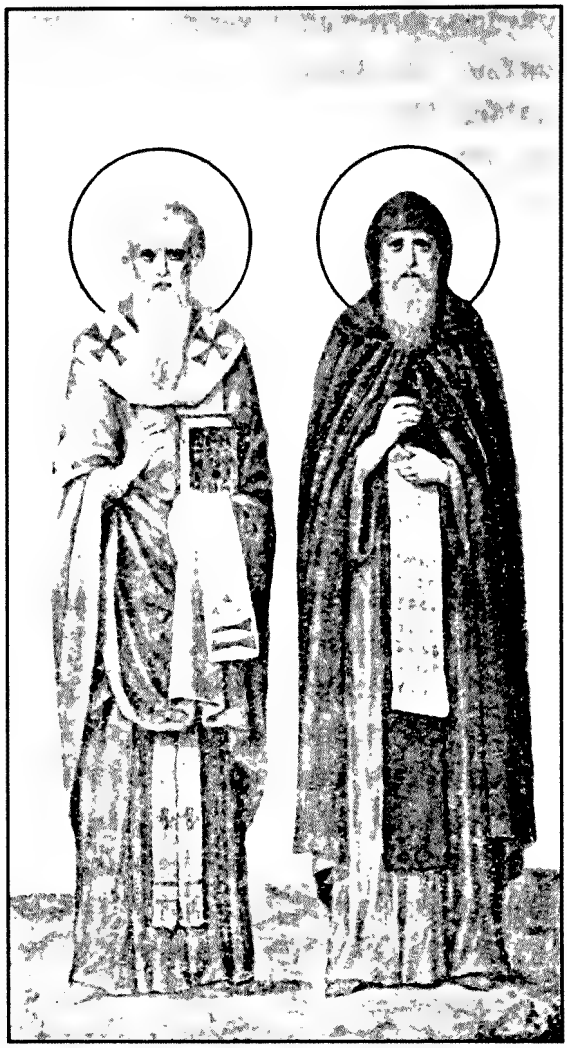
Будучи семи лѣтъ, Константинъ видѣлъ сонъ, который и разсказалъ своимъ родителямъ.

---

[1]) Когда прибыли Славяне въ Европу, неизвѣстно. Приблизительно во II в. по Р. Хр. Славяне извѣстны были по среднему и нижнему теченію р. Дуная. Здѣсь имъ пришлось много перенести отъ Волоховъ, т. е. Римлянъ, во времена Траяна, такъ что Славяне вынуждены были покинуть свои дунайскія жилища. Послѣ этого была остановка Славянъ на Карпатскихъ горахъ съ II по VII в. Отсюда подъ предводительствомъ князя Дулѣбовъ Славяне вели продолжительныя войны съ Византіей и отсюда же, вслѣдствіе нашествія Аваровъ, разселились въ разныя стороны. Существуетъ преданіе, что Ираклій, царь Греческій, въ VII в. для борьбы съ Аварами пригласилъ Славянъ на Балканскій полуостровъ. Другія же колѣна того же славянскаго племени подъ натискомъ Аваровъ пошли вверхъ по притокамъ Дуная и стали тамъ жить подъ разными именами. По рѣкѣ Моравѣ — Моравы, къ западу отъ нихъ — Чехи. На сѣверъ отъ Чеховъ — Сербы-Лужичане, къ востоку по р. Вислѣ — Поляки. Часть же Славянъ съ Карпатъ пошла на востокъ и сѣверо-востокъ и заняла мѣста по р. Днѣпру, Окѣ и до самаго Новгорода — это Поляне, Древляне, Сѣверяне и др., населившіе Русскую равнину.

[2]) *Олимпъ* — гора въ Малой Азіи, на границахъ Фригіи и Виѳиніи.

— Снилось мнѣ, — говорилъ Константинъ,—что воевода собралъ всѣхъ дѣвицъ города и сказалъ мнѣ: выбери себѣ одну изъ нихъ въ невѣсты. Я осмотрѣлъ и избралъ красивѣйшую изъ нихъ съ свѣтлымъ лицомъ и украшенную многими золотыми вещами и дорогими каменьями по имени Софію.



Прп҃бнїи
меѳо́дїй и кѵрі́ллъ

Поняли родители, что Господь даетъ отроку дѣвицу Софію[1]), т. е. премудрость Божію, возрадовались духомъ и со стараніемъ стали учить Константина не только книжному чтенію, но и богоугодному добронравію — премудрости духовной.

— Сынъ,—говорили они Константину словами Соломона,—чти Господа—и укрѣпишься; храни заповѣди — и поживешь; словеса Божія напиши на скрижали своего сердца: нарцы̀ премꙋ́дрость сестрꙋ̀ тебѣ̀ бы́ти, ра́зꙋмъ же зна́емь сотвори̇̀ тебѣ̀[2]). Премудрость сіяетъ свѣтлѣе солнца и, если ее будешь имѣть своей помощницей, она избавитъ тебя отъ многаго зла.

Родители отдали Константина въ книжное обученіе. Онъ отличался хорошею памятью и разумомъ, такъ что въ ученьи былъ лучше всѣхъ своихъ сверстниковъ. Съ нимъ произошелъ слѣдующій случай:

Какъ сынъ богатыхъ родителей Константинъ однажды вмѣстѣ съ своими товарищами отправился на соколиную охоту. Лишь только Константинъ выпустилъ своего сокола, поднялся сильный

1) *Софія*—съ греческаго значитъ: *премудрость*.

2) Прит., гл. 7, ст. 1—4.

вѣтеръ, который унесъ сокола неизвѣстно куда. Константинъ такъ сильно опечалился о соколѣ, что два дня не ѣлъ ничего, даже хлѣба. Человѣколюбивый Господь, не желая, чтобы юноша такъ печалился житейскими вещами, этимъ соколомъ уловилъ его, какъ нѣкогда Плакиду—оленемъ[1]). Размышляя о утѣхахъ сего житія, святый Константинъ говорилъ: «Какая эта жизнь, что радость непремѣнно вызываетъ печаль. Съ сего дня пойду другимъ путемъ, лучшимъ этого, чтобы можно было мнѣ избѣжать житейской суеты». Съ этого времени онъ сталъ почти всегда находиться дома, стараясь съ большимъ прилежаніемъ изучать науки, особенно ученіе святаго Григорія Богослова[2]).

Къ сему святителю Константинъ имѣлъ большую любовь и многое изъ его ученія зналъ наизусть. Начертивъ на стѣнѣ изображеніе Святаго Креста, онъ подъ этимъ Крестомъ написалъ похвалу святому Григорію въ слѣдующихъ словахъ:

«О святитель Божій, Григорій Богословъ! Ты—тѣломъ былъ человѣкъ, житіемъ же явился Ангелъ, ибо уста твои, какъ уста Серафимовъ, хвалами прославили Бога и своимъ православнымъ ученіемъ просвѣтили вселенную. Молю тебя, прими меня, съ вѣрой и любовію къ тебѣ припадающаго, и будь моимъ учителемъ и просвѣтителемъ».

Прилежно изучая книги, Константинъ видѣлъ, насколько еще незначительны его познанія, по причинѣ неимѣнія хорошаго учителя, отчего впалъ въ великое уныніе. Въ ихъ городѣ жилъ одинъ человѣкъ (странникъ), знавшій грамматику. Къ нему отправился Константинъ, умолялъ его и, упавъ ницъ предъ нимъ, сказалъ:

— Сдѣлай для меня доброе дѣло: научи меня грамматикѣ.

На это отвѣтилъ ему странникъ:

— Отрокъ, не проси меня. Я далъ обѣщаніе уже больше никого не учить.

Снова Константинъ со слезами сталъ говорить ему:

— Возьми ту часть изъ дома отца моего, которая принадлежитъ мнѣ, только научи меня.

Но и это не убѣдило сего человѣка. Тогда Константинъ отправился домой и здѣсь сталъ усердно молиться, чтобы Господь исполнилъ желаніе его сердца, нашелъ для него учителя. Господь вскорѣ выполнилъ его желаніе.

---

1) См. житіе его подъ 20 сентября.

2) Память его празднуется св. Церковію 25 января.

Въ это время въ греческой землѣ умеръ царь Ѳеофилъ и сталъ царствовать сынъ его Михаилъ съ матерью своей благочестивой царицей Ѳеодорой. Этотъ царь остался послѣ отца малолѣтнимъ, и ему въ воспитатели были назначены три вельможи: доместикъ[1]) Мануилъ, патрицій[2]) Ѳеоктистъ и логоѳетъ[3]) Дроми, который былъ хорошо знакомъ съ родителями Меѳодія и Константина. Логоѳетъ, зная о успѣхахъ и прилежаніи Константина, послалъ за нимъ, чтобы онъ учился наукамъ вмѣстѣ съ юнымъ царемъ Михаиломъ, который бы подражалъ старанію Константина. Отрокъ воспрянулъ духомъ и съ радостію отправился въ путь, молясь Богу молитвою Соломона:

«Боже отцевъ и Господи милости,—такъ молился Константинъ,—сотворившій человѣка. Дай мнѣ присѣдящую Твоему престолу премудрость и не исключи меня изъ числа Твоихъ отроковъ, ибо я—Твой рабъ и сынъ Твоей рабыни. Дай мнѣ, чтобы я зналъ все то, что угодно Тебѣ, и поработалъ ради имени Твоего во всю свою жизнь».

Въ Царыградѣ Константинъ проживалъ то у болярина въ домѣ, то въ царскихъ чертогахъ. Въ 3 мѣсяца онъ выучилъ грамматику, затѣмъ изучилъ Гомера[4]) и геометрію, діалектикѣ и философіи учился у Льва и Фотія[5]). Кромѣ этихъ наукъ, изучилъ риторику, ариѳметику, астрономію, музыкальное искусство и вообще всѣ прочія еллинскія науки. Хорошо зналъ не только греческій языкъ, но и другіе: латинскій, сирскій и нѣкоторые иностранные. Своимъ умомъ и прилежаніемъ онъ приводилъ въ удивленіе своихъ учителей, за что и получилъ впослѣдствіи названіе философа—мудреца. Но онъ былъ премудръ не только въ наукахъ, а также и въ жизни: онъ старался быть смиреннымъ, бесѣдовалъ съ тѣми, отъ кого желалъ получить наставленіе, и уклонялся отъ тѣхъ, которые могли совратить на зло. Однимъ словомъ, онъ старался перемѣнить земное на небесное и жить съ Богомъ.

Логоѳетъ, видя добрую жизнь Константина и его успѣхи въ наукахъ, сдѣлалъ его управляющимъ надъ своимъ домомъ, а также

---

1) *Доместикъ*—высшій военный сановникъ, постоянно жившій при царскомъ дворѣ. Его обязанностью было—охранять личность императора.

2) *Патриціями* въ древности назывались люди благороднаго происхожденія.

3) *Логоѳетъ*—хранитель печати, то же, что у насъ государственный канцлеръ.

4) *Гомеръ*—знаменитый древнегреческій писатель, авторъ «Иліады» и «Одиссеи», жившій за 3000 лѣтъ до нашего времени.

5) Бывшій впослѣдствіи Патріархомъ.

позволилъ ему входить безъ доклада въ царскія палаты. Однажды логоѳетъ спросилъ Константина:

— Скажи мнѣ, философъ, что называется философіей?

— Философія,—отвѣчалъ Константинъ,—есть разумѣніе божескихъ и человѣческихъ дѣлъ, которое учитъ человѣка чрезъ добродѣтель, насколько возможно, приближаться къ Богу, сотворившему человѣка по Своему образу и подобію.

Послѣ сего логоѳетъ еще болѣе возлюбилъ Константина и желалъ получить отъ него наставленіе въ философіи. Константинъ въ немногихъ словахъ изложилъ предъ нимъ философское ученіе, за что логоѳетъ оказывалъ ему особое уваженіе и даже предлагалъ много золота, но Константинъ отказался.

У этого вельможи была крестница—дѣвица богатаго и славнаго рода. Логоѳетъ задумалъ женить на ней Константина и уговаривалъ его такъ:

— Красота твоя и мудрость,—говорилъ логоѳетъ,—невольно заставляетъ любить тебя. Есть у меня духовная дочь, дѣвушка красивая, богатая, хорошаго и знатнаго рода. Если хочешь, возьми ее себѣ въ жены. Отъ царя ты получишь большую честь и княжество, а въ скоромъ времени будешь назначенъ и воеводой.

— Великъ этотъ даръ для желающихъ,—отвѣчалъ Константинъ,—для меня же нѣтъ ничего драгоцѣннѣе ученья, чрезъ которое я могу пріобрѣсти разумъ, истинную честь и богатство.

Послѣ такихъ словъ логоѳетъ отправился къ царицѣ и сказалъ:

— Молодой философъ не любитъ суеты этой жизни. Постараемся удержать его около себя, а для сего уговоримъ его посвятиться во священный санъ и быть патріаршимъ библіотекаремъ при церкви святой Софіи. Только такимъ путемъ можно удержать его.

Такъ они и сдѣлали. Константинъ сталъ священникомъ и библіотекаремъ при церкви святой Софіи. Но и въ семъ званіи Константинъ недолго былъ вмѣстѣ съ ними. Ничего никому не сказавъ, онъ отправился въ Золотой Рогъ[1]) и тамъ скрылся въ одномъ монастырѣ. Долго искали Константина и только черезъ 6 мѣсяцевъ нашли его. Занять прежнюю должность они не могли уговорить его и только упросили его быть учителемъ философіи въ главномъ Константинопольскомъ училищѣ.

---

1) *Золотой Рогъ*—длинный узкій заливъ, образующій собою бухту Босфорскаго пролива.

Въ это время Патріархъ Іоаннъ[1]) воздвигъ гоненіе на святыя иконы. Тогда былъ собранъ Соборъ, на которомъ постановили удалить сего Патріарха съ престола. На такое опредѣленіе Собора Іоаннъ говорилъ:

— Меня удалили насиліемъ, а обличить не могли, такъ какъ никто не можетъ противиться моимъ словамъ.

Царь съ новымъ Патріархомъ послали Константина къ Іоанну съ таковыми словами:

— Если будешь въ состояніи обличить сего юношу, тогда снова займешь престолъ.

Видя такого молодого философа и не зная его сильнаго ума, Іоаннъ сказалъ Константину и посланнымъ:

— Вы не стóите моего подножія. Какъ же я буду спорить съ вами?

— Не держись людскихъ обычаевъ,—отвѣчалъ Константинъ,— но смотри на Заповѣди Божія. Какъ ты, такъ и мы сотворены изъ земли, душа же—отъ Бога. Посему, смотря на землю, человѣкъ, не гордись!

— Глупо искать цвѣтовъ осенью,—сказалъ Іоаннъ,—а также и старца посылать на войну.

— Ты самъ обличаешь себя,—отвѣчалъ философъ.—Скажи мнѣ, въ какомъ возрастѣ душа бываетъ сильнѣе тѣла?

— Въ старости,—отвѣчалъ Іоаннъ.

— На какую войну мы тебя вызываемъ,—спросилъ философъ,—на тѣлесную или духовную?

— На духовную,—отвѣчалъ Іоаннъ.

— Если ты теперь сильнѣйшій духомъ,—сказалъ философъ,— то не приводи намъ такихъ сравненій. Мы безъ времени не ищемъ цвѣтовъ, а также безвременно не вызываемъ тебя на споръ.

Послѣ этого перешли къ бесѣдѣ. Старецъ спросилъ:

— Скажи мнѣ, юноша: если крестъ сломается, мы уже не поклоняемся ему, ни лобызаемъ его. Какъ же вы, если только будетъ одно лицо до персей, не стыдитесь творить ему иконную честь?

— Четыре части имѣетъ крестъ,—отвѣчалъ философъ,—и если не будетъ одной части, то крестъ потеряетъ свой видъ, икона же

---

[1]) *Іоаннъ VII* патріаршествовалъ съ 832 г. по 842 г.

имѣетъ видъ и подобіе, если будетъ написано лицо того, кого хотѣли изобразить. Взирающій же смотритъ не на лицо льва или рысье, но—на первообразъ.

— Вотъ, вы кланяетесь Кресту,—сказалъ старецъ,—если и нѣтъ на немъ надписи, иконѣ же, если не будетъ надписанія, не творите почести?

— Всякій крестъ, — отвѣчалъ философъ, — имѣетъ подобіе Креста Христова, иконы же не имѣютъ одного образа, но различны.

Наконецъ старецъ сказалъ:

— Почему вы кланяетесь иконамъ, когда Богъ сказалъ Пророку Моисею[1]): не сотворѝ... всѧ́каго подо́біѧ[2]).

— Если бы Господь сказалъ: не сотвори никакого подобія,— отвѣчалъ на это философъ,—то тогда ты говорилъ бы правильно: но Господь сказалъ: всѧ́каго, т. е. кромѣ достойнаго.

Противъ сего старецъ ничего не могъ возразить и замолчалъ.

Около этого времени пришли послы въ Константинополь отъ невѣрныхъ Агарянъ, или Сарацинъ, владѣющихъ Сиріею. Эти Сарацины еще при прежнемъ царѣ Ѳеофилѣ попущеніемъ Божіимъ за грѣхи подступили къ греческой землѣ и разорили прекрасный городъ Аморію[3]). Съ этихъ поръ они стали гордиться предъ христіанами своею силой и прислали граммату въ Царьградъ съ хуленіемъ на Пресвятую Троицу.

«Какъ вы, христіане, — писали Сарацины, — говорите, что Богъ одинъ, а раздѣляете Его на Три: исповѣдуете Отца, Сына и Духа? Если вы можете это доказать, то пришлите къ намъ таковыхъ мужей, которые могли бы побесѣдовать съ нами о вѣрѣ и убѣдить насъ»[4]).

Въ это время блаженному Константину было 24 года. Царь вмѣстѣ съ Патріархомъ собрали Соборъ, на который позвали Константина, и сказали ему:

— Слышишь ли, философъ, что говорятъ скверные Агаряне на нашу вѣру? Если ты слуга и ученикъ Святой Троицы, иди и обличи ихъ. И Богъ, совершитель всякаго дѣла, славимый въ

---

1) *Моисей*—знаменитый вождь и законодатель народа Еврейскаго, первый священный писатель, жившій за XV в. до Р. Хр.—Память его празднуется 4 сентября.

2) Кн. Исх., гл. 20, ст. 4.

3) Разсказъ о семъ находится въ описаніи страданій св. мучениковъ Аморейскихъ подъ 6 марта.

4) Это было въ 851 г.

Троицѣ, Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, даетъ тебѣ благодать и силу въ словахъ явить тебя другимъ Давидомъ, съ тремя каменьями побѣдившаго Голіаѳа[1]), и затѣмъ благополучно возвратитъ тебя обратно къ намъ.

Услыхавъ такія слова, философъ отвѣчалъ:

— Радъ я идти для вѣры христіанской. Что для меня можетъ быть лучше — умереть или остаться жить ради Святой Троицы?

Дали Константину двухъ діаконовъ[2]) и отправили ихъ къ Сарацинамъ. Они пришли прямо въ столицу Сарацинскаго княжества— Самару, расположенную около рѣки Евфрата, въ которой жилъ Сарацинскій князь Амирмушна. Здѣсь они увидѣли странныя и гнусныя вещи, которыя дѣлали Агаряне на поруганіе и посмѣяніе христіанъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстахъ. По повелѣнію сарацинской власти на внѣшней сторонѣ дверей, гдѣ жили христіане, были написаны образы демоновъ. Этимъ Агаряне хотѣли показать, что они гнушаются христіанами, какъ демонами. Какъ только прибылъ къ нимъ Константинъ, Сарацины, указывая на демоновъ, спросили его:

— Можешь ли, философъ, понять, о чемъ говорятъ эти изображенія?

— Вижу демонскій образъ,—отвѣчалъ философъ,—и думаю, что здѣсь живутъ христіане. Демоны не могутъ жить вмѣстѣ съ христіанами и бѣгутъ отъ нихъ (находятся внѣ дверей). Гдѣ же нѣтъ этого изображенія на внѣшней сторонѣ дверей, тамъ, очевидно, демоны живутъ внутри зданія.

Сарацины пригласили Константина въ княжескую палату на обѣдъ. За обѣдомъ сидѣли люди умные и книжные, изучившіе геометрію, астрономію и др. науки. Они, искушая Константина, спросили его:

— Видишь ли, философъ, дивное дѣло: пророкъ Магометъ принесъ доброе ученіе отъ Бога и обратилъ многихъ людей. Всѣ мы одинаково твердо держимся его закона и ничего не мѣняемъ. У васъ же—христіанъ, соблюдающихъ законъ Христовъ,—одинъ вѣруетъ такъ, а другой иначе и живетъ, какъ ему хочется. Есть между вами много учителей, которые учатъ по-различному, и есть иноки, носящіе черную одежду и ведущіе особый образъ жизни. Однако всѣ вы именуетесь христіанами.

---

[1]) 1 Кн. Царствъ, гл. 17.

[2]) Одного по имени Георгія.

— Два вопроса предложили мнѣ,—отвѣчалъ блаженный Константинъ:—о вѣрѣ христіанской и о законѣ христіанскомъ, или: какъ вѣруютъ христіане и какъ выполняютъ свою вѣру въ жизни. Скажу прежде всего о вѣрѣ:

Богъ нашъ, какъ пучина морская — безмѣрной широты и глубины, не постижимъ человѣческимъ умомъ и не изъяснимъ человѣческими словами, какъ говоритъ о Немъ святый Пророкъ Исаія: **ро́дъ же є҆го̀ кто̀ и҆сповѣ́сть**[1]); на основаніи этого и учитель нашъ святый Апостолъ Павелъ взываетъ, говоря: **ѿ глꙋбина̀ бога́тства и҆ премꙋ́дрости и҆ разꙋ́ма бж҃їѧ! ꙗ҆́кѡ не и҆спы́тани сꙋ́дове є҆го̀ и҆ неизслѣ́дованн пꙋтїѐ є҆го̀**[2]). Въ эту пучину входятъ многіе, желающіе взыскать Бога, и тѣ изъ нихъ, которые сильны умомъ и пріобрѣли помощь Самого Господа, безопасно плаваютъ по морю непостижимости Божіей; тѣ же, которые умомъ слабы и по своему самомнѣнію, лишившись помощи Божіей, желаютъ преплыть эту пучину въ дырявыхъ корабляхъ, тонутъ, впадая въ ереси и заблужденія, или съ трудомъ остаются на одномъ мѣстѣ, волнуясь неизвѣстностію и сомнѣніями. Поэтому многіе (какъ говорите вы) изъ христіанъ различаются по вѣрѣ. Это я сказалъ о вѣрѣ, а о дѣлахъ по вѣрѣ скажу слѣдующее:

Законъ Христовъ — не другой какой, а тотъ, который Богъ далъ Моисею на Синаѣ[3]), чтобы не убивать, не красть, не прелюбодѣйствовать, не желать чужого и пр. Нашъ Господь сказалъ: **не прїидо́хъ разори́ти зако́нъ... но и҆спо́лнити**[4]). Для болѣе же совершенной жизни и лучшаго богоугожденія Господь далъ совѣтъ проводить болѣе чистую, дѣвственную жизнь и исполнять особыя дѣла, которыя ведутъ въ жизнь вѣчную путемъ тѣснымъ и печальнымъ. Однако къ сей жизни Господь не принуждаетъ, и по насилію этого не бываетъ. Богъ создалъ человѣка между Небомъ и землею: разумомъ и смысломъ человѣкъ отличается отъ безсловесныхъ, гнѣвомъ и похотію отличается отъ Ангеловъ. Затѣмъ Богъ далъ человѣку свободную волю, чтобы онъ дѣлалъ то, что захочетъ, и къ чему будетъ приближаться—съ тѣмъ и будетъ имѣть общеніе: или будетъ общникомъ Ангеловъ, работая Богу, какъ учитъ человѣка его просвѣщенный вѣрою разумъ, или будетъ имѣть общеніе съ несмысленными скотами, если безъ всякаго воздержанія будетъ

1) Кн. Прор. Исаіи, гл. 53, ст. 8.
2) Рим., гл. 11, ст. 33.
3) Кн. Исх., гл. 20, ст. 1—18.
4) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 17.

исполнять всѣ плотскія похоти. А такъ какъ Богъ сотворилъ человѣка съ свободною волею, то Онъ желаетъ, чтобы мы спасались не насиліемъ, а по своему желанію, и говоритъ: **а҆́ще кто̀ хо́щетъ по мнѣ̀ и҆ти̑, да ѿве́ржетсѧ себѐ и҆ во́зметъ кре́стъ сво́й и҆ по мнѣ̀ гра́детъ**[1]); и: **могі́й вмѣсти́ти, да вмѣсти́тъ**[2]). Одни изъ вѣрныхъ христіанъ шествуютъ въ сей жизни болѣе удобнымъ путемъ, живутъ по законамъ естества цѣломудренно въ честномъ супружествѣ, другіе же, болѣе ревностные и желающіе быть болѣе совершенными, стараются жить подобно Ангеламъ, идутъ путемъ тѣснымъ. Поэтому христіане ведутъ различную жизнь.

Ваша же вѣра и законъ, — продолжалъ Константинъ, —не имѣютъ никакого неудобства; они подобны не морю, но малому ручью, который можетъ перепрыгнуть всякій — и великій, и малый, безъ всякаго затрудненія. Въ вашей вѣрѣ и вашемъ законѣ нѣтъ ничего божественнаго и Богодухновеннаго, но только человѣческіе обычаи и плотскія мудрованія, которыя можно безъ труда выполнить. Вѣдь законодатель вашъ Магометъ и не далъ вамъ какой-либо трудно выполнимой заповѣди: онъ даже не отвратилъ васъ отъ гнѣва и беззаконной похоти, но разрѣшилъ все. Поэтому вы всѣ однообразно выполняете вашъ законъ какъ данный по вашимъ похотямъ. Спаситель же нашъ Христосъ поступилъ не такъ. Самъ Онъ, Пречистый и источникъ всякой чистоты, желаетъ, чтобы и рабы Его жили свято, отдаляясь отъ всякой похоти и чистые присоединялись бы только чистымъ, такъ какъ въ Его царство **не и҆́мать вни́ти всѧ́ко скве́рно**[3]).

Тогда сарацинскіе мудрецы спросили Константина:

— Зачѣмъ вы, христіане, Одного Бога раздѣляете на Три: называете Отцомъ, Сыномъ и Духомъ. Если Богъ можетъ имѣть Сына, то дайте Ему и жену, чтобы было много боговъ!

— Не хулите Пребожественную Троицу,—отвѣчалъ христіанскій философъ,—Которую мы научились исповѣдовать отъ древнихъ пророковъ, которыхъ признаете и вы — какъ держащіеся вмѣстѣ съ ними обрѣзанія. Они же учатъ насъ, что Отецъ, Сынъ и Духъ—суть Три ипостаси, Существо же ихъ—едино. Подобіе сему можно видѣть на небѣ. Такъ, въ Солнцѣ, созданномъ Богомъ во образъ Святой Троицы, находятся три вещи: кругъ, свѣтлый лучъ

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 16, ст. 24.
2) Еванг. отъ Матѳ., гл. 19, ст. 12.
3) Апок., гл. 21, ст. 27.

и теплота. Во Святой Троицѣ солнечный кругъ есть подобіе Бога Отца. Какъ кругъ не имѣетъ ни начала ни конца, такъ и Богъ—безначаленъ и безконеченъ. Какъ отъ солнечнаго круга происходитъ свѣтлый лучъ и солнечная теплота, такъ отъ Бога Отца рождается Сынъ и исходитъ Духъ Святый. Такимъ образомъ, солнечный лучъ, просвѣщающій всю вселенную, есть подобіе Бога Сына, рожденнаго отъ Отца и являемаго въ семъ мірѣ; солнечная же теплота, исходящая изъ того же солнечнаго круга вмѣстѣ съ лучомъ, есть подобіе Бога Духа Святаго, Который вмѣстѣ съ рождаемымъ Сыномъ предвѣчно исходитъ отъ Отца, хотя во времени посылается людямъ и Сыномъ[1]), какъ, напр., на Апостоловъ былъ посланъ въ видѣ огненныхъ языковъ. И какъ Солнце, состоящее изъ трехъ предметовъ: круга, свѣтлаго луча и теплоты, не раздѣляется на три Солнца, хотя каждый изъ сихъ предметовъ имѣетъ свои особенности: одно есть кругъ, другое—лучъ, третье—теплота, однако не три Солнца, а одно, такъ и Пресвятая Троица, хотя имѣетъ Три Лица: Отца, Сына и Святаго Духа, однако не раздѣляется Божествомъ на три бога, но есть Одинъ Богъ.

Помните ли вы, какъ говоритъ Писаніе о томъ, какъ Богъ явился праотцу Аврааму у дуба Мамврійскаго, отъ котораго вы храните обрѣзаніе? Богъ явился Аврааму въ Трехъ Лицахъ. «**Воззрѣвъ же ѻ҆чи́ма свои́ма** (Авраамъ) **ви́дѣ, и҆ сѐ трїѐ мꙋ́жи стоѧ́хꙋ над̾ ни́мъ и҆ ви́дѣвъ притечѐ въ срѣ́тенїе и҆̀мъ ѿ двере́й сѣ́ни своеѧ̀ и҆ поклони́сѧ до землѝ и҆ речѐ: гдⷭ҇и, а҆́ще ᲂу҆̀бо ѡ҆брѣто́хъ бл҃года́ть пред̾ тобо́ю, не минѝ раба̀ твоего̀**»[2]).

Обратите вниманіе: Авраамъ видитъ предъ собою Трехъ Мужей, а бесѣдуетъ какъ бы съ Однимъ, говоря: **гдⷭ҇и, а҆́ще ᲂу҆̀бо ѡ҆брѣто́хъ бл҃года́ть пре́д̾ тобо́ю.** Очевидно святый праотецъ исповѣдывалъ въ Трехъ Лицахъ Одного Бога.

Мудрецы Сарацинъ, не зная, что сказать относительно ученія о Пресвятой Троицѣ, молчали, а затѣмъ спросили:

— Какъ вы, христіане, говорите, что Богъ родился отъ жены? Можетъ ли Богъ родиться отъ женской утробы?

— Не отъ простой жены,—отвѣчалъ философъ,—но отъ небрачной Пречистой Дѣвы родился Богъ Сынъ дѣйствіемъ Святаго Духа, Который въ Пречистой дѣвической утробѣ несказанно осно-

---

1) Т. е. ради крестныхъ заслугъ Христовыхъ: **не ᲂу҆бѡ бѣ̀ дх҃ъ ст҃ы́й, ꙗ҆́кѡ і҆и҃съ не ᲂу҆ бѣ̀ просла́вленъ** (Еванг. отъ Іоан., гл. 7, ст. 39).

2) Кн. Быт., гл. 18, ст. 2—3.

валъ плоть Христу Богу и устроилъ сверхъестественное воплощеніе и рожденіе Слова Отца. Посему и зачеснная Сына отъ Святаго Духа Дѣва, какъ предъ рожденіемъ, такъ во время рожденія и по рожденіи, пребывала Дѣвой чистой, по изволенію Бога, Которому повинуется всякое созданное существо, по словамъ церковной пѣсни: **ꙗ҆дѣ́же бо хо́щетъ бг҃ъ, побѣжда́етсѧ є҆стества̀ чи́нъ**[1]).

А что Христосъ родился отъ чистой Дѣвы Духомъ Святымъ, свидѣтельствуетъ также и вашъ пророкъ Магометъ, написавъ слѣдующее: «Посланъ Духъ Святый къ чистой Дѣвѣ, чтобы по Его изволенію Она родила Сына».

— Мы не споримъ,—сказали Сарацины,—что Христосъ родился отъ чистой Дѣвицы, только не называемъ Его Богомъ.

— Если бы Христосъ былъ простой человѣкъ, а не вмѣстѣ и Богъ, то для чего должно было произойти зачатіе Его отъ Святаго Духа? Простой человѣкъ родится отъ брачной женщины, а не отъ Неискусобрачной Дѣвицы и зачинается по естеству отъ мужа, а не по особому наитію и дѣйствію Святаго Духа.

Послѣ сего Сарацины спросили:

— Если Христосъ есть вашъ Богъ, то почему же вы не дѣлаете того, что Онъ велитъ вамъ? Вѣдь написано въ Евангеліи: молитесь за враговъ, дѣлайте добро ненавидящимъ и притѣсняющимъ васъ и бьющимъ васъ подставляйте щеку. Вы же поступаете не такъ: противъ противниковъ вашихъ вы оттачиваете оружіе.

На это философъ отвѣчалъ такъ:

— Если въ какомъ законѣ будутъ написаны двѣ заповѣди и даны людямъ для исполненія, то кто изъ людей будетъ истинный исполнитель закона: тотъ ли, кто исполнитъ одну заповѣдь, или тотъ, кто—двѣ?

— Конечно, лучшимъ исполнителемъ будетъ тотъ,—отвѣчали Сарацины,—кто исполнитъ двѣ заповѣди.

— Христосъ Богъ нашъ,—сказалъ на это философъ,—повелѣлъ намъ молиться за обидящихъ насъ и благотворить имъ, но Онъ также сказалъ и это: **бо́льши сеѧ̀ любве̑ никто́же и҆́мать, да кто̀ дꙋ́шꙋ свою̀ положи́тъ за дрꙋ́ги своѧ̑**[2]). Мы переносимъ обиды, если онѣ направлены только противъ кого-либо въ отдѣль-

---

[1]) Изъ Великаго канона, Богородиченъ.

[2]) Еванг. отъ Іоан., гл. 15, ст. 13.

ности, но мы заступаемся и даже полагаемъ души свои, если онѣ направлены на общество, чтобы наши братья не попали въ плѣнъ, гдѣ могли бы быть совращены къ богопротивнымъ и злымъ дѣламъ.

Снова Сарацины сказали:

— Христосъ вашъ давалъ дань за Себя и за другихъ (за Апостола Петра). Почему же вы не исполняете этого и не желаете платить дани? Если бы вы дѣйствительно заступались другъ за друга, то непремѣнно платили бы дань за вашихъ братьевъ такому великому и сильному народу Измаильтянскому.

— Если кто ходитъ по стопамъ своего учителя и желаетъ всегда ходить,—отвѣчалъ Константинъ,—а кто-либо другой совращаетъ его съ этого пути, такой человѣкъ другъ ему или врагъ?

— Безъ сомнѣнія врагъ,—отвѣчали Сарацины.

— Когда Христосъ давалъ дань,—спросилъ тогда Константинъ,—какое было царство: Измаильтянское или Римское?

— Римское,—отвѣчали Сарацины.

— Поэтому и мы,—отвѣчалъ философъ,—слѣдуя за Христомъ, платимъ дань царю, живущему въ новомъ Римѣ (Константинополѣ) и владѣющему древнимъ Римомъ. Вы же, когда ищете съ насъ дани, совращаете съ пути Христова и бываете нашими врагами.

Послѣ этого предложили Константину много другихъ вопросовъ изъ тѣхъ наукъ, которыя знали. На всѣ вопросы Константинъ отвѣчалъ такъ, что Сарацины не могли ничего сказать. Тогда они спросили его:

— Почему ты все это знаешь?

Тогда Константинъ привелъ слѣдующее сравненіе:

— Одинъ человѣкъ,—сказалъ онъ,—почерпнулъ воду въ морѣ и потомъ носилъ ее въ мѣшкѣ. Отойдя далеко отъ моря, онъ, указывая на мѣшокъ съ водой, говорилъ всѣмъ: видите ли воду, которую никто, кромѣ меня, не имѣетъ? Къ нему подошелъ одинъ приморскій житель и сказалъ: не стыдно ли тебѣ хвалиться какимъ-то мѣшкомъ съ водой, чего мы имѣемъ цѣлое море. Такъ и вы поступаете, когда задаете вопросы изъ тѣхъ наукъ, которымъ научились отъ насъ (Грековъ).

Затѣмъ, какъ нѣчто дивное, Сарацины показали Константину виноградникъ, нѣкогда съ усердіемъ насажденный и хорошо разрос-

шійся [1]). Константинъ объяснилъ, какъ это дѣлается. Тогда Сарацины показали ему все свое богатство: дворцы, украшенные золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями, и сказали:

— Видишь ли, философъ, какую силу и какое богатство имѣетъ Омаръ, владыка Сарацинъ?

— Нѣтъ въ этомъ ничего дивнаго,—отвѣчалъ философъ.—За все это дóлжно прославлять Бога, давшаго эти богатства для наслажденія людямъ. Все это принадлежитъ Богу и никому другому.

Въ концѣ концовъ Сарацины показали себя такими, какими они есть. Они дали въ питьѣ блаженному Константину ядъ. Но Господь, обѣщавшій всѣмъ, кто трудится во Имя Его, **а҆́ще и҆ что̀ смертно и҆спі́ютъ, не вреди́тъ и҆́хъ** [2]), сохранилъ Своего раба цѣлымъ и невредимымъ. Сарацины, видя сіе чудо, отправили Константина вмѣстѣ съ другими посланными въ свою сторону съ честію и дарами отъ своего князя.

Въ Константинополѣ царь и Патріархъ встрѣтили блаженнаго Константина съ похвалою за тотъ богоугодный трудъ, который онъ выполнилъ. Но недолго былъ Константинъ въ Царьградѣ. Скоро онъ ушелъ въ одно тихое и глухое мѣсто, гдѣ сталъ заботиться только о своемъ спасеніи. Никакого пропитанія онъ съ собой не взялъ, а возложилъ въ этомъ случаѣ надежду на Промыслъ Божій, который чрезъ христолюбивыхъ людей доставлялъ ему пищу. Изъ принесенной пищи Константинъ ничего не оставлялъ на другой день, но, послѣ обычной ѣды, все остальное раздавалъ нищимъ, уповая на Бога, Который отверзаетъ Свою щедрую руку и питаетъ Своею благостію все живущее.

Однажды у Константина подъ большой праздникъ не было никакой пищи, о чемъ сталъ сильно сокрушаться слуга его. Блаженный Константинъ сказалъ ему:

— Тотъ, Кто нѣкогда питалъ Израильтянъ въ пустынѣ много лѣтъ, неужели не напитаетъ и насъ въ этотъ великій день? Ты непремѣнно сходи и призови къ намъ на обѣдъ хоть пять нищихъ, и мы будемъ ждать милости Божіей, потому что Онъ насъ не оставитъ.

Дѣйствительно, такъ и случилось. Въ обѣденное время при-

---

1) Очевидно, здѣсь разумѣется особый видъ развода виноградниковъ какимъ-либо искусственнымъ путемъ.

2) Еванг. отъ Марка, гл. 16, ст. 18.

шелъ одинъ человѣкъ и принесъ много всякой пищи и десять золотыхъ монетъ. Блаженный взялъ это и воздалъ хвалу Богу, своему Питателю.

Отсюда Константинъ отправился на Олимпъ, къ старшему брату Меѳодію, съ которымъ и сталъ жить вмѣстѣ, исполняя въ постничествѣ иноческіе подвиги, проводя время въ молитвѣ или за книжнымъ чтеніемъ [1]).

Въ это время къ Греческому царю Михаилу пришли послы отъ Козаръ [2]) съ такими словами:

---

[1]) На Олимпѣ блаженный Константинъ впервые сталъ заниматься изученіемъ славянскаго языка. Среда, въ которой приходилось ему быть, благопріятствовала этому. Въ обителяхъ, бывшихъ на горѣ, было много иноковъ Славянъ изъ разныхъ сосѣднихъ странъ, почему Константинъ могъ имѣть здѣсь для себя постоянную практику, что для него было особенно важно, такъ какъ онъ, почти съ дѣтства, все время провелъ въ греческой средѣ. О томъ, что здѣсь святые братья занимались изученіемъ славянскаго языка, говоритъ свидѣтельство болгарскаго славянина черноризца Храбра.

[2]) *Козары,* которыхъ Греки называли *Хазарами,* а Римляне *Газарами,* были извѣстны подъ общимъ именемъ Скиѳовъ. Они говорили славянскимъ, или русскимъ, языкомъ и жили близъ Меотійскаго, или Мертваго (Азовскаго), озера, въ которое впадаетъ рѣка Донъ, отдѣлявшая (въ древнее время) Европу отъ Азіи. Въ этой странѣ сначала жило племя перваго сына Іафета Гамера, называемое *Гемеры,* по-гречески *Кимеры,* а по-русски *Цимбры,* и отъ нихъ устье Меотійскаго озера, впадающее въ Понтъ Евксинскій (Черное море), называлось Босфоръ Кимерійскій, т. е. узкое мѣсто въ Кимерійскомъ морѣ. Когда Цимбры ушли въ полночныя страны (къ сѣверу) и смѣшались съ различными народами, называясь Литвою, Жмудью, Готѳами и др., тогда на ихъ мѣстѣ около Меотійскаго озера, или Кимерійскаго Босфора, стало обитать одно изъ скиѳскихъ племенъ тюркскаго происхожденія по имени *Аланы* (отъ Аланскихъ горъ), получившее впослѣдствіи названіе *Козары* (отъ рѣки Козары). Это племя сильно размножилось и стало обитать по обонмъ берегамъ рѣки Дона: въ Азіи—до Волги, впадающей въ Каспійское, или Хвалынское, море, въ Европѣ—до Днѣпра, впадающаго въ Черное море, и даже далѣе—до Панноніи, но уже называясь другими именами: *Аварами, Гуннами* и др. Козары имѣли грубые нравы и съ виду были некрасивы. Они, какъ народъ кочевой, жили въ палаткахъ, переходя съ мѣста на мѣсто. Питались они болѣе овощами и полусырымъ мясомъ, чѣмъ хлѣбомъ, на войнѣ были очень храбры и всѣмъ страшны. Правитель у Козаръ назывался *каганъ* (*хаганъ* или *хаянъ*), какъ у насъ царь или князь. О храбрости этого народа есть много указаній у греческихъ и римскихъ лѣтописцевъ. Много горя Козары причиняли Царьграду въ царствованіе Ираклія, въ патріаршество Сергія, когда были чудесно побѣждены непобѣдимою силою Пречистой Богоматери, Которая защитила Свой городъ отъ поганыхъ Козаръ и соединившихся вмѣстѣ съ ними Персовъ, какъ пространно описано это событіе въ Синаксарѣ, въ 5 субботу Великаго Поста. Долго спустя Греческій царь Левъ Исаврянинъ, желая жить въ мирѣ съ Козарами, женилъ своего сына Константина (Копроима) на дочери кагана козарскаго, которая по Крещеніи была названа Ириной. У нихъ былъ сынъ Левъ, который по матери назывался Казаринъ, или Хазарисъ (этотъ Левъ имѣлъ жену Ирину, которая по смерти мужа возстановила Православіе, отвергши иконоборческую ересь на VII Вселенскомъ Соборѣ). Послѣ этого брака Греки стали жить въ мирѣ съ Козарами, и послѣдніе стали знакомиться съ христіанской вѣрой. Христіанство стало распространяться между Козарами главнымъ образомъ отъ Херсонянъ (Херсонъ—греческая колонія) и въ особенности послѣ свв. учителей Константина и Меѳодія. Козары съ давнихъ поръ брали дань съ русскихъ Славянъ: съ каждаго дома кожу бѣлки и съ каждаго плуга по шелягу. Эта дань была

— Мы прежде всего знаемъ Одного Бога, Который владычествуетъ надъ всѣмъ, и Ему молимся, кланяясь на востокъ, но при этомъ содержимъ и нѣкоторые непотребные обычаи. Евреи стараются, чтобы мы приняли ихъ вѣру и дѣла, и уже многіе изъ насъ стали евреями по вѣрѣ. Сарацины же, вступая съ нами въ союзъ и предлагая намъ дары, принуждаютъ насъ принять магометанскую вѣру и говорятъ, что вѣра Сарацинъ лучше вѣры всѣхъ прочихъ народовъ. Поэтому и отъ васъ, съ которыми держимъ старую любовь и дружбу, желаемъ получить полезный совѣтъ и просимъ васъ, чтобы вы прислали къ намъ какого-либо ученаго мужа и, если онъ изобличитъ Евреевъ и Сарацинъ, мы примемъ вашу вѣру.

Тогда царь Михаилъ по совѣту Святѣйшаго Патріарха Игнатія[1]), бывшаго послѣ святаго Меѳодія[2]), рѣшилъ отправить къ Козарамъ блаженнаго Константина, котораго призвали съ Олимпійской горы. Передавъ просьбу Козаръ, царь сказалъ Константину:

— Иди, философъ, къ этимъ людямъ и съ помощью Святой Троицы благовѣсти имъ ученіе о Пресвятой Троицѣ. Лучше тебя никто не можетъ выполнить сего порученія.

— Если велишь, владыко,—отвѣчалъ Константинъ,—я съ радостію пойду туда пѣшкомъ, босой и безъ всего, чего не велѣлъ брать Господь Своимъ ученикамъ, посылая ихъ на проповѣдь.

— Если бы ты дѣлалъ это отъ себя лично,—отвѣчалъ царь,— то я ничего не имѣлъ бы противъ сего, но такъ какъ ты отправляешься отъ насъ, то иди съ честію и царской помощью.

Послѣ этого Константинъ уговорилъ брата своего блаженнаго Меѳодія, знавшаго славянскій языкъ, идти съ нимъ на апостольское служеніе — просвѣтить невѣрныхъ свѣтомъ Христовой вѣры. Меѳодій согласился, и они отправились вмѣстѣ. Лежалъ имъ путь черезъ степи, а въ степяхъ въ это время жили Угры, нынѣшніе Венгерцы, или Мадьяры. Эти Угры были до того страшны, что даже мало походили на людей: одежду носили мѣхомъ вверхъ, хлѣба не сѣяли и жили разбоемъ. Когда святые братья остано-

---

прекращена Аскольдомъ и Диромъ, которые отняли у Козаръ Сѣверянъ и Радимичей. Окончательно разбилъ Козаръ (европейскихъ) Святославъ, отецъ св. Владиміра, который взялъ ихъ городъ Бѣлую Вежу и наложилъ на нихъ дань. Азіатскіе же Козары (жившіе между Дономъ и Волгой) были завоеваны Половцами и Печенѣгами.

1) *Игнатій* патріаршествовалъ съ 847 г. по 857 г.; затѣмъ вторично съ 867 г. по 877 г.

2) Память св. Меѳодія 23 октября.

вились здѣсь для молитвы, на нихъ напали Угры, которые выли какъ волки, желая растерзать ихъ. Константинъ не испугался, не оставилъ своей молитвы и, взывая ко Господу, часто повторялъ: «Господи помилуй!»

По окончаніи молитвы Угры, увидавъ Константина, по божественному смотрѣнію, стали кроткими и начали кланяться ему. Константинъ сказалъ имъ нѣсколько поучительныхъ словъ, послѣ чего Угры отпустили ихъ въ дорогу.

Прежде всего святые братья отправились въ сопредѣльный Козарамъ греческій городъ Херсонъ, что стоялъ на морскомъ берегу недалеко отъ (нынѣшняго) Севастополя. Здѣсь они провели немалое время, изучая козарскій [1]) и греческій языки. Константинъ здѣсь же перевелъ восемь частей еврейской грамматики. Они изучали ее для того, чтобы успѣшнѣе просвѣщать Хозаръ и состязаться съ Евреями, которыхъ было много между Хозарами [2]).

Здѣсь же проживалъ одинъ Самарянинъ, который ходилъ къ Константину и бесѣдовалъ съ нимъ о вѣрѣ. Однажды онъ принесъ самарянскія книги и показалъ ихъ Константину. Константинъ выпросилъ ихъ у Самарянина и, затворившись въ своей комнатѣ, сталъ усердно молить Бога, чтобы Онъ помогъ ему изучить ихъ. Съ помощію Божіей Константинъ скоро и хорошо изучилъ эти книги. Узнавъ объ этомъ, Самарянинъ воскликнулъ:

— Воистину, кто вѣруетъ во Христа, скоро пріемлетъ благодать Святаго Духа.

Сынъ Самарянина тотчасъ же крестился; послѣ него принялъ Христову вѣру и Самарянинъ.

Въ Херсонѣ Константину удалось найти «Евангеліе и Псалтирь Русьскими письмены писана», а также человѣка, говорившаго на этомъ языкѣ. Константинъ, бесѣдуя съ нимъ, научился этой рѣчи и на основаніи бесѣдъ раздѣлилъ письмена на гласныя и согласныя буквы и съ помощію Божіей вскорѣ началъ читать и объяснять найденныя книги. Многіе, видя таковую мудрость, дивились и славили Бога.

Здѣсь же святые братья узнали, что мощи святаго священномученика Климента, папы Римскаго [3]), находятся въ морѣ. Они

---

[1]) *Козары* говорили на славянскомъ языкѣ.

[2]) Вліяніе Евреевъ было здѣсь такъ сильно, что даже династія козарскихъ кагановъ съ своимъ дворомъ, т. е. высшимъ классомъ козарскаго общества, приняла іудейство.

[3]) Память его празднуется св. Церковію 25 ноября.

стали убѣждать Херсонскаго епископа открыть святыя мощи. О сихъ мощахъ повѣствуется слѣдующее:

Когда святый Климентъ былъ заточенъ изъ Рима въ Херсонъ и многихъ обратилъ тамъ въ христіанскую вѣру, тогда игемонъ Авфидіанъ, по повелѣнію царя Траяна[1]), приказалъ потопить его въ морѣ, навязавъ на его шею корабельный якорь, чтобы христіане не могли отыскать тѣла его. Вѣрные ученики святаго стояли на берегу и съ рыданіемъ смотрѣли на потопленіе ихъ учителя. Затѣмъ два вѣрнѣйшихъ ученика, Корнилій и Фивъ, сказали христіанамъ:

— Помолимся всѣ единодушно, чтобы Господь открылъ намъ тѣло святаго мученика.

По молитвѣ христіанъ море отступило назадъ на три поприща[2]). Народъ, какъ древле Израильтяне въ Чермномъ морѣ, пошелъ по сухому дну, и нашли мраморную гробницу, сдѣланную наподобіе церкви, и тамъ увидѣли лежащимъ святое тѣло и якорь, съ которымъ былъ потопленъ святый. Христіане намѣревались взять оттуда святое тѣло, но вышеупомянутые ученики сподобились получить откровеніе, чтобы святыя мощи были оставлены неприкосновенными, и что каждый годъ въ воспоминаніе святаго море будетъ отступать назадъ на семь дней, давая путь желающимъ поклониться святымъ мощамъ. Такъ продолжалось 700 лѣтъ — отъ царствованія Траяна до царствованія Греческаго царя Никифора[3]). По грѣхамъ же людей море перестало отступать назадъ въ царствованіе Никифора, что доставило великую скорбь христіанамъ.

Святые Константинъ и Меѳодій прибыли въ Херсонъ, когда прошло уже болѣе 50 лѣтъ со времени окончательнаго скрытія святыхъ мощей. Георгій, блаженный епископъ Херсона, котораго святые братья убѣдили открыть святыя мощи, прежде всего отправился въ Константинополь къ царю и Патріарху взять у нихъ позволеніе на сіе открытіе. Вмѣстѣ съ епископомъ изъ Константинополя на открытіе святыхъ мощей прибылъ весь клиръ церкви святой Софіи. Затѣмъ всѣ вмѣстѣ, а также и святые Константинъ и Меѳодій, въ сопровожденіи народа отправились на берегъ моря, надѣясь получить желаемое. Но море не отступало. Тогда, по

---

1) *Траянъ* царствовалъ съ 98 г. по 117 г.

2) *Поприще* состояло изъ тысячи большихъ шаговъ, а въ каждомъ такомъ шагѣ считается по пяти стопъ.

3) *Никифоръ I* царствовалъ съ 802 г. по 811 г.

захожденіи солнца, сѣли на корабль и отплыли въ море. Вдругъ ночью, въ самую полночь, возсіялъ свѣтъ отъ моря и явилась честна̀я глава, а затѣмъ и все тѣло святаго Климента стало видно. Святыя мощи положили въ корабль и съ великою честью отвезли въ городъ, и положили въ Апостольской церкви[1]). Святые Константинъ и Меѳодій взяли часть святыхъ мощей и возили ихъ всюду, куда сами ходили, пока не отвезли эту часть въ Римъ.

Изъ Херсона Константинъ и Меѳодій отправились къ Козарамъ, гдѣ были съ честію приняты каганомъ Козарскимъ, которому отдали граммату отъ Греческаго царя. Блаженному Константину пришлось вести продолжительныя бесѣды съ Козарами, Евреями и Сарацинами. Въ этихъ бесѣдахъ Меѳодій почти не принималъ никакого участія, такъ какъ былъ меньше обученъ, чѣмъ Константинъ: онъ, какъ бывшій воевода, лучше зналъ, какъ обходиться съ народомъ, чѣмъ какъ вести ученые бесѣды. Поэтому Константину, который съ малыхъ лѣтъ былъ искусенъ въ наукахъ, хорошо зналъ Священное Писаніе и былъ хорошимъ проповѣдникомъ, готовымъ дать отвѣтъ на всякій вопросъ, пришлось одному вести бесѣды о вѣрѣ; Меѳодій же помогалъ Константину своею богоугодною молитвою.

Козары прислали къ Константину одного лукаваго и хитраго мужа, который сказалъ ему:

— Вы, Греки, имѣете дурной обычай поставлять вмѣсто одного царя—другого, изъ простого, нецарскаго рода. Такъ, послѣ Никифора поставили царемъ боярина Михаила Куропалата, и, оставивши его, возвели на престолъ Льва Армянина изъ простого рода, по умерщвленіи котораго поставили Михаила Травла, родомъ изъ Аморіи. У насъ же не такъ: всѣ наши каганы изъ каганскаго рода, и никто у насъ не можетъ царствовать, если не будетъ изъ этого рода.

На это Константинъ отвѣчалъ краткими словами:

— Развѣ нехорошо поступилъ Богъ, когда отвергъ неугоднаго Ему царя Саула и изъ числа пастырей стадъ избралъ по Своему сердцу мужа Давида?

---

[1]) По паннонскому списку житія, открытіе свв. мощей произошло такъ: всѣ отправились въ кораблѣ на то мѣсто, гдѣ предполагали, что находятся свв. мощи. Когда море совершенно стихло, начали искать и пѣть въ это время церковныя пѣсни. Сначала распространилось большое благоуханіе, какъ бы отъ многихъ кадилъ, и послѣ этого явились святыя мощи.

Козаринъ ничего не могъ возразить на это и предложилъ другой вопросъ:

— Вы произносите нравоученія изъ книгъ, которыя держите въ рукахъ, мы же не такъ, но произносимъ всю мудрость отъ себя, не гордясь своими писаніями, какъ дѣлаете вы. Вся мудрость какъ будто находится внутри насъ.

— Если встрѣтить нагого человѣка,—отвѣчалъ Константинъ,— который будетъ увѣрять, что имѣетъ много одежды и золота и имѣній, повѣришь ли ему, видя его нагимъ и не имѣющимъ ничего въ рукахъ?

— Нѣтъ,—сказалъ Козаринъ.—Если бы что-либо имѣлъ, то не ходилъ бы нагимъ.

— Если ты, какъ хвалишься, поглотилъ всякую мудрость,— сказалъ Константинъ козарину,—то скажи мнѣ: сколько родовъ было отъ Адама до Моисея и гдѣ какой родъ жилъ на землѣ?

Козаринъ не могъ ничего сказать. Константинъ продолжалъ:

— Поэтому я не вѣрю тебѣ, что ты изучилъ всякую премудрость и не нуждаешься въ книгахъ.

Святые братья были позваны на обѣдъ къ кагану. Передъ тѣмъ, какъ садиться за столъ, каганъ спросилъ ихъ:

— Скажите мнѣ, какого вы рода, чтобы намъ знать, на какомъ мѣстѣ васъ посадить.

— Дѣдъ нашъ,—отвѣчалъ Константинъ,—былъ великаго и славнаго рода и находился вблизи Царя. Но онъ не умѣлъ удержать данной ему великой славы, былъ изгнанъ отъ Царя и удалился въ чужую сторону, гдѣ и родилъ насъ. Мы теперь и ищемъ древнюю славу нашего дѣда и не желаемъ имѣть никакой другой. Дѣдъ же нашъ былъ Адамъ.

— Прилично и правильно говоришь ты, гость,— сказалъ каганъ, послѣ чего сталъ имѣть особое уваженіе къ Константину.

Когда сѣли за столъ, каганъ взялъ чашу и сказалъ:

— Пью въ честь Единаго Бога, сотворившаго всю тварь.

Константинъ же взялъ чашу со словами:

— Пью во славу Единаго Бога и Слова Его, Которымъ утверждены Небеса, и Животворящаго Духа, Которымъ поддерживается бытіе созданной твари.

— Вотъ мы,—сказалъ каганъ Константину,—содержимъ одинаковое ученіе о Богѣ, Творцѣ всей твари, только различаемся

тѣмъ, что вы славите Троицу, а мы славимъ Единаго Бога, какъ учатъ объ этомъ еврейскія книги.

— Если вы,—отвѣчалъ Константинъ,—изъ еврейскихъ книгъ узнали, что Богъ Единъ, то изъ тѣхъ же книгъ познайте и Святую Троицу. Еврейскія книги въ своихъ пророчествахъ проповѣдуютъ, кромѣ Отца, Слово и Духа. Такъ, Царь и Пророкъ Давидъ говоритъ: **сло́вомъ гдⷭ҇нимъ небеса̀ оу҆твердѝшасѧ, и҆ дх҃омъ оу҆стъ є҆гѡ̀ всѧ̀ си́ла и҆хъ**[1]). Вотъ въ этомъ мѣстѣ вполнѣ ясно указаны единство и троичность: Господь, Его Слово и Духъ. Господь есть Богъ Отецъ, Слово—Богъ Сынъ, Духъ устъ Господнихъ—Богъ Духъ Святый. Однако не три Господа, но Единъ Господь съ Своимъ Словомъ и Духомъ, а также не три бога въ божествѣ, но Одинъ почитаемый Богъ. Обрати вниманіе и на то, который изъ двухъ былъ бы лучшимъ почитателемъ твоего царскаго лица: тотъ ли, кто оказывалъ бы только тебѣ честь, а презиралъ бы твое слово и духъ твоихъ устъ, или тотъ, кто одинаково почиталъ бы и тебя, и твое слово, и духъ твоихъ устъ.

— Безъ сомнѣнія, послѣдній,—отвѣчалъ каганъ.

— Поэтому мы,—продолжалъ философъ,—равно почитая Святую Троицу—Отца, Сына и Святаго Духа, лучшіе и истиннѣйшіе богопочитатели, чѣмъ вы. Таковому Богопочитанію мы научились изъ пророческихъ книгъ. Кромѣ вышеуказаннаго мѣста, приведу и другія. Такъ, святый Пророкъ Исаія говоритъ о Богѣ Сынѣ въ слѣдующихъ словахъ: **послꙋ́шай мене̑, і҆а́кѡве и҆ і҆сра́илю, є҆го́же а҆́зъ призыва́ю: а҆́зъ є҆́смь пе́рвый, и҆ а҆́зъ є҆́смь въ вѣ́къ... И҆ ны́нѣ гдⷭ҇ь, гдⷭ҇ь посла́ мѧ и҆ дх҃ъ є҆го̀**[2]). Это мѣсто Священнаго Писанія древніе отцы наши[3]) такъ объясняли:

«Кто посылаемый, если не Сынъ? Отъ Кого посылается, если не отъ Отца и Святаго Отческаго Духа?»

На этомъ обѣдѣ было много Іудеевъ. Нѣкоторые изъ нихъ сказали блаженному Константину:

— Скажи намъ, христіанскій философъ: какъ можетъ женскій полъ вмѣстить во чревѣ Бога, на Котораго не могутъ взирать даже Ангелы?

Философъ, показывая перстомъ кагану на перваго совѣтника, сказалъ:

---

1) Псал. 32, ст. 6.

2) Кн. Прор. Исаіи, гл. 48, ст. 12 и 16.

3) Аѳанасій Великій, Василій Великій, Григорій Нисскій.

— Если бы кто сказалъ, что этотъ первый совѣтникъ не можетъ принять въ свой домъ кагана и угостить его, когда это можетъ сдѣлать послѣдній рабъ, то какъ бы мы назвали его: безумнымъ или разумнымъ?

— Даже и очень безумнымъ,—отвѣчали Іудеи.

Тогда философъ предложилъ такой вопросъ:

— Какое изъ всѣхъ видимыхъ въ поднебесной твореній самое честнѣйшее?

— Человѣкъ есть самое честнѣйшее твореніе, — отвѣчали Іудеи,—потому что имѣетъ разумную душу, созданную по образу Божію.

— Поэтому неразумны тѣ,—отвѣчалъ философъ,—которые признаютъ невозможнымъ, чтобы въ человѣческой утробѣ вмѣстился Богъ, тогда какъ знаютъ, что Онъ вмѣщался въ терновый кустъ (купину) при Моисеѣ. Развѣ купина — бездушное и безчувственное твореніе—честнѣе чувственной и разумной твари, имѣющей богоподобную душу? Кромѣ купины, Богъ вмѣщался въ облако, дымъ и огонь, когда являлся Іову[1]), Моисею и Иліи[2]). Особенно же чудесно то, что Богъ вмѣстился въ честнѣйшую одушевленную тварь, желая явиться на землѣ и жить съ людьми, чтобы избавить ихъ отъ смертной язвы, нанесенной человѣческому роду грѣхомъ Адама. Отъ кого, какъ не отъ Самого Творца, скажите мнѣ, дòлжно было ждать врачевства и обновленія честнѣйшему созданію, то есть роду человѣческому? Не Давидъ ли предсказалъ: **послà слóво своѐ и̂ и̂сцѣлѝ ѧ҃**[3])? Поэтому Слово Отчее, Богъ Сынъ, пришелъ и исцѣлилъ естество человѣческое. Какъ Слово Отчее могъ исцѣлить человѣка, если бы не соединился съ человѣкомъ чрезъ вочеловѣченіе и не приложился къ человѣку подобно цѣлительному пластырю? Развѣ врачъ, желая уврачевать израненнаго человѣка, прикладываетъ пластырь къ дереву или камню, а не къ больному? Поэтому и Богъ Слово Свое Единородное приложилъ, подобно пластырю, не къ дереву, хотя раньше Оно являлось и между деревьями въ купинѣ, не къ камню, хотя было видимо въ каменныхъ горахъ Синая и Хорива Моисеемъ и Иліей, но къ чело-

---

1) Память праведнаго и многострадальнаго Іова празднуется 6 мая.

2) *Илія* —израильскій Пророкъ, происходившій изъ города Ѳесвы Галаадской, жившій и дѣйствовавшій во дни нечестиваго царя Ахава и Іезавели. Исторія жизни и дѣятельности Пророка Иліи изложена въ 3-ей и 4-ой Кн. Царствъ (3 Кн. Цар., гл. 17—20 и 4 Кн. Цар., гл. 1—2). —Память его празднуется св. Церковію 20 іюля.

3) Псал. 106, ст. 20.

вѣку, объятому грѣховною болѣзнію. Соединеніе стало неразрывно, ибо Господь благоволилъ вселиться въ чистую, дѣвическую, а не просто женскую, утробу, какъ пророчествовалъ о семъ Исаія: **сѐ дѣ́ва во чре́вѣ за́чнетъ и҆ роди́тъ сн҃а, и҆ нарече́ши и҆́мѧ є҆мꙋ̀ є҆ммануи́лъ**, что значитъ: **съ на́ми бг҃ъ**[1]). Здѣсь Пророкъ ясно говоритъ, что Богъ Сынъ родится на землѣ отъ чистой и небрачной Дѣвицы. А что возможно было вселиться Богу въ дѣвическую утробу ради нашего спасенія, вспомните, что написано въ вашихъ книгахъ. Вашъ раввинъ Ахилла говоритъ: «Въ громѣ каменнѣ и въ гласѣ трубнѣмъ не являйся намъ къ тому, Господи, не являйся намъ къ тому, Господи щедрый, но вселися въ нашу утробу, грѣхи наши отъимь».

Если же Моисей молилъ Бога, чтобы вселился въ наши утробы, то почему же вы порицаете насъ, исповѣдующихъ, что Богъ вселился въ женскую утробу, и не просто женскую, но въ дѣвическую, чистую, непорочную и неискусобрачную? Онъ вселяется и въ наши утробы, когда мы, христіане, причащаемся въ Таинственной Жертвѣ. Какъ видите, древняя молитва Моисея, записанная въ вашихъ книгахъ, по свидѣтельству раввина Ахиллы, исполнилась: Богъ вселился въ наши утробы, взявъ грѣхи наши.

Послѣ обѣда всѣ разошлись и назначили день, въ который снова будутъ бесѣдовать о вѣрѣ. Въ назначенный день всѣ собрались и, по приглашенію кагана, сѣли на отведенныя мѣста. Константинъ сдѣлалъ такое предисловіе къ бесѣдѣ:

— Вотъ, я одинъ между вами чужеземецъ, а всѣ мы ведемъ бесѣду о Богѣ, въ рукахъ Котораго все, и наши сердца. Когда мы будемъ бесѣдовать, пусть тотъ изъ васъ, кто силенъ въ словахъ, если будетъ понимать, подтвердитъ наши слова, а если не будетъ, пусть снова спроситъ и мы постараемся разъяснить.

Бесѣду начали Іудеи такимъ вопросомъ:

— Скажи намъ: Богъ прежде далъ какой Законъ—Моисеевъ, или тотъ, какой содержите вы, христіане?

— Не потому ли,—отвѣчалъ блаженный Константинъ,—вы спросили меня, какой первый Законъ, чтобы потомъ сказать, что первый есть самый лучшій?

— Да,—отвѣчали Іудеи.—А поэтому слѣдуетъ повиноваться первому Закону—какъ начальнѣйшему и самому лучшему.

---

[1]) Кн. Прор. Исаіи, гл. 7, ст. 14.

— Если желаете исполнять только первый Законъ, то откажитесь отъ обрѣзанія,—сказалъ Іудеямъ Константинъ.

— Почему ты это говоришь?—спросили Іудеи.

— Скажите мнѣ поистинѣ,—сказалъ Константинъ Іудеямъ,—первый Законъ былъ данъ въ обрѣзаніи или въ необрѣзаніи?

— Думаемъ,—отвѣчали Іудеи,—что во обрѣзаніи.

— Не Ною ли,—сказалъ Константинъ,—Богъ далъ первый Законъ? А это было до обрѣзанія и послѣ Заповѣди, данной въ раю Адаму по его грѣхопаденіи. Богъ завѣщалъ Ною, чтобы не была проливаема кровь человѣка: **проливаѧй же кровь человѣчꙋ, въ ѥѧ̀ мѣсто ѥгѡ̀ пролїѣтсѧ**[1]). Затѣмъ, говоря о ѣденіи зелій травныхъ, звѣрей, скотовъ, птицъ и рыбъ, Богъ сказалъ Ною: **сѐ а҆зъ поставлѧю завѣтъ мо́й ва́мъ и҆ сѣ́мени ва́шемꙋ по ва́съ**[2]).

— Но завѣтъ не Законъ,—сказали Іудеи.—Богъ не сказалъ Ною: Законъ Мой. Но завѣтъ Мой. Мы же говоримъ о Законѣ.

— Вы соблюдаете обрѣзаніе какъ законъ или нѣтъ? — спросилъ Константинъ.

— Содержимъ какъ законъ,—отвѣтили Іудеи.

— Обрѣзаніе же,—продолжалъ Константинъ,—Богъ также не назвалъ Закономъ, а только завѣтомъ, когда говорилъ Аврааму: **ты̀ завѣтъ мо́й соблюде́ши, ты̀ и҆ сѣ́мѧ твоѐ по тебѣ̀ въ ро́ды и҆́хъ... ѡ҆брѣ́жетсѧ ѿ ва́съ всѧ́къ мꙋ́жескъ по́лъ... и҆ бꙋ́детъ въ зна́менїе завѣ́та междꙋ́ мно́ю и҆ ва́ми... и҆ бꙋ́детъ завѣ́тъ мо́й на пло́ти ва́шей, въ завѣ́тъ вѣ́ченъ**[3]). Вотъ, смотрите,—сказалъ Константинъ,—Богъ ни разу не назвалъ обрѣзаніе Закономъ, но завѣтомъ. Откажетесь ли вы поэтому отъ обрѣзанія какъ отъ незаконнаго? Если же соблюдаете завѣтъ обрѣзанія какъ Законъ, то и завѣтъ, данный Ною, должны соблюдать какъ Законъ и называть его Закономъ первымъ, который Богъ далъ роду человѣческому, изгнанному изъ рая и сохраненному отъ водъ потопа.

— Нѣтъ,—отвѣчали Іудеи.—Только Законъ, данный Моисею, есть Законъ, и его мы исполняемъ.

— Если завѣтъ, данный Ною,—сказалъ Константинъ,—не Законъ, а только завѣтъ, потому что Богъ не назвалъ его Закономъ, но завѣтомъ, то и Законъ, данный Моисею, не Законъ, потому что

---

1) Кн. Быт., гл. 9, ст. 6.

2) Кн. Быт., гл. 9, ст. 9.

3) Кн. Быт., гл. 17, ст. 9—13.

Богъ въ 11 главѣ книги Пророка Іереміи[1]) не называетъ его Закономъ, но завѣтомъ: слы́шите словеса̀ завѣ́та сегѡ̀... сі̑ѧ глаго́летъ гдⷭ҇ь бг҃ъ і҆сра́илевъ: про́клѧтъ мꙋ́жъ, и҆̀же не послꙋ́шаетъ слове́съ завѣ́та сегѡ̀, є҆го́же заповѣ́дахъ ѻ҆тцє́мъ ва́шымъ в҆ де́нь, во́ньже и҆зведо́хъ и҆̀хъ ѿ землѝ є҆ги́петскїѧ[2]). Если этотъ завѣтъ есть для васъ Законъ, то и завѣтъ, данный Ною, тоже Законъ. А такъ какъ этотъ Законъ данъ до обрѣзанія, то его вы должны и соблюдать какъ первый и не слушать другихъ Законовъ, бывшихъ послѣ него, то есть Авраамова и Моисеева. Вѣдь вы сами сказали, что первый Законъ есть самый лучшій и ему нужно повиноваться.

Іудеи уклонились тогда отъ этого вопроса, стали говорить о другомъ и сказали:

— Кто держался Закона Моисеева, тотъ угодилъ Богу. Поэтому и мы, соблюдая его, надѣемся также быть угодными Богу. Вы же держитесь новаго Закона, который сами изобрѣли для себя, а Ветхій Законъ презираете.

— Принявъ новый Законъ,—отвѣчалъ философъ,—мы поступали хорошо. Ибо и Авраамъ, если бы не принялъ обрѣзанія, но только исполнялъ завѣтъ Ноевъ, не назвался бы другомъ Божіимъ. Также и Моисей послѣ Авраама, не довольствуясь прежде данными Законами Ною и Аврааму, написалъ новый Законъ. По примѣру ихъ поступаемъ и мы. Однако, какъ они, слѣдуя другъ за другомъ, не уничтожали прежнихъ Законовъ, Авраамъ не отвергъ Ноева, а Моисей обоихъ, но, восполняя недостающее, изложили въ болѣе пространныхъ Законахъ болѣе совершенную волю Божію, чтобы заповѣдь Господня была тверда, такъ и мы не отрицаемъ Ветхаго Завѣта, написаннаго на Моисеевыхъ Скрижаляхъ, но содержимъ все то, чтобы знать Единаго Бога, Творца всей твари, а также: не убивать, не красть и прочія заповѣди. Мы удаляемся только всего того, что не написано на Моисеевыхъ Скрижаляхъ, напримѣръ: обрѣзанія, приношенія въ жертву безсловесныхъ и другихъ подобныхъ. Они были только тѣнью и подобіемъ имѣвшаго придти новаго Закона, а потому съ пришествіемъ его ихъ нужно было оставить. Какая надобность хранить тѣнь, когда имѣемъ въ рукахъ самую вещь?

— Если бы то, что ты говоришь о Ветхомъ Завѣтѣ,—возразили Іудеи,—установленія и завѣты, кромѣ Скрижалей Моисее-

---

1) См. житіе его подъ 1 мая.

2) Кн. Прор. Іерем., гл. 11, ст. 2 и 3.

выхъ, были только тѣнью и подобіемъ вашего, новаго завѣта, то древніе законодатели знали бы это и сказали бы о вашемъ, новомъ Законѣ, имѣющимъ быть въ будущее время. Вѣдь тѣнь и подобіе должны обрисовывать ту вещь, которую ждутъ видѣть глазами. Вашего же Закона законодатели не ожидали, а потому всѣ ветхозавѣтныя установленія и завѣты, какъ и Моисеевы Скрижали, не тѣнь и подобіе, но самая истина (вещь), которую и вамъ, какъ и написанное на Моисеевыхъ Скрижаляхъ, нужно хранить какъ истину.

Противъ сего философъ отвѣтилъ такъ:

— Если бы древніе законодатели, бывшіе въ Ветхомъ Завѣтѣ, и не знали того, что по ихъ Законѣ настанетъ новый Законъ, то я бы спросилъ васъ: когда въ началѣ Богъ давалъ Ною завѣтъ, о которомъ мы говорили ранѣе, возвѣстилъ ли ему тогда, что дастъ другой Законъ послѣ него угоднику Своему Аврааму? Конечно нѣтъ, а утвердилъ первый завѣтъ существующимъ въ вѣчные роды. Возвѣстилъ ли также Аврааму, когда давалъ ему завѣтъ, что впослѣдствіи дастъ другой Законъ Моисею? О нашемъ же, новомъ завѣтѣ обстоятельно возвѣстилъ чрезъ Своихъ святыхъ пророковъ. Такъ послушайте говорящаго Іеремію: **сѐ дніе грѧдꙋтъ, глаго́летъ гдⷭ҇ь, и҆ завѣща́ю до́мꙋ і҆сра́илевꙋ, и҆ до́мꙋ і҆ꙋ́динꙋ завѣ́тъ но́въ. не по завѣ́тꙋ, є҆го́же завѣща́хъ отцє́мъ и҆́хъ, въ де́нь, во́ньже є҆́мшꙋ мѝ за рꙋ́кꙋ и҆́хъ, и҆звестѝ ѧ҆ ѿ землѝ є҆гѝпетскїѧ, ꙗ҆́кѡ тїи не пребы́ша в҆ завѣ́тѣ моє́мъ, и҆ а҆́зъ небрегохъ и҆́хъ, глаго́летъ гдⷭ҇ь**[1]). Вотъ, видите извѣстное пророчество о нашемъ, Новомъ Завѣтѣ. Также и пророкъ Исаія предсказалъ о Новомъ Завѣтѣ, отъ лица Господня говоря: **не помина́йте пе́рвыхъ, и҆ ве́тхихъ не помышлѧ́йте. сѐ а҆́зъ творю̀ но́вѧ, ꙗ҆́же ны́нѣ возсїѧ́ютъ, и҆ ᲂу҆вѣ́сте ѧ҆**[2]). Итакъ, древніе законодатели знали о новоблагодатномъ Законѣ, ждали его и пророчествовали о немъ. Поэтому ваши ветхозавѣтныя установленія и завѣты есть тѣнь и подобіе ожидаемаго нашего Закона, а не самая истина, а посему ихъ необходимо откинуть какъ ненужныя.

— Всякій Еврей признаетъ за истину, что будетъ Новый Законъ,—сказали Іудеи,—но еще не пришло время явиться Помазанному.

— Чего вы еще ждете?—отвѣчалъ Константинъ.—Развѣ власть царства и княженія вашего, которая по пророчеству праотца

[1]) Кн. Прор. Іерем., гл. 31, ст. 31 и 32.
[2]) Кн. Прор. Исаіи, гл. 43, ст. 18 и 19.

Іакова должна существовать только до пришествія Христа-Мессіи, не прекратилась, развѣ Іерусалимъ не разрушенъ, развѣ жертвы не отвержены, развѣ слава Господня не переселилась отъ васъ на язычниковъ, какъ ясно предрекъ объ этомъ Пророкъ Малахія[1]), говоря: **нѣсть вола моѧ въ васъ, глаголетъ гдь вседержитель, и жертвы не пріимꙋ ѿ рꙋкъ вашихъ. занѐ ѿ востѡкъ солнца и до западъ имѧ моѐ прослависѧ во ꙗзыцѣхъ, и на всѧкомъ мѣстѣ дꙋміамъ приносится имени моемꙋ, и жертва чиста: занѐ велїе имѧ моѐ во ꙗзыцѣхъ, глаголетъ гдь вседержитель**[2]).

— Мы понимаемъ это мѣсто такъ,—отвѣтили Іудеи,—что язычники будутъ благословенными чрезъ насъ, какъ благословлены мы—сѣмя Авраама, будутъ обрѣзаны въ городѣ Іерусалимѣ.

— Черезъ Кого благословляется сѣмя Авраамово,—отвѣчалъ Константинъ,—черезъ Того и мы, именно черезъ Мессію, происшедшаго отъ Авраама, Исаака, Іакова, Іессея и Давида. Вѣдь Богъ сказалъ Аврааму: **благословѧтсѧ ѡ тебѣ всѧ племена земнаѧ**[3]), и Исааку: **благословѧтсѧ ѡ сѣмени твоемъ вси ꙗзыцы земніи**[4]), и то же Іакову[5]); Давидъ же говоритъ: **благословѧтсѧ въ немъ всѧ кѡлѣна земнаѧ, вси ꙗзыцы ѹблажатъ ѥго**[6]). А что Мессія долженъ былъ придти какъ ради племени Авраама, такъ и для спасенія язычниковъ, объ этомъ нѣкогда Іаковъ, благословляя Іуду, сказалъ такъ: **не ѡскꙋдѣетъ кнѧзь ѿ ꙗꙋды, и вождь ѿ чреслъ ѥгѡ, дондеже пріидꙋтъ ѿложеннаѧ ѥмꙋ, и той чаѧніе ꙗзыкѡвъ**[7]). И Пророкъ Захарія, возвѣщая дочери Сіона—Іерусалиму пришествіе кроткаго Царя, сѣдящаго на ослицѣ и осленкѣ, говоритъ: **и потребитъ колесницы ѿ ѥфрема, и кони ѿ іерлима, и потребитъ лꙋкъ бранный, и множество, и миръ ѿ ꙗзыкѡвъ**[8]). Вотъ, видите, что не только ради васъ, Іудеевъ, но и ради язычниковъ долженъ былъ придти Мессія. Думается мнѣ, что Онъ пришелъ болѣе ради язычниковъ, чѣмъ ради васъ, ибо вы Его не приняли, язычники же приняли Его, вы Его убили, язычники же увѣровали въ Него, вы Его отвергли, язычники же возлюбили Его; поэтому и

---

1) Память его празднуется св. Церковію 3 января.
2) Кн. Прор. Мал., гл. 1, ст. 10 и 11.
3) Кн. Бытія, гл. 12, ст. 3.
4) Кн. Бытія, гл. 26, ст. 4.
5) Кн. Бытія, гл. 28, ст. 14.
6) Псал. 71, ст. 17.
7) Кн. Бытія, гл. 49, ст. 10.
8) Кн. Прор. Захар., гл. 9, ст. 10.

Онъ отвергъ васъ, язычниковъ же призвалъ и въ нихъ прославляется. А что дѣйствительно ожидаемый Мессія уже пришелъ, вы можете убѣдиться въ томъ чрезъ святаго Пророка Даніила[1]). Этому Пророку въ Вавилонѣ, въ первый годъ царствованія Дарія, явился Ангелъ Господень Гавріилъ и отъ сего времени до пришествія въ міръ Мессіи назначилъ 7 седминъ. Каждая седмина содержитъ 70 лѣтъ, а всѣ—490 лѣтъ. Такъ считаетъ и вашъ Талмудъ. Какъ давно уже прошли эти годы? Если разсмотрите, то узнаете, что прошло уже болѣе 800 лѣтъ, какъ исполнились седмины, сказанныя Даніилу[2]).

— Спрошу васъ еще и о томъ,—сказалъ Константинъ:—какое вы думаете было царство желѣзное, о которомъ говорилъ Даніилъ Навуходоносору, когда объяснялъ ему сонъ о великомъ истуканѣ?

— Желѣзное царство означало Римское, — отвѣтили Іудеи.

— А кого,—спросилъ философъ,—означаетъ камень, отторгнувшійся отъ горы безъ рукъ человѣческихъ и сокрушившій этого истукана?

— Камень означаетъ Мессію,—отвѣтили Іудеи и при этомъ добавили:—если по сказаніямъ пророковъ и другимъ событіямъ, какъ ты говоришь, Мессія уже пришелъ, то почему же Римское царство имѣетъ власть и до сихъ поръ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ философъ,—уже не держитъ власть, но прошло мимо, какъ и прочія царства. Наше царство не Римское, но Христово, какъ и сказалъ Пророкъ: **возста́витъ бг҃ъ небе́сный ца́рство, е҆́же во вѣ́ки не разсы́плетсѧ, и҆ ца́рство е҆гѡ̀ лю́демъ и҆нѣ́мъ не ѡ҆ста́нетсѧ, и҆стни́тъ и҆ разве́етъ всѧ̑ ца̑рства, то́е же ста́нетъ во вѣ́ки**[3]). Не христіанское ли это царство, называемое такъ по Имени Христа? Римляне служили идоламъ, а эти—христіане, частію состоящіе изъ сего народа, частію изъ другихъ племенъ и народовъ,—царствуютъ во Имя Христово, какъ описываетъ это Пророкъ Исаія, говоря: **ѡ҆ста́вите бо и҆́мѧ ва́ше въ насыще́нїе и҆збра̑ннымъ моѝмъ, ва́съ же и҆збїе́тъ гдⷭ҇ь, рабо́тающымъ же мнѣ̀ нарече́тсѧ и҆́мѧ но́вое: е҆́же бл҃гослови́тсѧ на землѝ, бл҃гословѧ́тъ бо бг҃а и҆́стиннаго: и҆ кленꙋ́щїисѧ на землѝ, клѧ́тисѧ бꙋ́дꙋтъ бг҃омъ и҆́стиннымъ**[4]). Развѣ не исполнились всѣ пророчества, сказанныя о Христѣ? Исаія пред-

---

[1]) Память его празднуется св. Церковію 13 декабря.

[2]) См. кн. Прор. Даніила, гл. 2.

[3]) Кн. Прор. Дан., гл. 2, ст. 44.

[4]) Кн. Прор. Исаіи, гл. 65, ст. 15 и 16.

сказывалъ рожденіе Его отъ Дѣвы, говоря такъ: **сѐ дв҃а во чре́вѣ зачне́тъ и҆ роди́тъ сн҃а, и҆ нарече́ши и҆́мѧ є҆мꙋ̀ є҆мманꙋи́лъ**[1]). И святый Пророкъ Михей[2]) о рожденіи въ Виѳлеемѣ говоритъ такъ: «**и҆ ты̀, видлее́ме, до́ме є҆фра́довъ, є҆да̀ ма́лъ є҆сѝ є҆́же бы́ти въ ты́сѧщахъ і҆ꙋ́диныхъ; и҆з̾ тебѐ бо мнѣ̀ и҆зы́детъ старѣ́йшина, є҆́же бы́ти въ кнѧ́зѧ во і҆сра́или, и҆схо́ди же є҆гѡ̀ и҆з̾нача́ла ѿ дне́й вѣ́ка. сегѡ̀ ра́ди да́стъ ѧ҆̀, до вре́мене раждаю́щїѧ породи́тъ**»[3]).

— Мы,—сказали Іудеи,—благословенные потомки Сима, который получилъ благословеніе отъ своего отца, Ноя. Вы же не получили благословенія.

— Благословеніе Ноемъ Сима къ вамъ не имѣетъ никакого отношенія,—сказалъ Константинъ,—а есть только прославленіе Бога, ибо Ной сказалъ: **бл҃гослове́нъ гдⷭ҇ь бг҃ъ си́мовъ**[4]). Здѣсь Господь Богъ благословляется устами Ноя ради добродѣтельнаго Сима и ничего болѣе. Іафету же, отъ котораго произошли мы, Ной сказалъ: **да распространи́тъ бг҃ъ і҆а́фета, и҆ да всели́тсѧ въ селе́нїихъ си́мовыхъ**[5]). Сами вы можете видѣть, какъ благодатію Божіею распространяется христіанство и какъ вы болѣе и болѣе теряете значеніе. Даже тамъ, гдѣ нѣкогда вы обитали, тамъ теперь благословляется и прославляется христіанами Имя Господа нашего Іисуса Христа.

— Вотъ, вы,—сказали Іудеи,—уповая на человѣка, думаете быть благословенными, тогда какъ книги таковыхъ проклинаютъ.

На это философъ предложилъ Іудеямъ такой вопросъ:

— Проклятъ Давидъ или благословенъ?

— Весьма благословенъ,—отвѣчали Іудеи.

— Значитъ,—сказалъ Константинъ,—благословенны и мы, потому что уповаемъ на Того, на Кого уповалъ и онъ, когда говорилъ во Псалмѣ: **человѣ́къ ми́ра моегѡ̀, на него́ же ᲂу҆пова́хъ**[6]). Человѣкъ Этотъ есть—Христосъ Богъ. Кто же уповаетъ на простого человѣка, того и мы считаемъ проклятымъ.

Послѣ этого Іудеи предложили другой вопросъ:

— Почему вы, христіане, отвергаете обрѣзаніе, когда Христосъ его не отвергъ, но выполнилъ по Закону?

---

1) Кн. Прор. Исаіи, гл. 7, ст. 14.
2) Память его—5 января.
3) Кн. Прор. Мих., гл. 5, ст. 2 и 3.
4) Кн. Бытія, гл. 9, ст. 26.
5) Кн. Бытія, гл. 9, ст. 27.
6) Псал. 40, ст. 10.

Философъ отвѣчалъ:

— Кто первый сказалъ Аврааму: будетъ въ знаменіе между Мной и тобой, Тотъ, пришедши, выполнилъ его (обрѣзаніе), почему оно и соблюдалось отъ того (Авраама) до Сего (Христа)[1]. Взамѣнъ обрѣзанія Христосъ установилъ Крещеніе.

Тогда Іудеи сказали:

— Почему же нѣкоторые угодили Богу, не принявши того знаменія (Крещенія), но Авраамово (обрѣзаніе)?

— Никто изъ тѣхъ,—отвѣчалъ философъ,—не имѣлъ двухъ женъ, кромѣ Авраама. А поэтому Богъ и далъ ему обрѣзаніе, чтобы положить предѣлъ не преступать далѣе, но жить по первому примѣру жизни Адама (имѣть одну жену). И Іакову далъ подобное указаніе, когда повредилъ ему ногу, потому что имѣлъ двѣ жены. Когда Іаковъ понялъ вину, почему это ему сдѣлано, получилъ тогда названіе *Израиль*, то есть видящій умомъ Бога. Авраамъ же этого не разумѣлъ.

— Какъ вы,—задали новый вопросъ Іудеи,—кланяясь идоламъ, думаете, что угождаете Богу?

— Прежде всего,—отвѣчалъ философъ,—научитесь различать имена, что такое—икона и что—идолъ, и тогда увидите, что неправильно упрекаете христіанъ. Много указаній находится въ вашихъ книгахъ объ изображеніяхъ. Я спрошу васъ о нѣкоторыхъ:

— Что—Моисей устроилъ скинію по образу, который видалъ на горѣ, или по образу, который предносился его художеству, онъ соорудилъ скинію изъ деревьевъ, кожи, шерсти и достойныхъ Херувимовъ? Но такъ какъ вѣрно первое, то назовемъ ли васъ, что вы творите честь и кланяетесь деревьямъ, кожѣ и шерсти, а не Богу, давшему Моисею въ свое время такой образъ (изображеніе) скиніи? То же скажу и о храмѣ Соломоновомъ, въ которомъ было много изображеній херувимскихъ, ангельскихъ и другихъ. Такъ и мы, христіане, почитая обряды угодившихъ Богу, воздаемъ честь Богу.

— Зачѣмъ вы ѣдите свинину и заячину,—сказали Іудеи,—когда это противно Богу?

---

[1]) Обрѣзаніе дано было знаменіемъ, начиная со времени Авраама и кончая исполненіемъ его Христомъ («между Мной и тобой»), почему со Христомъ и должно было окончиться. Совершенно отмѣнено обрѣзаніе какъ ненужное для христіанъ иго на Апостольскомъ Соборѣ (Дѣян., гл. 15).

— Первый завѣтъ (Ноевъ),—сказалъ философъ,—постановилъ: **всѧ́кое дви́жꙋщеесѧ, є҆́же є҆́сть жи́во, ва́мъ бꙋ́детъ въ снѣ́дь, ꙗ҆́кѡ зе́лїе травно́е да́хъ ва́мъ всѐ**[1]), потому что чистымъ все чисто, а у скверныхъ—нечиста совѣсть. Также и Богъ о всемъ сотворенномъ говоритъ: **сѐ добра̑ ѕѣлѡ̀**[2]). По вашему же объяденію и для вашего назиданія Богъ отнялъ у васъ самое незначительное. А какъ вредно для васъ объяденіе, объ этомъ написано: «**и҆ ꙗ҆дѐ і҆а́кѡвъ и҆ насы́тисѧ и҆ ѿве́ржесѧ возлю́бленный**[3]), или **сѣдо́ша лю́дїе ꙗ҆́сти и҆ пи́ти, и҆ воста́ша и҆гра́ти**»[4]).

Таковыя бесѣды блаженный философъ Константинъ велъ съ Іудеями о христіанской вѣрѣ. Эти бесѣды происходили каждый день въ присутствіи самого кагана и продолжались довольно продолжительное время. Онѣ впослѣдствіи были записаны блаженнымъ Меѳодіемъ и раздѣлены на восемь частей, изъ которыхъ здѣсь приведено очень немногое.

Блаженный Константинъ велъ бесѣды не только съ Іудеями, но и съ Сарацинами, которыхъ также изобличалъ съ помощію Господа нашего, обѣщавшаго Своимъ рабамъ дать **оу҆ста̀ и҆ премꙋ́дрость, є҆́йже не возмо́гꙋтъ проти́витисѧ и҆лѝ ѿвѣща́ти всѝ противлѧ́ющїисѧ**[5]).

Слыша таковыя сладостныя и подобающія Христовой вѣрѣ слова, каганъ и его главные совѣтники сказали Константину:

— Богъ послалъ тебя къ намъ для нашего наученія. Отъ Него ты научился книгамъ, все говорилъ правильно и медовыми словами святыхъ книгъ напиталъ насъ досыта. Хотя мы люди и неученые («некнижная чадь»), однако вѣруемъ, что это ученіе отъ Бога. Если же хочешь окончательно успокоить наши души, то скажи намъ не отъ книгъ только, но и чрезъ сравненія (притчи) о всемъ томъ, что мы будемъ спрашивать у тебя о вѣрѣ.

Послѣ этого всѣ разошлись на отдыхъ. На другой день собрались снова и сказали Константину:

— Докажи намъ, честнѣйшій мужъ, разсужденіями и сравненіями, какая вѣра самая лучшая?

— У одного царя,—отвѣчалъ философъ,—были въ большой

---

1) Кн. Бытія, гл. 9, ст. 3.

2) Кн. Бытія, гл. 1, ст. 31. На Апостольскомъ Соборѣ заповѣдано христіанамъ воздерживаться отъ ндоложертвеннаго, крови, удавленины (Дѣян., гл. 15, ст. 29).

3) Кн. Второз., гл. 32, ст. 15.

4) Кн. Исх., гл. 32, ст. 6.

5) Еванг. отъ Луки, гл. 21, ст. 15.

чести мужъ и жена. Когда они согрѣшили, Онъ изгналъ ихъ изъ той земли, гдѣ они жили (изъ рая). Многіе годы прожили они тамъ и въ нищетѣ родили дѣтей. Собираясь, дѣти обдумывали, какъ бы имъ воротить опять достоинство своихъ родителей. Одинъ говорилъ одно, другой—другое, каждый давалъ совѣтъ, которому, по его мнѣнію, дòлжно было слѣдовать. Какому же изъ этихъ совѣтовъ дòлжно было слѣдовать? Не самому ли лучшему? — заканчивая свое сравненіе, сказалъ Константинъ.

— Почему ты такъ говоришь?—отвѣчали Козары.—Каждый свой совѣтъ считаетъ лучше другого. Ты же скажи намъ, чтобы мы поняли, который изъ этихъ совѣтовъ самый лучшій?

— Огонь,—отвѣчалъ философъ,—очищаетъ золото и серебро, человѣкъ же умомъ отличаетъ ложь отъ истины. Скажите мнѣ, отъ чего было первое грѣхопаденіе: не отъ видѣнія ли сладкаго плода и желанія быть богами?

— Такъ,—отвѣчали Козары.

Философъ продолжалъ:

— Если какому больному будетъ во вредъ медъ или студеная вода, то какой врачъ дастъ лучшій совѣтъ: тотъ ли, какой скажетъ кому вреденъ медъ—ѣшь медъ, а кому вредна холодная вода—напейся холодной воды и нагимъ стой на морозѣ, или тотъ, который будетъ давать противоположное вреду лѣкарство: вмѣсто меда—съ осторожностью горькое питье, вмѣсто холодной воды—теплое и согрѣвательное?

— Конечно,—сказали всѣ,—кто дастъ противоположное лѣкарство, тотъ дастъ лучшій совѣтъ. Такъ и грѣхолюбивую похоть слѣдуетъ умерщвлять горестію житія, а гордость—смиреніемъ, вообще противное лѣчить противнымъ. Мы замѣчаемъ, если ягодный кустъ весной стоитъ въ колючихъ иглахъ, то осенью даетъ хорошіе, сладкіе плоды.

— Хорошо вы сказали,—отвѣтилъ Константинъ.—И Законъ Христовъ говоритъ, что жить по Богу—значитъ проводить суровую жизнь (идти тѣснымъ путемъ), которая въ вѣчномъ жилищѣ возраститъ плодъ сторицею.

Послѣ этого одинъ изъ главныхъ совѣтниковъ кагана, знающій хорошо нечестивое ученіе Магомета, спросилъ философа:

— Скажи мнѣ, гость, почему вы не почитаете Магомета? Вѣдь онъ весьма хвалилъ Христа въ своихъ книгахъ и говорилъ про Него: отъ Дѣвы, сестры Моисея, родился великій Пророкъ, Ко-

торый воскрешалъ мертвыхъ и великой силой исцѣлялъ всякую болѣзнь.

— Пусть разсудитъ насъ самъ каганъ,—сказалъ философъ.— Скажи мнѣ, если Магометъ есть пророкъ, то будемъ ли мы вѣрить Даніилу, который сказалъ, что со Христомъ прекратится всякое видѣніе и пророчество. Какъ же послѣ этого онъ можетъ быть пророкомъ? Поэтому, если мы называемъ Магомета пророкомъ, значитъ—отвергаемъ Даніила.

На это многіе изъ присутствующихъ сказали:

— Мы знаемъ, что Даніилъ пророчествовалъ Духомъ Божіимъ, о Магометѣ же знаемъ, что онъ—лжецъ и губитель спасенія многихъ.

Тогда первый совѣтникъ кагана обернулся въ сторону къ Іудеямъ и сказалъ:

— Съ Божіей помощью гость повергъ на землю всю сарацинскую гордость, а вашу, какъ скверну, выбросилъ вонъ.

Затѣмъ обратился ко всѣмъ присутствующимъ и сказалъ:

— Богъ далъ власть надъ всѣми народами и совершенную премудрость царю христіанскому; вѣра ихъ самая лучшая и внѣ ея нельзя достигнуть вѣчной жизни.

Всѣ сказали:

— Аминь.

Послѣ этого философъ со слезами на глазахъ обратился ко всѣмъ и сказалъ:

— Братья, отцы, друзья и чада! Вотъ, мы, съ помощію Божіей, разъяснили и отвѣтили на все по достоинству. Если же и теперь кто изъ васъ не понялъ чего-либо, пусть придетъ и спрашиваетъ меня объ этомъ. Кто послушаетъ сего ученія, тотъ пусть крестится во имя Святой Троицы, а кто не послушаетъ, я не буду имѣть въ этомъ грѣха, онъ же увидитъ свой грѣхъ въ День Судный, когда Судія, ветхій деньми, сядетъ судить всѣ народы.

На это Козары съ каганомъ отвѣтили:

— Мы не враги себѣ и такъ постановляемъ: съ этого времени, кто хочетъ и кто можетъ, пусть, обдумавши, приступаетъ ко Крещенію. А кто будетъ кланяться на западъ (язычники), или совершать еврейскія молитвы (Іудеи), или содержать сарацинскую вѣру (магометане), тотъ приметъ скорую смерть.

Постановивши такое рѣшеніе, всѣ съ радостію разошлись. Двѣсти человѣкъ Козаръ оставили идольскія мерзости и беззаконныя сожитія и приняли христіанскую вѣру.

Насадивъ христіанскую вѣру въ Козарскомъ царствѣ, преподобные учители Константинъ и Меѳодій задумали возвратиться въ свою сторону. У Козаръ они оставили священниковъ, пришедшихъ вмѣстѣ съ ними изъ Херсона. Каганъ поручилъ святымъ братьямъ передать Греческому царю слѣдующее письмо:

«Владыко! Ты послалъ къ намъ такого мужа, который возвѣстилъ намъ христіанскую вѣру и проповѣдалъ Святую Троицу. Черезъ него мы узнали, что эта вѣра—есть истинная вѣра, и повелѣли всѣмъ желающимъ невозбранно принимать Святое Крещеніе, надѣясь и сами получить оное. Всѣ мы друзья и пріятели твоему царству и готовы, если хочешь, тебѣ служить».

Провожая святыхъ братьевъ, каганъ предлагалъ имъ много подарковъ, но они отказались, говоря:

— Отпусти съ нами всѣхъ находящихся здѣсь греческихъ плѣнниковъ—это будетъ для насъ самымъ лучшимъ подаркомъ.

Плѣнниковъ собралось болѣе 200 человѣкъ, и они всѣ съ радостію отправились въ путь. Путникамъ пришлось проходить чрезъ пустынныя и безводныя мѣста. Здѣсь всѣ изнемогли отъ жажды. Попадались изрѣдка озера, но изъ нихъ пить было нельзя, такъ какъ въ водѣ было много соли, отчего она была горькою, какъ желчь. Всѣ разошлись искать хорошую воду, кромѣ Константина, который такъ ослабъ, что не могъ идти далѣе. Онъ обратился къ своему брату Меѳодію съ такими словами:

— Не могу болѣе переносить жажды. Почерпни эту воду, ибо я вѣрую, что Кто нѣкогда Израильтянамъ измѣнилъ горькую воду въ сладкую, Тотъ и намъ, изнемогающимъ отъ жажды, усладитъ горечь сей воды.

Когда почерпнули воду и попробовали, она оказалась сладкою, какъ медъ, и студеною, какъ зимой. Этой водой всѣ утолили жажду и прославили Бога.

Пришедши въ Херсонъ, святыя братья навѣстили епископа. Вечеряя, Константинъ сказалъ епископу:

— Помолись о мнѣ, владыко, и благослови меня, какъ благословляетъ отецъ свое чадо послѣднимъ благословеніемъ.

Слышащіе думали, что Константинъ наутро собирается въ путь, и спросили его объ этомъ. Онъ же тайно сказалъ нѣкоторымъ, что епископъ наутро оставитъ міръ и отойдетъ ко Господу. Такъ и случилось. Утромъ епископъ скончался.

По дорогѣ въ Царьградъ пришлось проходить страной, гдѣ

жилъ Фульскій народъ[1]). Этотъ народъ приносилъ жертвы подъ большимъ дубомъ, сросшимся съ черешнею, который назывался «Александръ». Къ этому дубу запрещено было подходить женщинамъ, а также и участвовать при жертвоприношеніяхъ. Блаженный Константинъ отправился къ этому народу, сталъ посреди ихъ и сказалъ:

— Еллины не избѣгли вѣчнаго мученія, поклоняясь небу и землѣ—такимъ великимъ и добрымъ твореніямъ; тѣмъ болѣе вы, кланяясь дубу, неизмѣримо худшему творенію, не избѣгнете вѣчнаго огня.

— Мы,—отвѣчали язычники,—не теперь только начали такъ поступать, но приняли этотъ обычай отъ отцовъ. Принося жертвы предъ дубомъ, мы получаемъ то, о чемъ просимъ: дождь и многое другое. И какъ мы откажемся отъ этого поклоненія, когда никто изъ насъ не можетъ этого сдѣлать? А если кто и осмѣлится, тотъ умретъ, не увидя больше дождя.

Философъ началъ увѣщевать ихъ таковыми словами:

— Богъ о васъ говоритъ въ священныхъ книгахъ, какъ же вы можете Его отвергать? Такъ, Пророкъ Исаія отъ Лица Господня вопіетъ, говоря:

«Грѧдꙋ собра́ти всѧ̑ наро́ды и҆ ꙗ҆зы̑ки и҆ прїи́дꙋтъ, и҆ ᲂу҆зрѧтъ сла́вꙋ мою̀. И҆ ѡ҆ста́влю на ни́хъ зна́менїе, и҆ послю̀ ѿ ни́хъ спасе́нныхъ во ꙗ҆зы̑ки въ ѳарсі́съ, и҆ въ фꙋ́дъ, и҆ въ лꙋ́дъ, и҆ въ моско́хъ, и҆ въ дове́ль, и҆ во є҆лла́дꙋ, и҆ во ѻ҆́стровы да̑льнїѧ, и҆̀же не слы́шаша и҆́мене моегѡ̀, нижѐ ви́дѣша сла́вꙋ мою̀: и҆ возвѣстѧ́тъ сла́вꙋ мою̀ во ꙗ҆зы́цѣхъ...[2]) говоритъ Господь: сѐ а҆́зъ послю̀ ры́бари мнѡ́ги, речѐ гдⷭ҇ь, и҆ ᲂу҆ловѧ́тъ и҆̀хъ... на всѧ́кой горѣ̀ и҆ на всѧ́комъ хо́лмѣ, и҆ ѿ пеще́ръ ка́менныхъ»[3]).

— Послушайте же, братія,—продолжалъ Константинъ,—Бога, Который сотворилъ васъ. Вотъ Евангеліе Новаго Завѣта Божія, по которому вы должны принять Святое Крещеніе.

Подобными словами блаженный Константинъ убѣдилъ язычниковъ срубить и сжечь этотъ дубъ. Старѣйшина этого народа подошелъ къ Константину и поцѣловалъ Святое Евангеліе. Этому примѣру послѣдовали и прочіе язычники. Затѣмъ философъ раздалъ бѣлыя свѣчи, и всѣ съ возжженными свѣчами и пѣніемъ от-

---

1) Языческое племя, жившее около Азовскаго моря.

2) Кн. Прор. Исаіи, гл. 66, ст. 18 и 19.

3) Кн. Прор. Іерем., гл. 16, ст. 16.

правились къ дубу. Константинъ взялъ топоръ и ударилъ по дубу 33 раза, а послѣ этого другіе подрубили дубъ подъ корень и сожгли его. Въ эту же ночь Господь послалъ сильный дождь. Всѣ, радуясь, восхвалили Бога, веселящагося о спасеніи грѣшниковъ.

Въ Царьградѣ Константина и Меѳодія приняли съ великою честію — какъ Апостоловъ. Имъ предлагали санъ епископскій, но они не захотѣли его принять. Меѳодій же сдѣлался игуменомъ Полихроніева монастыря, а Константинъ поселился при церкви Святыхъ Апостоловъ. Вскорѣ оба были призваны на новые труды.

Борисъ, или Богорисъ, царь Болгарскій послѣ войны съ Греками пожелалъ принять христіанскую вѣру. Сестра Бориса, за нѣсколько лѣтъ предъ этимъ бывшая въ плѣну въ Царьградѣ, возвратилась въ Болгарію христіанкою и старалась убѣдить брата принять ту же вѣру. Онъ долго не соглашался; но голодъ и смертоносная язва опустошили его государство. Тогда онъ по совѣту сестры обратился съ молитвою къ христіанскому Богу, и бѣдствія прекратились. Борисъ послалъ въ Царьградъ просить наставниковъ. Меѳодій предпринялъ путешествіе въ Болгарію. Онъ изобразилъ на стѣнѣ царской палаты страшный судъ и объяснилъ царю блаженство праведниковъ и муки грѣшниковъ. Царь, уже приготовленный словами и примѣромъ сестры и чудеснымъ прекращеніемъ бѣдствій, принялъ христіанскую вѣру. Это было въ 860 или въ 861 году[1]).

Не успѣли Константинъ и Меѳодій окончить начатаго дѣла Крещенія болгарскаго народа, какъ новое поприще открылось для ихъ апостольской дѣятельности. Князь Моравскій Ростиславъ, по наученію Божію, держалъ совѣтъ со своими князьями[2]) и со всѣмъ народомъ моравскимъ о томъ, чтобы послать пословъ къ Греческому царю Михаилу съ просьбою прислать христіанскихъ учителей. На совѣтѣ было рѣшено отправить пословъ съ такими словами:

— Нашъ народъ[3]) отвергъ язычество и содержитъ Законъ христіанскій. Только нѣтъ у насъ такого учителя, который бы

---

1) Крещеніе всей Болгаріи послѣдовало въ 869 году.

2) Въ этомъ совѣтѣ принимали участіе и племянникъ Ростислава Святополкъ, князь Моравскій (гор. Нитры), и Коцелъ, князь Блатненскій (въ Панноніи).

3) См. прим. о Славянахъ. На Моравѣ прежде были проповѣдники изъ Царьграда и съ Запада и крестили, но мало считалось христіанъ. Затѣмъ пріѣхали нѣмецкіе священники и стали всѣхъ крестить подрядъ. Эти священники совершали Богослуженіе по-латыни, а съ народомъ говорили по-нѣмецки. Поэтому Славяне, не понимавшіе этихъ языковъ, не знали, во что ихъ крестятъ и не разумѣли христіанскаго ученія.

вѣру Христову объяснилъ намъ на нашемъ языкѣ. Другія страны (славянскія), увидя это, пожелаютъ идти за нами. Ввиду этого, владыко, пошли къ намъ таковаго епископа и учителя: отъ васъ во всѣ страны добрый законъ исходитъ[1]).

Царь Михаилъ собралъ Соборъ, на который былъ позванъ философъ Константинъ. Ему царь объявилъ желаніе Славянъ и сказалъ:

— Философъ, я знаю, что ты нездоровъ; но необходимо тебѣ идти туда, такъ какъ никто не можетъ выполнить этого дѣла лучше тебя.

— Хотя я тѣломъ нездоровъ и боленъ,—отвѣчалъ философъ,— но съ радостію пойду туда, если только они имѣютъ буквы на своемъ языкѣ.

— Дѣдъ мой и отецъ мой и многіе другіе,—отвѣчалъ царь,— искали, но не нашли ихъ; какъ же я могу ихъ найти?

— Какъ же я буду проповѣдовать имъ?—сказалъ философъ.— Это все равно, что записывать бесѣду на водѣ. Къ тому же, если Славяне неправильно поймутъ меня, можно прослыть еретикомъ.

На это царь вмѣстѣ съ своимъ дядей Вардой такъ сказалъ философу:

— Если ты захочешь, Богъ дастъ тебѣ просимое, ибо Онъ даетъ всѣмъ просящимъ у Него съ вѣрою и отверзаетъ толкущимъ.

Константинъ вышелъ отъ царя и разсказалъ все это своему брату Меѳодію и нѣкоторымъ ученикамъ своимъ[2]). По своему обычаю, Константинъ прежде всего началъ съ молитвы, а затѣмъ наложилъ на себя сорокадневный постъ. Въ скоромъ времени Богъ, слушающій молитвы рабовъ Своихъ, исполнилъ то, о чемъ просилъ Константинъ. Онъ изобрѣлъ славянскую азбуку, содержащую въ себѣ 38 буквъ, а затѣмъ приступилъ къ переводу греческихъ Священныхъ книгъ на славянскій языкъ. Въ этомъ ему помогали блаженный Меѳодій и ученики. Переводъ Священныхъ книгъ былъ начатъ съ первой главы Евангелія отъ Іоанна. **Йсконѝ бѣ сло́во, и҆ сло́во бѣ къ бг҃у, и҆ бг҃ъ бѣ сло́во** — были первыми словами, переведенными на славянскій языкъ.

Свой переводъ святые братья представили на разсмотрѣніе царя, Патріарха и всего Духовнаго Собора. Возвеселился царь и

---

1) Это посольство относится къ 862 году.

2) Константинъ въ бытность свою на Олимпѣ уже имѣлъ учениковъ, съ которыми и занимался изученіемъ славянскаго языка. Изъ этихъ учениковъ извѣстны: Гораздъ, Климентъ, Савва, Наумъ и Ангеларъ.

вмѣстѣ со всѣмъ Духовнымъ Соборомъ прославилъ Бога за оказанныя милости.

Послѣ этого Константинъ вмѣстѣ съ братомъ Меѳодіемъ и съ учениками отправился въ славянскія земли. Царь далъ имъ въ дорогу достаточное количество всякихъ необходимыхъ вещей, а къ Ростиславу написалъ слѣдующее посланіе:

«Богъ, Который желаетъ, чтобы каждый имѣлъ истинное разумѣніе и восходилъ въ высшее достоинство, увидавъ твою вѣру и твое стараніе, восхотѣлъ выполнить твое желаніе теперь въ наши годы. Онъ открылъ буквы вашего языка, которыя до сего времени не были извѣстны («не вѣдано было, токмо въ первая лѣта»), чтобы и васъ причислить къ великимъ народамъ, которые прославляютъ Бога на своемъ языкѣ. И вотъ, мы посылаемъ тебѣ того, кому Богъ открылъ ихъ (буквы),— мужа честнаго, благовѣрнаго, ученаго и философа. Прими этотъ даръ, который много дороже всякаго золота и серебра, камней драгоцѣнныхъ и богатства преходящаго, и помоги ему поскорѣе выполнить порученіе. Всѣмъ сердцемъ взыщи Бога и общаго спасенія, а для сего не лѣнись побуждать всѣхъ (своихъ подданныхъ) заботиться о своемъ спасеніи и идти истиннымъ путемъ. Тогда и ты, потрудившись привести свой народъ въ разумъ Божій, получишь за это награду и въ этотъ вѣкъ и въ будущій, за всѣ души, желающія вѣровать до кончины въ Христа Бога нашего. Этимъ ты, подобно Великому Князю Константину[1]), оставишь по себѣ истинную память послѣдующимъ поколѣніямъ».

Когда Константинъ и Меѳодій пришли въ Моравію, они были встрѣчены тамъ съ великою честію. Прежде всего Ростиславъ собралъ много отроковъ и повелѣлъ имъ учиться у святыхъ братьевъ славянской азбукѣ и новопереведеннымъ книгамъ. Затѣмъ Ростиславъ подъ руководствомъ святыхъ братьевъ началъ строить церкви. Черезъ годъ уже была окончена первая церковь въ городѣ Оломуцѣ, потомъ еще нѣсколько церквей появилось въ Моравіи. Константинъ освящалъ эти церкви и служилъ въ нихъ по-славянски.

Въ бытность свою здѣсь Константинъ перевелъ со своими учениками все церковное чинопослѣдованіе и научилъ ихъ Утрени

---

1) Императоръ римскій *Константинъ Великій,* объявившій христіанство господствующею религіею въ Римской имперіи, управлялъ съ 306 г. по 324 г. Западною половиною Римской имперіи; съ 324 г. по 337 г.—правилъ какъ единовластитель Западомъ и Востокомъ.—Память его празднуется св. Церковію 21 мая.

и Часамъ, Обѣднѣ и Вечерни, и Повечерію, и «тайнѣй службѣ». И отверзлись по пророческому слову уши глухихъ слышать книжныя словеса, и сталъ краснорѣчивъ языкъ гугнивыхъ. Богъ, веселящійся о спасеніи единаго грѣшника, съ радостію взиралъ на исправленіе цѣлаго народа.

Когда стало распространяться божественное ученіе между Славянами и Богослуженіе совершаться на ихъ языкѣ, тогда первый и злостный завистникъ—діаволъ, не вынося сего, вошелъ въ свои сосуды и началъ многихъ возбуждать, говоря имъ:

— Этимъ Богъ не прославляется. Если бы Ему это было угодно, то развѣ Онъ не могъ сдѣлать, чтобы и изначала для Его прославленія проповѣдь Слова Божія записывалась на языкѣ того народа, которому возвѣщалась. Но три языка только избралъ Богъ: еврейскій, греческій и латинскій, на которыхъ и подобаетъ возсылать славу Богу.

Такъ говорили латинскіе и нѣмецкіе архіереи, священники и ихъ ученики. Константинъ вступилъ съ ними, какъ нѣкогда Давидъ съ иноплеменниками, въ споръ и словами Священныхъ книгъ побѣдилъ и назвалъ ихъ трехъязычниками, подобными Пилату, написавшему на трехъ языкахъ титла на Крестѣ Господа.

Не только одному этому, но и многому другому нечестію учили народъ нѣмецкіе и латинскіе священники. Они говорили:

— Подъ землею живутъ люди велеглави[1]), всѣ гады—твореніе діавола; если кто убьетъ змію,—тому отпустится за это девять грѣховъ; если кто убьетъ человѣка, тотъ пусть пьетъ изъ деревянной чашки, а къ стеклянной пусть не касается.

Они не возбраняли народу приносить по старому обычаю языческія жертвы, ни многоженства.

Эти лжеученія святые братья старались искоренять, какъ сорную траву, словеснымъ огнемъ.

«Пожрѝ бг҃ови, — обличали они словами Пророка, — жертвꙋ хвалы̀, и҆ воздаждь вы́шнемꙋ мл҃твы твоѧ̀[2]). Жены̀ ю҆ности твоеѧ̀ да не ѡ҆ста́виши: но а҆́ще возненави́дѣвъ ѿпꙋ́стиши ю҆, и҆ покры́етъ нечести́е помышле́нїѧ твоѧ̀, глаго́летъ гдⷭ҇ь вседержи́тель: и҆ сохрани́те дꙋ́хомъ ва́шимъ и҆ не ѡ҆ста́вите женъ своихъ. И҆ сїѧ̀, ꙗ҆́же ненави́дѣхъ, твори́сте... ꙗ҆́кѡ гдⷭ҇ь засвидѣ́тельствова междꙋ̀ тобо́ю, и҆ междꙋ̀ жено́ю ю҆ности твоеѧ̀, ю҆́же ѡ҆ста́вилъ є҆сѝ, и҆ та̀

1) Съ большими головами.

2) Псал. 49, ст. 14.

ѻ҆́бщница твоѧ̀ и҆ жена̀ завѣ́та твоегѡ̀[1]). Въ Евангеліи Господь говоритъ: **слы́шасте, ꙗ҆́кѡ рече́но бы́сть дре́вниимъ: не прелю́бы сотвори́ши. а҆́зъ же глаго́лю ва́мъ: ꙗ҆́кѡ всѧ́къ, и҆̀же воззри́тъ на жену̀, ко є҆́же вожделѣ́ти є҆ѧ̀, ᲂу҆̀жѐ любодѣ́йствова съ не́ю въ се́рдцѣ свое́мъ**[2]). **Глаго́лю же ва́мъ, ꙗ҆́кѡ и҆̀же а҆́ще пꙋ́ститъ жену̀ свою̀, ра́звѣ словесѐ прелюбодѣ́йна, и҆ ѡ҆жени́тсѧ и҆но́ю, прелю́бы творі́тъ; и҆ женѧ́йсѧ пꙋ́щеницею, прелю́бы дѣ́етъ»**[3]).

Такъ прожили святые братья въ Моравіи 40 мѣсяцевъ, переходя съ одного мѣста на другое, вездѣ поучая народъ на славянскомъ языкѣ. Вручая Славянамъ безцѣнный даръ—Слово Божіе на родномъ языкѣ, Константинъ въ предисловіи къ Святому Евангелію говоритъ имъ: «**ᲂу҆слы́шите, слове́ни всѝ, сло́во, є҆́же крѣпи́тъ сердца̀ и҆ ᲂу҆мы̀**». Устрояя училища для славянскихъ отроковъ, они пріобрѣли много учениковъ, готовыхъ быть хорошими учителями и достойными священнослужителями въ своемъ народѣ. Съ этою цѣлію, чтобы посвятить своихъ учениковъ въ священный санъ, святые братья задумали отправиться въ Римъ. Къ тому же бывшій въ то время папа Николай[4]), узнавъ объ успѣхахъ проповѣди святыхъ Константина и Меѳодія, желалъ видѣть ихъ въ Римѣ какъ Ангеловъ Божіихъ[5]).

По дорогѣ въ Римъ святые Константинъ и Меѳодій зашли въ Паннонію[6]). Тамъ былъ княземъ Коцелъ, сынъ Прибины, который пригласилъ святыхъ братьевъ въ городъ Блатно, чтобы самому научиться у нихъ славянской азбукѣ, а также затѣмъ, чтобы они научили ей и тѣхъ 50 учениковъ, которыхъ князь собралъ изъ своего народа. При прощаніи Коцелъ оказалъ святымъ проповѣдникамъ великую честь и предлагалъ имъ большіе подарки. Но Константинъ и Меѳодій—какъ отъ Ростислава Моравскаго, такъ и отъ Коцела—не пожелали взять ни золота, ни серебра, ни другой какой-либо вещи. Евангельское слово они проповѣдовали безъ награды и только отъ обоихъ князей выпросили свободу 900 греческимъ плѣнникамъ.

Кромѣ Панноніи, святые Константинъ и Меѳодій заходили и

---

1) Кн. Прор. Малах., гл. 2, ст. 15—16, 13—14.

2) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 27 и 28.

3) Еванг. отъ Матѳ., гл. 19, ст. 9.

4) *Папа Римскій Николай* правилъ съ 858 г. по 867 г.

5) Можно предполагать, что папа вызывалъ въ Римъ святыхъ проповѣдниковъ и по наговорамъ нѣмецкихъ и латинскихъ священниковъ.

6) Нынѣшняя Венгрія.

въ Венецію. Здѣсь латинскіе и нѣмецкіе священники и монахи накинулись на Константина, какъ вороны на сокола, проповѣдуя трехъязыческую ересь:

— Скажи намъ, человѣкъ,—говорили они Константину,—зачѣмъ ты перевелъ Славянамъ Священныя книги и учишь ихъ на этомъ языкѣ, тогда какъ раньше никто этого не дѣлалъ: ни Апостолы, ни папа Римскій, ни Григорій Богословъ[1]), ни Іеронимъ[2]), ни Августинъ?[3]) Мы знаемъ только три языка, на которыхъ подобаетъ прославлять Бога: еврейскій, греческій, римскій.

Философъ отвѣчалъ къ нимъ:

— Развѣ не идетъ отъ Бога дождь одинаково на всѣхъ, или солнце не сіяетъ для всѣхъ, или вся тварь не дышитъ однимъ воздухомъ? Какъ же вы не стыдитесь думать, что кромѣ трехъ языковъ, всѣ остальныя племена и языки должны быть слѣпыми и глухими. Ужъ не думаете ли вы, скажите мнѣ, что Богъ не всемогущъ и потому не можетъ этого сдѣлать, или завистливъ, что не хочетъ сдѣлать? Мы же знаемъ многіе народы, имѣющіе свои книги и возсылающіе славу Богу каждый на своемъ языкѣ. Изъ нихъ извѣстны слѣдующіе: Армяне, Персы, Абхазы, Иверы (Грузины), Сугды, Готы, Обры, Турки, Козары, Аравляне, Египтяне, Сиріяне и многіе другіе. Если не желаете согласиться съ этимъ, то вашимъ судіей будутъ Святыя книги. Ибо Давидъ вопіетъ: **воспо́йте гдⷭ҇еви пѣ́снь но́вꙋ, воспо́йте гдⷭ҇еви всѧ̀ землѧ̀**[4]), и въ другомъ мѣстѣ: **воскли́кните бг҃ови всѧ̀ землѧ̀, воспо́йте, и҆ ра́дꙋйтесѧ, и҆ по́йте**[5]), и еще: **всѧ̀ землѧ̀ да покло́нитсѧ тебѣ̀, и҆ поетъ тебѣ̀: да поетъ же и҆́мени твоемꙋ̀ вы́шнїй**[6]), и еще: **хвали́те гдⷭ҇а всѝ ꙗ҆зы́цы, похвали́те є҆го̀ всѝ лю́дїе... Всѧ́кое дыха́нїе да хва́литъ гдⷭ҇а**[7]). Въ Евангеліи говорится: **є҆ли́цы же прїѧ́ша є҆го̀ дадѐ и҆̀мъ ѻ҆́бласть ча́дѡмъ бж҃їимъ бы́ти...**[8]) **Не ѡ҆ си́хъ же молю̀ то́кмѡ, но и҆ ѡ҆ вѣ́рꙋющихъ словесѐ и҆̀хъ ра́ди въ мѧ̀: да всѝ є҆ди́но бꙋ́дꙋтъ, ꙗ҆́коже ты̀ ѻ҆́ч҃е во мнѣ̀, и҆ а҆́зъ въ тебѣ̀**[9]). Въ Евангеліи отъ Матѳея

---

1) *Григорій Богословъ*—знаменитѣйшій Отецъ Восточной Церкви, жившій въ IV в.—См. житіе его подъ 25 января.

2) *Іеронимъ*—учитель Западной Церкви IV-го в.

3) *Блаженный Августинъ*—учитель Западной Церкви; жилъ въ концѣ IV в.—нач. V в.

4) Псаломъ 95, ст. 1.

5) Псал. 97, ст. 4.

6) Псал. 65, ст. 4.

7) Псал. 116, ст. 1; 150, ст. 6.

8) Еванг. отъ Іоан., гл. 1, ст. 12.

9) Еванг. отъ Іоан., гл. 17, ст. 20 и 21.

говорится: **дадéсѧ мѝ всѧ́ка влáсть на небесѝ и҆ на землѝ. шéдше оу҆бо наꙋчи́те всѧ̑ ꙗ҆зы́ки, крестѧ́ще и҆́хъ во и҆́мѧ ѻ҆ц҃а̀ и҆ сн҃а и҆ ст҃а́гѡ дх҃а, оу҆ча́ще и҆́хъ блюстѝ всѧ̑, є҆ли́ка заповѣ́дахъ ва́мъ: и҆ сѐ а҆́зъ съ ва́ми є҆́смь во всѧ̑ днѝ, до сконча́нїѧ вѣ́ка. а҆ми́нь**[1]). Евагелистъ Маркъ также говоритъ: **шéдше въ мі́ръ вéсь, проповѣ́дите є҆ѵ҃лїе всéй тва́ри. и҆́же вѣ́рꙋ и҆мéтъ и҆ крести́тсѧ, сп҃сéнъ бꙋ́детъ, а҆ и҆́же не и҆мéтъ вѣ́ры, ѡ҆сꙋждéнъ бꙋ́детъ. Зна́менїѧ же вѣ́ровавшымъ сїѧ̑ послѣ́дꙋютъ: и҆́менемъ мои́мъ бѣ́сы и҆жденꙋ́тъ: ѧ҆зы́ки возглаго́лютъ нѡ́вы**[2]). Скажемъ словами Писанія и по отношеніи къ вамъ: (нѣмецкимъ и латинскимъ священникамъ): **го́ре ва́мъ, кни́жницы и҆ фарисéє лицемѣ́ри, ꙗ҆́кѡ затворѧ́ете ца́рствїе нб҃ное пред̾ человѣ́ки: вы́ бо не вхо́дите, ни входѧ́щихъ ѡ҆ставлѧ́ете вни́ти**[3]), или еще: **го́ре ва́мъ, зако́нникѡмъ, ꙗ҆́кѡ взѧ́сте клю́чь разꙋмѣ́нїѧ: са́ми не внидо́сте, и҆ входѧ́щымъ возбрани́сте**[4]). Апостолъ Павелъ говоритъ Коринѳянамъ: **хощꙋ̀ всѣ́хъ ва́съ глаго́лати ѧ҆зы́ки, па́че же да прорнца́ете**[5]), или еще: **и҆ всѧ́къ ꙗ҆зы́къ и҆сповѣ́сть, ꙗ҆́кѡ гдⷭ҇ь і҆и҃съ хрⷭ҇то́съ въ сла́вꙋ бг҃а ѻ҆ц҃а̀**[6]).

Таковыми и многими другими подобными словами святый Константинъ обличалъ латинскихъ и нѣмецкихъ священниковъ.

Изъ Венеціи Константинъ и Меѳодій отправились прямо въ Римъ. Когда еще они были въ Венеціи, умеръ папа Николай, и вмѣсто него былъ избранъ Адріанъ II[7]). Новый папа, узнавъ, что Константинъ и Меѳодій находятся въ Венеціи, пригласилъ ихъ въ Римъ. Когда святые братья подходили къ Риму, самъ папа съ своимъ клиромъ и гражданами съ возжженными свѣчами вышли навстрѣчу святымъ проповѣдникамъ, потому что они несли мощи святаго Климента мученика и папы Римскаго, открытыя въ Херсонесѣ. Господь прославилъ многими чудесами перенесеніе святыхъ мощей. Такъ, одинъ разслабленный получилъ исцѣленіе и многіе другіе больные освободились отъ своихъ недуговъ.

Папа принялъ славянскія книги, освятилъ ихъ и положилъ въ церкви святой Дѣвы Маріи, называемой Фатни (ясли), и по этимъ книгамъ стали отправлять Богослуженіе. Послѣ этого папа

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. **28**, ст. 18—20.
2) Еванг. отъ Марка, гл. **16**, ст. 15—17.
3) Еванг. отъ Матѳ., гл. **23**, ст. 13.
4) Еванг. отъ Луки, гл. **11**, ст. 52.
5) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. **14**, ст. 5.
6) Посл. къ Филип., гл. **2**, ст. 11.
7) *Адріанъ II* — правилъ съ 867 г. по 872 г.

велѣлъ двумъ епископамъ посвящать учениковъ-славянъ, прибывшихъ вмѣстѣ съ Константиномъ и Меѳодіемъ. Посвященіе учениковъ въ первый день было совершено въ церкви святаго Апостола Петра и Литургію пѣли на славянскомъ языкѣ, на другой день—въ церкви святой Петрониллы и на третій день—въ церкви святаго Апостола Андрея. Затѣмъ пѣли Всенощное бдѣніе на славянскомъ языкѣ въ церкви великаго учителя народовъ—Апостола Павла, а утромъ совершали Литургію надъ Святымъ Гробомъ. Въ служеніи двумъ указаннымъ епископамъ помогали Арсеній, одинъ изъ семи епископовъ, и библіотекарь Анастасій.

Константинъ и Меѳодій съ своими учениками не переставали возсылать за все славу Богу, Римляне же не переставали приходить къ нимъ, и въ особенности къ Константину, и спрашивать ихъ обо всемъ. Нѣкоторые приходили по два и по три раза и принимали наставленіе. Однажды пришелъ къ Константину одинъ еврей и сказалъ, что Христосъ, о Которомъ говорятъ Пророки, что Онъ родится отъ Дѣвы, еще не пришелъ. Константинъ пересчиталъ ему, сколько родовъ было отъ Адама до Христа, доказалъ, что Христосъ уже пришелъ и сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ.

Вскорѣ послѣ этого и прежде немощный Константинъ, изнуренный трудами и долгимъ путешествіемъ, тяжко заболѣлъ, и во время болѣзни Господь открылъ ему о его смерти. Константинъ, узнавъ о своей смерти, началъ пѣть слѣдующую церковную пѣснь:

«Ѿ ре́кшихъ мнѣ̀, вни́демъ во дворы̀ гдⷭ҇ни, возвесели́сѧ мѝ дꙋ́хъ мо́й и҆ се́рдце ѡ҆бра́довасѧ»[1]).

Затѣмъ онъ одѣлся въ лучшія свои одежды, съ радостію проводилъ весь тотъ день и говорилъ:

— Съ этого времени я никому на землѣ не слуга, но только Богу Вседержителю и былъ, и есмь, и буду во вѣки, аминь.

На другой день Константинъ пожелалъ принять схиму, при чемъ былъ названъ Кирилломъ. Болѣзнь его продолжалась 50 дней.

Однажды во время своей болѣзни Кириллъ обратился къ Меѳодію съ такими словами:

— Вотъ, братъ,—говорилъ онъ ему,—мы съ тобой были какъ дружная пара воловъ, воздѣлывающихъ одну ниву; и вотъ, я падаю на браздѣ, окончивъ свой день. Я знаю, что ты сильно возлюбилъ гору Олимпъ, но ради горы не думай оставлять своего ученія. Этимъ подвигомъ ты лучше можешь достигнуть спасенія.

1) Антифонъ, гласъ 1-й.

Когда приблизилось время принять упокоеніе и отойти въ иную жизнь, святый Кириллъ воздвигъ свои руки къ Богу и такъ со слезами молился:

— Господи Боже мой! Ты, Который составилъ безплотныя ангельскія силы, распростеръ небо, основалъ землю и изъ небытія въ бытіе привелъ все сущее на ней, Который всегда и во всемъ слушаетъ исполняющихъ Твою волю, боящихся Тебя и хранящихъ Твои заповѣди: услышь мою молитву и сохрани вѣрное стадо Твое, пасти которое Ты поставилъ меня—грѣшнаго и недостойнаго раба Твоего. Избавь это стадо отъ всякаго безбожія и нечестія и отъ всякаго многорѣчиваго еретическаго языка, говорящаго на Тебя хулу. Погуби трехъязычную ересь и возрасти во множествѣ Свою Церковь. Всѣхъ соедини въ единодушіи и всѣхъ содѣлай единомысленными о истинной Твоей вѣрѣ и правомъ исповѣданіи. Вдохни въ ихъ сердца слово Твоего ученія, ибо это—Твой даръ. Если Ты сподобилъ меня недостойнаго проповѣдать Евангеліе Христа Твоего (старающагося дѣлать добрыя дѣла и все угодное Тебѣ), то позволь мнѣ отдать Тебѣ какъ Твое все то, что Ты мнѣ далъ. Устрой ихъ сильною Твоею десницею, покрой ихъ покровомъ Твоимъ, чтобы всѣ хвалили и славили имя Отца, и Сына, и Святаго Духа во вѣки, аминь.

Затѣмъ, облобызавъ всѣхъ, сказалъ:

— Благословенъ Богъ нашъ, Который не далъ насъ въ добычу невидимымъ нашимъ врагамъ, но разрушилъ ихъ сѣти и избавилъ насъ отъ истлѣнія.

Съ этими словами святый Кириллъ почилъ о Господѣ 14 февраля 869 года.

Папа Адріанъ повелѣлъ всѣмъ Грекамъ, находившимся въ Римѣ, а также и Римлянамъ присутствовать при погребеніи и стоять при гробѣ Кирилла съ возжженными свѣчами, а проводы велѣлъ устроить такіе, какіе бываютъ при погребеніи самого папы. Святый Меѳодій, узнавъ, что собираются погребсти честнòе тѣло святаго Кирилла въ Римѣ, пришелъ къ папѣ и сказалъ ему:

— Мать наша заклинала насъ, говоря, что если кто первый изъ насъ умретъ, пусть другой перенесетъ брата въ свой монастырь (на Олимпѣ) и тамъ похоронитъ его.

Послѣ этого папа распорядился положить честнòе тѣло Кирилла въ раку, забить желѣзными гвоздями и приготовить въ дорогу. Въ такомъ положеніи святыя мощи оставались семь дней.

Римскіе же епископы говорили папѣ:

— Такъ какъ Богъ привелъ сюда Кирилла, ходившаго по многимъ землямъ, и здѣсь взялъ его душу, то здѣсь нужно и похоронить его, какъ честнаго мужа.

— Если такъ,—сказалъ папа,—я измѣню римскій обычай и похороню Кирилла за его святость и любовь въ моемъ гробѣ, въ церкви святаго Апостола Петра.

Тогда святый Меѳодій сказалъ:

— Если вы меня не послушали и мнѣ его не дали, такъ какъ вамъ самимъ желательно имѣть его у себя, то въ такомъ случаѣ положите его въ церкви святаго Климента, съ которымъ вмѣстѣ онъ прибылъ сюда.

Папа повелѣлъ сдѣлать такъ, какъ говорилъ святый Меѳодій. Снова собрались всѣ епископы, черноризцы и народъ, и съ честію проводили святыя мощи до церкви святаго Климента. Передъ тѣмъ какъ опускать гробъ, епископы сказали:

— Откроемъ раку и посмотримъ: не взято ли что-либо отъ святыхъ мощей?

Но какъ ни старались, они не могли, по усмотрѣнію Божію, открыть раку, и тогда святыя мощи опустили по правую сторону алтаря въ церкви святаго Климента. Затѣмъ здѣсь стали совершаться многія чудеса. Видя это, Римляне начали все болѣе и болѣе прославлять святаго Кирилла и, написавъ его икону, стали возжигать предъ нею свѣчи день и ночь, воздавая хвалу Богу, прославляющему любящихъ Его.

По смерти святаго Кирилла пришли послы отъ Коцела, князя паннонскаго, къ папѣ, прося его отпустить къ нимъ блаженнаго Меѳодія. Папа такъ отвѣчалъ посламъ:

— Не однимъ только вамъ, но и всѣмъ славянскимъ народамъ посылаю его — какъ учителя отъ Бога и отъ святаго Петра, перваго настольника и ключедержца Небеснаго Царства.

Отправляя святаго Меѳодія къ Славянамъ, папа вручилъ ему слѣдующее посланіе къ славянскимъ князьямъ:

«Адріанъ епископъ и рабъ Божій — Ростиславу, Святополку и Коцелу: **сла́ва въ вы́шнихъ бг҃у, и҆ на земли̑ ми́ръ: в҆ человѣ́цѣхъ бл҃говоле́нїе**[1]). Съ радостію узнали мы, что Господь воздвигъ ваши сердца искать Его и показалъ вамъ, что не одною вѣрою, но и

1) Еванг. отъ Луки, гл. 2, ст. 14.

добрыми дѣлами слѣдуетъ служить Ему: **вѣ́ра бо безъ̀ дѣ́лъ мертва̀ є҆́сть**[1]). Поэтому грѣшатъ тѣ, которые думаютъ, что знаютъ Бога, а не желаютъ исполнять Законъ Его. Не только у сего святительскаго стола вы просили учителей, но также и у благовѣрнаго царя Михаила: вы просили его послать къ вамъ блаженнаго философа Константина съ братомъ. Святые братья, когда узнали, что ваша страна находится въ вѣдѣніи апостольскаго престола, ничего вопреки канона не сдѣлали, но пришли къ намъ и принесли мощи святаго Климента. Мы же, возрадовавшись, помыслили послать въ ваши страны сына нашего Меѳодія, мужа совершеннаго разумомъ и правовѣрнаго, посвятивъ его и учениковъ въ священный санъ. Онъ можетъ учить васъ, какъ вы о томъ просите, и переводить Священныя книги на вашъ языкъ, и по нимъ совершать святую службу (Литургію) и Крещеніе и весь чинъ церковный, чему положилъ начало, съ помощію Божіей и ради молитвъ святаго Климента, святый философъ Константинъ. Также, если кто другой будетъ въ состояніи правильно и правовѣрно переводить Священныя книги на вашъ языкъ, чтобы вы удобнѣе могли познать Заповѣди Божіи, то пусть будетъ сіе дѣло свято и благословенно Богомъ, нашей и всей Каѳолическою Церковію. Одинъ только храните обычай, чтобы на Литургіи сначала читали Апостолъ и Евангеліе по-римски, а потомъ по-славянски, чтобы исполнилось слово Писанія: **хвали́те гдⷭ҇а всѝ ꙗ҆зы́цы**[2]) и еще: **нача́ша глаго́лати и҆ны́ми ꙗ҆зы́ки...** величіе Бога **ꙗ҆́коже ст҃ы́й дх҃ъ дадѐ и҆̀мъ провѣщава́ти**[3]). Если же кто осмѣлится порицать указанныхъ учителей и совращать отъ истины къ баснямъ, или, развращая васъ, будетъ хулить книги вашего языка, тотъ пусть будетъ отлученъ и представленъ на судъ Церкви и до тѣхъ поръ не получитъ прощенія, пока не исправится. Ибо это волки, а не овцы, и дòлжно узнавать ихъ по плодамъ и остерегаться ихъ. Вы же, чада возлюбленныя, слушайте ученіе Божіе и не отказывайтесь отъ церковныхъ поученій, и тогда вы будете истинными поклонниками Отцу вашему небесному со всѣми святыми. Аминь».

Коцелъ принялъ Меѳодія съ великою честію, но въ скоромъ времени снова отослалъ его къ папѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и 20 мужей знатнаго рода, прося папу посвятить святаго Меѳодія во епископа

---

1) Соб. Посл. Ап. Іак., гл. 2, ст. 26.

2) Псал. 116, ст. 1.

3) Дѣян., гл. 2, ст. 4.

въ Паннонію, на престолъ святаго Андроника, апостола изъ 70-ти[1]). Папа такъ и сдѣлалъ.

Послѣ этого старый врагъ и противникъ истины воздвигъ противъ Меѳодія Моравскаго князя[2]) и нѣмецкихъ и латинскихъ епископовъ этого края. Святый Меѳодій былъ позванъ на совѣтъ, на которомъ ему предложили такой вопросъ:

— Зачѣмъ ты учишь въ нашей области?

— Если бы я зналъ,—отвѣчалъ на это святый Меѳодій,—что это ваша область, то я не училъ бы здѣсь, но эта область принадлежитъ святому Апостолу Петру. Если же вы ради ссоры и лихоимства будете поступать не по правиламъ, возбраняя проповѣдовать ученіе Божіе, берегитесь, чтобы, когда будете пробивать желѣзную гору головною костью, не проломить свою голову.

— Говоря съ гнѣвомъ,—отвѣчали епископы,—ты самъ на себя накликаешь бѣду.

— Я не стыжусь говорить истину и предъ царями,—отвѣчалъ святый Меѳодій.—Вы же относительно меня какъ хотите, такъ и поступайте. Я не лучше тѣхъ, которые за правду переносили многія мученія въ этой жизни.

Много было произнесено рѣчей на этомъ собраніи, но сказать что-либо противъ Меѳодія его противники не могли. Тогда князь сказалъ съ насмѣшкой:

— Не утруждайте моего Меѳодія. Онъ вспотѣлъ, какъ бы находясь около горячей печи.

— Да, владыко,—отвѣчалъ Меѳодій.—Однажды встрѣтили вспотѣвшаго философа и спросили его: «Отчего ты вспотѣлъ?» «Съ грубою челядью спорилъ»,—отвѣчалъ философъ.

Много говорили епископы относительно Меѳодія. Наконецъ сослали его въ Швабію, гдѣ содержали въ темницѣ два съ половиною года[3]).

Дошло извѣстіе о заключеніи святаго Меѳодія до папы. Узнавъ

---

1) Память св. апостола Андроника праздиуется св. Церковію 17 мая и 30 іюля.

2) Въ это время Ростиславъ, помогавшій свв. братьямъ, умеръ въ заточеніи, и его преемникомъ сталъ племянникъ его Святополкъ, который въ первое время своего правленія былъ въ большой дружбѣ съ нѣмецкимъ императоромъ.

3) *Швабія* находится въ Германіи.—Въ темницѣ нѣмцы всячески издѣвались надъ св. Меѳодіемъ: не давали ѣсть по нѣскольку дней; когда была зима, они его, босого, съ непокрытою головою, выводили на тюремный дворъ, ставили на снѣгу и заставляли его такъ стоять на одномъ мѣстѣ сутки, а то и больше. Они били даже святаго Меѳодія батогами. Но Господь сохранялъ и укрѣплялъ святаго. Большое утѣшеніе доставляли святому его ученики, которые часто навѣщали его въ темницѣ.

объ этомъ, папа Іоаннъ VIII, преемникъ Адріана II, прислалъ проклятіе на нѣмецкихъ епископовъ и запрещеніе совершать имъ Литургію до тѣхъ поръ, пока не освободятъ Меѳодія. Тогда епископы освободили Меѳодія, но сказали Коцелу, Паннонскому князю:

— Если ты возьмешь къ себѣ Меѳодія, не считай насъ за доброжелателей [1]).

Однако сами эти епископы не избѣгли суда Божія и Апостола Петра. Четверо изъ нихъ скоро умерли.

Въ Моравіи же въ это время произошелъ раздоръ Славянъ съ нѣмецкими священниками. Поняли Моравляне, что нѣмецкіе священники, которые живутъ у нихъ, враги Славянъ и стараются предать ихъ Нѣмцамъ. Они изгнали ихъ, а къ папѣ послали слѣдующую просьбу:

«Какъ прежде наши отцы приняли Крещеніе отъ святаго Петра, такъ и теперь дай намъ архіепископа и учителя Меѳодія».

Папа тотчасъ же отправилъ святаго Меѳодія въ Моравію, гдѣ его приняли князь Святополкъ, теперь разошедшійся съ нѣмцами, и Моравляне и поручили ему всѣ церкви и духовенство во всѣхъ славянскихъ городахъ. На мѣсто изгнанныхъ нѣмецкихъ священниковъ святый Меѳодій ставилъ священниковъ-славянъ. Ввиду того, что святый Меѳодій и священники совершали Богослуженіе и учили народъ на славянскомъ языкѣ, стало сильно расти ученіе Божіе. Многіе изъ язычниковъ отреклись отъ своихъ заблужденій и увѣровали въ Истиннаго Бога [2]). Въ это время и Моравское государство было такъ сильно, какъ никогда не бывало [3]).

Святый Меѳодій обладалъ даромъ пророчества. Многія его прорицанія сбывались; изъ нихъ укажемъ нѣкоторые.

Одинъ языческій князь, жившій по рѣкѣ Вислѣ, ругался надъ христіанами и причинялъ имъ невзгоды. Святый Меѳодій послалъ къ нему сказать:

---

[1]) Очевидно, и Коцелъ принималъ участіе въ освобожденіи святаго Меѳодія.

[2]) Такъ Боривой, князь Чеховъ, послалъ гонцовъ къ Святополку сказать, что Чешскій князь желаетъ креститься и проситъ священниковъ. Святополкъ промолвилъ чешскимъ гонцамъ: «Спросите епископа Меѳодія; пусть онъ выберетъ двухъ или трехъ священниковъ и отошлетъ съ вами къ вашему князю». Св. Меѳодій самъ пошелъ въ Чехію и окрестилъ Боривоя, жену его Людмилу и двухъ ихъ сыновей. Оставался святый Меѳодій въ Чехіи около года и освятилъ двѣ первыя чешскія церкви: одну — въ городѣ Литомышлѣ, а другую — въ Лѣвомъ Градцѣ. Затѣмъ оставилъ Меѳодій въ Чехіи нѣсколько славянскихъ священниковъ и возвратился въ Моравію. Св. Меѳодій посылалъ священниковъ въ Польшу, гдѣ они окрестили короля и многихъ Поляковъ.

[3]) Это было время послѣ Велеградской битвы, когда Святополкъ разбилъ Нѣмцевъ и объединилъ почти всѣхъ Славянъ.

— Лучше тебѣ, сынъ, креститься по своей воле и въ своей землѣ, чѣмъ на чужой землѣ поневолѣ креститься плѣнникомъ.

Это и произошло.

Однажды Святополкъ воевалъ съ язычниками, и война затянулась. Приближался день памяти святаго Апостола Петра, и святый Меѳодій послалъ сказать Святополку:

— Если обѣщаешься на Петровъ день со своими войсками быть у меня, я вѣрую, что Богъ вскорѣ предастъ тебѣ язычниковъ.

Такъ и случилось.

Одинъ богатый человѣкъ женился на своей снохѣ. Святый Меѳодій много училъ и наставлялъ его, однако не могъ убѣдить ихъ развестись. Другіе же, изъ-за богатства, льстили имъ. Тогда Меѳодій сказалъ этому богачу:

— Придетъ время, когда льстецы не будутъ въ состояніи оказать вамъ помощи и вы вспомните мои слова, но уже будетъ поздно.

Внезапно, по Божію усмотрѣнію, на этихъ богачей напала такая болѣзнь, что они не могли найти для себя покойнаго мѣста. Въ такомъ состояніи они и скончались.

Старый врагъ и завистникъ рода человѣческаго снова воздвигъ на Меѳодія, какъ нѣкогда Даѳана и Авирона на Моисея[1]), явныхъ и тайныхъ враговъ. Въ это время появились еретики, которые учили, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына. Эти еретики совращали правовѣрныхъ съ истиннаго пути, а о святомъ Меѳодіи, обличавшемъ ихъ нечестивое ученіе, говорили:

— Намъ папа далъ власть и велѣлъ изгнать вонъ Меѳодія и его ученіе.

Собрались всѣ Моравляне и велѣли предъ всѣмъ народомъ прочесть то посланіе, которымъ будто бы Меѳодій изгонялся вонъ. Народъ много печалился, лишаясь такого пастыря и учителя, исключая тѣхъ, которыми управляетъ лесть, какъ вѣтеръ—листьями. Въ этомъ же посланіи папы было написано:

«Братъ нашъ, Меѳодій, правовѣренъ и совершаетъ апостольское служеніе. Ему отъ апостольскаго престола подчинены всѣ славянскія страны, и кого онъ проклянетъ, тотъ проклятъ, а кого освятитъ, тотъ будетъ святъ»[2]).

---

[1]) См. Кн. Числъ, гл. 16.

[2]) Къ этому времени обстоятельства совершенно измѣнились. Нѣмецкіе священники, изъ которыхъ были многіе заражены указанною ересью, стали снова являться въ Моравію и склонять на свою сторону Святополка. Святополкъ, хотя и былъ крещенъ, но жилъ не по-христіански: пилъ много вина, имѣлъ многихъ женъ и во гнѣвѣ не могъ

Послѣ этого всѣ враги Меѳодія разошлись со стыдомъ. Злоба же враговъ святаго Меѳодія этимъ не окончилась. Желая досадить святому, они говорили, что Греческій царь на него гнѣвается, и если бы Меѳодій былъ подъ его властію, то ему не быть бы живымъ. Богъ же милостивый, не желая, чтобы этимъ хулили Его раба, вложилъ въ сердце царя,—ибо сердце царя всегда въ рукахъ Божіихъ,—послать такое посланіе къ святому Меѳодію:

«Отче честный, весьма желаю тебя видѣть. Сдѣлай доброе дѣло и потрудись придти къ намъ, чтобы видѣть тебя, пока ты живъ, и принять отъ тебя благословеніе»[1]).

Святый Меѳодій отправился въ Константинополь и былъ принятъ здѣсь царемъ и Патріархомъ съ великою честію и радостію. Царь похвалилъ его ученіе и, удержавъ двухъ учениковъ святаго Меѳодія—іерея и діакона—у себя съ славянскими книгами, самого Меѳодія отправилъ обратно въ Моравію съ большими дарами.

Много пришлось перенести непріятностей святому Меѳодію: въ пустыняхъ—отъ разбойниковъ, въ моряхъ—отъ сильныхъ волнъ,

себя сдерживать. Меѳодій всячески старался убѣдить князя оставить пороки, обличалъ его наединѣ и при всѣхъ, но ничего не помогало. Когда же нѣмецкіе священники стали бывать у Святополка, они начали говорить ему про Меѳодія: «Къ чему ты, князь, этого старика слушаешь? Ты видишь, онъ не похожъ на другихъ людей, все всѣмъ раздаетъ и живетъ какъ нищій. Ты, князь, владыка надъ своей землей». Многими подобными льстивыми словами нѣмецкіе священники совершенно поссорили Святополка со св. Меѳодіемъ. Тогда они стали жаловаться на Меѳодія папѣ Іоанну, обвиняя его въ ереси, а главнымъ образомъ,—стараясь искоренить славянское Богослуженіе. Папа Іоаннъ, желая въ это время получить помощь противъ Сарацинъ отъ нѣмецкаго короля, принялъ сторону нѣмецкихъ священниковъ и прислалъ въ Моравію такое посланіе, которымъ запрещалась славянская служба и только было позволено говорить на славянскомъ языкѣ проповѣди. Меѳодій, прочитавъ сіе посланіе, сказалъ: «Что же будетъ теперь? Будутъ люди приходить въ церковь и стоять, ничего не понимая. И позабудутъ ученіе Христово, и воскреснутъ въ Моравіи языческіе обычаи. Нѣтъ, я не стану служить по-латыни, это будетъ людямъ во вредъ». Нѣмецкіе священники донесли объ этомъ папѣ, и папа потребовалъ Меѳодія въ Римъ. Святый Меѳодій прибылъ въ Римъ, и папа учредилъ надъ нимъ судъ. Въ это время папа получилъ помощь въ войнѣ съ Сарацинами отъ греческаго царя Василія Македонянина, а потому и принялъ сторону Меѳодія. На этомъ судѣ св. Меѳодій былъ оправданъ, возстановленъ архіепископомъ въ славянскихъ земляхъ и получилъ позволеніе совершать Богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Но не желая оскорблять Святополка, папа написалъ ему такое посланіе: «Если тебѣ, князь, славянская обѣдня не по сердцу, ты можешь слушать у себя во дворцѣ латинскую обѣдню, отъ нѣмецкихъ священниковъ». Вмѣстѣ съ Меѳодіемъ какъ его помощникъ отправился въ Моравію священникъ Викингъ, ставленникъ нѣмецкаго короля и лютый врагъ Славянъ. Этотъ Викингъ и сталъ главнымъ врагомъ святаго Меѳодія. Нѣмецкіе священники начали говорить Святополку, что Меѳодій привезъ не настоящую грамоту, а есть другая, по которой нужно изгнать Меѳодія и поставить архіепископомъ Викинга. Тогда святый Меѳодій написалъ папѣ Іоанну такое письмо: «Кого ты, отче, поставилъ архіепископомъ: меня или Викинга?» На это письмо папа и прислалъ указанное посланіе.

[1]) Въ это время былъ императоромъ Василій Македонянинъ.

въ рѣкахъ—отъ внезапныхъ омутовъ, такъ что на немъ исполнилось апостольское слово: **бѣды̀ въ рѣка́хъ, бѣды̀ ѿ разбо́йникъ... бѣды̀ въ мо́ри, бѣды̀ во лжебра́тїи: въ тру́дѣ и҆ по́двизѣ, во бдѣ́нїихъ мно́жицею, во а҆́лчбѣ и҆ жа́ждѣ**[1]). Затѣмъ, оставивъ всѣ заботы и всю печаль возложивъ на Бога, святый Меѳодій сталъ вмѣстѣ съ двумя своими учениками-священниками переводить тѣ книги, которые не успѣлъ перевести вмѣстѣ съ своимъ братомъ, блаженнымъ Константиномъ. Вмѣстѣ съ ними онъ успѣлъ перевести весь Ветхій Завѣтъ, кромѣ книгъ Маккавейскихъ, а также перевелъ Номоканонъ (правила святыхъ отцевъ) и отеческія книги (Патерикъ). Началъ святый Меѳодій свой переводъ въ мартѣ мѣсяцѣ, а окончилъ въ октябрѣ, 26 числа. Окончивъ переводъ, святый Меѳодій воздалъ достойную хвалу и славу Богу и святому Димитрію Солунскому, въ день памяти котораго онъ закончилъ переводъ и къ которому, какъ уроженецъ Солуни, особенно благоговѣлъ.

Около этого времени Венгерскій король, бывшій въ Дунайскихъ странахъ, пожелалъ видѣть святаго Меѳодія. Многіе убѣждали Меѳодія, изъ опасенія мученій, не ходить къ этому королю, но святый Меѳодій пошелъ. Венгерскій князь, какъ и подобаетъ королю, встрѣтилъ Меѳодія съ честію, бесѣдовалъ съ нимъ и отпустилъ его съ большими дарами. Прощаясь, король сказалъ святому:

— Вспоминай меня, честны̀й отче, всегда во святыхъ твоихъ молитвахъ.

Такъ заботился святый Меѳодій о своемъ стадѣ, отыскивая вѣрныхъ послѣдователей Христу во всѣхъ странахъ и заграждая многорѣчивыя уста. Онъ вмѣстѣ съ апостоломъ могъ сказать:

— **Тече́нїе скончáхъ, вѣ́ру соблюдо́хъ, про́чее ᲂу҆́бо соблюда́етсѧ мнѣ̀ вѣне́цъ пра́вды**[2]).

Когда же приблизилось время принять святому Меѳодію покой отъ страданій и награду за многіе труды, стали спрашивать его:

— Кого, честны̀й отецъ и учитель, ты укажешь изъ своихъ учениковъ твоимъ преемникомъ?

Показывая на одного изъ своихъ учениковъ, Горазда, святитель сказалъ:

— Вотъ мужъ вашей земли, правовѣрный и хорошо знающій латинскія книги. Если на то будетъ воля Божія и ваша любовь, я желаю, чтобы онъ былъ моимъ преемникомъ.

---

1) 2 Посл. къ Кор., гл. 11, ст. 26 и 27.

2) 2 Посл. къ Тим., гл. 4, ст. 7 и 8.

Въ Цвѣтную недѣлю святый Меѳодій пришелъ въ церковь и не могъ служить отъ слабости, а только помолился за царя греческаго, князей славянскихъ, клириковъ и весь народъ и сказалъ:

— Посмотрите за мной, дѣти, до третьяго дня.

И дѣйствительно, на разсвѣтѣ третьяго дня святый Меѳодій со словами: «въ руцѣ Твои, Господи, предаю духъ мой» почилъ о Господѣ на іерейскихъ рукахъ. Это было 6-го апрѣля 885 года.

Отпѣваніе совершали по-латыни, гречески и славянски и положили его въ соборной церкви въ Велеградѣ. За погребеніемъ собралось безчисленное множество народа. Тутъ были и мужчины и женщины, и большіе и малые, и богатые и бѣдные, свободные и рабы, вдовы и сироты, странники и туземцы, больные и здоровые. Всѣ провожали со слезами такого добраго учителя и пастыря, бывшаго для всѣхъ всѣмъ, да всѧ̑ прїѡбрѧ́щетъ.

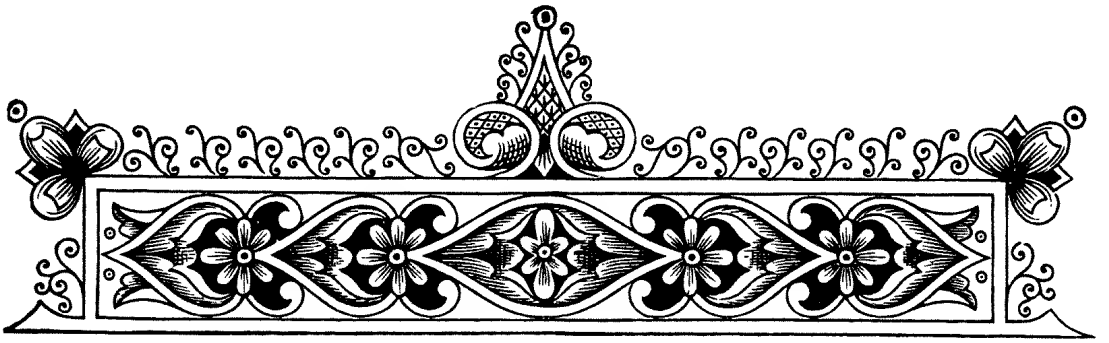
Ты, святая и честна̀я главо! Свыше въ своихъ молитвахъ вспоминай и насъ, тебя призывающихъ, и избавляй отъ всѣхъ напастей своихъ учениковъ, распространяющихъ Христово ученіе и обличающихъ ереси, чтобы, выполнивъ съ достоинствомъ свое званіе въ этой жизни, стать съ тобою твоему стаду одесную сторону Христа Бога нашего, получивъ отъ него жизнь вѣчную. Ибо Тому подобаетъ слава и честь во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тропа́рь, гла́съ д҃:

Ꙗ҆́кѡ а҆пⷭ҇лѡмъ є҆динонра́внїи и҆ слове́нскихъ стра́нъ оу҆чи́телїе, кѵ̈рі́лле и҆ меѳо́дїе бг҃омꙋ́дрїи, влⷣкꙋ всѣ́хъ моли́те, всѧ̑ ꙗ҆зы́ки слове́нскїѧ оу҆тверди́ти въ правосла́вїи и҆ є҆диномы́слїи, оу҆мири́ти мі́ръ и҆ спасти̇̀ дꙋ́шы на́шѧ.

Конда́къ, гла́съ г҃:

Сщ҃е́ннꙋю дво́ицꙋ просвѣти́телей на́шихъ почти́мъ, бж҃е́ственныхъ писа́нїй преложе́нїемъ и҆сто́чникъ бг҃опозна́нїѧ на́мъ и҆сточи́вшихъ, и҆з̾ негѡ́же да́же до дне́сь неѡскꙋ́днѡ почерпа́юще, оу҆бл҃жа́емъ ва́съ, кѵ̈рі́лле и҆ меѳо́дїе, прⷭ҇то́лꙋ вы́шнѧгѡ предстоѧ́щихъ и҆ те́плѣ молѧ́щихсѧ ѡ҆ дꙋша́хъ на́шихъ.



День двѣнадцатый

ЖИТІЕ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ГЕРМАНА,

архіепископа Константинопольскаго

Святый Германъ родился въ городѣ Константинополѣ. Отецъ его Іустинъ, почтенный саномъ патриція, былъ однимъ изъ первѣйшихъ сенаторовъ, превосходившій прочихъ славою и честью; его по зависти лишилъ жизни Константинъ Погонатъ [1]), когда вступилъ на греческій престолъ. По убійствѣ этого знатнаго сенатора Константинъ повелѣлъ оскопить сына его, тогда еще отрока, блаженнаго Германа и отдать въ клиръ церковный. Это онъ сдѣлалъ для того, чтобы Германъ, возмужавъ и достигнувъ въ міру извѣстнаго чина и сенаторскаго званія, не могъ чѣмъ-либо отомстить дому Погоната за убійство своего отца. Зачисленный такимъ образомъ въ духовное званіе, блаженный Германъ жилъ какъ Ангелъ Божій: далекій отъ пристрастія къ міру и мірской суеты, онъ весь умъ свой обращалъ къ Богу, имѣя всегда на устахъ хвалу Господу, прилѣжно занимаясь и днемъ и ночью изученіемъ Божественныхъ книгъ. Отсюда онъ позналъ глубину премудрости и почерпнулъ жизненную воду богодухновенныхъ ученій, которыми и напоялъ

---

1) *Константинъ Погонатъ* правилъ съ 668 г. по 685 г.

Церковь Христову въ санѣ пастыря и учителя. Когда святый Германъ достигъ совершенныхъ лѣтъ, то какъ мужъ своею добродѣтельною жизнію сіяющій подобно свѣтильнику былъ сначала рукоположенъ въ епископа Кизическаго города[1]). Здѣсь онъ боролся съ монофелитской ересью[2]) вмѣстѣ со Святѣйшимъ Патріархомъ Киромъ[3]), съ которымъ и подвергся изгнанію отъ невѣрнаго царя Филиппа[4]). По смерти же гонителя, вскорѣ безславно погибшаго, и по кончинѣ Патріарха Кира, умершаго въ

---

1) *Кизикъ*—городъ малоазійской области Фригіи.

2) *Монофелитство*, или единовольническая ересь, возникло въ началѣ VII-го вѣка подъ вліяніемъ стремленія византійскихъ правителей примирить съ христіанствомъ широко распространившуюся *монофизитскую* ересь, учившую объ *одной* Божественной природѣ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, такъ какъ раздоры между православными и монофизитами были не только церковнымъ, но и государственнымъ бѣдствіемъ. Монофизитскіе епископы, главнымъ образомъ Киръ, епископъ Фазиса въ Колхидѣ, подали императору Ираклію (611 г.—641 г.) мысль, что соединеніе между ними и православными можетъ состояться, если Православная Церковь признаетъ во Христѣ Іисусѣ единую волю, единое дѣйствіе. Въ 633 г. стараніями императора и Кира, назначеннаго Патріархомъ Александрійскимъ, удалось устроить единеніе между египетскими монофелитами и православными; къ этому единенію примкнули почти всѣ восточные и греческіе епископы съ Константинопольскимъ Патріархомъ Сергіемъ во главѣ. Противъ подобнаго незаконнаго соглашенія открыто выступилъ любимый ученикъ Александрійскаго Патріарха Іоанна Милостиваго монахъ Софроній, доказывая, что ученіе о единоволіи есть то же монофизитство или признаніе во Христѣ Іисусѣ единой только (Божественной) природы, ибо если едина природа, то, естественно, едина и воля. Сдѣлавшись въ 634 г. Патріархомъ Іерусалимскимъ, онъ еще съ бо́льшею ревностію защищалъ Православіе: онъ созвалъ въ Іерусалимѣ Соборъ, на которомъ осудилъ монофелитство. Желая положить конецъ распрямъ, императоръ Ираклій въ 638 г. издалъ составленное Патріархомъ Сергіемъ «изложеніе вѣры» (эктесисъ), гдѣ содержалось православное ученіе о двухъ естествахъ во Христѣ Іисусѣ и запрещалось говорить о Его воляхъ, хотя въ то же время добавлялось, что православная вѣра требуетъ признанія одной воли. Послѣ изданія «изложенія вѣры» горячимъ защитникомъ Православія выступилъ константинопольскій монахъ Максимъ Исповѣдникъ (память его—21-го января), который съ успѣхомъ дѣйствовалъ противъ монофелитовъ въ сѣверной Африкѣ и Римѣ. Преемникъ Ираклія Констансъ II, желая уничтожить еще болѣе возбудившій раздоръ эктесисъ, въ 648 г. издалъ «типосъ»—образецъ вѣры, гдѣ запрещалось говорить какъ объ одной такъ и о двухъ воляхъ, заставляя вѣрить согласно бывшимъ пяти Вселенскимъ Соборамъ. Но «типосъ» не положилъ конца спорамъ. Наконецъ императоръ Константинъ Погонатъ созвалъ въ Константинополѣ Шестой (Трулльскій) Вселенскій Соборъ, на которомъ монофелитство было осуждено какъ ересь и опредѣлено, что во Христѣ Іисусѣ до́лжно исповѣдовать два дѣйствія, двѣ воли, причемъ человѣческая подчиняется во всемъ волѣ Божеской, не уничтожаясь черезъ это.—Остатки монофелитовъ сохранились до настоящаго времени въ видѣ маронитовъ. Сначала они нашли убѣжище (съ 680 г.) на Ливанскихъ горахъ; во время Крестовыхъ походовъ (1182 г.) ученіе монофелитовъ проникло на Западъ, въ Европу, но благодаря дѣятельности папъ не нашло многихъ послѣдователей, хотя существовало до 1736 г., когда еврейскіе монофелиты присоединились къ Католической Церкви. На Востокѣ, въ Сиріи, оно существуетъ до сихъ поръ.

3) *Святой Киръ* занималъ патріаршій престолъ въ Константинополѣ съ 705 г. по 711 г.; умеръ въ 714 г. въ изгнаніи.

4) *Филиппъ Бардинъ*, византійскій императоръ (711—715 гг.).

изгнаніи, по низложеніи псевдопатріарха еретика Іоанна, въ царствованіе Артемія, нареченнаго Анастасіемъ Вторымъ, къ радости народа былъ возведенъ на Цареградскій престолъ святый Германъ. Онъ былъ мужъ достойный, къ тому же исполненный Божіей благодати, которая открывалась въ томъ, что онъ провидѣлъ будущее и пророчески предсказывалъ о немъ. Такъ, когда онъ торжественно входилъ въ храмъ святой Софіи въ первый разъ своего служенія, къ нему, окруженному народомъ, желавшимъ видѣть новоизбраннаго Патріарха, приблизилась одна беременная женщина именемъ Анна и сказала:

— Благослови, отче, зачатое въ моемъ чревѣ.

Патріархъ взглянулъ на нее и, внутренними очами провидя будущее, сказалъ:

— Да благословитъ тебя Господь молитвами святаго первомученика.

Этими словами онъ предсказалъ, что родится дитя мужескаго пола, соименный святому первомученику Стефану. При этомъ свое пророчество онъ подтвердилъ чудомъ. Когда Германъ говорилъ, изъ устъ его вмѣстѣ со словами исходилъ огненный пламень, который видѣла женщина, о чемъ впослѣдствіи увѣряла всѣхъ съ клятвою, что побудило ее твердо увѣровать въ пророчество святаго. И дѣйствительно, Анна родила дитя мужескаго пола, которое и назвала Стефаномъ по пророчеству Святѣйшаго Патріарха Германа. Этотъ Стефанъ, возмужавъ, облекся въ иноческій образъ и благочестно подвизался на Авксентіевой горѣ, а впослѣдствіи явился исповѣдникомъ за Имя Христово, мученически пострадавъ за святыя иконы отъ злочестиваго царя Константина Копронима [1]). О семъ Копронимѣ, сынѣ Греческаго императора Льва Исаврянина [2]), было также пророчество святаго Германа, что онъ будетъ лютымъ гонителемъ и мучителемъ правовѣрныхъ. Во время своего Крещенія, которое совершалъ Святѣйшій Патріархъ Германъ, Константинъ осквернилъ святую купель естественнымъ гноемъ. Тогда святый Германъ сказалъ о крещаемомъ:

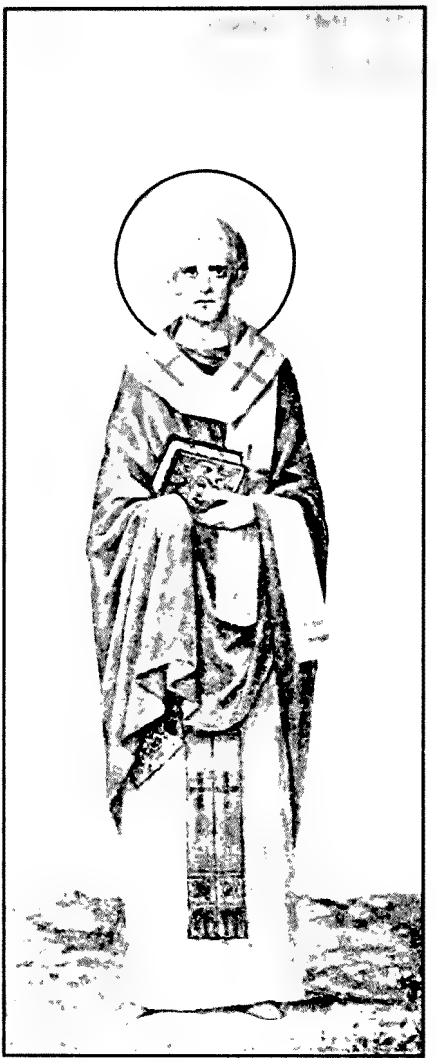
— Это дитя, когда возмужаетъ, принесетъ большое зло христіанамъ и всей Церкви: церковную святыню осквернитъ еретичествомъ и прольетъ много крови благовѣрныхъ рабовъ Христовыхъ.

---

[1]) *Константинъ Копронимъ* правилъ съ 741 по 775 гг.

[2]) *Левъ Исавръ* правилъ съ 716 по 741 гг.

Константинъ впослѣдстіи былъ прозванъ Копронимомъ, что значитъ «навозный»[1]). Пророчество святаго Германа сбылось въ точности: Копронимъ многихъ замучилъ за поклоненіе честнымъ иконамъ, между которыми былъ и вышеупомянутый Стефанъ.



Ст҃ый
ГЕ́РМАНЪ

Иконоборческая ересь началась въ царствованіе Льва Исаврянина, отца Копронима. Левъ Исаврянинъ, погрязшій въ этой ереси, старался ее какъ можно болѣе укрѣпить и распространить въ своемъ народѣ. Онъ разослалъ во всѣ провинціи своего государства злочестивое повелѣніе, чтобы повсюду выбрасывали изъ храмовъ святыя иконы, попирали ихъ ногами и сожигали, ибо онъ почиталъ святыя иконы за идоловъ, а поклоняющихся имъ— за идолопоклонниковъ.

Святый Патріархъ Германъ мужественно противился царю-еретику. Онъ неоднократно посылалъ къ царю изъ клира благоразумныхъ и честныхъ мужей, а также и самъ приходилъ и уговаривалъ его, чтобы онъ оставилъ свой злой умыселъ; но увѣщанія святаго Германа не имѣли никакого успѣха.

Однажды Патріархъ сказалъ царю:

— Я слышалъ пророчество одного святаго мужа, что нѣкогда настанетъ гоненіе на святыя иконы отъ зловѣрныхъ, но да не будетъ оно во время твоего царствованія.

— Въ какое же время и въ чье царствованіе оно наступитъ? — спросилъ внимательно императоръ.

— Царь, по имени Кононъ,—сказалъ святый Германъ,—воздвигнетъ гоненіе на святыя иконы.

— Мое имя и есть Кононъ,—отвѣчалъ Левъ Исаврянинъ.—Оно дано мнѣ при Крещеніи, Львомъ же я прозванъ уже впослѣдствіи.

[1]) *Копронимъ* отъ греческаго κόπρος—*навозъ, калъ.*

Посему пророчество вполнѣ должно исполниться во дни моего царствованія.

— Нѣтъ, государь,—возразилъ царю святый Германъ,—да не будетъ этого, да не совершится таковое зло въ твое царствованіе, ибо желающій произвесть эту злобу есть антихристъ, врагъ Божественнаго воплощенія. Вспомни при этомъ, царь, и то, что ты предъ вступленіемъ на царскій престолъ далъ клятву соблюдать непорочно святую вѣру, ничего не уничтожая изъ преданій святыхъ Апостоловъ и богодухновенныхъ Отцевъ и не привнося ничего новаго, противнаго христіанской вѣрѣ.

Царь, слыша таковыя слова Святѣйшаго Патріарха, то чувствовалъ стыдъ, то приходилъ въ ярость, стараясь найти такое обвиненіе противъ Патріарха, чтобы удалить его съ престола не какъ исповѣдника истины, а какъ крамольника. Сообщника своему злому намѣренію онъ нашелъ въ лицѣ одного пресвитера Анастасія, ученика Германа. Этому Анастасію, по нраву подобному Іудѣ, царь обѣщалъ патріаршій престолъ по изгнаніи Германа, а онъ въ свою очередь за это обѣщалъ помогать царю въ утвержденіи ереси и уничтоженіи святыхъ иконъ. Поэтому Анастасій сдѣлался ярымъ врагомъ святаго Германа, пытаясь, даже прежде изгнанія святаго Германа, захватить патріаршій престолъ. Святый Германъ, провидя духомъ его злое намѣреніе и его будущую участь, предсказалъ Анастасію о его судьбѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Однажды Патріархъ Германъ входилъ въ царскую палату. Анастасій, съ гордостію слѣдовавшій за нимъ, наступилъ сзади на край его одежды. «Не спѣши,—сказалъ тогда Германъ Анастасію,—придетъ время, когда тебя, окруженнаго толпою народа, съ криками поведутъ въ диппинъ»[1]).

Однако въ то время ни Анастасій, ни другіе слышавшіе, не обратили вниманія на эти слова святаго Германа и вспомнили уже впослѣдствіи, когда сказанное сбылось, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

Святый Германъ, какъ добрый воинъ Христовъ, безбоязненно и мужественно боролся съ еретиками мечомъ слова Божія. Онъ послалъ одного изъ лучшихъ церковнослужителей къ царю съ такими словами:

---

[1]) *Диппиномъ* въ Цареградѣ называлось народное мѣсто, гдѣ обыкновенно устраивались различныя зрѣлища.

— Не подобаетъ тебѣ, царь, безчинно возвышаться предъ Богомъ, Создателемъ твоимъ, давшимъ тебѣ жизнь и царствованіе, и не имѣешь ты права, какъ говорится, подвигать неподвижное: не прилично тебѣ преступать предѣлы, установленные въ древнее время святыми Отцами. Вѣдь человѣческимъ образомъ, воспринятымъ Богомъ Словомъ отъ Пречистыя и Пресвятыя Дѣвы, было истреблено служеніе бѣсамъ и уничтожено идолопоклонство. Изображеніе красками на доскѣ подобія человѣческаго образа Христова и неизреченно Родившія Его, а также и изображенія святыхъ угодниковъ Божіихъ предано намъ почитать уже 725 лѣтъ тому назадъ, когда Господь нашъ во образѣ человѣка явился на землю. По вознесеніи Господа жена, исцѣлившаяся отъ кровотеченія чрезъ прикосновеніе къ краю одежды[1]) Его, въ благодарность за сіе сдѣлала изображеніе Спасителя. Но и прежде этого Самъ Господь изобразилъ божественный Ликъ Свой на убрусѣ (платкѣ) и отослалъ его въ Едесъ къ Авгарю. Святый Евангелистъ Лука написалъ образъ Пречистой Дѣвы Богородицы. Поэтому божественные Соборы, бывшіе въ различныя времена и въ различныхъ мѣстахъ, повелѣли не истреблять, но почитать святыя иконы. Итакъ, знай, царь, если ты поможешь утвердить этотъ иконоборческій догматъ, я первый пойду противъ него. Я готовъ пролить кровь за образъ Христа моего, Который пролилъ Свою кровь, чтобы обновить падшій образъ моей души. Ясно, что безчестіе, наносимое образу Христову, относится и къ Первообразу, т. е. къ Самому Христу, равно какъ и честь, возносимая предъ образомъ. Поэтому намъ, вѣрнымъ рабамъ Христовымъ, подобаетъ и умереть за почитаніе Господа нашего.

Въ другое время самъ святый Германъ такъ говорилъ царю:

— Если я Іона, бросьте меня въ море, ибо я безъ Вселенскаго Собора не имѣю права ничего новаго узаконять касательно вѣроученія.

Когда же Святый Патріархъ увидѣлъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать, чтобы отвратить царя отъ ереси, тогда положилъ свой омофоръ въ божественномъ алтарѣ, на святомъ Престолѣ, и оставилъ свой санъ. Царь, сильно разгнѣвавшись на святаго Германа за его дерзновенныя слова, послалъ, точно на брань, вооруженныхъ воиновъ, которые подвергли святаго побоямъ и съ безчестіемъ изгнали его изъ патріаршаго дома. Святый Германъ удалился

[1]) Еванг. отъ Марка, гл. 5, ст. 25—34.

тогда въ монастырь, гдѣ провелъ между иноками остальные дни своей жизни въ безмолвіи и съ миромъ почилъ о Господѣ. Онъ былъ патріархомъ 14 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ[1]).

По изгнаніи Святѣйшаго Патріарха Германа на его мѣсто царь возвелъ упомянутаго выше епископа Анастасія[2]), который заодно съ царемъ выбрасывалъ изъ церквей святыя иконы и утверждалъ иконоборческую ересь. Пророчество святаго Германа относительно его исполнилось слѣдующимъ образомъ.

Когда умеръ злочестивый Левъ Исаврянинъ, на царство его вступилъ сынъ его Константинъ Копронимъ, котораго свергнулъ съ престола Артавасдъ, зять Льва. Въ этомъ помогалъ Артавасду патріархъ Анастасій, онъ же и вѣнчалъ Артавасда и сына его Никифора на царство. По прошествіи 3 лѣтъ Копронимъ собралъ большое войско и взялъ Константинополь. Зятя своего Артавасда и его сыновей, своихъ племянниковъ, Константинъ ослѣпилъ, а приверженцевъ Артавасда многихъ вельможъ погубилъ. Патріарха же Анастасія Константинъ велѣлъ обнажить и бить предъ всѣмъ народомъ на мѣстѣ, называемомъ *диппинъ*, а затѣмъ, посадивъ на осла лицомъ назадъ, водить съ надруганіемъ по городу. Такъ исполнилось пророчество святаго Германа, предсказавшаго Анастасію, что его при большомъ стеченіи народа поведутъ на диппинъ. Нечестивый царь Копронимъ хотѣлъ даже низложить Анастасія съ патріаршаго престола, но, не найдя другого, болѣе ревностнаго въ поруганіи святыхъ иконъ, кромѣ Анастасія, оставилъ послѣдняго на патріаршемъ престолѣ, гдѣ онъ пребывалъ, какъ мерзость запустѣнія на святомъ мѣстѣ[3]), 24 года. Въ концѣ жизни его постигла болѣзнь, именуемая *кордаспосъ*, такъ что

1) Св. Германъ умеръ въ 740 г., 95-ти лѣтъ, погребенъ въ монастырѣ Хорѣ, на сѣверной сторонѣ Царьграда. Св. Германъ извѣстенъ какъ церковный писатель: «писанія его славятся по всей вселенной», свидѣтельствуетъ о немъ VII Вселенскій Соборъ, внесшій его въ диптихи святыхъ. Сочиненія св. Германа разнообразны по своему составу. Послѣ него остались: объясненіе наиболѣе трудныхъ мѣстъ Св. Писанія, сочиненіе о праведномъ воздаяніи за гробомъ; на VII Вселенскомъ Соборѣ читались его три посланія о почитаніи иконъ, осталось отъ него и «довольно много,—какъ говоритъ древній жизнеописатель св. Германа,—изидательныхъ словъ для благочестивыхъ»,—слова на Введеніе во храмъ Богоматери, на Ея Успеніе, на Благовѣщеніе, на Обновленіе храма и положеніе пояса Пресвятой Богородицы. Важно по богатству историческихъ свѣдѣній сочиненіе о ересяхъ со времени Апостоловъ и о церковныхъ Соборахъ по царствованіе Льва Иконоборца. Много оставилъ св. Германъ произведеній, относящихся къ Богослуженію; изъ нихъ особенно важно изъясненіе на Литургію; другія сочиненія этого рода представляютъ собою гимны, составленные Патріархомъ на похвалу святымъ и прославленіе чудесныхъ дѣлъ благодати.

2) *Анастасій* занималъ патріаршій престолъ съ 730 по 753 гг.

3) Еванг. отъ Матѳ., гл. 24, ст. 15.

богомерзскія уста, хулившія святыя иконы и своего учителя, были для него скверным проходомъ, чрезъ который исходилъ естественный гной. Отъ этой болѣзни Анастасій скончался.

Итакъ, Анастасій скончался ужасною смертію, а святый Германъ вмѣстѣ съ святыми іерархами наслѣдовалъ блаженную жизнь въ Царствіи Господа нашего Іисуса Христа, Ему же со Отцемъ и Святымъ Духомъ честь и слава нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

САВИНА,

епископа Кипрскаго

Сей преподобный происходилъ изъ страны Финикійской[1]) и родился въ городѣ Ликіи, гдѣ былъ крещенъ и принялъ монашество святый Епифаній[2]). Когда Богъ прославилъ Епифанія, то жители Ликія послали за нимъ пользовавшагося у нихъ извѣстностію мужа, чтобы поставить его епископомъ своего города. Въ то время вмѣстѣ съ этимъ мужемъ пришелъ къ Епифанію и Савинъ и, отрекшись отъ міра, остался съ Епифаніемъ, и принялъ иночество. Послѣ сего онъ ушелъ съ Епифаніемъ въ пустыню и пробылъ тамъ вмѣстѣ съ нимъ пять лѣтъ. Онъ написалъ житіе преподобнаго, гдѣ описалъ его всенощныя молитвенныя бдѣнія, усердные земные поклоны и чудеса, которыя совершилъ чрезъ него Господь. Когда святый Епифаній былъ епископомъ на островѣ Кипрѣ[3]), то пожелалъ рукоположить Савина въ санъ пресвитера, но онъ не соглашался на это. Тогда преподобный ввелъ его въ церковь и сказалъ ему:

— Стань здѣсь и стой неподвижно.

Онъ сталъ, причемъ ноги его были какъ бы пригвожденными къ землѣ, и святый Епифаній рукоположилъ его во пресвитера. Послѣ смерти Епифанія Савинъ сталъ преемникомъ его, занявъ

1) *Финикія* расположена была вдоль береговъ Средиземнаго моря между Палестиной и древнимъ Сирійскимъ государствомъ. Начало христіанства въ Финикіи относятъ ко времени Апостоловъ.

2) Память *святаго Епифанія* празднуется въ этотъ же день.

3) *Островъ Кипръ* находится въ Средиземномъ морѣ близъ береговъ древней Финикіи. Христіанство было насаждено на немъ святымъ Апостоломъ Павломъ въ первое его благовѣстническое путешествіе.

епископскую каѳедру въ томъ же городѣ Констанціи[1]), гдѣ былъ епископомъ и Епифаній. Совершивъ множество достойныхъ памяти чудесъ, защитивъ церковь свою отъ еретиковъ и благочестиво проведши жизнь, святый Савинъ отошелъ ко Господу[2]).

ПАМЯТЬ СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ПОЛУВІЯ,

епископа Ринокирскаго

Преподобный отецъ нашъ Полувій былъ ученикомъ святаго Епифанія. Онъ сопровождалъ своего учителя тогда, когда онъ плылъ на кораблѣ, возвращаясь изъ города Константинополя. Въ то время святый Епифаній сказалъ ему:

— Чадо Полувій! Вотъ, я отхожу уже изъ этой жизни; исполни же мою заповѣдь, иди въ Египетъ, ибо и послѣ смерти моей я буду заботиться о тебѣ.

И когда святый Епифаній скончался, то Полувій, не дождавшись его погребенія, такъ какъ тѣло его не было погребено десять дней, отправился по его завѣщанію въ Египетъ, и тамъ встрѣтилъ его начальникъ города Ринокира[3]), и спросилъ его:

— Откуда ты идешь?

— Изъ Кипра,—отвѣчалъ Полувій,—ибо я былъ ученикомъ Епифанія, архіепископа Кипрскаго, который отошелъ уже ко Господу.

Градоправитель Ринокира сильно былъ опечаленъ смертію преподобнаго и, пригласивъ святаго Полувія къ себѣ, поставилъ его епископомъ въ своемъ городѣ. За свою добродѣтельную и непорочную жизнь святый Полувій удостоился дара чудотвореній. Такъ, молитвою онъ низвелъ дождь съ неба и умножилъ тѣмъ плоды на нивахъ. Достигнувъ глубокой старости, онъ отошелъ ко Господу[4]).

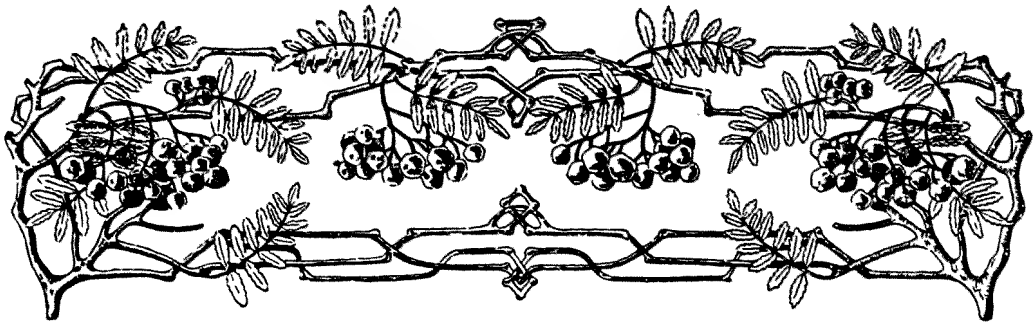
---

1) *Городъ Саламинъ,* гдѣ былъ епископомъ святый Епифаній, иначе назывался *Констанціей Кипрской.* Онъ расположенъ у самаго моря на восточномъ берегу острова.

2) *Святый Савинъ* скончался около половины V вѣка.

3) *Городъ Ринокиръ* находился въ горной части Ѳиваидской пустыни въ Верхнемъ (Южномъ) Египтѣ.

4) Святый Полувій скончался въ V вѣкѣ.



ЖИТІЕ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ЕПИФАНІЯ,

архіепископа Кипрскаго

Родиной святаго Епифанія, Еврея по происхожденію, была Финикія[1]): на берегу рѣки Елевѳеры, текущей съ Ливанскихъ горъ въ Финикійское море[2]), въ трехъ поприщахъ[3]) отъ горда Никеи, находилось селеніе Висандукъ; здѣсь и жили, занимаясь земледѣліемъ, родители святаго Епифанія; кромѣ сына, у нихъ была еще, меньшая его по возрасту, дочь Каллитропія. Когда мальчику было десять лѣтъ, отецъ его умеръ, оставивъ женѣ тяжелую заботу о воспитаніи дѣтей: у осиротѣвшей семьи только что хватало на прокормленіе, а дѣти, между тѣмъ, были еще малы. Мать вынуждена была кормить ихъ трудами своихъ рукъ. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Случилось, что у вдовицы оказался оселъ очень упрямый и буйный. И вотъ однажды мать сказала Епифанію:

— Сынъ мой, возьми осла, отведи его въ городъ на рынокъ, продай тамъ и купи намъ пищи.

---

1) *Финикія* — страна по берегу Средиземнаго моря къ сѣверо-западу отъ Палестины; жители ея славились какъ мореплаватели и торговцы.

2) Т. е. Средиземное.

3) *Поприще* равнялось приблизительно 690 саженямъ.

— Ты знаешь,—отвѣчалъ Епифаній матери,—что оселъ буйный, и когда на торгу покупатели замѣтятъ это, то станутъ меня бить.

— Иди, сынъ мой, Богъ же отцевъ нашихъ да укротитъ осла,— сказала ему мать.

Тогда отрокъ, повинуясь приказанію матери, повелъ осла для продажи въ городъ. Здѣсь первымъ его покупателемъ явился тоже Еврей. Узнавъ въ продавцѣ своего единоплеменника, онъ сказалъ ему:

— Сынъ мой, мы съ тобой вѣруемъ въ одного любящаго правду Бога, и намъ не слѣдуетъ обижать другъ друга, чтобы не прогнѣвать Бога нашего и потомъ не сѣтовать другъ на друга. Итакъ, оцѣнимъ осла справедливо.

Епифаній на это отвѣчалъ:

— Не желалъ бы продать тебѣ этого осла, такъ какъ онъ еще необученъ, а кромѣ того, упрямъ и буенъ; только изъ-за голода и не имѣя на что купить пищи, моя мать рѣшила его продать. Но вотъ, я слышу отъ тебя, что грѣшно причинять зло ближнему ради пріобрѣтенія, и боюсь, какъ бы не покаралъ меня Богъ.

Изумленный разсудительностью и добронравіемъ отрока, Еврей далъ ему три пѣнязя[1]) со словами:

— Сынъ мой, возьми это, купи матери хлѣба и возвратись съ осломъ въ свой домъ, и если оселъ укротится, то держите его при себѣ; въ противномъ же случаѣ выгоните его, чтобы онъ не убилъ кого-нибудь.

Епифаній направился домой и на пути около своего селенія встрѣтилъ христіанина Клеовія, пожелавшаго купить осла. Но честный отрокъ отказывался его продать. Во время ихъ бесѣды оселъ заупрямился и началъ съ фырчаньемъ брыкаться, а, затѣмъ, сбросивши съ себя Епифанія, побѣжалъ съ дороги. Упавшій отрокъ такъ разбился, что не могъ встать, и лежалъ, горько плача: у него сильно болѣло ушибленное бедро. Клеовій, подошедши къ нему, ощупалъ бедро и перекрестилъ его трижды. Тотчасъ же Епифаній выздоровѣлъ и всталъ. Затѣмъ Клеовій обратился къ ослу и сказалъ:

— Именемъ Господа нашего, распятаго Іисуса Христа, повелѣваю тебѣ остановиться, и за то, что ты хотѣлъ убить своего господина, самъ не сойдешь съ этого мѣста.

---

1) *Пенязь* $^1/_6$ ч. драхмы, равнявшейся $21^1/_2$ копѣйкамъ.

Тотчасъ оселъ упалъ и издохъ. Удивленный происшедшимъ, отрокъ спросилъ Клеовія:

— Кто такой, отче, Распятый Іисусъ Христосъ, что Его Именемъ совершаются такія чудеса?

— Сынъ Божій, Котораго распяли Іудеи,— отвѣчалъ Клеовій. Епифаній побоялся открыть ему свое еврейское происхожденіе и отправился домой съ думою о Христѣ Распятомъ и съ желаніемъ вѣровать въ Него. Пришедши къ своей матери, онъ разсказалъ ей о всемъ случившемся. Между тѣмъ послѣдняя, не имѣя чѣмъ питаться съ дѣтьми, продала свою ниву, а Епифанію велѣла идти въ городъ учиться какому-либо ремеслу, чтобы впослѣдствіи онъ могъ кормить и себя и ее съ сестрою. При самомъ отправленіи Епифанія въ городъ пришелъ изъ города въ Висандуку богатый еврейскій законоучитель Трифонъ, хорошо знавшій его родителей и владѣвшій нѣкоторыми имѣніями въ ихъ селѣ. Узнавши, что Епифаніева матерь овдовѣла, и видя ее въ нищетѣ, онъ сказалъ ей:

Ст҃ый
Є҆пїфа́нїй

— Дай мнѣ твоего сына,—я усыновлю его; и если ты согласна, то пусть отселѣ онъ почитается моимъ сыномъ, а ты и дочь твоя питайтесь отъ моего дома.

Вдова съ величайшей радостью отдала своего сына на воспитаніе неожиданному благодѣтелю. И жилъ Епифаній какъ сынъ въ Трифоновомъ домѣ, будучи обучаемъ еврейскимъ книгамъ. Быстрая воспріимчивость и рѣдкостная сообразительность добронравнаго воспитанника сдѣлали его любимцемъ воспитателя. Трифонъ хотѣлъ даже выдать за него замужъ свою единственную дочь. Но, по Божьей волѣ, она умерла. Вскорѣ умерли и ея родители, а также и мать Епифанія. Оставшись единственнымъ наслѣдникомъ всего Трифонова имѣнія, Епифаній взялъ къ себѣ на воспитаніе

сестру Каллитропію, внушая ей добрые завѣты своего названнаго отца и учителя.

Однажды Епифаній отправился въ родное село посмотрѣть оставшееся ему послѣ Трифона имѣніе. По Божьему промышленію ему встрѣтился на пути монахъ Лукіанъ, писавшій книги и продававшій ихъ для пропитанія себя и нищихъ. Какъ разъ во время встрѣчи Епифанія съ инокомъ за ноги Лукіана ухватился нищій со словами:

— Смилуйся надо мной, человѣкъ Божій: вотъ уже три дня я не ѣлъ хлѣба и теперь не знаю, чѣмъ подкрѣпиться.

Блаженный Лукіанъ, не имѣя въ рукахъ ничего, снялъ съ себя одежду и отдалъ ее нищему, говоря:

— Поди въ городъ, продай эту одежду и купи себѣ хлѣба.

Видѣвшій это Епифаній удивлялся такому милосердію встрѣчнаго монаха и, придя какъ бы въ восторженное состояніе, замѣтилъ сіяющую бѣлую одежду, сходящую на инока и покрывающую его. Въ ужасѣ онъ быстро слѣзъ съ коня и, упавши на колѣна предъ инокомъ, сказалъ, кланяясь ему:

— Молю тебя, скажи мнѣ, кто ты?

— Ты сперва повѣдай мнѣ, какой ты вѣры, и потомъ я разскажу тебѣ о себѣ,—отвѣчалъ Лукіанъ.

Епифаній сказалъ:

— Я— Еврей.

Тогда его собесѣдникъ—прозорливый старецъ, замѣтивши на встрѣчномъ Евреѣ дѣйствіе спасительной благодати Божіей, обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— Какъ ты, будучи Евреемъ, спрашиваешь меня—христіанина: кто я? Ибо очень мало общаго между евреями и христіанами. Вотъ, ты узналъ, что я—христіанинъ, и тебѣ не слѣдуетъ болѣе продолжать рѣчь со мною.

— А что, отче, препятствуетъ мнѣ быть христіаниномъ?—спросилъ Епифаній и получилъ отъ Христова послѣдователя такой отвѣтъ:

— То одно препятствуетъ, что не хочешь, такъ какъ всякое доброе дѣло предваряетъ изволеніе. Если бы ты дѣйствительно желалъ, то былъ бы христіаниномъ.

Умилили эти слова Епифанія: оставивъ первоначальное намѣреніе посѣтить свою землю въ родномъ селѣ, онъ вернулся въ городской домъ, предварительно умоливши пойти съ нимъ и своего собесѣдника. Приведя его къ себѣ, онъ показалъ ему все свое достояніе.

— Вотъ мое имущество, отче,—говорилъ хозяинъ гостю,—хочу быть христіаниномъ и принять иночество, но имѣю юную сестру, что ты о ней мнѣ скажешь?

— Чадо,—отвѣчалъ христіанинъ,—ты можешь быть дѣйствительно христіаниномъ, имѣя и земное богатство, и сестру. И то, и другое не противорѣчатъ святой христіанской вѣрѣ. Иночество же ты не можешь принять. Прежде всего прими вмѣстѣ съ сестрой Святое Крещеніе. Потомъ выдай замужъ ее съ достаточнымъ приданымъ за христіанина. Затѣмъ раздай оставшееся у тебя нищимъ. И тогда можешь быть истиннымъ инокомъ.

— Все это, отче,—говорилъ Епифаній—по заповѣди твоей исполню на самомъ дѣлѣ; только не медли съ причисленіемъ насъ къ обществу христіанъ.

— Объ этомъ слѣдуетъ,—сказалъ Лукіанъ,—извѣстить епископа: безъ него нельзя совершить Таинство Крещенія. Итакъ, я пойду къ нему. Ты же пребудь въ неизмѣнномъ намѣреніи и усердіи ко Христу Богу нашему. А возвращусь къ тебѣ я скоро.

Лукіанъ пошелъ къ мѣстному епископу. Епифаній же, пришедши въ комнату къ сестрѣ, сказалъ ей:

— Хочу быть христіаниномъ и облечься въ иноческій чинъ.

— Чего ты хочешь,—отвѣтила брату сестра,—того и я, и что ты сдѣлаешь, то и я сдѣлаю.

Услыхавъ о желаніи Епифанія креститься, епископъ сильно обрадовался и сказалъ доброму вѣстнику:

— Иди научи юношу и сестру его святой вѣрѣ и наставь въ законѣ Христовомъ. Когда же придетъ воскресный день и мы войдемъ въ церковь, тогда приведи ихъ къ Милосердному Человѣколюбцу Богу, чтобы намъ присоединить ихъ къ Нему Святымъ Крещеніемъ.

При возвращеніи Лукіана къ Епифанію послѣдній и сестра его поклонились до земли старцу, прося его со слезами:

— Молимъ тебя, отче, сдѣлай насъ скорѣе христіанами.

Лукіанъ, поднявъ ихъ, началъ учить христіанскому благочестію: обученіе, сопровождаемое молитвою, продолжалось до воскреснаго дня почти непрерывно и днемъ и ночью. Въ воскресенье же Лукіанъ привелъ Епифанія и Каллитропію къ епископу. Павши предъ епископомъ ницъ, какъ предъ Самимъ Христомъ, они просили у него святаго просвѣщенія. Поднявши ихъ и привѣтливо побесѣдовавъ съ ними, онъ огласилъ ихъ. Затѣмъ епископъ пошелъ

въ церковь, имѣя позади себя Лукіана, за которымъ слѣдовали новооглашенные. При вступленіи Епифанія на первую ступень церковнаго входа спалъ съ его лѣвой ноги сандалій[1]). Когда же онъ босой ногой ступилъ на порогъ, то сандалій спалъ и съ его правой ноги. Епифаній не воротился за сандаліями, но вошелъ босымъ въ церковь: со столь великимъ усердіемъ шелъ онъ къ Богу. Взглянувъ въ церкви на Епифанія, епископъ увидалъ на главѣ его вѣнецъ, а лицо его прославленнымъ. И ввели епископъ и Лукіанъ Епифанія съ сестрой въ купель и крестили ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Воспріемникомъ Епифанія былъ Лукіанъ, а воспріемницей Каллитропіи святая дѣва Вероника. На Божественной Литургіи новокрещенные причастились Христовыхъ Таинъ. Затѣмъ они по повелѣнію епископа обѣдали съ нимъ и пребыли при епископіи восемь дней. Потомъ Епифаній привелъ сестру, Лукіана и Веронику въ свой домъ: здѣсь, взявши тысячу златицъ, онъ вручилъ ихъ и свою сестру Вероникѣ — какъ начальницѣ Христовыхъ дѣвъ-инокинь, и отпустилъ обѣихъ женщинъ. Наконецъ, раздавши послѣ продажи всего имѣнія деньги нуждающимся и оставивши себѣ только 400 златицъ для покупки божественныхъ книгъ, новокрещенный вышелъ изъ города съ Лукіаномъ въ устроенный старцемъ монастырь. Въ немъ подвизались десять монаховъ, усердно занимавшихся писаніемъ книгъ и этимъ содержавшихъ себя.

Двадцатишестилѣтній Епифаній принялъ иночество и былъ отданъ подъ руководство первому по Лукіанѣ иноку Иларіону, хотя юному лѣтами, но совершенному въ добродѣтеляхъ и украшенному великими дарами чудотворенія. Присматриваясь къ своему наставнику, новоинокъ началъ подражать его постническимъ трудамъ. Онъ не только учился, по порученію Лукіана, у Иларіона читать и писать греческія книги, но обучался у него и подвижнически-богоугодной жизни въ иночествѣ. При содѣйствіи Христовой благодати Епифаній преуспѣвалъ отъ силы въ силу. Его руководитель по смерти преподобнаго Лукіана сдѣлался игуменомъ и сталъ вести еще болѣе строгую жизнь. Казалось, что это не человѣкъ, а одинъ изъ Ангеловъ, всегда служащихъ Богу. На трапезѣ Иларіона было немного хлѣба съ умѣреннымъ количествомъ соли и воды. Да и это вкушалъ онъ или чрезъ день, или чрезъ два, или чрезъ три, а

[1]) *Сандаліи* — видъ обуви. Онѣ состояли изъ кожаной или тростниковой подошвы, прикрѣпленной къ ногѣ ремнемъ.

иногда не ѣлъ и всю недѣлю. Епифаній, видя такое постничество, стремился подражать ему и потомъ во всю свою жизнь держался постническаго устава, принятаго отъ великаго постника Иларіона.

Господь наградилъ Своего угодника даромъ чудотворенія. Начало его чудесъ было такое. Монастырь окружала безводная мѣстность, и братія ходили за водой за 5 поприщъ и то ночью, вслѣдствіе невыносимаго солнечнаго жара днемъ. Случилось однажды въ чрезмѣрно знойный день какимъ-то проходившимъ мимо странникамъ зайти въ монастырь, чтобы утолить страшную жажду. Но иноки не могли этого сдѣлать, такъ какъ въ монастырѣ тогда не нашлось ни одной капли воды. Путники ожидали уже своей смерти. Епифаній, жалѣя ихъ, простеръ руку къ находившемуся у нихъ сосуду съ виномъ, и, коснувшись его, сказалъ братіи:

— Вѣруйте, братія, что Претворившій нѣкогда воду въ вино, силенъ претворить нынѣ вино въ воду[1]).

И тотчасъ по слову Епифанія вино претворилось въ воду. Обрадованные путники не только напились сами, но напоили и свой скотъ. Послѣ чего вода снова сдѣлалась виномъ. Всѣ невольно удивились чуду и съ этого времени начали особенно уважать Епифанія за святость его жизни. Онъ же, не вынося почитанія братіи, вышелъ тайно изъ монастыря и укрывался въ пустынѣ Спанидріонъ, питаясь растущими здѣсь злаками.

Чрезъ нѣсколько времени сорокъ Сарацинъ[2]), ходившихъ по той пустынѣ, увидѣвши Епифанія въ монашескомъ одѣяніи, начали насмѣхаться надъ нимъ. Среди разбойниковъ одинъ былъ кривой, наиболѣе притомъ отличавшійся звѣрствомъ и безчеловѣчностью. Выхвативъ свой мечъ, онъ хотѣлъ ударить Епифанія.

Но лишь только разбойникъ занесъ руку для удара, какъ его глазъ прозрѣлъ. Въ удивленіи онъ бросилъ мечъ на землю, указывая товарищамъ на свой исцѣлѣвшій глазъ. Очевидцы такого чуда насильно взяли съ собой Епифанія, говоря:

— Ты—нашъ богъ, ходи съ нами и защищай насъ отъ случающихся съ нами бѣдъ.

Три мѣсяца ходилъ святый съ ними. Удерживая ихъ отъ всѣхъ злыхъ дѣлъ и не допуская имъ производить на своихъ глазахъ что-

---

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. 2, ст. 1—11.

[2]) *Сарацины* — жители Аравіи. Первоначально этимъ именемъ называлось кочующее разбойническое племя, а потомъ христіанскіе писатели перенесли это названіе и на всѣхъ мусульманъ вообще.

либо безчинное, онъ все это время поучалъ ихъ познанію Истиннаго Бога, вселяя въ нихъ спасительный страхъ Божій.

— Если вы не оставите своихъ злыхъ дѣлъ,—говорилъ онъ имъ,—то не будете благоденствовать на землѣ и погибнете отъ карающаго правосуднаго гнѣва Господа.

Однако, кроткій монахъ не могъ долго быть руководителемъ дерзкихъ разбойниковъ. Непрестанныя наставленія и обуздыванія Ангела во плоти черезъ три мѣсяца стали совершенно невыносимыми для демоновъ въ человѣческомъ образѣ. И если при встрѣчѣ съ чудотворцемъ—инокомъ они упрашивали его ходить съ ними, то теперь, напротивъ, умоляли святаго удалиться отъ нихъ на прежнее мѣсто. Отведя его туда, они устроили ему хижину. Потомъ простились съ нимъ за исключеніемъ одного, увѣровавшаго во Христа и сдѣлавшагося достойнымъ ученикомъ преподобнаго. Полтора года христолюбивый учитель училъ раскаявшагося разбойника Божественнымъ книгамъ и наставлялъ въ постнической жизни. Затѣмъ наставникъ пошелъ съ своимъ ученикомъ въ монастырь святаго Иларіона и просилъ его окрестить новооглашеннаго. Великій игуменъ совершилъ надъ нимъ это Таинство, назвавши его Іоанномъ. Іоаннъ не отлучался отъ своего учителя и описалъ его жизнь до самой своей смерти, послѣдовавшей прежде кончины преподобнаго.

На возвратномъ пути изъ монастыря въ пустынную келлію святому Епифанію и его новокрещенному ученику Іоанну встрѣтился бѣсноватый юноша, скитавшійся нагимъ по пустынѣ. Сжалившись надъ нимъ, святый послѣ молитвы къ Господу Богу изгналъ изъ него бѣса. Демонъ, покинувъ свою бывшую жертву, вопилъ:

— О Епифаній, ты меня выгоняешь изъ моего мѣста, въ которомъ я жилъ двадцать два года, а я повлеку тебя въ Персію, гдѣ ты противъ своего желанія предстанешь царю.

Съ этимъ бѣсъ исчезъ. Юноша же совершенно выздоровѣлъ и, припадая къ ногамъ своего исцѣлителя, благодарилъ его. Научивъ исцѣленнаго воздавать благодареніе Богу, святый отпустилъ его домой. Между тѣмъ изгнанный бѣсъ, пришедши въ Персію[1]), вошелъ въ царскую дочь и началъ сильно ее мучить. При этомъ онъ кричалъ:

— Если сюда не придетъ Епифаній, не покину этой отроковицы. Епифаній, родомъ финикіянинъ, приди сюда, и я выйду изъ царской дочери.

---

1) *Персія* занимаетъ западную часть Иранской возвышенности.

Царь, услыхавъ о финикійской странѣ, послалъ туда своихъ слугъ разыскать Епифанія. Они же, распрашивая о немъ во всѣхъ городахъ и селахъ Финикіи, ничего не могли узнать и едва не были убиты туземцами, принявшими ихъ за соглядатаевъ. Послѣ ихъ возвращенія ни съ чѣмъ къ царю діаволъ, бывшій въ отроковицѣ, продолжалъ громко кричать:

— Епифаній живетъ въ пустынѣ, называемой Спанидріонъ, приведите его сюда.

Тогда царь, призвавъ тридцать приближенныхъ мужей, сказалъ имъ:

— Скинувъ съ себя персидскія одежды и надѣвши греческія, идите въ Финикію и ищите пустыннаго мѣста, называемаго Спанидріонъ. Тамъ найдете нѣкотораго человѣка по имени Епифанія. Взявши его съ собой, приведите ко мнѣ.

Перемѣнивши одежды, посланные отправились и достигли названной пустыни. Долго искали они здѣсь Епифанія. Наконецъ, по указанію одного человѣка они пришли ночью къ его келліи, когда святый по обычаю совершалъ съ своимъ ученикомъ ночныя молитвы. Они сильно стучались къ нему въ дверь. Но Христовъ подвижникъ, не желая прерывать своего молитвеннаго правила, стоялъ на молитвѣ, нисколько не испугавшись стука и какъ бы не замѣчая его. Придя въ страшный гнѣвъ, Персы, наконецъ, рѣшили взломать келейныя двери. Одинъ изъ нихъ поднялъ оружіе для удара имъ въ двери. И вдругъ поднятая рука его одервенѣла и высохла. Остальные отъ испуга невольно отошли на нѣкоторое разстояніе отъ келліи и стали дожидаться наступленія дня. Съ разсвѣтомъ Епифаній, уже совершившій свои ночныя и утреннія молитвы, открылъ двери и вышелъ. Увидавъ преподобнаго, пострадавшій палъ ницъ предъ нимъ и говорилъ:

— Помилуй меня, рабъ безсмертнаго Бога.

— Чего ты просишь отъ грѣшнаго человѣка?—спросилъ смиренный угодникъ Божій.

— Здоровымъ пришелъ на это мѣсто,—отвѣчалъ тотъ,—и вотъ высохла моя рука.

— Какъ пришелъ ты здоровымъ,—сказалъ преподобный,—такъ и будь здоровымъ.

Съ этими словами онъ прикоснулся къ изсохшей рукѣ, и тотчасъ она стала здоровой, какъ и другая. Увидѣвши такое чудо, товарищи исцѣленнаго приблизились къ святому и, покло-

нившись, открыли ему цѣль своего прихода: они молили его идти къ царю, чтобы исцѣлить его дочь. Преподобный же, уразумѣвъ, что изгнанный имъ изъ юноши духъ вошелъ въ дочь царя Персидскаго, вооружился противъ бѣса молитвой и съ надеждой на Бога отправился съ ученикомъ на верблюдахъ персидскихъ мужей. Чрезъ тридцать пять дней путники достигли Персіи и остановились въ городѣ Уріонѣ. Трое же изъ Персовъ пошли къ царю возвѣстить о прибытіи Епифанія. Царь тотчасъ же приказалъ представить его себѣ. Преподобный пришелъ къ нему, какъ къ простому человѣку, а не какъ къ царю. Земной владыка привѣтствовалъ вѣрнаго слугу Царя Небеснаго, поднявшись съ своего престола. Святый бесѣдовалъ съ нимъ объ Истинномъ Богѣ Христѣ Спасителѣ нашемъ, о Его непобѣдимой силѣ, изгоняющей всякій демонскій родъ. Послѣ бесѣды къ чудотворцу приведена была бѣсноватая царская дочь. Помолившись о страждущей Богу, святый трижды сотворилъ надъ ней крестное знаменіе. Едва успѣлъ онъ его совершить, какъ бѣсъ вышелъ изъ отроковицы, сдѣлавшейся послѣ того совершенно здоровой. Обрадованный исцѣленіемъ своей дочери, царь поклонился преподобному.

Одинъ изъ персидскихъ волхвовъ[1]), видѣвшій чудо, воззвалъ къ преподобному:

— О возлюбленный волхвъ, пришедшій сюда для исправленія нашего ученія, пребывай здѣсь съ нами и учи насъ, и всѣ мы, персидскіе волхвы, будемъ тебя слушать.

Въ отвѣтъ на слова волхва святый грозно взглянулъ на него и съ гнѣвомъ сказалъ ему:

— О врагъ истины! Да заградятся лживыя уста твои, называющія меня, раба Господа моего Іисуса Христа, волхвомъ!

И тотчасъ волхвъ онѣмѣлъ. Всѣ невольно ужаснулись. Онѣмѣвшій же припалъ къ ногамъ раба Бога Вышняго и поклонами просилъ его разрѣшить языкъ. По достаточномъ наставленіи милостивый праведникъ исцѣлилъ наказаннаго.

— Согрѣшилъ я противъ тебя, рабъ Божій,—взывалъ исцѣленный,—прости меня.

---

[1]) Подъ именемъ *волхвовъ* въ древности разумѣлись люди мудрые, обладавшіе обширными знаніями, особенно знаніями о тайныхъ силахъ природы, свѣтилахъ небесныхъ. Они наблюдали явленія природы, толковали сны, предсказывали будущее; бо́льшею частію они были вмѣстѣ съ тѣмъ и жрецами и пользовались большимъ уваженіемъ при дворахъ царскихъ и въ народѣ.

Между тѣмъ, благодарный царь велѣлъ принести чудному исцѣлителю въ даръ множество золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней. Нестяжательный инокъ ничего не взялъ себѣ.

— Не требуемъ,—говорилъ онъ царю,—этихъ временныхъ богатствъ, надѣясь въ будущей жизни на лучшія вѣчныя, обѣщанныя намъ Господомъ нашимъ Христомъ. Ты же оставь свое при себѣ; ты любишь стяжанія и губишь изъ-за нихъ свою душу, такъ какъ, будучи златолюбцемъ, ты похищаешь чужое, а нуждающимся не даешь.

Отказался онъ и отъ приглашенія царя обѣдать съ нимъ.

— Мнѣ достаточно одного хлѣба изъ отрубей и немного соли для укрѣпленія моего немощнаго тѣла,—сказалъ въ отвѣтъ на царскій зовъ великій постникъ. Когда же царь, несмотря на отказъ святаго, велѣлъ отвести его съ Іоанномъ въ особую комнату къ столу, уставленному дорогими яствами, то строгій подвижникъ ничего не отвѣдалъ, кромѣ хлѣба.

Десять дней провелъ истинный послѣдователь Христовъ во дворцѣ, поучая царя святой христіанской вѣрѣ. Но сѣмена христіанской проповѣди падали на окаменѣлое сердце и ослѣпленный зловѣріемъ умъ. При послѣднемъ свиданіи съ невѣрующимъ царемъ святый Епифаній произнесъ предъ нимъ поученіе о праведныхъ судахъ, о милосердіи, о волхвахъ какъ бѣсовскихъ слугахъ и о недозволительности воевать ему съ христіанскими царями:

— Если пойдешь на нихъ войной, то Самому Христу распятому будешь врагомъ и погибнешь ужаснымъ образомъ,—заключилъ свою проповѣдь праведникъ, провожаемый изъ царскихъ палатъ самимъ государемъ.

По выходѣ изъ нихъ служитель Живаго Бога увидалъ относимаго на погребеніе мертвеца. Велѣвши несущимъ его остановиться, святый Епифаній, воззрѣвши на Небо, сказалъ:

— Сыне Божій, воздвигнувшій Лазаря четверодневнаго изъ мертвыхъ[1]), возставь и сего мертвеца во славу Пресвятаго Твоего Имени.

Помолившись, святый Епифаній прикоснулся къ мертвому, и онъ тотчасъ ожилъ. Окружающіе пришли въ ужасъ и приняли чудотворца за какого-либо изъ боговъ. Смиренный же инокъ, назвавъ себя рабомъ Божіимъ, проповѣдовалъ имъ объ Истинномъ

---

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. 11, ст. 39—44.

Богѣ, въ Троицѣ Святой славимомъ. Такъ какъ его слушатели были не изъ овецъ Христовыхъ, то онъ поспѣшилъ въ свою страну. Царь хотѣлъ было послать съ нимъ охранное войско до предѣловъ Персіи. Но неустрашимый воинъ Христовъ отказался.

— Имѣю охраняющаго меня Бога,—говорилъ онъ царю,—и Его воиновъ—святыхъ Ангеловъ.

Тогда царь, простившись съ пустынникомъ, отпустилъ его со словами:

— Иди съ миромъ, Епифаній, слава Грековъ, вспоминай же и о насъ, находящихся въ Персіи.

И пошелъ богохранимый святый къ своей пустынной келліи, созданной для него Сарацинами. Придя въ нее, онъ опять предался безмолвію.

Кругомъ селенія на большое разстояніе не было воды. Угодникъ Божій, усердно помолившись Господу Богу, произвелъ изъ сухой земли источникъ воды, какъ нѣкогда Моисей отъ камня въ пустынѣ[1]). Затѣмъ отшельникъ при помощи своего ученика развелъ небольшой садъ, посадилъ въ немъ съѣдобные злаки и поливалъ ихъ изъ чудеснаго источника. Но приходившіе въ садъ звѣри поѣдали ихъ. Увидавши однажды въ саду этихъ непріятныхъ посѣтителей, преподобный обратился къ нимъ, какъ бы къ людямъ, съ такою рѣчью:

— Не дѣлайте вреда убогому и грѣшному человѣку, поселившемуся здѣсь оплакивать свои грѣхи: я и такъ немного имѣю этихъ злаковъ, данныхъ мнѣ отъ Бога для моего прокормленія.

И звѣри, какъ бы понимающіе, со стыдомъ ушли и болѣе не причиняли ущерба святому. По всей Финикіи разносилась слава о святомъ подвижникѣ Спанидрійской пустыни. Она снова привела къ нему Сарацинъ, пожелавшихъ принять отъ него благословеніе и создавшихъ еще три келліи для собравшихся вокругъ него многочисленныхъ учениковъ. Вскорѣ образовался здѣсь цѣлый монастырь, насчитывающій 50 человѣкъ братій. Между ними былъ сынъ римскаго эпарха[2]) Аэтія Каллистъ. Онъ принялъ иночество отъ Епифанія по слѣдующему поводу. Будучи бѣсноватымъ въ отрочествѣ, онъ однажды увидалъ во снѣ Епифанія, говорящаго ему:

---

[1]) Кн. Числъ, гл. 20, ст. 11.

[2]) *Эпархъ* — начальникъ области.

— Хочешь ли, Каллистъ, чтобы я отогналъ отъ тебя нечистаго духа?

— Кто ты, господинъ мой, могущій отогнать отъ меня лютаго мучителя?—спросилъ явившагося отрокъ.

Тотъ отвѣчалъ ему:

— Я—Епифаній, живущій въ Палестинской Финикіи, въ пустынномъ монастырѣ, называемомъ Спанидріонъ. Если я отгоню отъ тебя злого духа, то придешь ли ко мнѣ и будешь ли жить со мною въ моемъ монастырѣ?

— Господинъ,—сказалъ въ отвѣтъ больной,—только выгони изъ меня мучителя, и я тотчасъ приду жить къ тебѣ.

— Смотри, чадо,—предостерегалъ Каллиста Епифаній,—не преступи своего обѣщанія.

Проснувшись, бѣсноватый почувствовалъ себя совершенно здоровымъ и разсказалъ родителямъ о своемъ чудесномъ исцѣленіи. По истеченіи трехъ мѣсяцевъ Каллистъ обратился къ нимъ съ такой просьбой.

— Пустите меня въ Палестинскую Финикію отыскать господина Епифанія, чтобы остаться у него,—боюсь какъ бы не возвратился ко мнѣ мучитель—діаволъ.

Родители тотчасъ же отпустили своего сына къ преподобному съ рабами и со множествомъ золота и серебра. Пришедши къ своему исцѣлителю, исцѣленный принялъ отъ рукъ его иночество и отдалъ ему на монастырское строеніе принесенное съ собой золото и серебро; своихъ же рабовъ отослалъ къ родителямъ.

Въ то время по всей Палестинѣ славился другой подвижникъ Христовъ—преподобный Иларіонъ Великій[1]), имѣвшій свою обитель въ пустынѣ близъ Газскаго Маіума. Святый Епифаній однажды посѣтилъ его съ своимъ ученикомъ Іоанномъ. Настоятель съ братіей любезно приняли гостей и удержали ихъ у себя на нѣсколько дней. Въ это время діаволъ, принявши образъ Епифанія, пошелъ въ его монастырь, какъ бы возвращаясь отъ Иларіона Великаго. Пре-

[1]) Здѣсь разумѣется преп. *Иларіонъ Великій*. Онъ родился въ 291 г. близъ Газы, въ палестинской веси Тавиѳа. Послѣ обученія въ Александрійской школѣ и принятія христіанства пробылъ около 2 мѣсяцевъ въ пустынѣ у Антонія Великаго, а отсюда, желая подражать своему учителю, удалился въ палестинскія пустыни; здѣсь преп. Иларіонъ основалъ множество монастырей. Изъ Палестины онъ путешествовалъ для посѣщенія иноковъ въ Египетъ, а также Сицилію, Далмацію и на островъ Кипръ. Скончался 80 лѣтъ въ 371 г. или 372 г. на островѣ Кипрѣ, гдѣ пробылъ почти 6 лѣтъ; память его — 21-го октября въ день его кончины. Съ Кипра мощи Иларіона Великаго перенесены его ученикомъ въ Палестину.

образившагося бѣса увидалъ одинъ неосторожный и нерадивый братъ, вышедшій безъ нужды изъ монастыря. Принявъ его за дѣйствительнаго Епифанія, онъ поклонился ему, и тотчасъ же бѣсъ, вошедши въ него, сталъ его мучить. Братія, увидѣвши бѣснующагося, недоумѣвали, какъ случился этотъ недугъ съ здоровымъ доселѣ инокомъ, и скорбѣли о немъ. Чтó было непонятно для находившихся съ нимъ собратій, то провидѣлъ своимъ духомъ ихъ отлучившійся прозорливый настоятель.

— Отче,—говорилъ тогда Епифаній Иларіону,—волкъ влѣзъ въ мое стадо и смутилъ моихъ овецъ: иду изгнать его.

Сказавъ это, онъ простился съ великимъ старцемъ и братіей. Возвратившись съ поспѣшностью въ монастырь, онъ однимъ своимъ присутствіемъ заставилъ діавола выйти изъ жертвы его обмана. Исцѣленный повѣдалъ ему, какъ сдѣлался онъ бѣсноватымъ. Святый же училъ послѣ его разсказа братію хранить себя отъ діавольскихъ козней.

Недалеко отъ Епифаніева монастыря жилъ при пути, пролегавшемъ чрезъ пустыню, свирѣпый левъ, погубившій многихъ прохожихъ, такъ что путники ходили не иначе какъ весьма большими толпами. Собравшись однажды, они пришли въ монастырь къ преподобному и сообщили о кровожадности звѣря, многихъ умертвившаго. Выслушавъ ихъ, преподобный сказалъ имъ:

— Пойдемте, чада, во Имя Господне и посмотримъ на того льва.

И пошли всѣ. При приближеніи къ львиному логовищу на всѣхъ напалъ страхъ, и всѣ хотѣли бѣжать назадъ. Но святый сказалъ:

— Покажите мнѣ его мѣсто.

Ему показали, стоя вдали. Тогда преподобный пошелъ къ звѣрю, взывая:

— Гдѣ жилище львиное?

Тотчасъ левъ, услышавъ человѣческій голосъ, выскочилъ изъ своего логовища; но, увидавши лице святаго, палъ мертвымъ. Стоявшіе же вдалекѣ, замѣтивъ вышедшаго льва, со страху побѣжали и ожидали, что онъ растерзаетъ Епифанія. Угодникъ же Божій громкимъ голосомъ кричалъ имъ:

— Не бойтесь, чада: придите и посмотрите на трупъ звѣря.

Они послѣ долгихъ колебаній отважились придти къ святому и, увидавши лежащаго у его ногъ мертваго льва, весьма удивились, прославляя Бога.

Вмѣстѣ съ даромъ чудотворенія и многими иными Господь наградилъ Своего вѣрнаго раба великимъ даромъ знанія и истолкованія Божественнаго Писанія. Читая его братіямъ, онъ ясно и для всѣхъ понятно разъяснялъ его. Объ его начитанности и высокомъ умѣ услыхалъ одинъ греческій философъ. Пришедши изъ Едессы[1]) въ монастырь къ святому, философъ препирался съ нимъ на основаніи книгъ эллинскихъ мудрецовъ: онъ восхвалялъ греческое многобожіе, а Епифаній доказывалъ ученіемъ Священнаго Писанія истинность христіанской вѣры во Единаго Бога, въ Троицѣ Святой славимаго. Цѣлый годъ пробылъ греческій ученый въ монастырѣ христіанскаго мудреца, споря съ нимъ и присматриваясь къ равноангельской жизни святаго и его учениковъ. Видя къ тому же и совершаемыя Епифаніемъ чудеса, философъ мало-помалу приходилъ къ познанію Христовой истины. Наконецъ слѣдующее чудо особенно поразило его и окончательно обратило въ христіанство. 60 человѣкъ привели въ монастырь бѣсноватаго, связаннаго веригами[2]). Преподобный сказалъ философу:

— Послушай, философъ, препирающійся съ грѣшнымъ Епифаніемъ: или ты изгони изъ этого человѣка лютаго бѣса, призвавъ своихъ боговъ, чтобы я увѣровалъ въ нихъ; или я призову моего Бога—распятаго Іисуса Христа и изгоню бѣса, и тогда ты обратись къ нашей, христіанской вѣрѣ.

Философъ молчалъ, не находя отвѣта. Тогда святый, призвавши Имя Божіе, запретилъ бѣсу и изгналъ его изъ созданія Божія. Послѣ этого чуда философъ палъ къ ногамъ чудотворца, прося Крещенія и исповѣдуя Единаго Истиннаго Бога, Христа Распятаго. Преподобный послалъ новообращеннаго къ Иларіону, который и окрестилъ его съ именемъ Епифанія. Новокрещенный принялъ затѣмъ монашество, былъ пресвитеромъ и настоятелемъ иноковъ.

---

[1]) *Едесса,* нынѣшняя *Урфа,* городъ на сѣверѣ Месопотаміи на рѣкѣ Евфратѣ, съ 137 года до Р. Хр. главный городъ вновь образованнаго Озроенскаго, или Едесскаго, государства; въ 217 г. по Р. Хр. превращена Римлянами въ восточную колонію. Въ Едессѣ рано распространилось христіанство; въ IV в. св. Ефремомъ Сиринымъ здѣсь была основана богословская школа, въ V вѣкѣ склонившаяся къ несторіанству, въ пользу котораго особенно много дѣйствовалъ учитель Едесской школы пресвитеръ Ива. Въ 641 г. Едесса была покорена арабскими калифами; въ 1098 г. ею овладѣлъ графъ Балдуинъ, сдѣлавшій ее главнымъ городомъ княжества Едесскаго; въ 1144 г. она покорена была Турками и съ этого времени переходила изъ рукъ въ руки, пока въ 1637 году окончательно не подпала подъ власть Турціи.

[2]) *Вериги*—узы, цѣпи.

Ежедневно къ преподобному изъ разныхъ мѣстъ приходили во множествѣ братія и міряне. Чтобы избѣжать этихъ многочисленныхъ и нежелательныхъ нарушителей своего святаго уединенія, Епифаній рѣшилъ удалиться въ Египетскую страну. Отлично зная, что братія не отпустятъ его отъ себя, онъ, призвавъ ихъ, сказалъ имъ:

— Хочу пойти навѣстить великаго старца Иларіона.

Братія же, понявши намѣреніе своего наставника, съ воплемъ пали ницъ предъ нимъ и молили его не покидать ихъ. Старецъ обѣщался не уходить отъ нихъ и остался въ келліи. Но чрезъ 10 дней вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ Іоанномъ тайно вышелъ изъ монастыря и отправился въ Іерусалимъ[1]). Поклонившись здѣсь Животворящему Древу Креста Господня, онъ молился и у другихъ Іерусалимскихъ святынь. Затѣмъ онъ пошелъ въ Іоппію[2]), гдѣ была морская пристань, и сѣлъ на корабль, отплывающій въ Александрію[3]). При входѣ въ этотъ городъ его встрѣтилъ еврейскій законоучитель Аквила, пожелавшій препираться съ нимъ о вѣрѣ на основаніи Священнаго Писанія. Споръ продолжался два дня. Наконецъ, еврей, побѣжденный христіаниномъ, пожелалъ креститься. Преподобный привелъ его къ архіепископу Аѳанасію[4]). Святитель съ радостію принялъ обоихъ: еврея — какъ обратившагося ко Христу, а Епифанія — какъ наставившаго на путь правый. Немного времени спустя Епифаній изъ Александріи пошелъ со

---

1) *Іерусалимъ*, съ еврейскаго — *жилище мира*, древнѣйшій и самый знаменитый городъ Палестины. Лежитъ у истоковъ потока Кедронскаго, недалеко отъ Іордана и Мертваго моря, на склонахъ трехъ отроговъ Іудейскихъ горъ — Акра, Сіонъ и Моріа. Существованіе Іерусалима возводятъ ко временамъ Авраама, полагая, что онъ есть тотъ городъ Салимъ, гдѣ царемъ и первосвященникомъ былъ Мелхиседекъ (Кн. Быт., 14. 18). Городъ этотъ, извѣстный какъ средоточіе историческихъ событій избраннаго народа еврейскаго въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ, неизмѣримо дорогъ каждому христіанину какъ мѣсто страданій и воскресенія Господа Іисуса и колыбель Христіанской Церкви, откуда слово благовѣстія разнеслось по всей вселенной.

Нынѣ Іерусалимъ — областной городъ Дамасскаго вилайета (т. е. генералъ-губернаторства) въ Сиріи, принадлежащей Турціи.

2) *Іоппія* (теперешняя *Яффа*) — одинъ изъ древнѣйшихъ Азіатскихъ городовъ на сѣверо-западномъ берегу Средиземнаго моря. Она была іудейской гаванью еще въ царствованіе Соломона.

3) *Александрія* — важный портовый городъ Египта, основанный Александромъ Великимъ въ 332 г. до Р. Хр. на мысѣ, выдающемся въ южный берегъ Средиземнаго моря нѣсколько южнѣе нынѣшняго города того же наименованія; былъ нѣкогда центромъ науки и первымъ торговымъ городомъ въ мірѣ; въ началѣ IV вѣка сталъ центромъ христіанства и резиденціей Патріарха.

4) *Св. Аванасій Великій* † 373 г. — извѣстный противоаріанскій дѣятель, былъ Александрійскимъ Патріархомъ съ 328 года. Его память совершается 2 мая.

своимъ ученикомъ въ Ѳиваиду[1]). Ихъ встрѣтилъ здѣсь бывшій ученикъ Антонія Великаго[2]) Пафнутій.

— Благослови насъ, отче,—сказалъ ему преподобный.

На это тотъ отвѣчалъ:

— Благословенны вы Господомъ.

По молитвѣ они сѣли и бесѣдовали: Епифаній разспрашивалъ его о жизни Антонія, а онъ разсказывалъ ему про нее.

— Хочу, отче,—говорилъ онъ ему послѣ этого разсказа,—жить въ Нитрійской пустынѣ[3]).

— Иди,—отвѣтилъ собесѣдникъ Епифанія,—и насладись бесѣдами со святыми отцами, живущими въ Нитріи, и собери у нихъ духовную пищу, которою ты будешь питать словесныхъ овецъ на Кипрскомъ островѣ[4]).

Слова Пафнутія были пророчествомъ о будущемъ епископствѣ Епифанія на островѣ Кипрѣ. Сотворивши молитву, собесѣдники простились и отправились каждый въ свой путь. При приближеніи къ городу Леонитополю Епифаній услыхалъ, что вблизи города находится монастырь, гдѣ живетъ монахъ Іераксъ,—человѣкъ благочестивый на видъ, онъ въ дѣйствительности былъ еретикомъ, такъ какъ неправославно училъ о нашемъ тѣлѣ. По его мнѣнію, оно не воскреснетъ, а вмѣсто него Богъ дастъ въ будущей жизни другое тѣло. Ибо написано: землѧ̀ є҆сѝ и҆ въ землю ѿи́деши[5]). Онъ говорилъ также, что дѣти будутъ несовершенны въ тотъ вѣкъ. Епифаній еще въ Палестинѣ слышалъ о немъ и желалъ его видѣть. Точно такъ же и Іераксъ слышалъ о преподобномъ. Придя въ этотъ монастырь, святый увидалъ множество народа, слушающаго ученіе Іеракса: всѣ считали его добродѣтельнымъ,

---

[1]) Область знаменитаго въ древности города Ѳивы; этимъ же именемъ назывался вообще весь Верхній (Южный) Египетъ по имени главнаго города. Находившаяся здѣсь пустыня была любимымъ мѣстопребываніемъ восточныхъ отшельниковъ IV и V вѣка.

[2]) *Св. Антоній Великій* первый учредитель монашескаго житія, родомъ египтянинъ, подвизался на восточномъ берегу рѣки Нила, около Ѳиваиды. Тамъ, нося власяницу, питаясь только травами и кореньями, онъ въ постоянныхъ трудахъ и молитвѣ прожилъ 20 лѣтъ въ неизвѣстности, поборая благодатіею Божіею духа соблазнителя, тревожившаго его искушеніями и страхомъ. Наконецъ, святость жизни и чудеса привлекли къ Антонію въ пустыню многихъ подвижниковъ; они поселились близъ него и приняли за образецъ правила, данныя Антоніемъ, что и было началомъ монашескаго житія. Преставился св. Антоній 105 лѣтъ, въ 356 году. Память — его 17 января.

[3]) Разумѣются отшельники, жившіе въ Нитрійской пустынѣ, прилегавшей къ горѣ Нитрійской, находящейся въ сѣверо-западной части Египта.

[4]) *Островъ Кипръ* лежитъ въ сѣверо-восточномъ концѣ Средиземнаго моря.

[5]) Кн. Быт., гл. 3, ст. 19.

какъ великаго постника, не вкушавшаго масла и не пившаго вина. Увидавъ двухъ странствующихъ иноковъ, Іераксъ спросилъ ихъ:

— Откуда вы?

— Изъ Палестины,— отвѣчали странники.

Опросивши затѣмъ ихъ имена, онъ опечалился: ему былъ непріятенъ Епифаній, славившійся въ Египтѣ своей святостью и мудростью. Не обращая больше никакого вниманія на Епифанія, онъ продолжалъ учить народъ. Когда еретикъ дошелъ въ своей проповѣди до воскресенія мертвыхъ и сталъ учить, что не воскреснутъ человѣческія тѣла, то Епифаній, не вынося его заблужденія, обратился къ нему съ такимъ словомъ прещенія:

— Да заградятся уста твои,—чтобъ ты научился не хулить нашей надежды.

И тотчасъ заблуждающійся онѣмѣлъ и сдѣлался неподвиженъ. Свидѣтели такого чуда пришли въ сильный ужасъ. А чудотворецъ началъ учить о воскресеніи мертвыхъ, увѣряя, что они возстанутъ въ томъ же, но лишь видоизмѣненномъ тѣлѣ, въ какомъ жили въ этомъ мірѣ. Чрезъ нѣсколько часовъ своей проповѣди святый сказалъ наказанному:

— Научись истинной вѣрѣ и учи ей другихъ.

И нѣмой вдругъ заговорилъ, исповѣдуя свое заблужденіе и обѣщаясь покаяться. Преподобный достаточно поучилъ его правой вѣрѣ, а затѣмъ пошелъ въ Верхнюю Ѳиваиду. Въ ней было одно пустынное мѣсто, называемое Вувуліе. Поселившись въ немъ, святый пробылъ здѣсь семь лѣтъ. Но и эта пустыня не спасла его отъ посѣтителей. Среди нихъ былъ туземный философъ по имени Евдемонъ, пришедшій препираться со святымъ о вѣрѣ; философа сопровождалъ его сынъ, у котораго одинъ глазъ былъ кривой. Послѣ долгаго спора преподобный, посмотрѣвши на сына философа, сказалъ послѣднему:

— Почему ты не печешься о своемъ сынѣ, чтобъ избавить его отъ его тѣлеснаго недостатка.

— Если бы во всей поднебесной,—отвѣчалъ со смѣхомъ спрошенный,—одинъ только Евдемоновъ сынъ былъ одноокій, то вправду слѣдовало бы мнѣ заботиться о немъ. Но такъ какъ многочисленны на землѣ одноокіи, то пусть и онъ остается такимъ.

— Но если бы въ дѣйствительности во всей поднебесной одинъ только твой сынъ былъ кривой, а всѣ другіе люди на землѣ видѣли обоими глазами, тогда что бы ты дѣлалъ для его исцѣленія? — продолжалъ спрашивать Евдемона Епифаній.

— Ничего другого,—сказалъ въ отвѣтъ философъ,—кромѣ того, что говорилъ бы съ самимъ собой: нѣтъ во всемъ мірѣ болѣе несчастнаго человѣка, чѣмъ мой сынъ.

— Не принимай въ шутку сказаннаго мной,—сказалъ святый,— но дай мнѣ для исцѣленія своего сына—и увидишь славу Божію,— возразилъ святый.

Взявши затѣмъ отрока, онъ трижды сотворилъ крестное знаменіе надъ глазомъ и исцѣлилъ его. При видѣ такого чуда философъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ увѣровали во Христа. По достаточномъ наученіи правой вѣрѣ Евдемонъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ домомъ принялъ Крещеніе отъ мѣстнаго епископа.

Та же слава о святомъ Епифаніи, которая приводила къ нему множество народа, породила въ епископахъ Египта желаніе силою сдѣлать преподобнаго святителемъ какого-либо мѣстнаго города. Но святый духовно прозрѣлъ въ намѣренія епископовъ и сказалъ своему ученику:

— Возвратимся, чадо, въ наше отечество.

И пошли оба въ Финикію. На пути они зашли въ монастырь великаго Иларіона, но старца въ немъ не застали: многочисленные посѣтители этого монастыря побудили его удалиться въ одно пустынное мѣсто, находившееся въ предѣлахъ Кипрскаго города Пафа[1]). Братія, рыдавшіе по оставившемъ ихъ отцѣ, увидѣвши у себя святаго Епифанія, утѣшились въ печали: сорокъ дней утѣшалъ онъ ихъ. Затѣмъ отправился въ свой монастырь Спанидріонъ, гдѣ всѣ радовались его возвращенію.

Въ тотъ годъ былъ голодъ въ Финикіи по причинѣ засухи. Узнавши о возвращеніи великаго чудотворца, множество народа пришло къ нему въ монастырь, усердно моля его испросить у Бога дождя, да дастъ земля плодъ свой.

— Что вы меня утруждаете,—сказалъ имъ преподобный,—я —человѣкъ грѣшный.

Но они долго и неустанно просили его. Наконецъ, святый, затворившись въ своей келліи, сталъ на желанную молитву. И вдругъ небо, доселѣ совершенно ясное, покрылось грозовыми тучами, изъ которыхъ въ теченіе трехъ дней лилъ сильный непрестанный дождь

[1]) Съ именемъ *Пафа*, или *Пафоса*, въ древности были два города на островѣ Кипрѣ: *Старый*, на его западномъ берегу въ 10 стадіяхъ отъ моря и составлявшій Финикійскую колонію; *Новый* (теперешній Баффо) въ 15 верстахъ къ сѣверо-западу отъ стараго. Отъ обоихъ городовъ сохранились развалины. Въ окрестностяхъ же какого изъ нихъ жилъ св. Епифаній — неизвѣстно.

во всей Финикіи. Тогда народъ началъ просить угодника Божія о прекращеніи дождя. По молитвѣ святаго онъ прекратился, и было въ тотъ годъ великое изобиліе плодовъ земныхъ.

Чѣмъ болѣе увеличивалась слава преподобнаго, привлекавшая къ нему ежедневно несмѣтныя толпы посѣтителей, тѣмъ болѣе помышлялъ онъ о томъ, чтобы опять уйти изъ Финикіи. Его намѣреніе перешло вскорѣ въ рѣшеніе. Въ Ликіи[1]), мѣстѣ Крещенія святаго Епифанія, умеръ епископъ, и святители окрестныхъ городовъ собрались для выбора новаго епископа, при этомъ они вспомнили о святомъ Епифаніи. Среди присутствовавшихъ на Соборѣ находился молодой, но совершенный по жизни, цѣломудренный и добродѣтельный инокъ Полувій, знавшій преподобнаго. Ему епископы приказали какъ можно скорѣй съѣздить на конѣ въ монастырь Спанидріонъ и хорошенько тайкомъ разузнать: въ самомъ ли дѣлѣ возвратился Епифаній изъ Египта и находится ли въ своемъ монастырѣ.

— Никому не открывай порученія, даже самому Епифанію,— сказали отцы Собора Полувію.

Послѣдній нашелъ святаго въ монастырѣ и привѣтствовалъ его.

— Зачѣмъ пришелъ сюда, сынъ мой?—спросилъ Полувія свя-святый.

Послѣдній отвѣчалъ:

— Пришелъ посѣтить вашу святость.

— Ты, чадо, пришелъ,—возразилъ ему прозорливецъ,—соглядать мое ничтожество, здѣсь ли я. Не утаивай отъ меня приказаннаго тебѣ, ибо грѣхъ говорить ложь: скажи истину, потому что Богъ посреди насъ,—будь дѣйствительно служителемъ истины, а Епифаній грѣшный переходитъ отъ мѣста на мѣсто, стеная и страшась множества своихъ грѣховъ. Но слушай, Полувій: останься здѣсь, а коня отошли къ епископамъ. Пусть ищутъ они кого знаютъ, какъ достойнаго мужа, для епископства; я же останусь для нихъ невѣдомъ.

Полувій послушалъ ясновидца: отославши коня и слугу, онъ самъ остался при преподобномъ. При наступленіи же ночи Епифаній вмѣстѣ съ своимъ постояннымъ ученикомъ Іоанномъ и новопришедшимъ Полувіемъ вышелъ тайно для всѣхъ изъ монастыря. Сначала онъ посѣтилъ Іерусалимъ для поклоненія Животворящему Древу Креста Господня и прочимъ святынямъ въ Іерусалимѣ

1) *Ликія* была, по всей вѣроятности, главнымъ городомъ одноименной гористой области на южномъ берегу Малой Азіи.

и окрестностяхъ. По тридневномъ пребываніи въ священномъ для христіанина городѣ святый Епифаній сказалъ обоимъ своимъ ученикамъ:

— Я слышалъ, дѣти, что великій отецъ нашъ Иларіонъ обитаетъ нынѣ въ Кипрской странѣ, недалеко отъ города Пафа; итакъ, пойдемъ къ нему и получимъ благословеніе отъ него.

Сказавши это, онъ пошелъ съ ними въ Кесарію Филиппову [1]), находящуюся въ Палестинѣ, чтобъ сѣсть тамъ на корабль, отплывающій на островъ Кипръ. Приставши къ Кипрскому берегу, онъ пошелъ въ Пафскую пустыню къ великому подвижнику Иларіону. При встрѣчѣ послѣ долгой разлуки оба отшельника исполнились великой радости. Видя скорбь Иларіона по поводу своихъ немалочисленныхъ посѣтителей и его намѣреніе переселиться въ другое мѣсто, Епифаній черезъ два мѣсяца рѣшилъ уйти отъ своего радушнаго хозяина. Прощаясь, Иларіонъ спросилъ своего гостя:

— Куда ты хочешь идти, Епифаній?

— Пойду въ Аскалонъ и въ Газу [2]) и далѣе, пока найду гдѣнибудь въ пустынѣ безмолвное мѣсто.

Въ отвѣтъ на это святый Епифаній услышалъ отъ прозорливца такой совѣтъ:

— Иди, чадо, въ городъ Саламинъ [3]), находящійся на островѣ Кипрѣ. И будетъ тебѣ въ этомъ городѣ доброе пребываніе.

Епифаній не хотѣлъ и слышать этихъ пророческихъ словъ, содержащихъ въ себѣ предсказаніе на то, что онъ будетъ архіепископомъ въ названномъ городѣ. Тогда святый предсказатель повторилъ ему свое пожеланіе, сказавъ:

— Говорю тебѣ, чадо, что тебѣ слѣдуетъ идти въ тотъ городъ и жить въ немъ. Не прекословь поэтому мнѣ, чтобы не постигло тебя бѣдствіе на морѣ.

---

1) *Кесарія Филиппова*, или *Панея*,—городъ на самомъ сѣверо-востокѣ Палестины у источниковъ Іордана. Она названа Филипповой по имени Иродова сына Филиппа, получившаго ее себѣ въ удѣлъ и въ отличіе отъ Кесаріи Палестинской, лежащей на берегу Средиземнаго моря.

2) *Аскалонъ* и *Газа*—одни изъ главныхъ Филистимскихъ городовъ на берегу Средиземнаго моря.

3) *Саламинъ*—самый большой и укрѣпленный изъ городовъ Кипра, лежалъ на его восточномъ берегу. Онъ имѣлъ прекрасную гавань, вмѣщающую цѣлый флотъ. Саламинъ началъ падать при Траянѣ (98—117 гг.) во время возстанія Евреевъ, уничтожившихъ его значительную часть. Бывшее затѣмъ землетрясеніе при Константинѣ Великомъ (306—337 гг.) совершенно его разрушило, уничтоживши почти все населеніе. Его возстановилъ Констанцій (337—361 гг.), давъ ему свое имя «Констанція». Развалины его находятся близъ Фамагуста.

Простившись съ Иларіономъ, Епифаній съ своими учениками пошелъ на морскую пристань. Тамъ стояли два корабля: одинъ—отплывающій въ Аскалонъ, другой—въ Саламинъ. Преподобный отплылъ на первомъ. Чрезъ нѣсколько часовъ неожиданно поднялась на морѣ великая буря. Сильныя волны готовы были каждую минуту разбить и потопить корабль въ морской пучинѣ. Всѣ отчаивались въ своей жизни. Трое сутокъ продолжалось такое бѣдствіе. Наконецъ, на четвертый день волны прибили корабль къ городу Саламину. Выйдя изъ корабля, путешественники, изнемогши отъ продолжительнаго страха и сильнаго голода, полегли на землю, какъ мертвые. Потребовалась трехдневная остановка какъ для отдыха усталыхъ пловцовъ, такъ и для починки поврежденнаго корабля. И только на четвертый день корабль былъ готовъ къ отплытію. Думалъ продолжать морской путь и преподобный. Но Богъ судилъ иначе.

Какъ разъ въ это время въ городѣ происходило избраніе архіепископа. Собравшіеся по этому поводу епископы молились нѣсколько дней Богу объ указаніи имъ достойнаго для столь великаго сана мужа. Между ними былъ прозорливый престарѣлый Киѳерскій[1]) святитель Паппій, пятьдесятъ лѣтъ епископствовавшій и претерпѣвшій много мученій за Имя Христово вмѣстѣ съ Саламинійскимъ епископомъ Геласіемъ. Этому исповѣднику Христову, почитаемому всѣми Кипрскими епископами за отца, открыто было Богомъ, что въ Саламинъ прибылъ святый Епифаній, котораго и повелѣно было поставить епископомъ города. Тогда было осеннее время и наступила пора уборки винограда.

— Пойдемте, дѣти, въ городъ,—сказалъ Епифаній своимъ ученикамъ,—и купимъ себѣ гроздій въ путь.

Когда они подошли на торгу къ продавцу винограда и Епифаній, взявши двѣ большихъ кисти, спросилъ его:

— Что хочешь за нихъ,—то вдругъ съ удивленіемъ замѣтилъ подходящихъ къ нему четырехъ епископовъ.

Находившійся среди нихъ и поддерживаемый 2-мя діаконами престарѣлый Паппій позналъ Духомъ Святымъ преподобнаго при своемъ взглядѣ на него и сказалъ ему:

— Авво Епифаніе, оставь грозды и иди съ нами во святую церковь.

---

1) *Киѳера*, или *Китера*, а также *Цитера*—главный городъ на южномъ берегу одноименнаго и самаго южнаго Іонійскаго острова въ Средиземномъ морѣ.

Приглашенный же, вспомнивъ слова Давида: **возвеселихсѧ ѡ҆ ре́кшихъ мнѣ̀: въ до́мъ гдⷭ҇нь по́йдемъ**[1]), оставилъ виноградъ и пошелъ съ епископами. При входѣ преподобнаго въ церковь весь Соборъ епископовъ привѣтствовалъ его словами:

— Богъ тебя послалъ къ намъ, авва, да будешь архіепископомъ этого города и всего острова Кипра.

Святый же, называя себя грѣшнымъ и недостойнымъ, отказывался носить столь великій санъ. Но епископы, не внимая его просьбамъ, начали возводить его послѣдовательно по степенямъ священства. Хиротонисуемый же горько плакалъ, считая для себя неудобоносимымъ бремя святительства. Видя слезы скорбѣвшаго ставленника, Паппій сказалъ ему:

— Подобаетъ намъ, чадо, молчать о бывшемъ намъ о тебѣ откровеніи, но такъ какъ я вижу тебя скорбящимъ и плачущимъ, то мнѣ нужно объявить тебѣ то, что намъ благоволилъ открыть Богъ. Вотъ эти собравшіеся святые отцы епископы возложили на мое недостоинство избраніе архіепископа, говоря мнѣ, грѣшному: «Помолись ты прилежно Богу, ибо мы вѣруемъ, что Богъ укажетъ тебѣ мужа, достойнаго архіепископства». Я же, затворившись въ своей опочивальнѣ, молилъ о томъ Владыку Спаса, и вдругъ меня осіялъ свѣтъ какъ молнія, и я услышалъ Голосъ, говорящій ко мнѣ, грѣшному: «Паппій, Паппій, слушай!» Я же устрашенный сказалъ: «Что велишь, Господь мой?» И сказалъ мнѣ тихо Голосъ: «Встань и иди на торгъ и увидишь тамъ инока, покупающаго виноградные грозды, подобнаго лицемъ и главой Пророку Елисею и имѣющаго съ собой двухъ учениковъ. Взявши его, посвятите во архіепископа; имя же тому иноку Епифаній». И вотъ я, вставъ, сдѣлалъ повелѣнное мнѣ. Ты же, чадо, не противься Божію изволенію, **но внима́й ста́дꙋ, въ не́мже поставлѧ́етъ тѧ̀ дх҃ъ ст҃ы́й є҆пі́скопомъ**»[2]).

Послѣ рѣчи Паппія Епифаній земно поклонился ему и, повинуясь Господней волѣ, принялъ посвященіе во епископа. Послѣ чего возрадовавшіеся епископы разошлись восвояси. Новопоставленный же архипастырь началъ пасти ввѣренное ему словесное Христово стадо на духовной пажити не только своимъ учительнымъ словомъ, но и примѣромъ своей добродѣтельной жизни.

---

[1]) Пс. 121, ст. 1.

[2]) Сравн.: Дѣян., гл. 20, ст. 28.

Въ началѣ архипастырской дѣятельности святаго Епифанія одинъ благородный Римлянинъ по имени Евгномонъ изъ-за ста златицъ долгу Саламинійскому гражданину Дракону былъ посаженъ въ темницу. И не находилось избавителя для заключеннаго: такъ какъ онъ былъ вдалекѣ отъ отечества своего—Рима [1]), то никто не хотѣлъ поручиться за него. Услыхавъ объ этомъ и сострадая должнику, святитель пошелъ къ богатому и скупому язычнику Дракону просить его объ освобожденіи отъ узъ Евгномона. Святительская просьба привела въ сильный гнѣвъ идолопоклонника.

— Пришелецъ въ нашъ городъ!—злобно отвѣчалъ онъ,—если хочешь, чтобы я отпустилъ тебѣ должника, то поди принеси мнѣ сто златицъ.

Блаженный Епифаній далъ ему изъ церковнаго золота сто златицъ и такимъ образомъ избавилъ должника и отъ узъ, и отъ долга. По поводу розданнаго золота на святителя началъ роптать гордый и злобный діаконъ Каринъ, возбудившій противъ святителя ропотъ и въ другихъ клирикахъ.

— Видите ли сего пришельца,—говорилъ онъ имъ,—онъ хочетъ разграбить все, находящееся въ церкви, а мы будемъ виновны въ расхищеніи церковнаго сокровища.

Каринъ, бывшій богачомъ, искалъ черезъ это повода согнать святаго Епифанія съ архіепископскаго престола, чтобъ сѣсть на него самому. Всѣ клирики, предубѣжденные имъ противъ милостиваго поступка архипастыря, говорили Епифанію:

— Недостаточна ли тебѣ принятая тобой святительская честь? Но ты еще и имѣніе церковное расточаешь какъ странникъ и пришлецъ, пришедшій сюда нищимъ и нагимъ. Итакъ, или отдай церкви сто златицъ, или уходи отсюда, откуда ты пришелъ.

Святый терпѣлъ молча. Освобожденный же отъ узъ, отправившись въ Римъ, продалъ все свое имущество и возвратился къ святителю со множествомъ золота. Вручивъ все полученное отъ продажи въ руки Епифанія, онъ самого себя отдалъ на службу Богу и Его архіерею и жилъ при Епифаніѣ до самой своей смерти. Святитель же, взявши изъ принесеннаго ему золота 100 златицъ, отдалъ Карину, говоря:

— Вотъ церковное золото, заимствованное на освобожденіе должника.

---

[1]) *Римъ*—главный городъ Италіи, расположенъ по обоимъ берегамъ рѣки Тибръ при впаденіи ея въ море.

Каринъ взялъ его. Между тѣмъ прочее золото святый роздалъ нуждающимся. А Каринъ, созвавъ клириковъ, горделиво похвалялся предъ ними.

— Вотъ,—говорилъ онъ имъ,—золото, расточенное Епифаніемъ, которое я вытребовалъ отъ него.

Но клирики начали поносить Карина, вызвавшаго ихъ на грѣхъ ропота и оскорбленія святителя и гнѣвно приказали ему возвратить эти златицы святителю:

— Ибо святитель,—говорили они,—имѣетъ власть расходовать церковное богатство на дѣла милосердія.

Много и другихъ непріятностей причинялъ Каринъ угоднику Божію, но онъ все переносилъ съ кротостію.

Однажды, когда святитель у себя за обѣдомъ, на которомъ присутствовали всѣ клирики, истолковывалъ нѣкоторыя тайны Священнаго Писанія, къ окну прилетѣлъ воронъ и началъ каркать. А Каринъ, смѣясь надъ святительскимъ поученіемъ, сказалъ прочимъ клирикамъ:

— Кто изъ васъ знаетъ, что этотъ воронъ, каркая, говоритъ?

Такъ какъ всѣ внимательно слушали поученіе, то никто не отвѣтилъ на вопросъ діакона.

И во второй и въ третій разъ спрашивалъ Каринъ:

— Кто бы былъ настолько смысленъ, чтобы понималъ воронову рѣчь?

Но никто по-прежнему не внималъ его словамъ, продолжая слушать Боговдохновенную бесѣду святаго Епифанія. Дерзкій діаконъ, наконецъ, спросилъ самого святителя:

— Если ты премудръ, то скажи мнѣ, о чемъ бесѣдуетъ этотъ воронъ, и если скажешь, то обладай всѣмъ моимъ имѣніемъ.

Святый же, взглянувъ на него, сказалъ:

— Знаю, что говоритъ воронъ: онъ говоритъ, что отнынѣ ты не будешь діаконствовать.

И тотчасъ отъ святительскаго слова нашелъ на Карина ужасъ и притомъ его охватила какая-то болѣзнь, такъ что онъ не могъ болѣе сидѣть за столомъ и былъ уведенъ своими рабами домой. На другой день утромъ онъ умеръ. Всѣ клирики пришли въ великій страхъ и съ того часа съ боязнію покорялись и почитали Христова святителя Епифанія. Богобоязненная же и бездѣтная вдова наказаннаго принесла къ епископу на церковь оставшееся послѣ мужа имущество и посвятила себя на служеніе Богу; одна рука ея была въ совершенномъ параличѣ, который постигъ ее де-

сять лѣтъ назадъ; сотворивши крестное знаменіе надъ больной рукой вдовы, безсильной даже держать что-либо, святый Епифаній сдѣлалъ ее вполнѣ здоровой. Затѣмъ онъ поставилъ вдову діакониссой[1])—какъ цѣломудренную и достойную церковнаго служенія.

Великій архіерей Божій святый Епифаній имѣлъ также благодать отъ Господа видѣть во время приношенія безкровной жертвы наитіе Святаго Духа на предложенные Святые Дары и обычно не оканчивалъ молитвы возношенія, пока не удостоивался созерцать нисшествіе Святаго Духа. Однажды произнося молитву возношенія, литургисовавшій архіерей не увидалъ знаменія. Онъ повторилъ ее два раза съ самаго начала, но видѣнія не было; тогда святый со слезами молилъ Бога указать причину столь скорбнаго явленія. Взглянувши же на стоявшаго налѣво рипидодержателя-діакона, онъ замѣтилъ, что лице его черно, а лобъ покрытъ проказой[2]). Взявши у него рипиду, святый кротко ему сказалъ:

— Чадо, не принимай нынѣ причастія Божественныхъ Даровъ, но иди въ свой домъ.

По уходѣ его изъ алтаря преподобный увидѣлъ сошедшую на предложенные дары благодать Святаго Духа. Послѣ Литургіи святитель, призвавъ къ себѣ удаленнаго діакона, спросилъ,—нѣтъ ли у него на совѣсти какого особеннаго грѣха. Діаконъ открылъ, что въ мимошедшую ночь соединялся со своей супругой. Тогда святый, созвавъ весь свой клиръ, сказалъ:

— О чада, сподобившіяся алтарнаго служенія, отрѣшите сапоги плотскихъ страстей безсловесныхъ,—не входите къ божественному алтарю, связанные любосластными похотьми, послушайте святаго Апостола, говорящаго: имꙋщіи жены̀ ꙗ҆́коже не имꙋщіи бꙋдꙋтъ[3]).

---

[1]) *Діаконисса*—церковная служительница изъ вдовъ или пожилыхъ дѣвицъ въ древнехристіанской Церкви. Служеніе діакониссъ выражалось прежде всего въ нѣкоторыхъ церковныхъ обязанностяхъ по отношенію къ женщинамъ. Таковы, напримѣръ: приготовленіе женщинъ къ Крещенію, обученіе должнымъ отвѣтамъ на вопросы крещающаго, помощь епископу при совершеніи надъ ними этого Таинства, помазаніе частей тѣла за исключеніемъ чела, наученіе надлежащему поведенію по Крещеніи, наблюденіе за благочиннымъ стояніемъ ихъ въ церкви и присутствованіе на бесѣдахъ съ ними епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ. Затѣмъ, на попеченіи діакониссъ находились бѣдныя и больныя, нуждающіяся въ благотворительности и уходѣ.

[2]) *Проказа* одна изъ самыхъ заразительныхъ, ужасныхъ и, по большей части, смертельныхъ болѣзней. Обычно различаютъ три вида ея: бѣлая, черная и красная, или елефантіасъ. Самая заразительная послѣдняя. Названія эти соотвѣтствуютъ тремъ различнымъ цвѣтамъ ея пятенъ на тѣлѣ, предваряющимъ появленіе на немъ гнилостныхъ етрупьевъ.

[3]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 7, ст. 29.

Съ того времени святитель Христовъ Епифаній поставлялъ во діаконы и пресвитеры только благочестивыхъ иноковъ и безпорочныхъ вдовцевъ, отнюдь не допуская женатыхъ. И красовалась его Церковь, украшенная чистыми служителями, какъ прекрасная невѣста.

До сихъ поръ житіе преподобнаго Епифанія описано его ученикомъ Іоанномъ, почившимъ въ пресвитерскомъ санѣ. Прочее же о жизни святителя написалъ уже другой его ученикъ—Полувій. Онъ начинаетъ такъ.

«Слава Богу, дающему жизнь и прославляющему прославляющихъ Его, какъ прославилъ Онъ чудодѣйственной благодатію Своего угодника Епифанія, чудесныхъ дѣлъ котораго и я частію сподобился быть описателемъ. Блаженный пресвитеръ Іоаннъ, ученикъ святаго отца нашего Епифанія, разболѣвшись къ смерти, призвалъ меня къ себѣ и сказалъ:

— Чадо Полувіе!

— Что велишь мнѣ, отче?—спросилъ я его.

На это Іоаннъ отвѣтилъ:

— Такъ какъ отецъ нашъ Епифаній возбраняетъ предавать письмени чудеса, совершенныя Богомъ чрезъ его святость, то возьми эти хартіи, въ которыя я записывалъ тайно до сего дня все, что видѣлъ совершенное имъ; пиши и ты, что отнынѣ увидишь, ибо Богъ приложи́тъ тебѣ лѣта живота̀[1]) и ты пребудешь во все время своей жизни при его святительствѣ. Я же отхожу въ путь, который неизбѣженъ всѣмъ земнымъ. Смотри же не лѣнись писать, ибо я подвигнутъ Богомъ написать это... поди попроси отца придти ко мнѣ,—добавилъ онъ потомъ.

Я пошелъ и призвалъ архіерея Божія. Придя къ больному, онъ сказалъ:

— Облѣнился ты, Іоаннъ, молить Бога о грѣшномъ Епифаніи.

— Тебѣ, отче,—возразилъ болящій,—болѣе прилично нынѣ сотворить молитву о мнѣ, рабѣ твоемъ.

По святительской молитвѣ надъ больнымъ онъ сказалъ святому:

— Подойди ко мнѣ поближе, отче.

Святитель подошелъ.

— Положи, отче, руки твои на глаза мои и поцѣлуй меня послѣднимъ цѣлованіемъ, ибо я уже отхожу,—произнесъ умирающій.

---

1) Сравн.: Притч. Солом., гл. 9, ст. 11.

И какъ только возложилъ архіерей свои руки на его глаза и поцѣловалъ его, онъ предалъ свой духъ Господу. Послѣ горькаго плача по своемъ возлюбленномъ ученикѣ учитель-епископъ устроилъ ему почетныя похороны.

Послѣ того преподобный возъимѣлъ намѣреніе создать новую церковь на мѣстѣ прежней небольшой и очень ветхой. Онъ обратился къ Богу за помощью и во время молитвы услыхалъ Голосъ свыше, обѣщающій помощь и повелѣвающій начинать безъ колебанія задуманное имъ дѣло. Неложное слово Господа не замедлило исполниться.—У вышеупомянутаго грека Дракона долго болѣлъ сынъ. Родитель, призывавшій къ сыну самыхъ искусныхъ врачей, не принесъ этимъ ему никакой пользы, и наконецъ самъ разболѣлся. Святый, придя въ его домъ, исцѣлилъ молитвою сначала сына, а потомъ и отца. Тогда Драконъ, увѣровавши и крестившись со всѣмъ своимъ домомъ, далъ на построеніе церкви пять тысячъ златицъ. И была создана во славу Божію большая каменная и прекрасная церковь.

У другого гражданина того же города, богатаго язычника Синисія, умеръ единственный тринадцатилѣтній сынъ Евсторгій: болѣзнь скорчила ему шею и такимъ образомъ удавила его. Въ домѣ греческаго богача поднялся великій плачъ. Услышавъ его, сосѣдъ, христіанинъ Ермій, сказалъ матери умершаго:

— Госпожа, если бы сюда пришелъ великій Епифаній, то онъ воскресилъ бы вашего сына.

Она, повѣривши словамъ своего сосѣда, просила его привести Епифанія къ нимъ. Ермій призвалъ въ ихъ домъ архіерея Божія. При входѣ желаннаго гостя хозяйка припала къ его ногамъ, говоря:

— Великій цѣлебниче Христовъ, яви твое врачебное искусство на нашемъ дѣтищѣ и возставь его изъ мертвыхъ. Если ты это сдѣлаешь, то тотчасъ со всѣмъ нашимъ домомъ приступимъ ко Христу твоему.

— Если вѣруешь Распятому,—сказалъ ей святитель,—увидишь твоего сына живымъ.

— Не иное что имѣю въ моемъ умѣ,—отвѣчала она,—какъ только вѣровать въ Него: увижу ли свое дитя живымъ?

Тогда святый, подойдя къ постели умершаго, потеръ правой рукой его шею и со свѣтлымъ взоромъ, обращеннымъ на него, тихо произнесъ:

— Евсторгій!

Отрокъ тотчасъ же открылъ свои глаза и сѣлъ на постели. При такомъ величайшемъ чудѣ всѣ, находившіеся въ домѣ, съ изумленіемъ ужасались. А родитель воскрешеннаго вмѣстѣ съ нимъ, съ своей женой и всѣмъ своимъ домомъ, крестился во Имя Христово и далъ святому три тысячи златицъ. Но чудотворецъ сказалъ ему:

— Я этого не требую, а отнеси строителямъ церкви.

И была благолѣпно украшена на золото Синисія новосозданная церковь, получившая въ пресвитера къ себѣ Полувія, ученика святаго.

Однажды пришелъ на островъ Кипръ изъ Іерусалима нѣкій діаконъ, повѣдавшій святому объ Іерусалимскомъ епископѣ Іоаннѣ какъ о сребролюбцѣ, презирающемъ нищихъ. Іоаннъ былъ нѣкогда сожителемъ Епифанію въ монастырѣ великаго Иларіона. Онъ написалъ своему знакомому увѣщательное письмо о милостивомъ обращеніи съ нищими. Но сребролюбецъ не внялъ увѣщаніямъ угодника Божія. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Кипрскій архіепископъ сказалъ своему ученику Полувію:

— Пойдемъ, чадо, въ Іерусалимъ поклониться Честному Кресту и Гробу Господню. И поклонившись возвратимся.

И отплыли они отъ Кипра въ Кесарію Филиппову, а отсюда пошли въ Іерусалимъ. Послѣ поклоненія тамъ Святымъ мѣстамъ они явились къ епископу Іоанну, очень обрадовавшемуся свиданію съ Епифаніемъ. Кипрскій святитель сказалъ ему:

— Дай мнѣ, братъ, помѣщеніе для покоевъ, такъ какъ я хочу задержаться здѣсь на нѣкоторое время.

Іерусалимскій епископъ исполнилъ просьбу своего гостя. Давши ему прекрасный домъ, онъ призывалъ его къ себѣ ежедневно на трапезу. Приглашаемый, видя множество серебряныхъ сосудовъ, приносимыхъ съ яствами и напитками,—съ одной стороны,—и слыша, съ другой, ропотъ множества нищихъ на скупость Іоанна, помышлялъ: какъ бы привести его къ милосердію. И вотъ въ одинъ день онъ сказалъ своему богатому хозяину:

— Дай мнѣ, отче Іоанне, на время эти серебряные сосуды: ко мнѣ пришли изъ Кипра почетные мужи, и я хочу ихъ помѣстить у себя, чтобы похвалиться предъ ними твоей любезностью и твоимъ серебромъ въ твоемъ домѣ, данномъ мнѣ для покоя. Это будетъ на славу тебѣ, ибо, возвратившись къ себѣ,

пришедшіе мужи начнутъ разсказывать прочимъ почетнымъ людямъ, сколь великую проявляешь ты ко мнѣ любовь и сколь велика слава, честь и богатство твоего дома. Итакъ, дай мнѣ все это серебро лишь на короткое время. Я же вскорѣ возвращу тебѣ его съ благодарностью.

Іоаннъ принесъ ему множество различныхъ серебряныхъ сосудовъ. Тогда Епифаній спросилъ:

— Имѣешь ли, отче, еще больше?

—Довольно съ тебя,—отвѣчалъ корыстолюбивый славолюбецъ,—и этого.

— Нѣтъ,—сказалъ Епифаній,—но дай все, что имѣешь драгоцѣннѣйшаго и наилучшаго, чтобы подивились гости и была величайшая тебѣ слава.

Іоаннъ принесъ ему лучшіе сосуды, говоря:

— Все, что угодно тебѣ, отче Епифаніе, возьми.

Святый взялъ отъ него около 1500 литръ[1]) серебра и отнесъ въ свои покои. Въ то время прибылъ по дѣламъ въ Іерусалимъ изъ Рима торговецъ серебромъ по имени Астерій. Преподобный продалъ купцу за надлежащую цѣну данное ему мѣстнымъ епископомъ серебро. Купивши его, Астерій ушелъ къ себѣ. Угодникъ же Божій днемъ и ночью раздавалъ нищимъ полученныя отъ продажи деньги—до послѣдней лепты. Чрезъ нѣсколько дней Іоаннъ сказалъ Епифанію:

— Отдай мнѣ, отче, серебро, которое я далъ тебѣ.

— Потерпи, отче,—отвѣчалъ Кипрскій архіепископъ,—я отдамъ тебѣ все: я еще разъ хочу угостить у себя гостей.

По прошествіи еще нѣсколькихъ дней Іерусалимскій епископъ въ церкви, гдѣ хранится Спасительное Древо Креста Господня, вновь напомнилъ преподобному о возвращеніи серебра.

— Отдай мнѣ,—говорилъ онъ ему,—серебро, которое ты взялъ у меня.

— Я сказалъ тебѣ, отче,—отвѣчалъ тихо Епифаній,—отдамъ все, только потерпи немного.

Послѣ такого отвѣта Іоаннъ, исполнившись ярости, схватилъ Епифанія за одежду и, сжавши ее, съ угрозою сказалъ:

— Не выйдешь отсюда, не сядешь, не почіешь, пока не отдашь моего серебра. О злой и коварый человѣкъ! Отдай мнѣ, что взялъ, отдай церковное церкви.

---

[1]) *Литра*—мѣра вѣса, равная 72 золотникамъ. Серебряная литра стоила до 42 руб., а золотая до 506 рублей.

Епифаній не возмутился поведеніемъ разгнѣвавшагося. Попрежнему онъ выглядѣлъ кроткимъ. Тогда какъ возмущенный Іерусалимскій епископъ часа два досаждалъ преподобному. Всѣ присутствовавшіе въ храмѣ, слыша его жестокія слова, обращенныя къ угоднику Божію, изумились. А поругаемый, видя неукротимый гнѣвъ и ярость ругавшаго, дунулъ на его лице, послѣ чего онъ тотчасъ ослѣпъ. Невольно устрашенный чудеснымъ наказаніемъ вмѣстѣ со всѣми предстоящими, Іоаннъ палъ ницъ передъ святымъ, прося помолиться Богу о его прозрѣніи.

— Иди поклонись Честному Древу Креста Господня,—отвѣчалъ на его просьбу угодникъ Божій,—и получишь прозрѣніе.

Но наказанный не отступалъ отъ Епифанія, не переставая просить его. Тогда великій святитель, отверзши свои богомудрыя уста, долго поучалъ корыстолюбца о нищелюбіи и милостыни. Потомъ по молитвѣ и возложеніи на него своихъ рукъ отверзъ его правый глазъ. Полуисцѣленный просилъ чудотворца сдѣлать зрячимъ и лѣвое око. Но святый отвѣтилъ ему:

— Не мое это дѣло, чадо, но Божіе: такъ какъ Богъ закрылъ око, то Богъ и откроетъ, чтобы ты вразумился.

Послѣ наказанія Іоаннъ исправился, сдѣлавшись и милостивымъ къ нищимъ, и праведнымъ во всѣхъ дѣлахъ.

При возвращеніи изъ Іерусалима въ свою епископію Епифаній встрѣтилъ двухъ скомороховъ, хотѣвшихъ насмѣяться надъ нимъ слѣдующимъ образомъ. Увидавши издалека святителя, одинъ изъ нихъ притворился мертвымъ. Другой же при приближеніи святаго сказалъ ему:

— Отче, посѣти мертваго и покрой какой-нибудь одеждой его нагое тѣло.

Святый же, посмотрѣвъ на притворившагося, сталъ лицомъ къ востоку для совершенія молитвы объ усопшемъ. Помолившись, онъ снялъ съ себя одежду и, покрывъ ею мертвеца, пошелъ своей дорогой.

По его уходѣ живой сказалъ мнимо мертвому:

— Вставай, братъ, этотъ простецъ уже ушелъ.

Но послѣдній не отвѣчалъ. Окликнувъ его вторично и толкнувъ, онъ нашелъ его умершимъ дѣйствительно. Полный ужаса скоморохъ побѣжалъ вслѣдъ за архіереемъ Божіимъ. Догнавши великаго чудотворца, онъ припалъ къ его ногамъ, прося прощенія въ своемъ грѣхѣ и моля снять свою одежду и оковы смерти съ наказаннаго имъ

— Иди, чадо,—отвѣчалъ святый,—погреби мертвеца твоего: ибо онъ умеръ прежде, нежели ты началъ просить у меня одежды для его прикрытія.

По прибытіи Кипрскаго епископа въ свой каѳедральный городъ за нимъ пришли посланные изъ Рима съ просьбой исцѣлить отъ нѣкоторой продолжительной и неизлѣчимой болѣзни Проклисію—дочь царя Ѳеодосія Великаго[1]) и сестру Аркадія и Гонорія,[2]) выданную замужъ за одного именитаго патриція. Вѣсть о прибытіи посланцевъ отъ царя дошла до мѣстнаго почетнаго и очень богатаго язычника Фавстиніана, который питалъ сильную вражду ко святому Епифанію. Фавстиніанъ пригласилъ ихъ къ себѣ въ домъ и ежедневно угощалъ ихъ. За все время пребыванія ихъ у него онъ почти непрестанно хулилъ святаго.

— Зачѣмъ вы вѣруете, какъ Богу, этому обольстителю,—говорилъ онъ имъ,—зачѣмъ внимаете его суетнымъ словамъ? Онъ ничего не говоритъ, кромѣ ложныхъ словъ, и приверженъ очень дурнымъ обычаямъ.

---

1) *Ѳеодосій Великій* царствовалъ съ 389 г. до 395 г. на Востокѣ, а съ 392 г. до 395 г.— и на Западѣ Греко-Римской имперіи. Онъ нанесъ окончательный ударъ язычеству: сдѣлавшись въ 392 году единодержавнымъ, Ѳеодосій издалъ законъ, по которому служеніе богамъ признавалось такимъ же преступленіемъ, какъ и оскорбленіе величества.

2) *Аркадій,* восточно-римскій императоръ, сынъ Ѳеодосія Великаго, по смерти отца (395 г.) получилъ т. н. Восточную имперію, тогда какъ братъ его Гонорій получилъ Западную; родился въ 377 г., умеръ въ 408. Во все время его царствованія государствомъ управляли люди, умѣвшіе подчинить своему вліянію слабохарактернаго императора. Такъ, въ началѣ его царствованія государствомъ управлялъ Руѳинъ, увеличившій и безъ того огромную тяжесть налоговъ, умножившій число штрафовъ и тѣмъ наведшій ужасъ на имперію. По смерти Руѳина его мѣсто занялъ евнухъ Евтропій, а когда императрица Евдоксія добилась его казни (399 г.), Аркадій всецѣло подчинился вліянію своей супруги, извѣстной враждебнымъ отношеніемъ къ св. Іоанну Златоустому, бывшему тогда Константинопольскимъ Патріархомъ. При императорѣ Аркадіи миссіонеры, снабженные его грамматами, проповѣдовали христіанство по тѣмъ мѣстамъ провинцій, гдѣ еще находились язычники.

Гонорій, братъ Аркадія, былъ западно-римскимъ императоромъ. Въ началѣ его царствованія во главѣ управленія стоялъ умный политикъ и знаменитый полководецъ Стилихонъ, не разъ отражавшій нападенія на имперію Вестъ-Готовъ, Вандаловъ, Свевовъ, Бургундовъ. Послѣ его паденія и казни дѣла имперіи пошли къ худшему. Въ 408 году предводитель Вестъ-Готовъ Аларихъ осадилъ Римъ и заставилъ заплатить тяжелую дань, а въ 410 году онъ овладѣлъ городомъ и отдалъ его на разграбленіе войскамъ. По смерти Алариха шуринъ его Атаульфъ заключилъ съ Гоноріемъ миръ, послѣ котораго Вестъ-Готы удалились за Альпы. При Гоноріи въ 411 г. былъ созванъ Соборъ противъ раскольниковъ донатистовъ, отдѣлившихся отъ Церкви за то, что она принимала покаявшихся отступниковъ во время гоненій; потому что, по ихъ мнѣнію, Церковь перестаетъ быть святою, если среди членовъ находятся грѣшники. По приказанію Гонорія были разрушены всѣ оставшіеся языческіе храмы, а сами язычники были удалены отъ государственныхъ должностей.

Но вотъ случилось, что на одной церковной постройкѣ оказались вмѣстѣ святый Епифаній, сопровождаемый Римлянами, и Фавстиніанъ. На ихъ глазахъ, когда они стояли въ строящейся церкви, одинъ споткнувшійся плотникъ, падая сверху на землю, ударилъ своими ногами врага преподобнаго. Къ удивленію всѣхъ упавшій нисколько не пострадалъ и тотчасъ же поднялся, ушибленный же Фавстиніанъ палъ мертвымъ. Епифаній, подошедши къ нему и взявши его за руку, произнесъ:

— Встань, чадо, во Имя Господне и иди здоровымъ въ свой домъ.

И тотчасъ мертвецъ ожилъ, всталъ и пошелъ домой. Фавстиніанова же жена, узнавъ о смерти и неожиданномъ оживленіи своего мужа, принесла его исцѣлителю 1000 златицъ.

— Дай это не мнѣ,—сказалъ ей преподобный,—но на церковное строеніе и будешь имѣть сокровище на Небѣ.

Затѣмъ угодникъ Божій пошелъ въ Римъ. Здѣсь онъ по молитвѣ и крестномъ знаменіи исцѣлилъ Проклисію, воскресилъ ея новорожденнаго сына, крестилъ его и обоихъ царскихъ сыновей Гонорія и Аркадія. Потомъ великій чудотворецъ былъ приглашенъ въ Царьградъ самимъ царемъ Ѳеодосіемъ Великимъ, страдавшимъ неисцѣлимой и нестерпимой болѣзнію ногъ. Святый Епифаній въ одинъ часъ крестнымъ знаменіемъ исцѣлилъ его, за что и пользовался особеннымъ расположеніемъ Ѳеодосія.

Въ одинъ годъ на островѣ Кипрѣ былъ великій голодъ. Нищіе и бѣдные во множествѣ гибли отъ него. Скупой же богачъ Фавстиніанъ при своихъ многочисленныхъ житницахъ, наполненныхъ пшеницей, ячменемъ и другимъ житомъ, продавалъ хлѣбъ по очень дорогой цѣнѣ.

— Добрый другъ,—сказалъ ему однажды святый,—дай мнѣ изъ твоихъ житницъ пшеницу, чтобы напитать нищихъ, я же буду тебѣ должникомъ.

— Моли твоего Іисуса, Которому вѣришь,—отвѣчалъ ему со злой усмѣшкой жестокосердый язычникъ,—чтобы онъ подалъ тебѣ пшеницу для пропитанія твоихъ друзей-нищихъ.

Но сказанное въ насмѣшку стало дѣйствительностью. Святый Епифаній имѣлъ благочестивый обычай каждую ночь посѣщать гробницу святыхъ мучениковъ и здѣсь молить Бога о ниспосланіи того, въ чемъ чувствовалась нужда; свою молитву святый Епифаній подкрѣплялъ просьбой святыхъ мучениковъ о ходатайствѣ предъ

Господомъ и всегда получалъ просимое. И теперь по обычаю святый Епифаній ночью отправился въ гробницу святыхъ мучениковъ, гдѣ со слезами молилъ милосердаго Бога о избавленіи гибнущихъ отъ голода. Во время своей молитвы онъ услышалъ Голосъ, говорившій ему:

— Епифаній! Иди безъ боязни къ Діевой[1]) кумирницѣ, и отверзутся предъ тобой двери, и ты найдешь внутри золото и серебро; взявши то, купи пшена, ячменя и другого жита у Фавстиніана и питай нищихъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что эта кумирница, называвшаясь *Діева крѣпость* была заперта съ тѣхъ поръ, какъ христіанскіе государи, овладѣвшіе страною, затворили и запечатали царскою властію всѣ кумирницы, чтобы болѣе не совершались въ нихъ богомерзкія бѣсовскія жертвы. Среди народа ходили слухи, державшіеся у язычниковъ какъ твердая вѣра, что никто изъ людей не можетъ подойти и коснуться помянутой кумирницы: такого человѣка ждала (будто бы) внезапная смерть здѣсь же, на мѣстѣ. И всѣ далеко обходили кумирницу, тѣмъ болѣе, что бѣсы пугали страхованіями людей и даже убивали тѣхъ христіанъ, надъ которыми имѣли, по попущенію Божію, такую же власть, какъ и надъ поклонниками своими язычниками.

Послушный велѣнію Божію святый Епифаній тотчасъ отправился къ кумирницѣ, двери которой сейчасъ же предъ нимъ открылись; здѣсь онъ нашелъ множество золота и серебра. На эти, чудесно пріобрѣтенныя, богатства онъ началъ покупать хлѣбъ у Фавстиніана. Сребролюбивый богачъ съ радостію продалъ святому Епифанію всѣ находившіеся въ домѣ запасы хлѣба, которые чрезъ подаяніе милостиваго епископа оказались въ домахъ убогихъ и нищихъ. Такъ у голодныхъ оказалась пища, а богатый домъ Фавстиніана былъ ея лишенъ, и въ немъ наступилъ голодъ. Постыдившись просить у преподобнаго пищи для своего дома, богачъ послалъ за нею своего пріятеля Лонгина съ золотомъ и съ одиннадцатью кораблями въ Калабрію[2]). Но на обратномъ пути корабли, наполненные хлѣбомъ, неожиданно были разбиты въ ста стадіяхъ отъ города сильной бурею. Узнавши о своей бѣдѣ, Фавстиніанъ въ великой печали хулилъ Всевышняго и Его угодника.

---

[1]) *Діевой* эта кумирница называлась отъ посвященія ея языческому богу *Дію*, или — что то же — Зевсу.

[2]) *Калабрія* — древнее названіе острова Пороса въ Сароническомъ заливѣ.

— Посмотрите, — говорилъ онъ, — какія этотъ христіанскій волхвъ творитъ мнѣ пакости: онъ не только на сушѣ своимъ прельщеніемъ отнялъ отъ моего дома пищу, но и на морѣ погубилъ мой хлѣбъ, потопивши мои корабли чрезъ бѣсовъ.

Между тѣмъ волнующееся море выбрасывало на Саламинійскій берегъ потопленныя зерна. Ихъ сбирали нищіе. Такъ сбылись слова псалма: **богатїи ѡбнищаша и взалкаша, взыскающїи же гда не лишатсѧ всѧкаго блага**[1]). Почти умирая отъ голода, жена наказаннаго богача послала къ святому золото съ просьбой продать для ея дома хлѣба. А преподобный отослалъ къ ней обратно золото со словами:

— Теперь берите отъ меня безмездно сколько вамъ нужно и отдадите, когда наступитъ жатва.

Самъ же богачъ озлобленный противъ святаго подговорилъ злонравнаго діакона Руфина умертвить святителя, обѣщая ему за то способствовать своимъ богатствомъ и связями въ возведеніи его на архіерейскій престолъ. Но Богъ сохранилъ Своего угодника отъ козней нечестивца. Послѣдній подготовилъ острый ножъ, который и укрѣпилъ концемъ вверхъ въ Горнемъ архіерейскомъ сѣдалищѣ, стоящемъ въ церкви; затѣмъ онъ закрылъ сѣдалище обычнымъ покрываломъ; это онъ сдѣлалъ въ тѣхъ видахъ, чтобы святитель, сѣвши въ урочное время при Богослуженіи на сѣдалище, получилъ смертельную колотую рану. Но вотъ настало время, когда архіерей по порядку богослужебнаго чина долженъ былъ возсѣсть на Горнемъ мѣстѣ; подойдя къ послѣднему, святый Епифаній сказалъ діакону Руфину:

— Возьми, сынъ мой, покрывало съ сѣдалища.

Но Руфинъ не слушалъ, хотя святитель трижды повторилъ свое приказаніе. Тогда святый Епифаній самъ снялъ покрывало, причемъ ножъ упалъ и вонзился остріемъ въ правую ногу діакона.

Понявъ коварные замыслы діакона, святый Епифаній сказалъ:

— Оставь, сынъ мой, свои козни, чтобы тебѣ не прилучилось бо́льшее несчастіе; теперь же выйди изъ храма, такъ какъ ты недостоинъ пріобщаться Божіихъ Таинъ.

Діаконъ, пришедши домой, разболѣлся и на третій день умеръ. Фавстиніанъ же вскорѣ былъ обвиненъ предъ царемъ въ хулѣ на него и посаженъ имъ въ цареградскую темницу. Любящій

---

1) Пс. 33, ст. 11.

враговъ своихъ, святитель хотѣлъ было ходатайствовать предъ государемъ объ освобожденіи заключеннаго. Но послѣдній въ раздраженіи запретилъ святому всякое ходатайство о немъ. Святитель умолчалъ и спустя немного времени оплакалъ неожиданную смерть Фавстиніана въ темницѣ. По смерти мужа жена Фавстиніанова отдала все богатство въ церковь и согласно своему желанію была поставлена святымъ во діакониссы.

Среди восьмидесяти иноковъ, находившихся въ архіерейскомъ домѣ святаго Епифанія, былъ діаконъ Савинъ, выдававшійся добродѣтельной жизнью, умомъ и искусствомъ составлять краснорѣчиво книги. Онъ между прочимъ описалъ жизнь святаго Епифанія; въ своемъ повѣствованіи онъ разсказываетъ о его молитвенныхъ всенощныхъ стояніяхъ, колѣнопреклоненіяхъ и о чудесахъ. Во вниманіе къ рѣдкостнымъ качествамъ этого іеродіакона архипастырь поставилъ его судьей по духовнымъ дѣламъ. Однажды на судъ къ нему явились: богатый, говорившій правду, и бѣдный, дающій ложное показаніе. Судія, сострадая бѣдному, защищалъ его. Во время суда пришелъ тайно святитель и, спрятавшись въ потаенномъ мѣстѣ, вышелъ изъ него, какъ только услыхалъ оправданіе судьей неправеднаго бѣдняка.

— Чадо,—сказалъ архіепископъ судьѣ,—иди пиши книги и обдумай слова Писанія, чтобы научиться праведно судить, ибо написано: **не сотвори́те непра́вды въ сꙋдѣ̀: не поми́лꙋй ни́щагѡ и̂ не пре́зри лица̀ си́льнагѡ, но по пра́вдѣ да сꙋ́диши бли́жнемꙋ твоемꙋ̀**[1]).

Съ того времени святый Епифаній всегда самъ судилъ всѣхъ, приходящихъ къ нему.

Имѣя великое попеченіе о своей паствѣ, онъ побѣждалъ еретиковъ и словами и чудесами. Онъ сдѣлалъ нѣмымъ еретика-епископа Аэтія[2]), умершаго послѣ того на шестой день, и многіе его послѣдователи при видѣ такого чуда перешли въ Православіе, припадая къ ногамъ чудотворца. Кромѣ того, ревнитель правой вѣры писалъ царю о всѣхъ непокаявшихся еретикахъ. Царь далъ ему власть изгонять ихъ изъ Кипра. Благодаря всему этому словесное стадо добраго пастыря было безопасно отъ хищныхъ волковъ.

---

1) Сравн.: Кн. Лев., гл. 19, ст. 15.

2) *Аэтій*, или *Аэцій*,—антіохійскій діаконъ, † 370 г., послѣ Арія стоялъ во главѣ аріанъ, отрицавшихъ единосущіе Сына Божія съ Богомъ Отцемъ и открыто утверждавшихъ потому неравенство Втораго Лица Пресвятой Троицы съ Первымъ.

Понесши много лѣтъ тяжелое бремя святительства и достигши глубокой старости, святый Епифаній приблизился къ своей блаженной кончинѣ. Незадолго до нея ему пришлось отправиться въ Царьградъ по слѣдующей причинѣ. Евдоксія, супруга царя Аркадія, царствовавшаго на Востокѣ послѣ своего отца Θеодосія Великаго, согласившись съ Θеофиломъ, Александрійскимъ Патріархомъ,[1]) на изгнаніе Цареградскаго Патріарха Іоанна Златоустаго[2]),

---

[1]) *Θеофилъ* занималъ патріаршій престолъ съ 385 г. до 412 г.

[2]) Великій отецъ Церкви *св. Іоаннъ Златоустъ* родился въ 347 г. въ Антіохіи. Получивъ лучшее, по тому времени, научное образованіе подъ руководствомъ свой матери, выдающейся по уму и добродѣтельной жизни женщины, св. Іоаннъ закончилъ его въ школѣ извѣстнаго ритора Ливанія; пробывъ потомъ недолгое время адвокатомъ, Іоаннъ занялся изученіемъ христіанскаго богословія подъ руководствомъ Антіохійскаго епископа св. Мелетія. Послѣдній и крестилъ Іоанна; въ 380 г. онъ возвелъ его въ должность чтеца. Свое богословское образованіе Іоаннъ Златоустъ завершилъ у Картерія, лучшаго христіанскаго ученаго времени, и у Діодора, впослѣдствіи епископа Тарсійскаго. Послѣ этого Іоаннъ удалился въ пустыню и здѣсь провелъ сначала четыре года въ сообществѣ монаховъ, а потомъ два года въ совершенномъ уединеніи. Въ пустынѣ Іоанномъ Златоустомъ написано «Слово о священствѣ», вызванное укорами его товарища—епископа Василія за бѣгство Златоуста отъ епископства. Это слово, лучшее произведеніе среди святоотеческихъ писаній, изображаетъ, каковъ долженъ быть христіанскій пастырь и каковы его обязанности. Разстроенное подвигами здоровье заставило Іоанна покинуть пустыню и возвратиться въ Антіохію. Въ 381 г. онъ былъ посвященъ въ діакона и черезъ пять лѣтъ во пресвитера. Побуждаемый милосердіемъ Іоаннъ Златоустъ часто посѣщалъ богатыхъ, испрашивая подаянія для бѣдныхъ, которымъ онъ, обходя домы, раздавалъ милостыню. При этомъ онъ самъ наблюдалъ картины нищеты и голода въ богатомъ городѣ, что, поражая любящую душу Златоуста, находило откликъ въ его проповѣдяхъ, дышащихъ любовью, особенно къ обиженнымъ и угнетеннымъ. Свои проповѣди, собиравшіе огромное число слушателей, св. Іоаннъ произносилъ не менѣе раза въ недѣлю, а иногда и каждый день; большею частью онъ говорилъ ихъ безъ предварительной подготовки, и настолько велика была сила его проповѣдническаго дара, что слушатели нерѣдко, по обычаю времени, прерывали поученіе рукоплесканіями. Но часто увѣщанія и обличенія проповѣдника вызывали въ нихъ слезы и стоны раскаянія. Лучшія проповѣди, сказанныя Златоустомъ въ Антіохіи, были тѣ 19, которыя онъ произнесъ послѣ низверженія недовольными новымъ налогомъ антіохійцами находившихся на улицѣ статуй императрицы Плациллы. Такое оскорбленіе величества угрожало городу полнымъ истребленіемъ, еп. Флавіанъ отправился къ императору ходатайствовать за городъ, и въ его отсутствіе смятенную паству утѣшалъ Златоустый проповѣдникъ. Въ 397 г. Іоаннъ, смиренный пресвитеръ Антіохійскій, былъ избранъ архіеп. Константинополя, по указанію приближеннаго къ императору вельможи Евтропія. Изъ боязни, что антіохійцы не отпустятъ любимаго священника, Іоанна Златоуста увезли изъ города обманомъ. Тяжелое бремя возложилъ на себя Іоаннъ съ саномъ епископа Константинопольскаго. Чуждый и незнакомый двору и вельможамъ епископъ, не устранявшій, какъ дѣлали это его предшественники, у себя пировъ и самъ не ходившій на нихъ, возбуждалъ противъ себя недовольство многихъ. Недовольно было и духовенство столичнаго города, распущенное и непривыкшее къ должной дисциплинѣ, которой подчинилъ его Златоустъ. Большую часть денегъ, отпускаемыхъ на его содержаніе, св. Іоаннъ издерживалъ на бѣдныхъ, причемъ выстроилъ въ Константинополѣ нѣсколько больницъ и богадѣленъ. Любовь къ бѣднымъ св. Златоуста, побуждавшая его увѣщавать богатыхъ къ милостыни и ходатайствовать за нихъ, возбудила въ состоятельныхъ слояхъ населенія недовольство — св. архі-

побудили Епифанія своими лукавыми письмами придти въ Константинополь на Соборъ. Ѳеофилъ клеветалъ въ нихъ на Іоанна,

---

епископа стали обвинять въ возбужденіи вражды въ бѣдныхъ противъ богатыхъ. Вооружилъ св. Златоустъ противъ себя и императрицу Евдоксію, которая въ обличеніи Златоустомъ роскоши и суетности константинопольскихъ женщинъ увидѣла намекъ на себя. Все это повело къ тому, что въ 403 г. составленъ былъ изъ личныхъ враговъ св. Златоуста Соборъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ «Собора подъ дубомъ», который несправедливо осудилъ Златоуста (между прочимъ и за то, что онъ «не знаетъ гостепріимства»), послѣ чего онъ былъ отправленъ въ ссылку. Но послѣдовавшее за этимъ народное возмущеніе и страшное землетрясеніе, въ которомъ Евдоксія увидѣла выраженіе гнѣва Божія за гоненіе невиннаго архіепископа, заставили императрицу вернуть Златоустаго. Но такъ какъ и по возвращеніи Іоаннъ не измѣнялъ своего образа жизни, обличая пороки двора и защищая бѣдныхъ, то въ 404 г. его постигла 2-я ссылка. Сначала онъ пробылъ 2 года въ Кукузъ въ Арменіи, отсюда его отправили было въ новое мѣсто ссылки, но по дорогѣ онъ скончался (14 сент. 407 г.) со словами «слава Богу за все!»

Творенія св. Іоанна Златоуста еще въ IV и V вѣкахъ пріобрѣли большую извѣстность во всемъ христіанскомъ мірѣ: они хранились, какъ драгоцѣнность, въ царскихъ чертогахъ и писались золотыми буквами. До нашего времени многія изъ его твореній не дошли, тѣмъ не менѣе отъ него сохранилось столько твореній, сколько не осталось ни отъ одного отца и учителя Церкви. По греческому часослову всѣхъ твореній Іоанна Златоуста, дошедшихъ до нашего времени, насчитывается до 1447 и писемъ до 244. Больше всего сохранилось отъ Іоанна Златоуста проповѣдей и церковныхъ бесѣдъ. Проповѣди св. Іоанна поражаютъ своею стройностью, глубиною мысли и разнообразіемъ содержанія. «Не говорю о другихъ,—писалъ св. Исидоръ о Златоустомъ, — самъ Ливаній, столь извѣстный по краснорѣчію, изумлялся языку знаменитаго Іоанна, изяществу его мыслей и силѣ доказательствъ». Лучшими изъ проповѣдей св. Іоанна Златоустаго справедливо считаются Бесѣды антіохійскому народу о статуяхъ, Слово о Евтропіи, Слово «за нищихъ», Слово по удаленіи изъ столицы и по возвращеніи въ столицу, похвальныя слова Апостолу Павлу. Въ своихъ проповѣдяхъ Златоустый учитель предлагалъ наставленія почти о всѣхъ частныхъ предметахъ дѣятельности христіанской. Сверхъ того, во все продолженіе своего общественнаго служенія онъ объяснялъ въ бесѣдахъ Священное Писаніе, преимущественно Новаго Завѣта. Каждая изъ объяснительной бесѣды Златоуста состоитъ изъ двухъ частей: въ одной онъ занимается объясненіемъ текстовъ слова Божія, въ другой предлагаетъ нравственныя наставленія. Собственно догматическихъ сочиненій у святаго Іоанна Златоуста немного, и всѣ они дышатъ заботливостью его о нравственномъ исправленіи вѣрующихъ. Среди послѣдняго рода сочиненій должно отмѣтить книгу къ Стагирію, гдѣ рѣшается вопросъ, почему страданіе постигаетъ и праведниковъ, несмотря на существованіе Промысла Божія. Заслуживаютъ также вниманія 5 Словъ о непостижимомъ, сказанныя въ обличеніе еретиковъ аномеевъ, которые стремились на основаніи собственныхъ умствованій уяснить отношеніе Бога-Отца къ Богу-Сыну и учили, что Сынъ Божій есть тварное существо и сотворенъ Отцемъ изъ ничего. Кромѣ того, замѣчательна еще книга Іоанна Златоуста о Св. Духѣ по ученію объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца. Въ сочиненіи противъ Іудеевъ и язычниковъ доказывается Божественность ученія христіанскаго исполненіемъ пророчествъ и дѣйствіями христіанскаго благовѣстія на сердца людей, а въ 8 Словахъ противъ Іудеевъ показывается, что обряды іудейскіе отмѣнены, и потому совершать ихъ теперь — значитъ поступать вопреки воли Божіей. Св. Іоаннъ Златоустъ славенъ еще тѣмъ, что учредилъ особый чинъ Литургіи, которая и теперь носитъ его имя. Св. Проклъ, ученикъ Златоустаго и впослѣдствіи одинъ изъ его преемниковъ по Константинопольской каѳедрѣ, такъ пишетъ объ этомъ установленіи святаго: «св. Василій (Великій), поступая съ людьми какъ съ больными, представилъ Литургію въ сокращенномъ видѣ. Спустя немного времени, отецъ нашъ, златый по языку Іоаннъ, съ одной стороны, какъ добрый пастырь, ревностно заботясь о спасеніи овецъ, съ другой, взирая на слабость человѣческой природы, рѣшился исторгнуть съ

что онъ будто бы еретикъ, раздѣляющій воззрѣнія Оригена[1]). По своей простотѣ святый повѣрилъ имъ и отправился въ Царьградъ. При его свиданіи съ царемъ послѣдній принялъ отъ него благословеніе и спросилъ его, сколько ему лѣтъ отъ рожденія.

— Шестидесяти лѣтъ,—отвѣчалъ святый Епифаній,—принялъ я архіерейскій санъ, въ архіерействѣ пробылъ 55 лѣтъ и три мѣсяца. Такимъ образомъ,—всего мнѣ 115 лѣтъ и три мѣсяца.

Царь почтилъ его честныя сѣдины и святолѣпное лице. Царица же Евдоксія, призвавши святаго къ себѣ, сказала ему:

— Отче Епифаніе, ты знаешь, что все Римское царство въ нашихъ рукахъ: и вотъ сегодня я дамъ тебѣ всю церковную власть, если ты послушаешь меня, и исцѣлишь скорбь сердца, и сдѣлаешь то, что я думаю.

— Говори, дочь моя,—отвѣчалъ святитель,—по силѣ нашей постараемся сдѣлать то, что̀ будетъ на спасеніе твоей души.

Тогда царица, думая преклонить святаго на свой замыселъ лукавствомъ, начала такъ говорить ему о святомъ Златоустѣ:

корнемъ всякій предлогъ сатанинскій. Потому онъ, опустивъ многое, учредилъ совершеніе Литургіи сокращеннѣйшее». Сокращенная Іоанномъ Литургія первоначально не имѣла всѣхъ пѣснопѣній, какія она имѣетъ теперь, но они не измѣнили существеннаго порядка Литургіи.

[1]) *Оригенъ* — знаменитый христіанскій учитель Александрійской Церкви († 254 г.) — чудо своего вѣка по громадности своего ума и глубинѣ учености. Многіе замѣчательнѣйшіе изъ отцевъ Церкви съ глубокимъ уваженіемъ относились къ богословскимъ трудамъ и заслугамъ Оригена; но впослѣдствіи онъ, еще при своей жизни, на двухъ мѣстныхъ Александрійскихъ Соборахъ и, по кончинѣ, на мѣстномъ Константинопольскомъ Соборѣ 543 г. былъ осужденъ какъ еретикъ. Не высказывая своихъ неправославныхъ мнѣній, какъ непреложныя истины, Оригенъ, тѣмъ не менѣе, неправо мыслилъ о многихъ истинахъ вѣроученія христіанской Церкви, почему нѣкоторые считали сомнительною твердость его въ главнѣйшихъ христіанскихъ догматахъ. Развивая неправославное ученіе о предсуществованіи душъ, онъ неправо мыслилъ о Христѣ, полагая, что Богъ создалъ опредѣленное число духовныхъ существъ равнаго достоинства, способныхъ уразумѣвать Божество и уподобляться Ему; одинъ изъ этихъ сотворенныхъ духовъ съ такою пламенною любовью устремился къ Божеству, что неразрывно соединился съ Божественнымъ Словомъ или сталъ Его тварнымъ носителемъ; это, по мнѣнію Оригена, и есть та человѣческая душа, посредствомъ которой Богъ-Слово могъ воплотиться на землѣ, такъ какъ непосредственное воплощеніе Божества по его *ошибочному* мнѣнію немыслимо. Держась еретическаго воззрѣнія на воплощеніе Бога-Слова и сотвореніе міра и человѣка, Оригенъ въ неправославномъ смыслѣ понималъ и смерть Христову, представляя ее чѣмъ-то повторяемымъ духовно въ духовномъ мірѣ и имѣющимъ тамъ дѣйствіе на освобожденіе Ангеловъ и приписывая въ дѣлѣ спасенія слишкомъ много дѣйствію обыкновенныхъ силъ, коими одарена наша природа. Неправо мыслилъ Оригенъ и въ нѣкоторыхъ пунктахъ своего ученія о воскресеніи и будущей жизни, напр. о томъ, что діаволъ можетъ спастись, и въ толкованіи Св. Писанія слишкомъ многое преувеличенно понималъ въ таинственномъ смыслѣ, уничтожая черезъ то историческій смыслъ Писанія.

— Вотъ, этотъ Іоаннъ сдѣлался недостойнымъ управлять Церковію и носить столь великій санъ, такъ какъ возсталъ на царя и не воздаетъ подобающей намъ чести. Кромѣ того, многіе говорятъ о немъ, что онъ издавна еретикъ. Для этого мы рѣшили собрать Соборъ и, извергнувъ его изъ сана, поставить вмѣсто него другого, могущаго добрѣ строити церковь, чтобы отнынѣ наше царство было мирнымъ.

Говоря это, царица дрожала отъ великаго гнѣва.

— Нѣтъ нужды,—продолжала она,—утруждать многихъ отцевъ призывомъ ихъ сюда на Соборъ; но пусть твоя святость, отче, опредѣлитъ изгнать его изъ Церкви и поставить вмѣсто него другого, кого укажетъ тебѣ Богъ. Я же устрою, чтобы тебя слушали.

— Дочь моя,—отвѣчалъ ей святитель,—выслушай твоего отца безъ гнѣва! Если Іоаннъ, какъ вы говорите, еретикъ и если онъ не покается въ ереси, то недостоинъ будетъ патріаршаго сана, и съ нимъ поступимъ, какъ повелишь. Если же вы хотите его изгнать за ту только одну вину, что похулилъ тебя, то Епифаній не дастъ своего соизволенія на это. Ибо царямъ подобаетъ быть не злопамятными, но добрыми, кроткими и прощающими хулы на себя, такъ какъ и вы имѣете надъ собой Царя на Небесахъ и хотите отъ Него прощенія вашимъ согрѣшеніямъ. Бꙋдите ᲂу҆бо милосе́рди, ꙗ҆́коже и҆ ѻ҆ц҃ъ ва́шъ милосе́рдъ є҆́сть [1]).

Послѣ этихъ его словъ еще болѣе усилился гнѣвъ самолюбивой царицы. Вся въ слезахъ отъ сильнаго раздраженія, она гнѣвно произнесла:

— Если ты учинишь препятствіе къ изгнанію Іоанна, то я открою идольскіе храмы и сдѣлаю то, что многіе, отступивши отъ Бога, начнутъ поклоняться идоламъ, и будетъ послѣднее хуже перваго.

Епифаній, удивившись ея сильному гнѣву, сказалъ:

— Я чистъ отъ осужденія того.

Произнеся это, онъ вышелъ изъ царской палаты. Въ городѣ же всюду разносился слухъ о совѣщаніи Епифанія съ царицею по поводу изверженія Іоанна и о соглашеніи его съ ней. Этотъ слухъ дошелъ и до того, кого ближе всѣхъ касался. Константинопольскій святитель тотчасъ же написалъ Епифанію слѣдующее:

«Братъ Епифаній, я слышалъ, что ты далъ совѣтъ на мое изгнаніе; знай же, что ты болѣе не увидишь своего престола».

---

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 6, ст. 36.

Святый Епифаній на это отвѣтилъ:

«Страстотерпче Іоанне, будучи обидимъ, — побѣждай, но и ты не доѣдешь до того мѣста, въ которое тебя изгонятъ».

И сбылось пророчество обоихъ.

Видя желаніе неправедно осудить святаго Іоанна, святый Епифаній не захотѣлъ быть участникомъ такого беззаконнаго суда. Сѣдши тайно со своими приближенными на корабль, онъ возвратился восвояси. Во время плаванія по морю, чувствуя свое старческое изнеможеніе и предвидя свое наступающее отшествіе къ Богу, онъ такъ началъ бесѣдовать съ своими учениками:

— Дѣти мои, соблюдите мои заповѣди, и любовь Божія пребудетъ съ вами: вы знаете, въ сколькихъ скорбяхъ прошла моя жизнь, и я не вмѣнялъ ихъ въ скорби, но всегда радовался въ нихъ по Богѣ, и Богъ меня не оставилъ, но сохранялъ меня отъ всякой непріязненной напасти: **любѧщимъ бо бг҃а всѧ̑ поспѣшествꙋ́ютъ во бл҃го́е.** Однажды, мои возлюбленные, когда я жилъ въ пустынѣ и молился ко Христу Богу объ избавленіи меня отъ козней сопротивнаго, внезапно, по Божьему попущенію, приступило ко мнѣ множество бѣсовъ; ударивши меня о землю и взявши за ноги, они влачили по землѣ; нѣкоторые же изъ нихъ били меня. Это они дѣлали со мной десять дней, а потомъ исчезли. И съ того часа я не видалъ ихъ во всю свою жизнь. Только злые люди, еретики причиняли мнѣ непріятности. Будьте внимательны, о чада мои, и послушайте словъ Епифанія грѣшнаго. Имѣній не желайте, и много имѣній приложится вамъ. Не питайте ненависти ни къ одному человѣку, и будете возлюблены Богомъ. Не клевещите на брата, и зависть діавольская не будетъ обладать вами. Бѣгайте, какъ ядовитыхъ змѣй, ересей, о которыхъ я вамъ писалъ въ книгѣ «Панарій» [1]). Отвращайтесь и сохраняйте

---

[1]) Его произведеніе «Панарій» (πανάριον—аптека, ящикъ съ лѣкарствами) представляетъ изъ себя изложеніе и опроверженіе 20 дохристіанскихъ и 80 христіанскихъ ересей. Обличенію ересей посвящено еще другое сочиненіе Епифанія, озаглавленное «Анкоратъ» (ἀγκύρωτος или ancora—якорь), въ которомъ раскрывается православное ученіе о Троицѣ, воплощеніи, воскресеніи мертвыхъ и будущей жизни, главнымъ образомъ противъ еретиковъ аріанъ, полуаріанъ, духоборцевъ и аполлинаристовъ. Святому Епифанію принадлежатъ еще слѣдующія произведенія: а) «О камняхъ», объясняющіе 12 камней на наперсникѣ іудейскаго первосвященника; б) «О 22 пророкахъ Ветхаго Завѣта и трехъ Новаго Завѣта и о 12 Апостолахъ и 70 ученикахъ Христовыхъ», здѣсь находится немало цѣнныхъ устныхъ церковно-историческихъ преданій; в) «Книга о вѣсахъ и мѣрахъ» (библейскихъ), содержащая, кромѣ свѣдѣній о библейскомъ измѣреніи, нѣкоторыя указанія о греческихъ переводахъ Библіи; г) примѣчанія къ книгѣ «Физіологъ» (наблюденія надъ свойствами библейскихъ животныхъ) и д) можетъ быть, 12 проповѣдей, подлинность которыхъ оспаривается.

себя отъ мірскихъ похотей, которыя и тѣло и умъ разжигаютъ. Знайте, что онѣ — сатанинское ухищреніе, ибо если даже у неосторожныхъ плоть и не поднимаетъ брани, однако умъ все-таки мечтаетъ о дурномъ. Если же нашъ умъ трезвъ и памятуетъ о Богѣ, тогда легко можемъ побѣдить врага.

Послѣ этихъ и весьма многихъ другихъ духовныхъ увѣщаній своимъ ученикамъ преподобный предсказалъ Полувію, что онъ вскорѣ будетъ епископомъ города Ринокирска, находящагося въ Верхней Ѳиваидѣ. Карабельщикамъ же предсказалъ объ очень скорой бурѣ, причемъ велѣлъ не ужасаться, а надѣяться на Бога. Одному же изъ нихъ сказалъ:

— Не искушай, чтобы не быть искушеннымъ.

Все это святый говорилъ въ 11 часовъ дня. По захожденіи же солнца поднялась великая буря, продолжавшаяся двое сутокъ и приведшая всѣхъ пловцовъ въ великій страхъ. Святый же на предсмертномъ одрѣ молился Богу о сохраненіи корабля и всѣхъ, находящихся въ немъ. А на третій день онъ повелѣлъ своимъ ученикамъ возжечь уголья, положить на нихъ ѳиміамъ и помолиться Богу. Помолившись потомъ и самъ, онъ всѣхъ ихъ обнялъ, поцѣловалъ и сказалъ такія послѣднія слова:

— Спасайтесь, чада, ибо Епифаній больше не будетъ съ вами въ этой жизни.

По произнесеніи ихъ, онъ предалъ свой духъ въ руки Божіи[1]). Его смерть соединила скорбь съ радостью. Горько оплакивающіе умершаго его ученики и корабельщики были обрадованы внезапнымъ и совершеннымъ прекращеніемъ бури на морѣ. При этомъ тотъ корабельщикъ, которому святый сказалъ: не искушай, да не искушенъ будешь, по своему любопытству пожелалъ узнать, обрѣзанъ ли Епифаній или нѣтъ. Когда онъ началъ обнажать честное тѣло святаго, то умершій чудотворецъ, поднявши свою правую ногу, столь сильно ударилъ ею въ лицо любопытнаго, что онъ далеко упалъ отъ тѣла и умеръ. Всѣхъ объялъ страхъ, а товарищи-корабельщики, жалѣя наказаннаго, положили его при ногахъ Епифанія. Лишь только его тѣло коснулось ихъ, какъ умершій

Вообще, Епифаній былъ очень ученымъ мужемъ, знавшимъ, по свидѣтельству Іеронима, еврейскій, сирійскій, греческій и латинскій языки и «превосходнѣйшимъ по своему знанію пастыремъ». Седьмой Вселенскій Соборъ называетъ его не только Отцемъ Церкви, но и ея учителемъ.

1) Святый умеръ въ апрѣлѣ 403 года, а погребенъ 12 мая.

корабельщикъ ожилъ. И былъ еще бо́льшій ужасъ на всѣхъ. Приплывши въ Саламинъ, ученики святаго возвѣстили въ городѣ о его преставленіи. И тотчасъ отовсюду стекалось множество народа съ плачемъ и рыданіями. Взявши честно̀е тѣло своего отца, внесли его осиротѣвшіе дѣти въ созданную имъ церковь. У гроба святаго совершалось множество чудесъ надъ болящими всѣми недугами. Между прочимъ получили прозрѣніе три слѣпца. На десятый день со всего острова сошлись святители, священники, игумены и безчисленное множество народа и съ честію погребли честны̀я останки святаго Епифанія въ той же церкви, воспоминая труды, чудеса и богодухновенное ученіе преставившагося архипастыря и славя въ Троицѣ Единаго Бога, Ему же слава во вѣки. Аминь.

Конда́къ, гла́съ д҃.

Ѻ҆щ҃еннона́ча̑льникъ чꙋ́днꙋю дво́ицꙋ восхва́лимъ вѣ́рнїи по до́лгꙋ, съ ге́рманомъ бж҃твеннаго є҆пїфа́нїа: сі́и бо попали́ша безбо́жныхъ ѧ҆зы́ки, догма́ты премꙋ́дрѣйшыѧ возло́жше всѣ́мъ, правосла́внѡ пою́щымъ при́снѡ бл҃гоче́стїѧ вели́кое та́инство.

День тринадцатый

СТРАДАНІЕ
СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
ГЛИКЕРІИ
И СЪ НЕЮ ЛАОДИКІЯ,
стража темничнаго

Въ первый годъ царствованія нечестиваго императора Римскаго Антонина[1]), при управленіи Греціею игемона Савина, христіане, проживавшіе въ ѳракійскомъ городѣ Траянополѣ, ежедневно собирались въ свой храмъ; здѣсь они усердною молитвою испрашивали отъ Бога мира и увеличенія вѣрующихъ, такъ какъ тогда было не много боящихся Бога христіанъ, да и тѣ тяжко бѣдствовали по случаю гоненій. Гоненія же были воздвигнуты на христіанъ потому, что императоръ Антонинъ, будучи язычникомъ, приносилъ жертвы нечистымъ идоламъ и повсюду разослалъ приказъ, которымъ повелѣвалъ умерщвлять всѣхъ тѣхъ, кто не будетъ приносить жертвъ языческимъ богамъ. Когда это повелѣніе царское дошло до Ѳракіи, то игемонъ Савинъ отправился съ этимъ приказомъ въ городъ Траянополь и назначилъ для гражданъ этого города день, въ который они должны были принять участіе въ

---

1) *Антонинъ Пій* управлялъ Римскою имперіею съ 138 г. по 161 г.

празднествѣ въ честь ихъ бога Дія[1]); празднество это называлось *лампадофорія*[2]), то есть свѣщеношеніе, и должно было начаться спустя три дня по прибытіи Савина въ Траянополь.

Въ этомъ городѣ проживала одна христіанская дѣвица, по имени Гликерія, дочь Макарія, бывшаго ранѣе римскимъ анѳипатомъ[3]). Гликерія переселилась сюда изъ Рима вмѣстѣ съ родителями своими, а затѣмъ осиротѣла; здѣсь она увѣровала во Христа и присоединилась къ христіанамъ; она ежедневно вмѣстѣ съ ними посѣщала храмъ Божій и усердно молилась здѣсь какъ Господу Іисусу Христу, такъ и Его Пречистой Матери, къ которой она имѣла особенно сильную любовь—какъ къ Матери Сына Божія; подражая Ея непорочному дѣвству, Гликерія обручила себя Господу Іисусу Христу въ невѣсту. Она часто поучала христіанъ, говоря такъ:

— Братія, сестры и отцы и всѣ прочіе, замѣняющіе для меня мою мать земную! Послушайте меня: припомните, какому Царю мы служимъ, образъ какого Царя мы носимъ на себѣ и какимъ знаменіемъ мы ограждаемъ себя. Будемъ же всячески стараться исполнять и заповѣди этого Царя, дабы получить намъ спасеніе вѣчное, которое будетъ дано лишь тѣмъ, кто честно и мужественно исполнитъ всѣ обязанности христіанскаго званія.

Христіане же отвѣчали ей:

— Мы всѣ готовы, хоть сейчасъ, положить души наши ради Господа нашего.

На это Гликерія говорила имъ:

— Прошу васъ, помолитесь обо мнѣ ко Господу, дабы Онъ укрѣпилъ и меня на подвигъ вмѣстѣ съ вами,—дабы Онъ сподобилъ и меня пострадать ради Имени Его. Помолитесь обо мнѣ ко Господу, да причтетъ Онъ и меня къ лику нетлѣнныхъ невѣстъ Своихъ, пребывающихъ въ Его небесномъ чертогѣ.

И молились о ней христіане.

---

1) *Дій*, или *Зевсъ*,—верховный богъ древнегреческой религіи, считавшійся родоначальникомъ прочихъ боговъ.

2) *Лампадофоріей* (λαμπαδηφορία), или *лампадодроміей* (λαμπαδηδρομία), у древнихъ грековъ назывался собственно бѣгъ съ факелами. Въ этихъ бѣгахъ принимали участіе главнымъ образомъ юноши. Бѣга эти устраивались на призы, которые выигрывали юноши, пробѣжавшіе извѣстное разстояніе съ зажженнымъ факеломъ или свѣтильникомъ. Лампадофоріи соединялись съ различными религіозными празднествами и торжествами, обычно въ честь боговъ свѣта и огня (Прометея, Пана), а также и верховнаго бога Зевса.

3) *Анѳипатъ*—градоначальникъ.

Между тѣмъ, спустя три дня по прибытіи Савина въ Траянополь, началось языческое нечестивое празднованіе: граждане-язычники, проживавшіе въ томъ городѣ, собравшись вмѣстѣ съ зажженными свѣчами, устремились всѣ къ капищу Дія. Увидавъ это, блаженная дѣвица Гликерія воспылала ревностію о Христѣ, Господѣ Богѣ своемъ; сотворивъ на себѣ крестное знаменіе, она съ поспѣшностію пошла къ капищу Діеву и, ставъ предъ собраніемъ язычниковъ, громко сказала игемону:

— Честный игемонъ! Вотъ, я желаю начать приношеніе жертвъ для Бога Истиннаго. По своему происхожденію я славнѣе всѣхъ жителей города этого, потому что отецъ мой занималъ почетную должность анѳипата славнаго города Рима. Поэтому мнѣ и слѣдуетъ первой принести жертву Богу.

Игемонъ же сказалъ ей:

— Но гдѣ же твоя лампада, при помощи которой ты разожгла бы свою жертву?

Святая Гликерія отвѣчала на это:

— Моя лампада начертана у меня на челѣ моемъ; она неугасима и просвѣщаетъ всякую жертву, приносимую Богу Истинному.

Однако игемонъ не понялъ сказаннаго Гликеріею. Поэтому, обратившись къ ней, онъ сказалъ:

— Хорошо. Подойди и принеси жертву раньше всѣхъ.

Но святая сказала:

— Богъ вѣчный не требуетъ, чтобы Ему воскуряли лампады, издающія дымъ. Поэтому прикажи погасить лампады у всѣхъ, дабы не было видно этого мерзкаго дыма. Вотъ тогда вы и увидите мою жертву непорочную, которую я намѣреваюсь принести Богу своему.

Игемонъ приказалъ погасить всѣ лампады.

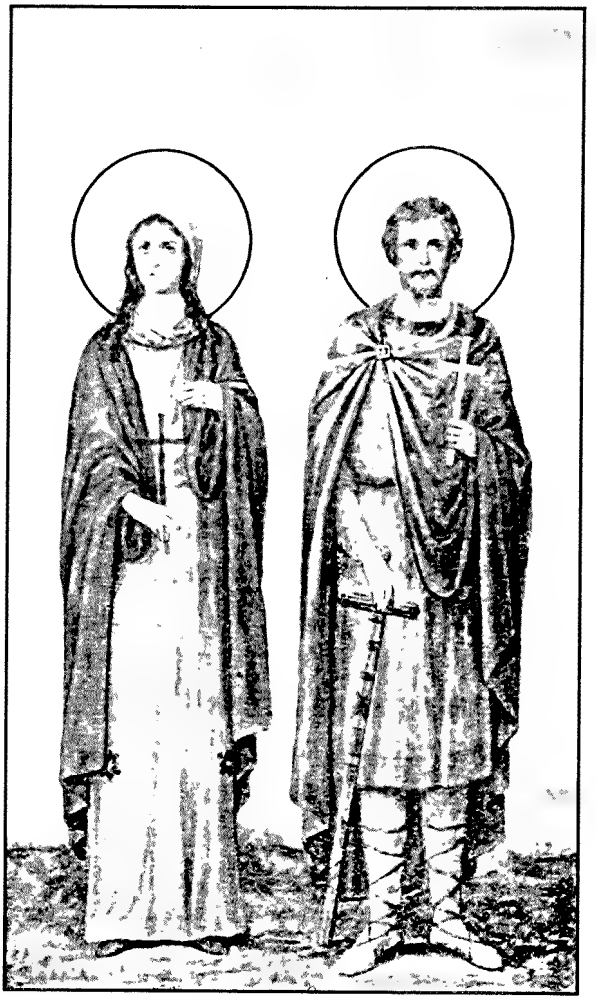
Въ это время святая Гликерія, ставъ на возвышенномъ мѣстѣ, такъ что была видима всѣмъ народомъ, открыла чело свое и показала всѣмъ знаменіе креста Христова, начертанное на челѣ ея; затѣмъ сказала во всеуслышаніе предстоявшихъ:

— Видите ли вы теперь пресвѣтлую лампаду, сіяющую на челѣ моемъ?

Затѣмъ, поднявъ очи къ небу и воздѣвши свои руки, сказала:

— Боже Всесильный, прославляемый рабами Своими, явившійся въ пещи вавилонской тремъ отрокамъ Своимъ и избавившій ихъ

отъ огня[1]), заградившій уста львовъ[2]), сдѣлавшій побѣдителемъ раба Твоего Даніила, разрушившій идола Вила[3]), умертвившій змія[4]) и сокрушившій образъ бѣсовскій на полѣ Деирѣ![5]) Ты, Іисусе Христе, Пречистый Боже, Агнецъ Святый! Молю Тебя, пріиди и помоги мнѣ, смиренной рабѣ Твоей, сокруши идола этого, сдѣланнаго руками человѣческими, и уничтожь эти мерзкія и суетныя бѣсовскія жертвы.



Ст҃іи мч҃нцы
Гл҃ѵке́рїа и Лаодїкі́й

Въ то время, какъ святая молилась такъ къ Богу, внезапно произошелъ громъ, при чемъ идолъ Діевъ упалъ на землю и разбился на малыя части (онъ былъ сдѣланъ изъ камня).

Игемонъ и жрецы, видя это, распалились яростію и приказали народу побить святую камнями. Однако камни, бросаемые на святую, не прикасались ея, но падали около

---

1) Кн. Прор. Дан., гл. 3.

2) Кн. Прор. Дан., гл. 6.

3) *Вилъ*, или *Ваалъ*,—верховное божество Вавилонянъ, богъ Солнца и свѣта вообще. Въ честь его въ Вавилонѣ былъ построенъ большой храмъ, имѣвшій видъ высокой четыреугольной башни. Здѣсь, въ нижнемъ этажѣ, находилась постель и золотой столъ, на который ежедневно жрецы полагали пищу, назначавшуюся для Вила. Вавилоняне считали Вила живымъ богомъ, который ѣстъ и пьетъ. Но обманъ этотъ былъ раскрытъ Пророкомъ Даніиломъ, о чемъ можно подробнѣе читать въ Кн. Прор. Даніила (гл. 14, ст. 1—22).

4) *Змій*, пользовавшійся большимъ почитаніемъ со стороны Вавилонянъ и имѣвшій золотое литое изображеніе въ той же башнѣ, что и Вилъ (см. предыд. примѣч.), былъ пораженъ и разсѣянъ въ прахъ Пророкомъ Даніиломъ. См.: Кн. Прор. Даніила, гл. 14, ст. 23—27.

5) См.: Кн. Прор. Дан., гл. 3.

нея и, образуя какъ бы крѣпость кругомъ святой, защищали ее отъ язычниковъ. Нечестивые язычники, не познавъ силы Божіей, называли святую волшебницею. Но она имъ сказала:

— Сила Христова, дѣйствующая черезъ меня, обличаетъ заблужденіе ваше; помощь же Бога моего обратитъ въ ничто всѣ мученія, которыя вы замыслите на меня.

Послѣ этого игемонъ приказалъ, связавъ святую, отвести ее въ темницу. Стражамъ же темничнымъ игемонъ велѣлъ съ великимъ вниманіемъ наблюдать за святой, сказавъ имъ:

— Смотрите, какъ бы она не убѣжала изъ темницы по волхвованію своему. Тогда она скажетъ, что это ея Богъ избавилъ ее; а черезъ это она можетъ прельстить многихъ.

Святая же дѣвица сказала игемону:

— Безумный, нечестивый и безразсудный человѣкъ! Неужели ты не понимаешь, что я связана заповѣдями Господа Бога моего и пригвождена къ Закону Его? Я не могу отрѣшить себя отъ этихъ, пріятныхъ для меня, узъ; потому не могу я и бѣжать отъ страдальческаго подвига, на который я сама по своей волѣ иду ради Христа, Спасителя моего.

Послѣ того, какъ святая изрекла слова эти, она была отправлена въ темницу.

Въ то время какъ святая Гликерія находилась въ темницѣ, къ ней пришелъ іерей Божій Филократъ, желавшій навѣстить узницу Христову. Святая сказала ему:

— Осѣни меня крестнымъ знаменіемъ; украсивъ меня этимъ знаменіемъ, какъ бы нѣкимъ помазаніемъ, помолись обо мнѣ, дабы я угодила Богу моему и Царю, Которому ты служишь; помолись обо мнѣ, дабы я, будучи ограждена знаменіемъ Честнаго Креста, побѣдила злобу діавола.

Пресвитеръ, знаменавъ Гликерію Честнымъ Крестомъ, сказалъ:

— Да поможетъ тебѣ знаменіе Христово; да будетъ для тебя духовнымъ мѵромъ Самъ Христосъ, помазующій тебя Своею благодатію, дабы ты мужественно выдержала подвигъ свой.

Укрѣпивъ о Господѣ Гликерію и преподавъ ей миръ, Филократъ вышелъ изъ темницы.

Утромъ слѣдующаго дня игемонъ Савинъ прибылъ на дворъ царскій, намѣреваясь здѣсь мучить святую Гликерію. Подозвавъ ее къ своему судилищу, онъ сказалъ ей:

— Согласна ли ты теперь, Гликерія, принести жертву вели-

кому богу Дію, которому поклоняется и приноситъ жертвы и самъ императоръ нашъ?

Святая отвѣчала:

— Какъ же я могу поклониться ему или принести жертву послѣ того, какъ богъ вашъ, упавъ на землю, разбился на части, не будучи въ состояніи оказать себѣ самому помощь? Я знаю только одного Бога — Живущаго на Небесахъ, Который помогъ мнѣ сокрушить нечистаго идола вашего. Вотъ этому-то Богу и слѣдуетъ поклоняться, приносить жертвы и благоугождать.

Игемонъ снова сказалъ:

— Принеси жертву, если не желаешь подвергнуться мученіямъ.

Святая же отвѣчала:

— Меня будетъ мучить мой Богъ, если я послушаю тебя.

Игемонъ сказалъ:

— Значитъ, ты хочешь умереть?

Мученица отвѣчала:

— Я хочу своими тѣлесными страданіями уврачевать свои душевныя болѣзни.

Тогда игемонъ приказалъ повѣсить святую за волоса на мучилищномъ деревѣ и строгать желѣзными когтями тѣло ея до тѣхъ поръ, пока она не умретъ.

Когда святая была повѣшена и мучима, то совершенно не ощущала боли отъ мученій и сказала игемону:

— Нечестивый и преисполненный всякой злобы слуга діавола! Всѣ муки, которымъ ты подвергаешь меня, ничто для меня, потому что я совершенно не чувствую ихъ. Близъ меня Господь и Богъ мой, Іисусъ Христосъ, Который помогаетъ мнѣ. Приготовь для меня еще бо́льшія муки, потому что боли отъ этихъ мукъ я совершенно не чувствую.

Въ то время, какъ святая говорила это, слуги, мучившіе святую, изнемогли. Игемонъ же, видя, что муки, придуманныя имъ для Гликеріи, были преподобѣждены святою, приказалъ снять Гликерію съ мучилищнаго дерева и бить ее въ лице.

Будучи біема, святая сказала:

— Мой Богъ есть свѣтъ мой, Христосъ же—крѣпость моя. Онъ оградитъ благостію рабу Свою.

Затѣмъ, посмотрѣвъ на Небо, святая сказала:

— Молю Тебя, Владыко, просвѣти лице мое и помоги мнѣ мужественно воспринять удары эти. Укрѣпи меня Ты, Господи,

ибо Ты Богъ Истинный, сокровищами Святаго Духа обогащающій всѣхъ, небоязненно исповѣдующихъ предъ мучителями Пресвятое Имя Твое. Ты—Господь, помогающій всѣмъ, угождающимъ Тебѣ на землѣ, Ты—охраняющій святыхъ Твоихъ, посредствомъ которыхъ и я познала Тебя, Бога Истиннаго, и возлюбила Создателя моего. Услышь нынѣ меня, смиренную рабу Твою, подвизающуюся за Имя Твое, и помоги мнѣ избавиться отъ сѣтей діавола и устъ змія.

Въ то время, какъ святая говорила слова эти, мучители безъ милосердія сокрушали ее по устамъ. Но вдругъ среди нихъ показался Ангелъ Господень, который настолько устрашилъ мучителей, что всѣ они попадали на землю какъ мертвые. Игемонъ же, не видавшій Ангеловъ, сказалъ святой:

— Скажи мнѣ, Гликерія: почему ты не повинуешься приказанію царскому?

Святая отвѣчала на это:

— Какого же царя я должна слушаться?

Игемонъ сказалъ:

— Самодержца римскаго, приказавшаго исполнять этотъ древній, преданный намъ отцами, законъ, предписывающій поклоняться богамъ нашимъ.

Но святая сказала:

— Я слушаю Вседержителя Бога и Закону Его повинуюсь. Я храню Законъ Его и потому приношу въ жертву себя саму, подобно тому какъ въ древности Авраамъ принесъ Богу въ жертву Исаака, сына своего[1]), за что Авраамъ былъ благоугоденъ для Бога Истиннаго; за эту жертву Богъ ниспослалъ ему благословеніе и сказалъ ему, что онъ будетъ отцемъ многихъ народовъ.

Игемонъ сказалъ:

— Исполни же, наконецъ, то, что я приказываю тебѣ, если не хочешь погибнуть лютою смертію, какъ женщина обольщенная.

Но мученица отвѣчала:

— Христосъ, Начальникъ насъ, христіанъ, и первый нашъ Подвигоположникъ, укрѣпляетъ на подвигъ не только мужчинъ, но и женщинъ, и тѣхъ изъ нихъ, которые мужественно подвизались, воюя съ отцемъ твоимъ, діаволомъ, Онъ награждаетъ свѣтлымъ вѣнцемъ.

---

[1]) Кн. Быт., гл. 22, ст. 1—19.

Послѣ этого игемонъ приказалъ отвести мученицу въ темницу и велѣлъ морить ее тамъ голодомъ и жаждою въ продолженіе многихъ дней.

Святая пошла въ темницу съ радостію, вознося хвалы Богу. Когда она вошла во внутреннее отдѣленіе темницы и когда за нею были затворены двери, то она въ такихъ словахъ стала прославлять Господа:

— Благословенъ Ты, Господь и Богъ нашихъ отцевъ! Благословенъ Ты, Боже, познаваемый святыми Твоими, вѣрно хранящими Заповѣди Твои, явившій Себя святому Апостолу Петру, выходившему изъ Рима[1]), посрамившій противника его Симона волхва[2]), оказавшій помощь Давиду, которому Ты покорилъ подъ ноги Голіаѳа[3]). Ты, Пречестнѣйшій и Пречистѣйшій Боже, услышь меня и пріиди на помощь мнѣ, рабѣ Твоей. Избавь меня отъ козней вражіихъ и отъ соблазна сего нечестиваго игемона.

Спустя три дня послѣ этого игемонъ сказалъ трибуну:

— Возьми мой перстень и наложи имъ печать на то отдѣленіе темницы, въ которое заключена та волшебница.

Трибунъ тотчасъ пошелъ, запечаталъ дверь темницы и приказалъ темничной стражѣ внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не подавалъ мученицѣ ни пищи, ни питія. Но Ангелы Божіи приносили святой мученицѣ пищу и питіе и укрѣпляли невѣсту Христову.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого игемонъ, намѣреваясь идти въ городъ Ираклію[4]), пришелъ въ темницу повидать муче-

---

1) Здѣсь имѣется въ виду слѣдующій случай изъ жизни св. Апостола Петра, разсказанный въ житіи его (подъ 29 іюня). Когда Петръ пребывалъ въ Римѣ (незадолго до своей кончины), римскія власти разыскивали его, чтобы предать смерти. По усиленной просьбѣ римскихъ христіанъ Петръ рѣшилъ скрыться отъ преслѣдованія враговъ и съ этою цѣлію тайно ночью вышелъ изъ Рима. Когда Петръ былъ уже близъ городскихъ воротъ, ему явился Господь. Поклонившись Ему, Петръ сказалъ: «Господи! Куда Ты идешь?» Господь отвѣтилъ Петру: «Я иду въ Римъ, чтобы предать Себя на распятіе вторично». Изъ этихъ словъ Господа Петръ понялъ, что Господь призывалъ его къ страданію, и возвратился въ Римъ. Здѣсь онъ и пострадалъ въ скоромъ времени послѣ этого.

2) *Симонъ волхвъ* — современный Апостолу Петру іудей; происходилъ изъ Самаріи, затѣмъ обучался философіи и магіи въ Александріи; прославился какъ волшебникъ, обладавшій магическою силою. Симонъ волхвъ неоднократно ставилъ препятствія проповѣднической дѣятельности Ап. Петра, но всегда былъ имъ побѣждаемъ. Исторію борьбы Ап. Петра съ Симономъ волхвомъ можно читать въ 8 гл. кн. Дѣян. Апост. (ст. 9—25) и въ повѣствованіи о жизни св. Апостола Петра (подъ 29 іюня).

3) См. 1 Кн. Царствъ, гл. 17, ст. 4—51.

4) Съ именемъ Иракліи извѣстно въ древности около 20-ти городовъ; въ данномъ случаѣ разумѣется *Ираклія*, находившаяся во Ѳракіи и лежавшая близъ Пропонтиды (Мраморнаго моря).

ницу, такъ какъ хотѣлъ взять ее съ собою. Увидавъ свою печать на двери темничной, онъ подумалъ, что Гликерія уже умерла отъ голода и жажды, потому что много дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ она была заключена въ темницу. Но, открывъ двери и увидавъ святую живою, разрѣшенною отъ узъ, увидавъ также и блюда, стоящія предъ Гликеріей (въ нихъ находился чистый хлѣбъ, молоко, была также и вода въ чашѣ), игемонъ весьма изумился всему этому, такъ какъ не уразумѣлъ, окаянный, того, что Самъ Богъ питалъ рабу Свою. Затѣмъ игемонъ приказалъ, выведши мученицу изъ темницы, вести ее за собою въ городъ Ираклію. Святая же воздала за все благодареніе Господу, сказавъ такъ:

— Владыко Боже! Ты, научающій насъ познанію Истины Твоей, промышляющій о вѣрныхъ рабахъ Своихъ, пославшій Даніилу пищу, когда онъ находился во рву[1]), посылавшій пищу и Иліи Пророку[2]), когда онъ обиталъ близъ потока, обращающій къ истинѣ заблуждающихъ, просвѣщающій слѣпыхъ! Благодарю Тебя за то, что Ты вспомнилъ и меня, смиренную рабу Твою, и напиталъ меня во время голода щедрою рукою Твоею отъ неисчислимыхъ сокровищъ Твоихъ.

Говоря такія слова, святая шла въ городъ Ираклію. Игемонъ же, прибывъ туда заранѣе, уже приносилъ жертву въ храмѣ, посвященномъ богу Дію.

Между тѣмъ христіане, проживавшіе въ городѣ Иракліи, узнавъ, что къ нимъ идетъ Гликерія, пострадавшая за Христа въ Траянополѣ, вышли навстрѣчу ей со своимъ честнымъ епископомъ Дометіемъ. Отойдя отъ города за три поприща и увидавъ святую, они громогласно прославили ее за страданія о Христѣ, епископъ же во всеуслышаніе принесъ Богу молитву, говоря такъ:

---

[1]) Однажды Даніилъ въ царствованіе Кира, царя Персидскаго, убилъ безъ меча и безъ жезла змія, котораго Вавилоняне почитали за бога. Тогда Вавилоняне сильно возстали противъ Даніила и выпросили у царя, чтобы онъ позволилъ имъ бросить Даніила въ ровъ. Въ этомъ рвѣ находилось 7 львовъ, которымъ не давали пищи, чтобы они съѣли Даніила. Въ Іудеѣ въ это время былъ Пророкъ Аввакумъ. Онъ сварилъ пищу и понесъ въ поле отдать жателямъ. Но ему явился Ангелъ и сказалъ: «Отнеси обѣдъ, который имѣешь, въ Вавилонъ Даніилу, въ львиный ровъ». «Господи,—отвѣчалъ Аввакумъ,— Вавилона я не видѣлъ и не знаю, гдѣ ровъ находится». Тогда Ангелъ поднялъ Аввакума за волосы его головы и поставилъ въ верху рва въ Вавилонѣ. Аввакумъ воскликнулъ: «Даніилъ, Даніилъ! Возьми обѣдъ, который послалъ тебѣ Богъ». Даніилъ отвѣтилъ: «Вспомнилъ о мнѣ, Боже, и не оставилъ любящихъ Тебя». Затѣмъ Даніилъ всталъ и съѣлъ обѣдъ, принесенный Аввакумомъ (кн. Прор. Дан., гл. 6, ст. 16—24).

[2]) См. 3 Кн. Царствъ, гл. 17, ст. 2—6.

— Господи Іисусе Христе, свѣте неугасимый, просвѣтитель всѣхъ, пребывающихъ во тьмѣ, Вождь заблуждающимъ, проведшій Моисея черезъ море, какъ посуху, фараона же потопившій въ морѣ[1]), молимъ Тебя: будь Вождемъ и рабѣ Твоей, помоги ей до конца мужественно исповѣдать Честнòе и Всесвятое Имя Твое!

Между тѣмъ святая была введена въ узахъ въ городъ воинами, сопровождавшими ее.

Утромъ слѣдующаго дня игемонъ рѣшилъ предать сожженію мученицу въ томъ случаѣ, если бы она не принесла жертвъ богамъ. Вызвавъ ее предъ свое судилище, онъ сказалъ ей:

— Не надумала ли ты, Гликерія, принести жертву богамъ нашимъ?

Святая отвѣчала:

— Въ законѣ, данномъ намъ Богомъ Истиннымъ, написано: не искꙋсиши гдⷭ҇а бг҃а твоегѡ҇[2]); перестаньте же меня уговаривать. Я уже сказала, что я всецѣло присоединилась и всецѣло служу Христу, Богу и Господу моему, и отвергаюсь діавола, которому ты служишь. Но если я соединена со Христомъ, если я обручила себя Христу, то неужели, думаешь ты, я когда-либо отрекусь отъ Христа, Бога моего, и изберу вмѣсто жизни вѣчной смерть? Ты можешь дѣлать со мною все, что тебѣ угодно; но я презираю и буду презирать всѣ суетныя блага земныя, такъ какъ я хочу пріобрѣсть и снискать себѣ блага небесныя.

Послѣ того какъ святая окончила говорить, игемонъ приказалъ бросить ее въ пещь огненную.

Когда пещь была разожжена, святая оградила себя крестнымъ знаменіемъ и сказала:

— Господи Боже, Всесильный! Благословляю Тебя, и прославляю Имя святое Твое за то, что Ты даровалъ мнѣ настоящій день и часъ сей въ веселіе вѣчное, за то, что Ты написалъ исповѣданіе мое предъ Ангелами и человѣками. Молю тебя,—исполни желаніе души моей: яви сему нечестивому и мерзкому игемону, что Ты дѣйствительно Помощникъ мой.

Во время произнесенія этихъ словъ святая была брошена въ пещь. Но тотчасъ съ неба снизошла роса и угасила пламень пещи. Святая же, стоя посреди пещи, какъ чистая агница, воспѣвала такія слова:

---

[1]) Кн. Исх., гл. 14.

[2]) Кн. Второз., гл. 6, ст. 16.

— Святъ Ты, Боже! Благословенъ Ты, пославшій мнѣ, смиренной рабѣ Твоей, помощь съ Неба; пусть уразумѣютъ всѣ, что Тебѣ подчинена всякая тварь; пусть уразумѣютъ всѣ, что по Твоей волѣ пламя пещи сей потеряло свою силу.

Сказавъ такъ, святая вышла изъ пещи невредимой.

Игемонъ же, думая, что Гликерія по своему волшебству не получила вреда отъ огня, приказалъ содрать кожу съ головы ея. Когда слуги игемоновы приступили къ выполненію приказанія игемона, святая мученица воззвала къ Богу, говоря такъ:

— Господи Боже, произведшій свѣтъ! Ты, благоволившій процвѣтать правдѣ среди мученій сихъ, покажи нечестивому игемону Савину, что всякій, твердо надѣющійся на Тебя и уповающій на силу Твою, никогда не устрашится мученій за Имя Твое, но даже желаетъ еще большаго мученическаго подвига, дабы воспріять болѣе славный мученическій вѣнецъ. Славлю и благодарю Тебя за то, что Ты открылъ внутреннее существо души моей, послѣ того какъ была снята кожа съ головы моей, такъ что я, осіяваемая Твоимъ свѣтомъ, могу теперь сказать о себѣ: ѿкрыи̑ ѻ҆чи мои̑, и҆ ᲂу҆разꙋмѣ́ю чꙋдеса̀ ѿ закѡ́на твоегѡ̀ [1]).

Игемонъ же, видя поруганіе для себя въ этихъ словахъ святой, приказалъ отвести ее въ темницу и, связавъ по рукамъ и ногамъ, велѣлъ положить ее нагую на острый камень.

Когда наступила полночь, въ темницу снизшелъ Ангелъ Господень. Осіявъ темницу, онъ разрѣшилъ святую отъ оковъ и исцѣлилъ ее, возстановивъ снова на головѣ ея кожу, содранную мучителями, такъ что на лицѣ святой не было видно совершенно никакихъ ранъ, и святая была здорова и имѣла цвѣтущее лицо.

Утромъ слѣдующаго дня игемонъ приказалъ снова привести къ себѣ святую на допросъ. Когда стражъ темничный Лаодикій, открывъ дверь темницы, увидѣлъ, что святая была освобождена отъ оковъ, то пришелъ въ страхъ и ужасъ; не думая, что это была Гликерія, онъ вознамѣрился убить себя, такъ какъ подумалъ, что Гликерія убѣжала изъ темницы (такъ поступить стражъ хотѣлъ потому, что весьма боялся наказанія отъ игемона). Но святая сказала ему:

— Не причиняй себѣ зла, ибо это я—Гликерія.

Стражъ же, находясь въ испугѣ, сказалъ:

---

1) Псал. 118, ст. 18.

— Помилуй меня, спаси меня, дабы я не умеръ отъ страха, такъ какъ я вѣрую въ Бога, помогающаго тебѣ.

Святая же сказала ему:

— Слѣдуй за Христомъ и ты спасешься.

Стражъ же, выйдя изъ темницы, возложилъ на себя узы, которыми была скована мученица, и, неся ихъ на себѣ, пошелъ къ игемону.

Когда игемонъ увидалъ его, то сказалъ:

— Что это ты сдѣлалъ, Лаодикій? Гдѣ узница, порученная твоему наблюденію?

Лаодикій сказалъ на это:

— Вотъ, она предстоитъ тебѣ. Нынѣшнею ночью она была осіяна Божіимъ свѣтомъ и исцѣлена Ангеломъ, посланнымъ отъ Бога, который освободилъ ее отъ оковъ; оковы эти надѣлъ я на себя; вмѣстѣ съ тѣмъ она получила первоначальную красоту лица своего и была совершенно исцѣлена Ангеломъ отъ ранъ. Видя всѣ эти чудеса Божіи, я увѣровалъ въ Бога и желаю быть соучастникомъ смерти Гликеріи.

Тогда игемонъ, преисполнившись гнѣва, сказалъ:

— Пусть будетъ усѣченъ этотъ окаянный, и тогда мы увидимъ, придетъ ли Христосъ на помощь къ нему!

Когда приблизилось время усѣченія мечомъ, Лаодикій, поднявъ очи свои къ Небу, громко воззвалъ:

— Богъ и Господь христіанъ! Сопричти меня во Царствіи Твоемъ ко святой рабѣ Твоей Гликеріи.

Святая же Гликерія молилась о немъ къ Богу, говоря такъ:

— Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, исцѣлившій болѣзни смертныя, освободившій человѣка, плѣненнаго грѣхомъ, отъ узъ адовыхъ, Ты и раба Твоего Лаодикія освободи отъ власти діавола; помоги ему до конца довести подвигъ своего исповѣданія и пріими душу его въ мирѣ.

Лаодикій же, слышавшій молитву Гликеріи, сказалъ:

— Аминь.

Послѣ этого онъ былъ усѣченъ во главу; тѣло же его честное христіане, взявъ тайно, похоронили съ честію.

Между тѣмъ игемонъ, обратясь къ Гликеріи, сказалъ ей:

— Мы знаемъ, что отецъ твой былъ анѳипатомъ римскимъ, знаемъ также, что и мать твоя была столь же благороднаго про-

исхожденія; но кто тебѣ помогаетъ, мы этого не знаемъ. Скажи намъ объ этомъ ты сама.

Святая отвѣчала:

— Мнѣ помогаетъ Христосъ, Спаситель міра и Источникъ всякой радости, посылавшій мнѣ пищу въ темницѣ, разрѣшившій меня отъ оковъ и возстановившій красоту лица моего, попранную тобою.

Послѣ этого игемонъ приказалъ отдать святую звѣрямъ на съѣденіе.

Святая шла къ звѣрямъ съ веселіемъ и радостію какъ бы на нѣкій пиръ. Когда она прибыла къ тому мѣсту, на которое выпускаются звѣри, то остановилась. Тотчасъ на Гликерію была выпущена большая львица, грозно рыкавшая; но, подойдя къ святой, она тихо легла у ногъ ея и начала ихъ лизать. Святая же, поднявъ очи свои на Небо, сказала:

— Благодарю Тебя, Боже всесильный, Боже отцевъ, Боже милосердія! Благодарю Тебя, укротившаго ярость звѣря, дабы показать всѣмъ божественную силу Твою! Благодарю Тебя за то, что ты сдѣлалъ для меня легкими всѣ, даже самыя жестокія, мученія. Услышь меня, Боже, и воздай сему злому игемону по дѣламъ его, меня же не лиши вѣнца благодати Твоей вмѣстѣ съ прочими святыми Твоими.

Послѣ того какъ святая помолилась такъ, былъ слышанъ съ Неба Голосъ, говорившій:

— Я услышалъ молитву твою! Пріиди ко Мнѣ съ миромъ! Вотъ, тебѣ отверзаются двери Царствія Небеснаго!

Вскорѣ была спущена другая львица, которая, подойдя къ святой, угрызла ее, причемъ тѣло святой не было растерзано львицей. Такъ предала святая душу свою въ руки Божіи[1]). Звѣри же тотчасъ возвратились въ свои клѣти. Въ тотъ же часъ игемонъ сильно разболѣлся тяжкимъ недугомъ,—отекъ весь водянкою и весьма раздулся, такъ что умеръ на улицѣ, ибо его не успѣли принести въ домъ. Епископъ же Дометій взялъ многострадальное тѣло святой мученицы Гликеріи и похоронилъ его на одномъ красивомъ мѣстѣ вблизи Иракліи. Впослѣдствіи отъ честныхъ мощей святой Гликеріи истекло цѣльбоносное мѵро[2]), врачевавшее

---

[1]) Кончина святой мученицы послѣдовала около 177 г.

[2]) Очевидцемъ истеченія мѵра отъ гроба святой мученицы Гликеріи былъ, между прочимъ, императоръ Маврикій (царствовалъ съ 582 г. по 602 г.). При немъ было слѣ-

многоразличные недуги во славу Отца, и Сына, и Святаго Духа— Единаго Бога въ Троицѣ славимаго, Которому возсылается честь, слава и поклоненіе, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Конда́къ, гла́съ г҃:

Ѧ҆вꙋ̀ лю́бѧщи и҆ бцⷣꙋ мр҃і́ю, соблюла́ є҆си нетлѣ́нно твоѐ дѣ́вство: любо́вїю же ко гдⷭ҇ꙋ оу҆се́рдствовавши, пострада́ла є҆сѝ мꙋжемꙋ́дреннѡ да́же до сме́рти. сегѡ̀ ра́ди и҆ сꙋгꙋ́бымъ тѧ̀, дѣ́во мч҃нце, вѣнце́мъ вѣнча́етъ хрⷭ҇то́съ бг҃ъ.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

АЛЕКСАНДРА

Въ правленіе нечестиваго императора Римскаго Максиміана[1]) по всѣмъ странамъ имперіи Римской было воздвигнуто жестокое гоненіе на христіанъ. Одинъ изъ сотниковъ, усердный служитель боговъ языческихъ, по приказанію императора выстроилъ капище скверному богу своему Дію[2]) невдалекѣ отъ Рима, приблизительно на разстояніи одного поприща отъ него. Вмѣстѣ съ тѣмъ было предписано всѣмъ христіанамъ приносить жертвы богамъ языческимъ, а также собраться на обновленіе Діева храма. Царскіе посланники всюду разъѣзжали и громогласно возглашали:

— Слушайте, друзья боговъ! Утромъ слѣдующаго дня вы должны собраться вмѣстѣ съ императоромъ въ храмъ бога Дія!

Всѣ язычники, слышавшіе эти возгласы царскихъ вѣстниковъ, готовились къ утру, намѣреваясь идти въ капище Діево. Утромъ

дующее чудо, совершившееся на гробницѣ святой мученицы: епископъ Ираклійскій пожелалъ замѣнить мѣдный сосудъ, въ который истекало св. мѵро, серебрянымъ, съ каковою цѣлію и купилъ его въ Константинополѣ. Но когда сосудъ этотъ былъ поставленъ при гробѣ святой, мѵро остановилось. Послѣ усиленныхъ молитвъ и замѣненія сосуда старымъ, оно опять потекло. Оказалось, что серебряный сосудъ ранѣе принадлежалъ человѣку, занимавшемуся волхвованіемъ, и употребляемъ былъ имъ на дѣла нечестія.

[1]) *Императоръ Максиміанъ* правилъ съ 285 г. по 305 г.

[2]) См. стр. 431-ую, примѣч. 1-е.

многіе изъ язычниковъ, сдѣлавъ закупки въ городѣ, отправились къ капищу, отчасти ради поклоненія и принесенія жертвъ Дію, а отчасти для продажи купленнаго.

Въ это время одинъ знатный и богатый мужъ, по имени Тиверіанъ, саномъ трибунъ[1]), имѣя у себя подъ начальствомъ многихъ воиновъ, порученныхъ его управленію воеводою Филаксомъ, призвавъ къ себѣ этихъ воиновъ, сказалъ имъ:

— Слушайте, братія! Знаете ли вы приказъ царскій, повелѣвающій быть намъ сегодня вмѣстѣ съ царемъ въ храмѣ Діевомъ? Будьте же готовы.

Въ то время какъ онъ говорилъ это, ему было доложено, что императоръ уже прибылъ къ тому храму. Тотчасъ же всѣ поспѣшно направились къ капищу, дабы соприсутствовать императору. Но одинъ изъ тѣхъ воиновъ, по имени Александръ, съ дѣтства наставленный во благочестіи христіанскомъ, боявшійся Бога, сказалъ трибуну:

— Ты хорошо сдѣлалъ бы, если бы сказалъ, что мы должны идти и поклониться Богу Истинному, пребывающему на Небесахъ; тѣ же, которыхъ вы называете богами, не суть боги, но бѣсы.

Тиверіанъ сказалъ ему:

— Мы сегодня будемъ приносить жертвы не всѣмъ богамъ, но только одному Дію, хотя у насъ и много боговъ, которыхъ почитаетъ и самъ царь, и мы.

Блаженный Александръ отвѣчалъ на это:

— Дій, котораго ты называешь богомъ, таковъ же, какъ и прочіе бѣсы льстивые, увлекающіе въ погибель поклонниковъ своихъ, прельщающіе ихъ на дѣла мерзкія и беззаконныя, которыми осквернялись и сами боги ваши, какъ вы говорите о нихъ, именно: иногда они, будучи распаляемы плотскимъ вожделѣніемъ, прельщали женщинъ и творили съ ними мерзкія дѣла, оскверняя не только землю, но и море, и воздухъ[2]). Но кто когда слышалъ или видѣлъ, чтобы богъ занимался блудодѣяніемъ? Нашъ же Богъ— есть Богъ невидимый плотскими очами, но познаваемый лишь одною вѣрою, Богъ Пречистый, Всесильный, Создатель Неба и земли. Нашъ Богъ не требуетъ Себѣ такихъ жертвъ, которыя

---

1) *Трибунъ* —начальникъ трибы, или полка.

2) Святый Александръ въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду грубые и грязные разсказы греческой миѳологіи о похожденіяхъ боговъ. По взгляду древнихъ грековъ, ихъ боги обладали такими же недостатками, какъ и люди.

вы приносите своимъ нечистымъ демонамъ; взамѣнъ этихъ жертвъ Онъ требуетъ отъ насъ жертвы чистой и безкровной.

Выслушавъ Александра, Тиверіанъ сказалъ:

— Оставь свое безуміе, Александръ! Не хули боговъ, нашихъ благодѣтелей, чтобы царь, услыхавъ объ этомъ, не прогнѣвался на меня за то, что я позволяю быть въ полку своемъ такому богохульнику!

Сказавъ это, Тиверіанъ отправился къ царю, Александръ же пошелъ въ домъ свой.

Когда наступило время жертвоприношенія, царь началъ приносить жертву мерзкому богу своему Дію въ томъ храмѣ. Въ это время Тиверіанъ сказалъ царю, что одинъ изъ его воиновъ, по имени Александръ, не исполняетъ приказанія царскаго— не приноситъ жертву богу Дію, но поноситъ и хулитъ боговъ. Тотчасъ царь приказалъ послать за нимъ и велѣлъ привести его къ себѣ въ желѣзныхъ оковахъ.

Ст҃ы́й мч҃нкъ
А҆леза́ндръ

Въ это время былъ шестой часъ дня[1]). Александръ лежалъ на постели своей, предавшись сну. Вдругъ явился ему въ сонномъ видѣніи Ангелъ Господень и сказалъ:

— Александръ! Мужайся и крѣпись, такъ какъ тебѣ предстоитъ много пострадать за Имя Іисуса Христа. Вотъ, для тебя уже приготовлены немалыя муки; вотъ, воины уже идутъ за тобою, чтобы взять тебя. Но ты не бойся ихъ: пусть не страшится ихъ сердце твое, потому что я посланъ на помощь тебѣ. Встань же и помолись Богу, и я буду съ тобою во все время твоего подвига.

[1]) По нашему счету—12-ый часъ дня.

Вставъ съ постели, Александръ началъ пѣть Псаломъ Давидовъ: живы́й въ по́мощи вы́шнѧгѡ въ кро́вѣ бг҃а нб҃нагѡ водворѝтсѧ, рече́тъ гдⷭ҇еви: заст҃пникъ мо́й є҆сѝ и҆ прибѣ́жище моѐ, бг҃ъ мо́й, и҆ ᲂу҆пова́ю на него̀[1]), и прочія слова Псалма того до конца. Затѣмъ, выйдя изъ дому, Александръ встрѣтилъ воиновъ, шедшихъ за нимъ; воины эти были его товарищами по полку. Увидавъ святаго Александра, всѣ они попадали на землю отъ страха, ибо лице святаго сіяло, какъ молнія. Но святый сказалъ имъ:

— Встаньте, братія! Чего вы испугались?

Воины же сказали:

— Намъ показалось, что ты былъ окруженъ Силою Божіею; потому мы и пали на землю отъ страха.

Но святый сказалъ имъ:

— Слушайте меня, братія! Богъ Неба и земли посѣтилъ раба Своего; но вы не смущайтесь: дѣлайте то, что приказано вамъ; вы вѣдь посланы затѣмъ, чтобы взять меня связаннаго и представить на допросъ царю.

Воины же сказали на это:

— Мы условились ничего не говорить тебѣ. Откуда же ты узналъ объ этомъ,—скажи намъ?

Святый отвѣчалъ:

— Не дòлжно мнѣ много говорить съ вами, такъ какъ я съ поспѣшностію стремлюсь на предлежащій мнѣ подвигъ, приготовленный мнѣ Царемъ Небеснымъ. Мнѣ придется идти изъ Рима до Византіи.

Сказавъ это, святый преклонилъ колѣна и въ такихъ словахъ помолился ко Господу:

— Господи Боже отцевъ нашихъ, хвалимый и благословляемый во вѣки! Я прошу и молю Тебя — нынѣ не отдѣли меня отъ лика праведниковъ Твоихъ, не отринь меня, грядущаго къ Тебѣ, такъ какъ ты открылъ мнѣ святое и страшное Имя Твое. Ты, Господи, Помощникъ и Заступникъ мой, пошли мнѣ Ангела Твоего, дабы онъ помогъ мнѣ и научилъ меня, что мнѣ отвѣчать предъ мучителемъ.

Послѣ того какъ святый окончилъ свою молитву, воины возложили руки на него и сковали его желѣзными узами; потомъ повели его къ императору Максиміану. Мать же святаго, по имени

---

[1]) Псал. 90, ст. 1 и 2.

Пименія, не знала еще того, что сынъ ея, Александръ, взятъ на допросъ къ царю. Былъ же святый крѣпокъ тѣломъ, ростомъ высокъ, лицемъ красивъ и юнъ, ибо имѣлъ всего только восемнадцатый годъ отъ рожденія своего. Когда святый былъ представленъ на допросъ къ царю, то Максиміанъ спросилъ его:

— Ты ли тотъ самый, который дерзнулъ оскорбить меня? Ты ли тотъ, кто не повинуется начальнику своему и не желаетъ поклониться великому богу моему Дію?

Святый отвѣчалъ на это:

— Я поклоняюсь Богу моему, пребывающему на Небесахъ, и Его Единородному Сыну, Господу Іисусу Христу, и Святому Духу. Иного бога я не знаю и не буду исповѣдовать. Поэтому не спрашивай меня о другомъ богѣ. Власти же твоей я нисколько не боюсь и не страшусь, не боюсь я ни твоихъ угрозъ, ни твоихъ мученій, которымъ ты предашь меня.

Услыхавъ это, Максиміанъ весьма разгнѣвался и сказалъ:

— Что можетъ сдѣлать тотъ Богъ, Котораго ты исповѣдуешь?

Отвѣчалъ святый:

— Богъ мой есть Богъ невидимый и Всемогущій, такъ что нѣтъ ничего, что не было бы возможно Богу моему.

Максиміанъ сказалъ на это:

— Можетъ ли быть богомъ тотъ, кто былъ распятъ людьми и умеръ, будучи умерщвленъ?

Святый отвѣчалъ:

— Умолкни, сатана, потому что ты не смѣешь своими скверными устами поминать Пречистое и Пресвятое Имя Господа моего Іисуса Христа, по Своей волѣ претерпѣвшаго и распятіе, и смерть! О безумный! Если ты называешь Его распятымъ и преданнымъ смерти, то почему же ты не говоришь и о томъ, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ и даровалъ жизнь многимъ мертвымъ?

Максиміанъ сказалъ:

— Я хочу пощадить юность твою, потому что вижу, что ты очень молодъ.

Но святый отвѣчалъ:

— Пожалѣй лучше себя самого и потрудись выпутаться изъ сѣти, въ которую ты вовлеченъ діаволомъ. Что же касается до меня, то я не боюсь никакихъ мученій, такъ какъ имѣю своимъ помощникомъ Бога.

Максиміанъ сказалъ:

— Я уже сказалъ, что я хотѣлъ бы пощадить тебя. Подойди же и принеси жертву; тогда ты будешь постоянно находиться въ царской палатѣ и будешь даже занимать здѣсь первое мѣсто.

Святый отвѣчалъ:

— Какому же богу ты прикажешь поклониться?

Отвѣчалъ Максиміанъ:

— Поклонись и принеси жертву великому богу Дію.

Святый, поднявши руки свои къ небу, началъ молиться такъ:

— Господи, Іисусе Христе! Не оставь меня, смиреннаго раба Твоего, помоги мнѣ, грѣшному и недостойному.

Когда онъ молился такъ, то, поднявъ очи свои на небо, увидѣлъ, что небеса отверсты; увидѣлъ онъ и Сына Божія, сидѣвшаго одесную Отца. Отъ такого видѣнія святый преисполнился великой радости духовной. Затѣмъ снова спросилъ Максиміана:

— Какому богу желаешь, чтобы я принесъ жертву?

Максиміанъ сказалъ:

— Принеси жертву великому богу Дію.

Отвѣчалъ святый:

— Развѣ ты не знаешь, что нѣкогда былъ человѣкомъ тотъ, кого ты называешь богомъ, и притомъ былъ развратнымъ и мерзкимъ человѣкомъ, ибо однажды, распалившись плотскою страстью къ женщинѣ, принялъ на себя образъ вола и своимъ волшебствомъ прельстилъ и осквернилъ женщину[1]).

Максиміанъ, услышавъ это, разсмѣялся и сказалъ:

— Это доказываетъ силу боговъ нашихъ, ибо они являются людямъ въ томъ видѣ, въ какомъ пожелаютъ сами.

Святый же сказалъ ему:

— Окаянный! Ты хвалишь скверныя и мерзкія дѣла боговъ своихъ, потому что и самъ ты уподобляешься имъ нечистыми дѣлами своими, ибо не хочешь познать Бога Истиннаго, даровавшаго тебѣ и честь, и царство.

Максиміанъ сказалъ:

— Власть царскую дали мнѣ мои боги.

Святый сказалъ:

— Я удивляюсь тебѣ, какъ ты, считая себя умнымъ, губишь себя самого, такъ какъ ты вѣруешь въ бѣсовъ и служишь идо-

[1]) Въ данномъ случаѣ святый Александръ также имѣетъ въ виду разсказы греческой миѳологіи о похожденіи боговъ.

ламъ нѣмымъ и бездушнымъ, оставивъ Бога Живаго и Безсмертнаго. Для чего ты слѣдуешь за сатаною, отцемъ твоимъ? Обратись лучше отъ тьмы къ свѣту, дабы не погибнуть тебѣ въ геенне огненной навѣки.

Тогда Максиміанъ, преисполнившись гнѣва, передалъ Александра трибуну Тиверіану, приказавъ ему мучить святаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ Максиміанъ приказалъ Тиверіану мучить не только Александра, но и всѣхъ вообще христіанъ; съ этою цѣлію онъ послалъ трибуна во Ѳракію, приказавъ ему вездѣ преслѣдовать христіанъ. Александра же приказалъ вести за собою до Византіи. Когда святый Александръ услышалъ объ этомъ, то сказалъ царю:

— Благодарю тебя, мучитель, за то, что ты хочешь сдѣлать имя мое извѣстнымъ по многимъ странамъ. Да сподобитъ меня Господь и Богъ мой претерпѣть за Имя Его святое всякія болѣзни и мученія по всѣмъ концамъ земнымъ.

Максиміанъ же приказалъ удалить святаго отъ лица своего. Трибунъ Тиверій принялъ его въ свое распоряженіе и утромъ слѣдующаго дня приказалъ, повѣсивъ святаго на мучилищномъ деревѣ, строгать тѣло его желѣзными когтями. Александръ во время мученія не испустилъ ни одного вздоха, но, поднявъ очи къ Небу, возсылалъ благодареніе Богу. Затѣмъ, снявъ святаго съ мучилищнаго дерева, трибунъ Тиверіанъ приказалъ оковать его желѣзными узами и поручилъ своимъ воинамъ вести его во Ѳракію.

Въ то время, когда святый Александръ былъ веденъ воинами во Ѳракію, Ангелъ Господень явился въ сонномъ видѣніи его матери, Пименіи, и сказалъ ей:

— Пробудись, поднимись съ постели, возьми твоихъ слугъ и животныхъ и послѣдуй за сыномъ твоимъ во Ѳракію; туда ведутъ сына твоего для того, чтобы онъ пострадалъ за Имя Христово; ты же по кончинѣ его предай погребенію честное тѣло его.

Блаженная Пименія, пробудившись, не стала печалиться и плакать, а, наоборотъ, преисполнилась великой духовной радости о сынѣ своемъ. Тотчасъ же вставши и приготовивъ все, необходимое для путешествія, съ поспѣшностію пошла она тѣмъ же путемъ, какимъ шелъ и сынъ ея. Пименія догнала Александра въ городѣ Катаргенѣ.

Войдя въ этотъ городъ, она увидала, что сынъ ея предстоялъ Тиверіану, который судилъ его. Увидавъ, затѣмъ, что Александра начали подвергать истязаніямъ и мученіямъ, и весьма возрадовав-

шись о подвигѣ возлюбленнаго сына своего, Пименія велегласно воззвала, сказавъ такъ:

— Богъ Всевышній, Пастырь добрый, да поможетъ тебѣ, сынъ мой!

Когда Тиверіанъ услышалъ ея голосъ, то спросилъ:

— Чей это голосъ?

Однако никто не могъ сказать, откуда происходилъ этотъ голосъ, такъ какъ народа, стоявшаго около мѣста того, было слишкомъ много. Затѣмъ Тиверіанъ сказалъ мученику:

— Окаянный, принеси жертву богамъ!

Святый же отвѣчалъ:

— Я согласенъ принести Богу жертву хвалы.

Мучитель сказалъ на это:

— Развѣ ты не говорилъ мнѣ, что вашъ Богъ не требуетъ Себѣ никакихъ жертвъ?

Святый отвѣчалъ:

— Дѣйствительно, Богъ мой не требуетъ тѣхъ жертвъ, которыя вы приносите своимъ идоламъ, но Онъ требуетъ жертвы въ правдѣ и святости, потому что Онъ—Богъ Святый и Праведный.

Тогда Тиверіанъ приказалъ опалять свѣчами тѣло святаго, сказавъ:

— Посмотримъ, придетъ ли Богъ его спасти его отъ моихъ рукъ?

Святый же, будучи опаляемъ, поднявъ очи свои къ Небу, сказалъ:

— Слава Тебѣ, Господи Іисусе Христе, пославшему архангела Твоего Михаила въ Вавилонъ и трехъ отроковъ отъ огня пещи избавившему[1]). Ты, Господи, избавь и меня отъ болѣзненной муки сей и посрами мучителя, дабы я вмѣстѣ съ Псалмопѣвцемъ Давидомъ могъ сказать: **проидо́хомъ сквозѣ̑ о̑гнь и҆ во́дꙋ, и҆ и҆зве́лъ є҆си́ ны въ поко́й**[2]).

Тиверіанъ, увидавъ, что огонь нисколько не вредитъ мученику, весьма устыдился и приказалъ воинамъ связать Александра и вести его за собою въ дальнѣйшій путь. Мать же святаго, увидавъ, что сынъ ея отведенъ воинами отъ мучителя, упросила воиновъ допустить ее къ свиданію съ сыномъ. Воины не воспрепятствовали ей. Святый мученикъ, увидавъ мать свою, сказалъ:

---

1) См. Кн. Прор. Дан., гл. 3.

2) Псал. 65, ст. 12.

— Хорошо сдѣлала ты, госпожа моя, что пришла сюда. Сопутствуй мнѣ до того самаго мѣста, на которомъ я окончу подвигъ свой[1]), какъ открылъ мнѣ Господь.

Нѣкоторые же изъ воиновъ говорили при этомъ:

— Блаженъ ты, Александръ, потому что велика твоя вѣра; великъ и Богъ христіанскій. Вотъ, уже какъ много мукъ принялъ ты, и однако же, нисколько не ослабѣлъ въ своемъ исповѣданіи.

Такъ говорили они во время путешествія, предпринятаго по приказанію Тиверіана.

Когда путешественники подошли къ источнику, случайно протекавшему на пути, то остановились и приступили ко вкушенію пищи. Вмѣстѣ съ тѣмъ они начали упрашивать и Александра вкусить пищи съ ними, тѣмъ болѣе что онъ уже четырнадцать дней не вкушалъ хлѣба и не пилъ воды. Святый же, замѣняя для себя пищу молитвой, преклонивъ колѣна, началъ пѣть Псаломъ: «возведо́хъ о҆́чи мои̑ въ го́ры, ѿню́дꙋже прїи́детъ по́мощь моѧ̀: по́мощь моѧ̀ ѿ гдⷭ҇а, сотво́ршагѡ не́бо и҆ зе́млю»[2]). Затѣмъ началъ молиться такъ:

«Господи Іисусе Христе, соблюди меня, агнца Твоего, непорочнымъ, дабы не возрадовался врагъ мой о мнѣ, ибо я позналъ Пресвятое Имя Твое. Не посрами меня, Владыко, предъ мучителемъ, но пошли на помощь мнѣ святаго Ангела Твоего и десницу Твою, и будь мнѣ Защитникомъ, Помощникомъ и Покровителемъ».

Когда святый окончилъ свою молитву, ему явился Ангелъ Господень и сказалъ:

— Не бойся, Александръ! Господь услышалъ молитву твою, и я посланъ отъ Бога тебѣ на помощь.

Когда Ангелъ говорилъ эти слова, воины слышали, что кто-то говорилъ Александру, но кто именно, они этого не видѣли; поэтому они весьма испугались и отъ страха и ужаса упали лицами своими на землю. Блаженный же Александръ сказалъ имъ:

— Что вы видѣли, братія, что такъ испугались?

Они же сказали:

— Мы слышали Голосъ Бога твоего, говорившаго къ тебѣ; поэтому мы и испугались и отъ страха пали на землю.

Въ то время, какъ воины говорили святому слова эти, къ мѣсту

---

1) Т. е. до города Византіи.

2) Псал. 120, ст. 1 и 2.

тому приблизился Тиверіанъ, сопровождаемый вельможами городскими. Тиверіанъ спросилъ вельможъ:

— Какъ называется мѣсто это?

Они сказали ему:

— Оно называется *Суднымъ мѣстомъ*.

Тиверіанъ сказалъ на это:

— Если это *Судное мѣсто*, то на немъ слѣдуетъ произвести судъ. Приведите же ко мнѣ христіанина Александра.

Когда святый предсталъ Тиверіану, то сей послѣдній сказалъ ему:

— Неужели ты все еще пребываешь въ своемъ безуміи и все еще не хочешь поклониться богамъ нашимъ? Я вижу, что сердце твое ожесточено; однако я весьма сожалѣю тебя и потому хочу обратить тебя къ почитанію боговъ, владыкъ всей вселенной.

Мученикъ отвѣчалъ на это:

— Нечестивый, ослѣпленный умомъ, сынъ діавола, служащій отцу своему—сатанѣ. Какъ ты можешь сожалѣть меня и быть милосердымъ для меня? Вѣдь сатана, отецъ твой, ни къ кому не милосердъ, наоборотъ, онъ хочетъ всѣхъ вовлечь въ геенну огненную и погубить вмѣстѣ съ собою.

Тиверіанъ сказалъ:

— О злой и нераскаянный! Какъ ты осмѣливаешься такъ говорить мнѣ? Развѣ я равенъ тебѣ, что ты говоришь мнѣ такія дерзости? Не за то ли ты безчестишь меня, что я щажу тебя? Но не слѣдовало бы тебѣ еще болѣе почитать и уважать меня за мою благость и милосердіе, а не поносить меня бранными словами!

Святый отвѣчалъ:

— Воистину, ты подобенъ отцу твоему сатанѣ, такъ какъ имѣешь сердце ожесточенное, какъ какой-либо твердый камень. Не понимаешь ли ты того, что мѣсто это называется *Суднымъ?* А это очевидно показываетъ, что тебя въ скоромъ времени постигнетъ праведный судъ Бога, Который будетъ судить всѣхъ, живыхъ и мертвыхъ, и Который воздастъ каждому по дѣламъ его. Вотъ тогда ты и узнаешь, что я говорилъ тебѣ Истину. Богъ будетъ судить тебя за то, что ты безъ милосердія мучаешь меня. Онъ знаетъ, сколь люто и незаслуженно ты мучаешь меня. Но знай, что муки эти принесутъ мнѣ славу, тебѣ же приготовятъ погибель вѣчную.

Слыша такія слова, Тиверіанъ распалился еще большею яростію и приказалъ разстелить по землѣ желѣзныя колючки и влачить по нимъ мученика. Святый же во время столь лютаго мученія молчалъ, какъ будто совершенно не ощущалъ никакой боли. Видя, что мученія не достигаютъ цѣли, Тиверіанъ еще болѣе разгнѣвался и приказалъ четыремъ воинамъ бить святаго суковатыми палками. Во время мученія святый, принимая побои, сказалъ Тиверіану:

— О нечестивый! Только эти муки ты изобрѣлъ для меня? Прибавь другія, болѣе тяжкія, потому что отъ этихъ мукъ я совершенно не чувствую никакой боли, ибо мнѣ помогаетъ Христосъ, Богъ мой.

Тиверіанъ сказалъ на это:

— Я разрублю тѣло твое на части, брошу ихъ въ огонь, развѣю въ пепелъ, такъ что на землѣ не останется и памяти о тебѣ. Тогда я посмотрю, придетъ ли Христосъ на помощь тебѣ и спасетъ ли тебя изъ рукъ моихъ.

Отвѣчалъ святый:

— Христосъ мой тотчасъ же погубитъ тебя. Твое тѣло будетъ раздроблено на части и твои кости будутъ раскиданы по землѣ; ты болѣе уже не увидишь Рима, какъ не увидишь и лица твоего нечестиваго императора, потому что Господь потребитъ память о тебѣ съ земли. И все это будетъ тебѣ въ наказаніе за то, что ты не позналъ Бога Истиннаго и не почтилъ, окаянный, Того, Кто далъ тебѣ эту честь и эту власть. Но если бы ты позналъ Бога, то ты могъ бы стяжать себѣ на Небѣ жизнь вѣчную; нынѣ же ты, оставивъ Бога Истиннаго, возлюбилъ сердцемъ своимъ отца своего, сатану; вмѣстѣ съ нимъ ты будешь вверженъ въ геенну огненную. Я же всегда буду прославлять Владыку и Спасителя моего, Господа Іисуса Христа, Который избавитъ меня отъ рукъ твоихъ и сподобитъ меня благодати Своей въ Царствѣ Своемъ вѣчномъ.

Услыхавъ такія слова, мучитель измѣнился въ лицѣ своемъ отъ гнѣва и ярости. Однако приказалъ прекратить мученія.

Между тѣмъ день склонился къ вечеру. Когда наступила ночь, Тиверіанъ расположился на ночлегъ въ томъ мѣстѣ. Уснувши, онъ увидалъ въ сонномъ видѣніи Ангела Божія, явившагося ему въ грозномъ видѣ съ мечомъ въ рукахъ. Ангелъ сказалъ ему:

— Нечестивый! Вотъ, я пришелъ къ тебѣ, ибо ты предалъ

лютымъ мукамъ раба Божія Александра. Знай, что я могъ бы поразить тебя вотъ этимъ мечомъ. Но я подожду еще нѣкоторое время. Пробудившись, иди съ поспѣшностію чрезъ Иллирію въ Византію, ибо приблизилось время кончины раба Божія Александра.

Тиверіанъ отъ страха пробудился. Отъ ужаса онъ трепеталъ всѣмъ тѣломъ своимъ. Подозвавъ къ себѣ своихъ совѣтниковъ, сопутствовавшихъ ему, онъ пересказалъ имъ о своемъ видѣніи. Они же сказали ему:

— Мы давно уже хотѣли сказать тебѣ, чтобы ты не мучилъ столь люто и несправедливо человѣка того. Но мы не осмѣливались этого сдѣлать. Мы слышали, что великъ Богъ христіанскій и что Онъ осуждаетъ на вѣчныя мученія въ огнѣ неугасимомъ тѣхъ, кто мучаетъ рабовъ Его.

Послѣ этихъ словъ Тиверіанъ пришелъ еще въ бо́льшій страхъ и ужасъ и тотчасъ же приказалъ воинамъ своимъ вести мученика впередъ. Самъ же пошелъ сзади него. Тиверіанъ проходилъ мимо многихъ городовъ, однако не заходилъ и не останавливался въ нихъ, такъ какъ, согласно повелѣнію Ангела, весьма спѣшилъ въ Византію. То сонное видѣніе еще много дней не выходило изъ головы его; поэтому Тиверіанъ былъ въ большомъ страхѣ и не осмѣливался причинять мученій святому Александру.

Когда Тиверіанъ проходилъ черезъ Иллирію и приблизился къ городу Сардикіи, навстрѣчу ему вышелъ градоначальникъ и вельможи городскіе; но Тиверіанъ не вошелъ въ городъ, а прошелъ мимо него. Бывшіе же въ городѣ томъ христіане, услыхавъ, что трибунъ Тиверіанъ, шедшій изъ Рима, велъ съ собою мученика, вышли изъ города, но не для того, чтобы встрѣтить трибуна, а для того, чтобы видѣть мученика. Увидавъ, что мученикъ шелъ отдѣльно, христіане подошли къ нему и, припавъ къ ногамъ его, сказали:

— Помолись о насъ Богу, страдалецъ Христовъ!

Онъ же сказалъ имъ:

— Молитесь и вы за меня, братія, дабы я совершилъ до конца подвигъ свой о Христѣ Іисусѣ и сподобился воспріять обѣщанный мнѣ вѣнецъ изъ Его святой десницы.

Затѣмъ мученикъ былъ поведенъ воинами въ дальнѣйшій путь. Миновавъ городъ Клисуру, путешественники приближались къ мѣсту, называвшемуся Вономасійскимъ полчищемъ, отстоявшему

отъ Филиппополя за сорокъ поприщъ, гдѣ и остановились. Тиверіанъ къ этому времени уже началъ забывать то страшное видѣніе, которое онъ имѣлъ относительно мученика Александра. Позвавъ святаго къ себѣ на допросъ, онъ спросилъ его:

— Неужели, Александръ, ты до сихъ поръ все еще пребываешь въ безуміи своемъ? Не желаешь ли принести жертву милосерднымъ богамъ нашимъ Дію и Асклипію[1]), владѣющимъ вселенной?

Святый отвѣчалъ:

— Ослѣпленный умомъ сынъ сатаны! Что еще желаешь ты слышать отъ меня? Вѣдь я сказалъ тебѣ, что бѣсамъ я не принесу жертвы.

Тиверіанъ сказалъ:

— Нѣтъ, я и не убѣждаю тебя принести жертву бѣсамъ; я прошу тебя только принести жертву Дію и Асклипію — нашимъ великимъ богамъ.

Святый отвѣчалъ:

— Безумный! Неужели ты не понимаешь того, что твой Дій и Асклипій суть бѣсы?

Тиверіанъ сказалъ:

— Нѣтъ, они боги мои. И вотъ, я сдѣлаю такъ, что имя твое будутъ поносить по всей землѣ за такое столь великое поруганіе и меня, и боговъ моихъ.

Святый отвѣчалъ:

— Я самъ желаю того, чтобы Имя Христово черезъ меня прославилось по всей землѣ.

Тогда Тиверіанъ сказалъ воинамъ, предстоявшимъ ему:

— Уведите его отъ лица моего, ибо я не могу выносить его поруганій. Ведите его въ Филиппополь и заключите его тамъ въ темницу. Держите его въ темницѣ до тѣхъ поръ, пока я не приду въ городъ тотъ.

Мученикъ, согласно приказанію Тиверіана, былъ приведенъ воинами въ Филиппополь и заключенъ здѣсь въ темницу.

Между тѣмъ, граждане города того, узнавъ, что въ ихъ городъ скоро прибудетъ Тиверіанъ, вышли навстрѣчу ему. Войдя въ городъ, Тиверіанъ готовился къ принесенію жертвы Дію и Асклипію. Христіане же, проживавшіе въ городѣ томъ, узнавъ, что въ ихъ городѣ въ темницѣ находится святой мученикъ Александръ,

---

[1]) *Асклипій* считался у древнихъ Грековъ богомъ врачеванія.

подошли къ темницѣ и стали упрашивать темничнаго сторожа пропустить ихъ въ темницу, дабы они могли видѣть мученика Христова. Сторожъ не препятствовалъ имъ, потому что и самъ боялся Бога. Войдя внутрь темницы и увидавъ, что святый былъ заключенъ въ оковы, христіане припали къ ногамъ его и цѣловали узы его, говоря:

— Благослови насъ, страстотерпецъ Христовъ, благослови также и отечество наше, ибо мы—христіане; мы проживаемъ въ городѣ этомъ, одержимые всегда великимъ страхомъ, ибо игемонъ города этого постоянно разыскиваетъ насъ, дабы муками отвратить насъ отъ Христа. Однако онъ до сихъ поръ не могъ отвратить насъ отъ исповѣданія Имени Христова. По благодати Божіей насъ здѣсь много; въ числѣ насъ, христіанъ, есть даже наиболѣе славные и именитые здѣшніе граждане. Мы надѣемся, что сила Христова побѣдитъ нечестивую вѣру еллинскую и въ концѣ концовъ весь городъ нашъ единогласно будетъ прославлять Имя Христово. Ты же, страдалецъ Христовъ, претерпи до конца подвигъ свой за Христа.

Между тѣмъ, Тиверіанъ, принося идоламъ свою мерзкую жертву, вспомнилъ объ Александрѣ, содержавшемся въ темницѣ, и сказалъ вельможамъ городскимъ:

— Вы должны знать, что я имѣю съ собою христіанина, преданнаго мнѣ для испытанія; я принуждалъ его различными муками къ поклоненію богамъ нашимъ, но нисколько не успѣлъ въ этомъ. На мои вопросы онъ отвѣчаетъ очень грубо и постоянно поноситъ и меня, и боговъ нашихъ. Пусть его приведутъ сюда. Быть можетъ, онъ устыдится всѣхъ васъ, здѣсь присутствующихъ, и принесетъ жертву богамъ.

Тотчасъ былъ приведенъ Александръ. Тиверіанъ, сидя рядомъ съ игемономъ, сказалъ мученику:

— Скажи мнѣ, Александръ: ты все еще до сихъ поръ не соглашаешься приносить жертвъ богамъ нашимъ? Вотъ, всѣ христіане, проживающіе въ этомъ городѣ, уже поклонились Дію и Асклипію, только ты одинъ противишься намъ.

Святый же отвѣчалъ:

— Ты лжешь, окаянный, какъ и отецъ твой — сатана: ни одинъ изъ здѣшнихъ христіанъ не исполнилъ еще вашего нечестиваго приказанія. Что же касается меня, то ты все равно отъ меня ничего не услышишь, кромѣ того, что я тебѣ сказалъ уже раньше,

а именно, что я — христіанинъ и что я не принесу жертвы скверным бѣсамъ вашимъ. Вотъ, и теперь опять я во всеуслышаніе всѣхъ, здѣсь собравшихся, повторяю, что я рабъ Бога Небеснаго и что я никогда не отрекусь отъ Христа, Бога моего.

Тиверіанъ, устыдясь, сказалъ воинамъ:

— Связавъ его желѣзными оковами, ведите предо мною; я же въ скоромъ времени пойду за вами.

И веденъ былъ святый въ дальнѣйшій путь.

Подойдя къ одному источнику, называвшемуся Сирміемъ, мученикъ умылъ лице и руки свои. Затѣмъ, обратясь къ востоку, началъ молиться, говоря:

— Благодарю Тебя, Господи Боже мой, за то, что Ты въ Филиппополѣ сподобилъ меня исповѣдать Пресвятое Имя Твое.

Воины же не дали ему еще помолиться и принудили его продолжать путь.

Когда дошли до мѣста, называвшагося *Полчищное* (здѣсь бывали празднества языческія), Тиверіанъ догналъ путниковъ. Подозвавъ къ себѣ Александра, Тиверіанъ сказалъ ему:

— Развѣ ты не знаешь, Александръ, что я съ кротостію говорилъ тебѣ предъ игемономъ, увѣщевая тебя принести жертву богамъ нашимъ; но ты, въ присутствіи столь избраннаго общества, презрѣлъ мою просьбу. Въ такомъ случаѣ хоть теперь исполни приказаніе мое, и я освобожу тебя отъ мученій.

Отвѣчалъ святый:

— То, что я сказалъ тебѣ предъ игемономъ, скажу и на всякомъ мѣстѣ. Поэтому ты, сынъ сатаны, обольщенный діаволомъ, не думай, что отвратишь когда-либо меня отъ исповѣданія Имени Христова.

Тогда Тиверіанъ приказалъ воинамъ вбить въ землю четыре кола и, растянувъ мученика въ четыре стороны, велѣлъ привязать его къ тѣмъ коламъ и дать ему двѣсти ударовъ. Мученикъ же, съ безмолвіемъ принимая наносимыя ему раны, молился ко Господу Богу своему. Въ это время съ Неба послышался Голосъ, говорившій:

— Мужайся, Александръ, и не бойся мученій, ибо они временны и скоропреходящи. Я же всегда съ тобою.

Услыхавъ Голосъ съ Неба, Тиверіанъ весьма убоялся, тотчасъ же приказалъ прекратить мученія и затѣмъ отправился въ дальнѣйшій путь. Дойдя до города, называвшагося Карасура и на-

ходившагося между Филиппополемъ и Вереею, Тиверіанъ вошелъ въ него; воины же не вошли въ городъ вмѣстѣ съ Тиверіаномъ, но остановились подъ тѣнью деревъ вблизи города. Былъ шестой часъ дня[1]). Такъ какъ было очень жарко, то святый сказалъ воинамъ:

— Братія, я очень хочу пить.

Но они ему отвѣчали:

— И мы сами весьма хотимъ пить, но откуда же мы достанемъ здѣсь воду?

Святый сказалъ имъ:

— Подождите здѣсь немного, ибо можетъ Богъ и на мѣстѣ семъ дать намъ воду.

Сказавъ это, святый преклонилъ колѣна свои и помолился ко Господу такими словами:

«Господи Іисусе Христе, изведшій нѣкогда въ пустынѣ изъ камня воду жаждавшему Израилю[2]), призри и нынѣ милостивно на раба Твоего и дай намъ на мѣстѣ семъ воду, чтобы могъ утолить жажду я и всѣ тѣ, которые находятся со мною. Черезъ сіе будетъ прославлено Святое Имя Твое».

Когда святый помолился такъ, вдругъ земля разступилась и подъ дубомъ истекъ источникъ воды чистой и прохладной. Увидавъ такое чудо, воины сказали:

— Воистину великъ Богъ христіанскій, исполняющій просьбы вѣрныхъ рабовъ Своихъ.

Затѣмъ мученикъ и воины тѣ вкусили воды отъ источника и прославили Христа Бога.

Пройдя, затѣмъ, достаточно значительный путь, воины подошли къ одной рѣкѣ, называвшейся Арзономъ. Такъ какъ всѣ утомились отъ долгаго пути, то расположились здѣсь на отдыхъ. Сѣлъ отдыхать и Александръ. Здѣсь догналъ воиновъ Тиверіанъ и, увидавъ, что мученикъ сидѣлъ, съ гнѣвомъ сказалъ воинамъ:

— Почему вы, окаянные, позволяете сидѣть нечестивому человѣку тому?

Затѣмъ, поднявшись, пошли по направленію къ городу Вереи. Когда приближались къ этому городу, граждане съ честію встрѣтили Тиверіана. Въ городѣ этомъ было очень много христіанъ,— больше половины, однако они, боясь мученій отъ язычниковъ, въ

---

1) См. стр. 445-ую, примѣч. 1-е.

2) Кн. Исх., гл. 17, ст. 1—7.

тайнѣ содержали исповѣданіе Имени Христова. Увидавъ мученика Христова, шедшаго отдѣльно отъ трибуна, они подошли къ нему и сказали:

— Радуйся, страстотерпецъ Христовъ! Мужайся и крѣпись, потому что нечестивые мучители никогда не побѣдятъ всемогущей силы Господа нашего Іисуса Христа.

Между тѣмъ Тиверіанъ, подозвавъ къ себѣ мученика, сказалъ ему:

— Послушай меня, Александръ, какъ своего родного отца: принеси теперь жертву богамъ нашимъ вмѣстѣ со мною. Если ты сдѣлаешь это, то, обѣщаю тебѣ предъ всѣми, здѣсь присутствующими, что освобожу тебя, и если ты пожелаешь,—можешь занять мѣсто начальника въ моемъ полку; если же не пожелаешь быть начальникомъ полка, то пойдешь, куда пожелаешь.

Святый же, улыбнувшись, сказалъ ему:

— О, если бы ты зналъ, какъ горько для меня то утѣшеніе, которымъ ты меня утѣшаешь! Ибо сіи слова твои наносятъ душѣ моей великое мученіе. Но Богъ поможетъ мнѣ не слушать твоего совѣта. Я тебѣ уже много разъ говорилъ раньше, и теперь говорю и еще разъ повторю, что я—христіанинъ и твоимъ бѣсамъ не принесу жертвы.

И пошелъ Тиверіанъ оттуда далѣе. Мученикъ слѣдовалъ за нимъ, будучи окованъ узами желѣзными. Пришли къ другому мѣсту, расположенному на берегу той же рѣки Арзона. Мѣсто это отстояло отъ Вереи на четырнадцать поприщъ. Здѣсь было много гостинницъ и страннопріимныхъ домовъ. Тиверіанъ заночевалъ здѣсь, ожидая мученика, котораго сопровождало отъ города Вереи много христіанъ.

Когда воины прибыли вмѣстѣ съ мученикомъ къ тому мѣсту, на которомъ былъ Тиверіанъ, то мученикъ сталъ просить у Тиверіана позволенія помолиться въ продолженіе небольшого времени Богу своему. Тиверіанъ дозволилъ ему. Святый, увидавъ поблизости большое орѣховое дерево, подошелъ къ нему и, ставъ подъ его вѣтвями, преклонилъ колѣна, молясь Богу въ такихъ словахъ:

«Господи Іисусе Христе! Пошли святаго Ангела Твоего и возьми душу мою, ибо я болѣе не могу выносить мученій, такъ какъ тѣло мое изнемогло».

Тиверіанъ, увидавъ, что мученикъ молится, сказалъ воинамъ:

— Удивляюсь, откуда Александръ научился волшебнымъ мо-

литвамъ? Онъ выросъ вѣдь на моихъ глазахъ. Я самъ опредѣлилъ его въ санъ воина и никакъ не могъ предполагать, что онъ знаетъ волшебство.

Затѣмъ, призвавъ къ себѣ Александра, сказалъ ему:

— Александръ, принеси жертву богамъ!

Святый отвѣчалъ:

— Воистину ты помраченъ умомъ, ибо снова желаешь слышать отъ меня то, что я тебѣ говорилъ уже много разъ.

Послѣ этихъ словъ святаго Тиверіанъ приказалъ слугамъ своимъ поливать спину мученика кипящимъ масломъ. Но Ангелъ Господень, невидимо явившись близъ мученика, разбилъ сосудъ, въ которомъ было масло; при этомъ масло возлилось на слугъ мучителя и сильно обожгло ихъ. Тиверіанъ же, увидавъ, что масломъ обожженъ не мученикъ, а его слуги, весьма разгнѣвался и приказалъ четыремъ воинамъ растянуть мученика подъ орѣховымъ деревомъ и бить его палками безъ милосердія. Біеніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока изнемогли воины. Когда мучители прекратили біеніе, святый Александръ сказалъ:

— Владыко Господи! Благослови дерево это и дай ему цѣлебную силу, ибо я пострадалъ подъ нимъ за Святое Имя Твое.

Съ того времени плоды и листья дерева возъимѣли цѣлебную силу и исцѣляли вѣровавшихъ отъ многоразличныхъ болѣзней и недуговъ.

Затѣмъ снова воины повели мученика въ путь, идя предъ Тиверіаномъ. Когда прошли Андріанополь, то приблизились къ одному мѣсту, называвшемуся Вуртодексіонъ. Здѣсь святый встрѣтилъ мать свою, блаженную Пименію, прибывшую сюда ранѣе мученика. Увидавъ своего возлюбленнаго сына, она пала къ ногамъ его, плача и рыдая. Затѣмъ, поднявшись, облобызала его. И сказалъ ей святый:

— Не плачь, мать моя, ибо я надѣюсь на Господа моего, что Онъ утромъ слѣдующаго дня поможетъ мнѣ окончить подвигъ мой.

Здѣсь догналъ воиновъ Тиверіанъ. Такъ какъ день склонялся уже къ вечеру, то Тиверіанъ здѣсь остановился на ночлегъ и предался сну. Въ восьмой часъ ночи[1]) онъ поднялся съ ложа своего и пришелъ къ рѣкѣ, называвшейся Зіонкелъ, гдѣ была гостинница. Солнце уже взошло. Отдохнувъ здѣсь нѣсколько отъ пути, Тиверіанъ сказалъ мученику:

---

[1]) На нашъ счетъ—въ 2 часа ночи.

— Я тебя предавалъ уже многимъ мукамъ, и однако ты не хотѣлъ обратиться къ почитанію боговъ моихъ. Знай же, что нынѣ я предамъ тебя смерти, если ты не исполнишь моего приказанія.

Сказавъ такъ, Тиверіанъ удалился отъ того мѣста. Приближаясь къ Византіи и подойдя къ городу Дризиперу, расположенному при рѣкѣ Еригонѣ, Тиверіанъ рѣшилъ произвести здѣсь окончательный судъ надъ мученикомъ и сказалъ ему:

— Вотъ, смерть твоя, Александръ, предъ тобою. Что ты скажешь: принесешь ли жертву богамъ нашимъ, или нѣтъ. Вотъ, я здѣсь умерщвлю тебя и брошу твое тѣло въ рѣку, чтобы его пожрали рыбы.

Святый же отвѣчалъ ему:

— Я бы весьма возблагодарилъ тебя, если бы ты сдѣлалъ то, что говорилъ; тогда бы я скорѣе избавился отъ рукъ твоихъ. Богамъ же твоимъ мерзкимъ я ни въ какомъ случаѣ не принесу жертвы, хотя бы ты могъ погубить меня и тысячами смертей.

Тогда мучитель приговорилъ Александра къ смерти и передалъ его воинамъ, приказавъ отсѣчь ему голову и бросить тѣло его въ рѣку. Затѣмъ отправился въ дальнѣйшій путь; воины же остались здѣсь для того, чтобы исполнить приказаніе Тиверіана. Сюда стеклось весьма много народа, желавшаго видѣть кончину мученика Христова; было здѣсь немало и христіанъ. Святый мученикъ, обратившись къ палачу, попросилъ его нѣсколько повременить усѣченіемъ и дать ему помолиться; при этомъ мученикъ попросилъ воды. Нѣкто изъ народа, пришедшаго посмотрѣть на зрѣлище то, взявъ сосудъ, зачерпнулъ воды изъ рѣки и принесъ ее къ мученику. Святый же, умывъ водою лице и руки свои, обратился къ востоку; затѣмъ, оградивъ себя честнымъ знаменіемъ креста, началъ молиться, говоря такъ:

— Слава Тебѣ, Боже отцевъ нашихъ! Слава Тебѣ, Богъ Авраамовъ, Исааковъ и Іаковлевъ! Слава Тебѣ, Котораго трепещетъ вся тварь и Которому все поклоняется, ибо Ты—Творецъ Неба и земли! Тебѣ, Богу всѣхъ, Богу невидимому и нетлѣнному, со страхомъ предстоятъ Серафимы, не смѣя воззрѣть на Тебя и восклицаютъ непрестанно: **свѧ́тъ, свѧ́тъ, свѧ́тъ гдⷭ҇ь саваѡ́ѳъ, и҆спо́лнь нб҃о и҆ землѧ̀ сла́вы твоеѧ̀**[1]). Тебя благословляетъ Солнце, обходящее небо, благословляетъ земля и все, что на ней, люди

[1]) Кн. Прор. Исаіи, гл. 6, ст. 3.

и животныя, всякое дыханіе жизненное воспѣваетъ Тебя, ибо Ты—Единый Богъ Истинный, Отецъ, и Сынъ, и Святый Духъ, пребывающій вѣчно. Вспомни о боящихся Тебя, Владыко, и о возсылающихъ благодареніе всесвятому Имени Твоему. Не презри и меня, раба Твоего, смиреннаго и недостойнаго, Человѣколюбче Господи.

Затѣмъ, обратившись къ христіанамъ, святый сказалъ:

— Братія и отцы! Вспоминайте труды мои, ибо я не полѣнился пострадать ради Имени Господа нашего Іисуса Христа, дабы Онъ былъ милосердъ ко мнѣ и ко всѣмъ прочимъ христіанамъ. Знайте, что тотъ долгій путь, который я совершилъ отъ Рима до этого мѣста, всюду связываемый узами и облагаемый веригами, влекомый съ побоями, всячески мучимый,—этотъ тяжелый путь я совершилъ не своею силой, но помощію Господа нашего Іисуса Христа. Силою Господа Іисуса Христа я побѣдилъ и мучителя Тиверіана, и помощника его—діавола. Вотъ, я нынѣ ухожу отсюда, чтобы предстать Владыкѣ моему. Вы же помолитесь обо мнѣ, дабы я снискалъ себѣ отъ Господа милость.

Затѣмъ святый попросилъ палача подождать еще непродолжительное время и, преклонивъ колѣна, началъ молиться Богу въ такихъ словахъ:

— Господи Іисусе Христе! Услышь раба Твоего, страдающаго за Имя Святое Твое! Ниспосли благодать тѣлу моему; сдѣлай такъ, чтобы оно, гдѣ бы ни было положено, подавало всюду исцѣленія больнымъ во славу Пресвятаго Имени Твоего.

Тотчасъ же послышался Голосъ съ Неба, обѣщавшій исполнить просьбу мученика.

Потомъ мученикъ сказалъ воинамъ:

— Братія! Исполняйте же поскорѣе то, что повелѣно вамъ!

Палачъ же, по имени Целестинъ, сказалъ святому:

— Мученикъ Христовъ! Помолись Богу своему, дабы не поставилъ Онъ этого мнѣ во грѣхъ, ибо мнѣ приказано убить тебя.

Сказалъ ему святый:

— Дѣлай такъ не по своей волѣ, но по приказанію другихъ. Тотъ будетъ имѣть грѣхъ на себѣ, кто приказывалъ, ты же поскорѣе сдѣлай то, что повелѣно, ибо я спѣшу отойти ко Господу моему.

Целестинъ завязалъ глаза святому чистымъ полотенцемъ и, вынувъ мечъ изъ ноженъ, уже хотѣлъ нанести ударъ мученику. Но,

увидавъ святыхъ Ангеловъ, пришедшихъ взять душу мученика, весьма испугался и стоялъ, не зная, что дѣлать. Святый же, ожидая въ скоромъ времени усѣкновенія головы своей, сказалъ палачу:

— Дѣлай, братъ, то, что тебѣ повелѣно.

Но палачъ отвѣчалъ:

— Я боюсь, рабъ Божій, ибо я вижу нѣкихъ дивныхъ мужей, стоящихъ близъ тебя.

Тогда святый воззвалъ къ Богу, говоря такъ:

— Господи, Іисусе Христе! Сподоби меня скончать подвигъ свой въ часъ сей!

Послѣ этого Ангелы отошли отъ святаго на небольшое разстояніе. Тогда палачъ Целестинъ отсѣкъ честную главу мученика, и тотчасъ святая душа его была взята на Небо ангельскими руками; Ангелы возносили ее на Небо во гласѣ хваленія Бога. Гласъ тотъ ангельскій былъ слышенъ всѣми христіанами, стоявшими близъ мѣста того.

Такъ святый мученикъ Христовъ Александръ окончилъ подвигъ страданія своего[1]), тѣло же его честное было брошено воинами Тиверіановыми въ рѣку, согласно приказанію мучителя. Но, по Божію усмотрѣнію, честное тѣло мученика было извлечено изъ воды четырьмя псами на берегъ. Псы лизали святое тѣло и, сидя близъ него, охраняли его отъ хищныхъ птицъ и звѣрей. Когда же къ этому мѣсту пришла мать мученика, блаженная Пименія, то она взяла многострадальное тѣло сына своего возлюбленнаго и, помазавъ его ароматами и обвивъ чистою плащаницей, похоронила съ честію при рѣкѣ Еригонѣ. Отъ гроба мученика всѣмъ, съ вѣрою притекавшимъ, подавались неоскудныя исцѣленія.

Въ скоромъ времени святый мученикъ явился матери своей въ видѣніи, утѣшилъ ее и возвѣстилъ ей, что скоро и она преставится Лицу Божію. Съ нею сей святый мученикъ предстоитъ нынѣ предъ Престоломъ славы Божіей въ сонмѣ прочихъ святыхъ мучениковъ, молитъ о насъ Господа Человѣколюбца и славитъ Отца, и Сына, и Святаго Духа — Единаго Бога въ Троицѣ, прославляемаго и восхваляемаго всею тварью, видимою и невидимою, нынѣ, и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1]) Кончина святаго мученика Александра послѣдовала въ кон. III-го в. или въ нач. IV-го в.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ПАВСИКАКІЯ,

епископа Синадскаго

Родиной блаженнаго Павсикакія былъ городъ Апамея[1]), и онъ происходилъ отъ знатныхъ, благородныхъ и усердныхъ въ истинномъ христіанскомъ благочестіи родителей. Во время своего воспитанія, будучи еще въ юномъ возрастѣ, онъ предался строгому посту, молитвѣ и другимъ суровымъ подвигамъ, почему и принялъ впослѣдствіи иночество. Питаясь только небольшимъ количествомъ хлѣба и водою и достигши чрезъ молитву дара врачеванія, онъ исцѣлялъ тѣлесные, а вмѣстѣ съ тѣмъ и душевные недуги. Такъ, вступивъ въ брань съ бѣсами, онъ заочно изгонялъ ихъ изъ бѣсноватыхъ, возвращалъ зрѣніе слѣпымъ, выпрямлялъ скорченныхъ и совершалъ другія дивныя чудеса. Когда объ этомъ распространилась молва, то онъ сталъ извѣстенъ и Константинопольскому архіепископу, блаженному Киріаку[2]), который, совершивъ надъ нимъ епископское рукоположеніе, назначилъ его епископомъ Синадской церкви[3]).

Ставъ епископомъ, святый Павсикакій немедленно же пращею[4]) слова изгналъ изъ своей паствы церковныхъ волковъ[5]) и, какъ зараженные члены тѣла, словеснымъ мечомъ своимъ изрубилъ и повыбрасывалъ ихъ вонъ, чтобы они не причинили какого-либо вреда и здоровымъ членамъ. Заботясь такъ ревностно о своей паствѣ и тѣмъ содѣйствуя ей въ дѣлѣ спасенія, преподобный совершилъ путешествіе въ городъ Константинополь и исцѣлилъ тамъ императора Маврикія[6]) отъ недуга, которымъ онъ былъ тогда одержимъ, за что императоръ съ золотою печатью послалъ

---

1) *Городъ Апамея* находился въ юго-западной Сиріи при рѣкѣ Оронтѣ. Этотъ городъ былъ въ древности главнымъ городомъ Сирійской области Апамены и получилъ свое названіе отъ Апамы, супруги Селевка I, правителя Сиріи.

2) *Киріакъ* былъ патріархомъ въ Константинополѣ съ 592 г. по 606 г.

3) *Синадъ*, или *Синады*,—городъ на сѣверѣ Фригіи, нынѣ развалины близъ Ескипара—Гассафъ.

4) *Праща* —ручное орудіе для метанія камней. *Праща слова* —сила слова.

5) Подъ именемъ *церковныхъ волковъ* разумѣются еретики и вольнодумцы, а также люди, ведущіе зазорный образъ жизни и упорные въ своей развращенности.

6) *Императоръ Маврикій* управлялъ Византійской имперіей съ 589 г. по 602 г.

ему въ его городъ заслуженное имъ вознагражденіе въ количествѣ одной литры[1]) золота. Когда преподобный возвращался изъ Константинополя въ Синаду, то, находясь въ Силонѣ[2]), онъ молитвою извелъ изъ земли источникъ воды, и его спутники утолили жажду. Проживши такъ благочестиво и богоугодно и совершивши спасеніе многихъ, святый Павсикакій оставилъ эту жизнь и отошелъ къ возлюбленному имъ Господу[3]).

ПАМЯТЬ СВЯТАГО

ГЕОРГІЯ ИСПОВѢДНИКА

Святый мученикъ и исповѣдникъ Христовъ Георгій родился въ городѣ Константинополѣ. За поклоненіе честнымъ иконамъ и почитаніе ихъ онъ схваченъ былъ иконоборцами и приведенъ къ нечестивому императору Ѳеофилу[4]). Послѣдній то угрозами, то убѣжденіями сталъ принуждать его отречься отъ Христа и отъ поклоненія святымъ иконамъ, но святый не согласился на это. Возмущенный гнусными и лживыми словами мучителя, онъ сказалъ ему:

— Всякому истинному христіанину надлежитъ поклоняться честнымъ иконамъ и чтить ихъ, такъ какъ почитаніе ихъ переходитъ на Первообразъ.

За такія слова святому Георгію привязали на шею веревку и стали влачить его по улицамъ города, какъ злодѣя, потомъ заключили въ темницу и, наконецъ, отнявъ и разграбивъ все его имущество, вмѣстѣ съ женою его Ириною и дѣтьми отправили въ ссылку, гдѣ, перенесши множество бѣдствій, онъ съ радостію отошелъ ко Господу[5]).

---

1) *Литра* — мѣра вѣса, равняющаяся 72 золотникамъ.

2) *Силонъ*, или по греческому прологу *Солонъ*, по мѣстоположенію своему неизвѣстенъ.

3) Преподобный Павсикакій скончался въ 606 году.

4) Византійскій императоръ Ѳеофилъ, сынъ и преемникъ императора Михаила II, подъ вліяніемъ своего воспитателя Іоанна Грамматика съ дѣтства проникшійся сильнымъ отвращеніемъ къ иконамъ, жестоко преслѣдовалъ иконопочитателей, хотя и не предавалъ ихъ смерти. Царствовалъ съ 829 по 842 годъ.

5) Время кончины святаго Георгія неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, онъ скончался еще при Ѳеофилѣ, слѣдовательно въ концѣ первой половины IX вѣка.

День четырнадцатый

СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО МУЧЕНИКА
ИСИДОРА

Въ первый годъ царствованія императора Декія [1]) вышелъ указъ царскій по всѣмъ областямъ и странамъ имперіи Римской, предписывавшій пересчитать воиновъ и собрать ихъ въ полки. По этому случаю подъѣхали корабли воеводы Нумерія къ острову Хіосу [2]) для того, чтобы собрать здѣсь всѣхъ юношей, предназначавшихся къ военной службѣ.

Въ это время на островѣ Хіосѣ проживалъ святый Исидоръ, происходившій изъ города Александріи, крѣпкій тѣломъ и мужественный духомъ, по вѣрѣ же христіанинъ. Онъ проводилъ жизнь богоугодную, всегда подвизаясь въ постѣ и добродѣланіи; онъ былъ чуждъ суетныхъ дѣлъ и нечистыхъ удовольствій міра сего; равнымъ образомъ онъ сторонился и нечистыхъ дѣлъ еллинскихъ. Этотъ Исидоръ за свою храбрость и мужество былъ записанъ въ число воиновъ и сопричисленъ къ полку Нумеріеву.

Въ скоромъ времени отъ императора вышло новое приказаніе — принудить всѣхъ христіанъ поклоняться богамъ римскимъ; тѣхъ же, кто не поклонялся, должно было принуждать къ тому мученіями. Особенно приказано было наблюдать за воинами; если

---

1) *Декій* царствовалъ съ 249 г. по 251 г.

2) *Островъ Хіосъ* находится на Средиземномъ морѣ (въ сѣверной его части).

среди нихъ находился христіанинъ, было предписано принуждать его къ поклоненію и приношенію жертвъ идоламъ, согласно древнему римскому обычаю.

Въ это время одинъ сотникъ, по имени Іулій, подойдя къ воеводѣ Нумерію, донесъ ему, что блаженный Исидоръ былъ христіаниномъ. Воевода тотчасъ же приказалъ взять святаго. Когда святый былъ представленъ предъ судилище Нумеріана, то онъ спросилъ его:

— Какое имя твое?

— Я называюсь Исидоромъ, — сказалъ святый.

Воевода сказалъ:

— Это ты не повинуешься приказу императора нашего Декія и не хочешь приносить богамъ жертвъ?

Святый Исидоръ отвѣчалъ на это:

— Кто боги ваши, чтобы мнѣ, христіанину, принести имъ жертву? Не идолы ли они глухіе, слѣпые и ничего не чувствующіе?

Воевода сказалъ на это:

— О злой и нечестивый хулитель! Поистинѣ, ты достоинъ великихъ мученій и казни!

Ст҃ый мч҃нкъ ісі́дѡръ

Святый сказалъ:

— Дѣйствительно, я достоинъ пострадать за Имя Бога моего; ради Его Пресвятаго Имени я согласенъ принять всякое мученіе и самую смерть, дабы Владыка мой сподобилъ меня одной участи со святыми мучениками, пострадавшими за Святое Имя Его ранѣе меня. Но я вѣрую и твердо надѣюсь, что всѣ, вѣрующіе въ Него и уповающіе на Имя Святое Его, никогда не умрутъ, какъ сказалъ Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ: **вѣрꙋ́й въ мѧ̀**, если бы и умеръ, **жи́въ бꙋ́детъ во вѣ́ки** [1]).

— Принесешь ли ты, Исидоръ, — сказалъ Нумеріанъ, — жертву богамъ, если хочешь остаться живымъ, или нѣтъ?

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. 6, ст. 47 и 56.

Святый отвѣчалъ:

— Если бы ты и умертвилъ меня, то надъ душею моею у тебя нѣтъ власти. Поэтому мучь меня, какъ хочешь, ибо я имѣю Помощникомъ своимъ Истиннаго и Живаго Бога и Господа Іисуса Христа, Который и нынѣ со мною и по смерти моей со мною будетъ, и я буду съ Нимъ. Я не перестану исповѣдовать Имени Его Пресвятаго до тѣхъ поръ, пока въ моемъ тѣлѣ будетъ пребывать духъ жизни.

Воевода сказалъ:

— Ты хоть одинъ разъ принеси жертву, повинуясь приказанію царскому, а потомъ поступай, какъ хочешь.

Но святый отвѣчалъ:

— Не думай, нечестивый, что ты прельстишь меня коварствомъ своимъ. Тотъ, кто одинъ разъ отвергся отъ Христа и Бога своего, можетъ ли называться Его вѣрнымъ рабомъ? **непра́ведный въ ма́лѣ, и҆ во мно́зѣ непра́веденъ є҆́сть**[1]); но я не позволю себѣ даже въ мысли моей подумать о чемъ-либо, неугодномъ Господу.

Воевода сказалъ:

— Я совѣтую тебѣ, Исидоръ, къ твоей же пользѣ. Послушай же меня! Если же ты меня не послушаешь, то я предамъ тебя лютымъ мукамъ и буду мучить тебя до тѣхъ поръ, пока ты не исповѣдуешь величія боговъ нашихъ.

Вслѣдъ затѣмъ воевода приказалъ своимъ воинамъ растянуть святаго и бить его четыремъ воинамъ безъ милосердія.

Когда мучители били святаго, то окружавшіе его изъ народа сказали ему:

— Подчинись, Исидоръ, волѣ императора, если не желаешь окончить жизнь свою среди мученій.

Но святый отвѣчалъ:

— Я повинуюсь волѣ и приказанію Бога моего, Царя Небеснаго, пребывающаго вѣчно. Этого Бога я исповѣдую и почитаю; я не отрекусь отъ Него, и не буду отверженъ Имъ въ день суда.

Послѣ біенія мучитель долгое время соблазнялъ святаго къ идолопоклонству и ласками, и угрозами, но совершенно не имѣлъ успѣха и лишь слышалъ отъ мученика брань и укоры—какъ себѣ

---

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 16, ст. 10.

самому, такъ и богамъ своимъ. Наконецъ, преисполнившись гнѣва, сказалъ:

— Я прикажу изрѣзать твой скверный языкъ на части.

Святый отвѣчалъ:

— Хотя бы ты и изрѣзалъ языкъ мой, все равно исповѣданія Имени Христова отъ устъ моихъ ты не отнимешь.

И отрѣзанъ былъ языкъ у святаго, по приказанію мучителя. Однако святый и по отрѣзаніи языка говорилъ достаточно отчетливо, прославляя Христа, Бога Истиннаго; воевода же отъ страха палъ на землю и сдѣлался нѣмымъ. Когда его подняли съ земли, то онъ не могъ сказать ни одного слова и выражалъ свои мысли лишь маханіемъ руки. Затѣмъ, попросивъ бумагу, написалъ на ней:

«Я приказываю усѣчь мечомъ Исидора, не повинующагося указу царскому».

Когда слова эти были прочитаны мученику, то онъ съ радостію воззвалъ, говоря:

— Благодарю Тебя, Господи Іисусе Христе, за то, что Ты не лишилъ меня благодати Твоей! Славлю Тебя, Владыко мой, моя жизнь, мое дыханіе! Воспѣваю Тебя, Господи, сила моя, просвѣщеніе ума моего! Прославляю Тебя, давшаго мнѣ языкъ, которымъ я непрестанно славлю Твое величіе!

Палачъ же, взявъ мученика, повелъ его на мѣсто усѣкновенія. Святый Исидоръ шелъ съ радостію и поспѣшностію, устремляясь какъ агнецъ на закланіе свое. Затѣмъ, посмотрѣвъ на Небо свѣтлымъ лицемъ и радостными очами, святый сказалъ:

— Владыко Святый! Славлю Тебя за то, что Ты по милости Своей нынѣ примешь меня въ селенія Твои и въ мѣста упокоенія!

Придя же на мѣсто, на которомъ должно было совершиться усѣкновеніе главы мученика, святый попросилъ у палача позволенія помолиться. Затѣмъ, помолившись достаточное время, преклонилъ подъ мечъ честную главу свою[1]) и, такимъ образомъ, былъ усѣченъ за исповѣданіе Имени Іисуса Христа, Сына Божія, преклонившаго на крестѣ пречистую главу Свою за насъ, грѣшныхъ.

Послѣ усѣченія честное тѣло святаго мученика было брошено мучителями безъ погребенія, на съѣденіе псамъ и звѣрямъ. Но одинъ изъ числа друзей святаго, по имени Аммоній, тайный хри-

---

[1]) Кончина святаго мученика Исидора послѣдовала въ 250-мъ году.

стіанинъ, взявъ тѣло святаго мученика, ископалъ могилу вмѣстѣ съ прочими вѣрными братіями и положилъ честнòе тѣло Исидора въ землѣ—какъ нѣкое многоцѣнное сокровище. Этотъ христіанинъ и самъ явилъ себя подражателемъ доблестнаго подвига Исидора; плывя по проливу Геллеспонту, онъ въ Кизикѣ[1]) принялъ вѣнецъ мученическій. Честны̀я же мощи святаго Исидора были взяты впослѣдствіи изъ земли нѣкою благочестивою женщиною, по имени Миропіею[2]), пришедшею сюда изъ города Ефеса; помазавъ честны̀я мощи драгоцѣнными мазями и обвивъ чистою плащаницею, она положила ихъ на почетномъ мѣстѣ. Когда гоненіе на христіанъ прекратилось, въ честь святаго мученика Исидора была воздвигнута церковь, въ которой отъ святыхъ мощей мученика Христова подавались многоразличныя исцѣленія болящимъ, во славу Христа Бога нашего, прославляемаго во вѣки вмѣстѣ со Отцемъ, и Сыномъ, и Святымъ Духомъ. Аминь.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Оу҆пра́витель превели́кїй вселе́ннѣй ты̀ ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ ст҃е, твои́ми къ бг҃ꙋ мл҃твами: тѣ́мже воспѣва́емъ тѧ̀ дне́сь, мч҃нче бг҃омꙋ́дре, і҆сі́дѡре пресла́вне.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

СЕРАПІОНА СИНДОНИТА

Въ Египтѣ проживалъ одинъ старецъ, по имени Серапіонъ, носившій прозвище *Синдонита*[3]), такъ какъ прикрывалъ свою наготу тѣлесную только однимъ плащомъ. Съ юныхъ лѣтъ онъ проводилъ жизнь иноческую; онъ не имѣлъ никакого имѣнія, не имѣлъ даже и келліи; у него не было пристанища, и онъ проживалъ какъ птица небесная. Никогда онъ не входилъ

---

1) *Кизикъ* находился на полуостровѣ Пропонтиды (Мраморнаго моря) Арктониссѣ.

2) Память ея празднуется св. Церковію 2-го декабря.

3) Наименованіе *Синдонита* было усвоено преподобному Серапіону потому, что онъ носилъ только одинъ синдонъ (σινδών)—грубую льняную одежду.

въ домъ для того, чтобы отдыхать въ немъ или покоиться на ложѣ. Онъ носилъ на себѣ лишь одинъ небольшой плащъ и имѣлъ всего только одно небольшое Евангеліе; Серапіонъ ходилъ съ мѣста на мѣсто и останавливался ночевать тамъ, гдѣ застигала его ночь. Утромъ слѣдующаго дня, вставъ ото сна, онъ не оставался на томъ же мѣстѣ, но снова продолжалъ путешествіе свое, какъ безплотный, почему многіе и называли его *безстрастнымъ*. Много разъ его встрѣчали поблизости отъ того селенія, гдѣ онъ останавливался. Видѣли, какъ онъ, сидя при дорогѣ, плакалъ, и спрашивали его:

— О чемъ ты плачешь, старецъ?

Онъ же отвѣчалъ вопрошавшимъ:

— Господинъ мой поручилъ мнѣ Свое богатство. Но я потерялъ его, и вотъ Онъ хочетъ наказать меня.

Это говорилъ святый приточно (иносказательно.—*Ред.*), Господиномъ называя Бога, богатствомъ—душу свою, по образу Божію созданную и искупленную кровію Сына Божія.

Слышавшіе же такой отвѣтъ, не понимая сказаннаго, думали, что старецъ говоритъ о золотѣ; поэтому и кидали ему, кто что могъ,—кто хлѣбъ, кто овощи, и говорили:

— Возьми, братъ, хотя это; о богатствѣ же, которое ты потерялъ, не скорби, ибо можетъ Богъ вернуть тебѣ его.

А старецъ отвѣчалъ:

— Аминь! Аминь!

Когда же Серапіонъ прибылъ въ Александрію, то встрѣтилъ нѣкоего нищаго, совершенно нагого, дрожавшаго отъ холода. И сталъ старецъ думать про себя:

«Какъ это можетъ быть, что я, воображающій себя постникомъ и вѣрнымъ исполнителемъ заповѣдей Христовыхъ, ношу одежду, а этотъ нищій, въ образѣ котораго—Самъ Христосъ, мучается отъ холода? Какъ же я могу не пожалѣть его! Поистинѣ, если я не покрою наготу его и попущу ему умереть отъ холода, то я буду осужденъ въ день суда какъ убійца».

Затѣмъ, снявъ съ себя плащъ, Серапіонъ отдалъ его нищему, а самъ сѣлъ нагой близъ мѣста того, держа лишь на груди своей святое Евангеліе, съ которымъ никогда не разставался.

Случилось, что здѣсь проходилъ нѣкто, знавшій старца. Увидавъ Серапіона нагимъ, проходившій спросилъ его:

— Отецъ Серапіонъ! Кто обнажилъ наготу твою?

Серапіонъ же, показывая на святое Евангеліе, отвѣчалъ:

— Вотъ это открыло наготу мою.

Потомъ блаженный встрѣтилъ нѣкоего человѣка, который былъ веденъ за долгъ въ темницу. Пожалѣвъ его, но не имѣя ничего, что бы онъ могъ ему дать, преподобный продалъ Евангеліе, которое носилъ съ собою, и отдалъ вырученныя деньги, уплативъ долгъ человѣка того. Затѣмъ Серапіонъ пришелъ въ хижину, въ которой иногда пребывалъ. Ученикъ преподобнаго, увидѣвъ его нагимъ, спросилъ его:

— Гдѣ твой плащъ, честный отецъ?

Старецъ отвѣчалъ:

— Я послалъ его туда, гдѣ вмѣсто его мы найдемъ во много разъ лучшее.

Ученикъ снова сказалъ:

— А Евангеліе малое гдѣ?

Старецъ отвѣчалъ:

— Чадо, оно (Евангеліе) каждый день говорило мнѣ: **продáждь имѣніе твоѐ, и дáждь нищымъ**[1]), чтобы пріобрѣсти его въ День судный. Я послушалъ его и сдѣлалъ такъ, какъ оно совѣтовало мнѣ. Я продалъ его и вырученныя деньги отдалъ нуждающемуся, дабы пріобрѣсти себѣ милость у Бога нашего Іисуса Христа за то, что я послушалъ Его святаго Евангелія.

Спустя нѣкоторое время одинъ изъ знакомыхъ далъ преподобному старый худой плащъ, дабы онъ могъ прикрыть имъ наготу тѣла своего.

Этотъ нестяжательный старецъ пришелъ однажды въ Грецію и пробылъ въ Аѳинахъ три дня; онъ весьма хотѣлъ ѣсть, но ни отъ кого не могъ получить куска хлѣба, потому что никто ему ничего не подалъ, купить же хлѣба ему было не на что. Исполняя слова Христовы, онъ никогда не носилъ съ собою ни монетъ, ни сумы для денегъ, ни одежды[2]), за исключеніемъ лишь худаго плаща, которымъ прикрывалъ наготу свою. Въ четвертый день пребыванія въ Аѳинахъ Серапіонъ сильно взалкалъ. Ставъ на возвышенномъ мѣстѣ въ городѣ, онъ началъ плакать и громко взывать:

— Мужи аѳинскіе! Помогите мнѣ!

Къ нему подошли философы и начальники города и спросили его:

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 19, ст. 21.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 9—10.

— Откуда ты пришелъ, старецъ? И какое горе у тебя?

Онъ же отвѣчалъ:

— Я — родомъ египтянинъ. Когда я вышелъ изъ мѣста родины своей, то впалъ сразу въ три долга, именно: у меня остались два заимодавца, которымъ нечего было взять съ меня, третій же заимодавецъ не оставляетъ меня и до сихъ поръ, но истязуетъ меня, требуя съ меня долгъ свой.

Философы же спросили его:

— Кто эти заимодавцы твои и кто истязуетъ тебя? Скажи намъ, и мы тебѣ поможемъ.

Тогда старецъ сказалъ имъ:

— Съ юныхъ лѣтъ смущала меня похоть плотская, сребролюбіе и страсть къ объядѣнію; отъ двухъ я уже избавился, и они уже не смущаютъ меня, ибо я не чувствую вожделѣнія плотскаго; не имѣю я и имущества или богатства. Жажда же пищи не оставляетъ меня: вотъ уже четвертый день, какъ я ничего не имѣлъ во рту; потому жажда пищи не оставляетъ меня, смущая меня и требуя себѣ обычнаго долга.

Прпⷣбный
СЕРАПІѠНЪ

Нѣкоторые изъ философовъ подумали, что онъ ихъ обманываетъ, и дали ему золотую монету, но наблюдали издали за нимъ, что онъ будетъ дѣлать.

Старецъ же, взявъ монету, поспѣшно пошелъ къ хлѣбнымъ торговцамъ и, положивъ монету предъ ними, взялъ одинъ хлѣбъ и ушелъ оттуда, и болѣе уже не являлся въ городъ тотъ. Тогда философы убѣдились, что старецъ этотъ былъ дѣйствительно добродѣтельнымъ мужемъ. Подойдя къ хлѣбнымъ продавцамъ, они дали имъ монету соотвѣтственно стоимости хлѣба, купленнаго старцемъ, а золотую монету взяли себѣ.

Блаженный Серапіонъ, придя въ Лакедемонію[1]) и узнавъ,

[1]) *Лакедемонія*, или *Лаконія*, — юго-восточная область Пелопоннеса, граничила на сѣ-

что одинъ изъ здѣшнихъ градоначальниковъ былъ манихеемъ[1]), но проводилъ вмѣстѣ съ тѣмъ жизнь добродѣтельную,—пошелъ къ нему и продалъ себя ему въ рабы. Черезъ два года по благодати Божіей Серапіонъ убѣдилъ его отречься отъ ереси, такъ что онъ присоединился ко святой Церкви Православной со всѣмъ домомъ своимъ. Тогда всѣ возлюбили старца здѣсь не какъ вѣрнаго раба, но какъ отца родного, и весьма почитали его, радуясь о своемъ спасеніи отъ ереси, и прославляли Бога. Старецъ же, проживъ здѣсь столько времени, сколько считалъ нужнымъ для спасенія души людей тѣхъ и возвративъ имъ деньги, полученныя отъ нихъ, ушелъ оттуда, по обычаю своему, обходя многія страны и города.

Повѣствуется о семъ старцѣ и то, что онъ, когда былъ еще юношей, продалъ себя одному греку скомороху за двадцать сребренниковъ и, храня деньги эти, жилъ у грека того до тѣхъ поръ, пока не обратилъ его и весь домъ его ко Христу Богу. Случилось же это потому, что скоморохъ видѣлъ, какъ рабъ его постоянно всѣ дни проводилъ въ постѣ, вкушая хлѣбъ и воду лишь вечеромъ и то въ небольшомъ количествѣ, по ночамъ же всегда вставалъ съ постели и молился Богу со слезами. Видя все это, скоморохъ пришелъ въ умиленіе и, увѣровавъ во Христа, Бога Истиннаго, крестился, а за нимъ крестилась и жена его и весь домъ его. Послѣ этого грекъ тотъ сказалъ Серапіону:

— Иди, братъ, ибо мы хотимъ освободить тебя отъ твоего рабства, какъ ты освободилъ насъ отъ рабства діаволу.

Онъ же сказалъ имъ:

— Такъ какъ Богъ мой даровалъ вамъ спасеніе, то открою вамъ тайну мою: я не былъ рабомъ, но свободнымъ египтяниномъ; но увидавъ, что вы заблуждаетесь и близки отъ погибели, я сжалился надъ вами и по этой причинѣ продалъ себя вамъ въ рабство, дабы при помощи Божіей наставить васъ на путь спа-

---

верѣ съ Арголидой и Аркадіей, на востокѣ—съ Миртойскимъ моремъ, на югѣ—съ Лаконскимъ, или Гиѳеатскимъ, заливомъ, на западѣ—съ Мессеніей.

[1]) *Манихейство*—еретическое лжеученіе, представляющее собою смѣсь христіанскаго ученія съ началами религіи Зороастра. Основателемъ манихейства былъ Манесъ, магъ персидскій. Манесъ училъ, что отъ вѣка существуютъ два независимыхъ царства—добра и зла, которыя находятся въ постоянной борьбѣ другъ съ другомъ. Человѣкъ также, по ученію Манеса, состоитъ изъ смѣшенія двухъ элементовъ—свѣта и тьмы и имѣетъ какъ бы двѣ души—добрую и злую, которыя постоянно борются между собою. Въ жизни манихеи были весьма воздержны: они проповѣдовали безбрачіе и постоянный постъ. Манихейство было довольно сильно распространено въ III и IV вв.

сенія. Но такъ какъ вы теперь уже наставлены на этотъ путь, то возьмите обратно серебро ваше; я же пойду позабочусь о спасеніи другихъ людей.

Но они долгое время упрашивали его, говоря:

— Мы готовы почитать тебя какъ отца и господина нашего; поэтому будь отнынѣ намъ господиномъ, а мы будемъ рабами твоими. Только не уходи отъ насъ!

Однако никакъ не могли уговорить его остаться на мѣстѣ томъ. Притомъ они не хотѣли взять отъ старца сребренники и говорили ему:

— Честный отецъ, раздай это нищимъ; съ насъ же достаточно и того, что ты направилъ насъ на путь спасенія.

Но человѣкъ Божій отвѣчалъ имъ:

— Вы сами можете раздать то, что принадлежитъ вамъ; я же чужое серебро не могу раздавать нищимъ.

Они же снова стали упрашивать его, чтобы онъ хотя бы черезъ годъ посѣтилъ ихъ. Послѣ того преподобный ушелъ оттуда въ другую страну.

Однажды, встрѣтивъ корабль, отправляющійся изъ Александріи въ Римъ, Серапіонъ сѣлъ на него, желая пріѣхать въ Римъ. Корабельщики же, отплывя отъ берега, не спросили старца,—уплатилъ ли онъ слѣдуемую сумму за перевозку? Они думали другъ о другѣ, что кто-либо изъ нихъ принялъ отъ старца деньги и вещи; хотя они и видѣли, что онъ былъ въ очень бѣдномъ плащѣ, однако думали, что у него найдутся деньги для уплаты за перевозку.

Когда корабельщики отплыли отъ берега стадій около пятисотъ, то приступили вечеромъ ко вкушенію пищи. Не видя же, чтобы старецъ вкушалъ пищу, они подумали, что онъ постится въ тотъ день. То же самое видя и на другой и на третій день и не понимая, отчего старецъ не вкушалъ пищи, подумали, что онъ простудился на морѣ и страдаетъ отъ морского вѣтра. Увидавъ, что старецъ не вкушалъ пищи и на четвертый и на пятый день, спросили его:

— Человѣкъ! Почему ты ничего не ѣшь?

Онъ же отвѣчалъ имъ:

— Потому я и не ѣмъ, что мнѣ нечего ѣсть.

Поговоривъ между собою относительно того, кто принималъ въ корабль вещи человѣка того, и узнавъ, что онъ не уплатилъ

денегъ за перевозку, корабельщики начали роптать на преподобнаго, съ гнѣвомъ говоря:

— Зачѣмъ ты вошелъ сюда, не имѣя ничего съ собою? Что ты будешь здѣсь ѣсть? Чѣмъ уплатишь намъ за провозъ?

Старецъ же отвѣчалъ имъ:

— Я ничего не имѣю съ собою, кромѣ этого худого рубища, какъ это вы видите и сами. Если вы не хотите везти меня съ собою, отвезите меня назадъ и доставьте меня туда, откуда вы меня взяли.

Но корабельщики сказали старцу:

— Если бы ты давалъ намъ и сто золотыхъ монетъ за то, чтобы мы возвратились обратно для тебя одного, то и тогда мы не согласились бы на это, тѣмъ болѣе, что сейчасъ дуетъ попутный намъ вѣтеръ.

И позволили старцу быть на кораблѣ, питая его Бога ради.

Преподобный же, придя въ Римъ, обходилъ дома всѣхъ тѣхъ гражданъ, о которыхъ слышалъ, что они проводили жизнь благочестивую. Бесѣдуя съ ними, онъ получалъ для себя пользу духовную. Ради этого онъ и странствовалъ, собирая богатство духовное, дабы купить имъ себѣ блага небесныя въ покоѣ вѣчномъ. Эти блага онъ и получилъ по благодати Господа нашего Іисуса Христа, Которому возсылается слава во вѣки вѣковъ. Аминь[1]).

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

МАКСИМА

Святый мученикъ Христовъ Максимъ, имѣя въ сердцѣ своемъ ревность по Богѣ, увидѣлъ однажды, что идолопоклонники не только сами предаются служенію идоламъ, но и другихъ склоняютъ къ этому, заставляя ихъ преклоняться предъ языческимъ храмомъ. Послѣ этого онъ сталъ молиться Богу о томъ, чтобы Онъ прекратилъ гоненіе на христіанъ, и многихъ невѣрующихъ самъ крестилъ. Одинъ разъ, когда совершалось служеніе идоламъ и всѣ язычники усердно стали сходиться и приносить въ жертву

1) Кончина святаго Серапіона послѣдовала въ V-мъ вѣкѣ.

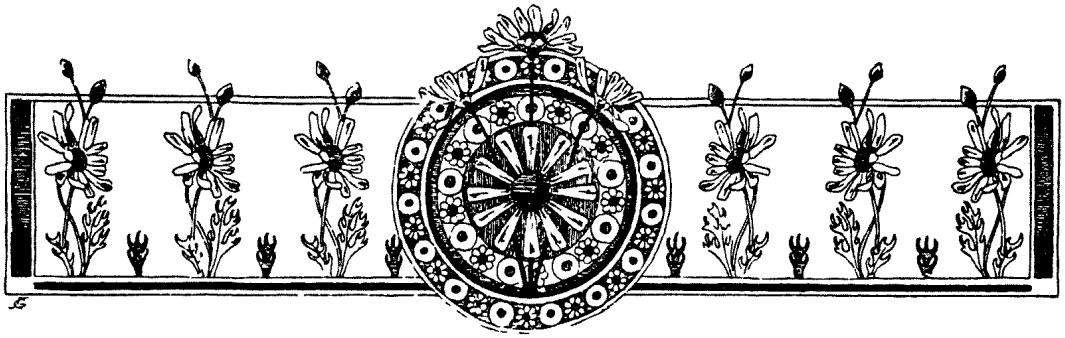
своимъ богамъ не только животныхъ, но и людей, святый мученикъ, не вынося такого зрѣлища, вошелъ въ среду идолослужителей и всенародно обличилъ ихъ, назвавъ идоловъ ихъ деревомъ и камнемъ, безсильными даже самимъ себѣ оказать помощь. Тогда язычники схватили его и сильно сперва избили, а потомъ побили его камнями. Такъ и скончался святый мученикъ[1]).

Въ тотъ же день память **святаго Исидора**, Христа ради юродиваго, **Ростовскаго** чудотворца, преставившагося въ 1474 году.

Въ тотъ же день память **преподобнаго отца нашего Никиты**, затворника Печерскаго, потомъ епископа Новгородскаго, скончавшагося въ 1108 году.

---

[1]) По мѣсяцеслову императора Василія святый мученикъ Максимъ скончался въ гоненіе Декія 14 мая 250 года.



День пятнадцатый

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ПАХОМІЯ ВЕЛИКАГО

Пахомій родился въ Верхнемъ Египтѣ—въ Ѳиваидѣ, именно въ окрестностяхъ города Эсне[1]), въ послѣднемъ десятилѣтіи третьяго вѣка[2]). Родители его были ревностные язычники. Съ христіанами онъ познакомился гораздо позднѣе, во время своей кратковременной службы въ войскѣ. Задатки чистой жизни сказались въ немъ очень рано, еще до познанія Христа.

Однажды родители поручили Пахомію отнести рабочимъ котелокъ съ говядиной. Заночевавъ по необходимости въ томъ мѣстѣ, Пахомій встрѣтилъ искушеніе. Одна изъ дочерей хозяина, дѣвушка очень красивая, убѣждала его согрѣшить съ нею. Цѣломудренный Пахомій отвѣтилъ ей строго:

— Невозможно мнѣ совершить это худое дѣло; развѣ глаза мои—глаза собаки, чтобы мнѣ согрѣшить съ моею сестрою?

---

1) Метафрастъ и потомъ св. Димитрій Ростовскій думали, что это—Оксиринхъ, славившійся благочестіемъ своихъ жителей, заключавшій въ своихъ предѣлахъ, по свидѣтельству Руфина, до десяти тысячъ дѣвственниковъ и до двадцати тысячъ дѣвственницъ. Но разсказъ новооткрытыхъ документовъ прямо указываетъ имя этого города—*Эсне*.

2) Около 295 года.

Немедленно онъ пошелъ домой. Впослѣдствіи онъ самъ разсказывалъ объ этомъ случаѣ монахамъ, убѣждая ихъ тщательно предусматривать соблазны и побѣждать искушенія.

Прп҃бный
пахѡ́мій

Святый Пахомій не былъ чуждъ книжнаго образованія. Его послѣдующая дѣятельность доказываетъ это. Притомъ родители его были люди состоятельные, а среди египтянъ была развита любовь къ просвѣщенію. Дѣтей очень рано, въ возрастѣ пяти—восьми лѣтъ, посылали въ школу. Здѣсь они учились читать и писать, причемъ преподавались имъ и правила нравственности: эти правила заключались въ самихъ прописяхъ.

Когда Пахомію исполнилось двадцать лѣтъ, онъ былъ взятъ въ войско. Въ это время у императора Константина была война съ какимъ-то «тираномъ», вѣроятно съ Максенціемъ, въ 315 году. Пахомій съ своими товарищами—новонабранными воинами отправился въ путь. Къ вечеру достигли города Эсне. Здѣсь Пахомій и его товарищи были оставлены въ зданіи темницы подъ охраной стражи. Скоро явились сюда христіане съ запасами хлѣба и всякихъ кушаньевъ и усердно просили путниковъ подкрѣпить свои силы. Когда Пахомій потомъ спрашивалъ, почему эти люди такъ заботятся о нихъ, совсѣмъ не зная ихъ,—ему отвѣчали, что это христіане и что они поступаютъ такъ ради Бога. Это оказало сильное дѣйствіе на впечатлительную душу Пахомія.

На другой день Пахомій и его спутники отправились далѣе, къ городу Антиноэ[1]). Здѣсь очень многіе молодые воины преда-

[1]) Городъ на правомъ берегу Нила, противъ Ермополя, построенный императоромъ Адріаномъ въ честь своего любимца Антиноя.

вались всякимъ утѣхамъ и чувственнымъ удовольствіямъ. Они хотѣли соблазнить и Пахомія, но онъ сталъ выше соблазна и настойчиво отвлекалъ отъ зла своихъ товарищей.

Въ это время императоръ Константинъ одержалъ побѣду надъ своими врагами и отдалъ приказъ распустить войско. Вмѣстѣ съ другими и Пахомій освободился отъ необходимости участвовать въ походѣ. Теперь для него настало время сдѣлаться христіаниномъ. Онъ пламенно желалъ служить вѣрно Христу Богу, хранить себя чистымъ отъ всякой скверны плоти и духа и дѣлать по силамъ своимъ добро ближнимъ. Обѣтъ совершенной вѣрности Христу онъ далъ еще въ заключеніи въ городѣ Эсне, пораженный милосердіемъ христіанъ.

Отпущенный на свободу, святый Пахомій отправляется теперь въ уединенное селеніе Шенеситъ (Хиновоскъ). Здѣсь онъ оглашается въ истинахъ вѣры Христовой и принимаетъ Святое Крещеніе въ здѣшней церкви. Въ окрестностяхъ селенія Шенеситъ Пахомій жилъ довольно долго. Онъ поселился здѣсь въ старинномъ, тогда уже пустомъ, храмѣ Сераписа. Надобно замѣтить, что при широкомъ распространеніи христіанства могло запустѣть много храмовъ языческихъ. Средства къ пропитанію онъ добывалъ усерднымъ трудомъ, воздѣлывая овощи и нѣсколько пальмъ. Эти овощи и плоды были пищей и для тѣхъ, кто случайно или нарочито приходилъ сюда, также и для бѣдныхъ, жившихъ въ Шенеситѣ. Пахомій преуспѣвалъ здѣсь въ любви къ ближнему. Многіе искали у него утѣшенія. Слава его распространялась и дальше Шенесита. Благочестіе, любовь къ ближнему и разсудительность Пахомія уже и въ это время привлекали къ нему многихъ на постоянное жительство. Въ это время ревность объ угожденіи Богу очень многихъ побуждала оставлять шумные города и села, и если являлся гдѣ-нибудь особенно усердный подвижникъ, къ нему устремлялись любители пустыннаго житія. Мы видимъ, что вскорѣ Пахомій начинаетъ искать бо́льшаго уединенія, ищетъ себѣ самому руководителя въ подвигахъ духовныхъ. Можетъ быть, именно опытъ руководительства своими сожителями и пробудилъ въ Пахоміи потребность въ руководителѣ и для себя самого. Живя въ окрестностяхъ Шенесита, Пахомій былъ во многомъ полезенъ жителямъ этого селенія. Когда въ селеніи стала свирѣпствовать какая-то страшная, заразительная болѣзнь, отъ которой очень многіе умирали, Пахомій служилъ больнымъ и даже доставлялъ жителямъ

въ большомъ количествѣ сучья акаціи, чтобы, сожигая ихъ, они могли очищать воздухъ.

Въ первые годы своей иноческой жизни Пахомій еще не вполнѣ ясно отличалъ православное ученіе отъ еретическихъ измышленій, не вполнѣ вѣрно зналъ, гдѣ Истинная Церковь Христова. Его старались привлечь на свою сторону послѣдователи еретика Маркіона[1]). Но онъ зналъ, что есть и иныя, отличныя одно отъ другого, ученія, усиливающіяся доказать свою истинность. Смущенный этимъ разногласіемъ, онъ со слезами молилъ Бога открыть ему, гдѣ Истина. Въ восхищеніи онъ слышалъ голосъ, что Истина хранится въ той Церкви, которою управляетъ Александръ, епископъ Александрійскій. Конечно, Пахомій теперь всѣмъ сердцемъ сталъ желать познать эту Истину и всегда вполнѣ быть вѣрнымъ ей.

Потребность въ руководителѣ побудила Пахомія оставить свое жилище въ окрестностяхъ Шенесита. Побужденіемъ къ этому было еще желаніе всецѣло посвятить себя Богу, духовному очищенію и совершенствованію. Пахомій боялся и того, что его постоянныя заботы о различныхъ нуждахъ мірянъ, заботы болѣе всего приличныя священникамъ и вѣрнымъ мірянамъ, могутъ соблазнить болѣе слабыхъ иноковъ: они по примѣру Пахомія могли бы увлечься служеніемъ міру и въ то же время не сумѣть сохранить себя неоскверненными отъ міра. Пахомій оставилъ окрестности Шенесита, проживъ здѣсь три года. Уходя отсюда, онъ просилъ одного стараго монаха воздѣлывать здѣсь овощи и пальмы ради приходившихъ сюда бѣдняковъ.

Вотъ, Пахомій розыскалъ келлію славнаго своими подвигами старца Паламона. Этотъ старецъ жилъ въ нѣкоторомъ удаленіи отъ городовъ и селеній. Онъ пользовался уваженіемъ во всей окрестной странѣ. Около него жили и другіе монахи, слѣдовавшіе его совѣтамъ и подражавшіе ему въ образѣ жизни. Но очень многіе вскорѣ уходили отсюда, чувствуя, что имъ не по силамъ такой строгій образъ жизни. Когда Пахомій постучался къ аввѣ Паламону, старецъ спросилъ:

— Зачѣмъ ты стучишь?

Пахомій отвѣчалъ, что и онъ хочетъ быть монахомъ.

---

[1]) *Маркіонъ*, еретикъ II вѣка, училъ, что въ мірѣ существуютъ два самостоятельныхъ начала: доброе—благой Богъ, и злое—матерія, находящаяся подъ владычествомъ діавола.

Старецъ возразилъ ему, убѣждая его идти обратно, чтобы испытать себя, можетъ ли онъ вынести тотъ строгій образъ жизни, какой ведутъ ученики Паламона. Онъ говорилъ Пахомію:

— Я долженъ сначала сказать тебѣ, какова мѣра жизни монашеской. Вотъ она. Во всякое время мы бодрствуемъ половину ночи, размышляя о словѣ Божіемъ; очень часто мы остаемся съ вечера до утра работать своими руками — дѣлать веревки, чтобы бороться со сномъ и снабжать себя тѣмъ, что̀ нужно для поддержанія нашего тѣла. То, что̀ остается сверхъ нашей нужды, мы отдаемъ бѣднымъ. Что̀ же касается того, чтобы ѣсть масло или что-нибудь вареное, пить вино, мы не знаемъ, что̀ это значитъ. Мы постимся всякій день до вечера въ продолженіе лѣтняго времени, а зимою мы постимся по два дня подрядъ или по три. Правило общихъ молитвъ—шестьдесятъ разъ молиться днемъ и шестьдесятъ разъ ночью, кромѣ тѣхъ молитвъ, кои мы творимъ въ каждое мгновеніе и коихъ счета мы не знаемъ.

Авва Паламонъ убѣждалъ Пахомія еще испытать себя и тогда уже снова явиться къ нему.

Пахомій рѣшительно отвѣтилъ старцу:

— Я во всемъ испытывалъ себя въ продолженіе многихъ дней, прежде чѣмъ явиться къ тебѣ.

Тогда Паламонъ открылъ дверь, братски облобызалъ Пахомія и поспѣшилъ объяснить ему, что все это онъ говорилъ не изъ тщеславія, а ради его спасенія, что этого они не сообщаютъ людямъ мірскимъ. Однако авва Паламонъ опять высказалъ желаніе, чтобы Пахомій возвратился въ свое прежнее жилище, чтобы тамъ еще испытать себя.

Но Пахомій возразилъ:

— Я уже испыталъ свою душу во всемъ и увѣренъ, что при помощи Божіей, по твоимъ святымъ молитвамъ, сердце твое будетъ спокойно относительно меня.

Старецъ отвѣтилъ ему:

— Очень хорошо.

Пахомій тотчасъ же былъ принятъ. Авва Паламонъ нѣсколько дней особенно внимательно наблюдалъ за Пахоміемъ, чтобы испытать его въ молитвѣ, въ бодрствованіи, въ постѣ. Когда нужно было ѣсть хлѣбъ, старецъ оставлялъ Пахомія ѣсть одного.

Послѣ трехмѣсячнаго испытанія авва Паламонъ облекъ Пахомія въ монашескія одежды, опоясалъ его иноческимъ поя-

сомъ[1]), предъ чѣмъ оба подвижника вмѣстѣ молились цѣлую ночь. Теперь Паламонъ особенно старался пріучить Пахомія къ ночному молитвенному бодрствованію. Съ вечера они заготовляли матеріалъ для ручнаго труда, потомъ долго съ усердіемъ молились, наконецъ принимались за работу, стараясь не потерять молитвенной настроенности духа и не поддаться сну.

Когда наступилъ праздникъ святой Пасхи, Паламонъ сказалъ Пахомію, что въ этотъ день онъ будетъ дважды вкушать пищу. Приготовляя пищу, Пахомій влилъ въ нее немного масла. Но Паламонъ не захотѣлъ такого ослабленія поста даже и въ день Пасхи. Съ великою скорбію онъ говорилъ:

— Мой Богъ былъ распятъ за меня, а я буду ѣсть масло, которое даетъ крѣпость тѣлу!

Онъ хотѣлъ было совсѣмъ отказаться отъ пищи до другаго дня. Старецъ только тогда согласился принять пищу, когда Пахомій бросилъ соль, содержавшую немного масла и подалъ ему соль, посыпанную золой. Пахомій съ великимъ смиреніемъ просилъ прощенія. Конечно, они оба вкусили хлѣба съ солью. Слезы текли по ланитамъ строгаго старца и смиреннаго ученика, желавшаго во всемъ подражать своему любимому учителю.

Пахомій часто уединялся среди горъ и здѣсь цѣлыя ночи проводилъ въ пламенной молитвѣ. Мѣсто, гдѣ онъ молился въ лѣтній зной, воздѣвая руки къ Небу и не позволяя себѣ опустить ихъ, иногда покрывалось даже грязью отъ обильнаго пота, падавшаго съ его тѣла. Пахомій не обращалъ вниманія на то, что иногда въ его ноги вонзались колючія иглы терновника. Какія бы неудобства пустынной жизни ни встрѣчались, онъ съ благодушіемъ сносилъ все, взирая постоянно на тѣ мученія, какія терпѣлъ ради нашего спасенія Господь Іисусъ Христосъ.

Во всемъ строгіе къ себѣ и вмѣстѣ смиренные, Паламонъ и Пахомій не дерзали просить себѣ отъ Бога знаменія, никогда не надѣялись на свою праведность. Изъ послѣдняго времени жизни аввы Паламона извѣстенъ слѣдующій случай, показывающій, какъ былъ строгъ къ себѣ учитель Пахомія даже и тогда, когда силы его отъ старости и подвиговъ очень ослабѣли.

---

[1]) О существованіи особенныхъ иноческихъ одеждъ въ первое время иночества мы знаемъ уже изъ изреченій святаго Антонія Великаго. См. книгу архимандрита Палладія: «Новооткрытыя изреченія преподобнаго Антонія Великаго. По коптскому сборнику сказаній о преподобномъ» (Казань, 1898 г.), стр. 30.

Однажды Паламонъ сильно заболѣлъ. Иноки пригласили къ нему опытнаго врача. Но врачъ отказался лѣчить старца, сказавъ, что ему прежде всего необходимо улучшить питаніе. Братія стали убѣждать старца послушаться врача. Онъ согласился принимать пищу, назначенную больнымъ. Когда Паламонъ и послѣ этого не выздоровѣлъ, онъ началъ съ глубокимъ убѣжденіемъ говорить инокамъ:

— Не думайте, что здоровье приходитъ отъ тлѣнной пищи: вѣдь сила и здоровье приходятъ отъ Христа; вѣдь мученики Христовы давали отсѣкать свои члены, терпѣли огонь и всякіе виды мученій, пока, наконецъ, ихъ не обезглавливали. А я! Я не могу выносить легкую болѣзнь, я просилъ врача заботиться о мнѣ; я пользовался лѣкарствами; потомъ, согласившись пользоваться ими, я не получилъ отсюда никакой пользы. Мнѣ остается одно—снова начать свои подвиги; это—лучшее лѣкарство, и Тотъ, по Чьему пути я иду, конечно будетъ знать мое намѣреніе, будетъ пещись о мнѣ больше, чѣмъ я самъ могъ бы сдѣлать.

Авва Паламонъ съ прежнимъ усердіемъ и постоянствомъ предался иноческимъ подвигамъ, ограничивая всѣ свои потребности. Милосердый Господь на нѣкоторое время возстановилъ его здоровье.

Однажды Пахомій ходилъ по пустынѣ. Наконецъ, онъ достигъ развалинъ селенія Тавенниси, немного къ югу отъ Шенесита въ округѣ Тентирскомъ[1]). Здѣсь Пахомій услышалъ Голосъ:

— Пахомій, Пахомій, подвизайся и пребывай на этомъ мѣстѣ; построй себѣ обитель, и множество людей придутъ къ тебѣ, чтобы сдѣлаться монахами около тебя, и получатъ они пользу душамъ своимъ.

Пахомій немедленно идетъ къ аввѣ Паламону и сообщаетъ ему объ этомъ. Тогда они оба отправляются въ Тавенниси и строятъ здѣсь обитель, строятъ собственно небольшое иноческое жилище. Паламонъ пошелъ опять на мѣсто своихъ прежнихъ подвиговъ. При этомъ онъ указалъ на близость своей кончины и предрекъ будущую славу Пахоміева монастыря. Старецъ увѣрялъ своего любимаго ученика, что Господь пошлетъ ему силу и терпѣніе для управленія многочисленными братіями. Послѣ продолжительной молитвы, они разстались. Паламону сопутствовали нѣкоторые ученики его, приходившіе навѣстить своего учителя.

---

1) Теперь селенія Тавенниси совсѣмъ не существуетъ.

Прошло нѣкоторое время, и авва Паламонъ опасно заболѣлъ. Ученики его послали за Пахоміемъ. Онъ быстро отправился къ старцу и остался при немъ, чтобы служить ему до самой смерти его. Наконецъ, старецъ почилъ смертію праведника въ десятомъ часу двадцать пятаго дня мѣсяца Авива. Ученики его провели всю ночь въ чтеніи и пѣніи Псалмовъ надъ старцемъ. Утромъ они совершили обычную молитву и потомъ отнесли тѣло почившаго на гору, на нѣкоторомъ разстояніи отъ его келліи; тамъ они похоронили его, совершивъ еще разъ усердное моленіе объ упокоеніи души усопшаго старца со святыми. Всѣ они теперь были въ великой печали. Лишившись совѣтовъ и утѣшеній великаго старца аввы Паламона, они считали себя сиротами. Пахомій возвратился въ свою келлію въ Тавенниси, скорбя о почившемъ наставникѣ, и въ своемъ уединеніи предался усиленнымъ подвигамъ благочестія. Вскорѣ онъ самъ дѣлается руководителемъ другихъ на пути ко спасенію.

Когда Пахомій одинъ жилъ въ Тавенниси, къ нему пришелъ старшій братъ его Іоаннъ. Пахомій съ любовію принялъ брата. Прошло уже много лѣтъ со дня ихъ разлуки, такъ какъ Пахомій не возвращался домой послѣ того, какъ былъ взятъ въ войско. Благочестивая бесѣда Пахомія сильно подѣйствовала на Іоанна, и онъ остался въ Тавенниси навсегда.

Оба брата теперь трудились уже общими силами. Добытое усерднымъ трудомъ они отдавали нуждающимся. Они проводили очень строгую жизнь. Одѣтые въ грубое шерстяное платье, они уходили въ жаркія мѣста, гдѣ стояли до утра на молитвѣ, не сгибая ни колѣнъ, ни рукъ, простертыхъ къ Небу. Такую всенощную молитву они совершали очень часто, хотя ноги ихъ иногда пухли отъ напряженія, а москиты до крови кусали ихъ руки. Если братьевъ подвижниковъ одолѣвалъ сонъ, они садились на томъ же мѣстѣ, гдѣ совершали свою молитву, но не позволяли себѣ опираться на что-нибудь. Въ продолженіе дня они до тѣхъ поръ занимались тѣлеснымъ трудомъ, пока зной отъ палящихъ лучей южнаго солнца не дѣлался невыносимымъ.

Ради будущихъ своихъ сожителей Пахомій началъ заботиться объ устройствѣ ограды вокругъ того мѣста, гдѣ онъ подвизался съ братомъ. Пахомій желалъ, чтобы ограда заключила въ себѣ какъ можно больше мѣста: онъ ожидалъ къ себѣ много другихъ иноковъ. Но Іоаннъ, предполагая, что они всегда останутся вдво-

емъ, недружелюбно смотрѣлъ на этотъ трудъ. Онъ даже портилъ умышленно стѣну, которую они строили. Пахомій однажды сказалъ ему по этому поводу:

— Довольно безумія!

Іоаннъ очень разсердился и долго потомъ не могъ успокоиться, хотя Пахомій просилъ прощенія.

Къ вечеру этого дня Пахомій сошелъ со стѣны и долго молился. Въ это время онъ еще живѣе почувствовалъ свою вину предъ Іоанномъ и утромъ еще съ бо́льшимъ смиреніемъ просилъ у него прощенія. Конечно, братья-подвижники теперь стали еще больше любить другъ друга и смиряться одинъ предъ другимъ. Іоаннъ болѣе и болѣе преуспѣвалъ въ подвигахъ благочестія и самоумерщвленія. Скоро достигши высокаго духовнаго совершенства, онъ умеръ, оплакиваемый братомъ Пахоміемъ.

Пахомій въ это время былъ уже совершеннымъ подвижникомъ. Поэтому и искушенія бывали у него очень сильныя, но своею молитвою и терпѣніемъ онъ всегда успѣвалъ отражать самыя страшныя козни врага.

Вотъ что случалось съ нимъ. Иногда, когда онъ хотѣлъ преклонить колѣна для молитвы, предъ нимъ, по дѣйствію демоновъ, являлась какъ бы яма; но Пахомій безбоязненно молился. Иногда на дорогѣ окружали его демоны подобно почетной стражѣ и громко кричали:

— Освободите дорогу для человѣка Божія.

Діаволъ очень желалъ внушить Пахомію тщеславіе и гордость; но онъ былъ совершенно нечувствителенъ къ этому искушенію. То вдругъ діаволъ дѣлалъ, что келлія Пахоміева тряслась и колебалась, какъ будто готова была упасть; но Пахомій нисколько не смущался этимъ и съ глубочайшимъ спокойствіемъ повторялъ слова Псалма: «**Бг҃ъ на́мъ прибѣ́жище и҆ си́ла, помо́щникъ въ ско́рбехъ, ѡ҆брѣ́тшихъ ны̀ ѕѣлѡ̀. Сегѡ̀ ра́ди не ᲂу҆боимсѧ̀, внегда̀ смѹща́етсѧ землѧ̀, и҆ прелага́ютсѧ гѡ́ры въ сердца̀ морска̑ѧ**»[1]).

Однажды демоны являлись Пахомію въ видѣ работниковъ, усердно старавшихся сдвинуть камень съ мѣста при помощи канатовъ, но—безъ успѣха. Молитва Пахомія заставила ихъ исчезнуть. Много разъ, когда Пахомій садился ѣсть скудную пищу, бѣсы

---

1) Псал. 45, ст. 2—3.

являлись ему въ видѣ нагихъ женщинъ; но Пахомій закрывалъ глаза и отвращалъ отъ видѣнія сердце, и—демоны исчезали.

Борьба съ темными силами ада требовала отъ Пахомія большаго напряженія всѣхъ силъ и иногда очень его утомляла. Однажды Господь послалъ ему новаго утѣшителя въ лицѣ инока Аполлона[1]). Пришедши къ Пахомію, этотъ благочестивый, опытный и добрый инокъ рѣшительно сказалъ ему:

— Будь мужественеиъ, Пахомій: не бойся никакого дѣйствія со стороны духовъ, ибо помощь Божія дастъ тебѣ побѣду надъ ними.

Этотъ старецъ остался съ Пахоміемъ къ великому утѣшенію для обоихъ. Впрочемъ, старецъ Аполлонъ скоро скончался.

Однажды, когда Пахомій собиралъ тростникъ для своего рукодѣлія, Ангелъ Господень явился и сказалъ ему:

— Пахомій, Пахомій, Пахомій! Воля Божія—чтобы ты служилъ роду человѣческому и возсоединялъ людей съ Богомъ.

Когда Ангелъ Господень удалился, Пахомій остался и смотрѣлъ вслѣдъ его, говоря:

— Это—дѣло Господне.

Собравъ немного тростника, онъ пошелъ въ свое обиталище.

Вскорѣ послѣ явленія Ангела къ преподобному Пахомію пришли три человѣка—Пшентаиси, Сурусъ и Пшои. Они сказали Пахомію:

— Мы хотимъ сдѣлаться монахами вблизи тебя и быть рабами Христовыми.

Убѣдившись въ ихъ искреннемъ благочестіи, Пахомій съ любовію и радостію принимаетъ ихъ и даетъ имъ монашескую одежду.

Эти три инока съ увлеченіемъ и постоянствомъ предаются самымъ труднымъ подвигамъ, руководимые примѣромъ и наставленіями святаго Пахомія. Ихъ поразило его трудолюбіе. Авва Пахомій самъ заботится о всемъ, самъ очищаетъ и поливаетъ садъ, отворяетъ дверь приходящимъ и бесѣдуетъ съ ними, съ усердіемъ служитъ больнымъ. О новыхъ инокахъ онъ говорилъ:

— Это—молодыя растенія, не достигшія еще той мѣры, чтобы служить другимъ.

---

[1]) Араб. «житіе» называетъ его именемъ—Амріарагабулъ. Другая передѣлка этого имени—Іеракаполлонъ.

Освобождая новыхъ иноковъ отъ всякой внѣшней заботы, Пахомій внушалъ имъ, чтобы они усердно занимались дѣлами, которыя прямо ведутъ къ очищенію сердца, къ укрѣпленію воли въ добрѣ. Когда первые ученики открыто выражали Пахомію свое сожалѣніе по поводу его постоянныхъ трудовъ для нихъ, онъ говорилъ имъ съ глубокою вѣрою:

— Какой человѣкъ можетъ привязать животное къ машинѣ[1]) и пренебрегать имъ дотолѣ, пока оно не упадетъ и не умретъ? Когда Господь увидитъ, что я утомленъ, Онъ пошлетъ намъ людей, которые будутъ помогать намъ во всякомъ добромъ дѣлѣ.

Для утвержденія первыхъ своихъ учениковъ въ добродѣтели святый Пахомій наложилъ на нихъ нѣкоторыя правила. Единообразіе въ пищѣ и одеждѣ было признано необходимымъ и въ этомъ маленькомъ общежитіи.

Слухъ о благочестіи и мудрости святаго Пахомія болѣе и болѣе распространяется по Египту. Къ нему являются то тѣ, то другіе люди, проникнутые жаждой высшихъ подвиговъ. Приходили иногда и отшельники, уже достигшіе высокаго духовнаго совершенства, чтобы отдать себя подъ руководство святому Пахомію. Такъ явились пять славныхъ подвижниковъ, которые прежде проводили отшельническую жизнь. Это были: авва Печошъ (или Пекусій), авва Корнилій, авва Павелъ, авва Пахомій и авва Іоаннъ. Пахомій всѣхъ ихъ принялъ съ радостію. Являлись иногда люди съ худымъ настроеніемъ души и съ дурными навыками. Замѣчая, что ихъ нельзя уврачевать, но что они могутъ своимъ примѣромъ развратить другихъ иноковъ, Пахомій удалялъ ихъ изъ своего общежитія. Къ святому Пахомію стремились многіе, и онъ былъ для нихъ постояннымъ руководителемъ и наставникомъ.

Движимый любовію къ ближнимъ, святый Пахомій съ помощію своихъ иноковъ въ ближайшемъ къ монастырю селеніи построилъ церковь, чтобы жители этого селенія могли приступать чаще къ причащенію Св. Таинъ и назидаться слушаніемъ Слова Божія. По бѣдности обитателей святый Пахомій принялъ на себя всѣ издержки по совершенію Евхаристіи. Самъ онъ съ братіями и читалъ въ этой церкви. Когда нельзя было найти пресвитера, Пахомій приходилъ въ церковь и назидалъ присутствующихъ чтеніемъ Слова

---

1) Разумѣется гидравлическая машина, къ которой привязываютъ животное, чтобы заставить его вращать колесо, поднимающее воду.

Божія. Иноки въ церкви такъ благоговѣйно держали себя и Пахомій такъ усердно исполнялъ обязанности чтеца, что посѣтители этой церкви постепенно оставляли грѣхи, заботились объ очищеніи сердца, дѣлались христіанами не по одному лишь имени. На авву Пахомія они смотрѣли не какъ на человѣка, но какъ на Ангела Божія.

Количество иноковъ въ Тавеннисійскомъ общежитіи болѣе и болѣе увеличивалось. Когда оно достигло до ста человѣкъ, Пахомій пришелъ къ мысли, что необходимо построить церковь и въ самомъ монастырѣ. Когда была устроена церковь, братія отправлялись, какъ и прежде, въ субботу въ церковь, находившуюся въ селеніи, а въ воскресенье пресвитеръ приходилъ въ монастырь и здѣсь совершалъ Литургію. Впослѣдствіи выходы братій въ село для участія въ совершеніи Литургіи въ субботу прекратились.

Между иноками Пахоміева монастыря никто не имѣлъ пресвитерскаго сана. И самъ Пахомій не хотѣлъ принять этотъ санъ. Онъ часто говорилъ братіи:

— Хорошо для насъ и не просить о подобномъ дѣлѣ, чтобы между монахами не было ни зависти, ни спора, ни непослушанія, ни раздѣленій, вопреки волѣ Божіей. Какъ огонь на гумнѣ, если бы не поспѣшили погасить его, погубилъ бы трудъ цѣлаго года,— то же самое представляетъ помыслъ гордости въ своемъ началѣ. Хорошо, чтобы мы покорялись Церкви Божіей твердо и спокойно. И во всякое время, кого только мы найдемъ посвященнымъ епископами, его и будетъ довольно для насъ для этого дѣла.

Къ преподобному Пахомію являлись и пресвитеры, желавшіе сдѣлаться монахами. Святый авва не отказывалъ имъ въ пріемѣ въ монастырь. Конечно, они должны были во всемъ безусловно подчиняться правиламъ жизни монашеской и обычаямъ общежитія. Пахомій въ своемъ служеніи спасенію ближнихъ обращался къ ихъ содѣйствію, если они оказывались неизмѣнно скромными и послушными. Самъ Пахомій ни за что не соглашался сдѣлаться священникомъ, хотя его достоинства всѣми высоко цѣнились.

Извѣстенъ слѣдующій случай изъ его жизни. Однажды святый Аѳанасій, архіепископъ Александрійскій, обозрѣвалъ паству. Его вездѣ торжественно встрѣчали. Навстрѣчу ему выходили епископы, пресвитеры и народъ. Нѣкоторые епископы, пресвитеры и множество клириковъ сопровождали его. Вышелъ навстрѣчу великому святителю и самъ Пахомій съ своими иноками. Они

пѣли Псалмы до тѣхъ поръ, пока архіепископъ не вошелъ въ обитель. Въ это время Серапіонъ, епископъ Тентирскій, взялъ архіепископа Аѳанасія за руку и сказалъ ему:

— Прошу твою любовь сдѣлать священникомъ авву Пахомія, отца монаховъ, чтобы онъ управлялъ всѣми монахами моего округа.

Услышавъ это, святый Пахомій мгновенно скрылся. Архіепископъ сѣлъ. Многочисленная толпа окружила его. Святый Аѳанасій сказалъ громко, обращаясь къ епископу Серапіону:

— Я слышалъ о вѣрѣ Пахомія, будучи еще въ Александріи, прежде моего посвященія.

Потомъ святый Аѳанасій всталъ, сотворилъ молитву и сказалъ ученикамъ Пахоміевымъ:

— Привѣтствуйте вашего отца и скажите ему: ты скрылся отъ меня и—избѣжалъ того, что можетъ возбудить зависть и соревнованіе; ты избралъ добродѣтель, которая пребудетъ вѣчно со Христомъ. Пусть Господь нашъ дастъ тебѣ по желанію твоему.

Конечно, смиреніе преподобнаго Пахомія также располагало и братій Тавеннисійскаго общежитія къ смиренію. Подобно своему великому аввѣ они не искали и даже боялись возвышенія. Ни греческіе, ни коптскіе историки не указываютъ между ними пресвитеровъ.

Съ умноженіемъ иноковъ въ Тавенниси явилась возможность укрѣпить здѣсь стройный чинъ общежитія, подвести всѣ дѣйствія иноковъ подъ строгія общежительныя правила. Самъ преподобный Пахомій былъ для киновитовъ[1]) и учителемъ и судіей, былъ и правиломъ и образцомъ для дѣятельности каждаго.

О благѣ всѣхъ и каждаго печется прежде всѣхъ самъ великій авва Пахомій. Онъ постоянно убѣждаетъ иноковъ не ослабѣвать въ молитвѣ, не переставать призывать Имя Божіе, чтобы безъ молитвы не быть застигнутымъ врасплохъ сатаною. Святый Пахомій пользовался всякимъ случаемъ, чтобы сказать слово назиданія тому или другому брату. Но, кромѣ этихъ частныхъ бесѣдъ, онъ обыкновенно говорилъ еще три общихъ поученія въ теченіе недѣли—одно въ субботу и два въ воскресенье. Онъ заповѣдалъ, чтобы и всегда начальникъ монастыря составлялъ и произносилъ

1) *Киновіями* (отъ греч. κοινός—общій и βίος—жизнь)—называются общежительные монастыри, въ которыхъ братія содержатся на счетъ монастыря и взамѣнъ того предлагаютъ свой трудъ на общую пользу монастыря.

три поученія въ недѣлю. Кромѣ трехъ поученій начальника монастыря, во время субботнихъ и воскресныхъ собраній иноковъ, обязательно въ два седмичные поста, т. е. въ среду и пятницу, говорили поученія своимъ монахамъ начальники домовъ.

Иноки всякій вечеръ собирались для духовной бесѣды и вообще любили назидать другъ друга тѣми уроками, какіе каждый извлекалъ изъ чтенія Слова Божія и изъ наблюденій надъ жизнью тѣхъ или другихъ людей. Иноки любили повторять изреченія Свящ. Писанія и размышлять о нихъ. Поэтому и при взаимныхъ бесѣдахъ они всегда могли назидать другъ друга мыслями и словами Библіи. Праздныхъ бесѣдъ и пересудовъ мы не видимъ въ Тавенниси.

Въ общежитіи было много домовъ; каждымъ изъ нихъ завѣдывалъ особый начальникъ, у котораго былъ свой помощникъ, *вторствующій* по немъ. Этотъ вторствующій замѣнялъ начальника въ случаѣ его отсутствія или болѣзни.

Святый Пахомій позаботился о томъ, чтобы каждаго, вступающаго въ монастырь, брата встрѣчали иноки особенно благочестивые и мудрые. Эти иноки-привратники каждаго новаго брата встрѣчали, устраивали и въ теченіе трехъ лѣтъ искуса, до облеченія его въ монашескую одежду, усердно назидали своими бесѣдами, предохраняя его отъ всякаго зла. Такимъ образомъ, новоначальные въ Тавенниси находили опытныхъ и постоянныхъ руководителей и могли благочестиво настроиться въ первые же годы своей жизни въ монастырѣ. Святый Пахомій и самъ внимательно наблюдалъ за новоначальными. Какъ радовали его успѣхи и усердіе молодыхъ иноковъ! Какъ внимателенъ онъ былъ къ ихъ нуждамъ! Какъ предохранялъ онъ ихъ отъ всякаго соблазна и искушенія совнѣ, также какъ и отъ увлеченія какими-нибудь нечистыми помыслами!

О больныхъ братіяхъ въ Тавенниси очень много заботились. О нихъ имѣли попеченіе и особо назначенные для служенія въ больничномъ домѣ иноки съ ихъ начальникомъ, имѣлъ попеченіе и самъ преподобный Пахомій.

При братской трапезѣ прислуживали особые иноки. Они смѣнялись черезъ три недѣли. Отъ этихъ иноковъ требовалось постоянное усердіе, тѣмъ болѣе, что братія вкушали пищу не въ одно время. Иноки, служившіе при трапезѣ, въ теченіе трехъ часовъ приготовляли, распредѣляли и раскладывали хлѣбъ, различныя овощи и маслины. Въ дозволенные дни подавали за трапезой

сыръ, яйца, овощи вареные, похлебку изъ вареныхъ зеренъ. Каждый братъ подходилъ къ столу въ то время, когда желалъ, и принималъ свою часть. Но это было только одинъ разъ въ день: одни ѣли въ шестомъ часу, другіе—въ седьмомъ, иные—въ восьмомъ, иные—въ девятомъ, въ десятомъ, въ одиннадцатомъ, иные же—къ вечеру, когда показывались на небѣ звѣзды. Нѣкоторые иноки были такъ строги къ себѣ, что вкушали пищу только одинъ разъ въ два дня. Вообще *постъ*[1]), согласно первоначальному уставу, не налагался ни на кого противъ воли. Только болѣе близкихъ къ себѣ иноковъ святый Пахомій склонялъ поститься, т. е. совсѣмъ воздерживаться отъ пищи, по средамъ и пятницамъ. Но многіе иноки сами налагали на себя усиленный постъ.

При многочисленности монаховъ въ Тавеннисійскомъ общежитіи было и много различныхъ должностей, послушаній. Исполненіе нѣкоторыхъ должностей было особенно трудно. Всѣ, проходившіе то или другое послушаніе въ монастырѣ, особенно начальники, были очень усердны. Преподобный Пахомій по прошествіи нѣкотораго времени иногда смѣнялъ тѣхъ, кто исполнялъ извѣстное послушаніе, замѣняя ихъ другими. Въ этомъ случаѣ онъ желалъ достигнуть двухъ цѣлей. Во-первыхъ, онъ стремился къ тому, чтобы вновь назначенный извлекалъ изъ своего послушанія плоды духовные, чтобы онъ могъ получить отъ Господа награду за свой ревностный трудъ на пользу братства. Святый Пахомій былъ того мнѣнія, что всякое послушаніе въ обители, исполняемое съ усердіемъ, доставляетъ иноку награду не ниже той, какую получитъ монахъ, если будетъ ревностно поститься, бодрствовать и молиться Богу. Во-вторыхъ, Пахомій желалъ, чтобы имѣли возможность отдохнуть послѣ труда ревностные труженики хоть нѣкоторое время. Однако братія, усердно занимавшіеся исполненіемъ своихъ послушаній, неохотно соглашались на отдыхъ, дозволенный великимъ аввою. Они были убѣждены въ томъ, что этотъ міръ не есть мѣсто отдыха, а напротивъ—мѣсто напряженнаго труда, постоянной борьбы и самоотверженныхъ подвиговъ, и что только тотъ, кто здѣсь трудится, въ будущей жизни получитъ истинное упокоеніе и нескончаемое блаженство. И всякій продолжалъ съ усердіемъ заниматься тѣмъ дѣломъ или ремесломъ, какое зналъ, или вообще какою-нибудь работою для монастыря, въ точности подчиняясь распоряженіямъ начальника.

1) *Постъ*, греческ. νηστεία,—означаетъ совершенное невкушеніе пищи.

Отъ всякаго инока, какую бы должность ни проходилъ онъ въ монастырѣ, требовалось полное подчиненіе начальнику и безусловное, точное исполненіе устава. Это было главнымъ отличіемъ жизни *киновіи* отъ жизни *отшельнической* въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Въ полномъ послушаніи былъ и залогъ духовнаго совершенствованія киновитовъ. Въ послушаніи было великое нравственное преимущество киновіи. Нарушеніе распоряженій начальника или предписаній устава, хотя бы и по ревности о подвижничествѣ, всегда могло вести къ ропоту со стороны другихъ и быть причиною всякихъ безпорядковъ въ общежитіи. Поэтому Пахомій строго наказывалъ нарушителей долга послушанія, чѣмъ бы они ни оправдывали себя. Такіе случаи бывали и въ Тавеннисійскомъ общежитіи, хотя очень рѣдко.

Для покупки необходимыхъ вещей и продажи монастырскаго рукодѣлья выбирались особенно благонадежные иноки, украшенные всякими добродѣтелями, чтобы міръ не могъ ихъ соблазнить, а они служили бы назиданіемъ для міра. Обращалось особенное вниманіе на то, чтобы они не были пристрастны къ стяжаніямъ, хотя бы отъ этихъ стяжаній монастырь могъ получить значительную пользу.

Когда въ Тавенниси количество иноковъ увеличивалось болѣе и болѣе, здѣсь должны были умножаться и различныя хозяйственныя учрежденія. Должно было умножиться и количество лицъ, проходившихъ тѣ или другія послушанія ради удовлетворенія различныхъ нуждъ монастыря. Когда количество иноковъ и монастырей въ Пахоміевой киновіи умножилось, мы видимъ тамъ очень много иноковъ, на которыхъ были возложены различныя обязанности по монастырю. Мы видимъ здѣсь правильно устроенныя хлѣбныя, сначала только въ Тавенниси, а потомъ въ монастыряхъ Певоу (самомъ главномъ) и Фенумъ. Въ этихъ хлѣбныхъ иноки работали при самой глубокой тишинѣ, содѣйствовавшей и успѣху работы, и самособранности духа. Не было здѣсь разговоровъ. Даже спросить воды или муки нельзя было: нужное требовали стукомъ о квашню. Во время работы читали напамять заученное изъ Слова Божія.

Въ одно время въ Тавеннисійскомъ общежитіи было 15 портныхъ, 7 кузнецовъ, 4 плотника, 15 красильщиковъ, 20 дубильщиковъ кожъ, 12 погонщиковъ верблюдовъ, 20 садовниковъ, 15 сапожниковъ, 12 иноковъ, приготовлявшихъ покрывала, 10 ночныхъ стражей и 10 переписчиковъ. Иноки своимъ трудомъ приготавливали

для обители все необходимое, и лишь немногое имъ приходилось покупать въ городахъ. Особенно распостранено было среди киновитовъ выдѣлываніе рогожъ, и это не только было хорошимъ рукодѣліемъ для монаховъ, но и могло усиливать денежныя средства киновіи, а деньги необходимы были и здѣсь.

Деньги хранились, по заповѣди святаго Пахомія, въ одномъ мѣстѣ, въ распоряженіи эконома. Этотъ экономъ и удовлетворялъ всѣ братскія нужды. Но иноки не могли имѣть *свои* деньги. Между монахами было много такихъ, которые пришли въ монастырь еще въ дѣтствѣ съ своими родителями. Выросши, они не умѣли различать золота отъ серебра и были совершенно равнодушны къ деньгамъ.

Нужды братій были очень скромны. Нестяжательность была такъ велика, что всякій имѣлъ только одну одежду и одно покрывало изъ овечьей или козьей кожи. Разорванную одежду особо назначенный инокъ долженъ былъ чинить, вымывать и потомъ хранить въ складѣ поношенной одежды. Когда кто-либо изъ монаховъ хотѣлъ вымыть свое платье, онъ бралъ себѣ одну изъ этихъ починенныхъ одеждъ, а вымывъ свое платье, возвращалъ эту одежду завѣдывавшему ею иноку.

Въ киновіи было очень много переписчиковъ. Эти опытные писцы усердно списывали тѣ книги, какія были особенно полезны монахамъ, по указанію начальника. Трудились они съ успѣхомъ: монастырскія книгохранилища увеличивались, и каждый инокъ могъ найти здѣсь для себя пищу духовную.

При всякихъ сношеніяхъ съ міромъ иноки должны были соблюдать особенную осторожность. Во время пути они должны были повторять про себя извѣстныя имъ изреченія Святаго Писанія и размышлять о нихъ. Въ путешествіе отправлялись всегда нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ двое. Если на пути встрѣчалась женщина, желавшая говорить съ ними, то старшій инокъ приближался къ ней и, опустивъ глаза, съ великою скромностію велъ недлинный разговоръ. Встрѣчая на пути начальника или воина, каждый инокъ сходилъ съ своего осла и молился въ сторонѣ, уступая дорогу путнику.

Въ мірскихъ домахъ иноки обыкновенно не вкушали пищи. Въ крайнемъ случаѣ, вкушали лишь то, что̀ было разрѣшено монастырскимъ уставомъ.

Чтобы міръ не оказывалъ худаго вліянія на монаховъ черезъ письменныя сношенія, письма въ монастырѣ получалъ начальникъ,

и если онъ видѣлъ, что письмо заключаетъ въ себѣ добрыя мысли, то передавалъ его по назначенію. Никто въ монастырѣ не могъ разсказывать того, что̀ онъ видѣлъ или слышалъ въ мірѣ, если это не вело къ общему назиданію. Что-нибудь назидательное можно было сообщать лишь съ дозволенія начальника. Вообще говорливость не поощрялась среди иноковъ.

Странники принимались въ особомъ помѣщеніи. Никто изъ братій не могъ принимать ихъ у себя въ келліи. Даже о приходѣ кого-нибудь изъ родныхъ никто не могъ передавать монахамъ: о приходѣ странниковъ говорили кому слѣдуетъ только привратники. Въ гостинницѣ странникамъ оказывали самый радушный пріемъ. Для женщинъ было отдѣльное отъ мужчинъ помѣщеніе. Даже чужихъ монаховъ преподобный Пахомій не помѣщалъ вмѣстѣ съ своими иноками, не позволялъ пускать ихъ даже въ общую трапезу, хотя и оказывалъ имъ всѣ знаки братской любви и позволялъ имъ входить въ церковь во время общей молитвы, если только они были православные, а не еретики.

Слава святаго Пахомія болѣе и болѣе распространялась по Египту. О великихъ подвигахъ его узнала, наконецъ, и родная сестра его Марія, просвѣщенная уже христіанскою вѣрою и остававшаяся дѣвою. Очень желая увидѣть брата Пахомія, она отправляется въ Тавенниси. Сообщили о ея приходѣ Пахомію. Отрекшійся отъ всякихъ земныхъ пристрастій, избѣгавшій свиданій съ женщинами, святый Пахомій отказываетъ сестрѣ въ свиданіи, но въ то же время черезъ монаха привратника указываетъ ей новый путь жизни. Онъ говоритъ ей, что настоящая жизнь есть лишь приготовленіе къ жизни будущаго вѣка, а жизнь въ удаленіи отъ міра, жизнь монастырская, можетъ дать всѣ средства ко спасенію. Пахомій обѣщаетъ сестрѣ, что для нея иноки построятъ уединенное жилище, если она захочетъ проводить жизнь монастырскую. Тогда, говоритъ онъ, и другія женщины, поселившись съ нею, могутъ отдаться всецѣло заботѣ о достиженіи духовнаго совершенства. Грустно было для Маріи слышать, что братъ ея самъ не хочетъ бесѣдовать съ нею. Она заплакала. Но слова Пахомія, переданныя ей черезъ монаха привратника, содержали и много утѣшительнаго. Она согласилась на то, къ чему призывалъ ее Пахомій. Тогда Пахомій послалъ монаховъ построить для нея жилище вблизи селенія, на довольно значительномъ разстояніи отъ монастыря мужскаго, на другой сторонѣ Нила.

Спустя короткое время уже большое количество женщинъ являются къ Маріи, чтобы навсегда остаться жить съ нею. Сестра преподобнаго Пахомія дѣлается для нихъ матерью, старицей. Она руководитъ ихъ на пути ко спасенію до самой своей смерти.

Съ своей стороны и авва Пахомій съ великимъ усердіемъ заботится объ этомъ монастырѣ. Для ближайшаго руководства духовною жизнію въ женской обители онъ назначаетъ старца Петра. Пахомій самъ написалъ особую книгу съ правилами монашеской жизни, и эти правила сестры обители должны были усердно изучать и исполнять.

Конечно, могли быть случаи, когда кому-либо изъ иноковъ нужно было посѣтить ту или другую сестру. Свиданія эти въ случаѣ необходимости разрѣшались самимъ Пахоміемъ. Получивъ разрѣшеніе Пахомія, инокъ являлся къ завѣдывавшему женскимъ монастыремъ старцу Петру. Старецъ посылалъ за матерью монахинь, за тою монахиней, которую нужно было видѣть иноку, и еще за третьей монахиней: всѣ садились, и тогда начинался разговоръ, причемъ конечно всѣ имѣли въ виду то, что длинныя и, особенно, праздныя бесѣды неприличны монашествующимъ.

Если какая-нибудь инокиня умирала, сестры относили ее въ мѣсто ихъ молитвенныхъ собраній. Мать инокинь одѣвала ее погребальнымъ саваномъ. Авва Петръ сообщалъ о смерти монахини Пахомію. Назначенные имъ иноки, проводившіе безукоризненную жизнь, отправлялись въ женскій монастырь. Они останавливались у воротъ молитвеннаго дома и здѣсь пѣли священныя пѣснопѣнія. Наконецъ, усопшую погребали, причемъ къ гробницѣ сопровождали ее съ пѣніемъ сестры въ предшествіи матери, а старецъ шелъ сзади ихъ. Расходились, зарывъ усопшую въ землю и совершивъ надъ нею послѣднюю молитву. Иногда сестеръ погребали въ самомъ монастырѣ, а иногда относили ихъ къ ближайшей горѣ.

Еще въ одномъ случаѣ иноки Тавеннисійскаго мужскаго общежитія оказывали большую помощь женскому монастырю. Когда являлась надобность исправить или вновь построить какое-либо зданіе въ женскомъ монастырѣ, Пахомій посылалъ для этого самыхъ благочестивыхъ монаховъ. Они находились тамъ подъ неусыпнымъ надзоромъ старца Петра. Они не могли оставаться въ женской обители вкушать пищу, но въ тотъ же день возвращались въ свою обитель.

Количество сестеръ въ женскомъ общежитіи скоро умножилось до четырехсотъ. Обычная пища инокинь, ихъ посты, ихъ одѣянія,

за исключеніемъ головнаго покрывала,—все соотвѣтствовало принятымъ въ мужскомъ общежитіи обычаямъ. Инокини трудились и на пользу мужскаго общежитія: онѣ приготовляли шерстяныя одежды для иноковъ. Въ свою очередь онѣ получали необходимые для нихъ припасы отъ эконома мужскаго общежитія.

Извѣстенъ одинъ важный случай изъ жизни женскаго монастыря. Одна изъ монахинь какъ-то вышла за ограду монастыря. Она встрѣтилась съ міряниномъ-портнымъ и, удивляясь, спросила его о причинѣ прихода въ эти мѣста. Тотъ отвѣтилъ, что желалъ бы имѣть работу. Сестра возразила, что онѣ имѣютъ собственныхъ портныхъ. Портной удалился. Свидѣтельницей этого разговора была одна монахиня. Поссорившись какъ-то съ той монахиней, она стала порицать ее и припоминала съ укоризною ея разговоръ съ портнымъ. Молодая инокиня, взволнованная ложнымъ обвиненіемъ, горячо плакала. Она преувеличенно представляла себѣ тотъ позоръ, какой, по ея мнѣнію, ожидалъ ее теперь въ монастырѣ. Угнетаемая скорбію, она тайно пошла къ рѣкѣ, бросилась въ ея волны и утонула. Узнавъ объ этомъ, другая сестра, позволившая себѣ незаслуженно укорять несчастную молодую инокиню, впала въ великое отчаяніе и лишила себя жизни, задушивши себя веревкой.

Скоро узналъ объ этомъ преподобный Пахомій. Глубоко опечаленный этимъ случаемъ, старецъ запретилъ поминать ихъ въ молитвахъ домашнихъ, совершать Литургію и подавать милостыню за нихъ. Пахомій строго отнесся и ко всѣмъ сестрамъ общежитія. Ввиду того, что онѣ не употребили должнаго старанія, чтобы найти невинную и обидчицу, примирить и успокоить ихъ, и пренебрегли ихъ положеніемъ и спокойствіемъ, а можетъ быть, и повѣрили клеветѣ одной изъ сестеръ, старецъ отлучилъ ихъ отъ Святаго Причащенія на семь лѣтъ.

Множество людей приходили къ Пахомію отовсюду, чтобы навсегда подчиниться ему. Количество монаховъ въ Тавенниси слишкомъ умножилось. Стало очень тѣсно. По внушенію Божію, святый Пахомій пошелъ искать еще мѣста удобнаго для построенія новой обители. Очень удобное мѣсто оказалось къ сѣверу отъ Тавенниси, не въ далекомъ разстояніи отсюда. Мѣсто это называлось Певоу[1]). Здѣсь и былъ устроенъ новый монастырь, очень обширный и вскорѣ сдѣлавшійся средоточіемъ всего общежитія.

[1]) *Монастырь Певоу* находился немного къ сѣверу отъ Тавенниси, на восточномъ берегу Нила, въ области Діоспольской.

Монастырь этотъ былъ обнесенъ оградою. Епископъ области Діоспольской благосклонно относился къ монахамъ. По его мысли преподобный Пахомій устроилъ здѣсь и церковь.

Теперь явилась возможность принимать въ общежитіе всѣхъ, желавшихъ поселиться здѣсь навсегда. Изъ стараго монастыря въ новый Пахомій переселилъ много монаховъ, притомъ именно такихъ, которые хорошо привыкли къ порядкамъ общежитія и могли быть опытными руководителями и служить добрымъ примѣромъ для новыхъ братій. И здѣсь были назначены свой начальникъ, экономъ и братія для исполненія различныхъ послушаній. Всѣ съ усердіемъ должны были исполнять законы общежитія, помня, что они назначены одинаково какъ для новоначальныхъ, такъ и для самихъ начальствующихъ.

Прошло нѣкоторое время, и два монастыря не могли уже вмѣщать всѣхъ желавшихъ здѣсь подвизаться. Постепенно устроилось еще семь монастырей. Количество иноковъ въ Тавеннисійскомъ общежитіи дошло до семи тысячъ человѣкъ. Конечно, одни монастыри были болѣе населены, другіе—менѣе. И все это множество иноковъ, разсѣянныхъ по многимъ обителямъ, было единымъ иноческимъ братствомъ.

Святый Пахомій часто посѣщалъ всѣ монастыри. Самъ онъ сталъ жить въ монастырѣ Певоу, гдѣ сосредоточивалось общее управленіе всѣхъ монастырей. Этотъ монастырь былъ самымъ многолюднымъ. Отсюда иноки другихъ обителей получали необходимые имъ предметы. Эконому этого монастыря давали отчетъ въ работахъ. Сюда иноки всѣхъ монастырей собирались дважды въ годъ, принимали здѣсь участіе въ молитвахъ и слушаніи поученій и получали благословеніе преподобнаго Пахомія на свои подвиги. Въ монастырѣ Певоу совершали и Крещеніе оглашенныхъ во дни Святой Четыредесятницы. Тогда оглашенныхъ приводили сюда изъ всѣхъ монастырей. Такимъ образомъ, были между иноками люди, еще не принявшіе Святаго Крещенія, но готовившіеся къ нему, были *оглашенные*. Въ Певоу ихъ приводили для Крещенія вѣроятно потому, что тамъ были священники, а въ другихъ монастыряхъ не было священниковъ. Конечно, это общеніе всѣхъ монастырей было въ высшей степени полезно для монаховъ: оно связывало всѣхъ иноковъ Пахоміевыхъ обителей самыми тѣсными узами духовной любви, оно ободряло малодушныхъ, возбуждало ревность въ ослабѣвшихъ, а для усердныхъ и преуспѣвшихъ подвижниковъ было очень важно,

что они видѣли высокіе образцы подвижнической жизни и научались соревновать имъ и скромно смотрѣть на свои подвиги. Но всего важнѣе были эти путешествія въ Певоу тѣмъ, что они давали возможность всѣмъ инокамъ видѣть обычную жизнь святаго Пахомія и слушать его наставленія. И во время своихъ путешествій для обзора обителей святый Пахомій училъ монаховъ не только словомъ, но и примѣромъ. Онъ готовъ былъ повиноваться всякому, смирялся предъ низшими и съ удовольствіемъ бы принялъ урокъ отъ самаго юнаго члена общежитія. Вотъ одинъ изъ множества подобныхъ случаевъ.

Преподобный Пахомій особенно часто ходилъ въ Тавенниси. Во время этихъ посѣщеній онъ не оставлялъ своего обычнаго ручнаго труда. По распоряженію аввы Ѳеодора, здѣсь употребляли особенный способъ плетенія рогожъ: веревки не слѣдовало сильно стягивать; въ этомъ случаѣ и труда было меньше и рогожи выходили лучше. Когда Пахомій плелъ здѣсь свою рогожу, одинъ мальчикъ, жившій въ монастырѣ и исполнявшій въ эту седмицу свою череду на этомъ послушаніи, откровенно замѣтилъ ему, что онъ не такъ плететъ, какъ распорядился авва Ѳеодоръ. Пахомій съ кроткою радостію выслушалъ замѣчаніе отрока и просилъ научить его, какъ именно слѣдуетъ работать. Мальчикъ показалъ Пахомію, какъ у нихъ работаютъ. Авва Пахомій тотчасъ же сталъ именно такъ плести рогожу.

Большой страхъ возбудили среди Тавеннисіотовъ жившіе поблизости Варвары, которые не только теперь, но и позднѣе дѣлали нападенія на селенія и на монастыри и причиняли имъ великій вредъ: грабили, расхищали, вымогали съ обитателей выкупъ или уводили ихъ въ рабство. Иноки сѣверныхъ обителей отъ нихъ разбѣжались. Ради того, чтобы сѣверныя обители не разрушились совсѣмъ и монахи не разсѣялись совершенно, преподобный Пахомій посылаетъ въ сѣверныя обители большое количество иноковъ. Самъ онъ остался въ монастырѣ Певоу, а своего любимаго ученика Ѳеодора послалъ съ книгами для чтенія къ инокамъ сѣверныхъ монастырей. Отправляя туда Ѳеодора, Пахомій утѣшалъ его надеждою на помощь Божію. Пахомій далъ обѣтъ—въ случаѣ удаленія Варваровъ послать въ церковь, разграбленную ими, книги, много пшеницы и вообще то, въ чемъ эта церковь нуждается. На другой день Варвары, совершенно разбитые императорскимъ войскомъ, удалились. Это успокоило монаховъ.

Когда Варвары еще не были поражены, они нашли одного отшельника и заставляли его поить ихъ виномъ. Но когда онъ хотѣлъ налить имъ вина, они требовали, чтобы онъ сначала принесъ жертву ихъ богамъ. Инокъ не соглашался. Варвары стали грозить ему, что убьютъ его, если онъ не исполнитъ ихъ требованія. Несчастный отшельникъ не имѣлъ мужества, чтобы отказаться отъ принесенія жертвы богамъ языческимъ. Онъ исполнилъ требованіе Варваровъ. Послѣ этого онъ сталъ поить Варваровъ виномъ. Они отъ опьяненія уснули. Это дало иноку возможность убѣжать отъ нихъ. Но сердце отшельника было безутѣшно. Онъ былъ такъ подавленъ своимъ горемъ, что не могъ даже молиться. Вспомнивъ о добротѣ и мудрости Пахомія, этотъ инокъ поспѣшно пошелъ къ нему, рѣшившись отдать себя вполнѣ на судъ великаго старца. Онъ съ глубокою скорбію объявилъ святому Пахомію, что послѣ своего наружнаго отреченія отъ Христа чрезъ принесеніе жертвы ложнымъ богамъ онъ уже не видитъ возможности покаяться и получить прощеніе грѣховъ, поэтому онъ уже цѣлый мѣсяцъ не молится Богу.

Пахомій отечески укорилъ его за то, что онъ какъ бы бросилъ въ огонь тотъ вѣнецъ, который держалъ надъ главою его Ангелъ и уже хотѣлъ возложить на него. Видя искреннія слезы невольно измѣнившаго Христу монаха, Пахомій указалъ ему путь къ успокоенію. Онъ предложилъ ему молиться какъ можно больше ночью и днемъ, всегда поститься до вечера, никогда не ѣсть ничего вареннаго, кромѣ случаевъ сильной болѣзни. Тогда онъ можетъ обрѣсти милость у Бога, получить прощеніе и сдѣлаться снова вѣрнымъ рабомъ Христовымъ. Вѣра Пахомія ободрила этого монаха: онъ пересталъ уже отчаяваться и началъ искренно и съ надеждою на милость Божію каяться въ своемъ грѣхѣ.

Долгое время въ Тавеннисійскомъ общежитіи подвизались одни копты[1]). Наконецъ слава святаго Пахомія дошла и до Грековъ и Римлянъ. И изъ нихъ нѣкоторые стали стремиться въ общежитіе подъ руководство мудраго аввы Пахомія и дѣлались здѣсь монахами. Святый Пахомій и о нихъ усердно заботился: они были для него дороги не менѣе коптовъ.

Нѣкоторымъ затрудненіемъ для Пахомія при обращеніи съ монахами Греками (ихъ было больше, чѣмъ Римлянъ) было незна-

---

[1]) *Копты*—египтяне-христіане.

ніе греческаго языка. Равнымъ образомъ и другіе иноки копты не знали этого языка. Даже на самомъ близкомъ разстояніи отъ Александріи[1]) разговорнымъ языкомъ былъ не греческій, а коптскій языкъ. Даже сравнительно недалеко отъ Александріи жившіе подвижники, какъ, напр., святый Антоній Великій, родившійся около Ираклеополя великаго, святый Пименъ Великій, всю жизнь проведшій въ Нижнемъ Египтѣ, въ скитѣ, Теренуѳѣ и сѣверномъ Діолкѣ, не говорили по-гречески, а тѣмъ болѣе трудно было встрѣтить знающаго греческій языкъ монаха въ Ѳиваидѣ[2]). Въ дѣлѣ попеченія о грекахъ преподобному Пахомію помогалъ Ѳеодоръ, бывшій чтецъ Александрійской церкви. Но и самъ святый Пахомій позаботился о томъ, чтобы научиться греческому языку.

Святый Пахомій училъ иноковъ и словомъ, и примѣромъ. Тѣмъ сильнѣе дѣйствовало его слово, что иноки видѣли въ немъ примѣръ всѣхъ добродѣтелей. Постоянное молитвенное настроеніе Пахомія, его глубокое смиреніе, его строгость къ себѣ самому, строгость даже во время болѣзни, его любовь ко всѣмъ, его проницательность и мудрость — все это привлекало сердца братій къ нему, заставляло всѣхъ безъ разсужденія подчиняться его слову, принимать его совѣты.

Смиреніе Пахомія было чрезвычайно велико, хотя и совершалъ онъ необыкновенные подвиги, хотя и воздавали ему величайшую честь и иноки, и міряне, и даже епископы, иногда присылавшіе къ нему монаховъ, чтобы онъ произнесъ надъ ними свой судъ. Святый Пахомій боялся осуждать другихъ даже въ мысляхъ. Сподобляясь неоднократно видѣній и откровеній отъ Бога, онъ говорилъ о нихъ братіямъ тогда, когда отъ своего разсказа ожидалъ нравственной пользы для братій.

Однажды братія просили его разсказать какое-нибудь изъ его видѣній. Замѣчателенъ отвѣтъ его. Не желая говорить о бывшихъ ему видѣніяхъ, съ цѣлію предостеречь отъ превозношенія тѣхъ иноковъ, которыхъ Господь сподоблялъ особенныхъ духовныхъ дарованій, святый Пахомій сказалъ:

— Тотъ, кто исполненъ грѣховъ, не получитъ благодати духовныхъ видѣній. Но если ты желаешь имѣть прекрасное и замѣча-

---

[1]) *Александрія*—знаменитый по своей образованности, политическому значенію и торговлѣ городъ, основанный Греческимъ императоромъ Александромъ Великимъ въ Египтѣ около 333 г. до Р. Хр.

[2]) *Ѳиваида*—область въ Верхнемъ Египтѣ.

тельное видѣніе, то я укажу тебѣ на одно изъ нихъ: когда ты увидишь человѣка благочестиваго, скромнаго сердцемъ, чистаго,— вотъ прекраснѣйшее изъ видѣній: ты видишь Бога невидимаго въ этомъ видимомъ человѣкѣ. Не спрашивай другого видѣнія, которое было бы предпочтительнѣе этого.

Смиренный Пахомій ни въ чемъ не хотѣлъ имѣть преимущества предъ братіями. Онъ называлъ истинно справедливымъ того брата, который не давалъ ему бо́льшей по сравненію съ другими доли кушанья. И трудиться онъ желалъ наравнѣ съ другими. Онъ не допускалъ, чтобы кто-нибудь облегчилъ его трудъ.

Однажды великій авва отправляется съ братіями на работу. Каждый съ своимъ спутникомъ долженъ былъ взять извѣстное количество хлѣба. Пахоміевъ спутникъ хотѣлъ одинъ все нести. Но Пахомій не согласился на это, говоря, что начальникъ во всемъ долженъ нести тѣ же труды, что и братія.

Въ высшей степени нестяжательный Пахомій носилъ очень бѣдное платье. Оно замѣняло ему и покрывало въ холодное время. Въ этомъ платьѣ онъ принималъ приходившихъ къ нему священниковъ и монаховъ.

Одинъ братъ по имени Аѳанасій, завѣдывавшій монастырской одеждой, обратился къ святому Ѳеодору съ просьбой отдать ему въ складъ платье аввы, когда онъ сниметъ его, и положить вмѣсто этого одѣянія другое, новое и приличное для начальника.

Ѳеодоръ послушался Аѳанасія и замѣнилъ одну одежду другою.

Но вотъ Пахомій ищетъ свою прежнюю одежду. Ѳеодоръ указываетъ на новую, но Пахомій настаиваетъ на томъ, чтобы ему возвратили его старую одежду. На просьбу старца, троекратно повторенную, Ѳеодоръ отвѣтилъ, что теперь нельзя уже найти этой одежды. Ѳеодору, однако, стало очень жалко, что онъ лишилъ старца той одежды, которая была для него и покрываломъ въ холодное время. Онъ даже плакалъ объ этомъ. Но и Пахомій не считалъ себя правымъ въ этомъ случаѣ. Онъ долго просилъ у Господа прощенія въ томъ, что, уча другихъ послушанію, онъ самъ не оказалъ послушанія тому, кто въ монастырѣ распоряжается одеждою. Какое великое смиреніе!

Когда однажды Пахомій заболѣлъ, Ѳеодоръ привелъ его туда, гдѣ больные иноки вкушали пищу. Для него приготовили хорошую похлебку. Онъ замѣтилъ брату, приготовлявшему это кушанье:

— Ты не умѣешь приготовлять кушанья; дай мнѣ немного воды.

Поданную воду Пахомій влилъ въ это блюдо. Тогда же Ѳеодоръ налилъ ему воды на руки предъ началомъ ѣды. Пахомій въ свою очередь возлилъ ему воды на ноги.

Послѣ ѣды зашелъ между ними разговоръ. На вопросъ Ѳеодора,—почему онъ испортилъ кушанье водой, Пахомій отвѣтилъ ему:

— Братъ, приготовившій мнѣ пищу, приготовлялъ ради меня съ большимъ усердіемъ, а такое усердіе между людьми не бываетъ продолжительно. И я сказалъ себѣ: я сейчасъ въ этотъ разъ буду ѣсть хорошо, а наступитъ завтрашній день, я буду боленъ, я буду еще ожидать, что братъ дастъ мнѣ хорошо поѣсть, и по этой-то причинѣ сердце мое будетъ въ смущеніи. Вотъ поэтому-то я и испортилъ поданное мнѣ хорошее кушанье, чтобы въ другой разъ, если онъ будетъ небреженъ и не приготовитъ по-прежнему хорошо, это было для меня уже безразлично.

Ѳеодоръ спросилъ старца, почему онъ возлилъ ему воды на ноги. Замѣчательный отвѣтъ далъ ему святый Пахомій.

— Я поступилъ такъ для того, чтобы, если въ другомъ мірѣ скажутъ мнѣ: Ѳеодоръ возливалъ воду на твои руки, мнѣ быть въ правѣ сказать: я самъ умылъ ему ноги.

Больной Пахомій не хотѣлъ вкусить кушанья съ масломъ. Въ другой разъ во время болѣзни онъ не согласился покрыться лучшимъ покрываломъ вмѣсто рогожи и принять горсть финиковъ. Какая строгость къ себѣ самому!

Съ особенною любовію относился Пахомій къ больнымъ инокамъ. Болѣе всего онъ заботился о спасеніи души заболѣвшаго брата. Онъ убѣждалъ больнаго благодарить Бога, возбуждалъ въ немъ благочестивыя мысли, предостерегалъ отъ пристрастія къ землѣ, отъ увлеченія нечистыми помыслами, внушалъ ему просить прощенія у Бога и бодро смотрѣть на свое будущее, возлагая упованіе на Господа. Онъ всегда заботился и о тѣлѣ больнаго брата. Больныхъ въ общежитіи никогда не принуждали къ усиленному посту, хотя и не препятствовали имъ поститься. Пахомій иногда находилъ нужнымъ ослабить постъ, если видѣлъ, что постъ очень истощаетъ силы больнаго и не даетъ ему поправиться.

Такъ, одинъ братъ былъ боленъ во дни Четыредесятницы. Однако онъ не соглашался ни ѣсть ничего вареннаго, ни пить вина. Онъ не хотѣлъ позволить себѣ послабленіе, если бы ему предстояло даже умереть отъ чрезмѣрнаго воздержанія. Мудрый авва Пахомій совѣтовалъ ему, если онъ не хочетъ совсѣмъ оставить этотъ постъ,

отложить свое пощеніе до времени полнаго возстановленія силъ, когда онъ будетъ имѣть возможность провести въ строгомъ постѣ такое число дней, какое долженъ бы былъ поститься теперь.

Среди служившихъ въ больницѣ иноковъ бывали и такіе, которые не хотѣли исполнять нѣкоторыя просьбы больныхъ, казавшіяся имъ непозволительными для монаха прихотями. Но святый Пахомій смотрѣлъ на это иначе. Онъ готовъ былъ доставить больному возможное утѣшеніе.

Однажды, наприм., самъ Пахомій тяжко заболѣлъ. Въ больницѣ ему предложили съѣсть немного вареныхъ овощей. Въ это время въ больницѣ лежалъ тяжко больной монахъ, тѣло котораго представляло кожу да кости: такъ онъ исхудалъ послѣ продолжительной болѣзни. Когда этотъ инокъ попросилъ больничныхъ братій дать ему немного говядины, тѣ не соглашались на это. Тогда больной просилъ отнести его къ аввѣ Пахомію. Великій авва былъ пораженъ крайнимъ истощеніемъ инока и отсутствіемъ благоразумнаго состраданія въ больничныхъ братіяхъ. Онъ строго сказалъ имъ:

— Безумные, гдѣ страхъ Божій? Вѣдь Богъ сказалъ: «возлюби ближняго какъ самого себя». Ужели вы не видите, что этотъ братъ почти мертвъ? Почему вы не дали ему того, чего онъ у васъ просилъ? Я теперь не могу ни ѣсть ни пить. Вѣдь есть различіе между болѣзнями, и одна болѣзнь бываетъ болѣе жестокою, чѣмъ другая.

Пахомій не могъ удержаться отъ слезъ при видѣ тяжкобольнаго инока и безсердечной ревности другихъ о строгомъ соблюденіи устава о пищѣ. Теперь иноки поняли свою неправду. Они тотчасъ послали купить козленка и приготовили изъ него кушанье, которое подкрѣпило ослабѣвшее тѣло больнаго брата и ободрило его унылую душу.

Пахомій старался въ своихъ ученикахъ возбуждать упованіе на Бога. Вотъ одинъ случай, подтверждающій это.

Какъ-то вечеромъ прибыли братія, чтобы нагрузить лодку тростникомъ. Ѳеодоръ боялся, что приготовленнаго имъ рагу[1]) не достанетъ для всѣхъ. Пахомій понялъ его мысли и предостерегалъ его отъ чрезмѣрной заботы о пищѣ и малодушнаго опасенія относительно ея, указывая на Божіе попеченіе о человѣкѣ. Упованіе не посрамило Пахомія.

---

1) Родъ растительной пищи.

Случился однажды въ монастырѣ недостатокъ въ пшеницѣ. Это очень огорчало и озабочивало иноковъ. Желая уничтожить ихъ опасенія за ближайшее будущее, Пахомій указывалъ имъ на два прекрасные ковра, пожертвованные однимъ добрымъ человѣкомъ: въ крайнемъ случаѣ ихъ можно продать и вырученныя деньги расходовать на покупку пшеницы. Цѣлую ночь Пахомій провелъ въ горячей молитвѣ.

На другой день утромъ постучался въ ворота монастыря начальникъ одного города. Когда привратникъ отперъ ему, онъ сказалъ, что далъ обѣтъ отдать нуждающимся извѣстное количество хлѣба и что въ эту ночь онъ узналъ во снѣ, что именно братія этого монастыря нуждаются въ хлѣбѣ: пусть кто-нибудь приметъ привезенный имъ хлѣбъ. Когда объ этомъ сообщили самому Пахомію, онъ очень обрадовался и сказалъ начальнику города, что они дѣйствительно нуждаются въ хлѣбѣ, но имъ нужна отсрочка въ уплатѣ денегъ. Добрый христіанинъ сказалъ:

— Я не за деньги привезъ это, но ради того, что вы люди Божіи. Пошли же братій внести это.

Пахомій, искренно благодарный доброму человѣку, оказавшему помощь обители во время крайней нужды, далъ ему въ благословеніе монастырскаго хлѣба и овощей. Начальникъ города съ радостію принялъ это и ушелъ довольный тѣмъ, что оказалъ помощь рабамъ Божіимъ. Братія удивились и обрадовались неожиданному дару монахолюбиваго начальника.

Пахомій боялся, какъ бы иноки не пристрастились къ какой-бы то ни было красотѣ на землѣ. Онъ боялся даже, чтобы стройность, изящество и красота храма не развлекали монаховъ.

Усердно предостерегалъ святый Пахомій учениковъ своихъ отъ тщеславія. Онъ убѣждалъ своихъ монаховъ творить подвиги втайнѣ, ради Бога, а не ради похвалы человѣческой. Совѣтовалъ имъ по внѣшности не выдѣляться изъ среды братій. Вотъ нѣсколько случаевъ, показывающихъ, какъ настойчиво онъ боролся съ этимъ врагомъ подвижниковъ.

Одинъ инокъ проводилъ много ночей въ непрерывномъ молитвенномъ бодрствованіи, услаждаясь надеждою заслужить особенное уваженіе отъ людей. Пахомій убѣждалъ его измѣнить образъ жизни, говорилъ, чтобы онъ ходилъ въ трапезу, когда призываются туда братія, и вкушалъ съ ними пищу, только не до полнаго насыщенія; чтобы совершалъ такое количество молитвъ, какое на-

значено всѣмъ инокамъ, чтобы по выходѣ изъ келліи былъ ко всѣмъ любезенъ и не казался мрачнымъ. Конечно, не слѣдуетъ покидать и своихъ подвиговъ, такъ какъ и это было бы угожденіемъ сатанѣ; но надобно все дѣлать ради Бога, не давая діаволу мѣста въ сердцѣ своемъ. Когда этотъ инокъ продолжалъ дѣйствовать по-прежнему, опасаясь, какъ бы не показаться братіямъ слабымъ и жалкимъ, Пахомій опять настойчиво совѣтовалъ ему ослабить свои подвиги. Много разъ онъ напоминалъ тщеславному иноку свои прежнія наставленія и, наконецъ, сказалъ ему, что онъ дойдетъ до состоянія безумія, если будетъ упорствовать въ своемъ пристрастіи къ внѣшнимъ подвигамъ ради уваженія отъ другихъ, а не ради умерщвленія страстей. Но монахъ дѣлалъ по-своему, и предсказаніе Пахомія исполнилось. Тщеславный монахъ, болѣе и болѣе надмеваясь гордостію по причинѣ своего наружнаго благочестія, дошелъ до безумія, до самозабвенія. Онъ готовъ былъ даже убить святаго Ѳеодора, когда авва послалъ его отвлечь этого инока отъ его тщеславной и Богу неугодной молитвы. Къ счастію, руки его, протянутыя съ обрубкомъ дерева, онѣмѣли, и онъ только неистово кричалъ на Ѳеодора, называя его врагомъ Божіимъ. Долго онъ былъ въ такомъ жалкомъ состояніи. Наконецъ, онъ исцѣлился отъ своего безумія и вмѣстѣ отъ прежней упорной гордости.

Святый Пахомій сидѣлъ однажды съ нѣкоторыми старцами внѣ келліи, бесѣдуя съ ними о Словѣ Божіемъ. Въ это время одинъ братъ предъ дверью своей келліи приготовлялъ рогожу. Онъ работалъ съ особеннымъ стараніемъ и въ этотъ день успѣлъ сплести двѣ рогожи. Онъ ожидалъ себѣ похвалы отъ аввы Пахомія. Видя его душевное состояніе, Пахомій сказалъ своимъ собесѣдникамъ:

— Не видите ли вы этого несчастнаго брата? Онъ потерялъ сегодняшній трудъ, такъ какъ возлюбилъ славу отъ людей болѣе, чѣмъ славу отъ Бога; онъ самого себя утомилъ и душу свою лишилъ всякаго успѣха и прибыли.

Пахомій призвалъ этого инока и строго укорялъ его за его мысли. Потомъ, смягчая свое обличеніе, Пахомій велѣлъ ему принести эти двѣ рогожи, когда братія соберутся въ церкви, и просить у иноковъ прощенія и молитвъ. То же онъ долженъ былъ сдѣлать и въ трапезѣ во время обѣда. Чтобы еще болѣе уврачевать его душу, Пахомій велѣлъ ему безвыходно сидѣть въ келліи, ежедневно приготовлять по двѣ рогожи вмѣсто одной, ѣсть только хлѣбъ и соль, ни съ кѣмъ не разговаривать, кромѣ одного брата,

который будетъ доставлять ему хлѣбъ, и усердно просить у Бога прощенія въ своемъ грѣхѣ. Это наказаніе было направлено прямо противъ главной страсти монаха: онъ долженъ былъ въ наказаніе дѣлать то, что̀ прежде дѣлалъ по тщеславію. Наказаніе постоянно напоминало ему допущенный имъ грѣхъ и должно было возбудить въ его сердцѣ живѣйшее раскаяніе. Онъ дорожилъ похвалою Пахомія: конечно онъ не могъ не понять, что великій авва не безъ основанія такъ строго наказалъ его, обличивъ прежде предъ всѣми.

Еще одинъ замѣчательный случай. Однажды святому Пахомію пришлось зайти въ монастырь, гдѣ иноки были заражены еретическими воззрѣніями. Здѣсь монахи передали Пахоміевымъ ученикамъ, что ихъ начальникъ предлагаетъ Пахомію вмѣстѣ перейти черезъ рѣку, чтобы показать, кто изъ нихъ правъ, кто болѣе угоденъ Богу. Когда ученики сказали объ этомъ Пахомію, онъ очень опечалился тѣмъ, что его монахи выслушали и передаютъ такое порученіе. Пахомій сказалъ имъ строго:

— Еретикъ можетъ перейти черезъ рѣку по поверхности воды, какъ проходятъ по сушѣ, по попущенію Божію и при помощи сатаны, желающаго утвердить его въ его нечестивомъ вѣрованіи и другихъ склонить къ этому вѣрованію. Теперь идите и скажите этимъ людямъ: «Служитель Божій Пахомій говоритъ: мои труды и заботы направлены не къ тому, чтобы перейти черезъ рѣку пѣшеходомъ, но къ тому, чтобы избѣжать наказаній Божіихъ и перейти черезъ ту огненную рѣку, черезъ которую мы всѣ, люди, должны перейти передъ Престоломъ Господа нашего Іисуса Христа. Сверхъ того Евангеліе говоритъ: «Не искушай Господа Бога твоего».

Святый Пахомій въ предложеніи еретиковъ видѣлъ козни сатаны, желавшаго чудеснымъ явленіемъ поколебать въ монахахъ вѣру и возбудить въ нихъ тщеславіе. Онъ убѣждалъ учениковъ и не склоняться когда-нибудь на что-нибудь подобное и не поддаваться тщеславію.

Когда въ какомъ-нибудь подвижникѣ проявлялась хотя бы одна добродѣтель, не испорченная тщеславіемъ, святый Пахомій радовался и этому малому преуспѣянію брата и тщательно лелѣялъ его добродѣтель, видя въ ней залогъ его спасенія.

Святый Пахомій не желалъ, чтобы иноки предавались строгимъ подвигамъ по принужденію, а не по собственному влеченію. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ слѣдующій случай изъ жизни киновіи.

Однажды, когда святый Пахомій послѣ посѣщенія другихъ монастырей возвращался въ ту обитель, гдѣ онъ постоянно жилъ, братія вышли привѣтствовать его. При самой встрѣчѣ одинъ юноша громко заявилъ ему, что съ того дня, какъ Пахомій ихъ оставилъ, имъ не готовили ничего ни изъ зеренъ, ни изъ овощей. Святый Пахомій кротко и привѣтливо отвѣтилъ ему:

— Не печалься, сынъ мой; отнынѣ я займусь вашими дѣлами и позабочусь о вашей пищѣ.

Войдя въ монастырь и сотворивъ въ церкви молитву, Пахомій пошелъ прямо въ поварню. Повара плели рогожи. Пахомій спросилъ главнаго повара:

— Съ какого времени ты не готовилъ похлебки для братіи?

Оказалось, что уже два мѣсяца, какъ онъ ни разу не готовилъ имъ похлебки. Пахомій спросилъ его:

— Почему ты такъ поступалъ, когда правила повелѣваютъ подавать похлебку братіи во всѣ субботы и воскресенья?

Главный поваръ отвѣтилъ, что братія изъ любви къ подвигамъ не ѣдятъ похлебки, довольствуясь небольшимъ количествомъ овощей и масла; прежде похлебка, приготовленная съ масломъ, выбрасывалась вонъ; теперь онъ назначилъ одного брата доставлять на трапезу маслины, овощи, уксусъ, а самъ онъ и другіе съ нимъ трудятся надъ изготовленіемъ рогожъ. За это время было приготовлено въ поварнѣ пятьсотъ рогожъ.

Пахомія глубоко опечалило самоволіе завѣдывавшаго кухнею монаха. Приказавъ сжечь самовольно приготовленныя рогожи, святый Пахомій строго замѣтилъ этому иноку, что онъ своимъ сверхдолжнымъ усердіемъ оказалъ пренебреженіе къ правиламъ. Притомъ же и воздержаніе иноковъ въ этомъ случаѣ было уже не дѣломъ свободнаго произволенія, а слѣдствіемъ необходимости: никто уже не имѣлъ возможности проявить свое усердіе, всѣ постились поневолѣ.

— Что̀ касается меня,—говорилъ святый Пахомій,—я бы предпочелъ приготовить кушанья разныхъ видовъ и сварить всякаго рода плоды и поставить все это предъ братіями, чтобы имъ, если они будутъ обуздывать свои желанія и добровольно, ради подвига, отказываться ѣсть это, совершить великое и доброе дѣло предъ Богомъ.

— Если на трапезѣ не подавать разрѣшеннаго уставомъ, то немощные братія не могли бы достаточно подкрѣплять свои упадшія

силы: они могутъ совершенно ослабѣть. Притомъ между братіями есть много новоначальныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые очень юны и слабы тѣломъ: они не могутъ въ иноческихъ подвигахъ сравниться съ совершенными. Имъ было бы особенно тяжело, если бы даже по субботамъ, воскресеньямъ и праздникамъ ихъ лишали варева: они могутъ предаться унынію отъ непривычной для нихъ строгости жизни.

Какой правильный взглядъ на дѣло! Какая благоразумная строгость къ нарушителямъ правилъ, какая забота о сохраненіи порядка въ общежитіи, какая любовь къ немощнымъ братіямъ слышится въ этомъ выговорѣ повару, нарушившему правила о пищѣ по чрезмѣрной ревности о воздержаніи!

Святый Пахомій всегда имѣлъ въ виду, что чрезвычайная строгость можетъ привести нѣкоторыхъ подвижниковъ въ отчаяніе. Къ инокамъ новоначальнымъ, неопытнымъ онъ относился съ особенною предупредительностію и нѣжностію, видя въ нихъ «молодыя растенія», требующія ухода и поддержки. Пахомій порицалъ своего любимаго ученика Ѳеодора за его суровость къ его брату Пафнутію. Только любовь и мудрость Пахомія удержали Пафнутія въ монастырѣ. Вотъ случай подобной предусмотрительности и любви въ отношеніи къ монаху чужаго монастыря.

Невдалекѣ отъ Тавенниси былъ небольшой монастырь, не принадлежавшій къ общежитію. Начальникъ этого монастыря часто приходилъ къ святому Пахомію слушать его мудрыя наставленія, чтобы потомъ передавать ихъ своимъ монахамъ. Одинъ инокъ этого монастыря усиленно домогался должности, которой не былъ достоинъ. Начальникъ однажды отвѣтилъ на его просьбы, что Пахомій совѣтовалъ не давать ему этой должности, потому что онъ недостоинъ ея, хотя Пахомій не говорилъ этого. Самолюбивый монахъ почти насильно повлекъ своего авву къ святому Пахомію для объясненій. Блѣдный, въ глубокой задумчивости слѣдовалъ начальникъ за своимъ монахомъ, смущенный его необузданнымъ гнѣвомъ.

Они застали Пахомія строившимъ монастырскую ограду. Внѣ себя отъ гнѣва монахъ кричалъ Пахомію:

— Сойди, чтобы доказать мой грѣхъ, Пахомій-лжецъ!

Въ высшей степени кроткій и терпѣливый Пахомій ничего не отвѣтилъ грубому монаху. Однако монахъ продолжалъ свою брань. Пахомій понялъ его душевное состояніе и спокойно отвѣчалъ:

— Прости меня, я согрѣшилъ; а ты никогда не согрѣшалъ?

Гнѣвъ монаха утихъ. Затѣмъ Пахомій отвелъ въ сторону начальника монастыря и разузналъ отъ него, въ чемъ дѣло. Авва далъ ему такой совѣтъ:

— Послушайся меня и исполни его просьбу, чтобы душу его вырвать изъ рукъ врага.

Начальникъ монастыря послѣдовалъ этому совѣту. И онъ, и его монахъ были утѣшены и успокоены Пахоміемъ.

Черезъ нѣсколько дней этотъ монахъ раскаялся въ своей грубости относительно Пахомія и пошелъ къ нему просить прощенія. Онъ признался, что Пахомій выше, чѣмъ говорятъ о немъ, и повѣдалъ ему слѣдующее:

— Богъ знаетъ, что если бы ты не былъ великодушенъ ко мнѣ и сказалъ бы мнѣ одно грубое слово, то я, грѣшный, оставилъ бы монашество и снова сдѣлался бы міряниномъ. Будь же благословенъ, человѣкъ Божій, потому что Господь оживилъ меня черезъ твое великодушіе.

Святый Пахомій часто напоминалъ монахамъ о той ревности, какую они должны имѣть. Каждымъ случаемъ онъ пользовался, чтобы возбудить въ нихъ усердіе къ подвигамъ, къ плачу о грѣхахъ, къ духовному преуспѣянію.

Проходя однажды съ своимъ ученикомъ Ѳеодоромъ вблизи гробницъ, Пахомій увидѣлъ, что здѣсь нѣсколько женщинъ безутѣшно плакали. Онъ сказалъ Ѳеодору:

— Не видишь ли ты этихъ женщинъ, проливающихъ слезы о мертвыхъ, которыхъ онѣ не могутъ воскресить? Тѣмъ болѣе мы, которыхъ называютъ монахами, не должны ли плакать о нашихъ душахъ, которыя умерли по причинѣ грѣха и которыя воскресить Христосъ по Своему человѣколюбію! Во всякомъ случаѣ, слезы похвальны, если онѣ проливаются съ добрымъ намѣреніемъ.

Преподобный Пахомій и его монахи радовались не только о своемъ спасеніи и благополучіи, но и о спасеніи ближнихъ и объ истинномъ ихъ благополучіи. Неправильныя ученія смущаютъ вѣрующихъ, производятъ волненія и раздѣленія въ Церкви: святый Пахомій скорбитъ объ этомъ. Торжествуютъ православные—ослабѣваетъ ересь: какая радость наполняетъ сердца Тавеннисіотовъ съ преподобнымъ Пахоміемъ во главѣ! Голодъ или какое-нибудь другое общественное бѣдствіе постигаетъ страну: общая скорбь Египта доходитъ вскорѣ до Тавеннисійскаго начальника, и здѣсь чужое горе вызываетъ живѣйшее состраданіе.

Такъ, однажды преподобному Пахомію сказали, что въ Египтѣ большой голодъ, къ которому присоединилась еще почти неразлучная спутница голода—моровая язва. Шелъ уже второй день, какъ Пахомій оставался безъ пищи. Но онъ такъ живо почувствовалъ страданія многихъ отъ голода, что до другого дня совсѣмъ не прикасался къ пищѣ и говорилъ съ величайшимъ сочувствіемъ къ страждущимъ:

— Я не могу ѣсть, когда мои сочлены голодны и не имѣютъ хлѣба.

И во все время, когда голодъ продолжался въ Египтѣ, Пахомій былъ въ великой скорби, предавался самому строгому посту и молился о прекращеніи народнаго бѣдствія.

Глубоко сочувствовавшій всѣмъ людямъ и особенно инокамъ, святый Пахомій за всѣхъ усердно молился. Онъ молился, чтобы Господь помогалъ инокамъ исполнять ихъ высокіе обѣты и сдѣлаться каждому изъ нихъ чистымъ храмомъ Святаго Духа. Молясь за другихъ людей, онъ прежде всего молился за тѣхъ, кто творитъ добро, чтобы Господь изгладилъ изъ ихъ сердца всякое попеченіе о земномъ, кромѣ того, что̀ необходимо для жизни. Молился великій авва и за тѣхъ, кто порабощенъ еще грѣху или омраченъ ересью, чтобы Господь далъ имъ покаяніе. Молился онъ за царей и за всѣхъ правителей, чтобы они жили въ любви у Бога и у всѣхъ людей, чтобы творили судъ обидимымъ, чтобы не пристращались къ тлѣнной славѣ, чтобы походили на тѣхъ царей, которые творили волю Божію и были угодны Богу, каковъ былъ, напримѣръ, Царь Давидъ. Молился Пахомій и за пастырей, чтобы Господь помогъ имъ быть вѣрными преемниками Апостоловъ, ходить по всѣмъ Заповѣдямъ Господнимъ непорочно, украшаться истиннымъ вѣдѣніемъ, твердою, апостольскою вѣрою, чистотою и благочестіемъ.

Святый Пахомій, молившійся о благополучіи міра, всѣмъ подавалъ помощь, когда это было возможно. Много людей обратилось къ доброй жизни подъ вліяніемъ его святой жизни и его кроткаго и вмѣстѣ твердаго слова. Много иноковъ спаслось подъ его ближайшимъ руководствомъ. Мало этого, святый Пахомій, при Божіемъ содѣйствіи, оказывалъ людямъ чудесную помощь въ ихъ тѣлесныхъ недугахъ.

Нѣкій пресвитеръ Діонисій привелъ къ вратамъ обители кровоточивую женщину, которая ни отъ кого не получала помощи

и получила теперь совершенное исцѣленіе чрезъ прикосновеніе къ краю одежды святаго Пахомія.—Преподобный Пахомій исцѣлилъ, чрезъ помазаніе елеемъ, приведенную однимъ человѣкомъ дочь его, причемъ сказалъ отцу ея, что она не живетъ въ дѣвственной чистотѣ и заповѣдалъ ей чрезъ отца быть цѣломудренною.—Другой человѣкъ привелъ къ святому Пахомію своего сына, одержимаго духомъ нечистымъ. Юноша былъ исцѣленъ.—И еще одного бѣсноватаго вскорѣ исцѣлилъ великій авва.—Былъ еще подобный же случай исцѣленія.

Святый Пахомій однажды молился за человѣка, одержимаго нечистымъ духомъ, но ему былъ Гласъ свыше, чтобы онъ прекратилъ свою молитву за него, такъ какъ это несчастіе постигло его для его же душевной пользы.

Въ монастырѣ Певоу былъ боленъ одинъ братъ. Уже три дня онъ боролся съ болѣзнію. Явившись къ Пахомію, онъ со слезами просилъ молитвъ о своемъ исцѣленіи, указывая на то, что многіе міряне получаютъ исцѣленіе. Пахомій возразилъ ему на это:

— Вѣра мірянъ даетъ исцѣленіе ихъ тѣлу, а черезъ исцѣленіе, которое Богъ даетъ имъ, они располагаются дѣлать добро. Что же касается до насъ, служителей Христовыхъ, наша вѣра есть нетлѣнное упокоеніе, которое Богъ дастъ намъ въ другомъ мірѣ; безъ болѣзни, безъ скорби мы вели бы себя противъ заповѣди.

Это наставленіе Пахомія утѣшило больного инока.

Спустя нѣкоторое время, когда болѣзнь его все продолжалась, онъ въ сопровожденіи братій пришелъ къ Пахомію. Всѣ стали просить молитвъ великаго аввы объ исцѣленіи этого брата. Пахомій началъ молиться, но тотчасъ же услышалъ гласъ:

— Не молись за этого брата, потому что Господь послалъ ему эту болѣзнь, чтобы спасти его отъ козней діавола.

Всѣ братія тогда восхвалили Господа, Который печется о Своихъ рабахъ и устрояетъ ихъ спасеніе.

Хотя рукою Пахомія Господь совершалъ много исцѣленій, но великій авва всегда считалъ высшимъ и болѣе необходимымъ исцѣленіе души отъ служенія идоламъ, отъ лжи, отъ блуда и нечистоты всякаго рода, вообще отъ всякаго грѣха. И подавая исцѣленіе тѣлу, онъ всегда стремился уврачевать вмѣстѣ и душу человѣка.

Велики были плоды дѣятельности святаго Пахомія. Иноки подъ его руководствомъ достигали высокаго совершенства. Даже лѣнивые и закоснѣлые въ порокахъ исправлялись и старались дости-

гнуть высшей степени совершенства. Среди великихъ подвижниковъ трудно было выдѣлиться чѣмъ-нибудь особеннымъ. Потому-то такъ мало именъ этихъ иноковъ дошло до насъ. Вотъ нѣкоторые выдающіеся подвижники.

Примѣръ трудолюбія, терпѣнія, отрѣшенія отъ тѣла мы видимъ въ садовникѣ Іонѣ. Восемьдесятъ пять лѣтъ онъ провелъ въ монашескихъ трудахъ. Всѣ деревья въ саду были посажены имъ, но онъ никогда не вкушалъ ихъ плодовъ. Эти плоды доставляли подкрѣпленіе и утѣшеніе приходившимъ къ Іонѣ инокамъ. Платье его было самое нищенское, нѣчто въ родѣ кожанаго покрывала, едва прикрывавшаго тѣло. Одежду изъ грубой шерсти онъ надѣвалъ только предъ принятіемъ Святыхъ Таинъ, а потомъ немедленно снималъ; этой одежды достало ему на всю жизнь. Онъ никогда не ѣлъ ни одного кушанья, приготовленнаго на огнѣ. Свою обычную пищу, состоявшую изъ хлѣба и уксуса, онъ принималъ только вечеромъ, и то—не до полнаго насыщенія. Онъ совсѣмъ не думалъ о тѣлесномъ покоѣ, и даже во время болѣзни, даже тогда, когда онъ былъ близокъ къ смерти, его не могли убѣдить отправиться въ больницу: онъ считалъ себя недостойнымъ пользоваться услугами другихъ. Цѣлый день работая въ саду подъ палящими лучами солнца, Іона только къ вечеру прекращалъ этотъ нелегкій трудъ. Когда наступала ночь, онъ уходилъ въ свою келлію, садился посреди на своемъ стулѣ и до полуночи вилъ веревки, устами и сердцемъ прославляя Бога. Потомъ только на короткое время онъ засыпалъ, оставаясь на своемъ стулѣ, причемъ веревокъ не выпускалъ изъ рукъ. Бодрый духомъ, авва Іона скоро вставалъ, чтобы отдаться молитвѣ и потомъ приняться за работу въ саду. Ночью во время молитвы и рукодѣлія онъ никогда не зажигалъ свѣтильника. Онъ совершилъ еще много другихъ дѣлъ, достойныхъ удивленія. Онъ умеръ сидя на своемъ стулѣ: веревки оставались въ его рукахъ. Желая похоронить его, братія не могли соединить его ногъ, не могли пригнуть руки къ тѣлу, не могли также снять съ него обычную его кожаную одежду, чтобы надѣть на него чистое платье изъ шерсти. Его похоронили въ томъ видѣ, какъ онъ умеръ, облекши только въ шерстяной саванъ.

Въ Пахоміевомъ общежитіи былъ одинъ инокъ, пораженный проказою, по имени Аѳинодоръ. Этотъ инокъ—рѣдкій примѣръ терпѣнія, благодушія и трудолюбія при постоянной, жестокой болѣзни. Живя вдали отъ другихъ какъ прокаженный, Аѳинодоръ

питался только хлѣбомъ и солью, да и то черезъ два дня къ вечеру. Подобно всѣмъ монахамъ общежитія онъ ежедневно плелъ по рогожѣ, хотя руки его, поврежденныя проказою, отъ работы обагрялись кровію. Днемъ онъ никогда не позволялъ себѣ лечь отдохнуть. Понемногу онъ выучивалъ на память отдѣлы Священнаго Писанія. Передъ отходомъ ко сну онъ долго молился, а въ полночь шелъ на общую братскую молитву. Но всего удивительнѣе было въ немъ терпѣливое перенесеніе болѣзни. Святый Пахомій нерѣдко посылалъ его въ различные монастыри, увѣренный въ томъ, что одинъ видъ этого инока пробудитъ благочестивую ревность во многихъ. Какъ-то къ нему въ келлію вошелъ одинъ добрый инокъ. Онъ былъ очень растроганъ терпѣніемъ и болѣзненнымъ видомъ аввы Аѳинодора. Съ братскою любовію этотъ инокъ убѣждалъ его перестать трудиться надъ плетеніемъ рогожъ, такъ какъ это причиняетъ его рукамъ страшную боль. Инокъ говорилъ, что каждый изъ нихъ съ радостію будетъ трудиться за него и что это нисколько не будетъ отягощать ихъ. Они и такъ ради Господа служатъ больнымъ и странникамъ. Но терпѣливый Аѳинодоръ, проникнутый сознаніемъ важности труда для каждаго человѣка и особенно для монаха, рѣшительно сказалъ своему благожелателю, что для него невозможно перестать работать. Сердобольный братъ совѣтовалъ ему хотя бы растирать руки масломъ, чтобы онѣ нѣсколько смягчились и перестали трескаться. Аѳинодоръ послѣдовалъ этому совѣту. Но руки его отъ масла сдѣлались нѣжнѣе; онъ во время работы чувствовалъ уже еще бо̀льшую боль. Пахомій замѣтилъ, что этотъ братъ прибѣгаетъ къ помощи масла. Авва съ братскимъ укоромъ замѣтилъ Аѳинодору, что онъ долженъ не возлагать надежды на масло, а всецѣло отдать себя на волю Божію, такъ какъ не безъ Промысла Божія, не безъ пользы для него и для другихъ эта болѣзнь постигла его. Аѳинодоръ призналъ себя виновнымъ и просилъ у Пахомія прощенія. Онъ цѣлый годъ потомъ оплакивалъ этотъ грѣхъ.—Такъ строги были къ себѣ иноки Пахоміева общежитія. Святый Пахомій зналъ, къ кому можно быть строгимъ и кому слѣдуетъ оказывать снисхожденіе.

Однажды являются къ Пахомію двое юношей. Они оба желали сдѣлаться монахами. Одинъ изъ нихъ, Сильванъ, юноша шестнадцати или семнадцати лѣтъ, доселѣ жилъ въ плотской нечистотѣ. Пахомій принялъ ихъ съ такими мыслями:

«Я сдѣлаю ихъ монахами, и если юноша, проводившій дур-

ную жизнь, принесъ покаяніе, я буду хранить его; если же онъ не раскаялся, я изгоню его».

Авва Пахомій наединѣ говорилъ съ Сильваномъ, и юноша откровенно разсказалъ о своихъ прежнихъ грѣхахъ. Онъ обѣщалъ сдѣлаться другимъ человѣкомъ и болѣе не грѣшить. Но прошло немного времени, и Сильванъ предался прежнимъ грѣхамъ. Авва Пахомій намѣренъ былъ уже изгнать его, чтобы примѣръ его не развратилъ кого-нибудь въ монастырѣ. Авва призвалъ къ себѣ одного благочестиваго инока и поручилъ ему отправиться съ Сильваномъ и еще съ пятью иноками въ указанный имъ монастырь и ожидать его тамъ.

На другой день онъ предполагалъ здѣсь объявить Сильвану свое рѣшеніе объ изгнаніи его изъ общежитія. Но благодать Божія именно наканунѣ этого дня, ночью, коснулась сердца юноши, онъ твердо рѣшилъ перемѣнить свой образъ жизни и исправить свое сердце. Еще ночью онъ всталъ съ постели, нашелъ благоговѣйнаго брата, который сопровождалъ его въ этотъ монастырь: сѣлъ подлѣ него и сталъ горько плакать. На вопросъ брата о причинѣ этихъ слезъ Сильванъ отвѣтилъ ему:

— Я плачу, потому что я не пребываю въ страхѣ Божіемъ; если бы я боялся Господа, я соблюдалъ бы слова аввы нашего Пахомія, человѣка Божія.

Добрый инокъ старался утѣшить его. Онъ далъ юношѣ такой совѣтъ:

— До этого дня ты пребывалъ безъ страха Божія, но теперь предай душу свою всему тому, что̀ онъ тебѣ приказалъ, и ты пріобрѣтешь страхъ Божій, если соблюдешь это.

Утромъ пришелъ въ этотъ монастырь святый Пахомій съ двумя монахами. Онъ тайно призвалъ къ себѣ Сильвана и бесѣдовалъ съ нимъ съ утра до седьмаго часа дня. Въ этой бесѣдѣ онъ раскрылъ юношѣ его душевное состояніе, указалъ ему его великую виновность и объявилъ, что болѣе держать его въ монастырѣ не можетъ. Страшно поразили юношу слова великаго аввы. Онъ уже думалъ о самоисправленіи, объ очищеніи сердца, о духовномъ возрожденіи, а теперь слышитъ, что его сейчасъ изгонятъ изъ среды монаховъ, которыхъ онъ любилъ и уважалъ вполнѣ искренно. Съ горькими слезами Сильванъ упалъ къ ногамъ Пахомія. Умоляя старца о пощадѣ, онъ говорилъ:

— На этотъ разъ я принесу покаяніе и буду исполнять все

то, что̀ ты прикажешь мнѣ, не ради тебя одного, но ради Бога, Который обитаетъ въ тебѣ и Который открылъ тебѣ мою нечистоту.

Онъ просилъ старца не изгонять его изъ монастыря, если онъ не нарушитъ болѣе своего обѣщанія. Искренность покаянія Сильвана была очевидна. Пахомій на короткое время ушелъ отъ него въ уединенное мѣсто и молился о немъ, чтобы Господь далъ ему твердость въ исполненіи его обѣщанія. Потомъ онъ призвалъ къ себѣ благочестиваго инока Санамона и поручилъ ему заботиться о Сильванѣ, причемъ разсказалъ ему о поведеніи этого юноши, прося молчать объ этомъ. Пахомій предупредилъ этого инока, что ему предстоитъ много трудовъ при исправленіи Сильвана, и только тогда вручилъ ему юношу, когда добрый подвижникъ изъявилъ согласіе тщательно заботиться о его духовномъ перерожденіи. Потомъ Пахомій призвалъ Сильвана и далъ ему наставленіе, убѣждая всегда быть съ этимъ старцемъ, подражать его жизни, никуда отъ него не отлучаться и ничего не дѣлать безъ позволенія. Сильванъ обѣщалъ исполнить заповѣдь Пахомія. Начальнику этого монастыря Пахомій сказалъ, чтобы онъ ни въ какомъ случаѣ не разлучалъ этихъ двухъ иноковъ; но не открылъ ничего о прежнемъ поведеніи Сильвана. Пламенѣя теперь любовію къ Богу, Сильванъ просилъ себѣ помощи свыше и обѣщалъ полную готовность терпѣть всякую скорбь и обиду какъ нѣчто заслуженное, обѣщалъ, что будетъ бодрствовать неусыпно надъ своимъ сердцемъ.

Сильванъ исполнилъ свой обѣтъ. Онъ все усиливаетъ свои подвиги. Онъ ѣстъ только одинъ разъ въ день и пьетъ воду не до полнаго утоленія жажды. Онъ усердно молится и даже большую часть ночи проводитъ въ молитвѣ, а когда его уже одолѣваетъ сонъ, онъ садится на своей рогожѣ, не позволяя себѣ опереться о стѣну. Все это онъ дѣлаетъ безъ всякаго тщеславія, съ величайшею скромностію, имѣя въ виду лишь очищеніе сердца своего, подавленіе порочныхъ стремленій и пріобрѣтеніе совершеннѣйшей любви къ Богу. Его скромность простирается до того, что онъ выбираетъ себѣ въ пищу худшіе овощи и старается получить худшій тростникъ для плетенія рогожъ и корзинъ, считая себя худшимъ изъ всѣхъ монаховъ.

Въ непродолжительное время Сильванъ достигъ совершенной чистоты духа. Самъ Пахомій радовался, видя духовное преуспѣяніе юнаго подвижника, принесшаго плоды покаянія.

Однажды братія того монастыря, гдѣ жилъ Сильванъ, собирали тростникъ. Пахомій на этотъ разъ былъ съ ними, назидая ихъ Словомъ Божіимъ. Наконецъ онъ сказалъ инокамъ:

— Я желаю сообщить вамъ о томъ чудѣ, которое Господь сотворилъ между вами. Есть среди васъ одинъ, который обратился и сдѣлался новымъ человѣкомъ посредствомъ втораго рожденія, такъ что онъ сталъ совершеннымъ по чистотѣ сердца.

Пахомій указалъ и на то, что при высокой степени духовной чистоты этотъ братъ совершенно чуждъ гордости и что нѣтъ ни одного изъ братій, который бы походилъ на него по чистотѣ и возвышенности души. Иноки удивились, узнавъ, что Пахомій говорилъ имъ о Сильванѣ. Всѣ братія теперь стали выражать Сильвану величайшее уваженіе. Одинъ за другимъ они стремились къ нему, чтобы услышать отъ него слово назиданія. Они называли его теперь не иначе, какъ «авва Сильванъ». Но скромный инокъ съ великою кротостію говорилъ имъ:

— Правда ли, что я вашъ авва?

Онъ трудился съ величайшимъ напряженіемъ силъ, чтобы стать на такую высоту. Послѣ этого онъ не долго жилъ. Онъ умеръ въ мирѣ съ Богомъ и совѣстію.

Святому Пахомію Господь открывалъ и будущія судьбы иночества. Однажды многіе братія отправились съ Пахоміемъ рѣзать тростникъ. Нѣкоторые изъ иноковъ провожали ихъ. Между ними былъ и любимый ученикъ Пахомія святый Ѳеодоръ. Когда уже нужно было отчалить отъ берега, Пахомій сказалъ Ѳеодору:

— Поспѣши войти въ лодку.

Ѳеодоръ, не спрашивая о причинѣ, тотчасъ исполнилъ приказаніе старца, вошелъ въ лодку и даже не подумалъ о томъ, чтобы взять съ собою книгу, какую читалъ онъ въ тѣ дни ради назиданія. Онъ радъ былъ, что старецъ далъ ему возможность проявить послушаніе, которое и не спрашиваетъ, куда и зачѣмъ ведутъ, подобно Аврааму, вышедшему изъ своей земли по повелѣнію Божію, хотя онъ и не зналъ, куда онъ идетъ. Когда уже нагрузили лодку тростникомъ, Пахомій увидѣлъ нѣчто очень страшное. Ему представилось, что нѣкоторые изъ иноковъ находятся въ пасти львовъ, иные въ пасти крокодиловъ, другіе среди огня, а нѣкоторые подъ горою, на которую напираютъ волны,—они стараются взойти на гору, но всѣ ихъ усилія оказываются тщетными. Они всѣ восклицали:

— Господи, помоги намъ!

Увидѣвъ иноковъ въ такомъ затрудненіи, Пахомій бросилъ на землю тростникъ, который несъ на плечахъ, простеръ руки къ Небу и началъ очень громко молиться, прося у Господа помощи для этихъ несчастныхъ. Видя это, всѣ иноки также бросили ношу и начали молиться. Эта напряженная молитва множества иноковъ продолжалась до вечера. Пахомію было открыто, что это видѣніе относится къ тому времени, когда его уже не будетъ въ живыхъ. Вечеромъ за трапезой Пахомій ничего не ѣлъ. Святый Ѳеодоръ, посланный во время сбора тростника съ однимъ инокомъ по какому-то дѣлу, ничего не зналъ о случившемся. Потомъ ему сообщили о видѣніи Пахомія. Узнавъ, что старецъ ничего не ѣлъ, Ѳеодоръ размочилъ хлѣбъ, приготовилъ и еще какое-то кушанье и чрезъ одного брата передалъ Пахомію, что желаетъ его видѣть. Услышавъ, что Ѳеодоръ его зоветъ, Пахомій немедленно пошелъ къ нему. Думая о судьбѣ многихъ иноковъ, старецъ все еще продолжалъ плакать. И Ѳеодору онъ сказалъ, что и онъ долженъ плакать предъ Господомъ. Одинъ братъ въ это время замѣтилъ, что Ѳеодоръ еще ничего не ѣлъ. Пахомій отвѣтилъ ему:

— Что общаго у васъ съ нимъ? Пусть онъ не ѣстъ и плачетъ.

Самъ старецъ, чтобы еще больше не огорчить своего любимаго ученика, ѣлъ предложенную Ѳеодоромъ пищу, хотя печаль еще была очень сильна въ его сердцѣ.

Въ послѣдніе годы своей жизни святый Пахомій имѣлъ еще другое видѣніе относительно судьбы иночества. Однажды, затворившись въ своей келліи, Пахомій молился съ одиннадцатаго часа (по нашему—съ пятаго часа вечера) до полуночи. Вдругъ яркій свѣтъ осіялъ его комнату. Онъ слышитъ голосъ:

— Поколѣніе, которое будетъ слѣдовать за тобою, будетъ проводить такую жизнь, которая будетъ угодна Богу, какъ въ эти дни.

Потомъ ему было открыто, какъ широко распространятся монастыри. Но вотъ въ восхищеніи онъ видитъ какой-то очень глубокій, крутой и мрачный ровъ. Въ этомъ рву ходили въ безчисленномъ количествѣ иноки, не различая одинъ другого и наталкиваясь другъ на друга. Нѣкоторые дѣлали страшныя усилія, чтобы выйти изъ этого рва. Одни изъ нихъ успѣвали достигнуть до половины глубины, но потомъ стремглавъ падали. Многіе жалостно взывали о состраданіи. Нѣкоторымъ удавалось наконецъ достигнуть

до самой верхней точки этой бездны—до самаго отверстія, откуда свѣтъ освѣщалъ для Пахомія этотъ страшный мракъ: великую хвалу воздавали они тогда Богу. Придя въ себя, Пахомій понялъ, что въ этомъ видѣніи ему открыто будущее состояніе душъ иноковъ, которые худо ведутъ себя—по своей ли небрежности или по винѣ худыхъ руководителей. Пахомій съ великою скорбію взывалъ къ Богу, прося Его милости къ монастырямъ и монахамъ. Онъ почти отчаявался за нихъ. Въ отвѣтъ на свои вопли къ Богу онъ услышалъ Голосъ:

— Пахомій, не забывай, что ты человѣкъ: все зависитъ отъ Моего милосердія.

Простершись на землѣ, Пахомій молилъ Бога о милосердіи къ нему. Тогда онъ былъ утѣшенъ явленіемъ самого Христа Спасителя въ видѣ человѣка молодыхъ лѣтъ, неизреченной красоты, съ терновымъ вѣнцомъ на главѣ. Христосъ открылъ ему, что его ученики будутъ взирать на него какъ на свѣтильникъ, отъ котораго имъ и можно заимствовать свѣтъ для себя. Ихъ поведеніе будетъ согласно съ правилами. Ихъ внутреннее настроеніе будетъ доброе. Имъ будутъ подражать послѣдующіе иноки. Но настанетъ время, когда вѣра ослабѣетъ и пороки усилятся. Нерадѣніе и пристрастіе къ чувственнымъ благамъ будутъ отличать иноковъ того времени. Духовный мракъ усилится. Они будутъ бороться другъ съ другомъ за обладаніе мірскими благами. Истинныхъ подвижниковъ будетъ очень мало. Они не будутъ имѣть руководителей. Сами себя они должны будутъ возбуждать къ дѣланію добра, къ удаленію отъ зла. Конечно, ихъ подвиги будутъ имѣть мало цѣны по сравненію съ подвигами первыхъ монаховъ. Однако они получатъ награду наравнѣ съ первыми, потому что имъ придется немало страдать отъ тяжелыхъ для иноковъ условій современной имъ жизни.

Пахомій былъ очень радъ, когда ему было открыто все это. Много дней онъ оставался безъ пищи. На другой день, когда братія собирались на молитву, авва пошелъ вмѣстѣ съ ними въ церковь. Здѣсь, послѣ молитвы, онъ предложилъ трогательную бесѣду собравшимся инокамъ.

Настоящая жизнь, говорилъ онъ, быстро проходитъ, и смерть приближается къ намъ. Смерть можетъ внезапно постигнуть насъ, когда мы совсѣмъ еще не готовы. Человѣкъ поэтому всегда долженъ усердно исполнять Заповѣди Божіи, не оставляя безъ вниманія ни одной. Мысль о блаженствѣ праведныхъ и о мученіяхъ грѣш-

ныхъ всегда должна быть съ нами. При видѣ могилъ нашихъ братій мы не можемъ не думать о тлѣнности человѣка, о томъ, что настоящая жизнь не заключаетъ въ себѣ чего-нибудь такого, чѣмъ можно было бы гордиться, къ чему можно было бы имѣть пристрастіе. Святый Пахомій настойчиво предупреждаетъ иноковъ, что именно они, отрекшіеся отъ міра, будутъ болѣе всѣхъ жалки, если будутъ поступать вопреки своему долгу, если будутъ вмѣсто Бога служить діаволу и грѣху. Великій авва приглашаетъ своихъ учениковъ усердно трудиться для своего спасенія, дѣлать все возможное и всегда возлагать упованіе на Бога.

Сильно ослабѣвъ отъ подвиговъ, преподобный Пахомій вскорѣ послѣ праздника Пасхи подвергся тяжкой болѣзни, отъ которой уже много иноковъ умерло. Когда къ кому-либо приступала эта болѣзнь, онъ начиналъ чувствовать сильнѣйшій жаръ, глаза дѣлались красными, измѣнялся цвѣтъ лица, появлялось какое-то удушье. Во всѣхъ монастыряхъ одинъ за другимъ умирали иноки, а еще болѣе было больныхъ. Когда заболѣлъ Пахомій, Θеодоръ съ сыновнею любовію служилъ ему. Болѣзнь великаго аввы длилась много дней. Онъ постепенно ослабѣвалъ. Жаръ былъ необычайный. Старецъ по три дня совсѣмъ не принималъ пищи и даже воды. Однако онъ продолжалъ вести бесѣды съ братіями. Дней сорокъ Пахомій пролежалъ въ больницѣ. О немъ заботились наравнѣ со всѣми больными. Онъ такъ ослабѣлъ, что его страшно тяготило толстое покрывало. Онъ просилъ Θеодора покрыть его болѣе легкимъ одѣяломъ. Θеодоръ немедленно принесъ легкое и притомъ новое одѣяло и покрылъ имъ старца. Пахомій замѣтилъ, что для него сдѣлано предпочтеніе, и нашелъ это несправедливымъ. Старецъ боялся, что это можетъ кого-нибудь ввести въ соблазнъ. Тогда Θеодоръ снялъ съ него это покрывало и одѣлъ его другимъ, наравнѣ со всѣми больными.

Преподавши инокамъ и особенно ихъ начальникамъ много полезныхъ наставленій, святый Пахомій скончался въ четырнадцатый день мѣсяца Пашонсъ [1]), вѣроятнѣе всего—въ 348 г., 53 лѣтъ отъ роду.

Рука Θеодора закрыла глаза великаго Пахомія. Братія бросились къ святымъ останкамъ, со слезами лобызали уста и святое тѣло аввы Пахомія. Они читали молитвы объ упокоеніи его и весь

[1]) Мѣсяцъ Пашонсъ соотвѣтствуетъ нашему маю, начинаясь 26 числомъ апрѣля. Поэтому 14 Пашонсъ—9 мая.

этотъ день, и цѣлую ночь. Утромъ была принесена за него безкровная жертва. Затѣмъ братія съ пѣніемъ отнесли тѣло Пахомія къ горѣ и похоронили по обычаю. Это было въ пятнадцатый день мѣсяца Пашонсъ.

Возвратившись въ монастырь, братія съ великою скорбію говорили другъ другу:

— Поистинѣ, мы сегодня осиротѣли.

Тропа́рь, гла́съ и҃:

Слéзъ твои́хъ течéньми пꙋсты́ни безплóдное воздѣ́лалъ є҆сѝ, и҆ и҆́же и҆з̾ъ глꙋбины̀ воздыха́ньми во стò трꙋдѡ́въ ᲂу҆плодоноси́лъ є҆сѝ, и҆ бы́лъ є҆сѝ свѣти́льникъ вселéннѣй, сїѧ́ѧ чꙋдесы̀, пахѡ́мїе ѻ҆́тче на́шъ. молѝ хрⷭ҇та̀ бг҃а, сп҃сти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Свѣти́льникъ свѣ́телъ показа́лсѧ є҆сѝ въ концѣ́хъ, пꙋсты́ню же гра́ды сотвори́лъ є҆сѝ мнóжествы мона́шескими: са́мъ себѐ распéнъ, крéстъ твóй на ра́мо взéмъ, и҆ воздержа́нїемъ тѣ́ло и҆знꙋри́лъ є҆сѝ, молѧ̀ непреста́ннѡ ѡ҆ всѣ́хъ на́съ.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ЕВФРОСИНА,

Псковскаго чудотворца

Святый мученикъ Елеазаръ[1]) происходилъ изъ великаго острова Россіи, между сѣверомъ и западомъ находящагося въ удѣлѣ Іафета, изъ сѣверной страны, изъ окрестностей богохранимаго великаго города Пскова[2]). Онъ родился и получилъ воспи-

---

[1]) Такое имя носилъ въ міру Евфросинъ.

[2]) Описаніе мѣстности, изъ которой происходитъ преподобный, изложено такъ витіевато, что трудно доискаться смысла въ словахъ. Мѣстность эта названа островомъ вѣроятно потому, что на сѣверѣ ея находится финскій заливъ и Ладожское озеро, соединяемые рѣкою Невою, на востокѣ протекаетъ рѣка Волховъ, соединяющая Ладожское озеро и озеро Ильмень, а на западѣ находится Чудское озеро, соединяемое съ Финскимъ заливомъ рѣкою Наровою, и далѣе на югѣ—продолженіе Чудскаго озера, озеро Псков-

таніе въ селѣ Виделебьи[1]), находящемся на разстояніи тридцати поприщъ[2]) отъ города Пскова. Кто были по плоти его родители, неизвѣстно, извѣстно только одно то, что онъ родился духовнымъ рожденіемъ, и отцомъ онъ имѣлъ Бога, Который и родилъ его водою и Духомъ, а матерью его была Православная отеческая Церковь, почему онъ и воспитанъ былъ въ правой вѣрѣ и наставленіи. По достиженіи возраста родители отдали его въ наученіе божественнымъ книгамъ, и онъ вскорѣ настолько ясно уразумѣлъ Божественныя Писанія, что могъ не только словесно изъяснить ихъ, но и составлять собственныя поучительныя сочиненія. При этомъ онъ изучилъ и философскія науки, такъ что даже старики удивлялись его мудрости и съ похвалою отзывались о немъ. Никогда онъ не обнаруживалъ склонности ни къ играмъ, ни къ зрѣлищамъ, но больше всего любилъ чтеніе Божественныхъ Писаній и церковныя пѣснопѣнія, причемъ съ юныхъ лѣтъ сталъ предаваться строгому воздержанію, отказавшись совсѣмъ отъ употребленія въ пищу сладкаго. Увидя такое воздержаніе отрока, родители говорили ему:

— Сынъ нашъ! Зачѣмъ ты изнуряешь тѣло свое такимъ суровымъ образомъ жизни и этимъ причиняешь намъ великую скорбь?

— Родители мои,—отвѣчалъ на это отрокъ,—въ Писаніи сказано, что пища и питіе не приближаютъ насъ къ Богу[3]), а только постъ, молитва, чистота тѣлесная и воздержаніе— вотъ что приближаетъ насъ къ Богу.

Послѣ сего родители Елеазара пожелали сочетать его законнымъ бракомъ, но разсудительный отрокъ убѣжалъ отъ родителей своихъ, какъ серна отъ тенетъ[4]). Родители долго повсюду со слезами разыскивали его и нигдѣ не могли найти, но благодать Божія хранила его. Вскорѣ отецъ его скончался, и мать осталась вдовою. Тогда милостивый Богъ, хотящій всѣмъ людямъ спастись и въ разумъ истины пріити, вложилъ въ сердце его благую мысль о томъ, какъ бы ему устроить свое спасеніе и удалиться

ское. Послѣднее сближается на югѣ съ озеромъ Ильменемъ рѣками Великою и Шелонью. На сѣверѣ этой мѣстности жили инородческія племена Водь и Ижора, а на западѣ—Чудь, Ливь и Литовцы, а сама она была населена славянскими, которыя и наименованы, надо думать «удѣломъ Іафета».

[1]) *Виделебье* —село въ Псковскомъ уѣздѣ. Оно было мѣстомъ рожденія и преподобнаго Никандра Псковскаго, память котораго празднуется 24 сентября.

[2]) *Поприще* —мѣра разстоянія въ 690 саженей.

[3]) 1 Посл. къ Кор., 8, 8.

[4]) *Тенетами* называется сѣть для ловли птицъ и звѣрей.

отъ міра. Эту мысль онъ немедленно же и исполнилъ. Отправившись въ монастырь Рождества Пресвятой Богородицы, что на Снѣжной горѣ,—такъ называлась мѣстность на берегу рѣки Великой въ разстояніи трехъ поприщъ отъ города Пскова,—онъ отъ игумена этого монастыря принялъ иноческое постриженіе, при чемъ навсегда отказался отъ помысловъ, влекущихъ къ міру, и всецѣло отдался обѣтамъ иноческаго званія. При постриженіи ему дано было имя Евфросина.

Прп҃дбный
ЄѴФРОСѴНЪ

Принявъ иночество, преподобный Евфросинъ сталъ ревностно подвизаться въ постѣ, бодрствованіи, молитвѣ и всенощныхъ молитвенныхъ стояніяхъ и въ то же время нелѣностно служилъ братіи и въ поварнѣ, и въ пекарнѣ, и на всѣхъ другихъ монастырскихъ работахъ, какъ это было принято въ монастырѣ, чѣмъ пріобрѣлъ расположеніе къ себѣ всѣхъ жившихъ въ обители иноковъ. Вскорѣ слово о преподобномъ вслѣдствіе такой добродѣтельной жизни его стало распространяться повсюду. Съ огорченіемъ узналъ онъ объ этомъ, такъ какъ отвращался отъ славы людской и считалъ ее грѣхомъ и посрамленіемъ для себя, а потому сталъ помышлять о томъ, чтобы избѣжать этой славы и, избравъ для этого пустынную и безмолвную жизнь, подвизаться только для Бога. О такомъ своемъ намѣреніи онъ сообщилъ духовному отцу своему, и послѣдній, видя, что онъ процвѣтаетъ въ добродѣтеляхъ, благословилъ его и сказалъ ему:

— Иди съ миромъ, сынъ мой! Господь да будетъ съ тобою; да вразумитъ Онъ тебя и наставитъ на ту благую дѣятельность, къ которой призвалъ тебя.

Послѣ сего блаженный Евфросинъ, принявъ благословеніе отъ своего духовнаго отца, вышелъ изъ обители Пречистой и сталъ

обходить многія мѣста, ища такого, гдѣ бы ему можно было въ уединеніи предаться безмолвному житію. По особому усмотренію Божію онъ услышалъ о томъ мѣстѣ на берегу рѣки Толвы, которое находится на разстояніи двадцати пяти поприщъ отъ города Пскова и на которомъ по благодати Христовой стоитъ нынѣ монастырь[1]). Владѣльцы этого мѣста чрезъ нѣкоторыхъ благочестивыхъ людей стали приглашать его—и не по своей волѣ, а больше по волѣ Господа, Которому угодно было, чтобы и здѣсь прославилось Святое Имя Его. На этомъ мѣстѣ и поселился преподобный на безмолвное, уединенное житіе, какъ сказалъ божественный Пророкъ: **сѐ оу҆дали́хсѧ бѣгаѧ, и҆ водвори́хсѧ въ пꙋсты́ни. Ча́ѧхъ бг҃а, сп҃са́ющагѡ мѧ̀ ѿ малодꙋ́шїѧ и҆ ѿ бꙋ́ри**[2]). Онъ поставилъ себѣ здѣсь шалашъ и съ усердіемъ сталъ предаваться иноческимъ подвигамъ, отражая козни невидимаго врага постомъ, бодрствованіемъ, молитвою, всенощнымъ стояніемъ и земными поклонами. Однажды во время лѣтняго зноя, когда преподобный вышелъ изъ шалаша и легъ на землю, чтобы немного отдохнуть отъ своихъ подвиговъ, то тотчасъ же впалъ въ легкій сонъ, и въ это время явились ему вселенскіе учители—Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ и указали мѣсто для построенія храма во имя ихъ въ той мѣстности, гдѣ онъ подвизался. Когда затѣмъ онъ пробудился отъ сна, то никого уже не увидѣлъ, и такое необыкновенное видѣніе привело его въ недоумѣніе.

Послѣ сего прошло много времени, и мать преподобнаго провѣдала отъ нѣкоторыхъ людей о мѣстѣ его пребыванія. Взявъ съ собою все необходимое для путешествія, она пришла къ тому мѣсту на берегу рѣки Толвы, гдѣ жилъ преподобный. Подошедши къ его шалашу, она стала просить его, говоря:

— Дорогое чадо мое! Утѣшь старость матери твоей, покажи мнѣ ангельское лице твое, не дай мнѣ со скорбію сойти въ могилу, гдѣ почиваютъ и отцы наши.

Чрезъ щель святый Евфросинъ увидѣлъ мать свою и, узнавъ ее, сказалъ ей:

— Не скорби, мать моя, уйди отсюда и не утруждай старости твоей. Если ты желаешь увидѣть меня здѣсь, то не увидишь уже въ той жизни. Иди же въ монастырь и, подвизаясь, спаси душу твою.

---

1) Разумѣется Спасо-Великопустынскій Елеазаровъ монастырь въ Псковской губерніи на рѣкѣ Толвѣ въ 30 верстахъ отъ Пскова.

2) Псал. 54, ст. 8—9.

Такъ и не достигла мать преподобнаго исполненія своего желанія. Со скорбію она ушла отъ него, поступила въ одинъ изъ монастырей и, проводя дни свои въ благочестивыхъ подвигахъ, оставалась въ немъ до самой кончины своей. Преподобный же Евфросинъ, доблестно и славно проведши жизнь свою, преставился ко Господу[1]).

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

АХИЛЛІЯ,

епископа Ларисійскаго

Сей преподобный жилъ въ царствованіе императора Константина Великаго и происходилъ отъ благочестивыхъ родителей. Предавшись благочестивой и богобоязненной жизни и изучивъ свѣтскія науки и высшую философію, онъ украсилъ себя всякими богоугодными дѣяніями, почему и поставленъ былъ епископомъ верхней Ларисійской Ѳессаліи[2]) для христіанъ, обитавшихъ во всей Элладѣ. Присутствуя на Вселенскомъ Соборѣ въ Никеѣ[3]), онъ обличилъ Арія и его единомышленниковъ[4]). Возвратившись затѣмъ снова въ Ларису, онъ разрушилъ много идольскихъ капищъ, изгналъ изъ бѣсноватыхъ бѣсовъ и совершилъ великое множество другихъ чудесъ. Кромѣ того, онъ вновь построилъ церковныя зданія и богато украсилъ ихъ, послѣ чего съ миромъ отошелъ изъ этой жизни[5]).

---

1) Преподобный Евфросинъ скончался 15 мая 1481 года 95 лѣтъ отъ роду. Мощи его сперва почивали въ основанномъ имъ Спасо-Великопустынскомъ Елеазаровомъ монастырѣ. Впослѣдствіи этотъ монастырь былъ перенесенъ на гору, въ немъ была построена новая соборная каменная церковь во имя Трехъ Святителей и въ нее были перенесены мощи преподобнаго, почивающія нынѣ подъ спудомъ близъ стѣны за первымъ клиросомъ.

2) *Ѳессалія*—область въ Древней Греціи. Верхняя Ѳессалія названа *Ларисійской* отъ города Ларисы, расположеннаго на рѣкѣ Пенеѣ.

3) *Городъ Никея* находился въ Малой Азіи въ древней римской провинціи Виѳиніи на восточномъ берегу озера Аскаиіи.

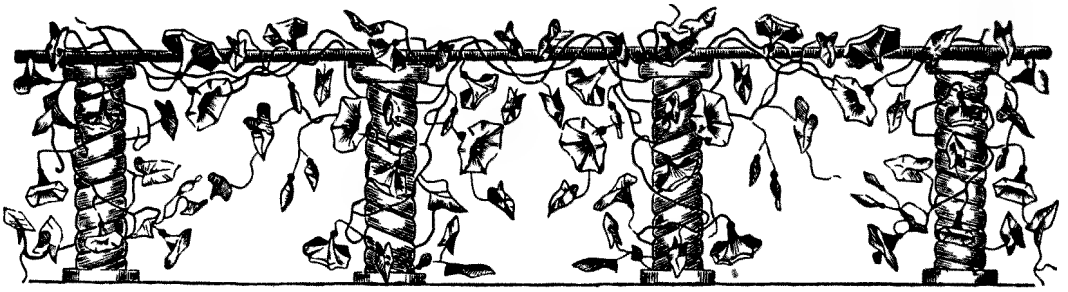
4) Въ мѣсяцесловѣ имп. Василія говорится, что преподобный Ахиллій, посрамляя на I Вселенскомъ Соборѣ еретиковъ, возбудилъ всеобщее удивленіе.

5) *Преподобный Ахиллій* скончался около 330 года. Мощи его съ 978 года находятся въ Болгаріи въ селѣ Агилѣ, названномъ его имеиемъ.

Въ тотъ же день память **во святыхъ отца нашего Исаіи** епископа **Ростовскаго,** преставившагося въ 1090 году.

Въ тотъ же день убіеніе **святаго** благовѣрнаго **царевича Димитрія,** Московскаго и всея Россіи чудотворца, въ 1591 году.

Въ тотъ же день память **преподобнаго Исаіи Печерскаго** чудотворца, скончавшагося въ 1115 году.



День шестнадцатый

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ѲЕОДОРА ОСВЯЩЕННАГО,

ученика Пахоміева

Святый Пахомій былъ уже вездѣ извѣстнымъ аввою, когда Ѳеодоръ Освященный былъ еще мальчикомъ. Онъ получилъ свѣдѣнія о Пахоміи, живя уже въ одномъ изъ монастырей и съ юношескимъ жаромъ стремясь къ высшему совершенству.

Ѳеодоръ былъ сынъ богатыхъ и знатныхъ родителей[1]). На двѣнадцатомъ году отъ рожденія онъ ежедневно ходилъ въ школу, по желанію отца. Онъ былъ болѣе всѣхъ дѣтей любимъ матерью за свой умъ и благочестіе. Однажды въ праздникъ Богоявленія его родители приготовили прекрасныя кушанья, поставили разныя вина, во всѣхъ комнатахъ разостлали ковры. Юный Ѳеодоръ, увидавъ торжественную обстановку дома и роскошный столъ, пришелъ въ сильное смущеніе отъ одной мысли. Онъ сказалъ себѣ: «Если ты будешь ѣсть эти кушанья, то Богъ не даруетъ тебѣ благъ будущей жизни». Крайне взволнованный этою мыслію, мальчикъ уходитъ въ уединенное мѣсто, становится на колѣни и со слезами молится Спасителю.

---

1) Родился онъ около 316 года.

— Я не хочу,—говорилъ онъ,—этой тлѣнной пищи, которая ведетъ къ гибели; но я желаю Тебя Единаго съ тѣми благами, которыя Ты назначилъ вѣрнымъ въ другомъ мірѣ.

Онъ долго со слезами повторялъ эти слова. Въ это время мать ищетъ его по всему дому. Ожидали Ѳеодора къ столу, и никто не начиналъ ѣсть. Найдя его и замѣтивши на лицѣ его слезы, мать съ нѣжною любовію говоритъ ему:

— Ты плакалъ, сынъ мой! Гдѣ ты былъ? Мы тебя искали.

Ѳеодоръ отвѣтилъ, что съ нимъ ничего не случилось. Мать зоветъ его обѣдать, прибавляя, что если онъ не станетъ ѣсть, то и никто не сядетъ за столъ. Ѳеодоръ рѣшительно отказался отъ вкушенія праздничной пищи. Онъ еще нѣкоторое время жилъ въ домѣ родителей, предаваясь посту, молитвѣ и плачу. Отъ этихъ слезъ у юнаго Ѳеодора даже заболѣли глаза. Онъ въ это время продолжалъ ходить въ школу. Но вотъ приходитъ конецъ этого года. Недалеко отъ селенія, гдѣ жили родители Ѳеодора, былъ одинъ монастырь. Здѣсь каждый братъ жилъ отдѣльно отъ другихъ, въ своей келліи. Ѳеодоръ явился сюда и сталъ жить отшельникомъ. Его здѣсь скоро всѣ полюбили за его умъ, благочестіе и скромность.

Въ томъ монастырѣ, гдѣ поселился преподобный Ѳеодоръ, было обыкновеніе каждый день вечеромъ послѣ трапезы собираться вмѣстѣ для духовной бесѣды. Говорили о томъ, что̀ кому пришлось узнать изъ Священнаго Писанія или услышать, если это могло послужить къ общему назиданію. Эти бесѣды могли давать обильную пищу для души и предохраняли отъ праздныхъ бесѣдъ или увлеченія дурными помыслами. Во время одной изъ такихъ бесѣдъ одинъ инокъ, посѣтившій недавно Пахоміевъ монастырь, вспомнилъ объясненіе одного мѣста изъ Священнаго Писанія, слышанное имъ отъ Пахомія. Этотъ инокъ съ восторгомъ разсказывалъ о порядкахъ Тавеннисійскаго общежитія, о томъ, съ какой любовію его тамъ встрѣтили, а болѣе всего — о самомъ Пахоміи. Особенно внимательно по обыкновенію слушалъ юный Ѳеодоръ, самъ всегда хранившій молчаніе. Послѣ такой восторженной рѣчи о Пахоміи Ѳеодоръ воспламенился желаніемъ увидѣть великаго авву. Оставшись одинъ, онъ съ великимъ жаромъ молился. Вотъ содержаніе молитвы юнаго подвижника:

«Боже, Господи, Творецъ всякой вещи! Если Ты услышишь меня и даруешь мнѣ то, о чемъ я Тебя прошу; если Ты дашь мнѣ

возможность увидѣть Твоего служителя Пахомія, то я буду служить Тебѣ во всѣ дни жизни моей и не уклонюсь отъ Тебя до дня моей смерти. Да будетъ воля Твоя, но сдѣлай меня достойнымъ видѣть Твоего служителя!»

Прп҃бный
Θеодоръ

Онъ цѣлую ночь не могъ уснуть, отдаваясь размышленіямъ о свиданіи съ великимъ учителемъ монаховъ. До утра онъ не одинъ разъ вставалъ, со слезами умолялъ Господа сдѣлать его достойнымъ видѣть Пахомія. Потомъ онъ пошелъ въ келлію того брата, который былъ въ Тавенниси, и просилъ его непремѣнно разсказать ему подробнѣе о жизни Пахомія, о тѣхъ правилахъ, какія онъ далъ инокамъ. Братъ подробно ознакомилъ его съ тѣмъ, что̀ онъ зналъ о Пахоміи, его жизни и правилахъ. Съ этого времени Θеодоръ еще напряженнѣе молился Богу, чтобы Онъ удостоилъ его увидѣть Пахомія. Θеодоръ надѣялся при посредствѣ Пахомія лучше познать Бога и Его святую волю.

Въ это время Θеодоръ заболѣлъ. Родители носили ему пищу. Θеодоръ отказывался отъ нея. Но вотъ болѣзнь его усилилась. Родители взяли его изъ монастыря домой. Онъ и не замѣтилъ этого, будучи отъ болѣзни нѣкоторое время безъ сознанія. Придя въ себя, онъ очень огорчился тѣмъ, что увидалъ себя снова въ домѣ родителей. Родители, убѣдившись въ твердости его рѣшенія, возвратили его въ монастырь. Теперь уже сами иноки усердно заботились о юномъ подвижникѣ до самаго его выздоровленія.

Прошло еще четыре мѣсяца, и Θеодоръ не прекращалъ своей молитвы о свиданіи съ Пахоміемъ. Въ это время въ монастырь, гдѣ жилъ Θеодоръ, пришелъ авва Печошъ (или Пекусій), инокъ Пахоміева монастыря. Ему поручено было во время пребыванія здѣсь служить инокамъ. Его смиреніе, его молитвенное настроеніе,

все его поведеніе вызвали у всѣхъ иноковъ удивленіе и уваженіе, и сердца всѣхъ невольно располагались къ Печошу. Конечно, и Θеодоръ познакомился съ нимъ. Онъ увидѣлъ, что при посредствѣ этого аввы ему легче всего осуществить свое желаніе. Онъ и просилъ Печоша помочь ему въ этомъ. Печошъ однако не рѣшился взять Θеодора съ собою, опасаясь гнѣва родителей отрока. Θеодоръ былъ твердъ въ своемъ намѣреніи. Когда авва Печошъ съ нѣкоторыми иноками сѣлъ въ лодку, чтобы отправиться въ Пахоміевъ монастырь, Θеодоръ идетъ вслѣдъ за ними пѣшкомъ. Все еще не замѣчаемый, онъ шелъ по берегу Нила на небольшомъ разстояніи отъ лодки. Наконецъ, нѣкоторые иноки замѣтили его. Они указали на него аввѣ Печошу, вспомнивши, что именно онъ просилъ авву взять и его съ собою въ лодку. Прибыли, наконецъ въ Тавенниси. Увидѣвъ стѣны обители, Θеодоръ возблагодарилъ Господа за исполненіе своего желанія и въ радости цѣловалъ эти стѣны. Увидѣвъ самого Пахомія, онъ со слезами восторженной радости привѣтствовалъ великаго старца. Пахомій указалъ ему на Господа, Который исполнитъ всякое желаніе его благочестиваго сердца, потому что онъ ради Господа оставилъ міръ. Θеодоръ остался въ Тавенниси, готовый исполнять всѣ правила иноческой жизни и подчиняться во всемъ волѣ своихъ руководителей. Ему было только четырнадцать лѣтъ. Шелъ уже пятый годъ со дня основанія Пахоміева общежитія.

По разсказу епископа Аммона, приходъ Θеодора въ Тавенниси былъ предсказанъ съ точностію самимъ Пахоміемъ.

Поселившись въ Тавенниси, Θеодоръ сталъ проявлять величайшую ревность объ угожденіи Богу. Счастливъ былъ юный подвижникъ, что поученія и частныя бесѣды Пахомія указывали ему вѣрный путь къ достиженію иноческаго совершенства, а весь строй жизни въ общежитіи не давалъ ослабѣть его ревности.

Однажды въ бесѣдѣ съ братіями преподобный Пахомій высказалъ такую мысль: «Если бы человѣкъ владѣлъ истиннымъ вѣдѣніемъ, то онъ не согрѣшилъ бы ни противъ Бога, ни противъ своего ближняго». Душа Θеодора воспламенилась желаніемъ пріобрѣсти это истинное вѣдѣніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень скорбѣлъ, думая, что ему трудно будетъ достигнуть исполненія своего желанія. Онъ усердно просилъ Бога даровать ему истинное вѣдѣніе, смиренно сознаваясь въ своемъ недостоинствѣ, въ своемъ безсиліи познать Истину.

— Господи,—говорилъ онъ въ молитвѣ,—Господи, къ Которому я прибѣгъ! Дай мнѣ вѣдѣніе, какъ Ты обѣщалъ тѣмъ, кто возлюбитъ Тебя, чтобы мнѣ дѣлать все то, что̀ можетъ удовлетворить Тебя.

Θеодоръ часто даже плакалъ о томъ, что онъ далекъ отъ истиннаго вѣдѣнія. Пахомій въ глубинѣ души радовался этимъ слезамъ юноши, поощрялъ его стремленіе къ пріобрѣтенію истиннаго вѣдѣнія. При встрѣчахъ онъ не разъ говорилъ Θеодору:

— Старайся пріобрѣсти истинное вѣдѣніе.

Однажды ночью онъ призвалъ Θеодора, когда ярко свѣтила Луна. Отъ этого чуднаго неба съ его свѣтилами обращая мысль юноши къ невидимому Творцу всяческихъ, авва Пахомій сказалъ Θеодору:

— Бойся Его во всѣ дни твоей жизни; знай, что именно Онъ сотворилъ насъ со всѣми твореніями и что мы въ Его рукѣ. Когда ты будешь имѣть страхъ Божій и думать, что Богъ видитъ тебя въ каждое мгновеніе, смотри, не согрѣшай противъ Него, и такимъ образомъ тебѣ будетъ послана отъ Него вѣрная помощь. Воздавай Ему славу каждый день.

Обильныя слезы подтверждали искренность ихъ бесѣды. Молитвою они закончили обмѣнъ мыслей о Богѣ и объ угожденіи Ему.

Подобныя бесѣды они вели не одинъ разъ. Для Θеодора, юноши чрезвычайно воспріимчиваго, пылавшаго святою ревностію объ угожденіи Богу, каждое слово святаго Пахомія имѣло большое значеніе: въ его душѣ не только укрѣплялись благочестивыя чувствованія и стремленія, но и развивалась духовная мудрость. Пахомій своими бесѣдами, особенно близкимъ общеніемъ съ Θеодоромъ, преднамѣренно или ненамѣренно приготовлялъ Θеодора къ будущему служенію монахамъ уже въ качествѣ ихъ руководителя въ духовной жизни.

Какъ внимателенъ былъ преподобный Пахомій къ каждому дѣлу и даже слову Θеодора, какъ твердо онъ велъ юнаго подвижника къ высшему совершенству!

Однажды Θеодоръ встрѣтилъ одного брата съ ковромъ на плечахъ, возвращавшагося съ какого-то монастырскаго послушанія. Θеодоръ спросилъ его, откуда онъ идетъ. Пахомій услышалъ этотъ вопросъ. Подозвавъ къ себѣ Θеодора, онъ сказалъ ему:

— Θеодоръ, смотри, будь господиномъ своего сердца въ каждое мгновеніе. Не спрашивай у брата: откуда ты идешь? Это можетъ

войти въ привычку. Что̀ за надобность такъ говорить? Вѣдь это слово не служитъ ни для утѣшенія, ни для спасенія.

Θеодоръ часто вспоминалъ это наставленіе своего учителя, придавая ему большое значеніе: онъ зналъ, что вѣрность въ маломъ ведетъ къ вѣрности и въ большомъ и требуется Заповѣдью Спасителя.

Какъ-то Θеодоръ сталъ жаловаться Пахомію на то, что у него сильно болитъ голова. Пахомій на это сказалъ ему, что вѣрующій человѣкъ не долженъ никому говорить о своихъ тѣлесныхъ недугахъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда болѣзни нельзя скрыть отъ другихъ, но и подобныя болѣзни надобно переносить съ полнымъ терпѣніемъ. Вѣдь и вольныя и невольныя страданія составляютъ какъ бы мученичество. Да и вообще нужно умерщвлять свое тѣло изъ любви къ Богу. Это наставленіе Пахомія преподобный Θеодоръ принялъ съ глубочайшею вѣрою и сталъ уже скрывать отъ людей ту головную боль, которою долго страдалъ. Ему пришлось еще двадцать лѣтъ выносить эту боль, но уже никто не слышалъ отъ него жалобы. Θеодора посѣщали и другія болѣзни, болѣе или менѣе продолжительныя,—напримѣръ, боль въ ушахъ, лихорадка, глазная болѣзнь: онъ все переносилъ молча и благодушно. И вообще никто изъ иноковъ не умерщвлялъ себя такъ, какъ Θеодоръ, который тщательно скрывалъ свои подвиги отъ людей. Ежедневно онъ вкушалъ пищу лишь поздно вечеромъ, а иногда постился по два дня сряду, вкушая пищу лишь къ концу втораго дня. Иногда онъ принималъ пищу, но не употреблялъ воды по два дня сряду. Вареную пищу онъ вкушалъ только въ случаѣ болѣзни. Отъ употребленія пріятныхъ на вкусъ плодовъ онъ вообще удерживался. Но если братія вкушали финики, онъ также ѣлъ ихъ вмѣстѣ съ монахами, даже бралъ съ собою довольно много, но съѣдалъ потомъ не болѣе двухъ. Ночи онъ любилъ проводить въ бодрствованіи. Преподобный Θеодоръ въ короткое время успѣлъ стяжать много плодовъ духовныхъ.

Θеодоръ всею душею привязался къ своему великому старцу преподобному Пахомію и къ своимъ сподвижникамъ—инокамъ. Всѣ они были родные ему по духу, и всѣ они также любили его. Но юный подвижникъ совсѣмъ былъ чуждъ пристрастія къ роднымъ по плоти: они почти не существовали для Θеодора, они не могли отвлечь его отъ любви къ Пахомію и монахамъ.

Какъ Θеодоръ боялся родственныхъ пристрастій, показываетъ

слѣдующій случай. Шелъ уже десятый годъ съ того дня, какъ онъ пришелъ въ Тавенниси. Его мать, давно желавшая видѣть сына, пришла сюда съ письмомъ отъ епископа области Эсне. Святитель просилъ Пахомія разрѣшить этой женщинѣ свиданіе съ ея сыномъ. Прочитавъ письмо епископа, Пахомій говоритъ Θеодору, чтобы онъ шелъ на свиданіе съ матерью, такъ какъ этого очень желаетъ мать и проситъ объ этомъ епископъ. Но Θеодоръ не рѣшился послушаться этого приказанія и сказалъ святому Пахомію:

— Я спрошу тебя объ одномъ. Скажи мнѣ: если я пойду къ матери, то не окажусь ли я согрѣшившимъ предъ Господомъ, потому что не повиновался Заповѣдямъ, написаннымъ въ Евангеліи, такъ какъ Владыка нашъ сказалъ: **и҆́же лю́битъ ѻ҆тца̀ и҆лѝ ма́терь па́че менѐ, нѣ́сть менѐ досто́инъ**[1]).

Пахомій сказалъ, что онъ вовсе не хочетъ принуждать его нарушить Заповѣдь Евангелія объ отреченіи отъ родственныхъ пристрастій ради совершеннаго угожденія Богу, но предлагалъ ему идти на свиданіе съ матерью потому, что зналъ о ея слезахъ и опасался, что и самъ Θеодоръ будетъ опечаленъ скорбью матери. Пахомій, признаваясь, что и онъ самъ очень радъ точному исполненію его ученикомъ Заповѣди Божіей, выразилъ мысль, что и епископъ будетъ радъ этому, такъ какъ именно епископы учатъ тому, что̀ заключается въ Евангеліи. Нѣкоторые изъ братій, желая доставить хотя малое утѣшеніе матери Θеодора, придумали общую работу для монаховъ внѣ монастыря. На эту работу отправился и Θеодоръ. Мать была утѣшена тѣмъ, что хотя издали увидѣла между монахами своего сына-подвижника.

Однажды, когда Θеодоръ былъ внѣ монастыря на какомъ-то послушаніи, явился въ монастырь родной братъ его Пафнутій. Онъ изъявилъ желаніе сдѣлаться монахомъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему быть вмѣстѣ съ Θеодоромъ. Когда Θеодоръ возвратился въ обитель, ему передали слова брата. Но ревностному монаху казалось нехорошимъ, что братъ его хочетъ быть монахомъ какъ будто только ради него. Поэтому онъ не хотѣлъ и видѣть брата. Однако Пахомій убѣдилъ его не отказывать брату въ свиданіи. Послѣ взаимнаго привѣтствія Θеодоръ сказалъ брату:

— Если ты пришелъ сюда ради меня, то возвратись туда, откуда пришелъ; если же ты пришелъ ради Бога, то почему не

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 37.

соглашался сдѣлаться монахомъ прежде, чѣмъ я пришелъ бы къ тебѣ?»

Съ этими словами Θеодоръ тотчасъ оставилъ брата. Но Пафнутій пошелъ вслѣдъ за нимъ и, догнавъ его, сказалъ ему со слезами:

— Сколько дней я ожидалъ твоего прихода, а ты, явившись, говоришь мнѣ такое жестокое слово!

Θеодоръ отвѣтилъ ему:

— Если ты ради меня пришелъ, чтобы сдѣлаться теперь монахомъ, то ты могъ бы оставить монастырскую жизнь, если бы я ее оставилъ. Но если ты такъ поступаешь по страху Божію, то вынесу ли я эту жизнь или нѣтъ—ты будешь оставаться въ монастырѣ постоянно.

Θеодоръ ввелъ брата въ обитель. Вскорѣ же, спросивъ келлію Θеодора, Пафнутій вошелъ туда и сѣлъ. Увидѣвъ въ своей келліи брата, Θеодоръ сильно смутился и сказалъ ему:

— Оставайся здѣсь: но я уже не хочу здѣсь жить изъ опасенія, чтобы намъ не быть похожими на людей, находящихся другъ съ другомъ въ плотскомъ родствѣ. Позволь мнѣ жить вблизи тебя наравнѣ со всѣми братіями, потому что въ этой обители нѣтъ различія, мы всѣ — служители Божіи и дѣти нашего аввы.

Суровыя слова Θеодора страшно огорчили его брата. Пафнутій тотчасъ пошелъ къ святому Пахомію и со слезами просилъ отпустить его обратно домой, такъ какъ для него невыносимо такое небратское обращеніе Θеодора. Тогда Пахомій призвалъ Θеодора и строго сказалъ ему:

— Почему ты говорилъ съ нимъ жестоко? Неужели ты не знаешь, что это—молодое растеніе? Не думаешь ли ты, что всякій, кто придетъ съ тѣмъ, чтобы сдѣлаться монахомъ, будетъ уже имѣть страхъ Святаго Духа? Вѣдь есть люди, которые приходятъ, чтобы спасать свои души, а другіе приходятъ по инымъ побужденіямъ.

Пахомій указалъ Θеодору, что иноки во всякомъ случаѣ должны относиться къ подобнымъ людямъ съ полнымъ терпѣніемъ, ожидая, что и они познаютъ наконецъ путь Божій и оставятъ свое плотское мудрованіе. Наконецъ Пахомій просилъ Θеодора быть руководителемъ брата въ жизни монашеской, пока онъ самъ не пріобрѣтетъ истиннаго пониманія обязанностей инока.

Находясь подъ непосредственнымъ руководствомъ святаго Пахомія и съ неутомимою ревностію исполняя всѣ его наставленія, Θео-

доръ скоро сдѣлался образцомъ для подражанія всѣмъ инокамъ. Преподобный Пахомій даже посылалъ къ нему многихъ иноковъ за наставленіемъ и утѣшеніемъ. Своимъ мудрымъ, полнымъ любви словомъ святый Θеодоръ успѣвалъ утѣшать и успокаивать многихъ.

Одинъ инокъ не могъ снести строгихъ замѣчаній святаго Пахомія. Онъ готовъ былъ даже покинуть братство. Только святый Θеодоръ нашелъ способъ успокоить его.

— Не ты одинъ терпишь,—сказалъ Θеодоръ,—я также печаленъ сердцемъ изъ-за него, потому что онъ часто укорялъ меня. Теперь останемся вмѣстѣ, чтобы утѣшать другъ друга, пока не увидимъ, не перестанетъ ли онъ укорять насъ; а въ противномъ случаѣ мы пойдемъ въ другое мѣсто.

Эти слова успокоили душу инока. Тѣмъ временемъ Θеодоръ все сообщилъ Пахомію тайно отъ другихъ. Спустя мѣсяцъ Θеодоръ пригласилъ этого брата къ Пахомію. Конечно, Пахомій съ великою кротостію и отеческою нѣжностію встрѣтилъ двухъ монаховъ. Они оба успокоились: опечаленный прежде Пахоміемъ инокъ радъ былъ, что авва измѣнилъ свое отношеніе къ нему, а Θеодоръ радовался его успокоенію и благодарилъ Бога, пославшаго ему случай послужить орудіемъ спасенія для скорбѣвшаго монаха.

Вотъ еще случай, свидѣтельствующій о той предусмотрительной любви къ братіямъ, какая отличала и Пахомія, и Θеодора. Одинъ молодой монахъ пожелалъ непремѣнно отправиться на свиданіе съ родителями. Пахомій очень опасался, что онъ уже не возвратится въ монастырь. Поэтому мудрый авва не отпускаетъ его одного, а въ спутники даетъ ему Θеодора.

— Соглашайся съ нимъ во всемъ, чтобы онъ возвратился сюда съ тобою,—говорилъ Пахомій Θеодору.

Родители молодаго инока съ любовію встрѣтили сына и его спутника. Въ особой комнатѣ подали имъ пищу, разрѣшенную монашескими обычаями. Молодой инокъ просилъ ѣсть и Θеодора. Онъ сначала отказывался. Но братъ сказалъ, что если Θеодоръ не будетъ съ нимъ ѣсть, то онъ уже не возвратится въ монастырь. Θеодоръ вспомнилъ заповѣдь Пахомія, протянулъ руку къ пищѣ и немного съѣлъ. Но исполняя такимъ образомъ послѣднюю заповѣдь Пахомія, Θеодоръ хорошо помнилъ и одну изъ первыхъ, очень важную. Авва нѣкогда говорилъ ему, что онъ самъ во время своей монашеской жизни не позволялъ никому изъ мірянъ видѣть, какъ онъ ѣстъ. Слѣдовательно, монаху, по мысли преподобнаго

Пахомія, нельзя вкушать пищу въ мірскомъ домѣ, кромѣ случая крайней необходимости. Это долго вызывало въ душѣ Ѳеодора раскаяніе, и онъ молилъ Бога простить ему грѣхъ, допущенный ради того, чтобы молодому монаху не дать возможности совсѣмъ остаться въ міру. Такъ былъ строгъ къ себѣ преподобный Ѳеодоръ.

Строгость святаго Ѳеодора къ себѣ, недовѣріе къ своему мнѣнію—отличительныя качества его. Вотъ случай, при которомъ особенно ясно выразилась его строгость къ себѣ. Одинъ братъ ѣлъ много порея. Думая, что молодому монаху не полезно ѣсть много порея, потому что онъ укрѣпляетъ тѣло, Ѳеодоръ кротко уговорилъ его. Потомъ Ѳеодоръ сталъ размышлять о томъ, хорошо ли онъ поступилъ; можетъ быть, монахъ самъ исправился бы. Однако слова Ѳеодора очень сильно подѣйствовали на молодого инока: онъ уже до самой смерти, въ продолженіе двадцати девяти лѣтъ, совсѣмъ не употреблялъ порея. Узнавъ о воздержаніи этого инока, Ѳеодоръ и самъ уже до самой смерти не ѣлъ порея, чтобы не оказаться предъ Господомъ виновнымъ въ нарушеніи того правила, какое наложилъ на другого.

По этому свойству самоотверженія и самаго тонкаго благородства святый Ѳеодоръ, какъ и во всемъ прочемъ, являлся истиннымъ ученикомъ святаго Пахомія.

Нелегко было святому Пахомію управлять многочисленнымъ братствомъ, разсѣяннымъ по девяти монастырямъ. Ему нуженъ былъ помощникъ. Ѳеодоръ Освященный, лучшій изъ учениковъ великаго старца, могъ быть и лучшимъ помощникомъ въ дѣлѣ служенія спасенію иноковъ. «Житіе» Пахомія передаетъ, что онъ имѣлъ откровеніе свыше, утвердившее его въ рѣшеніи сдѣлать преподобнаго Ѳеодора своимъ помощникомъ.

Ѳеодоръ Освященный отличался не только добродѣтельною жизнію, но и особеннымъ даромъ слова и познаніями въ Священномъ Писаніи. Святый Пахомій однажды поручилъ ему сказать братіямъ поученіе въ день воскресный. Ѳеодоръ безъ всякой гордости занимаетъ мѣсто Пахомія и произноситъ поученіе, считая для себя закономъ волю старца. Самъ Пахомій съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ одушевленную рѣчь своего ученика, занявъ мѣсто въ ряду всѣхъ монаховъ. Но нѣкоторымъ изъ иноковъ не понравилось, что Ѳеодоръ, этотъ молодой инокъ, учитъ ихъ вмѣсто Пахомія. У нихъ явилась сильнѣйшая зависть. Они даже оставили собраніе. Окончилось поученіе. Пахомій призываетъ ушедшихъ отъ

поученія монаховъ и упрекаетъ ихъ въ томъ, что они по своей гордости не стали слушать поученіе Θеодора, между тѣмъ какъ объ этомъ онъ сдѣлалъ распоряженіе при нихъ же и къ тому же онъ самъ внимательно и съ пользою для души слушалъ рѣчь своего ученика. Пахомій увѣрялъ ихъ, что они не получатъ никакой милости отъ Бога, если не принесутъ искренняго покаянія. Конечно, многихъ вразумила строгая рѣчь старца, многіе приняли его совѣтъ изгонять изъ сердца зависть и гордость. Однако были и такіе иноки, которые послѣ обличенія старца еще сильнѣе возненавидѣли Θеодора, такъ что даже не могли спокойно смотрѣть на него. Самъ Θеодоръ не только не питалъ къ нимъ ни малѣйшей вражды, но всегда обращался съ ними съ особеннымъ вниманіемъ и любовію.

Вскорѣ святый Пахомій поставилъ Θеодора строителемъ въ Тавенниси. Самъ великій старецъ поселился въ другомъ монастырѣ—Певоу. Онъ надѣялся, что Θеодоръ будетъ управлять въ его духѣ и что отъ его мудрыхъ бесѣдъ и назидательнаго примѣра будетъ большая польза для монаховъ.

Какой духовной высоты достигъ въ это время Θеодоръ, видно изъ свидѣтельства опытнаго и ревностнаго аввы Корнилія, одного изъ первыхъ учениковъ Пахоміевыхъ. Корнилій, смотрѣвшій на преподобнаго Пахомія какъ на Ангела во плоти, видѣлъ въ Θеодорѣ лучшаго изъ учениковъ Пахоміевыхъ и говорилъ, что онъ желалъ бы въ будущей жизни занять мѣсто именно послѣ Θеодора.

Сдѣлавшись начальникомъ въ Тавенниси, святый Θеодоръ часто ходилъ въ Певоу просить себѣ совѣтовъ у аввы Пахомія или послушать его общихъ поученій. Возвратившись къ своимъ инокамъ, онъ передавалъ имъ слышанное отъ Пахомія. Авва Пахомій имѣлъ обыкновеніе по окончаніи поученія заставлять монаховъ повторять сказанное. И святый Θеодоръ усвоилъ это обыкновеніе. Съ своей стороны трудъ произнесенія поученій онъ считалъ для себя необходимымъ, чувствуя великую сладость отъ усвоенія и сообщенія другимъ Слова Божія.

Пахомій также иногда ходилъ въ Тавенниси и здѣсь бесѣдовалъ со всѣми или съ кѣмъ-нибудь отдѣльно о спасеніи души. Его мудрость, его добродѣтели, особенно смиреніе предъ всѣми, даже предъ самыми юными членами братства, все это было источникомъ назиданія для всѣхъ. Но особенно Θеодоръ дорожилъ этими по-

сѣщеніями и слагалъ въ сердцѣ своемъ уроки отъ жизни или отъ слова великаго старца.

Пахомій тщательно слѣдилъ за всѣми дѣйствіями Ѳеодора, чтобы благовременно подавать ему добрый совѣтъ. Когда Ѳеодоръ не строго смотрѣлъ за соблюденіемъ всѣхъ правилъ, назначенныхъ Пахоміемъ, Пахомій указывалъ ему, что необходимо требовать отъ иноковъ послушанія всецѣлаго, послушанія даже и въ малыхъ дѣлахъ, потому что нарушеніе малѣйшаго правила разстраиваетъ порядокъ монастырской жизни и ведетъ къ развитію въ монахахъ духа непослушанія. Когда два инока позволили себѣ разговаривать во время работы въ хлѣбной, а Ѳеодоръ не обратилъ на это вниманія, Пахомій строго и настойчиво говорилъ ему, что онъ долженъ слѣдить за исполненіемъ правилъ внѣшняго поведенія.

Когда Ѳеодоръ, совершенствуясь болѣе и болѣе, наконецъ достигъ высокой степени чистоты сердца и мудрости духовной, преподобный Пахомій вызываетъ его изъ Тавенниси къ себѣ въ Певоу, желая, чтобы Ѳеодоръ раздѣлялъ съ нимъ труды управленія всѣми монастырями, чтобы онъ былъ такимъ же помощникомъ для него, какимъ былъ Іисусъ Навинъ для Моисея. Теперь Пахомій нерѣдко даетъ Ѳеодору очень важныя порученія. Онъ посылаетъ его вмѣсто себя для наблюденія за духовнымъ состояніемъ братій, для врачеванія ихъ душъ. Ѳеодоръ имѣлъ право во всѣхъ монастыряхъ распоряжаться пріемомъ иноковъ и изгнаніемъ изъ обители тѣхъ, кто, будучи неисправимъ, своимъ поведеніемъ производилъ въ братствѣ соблазнъ. Объясняя Священное Писаніе, Пахомій сажаетъ Ѳеодора рядомъ съ собой. Теперь Ѳеодоръ еще чаще прежняго проповѣдуетъ вмѣсто Пахомія. Слово его оказываетъ самое благотворное дѣйствіе на слушателей. Та любовь, какую Ѳеодоръ, по свидѣтельству древняго жизнеописателя, имѣлъ не только къ каждому монаху, но и ко всякому человѣку, давала ему возможность и проникать въ духовныя нужды братій, и помогать имъ мудрымъ и теплымъ словомъ. Пахомій съ своей стороны былъ для него опытнымъ совѣтникомъ и строгимъ обличителемъ: онъ желалъ, чтобы Ѳеодоръ не останавливался на той ступени нравственной чистоты и духовной мудрости, какой онъ такъ скоро достигъ, но чтобы онъ совершенствовался болѣе и болѣе, чтобы сдѣлался всецѣло чистымъ по духу и не могъ уже потерять этой чистоты.

Преподобный Ѳеодоръ часто поучалъ иноковъ. При этомъ онъ нерѣдко обращался къ инокамъ съ рѣчами, въ которыхъ обличалъ

или общіе многимъ недостатки, или недостатки, проступки отдѣльныхъ лицъ, не называя виновныхъ по имени. Случалось, что они сами приносили покаяніе предъ всѣмъ собраніемъ и просили прощенія у братій.

По смерти преподобнаго Пахомія и его преемника аввы Петронія, жившаго недолго послѣ Пахомія, святый Θеодоръ былъ мудрымъ руководителемъ на пути ко спасенію для всѣхъ монастырей Тавеннисійскихъ, частію помогая въ управленіи ими аввѣ Орсисію, частію же вмѣсто него управляя монастырями, хотя и въ полномъ единеніи съ нимъ — какъ бы въ качествѣ его соправителя. И жизнію и словомъ великую пользу онъ приносилъ инокамъ и прославился еще чудесами своими. За его подвиги и за его мудрость къ нему съ особеннымъ уваженіемъ относился святый Аθанасій Великій, архіепископъ Александрійскій [1]). Скончался онъ лѣтъ двадцать спустя послѣ смерти преподобнаго Пахомія [2]). Иноки съ аввою Орсисіемъ во главѣ долго оплакивали его. Ихъ скорбь искренно раздѣлялъ и святый Аθанасій. Въ утѣшеніе инокамъ святитель Александрійскій прислалъ имъ большое посланіе, въ которомъ много и краснорѣчиво говорилъ о добродѣтеляхъ и подвигахъ аввы Θеодора Освященнаго.

Тропа́рь, гла́съ а҃:

Пꙋсты́нный жи́тель, и҆ въ тѣлеси̇̀ а҆́гг҃лъ, и҆ чꙋдотво́рецъ ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ бг҃оно́се ѻ҆́тче на́шъ ѳео́дѡре: посто́мъ, бдѣ́нїемъ, мл҃твою нб҃наѧ дарова̑нїѧ прїи́мъ, и҆сцѣлѧ́еши недꙋ́жныѧ, и҆ дꙋ́шы вѣ́рою притека́ющихъ ти̇̀. сла́ва да́вшемꙋ тебѣ̀ крѣ́пость: сла́ва вѣнча́вшемꙋ тѧ̀: сла́ва дѣ́йствꙋющемꙋ тобо́ю всѣ́мъ и҆сцѣле́нїѧ.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Въ домꙋ̀ бж҃їи ꙗ҆́кѡ фі́нїѯъ процвѣ́лъ є҆сѝ, плоды́ же добродѣ́телей гд҃ви прине́слъ поще́нїемъ и҆зрѧ́днымъ, ѻ҆́тче прп҃бне. тѣ́мже и҆ ᲂу҆блажа́ешисѧ, ꙗ҆́кѡ безпло́тныхъ равностоѧ́теленъ.

---

[1]) Вѣроятнѣе всего въ 368 году.

[2]) *Святый Аθанасій,* архіепископъ Александрійскій, жилъ въ IV в. Прославился какъ ревностный защитникъ православнаго ученія о Лицѣ Сына Божія и усердный обличитель аріанской ереси. Въ санѣ діакона принималъ горячее участіе въ засѣданіяхъ I-го Вселенскаго Собора (въ Никеѣ, въ 325 г.), осудившаго аріанскую ересь.

ПАМЯТЬ БЛАЖЕННОЙ ОТРОКОВИЦЫ

МУЗЫ

Святый Григорій Двоесловъ, папа Римскій[1]), повѣдалъ своему архидіакону Петру такое сказаніе о блаженной отроковицѣ Музѣ (со словъ Прова, брата Музы):

Когда Муза была еще юной отроковицей, ей ночью явилась въ сонномъ видѣніи Пресвятая Богородица Приснодѣва Марія; Матери Божіей сопутствовали многія отроковицы столь же юнаго возраста, какъ и Муза. Богоматерь спросила Музу:

— Не желаешь ли ты жить вмѣстѣ съ этими отроковицами и всегда слѣдовать за Мной?

На это Муза отвѣчала:

— Весьма желаю, Госпожа моя.

Тогда Матерь Божія сказала Музѣ, чтобы она воздерживалась отъ дѣтскихъ игръ и отъ всего небогоугоднаго, такъ какъ черезъ тридцать дней Муза придетъ къ Ней и присоединится къ лику прочихъ юныхъ дѣвъ.

Съ этого времени Муза перемѣнила жизнь свою: оставивъ дѣтскія игры и забавы, она всецѣло посвятила себя жизни богоугодной.

Видя такую перемѣну въ жизни дочери своей, родители Музы весьма удивились. Когда же они спросили ее о причинѣ такой перемѣны, то Муза сказала имъ, что она видѣла во снѣ Пресвятую Богородицу; сказала имъ о заповѣди, которую дала ей Матерь Божія; повѣдала также и о томъ, въ какой день она отойдетъ отъ жизни этой и присоединится къ сонму прочихъ дѣвъ, сопутствовавшихъ Матери Божіей.

---

[1]) *Святый Григорій Великій* (*Двоесловъ*) — знаменитый учитель Западной Церкви, жившій въ VI в. Изъ его сочиненій особенно замѣчательны: «Діалогъ о жизни италійскихъ Отцевъ» (за это сочиненіе, написанное въ діалогической, т. е. разговорной формѣ, святый Григорій и получилъ прозваніе Двоеслова);— «Правило пастырское», содержащее въ себѣ разсужденія о томъ, каковъ долженъ быть пастырь и какъ онъ долженъ исполнять свои обязанности;—Чинъ Литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ;—Бесѣды на Евангеліе и Книгу Пророка Іезекіиля и др.—Память его празднуется св. Церковію 12 марта.

При наступленіи двадцать пятаго дня послѣ явленія Музѣ Матери Божіей отроковица впала въ тяжкую болѣзнь; она вся пылала какъ въ огнѣ. На тридцатый день, когда приблизилось время преставленія блаженной отроковицы, Муза снова увидѣла Матерь Божію, пришедшую къ ней въ сопровожденіи тѣхъ же отроковицъ. Матерь Божія стала звать къ Себѣ Музу. Блаженная же отроковица отвѣтствовала Ей тихимъ голосомъ:

— Иду, Госпожа моя, иду!

Съ этими словами блаженная Муза предала душу свою въ руки Пресвятой Богородицы и, оставивъ эту земную жизнь, вселилась въ обителяхъ вѣчныхъ съ прочими дѣвами, сопутствовавшими Матери Божіей[1]).

Бл҃же́ннаѧ
Му́за

Когда архидіаконъ Петръ выслушалъ эту повѣсть, то спросилъ святаго папу Григорія:

— Я хотѣлъ бы знать, честны̀й владыко, могутъ ли быть приняты на Небесахъ души праведниковъ прежде, чѣмъ онѣ разлучатся отъ тѣла?

Святый же Григорій отвѣчалъ:

— Мы не можемъ сказать о всѣхъ безъ исключенія праведныхъ людяхъ, что души ихъ будутъ приняты на Небесахъ; точно такъ же не можемъ и сказать, чьи души не будутъ приняты на Небесахъ. Но, вѣроятно, есть люди праведные, души которыхъ находятся какъ бы въ нѣкоемъ отдаленіи отъ Царствія Небеснаго. Причину этого слѣдуетъ видѣть именно въ томъ, что тѣ люди въ продолженіе земной жизни своей не достигли извѣстнаго совершенства въ добродѣтельной жизни. Что же касается того, что души праведниковъ, жившихъ богоугодно на землѣ, когда отрѣшаются отъ союза съ плотію, то поселяются въ Обителяхъ Небесныхъ, то

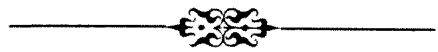
[1]) Кончина святой отроковицы Музы послѣдовала въ V в.

эта истина—яснѣе самого свѣта солнечнаго, ибо Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ говоритъ: **ꙗ҆дѣ́же бꙋ́детъ трꙋ́пъ, та́мѡ соберꙋ́тсѧ ѻ҆рли́**[1]), то есть, гдѣ будетъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ съ принятою на Себя человѣческою плотію нашею, тамъ безъ всякаго сомнѣнія будутъ и души праведниковъ. И святый Апостолъ Павелъ весьма желалъ **разрѣши́тисѧ и҆ со хрⷭ҇то́мъ бы́ти**[2]). Вѣрующій въ то, что Господь пребываетъ на Небесахъ, долженъ вѣровать и въ то, что и Павлова душа пребываетъ на Небесахъ со Христомъ. Тотъ же Апостолъ очевидно для всѣхъ свидѣтельствуетъ, что души праведниковъ по разлученіи съ тѣломъ водворятся въ отечествѣ Небесномъ, ибо онъ говоритъ: **вѣ́мы, ꙗ҆́кѡ а҆́ще земна́ѧ на́ша хра́мина тѣ́ла разори́тсѧ, созда́нїе ѿ бг҃а и҆́мамы, хра́минꙋ нерꙋ́котворе́нꙋ, вѣ́чнꙋ на небесѣ́хъ**[3]). Богу нашему да возсылается слава, честь и поклоненіе, нынѣ и въ безконечныя вѣки. Аминь.

Въ тотъ же день память **во святыхъ отца нашего Георгія**, епископа Митиленскаго, поставленнаго во епископа въ 842 году.

Въ тотъ же день память святыхъ **мучениковъ Вита, Модеста и Крискентіи**, пострадавшихъ въ царство Діоклетіаново.

Въ тотъ же день празднуется пренесеніе мощей **преподобнаго Ефрема Перекопскаго**, Новгородскаго чудотворца, скончавшагося 26 сентября 1523 года. Пренесеніе мощей было въ 1545 году 16 мая.



---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 24, ст. 28.
2) Посл. къ Филип., гл. 1, ст. 23.
3) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 5, ст. 1.

День семнадцатый

ПАМЯТЬ

СВЯТАГО АПОСТОЛА

АНДРОНИКА

и ІУНІИ, помощницы его

Святый апостолъ Андроникъ принадлежитъ къ лику семидесяти апостоловъ; онъ увѣровалъ во Христа ранѣе святаго Апостола Павла, которому онъ приходился сродникомъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ, говоря: цѣлꙋйте а҆ндроні́ка и҆ і҆ꙋні́ю срѡ́дники мѡѧ̀ и҆ сплѣ́нники мѡѧ̀, и҆̀же сꙋ́ть нарѡ́читы во а҆по́столѣхъ, и҆̀же и҆ пре́жде менѐ вѣ́роваша во х҃та̀[1]). Святый Андроникъ былъ епископомъ Панноніи[2]); однако онъ не былъ проповѣдникомъ и учителемъ только одного какого-либо города или одной какой-либо страны,—но онъ училъ по всей вселенной; онъ путешествовалъ по разнымъ странамъ, всюду проповѣдуя Имя Христово и искореняя обольщеніе бѣсовское. Помощницею во всѣхъ его проповѣдническихъ трудахъ была

---

[1]) Посл. къ Римл., гл. 16, ст. 7.

[2]) Именно онъ былъ епископомъ Сирміи Паннонской —Паннонія представляла изъ себя одну изъ значительныхъ южнодунайскихъ областей Римской имперіи, границы ея составляли на западѣ—Альпы, на югѣ—рѣка Сава, на востокѣ и сѣверѣ — рѣка Дунай. Въ исторіи христіанской Церкви Паинонія замѣчательна какъ мѣсто проповѣдиической дѣятельности святыхъ равноапостольныхъ Кирилла и Мееодія, первоучителей славянскихъ (см. житіе ихъ подъ 11-мъ числомъ).

преславная Іунія. Андроникъ, какъ и Іунія, умеръ для міра ради Христа, дабы многихъ привести къ познанію Бога Истиннаго. И дѣйствительно, Андроникъ вмѣстѣ съ Іуніею своею проповѣдію разрушилъ многія храмы идольскіе и вмѣсто нихъ создалъ церкви христіанскія, всюду прогоняя изъ людей духовъ нечистыхъ и врачуя недуги немощныхъ и больныхъ. Когда же святые Андроникъ и Іунія, исполняя общій долгъ всѣхъ людей, приняли конецъ смертный, то они были награждены отъ Господа вѣнцемъ апостольства и страдальческаго подвига, такъ какъ они много пострадали отъ язычниковъ. Честныя мощи ихъ были обрѣтены вмѣстѣ съ мощами многихъ другихъ святыхъ мучениковъ въ Евгеніи[1]). О сихъ мощахъ было возвѣщено христіанамъ по особому откровенію Божію, какъ объ этомъ подробно сказано въ повѣствованіи подъ 22-мъ числомъ февраля мѣсяца.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Звѣздꙋ пресвѣ́тлꙋю, бг҃оразꙋмїѧ свѣ́томъ просвѣ́щшаго ꙗ҆зы́ки, а҆пⷭ҇ла хрⷭ҇то́ва а҆ндроні́ка восхва́лимъ, и҆ съ ни́мъ во бл҃говѣ́стїи потрꙋди́вшꙋюсѧ і҆ꙋні́ю премꙋ́дрꙋю, вопїю́ще: моли́те хрⷭ҇та̀ бг҃а непреста́ннѡ ѡ҆ всѣ́хъ на́съ.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

СОЛОХОНА

Святый мученикъ Солохонъ жилъ во времена царя Максиміана[2]), былъ родомъ египтянинъ, званіемъ же былъ христіанинъ. Онъ служилъ въ чинѣ воина у трибуна Кампана, имѣвшаго подъ своимъ начальствомъ три тысячи воиновъ. Когда, по приказанію царскому, Кампанъ со своимъ полкомъ прибылъ изъ

---

[1]) Кончина святыхъ Андроника и Іуніи послѣдовала во второй половинѣ I-го в.— *Евгеніею* называлась мѣстность въ Константинополѣ, замѣчательная тѣмъ, что здѣсь было обрѣтено много честныхъ мощей въ царствованіе императоровъ Аркадія (съ 395 г. по 408 г.) и Гонорія (съ 395 по 423 г.). Въ числѣ прочихъ мощей были обрѣтены и мощи святыхъ Андроника и Іуніи. Въ XII в. здѣсь былъ выстроенъ въ честь ап. Андроника храмъ императоромъ Андроникомъ I-ымъ (правилъ съ 1183 г. по 1185 г.).—Память св. Андроника совершается еще 30 іюля вмѣстѣ съ памятью апостоловъ изъ семидесяти: Силою, Силуаномъ, Крискентомъ и Епенетомъ.

[2]) *Максиміанъ, императоръ Римскій,* царствовалъ съ 284 г. по 305 г.

Ст҃ый а҆пⷭ҇лъ Ст҃а́ѧ

А҆ндроні́къ І҆ꙋ́нїѧ

Египта въ Халкидонъ[1]), то было повелѣно всѣмъ полководцамъ вмѣстѣ съ ихъ воинами приносить жертвы идоламъ. Исполняя приказъ царскій, Кампанъ приступилъ къ жертвоприношенію.

Ст҃ый мч҃нкъ Солохо́нъ

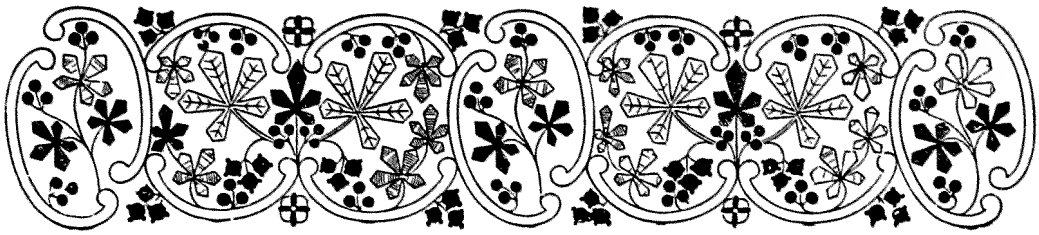
Въ то время, какъ воины полка Кампанова приносили жертвы идоламъ, святый Солохонъ вмѣстѣ съ двумя воинами, Памфамиромъ и Памфалономъ, исповѣдалъ себя христіаниномъ и во всеуслышаніе заявилъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не отречется отъ Христа, даже если бы его предали самымъ жестокимъ мукамъ, но обѣщалъ до конца жизни своей пребывать вѣрнымъ Христу. Когда послѣ этого святые преданы были разнымъ лютымъ мукамъ и были жестоко избиваемы, то Памфамиръ и Памфалонъ предали души свои въ руки Божіи, святый же Солохонъ продолжалъ мужественно во всеуслышаніе исповѣдывать Имя Христово. Узнавъ объ этомъ, Кампанъ весьма разгнѣвался и приказалъ своимъ слугамъ раскрыть мечомъ уста мученика и вливать ему въ ротъ кровь идоложертвенную. Но мученикъ крѣпостію зубовъ своихъ сокрушилъ желѣзо, затѣмъ расторгъ свои узы и предсталъ свободнымъ предъ мучителемъ, величая Имя Христово и порицая нечестіе Кампаново. Въ это время послышался съ Неба Голосъ, укрѣплявшій святаго въ страданіяхъ и призывавшій его къ мужеству. Вслѣдъ

---

[1]) *Халкидонъ* или, правильнѣе, *Калхедонъ*,—первоначально мегарская колонія на берегу Мраморнаго моря. При христіанскихъ императорахъ Халкидонъ былъ столицей малоазійской области Виѳиніи. Въ исторіи христіанской Церкви Халкидонъ замѣчателенъ какъ мѣсто IV Вселенскаго Собора, созваннаго въ 451 г. императоромъ Маркіаномъ (съ 450 г. по 457 г.) для осужденія монофизитской ереси (монофизитская ересь была основана Евтихіемъ, архимандритомъ Константинопольскимъ, учившимъ, что человѣческое естество въ Іисусѣ Христѣ было совершенно поглощено Божественнымъ естествомъ и потому въ немъ слѣдуетъ признавать лишь одну природу—Божественную).

затѣмъ святый былъ преданъ многимъ другимъ мукамъ: мучители били его безъ милосердія, влачили за ноги по черепицамъ и острымъ камнямъ; затѣмъ повѣсили его за правую руку къ дереву, прикрѣпленному къ дому, къ лѣвой же ногѣ его привязали большой камень; въ такомъ положеніи висѣлъ святый отъ шестого часа до часа девятаго; при этомъ мучители всячески увѣщевали Солохона отречься отъ Христа, но онъ не исполнилъ ихъ нечестиваго желанія. Когда святый къ вечеру былъ снятъ съ мучилищнаго древа и поставленъ на землю, то, къ всеобщему удивленію, онъ могъ стоять какъ здоровый. Наконецъ уже позднимъ вечеромъ Кампанъ, придя въ ярость, взялъ въ руки трость, которой писали, и съ гнѣвомъ вонзилъ ее въ ухо святому, такъ что она прошла сквозь всю голову его. Когда воины ушли съ мѣста мученія, то сюда пришли христіане, которые и взяли честное тѣло святаго мученика, весьма ослабѣвшаго отъ мученій; положивъ его на постель, они принесли его въ домъ одной вдовы христіанки. Здѣсь святый вкусилъ немного хлѣба и выпилъ воды. Немного укрѣпившись, онъ началъ бесѣдовать съ христіанами, окружавшими постель его, увѣщевая ихъ быть непоколебимыми и мужественными въ исповѣданіи вѣры Христовой. Затѣмъ, поднявъ очи свои къ Небу и помолившись достаточное время Богу, святый предалъ духъ свой Христу[1]), Богу нашему, Которому возсылается слава во вѣки. Аминь.

[1]) Кончина святыхъ мучениковъ Солохона, Памфамира и Памфалона послѣдовала въ концѣ III-го в. или въ началѣ IV-го в.



День восемнадцатый

СТРАДАНІЕ

СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ѲЕОДОТА

и съ нимъ семи дѣвъ:

ФАИНЫ, КЛАВДІИ, МАТРОНЫ, ТЕКУСЫ, ІУЛІИ, АЛЕКСАНДРЫ и ЕВФРАСІИ

Испытавъ на себѣ многія благодѣянія святаго мученика Ѳеодота,—говоритъ Нилъ, списатель житія святаго мученика,—я считаю себя обязаннымъ не только словомъ похвалить его страдальческіе подвиги, но и дѣломъ возблагодарить его; и хотя я ни словомъ, ни дѣломъ не могу выполнить этого въ совершенствѣ, однако постараюсь сдѣлать то, что могу, ибо мнѣ кажется весьма необходимымъ предать письмени къ свѣдѣнію боголюбцевъ и ихъ душевной пользѣ исторію жизни святаго мученика Ѳеодота, а также и исторію его страданій. Нѣкоторые говорятъ о немъ, что онъ первоначально жилъ такъ, какъ живутъ большинство и прочихъ грѣшныхъ людей міра сего, ибо онъ также заботился о снисканіи благъ міра сего; говорятъ, что, вступивъ въ законный бракъ, онъ купилъ гостинницу ради прибытка имѣнія. Однако его мученическимъ подвигомъ вѣнчается и украшается вся жизнь его. Пусть говорятъ о немъ, что хотятъ, я же буду разсказывать о немъ все то, что я, сожительствовавшій ему, видѣлъ очами сво-

ими, а также передамъ и о тѣхъ бесѣдахъ, которымъ я сподобленъ былъ отъ святаго.

Еще задолго до своего мученическаго подвига, святый творилъ много добрыхъ дѣлъ. Такъ, онъ всемѣрно боролся противъ вожделѣній плотскихъ; хотя онъ и пребывалъ въ законномъ супружествѣ, но онъ велъ борьбу съ плотію своею, покоряя ее духу согласно слову Апостольскому: имꙋщіи жены, ꙗкоже не имꙋщіи бꙋдꙋтъ[1]); святый настолько преуспѣлъ въ этой добродѣтели, что могъ быть учителемъ чистоты и цѣломудрія многимъ другимъ. Святый всячески воздерживался отъ сластолюбія и всякой грѣховной нечистоты и порабощалъ тѣло свое духу постомъ и воздержаніемъ. Считая постъ началомъ и основаніемъ всякаго благого дѣла, святый вооружался имъ какъ бы щитомъ, готовясь на брань духовную. Умерщвленіе тѣла святый считалъ обязанностью каждаго христіанина; жажду богатствъ и пріобрѣтенія имѣній святый препобѣждалъ усерднымъ раздаяніемъ всѣхъ богатствъ своихъ нищимъ. Поучительно въ житіи его то, что онъ, несмотря на обладаніе гостинницей, совершалъ обильную куплю духовную и пріобрѣлъ для Бога много душъ человѣческихъ: причиною же сего было то, что святый Ѳеодотъ подъ видомъ корчемничества исполнялъ обязанность апостольства; своими богодухновенными ученіями и бесѣдами онъ привелъ ко Христу много эллиновъ и іудеевъ и много грѣшниковъ побудилъ раскаяться въ грѣхахъ своихъ. Святый Ѳеодотъ имѣлъ и даръ исцѣленія недуговъ: возложеніемъ рукъ своихъ и молитвою онъ исцѣлилъ много болѣзней тѣлесныхъ, словомъ же своимъ врачевалъ язвы душевныя.

Поводомъ къ страданію святаго Ѳеодота за Имя Христово было слѣдующее. Нѣкій игемонъ, по имени Ѳеотекнъ, принялъ подъ свое начальство область Анкиры Галатійской[2]). Игемонъ этотъ былъ человѣкомъ очень жестокимъ и нечестивымъ; онъ потѣшалъ себя зрѣлищемъ крови и убійства, нечестіе же его было столь велико, что его трудно передать и человѣческими словами. Ѳеотекнъ, принимая власть игемона отъ царя Діоклетіана[3]), обѣщалъ ему въ скоромъ времени обратить къ язычеству всѣхъ христіанъ, проживавшихъ въ Анкирѣ.

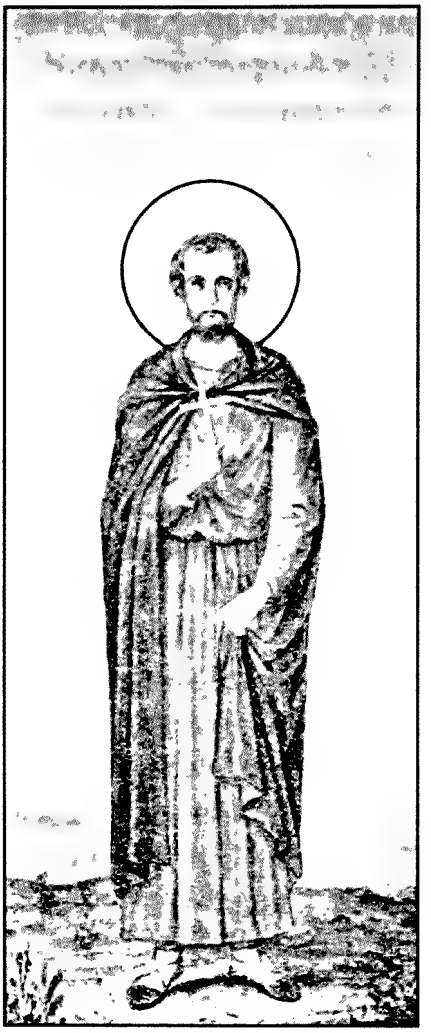
---

1) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 7, ст. 29.

2) *Галатія*—малоазійская область.

3) *Императоръ Діоклетіанъ* управлялъ Римской имперіей съ 284 г. по 305 г.

И дѣйствительно, когда Ѳеотекнъ прибылъ въ Анкиру, то отъ одной вѣсти о его прибытіи христіане пришли въ столь великій страхъ и трепетъ, что тотчасъ же бѣжали изъ того мѣста; селеніе то опустѣло, пустыни же и горы населились бѣглецами. Ѳеотекнъ посылалъ отъ своего имени одного за другимъ вѣстниковъ, всюду разъѣзжавшихъ и возвѣщавшихъ строгое приказаніе императора, повелѣвавшее разорять христіанскія церкви и сравнивать ихъ съ землею, всѣхъ же, исповѣдующихъ Имя Христово, заключать въ узы и ввергать въ темницы, гдѣ христіане будутъ пребывать въ ожиданіи лютыхъ мученій; при этомъ имущество христіанъ должно было отбираться и разграбляться. Въ это время Церковь Христова уподоблялась кораблю, весьма бѣдствующему посреди большихъ волнъ и боящемуся потопленія въ глубинѣ морской, ибо нечестивые язычники нападали на дома христіанъ, расхищали ихъ имущество, извлекали безъ всякаго стыда изъ домовъ мужчинъ и женщинъ, юношей и дѣвицъ и влекли ихъ или къ мѣстамъ своихъ нечестивыхъ жертвоприношеній или же въ темницу. Трудно и пересказать всѣ тѣ бѣды, которыя пришлось вынести въ то время христіанамъ. Многіе священники изъ страха мученій бѣжали отъ храмовъ своихъ; двери храмовъ оставались открытыми; впрочемъ, сами бѣглецы не находили себѣ мѣста, гдѣ бы могли укрыться отъ преслѣдованія язычниковъ. Когда имущество христіанъ было разграблено, наступилъ голодъ—столь же тяжелый, какъ и самыя мученія язычниковъ. Тогда многіе изъ христіанъ, скрывавшихся въ горахъ и пустыняхъ, не будучи въ силахъ перенести мученій голодной смерти, приходили къ язычникамъ и отдавались въ ихъ руки, надѣясь на милость съ ихъ стороны. Тяжело было тогда всѣмъ бѣгле-



Ст҃ый мч҃нкъ
Ѳеодо́тъ

цамъ, пытавшимся найти себѣ пріютъ въ пустыняхъ и горахъ: въ особенности тяжело было здѣсь тѣмъ изъ христіанъ, которые ранѣе жили въ довольствѣ и изобиліи и не видѣли нужды; теперь такимъ христіанамъ приходилось грызть корни, которые они находили въ пустынныхъ мѣстахъ, и питаться разными сорными травами.

Въ это именно время блаженный Ѳеодотъ весьма много потрудился ради исполненія Заповѣдей Господнихъ, предавая себя безъ страха многимъ опасностямъ; онъ корчемствовалъ не съ тою цѣлію, чтобы пріобрѣсти золото, какъ говорятъ о немъ нѣкоторые, но пріобрѣлъ себѣ гостинницу затѣмъ, чтобы доставить въ ней убѣжище и упокоеніе всѣмъ гонимымъ христіанамъ. Кромѣ того, онъ весьма заботился о христіанахъ, находившихся въ узахъ, спасавшихся же бѣгствомъ отъ язычниковъ-мучителей христіанъ скрывалъ у себя; онъ питалъ также всѣхъ христіанъ, скрывавшихся по горамъ и пустынямъ; тѣла же святыхъ мучениковъ, выкинутыя язычниками на съѣденіе псамъ, звѣрямъ и птицамъ, онъ погребалъ тайно (слѣдуетъ замѣтить, что игемонъ приказалъ предавать смерти тѣхъ христіанъ, которые погребали тѣла братій своихъ; поэтому блаженный Ѳеодотъ похищалъ ихъ и тайно предавалъ погребенію). Такимъ образомъ домъ святаго Ѳеодота былъ и гостинницею и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжищемъ для христіанъ, такъ какъ Ѳеодотъ, считавшійся корчемникомъ, не навлекалъ на себя у язычниковъ подозрѣнія въ томъ, что онъ былъ христіаниномъ. И былъ святый для всѣхъ всѣмъ: для гонимыхъ — покровителемъ, для алчущихъ—питателемъ, для недугующихъ—врачомъ, для сомнѣвающихся—крѣпкимъ утвержденіемъ, учителемъ вѣры и благочестія, наставникомъ богоугодной жизни и возбудителемъ къ подвигу мученическому.

Въ это время нечестивый игемонъ Ѳеотекнъ приказалъ всюду окропить идоложертвенною кровію всякую пищу и всякое питіе, продававшееся на торжищахъ. Такъ сдѣлалъ онъ ради христіанъ, намѣреваясь принудить ихъ, хотя бы противъ ихъ воли, вкушать пищу, оскверненную идоложертвенною кровію; вслѣдствіе этого въ христіанскихъ храмахъ нельзя было приносить жертвы Богу Истинному, такъ какъ во всемъ городѣ не было хлѣба и вина, не оскверненнаго язычниками. Узнавъ объ этомъ, святый Ѳеодотъ сталъ раздавать вѣрнымъ жито, пшеницу и вино, заранѣе купленныя имъ и имѣвшіяся у него въ изобиліи. Раздавая пищу и питіе

всюду и у себя питая многихъ христіанъ, Θеодотъ уподобилъ гостинницу свою кораблю Ноеву, спасавшему всѣхъ, находившихся въ немъ, отъ водъ потопа[1]). Ибо подобно тому, какъ тогда, при Ноѣ, никто не могъ спастись отъ водъ потопа, кромѣ тѣхъ, кто находился въ ковчегѣ Ноевомъ, такъ и теперь въ городѣ нашемъ (говоритъ списатель житія святаго Θеодота) ни одинъ изъ христіанъ не могъ сохранить себя отъ оскверненія идоложертвенными мерзостями, если не шелъ въ домъ Θеодота. Такимъ образомъ гостинница Θеодотова превратилась въ страннопріимницу, и въ храмъ молитвенный, и въ алтарь для іереевъ Божіихъ, которые совершали здѣсь безкровную Божественную Жертву. Къ дому Θеодотову всѣ прибѣгали, какъ къ кораблю во время потопа. Таково было корчемствованіе сего блаженнаго Θеодота, такова была его купля и пріобрѣтеніе. Но довольно о семъ. Повѣдаемъ и о другихъ дѣяніяхъ святаго мученика.

Во время этого гоненія, поднятаго на христіанъ, случилось одному другу Θеодотову, по имени Виктору, быть взятымъ язычниками и по слѣдующему поводу: нѣкоторые изъ жрецовъ Артемидиныхъ[2]) наклеветали на Виктора игемону, сказавъ, что Викторъ хулилъ богиню ихъ, выразившись такъ, что Аполлонъ[3]) насиловалъ единоутробную сестру свою Артемиду и осквернилъ ее въ Делѣ предъ жертвенникомъ[4]), и замѣтивъ, что эллинамъ слѣдовало бы стыдиться такихъ боговъ своихъ—блудниковъ, позволявшихъ себѣ дѣлать такія мерзкія дѣла, о которыхъ и слышать не могутъ цѣломудренные люди. Взявъ Виктора, оклеветаннаго такъ, игемонъ приказалъ заключить его въ темницу. Къ узнику приходили многіе эллины, которые съ лестію увѣщевали его, говоря такъ:

— Исполни приказаніе игемона, тогда ты будешь почтенъ великою честію, будешь другомъ царя, получишь отъ него много различныхъ богатствъ и станешь жить въ палатахъ царскихъ. Но если не послушаешь игемона, подумай о томъ, какія мученія ожидаютъ тебя; тогда весь домъ твой и имущество твое будутъ

---

1) Кн. Быт., гл. 7.

2) *Артемида*, или *Діана*,—богиня охоты и покровительница лѣсовъ.

3) *Аполлонъ* — богъ Солнца, покровитель искусствъ.

4) Имѣются въ виду сказанія греческой миѳологіи о похожденіи боговъ. Необходимо замѣтить, что древнегреческая религія надѣляла своихъ боговъ не только различными благодѣтельными силами, искусствомъ, знаніемъ, но и недостатками, свойственными людямъ самой невысокой нравственности.

разграблены, всѣ родственники твои будутъ истреблены, и самое тѣло твое послѣ многихъ лютыхъ мученій будетъ предано горькой смерти и выкинется на съѣденіе псамъ.

Это и многое другое говорили они Виктору.

Блюститель же благочестія Ѳеодотъ, придя ночью въ темницу къ Виктору, укрѣплялъ его на предлежащій подвигъ, говоря ему такъ:

— Ни въ какомъ случаѣ, Викторъ, не слушай тѣхъ льстивыхъ рѣчей, которыя говорятъ тебѣ нечестивые язычники, не принимай ихъ совѣта лукаваго, не ходи въ слѣдъ ихъ, не оставляй насъ, не предпочитай скверну и нечестіе цѣломудрію и не люби неправду больше правды. Не дѣлай этого, о другъ мой! Не дѣлай, зная, что тѣ нечестивцы своими лукавыми и льстивыми обѣщаніями стараются вовлечь тебя въ пагубу. Не таковыми ли обѣщаніями іудеи прельстили Іуду предателя? Принесли ли ему пользу тѣ тридцать сребренниковъ, которые онъ получилъ отъ нихъ? Ничего другого онъ не пріобрѣлъ себѣ тѣми тридцатью сребренниками, кромѣ веревки, на которой удавился[1]). Никогда не думай, что ты получишь что-либо доброе отъ злыхъ, такъ какъ обѣщанія ихъ уготовляютъ смерть вѣчную.

Этими и имъ подобными словами укрѣплялъ Виктора въ благочестіи святый Ѳеодотъ. И Викторъ дѣйствительно мужественно выдерживалъ подвигъ свой до тѣхъ поръ, пока помнилъ слова, которыми его увѣщевалъ святый Ѳеодотъ. Всѣ, взиравшіе на страданія святаго, восхваляли славный подвигъ его. Когда же приблизился самый конецъ его мученическаго подвига и наступало время отшествія его изъ сего міра, Викторъ попросилъ мучителя прекратить на время его страданія, чтобы онъ имѣлъ время размыслить самъ въ себѣ. Тотчасъ же слуги игемона прекратили мученія и отвели Виктора въ темницу. Но Викторъ умеръ въ темницѣ отъ ранъ, оставивъ въ неизвѣстности конецъ своего исповѣданія.

Послѣ этого блаженный Ѳеодотъ отправился въ селеніе, называвшееся Малосъ и отстоявшее отъ города на четырнадцать стадій. Пошелъ же сюда святый потому, что узналъ, что здѣсь окончилъ свой мученическій подвигъ и былъ брошенъ въ рѣку, называвшуюся Галіосъ, святый мученикъ Валентъ, страдавшій

---

[1]) Еванг. отъ Матѳея, гл. 27, ст. 3—5.

ранѣе въ Мидикинахъ. Θеодотъ отправился къ селенію этому, однако не вошелъ въ него, но остановился около него, на рѣкѣ, въ разстояніи двухъ поприщъ отъ того селенія. Найдя мощи святаго мученика, Θеодотъ съ честію похоронилъ ихъ. Когда онъ возвращался оттуда, то встрѣтилъ нѣкоторыхъ христіанъ, которые, увидавъ его, весьма благодарили его какъ благодѣтеля всѣхъ христіанъ; въ особенности они благодарили его за одно великое благодѣяніе, оказанное имъ святымъ, а именно: когда былъ разоренъ алтарь Артемидинъ, то эти христіане были преданы игемону на мученіе; но святый Θеодотъ выкупилъ ихъ послѣ многихъ хлопотъ, и выкупилъ ихъ немалою цѣною. Вотъ за это христіане теперь и кланялись ему, привѣтствуя его и возсылая ему благодарность. Святый же, высказавъ радость по поводу свиданія съ ними, предложилъ имъ вкусить вмѣстѣ съ нимъ пищи. Найдя одно возвышенное и красивое мѣсто, они возлегли на травѣ; на томъ мѣстѣ росло много красивыхъ деревьевъ, было много цвѣтовъ и всюду слышалось пѣніе птицъ. Прежде нежели приступить къ вкушенію пищи, святый послалъ двухъ изъ нихъ въ селеніе за священникомъ, который бы благословилъ имъ трапезу и вмѣстѣ съ ними вкусилъ бы пищи, а затѣмъ напутствовалъ бы ихъ обычными молитвами (слѣдуетъ замѣтить, что святый Θеодотъ привыкъ всегда вкушать пищу съ благословенія священника и даже, если позволяла возможность, въ его присутствіи). Когда посланные приближались къ тому селенію, то увидали священника, выходившаго изъ церкви послѣ пѣнія шестого часа; однако они не знали, что это пресвитеръ того селенія. Замѣтивъ, что на путниковъ громко лаяли собаки, бывшія въ томъ селеніи, священникъ подошелъ къ нимъ и, отогнавъ собакъ, привѣтствовалъ ихъ, а затѣмъ спросилъ:

— Христіане ли вы? Если вы христіане, то войдите въ домъ мой, дабы мы возвеселились любовію о Христѣ.

Они же отвѣчали на это:

— Да, мы христіане и христіанъ ищемъ.

Священникъ же, улыбнувшись, сказалъ самъ въ себѣ:

— Фронтонъ! (таково было имя его). Вотъ видишь, какъ сбываются твои сонныя видѣнія!...

Затѣмъ, обратившись къ путникамъ, сказалъ:

— Этою ночью я видѣлъ во снѣ двухъ мужей, очень похожихъ на васъ; они сказали мнѣ: «Мы принесли сокровище въ

эту область»; такъ какъ мнѣ кажется, что вы очень похожи на тѣхъ мужей, то скажите:—какое же сокровище вы принесли съ собою?

Мужи тѣ отвѣчали:

— Дѣйствительно мы имѣемъ съ собою мужа, блаженнаго Θеодота, болѣе драгоцѣннаго, чѣмъ какое-либо сокровище; если желаешь, то можешь посмотрѣть его, но сначала покажи намъ священника этого селенія.

Онъ же отвѣчалъ:

— Я тотъ, кого вы ищете. Пойдемъ же и приведемъ въ домъ мой человѣка Божія.

Послѣ этого всѣ отправились къ святому Θеодоту.

Когда священникъ увидѣлъ Θеодота, то съ любовію привѣтствовалъ его; привѣтствовалъ также и прочихъ христіанъ, а затѣмъ началъ упрашивать всѣхъ идти къ нему въ домъ. Но святый Θеодотъ не хотѣлъ идти, говоря:

— Я тороплюсь поскорѣе придти въ городъ, ибо для христіанъ наступилъ нынѣ великій подвигъ; поэтому я долженъ по мѣрѣ силъ послужить братіямъ моимъ, находящимся въ бѣдахъ и въ большой опасности.

Послѣ этого священникъ сотворилъ молитву, а затѣмъ всѣ приступили къ вкушенію пищи. По окончаніи обѣда святый Θеодотъ сказалъ пресвитеру съ улыбкою на лицѣ:

— Какъ красиво это мѣсто и какъ оно удобно для погребенія святыхъ мощей!

Священникъ же отвѣчалъ ему:

— Потрудись доставить намъ сюда честныя мощи!

Святый Θеодотъ отвѣчалъ на это:

— Потрудись только, отче, построить на этомъ мѣстѣ храмъ молитвенный, въ которомъ можно было бы помѣстить святыя мощи, и въ скоромъ времени къ тебѣ будутъ принесены мощи мученическія.

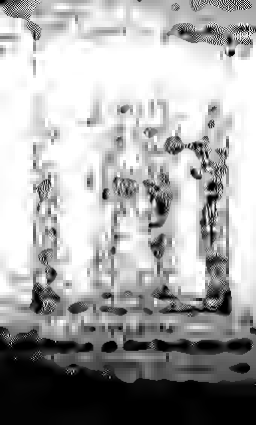
Затѣмъ святый снялъ перстень съ руки своей и, отдавая перстень священнику, сказалъ:

— Господь да будетъ Свидѣтелемъ между мною и тобою, что вскорѣ сюда будутъ принесены мощи мученическія.

Это говорилъ святый, пророчески предсказывая положеніе здѣсь своихъ мощей, ибо всею душею стремился къ подвигу мученическому.

Ст҃ыѧ мч҃нцы:

Фаі́на, Клавді́а, Матрѡ́на, Теку́са, І҆ѹ́лїа, А҆леза́ндра и҆ Є҆ѵфрасі́а



Вслѣдъ затѣмъ святый Θеодотъ пришелъ въ городъ свой и въ домъ свой и нашелъ здѣсь все въ великомъ разграбленіи и разрушеніи, какъ будто бы здѣсь было большое землетрясеніе.

Въ городѣ томъ проживали семь благочестивыхъ дѣвственницъ, съ юныхъ лѣтъ воспитанныхъ въ благочестіи и страхѣ Божіемъ, соблюдавшихъ чистоту тѣлесную и душевную и обручившихъ себя нетлѣнному и безсмертному Жениху—Христу, Сыну Божію. Проводя благочестивую и богоугодную жизнь, эти дѣвственницы достигли старости; старшей изъ нихъ была Текуса, приходившаяся теткой святому Θеодоту. Взявъ сихъ святыхъ дѣвственницъ, игемонъ предалъ ихъ многоразличнымъ мукамъ; но такъ какъ муки не могли поколебать вѣры ихъ, то онъ отдалъ ихъ блуднымъ юношамъ на оскверненіе, понося ихъ и ругаясь надъ благочестіемъ христіанскимъ. Когда тѣ дѣвственницы были ведомы на оскверненіе, то, вздохнувъ изъ глубины сердечной, поднявъ очи свои на Небо и воздѣвъ кверху руки свои, онѣ начали молиться Богу въ такихъ словахъ:

«Господи Іисусе Христе! Ты знаешь, съ какимъ вниманіемъ и усердіемъ мы соблюдали дѣвство свое до тѣхъ поръ, пока это было въ нашей власти; но вотъ нынѣ безстыдные юноши получили власть надъ тѣлами нашими. Сохрани же насъ чистыми, какими Ты Самъ знаешь путями».

Когда святыя дѣвственницы молились со слезами Богу въ такихъ словахъ, одинъ безстыдный юноша привлекъ къ себѣ старшую изъ дѣвственницъ, Текусу, намѣреваясь осквернить ее. Она же, обхвативъ его за ноги, со слезами сказала ему:

— Чадо! Какое наслажденіе можетъ доставить вамъ наше тѣло, изможденное старостію, постомъ, болѣзнями и мученіями, какъ вы это сами видите! Мнѣ уже болѣе семидесяти лѣтъ. И прочія сестры мои немного моложе меня. Не подобаетъ вамъ, столь юнымъ людямъ, прикасаться къ тѣламъ какъ бы уже мертвымъ, которыя въ скоромъ времени вы увидите снѣдаемыми звѣрями и птицами, такъ какъ игемонъ уже почти приговорилъ насъ къ смерти. Не дѣлайте намъ зла, и вы получите за это награду отъ Бога нашего, Господа Іисуса Христа.

Говоря такъ, святая Текуса сняла покрывало съ головы и, показавъ юношѣ сѣдину головы своей, опять сказала ему:

— Чадо! Постыдись, ибо и ты имѣешь мать, какъ думаю, столь же состарѣвшуюся, какъ и я, если она еще находится въ

живыхъ; если же она умерла, то, вспомнивъ о ней, оставь насъ, и ты получишь награду отъ Владыки нашего Христа, ибо надежда на Него не суетна.

Таковыя слова Текусы привели этого юношу и его товарищей въ умиленіе; оставивъ свое плотское вожделѣніе, юноши тѣ начали плакать и отошли отъ святыхъ дѣвственницъ, не причинивъ имъ никакого зла.

Когда Θеотекнъ узналъ, что тѣ дѣвственницы не были осквернены, то оставилъ мысль о насильственномъ оскверненіи ихъ и приказалъ имъ быть жрицами богинѣ Артемидѣ, причемъ обязанностью ихъ было—омывать, согласно языческому обычаю, идоловъ въ ближайшемъ озерѣ.

Наступилъ день омовенія идоловъ, весьма торжественно праздновавшійся язычниками. Положивъ идоловъ, каждаго на особую колесницу, язычники всенародно повезли ихъ съ пѣніемъ и ликованіемъ къ озеру. Язычники везли, по повелѣнію игемона, и святыхъ дѣвственницъ предъ идолами, каждую на отдѣльной колесницѣ; дѣвственницы были обнажены для потѣхи и поруганія язычниковъ. Всѣ граждане вышли на празднество это, дабы слушать звукъ трубъ, кимваловъ и пѣніе женщинъ, шедшихъ по улицамъ съ открытыми головами и распущенными волосами. Отъ шума и топота толпы народной, а также и отъ трубныхъ звуковъ, казалось, сотрясалась вся земля. Вмѣстѣ со всѣмъ народомъ шелъ и игемонъ Θеотекнъ — порожденіе ехидны, слуга діавольскій. Язычники взирали на обнаженныхъ дѣвственницъ, причемъ одни изъ нихъ предавались смѣху, другіе удивлялись терпѣнію и мужеству ихъ, нѣкоторые же, сожалѣя объ ихъ, изможденныхъ ранами, тѣлахъ, въ умиленіи плакали и сокрушались сердцемъ.

Когда при такихъ обстоятельствахъ совершалось это нечестивое празднество, святый Θеодотъ былъ въ весьма великой печали ради святыхъ дѣвственницъ, такъ какъ боялся, какъ бы какая изъ нихъ, по слабости естества женскаго, не ослабѣла въ страдальческомъ подвигѣ и не потеряла надежды на помощь Господа Іисуса Христа. Помысливъ объ этомъ, Θеодотъ весьма усердно началъ молиться за святыхъ подвижницъ, прося Бога укрѣпить святыхъ дѣвственницъ въ подвигѣ ихъ. Для молитвы святый Θеодотъ затворился вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ Полихроніемъ, съ юнымъ Θеодотомъ, также родственникомъ, и вмѣстѣ съ прочими другими христіанами въ домѣ одного убогаго

христіанина, по имени Θеохарида, находившемся близъ церкви въ честь святыхъ патріарховъ: Авраама, Исаака и Іакова. Павъ ницъ, Θеодотъ и прочіе христіане, молившіеся вмѣстѣ съ нимъ, лежали на землѣ, молясь отъ перваго часа дня до шестого, до тѣхъ поръ, пока жена Θеохарида не возвѣстила, что тѣла честныхъ дѣвственницъ были потоплены въ озерѣ [1]). Услышавъ такую вѣсть, святый Θеодотъ нѣсколько приподнялся отъ земли; затѣмъ, стоя на колѣняхъ, поднялъ руки свои на Небо и, обливаясь многими слезами, какъ каплями дождевыми, молился въ такихъ словахъ:

«Благодарю Тебя, Владыко, за то, что Ты услышалъ голосъ плача моего и не сдѣлалъ суетными слезы мои!»

Затѣмъ началъ разспрашивать жену Θеохарида,—какимъ образомъ дѣвственницы были потоплены въ водѣ и на какомъ мѣстѣ—при берегѣ ли, или посреди рѣки. Она же сказала ему:

— Я стояла близъ того мѣста вмѣстѣ съ прочими другими женщинами и видѣла, что игемонъ долго увѣщевалъ дѣвственницъ послужить идоламъ омовеніемъ ихъ и обѣщалъ имъ многіе дары. Однако игемонъ нисколько не успѣлъ въ своей просьбѣ, но былъ еще болѣе постыженъ укорительными словами святой Текусы. Жрецы же Артемиды и Аθины [2]) предлагали имъ бѣлыя одежды и разукрашенные вѣнцы, дабы въ этихъ одеждахъ и вѣнцахъ онѣ совершили бы омовеніе идоловъ. Но мученицы, взявъ тѣ одежды и вѣнцы, бросили ихъ на землю и начали топтать ихъ ногами. Тогда игемонъ приказалъ навязать на шею святымъ тяжелые камни, затѣмъ, посадивъ ихъ на лодки, приказалъ отвезти на глубокое мѣсто и бросить ихъ въ воду. Онѣ были брошены въ воду стадіяхъ въ двухъ отъ берега.

Услыхавъ объ этомъ, святый до вечера совѣтовался съ Полихроніемъ и Θеохаридомъ, какимъ бы образомъ имъ вынуть изъ воды честныя тѣла святыхъ мученицъ, дабы предать ихъ погребенію. При захожденіи солнца къ нимъ пришелъ одинъ юноша христіанинъ, по имени Гликерій, и сказалъ, что игемонъ поставилъ при озерѣ стражу изъ воиновъ, причемъ приказалъ наблюдать стражѣ, какъ бы не были взяты изъ озера тѣла мученицъ. Услыхавъ объ этомъ, святый Θеодотъ весьма опечалился, такъ какъ ему нелегко было теперь взять тѣла святыхъ мученицъ —

[1]) Кончина святыхъ дѣвъ-мученицъ послѣдовала въ нач. IV-го в.

[2]) *Аθина*, или *Минерва*,—богиня мудрости.

отчасти по причинѣ стражи, а отчасти по причинѣ тяжелыхъ камней, привязанныхъ къ шеямъ святыхъ; камни эти были настолько тяжелы, что ихъ едва можно было везти на колесницахъ. Вечеромъ Θеодотъ отправился къ близлежащей церкви святыхъ патріарховъ, входъ въ которую былъ загороженъ язычниками, дабы не могли пройти въ нее христіане. Придя къ церкви, святый повергся предъ ней на землю и долго молился. Затѣмъ, вставъ, направился ко входу въ церковь; но увидавъ, что входъ въ нее загороженъ, остановился и снова всталъ здѣсь на молитву. Услыхавъ гдѣ-то въ сторонѣ отъ себя крикъ и говоръ и подумавъ, что это язычники преслѣдуютъ его, святый тотчасъ поднялся и пошелъ къ дому Θеохаридову. Здѣсь онъ уснулъ на непродолжительное время. Во снѣ явилась ему его тетка, святая Текуса, и сказала:

— Ты спишь, сынъ Θеодотъ, и нисколько не заботишься о насъ. Развѣ ты не помнишь, какъ я тебя учила, когда ты былъ еще юношею? Развѣ ты не помнишь, какъ я руководила тобой въ добродѣтельной жизни, замѣняя тебѣ отца и мать? И когда я была живой, ты никогда не оскорблялъ меня, но всегда почиталъ меня, какъ родную мать. Но вотъ теперь, послѣ кончины моей, ты позабылъ меня, хотя ты долженъ бы послужить мнѣ до конца жизни своей. Но,—я прошу тебя,—не оставь тѣлъ нашихъ въ водѣ, дабы они не сдѣлались добычею рыбъ, но потрудись поскорѣе извлечь ихъ изъ воды, такъ какъ и ты самъ спустя два дня отправишься на подвигъ мученическій. Вставъ съ постели, иди къ озеру, но берегись предателя.

Сказавъ это, святая оставила Θеодота.

Пробудившись, Θеодотъ передалъ прочимъ христіанамъ, находившимся въ домѣ томъ, о своемъ видѣніи, и всѣ начали со слезами молиться Господу, прося Его помочь найти тѣла святыхъ мученицъ. Блаженный же Θеодотъ, размышляя о видѣніи, недоумѣвалъ, что означали послѣднія слова, сказанныя ему Текусой: «берегись предателя». Но потомъ слова эти оправдались, какъ это будетъ видно изъ нижеслѣдующаго повѣствованія.

Когда наступило утро, Θеодотъ послалъ упомянутаго юношу Гликерія вмѣстѣ съ Θеохаридомъ разузнать поточнѣе относительно воиновъ, стоявшихъ близъ рѣки, такъ какъ думалъ, что они ушли по причинѣ праздника богини Артемиды, который въ тотъ день отправляли язычники. Посланные отправились, но увидали, что

воины еще не ушли; возвратившись, они возвѣстили объ этомъ прочимъ христіанамъ, и всѣ провели тотъ день въ постѣ и молитвѣ. При наступленіи вечера христіане, еще не вкусивъ пищи, направились къ озеру, захвативъ съ собою острые серпы, которыми бы могли разрѣзать веревки, обвязанныя вокругъ шеи святыхъ мученицъ. Было въ это время очень темно, такъ какъ въ эту ночь не свѣтила ни луна, ни звѣзды. Когда всѣ приблизились къ тому мѣсту, на которомъ исполнялись смертные приговоры надъ злодѣями и разбойниками (а мѣсто это было очень страшнымъ, такъ что никто не осмѣливался проходить здѣсь по захожденіи солнца; здѣсь валялись трупы, кости и головы, отсѣченныя отъ тѣлъ, причемъ нѣкоторые изъ головъ были воткнуты на палки), то всѣ пришли въ большой страхъ; однако скоро ободрились, такъ какъ услыхали Голосъ, говорившій:

— Иди съ дерзновеніемъ, Θеодотъ!

Выслушавъ слова эти съ благоговѣніемъ, всѣ осѣнили себя знаменіемъ крестнымъ. И тотчасъ явился въ воздухѣ съ восточной стороны пресвѣтлый Крестъ, испускавшій во всѣ стороны огненные лучи. Увидавъ этотъ Крестъ, всѣ обрадовались и пришли въ страхъ; а затѣмъ, павъ на колѣна, всѣ поклонились Святому Кресту и помолились Господу. Вставъ послѣ молитвы, всѣ направились къ озеру; но такъ какъ въ это время видѣніе Креста скрылось, то снова стало такъ темно, что никто не могъ видѣть другъ друга. Въ это время пошелъ дождь, вслѣдствіе чего дорога сдѣлалась скользкой, что весьма затрудняло путь. Тогда всѣ стали на молитву, испрашивая у Бога помощи въ такой бѣдѣ, и тотчасъ явилась лампада огненная, показывавшая путь; вмѣстѣ съ тѣмъ явились святому Θеодоту и два честныхъ мужа въ бѣлыхъ одеждахъ, имѣвшихъ сѣдые волосы на головахъ и бородахъ, и сказали ему:

— Дерзай, Θеодотъ, ибо Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ написалъ имя твое въ числѣ именъ мучениковъ, услышавъ молитву твою слезную о обрѣтеніи тѣлъ невѣстъ Его святыхъ. Мы посланы Имъ тебѣ на помощь; мы принадлежимъ къ лику тѣхъ отцевъ, предъ церковію которыхъ ты молился прошедшею ночью. Когда ты придешь къ озеру, то ты увидишь здѣсь мученика Сосандра, вооруженнаго, приводящаго въ страхъ и прогоняющаго воиновъ, охраняющихъ озеро; однако тебѣ не слѣдовало бы вести съ собою предателя.

Сказавъ такъ, святые сдѣлались невидимыми.

Такъ и не узналъ святый Ѳеодотъ, кто же былъ предателемъ изъ числа шедшихъ съ нимъ.

Слѣдуя за явившейся лампадой, всѣ подошли къ озеру. Въ это время поднялся громъ, засверкала молнія, полилъ сильный дождь, началась страшная буря; воины, стоявшіе на берегу озера, весьма устрашившись, бѣжали оттуда, при этомъ они устрашились не столько грома, молніи и бури, сколько страшнаго видѣнія: они видѣли очень большого мужа, имѣвшаго въ рукахъ броню, щитъ и копье; на головѣ же у него былъ шлемъ; отъ мужа того исходило кругомъ яркое сіяніе. Это былъ мученикъ Сосандръ. Ужаснувшись такого видѣнія, воины бѣжали, будучи объяты великимъ страхомъ. Между тѣмъ вода, находившаяся въ озерѣ, была прогнана вѣтромъ съ одной стороны озера на другую, такъ что дно озера обнажилось, и глазамъ христіанъ предстали тѣла святыхъ мученицъ, лежавшія на днѣ озера. Подойдя къ святымъ мученицамъ, христіане отрѣзали серпами веревки, которыми были привязаны камни къ шеямъ мученицъ; потомъ, взявъ честныя тѣла, положили ихъ на колесницы и повезли къ храму святыхъ патріарховъ, гдѣ и похоронили съ честію. Имена же тѣ мученицы носили слѣдующія: Текуса, Александра, Клавдія, Фаина, Евфрасія, Матрона и Іулія. Пострадали же сіи святыя дѣвственницы въ восемнадцатый день мѣсяца мая.

Утромъ слѣдующаго дня въ городѣ стало извѣстно, что тѣла святыхъ мученицъ были взяты христіанами изъ озера. Узнавъ объ этомъ, игемонъ, жрецы идольскіе и всѣ прочіе язычники-идолопоклонники преисполнились великой ярости, такъ что влекли къ допросу каждаго христіанина, котораго случайно встрѣчали на улицѣ. Въ это время было взято на допросъ и предано лютой, мучительной смерти много христіанъ; они были растерзаны мучителями какъ бы звѣриными зубами. Когда святый Ѳеодотъ узналъ объ этомъ, то хотѣлъ отдать себя въ руки язычниковъ, но его удержали отъ этого родственники. Полихроній же, перемѣнивъ одежды и принявъ видъ земледѣльца, пришелъ на городскую площадь, чтобы узнать о всемъ, происходившемъ въ городѣ, но тотчасъ былъ схваченъ язычниками и представленъ на допросъ къ игемону. Полихроній принялъ отъ мучителей много побоевъ и ранъ, но пребывалъ въ молчаніи. Когда же увидалъ мечъ, занесенный надъ его головою, то весьма испугался и разсказалъ

мучителямъ о томъ, какъ корчемникъ Θеодотъ извлекъ изъ озера тѣла святыхъ мученицъ и похоронилъ ихъ при храмѣ, построенномъ въ честь святыхъ патріарховъ. Узнавъ объ этомъ, язычники тотчасъ отправились къ тому мѣсту, гдѣ были похоронены честныя тѣла святыхъ мученицъ, разрыли ихъ могилы и предали тѣла сожженію; послѣ этого язычники отправились на поиски Θеодота, о чемъ и было ему возвѣщено тайно вечеромъ того же дня. Въ это время святый Θеодотъ понялъ, что Полихроній — его родственникъ и другъ — и былъ тѣмъ предателемъ, котораго заповѣдали остерегаться святые патріархи. Рѣшивъ предать себя мученіямъ, Θеодотъ такъ говорилъ своимъ родственникамъ:

— Помолитесь о мнѣ Господу Іисусу Христу, Богу нашему, дабы сподобилъ Онъ меня вѣнца мученическаго.

И молились всѣ съ нимъ въ продолженіе цѣлой ночи, причемъ святый Θеодотъ молился въ такихъ словахъ:

«Господи Іисусе Христе, надежда для отчаявшихся, помоги мнѣ совершить мужественно свой подвигъ мученическій и пріими кровь мою, которую прольютъ мои мучители, какъ жертву, приносимую Тебѣ за всѣхъ гонимыхъ христіанъ. Облегчи ихъ страданія, утиши лютую бурю гоненія, дабы вѣрующіе пребывали въ тишинѣ и покоѣ».

Когда наступилъ день, святый рѣшилъ идти къ мучителямъ и предать себя въ ихъ руки. Узнавъ объ этомъ, всѣ родственники его возрыдали, и восплакали, и, обнимая его, говорили:

— Да получишь спасеніе, свѣтило и украшеніе Церкви, честный Θеодотъ! По окончаніи своихъ страданій да сдѣлаешься причастникомъ Свѣта Небеснаго, да будешь сопричтенъ къ сонму Ангеловъ и Архангеловъ и да осіяетъ тебя слава Святаго Духа и Господа нашего Іисуса Христа, сидящаго по правую сторону Бога Отца. Да даруются тебѣ всѣ эти блага за тотъ подвигъ, на который ты выступаешь. Но знай, что для насъ, остающихся посреди такихъ бѣдъ, твое отшествіе принесетъ много горя и слезъ.

Когда всѣ плакали, говоря такія слова, святый Θеодотъ обнималъ и лобызалъ каждаго послѣднимъ цѣлованіемъ; затѣмъ приказалъ отдать свое тѣло, если удастся его тайно взять отъ мучителей, священнику Фронтону, который придетъ изъ селенія Малосъ съ его перстнемъ. Наконецъ, святый Θеодотъ оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ и мужественно вышелъ изъ своего дома.

На пути ему встрѣтились двое изъ числа старшихъ гражданъ

того города. Желая доказать ему свою любовь и уваженіе, они совѣтовали ему поскорѣе гдѣ-нибудь скрыться и говорили:

— Жрецы Аѳины и Артемиды вмѣстѣ съ прочими язычниками клевещутъ на тебя игемону, говоря, что ты совѣтуешь всѣмъ христіанамъ не поклоняться безчувственному камню и дереву; говорятъ они про тебя и многое другое; а Полихроній сказалъ про тебя, что ты тайно похитилъ тѣла дѣвственницъ. Скройся же, Ѳеодотъ, пока еще не поздно, ибо безуміе—отдавать самого себя въ руки мучителей.

Святый же отвѣчалъ имъ:

— Если вы—мои друзья и если вы дѣйствительно хотите показать свою любовь ко мнѣ, то не препятствуйте мнѣ на пути, по которому я иду, но, наоборотъ, идите къ судилищу и скажите тамъ старѣйшинамъ: «Вотъ, Ѳеодотъ, на котораго клевещутъ жрецы и народъ, стоитъ здѣсь, предъ дверями».

Сказавъ такъ, святый съ поспѣшностію отправился впередъ и ставъ посреди судилища, съ радостнымъ лицомъ сталъ смотрѣть на орудія мученій; здѣсь была и разожженная пещь, и котлы съ кипящею водою, и колеса, и много другихъ орудій мученія. Взирая на все это, святый нисколько не ужасался сердцемъ и не смущался въ мысляхъ своихъ, но продолжалъ стоять съ веселымъ лицомъ, всѣмъ являя свое мужество.

Когда игемонъ увидалъ святаго, то сказалъ ему:

— Ты нисколько не пострадаешь ни отъ одного изъ числа всѣхъ, находящихся здѣсь орудій мученія, въ томъ случаѣ, если принесешь жертвы богамъ; тогда ты будешь свободенъ отъ всѣхъ преступленій, въ которыхъ тебя обвиняютъ и жрецы, и весь городъ нашъ; кромѣ того,—тогда ты будешь другомъ намъ и любезнымъ царю, который окажетъ тебѣ большія почести; только отрекись отъ Іисуса, Котораго распялъ въ Іудеѣ Пилатъ, правившій прежде насъ. Подумай объ этомъ, Ѳеодотъ! Ты мнѣ кажешься человѣкомъ благоразумнымъ; благоразумный же человѣкъ долженъ поступать во всемъ съ осмотрительностію и разсужденіемъ. Отступи отъ всякаго безумія; убѣди также и прочихъ христіанъ оставить безуміе свое, и тогда ты будешь начальникомъ всего этого города; ты будешь тогда жрецомъ главнаго бога нашего Аполлона, дарующаго людямъ многія блага, предсказывающаго будущее и исцѣляющаго недуги врачевствомъ своимъ; если ты будешь служить этому богу, то ты получишь право назначать и

прочихъ жрецовъ для служенія всѣмъ остальнымъ богамъ. Черезъ тебя будутъ проходить всѣ назначенія на всѣ важнѣйшія должности, ты будешь ходатаемъ предъ судіями; ты будешь писать посланія ко всѣмъ народамъ отъ имени царя о разныхъ нуждахъ народныхъ; ты будешь весьма богатъ, и всѣ родственники твои будутъ въ великомъ почетѣ. Если тебѣ нужны богатства и имѣнія, то я могу дать ихъ тебѣ хоть сейчасъ.

Въ то время, какъ игемонъ говорилъ это, среди народа раздался громкій возгласъ, одобрявшій слова игемона и увѣщавшій Θеодота принять отъ игемона богатство и почести. Но святый Θеодотъ такъ отвѣтствовалъ игемону Θеотекну:

— Прежде всего, я прошу помощи у Господа моего, Іисуса Христа (Котораго ты назвалъ простымъ человѣкомъ), въ томъ, чтобы Онъ сподобилъ меня обличить заблужденіе ваше и показать суету боговъ вашихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ краткихъ словахъ я повѣдаю тебѣ тайну воплощенія Господа моего и чудеса, сотворенныя Имъ. О Θеотекнъ! Я долженъ бы говорить тебѣ о вѣрѣ моей и о дѣлахъ моихъ; но я обличу предъ всѣми вами, къ стыду вашему, дѣла боговъ вашихъ, о которыхъ стыдно и говорить. Тотъ, котораго вы называете Діемъ[1]) и котораго вы считаете богомъ, славнымъ болѣе всѣхъ прочихъ вашихъ боговъ, предавалъ себя столь гнусному плотскому вожделѣнію, что можетъ считаться началомъ и концомъ всякаго зла. Вашъ стихотворецъ Орфей[2]) повѣствуетъ, что Дій убилъ своего родного отца Сатурна[3]), мать же свою родную Рею взялъ себѣ въ жены и родилъ отъ нея дочь Персефону. Но онъ не остановился на этомъ; онъ прелюбодѣйствовалъ и съ своею дочерью и, кромѣ того, имѣлъ своею женою сестру Юнону[4]); точно такъже и Аполлонъ осквернилъ свою сестру Діану[5]) предъ жертвенникомъ на островѣ Делосѣ. Равнымъ образомъ и Марсъ[6]) вознеистовствовалъ плот-

---

1) *Дій*, или *Зевсъ*,—верховный богъ древнегреческой религіи, считавшійся родоначальникомъ прочихъ боговъ.

2) *Орфей*—одно изъ видныхъ дѣйствующихъ лицъ древнегреческой миѳологіи. Орфей считался сыномъ Θракійскаго царя Эагра и музы Калліопы. Его лира, по сказанію миѳологіи, издавала такіе чудные звуки, что дикіе звѣри выходили изъ своихъ логовищъ и слѣдовали за нимъ. Орфей считался искуснымъ стихотворцемъ, основателемъ древнегреческой поэзіи.

3) *Сатурнъ*—богъ земли и посѣвовъ.

4) *Юнона* считалась покровительницею семейной жизни.

5) См. стр. 553-ю, прим. 2-е.

6) *Марсъ*—богъ войны.

скою страстью къ Венерѣ[1]), Вулканъ[2]) къ Минервѣ[3]) — родные братья на родныхъ сестеръ. Неужели ты не видишь, игемонъ, сколь мерзостны беззаконія боговъ твоихъ? Развѣ законъ вашъ не наказываетъ всѣхъ, дѣлающихъ такія преступленія? А вы хвалитесь такими дѣлами блудодѣйныхъ боговъ вашихъ и не стыдитесь поклоняться отцеубійцамъ, кровосмѣсникамъ, прелюбодѣямъ, осквернителямъ дѣтей, волхвамъ (обо всемъ этомъ написали всѣ стихотворцы ваши, похваляя мерзостныя дѣла вашихъ боговъ). Дѣла же и чудеса Господа нашего Іисуса Христа чисты и не имѣютъ ни одного порока. О таинствѣ воплощенія Господа нашего Іисуса Христа предвозвѣстили всѣ святые Пророки, говоря, что въ послѣднія времена придетъ къ людямъ Богъ съ Небесъ, будетъ жить съ людьми какъ человѣкъ, будетъ творить знаменія и чудеса несказанныя, исцѣляя многоразличные недуги и сподобляя людей Царствія Небеснаго. И не только о воплощеніи Господа, но и объ Его вольномъ страданіи за насъ, о Его смерти и погребеніи предсказали заранѣе съ большою точностію тѣ же святые Пророки; свидѣтели этому — халдеи и мудрые волхвы персидскіе, которые по звѣздѣ нашли мѣсто Его рожденія и пришли къ Нему съ дарами, дабы поклониться Ему какъ Богу. Свидѣтелями же воскресенія Его были воины римскіе, охранявшіе гробъ Его. Они сами видѣли, какъ воскресъ Господь изъ гроба; объ этомъ они и возвѣстили архіереямъ. Но кто можетъ пересказать всѣ чудесныя и славныя дѣла, которыя сотворилъ Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, во время земной жизни Своей? Прежде всего, Онъ претворилъ воду въ вино, затѣмъ — пятью хлѣбами и двумя рыбами насытилъ пять тысячъ народа въ пустынѣ, болящихъ исцѣлялъ, ходилъ по морю какъ посуху; власти Его боялось естество огня; слѣпорожденному Онъ далъ зрѣніе, хромыхъ дѣлалъ быстроходными людьми; по Его повелѣнію воскресали мертвые; онъ воскресилъ и вернулъ къ жизни четверодневнаго Лазаря. Всѣ эти преславныя и предивныя чудеса очевидно для всѣхъ показываютъ, что Іисусъ Христосъ былъ Богомъ Истиннымъ, а не простымъ человѣкомъ.

Когда святый въ такихъ словахъ свидѣтельствовалъ о Божествѣ Господа нашего Іисуса Христа, всѣ язычники, стоявшіе

---

1) *Венера, или Афродита,*—богиня любви и красоты.

2) *Вулканъ* —богъ огня и металловъ.

3) См. стр. 561-ю, прим. 2-е.

близъ того мѣста, пришли въ великое смятеніе и зашумѣли, какъ шумитъ море отъ вѣтра. Жрецы рвали на себѣ волосы, раздирали одежды, разрывали вѣнки; а народъ волновался все болѣе и болѣе и съ гнѣвомъ вопрошалъ игемона, для чего онъ позволялъ такому богохульнику, достойному смерти, говорить столь много, а не предавалъ его казни и мученію?

Тогда игемонъ, придя въ еще бо́льшій гнѣвъ, приказалъ воинамъ совлечь одежды со святаго, повѣсить его нагимъ на мучилищномъ деревѣ и терзать желѣзными орудіями тѣло его; игемонъ и самъ поднялся съ мѣста своего, намѣреваясь своими руками мучить святаго. Въ это время поднялась цѣлая буря отъ вопля народнаго; народъ кричалъ, требовалъ и приказывалъ слугамъ игемоновымъ начинать мученія; слуги приготовляли орудія мученій; и лишь только одинъ святый мученикъ продолжалъ стоять спокойно, нисколько не смущаясь душею своею и не устрашаясь сердцемъ. Ѳеодотъ былъ столь спокоенъ, что, казалось, мученія уготовлялись не для него.

Потомъ святый былъ повѣшенъ на деревѣ. Когда воины начали терзать безъ милосердія тѣло святаго желѣзными когтями, то онъ какъ бы сіялъ радостнымъ лицомъ своимъ, ибо имѣлъ помощникомъ своимъ Господа Іисуса Христа. Такъ мучимъ былъ святый долгое время. Уже слуги изнемогли и ихъ смѣнили другіе. Мученикъ же пребывалъ непоколебимымъ въ исповѣданіи Имени Христова, такъ что казалось, что онъ страдалъ не въ своемъ, а какъ бы въ чужомъ тѣлѣ; всѣ свои помышленія онъ устремилъ къ Господу Іисусу Христу, помогавшему ему.

Спустя нѣкоторое время игемонъ Ѳеотекнъ приказалъ возлить на раны святаго самый крѣпкій уксусъ, смѣшанный съ солію, а затѣмъ велѣлъ свѣщами опалять честныя ребра мученика. Мученикъ, опаляемый огнемъ, ощутивъ смрадъ, исходившій отъ опаляемаго со всѣхъ сторонъ тѣла своего, началъ отворачивать лицо свое въ сторону; замѣтивъ это, игемонъ тотчасъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Гдѣ же нынѣ, Ѳеодотъ, всѣ дерзновенныя слова твои? Я вижу, что ты препобѣждаешься муками. Но если бы ты не хулилъ боговъ нашихъ и если бы ты поклонился имъ, то ты теперь не страдалъ бы такъ. Но развѣ я не совѣтовалъ тебѣ — человѣку незнатнаго происхожденія, занимавшемуся корчемничествомъ,—не противиться повелѣнію царя, имѣющаго въ своихъ рукахъ власть надъ твоею жизнію и смертію?

Отвѣчалъ на это святый мученикъ:

— Не думай, игемонъ, что меня препобѣждаютъ мученія твои, видя, что я отвратилъ въ сторону лицо мое, дабы не обонять смрада отъ опаляемаго тѣла моего. Прикажи лучше слугамъ своимъ съ бо́льшимъ усердіемъ исполнять то, что имъ повелѣно, такъ какъ кажется мнѣ, что они слишкомъ лѣниво исполняютъ свои обязанности. Ты же самъ придумай какія-нибудь еще, болѣе лютыя муки для меня, дабы узнать, какъ велика сила Господа моего Іисуса Христа, укрѣпляющаго меня посреди сихъ мученій. Опираясь и уповая на помощь Бога моего, я презираю не только тебя, но и твоего царя — какъ самаго послѣдняго плѣнника.

Когда святый говорилъ такъ, игемонъ приказалъ воинамъ бить мученика по устамъ и сокрушать челюсти и зубы его. Святый же, принимая побои, говорилъ игемону:

— Если ты разрѣжешь на части и языкъ мой, то все равно нисколько не успѣешь въ начинаніяхъ своихъ, ибо Богъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ слушаетъ и молчащихъ рабовъ Своихъ.

Послѣ того какъ святый былъ мучимъ и терзаемъ воинами достаточное время, такъ что всѣ слуги игемоновы утомились, игемонъ приказалъ снять Ѳеодота съ мучилищнаго дерева и заключить его до слѣдующаго мученія въ темницѣ.

Воины повели святаго Ѳеодота черезъ весь городъ въ темницу. Все тѣло святаго было изъязвлено ранами, черезъ что Ѳеодотъ показывалъ всѣмъ свою побѣду надъ мучителемъ и надъ діаволомъ. Святаго окружало во время шествія въ темницу весьма много народа, смотрѣвшаго на мученика Христова какъ на нѣкое любопытное зрѣлище. Святый же во всеуслышаніе исповѣдовалъ силу Господа нашего Іисуса Христа, говоря такъ:

— Смотрите, какъ велика и славна сила Христа Господа моего! Вотъ, вы сами видите, что, по Его устроенію, страждущіе за Его святое Имя не ощущаютъ боли отъ ранъ и мученій; вы видите, что Онъ дѣлаетъ немощную плоть человѣческую крѣпчайшей огня; вы видите, что Онъ даетъ столь великое мужество и крѣпость людямъ незнатнаго происхожденія, такъ что они вмѣняютъ ни во что приказанія самихъ царей и князей. Владыка нашъ даетъ благодать Свою всѣмъ, вѣрующимъ въ Него, — незнатнымъ и знатнымъ, рабамъ и свободнымъ, варварамъ и эллинамъ.

Затѣмъ, показавъ на раны свои, снова сказалъ:

— Вѣрующіе должны приносить такую жертву Богу и Господу нашему Іисусу Христу, Который и Самъ пострадалъ за всѣхъ насъ.

Когда святый сказалъ это, то былъ введенъ въ темницу и заключенъ здѣсь въ тѣсномъ и узкомъ мѣстѣ.

По прошествіи шестнадцати дней послѣ того, какъ святый Θеодотъ былъ заключенъ въ темницу, игемонъ приказалъ приготовить въ центрѣ города на томъ мѣстѣ, гдѣ обычно происходили зрѣлища, судилище. Святый мученикъ былъ выведенъ изъ темницы и представленъ на судилище. Увидавъ его, игемонъ сказалъ ему:

— Подойди къ намъ поближе, Θеодотъ, потому что мнѣ кажется, что ты, будучи достаточно наказанъ ранѣе, оставилъ теперь всю гордость свою и перемѣнился къ лучшему. Воистину, ты неразумно поступилъ, навлекши на себя столь великія мученія. Мы же не хотѣли тебя мучить. Но теперь, оставивъ свое упорство, познай силу и могущество боговъ нашихъ; тогда мы наградимъ тебя тѣми дарами, о которыхъ мы говорили раньше. Мы обѣщали тебѣ эти дары ранѣе, обѣщаемъ ихъ и теперь; ты получишь ихъ, если поклонишься богамъ нашимъ; но если ты не поклонишься богамъ, то тотчасъ же увидишь и огонь, приготовленный для тебя, и острыя желѣзныя орудія, и уста звѣрей, готовыхъ тебя растерзать.

Святый же мученикъ отвѣчалъ на это:

— О Θеотекнъ! Можешь ли ты придумать такое мученіе, которое сокрушило бы силу Господа моего Іисуса Христа, укрѣпляющаго меня посреди мученій? Но хотя мое тѣло уже достаточно изъязвлено орудіями мученій, какъ это ты и самъ видишь, — испытай снова крѣпость мою; отдай меня на новыя мученія, и ты увидишь, что я мужественно перенесу и ихъ, какъ и раннѣйшія мученія.

Тогда игемонъ приказалъ снова повѣсить святаго на мучилищномъ деревѣ и терзать тѣло его желѣзными орудіями, возобновляя старыя его раны. Во время мученій святый велегласно исповѣдывалъ Имя Христово. Затѣмъ мучитель приказалъ воинамъ снять святаго съ мучилищнаго дерева и влачить по разожженнымъ черепкамъ. Потомъ святаго снова повѣсили на дерево и снова терзали желѣзными орудіями, такъ что на тѣлѣ мученика не осталось ни одного цѣлаго, неизъязвленнаго мѣста; онъ весь былъ

какъ бы сплошною язвою; лишь языкъ его былъ цѣлъ, которымъ онъ и славилъ Бога, мучителей же и воиновъ поносилъ какъ немощныхъ. Не зная, какимъ еще мученіямъ предать святаго, игемонъ издалъ приказъ, приговаривавшій святаго къ смерти и гласившій слѣдующее:

«Мы приказываемъ усѣчь мечомъ Ѳеодота, защитника галилейской вѣры, врага боговъ нашихъ, противника повелѣніямъ царскимъ и хулителя моего; тѣло же его должно быть предано сожженію, дабы христіане не могли похоронить его».

И веденъ былъ святый за городъ, на поле, для усѣкновенія. За нимъ слѣдовало весьма много народа — какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, желавшихъ видѣть его кончину. Дойдя до назначеннаго мѣста, святый началъ молиться Богу въ такихъ словахъ:

«Господи Іисусе Христе, Творецъ Неба и земли, не оставляющій всѣхъ, уповающихъ на Святое Имя Твое! Благодарю Тебя за то, что ты сподобляешь меня быть гражданиномъ Отечества Небеснаго и причастникомъ Царствія Твоего. Благодарю Тебя за то, что Ты помогъ мнѣ побѣдить змія и стереть главу его. Молю Тебя,—ниспошли облегченіе вѣрнымъ рабамъ Твоимъ отъ бѣдъ, окружающихъ ихъ; пусть прекратится съ моею смертью гоненіе, воздвигнутое на Церковь Твою нечестивыми язычниками. Ниспошли миръ Церкви Твоей и избавь ее отъ навѣтовъ вражіихъ».

Оканчивая молитву и произнося: «Аминь», святый обернулся и увидѣлъ христіанъ, плакавшихъ о немъ. Тогда святый сказалъ имъ:

— Не плачьте о мнѣ, братія, но лучше прославьте силу Господа нашего Іисуса Христа, помогавшаго мнѣ мужественно скончать подвигъ мой и побѣдить врага. Я же буду на Небесахъ съ дерзновеніемъ молить о васъ Богу.

Сказавъ такъ, мученикъ преклонилъ подъ мечъ честную главу свою и былъ усѣченъ въ седьмый день мѣсяца іюня[1]).

Между тѣмъ слуги игемоновы принесли къ тому мѣсту много дровъ, разложили костеръ и возложили на него тѣло мученика Христова, намѣреваясь, по повелѣнію игемона, сжечь его. Но внезапно поднялась, по усмотренію Божію, великая буря, явился

---

[1]) Кончина *св. мученика Ѳеодота* послѣдовала въ 303 г. или 304 г.—Память святаго мученика совершается также 7 іюня, въ день кончины его. Житіе же его предложено подъ 18 числомъ мѣсяца мая потому, что его мученическій подвигъ тѣсно связанъ съ мученической кончиной воспоминаемыхъ въ этотъ день святыхъ семи дѣвственницъ.

свѣтъ, блиставшій кругомъ тѣла мученика, какъ молнія, такъ что никто изъ воиновъ не осмѣливался подойти къ дровамъ и разжечь ихъ.

Когда игемонъ узналъ объ этомъ, то приказалъ воинамъ не отходить отъ мѣста того и охранять тѣло мученика, чтобы его не похитили христіане. Исполняя приказаніе игемона, воины устроили себѣ палатку изъ вербовыхъ вѣтвей и изъ тростника и сѣли въ той палаткѣ, охраняя отъ христіанъ тѣло мученика.

Между тѣмъ, по устроенію Божію, случилось, что мимо того мѣста проходилъ священникъ Фронтонъ, имѣвшій на рукѣ своей перстень мученика Θеодота. Онъ шелъ изъ своего селенія въ сосѣднее селеніе и ничего не зналъ о случившемся съ святымъ Θеодотомъ. Фронтонъ везъ на ослѣ очень вкусное вино, уже давно приготовленное; вино это Фронтонъ намѣревался продать въ городѣ, такъ какъ имѣлъ свой виноградникъ и питался отъ него съ семьею своею. Когда Фронтонъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ стояла палатка съ воинами и гдѣ лежало тѣло мученика, оселъ преткнулся и упалъ на землю. Увидавъ это, воины пошли на помощь Фронтону и сказали ему:

— Куда ты идешь, странникъ? Вѣдь наступила уже ночь. Лучше останься съ нами, тѣмъ болѣе, что здѣсь есть и пастбище для скота.

Священникъ согласился съ ними переночевать и направился въ ихъ палатку (слѣдуетъ замѣтить, что тѣло мученика было покрыто сучьями и сѣномъ). При палаткѣ былъ разведенъ огонь и уже была готова пища. Воины пригласили Фронтона вкусить вмѣстѣ съ ними. Фронтонъ же, взявъ у нихъ сосудъ, наполнилъ его виномъ и предложилъ воинамъ пить изъ него. Отвѣдавъ вина, воины похвалили его, такъ какъ вино дѣйствительно было очень хорошее. Затѣмъ воины спросили Фронтона:

— Сколько лѣтъ этому вину?

Фронтонъ отвѣчалъ:

— Лѣтъ пять уже есть.

Воины пили вино, не зная, что гость ихъ былъ христіаниномъ и притомъ священникомъ; за трапезой воины бесѣдовали съ Фронтономъ о томъ, что случилось въ послѣдніе дни; они разсказали ему, какъ были утоплены семь дѣвственницъ за то, что не хотѣли омыть идоловъ, какъ корчемникъ Θеодотъ взялъ ночью ихъ тѣла изъ озера и предалъ погребенію, какъ его искали за это городскія

власти, какъ онъ самъ пришелъ на судилище и предалъ себя на мученія, какъ мужественно переносилъ ихъ, какъ бы обладавшій желѣзнымъ тѣломъ. Затѣмъ они сказали:

— Вотъ здѣсь лежитъ обезглавленное тѣло того, кого мы стережемъ по приказанію игемона.

Слушая ихъ рѣчи, священникъ возблагодарилъ Бога, сподобившаго его узнать о страданіи и кончинѣ святаго мученика Ѳеодота. Потомъ священникъ началъ обдумывать, какъ бы ему взять отсюда честно̀е тѣло мученика Христова. Наполнивъ сосудъ доверху, онъ подалъ его воинамъ и сказалъ имъ, что они могутъ пить вина сколько хотятъ. Когда воины, упившись, уснули, то Фронтонъ подошелъ къ честно̀му тѣлу мученика Христова, обнажилъ его и началъ со слезами лобызать его; затѣмъ, снявъ перстень со своей руки, возложилъ его на перстъ мученика съ такими словами:

— О святый мученикъ Христовъ, Ѳеодотъ! Ты дѣйствительно исполнилъ то, о чемъ я просилъ тебя!

Затѣмъ Фронтонъ крѣпко привязалъ къ ослу своему честно̀е тѣло и главу мученика и пустилъ осла одного обратно въ свое селеніе. И оселъ шелъ къ селенію Фронтонову, неся на себѣ честно̀е тѣло мученика; Фронтонъ же снова положилъ сучья и сѣно на томъ мѣстѣ, гдѣ лежало тѣло мученика, и, войдя въ палатку, уснулъ.

Утромъ слѣдующаго дня Фронтонъ всталъ очень рано и началъ какъ бы сожалѣть объ ослѣ, говоря:

— Мое животное убѣжало отсюда: не укралъ ли кто его?

Воины сочувствовали Фронтону, не зная, что честно̀е тѣло мученика было взято отсюда, такъ какъ видѣли, что сучья и сѣно лежали на своемъ мѣстѣ. Оставивъ у нихъ вино, священникъ вышелъ изъ ихъ палатки, какъ бы съ цѣлію поискать осла своего, но уже не возвратился къ нимъ, такъ какъ пошелъ въ свое селеніе.

Оселъ же, по Божію устроенію, пришелъ на то самое мѣсто, на которомъ нѣкогда бесѣдовалъ святый Ѳеодотъ съ Фронтономъ и хвалилъ это мѣсто, какъ весьма красивое и удобное для упокоенія здѣсь святыхъ мощей; на этомъ самомъ мѣстѣ мученикъ Христовъ совѣтовалъ Фронтону выстроить церковь и обѣщалъ прислать въ нее мощи мученическія. Дойдя до этого мѣста, оселъ остановился и не двинулся впередъ до тѣхъ поръ, пока

не пришелъ его господинъ Фронтонъ и не снялъ съ него честныя мощи. Затѣмъ Фронтонъ призвалъ сюда христіанъ и съ честію похоронилъ святыя мощи мученика, а впослѣдствіи здѣсь построилъ и церковь во имя святаго мученика Ѳеодота, во славу же Христа, Бога нашего.

Все это записалъ я, смиренный Нилъ (говоритъ списатель житія святаго мученика Ѳеодота); написалъ же сіе я для всѣхъ возлюбленныхъ о Христѣ братій съ большимъ вниманіемъ и усердіемъ, ибо я зналъ исторію жизни святаго мученика и былъ съ нимъ вмѣстѣ въ темничномъ заключеніи. Вы же читайте съ вѣрою и съ любовію, дабы получить одну участь въ Царствіи Небесномъ со святымъ мученикомъ Ѳеодотомъ и со всѣми святыми, подвизавшимися за благочестіе и дабы радоваться на Небесахъ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому возсылается слава, честь и поклоненіе вмѣстѣ со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

Кондакъ, гласъ в҃:

Страдальчески подвизавсѧ добрѣ со страдальцы твоими ѳеодоте, и вѣнцы почести пріѧсте, съ чтными стрⷭ҇тотерпицами дѣвами. тѣмже хрⷭ҇та бга молите непрестанно ѿ всѣхъ насъ.

СТРАДАНІЕ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ПЕТРА, ДІОНИСІЯ, АНДРЕЯ, ПАВЛА, ХРИСТИНЫ, ИРАКЛІЯ, ПАВЛИНА и ВЕНЕДИМА

Во время гоненій, поднятыхъ на христіанъ язычниками, вѣрные воины Христовы полагали души свои за Господа своего, такъ что вся вселенная обагрялась кровью мученической. Въ это время былъ взятъ язычниками и христіанинъ Петръ, красивый юноша, крѣпкій сколько тѣломъ, столько же и духомъ; взятъ онъ былъ въ Лампсакѣ, городѣ геллеспонтскомъ. Когда Петръ былъ приведенъ на допросъ къ игемону Опитимину, то игемонъ спросилъ его:

— Ты христіанинъ?

— Да, я—христіанинъ,—отвѣчалъ Петръ.

Игемонъ сказалъ:

— Ты имѣешь предъ глазами своими указы нашихъ непобѣдимыхъ царей; принеси же жертву великой богинѣ нашей Венерѣ[1]).

Юноша отвѣчалъ:

— Удивляюсь тебѣ, игемонъ, какъ ты рѣшаешься убѣждать меня поклониться скверной и блудной женщинѣ, позволявшей себѣ дѣлать столь мерзкія дѣла, что о нихъ стыдно и говорить? Развѣ вы теперь не преслѣдуете и не караете закономъ тѣхъ, кто позволяетъ себѣ дѣлать таковыя дѣла, какія вы приписываете богинѣ вашей Венерѣ? Но если вы считаете свою богиню блудницею, то какъ же я могу поклониться и принести жертву мерзкой блудодѣйцѣ? Нѣтъ, мнѣ дòлжно поклоняться Богу Живому и Истинному, Царю всѣхъ вѣковъ, Христу Господу моему; Ему единому подобаетъ возносить жертву моленія, хвалы и умиленія.

Услышавъ такія слова, игемонъ приказалъ воинамъ привязать юношу къ колесамъ и терзать тѣло его деревянными и желѣзными орудіями, сокрушая кости его. Но рабъ Божій Петръ, сколь яростнѣе былъ мучимъ, столь тверже и крѣпче утверждался въ надеждѣ на помощь Господа Іисуса Христа, посмѣиваясь безумію игемонову. Потомъ Петръ поднялъ очи свои къ Небесамъ и началъ молиться такъ:

— Благодарю Тебя, Господи Іисусе Христе, за то, что Ты далъ мнѣ такую крѣпость и твердость посреди мученій; сподоби же мнѣ мужественно довести до конца подвигъ свой и побѣдить врага нечестиваго.

Понявъ, что муками ничего нельзя сдѣлать съ мужественнымъ юношею Петромъ, игемонъ приказалъ отсѣчь ему голову мечомъ.

Въ это же время былъ взятъ и заключенъ въ темницу и Діонисій, также исповѣдовавшій вѣру христіанскую. Когда игемонъ собирался идти изъ Лампсака въ Троаду — городъ, лежащій близъ геллеспонтской области, — къ нему приведены были два воина, христіанина, происходившіе изъ Месопотаміи[2]), по имени

---

1) См. стр. 568-ю, прим. 1-е.

2) *Месопотамія*—каменистая и песчаная страна, находившаяся между рѣками Тигромъ и Евфратомъ и простиравшаяся отъ Арменіи на сѣверѣ до Персидскаго залива на югѣ.

Андрей и Павелъ; вмѣстѣ съ ними былъ приведенъ и христіанинъ Никомахъ, который велегласно и непрестанно взывалъ:

— Я — христіанинъ!

Игемонъ, увидавъ Никомаха, въ слухъ всѣхъ исповѣдавшаго себя христіаниномъ, спросилъ Андрея и Павла:

— А вы что скажете?

Они отвѣчали:

— И мы — христіане.

Тогда игемонъ сказалъ Никомаху:

— Принеси жертву богамъ согласно приказу царскому.

Никомахъ отвѣчалъ:

— Неужели ты не знаешь, что христіане не приносятъ жертвъ бѣсамъ?

И тотчасъ игемонъ приказалъ воинамъ обнажить Никомаха, повѣсить его на мучилищномъ деревѣ и терзать тѣло его желѣзными орудіями.

Когда Никомахъ уже былъ недалекъ отъ своей кончины и уже немного потерпѣть оставалось ему, чтобы получить вѣнецъ мученическій (который былъ какъ бы уже въ рукахъ его), онъ неожиданно лишилъ себя сего славнаго вѣнца. Оставивъ доброе исповѣданіе, онъ отрекся отъ Христа и воззвалъ во всеуслышаніе:

— Я никогда не былъ христіаниномъ! Я согласенъ принести жертву богамъ!

И тотчасъ воины прекратили мученія его и сняли его съ мучилищнаго дерева.

Когда окаянный этотъ богоотступникъ принесъ жертву идоламъ и поклонился имъ, то на него напалъ бѣсъ и сильно ударилъ его объ землю, такъ что Никомахъ сталъ съ яростію бѣсноваться, кусая языкъ свой и испуская кровавую пѣну до тѣхъ поръ, пока не испустилъ свою окаянную душу.

Въ то время, какъ все это происходило, одна дѣвица, имѣвшая шестнадцать лѣтъ отъ роду и называвшаяся Христиной, стоявшая въ народѣ, обратилась къ бѣсновавшемуся Никомаху и сказала ему:

— О окаянный и погибающій человѣкъ! Вотъ ты изъ-за одного лишь часа стяжалъ себѣ теперь вѣчную и несказанную муку.

Услыхавъ это, игемонъ приказалъ взять ту дѣвицу и поставить предъ судилищемъ; затѣмъ спросилъ ее:

— Ты — христіанка?

Дѣвица отвѣчала:

— Да, я—христіанка, и вотъ теперь я плачу и скорблю о погибели окаяннаго человѣка, который не хотѣлъ перенести маловременнаго мученія, дабы пріобрѣсти себѣ вѣчный покой.

Игемонъ сказалъ ей:

— Вотъ, онъ теперь получилъ покой, такъ какъ принесъ жертву богамъ; но чтобы вы, христіане, не поносили его, великія богини наши Діана[1]) и Венера изволили взять его отсюда. Но я хочу, чтобы и ты принесла жертву богинямъ этимъ, если не хочешь быть поруганной и сожженной на огнѣ.

Святая отвѣчала на это:

— Богъ мой для меня важнѣе тебя, и потому я не боюсь твоихъ угрозъ. Я уповаю на Бога моего и вѣрю, что Онъ защититъ меня и дастъ мнѣ терпѣніе во всемъ.

Тогда игемонъ приказалъ отдать ее двумъ юношамъ-блудникамъ, чтобы они осквернили и обезчестили ее. Андрея же и Павла приказалъ посадить въ темницу—въ то отдѣленіе, гдѣ находился Діонисій.

Между тѣмъ тѣ два безстыдныхъ юноши, взявъ чистую и святую дѣвицу, повели ее съ поспѣшностію въ свое жилище, намѣреваясь обезчестить ее; но лишь только привели ее въ свой домъ, какъ ихъ вожделѣніе плотское угасло и они не могли до самой полуночи осквернить ее. Ночью же близъ Христины явился свѣтлый юноша, облиставшій свѣтомъ своимъ весь тотъ домъ. Юноши тѣ отъ страха пали на землю какъ мертвые; придя въ себя, они припали къ ногамъ святой Христины, упрашивая ее помолиться о нихъ къ Богу своему, чтобы ихъ не постигло какое-либо наказаніе отъ Него. Она же, поднявъ ихъ съ земли, сказала имъ:

— Не бойтесь, знайте же, что тотъ юноша, котораго вы видѣли, есть Ангелъ святый, посланный мнѣ отъ Христа, Бога моего, для сохраненія моего дѣвства, всегда готовый умертвить всякаго, кто прикоснется ко мнѣ.

Такимъ образомъ святая дѣвица Христина пребыла въ чистотѣ, будучи защищаема Самимъ Богомъ.

Утромъ слѣдующаго дня граждане того города, будучи возбуждены жрецами идольскими, пришли къ игемону и стали тре-

---

[1]) См. стр. 553-ю, прим. 2-е.

бовать у него отдать христіанъ, находившихся въ темницѣ, въ ихъ руки. Игемонъ вывелъ изъ темницы Діонисія, Андрея и Павла и сказалъ имъ:

— Вы должны принести жертву великой богинѣ Діанѣ.

Но святые отвѣчали:

— Мы не знаемъ ни Діаны, ни какого другого бѣса изъ числа тѣхъ, коихъ почитаете вы; мы знаемъ и почитаемъ лишь Бога нашего, Господа Іисуса Христа.

Народъ, услыхавъ такой отвѣтъ отъ мучениковъ, громкимъ голосомъ опять началъ требовать отъ игемона предать въ руки имъ тѣхъ христіанъ, которые хулятъ боговъ ихъ. Игемонъ же приказалъ бить мучениковъ, а затѣмъ велѣлъ отдать ихъ народу.

Тогда толпа, привязавъ веревки къ ногамъ святыхъ, повлекла ихъ съ громкими кликами за городъ, намѣреваясь побить ихъ здѣсь камнями.

Когда святые мученики были побиваемы камнями, святая Христина, узнавъ объ этомъ, съ поспѣшностію побѣжала на мѣсто то и, припавъ со слезами къ тѣламъ святыхъ, побиваемыхъ камнями, говорила:

— Я хочу умереть вмѣстѣ съ вами на землѣ, дабы вмѣстѣ съ вами жить и на Небѣ!

Между тѣмъ игемону было донесено, что одна дѣвица-христіанка, отданная на оскверненіе двумъ юношамъ, была освобождена отъ ихъ рукъ какимъ-то свѣтлымъ юношею; убѣжавъ изъ дома тѣхъ юношей, она пришла на мѣсто побіенія камнями христіанъ и припала къ ихъ тѣламъ. Узнавъ объ этомъ, игемонъ приказалъ предать ее смерти черезъ усѣкновеніе мечомъ.

Такимъ образомъ всѣ упомянутые святые мученики, подвизавшіеся противъ діавола, міра и игемона Опитимина, сподобились быть побѣдителями враговъ своихъ при помощи Христа, Бога нашего, причемъ Петръ былъ умерщвленъ послѣ многоразличныхъ мученій, Діонисій, Андрей и Павелъ были побиты камнями, святая же дѣвица Христина была усѣчена мечомъ. Все это произошло въ городѣ Лампсакѣ, при царѣ Декіи[1]).

Святые же мученики—Ираклій, Павлинъ и Венедимъ были гражданами аѳинскими. Они проповѣдовали въ Аѳинахъ съ великимъ дерзновеніемъ Имя Христово и увѣщевали всѣхъ нечестив-

---

[1]) *Декій* царствовалъ съ 249 г. по 251 г. Кончина святыхъ мучениковъ послѣдовала въ 250 г.

цевъ оставить свое суетное идолослуженіе и креститься во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. За свою проповѣдь они были взяты и представлены на допросъ ко градоначальнику аѳинскому. На допросѣ они исповѣдали Бога Истиннаго, Творца всей твари, идоловъ же называли безчувственными камнями и деревомъ, произведеніемъ рукъ человѣческихъ. За исповѣданіе Имени Христова сіи святые мученики были преданы различнымъ мученіямъ и наконецъ вмѣстѣ съ учениками своими были ввержены въ пещь огненную, послѣ чего и скончались[1]). За свой подвигъ они восприняли нетлѣнные вѣнцы отъ Христа Бога нашего, Которому возсылается слава во вѣки. Аминь.

СТРАДАНІЕ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

СИМЕОНА, ИСААКА и ВАХТИСІЯ

Святые мученики Христовы Симеонъ, Исаакъ и Вахтисій происходили изъ Персіи и пострадали въ царствованіе нечестиваго царя Сапора[2]). Такъ какъ они были христіанами, то за это идолопоклонники схватили ихъ и стали принуждать отречься отъ Христа и поклониться Солнцу и огню[3]), но они въ отвѣтъ на это сказали:

— Мы не отречемся отъ Творца твари и Солнцу и огню не поклонимся.

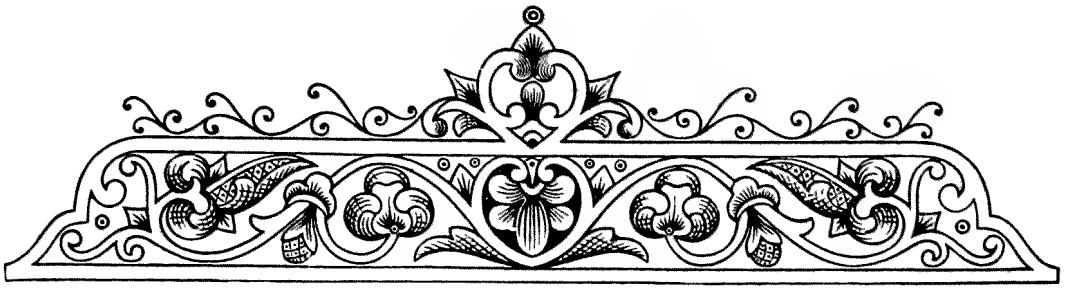
Тогда мучители связали имъ руки и ноги и жестоко ихъ избили, а потомъ бросили ихъ въ темницу, гдѣ въ теченіе семи дней они не принимали пищи. Послѣ сего они выведены были изъ темницы и претерпѣли различныя мученія, наконецъ имъ отсѣкли мечомъ честныя головы. Такъ и скончались святые мученики.

---

1) Годъ кончины святыхъ мучениковъ— *Ираклія, Павлина и Венедима* неизвѣстенъ. Вѣроятно, она послѣдовала въ IV в. или въ V в.

2) *Сапоръ II Великій* царствовалъ въ Персіи съ 310 до 381 года. Извѣстенъ счастливыми войнами съ Римлянами; былъ жестокимъ гонителемъ христіанъ.

3) Персы почитали верховнымъ богомъ Миѳру, или Солнце. Они поклонялись также огню.



День девятнадцатый

СТРАДАНІЕ

СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

ПАТРИКІЯ

и съ нимъ трехъ пресвитеровъ:

АКАКІЯ, МЕНАНДРА и ПОЛІЕНА

Епископскій престолъ святаго Патрикія находился въ городѣ Пруссѣ въ Виѳиніи[1]). Однажды онъ началъ открыто обличать заблужденія язычниковъ и проповѣдовать вѣру Христову; его проповѣдь обратила ко Христу многихъ язычниковъ; за это онъ былъ взятъ язычниками вмѣстѣ съ тремя пресвитерами — Акакіемъ, Менандромъ и Поліеномъ — и приведенъ на допросъ къ виѳинійскому игемону Юлію, усерднѣйшему служителю идоловъ. Сей послѣдній, отправляясь въ это время къ теплымъ источникамъ[2]), повелѣлъ вести за собою и христіанскаго епископа съ его пресвитерами, заключенными въ желѣзныя вериги. Прибывъ на источники и омывшись въ нихъ, Юлій принесъ жертвы своему не-

---

[1]) *Виѳинія* — малоазійской области.

[2]) Игемонъ Юлій отправлялся къ теплымъ источникамъ съ лѣчебными цѣлями. Эти источники дѣйствительно обладали цѣлебными свойствами, благодаря примѣси къ ихъ водамъ различныхъ минеральныхъ веществъ. Много такихъ источниковъ было извѣстно въ древности въ Италіи и на островѣ Сициліи.

чистому богу Асклипію[1]) и гнусной богинѣ Сотиріи[2]). Затѣмъ, сѣвъ на судилищномъ мѣстѣ и призвавъ святителя Патрикія съ пресвитерами, Юлій сказалъ ему:

— Безумецъ, призывающій Христа и вѣрящій пустымъ баснямъ! Смотри, сколь велико всемогущество боговъ нашихъ! Смотри, какую цѣлебную силу этимъ источникамъ дали они на пользу нашу! И прежде всего уразумѣй, сколь велико могущество и сколь велика милость отца нашего Асклипія! Если хочешь избѣгнуть узъ и мученій и спокойно жить въ своемъ отечествѣ, то, падши, поклонись ему со смиренною мольбою и принеси ему жертву.

Святый же Патрикій отвѣчалъ ему на это:

— О, сколь много зла изрекъ ты въ своей краткой рѣчи, игемонъ!

Игемонъ же съ гнѣвомъ сказалъ ему:

— Что же преступнаго сказалъ я? Въ чемъ ты можешь меня обличить, окаянный! Ты и самъ долженъ признать то, что очевидно само собою безъ всякаго обмана и хитрости: развѣ ты не своими очами видишь исцѣленія, даруемыя отъ теплыхъ источниковъ силою всемогущихъ боговъ нашихъ?

Отвѣчалъ святый Патрикій:

— Пресвѣтлый игемонъ! Если хочешь узнать истину о происхожденіи, истеченіи и цѣлебной силѣ источника теплыхъ водъ сихъ, то я возвѣщу тебѣ обо всемъ этомъ, если соизволишь выслушать меня съ кротостію.

Сказалъ на это игемонъ:

— Хотя и ничего другого я не думаю услышать отъ тебя, кромѣ басни, наполненной вымыслами, все-таки говори, пусть услышу, что ты хочешь сказать.

Отвѣчалъ святый:

— Не вымыселъ, но истину я хочу сказать тебѣ.

Сказалъ игемонъ:

— Какой же иной источникъ силы теплыхъ водъ укажешь ты, кромѣ силы боговъ нашихъ?

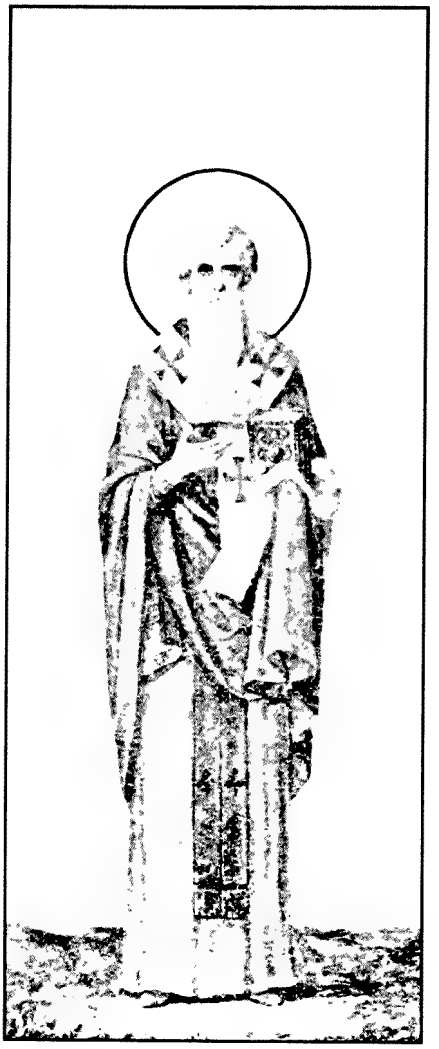
Святый отвѣтствовалъ:

---

[1]) *Асклипій, или Эскулапъ,*—греко-римскій богъ, считавшійся покровителемъ врачебнаго искусства.

[2]) *Сотиріа* съ греч. (σωτηρια) — спасительница, — общее названіе богинь, по мнѣнію язычниковъ, врачевавшихъ болѣзни. Обыкновенно это имя усвоялось богинямъ *Аѳинѣ* или *Афродитѣ*.

— Я—христіанинъ, и всякій, кто исповѣдуетъ сію святыню христіанства и поклоняется единому Истинному Богу, разумомъ своимъ можетъ познавать тайны Божіи; потому и я, хотя и грѣшенъ, но, исповѣдуя себя рабомъ Христовымъ, знаю и могу тебѣ сказать истину относительно водъ сихъ.



Сщ҃енномч҃нкъ
ПАТРЇКІ́Й

Сказалъ игемонъ:

— Неужели ты будешь столь дерзокъ и безразсуденъ, чтобы считать себя умнѣе философовъ нашихъ?

Отвѣчалъ святый:

— **Премꙋ́дрость мі́ра сегѡ̀, бꙋ́йство**[1]) **оу҆ бг҃а є҆́сть. пи́сано бо є҆́сть: запина́ѧй премꙋ́дрымъ въ кова́рствѣ и҆́хъ**[2]). Христосъ Господь нашъ, прославляя Отца Своего, сказалъ: **и҆сповѣ́даю ти̑ сѧ ѻ҆́ч҃е, гдⷭ҇и небесѐ и҆ земли̑, ꙗ҆́кѡ оу҆таи́лъ є҆сѝ сїѧ̑ ѿ премꙋ́дрыхъ и҆ разꙋ́мныхъ и҆ ѿкры́лъ є҆сѝ та̑ младе́нцемъ**[3]). И Апостолъ говоритъ: не уразумѣли истины: **а҆́ще бо бы́ша разꙋмѣ́ли, не бы́ша гдⷭ҇а сла́вы ра́спѧли**[4]).

Сказалъ игемонъ святому:

— Ты говоришь неудобопонятное. Лучше скажи, по силѣ и устроенію кого текутъ эти теплыя цѣлебныя воды? Что касается до меня, то я приписываю это промышленію боговъ нашихъ, восхотѣвшихъ такимъ образомъ оказать помощь людямъ.

Отвѣчая на это, святитель Христовъ Патрикій сказалъ игемону:

— Прежде чѣмъ стану говорить, прикажи, игемонъ, снять ограду[5]), дабы всѣ могли слышать мои слова.

---

1) т. е. неразуміе; общій смыслъ фразы: «лжеименная мірская мудрость есть безуміе предъ Богомъ».

2) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. **3**, ст. 19.

3) Еванг. отъ Луки, гл. **10**, ст. 21.

4) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. **2**, ст. 8.

5) Обыкновенно то мѣсто, на которомъ возсѣдалъ и производилъ судъ надъ христіанами игемонъ, огораживалось, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ судъ надъ христіанами происходилъ на открытомъ воздухѣ.

По повелѣнію игемона снята была ограда, и народъ наполнилъ все то мѣсто вокругъ. Затѣмъ святый началъ громогласно говорить слѣдующее:

— Огонь и воду создалъ изъ ничего Своимъ Единороднымъ Сыномъ Тотъ же всемогущій и вѣчный Богъ, Который есть Творецъ рода человѣческаго. Изъ огня Онъ Словомъ Своимъ сотворилъ свѣтъ, Солнце и прочія свѣтила и назначилъ имъ свѣтить днемъ и ночью: до той степени простерлась Его всемогущая сила, до какой было угодно Ему. Изъ воды образовалъ Онъ небесную твердь и на водѣ же утвердилъ землю. Промысломъ Своимъ всепредусматривающимъ Онъ устроилъ на небѣ и на землѣ все то, безъ чего нельзя жить человѣку, котораго также Онъ создалъ. Провидя же, что созданные Имъ люди прогнѣваютъ Его, Бога Создателя своего, и оставивъ почитаніе Бога Истиннаго, создадутъ себѣ бездушныхъ идоловъ и будутъ имъ поклоняться,—Онъ по причинѣ этого уготовалъ два мѣста, куда переселятся люди послѣ своей земной жизни. Первое мѣсто Онъ просвѣтилъ вѣчнымъ свѣтомъ и преисполнилъ обильными и несказанными благами, другое же наполнилъ безпросвѣтною тьмою, неугасимымъ огнемъ и вѣчными муками; въ свѣтлое мѣсто переселятся тѣ, которые, исполняя Его Заповѣди, будутъ благоугождать Ему. Въ темное же мѣсто будутъ ввергнуты тѣ, которые нечестивою своею жизнію прогнѣваютъ Творца своего и тѣмъ заслужатъ себѣ наказаніе. И такъ тѣ, которые будутъ поселены въ мѣстѣ свѣтломъ, будутъ жить жизнію безсмертною въ непрестанной и безконечной радости, а находящіеся въ темномъ мѣстѣ будутъ непрестанно мучиться безконечные вѣки. Отдѣливъ же огонь отъ воды и свѣтъ отъ тьмы, Создатель каждое изъ нихъ отдѣльно образовалъ и опредѣлилъ каждое къ своему мѣсту. Огонь же и вода находятся какъ надъ твердью небесною, такъ и подъ землей; та вода, которая видима на землѣ, собранная во вмѣстилища свои, называется моремъ[1]), а та, которая находится подъ землею, именуется бездною; отъ этой бездны на пользу людямъ, живущимъ на землѣ, и вообще на пользу всему живущему посылаются воды въ высоту сквозь земныя нѣдра, какъ бы посредствомъ водопроводныхъ трубъ; выходя на поверхность земли, онѣ образуютъ или источники, или колодцы, или рѣки. Тѣ изъ водъ, которыя въ своемъ теченіи подъ землею проходятъ

---

[1]) Кн. Быт., гл. 1, ст. 10.

около огня, вытекаютъ на поверхность теплыми, а тѣ, которыя протекаютъ далеко отъ огня, выходятъ на поверхность земли холодными. Потому-то и эти воды теплы, такъ какъ при своемъ теченіи онѣ близко подходятъ къ подземному огню; есть же въ иныхъ мѣстахъ воды студенѣйшія, смерзающіяся въ ледъ, такъ какъ находятся въ далекомъ разстояніи отъ огня. Итакъ, подземный огонь назначенъ на мученіе нечестивыхъ душъ; вода же преисподней, обратившаяся въ ледъ, именуется тартаромъ[1]), въ которомъ боги ваши и тѣ, кто имъ поклоняются, получатъ нескончаемую муку, какъ и изъ стихотворцевъ вашихъ одинъ воспѣлъ, говоря: «предѣлы (конечные) земли и моря ничто иное, какъ только крайніе предѣлы, гдѣ Іапетъ и Сатурнъ[2]) (таковы имена сихъ боговъ вашихъ) не услаждаются ни блескомъ свѣтлаго Солнца, ни прохладными вѣтрами»; другими словами: боговъ вашихъ, обитающихъ во тьмѣ и въ тартарѣ, не освѣщаетъ и не согрѣваетъ свѣтъ солнечный, а обитающихъ въ огнѣ не прохлаждаетъ вѣтеръ.—Тартаръ же подъ землею помѣщенъ настолько глубже всѣхъ иныхъ безднъ, насколько небо выше всѣхъ высотъ земныхъ. А что подъ землею уготованъ огонь для нечестивыхъ, это подтверждаютъ и кипящіе источники, которые въ Сициліи[3]) выходятъ изъ-подъ земли[4]).

Выслушавъ эти слова святаго, игемонъ спросилъ его:

— Значитъ, Христосъ вашъ есть Создатель всѣхъ тѣхъ вещей, о которыхъ ты говорилъ?

Отвѣчалъ святый Патрикій:

— Воистину Христосъ, а не кто другой, есть Создатель всей твари; ибо написано: **всѧ̑ тѣ́мъ бы́ша и҆ без̾ негѡ̀ ничто́же бы́сть,**

---

[1]) Разсуждая о *тартарѣ*, святый Патрикій примѣняется къ пониманію окружавшихъ его язычниковъ и излагаетъ имъ ихъ же собственный взглядъ на тартаръ.—Тартаръ (ὁ τάρταρος) по представленію древнегреческой миѳологіи—темная бездна, удаленная отъ поверхности земли на столько же, на сколько небо удалено отъ земли. По представленію грековъ, тартаръ былъ окруженъ тройнымъ слоемъ мрака и желѣзною стѣною; онъ служилъ мѣстомъ заключенія низверженныхъ боговъ.

[2]) *Іапетъ*—одинъ изъ титановъ—дѣтей Урана (неба) и Геи (земли). По представленію греческой миѳологіи, Іапетъ (вмѣстѣ съ Крономъ) возсталъ на верховнаго бога—*Зевса*, за что и былъ заключенъ послѣднимъ въ тартаръ.—*Сатурнъ*—древнеримскій богъ, считавшійся покровителемъ земли и посѣвовъ. Согласно представленію греческой миѳологіи Сатурнъ такъ же, какъ и Іапетъ, былъ низвергнутъ Зевсомъ съ неба и заключенъ на время въ тартаръ.

[3]) *Сицилія*—одинъ изъ большихъ острововъ Средиземнаго моря, составляющій нынѣ часть Итальянскаго королевства.

[4]) Островъ Сицилія благодаря большому количеству трещинъ и впадинъ въ известковыхъ горахъ, покрывающихъ его, имѣлъ много горячихъ ключей.

ѥ҆же бы́сть[1]). И еще: бо́зи ꙗ҆зы́къ бѣ́сове суть: гдⷭ҇ь же небеса̀ сотворѝ[2]).

Игемонъ же снова спросилъ святаго:

— Христа ли ты называешь Создателемъ Небесъ?

Отвѣтствовалъ святый:

— Христа называю я Создателемъ всей твари, потому что написано: ꙗ҆́кѡ ᲂу҆зрю̀ небеса̀, дѣла̀ пе́рстъ твои́хъ, лꙋнꙋ̀ и҆ звѣ́зды, ꙗ҆̀же ты̀ ѡ҆снова́лъ є҆сѝ[3]).

Сказалъ игемонъ:

— А если я ввергну тебя въ эти горячія воды, Создателемъ которыхъ ты называешь Христа, а не боговъ нашихъ, то сосохранитъ ли тебя Христосъ невредимымъ отъ огня ихъ?

Отвѣчалъ святый:

— Я знаю силу Христа моего; я знаю, что Онъ можетъ сохранить меня цѣлымъ и невредимымъ отъ водъ сихъ, если пожелаетъ: я же самъ хотѣлъ бы при посредствѣ водъ тѣхъ освободиться отъ временной жизни сей, дабы вѣчно жить со Христомъ; тѣмъ не менѣе да совершается надо мной не моя, а Его святая воля, безъ которой ни одинъ волосъ не спадетъ съ головы человѣческой, безъ которой ни одна птица не попадетъ въ сѣть. Но пусть узнаютъ всѣ, слушающіе сейчасъ слова мои, что тѣхъ, которые съ тобою поклоняются безчувственному камню какъ богу, ожидаетъ вѣчное мученіе въ подземномъ неугасимомъ огнѣ и преисподнемъ тартарѣ.

Услышавъ это, игемонъ пришелъ въ великій гнѣвъ и тотчасъ повелѣлъ святаго, обнаживъ, ввергнуть въ то самое мѣсто источника, откуда бьетъ кипящая вода. Святый же, будучи ввергаемъ, воззвалъ къ Богу, говоря:

— Господи Іисусе Христе, помоги мнѣ, рабу Твоему!

Когда святый былъ брошенъ въ воду, то капли воды, брызнувшей изъ источника, были жгучѣе огненныхъ искръ и, достигши стоявшихъ вокругъ, причинили имъ сильные ожоги. А святый Патрикій пребывалъ невредимымъ въ тѣхъ водахъ, какъ въ прохладномъ мѣстѣ, и, ликуя, восхвалялъ Христа Бога.

Видя это, мучители распалились еще большею яростію. Игемонъ повелѣлъ воинамъ вынуть святаго изъ воды и сѣкирою отрубить ему голову, вмѣстѣ съ тремя пресвитерами.

---

1) Еванг. отъ Іоан., гл. 1, ст. 3.

2) Псал. 95, ст. 5.

3) Псал. 8, ст. 4.

Приготовившись къ усѣкновенію, Христовъ мученикъ и исповѣдникъ воздѣлъ руки свои къ Небу и сказалъ:

— Боже, Царь всего и Владыка, содержащій въ Своей власти всю тварь видимую и невидимую, приклоняющій слухъ Твой ко всѣмъ, истинно призывающимъ Тебя, создавшій и воды сіи во спасеніе праведнымъ и въ наказаніе нечестивымъ! Предстань нынѣ мнѣ, умирающему во свидѣтельство за исповѣданіе вѣры Твоей!

Окончивъ молитву, святый преклонилъ для усѣкновенія святую главу свою и скончался мученически. Усѣкновены были съ нимъ и три его святыхъ пресвитера: Акакій, Менандръ и Поліенъ, и всѣ вмѣстѣ предстали Христу Богу въ славѣ святыхъ. Убіенъ же былъ святый Патрикій со служителями своими мѣсяца мая въ девятнадцатый день[1]) и принялъ вѣнецъ побѣдныхъ почестей отъ Христа Іисуса, Господа нашего, Которому подобаетъ со Отцемъ и Святымъ Духомъ честь и слава нынѣ, и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Кондакъ, гласъ д҃:

Ꙗкѡ свѣтосі́ꙗненъ добро́тою сщ҃е́нства, и҆ мꙋче́нїѧ кро́вїю преꙋкра́шенъ, съ пострада́вшими съ тобо́ю патрїкі́е, х҃ртꙋ предстоѧ́, ѡ҆ на́съ помина́й, ꙗ҆́кѡ страда́лецъ ч҃тны́й.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

КАЛУѲА ЕГИПТЯНИНА

Святый мученикъ Христовъ Калуѳъ пострадалъ въ царствованіе Максиміана[2]). Онъ былъ родомъ изъ египетскаго города Ѳивъ[3]) и за исповѣданіе вѣры во Христа схваченъ былъ и преданъ игемону. Послѣдній велѣлъ привязать ему на шею большой камень

---

[1]) Время кончины *святаго Патрикія* и съ нимъ трехъ пресвитеровъ: Акакія, Менандра и Поліена съ точностію неизвѣстно. Полагаютъ, что она послѣдовала въ половинѣ IV-го вѣка.

[2]) Здѣсь разумѣется Максиміанъ Геркулъ, соправитель Діоклетіана, съ титуломъ Августа управлявшій Италіею и Африкою съ 284 до 305 года.

[3]) *Городъ Ѳивы* находился въ Верхнемъ Египтѣ и расположенъ былъ на обоихъ берегахъ рѣки Нилъ.

и повѣсить его внизъ головою, послѣ чего палачи стали бить его, но святый мученикъ говорилъ имъ:

— Я желаю блаженства будущей жизни и ради этого терпѣливо переношу побои и страданія.

Послѣ такого истязанія святаго сняли съ дерева и стали принуждать его принести жертву идоламъ, но онъ отказался сдѣлать это. Тогда его бросили въ огонь, гдѣ онъ и принялъ кончину временной жизни.

ПРЕСТАВЛЕНІЕ БЛАГОВѢРНАГО КНЯЗЯ

ІОАННА УГЛИЧСКАГО, въ инокахъ ИГНАТІЯ,

Вологодскаго чудотворца

Святый благовѣрный князь Іоаннъ былъ сыномъ благовѣрнаго и христолюбиваго князя Андрея Васильевича Угличскаго [1]) и благовѣрной княгини Елены. Святое Крещеніе онъ принялъ въ городѣ Великихъ Лукахъ [2]) и, достигши возраста, скоро научился грамотѣ. Онъ обладалъ кроткимъ и мирнымъ характеромъ, не любилъ дѣтскихъ игръ и, соблюдая во всемъ умѣренность, прожилъ въ домѣ отца своего до тридцати лѣтъ. Въ это время ненавидящій добро врагъ рода человѣческаго внушилъ Великому Князю Іоанну Васильевичу Московскому [3]) ненависть къ родному брату его, благовѣрному князю Андрею Васильевичу Угличскому и его сыновьямъ, сему Іоанну и Димитрію, и онъ повелѣлъ схватить ихъ, наложить на нихъ тяжелыя оковы, свезти въ городъ Переяславль [4])

---

[1]) *Городъ Угличъ*, нынѣ уѣздный городъ Ярославской губ., расположенъ на рѣкѣ Волгѣ.

[2]) *Городъ Великіе Луки*, до XV вѣка называвшійся просто Луки, безъ прилагательнаго Великіе, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ русскихъ городовъ: о немъ упоминается въ Новгородской лѣтописи подъ 1166 годомъ. Нынѣ—это уѣздный городъ Псковской губерніи, расположенный по обоимъ берегамъ рѣки Ловати и на островѣ Дятловкѣ.

[3]) *Великій князь Іоаннъ III Васильевичъ* княжилъ въ Москвѣ съ 1462 до 1505 года. Онъ заподозрилъ брата своего Андрея въ измѣнѣ по поводу того, что послѣдній не выслалъ войска въ помощь ему противъ Татаръ, и за это заключилъ его съ семействомъ въ темницу.

[4]) Во времена святаго князя Іоанна въ сѣверо-восточной Руси было два города съ именемъ Переяславля. Одинъ находился въ нынѣшней Владимірской губерніи и назывался Переяславлемъ Залѣсскимъ, а другой—въ нынѣшней Рязанской губерніи и въ

и заключить въ темницу. Послѣ сего они были переведены сперва на Бѣло-озеро[1]), а потомъ въ городъ Вологду[2]), гдѣ, заключенные въ оковахъ въ темницу, подъ крѣпкой охраной прожили много лѣтъ. Блаженный князь Іоаннъ Андреевичъ, отличаясь мудростію, утѣшалъ брата своего, князя Димитрія, и говорилъ ему:

— Братъ! Не скорби о томъ, что заключенъ въ темницу и страдаешь отъ этихъ оковъ. Богъ внушилъ дядѣ нашему, государю Великому Князю Іоанну Васильевичу, поступить такъ съ нами для того, чтобы доставить пользу душамъ нашимъ, ибо чрезъ это Онъ сдѣлалъ для насъ невозможнымъ заботиться о суетѣ міра сего. Будемъ же молиться Господу Богу, чтобы Онъ послалъ намъ милость Свою съ радостію перенести во Имя Его страданія наши и избавиться отъ вѣчныхъ мученій.

Ст҃ый кн҃зь Іѡа́ннъ

Пріобрѣвъ такимъ образомъ успокоеніе въ страданіяхъ и скорбь о грѣхахъ своихъ, святый князь пробылъ въ темницѣ и въ оковахъ тридцать два года и наконецъ, сильно заболѣвъ, почувствовалъ близость кончины. Онъ призвалъ къ себѣ изъ Спасскаго монастыря свя-

---

1778 году при образованіи Рязанскаго намѣстничества переименованъ въ Рязань и сдѣланъ губернскимъ городомъ. Послѣдній основанъ около 1095 года Муромскимъ княземъ Константиномъ Ярославомъ Святославичемъ, а Переяславль Залѣсскій на нынѣшнемъ его мѣстѣ основанъ въ 1152 году Суздальскимъ княземъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ. Можно думать, что мѣстомъ заключенія князя Андрея и его семейства былъ Переяславль Рязанскій, такъ какъ въ немъ около 1513 года упоминается острогъ, который былъ окруженъ деревянною стѣною.

1) *Бѣло-озеро* — нынѣ Бѣлозерскъ, уѣздный городъ Новгородской губерніи. Князья-братья были переведены на Бѣло-озеро послѣ смерти ихъ отца, послѣдовавшей 7 октября 1443 года. Мать ихъ, княгиня Елена, скончалась еще раньше, въ 1442 году.

2) *Вологда,* нынѣ губернскій городъ, расположенъ на рѣкѣ Сухонѣ, притокѣ рѣки Сѣверной Двины.

таго Димитрія[1]) игумена Мисаила и принялъ отъ него иноческое постриженіе, при чемъ ему дано было имя Игнатій. Радость и веселіе наполнили душу блаженнаго князя, когда онъ облекся въ ангельскій чинъ. Причастившись пречистыхъ Таинъ Христовыхъ, онъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и преставился въ вѣчныя обители. Это произошло въ девятнадцатый день мѣсяца мая 1522 года[2]). Послѣ смерти преподобнаго князя изъ тѣла его изошло благоуханіе, которое и наполнило весь городъ. Тогда жители города приготовили къ погребенію тѣло его, отнесли для погребенія въ монастырь преподобнаго отца Димитрія Прилуцкаго, въ храмъ Всемилостивѣйшаго Спаса и похоронили подъ алтаремъ близъ Димитрія Чудотворца. На этомъ мѣстѣ преподобные и до настоящаго времени подаютъ исцѣленіе тѣмъ, кто приходитъ къ нимъ съ вѣрою.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА епископа ГОТѲСКАГО

Святый отецъ нашъ Іоаннъ жилъ въ странѣ Готѳской[3]) въ царствованіе императора Константина[4]). Онъ родился по молитвѣ своихъ родителей, какъ въ древности пророкъ Самуилъ[5]), и, съ юныхъ лѣтъ предавшись иноческимъ подвигамъ, сталъ жилищемъ Христа. Онъ совершилъ путешествіе въ Іерусалимъ и, обошедши въ теченіе трехъ лѣтъ всѣ святыя мѣста, возвратился въ отечество. Въ то время императоръ Константинъ перевелъ тамошняго епископа въ Ираклію Ѳракійскую[6]), и православные христіане готѳскіе усиленно стали просить святаго Іоанна быть

1) Здѣсь разумѣется *Спасо-Прилуцкій монастырь*, основанный въ 1371 году въ 5 верстахъ отъ Вологды преподобнымъ Димитріемъ, который первый ввелъ въ Вологодскомъ краѣ общежитіе. Память преподобнаго Димитрія празднуется 11 февраля.

2) Преподобный князь скончался 45 лѣтъ отъ рожденія.

3) Подъ именемъ *Готѳской страны* разумѣется здѣсь подвластная тогда Готамъ область на южномъ берегу Крымскаго полуострова, извѣстная подъ названіемъ Тавроскиѳіи. Мѣстомъ жительства святаго Іоанна былъ Парѳенитскій портъ при подошвѣ горы Аюдага.

4) Это былъ *императоръ Константинъ Копронимъ*, извѣстный въ исторіи гоненіемъ на иконы; царствовалъ съ 741 до 775 года.

5) 1 Кн. Царствъ, гл. 1, ст. 9—20.

6) Городъ *Ираклія Ѳракійская*, иначе Перинѳъ, находился на берегу Пропонтиды, или Мраморнаго моря. Готѳскій епископъ въ 754 году подписалъ опредѣленіе иконоборческаго Собора, и за это Константинъ Копронимъ поставилъ его митрополитомъ Ираклійскимъ.

у нихъ епископомъ. Они препроводили его въ Иверію[1]), гдѣ онъ принялъ епископское рукоположеніе и послѣ этого снова возвратился въ родную страну. Когда въ его странѣ произошли неустройства, произведенныя каганомъ[2]), который истребилъ мечомъ много невиннаго народа, то онъ едва нашелъ возможность бѣжать и прибылъ въ Амастриду[3]), гдѣ и прожилъ четыре года. Услышавъ о смерти кагана, онъ сказалъ бывшимъ при немъ:

— Чрезъ сорокъ дней я пойду судиться съ нимъ предъ Христомъ.

Такъ дѣйствительно и случилось. Спустя сорокъ дней послѣ этого святый Іоаннъ поучалъ народъ, наставляя его къ душевному спасенію, и въ это время предалъ духъ свой Господу[4]). Тотчасъ же согласно его предсказанію къ пристани прибылъ корабль, и тогда святѣйшій епископъ Амастридскій Георгій, положивъ тѣло его во гробъ, со свѣчами и кажденіемъ въ сопровожденіи всѣхъ жителей города проводилъ на корабль. На кораблѣ тѣло святаго было доставлено въ монастырь его Парѳенитъ[5]) и погребено здѣсь на мѣстѣ погребенія иноковъ монастыря. На семъ мѣстѣ послѣ погребенія святаго Іоанна совершалось и даже до настоящаго времени совершается много чудесъ. Преподобный совершалъ много чудесъ и при жизни своей.

Въ тотъ же день память **преподобнаго Корнилія Комельскаго,** Вологодскаго чудотворца, скончавшагося въ 1537 году въ основанной имъ Комельской обители (въ 5 верстахъ отъ г. Грязовца), гдѣ и почиваютъ его святыя мощи.

---

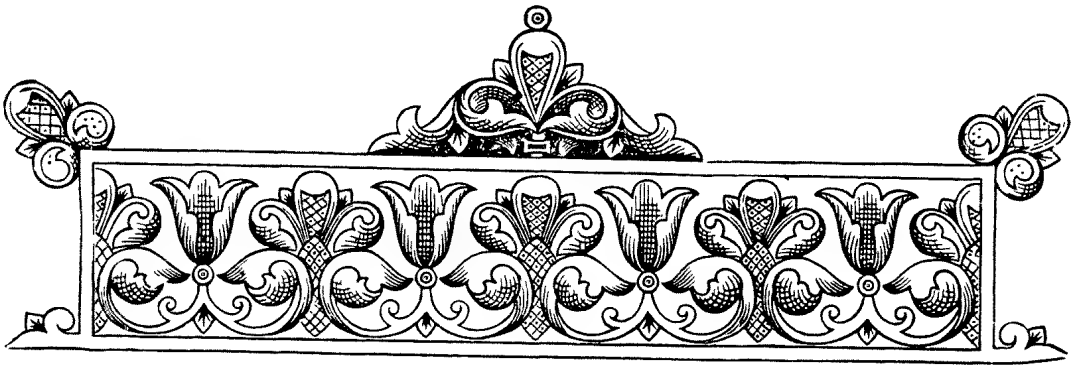
1) *Иверія* —нынѣшняя Грузія. Въ то время она не была заражена иконоборческою ересью, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что святый Іоаннъ препровожденъ былъ для епископскаго посвященія въ эту страну.

2) *Хазары* заняли своимъ гарнизономъ Дори, главный городъ епархіи святаго Іоанна, и онъ убѣдилъ властителя Готѳіи выгнать хазаръ, но каганъ Хазарскій вновь овладѣлъ городомъ, многихъ казнилъ, а Іоанна отдалъ подъ стражу, отъ которой при помощи готѳскихъ христіанъ онъ бѣжалъ за море, въ Амастриду.

3) Городъ *Амастрида* находился въ древней римской малоазійской провинціи Пафлагоніи на берегу Евксинскаго, или Чернаго, моря.

4) *Святый Іоаннъ* скончался 26 іюня въ концѣ VIII вѣка, около 790 года.

5) Въ прологѣ мѣстомъ погребенія святаго Іоанна ошибочно названъ Парѳенонъ. Послѣдній находился близъ Херсонеса Крымскаго, а тотъ монастырь, гдѣ было погребено тѣло святаго, расположенъ былъ у подошвы горы Аюдага. Здѣсь святый Іоаннъ жилъ и здѣсь же построилъ большой храмъ во имя святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, возобновленный въ 1425 году митрополитомъ всей Готѳіи Даміаномъ и нынѣ не существующій.



День двадцатый

СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО МУЧЕНИКА
ѲАЛАЛЕЯ

Въ царствованіе Нумеріана[1]) игемонъ Ѳеодоръ воздвигъ гоненіе на Церковь Божію въ городѣ Эгеѣ[2]) и предавалъ различному роду смерти вѣрныхъ рабовъ Христовыхъ. Въ это время былъ взятъ мучителями и христіанскій юноша, по имени Ѳалалей, прекрасный лицомъ и тѣлосложеніемъ, съ бѣлокурыми волосами, лѣтъ восемнадцати отъ роду, по занятію врачъ, безмездно лѣчившій всякія болѣзни. Юноша былъ поставленъ предъ нечестивымъ судилищемъ въ храмѣ Адріана[3]). Посмотрѣвъ на него и удивившись красотѣ его, игемонъ сказалъ окружающимъ:

— Гдѣ взяли вы сего прекраснаго юношу?

Тѣ же отвѣчали:

— Идя въ городъ Аназаръ[4]), мы увидѣли его впереди насъ; онъ же, замѣтивъ насъ, быстро скрылся въ дубравѣ. Мы начали старательно отъискивать его и едва нашли его, сидящаго подъ дикою маслиною; затѣмъ мы взяли его и привели къ тебѣ на судъ.

---

1) *Императоръ Римскій Нумеріанъ* царствовалъ съ 283 г. по 284 г.

2) *Эгея*, или *Эгъ*,—приморскій городъ въ Киликіи—малоазійской области. Съ именемъ Аяскала онъ сохранился и до настоящаго времени.

3) Т. е. въ храмѣ, построенномъ въ честь императора Адріана (царствовалъ съ 117 г. по 138 г.). Слѣдуетъ замѣтить, что древніе римляне имѣли обычай строить въ честь своихъ императоровъ храмы, а также ставили ихъ статуи въ храмахъ и на площадяхъ.

4) Городъ *Аназаръ* находился въ Киликіи.

Сказалъ игемонъ святому:

— Скажи намъ, юноша: какой ты вѣры, изъ какого города, кто твои родители и какъ тебя зовутъ?

Отвѣчалъ святый:

— Я—христіанинъ, имя мое—Ѳалалей, родомъ изъ Ливана[1]), отецъ мой, по имени Берукій, былъ воеводой; мать мою зовутъ Ромилія; имѣю еще и брата, состоящаго въ церковномъ причтѣ, въ санѣ иподіакона; научился я врачебному искусству отъ врача Макарія. Когда всѣ христіане, жившіе въ Ливанѣ, бѣжали въ горы и пустыни по причинѣ гоненія отъ язычниковъ, я былъ взятъ и приведенъ къ Едесскому[2]) игемону Тиверію; будучи отъ него мучимъ, я исповѣдалъ имя Отца, и Сына, и Святаго Духа—Бога Истиннаго и Всеблагого, Создателя всѣхъ, и помощію Господа моего былъ избавленъ изъ рукъ мучителей и бѣжалъ: нынѣ же, будучи взятъ опять, нахожусь въ твоей власти. Дѣлай со мной, что хочешь, ибо подобаетъ мнѣ умереть за Христа, небеснаго Бога, Спасителя моего.

Ст҃ый мч҃нкъ Ѳалалеѝ

Сказалъ игемонъ:

— Надѣешься ли ты, окаянный, избѣжать рукъ моихъ, какъ избѣжалъ рукъ Тиверіевыхъ?

Отвѣчалъ святый:

— Не хочу уже больше бѣжать, ибо вѣрую въ Господа моего Іисуса Христа и надѣюсь на Него, что Онъ не попуститъ мнѣ быть посрамленнымъ, но поможетъ мнѣ претерпѣть муки до конца.

---

[1]) *Ливанъ* — гора въ Сиріи; принадлежитъ къ той горной системѣ, которая начинается Синаемъ, тянется къ сѣверу черезъ Аравію, Палестину и Сирію параллельно восточному берегу Средиземнаго моря и примыкаетъ къ Тавру. Ливанъ образуетъ среднюю, высшую часть этой горной системы.

[2]) *Едесса* —городъ въ Македоніи.

Вблизи святаго стояли два палача, Александръ и Астерій; игемонъ приказалъ имъ, чтобы они, провертѣвъ сверломъ голени мученика и продѣвъ въ отверстіе веревку, повѣсили бы его. Но у нихъ, по устроенію Божію, отверзлись душевныя очи и они, вмѣсто святаго, просверлили и повѣсили дерево. Одинъ же изъ вѣрующихъ, ученикъ святаго Ѳалалея по имени Тимоѳей, стоявшій тамъ и видѣвшій все, что происходило, кивнулъ святому головой, сказавъ:

— Видишь ли, что они дѣлаютъ?

Отвѣчалъ ему святый:

— Молчи, братъ; со мною Христосъ, помогающій мнѣ.

Игемонъ же, взглянувъ, увидѣлъ не мученика, а дерево висящее и сказалъ палачамъ:

— Что это вы сдѣлали? Я велѣлъ вамъ повѣсить человѣка, а вы повѣсили дерево?

И, разгнѣвавшись, игемонъ, думая, что они насмѣхаются надъ нимъ, повелѣлъ обоихъ бить безъ милосердія. Они же, подвергаясь ударамъ, говорили:

— Да будетъ благословенно Имя Господне, потому что отнынѣ и мы становимся христіанами, ибо вѣруемъ въ Господа Іисуса Христа и страдаемъ за Него!

Услышавъ такія слова, игемонъ тотчасъ повелѣлъ усѣчь ихъ мечомъ, и они, скончавшись страдальчески, получили вѣнцы у Христа Бога вмѣстѣ съ прочими святыми мучениками.

Святому же Ѳалалею игемонъ сказалъ:

— Принеси жертву богамъ и будешь живъ, и вкусишь блага міра сего.

Отвѣчалъ мученикъ:

— Не убѣдишь раба Христова принести жертву бѣсамъ.

Игемонъ же, исполнившись ярости, захотѣлъ самъ просверлить святому голени, но въ ту минуту, когда хотѣлъ встать съ своего мѣста, почувствовалъ, что силы его ослабли, и онъ не могъ подняться съ мѣста. И всѣ язычники, которые находились въ Адріановомъ храмѣ, видя происшедшее, громогласно воскликнули, говоря:

— Великъ Богъ христіанскій, творящій таковыя чудеса!

Игемонъ же, преисполнившись стыда, началъ просить мученика, говоря:

— Помолись обо мнѣ Богу твоему, Ѳалалей, чтобы я могъ встать съ своего мѣста, потому что воистину великъ Богъ твой.

Когда святый помолился, игемонъ всталъ, но, видя въ этомъ не Божественную силу, а волшебство Ѳалалея, сильно разгнѣвался на святаго, скрежеща зубами своими. Тогда, схвативъ буравъ, началъ самъ сверлить ноги мученика, но тотчасъ у него отсохли руки. Игемонъ снова воззвалъ къ мученику, говоря:

— Опять прошу тебя, Ѳалалей, помолись обо мнѣ, чтобы исцѣлѣли руки мои.

Святый своей молитвой далъ исцѣленіе его рукамъ. Тогда игемонъ сказалъ окружающимъ:

— Возьмите съ глазъ моихъ этого волхва и утопите его въ глубинѣ морской, дабы погибъ онъ.

И сказалъ ему святый:

— Ты началъ слѣдствіе обо мнѣ; поэтому ты долженъ его и докончить.

Отвѣчалъ игемонъ:

— Уйди отъ меня, волхвъ, и погибни въ иномъ мѣстѣ; ибо я еще не сдѣлалъ тебѣ никакого зла, а ты уже столько золъ причинилъ мнѣ своимъ волшебствомъ!

Сказалъ святый:

— Не думай, мучитель, чтобы я испугался твоей угрозы и отвергся отъ Бога моего; знай же, что я ни въ какомъ случаѣ не принесу жертвы твоимъ богамъ — не поклонюсь бѣсамъ, которымъ ты служишь.

При этихъ словахъ взяли святаго слуги игемоновы и, посадивъ его въ ладью, поѣхали съ нимъ на самую средину морской пучины и тамъ его утопили. Будучи же утопляемъ, святый сотворилъ такую молитву къ Богу:

«Господи Боже мой! Не дай мнѣ нынѣ умереть, потому что я хочу еще пострадать за Твое святое Имя, дабы, совершивъ еще большій подвигъ мученичества, воспріиму отъ Тебя нетлѣнный вѣнецъ въ жизни вѣчной».

Возвратившіеся послѣ утопленія мученика слуги, сказали игемону:

— Мы сдѣлали то, что ты повелѣлъ намъ: мы кинули Ѳалалея въ море, и онъ погрузился на нашихъ глазахъ.

Но пока еще слуги говорили это игемону, пришелъ святый Ѳалалей, одѣтый въ бѣлую одежду. Игемонъ и всѣ, бывшіе съ нимъ, увидѣвъ святаго, весьма изумились. И сказалъ игемонъ святому:

— Вотъ, твое волшебство одолѣло и море!

Отвѣчалъ ему святый:

— Гдѣ нынѣ сила и могущество твоихъ боговъ? Гдѣ ваша гордость? Вотъ, Господь мой, Іисусъ Христосъ, разрушилъ ваши замыслы и не далъ мнѣ умереть, чтобы я еще побѣдилъ діавола, отца вашего.

Разгнѣвался игемонъ и сказалъ находящимся около него:

— Смотрите, какъ волхвъ сей и море околдовалъ, и насъ поноситъ; если мы его отпустимъ такъ, то онъ погубитъ всѣхъ насъ своимъ колдовствомъ.

Былъ же при игемонѣ одинъ волхвъ, по имени Урвикій; тотъ далъ совѣтъ игемону, говоря:

— Повели, властитель, отдать его на съѣденіе звѣрямъ.

И тотчасъ игемонъ, призвавъ стража, кормившаго звѣрей, приказалъ ему приготовить мѣсто для зрѣлища, а святому сказалъ:

— Ѳалалей, принесешь ли ты жертву богамъ, или хочешь, чтобы тѣло твое стало пищею звѣрямъ?

Отвѣчалъ на это святый мученикъ:

— Неужели ты еще не позналъ силы и величія Господа и Бога моего Іисуса Христа? Я же объявлю тебѣ словами пророческими: не оумрꙋ, но живъ бꙋдꙋ, и повѣмъ дѣла гдⷭ҇ня: десница гдⷭ҇ня вознесе мѧ, десница гдⷭ҇ня сотворѝ силꙋ[1]).

Затѣмъ повели святаго на площадь и отдали на растерзаніе звѣрямъ. Но звѣри не тронули святаго. Къ нему подошла одна лютая медвѣдица, легла у ногъ его и начала лизать ихъ. Видя это, игемонъ заскрежеталъ зубами и зарычалъ, какъ левъ, отъ ярости. Затѣмъ онъ приказалъ выпустить на него голоднаго льва, а также львицу, но и тѣ, приблизившись, припали къ ногамъ мученика и лизали ихъ. Игемонъ же отъ ярости разорвалъ на себѣ одежды свои, а народъ началъ громогласно кричать, говоря:

— Великъ Богъ христіанскій! Богъ Ѳалалея, помилуй насъ!

Схвативши же Урвикія волхва, бросили его звѣрямъ, и тотчасъ тотъ былъ растерзанъ и съѣденъ ими. Игемонъ, вставъ съ своего мѣста, приказалъ мученика убить мечомъ.

И приведенъ былъ святый мученикъ для усѣкновенія на одно нарочито приготовленное мѣсто, называемое Едесса, и послѣ молитвы принялъ кончину, мѣсяца мая въ двадцатый день[2]), въ честь и славу Господа нашего Іисуса Христа, прославляемаго со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1]) Псал. 117, ст. 16 и 17.

[2]) Кончина *святаго Ѳалалея* послѣдовала въ 284 году.

Конда́къ, гла́съ г҃:

Мч҃нкѡмъ сострада́лецъ ꙗ҆́вльсѧ и҆ ѻ҆рꙋ́жникъ, во́инъ и҆зрѧ́дный цр҃ѧ̀ сла́вы бы́лъ є҆сѝ, и҆скꙋше́ньми и҆ мꙋ́кою возвыше́нїе і҆дѡлослꙋжи́телей попра́лъ є҆сѝ: сегѡ̀ ра́ди ч҃тнꙋ́ю твою̀ пое́мъ па́мѧть, мꙋ́дре ѳалале́е.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

АСКАЛОНА

Когда игемонъ Арріанъ направлялся изъ города Ермополя[1]) въ городъ Антиною[2]), то былъ приведенъ къ нему на пути одинъ изъ христіанъ, по имени Аскалонъ. Увидавъ его, игемонъ сказалъ:

— Кто это?

Одинъ же изъ совѣтниковъ игемона, по имени Аполлонидъ, сказалъ:

— Я думаю, что это христіанинъ.

Сказалъ игемонъ Аполлониду:

— Спроси его, кто онъ.

Аполлонидъ спросилъ святаго:

— Кто ты?

Отвѣчалъ святый:

— Я—христіанинъ.

Сказалъ ему игемонъ:

— Слышалъ ли ты о царскихъ указахъ, разосланныхъ по всѣмъ странамъ, которые обязываютъ христіанъ приносить богамъ жертвы?

Отвѣчалъ святый Аскалонъ:

— Да, я слышалъ о тѣхъ нечестивыхъ указахъ, изданныхъ на соблазнъ многимъ.

---

1) Съ именемъ *Ермополя* въ Египтѣ извѣстно два города: одинъ (Ермополь Малый) находился въ Нижнемъ Египтѣ, другой (Ермополь Великій) находился въ Среднемъ Египтѣ. Въ данномъ случаѣ разумѣется послѣдній.

2) Городъ *Антиноя* находился въ Среднемъ Египтѣ, лежалъ напротивъ Ермополя Великаго на противоположномъ ему берегу рѣки Нила.

Сказалъ игемонъ:

— Какъ смѣешь ты такъ поносить царей, называя соблазномъ ихъ священные и спасительные указы?

Отвѣчалъ святый:

— Дѣлай со мною, что хочешь, ибо я не имѣю тѣхъ указовъ, такъ какъ они незаконно издаются не на пользу, но на погибель людямъ; потому что развѣ можетъ быть пользы отъ тѣхъ указовъ, которые призываютъ къ поклоненію идоламъ?

Сказалъ игемонъ:

— Тебѣ мало поносить царей нашихъ: ты и боговъ нашихъ называешь идолами. Клянусь тебѣ самими богами, что, если ты не поклонишься имъ и не принесешь имъ жертвъ, то будешь преданъ мукамъ, приготовленнымъ ослушникамъ.

Отвѣчалъ святый:

— Я не боюсь твоей угрозы, а боюсь Того, Кто сказалъ: **не оубо́йтеся ѿ оубива́ющихъ тѣ́ло, дꙋши́ же не могꙋ́щихъ оуби́ти: оубо́йтеся же па́че могꙋ́щагѡ и҆ дꙋ́шꙋ и҆ тѣ́ло погꙋби́ти въ гее́ннѣ**[1]). Поэтому надобно бояться Бога, Который можетъ вѣчно мучить всего человѣка, а не васъ, которые мучите только одно тѣло, и то не вѣчно, а на короткое время.

Игемонъ сказалъ:

— Послушай меня и принеси жертву безсмертнымъ богамъ; потому что, если ты не послушаешь, то уже приготовлено и мѣсто для мученія, и мучители.

Отвѣчалъ святый:

— Увидимъ, кто изъ насъ явится болѣе сильнымъ: ты ли мученіями убѣдишь меня, чтобы я назвалъ идоловъ богами, или я тебя убѣжду признать Христа Господа моего Истиннымъ Богомъ и Создателемъ всего.

Разгнѣванный игемонъ повелѣлъ бить мученика обнаженнаго и повѣшеннаго на деревѣ и строгать его желѣзными орудіями. Святый же, когда немилостиво мучили и терзали тѣло его, такъ что части его падали на землю, молчалъ, не издавая стона болѣзненнаго и не произнося ни единаго звука.

Игемонъ же сказалъ ему:

— Не смягчилось ли сердце твое, чтобы принести жертву богамъ?

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 28.

Одинъ же риторъ[1]), по имени Визамонъ, стоявшій тутъ же, сказалъ:

— Уже смерть приблизилась къ нему, и онъ впалъ въ умоизступленіе.

Тотчасъ святый сказалъ ему бодро:

— Я не нахожусь въ умоизступленіи и отъ Бога, Создателя моего, не отступлю никогда.

Сказалъ Арріанъ:

— Опять ты ожесточаешься сердцемъ. Однако мѣсто это на пути, недостаточно удобно для того, чтобы ты былъ достойно мучимъ; отправимся же въ городъ, и тамъ ты получишь за свое неповиновеніе достойныя тебя мученія.

Ст҃ый мч҃нкъ Аскалѡнъ

Сказавъ это, игемонъ приказалъ тотчасъ развязать мученика и вести его вмѣстѣ съ собою. На пути близъ города протекала великая рѣка, по имени Нилъ. Святый мученикъ Аскалонъ былъ уже привезенъ въ городъ Антиной, потому что игемонъ, не спѣша, шелъ позади. Антинойскіе граждане, вышедшіе навстрѣчу игемону, обступили святаго, нагаго и въ ранахъ лежащаго на землѣ, на берегу рѣки (ибо отъ ранъ онъ не могъ ни стоять, ни сидѣть), и соболѣзновали ему. И тутъ же, увидѣвъ игемона, дошедшаго до рѣки и садящагося въ лодку, приготовлялись встрѣтить и привѣтствовать его. А святый мученикъ, услышавъ говорившихъ, что игемонъ переправляется въ лодкѣ, собрался съ силою, всталъ съ земли и, поднявъ руки къ Небу, воззвалъ къ Господу, говоря:

— Боже мой, Іисусе Христе, ради Котораго я терплю эти муки и ради любви къ Которому стою нагимъ на позоръ всѣмъ! Услышь меня нынѣ для прославленія Святаго Имени Твоего и распростри всемогущую руку Твою: удержи лодку эту, въ которой

---

1) *Риторъ* —учитель краснорѣчія.

сидитъ нечестивый судья, посреди рѣки и не дай ему достигнуть сего берега, пока не исповѣдаетъ онъ Тебя единымъ Истиннымъ Богомъ, Создателемъ и Владыкою всего, и предъ всѣмъ народомъ не прославитъ Твое Святое Имя, Которое онъ ненавидитъ.

Когда святый такъ помолился, внезапно лодка, въ которой сидѣлъ игемонъ, остановилась посреди рѣки и совершенно не могла сдвинуться съ мѣста. Видя это, Арріанъ удивлялся и, вспомнивъ слова мученика, обѣщавшаго привести его къ признанію Христа Бога, сказалъ своимъ слугамъ:

— Какъ вы думаете о томъ, что ладья остановилась посреди рѣки? Не случилось ли это по волшебству того христіанина?

Сказавъ это, игемонъ приказалъ привести другую лодку сѣлъ въ нее,—и та лодка, изъ которой игемонъ вышелъ, тотчасъ сошла съ своего мѣста; та же, въ которую онъ сѣлъ, стала, будто на сушѣ, и никакъ не могла сдвинуться, хотя и гребцовъ было много, и паруса были распущены, и вѣтеръ былъ благопріятный. Игемонъ, видя это, послалъ сказать мученику:

— Такъ какъ ты убоялся мученій, которыми я грозилъ тебѣ, то по причинѣ этого ты своимъ колдовствомъ сдѣлалъ то, что я не могу переплыть рѣки и войти въ городъ.

Отвѣчалъ мученикъ посланному:

— Живъ Господь Богъ мой, и не сдвинется лодка, въ которой находится Арріанъ, до тѣхъ поръ, пока не исповѣдаетъ онъ Имени Господа моего Іисуса Христа, какъ я и прежде сказалъ ему.

Посланный же сказалъ ему:

— Если даже и исповѣдуетъ игемонъ Имя Бога твоего, находясь посреди рѣки, какъ ты этого хочешь, то какъ ты, сидя на берегу, услышишь его голосъ, ибо рѣка, какъ видишь, очень широка?

Сказалъ ему мученикъ:

— Пусть напишетъ онъ исповѣданіе Господа моего на хартіи и пришлетъ ее ко мнѣ, и въ ту же минуту лодка сдвинется съ своего мѣста и пристанетъ къ берегу.

Возвратившись, посланный объявилъ игемону слова мученика. Игемонъ же тотчасъ, взявъ хартію, написалъ собственноручно слѣдующія слова:

«Одинъ есть Истинный Богъ, Коего почитаетъ Аскалонъ, и нѣтъ другого, кромѣ Него. Онъ Создатель и Владыка всего».

Написавши такъ, игемонъ отправилъ хартію къ Аскалону. Мученикъ же, прочитавъ написанное, помолился Богу—и тотчасъ лодка съ игемономъ двинулась и достигла берега.

Вошедъ въ городъ, игемонъ сѣлъ на судилищномъ мѣстѣ и, когда поставили передъ него мученика, сказалъ ему:

— Ты всю свою колдовскую силу богоненавистную воздвигнулъ противъ меня, чтобы удержать меня на рѣкѣ, а я на сушѣ явлю надъ тобой всю силу власти моей.

И тотчасъ повелѣлъ обнажить мученика, повѣсить его на деревѣ и жечь ребра и животъ его, пока не растопится все его тѣло.

Святый же, опаляемый, молчалъ.

И сказалъ ему Арріанъ:

— Какъ вижу, ты уже умеръ, Аскалонъ.

Отвѣчалъ святый:

— Если я и умру, тѣмъ не менѣе опять жить буду.

И сказалъ игемонъ своимъ слугамъ:

— Только утруждаемъ себя, муча его; я вижу, онъ скорѣе умретъ, нежели отступитъ отъ своей вѣры. Однако мы сдѣлаемъ еще, что можемъ.

Сказавъ это, игемонъ приказалъ привязать къ ногамъ святаго большой камень и велѣлъ бросить святаго въ глубину рѣки. Воины, взявъ святаго, повели его къ рѣкѣ. И шло вслѣдъ за нимъ много народа, среди котораго было немало христіанъ, пришедшихъ видѣть кончину мученика. Христіане, захвативъ съ собою хлѣба, умоляли святаго вкусить отъ него. Онъ же не хотѣлъ, говоря:

— Не буду вкушать ничего изъ этой тлѣнной пищи сего міра, потому что я приготовился идти и принять то, что ѻ҆́ко не ви́дѣ, и҆ ᲂу҆́хо не слы́ша, и҆ на се́рдце человѣ́кꙋ не взыдо́ша[1]). Старайтесь же и вы, братія, получить блага, уготованныя святымъ Божіимъ.

Когда святый говорилъ такъ, воины посадили его въ лодку и, отплывъ отъ берега, начали привязывать къ ногамъ его большой камень. А онъ, обратившись къ стоявшимъ на берегу христіанамъ, сказалъ:

— Дѣти мои, не пренебрегите моимъ погребеніемъ, однако сегодня и на слѣдующій день не ищите тѣла моего; на третій же день придите въ сѣверную часть города и тамъ найдете тѣло

---

[1]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 2, ст. 9.

мое съ привязаннымъ камнемъ на берегу; похороните меня вмѣстѣ съ тѣмъ камнемъ.

И все было такъ. На третій день послѣ потопленія мученика христіане нашли его святое тѣло такъ, какъ онъ сказалъ имъ, — съ камнемъ, къ нему привязаннымъ, — и похоронили его съ честію[1]), прославляя Господа нашего Іисуса Христа, Которому возсылается честь и поклоненіе съ Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ОБРѢТЕНІЕ и ПЕРЕНЕСЕНІЕ ЧЕСТНЫХЪ МОЩЕЙ

АЛЕКСІЯ,

митрополита всей Россіи и чудотворца

Во дни благочестиваго Великаго Князя Василія Васильевича[2]), самодержца всероссійскаго, послѣ того, какъ прошло около 60 лѣтъ со дня кончины святаго Алексія, дивный во святыхъ Своихъ и прославляющій ихъ всеблагій Богъ такимъ образомъ открылъ безцѣнное сокровище, то есть, многоцѣлебныя мощи сего святаго великаго святителя — митрополита Алексія.

Такъ какъ первый храмъ, построенный въ сей обители[3]) самимъ святымъ Алексіемъ во имя святаго Архистратига Михаила, въ память бывшаго чуда его въ Хонехъ[4]), былъ деревянный, то случилось, что крыша этого храма, пришедшая отъ долгаго времени въ ветхость, обрушилась во время совершенія Божественной Литургіи, причемъ, по устроенію Божію, всѣ, бывшіе въ это время въ храмѣ, остались невредимыми. Тогда Великій Князь повелѣлъ построить каменный храмъ, и когда внутри прежняго, деревяннаго храма стали копать рвы для фундамента новаго храма, то нашли

---

1) Кончина *святаго мученика Аскалона* послѣдовала около 287 года.

2) Здѣсь разумѣется *Великій Князь Василій Васильевичъ Темный*. Онъ княжилъ съ 1425 до 1462 года.

3) Подъ *сею обителью* разумѣется Чудовъ монастырь, устроенный въ 1365 году святымъ митрополитомъ Алексіемъ въ Кремлѣ, на мѣстѣ, которое подарила ему исцѣленная имъ татарская царица Тайдула. Названъ Чудовымъ въ память чудеснаго исцѣленія святителемъ послѣдней отъ слѣпоты.

4) Воспоминаніе сего чуда совершается Церковію 6 сентября.

мощи великаго святителя святаго Алексія неповрежденными и даже одежды на немъ неистлѣвшими. Вскорѣ послѣ сего былъ выстроенъ каменный храмъ во имя святаго Архистратига Михаила съ придѣломъ на южной сторонѣ въ честь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Храмъ этотъ имѣлъ три ступени вверхъ отъ земли, но былъ меньше прежняго, деревяннаго храма, который хотя былъ и обширнѣе, но устроенъ былъ въ одну ступень, и полъ въ немъ былъ положенъ прямо на землю. Когда новоустроенный храмъ былъ подобающимъ образомъ украшенъ и освященъ, то въ него внесли многоцѣлебныя мощи святаго Алексія и положили въ придѣлѣ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

Послѣ сего прошло много лѣтъ, и въ княженіе Великаго князя Іоанна Васильевича[1]) при преосвященномъ митрополитѣ Геронтіи[2]) стараніями архимандрита этой обители Геннадія сталъ строиться новый храмъ съ трапезою во имя святаго митрополита Алексія, но этотъ храмъ не былъ тогда оконченъ, такъ какъ архимандритъ Геннадій поставленъ былъ архіепископомъ въ Великій Новгородъ[3]). Чрезъ нѣсколько времени послѣ сего, когда, благодаря усердію того же архіепископа Геннадія, храмъ и трапеза, а также и другія зданія были закончены и храмъ былъ украшенъ и освященъ, то честныя мощи святаго Алексія были перенесены изъ придѣла Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и положены у стѣны на южной сторонѣ въ созданномъ во имя его храмѣ. Въ 1534 году Великій Князь Василій Іоанновичъ[4]) повелѣлъ сдѣлать для мощей чудотворца Алексія серебряную раку, на верхней доскѣ ея устроить изъ серебра образъ самого святаго Алексія и украсить ее золотомъ, камнями и бисеромъ. Рака была окончена уже послѣ смерти Великаго Князя, въ 1535 году, и тѣло святаго Алексія было положено въ нее при сынѣ его, Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ[5]), въ день кончины святителя, въ 12 день февраля мѣсяца съ четверга на пятницу первой седмицы Великаго Поста.

---

1) *Іоаннъ III Васильевичъ* былъ Великимъ Княземъ Московскимъ съ 1462 до 1505 года.

2) *Митрополитъ Геронтій* занималъ московскую каѳедру съ 1473 до 1489 года.

3) Это произошло 12 декабря 1484 года. Архіепископъ Геннадій принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ ересью жидовствующихъ. Въ іюнѣ 1504 года «ради немощи своея» онъ отказался отъ управленія епархіею, поселился въ Чудовомъ монастырѣ и 4 декабря 1505 года здѣсь же скончался.

4) *Василій IV Іоанновичъ*, преемникъ Іоанна III, былъ Великимъ Княземъ Московскимъ съ 1505 до 1533 года. Слѣдовательно годъ, когда княземъ была заказана рака для мощей святителя, указанъ въ прологѣ ошибочно.

5) *Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный* былъ царемъ Московскимъ съ 1533 до 1584 года.

Рака съ мощами святаго Алексія стояла на указанномъ мѣстѣ около двухсотъ лѣтъ, до 1686 года. Такъ какъ храмъ и трапеза, построенные Новгородскимъ архіепископомъ Геннадіемъ, пришли въ ветхость, то въ 1683 году по повелѣнію благочестиваго царя и Великаго Князя Θеодора Алексіевича[1]), самодержца всероссійскаго, и по благословенію Іоакима, Святѣйшаго Патріарха Московскаго и всея Россіи, стараніемъ и усердіемъ бывшаго въ то время настоятеля обители архимандрита Адріана,—который вскорѣ послѣ сего былъ митрополитомъ царственнаго города Казани[2]), а впослѣдствіи по благоволенію Божію возведенъ былъ въ санъ Святѣйшаго Патріарха царствующаго великаго города Москвы и всея Россіи[3]),—была построена на новомъ мѣстѣ новая большая трапеза. Она почти вся вынесена была за предѣлы обители и только незначительною частію своею и одною сѣверною стѣною вошла въ обитель вмѣстѣ съ храмами, изъ коихъ первый—въ честь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, бывшій прежде придѣльнымъ въ храмѣ святаго Архистратига Михаила, а второй—рядомъ съ первымъ, какъ мы уже и видѣли,—во имя святаго митрополита Алексія и при нихъ два притвора, или трапезы, устроенные для помѣщенія тѣхъ, кто приходилъ къ чудотворнымъ мощамъ, чтобы поклониться имъ, помолиться и выслушать церковное Богослуженіе. На томъ же основаніи между этими двумя храмами былъ выстроенъ новый храмъ во имя святаго Апостола Андрея Первозваннаго для иноковъ обители, чтобы они всегда и особенно въ зимнее время могли слушать различныя церковныя службы отдѣльно отъ стороннихъ посѣтителей монастырскихъ храмовъ. Кромѣ сего, на западной сторонѣ всѣхъ этихъ зданій была устроена другая трапеза—для принятія иноками пищи, чтобы они во всемъ были отдѣлены отъ приходящихъ въ обитель суетныхъ мірскихъ людей, думали объ одномъ только Богѣ и заботились о своемъ спасеніи, ревностно упражняясь въ молитвѣ, постѣ и рукодѣліи, такъ какъ въ этомъ и заключается вся жизнь иноческая. Для этого же были устроены и разные входы въ храмъ со внѣ обители: для мужчинъ—особый входъ въ храмъ святаго Алексія, а для жен-

---

1) *Θеодоръ III Алексіевичъ* царствовалъ съ 1676 до 1682 года.

2) *Казань* названа царственнымъ городомъ, надо думать, потому, что была нѣкогда столицею Казанскаго татарскаго царства.

3) *Патріархъ Адріанъ*, послѣдній изъ всероссійскихъ патріарховъ, управлялъ Русскою Церковію съ 1690 до 1700 года.

щинъ—также особый въ храмъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, чтобы приходящіе къ многоцѣлебнымъ мощамъ святителя входили въ эти храмы со внѣ монастыря и стояли въ нихъ, не смѣшиваясь, каждый полъ въ особомъ храмѣ — мужчины отдѣльно и женщины отдѣльно. Для иноковъ же, жившихъ въ этой обители, были устроены въ эти храмы и трапезы другіе входы извнутри монастыря. Это—для того, чтобы иноки могли проводить безмолвную, чуждую суеты жизнь, а также для того, чтобы по преданію святыхъ отцевъ и по уставу обители имѣть монастырскія ворота всегда закрытыми и этимъ воспрепятствовать мірянамъ безвременно входить въ обитель, а инокамъ во всякое время выходить изъ нея. Ибо въ прежнее время былъ такой уставъ обители, чтобы въ теченіе трехъ дней на недѣлѣ, а именно въ понедѣльникъ, среду и пятницу, иноки отнюдь не были отпускаемы за стѣны обители, въ остальные же четыре дня они уходили въ случаѣ какой-либо необходимой нужды, да и то не самовольно, а отпросившись предварительно у настоятеля или того, кто управлялъ обителью.

Когда храмы и трапезы были совершенно окончены и украшены подобающимъ благолѣпіемъ, то руками самихъ благочестивыхъ царей и Великихъ Князей Іоанна Алексіевича и Петра Алексіевича, всей Великой, Малой и Бѣлой Россіи самодержцевъ, и ихъ царскихъ сановниковъ въ сопровожденіи Святѣйшаго Всероссійскаго Патріарха Іоакима, находившихся тогда въ Москвѣ епископовъ, всего духовенства и множества народа многоцѣлебныя мощи великаго святителя митрополита Алексія съ кажденіемъ и ароматами были перенесены изъ стараго трапезнаго храма въ новопостроенный и положены на приготовленномъ мѣстѣ между двумя храмами—Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и святителя Алексія. Это произошло въ 20 день мѣсяца мая 1686 года. Храмъ въ честь святаго митрополита Алексія былъ освященъ самимъ Святѣйшимъ Патріархомъ Іоакимомъ соборнѣ во славу Единаго Бога, въ Троицѣ прославляемаго,—Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Тропа́рь, гла́съ д҃:

Апльскихъ преемникѡвъ архїерѣевъ сопрестольниче, рѡссїи всеѧ пастырю и оучителю, всеблаженне Отче алеѯїе, блцѣ всѣхъ молисѧ, мїръ паствѣ твоей дарова́ти, и спсенїе душамъ, и велїю млть.

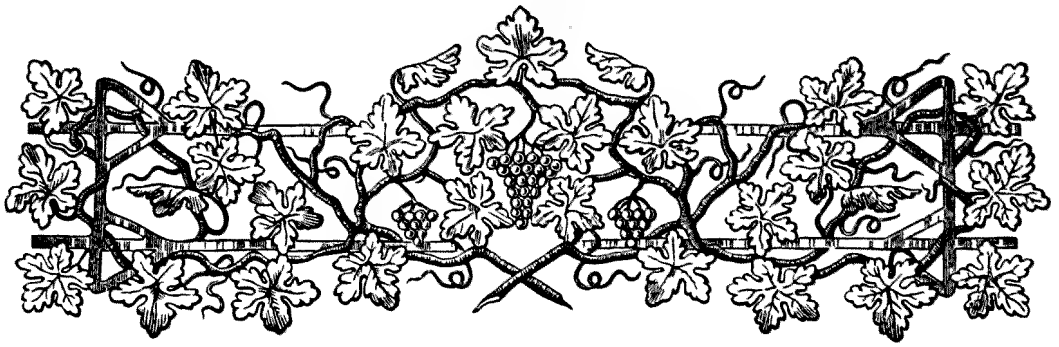
Тропа́рь, гла́съ в҃:

Ꙗ҆́кѡ сокро́вище пребога́тое, многолѣ́тнѡ въ земли̑ сокрове́нное, чⷭ҇тныѧ̑ мо́щи твоѧ̑ ѡ҆брѣто́шасѧ чꙋдоточа́щыѧ, всеблже́нне ѻ҆́тче ст҃и́телю а҆леѯі́е: ѿ ни́хже врачевство̀ пріе́млюще ѡ҆богаща́емсѧ, и҆ хр҃та̀ славосло́вимъ глаго́люще: сла́ва прославлѧ́ющемꙋ ст҃ыѧ̑ своѧ̑.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Ꙗ҆́кѡ со́лнце незаходи́мое ѿ гро́ба возсі́ѧ на́мъ ѿ мнѡ́гъ лѣ́тъ сокрове́ны чⷭ҇тныѧ̑ твоѧ̑ мо́щи нетлѣ́нны, ст҃и́телю а҆леѯі́е, тобо́ю бл҃года́ть пріе́млемъ. всю̀ бо страну̀ сі́ю̀ и҆ всѧ̑ ны̀ чꙋдесы̀ и҆ добро́тою ѡ҆богаща́еши дѣ́йствомъ бл҃года́ти, да поѐмъ ти̑: ра́дꙋйсѧ ѻ҆́тче, свѣти́ло рѡссі́и.

Въ тотъ же день преставленіе святаго **Довмонта-Тимоѳея,** князя **Псковскаго,** въ 1299 году.



День двадцать первый

ЖИТІЕ
СВЯТАГО РАВНОАПОСТОЛЬНАГО ЦАРЯ
КОНСТАНТИНА
и святой матери его
ЕЛЕНЫ

Въ то время какъ языческій міръ, вооружаясь противъ христіанства огнемъ и мечомъ, помышлялъ въ концѣ III и началѣ IV столѣтій совсѣмъ стереть съ лица земли самое имя христіанъ[1]), Промыслъ Божій уготовалъ для Церкви Христовой, среди самихъ кесарей-гонителей христіанства, царственнаго покровителя ея въ лицѣ Константина — царя, еще при жизни своей получившаго наименованіе, навсегда упрочившееся за нимъ въ христіанской

[1]) Указомъ императора Діоклетіана — 23 февраля 303 года — приказывалось искоренить христіанство со всѣми его учрежденіями и храмами. Жестокое гоненіе тогда началось съ разграбленія и разрушенія военною силою христіанскаго храма въ Никомидіи, столицѣ Восточной Римской имперіи, гдѣ въ одинъ разъ было сожжено до 20 000 вѣрующихъ; а затѣмъ ужасы гоненій охватили Сирію, Палестину, Малую Азію и Египетъ съ Италіею. О жестокости гоненій Лактанцій («О смерти гонителей» гл. XV и XVI) сообщаетъ: «Если бы я имѣлъ сотню устъ и желѣзный языкъ, то и тогда я не могъ бы исчислить всѣхъ мученій, какія переносили вѣрующіе:... желѣзо притуплялось и ломалось; убійцы утомлялись и работали посмѣнно, по очереди...»

исторіи, Равноапостольнаго, во всемірной же исторіи—Великаго. Рожденный въ 274 году отъ родителей, хотя и не христіанъ, но знакомыхъ съ христіанствомъ и ему покровительствовавшихъ, Константинъ съ дѣтства чуждался языческихъ суевѣрій и приближался ко Христу Истинному Богу. Десница Господня сама постепенно пріуготовляла его и многоразличными способами очищала его, какъ избранный сосудъ славы Божіей.

Отецъ Константина Констанцій Хлоръ, цезарь въ Западной половинѣ имперіи[1]), будучи по наружности — офиціально — идолопоклонникомъ, въ душѣ далекъ былъ отъ языческаго суевѣрія; внутренно онъ отрекся отъ служенія многимъ ложнымъ богамъ и признавалъ Единаго Истиннаго Бога—Ему одному поклонялся онъ и весь домъ свой, вмѣстѣ съ дѣтьми и домашними, посвящалъ одному Царю-Богу[2]). Насколько Констанцій далекъ былъ отъ суевѣрнаго служенія идоламъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій замѣчательный случай изъ его жизни. Констанцій, отказавшійся отъ служенія идоламъ жертвами и куреніемъ, пожелалъ однажды испытать истинныя расположенія своихъ царедворцевъ; онъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ исполнять суевѣрные языческіе обряды, и сказалъ своимъ придворнымъ:

— Кто хочетъ пользоваться моимъ расположеніемъ и любовію и оставаться при почестяхъ, тотъ долженъ приносить жертвы идоламъ, а кто отказывается отъ этого, тотъ пусть удалится съ глазъ моихъ и не разсчитываетъ впредь на мое благоволеніе, ибо я не могу оставаться въ общеніи съ неединовѣрными.

Принявъ за истину слова цезаря, придворные тотчасъ же раздѣлились на двѣ партіи: одни, люди лицемѣрные, безъ дѣйствительныхъ религіозныхъ убѣжденій, съ гибкою совѣстію, могущею склоняться направо и налѣво, сейчасъ же изъявили согласіе на предложеніе царя, хотя до этого времени по низменнымъ разсчетамъ и слѣдовали его благому примѣру въ отрицаніи идолослуженія; другіе же, которые отъ искренняго сердца пренебрегли языческимъ суевѣріемъ и теперь остались вѣрными своимъ убѣжденіямъ, какъ истинные рабы Христовы, отказываясь отъ зем-

---

[1]) Императоръ Діоклетіанъ для удобства управленія громадной Римской имперіей раздѣлилъ ее на двѣ половины, изъ коихъ одною—Восточною правилъ самъ, живя въ Никомидіи и имѣя у себя соправителемъ цезаря Галерія, а въ другой—Западной поставилъ императоромъ Максиміана, соправителемъ же его—цезаря Констанція Хлора, непосредственно управлявшаго Галліею и Британіею.

[2]) Евсевій, Жизнь Константина, кн. I, гл. 17.

Равноап҃льный ца́рь
КѠНСТАНТІ́НЪ

Ст҃а́ѧ цари́ца
Є҆ѵ́е́на

ныхъ и тлѣнныхъ почестей, начали выходить изъ состава царской свиты. Видя это, Констанцій возвратилъ оставлявшихъ царскій дворецъ истинныхъ христіанъ и сказалъ имъ:

— Такъ какъ васъ вижу я вѣрно служащими своему Богу, то васъ я хочу имѣть и своими слугами — друзьями и совѣтниками, ибо надѣюсь, что вы вѣрны будете и мнѣ такъ же, какъ вѣрны своему Богу.

Обращаясь же къ тѣмъ, которые склонялись къ отлученію отъ христіанства и поклоненію идоламъ, царь сказалъ:

— Васъ я не могу терпѣть при своемъ дворѣ,—если вы не соблюдаете вѣрности своему Богу, то какъ будете вѣрны мнѣ!

И такъ пристыдивъ ихъ, онъ удалилъ этихъ лицемѣровъ отъ своего лица; а вѣрныхъ рабовъ Божіихъ приблизилъ къ себѣ и сдѣлалъ ихъ начальниками въ своей области[1]). И такимъ образомъ въ то время, когда во всѣхъ другихъ предѣлахъ обширной Римской имперіи кипѣло гоненіе Діоклетіаново, въ области Констанціевой христіане жили въ мирѣ и благоденствіи[2]). Впрочемъ, не имѣя возможности являться ослушникомъ воли Діоклетіана, старшаго изъ императоровъ, Констанцій позволилъ одно—разрушить нѣкоторыя изъ христіанскихъ церквей[3]).

Таковъ былъ отецъ равноапостольнаго Константина Констанцій Хлоръ. Его расположенность къ христіанамъ и предпочтеніе ихъ язычникамъ; обращеніе ко Христу его жены, святой Елены, матери Константина, и дочери Констанціи[4]) — сестры Константина съ малыхъ лѣтъ вселяли въ душѣ послѣдняго истинную любовь къ Богу и Его закону и полагали твердое основаніе для воспитанія и укрѣпленія его нравственнаго характера. И это малое зерно, посѣянное въ дѣтской душѣ, возросло впослѣдствіи въ великое древо.

Годы юности своей Константинъ долженъ былъ проводить не въ средѣ родной своей семьи, а при дворѣ Діоклетіана въ Никомидіи, куда онъ взятъ былъ почти въ качествѣ заложника, хотя и почетнаго, въ обезпеченіе вѣрности его отца Констанція старшему императору Діоклетіану. Придворная жизнь въ столицѣ представляла собою тогда въ маломъ видѣ все то нравственное

---

[1]) Евсевій, Жизнь Константина, кн. I, гл. 16.

[2]) Евсевій, Церковн. Исторія, кн. VIII, гл. 13; Жизнь Константина, кн. I, гл. 13

[3]) Лактанцій, О смерти гонителей, гл. 15.

[4]) Константинъ былъ единственнымъ сыномъ Елены; Констанція была дочь другой жены Хлора—Ѳеодоры, отъ которой Констанцій имѣлъ и другихъ дѣтей. Современники, къ сожалѣнію, не говорятъ о вліяніи св. Елены на Константина въ дѣтствѣ.

и религіозное растлѣніе, до какого только можетъ доходить человѣчество, порабощаемое нечистыми, страстными сердечными похотями и впадающее въ неискусенъ умъ[1])... Суетная пышность и роскошь, пьянство и объяденіе, необузданный развратъ мысли и жизни, интриги и крамолы, озлобленіе противъ истиннаго богопочитанія и лицемѣрное, лживое почтеніе къ мнимымъ богамъ,— вотъ мрачная картина, въ которой Промыслъ представилъ Константину все ничтожество и безславіе язычества. Зато тутъ же, одновременно, а потому и тѣмъ болѣе поразительно вырисовывалась предъ взоромъ Константина жизнь инаго общества — общины христіанской, гдѣ старцы и старицы, юноши и дѣвы, простецы и ученые мудрецы, даже дѣти доказывали истину своей вѣры, чистоту и высоту ея содержанія не словами только, а и своими дѣлами, исповѣданіемъ ея своею добродѣтельною жизнію, страданіемъ за нее даже до смерти. Ибо въ это время возгорѣлось ужаснѣйшее гоненіе на Церковь Христову, превосходившее всѣ другія гоненія и злостію гонителей, и разнообразіемъ мученій, и числомъ мучениковъ, и—торжествомъ, побѣднымъ торжествомъ вѣры Христовой надъ всѣми языческими кознями. Константинъ, поставленный Промысломъ у самаго очага языческой злобы, не могъ не видѣть тщеты всѣхъ ея усилій одолѣть неодолимое — непосредственно, своими очами созерцалъ онъ силу Божію въ немощахъ совершающуюся и все себѣ покоряющую. Въ каждомъ исповѣдникѣ-христіанинѣ, въ каждомъ подвигѣ мученическомъ взору Константина являлся непререкаемый свидѣтель правоты вѣры Христовой, ея превосходства предъ язычествомъ, ея Божественнаго происхожденія. И Константинъ сохранилъ въ душѣ своей залогъ добра, посѣяннаго въ дѣтствѣ,—сохранилъ чистоту и невинность сердца и уваженіе къ Закону Бога, хотя и вращался въ нравственно испорченной средѣ. Но эта внутренняя отчужденность Константина отъ растлѣнной придворной жизни, его пытливый умъ и духовная благоустроенность, покрываемая скромностью, естественно возбуждали противъ него злобу окружавшихъ его царедворцевъ; а его величественная красивая осанка при высокомъ ростѣ и выдающейся физической силѣ, привлекавшая къ нему взоры народа и располагавшая въ его пользу любовь всего войска, была причиною зависти многихъ и особенно цезаря Галерія. Послѣдній за-

---

[1]) Посл. къ Римлян., гл. 1, ст. 28.

мышлялъ погубить его и даже составилъ заговоръ, чтобы не допустить Константина до царскаго достоинства, на которое онъ имѣлъ право по своему рожденію.

Жизнь Константина подвергалась опасности, но рука Промысла спасла своего избранника и даровала ему то, что хотѣла отнять у него необузданная, коварная зависть. Константинъ удалился въ Галлію къ отцу своему, котораго нашелъ уже на смертномъ одрѣ и который вскорѣ скончался.

Послѣ смерти Констанція Хлора войско, бывшее при немъ, провозгласило (въ 306 году) императоромъ Галліи и Британіи Константина, которому тогда шелъ тридцать второй годъ отъ рожденія,— какъ любимаго сына всѣми уважаемаго кесаря. Подъ живымъ впечатлѣніемъ видѣнныхъ ужасныхъ гоненій христіанъ на Востокѣ Константинъ, унаслѣдовавъ власть отъ своего отца, счелъ первымъ своимъ дѣломъ подтвердить всѣ распоряженія его на пользу христіанъ,—объявилъ въ своихъ областяхъ свободу исповѣданія христіанства. Приблизился, такимъ образомъ, часъ побѣды вѣры Христовой надъ языческимъ суевѣріемъ! Но наступленію лучшихъ временъ для Церкви предшествовало время суда Божія надъ ея гонителями.—Императоры Діоклетіанъ и Максиміанъ, утомленные собственною своею злобою противъ непоколебимыхъ страдальцевъ за святую истину, рѣшились искать покоя въ устраненіи себя отъ царскихъ престоловъ; но ихъ отказъ отъ власти, не давая мира самимъ свирѣпымъ гонителямъ, послужилъ еще поводомъ и къ общественнымъ неустройствамъ. Галерій, воцарившійся на Востокѣ вмѣсто Діоклетіана и недовольный воцареніемъ на сѣверо-западѣ Константина, не призналъ его императоромъ, а призналъ Севера, правившаго Италіей и Африкой. Между тѣмъ въ Италіи императоромъ провозглашенъ былъ Максенцій, сынъ Максиміана. Поддерживая Севера, Галерій пошелъ войною противъ Максенція, который просилъ защиты у своего отца,—послѣдній снова принялъ управленіе. Северъ сдался Максиміану и былъ умерщвленъ. Тогда Галерій провозгласилъ императоромъ своего полководца Ликинія, армія же — цезаря Максимина. Оказалось такимъ образомъ, что въ Римской имперіи сразу царствовали шесть императоровъ, и всѣ они враждовали между собою. Миромъ и благоденствіемъ наслаждались только подданные Константина, довольствовавшагося унаслѣдованнымъ отъ отца удѣломъ и не желавшаго принимать участія во взаимной

борьбѣ иныхъ соправителей,—всецѣло посвятившаго себя управленію страною по влеченію своего чистаго сердца и здраваго ума въ покорности Божественному Промыслу.

— Я отчуждился,—говорилъ о себѣ Константинъ,—отъ бывшихъ доселѣ правителей, потому что видѣлъ дикость ихъ нравовъ[1]).

Въ отношеніи къ христіанамъ онъ держался, по примѣру отца своего, политики мира, ибо цѣнилъ ихъ какъ усердныхъ и вѣрныхъ подданныхъ. Константинъ понималъ, что христіанство есть великая сила, могущая пересоздать міръ. Тѣмъ не менѣе онъ еще не былъ христіаниномъ; при всемъ глубокомъ уваженіи къ рабамъ Христовымъ онъ не могъ съ легкостію, безъ внутренней борьбы, отказаться отъ староязыческихъ завѣтовъ. И только наступившія грозныя и трудныя обстоятельства расположили его открыто преклониться предъ величіемъ *Распятаго Бога*, дивнымъ образомъ изведшаго его изъ колебательнаго состоянія и утвердившаго его въ рѣшеніи стать христіаниномъ.

Послѣ Галерія, умершаго (въ 311 году) отъ страшно лютой болѣзни, и Максимина — правителя Сиріи, скончавшагося (въ 313 году) позорной смертію—самоубійствомъ, въ Восточной половинѣ имперіи остался единымъ владѣтелемъ Ликиній, женившійся потомъ на сестрѣ Константина. Въ Западной же половинѣ,—въ Италійской области, послѣ повторнаго царствованія Максиміана, воцарился снова Максенцій, вопреки желанію римскаго народа. Константинъ призналъ его царемъ въ Римѣ и даже отправилъ къ нему мирное посольство. Но Максенцій не только не пожелалъ имѣть мирныхъ отношеній къ Константину, но даже не захотѣлъ и называть его царемъ, желая самъ единолично быть самодержцемъ всѣхъ земель и странъ Римской области. Укрѣпившись же на престолѣ, онъ проявилъ во всей полнотѣ присущую ему коварную жестокость и корыстолюбіе не только въ отношеніи къ христіанамъ, но и по отношенію къ своимъ единовѣрцамъ—язычникамъ. Обольстивши, при своемъ воцареніи, нужныхъ ему людей дарами и обѣщаніями, онъ началъ преслѣдовать и мучить почетныхъ сенаторовъ, разграбляя ихъ имущество, похищая ихъ женъ и дочерей для удовлетворенія своихъ животныхъ страстей, а также страстей и своихъ любимцевъ. И былъ онъ весьма тяжелъ и омерзителенъ

---

[1]) **Евсевій, Жизнь Константина, кн. II, гл. 49.**

для всего Рима по своей жестокости и скверному житію. Римляне, страдая подъ тяжкимъ его игомъ, рѣшились тайно искать себѣ защиты у Константина, прося его прійти и избавить отъ онаго мучителя. Константинъ прежде всего послалъ по этому случаю письмо Максенцію, дружески убѣждая его прекратить насильническія дѣйствія. Но Максенцій не только не внялъ его доброму совѣту и не исправился, но еще болѣе озлобился. Свое ожесточеніе онъ простеръ до того, что началъ готовиться къ войнѣ противъ Константина.

Слыша объ этомъ, Константинъ въ 312 году рѣшился предпринять военный походъ противъ Римскаго императора: онъ хотѣлъ исхитить Римъ изъ рукъ злаго тирана. Но походъ этотъ представлялъ трудности неодолимыя.—Самому отважному полководцу, любимому войсками, не легко было заставить армію войти съ мечомъ въ сердце Италіи, внести войну на почву великаго Рима, священную для народовъ того времени; такое предпріятіе должно было производить потрясающее дѣйствіе на имперское войско и глубокій ропотъ неудовольствія. И самъ Константинъ не могъ быть свободнымъ отъ чувства невольнаго страха, предпринимая этотъ походъ, тѣмъ болѣе, что онъ никогда самъ не видалъ Рима, который могъ казаться ему грознымъ исполиномъ. При томъ же Константину извѣстно было, что войско его противника было многочисленнѣе его войска и что Максенцій крѣпко надѣется на помощь своихъ національныхъ боговъ, которыхъ онъ старался умилостивить щедрыми жертвами, даже закланіемъ отроковъ и отроковицъ,—что Максенцій ограждаетъ себя и свои войска всяческими чарами и волхвованіями и имѣетъ на своей сторонѣ великую силу бѣсовскую. Надѣяться на однѣ человѣческія силы и средства было недостаточно для Константина, и у него явилось искреннее желаніе имѣть помощь свыше. Размышляя о несчастномъ состояніи имперіи, тщетно ищущей защиты у бездушныхъ идоловъ, о помощи Божіей, неоднократно явленной отцу его и ему, о тѣхъ политическихъ переворотахъ, которые совершились на его глазахъ, о постыдной погибели въ короткое время трехъ лицъ, которыя раздѣляли съ нимъ верховную власть въ имперіи, онъ призналъ безуміемъ попусту держаться боговъ несуществующихъ и послѣ столькихъ доказательствъ оставаться въ заблужденіи[1]).

[1]) Евсевій, Жизнь Константина, кн. I, гл. 27.

Среди такихъ тревожныхъ размышленій Константинъ началъ возносить молитву къ Богу отца своего, началъ просить Его, чтобы Онъ вразумилъ его о Себѣ, подалъ ему мужество и простеръ ему десницу въ предлежащемъ дѣлѣ[1]). И эта молитва его, какъ нѣкогда молитва темничнаго стража[2]), была услышана: Господь скоро непосредственнымъ явленіемъ утѣшилъ его и указалъ, что̀ подобаетъ ему творити. Евсевій, современникъ событія, слышавшій о немъ лично отъ царя, повѣствуетъ:

«Однажды послѣ полудня, когда солнце начало уже склоняться къ западу,—говорилъ царь,—я собственными глазами увидѣлъ составившееся изъ свѣта и лежавшее на Солнцѣ знаменіе креста съ надписью: *симъ побѣждай*.

Это зрѣлище поразило ужасомъ какъ самого царя, такъ и войско, находившееся около него, ибо крестъ какъ позорное орудіе казни у язычниковъ считался дурнымъ предзнаменованіемъ. Константинъ находился въ недоумѣніи и говорилъ самъ себѣ: что значитъ такое явленіе? Но между тѣмъ какъ онъ размышлялъ, наступила ночь. Тогда во снѣ явился ему Христосъ съ видѣннымъ на небѣ знаменіемъ и повелѣлъ сдѣлать знамя, подобное видѣнному на небѣ, и употреблять его для защиты при нападеніи враговъ. Вставъ отъ сна, Константинъ разсказалъ своимъ друзьямъ тайну своего соннаго видѣнія, а потомъ позвалъ къ себѣ опытныхъ мастеровъ и, описавъ имъ образъ чуднаго знамени, приказалъ устроить, по подобію этаго, хоругвь изъ золота и драгоцѣнныхъ камней; воинамъ же своимъ онъ приказалъ изобразить крестъ на щитахъ и шлемахъ. Пораженный дивнымъ видѣніемъ Константинъ вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшился не чтить никакого другого Бога, кромѣ явившагося ему Христа; пригласивъ къ себѣ таинниковъ Его слова—христіанскихъ священниковъ,—онъ спрашивалъ ихъ: кто тотъ Богъ и какой смыслъ знаменія, какое онъ видѣлъ? Выслушавъ же ихъ отвѣтъ о единомъ Богѣ, о тайнѣ воплощенія Его Единороднаго Сына для спасенія человѣковъ, о крестной смерти Господа Іисуса, побѣдившаго смертную державу, о крестномъ знаменіи, явившемся ему, что оно есть знакъ побѣдный, Константинъ вполнѣ и сознательно въ душѣ своей сталъ христіаниномъ. Съ того времени онъ началъ усердно заниматься чтеніемъ Свя-

---

1) Евсевій, Жизнь Константина, кн. I, гл. 36; Лактанцій, О смерти гонителей, гл. 44.
2) Дѣян. Ап., гл. 16.

щеннаго Писанія и постоянно имѣлъ при себѣ іереевъ, хотя и не принялъ еще Святаго Крещенія [1]).

«Призвавъ Бога всяческихъ и, какъ помощника и защитника, Христа Его, также поставивъ предъ своими ратниками побѣдную хоругвь съ спасительнымъ знаменіемъ, Константинъ выступилъ со всѣмъ своимъ войскомъ изъ предѣловъ Галліи въ походъ противъ Максенція въ Италійскую область» [2]).

Походъ, предпринятый Константиномъ для освобожденія Рима отъ жестокаго тирана, не вразумилъ послѣдняго.—Злочестивый Максенцій, принеся обильныя жертвы богамъ съ торжественными церемоніями, выслушавъ предсказанія гадателей по внутренностямъ беременныхъ женщинъ, съ многочисленнымъ войскомъ выступилъ противъ Константина; но онъ не отвратилъ достойнаго возмездія своему нечестію. Константинъ, покрываемый спасительнымъ знаменіемъ Креста, послѣ трехъ встрѣчныхъ столкновеній съ противникомъ подступилъ къ самому Вѣчному городу и здѣсь нанесъ ему рѣшительное пораженіе. Максенцій, спасаясь бѣгствомъ черезъ рѣку Тибръ, при разрушеніи моста погибъ, какъ древній фараонъ, съ отборными своими всадниками въ пучинѣ водной. Побѣдитель съ торжествомъ вступилъ въ Римъ и встрѣченъ былъ народомъ съ великою радостью. Сознавая, что эта побѣда дарована Божественною помощью, Константинъ водрузилъ на самомъ людномъ мѣстѣ города священную хоругвь, а потомъ, когда благодарные римляне поставили статую въ честь новаго императора, велѣлъ утвердить въ рукѣ своего изображенія высокое копье въ видѣ Креста и начертать такую надпись: «этимъ спасительнымъ знаменіемъ я освободилъ вашъ городъ отъ ига тирана и возвратилъ римскому народу и сенату прежній блескъ и знаменитость» [3]).

Ставъ такимъ образомъ повелителемъ всей Западной половины Римской имперіи, Константинъ первый изъ цезарей указомъ (въ 313 году) объявилъ подвластнымъ ему народамъ полную вѣротерпимость: язычникамъ онъ оставлялъ право совершать обряды своего богопочитанія, а христіанамъ разрѣшалъ свободно поклоняться Единому Истинному Богу. За этимъ указомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ указовъ [4]), благопріятныхъ Церкви Христовой: за-

---

1) Евсевій, Жизнь Константина, кн. I, гл. 28—32.

2) Евсевій, Жизнь Константина, кн. I, гл. 37.

3) Евсевій, Церков. Ист., кн. IX, гл. 9; Жизнь Конст. Кн. I, гл. 40.

4) Евсевій, Церков. Ист., кн. X, гл. 5 и 6.

прещена была крестная казнь, отмѣнены были кровавыя игрища въ циркѣ; прекращены были языческія жертвоприношенія и куренія въ торжественные дни, установлено празднованіе воскреснаго дня съ запрещеніемъ производства въ этотъ день судебныхъ разбирательствъ и прекращеніемъ работъ какъ свободныхъ гражданъ, такъ и рабовъ; сироты и дѣти, брошенныя родителями, бѣдные и убогіе, которыхъ язычество оставляло безъ помощи и призрѣнія, приняты были подъ царское покровительство; по всѣмъ городамъ начались праздники обновленія и освященія церквей; вездѣ слышались хвалебныя пѣсни и благодарственныя молитвы Богу; епископы свободно собирались, чтобы разсуждать о нуждахъ Церкви. Константинъ самъ иногда присутствовалъ на этихъ собраніяхъ, вникалъ въ вопросы, касающіеся вѣры и съ готовностію дѣлалъ все, что требовалось для пользы христіанскаго общества. Онъ освободилъ священнослужителей отъ всякихъ постороннихъ должностей и отъ податей,—какъ свободны были отъ податей и языческіе жрецы,—дабы они могли совершенно посвятить себя служенію Богу; онъ не только возвратилъ Церкви усыпальницы и всѣ мѣста, отнятыя гонителями, но еще даровалъ для Богослуженія нѣсколько обширныхъ зданій, называемыхъ базиликами, въ которыхъ засѣдали судьи и которыя, по ихъ внутреннему устройству, было легко превратить въ церкви; предоставилъ право пастырямъ рѣшать споры и взаимныя несогласія между христіанами. Нося на своемъ шлемѣ какъ видимый для всѣхъ знакъ благоговѣйнаго почитанія Христа Бога монограмму «Христосъ»[1]), Константинъ далъ своимъ воинамъ молитву, которую они должны были читать въ воскресные дни и которая, будучи исповѣданіемъ сердечной вѣры самого императора, располагала всѣхъ признавать Единаго всемогущаго Подателя благъ и Его помощи искать во всѣхъ дѣлахъ[2]).

Благоволеніе императора вызвало восторгъ въ средѣ христіанъ: великой духовной радости исполнились ихъ сердца отъ вкушенія сладости жизни подъ новымъ правительствомъ. Современникъ Евсевій такъ изображаетъ то время:

«Теперь свѣтлый и ясный день, не омраченный никакимъ облакомъ, озарилъ лучами небеснаго свѣта Христову Церковь.

---

[1]) Эта монограмма состояла изъ двухъ буквъ—*X* и *P*, изъ коихъ первая покрывала вторую.

[2]) Евсевій, Жизнь Константина, кн. IV, гл. 19.

Мы должны сознаться, что счастіе наше выше нашихъ заслугъ; мы приведены въ величайшее изумленіе благодатію Виновника столь великихъ даровъ; мы достойно дивимся Ему и говоримъ съ Пророкомъ: **пріидите и видите дѣла божія, яже положи чудеса на земли**[1]). Люди всякаго возраста, мужескаго и женскаго пола, всею силою души радуясь, умомъ и сердцемъ возсылаютъ молитвы и благодаренія Богу»[2]).

Но между тѣмъ, какъ на Западѣ христіане такимъ образомъ благоденствовали подъ управленіемъ Константина, совсѣмъ иное было на Востокѣ, гдѣ царствовалъ Ликиній: воспитанный при дворѣ Діоклетіана, полководецъ при Галеріи, онъ, достигши цесарскаго достоинства, въ душѣ ненавидѣлъ христіанъ. Породнившись съ Константиномъ, Ликиній въ первое время не рѣшался противодѣйствовать своему могущественному шурину[3]),— даже подписалъ изданный послѣднимъ указъ (Миланскій) о вѣротерпимости; но вскорѣ же, сдѣлавшись послѣ смерти императора Максимина полновластнымъ властелиномъ всего Востока, началъ тѣснить и унижать христіанъ. Опасаясь потерять свою царскую власть и слушаясь навѣтовъ со стороны представителей идолослуженія, онъ закрывалъ и разрушалъ христіанскіе храмы подъ предлогомъ, будто въ нихъ молятся по измѣнѣ ему о Константинѣ и требовалъ отъ всѣхъ, а наипаче отъ своихъ войскъ, языческой присяги и принесенія жертвъ идоламъ; ослушниковъ же своей воли онъ подвергалъ заточенію и ужаснымъ истязаніямъ, доводя ихъ до мученической кончины. Въ это время между прочими пострадала мужественная дружина — 40 мучениковъ. Ликиній, впрочемъ, былъ жестокъ не къ однимъ только христіанамъ: и всѣ ему подвластные народы много терпѣли отъ его корыстолюбія и злобы. О его подозрительности и жестокости достаточно свидѣтельствуетъ уже одно то, что онъ предалъ смерти жену и дочь своего бывшаго покровителя—Діоклетіана и истребилъ всѣхъ дѣтей императоровъ Максимина, Севера и Галерія. Римская имперія, по изображенію Евсевія, раздѣленная на двѣ половины, представляла собою двѣ противоположности дня и ночи: жители Востока объяты были мракомъ ночи, а жители Запада — озарены свѣтомъ самаго яркаго дня.

---

[1]) Псал. 45, ст. 9.

[2]) Евсевій, Церков. Ист., кн. X, гл. 1—3.

[3]) Онъ женился на сестрѣ Константина въ 313 году.

Отношенія Ликинія къ Константину не могли быть и не были пріязненными. Ликиній являлъ въ нихъ коварство и двоедушіе; онъ увѣрялъ Константина въ дружбѣ, а втайнѣ ненавидѣлъ его, старался дѣлать ему всякое зло; козни его не удавались, и не разъ между ними начинались раздоры, оканчивавшіеся войнами. Константинъ оставался побѣдителемъ, но, обманываемый лживыми увѣреніями зятя, заключалъ съ нимъ миръ. Однако съ теченіемъ времени отношенія между императорами принимали болѣе и болѣе обостренный характеръ. Угнетаемые подданные Ликинія и гонимые имъ христіане не видѣли конца своимъ страданіямъ. Ликиній наконецъ пересталъ скрывать свои замыслы противъ Константина и вступилъ въ открытую борьбу. Въ 323 году возгорѣлась жестокая война между ними. Эта война должна была окончательно рѣшить судьбу христіанства въ Римской имперіи, обнимавшей собою «всю вселенную».

Оба императора собрали значительныя силы и готовились къ рѣшительной битвѣ, каждый сообразно съ своею вѣрою; казалось, что одряхлѣвшее язычество ополчилось противъ христіанства, явившагося въ міръ обновить человѣчество.—Наканунѣ сраженія Ликиній, окруженный жрецами и гадателями, собралъ отборныхъ воиновъ и лучшихъ своихъ друзей въ тѣнистую рощу, въ которой стояли идолы, совершилъ торжественное жертвоприношеніе и, обращаясь ко всѣмъ тутъ бывшимъ, сказалъ:

— Друзья! Вотъ наши общественные боги, предъ которыми намъ надо благоговѣть, какъ насъ тому учили предки наши. Начальникъ же враждебнаго намъ войска, отвергнувъ отеческіе обычаи, принялъ лживыя мнѣнія и прославляетъ какого-то иностраннаго, неизвѣстнаго Бога. Постыднымъ знаменемъ его (Крестомъ) онъ срамитъ свое войско; довѣрившись ему, онъ поднимаетъ оружіе не столько противъ насъ, сколько противъ боговъ. Само дѣло откроетъ, кто правъ и кто заблуждается: если мы побѣдимъ, то ясно, что наши боги—боги истинные; если же одержитъ верхъ Богъ Константина, нами осмѣиваемый, чужестранный Богъ, то пусть чтутъ его. Но то несомнѣнно, что наши боги побѣдятъ, потому смѣло устремимся съ оружіемъ въ своихъ рукахъ на безбожниковъ! [1])

Напротивъ, Константинъ предъ сраженіемъ удалялся въ свою палатку и тамъ молитвою и постомъ готовился къ бою; въ эти

[1]) Евсевій, Жизнь Константина. Кн. XI, гл. 9.

рѣшительныя минуты своей жизни онъ обращался къ своему прошлому, перебиралъ въ памяти событія своей жизни, опасности, которымъ подвергался и которыя миновали благополучно для него,—вспоминалъ постыдную погибель гонителей христіанства и мужественно-мирную кончину учениковъ Христа и, во всемъ этомъ усматривая дивное устроеніе Всевышняго, поручалъ самого себя и все свое дѣло высшему небесному водительству и заступленію. Христіане усердно молились за императора, своего покровителя; священное знамя высилось среди полковъ Константина и одушевляло надеждою на небесную помощь. Съ благоговѣніемъ смотрѣли войска его на это побѣдное знамя, враги же смотрѣли на него со страхомъ; во многихъ городахъ Ликиніева царства среди дня видѣли призраки Константиновыхъ войскъ, побѣдоносно шествовавшихъ съ этимъ знаменемъ. Ликиній самъ убѣждалъ своихъ воиновъ не заглядываться на непріятельскую хоругвь, «ибо,—говорилъ онъ,—она страшна своею силою и враждебна намъ»[1]).

Языческіе жрецы и гадатели предвѣщали побѣду Ликинію, но Богъ даровалъ ее Константину. Ликиній многократно дѣлалъ нападенія на приближающагося противника, но каждый разъ терпѣлъ пораженія и спасался бѣгствомъ; притворяясь раскаивающимся, просилъ мира, втайнѣ же собиралъ новыя ополченія, искалъ себѣ помощи у Варваровъ. Наконецъ морская побѣда Криспа, сына Константинова, близъ Византіи и сраженіе при Адріанополѣ окончательно рѣшили успѣхъ войны. Ликиній покорился, а черезъ нѣсколько времени былъ казненъ въ Ѳессалоникахъ, такъ какъ, сдавшись побѣдителю, составилъ заговоръ противъ Константина. Въ 323 году Константинъ сдѣлался единодержавнымъ государемъ всей Римской имперіи.

Эта побѣда надъ Ликиніемъ еще разъ и такъ осязательно наглядно убѣдила Константина, что земныя блага и успѣхи даруются почитателямъ Истиннаго Бога. И вотъ какъ онъ, представляя себя покорнымъ орудіемъ въ рукахъ Всевышняго, со смиреніемъ воздаетъ славу одному Богу за свои успѣхи:

«Не будетъ конечно никакой гордости,— говоритъ онъ въ одномъ изъ указовъ,—хвалиться тому, кто сознаетъ, что благодѣянія получилъ онъ отъ Существа Всевышняго. Мое служеніе

---

[1]) Евсевій, Жизнь Константина. Кн. XI, гл. 16.

Богъ нашелъ и судилъ годнымъ для исполненія Его воли. Начавъ отъ Британскаго моря, я при помощи какой-то высочайшей силы гналъ предъ собою всѣ встрѣчавшіеся ужасы, чтобы воспитываемый подъ моимъ вліяніемъ родъ человѣческій призвать на служеніе священнѣйшему закону и подъ руководствомъ Высочайшаго Существа возрастить блаженнѣйшую вѣру».

«Я твердо вѣровалъ, — прибавляетъ онъ,—что всю душу свою, все, чѣмъ дышу, все, что только существуетъ въ глубинѣ моего ума,—все я обязанъ принесть великому Богу».

Такъ настроенный въ душѣ своей, Константинъ послѣ побѣды поспѣшилъ распространить и на христіанъ Восточной имперіи тѣ же права, какими пользовались они на Западѣ. И на Востокѣ онъ запретилъ приносить отъ имени императора жертвы идоламъ; въ начальники областей избиралъ преимущественно христіанъ; заботился объ обновленіи и построеніи церквей; возвращалъ вѣрнымъ имущества, отнятыя во время гоненій.

«Кто потерялъ имущество, — говорилось въ одномъ указѣ,— проходя неустрашимо и безтрепетно славное и божественное поприще мученичества или сдѣлавшись исповѣдникомъ и стяжавъ себѣ вѣчныя надежды, кто утратилъ ихъ, бывъ принужденъ къ переселенію, потому что не соглашался уступать гонителямъ, требовавшимъ предательства вѣры,—имѣнія всѣхъ таковыхъ повелѣваемъ отдать».

Въ случаяхъ, когда не оказывалось близкихъ родственниковъ, отнятыя у христіанъ имущества передавались мѣстнымъ церквамъ; частныя же лица, у которыхъ отбиралось мученическое достояніе, получали вознагражденіе отъ царской казны. Христіанскія чувства Константина особенно полно и характерно выражены были въ его рескриптѣ къ областнымъ начальникамъ:

«Теперь, — такъ онъ обращается здѣсь къ Богу,—молю Тебя, великій Боже! будь милостивъ и благосклоненъ къ восточнымъ Твоимъ народамъ; и чрезъ меня, Твоего служителя, даруй исцѣленіе всѣмъ областнымъ правителямъ... Подъ Твоимъ руководствомъ началъ я и окончилъ дѣло спасенія; преднося вездѣ Твое знамя, я велъ побѣдоносное войско; и куда призывала меня какая-нибудь общественная необходимость, слѣдовалъ за тѣмъ знаменіемъ Твоей силы и шелъ на враговъ. Потому-то и предалъ я Тебѣ свою, хорошо испытанную въ любви и страхѣ, душу, ибо искренно люблю Твое Имя и благоговѣю предъ силою, которую

явилъ Ты многими опытами и которою укрѣпилъ мою вѣру... Хочу, чтобы народъ Твой наслаждался спокойствіемъ и безмятежностію; хочу, чтобы, подобно вѣрующимъ, пріятности мира и тишины вкушали и заблуждающіеся, ибо такое возстановленіе общенія можетъ и оныхъ вывести на путь истины. Пусть никто не безпокоитъ другого... Люди здравомыслящіе должны знать, что только тѣ будутъ жить свято и чисто, кого Ты Самъ призовешь почить подъ святыми Твоими законами; а отвращающіеся пусть, если угодно имъ, владѣютъ жребіемъ своего лжеученія... Никто да не вредитъ другому; что̀ одинъ узналъ и понялъ, то̀ пусть употребитъ, если возможно, въ пользу ближняго; а когда это невозможно, долженъ оставить его, ибо иное дѣло—добровольно принять борьбу за безсмертіе, а иное—быть вынужденнымъ къ ней посредствомъ казни... Удаляя совѣсть отъ всего противнаго, воспользуемся всѣ жребіемъ дарованнаго блага, то-есть благомъ мира» [1]).

Ставъ единодержавнымъ властелиномъ всей Римской имперіи и объявивъ вѣротерпимость «во всей вселенной» [2]), Константинъ, однако, не былъ «тепло-хладенъ» [3]) въ своей царственной жизни. Отказавшись отъ язычества и ставши во главѣ христіанскаго общества, онъ въ христіанствѣ видѣлъ важнѣйшую опору имперіи, основной залогъ могущества и преуспѣянія государства, которое, по его мысли, должно пролагать путь къ свободному, безъ насилій, водворенію Царства Божія на землѣ—указывать и давать средства для воспитанія и усовершенствованія человѣческаго рода въ духѣ Христовомъ. Константинъ, какъ явный покровитель христіанъ, былъ мало любимъ въ Римѣ, гдѣ оставалось еще много обычаевъ и нравовъ языческихъ. И самъ онъ не любилъ Рима съ его Пантеономъ, куда, такъ сказать механически, были собраны языческіе боги всѣхъ покоренныхъ народовъ, и рѣдко и неохотно посѣщалъ старую столицу. И римляне, благодарные освободителю за избавленіе отъ тирана (Максенція), не понимали и не могли по достоинству оцѣнить дѣятельности императора; въ немъ они усматривали нарушителя старонародныхъ своихъ порядковъ, врага своей религіи, тѣсно связанной съ политическимъ величіемъ Рима. Ихъ неудовольствіе и ропотъ, даже заговоры и—ино-

[1]) История Правосл. Церкви. Изд. 1892 г. Побѣдоносцева, стр. 73—74.

[2]) Еванг. отъ Луки, гл. 2, ст. 1.

[3]) Апокал., гл. 3, ст. 15.

гда явныя возмущенія были причиною того, что въ умѣ Константина зародилась и созрѣла мысль создать себѣ новую столицу, городъ христіанскій, который бы ничѣмъ не былъ связанъ съ язычествомъ. Константину полюбилось положеніе Византіи, древняго небольшаго городка на берегахъ Босфора, ознаменованнаго къ тому же морскою побѣдою надъ Ликиніемъ, и онъ избралъ его и сдѣлалъ новою столицей имперіи; онъ самъ съ торжественнымъ ходомъ обозначилъ на дальнемъ протяженіи границы новаго города и началъ обстраивать его великолѣпными зданіями. Обширные дворцы, водопроводы, бани, театры украсили столицу; она наполнилась сокровищами искусства, свезенными изъ Греціи, Италіи и Азіи. Но уже не строились въ ней храмы, посвященные языческимъ богамъ, и вмѣсто Колизея, гдѣ происходили бои гладіаторовъ, былъ устроенъ циркъ для конскихъ состязаній. Главнымъ украшеніемъ новаго города были храмы, посвященные Истинному Богу, въ устроеніи которыхъ принималъ живое участіе самъ царственный покровитель христіанъ. Его попечительность простиралась на этотъ разъ не только на великолѣпіе домовъ молитвы, но даже, напримѣръ, на такія незначительности— по его высокому сану: съ построеніемъ новыхъ церквей въ столицѣ ощутился недостатокъ богослужебныхъ книгъ, и царь озаботился наискорѣйшимъ изготовленіемъ ихъ,—къ епископу кесарійскому Евсевію было снаряжено нарочитое посольство съ наказомъ, чтобы «отличные писцы написали на обдѣланныхъ пергаментахъ пятьдесятъ экземпляровъ книгъ» и чтобы свитки эти доставлены были ему, а «вознагражденіе кого слѣдуетъ за трудъ онъ оставилъ за собою»[1]). По его же распоряженію въ столичныхъ церквахъ богослужебныя книги должны были содержаться въ пристойно-богатыхъ переплетахъ[2]).

Проникнутый глубокимъ религіознымъ чувствомъ, Константинъ въ новой столицѣ и свою обыденную жизнь устроилъ сообразно съ требованіями благочестія и святости. Самый дворецъ былъ явнымъ отображеніемъ его христіанскаго настроенія. «Въ царскихъ чертогахъ было устроено подобіе Церкви Божіей, и императоръ своимъ усердіемъ къ благочестивымъ упражненіямъ подавалъ примѣръ для другихъ; онъ ежедневно въ опредѣленные часы заклю-

[1]) Евсевій, Жизнь Константина. Кн. IV, гл. 34, ст. 36—37.—Велѣно прислать черезъ діакона.

[2]) Евсевій, Жизнь Константина. Кн. III, гл. 1.

чался въ недоступныхъ покояхъ и тамъ наединѣ бесѣдовалъ съ Богомъ, въ молитвахъ преклоняя колѣна, и испрашивалъ себѣ потребное. А иногда онъ приглашалъ къ участію въ молитвахъ и своихъ придворныхъ. Съ особымъ благоговѣніемъ онъ проводилъ день воскресный и пятницу—день крестной смерти Господа Іисуса; въ эти дни прекращалъ обычныя занятія и посвящалъ себя на служеніе Богу. Дворецъ Константина такимъ образомъ представлялъ совсѣмъ не то, что̀ были дворцы прежнихъ римскихъ цезарей: здѣсь не слышалось празднословія и коварныхъ интригъ, не было шумныхъ, суетныхъ, нерѣдко кровавыхъ увеселеній; здѣсь слышались «гимны славословія Богу». Собесѣдниками царя были «таинники Божія Слова» — епископы и священники; служителями его и стражами всего дома были мужи, украшенные чистотой жизни и добродѣтелью; самые копьеносцы, тѣлохранители руководились примѣромъ благочестиваго царя. Христіанинъ—хозяинъ дворца налагалъ на все христіанскую печать. Въ главномъ чертогѣ въ золоченомъ углубленіи потолка устроено было изображеніе Креста изъ драгоцѣнныхъ камней въ золотой оправѣ. Надъ дверью, ведшею въ царскія палаты, *на виду для всѣхъ* была утверждена раскрашенная картина, сдѣланная изъ воска. Картина эта представляла слѣдующее: ликъ императора, надъ головой его—Крестъ, а подъ ногами—драконъ, низвергаемый въ бездну; смыслъ же картины этой таковъ: *дракона*—врага рода человѣческаго *Константинъ* въ лицѣ гонителей христіанства—языческихъ императоровъ *низвергъ* въ бездну погибели спасительною *силою Креста*[1]). Картина эта каждому внушала, что хозяинъ его—почитатель Истиннаго Бога, крестною смертію Своего Сына даровавшаго новую жизнь человѣчеству.

Новая христіанская столица, получившая названіе по имени своего устроителя,—«градъ царя Константина», Константинополь, занимавшая серединное мѣсто между прежнихъ столицъ имперіи—Рима и Никомидіи, какъ нѣкогда Іерусалимъ—«градъ царя Давида», не принадлежавшій исключительно ни одному колѣну израильскому[2]), по своему счастливому географическому положенію, и врученная покровительству Божіей Матери, быстро расцвѣла

[1]) Евсевій, Жизнь Константина. Кн. I, гл. 9, 11; IV, 17. 18, 8; III, 49, 3.

[2]) *Гора Сіонъ* съ крѣпостью *Іевусомъ* (*Іерусалимомъ*) высилась на границахъ колѣнъ Іудина и Веніаминова; отнятая Давидомъ у хананейскаго племени іевусеевъ, она стояла какъ бы внѣ предѣловъ колѣнаго раздѣленія Земли Обѣтованной.

и затмила славу и величіе не только пышной Никомидіи, но и самого великаго Рима. И подобно тому, какъ въ древности Давидъ, водворившись въ Сіонѣ, смущался тѣмъ, что онъ «живетъ въ домѣ кедровомъ», а «Кивотъ Завѣта остается подъ кожами»[1]), такъ теперь Константинъ, поселившись въ прекрасной Византіи, не могъ оставаться равнодушнымъ къ поруганной «колыбели[2]) христіанства»—мѣсту земной жизни Господа Іисуса, Его страданій, смерти и воскресенія. Благоговѣя предъ знаменіемъ Креста, онъ пожелалъ прославить самое «Живоносное Древо, на немъ же распялся Царь и Господь». Но, какъ воинъ и, притомъ, пролившій много крови, онъ почиталъ себя недостойнымъ совершить то̀ самолично. Это благочестивое намѣреніе императора привела въ исполненіе его равночестная мать, царица Елена, которую онъ отпустилъ въ Іерусалимъ, снабдивъ ее полномочіемъ и богатыми дарами.

Елена, какъ повѣствуетъ Евсевій[3]), эта ста̀рица съ юношескою быстротою устремилась на Востокъ, чтобы совершить до̀лжное поклоненіе стопамъ Господа,—по слову Пророка, **поклони́тися на мѣ́стѣ, и҆дѣ́же стоѧ́стѣ но́зѣ є҆гѡ̀**[4]). Въ странѣ священной, ознаменованной дивными событіями, гдѣ все напоминаетъ о «веліей Тайнѣ благочестія—явленіи Бога во плоти», наглядно проявилось величіе смиренной души царственной ста̀рицы; тамъ святая Елена не облачалась въ свойственныя ея сану одѣянія, а въ самой скромной одеждѣ вращалась она среди народной толпы, стараясь быть неузнанной, раздавала щедрую милостыню; подражая Господу Іисусу, свое самоуничиженіе она простирала до того, что въ своемъ домѣ собирала дѣвственницъ, угощала ихъ и сама служила за столомъ въ видѣ простой рабыни[5]). Примѣръ искренняго благочестія царицы производилъ глубокое впечатлѣніе не только на вѣрующихъ во Христа, но и на невѣрующихъ.

Пребываніе царицы-матери въ «колыбели христіанства» ознаменовалось и исполненіемъ предначертаній ея царственнаго сына. Въ Палестинѣ всѣ мѣста, освященныя евангельскими событіями, уже давно подверглись опустошенію. Язычники, по ненависти къ

---

1) 2 Кн. Царствъ, гл. 5, ст. 9; гл. 7, ст. 2; 2 Кн. Паралипом., гл. 17, ст. 1 и далѣе.

2) «Вся религія наша имѣетъ родину въ этой странѣ (Палестинѣ) и въ этомъ городѣ (Іерусалимѣ)»—выраженіе блаж. Іеронима. Творенія т. II, стр. 5.

3) Евсевій, Жизнь Константина. Кн. III, гл. 42.

4) Псал. 131, 7.

5) Церков. исторня Руфина. Кн. I, стр. 8.

христіанству, постарались изгладить самую память о нихъ: самое дорогое мѣсто для вѣрующаго христіанскаго сердца — пещера Гроба Господня была засыпана мусоромъ и сокрыта такимъ образомъ отъ благоговѣйныхъ взоровъ; мало того, какъ бы въ насмѣшку надъ Распятымъ Богомъ и Его почитателями, на холмѣ, насыпанномъ поверхъ святой пещеры, построено было капище «сладострастному демону любви» (Венерѣ). По указаніямъ Елены, идольскіе капища, поставленные на мѣстахъ, священныхъ для христіанъ, были разрушены и вмѣсто нихъ сооружены святые храмы. Такъ прекрасныя церкви построены были, по желанію и на средства царицы, въ Виѳлеемѣ — надъ пещерой Рождества Христова, на горѣ Елеонской—мѣстѣ Вознесенія Господня; храмами украшены были Геѳсиманія—мѣсто успенія Пресвятыя Богородицы, мѣсто явленія Бога Аврааму у дуба Мамврійскаго.

Но главнѣйшею заботою царственной старицы было осуществить мысль ея великаго сына — отыскать тò самое Древо, на которомъ былъ распятъ Спаситель міра.

Мѣсто, гдѣ сокрытъ былъ Крестъ Господень, было неизвѣстно; къ отысканію его благочестивая Елена употребила съ своей стороны всѣ средства и свое царское вліяніе. И послѣ долгихъ усиленныхъ опросовъ и исканій мѣсто это указано было нѣкіимъ Іудою — евреемъ, преклонныхъ лѣтъ старцемъ, сыномъ іудейскаго учителя,—указано подъ языческимъ капищемъ, построеннымъ на холмѣ, покрывавшемъ пещеру Гроба Господня. По приказанію царицы, мерзкая Венера была низвергнута, ея капище немедленно разрушено; святитель Іерусалимскій Макарій совершилъ молитву на поруганномъ мѣстѣ; приступили къ разчисткѣ возвышенности. И благочестивая ревность получила дивное подкрѣпленіе: трудившіеся, копавшіе землю вѣрные обоняли воню благоуханія, исходившую изъ-подъ земли. Ревность о славѣ Имени Христова побуждала работавшихъ, согласно желанію блаженной Елены, относить матеріалы разрушеннаго языческаго храма и весь мусоръ изъ-подъ него какъ можно дальше отъ мѣста погребенія Господа Іисуса[1]), чтобы такимъ образомъ ничто оскверненное идолослуженіемъ не прикасалось великой христіанской святыни. Пещера Гроба Господня была найдена и очищена; близъ нея, на восточной сторонѣ, обрѣтены были три креста и подлѣ нихъ — доска съ надписью и

---

[1]) Евсевій, Жизнь Константина. Кн. III, гл. **43, 45, 52, 53**.

честные гвозди.—Но какъ было узнать, который изъ трехъ крестовъ былъ крестомъ Спасителя?—Общее недоумѣніе по этому дѣлу разрѣшилось, по устроенію Промысла, чрезъ такое чудесное событіе: случилось, что мимо этого мѣста въ то время проносили для погребенія мертвеца; святитель Макарій велѣлъ остановиться проносившимъ покойника; стали полагать, по совѣту епископа, найденные кресты по одному на умершаго; и, когда возложенъ былъ Крестъ Христовъ, мертвый воскресъ. Всѣ, видя это чудо, возрадовались и прославили дивную силу Животворящаго Креста Господня. Старица-царица съ благоговѣніемъ поклонилась Честному Древу и облобызала его. А такъ какъ при множествѣ народномъ невозможно было, по примѣру царицы, каждому порознь воздать должное почтеніе обрѣтенному Кресту, то святитель Макарій, удовлетворяя общему желанію—хотя бы издали видѣть святыню, благочестно подъявъ ее и ставъ на возвышенномъ мѣстѣ, сотворилъ воздвиженіе Креста Господня предъ взоромъ множества вѣрныхъ, которые въ то время велегласно восклицали: «Господи, помилуй!» Это было первое Воздвиженіе Честнаго и Животворящаго Креста; совершилось оно въ 326 году. Православная Церковь празднуетъ это событіе ежегодно 14 сентября [1]). Многіе изъ язычниковъ и іудеевъ тогда обратились ко Христу; въ числѣ обратившихся былъ и тотъ Іуда, который указалъ мѣсто, гдѣ хранился святый Крестъ [2]). Святый Крестъ потомъ положенъ былъ въ серебряный ковчегъ для сохраненія; въ великую пятницу онъ выносимъ былъ на Голгоѳу (въ построенномъ вскорѣ храмѣ, гдѣ онъ хранился) для поклоненія. Но частицу Живоноснаго Древа святая Елена, оставляя Іерусалимъ, взяла съ собою въ даръ сыну своему Константину. Проживъ послѣ того недолгое время, блаженная царица-мать скончалась и была честно погребена.

Получивъ отъ матери, блаженной Елены, безцѣнное сокровище—частицу Святаго Креста, Константинъ рѣшилъ украсить пещеру Гроба Господня и подлѣ нея построить такой храмъ, который

---

[1]) Въ праздникъ Воздвиженія Честнаго Креста—день постный—Богослуженіе Православной Церкви посвящается прославленію Креста Господня, воспоминаніямъ крестной смерти Спасителя; на всенощномъ бдѣніи послѣ великаго славословія совершается торжественно выносъ Креста священнослужителями изъ алтаря на средину храма и здѣсь бываетъ поклоненіе ему. Особенною торжественностію отличается обрядъ воздвиженія Креста въ каѳедральныхъ храмахъ, совершаемый епископами при многократномъ возглашеніи клира: «Господи, помилуй».

[2]) *Іуда*, по крещеніи—*Киріакъ*, былъ впослѣдствіи Патріархомъ Іерусалимскимъ и претерпѣлъ мученическую кончину при Юліанѣ Отступникѣ. Память его—28 октября.

былъ бы «великолѣпнѣе всѣхъ храмовъ, гдѣ-либо существующихъ»... «Пещеру какъ главу всего, по словамъ Евсевія, христолюбивая щедрота царя одѣла отличными колоннами и многочисленными украшеніями. Изъ пещеры былъ выходъ на обширную площадь подъ открытымъ небомъ. Эта площадь выстлана блестящимъ камнемъ и съ трехъ сторонъ ее охватывали непрерывные портики». А съ какою поразительною внимательностію христіанинъ-царь относился къ построенію храма на восточной сторонѣ пещеры, объ этомъ всего лучше даютъ понятіе слѣдующія строки изъ письма Константина къ Іерусалимскому святителю Макарію: «Что касается до возведенія и изящной отдѣлки стѣнъ храма, то знай, что заботу объ этомъ я возложилъ на правителей Палестины. Я озаботился, чтобы ихъ попеченіемъ немедленно доставляемы были тебѣ и художники, и мастера, и все необходимое для постройки. Что же касается до колоннъ и мраморовъ, то какіе признаешь ты драгоцѣннѣйшими и полезнѣйшими,—разсмотри обстоятельно, и нимало не медля пиши мнѣ, чтобы изъ твоего письма я видѣлъ, сколько какихъ требуется матеріаловъ, и отовсюду доставилъ ихъ. Сверхъ того хочу знать, какой нравится тебѣ сводъ храма—мозаическій или отдѣланный иначе. Если мозаическій, то прочее въ немъ можно будетъ украсить золотомъ. Твое преподобіе пусть въ самомъ скоромъ времени извѣститъ упомянутыхъ правителей, сколько потребуется мастеровъ и художниковъ и сколько издержекъ. Постарайся также немедленно донести мнѣ не только о мраморахъ и колоннахъ, но и о мозаикѣ, какую признаешь лучшею» [1]). Константинъ между прочимъ самъ придумалъ, что храмъ хорошо будетъ украсить двѣнадцатью—по числу Апостоловъ—колоннами, на верху которыхъ находились бы вылитыя изъ серебра вазы [2]). Неудивительно поэтому, что храмъ этотъ представлялъ собою чудо красоты и видомъ своимъ приводилъ въ восторгъ современниковъ. Евсевій историкъ между прочимъ такъ описываетъ этотъ памятникъ благочестивой ревности перваго христіанскаго императора:

«Базилика (храмъ)—зданіе чрезвычайное, высоты неизмѣримой, широты и длины необыкновенной. Внутренняя сторона его одѣта разноцвѣтными мраморами, а наружный видъ стѣнъ, блистающій полированными и одинъ съ другимъ сплоченными камнями, представляется дѣломъ чрезвычайно красивымъ и нисколько не усту-

[1]) Жизнь Константина, кн. III, гл. 31—32. [2]) Кн. III, гл. 38.

паетъ мрамору. Куполообразный потолокъ украшенъ дивною рѣзьбою, которая, распространяясь подобно великому морю надъ всею базиликою взаимно связанными дугами и вездѣ блистая золотомъ, озаряетъ весь храмъ будто лучами свѣта. Главный предметъ всего—полукругъ, расположенный на самомъ краю базилики (на восточной сторонѣ), по числу двѣнадцати Апостоловъ увѣнчанъ двѣнадцатью колоннами, вершины которыхъ украшены большими вылитыми изъ серебра вазами—прекраснымъ приношеніемъ Богу отъ самого царя» [1]).

Но благочестивый царь не ограничивался въ своемъ отношеніи къ христіанству только попечительностью о внѣшнемъ его возвеличеніи; его озабочивала и внутренняя жизнь Христовой Церкви. Церковь, по мысли Константина, должна служить важнѣйшею опорою жизни государственной; религіозное единство должно быть могучимъ залогомъ преуспѣянія имперіи. Церковь, блистая величіемъ и внѣшнимъ благолѣпіемъ, своимъ внутреннимъ миромъ должна привлекать къ себѣ языческое населеніе, постепенно обращая все государство въ одинъ внутренно-сплоченный организмъ, оживотворяемый Единымъ Духомъ Христовымъ. Такое единство и благостояніе Церкви «давали заботливому царю мирные дни и спокойныя ночи», въ томъ онъ видѣлъ счастіе и свое, и всѣхъ подвластныхъ ему народовъ міра.

Не всегда, однако, и не легко давались великому императору эти «мирные дни и спокойныя ночи». Въ его время Церковь Христова, увѣнчанная уже побѣднымъ вѣнцомъ мученичества и получившая право гражданскаго существованія даже съ преимуществами предъ язычествомъ, возмущаема была внутренними нестроеніями, зародившимися и созрѣвшими еще въ тяжкую годину гоненій. Едва воцарился Константинъ въ Римѣ, какъ съ удивленіемъ и скорбію узналъ онъ, что цѣлая область его имперіи обуревается междоусобіемъ чадъ Единаго Отца.—Среди христіанъ въ Африкѣ возгорѣлась борьба изъ-за поставленія епископомъ Карѳагенскимъ Цециліана—«предателя» [2]); его противники избрали себѣ епископомъ Маіорина, а вскорѣ—по смерти Маіорина—возвели на его мѣсто главнаго зачинщика своего противленія Доната [3]). Привер-

[1]) Евсевій, Жизнь Константина. Кн. III, гл. 26—40.

[2]) Такое наименованіе усвоялось христіанами во время гоненій тѣмъ, кто по страху выдавалъ язычникамъ предметы своего религіознаго почтенія: о Цециліанѣ говорили, будто онъ выдалъ гонителямъ Священныя Книги,—оговоръ этотъ оказался ложнымъ.

[3]) *Донатъ* былъ пресвитеромъ въ Карѳагенѣ.

женцы послѣдняго — донатисты, сблизившись съ новаціанами[1]), утверждали, что только они составляютъ Церковь Христову, и въ изступленномъ фанатизмѣ не стѣснялись возводить клеветы на своихъ противниковъ, даже насильно отнимать у нихъ храмы; дѣло доходило нерѣдко до кровопролитія между враждующими сторонами. Для примиренія ихъ и разсмотрѣнія ихъ взаимныхъ жалобъ Константинъ сначала посылалъ въ Карѳагенъ своего «любимаго и уважаемаго» епископа Осію[2]), поручая ему въ то же время раздать денежную помощь тамошнимъ бѣдствующимъ христіанамъ[3]); потомъ по именному приказанію императора по дѣлу донатистовъ собраны были два Собора: малый — въ Римѣ и «изъ многихъ епископовъ разныхъ мѣстъ» — въ Арелатѣ[4]). Судъ, произнесенный на непокойныхъ раскольниковъ этими Соборами, подтвержденъ былъ наконецъ въ Миланѣ въ 316 году подъ личнымъ предсѣдательствомъ Константина, и дѣло, по-видимому, уладилось.

Но чѣмъ болѣе благочестивый царь знакомился съ наличнымъ положеніемъ христіанства, тѣмъ менѣе оно оправдывало его идеальное представленіе о святомъ единствѣ чадъ Христовой Церкви. Дѣло донатистовъ, обезпокоившее Константина на первыхъ шагахъ его царствованія, имѣло значеніе не столько по существу, сколько по страстности борцовъ. Въ 323 году послѣ побѣды надъ Ликиніемъ, сдѣлавшись единовластителемъ всей имперіи, Константинъ шелъ на Востокъ, проникнутый искреннимъ желаніемъ перестроить все государство заново, на лучшихъ, болѣе твердыхъ началахъ. Въ своихъ планахъ онъ первое мѣсто отводилъ христіанской Церкви, которая, по его мысли, должна была духовно объединить политически сплоченную міровую имперію. Но тамъ, на Востокѣ, его постигло разочарованіе болѣе жестокое, чѣмъ на Западѣ. Онъ прибылъ сюда въ такое время, когда споры, возбужденные ересью Арія[5]), ничѣмъ не сдерживаемые, достигли край-

---

1) *Новаціане* учили, что падшихъ во время гоненій и вообще согрѣшающихъ тяжко — «смертно» нужно принимать въ общеніе съ Церковію не черезъ покаяніе, а чрезъ повторное Крещеніе.

2) *Осія* — родомъ изъ Испаніи, епископствовавшій болѣе 50-ти лѣтъ, въ Діоклетіаново гоненіе прославился какъ исповѣдникъ за Христа. Онъ былъ епископомъ Кордубы. Императоръ Константинъ призвалъ его къ своему двору и окружилъ его любовію и довѣріемъ. Въ христіанскомъ обществѣ тогда широко было распространено мнѣніе о сильномъ вліяніи на Константина этого любимаго имъ совѣтника (Церк. Ист. Сократа 1, 7).

3) Евсевій, Церковная Исторія. Кн. X, 6. 4) Тамъ же. Кн. X, 5.

5) *Арій* богохульно училъ, что Іисусъ Христосъ не есть Богъ вѣчный и безначальный, что Онъ не единосущенъ Отцу и есть Его твореніе, — было время, когда Его не было. Арій получилъ богословское образованіе въ Антіохіи въ школѣ мученика Лукіана;

няго своего развитія. Евсевій такъ изображаетъ это время: «Не только предстоятели церквей вступали другъ съ другомъ въ пренія, но и народъ раздѣлился; ходъ событій дошелъ до такого неприличія, что божественное ученіе подвергалось оскорбительнымъ насмѣшкамъ даже въ языческихъ театрахъ». Время это было благопріятно для дѣятельности хулителей Божества Господа Іисуса Христа. Ликиній—шуринъ Константина, отживавшій тогда послѣдніе годы своего царствованія, подписавшій нѣкогда съ Константиномъ миланскій указъ о вѣротерпимости, подозрительно относился къ христіанамъ вообще — какъ людямъ въ отношеніи къ нему неблагонадежнымъ, ненавидѣлъ и даже жестоко гналъ ихъ. Во взаимныхъ же ихъ раздорахъ, вызванныхъ аріанскою ересью, онъ могъ усматривать явленіе желательное, полезное для себя. Споры эти, ослабляя силы Церкви, могли порождать у него надежду на поддержку ему въ его замыслахъ противъ могущественнаго шурина. И такіе разсчеты Ликинія были не напрасны. О епископѣ Евсевіи Никомидійскомъ самъ Константинъ, напримѣръ, отзывался такъ: «Онъ даже подсылалъ ко мнѣ соглядатаевъ и подавалъ тирану (Ликинію) чуть не вооруженную помощь»[1]).

Прибывъ въ Никомидію, Константинъ глубоко пораженъ былъ раздорами, возбужденными аріанствомъ. Впрочемъ, онъ не сразу понялъ важность этихъ событій. И самъ онъ и прибывшіе съ

ставъ пресвитеромъ въ Александріи, онъ тамъ обратилъ на себя общее вниманіе какъ умственными дарованіями, такъ и своею строго воздержною жизнію. Гордый умомъ и ученостью, Арій не внималъ вразумленіямъ и увѣщаніямъ своего епископа Александра; не покорился онъ и Собору, созванному епископомъ и осудившему его. Мало того, обольщая клиръ и народъ своимъ краснорѣчіемъ, онъ постарался перебросить плевелы своего лжеученія и за предѣлы своей Помѣстной Церкви. Имѣя немалочисленныхъ приверженцевъ, онъ отправилъ посольство съ жалобой ко многимъ епископамъ Восточныхъ Церквей. Тамъ нашлись у него сторонники, во главѣ которыхъ оказался Евсевій Никомидійскій, ранѣе знакомый съ Аріемъ по школѣ Лукіана,— «мужъ ученый», притомъ же родственникъ царской фамиліи и потому человѣкъ вліятельный. Евсевій, епископъ столицы (это было еще тогда, когда живъ былъ императоръ Ликиній, резиденціей коего была Никомидія), не признаъ авторитета суда Александрійскаго епископа. Въ письмѣ Арію онъ отвѣчалъ: «Прекрасно мудрствуя, желай, чтобы всѣ такъ мудрствовали, потому что всякому ясно, что сотвореннаго не было, пока оно не приведено въ бытіе; приведенное же въ бытіе имѣетъ начало». Епископъ Александрійскій оказался поэтому въ печальномъ положеніи; около 318 года Александръ рѣшился на крайнюю мѣру — созвалъ Соборъ изъ ста епископовъ; отлучилъ Арія и его приверженцевъ отъ Церкви; изгналъ богохульника изъ Александріи и въ окружномъ посланіи объявилъ о томъ по всѣмъ церквамъ (см. Богосл. Вѣст. 1906 г. Декабрь, ст. А. А. Спасскаго, стр. 584). Мѣра эта еще болѣе распалила аріанскіе споры и разнесла ихъ пламя по всему Востоку. Дѣло Арія теперь утрачивало мѣстный характеръ и получало общее церковное значеніе.

[1]) Богосл. Вѣстникъ 1906 г. Дек., стр. 594.

нимъ съ Запада таинники божественнаго ученія получали здѣсь одностороннее освѣщеніе дѣла Арія отъ никомидійцевъ, которые въ догматическихъ вопросахъ видѣли не предметъ благочестивой вѣры, имѣющій жизненное значеніе, а область научнаго изслѣдованія и даже пустаго словопренія. Тѣмъ не менѣе Константинъ не оставилъ безъ вниманія аріанскаго дѣла; на первыхъ порахъ онъ отправилъ обширное примирительное посланіе въ Александрію съ убѣдительною просьбою къ епископу Александру и Арію прекратить взаимный раздоръ. По мнѣнію царя, неправъ былъ и епископъ по своей неосторожности и рѣзкимъ вопрошеніямъ, виноватъ и Арій, что расторгъ общеніе, не покоряясь епископу; онъ рекомендуетъ обоимъ взять примѣръ съ философовъ, которые, хотя и спорятъ между собою, но уживаются мирно. Притомъ же оба они стоятъ на общей почвѣ: оба признаютъ божественное Провидѣніе, а потому имъ легко примириться[1])...

Вмѣстѣ съ этимъ посланіемъ Константинъ отправилъ въ Александрію своего «любимаго» епископа Осію, который долженъ былъ изслѣдовать это дѣло на мѣстѣ и содѣйствовать умиротворенію александрійцевъ. Осія исполнилъ порученіе императора.—Правда, онъ не примирилъ противниковъ, зато изъ разслѣдованія споровъ онъ вынесъ убѣжденіе, что ересь Арія—не праздное пустословіе, а угрожаетъ потрясеніемъ основъ христіанской вѣры—ведетъ къ отрицанію всего христіанства. Въ 324 году Осія Кордубскій возвратился къ царю и разъяснилъ ему серьезную опасность аріанскаго движенія. Тогда Константинъ рѣшился созвать Вселенскій Соборъ, который, по его мнѣнію, оставался единственнымъ средствомъ къ умиротворенію Церкви. По мысли царя, Соборъ этотъ, «выступая войною противъ главнаго врага», возмущавшаго тогда миръ Церкви, — хульной аріанской ереси, долженъ былъ разсмотрѣть и другіе вопросы и дать отвѣты—опредѣленія по устроенію внутренней жизни христіанъ[2]).

Вселенскому Собору властію царя опредѣлено быть въ городѣ Никеѣ[3]). Константинъ сдѣлалъ все, чтобы облегчить созываемымъ

---

[1]) Евсевій, Жизнь Константина. Кн. II, 64—72.

[2]) Евсевій, Жизнь Константина. Кн. III, 17. V, 6.

[3]) *Никея*, нынѣ *Исникъ* (εἰς—νικαί—αν) бѣдное селеніе, тогда была обширнымъ и богатымъ городомъ, главнымъ въ Виенской приморской областв; съ моремъ она сообщалась посредствомъ озера и была одинаково хорошо доступна съ моря и суши; тамъ былъ обширный императорскій дворецъ и находилось много зданій, гдѣ свободно могли помѣститься собравшіеся на Соборъ епископы и клирики; Никея отстояла всего на 20 миль отъ Никомидіи, тогдашней резиденціи императора, которому, такимъ обра-

епископамъ путешествіе къ мѣсту собранія, содержаніе же прибывшихъ въ Никею онъ принялъ на счетъ государства. Въ Никею прибыли святители изъ Египта и Палестины, изъ Сиріи и Месопотаміи, изъ Малой Азіи, Греціи, Персіи и Арменіи и отъ Задунайскихъ Готѳовъ; изъ Рима, вмѣсто престарѣлаго епископа, прибыли два пресвитера. Среди собравшихся святителей были: престарѣлый Александръ Александрійскій, первый обличитель Арія, привезшій съ собою архидіакона Аѳанасія—мужественнаго и искуснаго борца съ аріанами (впослѣдствіи Великаго архіепископа Александрійскаго), святитель ликійскаго города Мѵръ Николай, святитель Спиридонъ чудотворецъ. Всего на Соборъ прибыли (съ епископами были пресвитеры и діаконы) болѣе 2000 человѣкъ и однихъ святителей было 318[1]).

Соборъ открылся въ іюнѣ 325 года въ обширной палатѣ царскаго дворца. Скамьи стояли вокругъ комнаты для епископовъ, а посреди—столъ, на которомъ лежала книга Священнаго Писанія—какъ вѣрное свидѣтельствованіе Истины. Когда всѣ собрались, явился Константинъ во всемъ величіи своего императорскаго сана, но безъ вооруженной стражи, въ сопровожденіи придворныхъ изъ христіанъ, облаченный въ самыя пышныя царскія одежды, блиставшія золотомъ и драгоцѣнными камнями. Появленіе его поразило собраніе и особенно тѣхъ изъ присутствовавшихъ на немъ, которые, прибывъ изъ дальнихъ странъ, никогда не видали ни его царскаго лица, ни царственнаго величія; но и самъ онъ смутился при видѣ такого собранія славныхъ пастырей Церкви Христовой, среди которыхъ находились строгіе подвижники и чудотворцы, исповѣдники и мученики съ обожженными руками и прободенными очами[2]), пострадавшіе за вѣру. Молча, съ поникшимъ взоромъ, подошелъ онъ къ приготовленному для него золотому креслу и стоя ждалъ, пока святители не пригласили его сѣсть. Выслушавъ затѣмъ

зомъ, представлялось большое удобство для участія въ Соборѣ. На избраніе Никеи мѣстомъ Собора, по намеку Евсевія, повліяло будто и самое ея имя — *побѣда* (въ русскомъ переводѣ). Евсевій, Жизнь Константина. Кн. III, 6.

[1]) Число отцевъ Собора не одинаково показывается историками; Евсевій (Жизнь Константина III, 8) напримѣръ насчитываетъ ихъ до 250; св. Аѳанасій Александрійскій въ своихъ сочиненіяхъ и самъ императоръ говорятъ о 300. Цифра 318 названа св. Аѳанасіемъ въ одномъ его посланіи къ Африкан. Церкви; въ своемъ греческомъ начертаніи—ΤΙΗ—она напоминаетъ «крестъ Іисуса», потому и принята въ общее употребленіе, такъ что и Никейскій Соборъ получилъ названіе—Соборъ 318-ти Отцевъ.

[2]) Гонители христіанъ между прочимъ выкалывали у особенно выдающихся ревнителей вѣры по одному глазу, налагая тѣмъ, по ихъ мнѣнію, «позорное» клеймо.

привѣтственно-благодарныя рѣчи Евстаѳія Антіохійскаго и историка Евсевія Кесарійскаго, Константинъ самъ обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой выражалъ свою радость, что видитъ такое великое собраніе отцовъ, и умолялъ ихъ разрѣшить миролюбиво спорные вопросы. «Богъ помогъ мнѣ,—говорилъ онъ,—низложить нечестивую власть гонителей, но несравненно прискорбнѣе для меня всякой войны, всякой кровопролитной битвы и несравненно пагубнѣе внутренняя междоусобная брань въ Церкви Божіей».

Аріане шли на Соборъ и держали себя на немъ смѣло и увѣренно; они не предвидѣли, что ихъ дѣлу предстоитъ полный и всесторонній разгромъ; напротивъ, они ожидали въ своихъ замыслахъ счастливаго успѣха: они имѣли на своей сторонѣ до 17 епископовъ; во главѣ ихъ былъ столичный архіерей, имѣвшій связи во дворцѣ царскомъ. Аріане надѣялись, что Соборъ, если и не согласится съ ихъ воззрѣніями, то и не придастъ ихъ строгому осужденію. Арій упорно защищалъ свое ученіе, употребляя всю силу своего краснорѣчія. Но непоколебимая, убѣжденная преданность истинному церковному ученію отцовъ Собора посрамила лживую премудрость богохульника. Защитники Православія хорошо понимали, въ чемъ состоитъ сущность аріанской ереси, и достойно, съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ и истинно просвѣщеннымъ разумѣніемъ опровергали ее. Особенною силою слова и мѣткостію въ изобличеніи еретическаго буесловія отличался при этомъ александрійскій діаконъ Аѳанасій: его слово расторгало, какъ легкую паутину, хитрословесіе еретика. Споры были жаркіе и продолжительные; тщетно Константинъ употреблялъ свое вліяніе, чтобы согласить спорящихъ и привести къ дружелюбному рѣшенію спора; чѣмъ далѣе продолжались пренія, тѣмъ очевиднѣе становилось, какъ далеко уклонились аріане отъ истины.—Предложенное Собору Евсевіемъ Никомидійскимъ—главою аріанъ—изложеніе вѣры (πίστεως διδασκαλία), гдѣ опредѣленно выражалась мысль, что Сынъ Божій есть «произведеніе», «тварь» и «было время, когда Его не было», единодушно было отвергнуто отцами Собора какъ лживое и нечестивое; самый свитокъ, на которомъ оно было написано, былъ разорванъ.

Безповоротно осудивъ, такимъ образомъ, аріанство, отцы Собора рѣшили дать вѣрующимъ точное исповѣданіе православнаго ученія—Символъ Вѣры. Евсевій, епископъ Кесарійскій, представилъ

ихъ вниманію «Крещальный символъ», который съ давняго времени употреблялся въ его церкви и былъ изложенъ почти исключительно выраженіями, взятыми изъ Святаго Писанія. Отцы встрѣтили этотъ Символъ съ одобреніемъ; но чтобы съ рѣшительностію устранить возможность вкладыванія въ него еретической мысли, они признали нужнымъ замѣнить нѣкоторыя общія выраженія въ немъ такими, которыя бы въ совершенствѣ опредѣляли церковную истину. Присутствовавшій на Соборѣ императоръ присоединился къ отцамъ въ одобреніи Кесарійскаго символа и исповѣдалъ свое полное согласіе съ нимъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ Константинъ предложилъ внести въ Символъ формулу, на которой останавливались вожди Церкви еще на предварительныхъ совѣщаніяхъ для выраженія церковной мысли о Сынѣ Божіемъ и Его отношеніи къ Богу-Отцу, — наименованіе Его *единосущнымъ* Отцу. Слово, сказанное царемъ, единодушно было принято Соборомъ и послужило опредѣлительною основою ученія о Лицѣ Господа Іисуса, центральнаго христіанскаго догмата.

Символъ «крещальный» былъ исправленъ и Соборомъ изложенъ новый, Никейскій Символъ Вѣры, непререкаемый для всей Вселенской Церкви.

Заключительное торжественное собраніе отцевъ въ Никеѣ состоялось въ императорскомъ дворцѣ 25 августа 325 года; оно совпало съ 20-лѣтнимъ юбилеемъ царствованія Константина[1]).

Отпуская отцевъ Собора, Константинъ въ прощальной рѣчи къ нимъ умолялъ ихъ имѣть миръ между собою.

— Берегитесь,—говорилъ онъ,—горькихъ между вами споровъ. Пусть никто не имѣетъ зависти къ явившимъ особенную мудрость: достоинство каждаго—считайте общимъ достояніемъ всей Церкви. Высшіе и превосходные, не смотрите высокомѣрно на низшихъ: Богу одному вѣдомо, кто превосходнѣе. Совершенство рѣдко гдѣ бываетъ, и надо имѣть снисхожденіе къ слабѣйшимъ братіямъ; мирное согласіе дороже всего. Спасая невѣрующихъ, помните, что не всякаго можно обратить ученымъ разсужденіемъ,— наученія надобно сообразовать съ различными расположеніями каждаго, подобно врачамъ примѣняющимъ свои лѣкарства къ различнымъ болѣзнямъ.

Исполнилось, такимъ образомъ, завѣтное желаніе благочестиваго императора, которое онъ исповѣдалъ, однажды даже приводя

[1]) Евсевій, Жизнь Константина. Кн. III, гл. 15.

Самого Бога во свидѣтели,—желаніе: «ученіе всѣхъ народовъ его державы о Божествѣ соединить въ одинъ общій строй». Великая мысль, подсказываемая царю его святымъ религіознымъ чувствомъ, осуществленіе которой онъ ставилъ для себя жизненной задачей съ задушевнымъ желаніемъ[1]),—эта, поразительная по возвышенности содержанія и широтѣ объема, мысль Великаго Константина теперь введена была въ общее сознаніе, стала достояніемъ всего христіанскаго міра. Мало того—для осуществленія этой мысли въ христіанской жизни благочестивый царь указалъ и вѣрнѣйшій путь—Вселенскій Соборъ, шествуя по которому овцы пажити Христовой, какъ уже званныя, такъ и иныя—еще не званныя, по благодати Божіей, безошибочно входятъ во дворъ Небеснаго Отца для истинной жизни[2]). И это истинно побѣдное торжество равноапостольнаго царя еще возглавилось тогда же отраднымъ для него полученіемъ безцѣннаго сокровища—частицы Животворящаго Креста Господня, привезенной изъ Іерусалима ему въ даръ матерью царицею Еленою.

Константинъ жилъ послѣ того еще болѣе 10 лѣтъ и во все это время своего царствованія съ неизмѣнною вѣрностію держался Никейскаго исповѣданія вѣры[3]) и ревностно старался утверждать духъ христіанскаго благочестія въ своемъ царствѣ, въ себѣ самомъ представляя примѣръ, достойный подражанія. Обладая основательнымъ общимъ образованіемъ и богословскимъ въ частности, онъ велъ обширную переписку съ предстоятелями Церквей по предметамъ вѣры и благочестія и устроенія христіанской жизни, а нерѣдко въ своемъ дворцѣ выступалъ предъ собраніемъ царедворцевъ и народа даже съ «боголѣпнымъ» учительствомъ[4]). Трудолюбіе его было необычайно, праздности онъ не терпѣлъ: уже и въ преклонномъ возрастѣ онъ не почиталъ бременемъ для себя даже собственноручно писать обширные законодательные акты[5]). Правдиво-великодушный по природѣ своей и скромный онъ не прельщался своимъ царскимъ величіемъ и шумными восторгами народной толпы,—эти восторги наводили на него даже скуку. Стоя на высокомъ уровнѣ нравственнаго развитія, Константинъ хотѣлъ

---

[1]) Евсевій, Жизнь Константина. Кн. II, гл. 65.

[2]) Еванг. отъ Іоан., гл. 10, ст. 9.

[3]) Аріанская ересь и послѣ Собора не замерла окончательно. Аріане при своей лукавой изворотливости входили иногда въ довѣріе царя и, злоупотребляя его великодушіемъ и миролюбіемъ, производили по временамъ непристойныя нападки на православныхъ; особенно св. Аѳанасій Великій много терпѣлъ отъ нихъ.

[4]) Евсевій, Жизнь Константина. Кн. IV, гл. 55;

[5]) Евсевій, Жизнь Константина. Кн. IV, гл. 47.

поднять до того же уровня и всѣхъ, которые приходили въ соприкосновеніе съ нимъ. Такъ однажды нѣкоего вельможу-лихоимца онъ вразумилъ такимъ способомъ: пригласивъ къ себѣ, онъ взялъ его за руку и сказалъ:

— До какихъ предѣловъ мы будемъ простирать свою алчность?

Потомъ промолвилъ, очертивъ копьемъ пространство въ ростъ человѣка:

— Если бы ты пріобрѣлъ всѣ богатства міра и овладѣлъ всѣми стихіями земли — и тогда не воспользуешься ничѣмъ болѣе такого куска земли, да и то—еще удостоишься ли получить и это! [1])

Другой примѣръ: выслушавъ льстивую рѣчь одного почетнаго лица (изъ духовныхъ), которое называло царя «блаженнымъ» и выражало, что «онъ и въ сей жизни удостоился самодержавнаго надъ всѣми владычества и въ будущей станетъ управлять вмѣстѣ съ Сыномъ Божіимъ», Константинъ отвѣтилъ ласкателю:

— Ты лучше помолись о царѣ, чтобы и онъ въ будущей жизни удостоился быть рабомъ Божіимъ [2]).

Благотворительность царя, по свидѣтельству современника, лилась широкимъ потокомъ, «съ утра до вечера онъ изыскивалъ, кому бы оказать благодѣяніе» [3]); нищихъ и вообще людей, выброшенныхъ на улицу, онъ снабжалъ и деньгами, и пищей, и приличной одеждой; о дѣтяхъ осиротѣвшихъ онъ заботился вмѣсто отца; дѣвъ, лишившихся родителей, устроялъ въ замужество, снабжая ихъ приданымъ изъ своей казны [4]). Особенно много дѣлалъ онъ благотвореній въ день Пасхи. Въ новой своей столицѣ Константинъ ввелъ обычай, чтобы въ пасхальную ночь по всѣмъ ея улицамъ возжигались высокіе восковые столбы — «какъ бы огненные лампады», такъ что таинственная ночь становилась свѣтлѣе самаго дня, а лишь только наступало утро, Константинъ ко всѣмъ неимущимъ простиралъ свою десницу, раздавая имъ подарки [5]). Съ такою же щедростью царь раздавалъ милостыню и по случаю своихъ семейныхъ радостныхъ событій, напримѣръ,— брака его сыновей; въ послѣднихъ случаяхъ—устроялись роскошныя пиры и обѣды для приглашенныхъ гостей, веселье тогда изъ дворца выносилось даже на улицу, царь привѣтливо принималъ хороводы женщинъ. Но при царѣ всегда и во всемъ

---

[1]) Евсевій, Жизнь Константина. Кн. IV, гл. 30; [2]) IV, 48; [3]) IV, 27; [4]) I, 43. [5]) IV, 22.

соблюдалась полная благопристойность и не допускалось ничего нескромнаго и соблазнительнаго[1]).

Послѣдніе годы и особенно дни жизни царя Константина и его кончина были достойнымъ завершеніемъ его христіанской благочестивой настроенности. Еще задолго до смерти Константинъ началъ готовиться къ ней. Въ новой своей столицѣ онъ построилъ храмъ во имя Святыхъ Апостоловъ. Храмъ этотъ украшенъ былъ между прочимъ двѣнадцатью ковчегами во славу лика апостольскаго, а посреди этихъ ковчеговъ устроена была гробница. Сначала оставалось неяснымъ, для чего здѣсь устроена была гробница, а потомъ это разъяснилось и оказалось, что эту гробницу благочестивый царь устроилъ для самого себя[2]). Мысль о смерти стала для Константина предметомъ напряженнаго размышленія, какъ только онъ началъ чувствовать упадокъ своихъ физическихъ силъ[3]). Въ 337 году Константинъ въ послѣдній разъ торжественно отпраздновалъ въ Константинополѣ Пасху и вскорѣ занемогъ. Предчувствуя близкую кончину, онъ всецѣло предался святымъ упражненіямъ: часто преклоняя колѣна, ревностно изливалъ горячія молитвы предъ Богомъ[4]); по совѣту же врачей онъ переѣхалъ въ это время въ городъ Елеонополь[5]), чтобы лѣчиться тамъ теплыми ваннами.

Но Константинъ до сего еще времени не былъ крещенъ!—Это въ наше время и для насъ можетъ казаться явленіемъ весьма страннымъ, но въ древнія времена Церкви христіанской многіе принимали Крещеніе въ зрѣлыхъ лѣтахъ или даже въ старости, одни—по чувству глубокаго уваженія къ великому Таинству, для воспріятія котораго считали необходимымъ долгое приготовленіе; другіе же не безъ лукаваго похотѣнія—пожить сначала въ свое грѣховное удовольствіе, а потомъ уже и возродиться для новой духовной жизни (Богъ имъ Судія!). Константинъ, съ юныхъ лѣтъ носившій въ сердцѣ своемъ Христа, издавна сдѣлавшись въ душѣ христіаниномъ, отлагалъ свое Крещеніе по смиренному сознанію своей грѣховности, желая подвигомъ цѣлой жизни приготовить себя для этого. Притомъ же въ душѣ его хранилось искреннее желаніе креститься въ водахъ рѣки Іордана.

Не получая облегченія въ Елеонополѣ и чувствуя крайній упадокъ тѣлесныхъ силъ, Константинъ переправился въ Никомидію и здѣсь, созвавъ епископовъ, просилъ ихъ удостоить его святаго Крещенія.

Предъ Крещеніемъ умирающій царь произнесъ такую рѣчь:

— Пришло желанное время, котораго я давно жажду и о которомъ молюсь какъ о времени спасенія. Пора и намъ принять печать безсмертія, пріобщиться спасительной благодати. Я думалъ сдѣлать это въ водахъ рѣки Іорданъ, гдѣ, въ образъ намъ, принялъ Крещеніе Самъ Спаситель; но Богъ, вѣдающій полезное, удостоиваетъ меня этого здѣсь.

Принявъ Святое Крещеніе, Константинъ «ликовалъ духомъ, сердце его было полно живой радости. Облеченный при Крещеніи въ бѣлую одежду, блиставшую подобно свѣту, онъ не снималъ ея уже до смерти. Опочилъ онъ на ложѣ, покрытомъ бѣлыми покрывалами, багряницы же—этого царскаго отличія—«рабъ Божій» уже не восхотѣлъ и касаться. Свою послѣднюю благодарственную молитву, «возвысивъ голосъ», царь заключилъ такими словами:

— Теперь я сознаю себя истинно блаженнымъ, ибо имѣю несомнѣнную вѣру, что я пріобщился Божественнаго свѣта и удостоился жизни безсмертной[6]).

Великій и равноапостольный Константинъ скончался, завѣщавъ царство тремъ своимъ сыновьямъ, въ самый день Пятидесятницы 337 года, на тридцать второмъ году своего царствованія, имѣя шестьдесятъ пять лѣтъ отъ рожденія. Тѣло его съ великимъ торжествомъ перенесено было въ созданный имъ градъ Константинополь и положено, согласно его завѣту, въ церкви Святыхъ Апостоловъ въ гробницѣ, имъ самимъ уготованной. Нынѣ же онъ живетъ безконечною жизнію въ вѣчномъ Царствѣ Христа Бога нашего, Которому со Отцемъ и Святымъ Духомъ честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1]) Евсевій, Жизнь Константина. Кн. IV, гл. 49; [2]) гл. 60; [3]) гл. 55; [4]) гл. 61.

[5]) *Городъ Елеонополь* находился недалеко отъ Никомидіи.

[6]) Евсевій, Жизнь Константина. Кн. IV, гл. 62, 63, 64.

Тропа́рь, гла́съ и҃:

Кр҃та̀ твоегѡ̀ ѡ҆́бразъ на нб҃сѝ ви́дѣвъ и҆ ꙗ҆́коже па́ѵелъ зва́нїе не ѿ человѣ́къ прїе́мъ, во царѣ́хъ а҆пл҃ъ тво́й гдⷭ҇и, ца́рствꙋющїй гра́дъ въ рꙋцѣ̀ твое́й положѝ: є҆го́же сп҃са́й всегда̀ въ ми́рѣ, мл҃твами бцⷭ҇ы, є҆ди́не чл҃вѣколю́бче.

Конда́къ, гла́съ г҃:

Ко҃нстантїнъ дне́сь съ ма́терїю є҆ле́ною, кр҃тъ ꙗ҆влѧ́ютъ всечⷭ҇тно́е дре́во, всѣ́хъ ᲂу҆́бѡ і҆ꙋде́ѡвъ посрамле́нїе сꙋ́ще, ѻ҆рꙋ́жїе же на проти́вныѧ вѣ́рныхъ царе́й: на́съ бо ра́ди ꙗ҆ви́сѧ зна́менїе ве́лїе, и҆ во бране́хъ гро́зное.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО БЛАГОВѢРНАГО КНЯЗЯ

КОНСТАНТИНА

и чадъ его: МИХАИЛА и ѲЕОДОРА,

Муромскихъ чудотворцевъ

Сей святый благовѣрный Великій князь Константинъ Святославичъ происходилъ изъ рода Великаго Князя Владиміра, крестившаго Святымъ Крещеніемъ землю Русскую. Въ 1192 году[1]) вмѣстѣ съ сыновьями своими князьями Михаиломъ и Ѳеодоромъ изъ славнаго города Кіева онъ пришелъ въ рязанскую землю къ городу Мурому. Въ этомъ городѣ жили въ то время язычники, не просвѣщенные еще познаніемъ Истиннаго Бога[2]). Задолго еще до святаго кня-

[1]) *Константинъ—Ярославъ Святославичъ* былъ младшій сынъ Святослава Ярославича, сперва князя Черниговскаго, а затѣмъ Великаго князя Кіевскаго (1073—1077), внукъ Ярослава Великаго и правнукъ Владиміра святаго. Приговоромъ князей на Любечскомъ княжескомъ съѣздѣ въ 1097 году Муромъ былъ утвержденъ за Константиномъ—Ярославомъ. Онъ послѣ святаго Глѣба былъ первымъ княземъ Муромскимъ и родоначальникомъ послѣдующаго дома князей Муромскихъ и Рязанскихъ. Святый Константинъ княжилъ въ Муромѣ съ 1096 г. до своей кончины, послѣдовавшей въ 1129 году. Указаніе въ Прологѣ на 1192 годъ (1092?) какъ на годъ прибытія святаго князя въ Мурому слѣдуетъ считать ошибочнымъ.

[2]) *Муромъ* — центръ сѣверной Ростово-Суздальской области,—нынѣ незначительный уѣздный городъ Владимірской губерніи,—въ древнее время принадлежалъ къ поселеніямъ

зя Константина родственникъ его, сынъ Великаго Князя Владиміра благовѣрный князь Глѣбъ, которому назначенъ былъ во владѣніе городъ Муромъ, употребилъ много усилій, чтобы овладѣть имъ и склонить его жителей къ принятію Святаго Крещенія, но не смогъ этого сдѣлать и два года жилъ вдали отъ него на разстояніи двухъ поприщъ[1]), а потомъ Святополкъ обманомъ вызвалъ его къ отцу, и на пути онъ былъ убитъ[2]). И сей святый благовѣрный князь Константинъ съ сыновьями и бывшимъ при немъ войскомъ вступилъ въ битву съ муромцами подъ самымъ городомъ, и произошло весьма большое сраженіе, въ которомъ былъ убитъ благовѣрный князь Михаилъ. Послѣ сего онъ снова вступилъ въ битву съ жителями города и послѣ одержанной надъ ними побѣды взялъ Муромъ во владѣніе себѣ и сталъ въ немъ княжить.

СТЫЙ КНЯЗЬ КѲНСТАНТІНЪ
И ЧАДА ЕГѲ
МІХАИЛЪ И ѲЕОДѲРЪ

Прежде всего онъ построилъ въ городѣ, въ старой горной части его, первую церковь — въ честь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы — и похоронилъ здѣсь убитаго сына своего, благовѣр-

---

финскихъ племенъ, каковы мурома, меря и мордва; несмотря на то, что городъ былъ населенъ инородцами-язычниками, въ немъ былъ уже существующій до настоящаго времени Спасскій монастырь. Въ Лаврентьевской лѣтописи о немъ упоминается подъ 1096 годомъ. Есть основаніе думать, что онъ былъ основанъ трудами черниговскихъ епископовъ, такъ какъ Муромъ принадлежалъ къ удѣлу Черниговскихъ князей.

[1]) *Поприще* — мѣра разстоянія въ 690 саженей. Думаютъ, что, встрѣтивъ сопротивленіе муромцевъ, святый Глѣбъ поселился на рѣкѣ Ишнѣ, въ 12 верстахъ отъ Мурома.

[2]) Кончина святаго князя Глѣба послѣдовала въ 1015 году. Память его празднуется 5 сентября.

наго князя Михаила, а потомъ обратилъ горожанъ-язычниковъ въ христіанскую вѣру и крестилъ ихъ Святымъ Крещеніемъ. Возблагодаривъ Бога за успѣхъ въ этомъ дѣлѣ, святый князь построилъ впослѣдствіи много другихъ церквей[1]) и учредилъ въ своемъ городѣ епископскую каѳедру. Проведши затѣмъ жизнь свою въ истинной вѣрѣ и непорочности во всемъ, являясь всегда защитникомъ бѣдныхъ и сиротъ, онъ вскорѣ отошелъ ко Господу. Его кончина причинила великую скорбь народу. Всѣ оплакивали его, какъ отца, и похоронили у построенной имъ церкви Благовѣщенія, вблизи сыновей его—благовѣрныхъ князей Михаила и Ѳеодора.

Впослѣдствіи времени родственникъ святаго князя Константина, благовѣрный князь Георгій Ярославичъ, возобновилъ первоначальную церковь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы[2]), и съ того времени прославилъ Господь святыхъ князей—Константина и сыновей его, такъ какъ у гробовъ ихъ стали совершаться чудеса.

Спустя много лѣтъ послѣ сего, въ 1553 году, благовѣрный царь и Великій Князь всея Россіи Іоаннъ Васильевичъ, идя въ походъ противъ нечестивыхъ Татаръ къ городу Казани, зашелъ въ городъ Муромъ и пробылъ здѣсь двѣ недѣли. Совершивъ молебствіе у гробовъ святыхъ чудотворцевъ, онъ далъ обѣщаніе построить монастырь, если возвратится изъ похода съ побѣдою. Съ Божіею помощію онъ взялъ славный городъ Казань и, возвратившись въ свой царственный городъ Москву, повелѣлъ у гробовъ святыхъ чудотворцевъ построить каменную церковь. И когда стали копать рвы для этой церкви, то нашли мощи святыхъ князей цѣлыми и нисколько не поврежденными. По окончаніи постройки церкви въ нишѣ церковной стѣны было устроено особое мѣсто, гдѣ и положены были святыя мощи ихъ. Благовѣрный царь и Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ, всея Россіи самодержецъ, повелѣлъ тогда Рязанскому епископу Гурію освятить новопостроенный храмъ и прислалъ къ освященію его различную церковную утварь. Храмъ былъ освященъ, устроенъ при немъ монастырь, и съ торжествомъ было отпраздновано это событіе. Въ то время у гробовъ святыхъ князей совершилось много чудесъ, которыя совершаются и донынѣ во славу Христа Бога.

---

[1]) Такъ, имъ построена церковь во имя святыхъ Бориса и Глѣба.

[2]) Возобновленіе Благовѣщенскаго храма Юріемъ Ярославичемъ относится къ 1351 году.

Тропа́рь, гла́съ д҃:

Ко́нстантінъ дне́сь ве́селѡ ликовствꙋ́етъ[1]), предстоѧ̀ пр҃то́лꙋ ст҃ыѧ тр҃цы, ви́дѧ ѻ҆те́чествїе своѐ, ма́стїю дꙋхо́вною сїѧ́ющее[2]), є҆мꙋ́же послѣ́доваша мїха́илъ и҆ ѳеодо́ръ, сы́нове є҆гѡ̀: и҆ мо́лѧтсѧ всѝ трїѐ вкꙋпѣ̀ ѡ҆ дꙋша́хъ на́шихъ.

Конда́къ, гла́съ и҃:

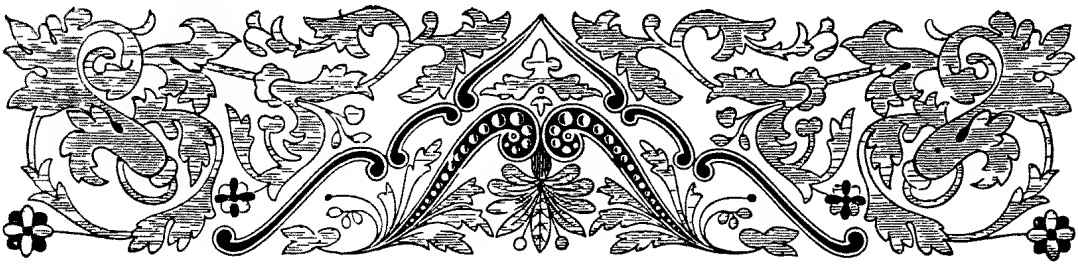
И҆зрѧ́дномꙋ воево́дѣ, и҆ правовѣ́рномꙋ кн҃зю кѡнстанті́нꙋ, съ сыно́ма є҆гѡ̀ вкꙋпѣ̀, ѻ҆те́чество є҆гѡ̀ хва́лѧщисѧ вопїе́тъ, и҆мѣ́ющее є҆го̀ нача́льника и҆ застꙋ́пника: ꙗ҆́кѡ и҆зба́вльшесѧ и҆́мъ ѿ пре́лести и҆ скве́рны і҆дѡльскїѧ. сегѡ̀ ра́ди вопїе́мъ є҆мꙋ̀ си́це: ра́дꙋйсѧ кн҃же кѡнстанті́не преблѧже́нне.

Въ тотъ же день память **преподобнаго Кассіана грека** Угличскаго чудотворца, скончавшагося 2 октября 1504 года.

---

1) Т. е. радостно торжествуетъ.

2) Т. е. исповѣдующее православную вѣру во Христа и подвизающееся въ христіанскомъ благочестіи.



День двадцать второй

СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО МУЧЕНИКА
ВАСИЛИСКА

После убіенія святыхъ мучениковъ Евтропія и Клеоника[1]), вмѣстѣ съ которыми принялъ много страданій и святый Василискъ (хотя сей послѣдній и остался живъ, но находился въ темницѣ), а также и послѣ гибели правителя Асклипіодота прибылъ въ область Понта[2]), присланный мучителями Максиміаномъ и Максиминомъ[3]), другой правитель, именемъ Агриппа, съ приказаніемъ продолжать гоненіе и убивать вѣрующихъ во Христа. Еще до прибытія его въ городъ Амасію[4]) святый Василискъ, находившійся тамъ въ темницѣ, молился со слезами Богу въ такихъ словахъ:

— Господи Іисусе Христе, помяни меня и не забудь меня до послѣдней минуты страданій, но помоги мнѣ скорѣе получить вѣнецъ мученическій, дабы я не былъ отдѣленъ отъ тѣхъ святыхъ

---

1) Кончина святыхъ мучениковъ послѣдовала ок. 308 г.—См. житіе ихъ подъ 3 марта.

2) *Понтъ*—страна, занимавшая въ древности сѣверо-восточную часть Малой Азіи. Нынѣ на мѣстѣ древняго Понта находятся два турецкихъ вилайета (области): Трапезунтъ и Сивасъ.

3) *Максиміанъ* былъ императоромъ съ 284 г. по 305 г. и управлялъ Западною половиною Римской имперіи, а *Максиминъ* царствовалъ съ 305 г. по 311 г. и управлялъ Восточною половиною имперіи.

4) *Амасія*—въ древности главный городъ понтійскаго государства, служившій резиденціей (мѣстопребываніемъ) понтійскихъ царей.

мужей, которые вмѣстѣ со мною были взяты, прежде меня пострадали и приняли вѣнецъ мученическій.

Въ полночь явился ему Господь въ сонномъ видѣніи и сказалъ:

— Помню о тебѣ и не забуду тебя, а твое имя написано (въ спискѣ мучениковъ) впереди тѣхъ, которые съ тобой взяты. Не скорби, что ты пострадаешь послѣ нихъ, ибо ты предупредишь многихъ; память же о тебѣ сдѣлаю славной по всей вселенной. Теперь же иди простись послѣдній разъ съ твоей матерью, братьями и родственниками, а когда вернешься, тотчасъ примешь вѣнецъ мученическій и будешь погребенъ въ Команахъ[1]). Не бойся мукъ, которымъ ты подвергнешься, потому что Я съ тобою, и не можетъ погубить души твоей злоба людская.

Ст҃ый мч҃нкъ Василискъ

Пробудившись, святый Василискъ преисполнился радости и возблагодарилъ Бога. Затѣмъ онъ увидѣлъ, что двери темницы открыты. Когда начало разсвѣтать, онъ сказалъ стерегущимъ его воинамъ и главному стражу темницы:

— Дайте мнѣ свободу на четыре дня, дабы я могъ проститься съ матерью моею и братьями моими, живущими въ селеніи Куміальскомъ; вернувшись же, я отойду къ истинному Отцу моему — Господу Іисусу Христу.

Воины же и темничный стражъ такъ отвѣтили ему:

— Твой Богъ, Которому ты служишь постоянно, пусть будетъ свидѣтелемъ того, что мы совершенно отпустили бы тебя изъ темницы, если бы не боялись правителя, прибытія котораго ожидаемъ въ скоромъ времени.

Святый возразилъ ему:

— Совершенно отпущеннымъ я не желаю быть, но, какъ и говорилъ, только пойду прощусь съ матерью, братьями и род-

[1]) Этотъ городъ отстоялъ отъ Амасіи на разстояніи 4-хъ дней пути.

ственниками своими, потому что такъ повелѣлъ сдѣлать мнѣ Господь мой.

— Боимся какъ бы, вскорѣ по отлученіи твоемъ,—упорствовали воины,—не потребовали тебя у насъ, потому что, вотъ, какъ мы слышали, сегодня долженъ прибыть въ городъ правитель, а всѣ заключенные записаны въ судебную книгу.

Святый Василискъ сказалъ на это такъ:

— Воля Бога моего такова, чтобы я шелъ въ мое родное селеніе; поэтому, если вы согласны, пусть нѣсколько человѣкъ изъ васъ идутъ со мною и опять вмѣстѣ со мною вернутся.

Тогда воины уступили его просьбѣ, и нѣсколько человѣкъ изъ нихъ собрались и пошли вмѣстѣ съ Василискомъ въ его селеніе.

Встрѣтили же святаго его братья (онъ имѣлъ трехъ братьевъ) и мать съ великою радостію, а воины были приняты въ ихъ домъ съ большою честію.

На слѣдующій день утромъ святый созвалъ всѣхъ сродниковъ своихъ и много поучалъ ихъ относительно того, что служитъ къ душевной пользѣ, а также наставлялъ ихъ въ истинахъ христіанскаго ученія; онъ много поучалъ ихъ и о томъ, что только путемъ скорбей возможно войти намъ въ Царство Христово.

Такъ утѣшая всѣхъ и въ послѣдній разъ лобызаясь со своими родными, святый изрекъ:

— Братія, отцы и дѣти по Христу! Пребывайте въ вѣрѣ въ Господа нашего Іисуса Христа и ни въ какомъ случаѣ отъ Него не отступайте, потому что міръ и все, что онъ въ себѣ содержитъ, есть только тѣнь, быстро исчезающая; Господь же пребываетъ во вѣки. Умоляю васъ помолиться обо мнѣ Владыкѣ всѣхъ насъ—Богу, да подастъ Онъ мнѣ силу совершить подвигъ страданія, какъ совершили его и святый Ѳеодоръ Тиронъ[1]), и Евтропій, и Клеоникъ, которые были схвачены вмѣстѣ со мною. Спасайтесь, мужи, жены, братья, сестры и дѣти, я же ухожу отъ васъ, и больше вы не увидите меня въ этой временной жизни.

Когда святый окончилъ эти слова, поднялся сильный плачъ и рыданіе, и всѣ стали просить святаго:

— Когда окончишь святую жизнь свою, помолись о насъ и о всѣхъ христіанахъ Господу, да прекратится воздвигнутое мучи-

---

[1]) *Святый Ѳеодоръ Тиронъ* — родной дядя святаго Василиска, пострадалъ ок. 306 г.— См. житіе его подъ 17 февраля.

телями гоненіе на православную вѣру и да уничтожится служеніе идоламъ; благодать же Христова да возсіяетъ по всей землѣ.

Послѣ того святый Василискъ отправился въ путь съ воинами, дабы возвратиться въ темничныя узы.

Въ это время прибылъ въ городъ Амасію правитель Агриппа и, созвавъ всѣхъ почетнѣйшихъ гражданъ, вошелъ съ ними въ храмъ языческій, называвшійся Петасонъ[1]), а потомъ въ другой, называвшійся Серапіонъ[2]), и принесъ жертву своимъ нечистымъ богамъ. А на слѣдующее утро правитель пришелъ на мѣсто судилища и справлялся здѣсь о заключенныхъ въ узы, и прежде всего спрашивалъ о Василискѣ, потому что слышалъ о немъ и хотѣлъ въ самомъ началѣ привлечь его на свой судъ.

Градоначальникъ отправился въ темницу, желая привести къ правителю Василиска,—но, не нашедши его тамъ, схватилъ темничнаго стража и, связавъ, привелъ его передъ судилище. Правитель же, подвергнувъ его истязаніямъ, спросилъ:

— Какъ ты осмѣлился выпустить изъ темницы заключеннаго въ нее врага нашихъ боговъ и ослушника царскихъ повелѣній?

— Нынѣ второй день,—отвѣчалъ темничный стражъ,—съ того времени, какъ Василискъ съ воинами ушелъ въ свое селеніе.

— Я прикажу умертвить тебя,—исполнившись ярости, воскликнулъ правитель,—если ты не представишь мнѣ того человѣка, хулившаго нашихъ боговъ!

— На четвертый день я представлю его предъ тебя,—отвѣчалъ темничный стражъ.

И тотчасъ правитель послалъ съ тѣмъ стражемъ магистріана[3]), человѣка злаго и свирѣпаго нравомъ, и съ нимъ воиновъ и далъ ему порученіе въ такихъ словахъ:

— Только тогда я повѣрю, что ты человѣкъ, ревнующій о нашихъ богахъ, когда ты схватишь того богохульника и приведешь

---

1) Очевидно здѣсь разумѣется храмъ въ честь египто-эллинистическаго божества *Пта* (Ptah)—бога мертвыхъ.

2) *Серапіонъ*—храмъ въ честь Сераписа (Σεραπις)—египто-эллинистическаго божества, соотвѣтствовавшаго древнегреческому Зевсу. Какъ Сераписъ, такъ и (упомянутый выше) богъ Пта—были богами собственно египетской религіи. Но въ періодъ увлеченія восточными религіями (II в. до Р. Хр.) греки оказывали большое уваженіе этимъ божествамъ и строили въ честь ихъ многочисленные храмы.

3) *Магистріанъ*—помощникъ правителя области, имѣвшій въ своемъ распоряженіи извѣстное количество воиновъ, съ которыми онъ обыкновенно посылался правителемъ въ провинцію съ различными порученіями.

его ко мнѣ. Направь же его въ Команы, потому что я самъ отправляюсь туда.

Магистріанъ, вышедъ отъ правителя, изготовилъ мѣдные сапоги со множествомъ острыхъ продолговатыхъ желѣзныхъ гвоздей внутри и, взявъ съ собой темничнаго стража и воиновъ, отправился въ родное селеніе Василиска, везя на ослѣ тяжелыя желѣзныя цѣпи, приготовленныя для мученика.

— Шелъ же и я,—(говоритъ описатель дальнѣйшихъ событій святый Евсигній) [1]),—слѣдуя за ними въ надеждѣ видѣть страданія и кончину святаго Василиска. Достигши до того селенія, они схватили мученика, выходившаго уже изъ дома по направленію къ городу Амасіи, чтобы вернуться въ свою темницу, и связали его двойными цѣпями; также и шею его заковали въ желѣзную цѣпь, а на ноги надѣли мѣдные сапоги съ гвоздями внутри, такъ что гвозди проникли въ ноги святаго до самыхъ костей, и кровь обильно текла изъ его израненныхъ ногъ; при этомъ мучители сильно били Христова мученика, когда вели его къ городу Команy.—Съ плачемъ провожали его мать, братья и сродники его. На прощаніе мать сказала ему:

— Сынъ мой любезный! Христосъ, Котораго возлюбилъ ты, да будетъ тебѣ помощникомъ въ этомъ мученическомъ подвигѣ. Недолговременно будетъ житіе твое здѣсь, зато въ будущемъ вѣкѣ тебя ожидаетъ вѣчная жизнь; тяжкія нынѣ принимаешь муки, зато получишь славный вѣнецъ отъ Христа Бога; злые люди мучаютъ тебя на землѣ, зато Ангелы мира примутъ тебя на Небѣ; какъ разбойника судятъ тебя, но тотъ самый разбойникъ, что былъ распятъ со Христомъ, приметъ тебя въ рай; цари смертные и подверженные тлѣнію отнимаютъ у тебя жизнь, но Богъ Вѣчный возвратитъ тебѣ жизнь и сопричислитъ тебя къ силамъ ангельскимъ. И насъ воспомяни, дорогой сынъ мой, на этомъ пути ко Господу, по которому ты шествуешь!

Произнесши это, мать возвратилась обратно въ домъ свой, молясь Господу о своемъ сынѣ, да укрѣпитъ Онъ его мужественно перенести мученія.

Святый же, оглянувшись назадъ и видя слѣдующихъ за нимъ

---

1) Святый мученикъ Евсигній, описывавшій житіе и подвиги святаго мученика Василиска, въ теченіе 60-ти лѣтъ былъ воиномъ при трехъ Римскихъ императорахъ: Діоклетіанѣ (284—305 гг.), Максиміанѣ (305—311 гг.) и Константинѣ Великомъ (311—337 гг.) и пострадалъ въ царствованіе императора Юліана Отступника (361—363 гг.).—См. житіе его подъ 5 августа.

трехъ братьевъ своихъ, а также сродниковъ и многихъ изъ народа, плакавшихъ о немъ, такими словами умолялъ ихъ возвратиться къ себѣ домой:

— Не плачьте обо мнѣ, но лучше молитесь Господу, чтобы Онъ далъ мнѣ силу побѣдить діавола и посрамить его служителей.

Потомъ онъ облобызалъ каждаго и, увѣщевая всѣхъ вернуться, сказалъ имъ:

— Опять увидимся другъ съ другомъ въ день воскресенія и жизни вѣчной.

Но провожавшіе святаго не хотѣли вернуться и съ плачемъ слѣдовали за нимъ.

И снова увѣщевалъ ихъ святый такими словами:

— Для чего вы своимъ плачемъ и слезами смущаете мое сердце? О, если бы мнѣ позволено было много разъ умереть за Господа нашего Іисуса Христа! Умоляю васъ, возвратитесь и молитесь за меня Богу!

Но такъ какъ они и послѣ этого не хотѣли возвратиться, то магистріанъ сказалъ имъ:

— Клянусь здравіемъ царей моихъ, что, если вы не вернетесь, то я свяжу васъ всѣхъ и отведу къ правителю.

Но когда они не послушали и его словъ, тогда магистріанъ съ воинами началъ бить ихъ и едва могъ отогнать ихъ отъ святаго.

Будучи веденъ такимъ образомъ, святый мужественно переносилъ тяжесть желѣзныхъ веригъ и доблестно терпѣлъ боль въ ногахъ, пронзенныхъ во многихъ мѣстахъ острыми гвоздями, которыми усѣяны были мѣдные сапоги, и путь его обагрялся кровью. Самъ же онъ съ радостію воспѣвалъ:

— Аще ѡ҆полчи́тсѧ на мѧ̀ по́лкъ, не ᲂу҆бои́тсѧ се́рдце моѐ[1]), потому что Ты, Христосъ Господь, со мною.

Многое и другое вѣщалъ святый, обращаясь къ Господу въ пѣніи и молитвѣ. Магистріанъ же и бывшіе съ нимъ, видя мученика легко идущимъ несмотря на то, что ноги его были обуты въ сапоги съ гвоздями, весьма удивлялись; но со святымъ мученикомъ былъ Господь, облегчавшій его страданія.

Когда они достигли селенія, называемаго Дакозарія, магистріанъ и воины захотѣли отдохнуть, потому что было жарко и наступилъ

[1]) Псал. 26, ст. 3.

полдень. Владѣтельница того селенія, вдова по имени Трояна, увидавъ пришедшаго съ воинами магистріана, просила ихъ войти въ ея домъ вкусить пищи; всего было ихъ человѣкъ сорокъ. Когда они вошли, она все устроила для нихъ. И такъ они ѣли, пили и веселились, а святаго мученика Василиска, съ связанными назадъ руками, привязали къ сухому дубу, росшему около воротъ ея дома. Къ святому собралось множество народа—мужчинъ и женщинъ, а также дѣтей. Видя его заключеннымъ въ тяжкія оковы и привязаннымъ на припекѣ солнца, а также видя кровь, текшую изъ его ногъ, они умилялись и выражали ему соболѣзнованіе. Святый же молился Богу, взывая:

— Господи, посѣти меня, какъ ты посѣтилъ Іосифа въ темницѣ[1]), Даніила во рвѣ львиномъ[2]), трехъ отроковъ въ пещи вавилонской[3]). И какъ Ты явилъ милость Сусаннѣ[4]), подвергшейся напасти отъ лукавыхъ старцевъ, вывелъ Петра изъ темницы[5]), а Ѳеклу защитилъ отъ поруганія[6]), такъ и на мнѣ, смиренномъ и недостойномъ рабѣ Твоемъ, покажи дивную Твою милость и яви чудеса Твои во славу Твоего Пресвятаго Имени!

Когда святый окончилъ молитву свою, внезапно произошло землетрясеніе и былъ слышенъ Голосъ свыше, говорившій:

— Не бойся, Я съ тобою!

И вдругъ мѣдные сапоги, бывшіе на ногахъ мученика, внезапно растаяли, какъ воскъ отъ огня; вериги же спали со святаго, а сухой дубъ зазеленѣлъ, распростирая надъ святымъ многочисленныя густыя вѣтви свои и покрывая его тѣнью на большое пространство кругомъ. А на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ святый и гдѣ земля обагрилась его кровію, потекъ источникъ воды.

Послѣ этого святый вознесъ въ такихъ словахъ благодареніе Богу:

— Господь Іисусъ Христосъ, Предвѣчное Слово и Сынъ Непостижимаго и Несказаннаго Отца, благоволившій сойти на землю и сдѣлаться человѣкомъ, дабы искупить насъ отъ древняго мучителя діавола и избавить отъ всѣхъ лукавыхъ его козней, вознесшій насъ на Небо, а его поправшій и осудившій

---

1) Кн. Быт., гл. 41.
2) Кн. Прор. Дан., гл. 6.
3) Кн. Прор. Дан., гл. 3.
4) Кн. Прор. Дан., гл. 13.
5) Дѣян., гл. 5, ст. 17—20.
6) См. житіе ея подъ 24 сентября.

на пребываніе въ безднѣ, даровавшій намъ новую жизнь,—какими устами прославлю Тебя, какими словами перескажу Тебѣ свои чувства, какъ воспою Тебя и возвѣщу Твои великія дѣла и силу, которыя Ты нынѣ явилъ на мнѣ, рабѣ Твоемъ, какъ раньше на святыхъ Твоихъ Евтропіи и Клеоникѣ, когда они были замучены по приказанію правителя Асклипіодота! Въ самомъ дѣлѣ, кто я, недостойный, что столь великую и удивительную милость Ты явилъ на мнѣ; сама земля, видѣвшая силу Твою, потряслась.

Магистріанъ же и воины, испугавшись землетрясенія, убѣжали изъ того дома и, увидѣвъ происшедшія чудеса, пришли въ сильное недоумѣніе. Одни изъ нихъ говорили, что это только такъ кажется, другіе же считали это волшебствомъ, а народъ, стоявшій вокругъ святаго, въ ужасѣ дивился этому и прославлялъ силу Христа Бога. И многіе увѣровали во Христа, говоря:

— Вотъ, святый человѣкъ посланъ сюда Богомъ, чтобы освятить наше мѣсто.

Принесли къ святому разслабленнаго, лежавшаго на постели; когда мученикъ Христовъ коснулся его, тотчасъ разслабленный поднялся, какъ здоровый, и, взявъ свою постель, пошелъ къ себѣ въ домъ, прославляя Бога; привели еще и прокаженныхъ, и онъ исцѣлилъ и ихъ, прикоснувшись къ нимъ; всѣхъ, страдавшихъ водобоязнью и лихорадочными припадками, а также страдавшихъ всякими другими болѣзнями или одержимыхъ нечистыми духами,—всѣхъ исцѣлялъ святый словомъ своимъ. Всѣ, видѣвшіе чудеса сіи, прославили Истиннаго Бога и увѣровали въ Него; жители же того селенія преисполнились великой радости. Увѣровала во Христа также и владѣтельница того селенія Трояна съ сыномъ своимъ Трояномъ и просила крестить ее.

— Я, грѣшный Евсигній,—говоритъ повѣствователь,—видя все случившееся, отъ всего сердца прославлялъ Господа.

Въ тотъ же день, вечеромъ, стадо воловъ, шедшее съ пастбища въ селеніе и проходившее по тому пути, гдѣ стоялъ святый Христовъ мученикъ, какъ бы прославляя великія дѣла Божіи, пало передъ святымъ на колѣни.

Тогда магистріанъ и воины раскаялись въ тѣхъ жестокостяхъ, какія они причинили святому, потому что ужасъ охватилъ ихъ, когда они увидѣли дивныя чудеса, совершенныя Господомъ по молитвамъ святаго. На слѣдующій день магистріанъ кротко сказалъ мученику:

— Если угодно тебѣ, господинъ Василискъ, то отправимся въ путь, чтобы ради тебя мы не подверглись наказанію отъ правителя.

— Хорошо, пойдемъ въ путь,—отвѣчалъ святый,—потому что я хочу умереть за моего Господа.

Когда всѣ они вышли изъ селенія того, весь народъ, съ владѣтельницею Трояною, провожалъ святаго. Святый же мученикъ умолялъ всѣхъ ихъ возвратиться къ себѣ обратно: одни вернулись, другіе же продолжали слѣдовать за нимъ. Когда же вступили на большой мостъ, положенный чрезъ рѣку Иреосъ, затрясся мостъ отъ присутствія Христа, Который шелъ невидимо съ рабомъ Своимъ святымъ Василискомъ, какъ послѣ самъ святый мученикъ Василискъ повѣдалъ мнѣ, недостойному Евсигнію,—говоритъ повѣствователь.—Когда мостъ потрясся, святый остановился и, возсылая хвалу Богу, умолялъ народъ вернуться обратно и едва убѣдилъ его исполнить свою просьбу.

Во время шествія своего святый на каждомъ высокомъ и красивомъ мѣстѣ преклонялъ колѣна свои и молился ко Господу такими словами:

— **На всѧ́комъ мѣ́стѣ влады́чества є҆гѡ̀ бл҃гословѝ, дꙋ́ше̑ моѧ̀, гдⷭ҇а**[1]).

Когда же всѣ достигли селенія, называемаго Саонъ, то воины и магистріанъ приготовились вкусить пищи и убѣждали святаго вкусить вмѣстѣ съ ними хлѣба. Онъ же отказывался, говоря:

— **Гдⷭ҇ь пасе́тъ мѧ̀, и҆ ничто́же мѧ̀ лиши́тъ**[2]); меня питаетъ Владыка мой, Іисусъ Христосъ.

Они же снова уговаривали его, говоря:

— Вкуси, господинъ, чтобы ты не умеръ съ голода и мы ради тебя не приняли наказанія, если не приведемъ тебя ко правителю; вѣдь уже третій день, какъ ты вовсе не принималъ пищи.

Святый сказалъ имъ на это:

— Я преисполнился пищи безсмертной, а потому не хочу вкушать пищи смертной. Васъ питаетъ хлѣбъ земной, а меня питаетъ небесное Слово Божіе; васъ веселитъ вино, а меня—благодать Святаго Духа; васъ упитываетъ мясо, а меня—постъ; васъ укрѣпляетъ бодрость тѣлесная, а меня—крестъ во Имя Христово; васъ дѣлаетъ богатыми золото, а меня—любовь къ Іисусу Христу;

---

1) Псал. 102, ст. 22.

2) Псал. 22, ст. 1.

васъ украшаютъ одежды, а меня—добродѣтели; вы находите веселье въ смѣхѣ, а я утѣшаю духъ мой молитвой: вы любите царя вашего временнаго, смертнаго и подверженнаго тлѣнію, жаждете видѣть его и исполняете его законы, а я—люблю Бога и Царя моего Небеснаго, лобызаю законы Его и желаю питаться лицезрѣніемъ Его; вы ожидаете славы на землѣ, а я—на Небѣ; вы ищете извѣстности между людьми, а я надѣюсь получить славу на Страшномъ Судѣ при воскресеніи праведныхъ, когда скажетъ Владыка мой: «прїиди́те бл҃гослове́ннїи ѻ҆ц҃а̀ моегѡ̀, наслѣ́дꙋйте ᲂу҆гото́ванное ва́мъ ца́рствїе ѿ сложе́нїѧ мі́ра»[1]).

Когда святый говорилъ такъ, магистріанъ велѣлъ осѣдлать животныхъ и предложилъ мученику сѣсть на одного осла, сказавъ:

— Три дня идешь ты голодный; сядь хоть на животное, чтобы ты не изнемогъ окончательно.

Святый же не согласился сѣсть, сказавъ:

— Меня укрѣпляетъ Господь мой, Іисусъ Христосъ,—а покой и отраду подаетъ мнѣ Святый Духъ.

Затѣмъ всѣ отправились въ путь, а къ вечеру пришли въ одно селеніе, гдѣ и остановились ночевать. И когда воины сѣли за вечернюю трапезу, магистріанъ умолялъ святаго Василиска вкусить съ ними чего-нибудь, но онъ отказался и провелъ всю ночь въ молитвѣ и пѣніи, причемъ сами святые Ангелы пѣли вмѣстѣ съ угодникомъ Христовымъ.

Когда насталъ день, снова всѣ отправились въ путь и дошли до города Команы въ четвертомъ часу дня. И когда приближались къ городу, то услышали отъ многихъ, встрѣчавшихся по дорогѣ, что правитель предаетъ казни всѣхъ, не соглашающихся кланяться идоламъ. Но Господь явился святому Василиску и сказалъ ему:

— Мужайся, не бойся угрозъ идолопоклонниковъ, потому что Я съ тобою.

Когда они вступили въ городъ, воины, сопровождавшіе святаго, спрашивали жителей города:

— Гдѣ сейчасъ находится правитель?

Имъ было сказано, что правитель находится въ храмѣ Аполлона[2]) и приноситъ тамъ жертву богамъ.

Магистріанъ, отправившись къ правителю, сообщилъ ему, что онъ доставилъ Василиска. Правитель весьма обрадовался этому.

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 25, ст. 34.

[2]) *Аполлонъ* — по греческой миѳологіи—богъ свѣта, сынъ Зевса и Латоны.

Разсказалъ магистріанъ также и о чудесахъ, случившихся во время ихъ пути, но правитель не повѣрилъ ему, замѣтивъ:

— Все это—волшебство христіанъ.

Затѣмъ онъ приказалъ привести къ себѣ святаго Василиска въ храмъ Аполлона, думая принудить его здѣсь къ принесенію жертвы. Тотчасъ же къ Василиску побѣжали воины правителя и насильственно повлекли святаго въ храмъ, сказавъ:

— Иди въ храмъ къ правителю и поклонись богамъ, если хочешь быть живъ.

Магистріанъ же и воины, пришедшіе съ нимъ изъ путешествія, начали разсказывать воинамъ правителя о чудесахъ, которыя они видѣли, и прибавляли:

— Поистинѣ удивительныя знаменія и силу Божію видѣли мы, не въ видѣніи или волхвованіи, но въ дѣйствительности происходившія.

Потомъ, обратившись къ святому, они сказали ему:

— Прости намъ тѣ жестокости, господинъ Василискъ, которыя мы по нашему невѣдѣнію причинили тебѣ, и помолись за насъ твоему Богу!

Пока они это говорили, новые воины, пришедшіе отъ правителя, схватили мученика и повели въ храмъ. Святый вошелъ въ храмъ съ свѣтлымъ лицемъ, радуясь о Господѣ, Богѣ своемъ.

Увидавъ его, правитель спросилъ:

— Это ты Василискъ?

— Да, это я,—отвѣчалъ святый.

— Такъ скажи,—продолжалъ правитель,—принесешь ты жертву богамъ или нѣтъ?

— Кто это сказалъ тебѣ обо мнѣ,—возразилъ святый,—что я не приношу жертвы Богу? Я всякую минуту совершаю жертву хвалы въ честь моего Бога.

Правитель же, не понявъ сказаннаго, сказалъ святому:

— Хорошо; итакъ, принеси жертву какому хочешь изъ всѣхъ нашихъ боговъ.

Святый Василискъ, приблизившись къ идолу, спросилъ окружающихъ:

— Какъ называется этотъ богъ вашъ?

Ему сказали:

— Аполлонъ.

— Справедливо вы сказали, что онъ называется Аполлономъ,—

подтвердилъ святый;—Аполлонъ—значитъ губитель[1]) и поистинѣ влечетъ въ погибель вѣрующихъ въ него и поклоняющихся ему какъ богу, такъ какъ онъ не есть богъ.

— А какъ имя тому Богу, которому ты хочешь принести жертву?—спросилъ правитель.

— Богъ мой,—отвѣчалъ святый,—неизреченный, непостижимый, невидимый и необъяснимый по Своимъ свойствамъ.

— А не имѣетъ ли имени Богъ твой?—допытывался правитель.

— Въ святыхъ книгахъ заключены имена Бога моего,—отвѣтствовалъ святый,—и, если хочешь выслушать, я сообщу ихъ тебѣ.

— Назови ихъ,—сказалъ ему правитель.

Тогда святый мученикъ сказалъ:

— Богъ мой называется Отцомъ и Вседержителемъ, Господомъ Саваоѳомъ[2]), Царемъ всѣхъ, Спасителемъ милостивымъ, милосердымъ и долготерпѣливымъ. Ему одному приношу я жертву хвалы!

— Какому богу хочешь приносить жертву—это для меня все равно,—только принеси,—настаивалъ правитель,—ты призванъ, вѣдь, не разсуждать, а только принести жертву.

— Такъ внимай,—обратился святый къ правителю,—какова моя жертва.

И, поднявъ руки къ Небу, онъ такъ помолился Богу:

— Боже вѣчный, Творецъ Неба и земли, внимающій всѣмъ, истинно Тебѣ служащимъ, услышь нынѣ и меня, раба Твоего, и сокруши въ эту минуту глухаго и слѣпаго этого безчувственнаго идола, да поймутъ нечестивые народы, какому они поклоняются богу, и устыдятся и увѣруютъ, что только Ты—единый всесильный Богъ.

Только что святый окончилъ молитву свою, тотчасъ затряслась земля, идолъ упалъ на землю и разбился на куски. Правитель и народъ, бывшій въ храмѣ, отъ страха выбѣжали вонъ, и одинъ только святый Василискъ остался въ храмѣ и пѣлъ:

— **Да воскре́снетъ бг҃ъ, и҆ расточа́тсѧ вразѝ є҆гѡ̀, и҆ да бѣжа́тъ ѿ лица̀ є҆гѡ̀ ненави́дѧщїи є҆го̀. Ꙗ҆́кѡ и҆счеза́етъ ды́мъ, да и҆счє́знꙋтъ:**

---

[1]) *Аполлонъ* — въ переводѣ съ греческаго значитъ *губитель* (Ἀπόλλων — отъ ἀπόλλυμι — уничтожаю, гублю). У грековъ онъ изображался обыкновенно съ лукомъ, стрѣлами и колчаномъ — какъ врагъ и побѣдитель силъ, вредныхъ свѣту, т. е. нравственному порядку вещей.

[2]) *Господь Саваоѳъ* — Господь Воинствъ, Господь Силъ (1 Кн. Цар., гл. 1, ст. 3, 11).

ꙗ҆́кѡ та́етъ во́скъ ѿ лица̀ ѻ҆́гнѧ̀, та́кѡ да поги́бнꙋтъ всѣ поклоняющіеся идоламъ, ѿ лица̀ бж҃їѧ[1]).

Спустя нѣкоторое время правитель приказалъ вывести святаго изъ храма и, скрежеща зубами въ злобѣ противъ него, сказалъ:

— О врагъ боговъ нашихъ! Зачѣмъ ты обѣщалъ одно, а сдѣлалъ другое? Обѣщалъ принести жертву богу, а своимъ волшебствомъ устроилъ такъ, что богъ нашъ, Аполлонъ, упалъ и разсыпался.

Святый же отвѣтилъ:

— Кто сокрушилъ вашего бога, Тотъ сожжетъ и храмъ его.

Едва только святый окончилъ эти слова, какъ упалъ съ Неба огонь на храмъ Аполлона и спалилъ его до основанія. Въ страхѣ правитель и весь народъ убѣжали оттуда. Потомъ, призвавъ святаго Василиска, правитель обратился къ нему съ такими словами:

— О, какъ велики твои волшебства! Бога сокрушилъ ты и храмъ его сжегъ!

Но святый возразилъ ему:

— Если богъ твой поистинѣ есть богъ, какъ ты его называешь, то пусть онъ отмститъ мнѣ за себя.

— Боги наши добры,—возразилъ правитель,—и не причиняютъ никакого зла своимъ врагамъ.

— О неразумный человѣкъ!—воскликнулъ святый.—Какъ бѣсы могутъ дѣлать добро, будучи злы по природѣ своей: они и васъ, своихъ почитателей, вовлекутъ съ собою въ адъ.

— Окаянный волшебникъ,—убѣждалъ святаго правитель,—принеси жертву богамъ; въ противномъ случаѣ я предамъ тебя лютой смерти.

На это святый отвѣтилъ правителю:

— Звѣрь, живущій въ лѣсу, песъ, лижущій кровь, Агриппа блудный, образъ діавола, мучитель беззаконный! Зачѣмъ ты еще меня удерживаешь? Я тороплюсь окончить жизнь свою!

Правитель сильно разгнѣвался на святаго и приказалъ усѣкнуть его мечомъ.

Воины, взявъ святаго, повели его вонъ изъ города на усѣкновеніе къ мѣсту, называемому Діоскорія; при этомъ множество народа провожало святаго. Отдано было повелѣніе правителемъ, чтобы, по усѣкновеніи, бросить тѣло святаго въ рѣку.

---

[1]) Псал. 67, ст. 2—3.

Когда усѣкновенъ былъ Христовъ мученикъ[1]), увидѣли мы (повѣствуетъ святый Евсигній), которымъ дано видѣть, страшное чудо: явилось множество святыхъ Ангеловъ, которые, принявъ душу святаго, возносили ее на Небо. Господь нашъ Іисусъ Христосъ виденъ былъ стоящимъ на Небѣ и говорящимъ:

— Пріиди, добрый и вѣрный рабъ Мой, Василискъ, войди въ Небесное Царствіе въ сонмъ праведныхъ, гдѣ пребываютъ рабы Мои, взятые вмѣстѣ съ тобой на мученія за Меня.

Мы, все это видѣвшіе и слышавшіе,—продолжаетъ повѣствователь,—упали ницъ на землю и поклонились Господу, благодаря Его за то, что Онъ сподобилъ насъ такого видѣнія.

Затѣмъ палачъ, по имени Прискъ, взявъ тѣло мученика, повлекъ его къ рѣкѣ. Мы, приступивъ къ нему (говоритъ Евсигній), просили, чтобы онъ немного подождалъ, пока не разойдется народъ, и дали ему тридцать золотыхъ монетъ въ выкупъ за тѣло мученика. Онъ предоставилъ намъ тѣло мученика, сказавъ:

— Смотрите, чтобы кто не узналъ и не разсказалъ правителю объ этомъ; будетъ тогда непріятность вамъ и мнѣ.

Мы же, взявъ честное тѣло,—продолжаетъ Евсигній,—скрыли его и ночью вынесли его на вспаханное поле, похоронили и на томъ мѣстѣ посѣяли сѣмена. Въ ту же ночь сѣмена дали ростокъ, а въ слѣдующій день дали цвѣтъ и плодъ. Когда мы копали мученику могилу, то нѣкоторые изъ насъ захотѣли пить воды; по молитвамъ святаго Василиска, котораго мы призвали, тотчасъ близъ могилы показался источникъ воды; напившись, мы прославили и возблагодарили Бога. Источникъ же тотъ существуетъ и до нынѣшняго времени, и больные, которые съ вѣрою пьютъ воду изъ него, получаютъ исцѣленіе.

Послѣ всего этого напалъ нечистый духъ на правителя Агриппу, и онъ сталъ искать тѣла мученика, помышляя въ себѣ: «Если бы я прикоснулся къ тѣлу Василиска, навѣрно я избавился бы отъ несчастія».

И никто не смѣлъ сказать ему, что тѣло мученика было погребено въ землѣ. Нѣкоторые сказали ему:

— Ты велѣлъ бросить тѣло въ рѣку; для чего же теперь ищешь его?

Тогда Агриппа отправился на мѣсто, гдѣ былъ усѣченъ Христовъ мученикъ, нашелъ тамъ нѣсколько капель его крови и, собравъ

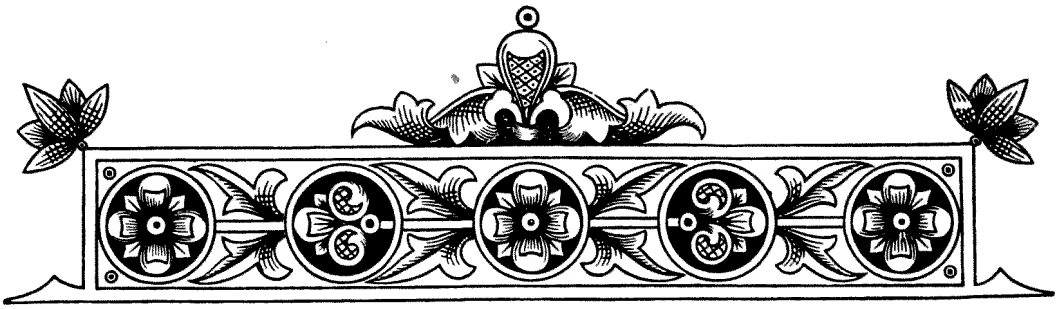
[1]) Кончина святаго мученика послѣдовала въ нач. IV в.

ее своими руками вмѣстѣ съ земною пылью, завязалъ ее въ поясъ свой. Тотчасъ онъ освободился отъ нечистаго духа и увѣровалъ въ Господа нашего Іисуса Христа.

Спустя нѣкоторое время, гражданинъ Комана, Маринъ, мужъ благочестивый, построилъ церковь во имя святаго мученика Василиска и, вынувъ изъ земли святыя его мощи, перенесъ ихъ въ эту церковь. Отъ мощей святаго совершалось множество чудесныхъ исцѣленій отъ всякихъ болѣзней, по молитвамъ его и по благодати Господа нашего Іисуса Христа, Которому съ Отцемъ и Святымъ Духомъ возсылается честь и слава, нынѣ, и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Во страда́нїи крѣ́покъ и҆ мꙋ́жественъ ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ, и҆ въ чꙋдесѣ́хъ преди́венъ, ꙗ҆вле́ннѡ хрⷭ҇то́во и҆́мѧ предносѧ̀, мꙋчи́телѧ посрами́лъ є҆сѝ. тѣ́мъ тѧ̀ почита́емъ васїлі́ске, при́снѡ зовꙋ́ще всечⷭ҇тне: ра́дꙋйсѧ, мч҃нкѡвъ свѣ́тлаѧ добро́то.



День двадцать третій

ПАМЯТЬ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

МИХАИЛА ИСПОВѢДНИКА

Воспоминаемый нынѣ святый Михаилъ, епископъ Синадскій[1]), носившій имя тезоименное (одинаковое) имени Архангела Небесныхъ Силъ, и житіе проводилъ ангельское, украшенное дѣвственною чистотою и всякими добродѣтелями. Еще въ младенчествѣ онъ былъ посвященъ Богу, а въ юношескихъ лѣтахъ принялъ монашество и явился достойнымъ служителемъ Богу, подвизаясь вмѣстѣ со святымъ Ѳеофилактомъ[2]), епископомъ Никомидійскимъ[3]) въ патріаршество святѣйшаго Тарасія[4]), которымъ оба и были посланы въ монастырь, находившійся на берегу Чернаго моря. Подвизаясь здѣсь въ иноческихъ трудахъ, оба святые весьма преуспѣвали въ добродѣтеляхъ, и молитвы ихъ имѣли великую силу у Бога.

---

[1]) *Синадъ* —одинъ изъ древнихъ черноморскихъ городовъ.

[2]) См. житіе его подъ 8 марта.

[3]) *Никомидія* — городъ въ сѣверо-восточномъ углу залива, образуемаго Мраморнымъ моремъ. Онъ былъ построенъ въ 264 г. до Р. Хр. и свое имя получилъ отъ виѳинскаго царя Никомеда I. На мѣстѣ древней Никомидіи находится теперь городъ Исмидъ.

[4]) *Святый Тарасій,* Патріархъ Константинопольскій, заиималъ патріаршую каѳедру съ 784 г. по 806 г.—См. житіе его подъ 25 февраля.

Однажды во время жатвы, когда въ воздухѣ стояла невыносимая жара, такъ что отъ недостатка воды въ томъ мѣстѣ многіе изнемогли отъ жажды, святые помолились Богу и, по молитвамъ ихъ, сдѣлалось такъ, что пустой мѣдный сосудъ источалъ воду въ достаточномъ количествѣ. Такъ Господь исполняетъ прошенія и молитвы почитающихъ Его и приклоняетъ слухъ Свой къ ихъ молитвамъ. Это чудо напоминало собою то, прежде бывшее въ пустынѣ, чудо, когда для изнемогавшаго отъ жажды Израиля Богъ извелъ воду изъ камня [1]), и другое,—когда, ради Самсона (судіи израильскаго), умиравшаго отъ жажды, Богъ источилъ родникъ живой воды изъ высохшей кости ослиной челюсти [2]).

Послѣ того Святѣйшій Патріархъ Тарасій, видя такую добродѣтельную жизнь этихъ преподобныхъ отцевъ, сіявшихъ какъ звѣзды на Небѣ, призналъ ихъ достойными высокаго архіерейскаго сана. Блаженнаго Ѳеофилакта онъ посвятилъ въ санъ митрополита Никомидіи, а святаго Михаила посвятилъ въ епископы города Синадъ, и оба они пасли стадо Христово, своею жизнію подавая добрый примѣръ своей паствѣ.

Когда же отошелъ отъ здѣшней жизни ко Господу Святѣйшій Патріархъ Тарасій, а послѣ него принялъ престолъ Константинопольской Церкви святый Никифоръ [3]), снова поднялась буря ереси иконоборческой, которая уже была осуждена на Седьмомъ Вселенскомъ Соборѣ святыхъ отецъ [4]). Нечестивый императоръ Левъ Армянинъ [5]), заразившись той ересью, поднялъ гоненіе на Церковь Христову, отрицая почитаніе святыхъ иконъ и называя ихъ идолами, поклоняющихся же имъ подвергая мученіямъ и смерти. Прежде всего онъ изгналъ Святѣйшаго Патріарха Никифора, а также и прочихъ православныхъ архіереевъ съ ихъ престоловъ, а вмѣсто нихъ назначилъ своихъ единомышленниковъ-еретиковъ, — и водворилась на святыхъ мѣстахъ мерзость запустѣнія [6]).

Въ это время святый Михаилъ явилъ себя ревностнымъ защитникомъ Православія и обличителемъ еретическаго нечестія. Укрѣпляемый и умудряемый благодатію Святаго Духа, онъ про-

---

1) Кн. Исх., гл. 17, ст. 6.

2) Кн. Суд., гл. 15, ст. 19.

3) *Святый Никифоръ* патріаршествовалъ съ 806 г. по 815 г.—Память его — 2 іюня.

4) *Седьмой Вселенскій Соборъ* происходилъ въ 787 г. въ городѣ Никеѣ.

5) *Императоръ Левъ V Армянинъ* царствовалъ съ 813 г по 820 г.

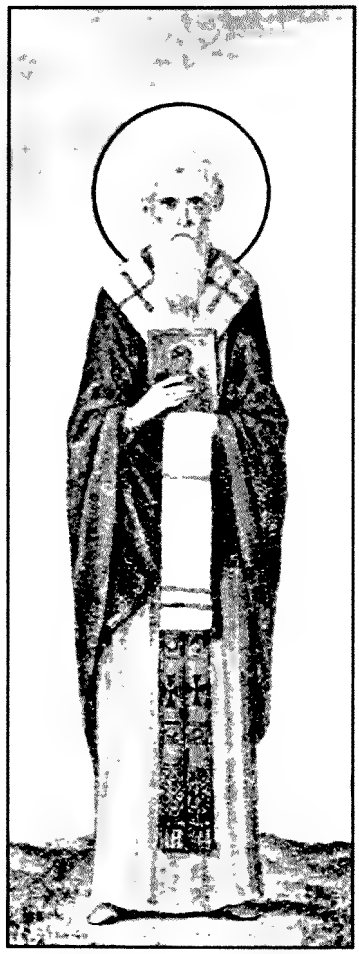
6) Выраженіе заимствовано изъ книги Пророка Даніила (гл. 9, ст. 27).

тивоборствовалъ еретикамъ и заграждалъ уста ихъ, порицавшихъ святыя иконы. Нечестивый царь Левъ, не вынося обличеній святаго, дерзновенно порицавшаго его еретическое заблужденіе, предалъ святителя Христова на мученія. Святый же, не страшась мученій, мужественно отстаивалъ свои убѣжденія и сказалъ императору:

— Я почитаю святыя иконы Спасителя моего Іисуса Христа и Пречистой Дѣвы, Его Матери, и прочихъ святыхъ и поклоняюсь имъ; твое же распоряженіе не считаю возможнымъ исполнить.

Посрамленный Левъ, исполнившись гнѣва, осудилъ исповѣдника Христова на изгнаніе[1]).

Гонимый изъ одного мѣста въ другое, много горькихъ скорбей и непріятностей перенесъ святый, пока не достигъ обители небесной и не получилъ покоя вѣчнаго. Такъ кончилъ онъ праведную жизнь свою, украсившись двоякимъ вѣнцомъ: причисленный къ архіереямъ—какъ архіерей и къ мученикамъ—какъ мученикъ, во славу Христа Бога нашего[2]).



Прп҃бный
мїха́илъ

Конда́къ, гла́съ и҃:

Ꙗ҆́кѡ а҆рхїере́й всечⷭ҇тенъ, и҆ бл҃гоче́стїѧ сщ҃енностра́далецъ, прещє́нїѧ ѕлоимени́тагѡ не ᲂу҆боѧ́всѧ, є҆ретї́ческое тогѡ̀ противле́нїе побѣди́лъ є҆сѝ, свобо́днымъ гла́сомъ велегла́снѡ вопїѧ̀: і҆кѡ́нѣ покланѧ́юсѧ хрⷭ҇то́вѣ, и҆ пречⷭ҇тыѧ тогѡ̀ мт҃ре. сегѡ̀ ра́ди тѧ̀ почита́емъ, мїха́иле.

---

[1]) Первоначально святый Михаилъ былъ сосланъ во ѳракійскій городъ Евдокіаду.

[2]) Кончина святаго мученика послѣдовала около 818 г.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА

МИХАИЛА ЧЕРНОРИЗЦА

Святый мученикъ Михаилъ происходилъ изъ города Едессы[1]) и былъ сыномъ родителей-христіанъ. По смерти ихъ онъ роздалъ нищимъ все доставшееся ему по наслѣдству отъ родителей имѣніе и отправился въ Іерусалимъ посѣтить Святыя мѣста. Въ то время Іерусалимъ принадлежалъ уже мусульманамъ.

Поклонившись Святымъ мѣстамъ, онъ удалился въ обитель святаго Саввы[2]) и принялъ здѣсь монашество.

Спустя нѣкоторое время, онъ былъ посланъ своимъ наставникомъ въ Іерусалимъ продавать издѣлія иноковъ. Его встрѣтилъ здѣсь евнухъ[3]) мусульманской царицы Сеиды, который и взялъ его съ собой, такъ какъ сосуды, продаваемые имъ, были очень красивы и хорошо сдѣланы, и привелъ къ своей царицѣ. Царица, увидавъ юнаго инока, прекраснаго лицемъ, но тощаго отъ пощенія, прельстилась имъ, начала соблазнять его на прелюбодѣяніе и сказала:

— Будь послушенъ мнѣ, и, если ты боленъ, я тебя вылѣчу отъ болѣзни.

На эти слова царицы блаженный Михаилъ отвѣтствовалъ такъ:

— Я болѣю о моихъ грѣхахъ; служу же Господу моему, Іисусу Христу и не хочу слушать тебя.

Царица всячески принуждала святаго къ беззаконію, подобно тому какъ нѣкогда въ Египтѣ жена Пентефрія принуждала къ беззаконію Іосифа Прекраснаго[4]); но цѣломудренный Михаилъ не соглашался на беззаконіе, такъ убѣждая царицу:

— Нельзя мнѣ этого дѣлать, потому что я монахъ и далъ обѣтъ Богу до конца дней моихъ непорочно сохранить чистоту моего тѣла.

---

1) *Едесса*—городъ, находившійся въ древности въ сѣверной части Месопотаміи.

2) См. житіе его подъ 5 декабря.

3) *Евнухъ*—оскопленный слуга, предназначавшійся обыкновенно къ службѣ въ гаремахъ Востока.

4) Кн. Быт., гл. 39.

Нечестивая же женщина та, убѣдившись, что цѣломудренный инокъ ни за что не захочетъ согласиться на ея беззаконную просьбу, исполнившись стыда и гнѣва, приказала бить святаго палками. Затѣмъ она отправила инока, какъ будтобы порицателя вѣры ихъ, къ царю, бывшему въ то время недалеко отъ Іерусалима.

Ст҃ы́й мч҃нкъ
мі҆ха́илъ

Царь, разспросивъ святаго, приказалъ его развязать и убѣждалъ его перейти въ магометанскую вѣру.

Святый же сказалъ царю:

— Нельзя мнѣ оставить Бога моего и стать послѣдователемъ бѣса.

Царь снова сталъ соблазнять его:

— Проси у меня, чего хочешь, и будешь царствовать со мною.

— Прошу у тебя одного изъ трехъ,— сказалъ ему на это святый:—или отпусти меня къ моему наставнику, или крестись во имя моего Бога, или усѣкновеніемъ меча отошли меня ко Христу, Богу моему.

Но царь приказалъ дать святому чашу съ смертоноснымъ ядомъ. Святый же, выпивъ ядъ, остался невредимъ, по слову Христа, сказанному во святомъ Евангеліи Его: а҆́ще и҆ что̀ сме́ртно и҆спїю́тъ, не вреди́тъ и҆́хъ [1]). Посрамленный царь приказалъ отсѣчь рабу Христову голову мечомъ посреди Іерусалима [2]).

Монахи обители святаго Саввы, взявши тѣло святаго мученика, понесли его въ свою Лавру и съ почестями положили мученика Христова вмѣстѣ со святыми отцами, прославляя Христа Бога, дивнаго во святыхъ Своихъ. Аминь.

---

1) Еванг. отъ Марка, гл. 16, ст. 18.

2) Кончина святаго мученика послѣдовала въ IX в.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНОЙ

ЕВФРОСИНІИ,

игуменіи Полоцкой

Въ городѣ Полоцкѣ жилъ князь по имени Всеславъ [1]), имѣвшій сына Георгія. Отъ сего-то Георгія и родилась блаженная Евфросинія.

До принятія иночества святая Евфросинія носила имя Предиславы. Будучи съ самыхъ юныхъ лѣтъ обучена грамотѣ, Евфросинія усердно изучала Священное Писаніе и прочія душеспасительныя книги. Изъ Священнаго Писанія она и научилась страху Божію и усердной любви къ Богу, Создателю своему.

Преподобная была весьма красива лицемъ своимъ, такъ что, когда ей исполнилось двѣнадцать лѣтъ, многіе славные князья просили отца Евфросиніи отдать ее замужъ за своихъ сыновей [2]). Но отроковица ни въ какомъ случаѣ не соглашалась отдать себя въ супружество земному смертному мужу, такъ какъ уневѣстила себя безсмертному Жениху Небесному, Господу Іисусу Христу, Сыну Божію. Всѣ помышленія преподобной были устремлены къ Богу. Однако отецъ Евфросиніи рѣшилъ выдать ее въ замужество за одного князя, хотя бы противъ воли ея. Когда Евфросинія узнала объ этомъ, то тайно отъ всѣхъ ушла въ женскій монастырь къ блаженной игуменіи княгинѣ Романѣ и начала усердно просить постричь ее въ образъ иноческій. Блаженная же Романа долго не соглашалась на это, отчасти изъ-за юныхъ лѣтъ Евфросиніи, а отчасти изъ-за страха предъ отцемъ ея. Поэтому Романа совѣтовала ей вступить въ мірскую жизнь, говоря, что она еще столь юна и столь прекрасна лицемъ. Но увидавъ, что Евфросинія имѣла твердое намѣреніе постричься для сохраненія дѣвства и пріобрѣтенія Царства Небеснаго, увидавъ также, что Евфросинія

---

[1]) *Всеславъ Брячиславичъ*, сынъ Брячислава Изяславича, княжилъ въ Полоцкѣ съ 1044 г. по 1101 г.

[2]) Ранній брачный возрастъ былъ обычнымъ явленіемъ въ древней Россіи.

питала великую сердечную любовь ко Господу Іисусу Христу, Романа приказала бывшему въ ея обители священнику постричь Предиславу и облечь ее въ ангельскій образъ; при этомъ юной княжнѣ было наречено имя Евфросиніи.

Когда родители блаженной отроковицы узнали обо всемъ происшедшемъ, то преисполнились великой скорби и тотчасъ направились въ тотъ монастырь. Увидавъ здѣсь дочь свою въ иноческомъ образѣ, они предались неудержимому плачу. Но блаженная Евфросинія, не смущаясь слезами родительскими, совѣтовала имъ не плакать, а радоваться тому, что они имѣютъ дочь свою обрученною Господу Іисусу Христу, Царю Небесному.

Въ монастырѣ преподобная Евфросинія пребывала въ постоянномъ постѣ и молитвахъ и вмѣстѣ съ прочими инокинями исполняла всѣ монастырскіе труды, подчиняясь всѣмъ съ великимъ смиреніемъ.

Спустя нѣкоторое время преподобная Евфросинія начала упрашивать епископа Полоцкаго Илію дозволить ей поселиться въ палаткѣ, устроенной при великой престольной церкви въ честь святой Софіи (поступая такъ, блаженная Евфросинія подражала древнимъ дѣвамъ іерусалимскимъ, въ числѣ которыхъ была и Пресвятая Дѣва Богородица; дѣвы тѣ жили вблизи Соломоновой церкви, въ особыхъ, устроенныхъ при стѣнѣ церковной, палаткахъ [1]). Епископъ, видя ангельское житіе и серафимскую любовь святой къ Богу, не воспрепятствовалъ доброму желанію сердца ея. И пребывала святая, какъ Ангелъ Божій, въ палаткѣ при церкви, постоянно, во всѣ дни и ночи, молясь Богу и славословя Его. Въ свободное же отъ молитвы время она писала книги своими руками и продавала ихъ; всѣ деньги, вырученныя такимъ образомъ, она раздавала нищимъ.

Послѣ того, какъ святая подвизалась уже достаточное время при церкви святой Софіи, однажды ночью она увидѣла во снѣ Ангела Божія. Взявъ ее за руку, Ангелъ повелъ ее за городъ, къ мѣсту, называвшемуся Сельцемъ; здѣсь находился Софійскій дворецъ; была также и небольшая деревянная церковь въ честь святаго Спаса; при этомъ Ангелъ сказалъ блаженной:

— Подобаетъ тебѣ здѣсь пребывать, потому что Богъ черезъ тебя на этомъ мѣстѣ многихъ приведетъ ко спасенію.

---

[1]) Болѣе подробное повѣствованіе объ этомъ можно читать въ сказаніи о Введеніи во храмъ Пресвятой Богородицы, помѣщенномъ подъ 21 числомъ ноября мѣсяца.

Это видѣніе повторилось второй и третій разъ. Преподобная удивлялась, недоумѣвая о видѣнномъ и благодаря Бога, удостоившаго ее таковаго видѣнія. Однако, повинуясь приказанію Божію, Евфросинія отвѣтствовала:

— Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое!

И епископу тому явился Ангелъ въ видѣніи и сказалъ:

— Веди рабу Божію Евфросинію къ церкви Спасителевой, находящейся при Сельцѣ, и посели ее при той церкви, дабы тамъ былъ монастырь изъ посвященныхъ Богу дѣвицъ, которыхъ Богъ хочетъ спасти черезъ сію блаженную Евфросинію. Молитва ея какъ мѵро благоуханное восходитъ къ Богу, и на ней почіетъ Духъ Святый, какъ на главѣ царевой; и какъ сіяетъ солнце по вселенной, такъ просіяетъ житіе ея предъ Ангелами Божіими.

Епископъ, пробудившись отъ сна, отправился къ преподобной Евфросиніи, дабы возвѣстить ей волю Божію. Евфросинія же повѣдала епископу о своемъ видѣніи, и оба возблагодарили Бога.

Затѣмъ епископъ позвалъ князя Бориса, дядю Евфросиніи, князя Георгія, отца ея, и многихъ бояръ и прочихъ честныхъ мужей и, передавъ имъ о видѣніи, сказалъ:

— Вотъ, я въ присутствіи васъ даю Евфросиніи мѣсто при церкви святаго Спаса на Сельцѣ, дабы былъ тамъ монастырь дѣвическій. Пусть никто не препятствуетъ ей и не отнимаетъ у ней то, что я далъ ей.

Всѣ согласились съ епископомъ.

Затѣмъ святую Евфросинію поселили при церкви въ честь Спаса и построили здѣсь монастырь для дѣвицъ, желавшихъ въ чистотѣ послужить Господу Іисусу Христу. Такимъ образомъ святая Евфросинія стала наставницей и руководительницей для многихъ дѣвицъ, отрекавшихся отъ міра и принимавшихъ образъ иноческій. Взирая на богоугодное житіе блаженной Евфросиніи, и прочія дѣвицы поощрялись къ подвигамъ богоугоднымъ.

Спустя нѣкоторое время преподобная послала сказать отцу своему:

— Пусти ко мнѣ сестру мою Градиславу, дабы я обучила ее Святымъ книгамъ.

Отецъ отпустилъ Градиславу. Святая Евфросинія научила младшую сестру свою чтенію книжному и, поучивъ ее многими душеспасительными бесѣдами, уневѣстила ее Христу, такъ какъ побудила ее принять образъ иноческій съ именемъ Евдокіи.

По прошествіи нѣкотораго времени, отецъ Евфросиніи послалъ сказать ей:

— Отпусти къ намъ сестру твою.

Евфросинія же отвѣчала:

— Пусть она побудетъ еще нѣкоторое время со мною, такъ какъ не вполнѣ изучила еще Писаніе.

Однако родители Евфросиніи въ скоромъ времени узнали о постриженіи и другой дочери своей. Преисполнившись гнѣва, они пришли въ монастырь и съ горечью сердечной сказали блаженной Евфросиніи:

— О дочь наша! Что ты сдѣлала съ нами! Ты прибавила къ старой печали нашей еще новую печаль и къ одной скорби еще новую скорбь! Развѣ не достаточно было тебѣ оставить насъ? Вотъ, ты и другое чадо наше, дорогое для насъ, отняла у насъ! Для этого ли мы родили васъ, для этого ли мы воспитывали васъ! Для того ли мы родили васъ, чтобы вы ранѣе смерти своей заключились, какъ въ гробѣ, въ этихъ черныхъ ризахъ, водворились въ монастырѣ и лишили насъ тѣхъ утѣхъ, которыхъ мы ждали отъ васъ?...

Прп҃бнаѧ
Є҆ѵфросѵ́нїа

Преподобная же Евфросинія начала утѣшать родителей своихъ душеспасительными бесѣдами. Немного утѣшившись, они возвратились въ домъ свой, облегчая естественную печаль своего родительскаго сердца духовною радостію.

Въ скоромъ времени къ преподобной Евфросиніи пришла княжна Звенислава, ея родственница, дочь дяди ея Бориса. Звенислава принесла къ преподобной всѣ свои драгоцѣнныя одежды, приготовленныя къ бракосочетанію, и сказала блаженной:

— Госпожа и сестра моя! Я вмѣняю ни во что всѣ драгоцѣнности міра сего; эти брачныя украшенія я даю въ церковь Спасителеву, а сама желаю уневѣстить себя бракомъ духовнымъ

Господу и Богу моему и преклонить голову свою подъ благое и легкое иго Его.

Преподобная Евфросинія приняла ее съ радостью и тотчасъ приказала постричь ее, нарекши ей имя Евпраксіи. И пребывали обѣ подвижницы въ пощеніяхъ и всенощныхъ молитвахъ, единою душею служа Господу въ преподобіи и въ правдѣ.

Замѣтивъ, что число сестеръ въ обители день ото дня увеличивается, преподобная Евфросинія возжелала построить каменную церковь во имя Спасителя. Усердіе ея, при Божіемъ споспѣшествованіи, увѣнчалось успѣхомъ. Вскорѣ же, въ томъ же году, была выстроена красивая каменная церковь. Надсмотрщикомъ за работой былъ нѣкій мужъ, по имени Іоаннъ. Однажды, когда онъ спалъ, ночью, еще до восхожденія солнца, то много разъ слышалъ Голосъ, говорившій ему:

— Іоаннъ! Встань, иди и смотри за постройкой храма въ честь Вседержителя.

Однажды онъ пришелъ къ Евфросиніи и спросилъ ее:

— Госпожа, это ты посылаешь будить меня и поскорѣе приниматься за дѣло?

Евфросинія же, понявъ, что Голосъ этотъ былъ не отъ людей, но отъ Бога, отвѣчала Іоанну:

— Хотя бы и не я посылала будить тебя, однако ты слушайся Голоса, призывающаго тебя къ работѣ, и дѣлай то, что онъ тебѣ приказываетъ, ибо это дѣло Божіе.

Дѣло постройки храма близилось уже къ концу. Недоставало только кирпичей, необходимыхъ для постройки храма. Тогда преподобная помолилась къ Богу, сказавъ такъ:

— Благодарю Тебя, Владыко Человѣколюбецъ, Всесильный Боже! Ты, даровавшій намъ большее, дай намъ и меньшее, дабы могли мы довести до конца дѣло построенія храма, созидаемаго во славу Пресвятаго Имени Твоего.

На слѣдующее утро, по изволенію Божію, строители нашли пещь, наполненную обожженными кирпичами и уже остывшими, притомъ весьма крѣпкими. Кирпичи эти были изготовлены невидимою рукою и въ весьма непродолжительномъ времени,—въ одну только ночь произошло это чудное дѣло. Всѣ преисполнились радости и прославили Бога. Такимъ образомъ постройка храма была доведена до конца. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ сюда для освященія храма епископъ съ клиромъ и съ князьями и всѣ

горожане: всѣ въ веселіи отпраздновали освященіе храма. Преподобная же Евфросинія, павъ ницъ въ храмѣ, со слезами молилась къ Богу въ такихъ словахъ:

«Ты, Господи Сердцевѣдецъ, Вседержитель, призри на храмъ сей, построенный во Имя Твое, какъ нѣкогда призрѣлъ на храмъ Соломоновъ; призри и на словесное стадо, при храмѣ Твоемъ собранное. Будь милостивъ ко всѣмъ намъ, служащимъ Тебѣ при семъ святомъ храмѣ. Подавай намъ помощь во всякомъ дѣлѣ благомъ, дабы мы благоуспѣшно понесли иго, возложенное на насъ и шли бы вослѣдъ Тебя, Жениха нашего. Ты Самъ охраняй дворъ сей словесныхъ овецъ. Будь намъ Пастыремъ, Придверникомъ и Стражемъ, дабы ни одна изъ сестеръ не была похищена волкомъ, губящимъ души людей,—діаволомъ. Ты, Господи, будь для насъ оружіемъ и крѣпкою защитой, дабы не коснулось насъ ѕло̀ и҆ ра́на не приблизилась тѣлесѝ нашему[1]), и не погуби насъ за наши грѣхи. Все упованіе свое мы возлагаемъ на Тебя, потому что Ты—Богъ милосердый и милостивый для всѣхъ, вѣрующихъ въ Тебя. Тебѣ будемъ непрестанно возсылать славу до конца жизни нашей».

Затѣмъ преподобная начала поучать сестеръ, говоря такъ:

— Вотъ, я собрала васъ ради Имени Господняго, подобно тому, какъ птица собираетъ птенцовъ подъ крылья свои; я собрала васъ какъ овецъ Божіихъ на лугъ Божественный: паситесь же въ Заповѣдяхъ Господнихъ, преуспѣвайте добродѣтелями отъ силы въ силу, дабы и я съ радостію, а не съ печалію заботилась о спасеніи вашемъ и учила васъ, и дабы я возвеселилась духомъ, видя духовные плоды трудовъ вашихъ. Вотъ, вы видите сами, со сколь великими трудами я посѣваю на сердцахъ вашихъ слова Божіи: однако иногда ваши нивы сердечныя остаются какъ бы несозрѣвающими, не преуспѣвающими въ добродѣтели, время же жатвы приближается. Вотъ, уже лопата на гумнѣ, она отдѣлитъ плевелы отъ пшеницы[2]). Весьма боюсь, сестры мои, какъ бы среди васъ не нашлось плевеловъ, которые будутъ преданы огню неугасимому. Поспѣшите же, молю васъ, соблюсти себя невредимыми отъ грѣховныхъ плевелъ, дабы вы могли избѣжать огня геенскаго. Приготовьте изъ себя чистую пшеницу Христову, совершенствуйтесь постническими трудами своими, подвизаясь во

---

1) Псал. 90, ст. 10.

2) Выраженіе взято изъ Еванг. отъ Матѳ., гл. 3, ст. 12.

смиреніи, чистотѣ, любви и молитвѣ, и тогда вы приготовите изъ себя хлѣбъ, пріятный Богу.

Такъ поучала преподобная Евфросинія сестеръ обители своей, внимательно заботившаяся о нихъ какъ чадолюбивая матерь о дѣтяхъ своихъ духовныхъ. Благодаря ея наставленіямъ и молитвамъ всѣ инокини преуспѣвали въ жизни добродѣтельной и приуготовляли изъ себя сосуды, достойные обитанія Духа Святаго.

Кромѣ упомянутой каменной церкви, преподобная Евфросинія построила еще и другую каменную церковь въ честь и славу Пресвятой Богородицы. Украсивъ ее иконами, она передала ее инокамъ, для которыхъ выстроила и монастырь при церкви этой[1]).

Преподобная Евфросинія пожелала имѣть въ обители своей икону Пресвятыя Богородицы, именуемую «Одигитрія»[2]),—именно одну изъ тѣхъ иконъ, которыя написалъ еще святый Евангелистъ Лука при жизни своей. Преподобная знала, что три иконы, написанныя святымъ Лукою, находятся: одна—въ Іерусалимѣ, другая—въ Константинополѣ и третья—въ Ефесѣ. Помолившись усердно Богу со слезами, прося Его даровать ей желаемое, она послала одного изъ слугъ обители своей, по имени Михаила, въ Константинополь къ благочестивому царю Мануилу[3]) и къ Святѣйшему Патріарху Лукѣ[4]) со многими дарами и просила ихъ прислать ей одну изъ иконъ Пресвятой Богородицы, написанныхъ Евангелистомъ Лукою, и именно ту, которая находится въ городѣ Ефесѣ. Царь и Патріархъ, видя великое усердіе блаженной Евфросиніи

---

[1]) *Монастырь*, основанный святою Евфросиніею, существуетъ и въ настоящее время съ именемъ *Спасо-Евфросиніева*. Онъ находится въ $1^1/_2$ в. отъ г. Полоцка (уѣздный городъ Витебской губ.). Въ 1579 г. онъ былъ захваченъ іезуитами, изъ-подъ власти которыхъ освобожденъ въ 1820 г.—Въ монастырѣ хранится сооруженный св. Евфросиніею напрестольный крестъ; богомольцамъ показываются двѣ келліи, въ которыхъ подвизалась преподобная Евфросинія. При монастырѣ находится училище для дѣвицъ духовнаго званія.

[2]) *Одигитрія* (ὁδιγήτρια, отъ ὁδός—путь и ἄγω—веду) съ греч.—*путеводительница*. Такое наименованіе усвоялось нѣкоторымъ иконамъ въ честь Матери Божіей—какъ духовной Путеводительницѣ вѣрующихъ. Въ частности, икона Божіей Матери Одигитрія, находившаяся въ Константинополѣ, во Влахернскомъ храмѣ, была названа такъ потому, что однажды Сама Матерь Божія, явившись двумъ слѣпцамъ, привела ихъ во Влахернскій храмъ къ Своей иконѣ и передъ ней даровала имъ прозрѣніе. Названіе «Одигитріи» усвоялось также тѣмъ иконамъ Богоматери, которыя мореплаватели помѣщали на носу или кормѣ корабля. Поэтому во многихъ мѣстахъ сохраняется благочестивый обычай—при отправленіи въ далекое путешествіе, особенно морское, совершать молебное пѣніе предъ образомъ Богоматери—Одигитріи. Празднованіе иконѣ Божіей Матери—Одигитріи совершается 21 января, 28 іюля и въ др. дни.

[3]) *Императоръ Мануилъ Комненъ* царствовалъ съ 1143 г. по 1180 г.

[4]) *Лука Хрисовергъ* патріаршествовалъ съ 1156 г. по 1169 г.

къ Богу и къ Пречистой Матери Божіей, рѣшили исполнить просьбу ея и отправили посланнаго въ Азію, который и принесъ въ Константинополь изъ Ефеса чудесную икону Пресвятой Богородицы. Отдавъ икону слугѣ обители Евфросиніевой, царь и Патріархъ отпустили его и дали ему грамоту, въ которой выражалась похвала рабѣ Христовой и давалось ей благословеніе патріаршее.

Получивъ честную икону, преподобная Евфросинія преисполнилась великой радости и воздала благодареніе Господу Іисусу Христу и Его Пречистой Матери. Икону эту Евфросинія поставила въ храмѣ Святаго Спаса, украсивъ ее золотомъ и драгоцѣнными камнями [1]).

Между тѣмъ родители преподобной Евфросиніи скончались. Проведя достаточное число лѣтъ въ подвигахъ иноческихъ, блаженная Евфросинія пожелала видѣть Святыя мѣста города Іерусалима и поклониться Живоносному Гробу Христову. Блаженная думала тамъ окончить и жизнь свою, о чемъ усердно молилась ко Господу. Когда всѣ окружавшіе ея узнали о ея намѣреніи, то преисполнились великой скорби. Придя къ ней, всѣ со слезами начали упрашивать ее не оставлять ихъ и самаго отечества своего. Блаженная же утѣшала всѣхъ съ любовію душеполезными бесѣдами, подобно тому какъ мать утѣшаетъ дѣтей своихъ. Между прочимъ, къ Евфросиніи пришелъ любимый братъ ея Вячеславъ вмѣстѣ со своею супругою и дѣтьми. Поклонившись ей, онъ сказалъ со слезами:

— Госпожа, сестра и мать моя! Для чего ты хочешь теперь оставить меня? Для чего оставляешь ты насъ, свѣтъ очамъ моимъ и руководительница жизни моей?

Святая же отвѣчала:

— Не оставить я хочу васъ, а хочу помолиться о себѣ и о васъ на тѣхъ Святыхъ мѣстахъ.

Когда блаженная Евфросинія окончила духовную бесѣду съ братомъ своимъ, то приказала ему оставить двухъ дочерей его, Киринію и Ольгу, у сестры своей Евдокіи; ибо блаженная Евфросинія имѣла такой даръ духовный, что на кого взирала очами своими, тотчасъ узнавала, есть ли въ немъ духъ добродѣтели и можетъ ли онъ быть сосудомъ избраннымъ для Господа. Такимъ-

[1]) Въ 1239 г. эта икона была перенесена въ г. Торопецъ супругою св. Великого князя Александра Невскаго.

то образомъ она и знала напередъ, что тѣ двѣ юныя отроковицы, дочери брата ея, добродѣтельною жизнію своею угодятъ Христу.

Когда Вячеславъ ушелъ отъ Евфросиніи, святая сказала дочерямъ его:

— Я хочу обручить васъ Жениху Безсмертному, дабы ввести въ чертогъ Царствія Небеснаго.

Отроковицы же тѣ, усладившись ея богодухновенною бесѣдою, умилились душею и, припавъ къ ногамъ ея, сказали:

— Да будетъ воля Господня! Пусть твоя святая молитва устроитъ о насъ, какъ тебѣ будетъ угодно.

Евфросинія, радуясь духомъ своимъ о добромъ намѣреніи отроковицъ тѣхъ, поучала ихъ душеспасительными бесѣдами и воспитывала въ сердцахъ ихъ любовь ко Христу.

Затѣмъ, спустя нѣкоторое время, Евфросинія призвала брата своего Вячеслава и сказала ему:

— Я хочу постричь твоихъ дочерей, дабы онѣ были невѣстами Христовыми.

Но Вячеславъ возмутился духомъ отъ словъ ея и сказалъ ей:

— Госпожа и мать моя! Что это ты замыслила сдѣлать со мной? Ты хочешь присоединить къ одной скорби моей еще и другую скорбь; ты хочешь чтобы я плакалъ, прежде всего, ради твоего удаленія отъ насъ въ страну далекую; затѣмъ, ты хочешь, чтобы я плакалъ ради дѣтей моихъ, будучи лишаемъ ихъ утѣхи!

Супруга же Вячеславова, мать тѣхъ отроковицъ, сокрушалась еще болѣе своего мужа и весьма много и долго рыдала. Однако Вячеславъ и его супруга не осмѣлились противиться словамъ блаженной Евфросиніи, такъ какъ принимали слова ея какъ бы слова Самого Христа, и знали, что она была истинной рабой Христовой и достойнымъ вмѣстилищемъ Святаго Духа.

Вслѣдъ затѣмъ Евфросинія попросила бывшаго тогда епископомъ Діонисія придти въ монастырь, ввести отроковицъ въ церковь и постричь ихъ; при этомъ Кириніи было наречено имя Агаѳія, а Ольгѣ—Евѳимія. Потомъ епископъ благословилъ ихъ благословеніемъ святыхъ отцевъ и матерей, отъ вѣка Богу угодившихъ.

Спустя нѣкоторое время блаженная Евфросинія вручила обитель свою сестрѣ своей Евдокіи и, облобызавъ всѣхъ сестеръ, помолившись Богу и возложивъ все упованіе на Него, направилась въ Іерусалимъ; при этомъ всѣ провожали Евфросинію, про-

ливая горькія слезы. Взявъ съ собою другого брата своего, по имени Давида, и родственницу Евпраксію, Евфросинія прибыла сначала въ Константинополь. Здѣсь она была принята съ великою честію царемъ и Патріархомъ. Затѣмъ, поклонившись здѣсь святымъ церквамъ и многимъ мощамъ святыхъ, отправилась въ Іерусалимъ. Придя въ этотъ городъ, она поклонилась Живоносному Гробу Христову, потомъ поставила при Гробѣ золотое кадило и принесла многіе дары Церкви Іерусалимской и Патріарху. Блаженная Евфросинія обошла и прочія достославныя мѣста въ окрестностяхъ Іерусалима; поклонившись святынямъ съ великимъ умиленіемъ, Евфросинія поселилась въ монастырѣ, называвшемся Русскимъ и находившемся при церкви, выстроенной въ честь и славу Пресвятой Богородицы. Затѣмъ снова пришла ко Гробу Господню и начала молиться здѣсь со слезами и умиленіемъ сердечнымъ въ такихъ словахъ:

«Господи Іисусе Христе, Сынъ Божій, родившійся отъ Пречистыя и Пресвятыя Приснодѣвы Маріи, ради спасенія нашего, сказавшій: **проси́те и҆ да́стсѧ ва́мъ**[1]). Благодарю благоутробіе Твое за то, что я, грѣшная, получила отъ Тебя то, что просила, ибо я сподобилась видѣть сіи Святыя мѣста, которыя Ты освятилъ пречистыми ногами Твоими, и сподобилась лобызать Святый Гробъ Твой, въ которомъ Ты почилъ пречистою Твоею плотію, принявъ смерть ради насъ. О Преблагой Владыко! Прошу Тебя еще объ одномъ: сподоби меня скончаться на мѣстѣ святомъ семъ. Не презри моей смиренной молитвы, Создатель мой! Пріими духъ мой во Святомъ Градѣ этомъ и посели меня вмѣстѣ съ прочими, угодившими Тебѣ, на лонѣ Авраамовомъ».

Помолившись такъ, святая пошла въ упомянутую церковь, при которой поселилась. Здѣсь она впала въ тѣлесный недугъ. Возлежа на одрѣ болѣзни, она молилась такъ ко Господу:

«Слава Тебѣ, Владыко мой, Господи Іисусе Христе! Благодарю Тебя за то, что Ты послушалъ меня, недостойную рабу Твою, и поступилъ со мною такъ, какъ восхотѣлъ Ты Самъ».

Желала блаженная Евфросинія быть и на Іорданѣ, но уже не могла идти туда по причинѣ недуга своего. Поэтому она послала на Іорданъ брата своего Давида и Евпраксію. Возвратившись оттуда, они принесли ей воды іорданской. Святая приняла воду ту съ великою радостью и благодареніемъ; она испила воды

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 7, ст. 7.

той и окропила ею все тѣло свое. Затѣмъ, возлегши на постель, сказала:

— Благословенъ Богъ, просвѣщающій и освящающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ.

Во время той болѣзни имѣла преподобная видѣніе ангельское, причемъ ей было возвѣщено отъ Бога и о блаженной кончинѣ ея, и о уготованномъ для нея покоѣ. И возвеселилась святая душею о Богѣ, Спасителѣ своемъ, хваля и прославляя Его за многія Его благодѣянія.

Затѣмъ святая послала въ Лавру святаго Саввы[1]) спросить архимандрита и братію о томъ, нельзя ли дать ей тамъ мѣста для погребенія. Они же отвѣчали:

«Мы имѣемъ заповѣдь отъ святаго отца нашего Саввы,— никогда не погребать женщинъ въ обители его. Есть общежительный монастырь Ѳеодосіевъ, построенный во славу и честь Пресвятой Богородицы. Тамъ почиваютъ многія святыя жены. Тамъ почиваетъ и мать святаго Саввы, и мать святаго Ѳеодосія, и мать святаго безсребренника Ѳеодотія, и многія другія честныя жены; тамъ подобаетъ быть похороненной и блаженной Евфросиніи».

Преподобная, услыхавъ такой отвѣтъ, возблагодарила Бога за то, что тѣло ея будетъ положено вмѣстѣ съ мощами святыхъ женъ, и тотчасъ послала въ обитель преподобнаго Ѳеодосія съ просьбою приготовить мѣсто для погребенія. Иноки монастыря того указали на мѣсто при церковномъ притворѣ и устроили гробъ для погребенія святой.

Преподобная Евфросинія пролежала на одрѣ болѣзни еще двадцать четыре дня. Когда приблизилось время ея блаженной кончины, она позвала священника, причастилась отъ него Божественныхъ Таинъ Христовыхъ и посреди молитвы предала святую душу свою въ руки Божіи въ двадцать третій день мѣсяца мая[2]). Честное тѣло ея было положено во обители преподобнаго Ѳеодосія, при паперти церкви Пресвятой Богородицы[3]).

---

[1]) *Обитель св. Саввы* основана преподобнымъ Саввою Освященнымъ въ VI в. Обитель эта замѣчательна какъ колыбель Іерусалимскаго устава, принятаго потомъ всѣми палестинскими монастырями. Іерусалимскій уставъ былъ также принятъ почти повсемѣстно и у насъ, на Руси, съ XIV в.

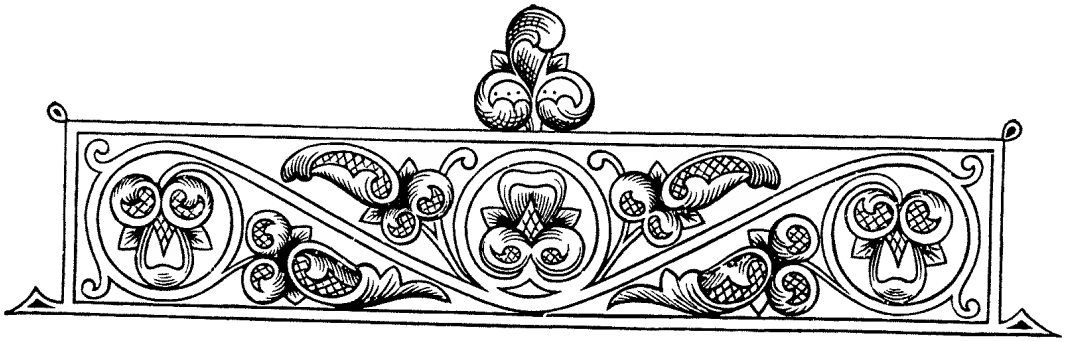
[2]) Кончина *преподобной Евфросиніи* послѣдовала въ 1173 г.

[3]) Честныя мощи святой Евфросиніи впослѣдствіи были перенесены (какъ полагаютъ нѣкоторые — въ 1187 г.) въ Кіевъ, гдѣ и почиваютъ въ пещерахъ преп. Ѳеодосія. (Ныне мощи святой Евфросиніи почивают в Полоцке — в Спасо-Преображенском монастыре.— *примеч. нового изд.*)

Затѣмъ ея братъ Давидъ и родственница Евпраксія, возвратившись въ свою родную страну, въ городъ Полоцкъ, принесли сюда вѣсть о блаженной кончинѣ и честнòмъ погребеніи преподобной Евфросиніи. Оплакавъ кончину блаженной Евфросиніи, всѣ постановили каждогодно совершать память ея во славу Отца, и Сына, и Святаго Духа, всею тварью хвалимаго и прославляемаго, нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь.

Въ тотъ же день празднуется **обрѣтеніе** (въ 1164 г.) **мощей святаго Леонтія,** епископа **Ростовскаго,** чудотворца.

Въ тотъ же день **память преподобнаго Паисія Галичскаго,** бывшаго архимандритомъ Успенскаго Николаевскаго монастыря (близъ г. Галича), скончавшагося въ 1460 г.



День двадцать четвертый

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

СИМЕОНА ДИВНОГОРЦА

Одинъ юноша, по имени Іоаннъ, прибылъ съ родителями своими изъ Едессы[1]) въ Антіохію[2]). Іоаннъ имѣлъ брачный возрастъ, и потому родители его, увидавъ здѣсь весьма красивую дѣвицу, по имени Марѳу, спросили отца и мать ея, не согласятся ли они отдать ее въ замужество за сына ихъ. Эти послѣдніе сказали объ этомъ Марѳѣ. Но дѣвица не желала вступать въ брачное сожительство, такъ какъ рѣшила уневѣстить себя Христу—Богу и Господу своему, дабы соблюсти въ чистотѣ дѣвство свое. Но такъ какъ родители принуждали ее вступить въ бракъ, то Марѳа ушла отъ нихъ и направилась съ поспѣшностію въ Предтечеву церковь, находившуюся близъ города Антіохіи. Придя сюда, она пала ницъ и со слезами начала молиться ко Господу, прося Его устроить все такъ, какъ было бы полезнѣе и спасительнѣе для нея. И было въ этой церкви видѣніе Марѳѣ, повелѣвавшее ей подчиниться родителямъ и вступить въ бракъ. Исполняя волю Божію, дѣвица сочеталась съ Іоанномъ, причемъ была не только его помощницею

---

1) Съ именемъ *Едессы* извѣстно нѣсколько городовъ. Въ данномъ случаѣ, вѣроятно, разумѣется Едесса (нынѣ Урфа), находившаяся въ сѣверной части Месопотаміи.

2) Разумѣется *Антіохія Сирійская*.

во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ, но и руководительницею, наставлявшею его ко всякому благому дѣлу; Марѳа украшала жизнь свою пощеніемъ, воздержаніемъ и молитвою, стремясь угодить Богу. Честна̀я Марѳа часто приходила въ церковь Предтечеву и молилась здѣсь съ великимъ усердіемъ къ Іоанну Предтечѣ, прося его исходатайствовать ей у Бога своими молитвами даръ — родить дитя мужескаго пола; при этомъ Марѳа обѣщала посвятить его, какъ нѣкогда Анна Самуила[1]), на служеніе Богу. Спустя годъ послѣ этого въ то время какъ Марѳа, молясь здѣсь ночью, задремала, ей явился святый Іоаннъ Предтеча и сказалъ:

— Надѣйся, жена! Молитва твоя принята, и ты получишь то, о чемъ просишь. Въ знакъ же благоволенія Божія пріими вотъ это благоуханіе (при этомъ онъ далъ ей кадило съ благовоніемъ); покади этимъ кадиломъ свой домъ.

Пробудившись отъ сна, Марѳа нашла въ рукѣ своей кадило, отъ котораго исходило неизреченное благоуханіе.

Прп҃бный
сѵ҃меѡ́нъ

Затѣмъ ей снова явился Предтеча Господень и сказалъ:

— Иди къ мужу твоему, ибо ты зачнешь сына и назовешь его Симеономъ. Онъ будетъ вкушать молоко лишь изъ правой груди твоей, лѣвой же совершенно не прикоснется. Онъ будетъ сыномъ десницы; онъ не будетъ вкушать ни мяса, ни вина, ни какой-другой снѣди, приготовленной съ искусствомъ рукою человѣческою; пищею для него будетъ лишь хлѣбъ, медъ, соль и вода. Тебѣ слѣдуетъ съ большимъ вниманіемъ воспитывать его, какъ сосудъ святый, предназначенный для служенія Господу Богу нашему. Спустя два года послѣ его рожденія ты принесешь его

[1]) 1 Кн. Царствъ, гл. 1, ст. 11.

въ мою церковь, и здѣсь вы его крестите; когда младенецъ сподобится благодати Крещенія, тогда будетъ видно всѣмъ, что выйдетъ изъ него.

Марѳа, преисполнившись и страха, и радости отъ такого видѣнія, принесла великое благодареніе Богу и святому Предтечѣ Господню Іоанну. Затѣмъ, возвратившись въ домъ мужа своего, зачала отъ него, а когда исполнилось время, родила безъ болѣзни сына и назвала его Симеономъ. Марѳа кормила младенца правою грудью своею. Иногда же, испытывая слова святаго Предтечи Іоанна, сказанныя ей въ видѣніи, давала младенцу лѣвую грудь; но младенецъ съ плачемъ отворачивалъ лице свое отъ лѣвой груди и ни въ какомъ случаѣ не желалъ принимать изъ нея молока. Было дивнымъ еще и то, что въ какой день Марѳа вкушала мясо или испивала вино, въ тотъ день младенецъ совершенно не вкушалъ молока отъ груди матерней и пребывалъ голоднымъ даже до слѣдующаго дня. Понявъ причину невкушенія младенцемъ пищи, Марѳа начала воздерживаться отъ вкушенія мяса и вина и такъ питала имѣвшаго быть великимъ постникомъ, сама пребывая въ постоянномъ постѣ и молитвѣ.

Послѣ того какъ младенцу исполнилось два года, родители принесли его въ церковь Предтечеву и крестили здѣсь. По Крещеніи же младенецъ тотчасъ заговорилъ, ясно сказавъ слѣдующія слова:

— Имѣю отца, и не имѣю отца; имѣю матерь, и не имѣю матери!

Эти слова онъ повторялъ въ теченіе семи дней. Родители весьма удивлялись этому и предвидѣли, что ихъ младенецъ будетъ подражателемъ не земныхъ дѣлъ, а небесныхъ. Когда младенецъ былъ вскормленъ материнскимъ молокомъ, то его стали питать хлѣбомъ, медомъ и водою, такъ какъ мяса онъ ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ вкушать, точно такъ же какъ не вкушалъ и ничего вареннаго.

Когда младенцу пошелъ шестой годъ, случилось землетрясеніе въ Антіохіи (въ царствованіе Юстиніана Великаго)[4]). Во время этого землетрясенія упалъ каменный домъ, въ которомъ жили родители Симеона, причемъ отецъ его умеръ, будучи убитъ упавшимъ домомъ, мать же осталась живою, такъ какъ, по усмотрѣнію Божію, во время этого землетрясенія вышла изъ дома и пребывала въ храмѣ; младенецъ Симеонъ точно такъ же находился тогда не въ

---

[1]) *Юстиніанъ I* (*Великій*) царствовалъ съ 527 г. по 565 г.

домѣ своемъ, но въ церкви святаго первомученика Стефана, гдѣ и былъ сохраненъ Богомъ цѣлымъ и невредимымъ. Выйдя изъ церкви, Симеонъ не зналъ, какою дорогою идти ему къ себѣ домой, такъ какъ всюду валялись обломки отъ разрушенныхъ домовъ. Не найдя дома своего, онъ долго блуждалъ, ходя по развалинамъ Антіохіи; наконецъ, одна благочестивая женщина, знавшая его родителей, взяла его на свои плечи и принесла на гору, находившуюся неподалеку отъ города, гдѣ она сама проживала.

Блаженная же Марѳа, мать Симеонова, узнавъ, что домъ ея обрушился, и подумавъ, что съ мужемъ ея погибъ и ея сынъ, будучи задавленъ каменными стѣнами, предалась великому плачу. Спустя семь дней послѣ этого ей явился святый Іоаннъ Предтеча и сказалъ, что отрокъ ея живъ, указалъ также и мѣсто, гдѣ онъ находился. Марѳа тотчасъ отправилась къ горѣ той. Придя туда, она нашла Симеона у упомянутой женщины, причемъ эта послѣдняя съ удивленіемъ сказала матери Симеоновой, что отрокъ въ продолженіе всѣхъ тѣхъ семи дней не вкушалъ ничего, кромѣ небольшого количества хлѣба и воды. Взявъ его, мать вмѣстѣ съ нимъ направилась къ церкви Предтечевой и принесла здѣсь благодареніе Богу и Его угоднику Іоанну Предтечѣ за сохраненіе отрока живымъ; потомъ возвратилась къ себѣ.

Однажды, когда Марѳа размышляла сама въ себѣ о видѣніяхъ, бывшихъ ей объ отрокѣ, и о многихъ удивительныхъ дѣлахъ, уже совершившихся относительно отрока, она недоумѣвала, что выйдетъ изъ ея сына; уснувъ, она имѣла такое видѣніе: ей показалось, что она получила крылья и поднялась на высоту, держа въ рукахъ своихъ отрока; вознося его въ даръ Господу, она говорила:

— Я желала бы видѣть, чадо мое, таковое твое восхожденіе! Да отпуститъ съ миромъ Создатель мой меня, сподобившуюся быть благословенною многими женами, ибо я отдаю Всевышнему плодъ чрева моего!

Послѣ этого Марѳа поселилась съ сыномъ своимъ на нѣкоторомъ мѣстѣ, находившемся въ Антіохіи и называвшемся Херувимъ. Названіе это было усвоено мѣсту тому по слѣдующему поводу: Титъ, сынъ Веспасіана, императора Римскаго[1]), завоевавъ Іерусалимъ, взялъ изъ іерусалимскаго храма двухъ золотыхъ

---

[1]) *Веспасіанъ* управлялъ Римскою имперіею съ 70 г. по 79 г. по Р. Хр. Сынъ его *Титъ* царствовалъ съ 79 г. по 81 г.

Херувимовъ, стоявшихъ надъ Кивотомъ Завѣта, и принесъ ихъ въ Антіохію. То самое мѣсто, гдѣ были поставлены эти Херувимы, и называлось Херувимомъ.

Въ то время какъ блаженная Марѳа пребывала здѣсь вмѣстѣ съ отрокомъ своимъ, Симеону было такое видѣніе: онъ видѣлъ Господа Іисуса Христа, сидѣвшаго на высокомъ Престолѣ, причемъ къ Нему со всѣхъ сторонъ стекалось много праведниковъ; предъ Престоломъ была открыта Книга жизни, по которой творился судъ; на востокѣ виднѣлся рай сладости, на западѣ же — геенна огненная. Затѣмъ Духъ Святый сказалъ Симеону:

— Слушай, отрокъ, и уразумѣвай все, что здѣсь видишь; постарайся угодить Богу, и тогда ты сподобишься одинаковой чести и славы съ прочими святыми и получишь неизреченныя блага, приготовленныя для всѣхъ, любящихъ Господа.

Послѣ этого видѣнія отрокъ преисполнился премудрости божественной и получилъ откровеніе и видѣніе многихъ невѣдомыхъ и чудесныхъ тайнъ.

Спустя нѣкоторое время Симеонъ увидѣлъ нѣкотораго мужа, дивнаго лицемъ, облеченнаго въ бѣлыя одежды, сказавшаго ему:

— Послѣдуй за мною.

Симеонъ послѣдовалъ за нимъ. Мужъ, явившійся ему, привелъ его въ страну тиверинскую, находившуюся рядомъ съ Селевкіею. Мужъ привелъ отрока на мѣсто, называвшееся Пила. Здѣсь отрокъ пребывалъ въ горѣ пустынной, живя со звѣрями, какъ съ агнцами. Онъ имѣлъ своими сожителями только звѣрей, такъ что никто изъ людей не видалъ его. Ночью и днемъ его осіявалъ свѣтъ неизреченный. Принималъ пищу Симеонъ изъ рукъ того свѣтлаго мужа, который привелъ его сюда. Мужъ тотъ часто являлся ему, поучалъ его во всемъ и подавалъ ему въ свое время пищу.

Спустя нѣкоторое время, по наставленію того же мужа, Симеонъ взошелъ на верхъ горы и нашелъ здѣсь небольшой монастырь, игуменомъ котораго былъ блаженный Іоаннъ, стоявшій на столпѣ. Этотъ игуменъ имѣлъ частыя видѣнія, предуказывавшія, что къ нему придетъ блаженный отрокъ Симеонъ: такъ, напримѣръ, онъ видѣлъ отрока въ бѣлой одеждѣ, иногда направлявшимся въ монастырь на колесницѣ, иногда летающимъ по воздуху и парящимъ надъ монастыремъ, иногда стоящимъ на свѣтломъ столпѣ и съ столпомъ приближающимся къ монастырю. Видѣлъ сей блажен-

ный Іоаннъ и Ангела, показывавшаго ему на отрока того и говорившаго:

— Вотъ это тотъ, черезъ котораго ты получишь спасеніе.

Обо всѣхъ этихъ видѣніяхъ игуменъ Іоаннъ говорилъ инокамъ, пребывавшимъ вмѣстѣ съ нимъ.

Когда же, по Божію усмотрѣнію, въ его монастырь пришелъ блаженный Симеонъ, то иноки весьма удивлялись тому, что столь малое дитя, не имѣвшее еще и шести лѣтъ, могло одно ходить по такой пустынѣ и найти монастырь. Игуменъ же Іоаннъ, увидавъ Симеона со столпа своего, понялъ, что это былъ именно тотъ отрокъ, какого онъ неоднократно созерцалъ въ видѣніяхъ своихъ. Весьма возрадовавшись всему происшедшему, Іоаннъ призвалъ Симеона къ себѣ, взялъ на руки свои и облобызалъ его, со слезами благодаря Бога. Отрокъ же былъ лицемъ весьма красивъ, бѣлокуръ волосами, взоръ его былъ чистъ и свѣтелъ, являвшій всѣмъ душевную доброту его; отрокъ былъ кротокъ, молчаливъ, скоръ на отвѣтъ, разуменъ въ словѣ, преисполненъ дарованій небесныхъ. Симеонъ пребывалъ въ монастырѣ томъ отдѣльно отъ всѣхъ, содержа уста свои въ молчаніи. Пощеніе его было таково: иногда черезъ три дня, иногда черезъ семь, а иногда черезъ десять вкушалъ онъ горохъ, размоченный въ водѣ и пилъ очень немного воды. Видя все это, игуменъ Симеонъ весьма дивился.

Въ монастырѣ томъ жилъ одинъ простецъ, пасшій стада. Увидавъ вышеестественное пощеніе отрока того, онъ разжегся діавольскою завистію къ нему и замыслилъ убить его. Но когда онъ началъ приводить въ исполненіе свой злой умыселъ, тотчасъ рука его засохла; онъ разболѣлся всѣмъ тѣломъ своимъ, такъ что былъ уже недалекъ отъ смерти; вслѣдствіе этого онъ исповѣдалъ грѣхъ свой игумену и блаженному Симеону и покаялся въ немъ. Отрокъ же, будучи незлобивымъ, не только простилъ ему грѣхъ его, но и помолился объ его исцѣленіи Богу, и тотчасъ, лишь только онъ коснулся изсохшей руки его, она исцѣлѣла, и все тѣло человѣка того стало здравымъ. Съ этого времени игуменъ и братія стали еще больше почитать сего блаженнаго отрока, такъ какъ видѣли въ немъ того, кого Богъ предъизбралъ на служеніе Себѣ еще отъ чрева матери.

Спустя нѣкоторое время блаженный Симеонъ началъ усердно просить братію построить ему столпъ близъ столпа аввы Іоанна;

согласно его желанію столпъ былъ выстроенъ при столпѣ Іоанновомъ. Отрокъ взошелъ на него, имѣя всего лишь семь лѣтъ отъ роду, будучи облеченнымъ въ образъ иноческій блаженнымъ Іоанномъ. И стоялъ онъ на столпѣ, подражая аввѣ Іоанну.

При началѣ его подвига столпнаго ему явился Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ видѣ Отрока, сіявшаго неизреченною красотою. Увидавъ Сего Отрока, святый Симеонъ воспламенился къ Нему любовію отъ всего сердца своего. Познавъ же, что это былъ Богъ и Господь его, онъ съ дерзновеніемъ спросилъ Его:

— Господи, какъ Тебя распяли іудеи?

Господь же, распростерши Свои руки крестообразно, сказалъ ему:

— Вотъ такъ Меня распяли іудеи; впрочемъ, Я Самъ благоизволилъ дать Себя на распятіе. Ты же мужайся и крѣпись, сраспинаясь Мнѣ во всѣ дни жизни своей.

Съ этого времени святый Симеонъ какъ бы забылъ совершенно свое тѣло и уподобился безплотнымъ тварямъ, проводя жизнь ангельскую и превосходя подвигами своими даже старца Іоанна. Іоаннъ пѣлъ каждую ночь по тридцати псалмовъ, а Симеонъ по пятидесяти, а иногда по восьмидесяти, часто же и всю псалтирь пропѣвалъ въ одну ночь, совершенно не предаваясь сну; и днемъ святый непрестанно славословилъ Господа. Старецъ же, щадя юность Симеона и опасаясь, какъ бы онъ не изнемогъ отъ столь великихъ трудовъ, увѣщевалъ его, говоря такъ:

— Чадо! Оставь свои, превосходящіе силу человѣческую, труды, такъ что ты даже намъ не даешь уснуть; для тебя слишкомъ достаточно, что ты отъ рожденія своего сраспялся Христу; необходимо тебѣ имѣть нѣкоторое, хотя бы малое, попеченіе и о тѣлѣ твоемъ; необходимо тебѣ предаваться хотя бы краткому сну и принимать пищу въ мѣру, дабы ты могъ до конца выдержать подвигъ постническаго житія; вѣдь пища и питіе не оскверняютъ человѣка, какъ говоритъ Самъ Господь въ Своемъ Писаніи святомъ: «всѧ́кое дви́жꙋщеесѧ, є҆́же є҆́сть жи́во, ва́мъ бꙋ́детъ въ снѣ́дь: ꙗ҆́кѡ ѕе́лїе травно́е да́хъ ва́мъ всѐ»[1]).

Отвѣчалъ старцу блаженный Симеонъ:

— Хотя пища и не оскверняетъ человѣка, но она рождаетъ грѣховные помыслы, помрачаетъ умъ, укореняетъ страсть, претворяетъ духовнаго человѣка въ плотского, устремляетъ мысли его

---

1) Кн. Быт., гл. 9, ст. 3.

къ земнымъ вожделѣніямъ; намъ же, инокамъ, подобаетъ днемъ и ночью поучаться въ Законѣ Господнемъ, дабы не подпасть подъ обольщеніе сонное и не впасть въ уныніе, какъ говоритъ пророкъ: воздремà дꙋшà моѧ̀ ѿ оу҆ны́нїѧ[1]). Въ особенности для славословія Божія дòлжно отверзать уста съ недремлющею бодростію, и тогда мы привлечемъ на себя благодать Духа Святаго. Впрочемъ, что тебѣ, честный отецъ, до словъ моихъ? Я для себя самого, но никакъ не для другихъ, указываю Законъ, ибо мнѣ необходимо удручать свое юное тѣло столь великими подвигами.

Удивился весьма старецъ такому благоразумному отвѣту юнаго отрока.

Однажды, когда Симеонъ былъ осіянъ свѣтомъ отъ Духа Святаго, ему было открыто все діавольское царство и всѣ демонскія мечтанія, ибо онъ видѣлъ самого князя тьмы, сидѣвшаго на престолѣ большомъ, имѣвшаго вѣнецъ, блестѣвшій на головѣ его, причемъ полки демоновъ предстояли ему; предъ лицемъ же князя тьмы виднѣлись всѣ мірскія обольщенія, уготовляемыя имъ: золото, серебро, камни драгоцѣнные, маргариты; все это находилось какъ бы въ нѣкоемъ болотѣ; всюду слышались гласы трубъ, свирѣлей и прочихъ музыкальныхъ инструментовъ. И виденъ былъ грѣхъ въ образѣ красивой женщины, за которой слѣдовали слуги — искусители, соблазняющіе людей ко грѣху: виденъ былъ духъ суеты, духъ нечистоты, духъ лѣности и духъ сребролюбія; виденъ былъ змій, никогда не насыщавшійся устами своими, готовый пожрать весь міръ. Эти духи-искусители пытались склонить ко грѣху и Симеона; они призывали его ко грѣху различными лукавыми словами, но онъ, оградившись обычнымъ оружіемъ своимъ,—знаменіемъ Честнàго Креста,—и призвавши Имя Христово, всегда отгонялъ отъ себя всѣ тѣ мечтанія демонскія, подобно тому какъ солнце прогоняетъ тьму. Посмотрѣвъ же на церковь, Симеонъ увидѣлъ Престолъ Божій, отъ котораго исходила слава Божія, осіявшая и Симеона; при этомъ къ святому Симеону былъ посланъ изъ церкви одинъ изъ патріарховъ, имѣвшій въ рукѣ своей мѵро благоуханное; возливъ его на голову Симеонову, онъ сказалъ:

— Силою помазанія сего да прогонишь бѣсовъ! Препоясавшись божественною силою свыше, да сѣчешь ихъ тысячами и да побѣдишь ихъ десятками тысячъ. Дерзай же, надѣясь на Созда-

---

[1]) Псал. 119, ст. 28.

теля твоего, ибо **ничто́же оу҆спѣ́етъ вра́гъ** на тебя, **и҆ сы́нъ беззако́нїѧ не приложи́тъ ѡ҆зло́бити** тебя[1]).

Съ этого времени блаженный Симеонъ принялъ власть надъ дѹхами нечистыми и изгонялъ ихъ изъ людей, которыхъ исцѣлялъ и отъ всякихъ другихъ болѣзней.

Однажды рабъ Божій Симеонъ столпникъ обратился съ такими словами къ блаженному старцу:

— Отче! Не такъ давно, всего нѣсколько дней тому назадъ, Господь открылъ мнѣ власть сатаны и всѣ его пагубныя богатства; я видѣлъ всю лесть и коварство его, съ какимъ онъ ведетъ борьбу съ людьми добродѣтельными.

Іоаннъ же отвѣчалъ Симеону:

— Богъ да соблюдетъ тебя, чадо, отъ всѣхъ козней его.

Симеонъ сказалъ:

— Хотя бы нечестивая сила демонская и замыслила причинить намъ много зла, она нисколько не успѣетъ въ этомъ.

Старецъ же, видя, что отрокъ вмѣняетъ ни во что искушенія демоновъ, и опасаясь, какъ бы онъ не впалъ въ высокоуміе, сказалъ ему:

— Во всякомъ случаѣ, чадо, намъ слѣдуетъ опасаться многоразличныхъ козней демонскихъ, и недостаточно уповать лишь на добродѣтель нашу; ибо врагъ нашъ обулся въ желѣзные сапоги[2]), стараясь всегда вовлечь въ искушеніе иноковъ; и всегда, какъ только онъ видитъ удобный случай, воздвигаетъ тяжкую брань на иноковъ. Намъ же необходимо всегда молиться къ Богу и призывать на помощь Еммануила[3]), дабы Онъ былъ всегда съ нами и поразилъ всю силу вражію.

Въ то время какъ святые бесѣдовали такъ, сатана, слышавшій ихъ разговоръ, преисполнился ярости и началъ скрежетать зубами на юнаго подвижника; затѣмъ началъ устрашать его различными мечтательными образами, превращаясь то въ лютыхъ змѣй, то въ звѣрей, устремляясь на него каждый день и каждую ночь и какъ бы намѣреваясь его пожрать. Блаженный же Симеонъ, имѣя своимъ помощникомъ Бога Всевышняго, ограждая себя знаменіемъ крестнымъ, говорилъ:

---

1) Псал. **88**, ст. 23.

2) Выраженіе образное, показывающее силу и коварство демоновъ.

3) *Еммануилъ* —наименованіе Мессіи, или Іисуса Христа, въ извѣстномъ пророчествѣ Исаіи о рожденіи Сына отъ Дѣвы (гл. 7, ст. 14). Это наименованіе означаетъ съ еврейскаго: *съ нами Богъ*.

— Не убоюсь ѿ страха нощнагѡ, ѿ стрѣлы летящїѧ во дни, ѿ вещи во тьмѣ преходящїѧ, ѿ срящѧ и бѣса полуденнагѡ[1]).

Въ декабрѣ мѣсяцѣ ночью, именно во вторую стражу нощную, діаволъ, собравъ всѣ свои полчища, направился внезапно къ святому Симеону и, сорвавъ крышу, устроенную надъ столпомъ, свергнулъ блаженнаго Симеона со столпа внизъ. Но отрока охраняла рука Божія; поэтому святый стоялъ у столпа какъ невредимый, бодрый духомъ, ибо онъ нисколько не устрашился нападенія вражескаго. Затѣмъ діаволъ воздвигъ съ моря бурный и рѣзкій вѣтеръ; поднялась буря, слышались удары грома, виднѣлась молнія, ударявшая всю ночь по столпу Симеонову. Преподобный же Іоаннъ, думая, что Симеонъ былъ уже убитъ громомъ и молніею, началъ плакать и просилъ иноковъ пойти и посмотрѣть, живъ ли отрокъ и на столпѣ ли онъ. Иноки же не отвѣчали Іоанну, ибо, изъ страха предъ наважденіемъ тѣмъ бѣсовскимъ, не выходили изъ келлій своихъ; были же среди иноковъ и такіе, которые питали ненависть на отрока Симеона, поддаваясь искушенію демонскому. Иноки говорили другъ другу:

— Гдѣ же пощеніе отрока того, превосходящее силы человѣческія? Гдѣ подвиги его? Гдѣ чудодѣйствія? Пусть поможетъ теперь самъ себѣ!

Блаженный же Симеонъ, услыхавъ, что старецъ Іоаннъ плачетъ о немъ, громко воззвалъ къ нему, говоря:

— Не скорби обо мнѣ, отче, ибо я нисколько не пострадалъ ни въ чемъ, будучи охраняемъ благодатію Христовою; діаволъ же посрамленъ.

Когда наступило утро, иноки отправились къ столпу Симеонову, думая, что найдутъ отрока уже мертвымъ, но, увидавъ его живымъ и радостнымъ, какъ Ангела Божія сіявшаго лицемъ своимъ, постыдились. Съ укоризною отъ старца Іоанна ушли они, посрамленные, въ келліи свои.

О блаженномъ Симеонѣ услышалъ Ефремъ, архіепископъ Антіохійскій. Узнавъ, въ сколь великихъ подвигахъ проводилъ онъ жизнь свою, Ефремъ пришелъ къ нему и, увидавъ отрока, столь юнаго тѣломъ, но уже достаточно совершеннаго въ добродѣтельной жизни, сораспявшаго себя Христу, прославилъ Бога и со слезами воз-

---

1) Псал. **90**, ст. 5—6. Въ рус. переводѣ: «не устрашусь ужасовъ въ ночи, стрѣлы, летящей днемъ, язвы, ходящей во мракѣ, заразы, опустошающей въ полдень».

вратился въ городъ свой, разсказывая всюду на пользу гражданъ строгое постническое житіе раба Христова.

Съ этого времени къ блаженному Симеону начали приходить многіе — какъ изъ иноковъ, такъ и изъ мірянъ,—одни для того, чтобы видѣть его, другіе для того, чтобы насладиться его боговдохновенною бесѣдою и, наконецъ, третьи затѣмъ, чтобы исцѣлиться отъ тѣлесныхъ недуговъ своихъ, видя въ Симеонѣ безмезднаго врача и цѣлителя.

Однажды блаженный Симеонъ попросилъ себѣ у приходившихъ къ нему крѣпкую и жесткую вервь и тайно отъ всѣхъ обвилъ ею тѣло свое, такъ что вервь проникла до костей его; тѣло его покрылось язвами, изъ которыхъ изливалась кровь; власяница, будучи смочена кровью, прилипла къ тѣлу святаго; начала уже гнить плоть его, но святый Симеонъ мужественно переносилъ подвигъ свой; наконецъ началъ исходить смрадъ отъ гнившей плоти его. Иноки, восходившіе къ нему на столпъ, не знали сначала, откуда исходитъ этотъ смрадъ; потомъ же, понявъ великій подвигъ святаго, возвѣстили обо всемъ аввѣ Іоанну. Іоаннъ, ужаснувшись столь великому подвигу, приказалъ мало-помалу вынуть вервь изъ тѣла Симеона и запретилъ ему предавать тѣло свое столь лютымъ мученіямъ.

Блаженный Симеонъ имѣлъ и благодать ученія, исходившую какъ рѣка изъ устъ его. Созывая братію, старецъ Іоаннъ приказывалъ Симеону говорить поученіе и самъ съ любовію слушалъ его. И былъ, такимъ образомъ, юный отрокъ мудрымъ и полезнымъ учителемъ для старыхъ, ибо уста его были преисполнены благодати Духа Святаго.

Старецъ Іоаннъ называлъ Симеона за его даръ учительства новымъ Давидомъ; говорилъ ему и о видѣніи, которое онъ имѣлъ относительно него во снѣ, а именно, говорилъ, что видѣлъ какъ бы нѣкую божественную силу, имѣвшую въ правой рукѣ своей сотъ медовый, истекавшій надъ главою отрока.

Другой старецъ спросилъ однажды братію, указывая на столпъ Симеоновъ:

— Водятся ли голуби въ столпѣ этомъ?

Братія отвѣчали ему:

— Нѣтъ.

Тогда старецъ сказалъ:

— Я видѣлъ голубя, свѣтлаго видомъ, влетѣвшаго къ отроку

черезъ дверцу, затѣмъ черезъ часъ вылетѣвшаго отъ него и поднявшагося къ Небесамъ.

Въ то время какъ старецъ тотъ бесѣдовалъ съ братіею, блаженный Симеонъ имѣлъ видѣніе: ему казалось, что онъ былъ восхищенъ на высоту и облеталъ всю вселенную, какъ бы имѣвшій крылья; затѣмъ ему представилось, что онъ былъ возведенъ семью лѣствицами на высокую гору, гдѣ, подобно святому Апостолу Павлу, видѣлъ то, **ꙗ҆́же о҆́ко не ви́дѣ**, и слышалъ то, что **ᲂу҆́хо не слы́ша**[1]). Святый Симеонъ, спускаясь оттуда, спросилъ водившаго его:

— Что это я видѣлъ?

Тотъ же отвѣчалъ:

— Это семь Небесъ, на которыя ты былъ восхищенъ.

Затѣмъ святый увидѣлъ рай, и прекрасные сады, и пресвѣтлыя и пребольшія палаты, и источникъ мѵра, протекавшій тамъ. Здѣсь преподобный не видѣлъ никого, кромѣ Адама и благоразумнаго разбойника.

Когда Симеонъ пришелъ въ чувство, то сказалъ о всемъ видѣнномъ старцу Іоанну. Тотъ же, выслушавъ, сказалъ:

— Чадо! Благословенъ Богъ, даровавшій тебѣ таковую благодать.

Между тѣмъ отрокъ преуспѣвалъ все болѣе и болѣе въ трудахъ постническихъ. Если къ нему приходилъ кто-либо не имѣвшій одежды, то онъ, снявъ съ себя одежду свою, отдавалъ пришедшему, самъ же пребывалъ нагимъ; такъ поступалъ онъ не только лѣтомъ, но и зимою. Старецъ же Іоаннъ не одинъ разъ облекалъ его въ одежду, хотя онъ и не хотѣлъ этого, опасаясь какъ бы отрокъ не умеръ отъ холода и стужи. Но отрокъ, ударяя себя въ грудь, плакалъ, говоря:

— Горе мнѣ окаянному! Вотъ, святые сорокъ мучениковъ ради Имени Христова терпѣли и холодъ и стужу въ озерѣ[2]), а я боюсь и немного померзнуть. Какъ же въ такомъ случаѣ я спасусь отъ вѣчнаго скрежета зубнаго? Какимъ образомъ я могу получить одну участь со святыми?

И рыдалъ Симеонъ такими и имъ подобными словами долгое время.

---

[1]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 2, ст. 9.

[2]) Имѣется въ виду подвигъ святыхъ 40 мучениковъ, пострадавшихъ во армянскомъ городѣ Севастіи въ IV в. Память ихъ совершается св. Церковію 9-го марта.

Старецъ же, огорчившись, сказалъ:

— Что еще хочешь сдѣлать съ собою, Симеонъ? Вотъ, у тебя лишь недостаетъ ножа, чтобы ты имъ умертвилъ себя!

Спустя нѣкоторое время Симеонъ придумалъ такое мученіе для плоти своей: онъ сѣлъ на ногахъ своихъ и не вставалъ въ продолженіе цѣлаго года; бедра и голени преподобнаго начали вслѣдствіе этого гнить, такъ что отъ гніенія распространялся кругомъ смрадъ. Авва Іоаннъ, призвавъ врача, просилъ его уврачевать язвы Симеоновы, но Симеонъ, улыбаясь, сказалъ:

— Живъ Господь мой! Да не прикоснется ко мнѣ рука или помощь человѣческая.

Господь же благодатіею Своею подалъ ему здравіе, и всталъ отрокъ, будучи здравъ обѣими ногами и бедрами, такъ что не имѣлъ на нихъ совершенно никакихъ слѣдовъ язвъ отъ ранъ. Ставъ на колѣна, святый возносилъ долгое время благодареніе Богу за свое исцѣленіе.

Когда наступилъ праздникъ святой Пятидесятницы, утромъ праздничнаго дня блаженный Симеонъ спросилъ преподобнаго Іоанна:

— Отче, кто достоинъ пріятія Духа Святаго подобно тому, какъ Его приняли святые Апостолы въ языкахъ огненныхъ? [1])

Старецъ отвѣчалъ ему:

— Не ищи того, что выше тебя, и не разслѣдуй того, что недовѣдомо тебѣ; размышляй же о томъ, что тебѣ повелѣно.

Отрокъ сказалъ на это:

— Въ Священномъ Писаніи сказано: «во́лю боѧ́щихсѧ є҆гѡ̀ сотвори́тъ (Господь), и҆ моли́твꙋ и҆̀хъ ᲂу҆слы́шитъ, и҆ сп҃се́тъ ѧ҆̀» [2]).

Сказавъ такъ, отрокъ возвелъ очи свои къ Небу и изъ глубины сердечной помолился Богу въ такихъ словахъ:

«Господи, пославшій Духъ Твой Святый на святыхъ Твоихъ учениковъ и апостоловъ, пошли даръ благодати Твоей и на меня; вразꙋми́ мѧ, и҆ наꙋчꙋ́сѧ за́повѣдемъ твои́мъ [3]); ибо Ты можешь и҆з̾ ᲂу҆́стъ младе́нєцъ совершить Тебѣ хвалꙋ̀ [4]). Ниспошли мнѣ Духа Твоего Святаго, дабы я возвѣстилъ людямъ слова жизни вѣчной».

---

1) См. кн. Дѣян. Апост., гл. 2, ст. 1—4.

2) Псал. 144, ст. 19.

3) Псал. 118, ст. 73.

4) Псал. 8, ст. 3.

Въ то время какъ святый молился такъ, на него сошелъ Духъ Святый съ Неба въ видѣ свѣщи горящей и преисполнилъ сердце его премудростію и разумомъ, такъ что святый началъ многое говорить, поучая всѣхъ отъ Божественнаго Писанія; никто не могъ противиться премудрости обитавшаго въ немъ Духа. И не только устами, но и въ письмени святый повѣдалъ много душеспасительныхъ бесѣдъ объ иночествѣ, покаяніи, о воплощеніи Христовомъ, о будущемъ Судѣ; кромѣ того,—онъ истолковалъ многія неудобовразумительныя мѣста Священнаго Писанія.

Старецъ Іоаннъ весьма дивился таковому дару юнаго отрока и говорилъ:

— На этомъ отрокѣ исполнилось то, что написалъ Давидъ: слово гдне разжже его[1]). Теперь я понялъ, что онъ совершитъ многія дивныя дѣла, почти столь же славныя, какъ и дѣла Апостоловъ.

И всѣ прочіе иноки весьма дивились отроку и начали даже его бояться, поражаясь не только ученіемъ его, но и чудесами, имъ совершаемыми.

Нѣкоторые изъ иноковъ тѣхъ видѣли въ сонномъ видѣніи три чертога, три престола въ нихъ и три вѣнца, лежавшіе на престолахъ. Когда иноки тѣ вопросили, кому приготовлена таковая слава, то слышали Голосъ, говорившій:

— Симеону отроку!

Преподобный же Симеонъ, сіяя своимъ ангельскимъ житіемъ, какъ Солнце, все болѣе и болѣе воспарялъ отъ всего земного къ небесному. Онъ захотѣлъ подвизаться на еще болѣе высокомъ столпѣ, почему для него и былъ построенъ столпъ, имѣвшій въ высоту сорокъ ступеней. Когда Симеонъ приготовился восходить на столпъ этотъ, то, узнавъ объ этомъ, къ нему пришелъ архіепископъ Антіохійскій, также и епископъ Селевкійскій, слышавшіе ранѣе о подвигахъ юнаго отрока. Придя въ монастырь съ клиромъ своимъ, они, взявъ съ благоговѣніемъ блаженнаго отрока, повели его съ возженными свѣчами сначала въ церковь,—во святый алтарь, гдѣ посвятили его въ санъ діакона, а затѣмъ съ пѣніемъ Псалмовъ возвели его на столпъ тотъ. И пребывалъ на этомъ столпѣ святый Симеонъ восемь лѣтъ. Старецъ Іоаннъ весьма сокрушался сердцемъ своимъ объ отрокѣ, ибо не видѣлъ лица

---

[1]) Псал. 104, ст. 19.

его. Симеонъ же, подвизаясь на высокомъ столпѣ, всѣмъ являлъ свое ангельское житіе, уподобляясь Херувимамъ, и постоянно славословилъ Бога.

Но дабы ни одинъ человѣкъ не хвалился и не превозносился предъ Богомъ, Богъ попустилъ сатанѣ воздвигнуть на Симеона тяжкую брань плотскую: сатана хотѣлъ осквернить его сонными мечтаніями, но отрокъ мужественно противился искушенію; Симеонъ не давалъ сна очамъ своимъ и усердно молился ко Господу, прося Его быть помощникомъ противъ востающаго на него врага. Потомъ Симеонъ увидалъ нѣкоего честнàго мужа, свѣтлаго лицемъ, сѣдаго волосами, сходившаго съ Неба, облеченнаго въ ризы священническія и имѣвшаго въ рукахъ чашу съ Божественными Таинами Тѣла и Крови Христовыхъ; при этомъ весь воздухъ наполнился несказаннымъ благоуханіемъ; когда тотъ свѣтлый мужъ подошелъ къ блаженному Симеону, то причастилъ его Святыми и Животворящими Таинами и сказалъ:

— Мужайся, и да крѣпится сердце твое! Съ этого времени сонныя мечтанія не будутъ безпокоить тебя, только слѣди за мыслями своими со тщаніемъ и уповай на Бога.

Святый же Симеонъ, преисполнившись по случаю видѣнія премногой радости и несказанной сладости сердечной, восхвалилъ Бога.

Блаженный отрокъ охранялъ себя какъ отъ различныхъ небогоугодныхъ мыслей, такъ и отъ бесѣдъ съ людьми; каждый день онъ заключалъ себя до часа девятаго и ни съ кѣмъ не желалъ бесѣдовать, кромѣ одного Бога.

Между тѣмъ наступило время блаженной кончины аввы Іоанна столпника. Предвидя эту кончину, блаженный Симеонъ послалъ сказать Іоанну:

— Не печалься, честный отецъ, если услышишь о днѣ кончины своей, ибо смерть—общая участь всѣхъ людей. Я знаю, что нынѣ Христосъ Богъ призываетъ тебя къ упокоенію, дабы ты послѣ своихъ трудовъ почилъ вмѣстѣ съ прочими святыми. Дай же мнѣ, честный отецъ, благословеніе Авраамово и помяни меня, когда пріидешь поклониться Престолу Славы Пресвятыя и Единосущныя Троицы; помолись о насъ, дабы и мы, побѣдивъ міръ, получили бы Царство Небесное и увидѣли бы въ немъ другъ друга.

Іоаннъ, выслушавъ слова эти, не усумнился въ истинности ихъ; не испугался онъ и сердцемъ своимъ, потому что всегда былъ

готовъ къ смерти, хотя въ это время онъ не страдалъ никакимъ недугомъ, будучи совершенно здравъ тѣломъ своимъ. Іоаннъ отвѣчалъ Симеону черезъ посланнаго:

— Да благословитъ тебя, чадо мое, Богъ Отецъ, Котораго ты взыскалъ, и Единородный Сынъ Бога Отца, Котораго ты возлюбилъ, и Животворящій Духъ Божій, Котораго ты вожделѣлъ всѣмъ сердцемъ своимъ. Единое Божество Пресвятой Троицы да будетъ тебѣ крѣпостію и защитою и да наставитъ Оно тебя и утѣшитъ тебя. Да будутъ благословлены всѣ тѣ, кто тебя будетъ благословлять, проклинающіе же тебя будутъ прокляты. Да дастъ тебѣ Господь честь и славу за то, что ты почиталъ меня, духовнаго отца твоего, какъ отца плотскаго. Да получитъ благодать и милость отъ Господа и мать твоя блаженная, много мнѣ послужившая.

Братія, стоявшіе около старца, услыхавъ таковыя слова, преисполнились страха и спросили блаженнаго Іоанна:

— Что это ты, честный отецъ, завѣщаваешь относительно отрока Симеона?

Старецъ же отвѣчалъ:

— Я весьма желаю, чтобы всѣ вы были подражателями Симеона въ его пламенносердечной молитвѣ къ Богу; да сподобитесь и вы молитвенной помощи сего отрока, ибо онъ—сосудъ, избранный Самимъ Богомъ, великій и честный.

Затѣмъ авва Іоаннъ поучилъ братію душеспасительными бесѣдами и помолился о нихъ; потомъ возлегъ на постель какъ бы затѣмъ, чтобы почить нѣкоторое время, и вскорѣ же уснулъ сладкимъ сномъ навѣки, нисколько не поболѣвъ тѣломъ,—и такъ отошелъ къ прочимъ блаженнымъ отцамъ.

По кончинѣ блаженнаго старца Іоанна святый Симеонъ началъ подвизаться еще большими трудами. Порядокъ жизни его былъ таковъ: съ ранняго утра до часа девятаго онъ молился, послѣ девятаго часа упражнялся въ чтеніи книгъ и ихъ переписываніи до захожденія солнца, по захожденіи же солнца снова начиналъ молиться и всю ночь пребывалъ безъ сна въ постоянной молитвѣ до дневной зари. Когда же наступалъ день, Симеонъ позволялъ сну, какъ бы рабу нѣкоему, приступить къ нему на непродолжительное время. Подремавъ немного, онъ вскорѣ же вставалъ и начиналъ свое обычное правило молитвенное. Во время молитвы своей онъ держалъ въ правой рукѣ своей ѳиміамъ,

который безъ горящихъ углей распространялъ кругомъ себя благоуханіе. Иногда слышался ему голосъ какъ бы большой толпы народной, находившейся въ воздухѣ, подпѣвавшей ему и возглашавшей:

— Аллилуія!

Это былъ гласъ святыхъ Ангеловъ.

Часто святый проводилъ дни и ночи совершенно безъ сна. Однажды онъ совершенно не предавался сну въ теченіе тридцати дней и тридцати ночей, моля Бога отогнать сонъ отъ очей его. И было сказано ему отъ Бога:

— Подобаетъ тебѣ, хотя бы и на малое время, упокоить тѣло свое сномъ.

Діаволъ же, не вынося столь славнаго подвига блаженнаго Симеона, опять вооружился на него со всѣмъ полчищемъ своимъ, покушаясь устрашить его различными мечтательными образами; иногда онъ преображался въ змѣй, иногда въ различныхъ звѣрей, устремлявшихся пастію своею на святаго; иногда превращался въ какую-то необычную птицу, имѣвшую лице какъ у отрока и устремлявшуюся на преподобнаго; иногда же являлся ему въ видѣ многихъ воиновъ, шедшихъ на брань съ великими криками, намѣреваясь согнать святаго со столпа и повергнуть самый столпъ на землю. Однажды діаволъ ударилъ по столпу большимъ камнемъ; столпъ наклонился, какъ бы готовясь упасть, но невидимая сила Божія поддержала его и выпрямила. Въ другой разъ демонъ явился въ видѣ дѣвицы, черной лицемъ, безстыдной нравомъ, пытавшейся обнять руками своими шею святаго и говорившей:

— Послѣдній разъ я борюсь съ тобою, и если ты одолѣешь меня, то отойду отъ тебя до времени.

Всѣ эти и имъ подобныя мечтанія и привидѣнія демонскія святый прогонялъ молитвою и знаменіемъ Честнаго Креста.

Имѣлъ святый и божественное дивное видѣніе: онъ видѣлъ Небо отверстымъ и Господа нашего Іисуса Христа, окруженнаго неизреченнымъ сіяніемъ, какъ бы какимъ пламенемъ огненнымъ; Господу предстояли святые Архангелы—Михаилъ и Гавріилъ, одинъ —по правую сторону, а другой—по лѣвую. Подъ ногами Господа находилось багряное облако. Увидавъ все это, святый Симеонъ поклонился Господу своему и простеръ руки свои къ Нему, прося Его споспѣшествовать по милости Своей ему въ принесеніи

плодовъ благихъ. Христосъ же Господь благословилъ Симеона трижды Своими перстами. Затѣмъ, посмотрѣвъ внизъ, Симеонъ увидѣлъ на землѣ весьма много бѣсовъ, имѣвшихъ различные образы: одни изъ нихъ имѣли образъ дикихъ кабановъ, другіе — козловъ. И далъ Господь власть Симеона надъ всѣми тѣми бѣсами, дабы онъ могъ прогонять ихъ. Въ знакъ же власти этой былъ данъ отъ Господа Симеону жезлъ финиковый. Тотчасъ же всѣ бѣсы бѣжали отъ лица Симеонова и пропали неизвѣстно гдѣ.

Блаженный Симеонъ прогонялъ и всѣхъ лукавыхъ духовъ изъ людей, которыхъ приводили къ нему и которые были одержимы бѣсами; исцѣлялъ святый и многія другія болѣзни и даже воскрешалъ мертвыхъ. Такъ, однажды ко святому пришелъ одинъ человѣкъ, у котораго умеръ сынъ. Припавъ со слезами къ святому, человѣкъ тотъ просилъ угодника Божія спасти его отъ столь великой бѣды и помолиться Богу о умершемъ сынѣ его. Святый же, принеся молитву Богу, сказалъ тому человѣку:

— Иди во Имя Господне! Сынъ твой живъ!

Человѣкъ тотъ повѣрилъ словамъ святаго. Придя въ домъ свой, онъ дѣйствительно нашелъ сына своего воскресшимъ изъ мертвыхъ. Взявъ его, человѣкъ тотъ направился вмѣстѣ съ нимъ къ святому съ радостію неизреченною и принесъ благодареніе Богу и угоднику Его, святому Симеону.

Потомъ Симеонъ опять увидѣлъ Господа и Бога нашего, Которому предстояли чины Ангеловъ; при этомъ первѣйшіе изъ Ангеловъ держали въ рукахъ своихъ вѣнецъ царскій, украшенный драгоцѣнными камнями; на верху вѣнца находился крестъ, блиставшій какъ молнія. Этимъ вѣнцемъ Ангелы хотѣли вѣнчать Симеона на царство. Увидавъ все это, Симеонъ сказалъ Ангеламъ:

— Не отнимайте у меня власяницы, въ которую я облекся ради Имени Христова!

Ангелы же отвѣчали ему:

— За это ты и воспріимешь уготованный тебѣ вѣнецъ Царствія Христова, и облечешься какъ въ багряницу въ благодать Святаго Духа, и воцаришься вмѣстѣ съ прочими святыми въ безконечномъ Царствіи.

Блаженный же Симеонъ, воззрѣвъ на Господа, сказалъ:

— Господи и Творецъ всего! Если Ты благоволишь сподобить меня славы святыхъ Твоихъ въ Царствіи Твоемъ,—то, молю

Твою благость,—сдѣлай такъ, чтобы я не вкушалъ тлѣнной пищи человѣческой!

И услышалъ Симеонъ, что Господь соизволялъ прошенію его. Вслѣдъ затѣмъ къ блаженному приступили Ангелы, возложили на постническую власяницу его пресвѣтлую одежду царскую, увѣнчали вѣнцемъ голову его и воспѣли велегласно, говоря такъ:

— Весьма славенъ Христосъ—Богъ, Царь Неба и земли; да будетъ похваляемъ и рабъ Его Симеонъ!

Послѣ этого видѣнія святый Симеонъ уже совершенно не вкушалъ земной пищи до самаго конца жизни своей, но питался лишь небесною пищею, приносимою ему Ангеломъ.

О томъ, сколь великія чудеса сотворилъ святый Симеонъ и сколь славны были подвиги его,—повѣствуется весьма многое; здѣсь же предлагается немногое изъ многихъ подвиговъ блаженнаго Симеона.

Однажды святому Симеону были открыты всѣ тѣ бѣды, которыя въ скоромъ времени должны были постигнуть городъ Антіохію и всѣ его окрестности: Симеонъ видѣлъ Ангела, парящаго въ воздухѣ надъ городомъ Антіохіею съ мечомъ въ рукѣ. Тогда святый началъ съ усердіемъ молиться ко Господу отъ всего сердца своего, ходатайствуя за городъ Антіохію предъ Богомъ какъ новый Моисей и прося Господа отвратить гнѣвъ Свой отъ народа. И сказалъ ему Господь:

— Вотъ, до Меня дошелъ вопль грѣховъ города сего; поэтому Я разгнѣвался на сей городъ и погублю его, пославъ на него огонь, мечъ и смерть. За то, что городъ сей раздражилъ Меня грѣхами своими, Я отдамъ его въ плѣнъ народу неразумному.

Святый Симеонъ говорилъ объ этомъ видѣніи всѣмъ, приходившимъ къ нему, городскимъ жителямъ и увѣщевалъ ихъ покаяться въ грѣхахъ своихъ.

Спустя непродолжительное время дѣйствительно Господь воздвигъ на Антіохію Хозроя, царя Персидскаго (дѣда юнаго Хозроя, взявшаго въ плѣненіе Животворящее Древо Креста Господня въ Іерусалимѣ)[1]). Хозрой пришелъ съ большимъ воинствомъ персид-

---

[1]) *Хозрой* (или точнѣе *Хосровъ*) съ персидскаго значитъ вообще *царь*. Это наименованіе обыкновенно прибавлялось къ собственному имени того или другого царя. Въ данномъ случаѣ разумѣется *Хозрой I Ануширванъ*, правившій съ 531 г. по 579 г. Внукъ его *Хозрой II Парвезъ* (правилъ съ 590 г. по 628 г.) взялъ въ Іерусалимѣ Животворящее Древо Креста Господня въ 614 г., во время войны съ Греческимъ императоромъ Фокою. Древо Крестное было возвращено въ 628 г. преемникомъ Хозроя II Сироэсомъ по заключеніи мира съ Греческимъ имераторомъ Иракліемъ.

скимъ и халдейскимъ и началъ жестокую брань съ гражданами города Антіохіи. Блаженный же Симеонъ, пребывая на столпѣ и будучи укрываемъ Богомъ отъ варваровъ, пришедшихъ въ страну ту, съ усердіемъ молился ко Господу, прося Его отвратить гнѣвъ Свой отъ города и не отдавать его въ руки враговъ; однако не могъ умолить Бога и утолить праведнаго гнѣва Божія. Было святому Симеону новое видѣніе: находясь въ восторгѣ, онъ увидѣлъ предъ собою пресвѣтлый крестъ и при крестѣ двухъ Ангеловъ, имѣвшихъ въ рукахъ напряженные луки съ приготовленными стрѣлами. И сказали ему Ангелы:

— Этотъ крестъ послалъ тебѣ Господь для твоей защиты въ знакъ мира, ибо тебя не коснется гнѣвъ Божій, направленный на страну эту; стрѣлы же эти приготовлены для отогнанія враговъ, если они восхотятъ приблизиться къ этому мѣсту, гдѣ подвизаешься ты. Мы поставлены для твоей защиты.

Потомъ Симеонъ увидѣлъ въ видѣніи, что городъ былъ взятъ; посреди его проходили враги; всюду слышался вопль и плачъ великій. При этомъ одни изъ гражданъ были усѣкаемы мечомъ, другіе уводились въ плѣнъ, иные же прыгали со стѣнъ городскихъ и предавались бѣгству. Въ числѣ этихъ послѣднихъ онъ видѣлъ и двухъ иноковъ его монастыря, которые, испугавшись варварскаго нашествія, оставили монастырь и гору и убѣжали въ городъ; но въ то время, когда эти иноки бѣжали изъ города, ихъ настигли варвары, причемъ одинъ изъ нихъ былъ убитъ мечомъ, а другой уводился въ плѣнъ.

Все то, что видѣлъ святый, въ скоромъ времени дѣйствительно сбылось спустя всего лишь нѣсколько дней послѣ видѣнія. Городъ Антіохія былъ взятъ непріятелями, преданъ мечу и огню, причемъ многіе граждане были отведены въ плѣнъ. Но по молитвѣ святаго Симеона нѣкоторые граждане избѣгли руки варваровъ. Такъ, когда варвары вошли въ городъ, то многіе граждане успѣли выбѣжать изъ него другими воротами, еще не занятыми непріятелемъ; много гражданъ также бѣжали, перескочивъ черезъ стѣны городскія. Бѣглецы укрывались въ горахъ и пустыняхъ, охраняемые милосердіемъ Божіимъ, за исключеніемъ упомянутыхъ ранѣе двухъ иноковъ.

Приходили варвары и къ той горѣ, на которой находился монастырь и столпъ Симеоновъ, но возвращались ни съ чѣмъ; ибо гора была покрываема отъ нихъ, какъ нѣкогда гора Синай-

ская, мракомъ и облакомъ[1]), такъ что варвары не видѣли ни монастыря, ни столпа. Многіе изъ непріятелей были устрашаемы и обращаемы въ бѣгство какою-то невидимою силою; они бѣжали въ столь великомъ страхѣ, какъ будто за ними гнались полчища вооруженныхъ воиновъ; ибо молитва святаго Симеона была страшнымъ и непобѣдимымъ оружіемъ на сопротивниковъ. Ни одинъ инокъ, изъ числа всѣхъ, подвизавшихся въ монастырѣ, не пострадалъ отъ варваровъ тѣхъ, за исключеніемъ двухъ, упомянутыхъ выше, иноковъ, бѣжавшихъ изъ монастыря въ городъ изъ страха предъ непріятелемъ.

Когда варвары покинули страну ту, ко святому приходили многіе раненые; всѣмъ имъ блаженный Симеонъ подавалъ исцѣленіе. Кромѣ того, святый избавилъ отъ узъ и плѣненія и многихъ гражданъ, уже отведенныхъ въ плѣнъ; ибо всѣ тѣ, кто только воспоминалъ имя Симеоново, находясь въ узахъ, сейчасъ же освобождался отъ нихъ: узы спадали съ ногъ и рукъ ихъ, и они ходили посреди варваровъ, будучи ими не замѣчены, а затѣмъ приходили въ страну свою безъ всякой помѣхи со стороны непріятеля. Упомянутый выше инокъ (спутникъ котораго палъ отъ меча непріятельскаго) былъ спасенъ отъ плѣна такимъ именно образомъ. Спасшись отъ непріятелей вмѣстѣ съ однимъ воиномъ антіохійскимъ, инокъ тотъ повѣдалъ о себѣ слѣдующее:

— Лишь только мы вспомнили о блаженномъ Симеонѣ и со слезами умиленія призвали его себѣ на помощь, тотчасъ узы, бывшіе на насъ, разрѣшились и отпали сами собою; затѣмъ мы прошли посреди варваръ тѣхъ, ибо никто изъ нихъ не спросилъ насъ ни о чемъ и не воспрепятствовалъ намъ.

Близъ города Антіохіи у горы сидѣлъ одинъ старецъ, слѣпецъ. Онъ жилъ подаяніемъ милостыни, которую испрашивалъ у всѣхъ, проходившихъ тою дорогою. Когда варвары съ поспѣшностію подбѣжали къ городу, то одинъ изъ нихъ ударилъ старца мечомъ по шеѣ, однако не отсѣкъ ему голову, а только причинилъ смертельную рану; старецъ валялся въ лужѣ крови, истекавшей изъ него, будучи едва живъ. Святый же Симеонъ, видя все это своимъ прозорливымъ окомъ, послалъ нѣкоторыхъ братій взять и принести къ нему того старца. Иноки положили старца на рогожу и принесли къ столпу Симеонову. Святый же, взявъ въ руки землю и покропивъ ее освященной водой, приложилъ ее къ ранѣ, сказавъ:

[1]) Кн. Исх., гл. 19, ст. 16.

— Во имя Еммануила, глава, присоединись къ мѣсту своему и укрѣпись на немъ.

И тотчасъ же голова старца стала на мѣсто свое, срослась съ жилами и стала совершенно здоровой. Когда старецъ исцѣлился отъ такой страшной раны, то святый Симеонъ сказалъ:

— Вотъ, и очи его отверзлись!

Всѣ, видѣвшіе чудо то, прославили Бога.

Спустя нѣкоторе время, блаженный Симеонъ пришелъ въ огорченіе отъ постояннаго безпокойства, причиняемаго ему безчисленнымъ множествомъ народа, приходившаго изъ разныхъ странъ и приносившаго многихъ больныхъ и немощныхъ. Такъ какъ все это препятствовало его безмолвному жительству, то онъ рѣшилъ оставить этотъ столпъ, на которомъ подвизался уже восемь лѣтъ, для того, чтобы удалиться въ какое-либо другое, болѣе безмолвное мѣсто. Въ небольшомъ разстояніи оттуда находилась одна гора, высокая и очень пустынная, ибо въ ней совершенно не было воды. Никто изъ людей не восходилъ на нее по причинѣ ея безводія; на ней обитали только дикіе звѣри, змѣи и прочіе ядовитые гады. Вотъ на эту-то гору и замыслилъ переселиться блаженный Симеонъ. Когда онъ подумалъ объ этомъ, ему явился Господь въ сопровожденіи многихъ Ангеловъ, сшедшій съ Неба въ облакѣ свѣтломъ на гору ту. Господь сказалъ ему:

— Потрудись, Симеонъ, взойти на эту Дивную гору[1]), ибо съ этого времени гора эта назовется симъ именемъ; на ней Я явлю на удивленіе всѣмъ благодать Мою тебѣ.

И тотчасъ же святому былъ указанъ на горѣ одинъ высокій холмъ и камень, на которомъ стояли ноги Господни; и просвѣтилось подножіе то отъ славы Господней какъ Солнце; на этомъ камнѣ повелѣлъ Господь встать Симеону и подвизаться.

По окончаніи этого видѣнія Симеонъ призвалъ къ себѣ братію и повѣдалъ имъ о соизволеніи Господнемъ на переселеніе его на ту гору. Поставивъ инокамъ игуменомъ одного стараго и опытнаго мужа, Симеонъ сошелъ со столпа своего и направился къ Дивной горѣ въ сопровожденіи братіи, плакавшей объ удаленіи его.

Когда святый приблизился къ указанному ему Богомъ холму,

---

[1]) *Дивная гора* находилась въ треугольникѣ, образуемомъ городами: Антіохіею на рѣкѣ Оронтѣ, Селевкіею-Піеріею и Росомъ. Монастырь святаго Симеона былъ видѣнъ изъ Селевкіи и отстоялъ отъ Антіохіи верстъ на 15-ть.

то остановился и долгое время молился Богу. По окончаніи молитвы послышался голосъ множества Ангеловъ, возгласившихъ:

— Аминь!

Потомъ блаженный Симеонъ приказалъ ученикамъ своимъ поставить на томъ мѣстѣ крестъ каменный для постояннаго напоминанія о слышанномъ на томъ мѣстѣ гласѣ ангельскомъ. Посмотрѣвъ же на холмъ, находившійся на Дивной горѣ, святый увидѣлъ Славу Божію, осіявавшую его; затѣмъ, съ радостію взойдя на него, онъ сталъ на томъ самомъ камнѣ, на которомъ видѣлъ Господа. Въ это время блаженному Симеону было отъ рожденія девятнадцать лѣтъ.

Однако святый Симеонъ не нашелъ и здѣсь покоя отъ приходящихъ къ нему посѣтителей. Такъ, уже утромъ слѣдующаго дня народъ, пришедшій къ монастырю Симеонову, не найдя здѣсь угодника Божія, поднялъ великій плачъ. Узнавъ же, что святый переселился отсюда на другую гору, весь народъ пошелъ туда съ поспѣшностію, неся съ собою многихъ больныхъ и немощныхъ. Увидавъ пришедшихъ, святый опечалился, ибо ему и здѣсь не давали побыть лишь съ однимъ Богомъ. Однако, сочувствуя новопришедшимъ, преклонился на милость и, возлагая на недужныхъ руки свои съ призываніемъ Имени Христова, исцѣлялъ ихъ и отпускалъ домой совершенно здоровыми.

Случилось однажды, что левъ, обитавшій въ горѣ той, устремился на одного человѣка, шедшаго къ преподобному; левъ уже совсѣмъ приготовился растерзать того человѣка; человѣкъ же, не надѣясь бѣгствомъ спастись отъ звѣря, возопилъ:

— Не дѣлай мнѣ зла, ради Симеона, угодника Божія!

И тотчасъ левъ, услыхавъ имя Симеоново, смирился и не причинилъ никакого зла человѣку тому.

Человѣкъ же этотъ, придя къ святому, повѣдалъ ему о происшедшемъ. Прочіе пришельцы, убоявшись звѣря, просили преподобнаго прогнать его изъ той горы, дабы всѣ могли безъ страха приходить къ преподобному. Преподобный же, призвавъ къ себѣ своего ученика Анастасія, изъ котораго изгналъ, какъ и Христосъ нѣкогда, семь бѣсовъ[1]), сказалъ ему:

— Иди въ пещеру ко льву и скажи ему: «Тебѣ говоритъ Симеонъ, рабъ Христовъ: Именемъ Божіимъ, уйди съ горы сей; да

[1]) Іисусъ Христосъ изгналъ семь бѣсовъ изъ Маріи Магдалины (см. Еванг. отъ Марка, гл. 16, ст. 9).

не будетъ здѣсь тебѣ логовища, чтобы ты не устрашалъ братій, приходящихъ сюда».

Анастасій пошелъ къ пещерѣ львовой и, найдя въ ней звѣря, сказалъ ему слова преподобнаго, бесѣдуя съ нимъ какъ съ существомъ разумнымъ. Левъ, исполняя слова преподобнаго, съ поспѣшностію пошелъ оттуда въ другія пустынныя мѣста, не вредя никому въ пути.

Въ то время въ странѣ той весьма умножились различныя болѣзни, причемъ умирало очень много людей. Святый же, уразумѣвъ духомъ своимъ, что это случилось по причинѣ гнѣва Божія за грѣхи людскіе, началъ усердно молиться Господу со слезами, прося помиловать людей Своихъ и отвратить отъ нихъ праведный гнѣвъ Свой. И слышалъ святый Гласъ отъ Господа, говорившій:

— Зачѣмъ ты болѣешь сердцемъ за людей этихъ? Неужели ты любишь ихъ болѣе, чѣмъ Я? Такъ какъ умножились грѣхи и беззаконія ихъ, то они заслуживаютъ наказанія. Однако для того, чтобы не опечалить тебя, даю тебѣ власть исцѣлять различные ихъ недуги и болѣзни.

Это говорилъ Господь рабу Своему Симеону.

Люди, жившіе близъ мѣста того, лишь только впадали въ болѣзнь, сейчасъ же призывали себѣ на помощь угодника Божія святаго Симеона и видѣли его (въ сонныхъ видѣніяхъ) посѣщающимъ домы ихъ, осѣняющимъ ихъ крестомъ и подающимъ всѣмъ исцѣленія. Когда оканчивались ихъ сонныя видѣнія, они, пробудившись, ощущали здравіе. Призывали же они имя Симеоново такимъ образомъ: они зажигали въ домахъ своихъ лампады, наполненныя елеемъ, и воскуряли ѳиміамъ, говоря:

— Христе Боже нашъ, молитвами раба Твоего Симеона, подвизающагося на Дивной горѣ, помилуй насъ!

И получали милость отъ Господа.

Тѣ же изъ нихъ, которые не имѣли большого количества елея, вливали елей въ кадило и зажигали его; при этомъ кадило не угасало до третьяго и четвертаго дня, какъ будто въ кадило постоянно подливался новый елей; такъ, чудеснымъ образомъ, въ ихъ кадилахъ не оскудѣвалъ елей—по причинѣ призыванія имени Симеонова.

Однажды святому Симеону было открыто Господомъ о приближающейся кончинѣ святѣйшаго архіепископа Антіохійскаго

Ефрема. Призвавъ къ себѣ братію, святый Симеонъ возвѣстилъ имъ объ этомъ; потомъ Симеонъ попросилъ братію помолиться усерднѣе ко Господу, ибо,—говорилъ онъ,—великій столпъ церковный готовъ упасть. Но братія отвѣчали:

— Мы слышали, что архіепископъ пребываетъ въ добромъ здравіи.

На другой день послѣ утренняго пѣнія (день же тотъ былъ пятницею) святый Симеонъ снова призвалъ къ себѣ братію и сказалъ имъ съ умиленіемъ сердечнымъ:

— Святитель Божій Евфремъ преставился этою ночью, ибо я видѣлъ душу его, возносимую на Небо святыми Ангелами. Проходя близъ меня, Ефремъ облобызалъ меня и сказалъ:

— Прошу тебя, вспоминай меня въ молитвахъ твоихъ ко Господу.

Затѣмъ преподобный Симеонъ со слезами началъ говорить такъ:

— Горе Антіохіи, потому что она теперь не имѣетъ Ефрема! Горе городу, ибо отъ него взятъ нынѣ Ефремъ![1])

По кончинѣ блаженнаго Ефрема престолъ архіепископскій принялъ Домнъ[2]), пришедшій въ Антіохію изъ Константинополя. Сей Домнъ былъ немилостивъ къ нищимъ. Узнавъ объ этомъ, преподобный Симеонъ предсказалъ о наказаніи Божіемъ Домну за его немилосердіе. И дѣйствительно, въ скоромъ времени Домнъ впалъ въ тяжелую болѣзнь: руки и ноги его скорчились, такъ что онъ не могъ ни ходить, ни двигать руками, а лежалъ какъ кусокъ дерева.

Потомъ святому Симеону было открыто о землетрясеніи, имѣющемъ быть въ Антіохіи, еще болѣе страшномъ, чѣмъ первое. Возвѣстивъ объ этомъ всѣмъ пришедшимъ, Симеонъ началъ плакать и молить Бога—отвратить гнѣвъ Свой. Въ тотъ же день вечеромъ затряслась земля столь сильно, что падали стѣны городскіе и различныя городскія зданія сравнивались съ землею; всѣ люди пришли въ великій страхъ и ужасъ. Многіе изъ числа гражданъ были убиты стѣнами городскими; всѣ же остальные съ поспѣшностію устремились къ Дивной горѣ къ угоднику Божію и упрашивали его со слезами умолить Господа о прекращеніи бѣдствія. Когда святый помолился съ великимъ усердіемъ, земле-

---

[1]) *Ефремъ* патріаршествовалъ съ 527 г. по 545 г.

[2]) *Домнъ II* патріаршествовалъ съ 546 г. по 560 г.

трясеніе окончилось; затѣмъ святый увидѣлъ Небо отверстымъ съ восточной стороны; отсюда исходилъ свѣтъ неизреченный, означавшій благоволеніе Божіе къ покаявшимся людямъ. Потомъ по повелѣнію Божію преподобный Симеонъ построилъ монастырь на Дивной горѣ, построилъ также и храмъ руками людей, исцѣленныхъ имъ (ибо людей сихъ, получившихъ уврачеваніе болѣзнямъ своимъ по молитвѣ святаго Симеона, было очень много); затѣмъ преподобный молитвою своею испросилъ у Бога достаточное количество воды для монастыря; по его молитвѣ умножилась также и пшеница въ житницѣ монастырской — настолько, что почти совершенно не уменьшалась въ количествѣ своемъ до трехъ лѣтъ несмотря на то, что изъ житницъ брали ее въ большомъ количествѣ для пропитанія множества пришельцевъ.

Впослѣдствіи святый Симеонъ построилъ и новый столпъ, на который (какъ это явственно видѣлъ преподобный) пришелъ Самъ Господь Іисусъ Христосъ со Своими святыми Ангелами и освятилъ столпъ тотъ. Блаженный Симеонъ взошелъ на столпъ съ великою радостію и подвизался на немъ до самаго конца жизни своей.

Когда блаженному Симеону исполнилось тридцать три года отъ рожденія, по повелѣнію Божію (явленному святому въ откровеніи) Симеонъ рѣшилъ принять посвященіе въ санъ іерея, хотя ранѣе не хотѣлъ принимать сего высокаго сана. По устроенію Божію къ блаженному Симеону пришелъ Діонисій, епископъ Селевкійскій, который и рукоположилъ Симеона во пресвитера.

Послѣ посвященія въ санъ іерейскій блаженный Симеонъ съ великимъ благоговѣніемъ совершалъ Божественную безкровную Жертву Тѣла и Крови Христовыхъ, служа Богу въ непорочности, какъ Ангелъ. Святый часто имѣлъ многоразличныя дивныя видѣнія и откровенія отъ Бога. Онъ предсказывалъ будущія событія, предвидя далеко отстоящее какъ настоящее; прозиралъ святый и въ тайныя мысли людскія. Совершилъ онъ весьма много чудесъ и на землѣ, и на морѣ, являясь въ видѣніяхъ; онъ давалъ зрѣніе слѣпымъ, очищалъ прокаженныхъ, давалъ здравіе хромымъ, изгонялъ бѣсовъ изъ людей, заграждалъ уста звѣрей, врачевалъ всякую язву и всякій недугъ, воскрешалъ мертвыхъ, такъ что на немъ исполнялось слово Христово: **вѣ́рꙋѧй въ мѧ̀, дѣла̀, ꙗ҆̀же а҆́зъ творю̀, и҆ то́й сотвори́тъ**[1]). Поистинѣ былъ дивенъ Богъ, явленный въ рабѣ Его, дивномъ Симеонѣ!

[1]) Еванг. отъ Іоанна, гл. 14, ст. 12.

Когда исполнилось семьдесятъ пять лѣтъ жизни преподобнаго Симеона, онъ, предузнавъ о своемъ скоромъ отшествіи ко Господу, призвалъ къ себѣ братію, поучилъ ее достаточное время, затѣмъ, воздавъ всѣмъ послѣднее цѣлованіе въ часъ вечерній, предалъ душу свою въ руки Божіи въ двадцать четвертый день мѣсяца мая[1]), въ тотъ часъ, въ который онъ обычно принималъ пищу отъ Ангела. Вмѣстѣ со святыми Ангелами онъ наслаждается нынѣ въ безконечномъ Царствѣ созерцаніемъ лица Божія, прославляя Отца, и Сына, и Святаго Духа—Единаго Бога въ Троицѣ, Которому возсылается слава нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь.

Тропа́рь, гла́съ а҃:

Пусты́нный жи́тель, и҆ въ тѣлесѝ а҆́гг҃лъ, и҆ чꙋдотво́рецъ ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ, бг҃оно́се ѻ҆́тче на́шъ сѵ́меѡне: посто́мъ, бдѣ́нїемъ, мл҃твою, нб҃наѧ дарова̑нїѧ прїи́мъ, и҆сцѣлѧ́еши недꙋ́жныѧ, и҆ дꙋ́шы вѣ́рою притека́ющихъ ти̑. сла́ва да́вшемꙋ тебѣ̀ крѣ́пость: сла́ва вѣнча́вшемꙋ тѧ̀: сла́ва дѣ́йствꙋющемꙋ тобо́ю всѣ́мъ и҆сцѣле́нїѧ.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Вы̑шнѧѧ жела́ѧ, дꙋ́льнѧѧ ѿложи́въ, и҆ ꙗ҆́кѡ нб҃о сто́лпъ содѣ́лавый: тѣ́мъ ѡ҆блиста́лъ є҆сѝ чꙋде́съ заре́ю прп҃бне, и҆ хр҃тꙋ всѣ́хъ бг҃ꙋ мо́лишисѧ непреста́нно ѡ҆ всѣ́хъ на́съ.

---

[1]) Важнѣйшіе моменты въ жизни преподобнаго Симеона Дивногорца — столпника распредѣляются по годамъ такъ: родился святый Симеонъ въ 521 г.; въ 527-мъ году 6-ти лѣтъ отъ рожденія взошелъ на столпъ; спустя 8-мь лѣтъ, въ 535 году, перешелъ на другой столпъ; на 22-мъ году жизни перешелъ на Дивную гору, слѣд. въ 543 г.; въ 560 г., на 39-мъ году жизни, рукоположенъ во пресвитера. Скончался въ 596 г., 75-ти лѣтъ отъ роду.— Воспоминаемаго нынѣ преподобнаго Симеона столпника слѣдуетъ отличать отъ другого Симеона, также Столпника, память котораго празднуется 1-го сентября. Сей послѣдній Симеонъ подвизался также въ предѣлахъ Антіохіи Сирійской, но жилъ значительно ранѣе (скончался въ 459 г.).

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

МЕЛЕТІЯ СТРАТИЛАТА

И СЪ НИМЪ 1218 ВОИНОВЪ

Святый мученикъ Мелетій жилъ въ царствованіе Римскаго императора Антонина[1]), занималъ должность стратилата[2]) и происходилъ изъ южныхъ странъ Галатійской области[3]). Будучи христіаниномъ, онъ молился Богу о томъ, чтобы совершенно исчезло языческое заблужденіе. Тогда бѣсы, видя свое уничтоженіе, вошли въ собакъ и стали оплакивать свою погибель. Они ходили повсюду, выли и этимъ наводили на людей страхъ, но святый Мелетій съ подвластными ему воинами избилъ ихъ и разрушилъ языческіе храмы. За это Максиміанъ[4]), правитель того города, гдѣ находился святый мученикъ[5]), велѣлъ схватить его и сталъ принуждать принести жертву идоламъ, но святый и слышать о томъ не хотѣлъ. Мучитель приказалъ тогда бить его желѣзными молотками и подвергнуть другимъ мученіямъ. Послѣ сего святаго Мелетія повѣсили на сосновое дерево и прибили его къ нему гвоздями, отъ чего онъ и скончался. Комитамъ[6]) же Стефану и Іоанну, а также всѣмъ бывшимъ подъ ихъ властію воинамъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми ихъ отсѣкли мечомъ головы. Такъ и скончались за Христа святые мученики[7]).

---

1) Никодимъ въ Синаксарѣ и другіе подъ именемъ Антонина разумѣютъ Римскаго императора Антонина Геліогабала, царствовавшаго съ 218 до 222 года.

2) *Стратилатъ*—значитъ воевода, военачальникъ.

3) *Галатія* расположена была почти въ центрѣ Малоазійскаго полуострова. На сѣверѣ она граничила съ Пафлагоніей, на западѣ—съ Виѳиніей и Фригіей, на югѣ—съ Ликаоніей и Каппадокіей, а на востокѣ—съ Понтомъ.

4) *Игемонъ Максиміанъ*, или *Максимъ*, былъ сперва правителемъ Египта, а потомъ Антонинъ послалъ его въ Галатію для мученія христіанъ.

5) Городъ этотъ носилъ названіе *Тавіи*. Онъ находился въ восточной Галатіи близъ границъ ея съ Понтомъ.

6) *Комитъ*—царскій тѣлохранитель, сборщикъ податей въ царскую казну, градоначальникъ, но здѣсь подъ словомъ «комиты» разумѣются военные трибуны, т. е. градоначальники.

7) Страданіе *святаго Мелетія* и другихъ, съ нимъ пострадавшихъ, святыхъ мучениковъ относятъ къ 218 году.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

СЕРАПІОНА

И СЪ НИМЪ КАЛЛИНИКА, ѲЕОДОРА И ФАВСТА

Святый мученикъ Христовъ Серапіонъ былъ родомъ изъ Египта. Въ то время, когда совершалъ свой мученическій подвигъ святый Мелетій, онъ пришелъ изъ Египта и, видя тѣхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ подвергнуты были мученіямъ, увѣровалъ во Христа. За это онъ былъ схваченъ и брошенъ въ темницу, гдѣ Ангелъ Божій поставилъ его епископомъ для наставленія тѣхъ, кто имѣлъ желаніе пострадать за Христа. Въ этотъ день близкіе святаго Мелетія, комиты и воины, собравшись вмѣстѣ, громкимъ голосомъ говорили, что и они—христіане, чѣмъ и возбудили гнѣвъ правителя. Епископу Серапіону и волхву Каллинику, увѣровавшему во Христа, мечомъ отсѣкли головы, Ѳеодоръ и Фавстъ со многими другими были сожжены, а женщинъ и дѣтей палачи изрубили деревянными мечами. Такимъ образомъ святые мученики и предали души свои въ руки Господа.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

НИКИТЫ СТОЛПНИКА,

Переяславльскаго чудотворца

Сей преподобный отецъ нашъ родился и получилъ воспитаніе въ городѣ Переяславлѣ Залѣсскомъ[1]). Съ молодыхъ лѣтъ онъ отличался жестокимъ и обидчивымъ характеромъ, устраивалъ возмущенія и причинялъ людямъ много зла, привлекая ихъ къ суду

[1]) *Переяславль Залѣсскій* нынѣ уѣздный городъ Владимірской губерніи, находился сперва на озерѣ Клещино, близъ верховьевъ притока рѣки Клязьмы. Пермн, а потомъ около 1152 года Суздальскимъ княземъ Юріемъ Долгорукимъ былъ перенесенъ на новое мѣсто, на 5 верстъ южнѣе. Названъ Залѣсскнмъ потому, что находился въ дремучнхъ лѣсахъ, отдѣлявшихъ его отъ другихъ городовъ.

и производя грабежи. Такихъ же, подобныхъ себѣ, онъ имѣлъ и друзей. Однажды, окончивъ свои занятія, онъ во время вечерняго Богослуженія пришелъ въ церковь и услышалъ слѣдующія прочтенныя тамъ слова Пророка Исаіи: «Та́кѡ глаго́летъ гдⷭ҇ь: и҆змы́йтеся и҆ чи́сти бꙋ́дете, ѿими́те лꙋка́вства ѿ дꙋ́шъ ва́шихъ» [1]) и проч. Отъ этихъ словъ онъ тотчасъ же пришелъ въ ужасъ и, возвратившись домой, всю ночь провелъ безъ сна, размышляя объ этихъ словахъ. На другой день по своей привычкѣ онъ отправился къ друзьямъ своимъ, развеселился въ ихъ обществѣ и просилъ ихъ обѣдать у него въ этотъ день. Послѣ сего онъ пошелъ на рынокъ купить провизіи и, принесши ее домой, велѣлъ женѣ, чтобы она приготовила обѣдъ. И когда жена стала мыть мясо, то замѣтила, что изъ него необычно течетъ кровь, а потомъ, когда она положила его въ горшокъ и стала варить, то увидѣла, что въ горшкѣ пѣнится кровь и выплываетъ на поверхность то человѣчья голова, то рука, то ступни ногъ. Отъ этого она пришла въ ужасъ и разсказала мужу. Когда же онъ пришелъ и самъ увидѣлъ то, о чемъ разсказала ему жена, то на долгое время его объялъ ужасъ, а потомъ, пришедши въ себя, онъ съ глубокимъ сердечнымъ вздохомъ сказалъ:

Прⷭ҇бный
Ни́кита

— Увы мнѣ! Много я согрѣшилъ.

Послѣ этихъ словъ, молясь и заливаясь слезами, онъ вышелъ изъ дома и, отшедши на одно поприще отъ города, пришелъ въ монастырь святаго великомученика Никиты [2]). Здѣсь онъ упалъ къ ногамъ игумена сего монастыря и сказалъ:

---

[1]) Кн. Прор. Исаіи., гл. 1, ст. 16.

[2]) Никитскій монастырь находился на полѣ въ 3 верстахъ отъ города съ сѣверной его стороны. Онъ становится извѣстнымъ изъ житія преподобнаго Никиты. Время основанія его неизвѣстно.

— Спаси погибающую душу.

Изумленный такою необыкновенною перемѣною Никиты, игуменъ сказалъ ему на это:

— Испытай себя: пробудь три дня у монастырскихъ воротъ, плачь и исповѣдуй грѣхи свои предъ всѣми, кто будетъ входить въ монастырь и выходить изъ него.

Никита такъ и сдѣлалъ. Три дня онъ плакалъ и молился, исповѣдуя предъ всѣми грѣхи свои. Послѣ сего онъ увидѣлъ вблизи монастыря болотистое мѣсто, поросшее тростникомъ, и множество летающихъ надъ нимъ мошекъ и комаровъ. Онъ пришелъ къ этому мѣсту, снялъ съ себя одежду и, вошедши совершенно нагимъ въ болото, сѣлъ въ тростникъ и сталъ молиться Богу. По прошествіи трехъ дней игуменъ послалъ инока посмотрѣть, что дѣлаетъ Никита. Инокъ пришелъ и, не найдя его у монастырскихъ воротъ, послѣ недолгихъ поисковъ нашелъ его лежащимъ въ тростникѣ. Мошки и комары огромнымъ облакомъ кружились надъ нимъ. Вернувшись въ монастырь, инокъ разсказалъ объ этомъ игумену. Тогда игуменъ вмѣстѣ съ братіею монастыря пришелъ къ Никитѣ и, увидѣвъ его въ такомъ положеніи, что и тѣла его нельзя было разглядѣть (такъ обильно текла изъ него кровь) сказалъ ему:

— Сынъ мой! Что это ты дѣлаешь съ собою?

Никита же ничего другого не отвѣчалъ, а только говорилъ игумену:

— Отецъ! Спаси погибающую душу.

Послѣ сего игуменъ ввелъ его въ монастырь, постригъ въ иночество и помѣстилъ въ тѣсную келлію, гдѣ онъ сталъ пребывать въ постоянныхъ молитвахъ и постѣ, проводя безъ сна дни и ночи. Въ это время злокозненный врагъ сталъ наводить на него страхъ различными видѣніями, но онъ ограждалъ себя отъ этихъ видѣній крестнымъ знаменіемъ, призывая на помощь святаго великомученика Никиту, и никому объ этомъ не говорилъ. Вскорѣ Никита устроилъ себѣ близъ церкви столпъ[1]) и выкопалъ узкую тропинку подъ церковную стѣну, которою и приходилъ въ церковь на молитву. За такіе подвиги онъ получилъ отъ Бога даръ чудотвореній, такъ какъ многіе, одержимые различными недугами, приходя къ нему, получали отъ него исцѣленіе.

---

[1]) Столпъ, который устроилъ преподобный для своихъ подвиговъ, находился не поверхъ, а внутри земли. Это была столпообразная круглая яма или просто пещера, такъ что столпничество святаго Никиты было въ сущности затворничествомъ.

Въ это время благовѣрный князь Черниговскій Михаилъ[1]) заболѣлъ недугомъ разслабленія. Услышавъ о святомъ Никитѣ, онъ велѣлъ боярамъ своимъ свезти себя въ городъ Переяславль къ преподобному для исцѣленія. Когда онъ былъ уже въ пути, то встрѣтилъ его демонъ въ образѣ монаха и сказалъ о себѣ, что онъ—изъ того же монастыря, гдѣ подвизался и святый Никита. Князь спросилъ его о преподобномъ, и демонъ сказалъ, что онъ—обманщикъ. Это сильно опечалило князя. Чрезъ нѣсколько времени тотъ же демонъ уже въ другомъ образѣ снова встрѣтилъ князя на пути и сказалъ ему:

— Напрасно ты, князь, утруждаешь себя, совершая такой длинный путь.

Когда же князь подошелъ на разстояніе одного поприща къ монастырю, гдѣ пребывалъ преподобный, то повелѣлъ поставить себѣ шатеръ, чтобы отдохнуть отъ пути, и послалъ въ монастырь одного изъ своихъ бояръ извѣстить преподобнаго о своемъ прибытіи. Тогда тотъ же демонъ встрѣтилъ посланнаго въ образѣ слѣпого на одинъ глазъ монаха съ лопатою въ рукахъ и сообщилъ ему, что преподобный умеръ и что онъ уже похоронилъ его. Понявъ обманъ, бояринъ возбранилъ демону молитвою святаго, и демонъ остался совершенно недвижимымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ. Бояринъ тогда пришелъ къ столпу святаго Никиты и сообщилъ ему о прибытіи князя и о тяжкомъ недугѣ его, послѣ чего святый послалъ князю жезлъ свой. Благовѣрный князь Михаилъ взялъ этотъ жезлъ въ руку свою и сталъ на ноги совершенно здоровымъ, такъ что пришелъ пѣшкомъ къ столпу преподобнаго, принялъ отъ него благословеніе и разсказалъ ему все о демонскомъ искушеніи, случившемся съ нимъ во время путешествія. Тогда преподобный возбранилъ демону Именемъ Божіимъ и повелѣлъ ему явно предъ всѣми въ теченіе трехъ часовъ стоять неподвижно у своего столпа, послѣ чего демонъ далъ святому клятву никогда болѣе не дѣлать зла людямъ и немедленно исчезъ. Получивъ исцѣленіе, благовѣрный князь Михаилъ усердно возблагодарилъ Бога и святаго старца и, давъ богатый даръ монастырю, возвратился въ свой городъ.

Такъ святый отецъ нашъ Никита, пребывая въ столпѣ своемъ

---

[1]) *Князь Михаилъ* былъ сынъ Всеволода, князя Черниговскаго. Исцѣленіе его относятъ къ 1186 году.

и вознося постоянныя молитвы Богу, подавалъ исцѣленіе всѣмъ, кто приходилъ къ нему для полученія врачевства отъ недуговъ.

Въ одну ночь пришли къ преподобному нѣкоторые изъ его родственниковъ съ просьбою помолиться за нихъ и, увидѣвъ на немъ тяжелыя вериги, которыя отъ долгаго тренія о тѣло вычистились и блестѣли, подумали, что онѣ серебряныя. Омраченные діавольскимъ наущеніемъ, они задумали убить святаго и, пришедши къ столпу, разобрали бывшій на немъ покровъ, вошли въ него и насильственно разлучили душу святаго отъ тѣла его[1]). Взявъ затѣмъ вериги, они завернули ихъ въ грубую холстину и убѣжали. Передъ утреннимъ Богослуженіемъ параэкклисіархъ[2]) по обычаю пришелъ къ столпу святаго, чтобы получить отъ него благословеніе, и, увидѣвъ, что покровъ столпа разобранъ, пошелъ къ игумену и сообщилъ ему объ этомъ. Тогда пришли къ столпу и нашли тѣло преподобнаго еще теплымъ, причемъ отъ него исходило благоуханіе. Благоговѣйно взявъ его изъ столпа, съ кажденіемъ и пѣніемъ Псалмовъ торжественно похоронили его у церкви святаго мученика Никиты съ правой стороны вблизи алтаря. При этомъ всѣ недужные, какіе случились въ то время, получили исцѣленіе.

Нечестивые же убійцы преподобнаго, думая, что они пріобрѣли драгоцѣнное сокровище, продолжали бѣжать и скоро достигли рѣки Волги. Тутъ они развернули холстину и, увидѣвъ, что три честные креста и тяжелыя вериги—желѣзные, что отъ долгаго тренія они вычистились и оттого блестѣли, бросили ихъ въ рѣку у города Ярославля близъ монастыря святаго Апостола Петра[3]). Въ первую же ночь послѣ этого одинъ инокъ этого монастыря, по имени Симеонъ, увидѣлъ на томъ мѣстѣ недалеко отъ берега три ярко свѣтящіеся столпа. Они поднимались отъ земли къ небу и испускали лучи свѣта. Инокъ разсказалъ объ этомъ архимандриту своего монастыря, а тотъ сообщилъ начальнику города и, сопровождаемые множествомъ народа, они отправились на это мѣсто и нашли честныя вериги преподобнаго, которыя, подобно сухому дереву, чудесно плавали поверхъ воды. Благоговѣйно взявъ ихъ,

---

[1]) Преподобный Никита скончался въ 1186 году, 24 мая.

[2]) *Параэкклисіархъ* — зажигающій предъ образами лампады въ монастыряхъ, пономарь.

[3]) *Петропавловскій Ярославскій монастырь* стоялъ на берегу рѣки Волги на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Петровская церковь.

съ пѣніемъ Псалмовъ понесли въ городъ и, встрѣтивъ на пути хромого, который ползалъ на ногахъ по землѣ, осѣнили его крестами, бывшими на веригахъ, послѣ чего укрѣпились ступни ногъ и колѣни его, и онъ сталъ на ноги совершенно здоровый. Кромѣ сего, много другихъ больныхъ, страдавшихъ различными недугами, получили исцѣленіе отъ веригъ преподобнаго. Спустя нѣкоторое время преподобный Никита явился вышеупомянутому иноку Симеону и сказалъ ему:

— Пусть сей честны̀й знакъ моихъ подвиговъ въ скоромъ времени перенесенъ будетъ отсюда и положенъ на гробѣ моемъ.

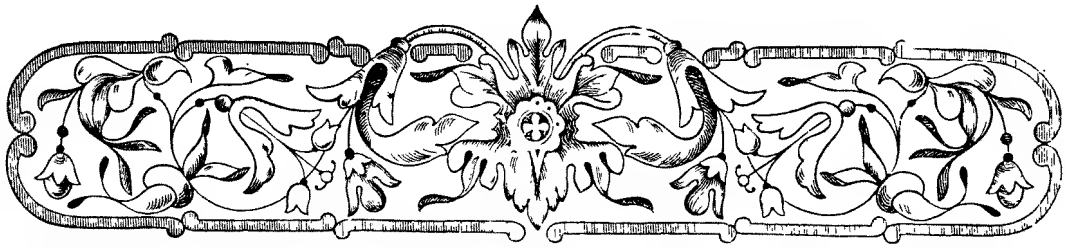
Послѣ сего вериги преподобнаго съ почестями были перенесены изъ города Ярославля въ городъ Переяславль и положены на честно̀мъ гробѣ его. Всѣмъ, приходящимъ съ вѣрою, онѣ подаютъ многія исцѣленія во славу Христа Бога.

Тропа́рь, гла́съ д҃:

Правосла́внымъ смы́сломъ ю҆́нѡшскаѧ возжелѣ́нїѧ возненави́дѣвъ, и҆ до́блественныѧ нра́вы воспрїи́мъ, врага̀ побѣди́лъ є҆сѝ, и҆ во бл҃горазꙋмїи бг҃ꙋ ᲂу҆годи́лъ є҆сѝ: и҆ свы́ше ѿ негѡ̀ прїе́мъ да́ръ чꙋде́съ, бѣ́сы прогонѧ́ти, недꙋги и҆сцѣлѧ́ти, нїки́то пресла́вне, молѝ хрⷭ҇та̀ бг҃а да сп҃се́тъ дꙋ́шы на́шѧ.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Хрⷭ҇та̀ ра́ди ѿ твои́хъ рабѡ́въ нꙋ́жднꙋю сме́рть претерпѣ́лъ є҆сѝ и҆ вѣне́цъ нетлѣ́нїѧ ѿ негѡ̀ воспрїѧ́лъ є҆сѝ: приходѧ́щымъ же съ вѣ́рою, ѿ чⷭ҇тна́гѡ твоегѡ̀ гро́ба подае́ши цѣльбы̀, ѻ҆ нїки́то прпⷣбне, мл҃твенниче ѡ҆ дꙋша́хъ на́шихъ.



День двадцать пятый

ПАМЯТЬ

СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

ѲЕРАПОНТА,

епископа Кипрскаго

Сей святый Ѳерапонтъ былъ монахомъ и въ санѣ епископа проходилъ служеніе на островѣ Кипрѣ[1]). Во время гоненія, поднятаго язычниками на христіанъ[2]), онъ мужественно исповѣдалъ Имя Господа Іисуса Христа и принялъ вѣнецъ мученическій[3]). Честныя мощи его первоначально почивали въ Кипрѣ, гдѣ и источали всѣмъ чудодѣянія; но впослѣдствіи были перенесены въ Константинополь и по слѣдующему поводу: когда Агаряне, по попущенію Божію, опустошали за грѣхи наши всѣ восточныя страны, плѣняя жителей ихъ, то приблизились и къ острову Кипру, намѣреваясь и съ нимъ сдѣлать то же, что они сдѣлали съ прочими странами восточными. Въ это время святый Ѳерапонтъ явился пономарю своей церкви и сказалъ ему:

---

[1]) *Островъ Кипръ* находится въ сѣверо-восточной части Средиземнаго моря, близъ береговъ древней Финикіи. Христіанство было насаждено здѣсь святымъ Апостоломъ Павломъ въ его первое благовѣстническое путешествіе.

[2]) Слѣдуетъ разумѣть гоненіе Діоклетіана (царствовалъ съ 284 г. по 305 г.).

[3]) Время кончины *святаго Ѳерапонта* опредѣляется гоненіемъ Діоклетіана (см. предыд. примѣч.). День кончины его неизвѣстенъ. 25-е мая есть, по всей вѣроятности, день перенесенія мощей его въ Константинополь.

— Иди скорѣе, возьми мои мощи и неси ихъ въ Константинополь, такъ какъ враги Креста Христова хотятъ придти на этотъ островъ и опустошить его; скажи объ этомъ и прочимъ христіанамъ, дабы они могли уйти отсюда ранѣе нашествія агарянскаго.

Сщенномчнкъ Ѳерапонтъ

Тотчасъ же пономарь передалъ всѣмъ христіанамъ о явленіи святаго и о его приказаніи; въ скоромъ времени христіане приготовились къ путешествію на кораблѣ; приготовивъ новую раку, они положили въ нее честныя мощи святаго Ѳерапонта и, взявъ ихъ съ собою на корабль, отправились въ путешествіе.

Когда путешественники проѣхали большую часть моря и уже приближались къ Константинополю, внезапно поднялась великая буря на морѣ; всѣ пришли въ великій страхъ и смущеніе; но въ это время отъ раки съ мощами начало исходить (какъ бы нѣкій тонкій паръ) великое благоуханіе; благоуханіе это не только наполнило весь корабль, но разлилось и по морю на три стадіи кругомъ корабля; и тотчасъ буря утихла, какъ бы усмиряемая тѣмъ дивнымъ и неизреченнымъ благоуханіемъ. Пономарь же, съ любовію охранявшій честныя мощи святаго священномученика, услышалъ голосъ, исходившій изъ раки и призывавшій его къ ней. Наконецъ, всѣ окружающіе услышали этотъ голосъ, которымъ святый Ѳерапонтъ призывалъ къ себѣ блюстителя мощей своихъ; тогда всѣ съ ужасомъ и благоговѣніемъ подступили къ ракѣ, дабы видѣть мощи святаго священномученика. Подойдя къ ракѣ, всѣ увидали мѵро благовонное, исходившее отъ мощей священномученика и наполнившее всю раку. Христіане, находившіеся на кораблѣ, почерпали то мѵро въ стеклянные сосуды и помазывались имъ съ вѣрою для исцѣленія душъ и тѣлъ своихъ.

Доѣхавъ до Константинополя, христіане положили честныя

мощи священномученика Ѳерапонта въ храмѣ, построенномъ въ честь и славу Пресвятой Богородицы[1]). Все это произошло въ царствованіе Никифора[2]). Спустя же нѣкоторое время по причинѣ многихъ чудесъ, бывшихъ отъ тѣхъ честныхъ мощей, былъ выстроенъ христіанами другой храмъ—во имя святаго священномученика Ѳерапонта; въ этотъ храмъ и были перенесены честныя мощи угодника Божія.

Изъ числа многихъ чудесъ, сотворенныхъ угодникомъ Божіимъ Ѳерапонтомъ, лишь немногія записаны. Приведемъ сказанія о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Нѣкій мужъ, родомъ италіецъ, по имени Флоринъ, будучи мучимъ легіономъ нечистыхъ духовъ, получилъ исцѣленіе у мощей святаго Ѳерапонта и возвратился къ себѣ домой совершенно здоровымъ. Онъ говорилъ, что видѣлъ какъ бы нѣкій тонкій паръ, весьма благоуханный, исходившій отъ раки честныхъ мощей; благоуханія этого не могъ вынести легіонъ бѣсовскій, почему и бѣжалъ отъ него, какъ бы кѣмъ гонимый.

Анастасій, гражданинъ города Виксинія, долгое время имѣлъ изсохшую руку, которая висѣла на плечѣ его какъ мертвая. Но когда онъ пришелъ въ храмъ святаго священномученика Ѳерапонта въ навечеріе Богоявленія Господня, то получилъ полное исцѣленіе: рука его окрѣпла и стала здоровой, какъ и другая,—въ присутствіи всѣхъ Анастасій взялъ сосудъ исцѣленною рукою и наполнилъ его крещенскою водою. Всѣ, видя это, возблагодарили Бога, прославляемаго во святомъ угодникѣ Своемъ Ѳерапонтѣ.

Былъ еще одинъ мужъ, по имени Георгій, саномъ десятникъ[3]), воинъ; по коварству діавола, лицо его было обращено назадъ, и онъ былъ слѣпъ на одинъ глазъ. Этотъ Георгій, помолившись у гроба мученика, получилъ скорое исцѣленіе: лицо его повернулось на старое мѣсто, и око прозрѣло, за что Георгій и воздалъ благодареніе своему безмездному врачу.

Одинъ разслабленный, по имени Ѳеодоръ, былъ принесенъ въ храмъ, построенный въ честь святаго мученика. Ему въ сонномъ видѣніи явился святый и подалъ хлѣбъ и чашу съ виномъ. Онъ

---

[1]) Этотъ храмъ былъ построенъ въ честь и славу иконы Божіей Матери *Елейной* (Ἐλεοῦσα), или *Милостивой*. Празднованіе въ честь этой иконы Богоматери совершается въ Православной Церкви 12-го ноября.

[2]) *Императоръ Никифоръ I* царствовалъ съ 802 г. по 811 г. Перенесеніе честныхъ мощей священномученика Ѳерапонта послѣдовало въ 806 г.

[3]) Т. е. начальникъ надъ 10-ю воинами.

же, взявъ это во снѣ изъ рукъ святаго, тотчасъ проснулся и почувствовалъ въ себѣ силу; вставъ съ постели, онъ прославилъ Господа Іисуса Христа и Его святаго мученика, сказавъ:

— О, какъ легко и скоро ты, святый Ѳерапонтъ, исцѣляешь всякіе недуги и болѣзни!

Въ храмъ святаго мученика была принесена одна дѣвочка, у которой еще со времени рожденія срослись ноги, загнулись назадъ и приросли къ ея спинѣ; но послѣ того какъ родители ея принесли святому Ѳерапонту усердную молитву, тотчасъ ноги приняли у дѣвочки свое обычное положеніе; онѣ вытянулись и раздѣлились, такъ что отроковица, придя въ возрастъ совершенный, ходила, славя и благодаря Бога.

У одной женщины, по имени Маріи, случилась на тѣлѣ неисцѣлимая болѣзнь, называвшаяся ракомъ; тяжко страдая и уже отчаяваясь въ выздоровленіи, Марія поспѣшила съ усердною молитвою ко гробу святаго священномученика и получила здѣсь скорое и совершенное исцѣленіе отъ своей болѣзни.

Другая женщина, семь лѣтъ страдавшая кровотеченіемъ, прибѣгла съ горячею молитвою и вѣрою къ святому Ѳерапонту и лишь только прикоснулась ко гробу его, тотчасъ остановилась кровь ея, и она въ полномъ здоровьи возвратилась къ себѣ домой.

Еще одна женщина, страдавшая водянкою, придя къ мощамъ святаго Ѳерапонта, увидѣла въ сонномъ видѣніи святаго мученика, помазывавшаго какою-то мазью больное мѣсто на тѣлѣ ея. Проснувшись, она увидѣла, что изъ больного мѣста ея истекло много гноя, послѣ чего она почувствовала себя совершенно здоровой.

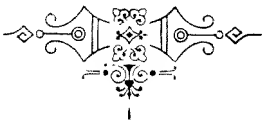
Стефанъ воинъ, изъ полковъ армянскихъ, весьма страдалъ тѣломъ; онъ былъ скорченъ и пригнутъ къ землѣ: точно такъ же и другой воинъ, по имени Ѳеодоръ, страдалъ тѣмъ же недугомъ. Когда оба прибѣгли къ помощи угодника Божія и принесли ему теплыя молитвы, то получили полное исцѣленіе.

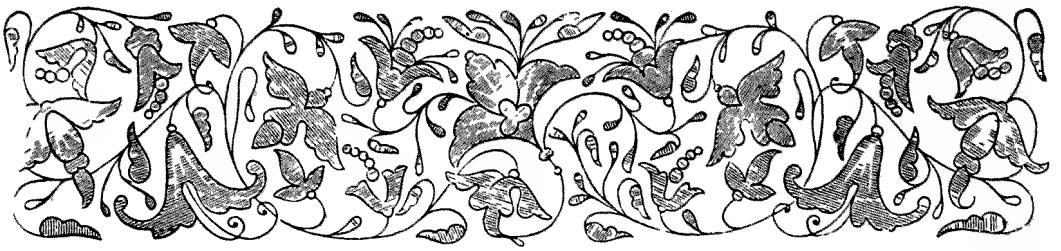
Одинъ прокаженный, придя ко гробу святаго, очистился по молитвамъ его отъ проказы и воздалъ благодареніе Богу.

Нѣкій философъ, имѣвшій у себя на груди опасный и весьма большой нарывъ, когда пришелъ ко гробу святаго и задремалъ здѣсь, то увидѣлъ, что святый приложилъ пластырь къ больному мѣсту на его груди. Проснувшись отъ сна, онъ почувствовалъ значительное облегченіе отъ своей болѣзни, а черезъ день и совершенно исцѣлился отъ нея, за что и возблагодарилъ Бога.

Многіе и другіе недуги и болѣзни исцѣлялись помазаніемъ мѵра, исходившаго отъ честныхъ мощей угодника Божія Ѳерапонта; тѣмъ же мѵромъ бѣсы изгонялись изъ людей, умиравшіе возвращались отъ смерти къ жизни; и все это творилось молитвами святаго священномученика Ѳерапонта, по благодати Господа нашего Іисуса Христа, Которому возсылается слава вѣчно. Аминь.

Въ тотъ же день празднуется **третье обрѣтеніе честныя главы святаго Іоанна Крестителя** (о семъ событіи см. подъ 24 февраля).





День двадцать шестой

СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО МУЧЕНИКА
ГЕОРГІЯ НОВАГО[1]

Святый Георгій былъ сыномъ благочестивыхъ родителей; онъ имѣлъ отца по имени Іоанна, принадлежавшаго къ числу знатнѣйшихъ вельможъ города Средца[2]), и мать по имени Марію. Георгій былъ дарованъ родителямъ своимъ по ихъ усердной молитвѣ, ибо они достигли уже преклоннаго возраста и не имѣли дѣтей, подобно древнимъ Аврааму и Саррѣ; по этой причинѣ Іоаннъ и Марія усердно молились ко Господу, Его Пречистой Матери и святому великомученику Георгію Каппадокійскому[3]); въ церковь сего угодника Божія они приходили ежедневно, творили здѣсь милостыню и усердно молили Господа, да разрѣшится не-

---

[1]) Наименованіе *Новаго* усвояется святому Георгію въ отличіе отъ другихъ святыхъ съ именемъ Георгія, подвизавшихся значительно ранѣе его, какъ, напримѣръ, Георгія великомученика (память его 23 апрѣля), Георгія исповѣдника (память его 19 апрѣля) и др.

[2]) *Средецъ*, или *Софія*,—столица Болгарскаго княжества. Еще въ древности Софія была важнымъ торговымъ пуиктомъ и составляла главный городъ римской провинціи Дакіи. Въ 441 г. Софія была опустошена Гуннами, въ 809 г. была завоевана Болгарами; въ 1382 г. попала въ руки Турокъ. 22 декабря 1877 г. городъ былъ взятъ Русскими, подъ начальствомъ Гурко, причемъ большая часть мусульманскаго населенія бѣжала.

[3]) Разумѣется св. великомученикъ Георгій Побѣдоносецъ (память его празднуется 23-го апрѣля).

плодство ихъ. И Господь не презрѣлъ ихъ молитвы, но далъ имъ въ старости плодъ чрева мужескаго пола. Іоаннъ и Марія принесли младенца въ храмъ святаго великомученика Георгія, крестили его во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа и дали ему во Святомъ Крещеніи имя Георгія.

Отрокъ воспитывался въ страхѣ Божіемъ и былъ обученъ чтенію книжному; Георгій скоро настолько хорошо изучилъ Священное Писаніе, что превосходилъ своими знаніями всѣхъ своихъ сверстниковъ. Когда Георгій достигъ юношескаго возраста, то былъ весьма похожъ красотою лица своего и цѣломудріемъ своимъ на древняго Іосифа.

Въ то время Болгаріею владѣли Сарацины; когда блаженному Георгію исполнилось двадцать пять лѣтъ со времени его рожденія (родители его въ это время уже отошли ко Господу), то Сарацины начали склонять его къ своему нечестію, говоря ему:

— Георгій! Оставь христіанство и прими нашу вѣру. Послушай посланника Божія Магомета[1]); прими нашъ законъ.

При этихъ словахъ Сарацины начали возлагать на честную главу святаго Георгія тафію (шапку), которую по своему обычаю носили на головахъ своихъ и въ которой входили въ свои молитвенные дома. Но святый отвѣчалъ имъ, говоря такъ:

— Не подобаетъ намъ, христіанамъ, подражать нечестивымъ обычаямъ вашимъ и носить на головахъ своихъ тафіи; не подобаетъ намъ отрекаться отъ Христа, Бога Истиннаго, Творца Неба и земли, и лишать себя плодовъ Крещенія Святаго. Скажите мнѣ: могу ли я вѣровать Магомету, который не былъ посланъ ни Богомъ, но Божіими пророками, ни Апостолами, но былъ простымъ военачальникомъ полка сатанинскаго, нося съ собою хоругви діавола? Вотъ вы и сами не знаете, во что вы вѣруете; вы сами отступили отъ пути истиннаго.

Обличивъ такъ Сарацинъ, святый Георгій началъ громогласно исповѣдовать Христа Истиннымъ Богомъ, Создателемъ и Творцемъ всего существующаго, видимаго и невидимаго, земнаго и небеснаго.

Затѣмъ, плюнувъ въ лица нечестивымъ и назвавъ ихъ людьми безбожными, святый бросилъ на землю тафію и началъ попирать ее ногами, говоря самъ себѣ:

---

[1]) *Магометъ*, или *Мохаммедъ*, — основатель мусульманской религіи (жил въ концѣ VI-го и началѣ VII-го вв.).

— О Георгій! Чего ты медлишь? Христосъ призываетъ тебя!

Нечестивые Сарацины, исполнившись гнѣва, взяли святаго и съ великими побоями и руганью представили его своему правителю, донося на него и говоря:

— Вотъ, сей хулитъ и поноситъ нашу вѣру.

Игемонъ же, будучи пораженъ красотою лица святаго и его мужественнымъ взглядомъ, началъ съ лестію говорить ему:

— Если отречешься отъ Іисуса Христа, Котораго вы называете Сыномъ Божіимъ, и если подчинишься приказанію самодержца Селима[1]) и исполнишь его волю (сему Селиму многія царства повинуются), то получишь многіе дары и всевозможныя почести отъ царя нашего и будешь поставленъ начальникомъ всѣхъ воеводъ великаго города Средца.

Но мученикъ Христовъ снова исповѣдалъ Господа Іисуса Христа въ присутствіи многочисленной толпы, сарацинскую же вѣру обличилъ и укорилъ. Тогда мучитель, придя въ ярость, приказалъ бить палками святаго безъ милосердія. И мучимъ былъ святый Георгій жестоко, такъ что его плоть прилипала къ палкамъ, кровь же его текла каплями изъ язвъ. Но несмотря на это святый не показывалъ намѣренія подчиниться нечестивому повелѣнію царскому.

Тогда правитель приказалъ рѣзать его по всему тѣлу ножами, съ головы до ногъ, и опалять его раны горящими свѣчами; все тѣло святаго было опаляемо свѣщами, такъ что не было видно и лица его, и начала таять плоть его, какъ таетъ воскъ отъ огня. Но мученикъ Христовъ доблестно переносилъ страданія, призывая и исповѣдуя Имя Господа Іисуса Христа.

Послѣ этого мучитель приказалъ воинамъ водить мученика по городу, ударять въ тимпаны и кричать:

— Не ругай посланника Божія Магомета и не поноси его преданій о вѣрѣ сарацинской.

Святый же молился ко Христу Господу и увѣщевалъ Сарацинъ вѣровать во Христа.

Потомъ нечестивые разложили большой костеръ посрединѣ города, намѣреваясь сжечь святаго. И веденъ былъ мученикъ Христовъ Георгій на приготовленное мѣсто для сожженія.

---

[1]) *Селимъ I*, султанъ Турецкій, царствовалъ съ 1512 г. по 1520 г.; отличался необыкновеннымъ фанатизмомъ (религіозною нетерпимостью).

Но изнемогши отъ ранъ, онъ упалъ на землю безгласнымъ, только уста его двигались, призывая на помощь Господа. Сарацины же, взявъ святаго еще живымъ, бросили его на костеръ. Такъ окончилъ свой страдальческій подвигъ мученикъ Христовъ Георгій. Нечестивые Сарацины бросили въ костеръ и много псовъ— для того, чтобы христіане не могли разпознать мощей мученика. Но Богъ прославилъ угодника Своего: внезапно на мѣсто то нашло облако съ громомъ и молніею и поднялся великій дождь, который и погасилъ огонь, такъ что отъ костра не было даже и дыма. Сарацины же, испугавшись столь великаго чуда, разбѣжались отъ того мѣста. Между тѣмъ, дождь шелъ до самой ночи.

Когда наступила ночь, то надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ было сожжено честное тѣло мученика, явился свѣтъ, весьма великій, который и озарилъ все то мѣсто. Тогда протоіерей соборной церкви въ честь святаго великомученика Георгія Каппадокійскаго отправился вмѣстѣ съ прочими христіанами къ судьямъ и, давъ имъ деньги, испросилъ у нихъ позволеніе взять честныя мощи святаго мученика и предать ихъ обычному погребенію. Когда судіи выразили свое согласіе на эту просьбу, то протоіерей тотъ пошелъ къ митрополиту Іереміи и возвѣстилъ ему все о святомъ мученикѣ. Митрополитъ же отправился къ мощамъ святаго мученика съ большою поспѣшностію и вѣрою, въ сопровожденіи всего священнаго собора и многихъ христолюбивыхъ людей, съ пѣніемъ Псалмовъ и пѣснопѣній, со свѣщами и кадилами. Разгребши пепелъ на томъ мѣстѣ, гдѣ виднѣлся свѣтъ, христіане обрѣли честныя мощи святаго мученика Георгія Новаго невредимыми отъ огня. Кости же псовъ обратились въ прахъ и пепелъ.

Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ святый мученикъ Христовъ былъ водимъ ночью по городу и гдѣ капала кровь его, ночью являлся свѣтъ—какъ бы отъ свѣщи горящей; это видѣли всѣ христіане.

Взявъ честныя мощи святаго мученика, митрополитъ положилъ ихъ въ ракѣ въ храмѣ святаго великомученика Георгія Каппадокійскаго. Здѣсь почиваютъ честныя мощи святаго мученика и донынѣ и, по благодати Божіей, подаютъ исцѣленія всѣмъ, съ вѣрою приступающимъ къ нимъ.

Пострадалъ же святый мученикъ Христовъ Георгій въ болгарскомъ городѣ Средцѣ, гдѣ и былъ воспитанъ; свой мученическій подвигъ онъ принялъ въ 7022-омъ году отъ сотворенія міра, отъ рождества же во плоти Бога Слова въ 1514-мъ году, въ 26-ой день

мѣсяца мая[1]), въ царствованіе надъ всѣми Господа нашего Іисуса Христа, Которому возсылается слава со Отцемъ, и Святымъ Духомъ, вѣчно. Аминь.

Тропа́рь, гла́съ д҃:

Бж҃е́ственнымъ жела́нїемъ ѿ ю҆́нагѡ во́зраста ве́сь са́мъ себѐ гдⷭ҇еви возложи́въ, въ мл҃твахъ и҆ постѣ́хъ ѡ҆́бразъ бы́въ добродѣ́тели, бога́тство же и҆ сла́вꙋ, и҆ доброро́дство тѣле́сное ꙗ҆́кѡ не сꙋ́щее презрѣ́въ, и҆ хрⷭ҇та̀ є҆ди́наго ѿ дꙋшѝ возлюби́лъ є҆сѝ, и҆ того̀ и҆́стиннаго сꙋ́ща бг҃а, въ трⷪ҇цѣ покланѧ́ема, пред̾ нечести́выми тꙋ́рки проповѣ́далъ є҆сѝ: и҆ срацы́нскꙋю вѣ́рꙋ, и҆ зако́ны мѡаме́дѡвы под̾ нога́ми попра́въ, и҆ мꙋчи́телѧ ᲂу҆жаси́въ, мꙋче́нїѧ вѣнце́мъ ᲂу҆краси́всѧ сла́вне, къ нбⷭ҇нымъ восте́клъ є҆сѝ ликостоѧ́нїемъ премꙋ́дре геѡ́ргїе. молѝ хрⷭ҇та̀ бг҃а, сохрани́ти ѻ҆те́чество твоѐ, и҆ лю́ди, и҆ гра́дъ, и҆̀же твоѧ̑ по́двиги при́снѡ почита́ющыѧ.

Конда́къ, гла́съ д҃:

А҆́кѡ ѕвѣзда̀ пресвѣ́тлаѧ ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ непреле́стнаѧ мі́рови, прⷣнаго слⷭ҇нца хрⷭ҇та̀ возвѣща́ющи, страда́нїи твои́ми, стрⷭ҇тоте́рпче вели́кїй мч҃нче хрⷭ҇то́въ геѡ́ргїе, и҆ пре́лесть погаси́лъ є҆сѝ срацы́нскꙋю, и҆ мѡаме́дѡва преда̑нїѧ и҆ зако́ны под̾ нога́ми твои́ми попра́лъ є҆сѝ: и҆ беззако́ннаго царѧ̀, и҆ мꙋчи́телей ᲂу҆жаси́лъ є҆сѝ крѣ́пкимъ твои́мъ терпѣ́нїемъ: и҆ вѣ́рнымъ подае́ши свѣ́тъ, молѧ́сѧ къ бг҃ꙋ непреста́ннѡ ѡ҆ всѣ́хъ на́съ.

---

[1]) По мнѣнію нѣкоторыхъ, святый Георгій пострадалъ 11 февраля. 26-е мая принимается въ такомъ случаѣ за день перенесенія его мощей.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ПСИХАИТА

Святый отецъ нашъ Іоаннъ, съ юныхъ лѣтъ возлюбивъ Христа, по характеру своему сталъ подобенъ святымъ Пророкамъ Иліи и Іоанну. Оставивъ міръ, онъ отправился въ Психаитскую лавру[1]) и принялъ тамъ иночество, послѣ чего получилъ отъ Бога даръ изгонять бѣсовъ и исцѣлять болѣзни. Онъ подвизался во время иконоборческихъ волненій, укрѣпляя православныхъ въ вѣрѣ своими наставленіями. На него сдѣланъ былъ доносъ императору, гонителю на иконы[2]), и послѣдній, призвавъ его къ себѣ, сталъ принуждать отказаться отъ поклоненія честнымъ иконамъ, присоединиться къ его ереси и подписаться на нечестивомъ свиткѣ, но преподобный не согласился исполнить это и даже обличилъ императора, назвавъ его еретикомъ. За это онъ сосланъ былъ въ ссылку, гдѣ претерпѣлъ отъ беззаконныхъ и несправедливыхъ иконоборцевъ множество бѣдствій, и здѣсь окончилъ жизнь свою.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО

КАРПА,

апостола изъ семидесяти

Святый апостолъ изъ семидесяти Карпъ былъ послѣдователемъ и слугою святаго Апостола Павла; онъ разносилъ его Посланія въ тѣ мѣста, куда они назначались. Достаточное время Карпъ потрудился вмѣстѣ съ Апостоломъ Павломъ, благовѣствуя всюду

---

1) *Психаитская* лавра, по указанію Болландистовъ, находилась въ Константинополѣ.

2) Особенно жестокимъ гонителемъ на иконы былъ Греческій императоръ Константинъ Копроимъ (743—775 гг.), намѣревавшійся торжественно, съ соблюденіемъ законности уничтожить иконопочитаніе какъ ересь, для чего въ 754 году созвалъ Соборъ и назвалъ его Вселенскимъ. Такъ же жестоко преслѣдовалъ иконопочитаніе и императоръ Левъ Армянинъ (813—820 гг.). Онъ издалъ указъ, которымъ запрещалъ монахамъ проповѣдовать объ иконопочитаніи, и на этомъ указѣ должны были подписаться всѣ монахи. Вѣроятно, подъ «императоромъ, гонителемъ на иконы», здѣсь разумѣется послѣдній императоръ.

слово Христово[1]); немало претерпѣлъ онъ за это бѣдъ и напастей. Затѣмъ святый Карпъ былъ поставленъ Апостоломъ Павломъ епископомъ города Беріи во Ѳракіи[2]).

Святый апостолъ Карпъ потрудился, проповѣдуя Евангеліе Христово и на островѣ Критѣ[3]); здѣсь онъ, между прочимъ, принялъ въ домъ свой святаго Діонисія Ареопагита[4]) и видѣлъ Господа, явившагося ему въ видѣніи въ то время, когда Карпъ просилъ Его предать казни двухъ грѣшниковъ, и слышалъ голосъ Его, возгласившій:

— Мучь Меня еще, ибо Я готовъ еще разъ пострадать и быть распятымъ ради спасенія людей[5]).

Ст҃ый а҃пл҃ъ
Ка́рпъ

---

1) Между прочимъ у него въ Троадѣ были оставлены Апостоломъ Павломъ фелонь и разныя книги, между коими апостолъ особенно упоминаетъ о пергаментныхъ (2 Посл. къ Тимоѳ., гл. 4, ст. 13).

2) *Ѳракіей* называлась та часть Балканскаго полуострова, которая лежала къ сѣверу отъ Македоніи, Эгейскаго и Мраморнаго моря. Въ настоящее время на мѣстѣ древней Ѳракіи находятся слѣдующія земли: восточная часть Венгріи, Трансильванія, Бессарабія, Молдавія, Валахія, Болгарія, Сербія и восточная часть Румеліи. Городъ *Берія* въ настоящее время называется *Веррія*, или *Кара-Веррія*; въ немъ около 12 000 жителей.—Апостолъ Павелъ былъ въ Беріи во время своего второго апостольскаго путешествія

3) *Островъ Критъ* (иначе Кандія—отъ главнаго города того же имени) находится въ средней части Средиземнаго моря, къ югу отъ Эгейскаго моря. Начало христіанству было положено здѣсь событіемъ Сошествія Святаго Духа на Апостоловъ, ибо при этомъ событіи были и критяне (Дѣян., гл. 2, ст. 11). Затѣмъ христіанство было утверждено здѣсь Апостоломъ Павломъ, который поставилъ здѣсь епископомъ Тита для того, чтобы онъ «довершилъ недоконченное и поставилъ по всѣмъ городамъ пресвитеровъ» (Посл. къ Титу гл. 1, ст. 5).—Въ XVII в. Критъ перешелъ во власть Турокъ.

4) *Діонисій Ареопагитъ*—членъ Ареопага—верховнаго судилища аѳинскаго. Обращенъ въ христіанство Апостоломъ Павломъ во время его второго апостольскаго путешествія (ок. 54 г.). Причисленъ св. Церковію къ лику святыхъ.—Память его празднуется 3-го октября.

5) Для того, чтобы понять эти слова, необходимо припомнить слѣдующій случай изъ жизни святаго апостола Карпа.—Нѣкто изъ невѣрующихъ совратилъ къ злочестію своему одного изъ христіанъ. Карпъ былъ весьма опечаленъ этимъ. Никогда не обнаруживавшій ранѣе нетерпѣнія, Карпъ на этотъ разъ былъ весьма огорченъ въ душѣ

Святый Діонисій Ареопагитъ свидѣтельствуетъ о семъ святомъ Карпѣ и то, что онъ никогда не начиналъ совершать пречистыхъ и животворящихъ Таинъ прежде, чѣмъ не сподоблялся являвшагося ему съ Неба божественнаго видѣнія[1]).

Святительствуя въ Беріи, Карпъ обратилъ ко Христу многихъ еллиновъ-язычниковъ; обличая іудеевъ, онъ говорилъ имъ, что распятый ими Христосъ есть Богъ Истинный и Творецъ всего. Впослѣдствіи онъ былъ съ жестокостію убіенъ іудеями и такимъ образомъ предалъ душу свою въ руки Господа[2]). Честныя мощи его были положены вѣрными и богобоязненными людьми въ томъ же городѣ, гдѣ онъ и святительствовалъ, причемъ сими мощами подавались многоразличныя исцѣленія болящимъ во славу Христа, Бога нашего.

Тропа́рь, гла́съ г҃:

Апле ст҃ый ка́рпе, молѝ ми́лостиваго бг҃а, да прегрѣше́нїй ѡ҆ставле́нїе пода́стъ ду́ша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Ꙗкѡ звѣзду́ пресвѣтлу́ю цр҃ковь всегда́ стѧжа́ тѧ̀ а҆пле ка́рпе, чудесъ твои́хъ многоподава́нїемъ просвѣща́ема: сп҃сѝ вѣ́рою чту́щихъ па́мѧть твою̀.

своей. Онъ помыслилъ про себя, что нечестивцы, развращающіе и губящіе людей, не должны жить на землѣ; и началъ онъ молить Бога, дабы ниспалъ огонь съ неба и попалилъ тѣхъ двухъ нечестивцевъ,—и совратившаго, и совращеннаго. Когда онъ молился объ этомъ, вдругъ горница, въ которой онъ стоялъ, потряслась и разступилась надвое. Поднявъ свои очи вверхъ, онъ увидѣлъ небо отверстымъ и въ немъ сидящаго Господа Іисуса Христа въ образѣ человѣческомъ. Опустивъ же взоры внизъ, онъ увидѣлъ глубокую пропасть, на краю которой стояли тѣ два грѣшника, которымъ Карпъ испрашивалъ погибель. Карпъ, видя, что опечалившіе его уже готовы упасть въ пропасть и быть съѣденными зміемъ, пресмыкавшимся внизу, исполнился радости; но такъ какъ они все еще не падали въ пропасть, то Карпъ снова сталъ досадовать и скорбѣть и опять началъ молить Бога объ ихъ погибели. Когда же онъ возвелъ очи свои на Небо, то увидѣлъ, что Господь приблизился къ тѣмъ грѣшникамъ и подалъ имъ руку помощи. Потомъ Господь и сказалъ Карпу: «Мучь Меня еще, ибо Я готовъ еще разъ пострадать и быть распятымъ ради спасенія людей». Сказаніе объ этомъ сообщаетъ святый Діонисій Ареопагитъ въ своемъ посланіи къ монаху Демофилу. Посланіе это можно читать подъ 3-мъ числомъ октября мѣсяца (день памяти св. Діонисія Ареопагита).

[1]) *Діонисій Ареопагитъ* съ великою похвалою отзывается объ апостолѣ Карпѣ. Такъ, напримѣръ, въ посланіи къ монаху Демофилу онъ говоритъ о Карпѣ: «Мужъ сей былъ великъ по своимъ добродѣтелямъ и отличался такою возвышенною чистотою ума, что обладалъ большою способностью къ боговидѣніямъ».

[2]) Кончина *святаго апостола Карпа* послѣдовала въ концѣ I-го в.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО АПОСТОЛА

АЛФЕЯ

Святый апостолъ Алфей былъ отцемъ Апостоловъ Іакова Алфеева и Левія. Сей Левій былъ мытаремъ (сборщикомъ податей) и его-то призвалъ Господь, сказавъ:

— По Мнѣ гряди! [1])

Оставивъ все, Левій послѣдовалъ за Христомъ и былъ все время Его неизмѣннымъ спутникомъ.

Апостолъ Левій называется еще Матѳеемъ, и онъ именно написалъ первое Евангеліе.

Святый апостолъ Алфей происходилъ изъ галилейскаго города Капернаума, но гдѣ онъ проповѣдовалъ Евангеліе—неизвѣстно.

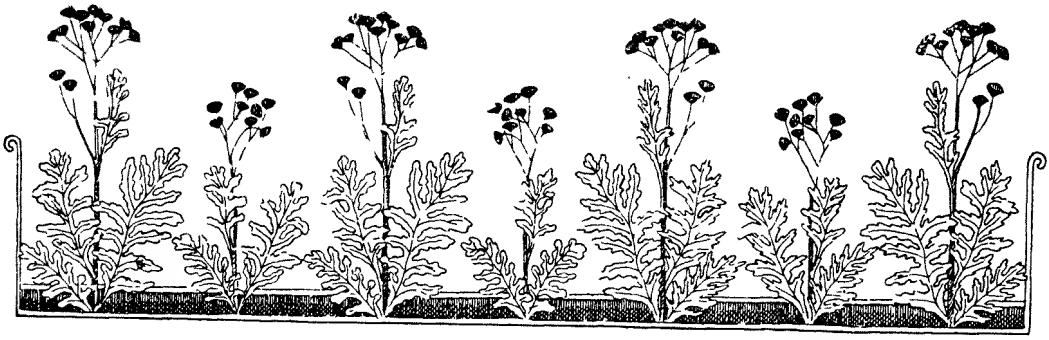
Ст҃ы́й а҆плъ а҆лфе́й

Вь тотъ же день память **святыхъ мучениковъ Аверкія и Елены,** по нѣкоторымъ памятникамъ, дѣтей апостола Алфея. Святый Аверкій пострадалъ за Христа, бывъ привязанъ нагой среди пчелъ и изъязвленный ихъ жалами; сестра же его Елена убита камнями.

Въ тотъ же день празднуется **обрѣтеніе мощей преподобнаго Макарія Калязинскаго.** Житіе его см. подъ 17 марта.

---

[1]) Еваиг. отъ Марка, гл. 2, ст. 14.



День двадцать седьмой

СТРАДАНІЕ
СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ
ѲЕОДОРЫ и ДИДИМА

Въ царствованіе императоровъ Діоклетіана[1]) и Максиміана[2]), во время управленія городомъ Александріею[3]) княземъ Евстратіемъ, было издано приказаніе царское, повелѣвавшее христіанамъ или принести жертвы богамъ, или принять мученія.

Евстратій князь, сѣвъ на судилище въ Александріи, приказалъ привести къ себѣ на судъ Ѳеодору, христіанскую дѣвицу, недавно взятую и заключенную въ темницу. Когда она была приведена, судья спросилъ ее:

— Какой ты вѣры, дѣвица?

Отвѣчала святая:

— Я — христіанка.

Судья сказалъ:

— Свободная ли ты, или рабыня?

---

1) *Діоклетіанъ* управлялъ Восточною половиною Римской имперіи съ 284 г. по 305 г.

2) *Максиміанъ* управлялъ Западною половиною Римской имперіи съ 284 г. по 305 г.

3) *Александрія* — знаменитый городъ, основанный Александромъ Великимъ ок. 333 г. въ Египтѣ на берегу Средиземнаго моря; славился до Р. Хр. какъ центръ науки и торговли; съ нач. IV-го вѣка сталъ однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ христіанской жизни и резиденціей Патріарха.

— Я сказала тебѣ,—отвѣчала Ѳеодора,—что я—христіанка; Христосъ же, придя въ міръ, освободилъ меня отъ грѣха; рождена же я родителями славными въ суетномъ мірѣ семъ.

Князь, посмотрѣвъ на градоначальника, по имени Лукія, спросилъ его:

— Знаешь ли ты эту дѣвицу?

Лукій отвѣчалъ:

— Да, я знаю, что она происходитъ изъ благороднаго и честнаго рода.

Тогда князь сказалъ, обратившись къ Ѳеодорѣ:

— Если ты, дѣвица, происходишь изъ благороднаго и честнаго рода, то почему ты до сихъ поръ еще не вышла замужъ?

Дѣвица отвѣчала:

— Я отреклась отъ брака ради Христа, ибо Господь нашъ Іисусъ Христосъ, придя въ міръ и родившись отъ Пречистой Приснодѣвы Маріи, освободилъ насъ отъ тлѣнія и обѣщалъ даровать намъ жизнь вѣчную. И вотъ я, вѣруя въ Него, рѣшила ради любви къ Нему сохранить въ чистотѣ дѣвство мое до самой моей смерти.

Судія сказалъ на это:

— Цари приказали намъ всѣхъ дѣвицъ, желающихъ сохранить свою чистоту, принуждать къ поклоненію богамъ нашимъ; если же вы не захотите поклониться богамъ, то будете отданы въ блудилище.

Отвѣчала дѣвица:

— Вѣроятно, ты понимаешь, что Богъ смотритъ прежде всего на изволеніе сердечное. Будучи Сердцевѣдцемъ, Онъ знаетъ всѣ помышленія наши и самыя намѣренія наши принимаетъ какъ дѣло. Мой Богъ знаетъ намѣреніе мое—сохранить въ чистотѣ дѣвство свое; поэтому, если ты и прикажешь, какъ ты хвалишься, отдать меня блудникамъ, то это не будетъ прелюбодѣяніемъ для тѣла моего, а будетъ насиліемъ и страданіемъ мнѣ; и если ты отсѣчешь мнѣ голову, или руку, или ногу, или насильно лишишь меня дѣвства, ты черезъ это сдѣлаешь меня не блудницей, а мученицей. Но знай, что Владыка и Богъ мой силенъ сохранить въ чистотѣ дѣвство мое, если пожелаетъ.

Судія сказалъ:

— Не намѣревайся безчестить свое благородство, не предавай себя поруганію и смѣху, будучи дочерью честныхъ и славныхъ родителей, какъ о тебѣ здѣсь свидѣтельствуютъ.

Отвѣчала дѣвица:

— Я прославляю Христа и Бога моего, давшаго мнѣ благородство и чистоту, и я надѣюсь, что Онъ сохранитъ въ цѣлости голубицу Свою.

Сказалъ судія:

— Для чего ты прельщаешься, вѣруя въ человѣка распятаго какъ въ Бога. Неужели Онъ избавитъ тебя отъ рукъ, которыя возьмутъ тебя на оскверненіе? Не думай, что, войдя въ блудилище, ты выйдешь изъ него чистой.

Отвѣчала Ѳеодора:

— Я вѣрую, что Христосъ и Богъ мой, пострадавшій при Понтійскомъ Пилатѣ, избавитъ меня отъ нечистыхъ рукъ блудниковъ и соблюдетъ въ чистотѣ рабу Свою.

Послѣ этого судья далъ Ѳеодорѣ три дня на размышленіе. Но она выражала готовность пострадать, говоря, что и черезъ три дня, точно такъ же, какъ и черезъ большее количество дней, у ней не будетъ иного намѣренія и желанія, какъ умереть за Христа, Бога своего.

Послѣ того святая была отведена въ темницу и спустя три дня снова представлена на допросъ. Когда игемонъ понялъ, что она неизмѣнно пребудетъ въ святой вѣрѣ христіанской, то приказалъ отвести ее въ блудилище. Будучи ведена сюда, святая молилась ко Господу, говоря такъ:

«Христе Боже, укротившій безсловесныхъ звѣрей предъ лицемъ святой мученицы Твоей Ѳеклы[1]), укроти и свирѣпѣйшихъ словесныхъ звѣрей, блудниковъ, намѣревающихся повредить чистотѣ тѣла моего. Ты, Боже, избавившій Сусанну изъ рукъ старцевъ-прелюбодѣевъ[2]), спаси и меня, рабу Твою, отъ таковыхъ же блудниковъ; не допусти быть оскверненной храму, который посвященъ лишь Тебѣ Единому. Ты, отогнавшій отъ меня невидимыхъ враговъ, покушавшихся тайно похитить мое дѣвственное сокровище, отгони и этихъ явныхъ насильниковъ, намѣревающихся разбойнически отнять отъ меня мое богатство. Пріиди на защиту меня, Господи Боже мой, и всемогущею силою Твоею сдѣлай такъ, чтобы я вышла отсюда чистой, чтобы меня не коснулись эти нечестивыя руки, дабы я прославила святое Имя Твое».

---

[1]) Здѣсь разумѣется св. первомученица Ѳекла (см. житіе ея подъ 24 сентября).

[2]) См. Кн. Прор. Даніила, гл. 13.

Въ то время какъ святая молилась такъ, скверные блудники стояли около дома того и спорили между собою, кто долженъ войти первый къ дѣвицѣ. Въ это время нѣкій юноша, крѣпкій тѣломъ, одѣтый какъ воинъ, подойдя къ нимъ и отогнавъ ихъ отъ дома того, вошелъ къ дѣвицѣ, причемъ никто не воспрепятствовалъ ему пройти къ ней. Это былъ одинъ изъ христіанъ, по имени Дидимъ, который, по Божію устроенію, нарочито въ образѣ воина вошелъ въ домъ тотъ какъ бы для грѣха, на самомъ же дѣлѣ пришелъ сюда для защищенія дѣвицы. Увидавъ его, святая Ѳеодора весьма удивилась. Но блаженный Дидимъ сказалъ ей:

— Не бойся, сестра! Тотъ, кто снаружи кажется тебѣ волкомъ, на самомъ дѣлѣ агнецъ и братъ твой по святой вѣрѣ. Я пришелъ спасти тебя, рабу и голубицу Бога моего. Перемѣнимъ одежды: ты—одѣнься въ мои, а я—въ твои, дабы ты могла унести отсюда въ цѣлости дѣвство свое, прикрытое моими одеждами. Я же въ твоихъ одеждахъ пойду на подвигъ мученическій и покажу себя дѣйствительнымъ воиномъ Христа Бога.

Святая дѣвица соизволила на такой поступокъ, понявъ, что Дидимъ былъ посланъ къ ней отъ Бога. Перемѣнивъ одежды, они облеклись: дѣвица—въ мужескій костюмъ, а юноша—въ дѣвическій. Потомъ юноша сказалъ дѣвицѣ:

— Выходя отсюда, закрой лицо свое, какъ будто ты стыдишься, потому что всѣ уходятъ отсюда со стыдомъ; тогда тебя никто не узнаетъ.

Дѣвица такъ и сдѣлала, вышла въ воинскомъ одѣяніи съ закрытымъ лицомъ; она быстро направилась къ дому своему, славя Бога за Его промышленіе о ней, ибо Онъ избавилъ ее такимъ образомъ отъ блудниковъ—какъ птицу отъ сѣти или какъ овцу отъ волковъ.

Когда Ѳеодора вышла изъ блудилища, въ него вошелъ нѣкоторый юноша, одержимый блудною страстію; увидавъ вмѣсто дѣвицы мужчину, онъ весьма удивился и воскликнулъ:

— Что это такое? Какимъ образомъ дѣвица превратилась въ мужчину? Я слышалъ, что нѣкогда Христосъ, какъ говорятъ христіане, обратилъ воду въ вино[1]), но вотъ теперь я вижу, что Онъ обратилъ женскій полъ въ мужескій.

И выйдя изъ блудилища, онъ говорилъ друзьямъ своимъ:

---

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. 2, ст. 1—11.

— Бѣжимъ отсюда скорѣе, бѣжимъ, чтобы Христосъ не обратилъ насъ въ женщинъ!

И побѣжавъ, возвѣстили обо всемъ судьѣ Евстратію.

Евстратій же приказалъ привести Дидима къ судилищу и спросилъ его:

— Кто ты?

Отвѣчалъ Дидимъ:

— Я—рабъ Іисуса Христа; имя же мое—Дидимъ.

Сказалъ судія:

— Почему мы видимъ на тебѣ не мужскія, а женскія одежды?

Отвѣчалъ Дидимъ:

— Я взялъ ихъ у Ѳеодоры, свои же отдалъ ей, дабы она не была узнана блудниками и избѣжала рукъ ихъ.

Судія спросилъ:

— Кто тебѣ приказалъ сдѣлать такъ?

Дидимъ отвѣчалъ:

— Богъ мой, Іисусъ Христосъ, научилъ меня поступить такъ; Онъ послалъ спасти овцу Его отъ зубовъ звѣриныхъ въ цѣлости и неповрежденности.

Сказалъ судія:

— Гдѣ же Ѳеодора? Скажи намъ, гдѣ она, если не желаешь, чтобы мы мучили тебя.

Отвѣчалъ Дидимъ:

— Поистинѣ не знаю, гдѣ она находится сейчасъ; я знаю о ней только то, что она честная и вѣрная раба Христова, что она исповѣдуетъ Пресвятое Имя Христа, Бога нашего; посему и Христосъ возлюбилъ ее и сохранилъ ее въ чистотѣ, какъ Свою невѣсту.

Князь же, преисполнившись гнѣва, приказалъ отсѣчь мечомъ главу Дидима, тѣло же его приказалъ бросить въ огонь.

Святый Дидимъ, узнавъ о смертномъ приговорѣ своемъ, преисполнился радости и воззвалъ къ Богу, говоря такъ:

«Благословенъ Ты, Боже, Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, не презрѣвшій молитвы моей и исполнившій желаніе мое, ибо Ты и рабу Свою, Ѳеодору, сохранилъ въ чистотѣ и неповрежденности, и меня сподобляешь вѣнца мученическаго!»

И веденъ былъ святый за городъ на усѣкновеніе.

Когда святая Ѳеодора узнала объ этомъ, то пошла за святымъ мученикомъ Дидимомъ и, придя къ мѣсту усѣкновенія, начала пре-

пираться съ нимъ о вѣнцѣ мученическомъ, говоря:

— Хотя ты и спасъ меня отъ оскверненія, но я не просила тебя спасти меня отъ смерти. Я была первая взята, первая истязаема и судима; уступи мнѣ кончину мученическую: пусть буду усѣчена я, ты же иди, куда хочешь; для тебя будетъ великая награда отъ Господа за то уже одно, что ты сохранилъ въ чистотѣ мое дѣвство; я не желаю, чтобы ты умеръ за меня и предвосхитилъ мой вѣнецъ; не желаю я быть виновницей твоей смерти; я сама умру, я сама отдамъ долгъ свой, ибо я имѣю голову; пусть она будетъ усѣчена за Имя Христово; я имѣю кровь; пусть она будетъ пролита за Господа нашего. Я не хотѣла и не хочу быть оскверненной, но желала и теперь желаю быть замученной. Не отнимай же отъ меня вѣнца, который я начала плести ранѣе тебя. Но если ты завидуешь моему мученичеству, то позволь мнѣ пойти подъ мечъ первой, ты же можешь быть мученикомъ Христовымъ послѣ меня; я хочу, чтобы ты остался послѣ меня, а не я послѣ тебя, потому что отъ тебя не могутъ отнять чистоты, меня же могутъ лишить невинности. Если ты извелъ меня чистой изъ блудилища, то позволь мнѣ и Христу предстать чистой.

Сщ҃енномч҃нкъ
Ѧерапо́нтъ

Святый же Дидимъ сказалъ ей:

— Возлюбленная сестра! Господь нашъ, одинъ разъ уже сохранившій тебя неоскверненной, можетъ всегда сохранить чистоту твою; мнѣ же, на смерть осужденному, не препятствуй умереть; я умру за Христа и кровью своею омою грѣхи свои.

Въ то время какъ они съ любовію препирались между собою, было приказано усѣчь мечомъ ихъ обоихъ; святая мученица Θеодора первая преклонила подъ мечъ голову свою, а за-

тѣмъ преклонилъ подъ мечъ свою главу и святый мученикъ Дидимъ[1]). Тѣла же ихъ были брошены въ огонь. Такимъ образомъ они приняли побѣдные вѣнцы отъ Христа, Бога нашего, Которому возсылается слава, честь и поклоненіе со Отцемъ и Святымъ Духомъ вѣчно. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

ѲЕРАПОНТА

Сей святый Ѳерапонтъ былъ святителемъ Сардійской[2]) Церкви; здѣсь онъ обратилъ ко Христу своимъ ученіемъ многихъ еллиновъ-идолопоклонниковъ и просвѣтилъ ихъ Святымъ Крещеніемъ. Святый Ѳерапонтъ былъ взятъ игемономъ Юліаномъ и въ узахъ заключенъ въ темницу; былъ томимъ голодомъ и жаждою долгое время; будучи выведенъ изъ темницы, преданъ различнымъ мукамъ; затѣмъ веденъ связанный въ Синаонъ, городъ фригійскій[3]), и въ Анкиръ, городъ галатійскій[4]), причемъ всюду былъ многоразлично мучимъ. Когда же святый былъ приведенъ къ рѣкѣ, называвшейся Асталой, то былъ растянутъ на землѣ нагой и привязанъ къ четыремъ кольямъ, вбитымъ въ землю; затѣмъ мучители били святаго столь сильно, что даже кожа спала съ тѣла его и земля напиталась его кровью. Колья же тѣ пустили ростки и произрастили вѣтви и листья; затѣмъ выросли въ большія деревья и своими листьями исцѣляли различные недуги и болѣзни людей. Наконецъ, святый Ѳерапонтъ былъ приведенъ въ область, находившуюся въ Лидіи, вблизи рѣки Гермуса (протекающей по Лидіи) въ епископіи Саталійской (подчиненной митрополіи Сардійской), и здѣсь послѣ многихъ мукъ былъ умерщвленъ за исповѣданіе Имени Христова и такимъ образомъ принялъ отъ Господа вѣнецъ нетлѣнный[5]).

---

1) Кончина святыхъ мучениковъ Ѳеодоры и Дидима послѣдовала въ 303 г. или 304 г.

2) *Городъ Сардисъ,* или *Сардъ,* находился въ малоазійской области Лидіи; въ древности былъ столицею Лидійскаго царства и славился своимъ богатствомъ. Здѣсь было много христіанъ уже во времена апостоловъ. О Сардійской Церкви упоминается въ Апокалипсисѣ (гл. 1, ст. 11; гл. 3, ст. 1—4).

3) —малоазійская область.

4) —малоазійская область.

5) Время кончины святаго Ѳерапонта неизвѣстно.

ПЕРЕНЕСЕНІЕ ЧЕСТНЫХЪ МОЩЕЙ СВЯТИТЕЛЕЙ

КИПРІАНА, ФОТІЯ И ІОНЫ,

Кіевскихъ и всея Россіи чудотворцевъ

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1472 года во время княженія христолюбиваго Великаго Князя всея Россіи Іоанна Васильевича[1]) при преосвященномъ митрополитѣ Филиппѣ[2]) въ славномъ городѣ Москвѣ положено было начало основанія святаго и великаго соборнаго храма—Успенія Пресвятой Богородицы. И когда начали разбирать первый храмъ, который былъ построенъ святымъ Петромъ чудотворцемъ[3]), и разобрали его до половъ, то въ то время обнаружились гробы прежде бывшихъ святителей русскихъ, преосвященныхъ митрополитовъ Кипріана, Фотія и Іоны. 23 мая въ началѣ второго часа дня гробы ихъ окопали, и тогда пришелъ преосвященный митрополитъ всея Россіи Филиппъ съ архіепископами и съ нимъ все московское духовенство, пришелъ также благовѣрный Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ съ сыномъ своимъ, мать Великаго Князя, братья его, князья Георгій, Андрей, Борисъ и Андрей, всѣ сановники великокняжескаго двора, князья и бояре и множество православныхъ христіанъ, жителей славнаго города Москвы, мужей и женъ. Воспѣвъ подобающіе сему случаю Псалмы, взяли сперва гробъ митрополита всея Россіи Кипріана и поставили его на приготовленное мѣсто въ новооснованномъ храмѣ въ особый ковчегъ на правой сторонѣ, а потомъ взяли гробъ митрополита Фотія и поставили на томъ же мѣстѣ. Священныя одежды и омофоры, бывшіе на святителяхъ, оказались нетлѣнными несмотря на много лѣтъ со дня ихъ кончины, ибо послѣ кончины митрополита Кипріана прошло безъ восемнадцати дней

---

1) Здѣсь разумѣется *Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ III*, княжившій въ Москвѣ съ 1462 до 1505 года.

2) Это былъ *митрополитъ Филиппъ I*, занимавшій Московскую каѳедру при Великомъ князѣ Іоаннѣ III съ 1465 до 1473 года.

3) Разумѣется святый *митрополитъ Петръ*, который въ 1325 году изъ Владиміра переселился въ Москву и по настоянію котораго Московскимъ княземъ Іоанномъ Калитою былъ построенъ первый каменный храмъ—Успенія Божіей Матери.

65 лѣтъ, а послѣ кончины митрополита Фотія безъ тридцати четырехъ дней 41 годъ. По перенесеніи мощей святыхъ Кипріана и Фотія пришли ко гробу святителя митрополита Іоны, и когда немедленно послѣ сего снята была съ него крышка, то распространилось такое сильное благоуханіе, что всѣ, стоявшіе вокругъ этого мѣста, слышали его. При этомъ всѣ увидѣли, что святыя мощи святителя совершенно цѣлы, только тѣло присохло къ костямъ, и одежды, въ которыя онъ былъ облаченъ, также цѣлы и нетронуты тлѣніемъ, а между тѣмъ послѣ кончины его исполнилось тогда 11 лѣтъ и 2 мѣсяца. Взявъ гробъ святителя, поставили его наверху земли съ лѣвой стороны храма.

Благовѣрный князь Іоаннъ и преосвященный митрополитъ со множествомъ православнаго народа возблагодарили послѣ сего за это Бога и повелѣли праздновать память обрѣтенія честныхъ мощей святителей въ 27 день мѣсяца мая.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ѲЕРАПОНТА,

Бѣлозерскаго чудотворца

Сей преподобный отецъ нашъ Ѳерапонтъ происходилъ изъ предѣловъ Московской области, изъ города Волока Ламскаго[1]). Онъ былъ сыномъ благочестивыхъ родителей по фамиліи Поскочиныхъ и въ мірѣ носилъ имя Ѳеодора. Достигши совершеннолѣтняго возраста, онъ исполнился страха Божія и пожелалъ удалиться изъ міра. Оставивъ домъ свой и родителей, онъ пришелъ въ славный городъ Москву и въ Симоновомъ монастырѣ Пресвятой Богородицы[2]) принялъ иночество, при чемъ ему дано было

---

[1]) *Волокъ Ламскій*, иначе называвшійся просто Волокомъ, нынѣшній уѣздный городъ Московской губерніи Волоколамскъ, основанъ былъ новгородскими колонистами на рѣкѣ Городенкѣ, притокѣ Ламы, и существовалъ еще въ 1135 году. Въ древности этотъ городъ былъ очень обширнымъ и многолюднымъ, а теперь это - незначительный городокъ съ 1000 человѣкъ населенія.

[2]) *Симоновъ монастырь*, названный отъ мѣстности близъ рѣки Москвы по имени Симоново, основанъ былъ около 1370 года ученикомъ и роднымъ племянникомъ преподобнаго Сергія Радонежскаго преподобнымъ Ѳеодоромъ, впослѣдствіи архіепископомъ Ростовскимъ, который и построилъ въ немъ первый храмъ во имя Пресвятой Богородицы, въ честь Ея славнаго Рождества. Память его празднуется 28 ноября.

имя Ѳерапонта. Послѣ сего, пребывая въ послушаніи, молитвахъ и постѣ, онъ много лѣтъ подвизался въ этой обители. Однажды по какимъ-то монастырскимъ нуждамъ онъ посланъ былъ архимандритомъ въ области Бѣлаго озера[1]), разсмотрѣлъ находившіяся тамъ мѣста, весьма полюбилъ ихъ и возвратился въ свой монастырь.

Прп҃бный
Ѳерапо́нтъ

По устроенію Божественнаго Промысла случилось, что въ этомъ монастырѣ, пребывая въ безмолвіи, находился преподобный Кириллъ, впослѣдствіи Бѣлозерскій чудотворецъ, и онъ въ это время удостоился видѣнія Пресвятой Богородицы, Которая повелѣла ему идти въ страны Бѣлаго озера, какъ о томъ подробнѣе разсказывается въ житіи его[2]). Преподобные Кириллъ и Ѳерапонтъ, сговорившись, вышли вмѣстѣ изъ Симонова монастыря и пришли въ страны Бѣлаго озера. Обойдя всѣ находившіяся тамъ пустынныя мѣста, они пришли на то мѣсто, гдѣ расположенъ теперь Кирилловъ монастырь[3]). Здѣсь преподобный Кириллъ разсказалъ Ѳерапонту о бывшемъ ему явленіи Пресвятой Богородицы, и они на этомъ мѣстѣ стали строить себѣ келлію. Но преподобный Ѳерапонтъ недолго прожилъ съ преподобнымъ Кирилломъ. Вскорѣ онъ ушелъ отъ него и нашелъ между двумя озерами мѣсто, которое ему понравилось. Онъ сталъ расчищать его

---

1) *Бѣлое озеро,* или *Бѣлоозеро,* находится въ нынѣшней Новгородской губерніи.

2) *Преподобный Кириллъ* былъ постриженникомъ преподобнаго Ѳеодора, основателя Симонова Московскаго монастыря. По удаленіи Ѳеодора на каѳедру Ростовскаго архіепископа въ 1390 году онъ былъ избранъ архимандритомъ обители, но пробылъ въ этой должности недолго. Смущаемый тѣмъ, что его часто посѣщали богатые и знатные люди, онъ затворился въ прежней келліи своей и старался пребывать въ безмолвіи, но и тутъ душа его рвалась къ полному уединенію и безмолвію въ пустынномъ мѣстѣ. Память его праздиуется 9 іюня.

3) Мѣсто это находится у горы Мяуры, недалеко отъ рѣки Шексны. Монастырь былъ основанъ въ 1397 году на сѣверномъ берегу Сиверскаго озера.

и построилъ себѣ келлію. Послѣ этого стали собираться къ нему иноки, выстроили монастырь и построили въ немъ храмъ въ честь Рождества Пресвятой Богородицы[1]). Преподобный Ѳерапонтъ часто ходилъ къ преподобному Кириллу для духовныхъ бесѣдъ и для устроенія монастырской жизни, такъ какъ жилъ недалеко отъ его обители — на разстояніи только двѣнадцати поприщъ, и получалъ отъ него великую пользу. Такъ и проводили въ Богѣ жизнь свою преподобные.

Вслѣдствіе такой добродѣтельной жизни ихъ слава о нихъ дошла до слуха правителей той страны и даже до самаго Великаго Князя Андрея Димитріевича, въ удѣлъ котораго входили и области Бѣлаго озера. Услышавъ о святыхъ подвижникахъ, князь пришелъ въ великую радость отъ того, что въ его владѣніяхъ явились такіе преподобные, прославилъ Бога и далъ изъ своей казны богатые дары на построеніе монастырей. Случилось, что княжескимъ намѣстникомъ въ Бѣлозерской странѣ былъ ближній бояринъ князя. Онъ посѣтилъ обитель Пресвятой Богородицы, видѣлся съ преподобнымъ старцемъ Ѳерапонтомъ, бесѣдовалъ съ нимъ и очень полюбилъ его. Возвратившись затѣмъ въ Можайскъ, онъ разсказалъ о преподобномъ князю, и послѣдній отъ сего разсказа пришелъ въ большое умиленіе, такъ какъ былъ весьма благочестивъ и Боголюбивъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ сего у князя явилось сильное желаніе устроить монастырь въ своемъ городѣ Можайскѣ, гдѣ онъ имѣлъ свою княжескую резиденцію. Онъ обратился къ своимъ боярамъ за совѣтомъ, гдѣ бы найти такого мужа, который бы устроилъ обитель. И бояре напомнили ему о блаженномъ Ѳерапонтѣ, сказавъ, что для этого святаго дѣла онъ не найдетъ другого, болѣе опытнаго человѣка. Тогда князь послалъ одного изъ своихъ вельможъ съ письмомъ къ святому старцу и подарками для него, прося его не отказать ему въ его просьбѣ. Святый, выслушавъ просьбу князя, серіозно обдумалъ ее и сообщилъ о ней братіи, и братія дали совѣтъ ему исполнить просьбу князя. Преподобный подчинился волѣ братіи и, взявъ съ собою одного изъ иноковъ, пришелъ къ князю Андрею. Князь принялъ святаго старца и спутника его съ великимъ почетомъ и сталъ просить

---

[1]) Этотъ монастырь, носящій нынѣ названіе Бѣлозерскаго Ѳерапонтова, основанъ былъ въ 1398 году на возвышенномъ берегу Бородавскаго озера въ 14 верстахъ отъ нынѣшняго города Кириллова.

его присмотрѣть мѣсто для построенія монастыря. Преподобный долго отказывался отъ этого, умоляя князя отпустить его въ его монастырь, но никакъ не могъ отказаться и, подчинившись волѣ князя, пошелъ, и нашелъ близъ рѣки Москвы на разстояніи одного поприща отъ города Можайска удобное и красивое мѣсто[1]). Взявъ затѣмъ вмѣстѣ съ княземъ отъ епископа благословеніе, они построили храмъ въ честь Рождества Пресвятой Богородицы, соименный храму первой обители преподобнаго, соорудили при немъ по обычаю монастырскому всѣ постройки, благолѣпно украсили ихъ и собрали иноковъ[2]). Князь весьма чтилъ этотъ монастырь, болѣе, чѣмъ другіе, находившіеся вблизи, монастыри. Настоятелю его онъ выхлопоталъ санъ архимандрита, преподобнаго Ѳерапонта поставилъ первымъ настоятелемъ и заботливо покоилъ его старость.

Послѣ этого преподобный, богоугодно проживъ остатокъ жизни своей, въ глубокой старости отошелъ ко Господу[3]), Котораго возлюбилъ съ юности своей, и съ почестями погребенъ былъ въ этомъ монастырѣ. Богу нашему слава нынѣ, всегда и вѣчно.

Въ тотъ же день празднуется **обрѣтеніе** (въ 1667 г.) **мощей преподобнаго Нила Столобенскаго**, скончавшагося 7 декабря 1554 года.

---

1) Мѣсто это называлось Лужками, отъ чего и монастырь сталъ называться Лужецкимъ.

2) Это было въ 1408 году.

3) *Преподобный Ѳерапонтъ* скончался около 90 лѣтъ отъ рожденія, 27 мая 1426 года, проживъ въ Лужецкомъ монастырѣ 18 лѣтъ. Прославленіе его началось еще съ конца XV вѣка, а къ лику святыхъ онъ причисленъ на Московскомъ Соборѣ 1547 года. Мощи его почиваютъ въ соборномъ храмѣ Лужецкаго монастыря подъ спудомъ, а въ Бѣлозерской обители посвященъ его имени храмъ.

День двадцать восьмой

СТРАДАНІЕ
СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
ЕЛИКОНИДЫ

Святая мученица Еликонида жила въ царствованіе Гордіана[1]) и Филиппа[2]); родилась она и была воспитана въ Өессалоникѣ[3]). Когда началось гоненіе на христіанъ, она пришла въ городъ Коринөъ[4]). Увидавъ здѣсь людей, приносившихъ жертвы идоламъ, она стала на высокомъ мѣстѣ и громогласно воззвала:

— О несмысленные и жестокосердые мужи коринөскіе! Я вижу, что вы весьма нечестивы, ибо вы оставили Вѣчнаго и Нетлѣннаго Бога и обратились къ служенію душепагубнымъ идоламъ. Посмотрите, прошу васъ, на высоту небесную и на широту земную; подумайте о томъ, кто распростеръ небо какъ кожу надъ головами вашими? Кто основалъ землю надъ бездною? Кто можетъ

---

1) *Императоръ Гордіанъ* царствовалъ съ 238 г. по 244 г.

2) *Императоръ Филиппъ* царствовалъ съ 244 г по 249 г.

3) *Өессалоника*, или *Солунь*,—весьма значительный въ древности городъ Македоніи, лежавшій на берегу Өермейскаго залива при Эгейскомъ морѣ. Въ исторіи Русской Церкви городъ этотъ замѣчателенъ какъ мѣсто родины святыхъ первоучителей Славянъ—Кирилла и Меөодія (см житіе нхъ подъ 11-мъ мая). Въ настоящее время городъ этотъ называется Салоники и можетъ быть отнесенъ къ числу первыхъ (послѣ Константинополя) торговыхъ городовъ Европейской Турціи.

4) *Коринөъ*—знаменитый въ древности городъ, лежавшій въ юго-восточномъ углу Коринөскаго залива между Іоническимъ и Эгейскимъ моремъ. Въ наотоящее время на мѣстѣ древняго Коринеа существуетъ мѣстечко Куронто съ 5 000 жителей.

укротить страшнымъ и славнымъ именемъ Своимъ неукротимыя волны морскія? Кто сотворилъ человѣка изъ земли и вдунулъ въ лице его дыханіе жизни? Лишь Тотъ, Кто содержитъ дланію Своею всю тварь, есть единый Истинный Богъ, пребывающій на Небесахъ. **Бо́зи ꙗ҆зы̑къ бѣ́сове**[1]) суть, нѣмые и бездушные; да будутъ подобны имъ и всѣ тѣ, кто имъ кланяется!

Ст҃а́ѧ мч҃нца
є҆лїкѡні́да

Въ то время какъ святая говорила это свободно и громко, нечестивые язычники схватили ее и повлекли на судъ къ игемону своему Периннію.

Игемонъ, посмотрѣвъ на нее и увидавъ, что она была весьма благообразна и честна̀ лицомъ, началъ съ кротостію бесѣдовать съ нею, говоря такъ:

— Да ниспошлется тебѣ всякое благо, дочь моя прекрасная, такъ какъ я думаю, что ты вѣруешь, что боги наши вѣчно пребываютъ; я радуюсь о тебѣ.

Отвѣчала святая:

— Какая радость можетъ быть у нечестивыхъ? Радость твоя, игемонъ, обратится въ плачъ, и гордость твоя обратится въ немощь. Я вѣрую въ Бога, царствующаго надъ всѣмъ, и радуюсь, что сподобилась ради Бога моего войти въ подвигъ этотъ, въ которомъ съ несомнѣнностію надѣюсь получить вѣнецъ побѣдный.

Сказалъ игемонъ:

— Не уподобляйся своимъ многословіемъ безумнымъ женщинамъ, но кротко и вкратцѣ скажи намъ, какое имя твое?

Отвѣчала святая:

— Я не безумна, но мудра о Христѣ Іисусѣ, Господѣ моемъ; если же ты желаешь узнать имя мое, то я называюсь Еликонидой.

---

[1]) Псал. **95**, ст. 5.

Сказалъ игемонъ:

— Тебѣ дано имя Еликониды не по заслугамъ, ибо ты по причинѣ великаго безумія своего уготовляешь тѣло свое на мученія и раны.

Отвѣчала святая:

— Нѣтъ, я по справедливости называюсь Еликонидою, потому что милосердіе Бога моего всегда со мною, и я метаю стрѣлы на отца твоего—діавола[1]). Точно такъ же и тебѣ вполнѣ справедливо дано имя Перинния, потому что твое нечестивое и окаянное тѣло вмѣстѣ съ скверною душею твоею огненными трезубцами будетъ повлечено въ погибель.

Сказалъ игемонъ:

— Скажи намъ вкратцѣ: принесешь ли ты жертву богамъ, или нѣтъ? Клянусь богомъ моимъ Асклипіемъ-врачомъ[2]), что не пощажу тебя, если ты не послушаешь повелѣнія царскаго и не поклонишься богамъ нашимъ.

— Ты слышишь,—отвѣчала святая,— что я свободно говорю: я—раба Христова; кто же твой Асклипій,—я этого не знаю. Дѣлай со мною, что хочешь.

Тогда игемонъ, преисполнившись гнѣва, началъ мучить святую. Первоначально онъ приказалъ ее нагую, распростерши по землѣ, бить, рѣзать ноги ея, затѣмъ велѣлъ бросить мученицу въ котелъ, наполненный кипящею смолою. Но внезапно явился Ангелъ Господень, который и остудилъ котелъ, превративъ кипящую смолу въ холодную росу, такъ что изъ котла исходило благоуханіе. Увидавъ это, игемонъ воскликнулъ:

— О, сколь великъ чародѣй Христосъ, Который можетъ обратить огонь въ воду!

Святая же сказала, обратившись къ игемону:

— Считаешь ли ты теперь великими боговъ своихъ Дія[3]) и Асклипія, послѣ того какъ ихъ пристыдила женщина, раба Христова?

Отъ этихъ словъ игемонъ преисполнился еще большей ярости и, назвавъ святую волшебницей, приказалъ содрать съ головы ея

---

[1]) Имя *Еликонида* происходитъ отъ греч. слова ἔλεος—милость и ἀκονάω—бросаю. Еликонида —т. е. метающая стрѣлы на діавола по милости Божіей.

[2]) *Асклипій* считался древними греками богомъ врачеванія.

[3]) *Дій*, или *Зевсъ*,—верховный богъ древнегреческой религіи.

волоса съ кожею и опалять свѣщами голову и грудь ея. Всѣ эти муки святая переносила мужественно, какъ бы не ощущая никакой боли.

Потомъ игемонъ, перемѣнивъ гнѣвъ на кротость, началъ съ лестію говорить святой:

— Дочь любезная! Приступи и принеси жертву нашимъ непобѣдимымъ богамъ, въ особенности Венерѣ[1]) и Минервѣ[2]), и я сдѣлаю тебя жрицей великой Діаны[3]) и уравняю тебя съ женами сенаторовъ. Въ честь тебя я выстрою золотой столпъ посреди города, донесу о тебѣ царямъ письменно, и ты будешь какъ бы матерью всему этому городу.

Святая же Еликонида отвѣчала:

— Веди меня въ храмъ боговъ твоихъ, дабы я принесла имъ жертвы.

Услыхавъ это, игемонъ преисполнился великой радости и тотчасъ приказалъ проповѣдникамъ и трубачамъ возгласить объ этомъ по всему городу; затѣмъ съ великимъ торжествомъ повелъ святую въ храмъ идольскій. Святая же, входя въ храмъ, сказала жрецамъ:

— Я желаю одна, наединѣ сама съ собою принести чистыя жертвы; поэтому прикажите всѣмъ выйти изъ храма; выйдете также и сами и закройте двери за собою.

Жрецы исполнили ея приказаніе и оставили ее одну въ капищѣ, сами же, стоя внѣ капища, ликовали и возглашали трубами и тимпанами.

Между тѣмъ невѣста Христова, войдя внутрь капища, взявъ идолъ Венеры, разбила его на три части; точно такъ же свергла и идолъ Минервы, который, упавъ на землю, совершенно разбился. Потомъ низвергла съ алтаря Асклипія и отсѣкла ему руки, ноги и голову; то же самое сдѣлала и съ Діемъ. Но люди, находившіеся внѣ капища, не слышали того, что происходило внутри его, такъ какъ звукъ трубъ и тимпановъ заглушалъ все, и стояли всѣ внѣ капища, ожидая, пока дѣвица совершитъ свои молитвы и жертвы.

Спустя достаточное время жрецы, наскучивъ ожиданіемъ, проникли въ капище и, увидавъ, что боги ихъ были повержены на землю, увидавъ также и святую, возсѣдавшею въ алтарѣ и вос-

---

1) *Венера*, или *Афродита*,—богиня любви и красоты.

2) *Минерва*, или *Аѳина*,—богиня мудрости.

3) *Діана*, или *Артемида*,—богиня охоты и покровительница лѣсовъ.

хвалявшею Христа, Бога своего, тотчасъ вскочили, разодрали одежды свои, съ великимъ гнѣвомъ схватили дѣвицу и повлекли ее къ игемону. Придя къ игемону, они сказали:

— Погуби волшебницу эту!

И былъ шумъ и вопль среди всего народа того, разгнѣвавшагося на сокрушеніе идоловъ; всѣ кричали, взывая:

— О игемонъ! Поскорѣе погуби эту волшебницу!

Игемонъ приказалъ отрѣзать святой мученицѣ сосцы и заключить ее въ темницу, дабы имѣть время размыслить, какой лютой смерти предать ее. И пребыла святая въ темницѣ пять дней.

Въ это время прибылъ въ Коринѳъ на мѣсто Перинния другой игемонъ, по имени Іустинъ. Ему было возвѣщено о мученицѣ Еликонидѣ, о страданіи ея и о сокрушеніи ею идоловъ. Іустинъ же, весьма ревновавшій о богахъ своихъ, преисполнился великой ярости на Еликониду за сокрушеніе ею идоловъ и приказалъ какъ можно сильнѣе разжечь пещь. И разжигаема была пещь та въ продолженіе трехъ дней; затѣмъ Іустинъ приказалъ бросить въ пещь эту святую Еликониду. Святая же, подобно древнимъ отрокамъ въ Вавилонѣ, ликовала посреди пещи, прославляя и благословляя Господа, ибо огонь былъ для нея какъ бы росою и пламень огненный какъ бы прохладнымъ вѣтромъ. Затѣмъ изъ пещи вышло большое пламя и устремилось на стоявшихъ кругомъ язычниковъ; при этомъ было сожжено до семидесяти мужчинъ; святая же спустя довольно продолжительное время вышла изъ огня невредимой.

Игемонъ сказалъ, обратившись къ ней:

— Скажи намъ, скверная женщина, какими волхвованіями ты возмогла преодолѣть силу огненную?

Отвѣчала святая:

— Христосъ, Господь мой, Котораго ты не видѣлъ и Котораго ты видѣть не можешь, придя ко мнѣ, остудилъ пламень пещи.

Не вѣря этому, игемонъ приказалъ принести предъ судилище постель мѣдную; велѣлъ разжечь ее и положить на нее святую предъ глазами своими. Приказавъ разжигать постель снизу углями, игемонъ сказалъ:

— Теперь посмотримъ, придетъ ли Христосъ спасти ее.

Въ то время какъ святая была мучима такъ, изъ нея изошло столь много крови, что она погасила огонь; постель же ея остыла.

Тогда мученица была снята съ постели и отведена въ темницу, гдѣ она, припавъ на землю, молилась такъ:

— Іисусе, сила и крѣпость наша! Іисусе, слава наша! Христе, надежда наша! Будь мнѣ помощникомъ и уврачуй язвы мои, Врачъ добрый, спасающій по благости Своей всѣхъ уповающихъ на Тебя.

Когда она молилась въ такихъ словахъ, ей явился Христосъ, Спаситель міра, окруженный весьма свѣтлымъ сіяніемъ, вмѣстѣ со святымъ Архистратигомъ Михаиломъ и Архангеломъ Гавріиломъ. Подойдя къ ней, Онъ подалъ ей руку Свою, сказавъ:

— Встань, поднимись на ноги и укрѣпись! Я всегда съ тобою! Я смотрю за подвигомъ твоимъ, Я Своею божественною силою облегчаю страданія твои и врачую твои раны.

Вставъ на ноги, мученица пала ницъ предъ Господа, поклонилась Ему и сказала:

— Іисусе Христе, Боже мой! Исцѣли меня, рабу Твою! Помоги мнѣ побѣдить врага моего, дабы я, преодолѣвъ силу его, могла войти въ храмъ Твой съ пѣніемъ и гласомъ радости.

Господь же сказалъ ей:

— Дерзай, дочь Моя! Вотъ, Я исцѣлю тебя и приготовлю тебѣ вѣнецъ безсмертный въ Царствѣ Моемъ вѣчномъ.

Сказавъ это, Господь отошелъ на Небо, святые же Ангелы дали Еликонидѣ чистый хлѣбъ, свѣтившійся, какъ солнце. Вкусивъ этого хлѣба, Еликонида почувствовала себя совершенно здоровой; лицо ея просвѣтилось какъ солнце, и тѣло ея стало бѣлымъ какъ снѣгъ. И возблагодарила святая Бога, славословя Его до самаго разсвѣта.

Когда наступило утро, святая была выведена изъ темницы, потомъ отведена на судилище, а затѣмъ была отдана на съѣденіе звѣрямъ. На нее были выпущены два голодныхъ льва, ничего не ѣвшихъ въ продолженіе трехъ дней. Но львы, подойдя къ святой, поклонились ей и начали лизать ея ноги. Народъ же, видя это, поднялъ крикъ, возглашая:

— Воистину женщина эта волшебница, потому что она очаровала даже звѣрей, такъ что они не осмѣливаются приблизиться къ ней. О игемонъ! Погуби эту женщину! Погуби ее поскорѣе!

Въ то время какъ народъ говорилъ такъ, двери зданія того силою Божіею сокрушились и раскрылись; тѣ самые львы выскочили и бросились на народъ съ великою яростію, громко рыча; народъ обратился въ бѣгство; самъ игемонъ отъ страха побѣжалъ

въ преторію[1]). Львы же, преслѣдуя бѣжавшихъ, умертвили изъ народа сто двадцать человѣкъ. Тогда игемонъ, не зная, что еще сдѣлать съ мученицею, приказалъ усѣчь ей голову мечомъ.

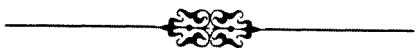
Когда святую повели за городъ для усѣкновенія, она подняла руки свои къ Небу и начала молиться, говоря такъ:

— О Христе, Боже мой! Пріиди нынѣ ко мнѣ! Предстань рабѣ Твоей въ часъ этотъ! Исполни Свое обѣщаніе и введи меня во святую ограду Твою, сопричисли меня къ Твоимъ благословеннымъ овцамъ. Сопричти меня къ женамъ, Тебѣ угодившимъ: Саррѣ, Ревеккѣ, Рахили, Ліи, Сусаннѣ и ко Твоей Пренепорочной Матери, Пречистой Приснодѣвѣ Маріи, также и къ Марѳѣ и Маріи, сестрамъ Лазаревымъ, и къ пророчицѣ Аннѣ, свидѣтельствовавшей о Тебѣ вмѣстѣ со святымъ Симеономъ Богопріимцемъ при Твоемъ срѣтеніи; сопричисли меня и къ Елисаветѣ, матери Предтечи Твоего Іоанна, и къ первомученицѣ Ѳеклѣ; присоедини меня къ ихъ числу и сподоби меня почить съ ними навѣки.

Въ то время какъ святая молилась такъ, слышенъ былъ Голосъ съ Неба, возгласившій:

— Гряди, дочь Моя! Для тебя приготовленъ уже вѣнецъ и престолъ. Вотъ, и Ангелы начинаютъ воспѣвать торжественныя пѣснопѣнія для твоего восхода на Небо.

Услышавъ такой Голосъ, святая Еликонида преисполнилась великой радости и съ веселіемъ преклонила подъ мечъ главу свою. Когда она была усѣчена, то изъ раны вмѣсто крови истекло молоко, что было знаменіемъ чистоты ея[2]). Тѣло же ея честнòе христіане похоронили съ благоговѣніемъ, прославляя Отца, и Сына, и Святаго Духа—Единаго Бога въ Троицѣ, Которому возсылается слава, честь и поклоненіе, нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь.



[1]) *Преторія*—общественное мѣсто въ городѣ, гдѣ обыкновенно производился судъ.

[2]) Кончина святой мученицы Еликониды послѣдовала въ 244 г.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

НИКИТЫ,

епископа Халкидонскаго[1])

Преподобный отецъ нашъ Никита съ юныхъ лѣтъ возлюбилъ Христа; отрекшись отъ міра и всѣхъ мірскихъ привязанностей, онъ угождалъ Богу своею добродѣтельною жизнію и возведенъ былъ на престолъ Халкидонскаго святительства, на которомъ, подобно свѣщѣ, стоящей на подсвѣчникѣ, свѣтилъ міру и украшалъ Церковь Христову.

Святый Никита былъ весьма милостивъ къ нищимъ; онъ питалъ алчущихъ, нагихъ одѣвалъ, странниковъ принималъ въ домъ свой и упокоевалъ ихъ; онъ былъ отцомъ сиротамъ, заступникомъ вдовицамъ и спасителемъ для всѣхъ обидимыхъ.

Когда наступили тяжелыя времена ереси иконоборческой[2]), въ царство-

Прѣбный Никита

[1]) *Халкидонъ*, или, правильнѣе, *Калхедонъ*, первоначально мегарская колонія на берегу Мраморнаго моря. При христіанскихъ императорахъ Халкидонъ былъ столицею малоазійской области Виѳиніи.—Въ исторіи христіанской Церкви Халкидонъ замѣчателенъ какъ мѣсто IV Вселенскаго Собора, созваннаго въ 451 г. императоромъ Маркіаномъ (съ 450 г. по 457 г.) для осужденія монофизитской ереси (эта ересь была основана Евтихіемъ, архимандритомъ Константинопольскимъ, учившимъ, что человѣческое естество въ Іисусѣ Христѣ было совершенно поглощено Божественнымъ естествомъ, и потому въ Немъ слѣдуетъ признавать лишь одну природу—Божественную).

[2]) Иконоборческая ересь появилась въ VIII в. Иконоборцы неразумно смѣшивали иконопочитаніе съ идолопоклонствомъ. Основателемъ этой ереси считается Константинъ, епископъ Наколійскій (во Фригіи—малоазійской области). Самыми рьяными поборниками иконоборчества были императоры Левъ III Исаврянинъ (717 г.—741 г.) и Константинъ V Копронимъ (741 г.—775 г.). Эта ересь была осуждена на VII Вселенскомъ Соборѣ (происходившемъ въ 787 г. въ городѣ Никеѣ).

ваніе Льва Армянина[1]) святый Никита показалъ себя мужественнымъ исповѣдникомъ Имени Христова, ибо много подвизался въ борьбѣ съ нечестивымъ ученіемъ, обличая неправославные догматы, увѣщевая всѣхъ съ благоговѣніемъ поклоняться иконѣ Христа Господа и Его Пречистой Богоматери, а также иконамъ и всѣхъ прочихъ святыхъ; доблестный исповѣдникъ Христовъ перенесъ много мученій отъ нечестиваго царя и его единомышленниковъ; за свое правовѣріе перенесъ онъ и изгнанія, и уничиженія, и прочія бѣды.

Спустя достаточное время, послѣ многихъ исповѣдническихъ трудовъ, святый Никита перешелъ отъ земли въ обители Небесныя[2]); Богъ прославилъ его на Небесахъ предъ Ангелами Своими, на землѣ же—предъ людьми, ибо отъ честныхъ мощей его творились многія чудеса, подавались исцѣленія всякихъ болѣзней во славу Бога, прославляемаго во святыхъ Своихъ.

Кондакъ, гласъ й:

Свѣтлостію дѣлъ твоихъ просіялъ еси прѣбне, апльскагѡ престола наслѣдникъ былъ еси никито: и ꙗкѡ солнце ѡблиставъ еси твоей паствѣ, ѻтче, всѧ бжественныхъ ѹченій исполнь. тѣмже зовемъ ти: радуйсѧ, халкидону ѹдобреніе.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО

ИГНАТІЯ,

епископа Ростовскаго

Святый Игнатій родился отъ благочестивыхъ родителей и былъ воспитанъ ими во всякой христіанской добродѣтели. Убѣдившись въ суетѣ міра сего, онъ отрекся отъ міра и принялъ постриженіе въ монашество. Такъ какъ онъ проводилъ жизнь весьма добродѣтельную, то былъ назначенъ первоначально архимандри-

---

1) *Левъ V Армянинъ* царствовалъ съ 813 г. по 820 г.

2) Кончина *преподобнаго Никиты* послѣдовала въ нач. IX-го в.

томъ, а потомъ епископомъ города Ростова[1]). Принявъ подъ свое попеченіе епархію Ростовскую, онъ съ великимъ вниманіемъ пасъ стадо свое. Пробывъ во святительствѣ двадцать шесть лѣтъ, преставился ко Господу въ 6796-е лѣто отъ сотворенія міра, отъ Рождества же во плоти Бога Слова—въ 1288-омъ году, въ 28-ой день мѣсяца мая, въ пятницу, послѣ вечерни[2]).

Ст҃ый
і҆гна́тїй

Узнавъ о кончинѣ святаго, весь городъ Ростовъ собрался къ тѣлу его; всѣ горько плакали и рыдали, сожалѣя о кончинѣ общаго пастыря и учителя всѣхъ, помощника и заступника въ бѣдахъ и скорбяхъ, ходатая вдовицамъ и сиротамъ, питателя нищихъ и убогихъ, наставника и учителя іерейскаго и монашескаго чина и совѣтника князей и вельможъ. Взявъ честно̀е тѣло святителя Игнатія, всѣ понесли его въ церковь, но по причинѣ множества народа, собравшагося въ нее, не могли внести его внутрь церкви, а поставили предъ церковію; послѣ этого начали пѣть погребальныя пѣснопѣнія.

Въ это время проходили мимо церкви двѣ благочестныхъ монахини, одна изъ нихъ называлась Ѳеодосіею; она была супругою протодіакона святителева Павла, но тотчасъ же, по вступленіи въ законный бракъ, они посвятили себя дѣвственной и чи-

---

[1]) *Святый Игнатій* былъ рукоположенъ во епископа 19 сентября 1262 г.

[2]) Существуетъ извѣстіе, что святый Игнатій въ 1269 г. основалъ обитель во имя Святой Троицы при устьѣ рѣки Шексны, на берегу Бѣлаго озера. Иноки этой обители много потрудились надъ обращеніемъ въ христіанство чуди и кореловъ. Въ 1274 г. святый Игнатій присутствовалъ на Помѣстномъ Владимірскомъ Соборѣ. Два раза святителю приходилось предпринимать тяжелое путешествіе въ орду съ ходатайствомъ за свою епархію. Святый Игнатій извѣстенъ какъ примиритель князей Димитрія и Константина Борисовичей. Въ память примиренія ими основана въ Ростовѣ Борисоглѣбская церковь.— Скончался святый Игнатій въ 1288 г. Честныя мощи его доселѣ почиваютъ въ ростовскомъ Успенскомъ соборѣ.

стой жизни. Всю жизнь свою они подвизались въ постѣ и молитвахъ. Многіе могли засвидѣтельствовать чистоту жизни ихъ. Когда блаженный Павелъ отошелъ ко Господу, то супруга его приняла постриженіе въ иночество. Узнавъ о кончинѣ святителя Игнатія, она пришла поклониться мощамъ его; вмѣстѣ съ нею пришла и другая инокиня, по имени Ксенія, проводившая столь же добродѣтельную и богоугодную жизнь. Эти двѣ инокини и еще нѣкоторые благочестивые люди, которые сподобились откровенія Божественнаго, видѣли такое чудо: когда честныя мощи святителя Игнатія были несены къ церкви, то святитель Божій всталъ изъ гроба въ своемъ архіерейскомъ облаченіи, пошелъ по воздуху и сталъ высоко въ воздухѣ надъ церковью; затѣмъ благословилъ весь народъ и весь городъ; потомъ вошелъ въ пещеру, ископанную въ землѣ около жертвенника, гдѣ былъ ему приготовленъ и гробъ. Это открылъ Богъ инокинямъ тѣмъ, а также и еще нѣкоторымъ благочестивымъ людямъ для прославленія угодника Своего и въ показаніе всѣмъ святости его; этимъ Господь показалъ людямъ, что святитель Игнатій заслужилъ милость отъ Господа и сподобился одинаковой части со святыми.

Около того же времени случилось и другое чудо: нѣкій архимандритъ Стефанъ имѣлъ со дня рожденія своего одинъ палецъ пригнутымъ къ ладони; когда онъ прикоснулся къ честному тѣлу святителя Игнатія, тотчасъ скорченный палецъ его выпрямился, сталъ здравымъ, какъ и прочіе пальцы.

Потомъ честное тѣло святителя Игнатія было внесено въ церковь. Утромъ слѣдующаго дня всѣ снова собрались къ мощамъ угодника Божія, дабы сотворить обычное служеніе и воспѣть погребальныя пѣснопѣнія. Когда положили тѣло святителя Божія во гробъ и дали въ руку ему свитки, въ которыхъ написаны были имена всѣхъ тѣхъ, кого святитель Игнатій посвятилъ въ санъ пресвитерскій и діаконскій, то угодникъ Божій, какъ живой, простеръ руку свою и принялъ свитки. Всѣ, видѣвшіе чудо это, преисполнились великаго страха и радости и прославили Бога. Молитвами сего угодника Божія, святителя Игнатія, да сподобимся и мы быть вмѣстѣ съ нимъ участниками благъ вѣчныхъ, уготованныхъ о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому возсылается слава вѣчно. Аминь.

Тропа́рь, гла́съ д҃:

Благовѣ́рїѧ просвѣ́щьсѧ оу҆че́нїи ст҃и́тельства прїе́мъ па́ствꙋ, и҆ а҆пⷭ҇лѡмъ наслѣ́дникъ бы́въ, тѣ́мъ прїѧ́лъ є҆сѝ ѿ бг҃а да́ръ чꙋде́съ, ст҃и́телю ѻ҆́тче і҆гна́тїе. молѝ хр҃та̀ бг҃а, да сп҃се́тъ дꙋ́шы на́шѧ.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Явисѧ дне́сь пресвѣ́тлаѧ па́мѧть твоѧ̀, ст҃и́телю преблѧ́же́нне і҆гна́тїе, въ мі́рѣ свѣ́тлѡ сїѧ́ющи, и҆ ꙗ҆влѧ́ющи всѣ́мъ бж҃е́ственное сїѧ́нїе.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

ЕЛЛАДІЯ

Святый Елладій, послѣ разныхъ мукъ брошенный въ огонь и оставшійся невредимымъ, скончался отъ побоевъ. Въ службѣ ему сказано, что въ темницѣ посѣтилъ его Христосъ и уврачевалъ отъ ранъ и что узы спали съ него. Полагаютъ, что онъ пострадалъ отъ Персовъ во время нашествія ихъ на восточныя провинціи Римской имперіи.

Въ тотъ же день память **священномученика Евтихія**, епископа и сотрудника Апостоловъ, пострадавшаго въ Мелитинѣ въ I вѣкѣ.

День двадцать девятый

ПАМЯТЬ

СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ

ѲЕОДОСІИ

О святой Ѳеодосіи Тирской [1]) Евсевій [2]), епископъ Кесаріи Палестинской [3]), свидѣтель-очевидецъ, сообщаетъ слѣдующее:

«Въ то время какъ въ странѣ нашей вотъ уже пять лѣтъ продолжалось гоненіе, поднятое на христіанъ нечестивыми идолопоклонниками, въ семнадцатый день мѣсяца апрѣля, въ самый день праздника Воскресенія Христова, одна благочестивая и богобоязненная дѣвица изъ нашего города,—говоритъ Евсевій,—

---

[1]) Родиною *святой мученицы Ѳеодосіи* былъ городъ Тиръ. Тиръ расположенъ у сѣверо-восточныхъ береговъ Мертваго моря на юго-западномъ склонѣ Галаадской горной цѣпи.

[2]) *Евсевій*, епископъ Кесарійскій (жилъ съ 268 г. по 340 г.),—извѣстный церковный историкъ, положившій начало церковной исторіи; отличался большою ученостію. Ему принадлежатъ слѣдующія сочиненія: 1) «Церковная исторія»; доведена отъ временъ апостольскихъ до 324 г., дѣлится на 10 книгъ; 2) «Жизнь Константина»; состоитъ изъ 4 книгъ и представляетъ прямое продолженіе «Церковной исторіи»; 3) «Хронографія». Кромѣ того, Евсевію принадлежатъ многія мелкія сочиненія апологетическаго, полемическаго и экзегетическаго характера.

[3]) *Кесарія Палестинская* находилась на восточномъ берегу Средиземнаго моря. Въ древнія времена Кесарія была резиденціей римскихъ прокураторовъ и центромъ общественно-политической жизни страны.—Въ исторіи Христіанской Церкви Кесарія Палестинская замѣчательна тѣмъ, что здѣсь впервые былъ открытъ язычникамъ доступъ въ Церковь Христову Апостоломъ Петромъ, крестившимъ сотника Корнилія (Дѣян. гл. **10**). Здѣсь же происходилъ послѣдній судъ надъ Апостоломъ Павломъ, послѣ котораго онъ былъ отправленъ въ Римъ (Дѣян., гл. **25—27**).—Въ Палестинѣ была еще другая Кесарія, въ отличіе отъ настоящей называвшаяся Филипповой. Она находилась у истоковъ Іордана.

родомъ изъ Тира, не имѣвшая еще и восемнадцати лѣтъ, подошла къ христіанамъ-узникамъ, находившимся въ преторіи; въ это время христіане съ дерзновеніемъ разсуждали между собою о Царствіи Божіемъ; подойдя къ нимъ, Θеодосія начала просить ихъ помянуть ее предъ Господомъ, когда они, окончивъ свой страдальческій подвигъ, предстанутъ Богу. Воины же, увидавъ дѣвицу, поклонившуюся узникамъ-христіанамъ, схватили ее и, какъ бы сдѣлавшую какой дурной поступокъ, повлекли къ игемону Урвану на допросъ. Игемонъ, исполнившись великой ярости и гнѣва, приказалъ мучить ее лютыми муками. Ея ребра и сосцы были истерзаны желѣзными когтями, такъ что мясо сошло съ нея до костей; потомъ мученицу Христову, еще живую, съ радостнымъ лицомъ терпѣвшую мученія, игемонъ приказалъ утопить въ морѣ».

Ст҃аѧ мч҃нца Ѳеодо́сїа

Такъ говоритъ Евсевій, видѣвшій все своими глазами.

Кромѣ того, прибавляютъ, что сія святая мученица Христова Θеодосія послѣ потопленія въ морѣ была извлечена Ангелами изъ воды на сушу совершенно живою. И ходила святая, нося на рукахъ своихъ камень, привязанный къ шеѣ ея. Потомъ святая была снова взята язычниками, которые и привели ее въ судилище. Святая Θеодосія была приговорена на съѣденіе звѣрей, но она пребыла совершенно невредимой отъ нихъ. Наконецъ, мучитель приказалъ усѣчь ее мечомъ. Во время усѣкновенія святой видѣли голубицу, вылетѣвшую изъ устъ ея, сіявшую какъ золото и возносившуюся къ Небесамъ [1]).

---

[1]) Кончина святой мученицы послѣдовала въ 307 г. или въ 308 г. 6 апрѣля. 29-е мая есть день перенесенія ея мощей. Мощи святой мученицы были перенесены первоначально въ Константинополь, а потомъ — въ Венецію.

Когда наступила ночь, святая мученица явилась родителямъ своимъ вмѣстѣ со многими другими святыми дѣвами; облечена была святая въ одежду болѣе бѣлую, чѣмъ снѣгъ; въ рукѣ у нея былъ золотой крестъ, а на головѣ вѣнокъ; при этомъ святая сказала родителямъ своимъ:

— Вотъ, видите, сколь велика слава и благодать Христа моего! Вотъ, видите, какъ велика слава, которой вы меня хотѣли лишить!

Сіи слова сказала святая потому, что родители ея, замѣтивъ въ ней желаніе пострадать за Христа, всячески препятствовали ей въ этомъ; но она тайно отъ нихъ поспѣшила къ узникамъ Христовымъ и, какъ мы сказали, была взята на мученіе и увѣнчана отъ Подвигоположника своего Господа Іисуса Христа, Бога нашего.

СТРАДАНІЕ СВЯТОЙ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ

ѲЕОДОСІИ

Святая невѣста Христова Ѳеодосія родилась въ Константинополѣ отъ богатыхъ, честныхъ, благочестивыхъ и добродѣтельныхъ родителей. Первоначально они были неплодны въ продолженіе многихъ лѣтъ. Сокрушаясь объ этомъ, они молились и много постились, прибѣгая и днемъ, и ночью къ храмамъ Божіимъ и щедро раздавая милостыню бѣднымъ.

Однажды, когда они были на всенощномъ бдѣніи въ храмѣ, построенномъ въ честь святой мученицы Анастасіи[1]), мать святой Ѳеодосіи усерднѣе, чѣмъ раньше, молилась о разрѣшеніи своего неплодства; когда она немного задремала, ей явилась святая Анастасія мученица и сказала:

— Не печалься, женщина, ибо ты зачнешь и родишь.

Проснувшись, она пришла въ великую радость и сказала о видѣніи своему мужу. Тогда мужъ сказалъ ей:

— Живъ Господь! Если Онъ разрѣшитъ неплодство наше и если мы родимъ сына ли, дочь ли, принесемъ то въ даръ нашему Владыкѣ, Христу Богу.

---

[1]) Здѣсь, вѣроятно, разумѣется св. мученица Анастасія, память которой празднуется 29 октября.

Спустя нѣкоторое время его жена дѣйствительно зачала и родила сію святую отроковицу, которую и назвали Θеодосіею, то есть данною отъ Бога, ибо она была дарована Богомъ. Затѣмъ просвѣтили младенца Святымъ Крещеніемъ.

По истеченіи сорока дней послѣ рожденія мать взяла свою дочь на руки и понесла ее въ храмъ святой Анастасіи, съ радостными слезами воздавая благодареніе Богу и святой мученицѣ, обѣщая посвятить свою дочь въ чинъ иноческій, дабы она была сопричислена къ лику дѣвственницъ и невѣстъ Христовыхъ (слѣдуетъ замѣтить, что при томъ храмѣ былъ и монастырь для дѣвицъ, посвятившихъ себя на служеніе Богу).

Прпбномчнца Θеодосія

Принявъ благословеніе Божіе, мать возвратилась къ себѣ домой и начала воспитывать обѣщанное Богу дитя съ великимъ вниманіемъ, научая Θеодосію чтенію божественныхъ книгъ и страху Божію и возжигая въ сердцѣ ея огонь любви Божественной.

Когда Θеодосіи исполнилось семь лѣтъ со времени рожденія, отецъ ея умеръ; тогда мать, взявъ отроковицу, повела ее въ монастырь святой Анастасіи и отдала ее для постриженія во святый чинъ ангельскій.

Спустя три года умерла и мать Θеодосіи, оставивъ все имѣніе свое дочери-инокинѣ. Но Θеодосія, достигнувъ совершеннаго возраста, будучи преисполнена разума и любви къ Богу, не восхотѣла принять имѣніе, оставшееся ей отъ матери, но отдала его Богу, Которому принесла въ жертву и саму себя: призвавъ къ себѣ золотыхъ дѣлъ мастера, она дала ему достаточное количество золота и серебра для скованія трехъ иконъ: Христа Спасителя, Пресвятой Богородицы и святой мученицы Анастасіи. Иконы эти имѣли величину въ три локтя [1]). Блаженная

[1]) *Локоть* равнялся 8—10 вершкамъ.

Ѳеодосія поставила ихъ въ храмѣ, все же остальное имѣніе свое раздала нищимъ, убогимъ, сиротамъ и вдовамъ, а сама въ иноческой нищетѣ продолжала служить Господу день и нощь, обогащаясь отъ Бога богатствомъ духовнымъ. Вооружаясь молитвенною броней на невидимаго супостата, она умерщвляла постническими подвигами плоть, воевавшую на духъ, побѣждала врага безплотнаго, попирала главу адскаго змія и низлагала гордаго веліара[1]) смиреніемъ, кротостью, богоугодною любовію, чистотою, благоговѣніемъ, послушаніемъ и прочими иноческими добродѣтелями.

Однажды, когда святая молилась ночью, къ ней подступилъ діаволъ и сказалъ:

— Вотъ, ты ополчаешься на меня: въ такомъ случаѣ и я ополчусь на тебя, и не только на тебя, но и на всѣхъ христіанъ, ибо я нашелъ такого человѣка, посредствомъ котораго я съумѣю воздвигнуть брань на Церковь; я многихъ отвращу отъ поклоненія иконѣ Христовой; многіе пойдутъ вослѣдъ меня и будутъ исполнять волю мою.

Святая же Ѳеодосія, осѣнивъ себя знаменіемъ крестнымъ, сказала:

— Да будешь проклятъ ты, діаволъ, противникъ христіанъ! Да уничтожатся и да погибнутъ всѣ козни твои силою Христа, Бога моего!

И исчезъ діаволъ. Преподобная же Ѳеодосія, осѣнивъ себя честны̀мъ знаменіемъ креста, начала воспѣвать Псаломъ Давидовъ: «да воскре́снетъ бг҃ъ, и҆ расточа́тсѧ вразѝ є҆гѡ̀, и҆ да бѣжа́тъ ѿ лица̀ є҆гѡ̀ ненави́дѧщїи є҆го̀»[2]).

Объ этомъ страшномъ видѣніи и объ всѣхъ горделивыхъ словахъ діавола святая Ѳеодосія передала игуменіи своей и спросила ее:

— Откуда же можетъ придти на христіанъ та бѣда, которую врагъ обѣщаетъ навести?

Игуменія отвѣтствовала ей:

— Дочь моя! Апостолъ свидѣтельствуетъ: хотѧ́щїи благоче́стнѡ жи́ти ѡ҆ хрⷭ҇тѣ̀ і҆и҃сѣ, гони́ми бꙋ́дꙋтъ: лꙋка́вїи же человѣ́цы и҆ чародѣ́и преꙋспѣ́ютъ на го́ршее, прельща́юще и҆ прельща́еми[3]). Ибо стадо

[1]) *Веліаръ*, или, правильнѣе, *Веліалъ*,—по переводу съ еврейскаго значитъ: *негодный, нечестивый, злой*. Это наименованіе Апостолъ Павелъ усвояетъ діаволу, источнику всякаго зла (2 Посл. къ Коринѳ., гл. 6, ст. 15).

[2]) Псал. 67, ст. 2.

[3]) 2 Посл. къ Тим., гл. 3, ст. 12 и 13.

Христово всегда было смущаемо лукавыми людьми, мудрствующими неправо, прельщающими всѣхъ и самихъ прельщаемыхъ; эти лукавые люди и суть орудія діавола. Подобнымъ образомъ и въ настоящее время будетъ діаволомъ наведено на Церковь Божію смущеніе и гоненіе. **Ты́ же пребыва́й, въ ни́хже** научена **е҆сѝ** (говорю тебѣ вмѣстѣ со святымъ Апостоломъ Павломъ), **ꙗ҆́кѡ и҆зма́да свѧще́ннаѧ писа̑нїѧ ᲂу҆мѣ́еши, могꙋ́щаѧ тѧ̀ ᲂу҆мꙋдри́ти во спасе́нїе, вѣ́рою, ꙗ҆́же ѿ хрⷭ҇тѣ̀ і҆и҃сѣ**[1]).

Спустя нѣкоторое время на правовѣрнаго царя Ѳеодосія, прозывавшагося Адрамитиномъ[2]), возсталъ воевода его, по имени Левъ, называвшійся Конономъ, родомъ исаврянинъ[3]). Отнявъ у Ѳеодосія власть царскую, Левъ воцарился самъ[4]).

Въ первое время царствованія своего онъ показывалъ себя благочестивымъ, но въ скоромъ же времени обратился въ новаго Валтасара[5]), оскверняющаго святыню церковную и не поклоняющагося Христу Богу Всевышнему и честнòй Его иконѣ. И вдохнулъ онъ въ Церковь ядъ аспидовъ душевредной ереси манихейской[6]); кромѣ того, сей звѣроподобный человѣкъ, рыкая какъ бы львинымъ гласомъ, произносилъ хульныя слова еретическія на святыя иконы, называя ихъ идолами, покланяющихся же имъ называлъ идолопоклонниками. Нечестивый царь сей издалъ приказъ, которымъ повелѣвалъ уничтожить поклоненіе иконамъ по всему своему царству.

Въ это время престолъ константинопольскій занималъ святый Германъ[7]). Онъ вмѣстѣ съ прочими православными епископами весьма противился царю и не принималъ его еретическаго приказанія, повелѣвавшаго отречься отъ почитанія иконъ. Германъ говорилъ сему хулителю:

— Послѣ того какъ Владыка и Спасъ нашъ воплотился отъ

---

1) 2 Посл. къ Тим., гл. 3, ст. 14 и 15.

2) *Ѳеодосій III Адрамитинъ* царствовалъ съ 715 г. по 716 г.

3) *Исаврія*—малоазійская область, граничившая на востокѣ—съ Ликаоніей, на сѣверѣ—съ Фригіею, на западѣ—съ Писидіей и на югѣ—съ Киликіей.

4) *Левъ III Исавръ* царствовалъ съ 716 г. по 741 г.

5) *Валтасаръ*—одинъ изъ потомковъ Навуходоносора, царь вавилонскій, извѣстенъ какъ нечестивый и развратный человѣкъ (см. Кн. Прор. Даніила, гл. 5, ст. 1—4 и 22—23). Онъ осквернилъ священные сосуды Іудеевъ, захваченные Навуходоносоромъ изъ Іерусалима (Кн. Прор. Дан., гл. 5, ст. 3).

6) Замѣчаніе о ереси манихейской см. на стр. 474-ой, прим. 1-ое.

7) *Германъ I* патріаршествовалъ съ 715 г. по 730 г. Онъ причисленъ Православною Церковію къ лику святыхъ. См. житіе его подъ 12 мая.

честныхъ кровей Пресвятой Богородицы и исполнилъ всѣ божественныя предначертанія о спасеніи нашемъ,—уничтожена всякая служба идоламъ и всѣ идольскія изображенія преданы огню. Прошло уже болѣе семисотъ лѣтъ послѣ того, какъ подвизались Апостолы и возвѣстили міру спасительное ученіе Христово. За эти семьсотъ лѣтъ было весьма много праведныхъ и преподобныхъ отцевъ, и ни одинъ изъ нихъ не похулилъ святыхъ иконъ, тѣмъ болѣе ни одинъ изъ нихъ не слыхалъ о томъ нечестивомъ мудрованіи, какое вы вносите въ Церковь, отвергая почитаніе святыхъ иконъ, по долгу воздаваемое святынямъ отъ древности. Ибо Святая Церковь приняла обычай почитать честныя иконы отъ самой древности, начиная съ того нерукотвореннаго образа, который Самъ Спаситель послалъ на полотенцѣ Авгарю, князю Едесскому. Затѣмъ кровоточивая женщина, исцѣлившаяся отъ прикосновенія къ краю одежды Христовой, послѣ вознесенія Господня на Небо сдѣлала изъ камня подобіе Іисуса Христа. Потомъ святый Евангелистъ Лука написалъ икону Пречистой Дѣвы Богородицы. Съ этого времени начался благочестивый обычай писанія святыхъ иконъ и украшенія ими храмовъ Божіихъ и домовъ христіанскихъ. Вотъ, и бывшіе ранѣе насъ шесть Вселенскихъ Соборовъ[1]) не похулили сего обычая, но, наоборотъ, повелѣли поклоняться изображеніямъ святыхъ, а не отвергать ихъ. Знай же, царь, что я ради святыхъ иконъ готовъ не только потерпѣть какое угодно зло, но готовъ принять и самую смерть, ибо икона Христова носитъ Имя Того Самаго Христа, Который воплотился отъ Пренепорочной Дѣвы Маріи и пожилъ на землѣ съ людьми. Каждый благочестивый христіанинъ долженъ быть готовъ умереть какъ за Имя Христово, такъ и за Его честныя иконы, потому что тотъ, кто безчеститъ икону, безчеститъ и того самаго, кто изображенъ на этой иконѣ.

Услыхавъ это, царь преисполнился гнѣва и ярости; зарычавъ, какъ левъ, онъ началъ свирѣпствовать съ большою жестокостію, преслѣдуя вѣрующихъ и предавая различнымъ смертямъ всѣхъ, противившихся ему. Прежде всего онъ послалъ воиновъ своихъ съ оружіемъ и повелѣлъ имъ съ безчестіемъ и побоями прогнать съ патріаршества святаго Германа; вмѣсто Германа Левъ поставилъ лжепатріарха Анастасія[2]), еретика и единомышленника

---

1) VII-ой Вселенскій Соборъ еще не былъ созванъ въ это время.

2) *Анастасій* патріаршествовалъ съ 730 г. по 753 г.

своего. Затѣмъ Левъ приказалъ предать огню всѣ божественныя книги и писанія богомудрыхъ учителей. Слѣдуетъ замѣтить, что при храмѣ Святой Софіи была библіотека, имѣвшая около трехсотъ тысячъ книгъ; при библіотекѣ этой было двѣнадцать училищъ и столько же мудрыхъ учителей; начальникомъ же надъ этими учителями былъ мудрый гимназіархъ, принявшій честь эту отъ царя и отъ патріарха. Всѣ сіи учители воспротивились безбожному приказанію нечестиваго императора; поэтому беззаконный мучитель, окруживъ вмѣстѣ со своими воинами библіотеку ту и всѣ училища съ учителями и учениками, подпалилъ ее со всѣхъ сторонъ и сжегъ, такъ что никто изъ бывшихъ тамъ не спасся отъ огня, не уцѣлѣла отъ огня и ни одна книга.

Въ это время весь городъ Константинополь повергся въ великую скорбь и печаль; всѣ плакали и воздыхали; одни сожалѣли о несправедливомъ изгнаніи Святѣйшаго Патріарха Германа, другіе — о сожженіи столь большого числа книгъ и гибели мудрыхъ учителей, иные — о великомъ безчестіи, наносимомъ иконамъ, ибо иконы повсюду сокрушались, бросались въ болота и сожигались на кострахъ.

Новопоставленный же патріархъ-еретикъ Анастасій, стоявшій на святомъ мѣстѣ какъ мерзость запустѣнія[1]), былъ весьма угоденъ царю, такъ какъ всячески споспѣшествовалъ ему въ его иконоборномъ еретичествѣ. Сей лжепатріархъ вскорѣ же выбросилъ честныя иконы изъ Великой церкви и приказалъ сдѣлать то же и по всѣмъ прочимъ церквамъ.

Въ Константинополѣ были ворота, называвшіяся Мѣдными; они были построены еще во времена великаго Константина и вели къ царскимъ палатамъ. Надъ этими воротами находился мѣдный образъ Спасителевъ, висѣвшій здѣсь въ продолженіе четырехъ сотъ и даже болѣе лѣтъ. Тотъ злочестивый патріархъ вознамѣрился снять и предать огню сей честный образъ, для чего и послалъ воиновъ съ топорами на нечестивое дѣло. Когда начальникъ воиновъ тѣхъ, саномъ спаѳарій, приставивъ къ воротамъ лѣстницу, началъ подниматься по ней съ топоромъ въ рукахъ и уже готовился приступить къ своему богопротивному дѣлу,—его увидѣли нѣкоторыя благочестивыя женщины, случайно проходившія тамъ; увидали его также и инокини, въ числѣ которыхъ была и преподобная Ѳеодосія; разжегшись ревностію по

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 24, ст. 15.

иконѣ Христовой и побуждаемыя сею блаженною Ѳеодосіею, болѣе всѣхъ ихъ ревновавшей объ честныхъ иконахъ и преисполненною божественнаго мужества и дерзновенія,—инокини тѣ побѣжали къ лѣстницѣ и опрокинули ее на землю; вмѣстѣ съ тѣмъ они низвергли и воина того, который, упавъ съ высоты, весьма расшибся. Онѣ же, влача его по землѣ, били до тѣхъ поръ, пока онъ не умеръ; затѣмъ съ поспѣшностію пошли къ патріарху Анастасію и начали поносить нечестіе его; онѣ укоряли его какъ волка, хищника, еретика и врага Церкви Христовой; потомъ начали метать въ него камнями. Анастасій же, преисполнившись стыда и опасаясь какъ бы не поднялся противъ него общенародный мятежъ, поспѣшилъ къ царю и возвѣстилъ ему о нанесенномъ ему женщинами тѣми безчестіи, возвѣстилъ также и о убіеніи спаѳарія при вратахъ Мѣдныхъ. Царь, преисполнившись гнѣва и ярости, тотчасъ же, пославъ воиновъ своихъ съ обнаженными мечами, приказалъ имъ отомстить за безчестіе патріарха и смерть спаѳарія. И посѣчены были тѣ святые жены за ревность, явленную ими по благочестію; блаженную же инокиню Ѳеодосію, какъ болѣе благородную по происхожденію своему и съ большимъ дерзновеніемъ исповѣдывавшую благочестіе и какъ виновницу всего происшедшаго, царь приказалъ взять и заключить въ темницу, нанося ей ежедневно по сту ударовъ. Такъ мучима была святая въ продолженіе семи дней.

На осьмой день мучитель приказалъ водить святую по всему городу и бить ее безъ милосердія. Когда святая была приведена на мѣсто, называвшееся Воловьимъ торгомъ (здѣсь продавались и закалались животныя) [1]), случилось, что одинъ воинъ, сопровождавшій святую, нечаянно наступилъ на большой козій рогъ и поранилъ имъ свою ногу. Разгнѣвавшись, онъ взялъ рогъ тотъ и началъ бить имъ безъ милосердія святую мученицу по головѣ, затѣмъ ударилъ святую тѣмъ рогомъ въ горло и проткнулъ его; и тотчасъ святая преподобномученица дѣвица Ѳеодосія, священная невѣста Христова, предала свою честную душу въ руки безсмертнаго Жениха своего и отошла въ небесный чертогъ Его, будучи увѣнчана двойнымъ вѣнцемъ—и дѣвства, и мученичества [2]). Многострадальное же тѣло ея, брошенное на землю, было

---

[1]) По объясненію нѣкоторыхъ мѣсто это называлось *Воловьимъ* потому, что здѣсь была пещь, въ видѣ вола, въ которой сожигались преступники.

[2]) Кончина *святой мученицы Ѳеодосіи* послѣдовала въ 730-мъ году.

взято христіанами съ благоговѣніемъ и похоронено въ особомъ мѣстѣ. Отъ честныхъ мощей святой Θеодосіи подавались исцѣленія болящимъ во славу Христа, Бога нашего, прославляемаго со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь[1]).

Тропа́рь, гла́съ д҃:

Добродѣ́тель бл҃гопрїѧ́тнѡ мч҃нце пости́гла є҆сѝ, хр҃то́во прїѧ́телище бы́вши ч҃тое, и҆ ст҃а́гѡ дх҃а до́мъ возлю́бленъ: ѿню́дꙋже посрами́ла є҆сѝ врагà борю́щаго ро́дъ человѣ́ческїй, до́брѣ страда́вшаѧ, и҆ посѣ́кла є҆сѝ копрѡну́ма ѳеодо́сїе, мече́мъ вѣ́ры: и҆ къ черто́гꙋ нб҃номꙋ преста́виласѧ є҆сѝ ра́дꙋющисѧ. тебѐ вѣ́рою чтꙋ́щымъ при́снѡ просѝ ве́лїѧ мл҃ти.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Трꙋда́ми живо́тъ нетрꙋ́дный дости́гла є҆сѝ, кро́вїю же копрѡну́ма оу҆дави́ла є҆сѝ мч҃нце, скве́рнаго врагà хр҃то́вы цр҃кве, всебл҃же́ннаѧ ѳеодо́сїе: и҆ съ вы́шними ра́дꙋешисѧ во́инствы, чтꙋ́щыѧ па́мѧть твою̀ покрыва́ющи.

---

[1]) Сохранились свѣдѣнія о чудесахъ отъ мощей святой мученицы, записанныя великимъ логоѳетомъ (хранителемъ патріаршей печати) Константиномъ, жившимъ въ XIII-мъ вѣкѣ. Одинъ юноша изъ Фригіи, лишившійся употребленія ногъ, получилъ совершенное исцѣленіе послѣ того, какъ былъ принесенъ ко гробу святой мученицы; другой юноша, упавшій съ коня и лишившійся разсудка, мгновенно исцѣлѣлъ, послѣ того какъ былъ принесенъ ко гробу святой Θеодосіи и помазанъ здѣсь елеемъ отъ лампады; самъ Константинъ логоѳетъ говоритъ о себѣ, что онъ сильно страдалъ болѣзнію въ ногахъ, которой не могли вылѣчить лучшіе врачи; но, прибѣгнувъ къ святой мученицѣ, получилъ полное исцѣленіе. Константинъ логоѳетъ въ своемъ сказаніи замѣчаетъ, что чудеса, сотворенныя святою Θеодосіею, неисчислимы.—Честныя мощи святой мученицы были положены въ монастырѣ Діократисъ, или Дексіократисъ (имя патриція, построившаго монастырскую церковь), неподалеку отъ Золотого рога въ Константинополѣ.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО ЮРОДИВАГО

ІОАННА,

Устюжскаго чудотворца

Блаженный Іоаннъ родился отъ благочестивыхъ родителей — отъ отца, по имени Саввы, и матери Наталіи,—въ окрестностяхъ великаго города Устюга[1]), въ селѣ, носившемъ названіе Пухово и расположенномъ по ту сторону рѣки, называемой Сухоною, гдѣ находился древній городъ Устюгъ. Съ юныхъ лѣтъ онъ обнаружилъ необыкновенное воздержаніе. По средамъ и пятницамъ онъ ничего не ѣлъ, а въ прочіе дни питался только хлѣбомъ и водою, причемъ ночи всегда проводилъ безъ сна въ молитвѣ и всегда ходилъ съ грустнымъ и жалостнымъ лицомъ, такъ что тѣ, кто видѣлъ его, думали, что онъ не въ полномъ умѣ. Такъ блаженный отрокъ поступалъ всегда, и мать его много разъ убѣждала его измѣнить такой образъ жизни, говоря:

— Дитя мое! Не изнуряй тѣла своего неупотребленіемъ пищи; такое суровое воздержаніе можетъ причинить тебѣ болѣзнь.

— Не принуждай меня къ этому, мать моя,—отвѣчалъ на это отрокъ,—воздержаніе избавитъ меня отъ грѣховъ.

— Какіе же грѣхи, дитя мое,—спрашивала мать,—имѣешь ты, будучи въ такихъ юныхъ годахъ? Одна благодать Божія въ тебѣ, и никакихъ грѣховъ мы не видимъ у тебя.

На это отрокъ отвѣчалъ матери:

— Мать моя! Перестань говорить такія слова, послушай, что говоритъ Писаніе: пусть никто изъ людей не хвалится тѣмъ, что онъ безгрѣшенъ; безъ грѣха—Одинъ только Богъ[2]). И еще: пища и питіе не приблизятъ насъ къ Богу[3]). Посему не будемъ питать тѣла своего, чтобы оно не стало врагомъ нашимъ.

---

[1]) *Великій Устюгъ*, нынѣ уѣздный городъ вологодской губерніи, находится на лѣвомъ берегу рѣки Сухоны при впаденіи въ нее рѣки Юга.

[2]) Посл. къ Рим., гл. 3, ст. 10 и 23; 1 Посл. Іоан., гл. 1, ст. 8, 9.

[3]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 8, ст. 8.

Такими словами уговаривалъ блаженный Іоаннъ мать свою. Хотя самъ онъ былъ и неграмотенъ, но наученъ былъ данною ему благодатію Святаго Духа, какъ сказалъ Пророкъ: **ꙗ҆́кѡ не познáхъ кни́жнаѧ: вни́дꙋ въ си́лѣ гдⷭ҇ни**[1]). Послѣ сего отецъ блаженнаго изъ села Пухова переселился въ находившійся тоже въ окрестностяхъ Устюга городъ, по имени Орлецъ[2]), на рѣку Югъ и здѣсь скончался. Тогда мать его отправилась въ бывшій тамъ монастырь Живоначальныя Троицы, приняла иноческое постриженіе и вскорѣ избрана была игуменіею этого монастыря. Все время она имѣла сына при себѣ, но блаженный отрокъ, познавъ суету міра сего, принялъ на себя видъ юродиваго[3]), и мать, видя, что онъ такъ ведетъ себя, предоставила его волѣ Божіей.

Бл҃же́нный І҃ѡа́ннъ

Послѣ сего преподобный Іоаннъ ушелъ изъ монастыря и, пришедши въ городъ Устюгъ, поселился вблизи соборной церкви Пресвятой Богородицы, честнáго Ея Успенія, въ церковной сторожкѣ. Бодрствуя по ночамъ, онъ возносилъ непрестанныя молитвы Господу, а днемъ старался казаться людямъ юродивымъ и бѣгалъ по улицамъ, чтобы не узнали его притворства. Отдыхалъ онъ обыкновенно на навозѣ и ходилъ совершенно нагимъ, только на поясницѣ носилъ одно разорванное рубище. Но когда случалось ему одѣвать на себя рубашку, то и она всегда была ветха и никогда онъ не мылъ ее. Много терпѣлъ преподобный отъ легкомысленныхъ людей оскорбленій, насмѣшекъ и побоевъ,

---

1) Псал. 70, ст. 15 и 16.

2) *Городъ Орлецъ* находился въ 40 верстахъ отъ Устюга на притокѣ Сухоны Югѣ.

3) *Юродивый*—собственно значитъ *глупый, безумный*. Такъ называются христіанскіе подвижники, представлявшіеся глупыми или странными изъ смиренія и ради вѣчнаго своего спасенія.

постоянно терпѣлъ голодъ и жажду и при этомъ ни отъ кого ничего не бралъ. Однажды вслѣдствіе зимняго холода онъ влѣзъ въ сильно раскаленную печь, легъ въ ней на горящіе угли, какъ на постель, и нисколько отъ этого не пострадалъ. Кромѣ сего, онъ исцѣлилъ отъ горячки жену одного князя, по имени Ѳеодора, прозваннаго Краснымъ[1]), — княгиню по имени Марію.

Проведши такъ жизнь свою, блаженный Іоаннъ, узнавъ о своемъ отшествіи ко Господу, помолился о всемъ мірѣ, оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ и, легши на землю, предалъ святую душу свою въ руки Божіи. Это произошло въ 1494 году, въ 29 день мѣсяца мая. Преподобный погребенъ былъ вблизи соборной церкви и творитъ чудеса тѣмъ, кто съ вѣрою обращается къ нему[2]).

Тропа́рь, гла́съ є҃:

Нагото́ю тѣле́сною, и҆ терпѣ́ніемъ ѡ҆бнажи́лъ є҆сѝ вра̑жїѧ кова̑рствїѧ, ѡ҆блича́ѧ неподо́бное є҆гѡ̀ дѣѧ́нїе, ѕѣ́льнѣ страждà со́лнечный ва́ръ, и҆ нѹ́ждныѧ вели̑кїѧ стѹ́дени, мра́за и҆ ѻ҆́гнѧ не чѹ́лъ є҆сѝ, бж҃їею по́мощїю покрыва́емь, і҆ѡа́ннѥ премѹ́дре. ѡ҆ вѣ́рою творѧ́щихъ па́мѧть твою̀ че́стнѡ и҆ ѹ҆се́рднѡ притека́ющихъ къ ра́цѣ мощѐй твои̑хъ, молѝ и҆зба́витисѧ ѿ бѣ́дъ и҆ паде́нїѧ и҆збѣжа́ти.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Вы́шнїѧ красоты̀ желаѧ́, ни́жнїѧ сла́дости тѣле́сное ꙗ҆де́нїе тща́тельнѡ ѡ҆ста́вилъ є҆сѝ, нестѧжа́нїемъ сѹ́етнагѡ мі́ра, возлюби́лъ є҆сѝ а҆́гг҃льское житїѐ, преходѧ̀ скончавсѧ і҆ѡа́ннѥ бл҃же́нне: съ ни́миже молѝ х҃рта̀ бг҃а непреста́ннѡ ѡ҆ всѣ́хъ на́съ.

---

[1]) Это былъ устюжскій намѣстникъ, князь Ѳеодоръ Красный.

[2]) Жители города Устюга обращались съ молитвою къ блаженному Іоанну во время бѣдствій междуцарствія и ему предписывали побѣду царскаго войска надъ Сапѣгою въ 1610 году, а въ 1613 году молитвами устюжскихъ чудотворцевъ (Прокопія и Іоанна) не только защитили свой городъ отъ Поляковъ, но и разбили ихъ. Въ Устюгѣ построена церковь во имя блаженнаго Іоанна.

День тридцатый

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ИСААКІЯ ИСПОВѢДНИКА

Вскорѣ же послѣ обрѣтенія Пречестнаго и Животворящаго Креста Господа нашего Іисуса Христа въ царствованіе великаго Константина[1]) многопестрый змій и многоглавый врагъ и ненавистникъ рода христіанскаго и въ особенности Самого Христа, Спасителя нашего, противникъ святой вѣры по своему коварству внесъ смущеніе въ Церковь Божію, а именно: онъ внушилъ злочестивому и беззаконному императору Валенту[2]) защищать ересь Аріеву[3]) и способствовать ея распространенію. Сей нечестивый императоръ поднялъ гоненіе на правовѣрныхъ христіанъ; повелѣлъ запереть святые храмы, дабы въ нихъ не совершались обычныя Божественныя жертвы, другіе же обратилъ въ хлѣвы для лошадей, иные разрушилъ до самаго основанія. Гоненіе это продолжалось долгое время. И былъ въ это время великій плачъ и великая скорбь среди христіанъ, которые всѣ дни и ночи молились ко Господу, прося Его умилосердиться надъ Своею Церковью святою и сотворить праведный судъ и отмщеніе нечестивому царю. Въ то время было такъ, какъ во времена апостольскія, когда царь Иродъ возложи̑ рꙋцѣ ѡ҆зло́бити нѣкїѧ, и҆̀же ѿ це́ркве[4]).

---

1) См. житіе его подъ 21-мъ мая.

2) *Валентъ* царствовалъ съ 364 г. по 378 г.

3) Объ ереси Аріевой см. въ дополнит. статьѣ о I-омъ Всел. Соборѣ.

4) Дѣян., гл. 12, ст. 1.

Спустя нѣкоторое время на защиту Церкви Богъ воздвигъ раба Своего монаха Исаакія, подобно тому какъ древле воздвигъ Пророка Даніила на защиту неповинной Сусанны[1]). Сей блаженный Исаакій первоначально подвизался въ восточной пустынѣ, подражая святому Иліи Пророку[2]) и проводя жизнь ангелоподобную. Узнавъ о гоненіи, поднятомъ аріанами на Церковь Божію, узнавъ также и о томъ, что и царь споспѣшествовалъ распространенію ереси, онъ весьма опечалился; оставивъ пустыню, онъ пришелъ въ Константинополь для того, чтобы утверждать вѣрующихъ во благочестіи; слово его было подобно свѣщѣ горящей; Духъ Божій почивалъ на немъ и благодать небесная осіявала его. Увидавъ своими очами великія бѣды, какія терпѣли вѣрующіе отъ зловѣрнаго царя и его единомышленниковъ, онъ молилъ Бога, прося Его призрѣть съ высоты Престола Своего на гонимыхъ неповинно и явить имъ милосердіе Свое, гордость же гонителей смирить. Богъ, услышавшій нѣкогда угодника Своего Моисея, молившагося о людяхъ своихъ, находившихся въ бѣдѣ[3]), услышалъ и раба Своего Исаакія, и воздвигъ на нечестиваго царя Валента Варваровъ, именно: Варвары, жившіе въ то время по рѣкѣ Дунаю, собравъ всѣ полки свои, начали войну съ Греками; они уже захватили въ свою власть Ѳракію и приближались къ Константинополю. Необходимо было собрать воиновъ и царю Валенту, дабы выйти на брань съ врагами; но здѣсь случилось съ царемъ то самое, что случилось нѣкогда съ Сауломъ, царемъ Израильскимъ, врагомъ Давида; ибо Саулъ не возвратился съ поля битвы, согласно пророчеству святаго Самуила, такъ какъ прогнѣвалъ Бога[4]).

Въ то время какъ Валентъ выходилъ изъ Константинополя съ полками своими, блаженный Исаакій зашелъ впередъ его и громогласно воскликнулъ:

— Царь! Отопри храмы для правовѣрныхъ, и тогда Господь благопоспѣшитъ пути твоему.

Но царь не отвѣчалъ ему, презирая его какъ простеца и безумца; не придавъ значенія словамъ его, онъ продолжалъ путь свой.

На другое утро блаженный старецъ, подойдя къ царю, опять сказалъ:

---

1) Исторія Сусанны изложена въ 13 гл. Кн. Прор. Даніила.

2) Память его празднуется св. Церковію 20-го іюля.

3) См. Кн. Исх., гл. 14.

4) См. 1 Кн. Цар., гл. 28, ст. 17—22.

— Открой, царь, храмы для правовѣрныхъ, и тогда война окончится для тебя благополучно: ты побѣдишь враговъ своихъ и возвратишься домой съ миромъ въ добромъ здравіи.

Царь, внимая словамъ его: «возвратишься домой съ миромъ въ добромъ здравіи», хотѣлъ открыть двери церковныя и отдать храмы правовѣрнымъ и уже началъ совѣтываться объ этомъ съ вельможами своими. Но одинъ военачальникъ, придерживавшійся злочестія аріанскаго, посовѣтовалъ царю не слушать монаха, но съ безчестіемъ прогнать его отъ себя. Побранивъ старца, царь съ безчестіемъ и побоями прогналъ его отъ себя и отправился въ дальнѣйшій путь.

Прп҃бный Ісаакій

И на третій день блаженный старецъ снова подошелъ къ царю; взявъ за узду коня, на которомъ тотъ сидѣлъ, Исаакій началъ еще усерднѣе просить и увѣщевать царя открыть храмы; въ противномъ случаѣ грозилъ ему судомъ Божіимъ.

Случилась на томъ мѣстѣ глубокая пропасть, на днѣ которой росло терніе и было болото; когда въ это болото попадалъ какой-либо звѣрь, то онъ уже не могъ выйти оттуда, но засасывался болотомъ и погибалъ. Въ это болото царь приказалъ бросить Исаакія, дабы онъ погибъ здѣсь; потомъ отправился въ дальнѣйшій путь.

Святый же Исаакій, будучи брошенъ въ болото это, былъ охраняемъ десницею Божіею и не потерпѣлъ здѣсь никакого вреда: его не уязвило терніе и не затянуло болото; онъ лежалъ среди тернія какъ бы на мягкой постели среди цвѣтовъ, хваля и благодаря Бога до тѣхъ поръ, пока не явились ему три свѣтлыхъ мужа, которые извлекли его изъ болота здравымъ и невредимымъ и поставили на сухомъ мѣстѣ; сами же стали невидимы.

Тогда преподобный Исаакій понялъ, что это Самъ Господь послалъ Ангеловъ Своихъ извлечь его изъ той пропасти; павъ на колѣна, онъ воздалъ благодареніе Спасителю своему за то, что Онъ заботился о рабахъ Своихъ и не оставлялъ всѣхъ, боявшихся Его и уповающихъ на Него.

Помолившись достаточное время и укрѣпившись Духомъ Святымъ, Исаакій всталъ; затѣмъ пошелъ поспѣшно окружнымъ путемъ и, обогнавъ царя, остановился на пути его. Увидавъ святаго, царь весьма испугался и отъ страха и удивленія молчалъ. Святый же съ дерзновеніемъ сказалъ ему:

— Вотъ, ты хотѣлъ погубить меня въ терніи и болотѣ; но Господь сохранилъ меня живымъ и послалъ мнѣ Ангеловъ Своихъ, которые вывели меня изъ той пропасти. Послушай же меня, царь! Открой храмы для правовѣрныхъ. Тогда ты побѣдишь враговъ и возвратишься обратно съ славою; но если не послушаешь меня, то не возвратишься съ поля битвы, а погибнешь на немъ.

Царь весьма удивился дерзновенію монаха и свѣтлости лица его, но несмотря на это не послушалъ его, такъ какъ сердце его было ожесточено и удалено отъ Бога. Потомъ царь отдалъ блаженнаго двумъ сановникамъ своимъ—Сатурнину и Виктору и приказалъ имъ содержать его въ узахъ. При этомъ онъ сказалъ имъ:

— Держите у себя сего надоѣдливаго старца до тѣхъ поръ, пока я возвращусь и воздамъ ему возмездіе за его безстыдство и дерзновеніе.

Преподобный же Исаакій, будучи преисполненъ благодати Духа Святаго, воспылалъ еще большею ревностію (какъ нѣкогда Пророкъ Михей противъ Ахава, царя Израильскаго) [1]) и громогласно воззвалъ къ Валенту:

— **Аще возвращаяся возвратишися въ мирѣ**, то знай, что **не глагола гдь мною** [2]); говорю же тебѣ, что ты, выведя войска свои на брань, не одолѣешь Варваровъ, но побѣжишь отъ нихъ, будешь взятъ ими и живой сгоришь на огнѣ.

Когда святый сказалъ это, царь съ гнѣвомъ отправился въ дальнѣйшій путь, святый же былъ отведенъ въ узы.

Между тѣмъ Греки сошлись съ Варварами; битва была весьма жестокая; по попущенію Божію, побѣдили Варвары. Согласно пророчеству святаго Исаакія, многіе изъ Грековъ пали отъ меча;

---

[1]) См. 3 Кн. Царствъ, гл. 22.

[2]) 3 Кн. Царствъ, гл. 22, ст. 28.

самъ царь Валентъ былъ раненъ и, не будучи въ силахъ противиться врагамъ, обратился въ бѣгство. Варвары же преслѣдовали Грековъ и посѣкали воиновъ греческихъ какъ траву; они настигали уже и самого царя, который бѣжалъ лишь съ однимъ совѣтникомъ своимъ—военачальникомъ, аріаниномъ, посовѣтовавшимъ ему не слушать Исаакія. Подъѣхавъ къ нѣкоему селенію, онъ увидалъ сарай, въ которомъ лежала солома; такъ какъ конь его былъ уже утомленъ, онъ слѣзъ съ него и скрылся въ томъ сараѣ вмѣстѣ съ совѣтникомъ своимъ. Но не укрылся онъ отъ карающей руки Божіей, потому что Варвары, преслѣдовавшіе его, доѣхавъ до того селенія и узнавъ, что въ томъ сараѣ скрывались Греки, подожгли его со всѣхъ сторонъ и сожгли до основанія. Такъ погибъ окаянный царь тотъ и его злой совѣтникъ.

Послѣ того сраженія оставшееся въ цѣлости войско греческое направилось навстрѣчу Римскому императору Граціану[1]), который шелъ на помощь Грекамъ. Придя въ области греческія, Граціанъ избралъ въ цари Грекамъ Ѳеодосія, называемаго Великимъ[2]). Ѳеодосій, собравъ воиновъ, отправился на Варваровъ, побѣдилъ и прогналъ ихъ и съ торжествомъ Возвратился въ Константинополь.

Между тѣмъ нѣкоторые изъ воиновъ греческихъ, не знавшіе еще о погибели Валента, въ скоромъ времени послѣ его смерти пришли къ преподобному Исаакію, содержавшемуся въ узахъ, и сказали ему:

— Приготовься къ отвѣту, ибо въ скоромъ времени возвратится царь съ поля битвы и будетъ тебя допрашивать и мучить.

Но святый отвѣчалъ имъ:

— Прошло уже семь дней, какъ я обонялъ смрадъ отъ сожженныхъ костей его; ибо, какъ я сказалъ, онъ сожженъ.

Слышавшіе это, пришли въ великій страхъ; и дѣйствительно, въ скоромъ времени пришло извѣстіе о погибели Валента. Послѣ этого святый Исаакій былъ освобожденъ отъ узъ, и всѣ начали почитать его какъ пророка Божія.

Когда въ городъ вошелъ съ торжествомъ Ѳеодосій, упомянутые выше вельможи, Сатурнинъ и Викторъ, возвѣстили ему все о

---

[1]) *Императоръ Граціанъ* царствовалъ съ 375 г. по 383 г.

[2]) *Ѳеодосій Великій* управлялъ Восточною половиною Римской имперіи съ 379 г. по 395 г.; Западною—съ 393 г. по 395 г.

преподобномъ Исаакіи,—сказали о его дерзновеніи и о его пророчествѣ. Царь, уважая таковаго мужа, приказалъ съ великою честію привести его къ себѣ и поклонился ему, почитая его великимъ угодникомъ Божіимъ и прося его помолиться Богу о немъ и о всемъ его царствѣ. Преподобный же увѣщевалъ царя пребывать во благочестіи, возвратить Церкви миръ и утѣшить гонимыхъ. Царь послушалъ святаго и сдѣлалъ такъ, какъ говорилъ онъ: прогналъ аріанъ изъ Константинополя, чему вѣрующіе весьма радовались.

Блаженный же Исаакій, возблагодаривъ Бога за все, намѣревался идти въ пустыню, дабы подвизаться тамъ; но Сатурнинъ и Викторъ упросили преподобнаго не уходить изъ царственнаго града, но пребывать около нихъ и споспѣшествовать молитвами своими и ученіемъ мирному жительству христіанъ; святый соизволилъ исполнить просьбу ихъ.

Въ это время между Сатурниномъ и Викторомъ произошелъ споръ, такъ какъ каждый изъ нихъ хотѣлъ, чтобы преподобный поселился въ его домѣ. Узнавъ о причинѣ спора ихъ, святый сказалъ, обратившись къ нимъ:

— Чада! Я вижу любовь вашу ко мнѣ. Но такъ какъ вы имѣете желаніе упокоить смиреніе мое, то, говорю вамъ,—я у того пребуду всѣ дни жизни моей, кто первый построитъ домъ мнѣ.

И начали оба заботиться о скорѣйшемъ построеніи дома для угодника Божія.

Сатурнинъ имѣлъ за городомъ очень красивое мѣсто, весьма удобное для житія иноковъ; на этомъ мѣстѣ онъ и поспѣшилъ построить обитель угоднику Божію; здѣсь и поселился преподобный Исаакій. Точно такъ же и Викторъ выстроилъ красивое жилище для святаго и весьма сожалѣлъ, что Сатурнинъ опередилъ его. Придя къ святому, онъ началъ усердно просить его переселиться въ келлію, построенную для него. Но преподобный продолжалъ подвизаться въ обители Сатурнина, хотя иногда приходилъ и къ Виктору и жилъ у него по нѣскольку дней, не желая огорчать его отказомъ.

Между тѣмъ къ преподобному начали собираться многіе, желавшіе подвизаться вмѣстѣ съ нимъ въ трудахъ иноческихъ. Такимъ образомъ былъ построенъ большой монастырь на средства боголюбивыхъ мужей Сатурнина и Виктора. И былъ преподобный

наставникомъ и игуменомъ многихъ иноковъ, полезнымъ учителемъ и мірянамъ, ибо руководилъ всѣхъ на путь спасенія и словомъ, и примѣромъ добродѣтельной жизни своей. Преподобный былъ весьма милостивъ къ бѣднымъ, такъ что, если иногда не имѣлъ ничего, что бы могъ дать просившему, то снималъ съ себя одежду и отдавалъ ее; творилъ святый и многія другія богоугодныя дѣла. Наконецъ, достигнувъ старости, приблизился къ смерти. Созвавъ всю братію и преподавъ всѣмъ душеполезное наставленіе, святый Исаакій поставилъ игуменомъ вмѣсто себя нѣкоего честнàго мужа, проводившаго жизнь святую, блаженнаго Далмата, по имени котораго и обитель та впослѣдствіи начала называться Далматскою.

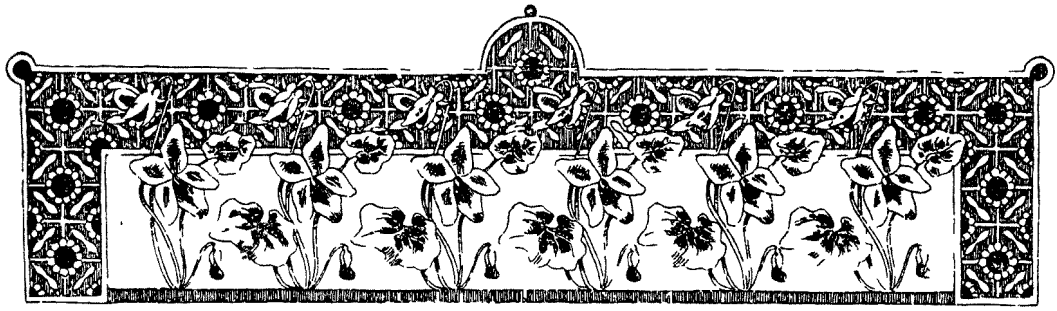
Потрудившись во многихъ богоугодныхъ дѣлахъ, преподобный Исаакій отошелъ ко Господу на вѣчный покой[1]); на погребеніе его собрался весь городъ; честнòе тѣло его было положено въ храмѣ святаго первомученика Стефана; святая же душа его предстоитъ Престолу Пресвятой Троицы въ ликѣ святыхъ и преподобныхъ отцевъ и молитъ вмѣстѣ съ ними за насъ Отца, и Сына, и Святаго Духа—Единаго Бога въ Троицѣ, Которому возсылается слава вѣчно. Аминь.

Кондáкъ, глáсъ ѝ:

Ꙗкѡ оу҆гóдникъ бж҃їй вѣ́рный, по хр҃тóвѣ цр҃кви рéвностїю разжéгсѧ, бразды̀ оу҆áлентѡвы оу҆держáвъ, прорóчески томꙋ̀ ѡ҆ затворéнїи цр҃кве пáгꙋбнꙋю смéрть предрéклъ є҆сѝ пр҃бне. тѣ́мже прѝснѡ молѝ ѡ҆ нáсъ чтꙋ́щихъ тѧ̀, і҆саáкїе пр҃бне.

---

[1]) Кончина *святаго Исаакія* послѣдовала въ концѣ V-го в. Мощи его были положены первоначально въ храмѣ св. Стефана, находившемся по сосѣдству съ монастыремъ Далматскимъ; потомъ перенесены въ храмъ Всѣхъ Святыхъ.



День тридцать первый

СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО МУЧЕНИКА
ЕРМІЯ

Во время гоненія, воздвигнутаго на христіанъ въ царствованіе нечестиваго императора Римскаго Антонина[1]), для мученія христіанъ былъ назначенъ императоромъ нѣкій вельможа, по имени Севастіанъ. Прибывъ изъ Киликіи въ Каппадокію[2]), онъ встрѣтилъ въ Команахъ[3]) нѣкоего воина, по имени Ермія,—старца, убѣленнаго сѣдиною, христіанина, вѣровавшаго во Единаго Истиннаго Бога и проводившаго жизнь добродѣтельную. Князь тотъ сказалъ Ермію:

— Ко мнѣ присланъ указъ императора Римскаго Антонина, приказывающій всѣмъ христіанамъ приносить жертвы богамъ римскимъ; если же христіане не захотятъ приносить жертвъ, то будутъ преданы многимъ лютымъ мукамъ. Посему и ты, Ермій, принеси жертву богамъ: тогда ты будешь другомъ царя; ты будешь награжденъ великими почестями. Послушайся меня, въ противномъ случаѣ я предамъ мукамъ и душу, и тѣло твое.

---

1) *Императоръ Антонинъ Пій* царствовалъ съ 138 г. по 161 г.

2) *Киликія* и *Каппадокія* —области въ Малой Азіи.

3) *Городъ Команы* находился въ сѣверо-вост. части Малой Азіи, въ провинціи Понтѣ.—Въ исторіи Христіанской Церкви этотъ городъ извѣстенъ какъ мѣсто ссылки св. Іоанна Златоустаго (см. житіе его подъ 13 ноября). Впрочемъ, нѣкоторые разумѣютъ здѣсь городъ Команы, находившійся въ Каппадокіи.

Христовъ подвижникъ Ермій отвѣчалъ на это:

—Я—воинъ небеснаго и безсмертнаго Царя Христа, **є҆го́же ца́рствїю не бꙋ́детъ конца̀**[1]); посему я не буду исполнять приказанія смертнаго и нечестиваго царя, царствованіе котораго маловременно, въ то время какъ царствованіе Господа нашего Іисуса Христа пребудетъ неизмѣннымъ во вѣки; всякій, вѣрующій въ Него, наслѣдуетъ жизнь вѣчную. Вотъ, и я вѣрую въ Него. Раньше я служилъ Ему тайно, но нынѣ служу явно; діаволъ не побѣдитъ меня; ты же имѣешь власть лишь надъ тѣломъ моимъ, и то по попущенію Божію; надъ душею же моею никто не имѣетъ власти, кромѣ одного Бога, Который подастъ мнѣ терпѣніе и сохранитъ меня невредимымъ во вѣки.

Ст҃ы́й мч҃нкъ є҆рмі́й

Послѣ того какъ Севастіанъ выслушалъ святаго Ермія, обратившись къ нему, сказалъ:

— Принеси жертву богамъ, если хочешь насладиться радостями жизни этой.

Но святый отвѣчалъ:

— Какая можетъ быть для меня радость, какое наслажденіе и какая жизнь, если я, отступивъ отъ Создателя моего, поклонюсь бѣсамъ? Поистинѣ, это не радость, а печаль; это не наслажденіе, а горе; это не жизнь, а смерть вѣчная.

Сказалъ князь:

— Я вижу, что ты очень мудръ.

Отвѣчалъ святый:

— Я мудръ о Господѣ, Богѣ моемъ, въ Котораго я вѣрую и Которому я служу со всѣмъ усердіемъ; за Него я готовъ пострадать и согласенъ съ радостію умереть.

[1]) Выраженіе взято изъ VII-го члена Символа Вѣры.

— Уважая сѣдины твои и умъ твой,—сказалъ князь,—я готовъ пощадить и помиловать тебя.

Отвѣчалъ святый:

— Я не ищу милости у тебя, но ищу милости у Бога, Который умудряетъ рабовъ Своихъ Духомъ Святымъ.

На это князь сказалъ:

— Итакъ, ты предпочитаешь жизнь смерти?

— Эта смерть,—отвѣчалъ святый,—не есть смерть, но жизнь вѣчная, если я съ терпѣніемъ перенесу назначенныя тобою муки.

Тогда князь приказалъ сокрушать лицо святаго камнями, бить его въ уста и сдирать кожу съ лица его. И сказалъ святый:

— Благодарю Бога моего, ибо благодать Его пребываетъ со мною.

Потомъ князь спросилъ воина:

— Почему ты не берешь своего оброка, какъ берутъ его всѣ прочіе воины?

— Такъ какъ вы несправедливо обираете убогихъ,—отвѣчалъ мученикъ,—то я по этой причинѣ не беру оброковъ вашихъ и не питаюсь ими, ибо я имѣю духовную пищу, подаваемую мнѣ Духомъ Святымъ, отъ которой и никогда не взалкаю.

Тогда князь приказалъ разжечь пещь и бросить въ нее мученика Христова. Спустя три дня раскрыли пещь, но нашли святаго живымъ и невредимымъ, прославляющимъ Бога, ибо огонь не прикоснулся тѣлу его.

Послѣ этого князь, призвавъ волхва, приказалъ ему дать отраву Ермію.

Святый же, помолившись Богу, выпилъ отравленное питье и нисколько не пострадалъ, согласно слову Христа Господа, сказавшаго: **а҆́ще и҆ что̀ смертно** выпьете, **не вреди́тъ** вамъ [1]).

Волхвъ приготовилъ еще болѣе опасную отраву и далъ мученику, сказавъ:

— Если ты нисколько не потерпишь отъ этого яда, то я оставлю свое волшебство и увѣрую въ Распятаго Бога, Которому ты служишь.

Святый же Ермій, вкусивъ эту отраву и испивъ ее до дна, нисколько не пострадалъ, но продолжалъ пребывать здравымъ и невредимымъ. Тогда волхвъ воззвалъ:

— Ты побѣдилъ меня, Ермій! Ты одолѣлъ и превозмогъ меня,

---

[1]) Еванг. отъ Марка, гл. 16, ст. 18.

рабъ Христовъ! Ты спасъ отъ ада погибшую душу мою и побудилъ меня служить Богу. Подобно тому какъ старое изваяніе, сдѣланное изъ желѣза, будучи перековано, обновляется; такъ обновляюсь душою и я, состарѣвшійся во грѣхахъ и нечестіи; обновляюсь я, обращаясь къ Богу Живому, пребывающему вѣчно. О Боже Небесный, единый Истинный, избавившій меня отъ обольщенія бѣсовскаго и отъ скверны идолослуженія посредствомъ раба Твоего Ермія! Пріими меня, грѣшнаго, обращающагося къ Тебѣ, и помилуй меня, исповѣдающаго Тебя!

Когда онъ взывалъ такъ, князь преисполнился ярости и приказалъ обезглавить его. И усѣченъ былъ волхвъ тотъ, крестившись кровію своею; и отошелъ новый христіанинъ и мученикъ ко Христу Богу, ради Котораго онъ положилъ жизнь свою.

Святаго же Ермія князь приказалъ мучить безъ милосердія, вытаскивая жилы по всему тѣлу его. Будучи такъ жестоко мучимъ, святый сказалъ:

— Я совершенно не чувствую никакой боли отъ мученія; ибо, подобно тому какъ ножъ, разрѣзая жилу, выпускаетъ негодную кровь и даетъ здоровье тѣлу,—такъ и я, принимая исторганіе жилъ изъ тѣла моего, дѣлаюсь все болѣе и болѣе здравымъ въ вѣрѣ Христовой.

Потомъ мучитель приказалъ бросить святаго въ котелъ, наполненный кипящимъ масломъ. Но котелъ тотчасъ остылъ, и масло кипящее обратилось въ прохладную росу. Мученикъ же Христовъ громогласно восклицалъ:

— Я не чувствую боли и не исполню твоего приказанія, мучитель! Я лишь буду исполнять волю Отца Небеснаго, Которому и приношу себя самого въ жертву непорочную, ибо Онъ— Владыка душъ и тѣлъ нашихъ.

Въ то время какъ святый говорилъ такъ, мучитель приказалъ лить въ гортань его горькій уксусъ, смѣшанный съ желчію. Мученикъ же говорилъ:

— Эта горечь для меня все равно что сотъ медовый ради Бога моего, во Имя Котораго я и терплю все сіе.

Затѣмъ мучитель приказалъ выколоть глаза святому Ермію. Услышавъ объ этомъ, святый сказалъ мучителю:

— Если тебѣ нужны очи мои тѣлесныя, видящія суету міра сего,—то возьми ихъ, я имѣю очи сердечныя, которыми ясно созерцаю Свѣтъ Истинный.

И выколоты были очи у святаго мученика.

Потомъ святый былъ повѣшенъ внизъ головою и висѣлъ въ такомъ положеніи три дня, такъ что много крови вышло черезъ ноздри его. По прошествіи же трехъ дней пришли нѣкоторые посмотрѣть на святаго, думая, что онъ уже скончался, но нашли его живымъ и славящимъ Бога, чему весьма удивились. Но за невѣріе ихъ очи ихъ покрылись мракомъ; они ослѣпли и начали взывать:

— Помилуй насъ, рабъ Бога Истиннаго, ибо мы поражены слѣпотою!

Святый же сказалъ имъ:

— Подойдите ко мнѣ!

Когда они подошли къ нему, то онъ, возложивъ на нихъ свои руки, сказалъ:

— Во Имя Господа моего Іисуса Христа прозрите!

И тотчасъ всѣ прозрѣли и, возвратившись, разсказали обо всемъ происшедшемъ.

Князь же, придя въ еще большій гнѣвъ, приказалъ содрать кожу со всего тѣла мученика. Когда слуги исполняли приказаніе мучителя, святый поносилъ князя и укорялъ его мерзкихъ боговъ, чѣмъ вызвалъ князя на еще большій гнѣвъ. Зарычавъ какъ левъ, онъ ножомъ отрѣзалъ честну̀ю главу святаго мученика.

Такъ окончилъ подвигъ свой мученикъ Христовъ Ермій[1]).

Христіане придя тайно на мѣсто то, взяли честно̀е тѣло его и похоронили въ Каппадокіи на мѣстѣ, называвшемся Комана. Здѣсь совершались многія чудеса отъ честны̀хъ мощей мученика и подавались многоразличныя исцѣленія во славу Христа, Бога нашего, Которому вмѣстѣ со Отцемъ и Святымъ Духомъ возсылается слава, честь и поклоненіе, нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь.

Конда́къ, гла́съ ѕ҃:

И҆́же по хрⷭ҇тѣ̀ ᲂу҆се́рднѡ подвиза́всѧ, въ сѣди́нахъ до́блихъ мꙋ́жество стѧжа́лъ є҆сѝ, мч҃нче є҆рме́е: беззако́нныхъ ѕлоꙋмышле́нїе попра́въ хрⷭ҇то́вою си́лою, ѿ чаро́вныхъ напое́нїй невреди́мь пребы́лъ є҆сѝ зовы́й: бг҃ъ є҆́сть со мно́ю и҆ никто́же на мѧ̀.

---

[1]) Кончина *св. мученика Ермія* послѣдовала около 166 г.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ФИЛОСОФА

Сей святый мученикъ Христовъ Философъ[1]) происходилъ изъ окрестностей города Александріи[2]). О немъ, а равно и о томъ, какъ онъ совершилъ свой мученическій подвигъ, сообщилъ великій въ инокахъ Антоній[3]).

Былъ прекраснѣйшій садъ, полный всякихъ многоцвѣтныхъ и благоуханныхъ растеній. Въ этомъ саду поставлена была для мученія роскошно украшенная постель и на нее положенъ былъ спать связанный по рукамъ и по ногамъ сей святый мученикъ Философъ. Слыша отъ пришедшей къ нему блудной жены соблазнительныя и безстыдныя слова, доблественный мученикъ смежилъ свои глаза, чтобы не смотрѣть на нее, но вѣждъ и ушей онъ не могъ закрыть, онъ былъ связанъ, а потому и не могъ ничего для этого сдѣлать. Тогда онъ поступилъ такъ. Кусая зубами языкъ свой и нанося себѣ этимъ сильную боль, онъ отъ боли не слышалъ того, что внушала ему безстыдная жена, а такъ какъ не имѣлъ возможности закрыть себѣ ноздри, то мочилъ своимъ окровавленнымъ языкомъ нечистую постель, сильно окровавилъ свою одежду и остался, такимъ образомъ, невредимымъ отъ искушенія. Такой подвигъ совершилъ доблественный мученикъ, но не покорился мучителю. Послѣ этого ему отсѣкли голову[4]), и онъ вѣчно веселится на Небесахъ[5]).

Въ тотъ же день память **святаго Ерма,** апостола изъ семидесяти (см. 5 ноября).

---

1) *Философъ* — несобственное имя, равно и другія имена усвояемыя сему святому. Подъ 31 мая помѣщенъ онъ ради имени Іустина Философа, память котораго празднуется 1 іюня.

2) *Александрія* — городъ въ Египтѣ, основанный Александромъ Македонскимъ при устьяхъ рѣки Нила на берегу Средиземнаго моря.

3) Здѣсь разумѣется *преподобный Антоній Великій,* основатель отшельническаго иночества въ Египтѣ. Память его празднуется 17 января.

4) *Святый мученикъ Философъ* пострадалъ при императорѣ Декіи около 252 года.

5) Сказаніе о подвигѣ святаго мученика Философа болѣе подробно и вразумительно разсказывается въ житіи преподобнаго Павла Ѳивейскаго. Память его празднуется 15 января. Подъ симъ числомъ и житіе его.

Дополненіе

ПАМЯТЬ СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

СТЕФАНА,

архіепископа Цареградскаго

[Празднуется сего мѣсяца въ 17-й день]

Преподобный Стефанъ былъ сыномъ знаменитаго Греческаго императора Василія Македонянина[1]). Будучи еще въ молодыхъ годахъ, онъ по избранію Церковнаго Собора и всего духовенства, больше же всего по волѣ Божіей, былъ поставленъ Патріархомъ Цареграда[2]). Принявъ на себя всѣ заботы о церквахъ Божіихъ, святый Стефанъ бдительно стоялъ на стражѣ ихъ и какъ истинный пастырь, а не наемникъ, не только питалъ овецъ своихъ духовно, но и избавлялъ отъ власти сильныхъ людей тѣхъ бѣдныхъ, сиротъ и вдовъ, которые подвергались отъ нихъ обидамъ. Своимъ воздержаніемъ онъ до истощенія довелъ тѣло свое. Проведши жизнь въ такихъ богоугодныхъ подвигахъ и наставивъ въ благочестивой жизни овецъ Христовыхъ, онъ, какъ благоуханный цвѣтокъ, отошелъ ко Господу[3]).

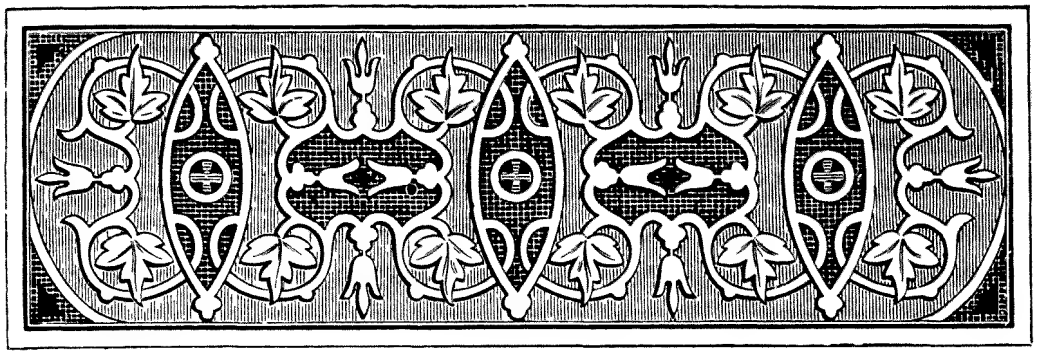
---

[1]) *Императоръ Василій I Македонянинъ* царствовалъ съ 867 до 886 года.

[2]) *Святый Стефанъ* былъ посвященъ въ Патріарха епископомъ Ѳеофаномъ 17 декабря 886 года, а предъ симъ по свидѣтельству его современника Льва Грамматика онъ былъ синкелломъ, т. е. ближайшимъ совѣтникомъ, у Патріарха Фотія.

[3]) Святый Стефанъ скончался 17 мая 893 года и погребенъ въ Снкеллійскомъ монастырѣ, мѣстоположеніе коего неизвѣстно.

ПРИЛОЖЕНІЯ



ВОЗНЕСЕНІЕ ГОСПОДНЕ

Въ прощальной бесѣдѣ съ учениками, ввиду приближающихся крестныхъ страданій и искупительной смерти, Господь говорилъ Своимъ, повергнутымъ въ печаль, собесѣдникамъ: «Я исшелъ отъ Отца и пришелъ въ міръ, и опять оставляю міръ и иду ко Отцу» (Еванг. отъ Іоанна, **16**, 28). И потомъ, уже по воскресеніи Своемъ, расторгнувъ узы ада и смерти, Онъ снова повторилъ Маріи Магдалинѣ: «Восхожу ко Отцу Моему и Отцу вашему и къ Богу Моему и Богу вашему» (Іоанна, **20**, 17). Такимъ образомъ, по Своемъ воскресеніи, Господь принадлежалъ уже не столько землѣ, сколько Небу. И это вполнѣ понятно. Подвигъ земного служенія Сына Божія окончился: Онъ уже совершилъ дѣло, которое Небесный Отецъ Его поручилъ Ему исполнить (Іоанна, **17**, 4), и теперь Ему надлежало войти въ славу Свою, которую Онъ имѣлъ **прѐжде да́же мі́ръ не бы́сть** (Іоанна, **17**, 5). Этого требовало достоинство самой природы Богочеловѣка, такъ какъ прославленному воскресеніемъ и обожествленному тѣлу Его было уже несвойственно оставаться на землѣ, въ естественныхъ условіяхъ человѣческаго бытія. Этого требовало также и благо искупленнаго человѣчества. Ибо какъ ветхозавѣтный первосвященникъ однажды въ годъ входилъ во Святая Святыхъ съ очистительною кровію за грѣхи народа, такъ и Христосъ, будучи архіереемъ «грядущихъ благъ» (Евр., **9**, 11), долженъ былъ, по принесеніи искупительной жертвы, тоже войти со Своею кровію, но «не въ рукотворенная Святая», а въ самое Небо, «да явится лицу Божію о насъ» (Евр., **9**, 24).

Потому-то Господь уже въ первое явленіе по воскресеніи Своемъ возвѣстилъ Маріи Магдалинѣ, а чрезъ нее и всѣмъ послѣдователямъ, о Своемъ близкомъ отшествіи на Небо.

Однако любовь къ ученикамъ—этому «малому стаду», которое «до конца возлюбилъ» Спаситель міра (Іоанна, **13**, 1), еще удерживала Его на землѣ. Вотъ почему, хотя «пречистое человѣчество Его, онебесенное крестомъ, стремилось уже въ выспрь, въ міръ пренебесный—къ Отцу» (Иннокентій, архіеп. Херсон., соч, т. I., стр. 354),—Господь все-таки не тотчасъ вознесся на Небо. Онъ уже не пребывалъ съ учениками Своими постоянно, не дѣлилъ съ ними дня и ночи, отдыха и трапезы, какъ это было раньше; но время отъ времени Онъ являлся среди нихъ: то во время домашней бесѣды, когда двери ихъ дома были заперты (Іоанна, **20**, 19), то на пути (Марка, **16**, 12; Луки, **24**, 13—32), то во время рыбной ловли (Іоанна, **21**, 1—14). Дивную усладу проливали въ отягченныя печалью сердца учениковъ эти чудодѣйственныя явленія. Безславная смерть Господа Іисуса въ Іерусалимѣ, во время праздника Пасхи, разрушила всѣ ихъ надежды на Своего Учителя какъ на Мессію—Избавителя: «Мы надѣялись было, что Онъ избавитъ Израиля,—повторяли, конечно, многіе съ Еммаусскими спутниками,—но Онъ умеръ на крестѣ—Этотъ Пророкъ въ дѣлѣ и словѣ, сильный предъ Богомъ и предъ народомъ» (Луки, **24**, 20—21). И вотъ теперь поколебленная вѣра учениковъ снова оживилась, повергнутая въ печаль любовь опять восторжествовала: Господь воскресъ, и Своими явленіями неоднократно засвидѣтельствовалъ предъ учениками истину воскресенія Своего; для увѣренія ихъ Онъ ѣлъ и пилъ съ ними (Луки, **24**, 42), давалъ осязать руки и ноги Свои (Луки, **24**, 39), показывалъ язвы на рукахъ, ногахъ и ребрахъ Своихъ съ тѣмъ, чтобы они осязали ихъ перстами своими (Іоанна, **20**, 27).

Но не для увѣренія только въ истинѣ воскресенія Своего являлся Господь Своимъ ученикамъ по возстаніи изъ мертвыхъ. Во время этихъ явленій Онъ продолжалъ наставлять ихъ въ истинахъ Евангелія, досказывая имъ ꙗ҆̀же ѡ҆ цр҃твіи бж҃іи (Дѣян. **1**, 3) то, чего нельзя было открыть имъ до креста, и о чемъ, однако же, имъ нужно было услышать отъ Учителя своего еще до сошествія къ нимъ новаго Наставника—Духа Святаго. Въ это время Господь отверзъ умъ учениковъ къ уразумѣнію Писаній (Луки, **24**, 45); говорилъ имъ о Своей Божественной власти на небесѝ и҆ на землѝ,

о Божественномъ избраніи ихъ проповѣдывать Евангеліе всѣмъ народамъ, крестить ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа и учить блюсти̑ всѧ̑, є̑лика Господь заповѣда и̑мъ; при этомъ Онъ обѣщался быть съ Своею Церковію во всѧ̑ дни̑ до скончанїѧ вѣка (Матѳея, **28**, 18—20).

Такъ постепенно Господь подготовлялъ Своихъ учениковъ къ тому великому служенію, на которое они были призваны,—къ проповѣди Евангелія Царствія Божія. Среди такого подготовленія прошло сорокъ дней. Въ это время ученики Божественнаго Учителя постепенно привыкали къ мысли о разлукѣ съ Нимъ. Видя Его не пребывающимъ съ ними постоянно, а только время отъ времени являющимся, они научались признавать въ Немъ Существо премірное, принадлежащее не нашему міру, но высшему. Думая о Немъ, они уже говорили: *Господь*, а не *Учитель,* какъ прежде,—и чувство любви къ Человѣку сливалось у нихъ съ трепетнымъ благоговѣніемъ къ Господу. Мало-помалу они, конечно, приходили къ мысли, что пребываніе Господа на землѣ—это временное состояніе, не свойственное Его природѣ, и что разлука съ Нимъ неизбѣжна. Теперь они время отъ времени видятъ Его тѣлесными очами: это ихъ праздникъ, но праздникъ не можетъ продолжаться долго. Такъ отъ радости о воскресшемъ Господѣ Апостолы постепенно переходили къ мысли о неизбѣжной разлукѣ съ Нимъ. И вотъ въ сороковой день по воскресеніи Господнемъ настало время этой разлуки.

Число сорокъ по всей Священной исторіи было отличнымъ—какъ время окончанія великихъ подвиговъ. Въ сороковой день по рожденіи первенцы Израиля, по Закону Моисееву, должны были являться въ храмѣ предъ лице Іеговы (Лев., **16**, 19—20); въ сороковой же день по воскресеніи, какъ бы новомъ рожденіи, долженъ былъ войти въ небесную скинію и «первенецъ изъ мертвыхъ» (1 Колос., **1**, 18)—Господь нашъ Іисусъ Христосъ.

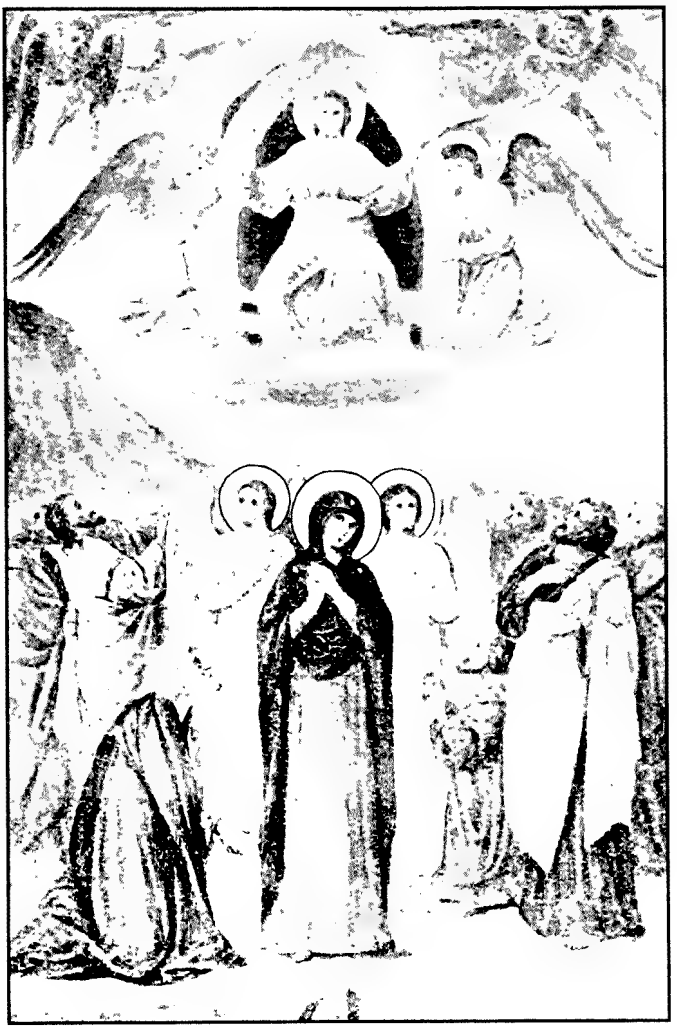
Не видно, чтобы ученики Господа предварительно были извѣщены о томъ, что этотъ день долженъ положить конецъ ихъ видимому общенію съ Божественнымъ Учителемъ. Однако же они, по явному повелѣнію, которое могло быть дано въ одномъ изъ предшествующихъ явленій, собрались къ этому дню въ Іерусалимѣ. Какъ ни полонъ былъ Святый Градъ врагами Господа Іисуса, но все же нашлись люди, у которыхъ ученики Его могли имѣть и убѣжище, и мѣсто для своихъ собраній. И весьма возможно, что

такимъ мѣстомъ была та самая горница, въ которой совершена была Тайная Вечеря, а по прошествіи нѣсколькихъ дней по вознесеніи сошелъ на Апостоловъ Духъ Святый.

Среди собравшихся учениковъ явился и Господь,—безъ сомнѣнія, такъ же таинственно и внезапно, какъ являлся и раньше по Своемъ воскресеніи. Бесѣда Господа съ учениками при этомъ послѣднемъ явленіи не передается Евангелистами во всѣхъ подробностяхъ. Но у Евангелиста Луки дано нѣсколько указаній, изъ которыхъ можно видѣть, о чемъ велась эта бесѣда.

Прежде всего Господь еще разъ раскрываетъ ученикамъ необходимость крестнаго пути для Мессіи—Избавителя. «Такъ написано», т. е. отъ вѣка опредѣлено и предсказано еще пророками, «и такъ надлежало»,—говорилъ Онъ,—«пострадать Христу и воскреснуть въ третій день, и проповѣдану быть во Имя Его покаянію и прощенію грѣховъ во всѣхъ народахъ, начиная отъ Іерусалима» (Луки, **24**, 46-47). На подвигъ этой проповѣди и призываетъ теперь Своихъ учениковъ Божественный Учитель, ввѣряя имъ окончаніе Своего благовѣстническаго дѣла. «Вы — свидѣтели всего происшедшаго, вы видѣли, какъ Искупитель умеръ за грѣхи міра, видѣли Его и воскресшимъ; потому Я и посылаю васъ на проповѣдь Евангелія всѣмъ народамъ»,—какъ бы такъ говорилъ Господь.

Но прежде исшествія на всемірную проповѣдь Апостолы должны были воспріять благодатные дары Духа Святаго, имѣвшаго явиться имъ. Въ явленіи этого Божественнаго Наставника они могли найти для себя замѣну своего Учителя (Іоанна, **14**, 26), утѣшеніе въ разлукѣ съ Нимъ (Іоанна, **16**, 7), освященіе на великое служеніе Церкви (Ефес., **4**, 11—13), окончательное просвѣщеніе богооткровенною истиною (Іоанна, **15**, 26) и, наконецъ, ту силу свыше (Луки, **24**, 49), которая была необходима для преодолѣнія трудностей и препятствій, предстоящихъ имъ въ дѣлѣ проповѣди. Потому Господь въ дальнѣйшихъ словахъ даетъ Апостоламъ повелѣніе «не отлучаться отъ Іерусалима, но ждать исполненія обѣтованія Отча», которое они слышали чрезъ Него (Дѣян., **1**, 4), когда Онъ прощался съ ними предъ страданіями Своими. «И Я,—продолжаетъ Спаситель,—пошлю обѣтованіе Отца Моего на васъ,—вы же оставайтесь въ городѣ Іерусалимѣ, доколѣ не облечетесь силою свыше» (Луки, **24**, 49). Нѣкогда «Іоаннъ крестилъ васъ водою», а теперь «вы чрезъ нѣсколько дней послѣ сего будете крещены Духомъ Святымъ» (Дѣян., **1**, 5).



Вознесе́нїе гд҃не

Преподавъ эти наставленія, Господь вывелъ учениковъ Своихъ изъ Іерусалима и пошелъ съ ними по направленію къ Виѳаніи. Это былъ путь, который неоднократно проходилъ Онъ съ учениками Своими и который совершилъ съ ними въ послѣдній разъ предъ самыми страданіями. Дорога лежала мимо Геѳсиманскаго сада, куда Господь не разъ удалялся по ночамъ для молитвы, гдѣ Онъ, наканунѣ Своихъ страданій, въ присутствіи избранныхъ учениковъ Своихъ—бывшихъ свидѣтелями Его славнаго преображенія (Матѳея, **17**, 1; Марка, **9**, 2; Луки, **9**, 28; Матѳея, **26**, 37; Марка, **14**, 33), боролся съ немощью плоти, всѣмъ существомъ своимъ возмутившейся предъ трудностію поднятаго Имъ на Себя подвига (Матѳея, **26**, 38—45; Марка, **14**, 34—36; Луки, **22**, 42—44), и откуда Онъ былъ взятъ архіерейскою стражею для суда и крестной смерти (Матѳея, **26**, 47—57; Марка, **14**, 43—53; Луки, **22**, 47—54). Мысль учениковъ сама собою обратилась къ недавно пережитому тягостному прошлому, и, невольно сопоставляя его съ настоящею радостною минутою, они подумали, что Божественный Учитель не напрасно ведетъ ихъ по этимъ мѣстамъ, исполненнымъ грустныхъ воспоминаній, что, можетъ быть, тамъ же, откуда начался путь безславныхъ крестныхъ страданій Его, должна открыться предъ всѣмъ міромъ слава Его. Недавно услышанныя ими слова, что близится время, когда они будутъ крещены Духомъ Святымъ, укрѣпляли ихъ въ этой мысли. Они слышали, какъ еще Іоаннъ Креститель говорилъ о Мессіи, что Онъ будетъ крестить не водою, а Духомъ Святымъ (Марка, **1**, 8): значитъ, если настало время для такого Крещенія, то, очевидно, ихъ Господь скоро откроетъ Себя міру славнымъ Царемъ—Мессіею. И вотъ они въ радостномъ возбужденіи подступаютъ къ Учителю и обращаются къ Нему съ вопросомъ: «Господи, не въ сіе ли время устрояешь Ты царство Израилево?» (Дѣян., **1**, 6).

Не предъ Геѳсиманіею быть бы такому вопросу, который явно показывалъ, что прежній предразсудокъ о земномъ воцареніи Господа Іисуса надъ Израилемъ еще не былъ разрушенъ въ умѣ учениковъ. Но вопрошавшіе еще не были «крещены Духомъ Святымъ», который имѣлъ навсегда поднять ихъ отъ земли къ Небу,—возвысить ихъ умъ и очистить его отъ всего грубого, земного; потому-то они разсуждали теперь по-человѣчески, разумѣли Учителя, даже воскресшаго, еще *по плоти*.

Божественный Наставникъ кротко выслушалъ этотъ вопросъ и

не отвѣчалъ на него упрекомъ и даже прямымъ отрицаніемъ. Онъ только съ любовію замѣтилъ: «Не ваше дѣло знать времена или сроки, которые Отецъ положилъ въ Своей власти; но вы примете силу, когда сойдетъ на васъ Духъ Святый, и будете Мнѣ свидѣтелями въ Іерусалимѣ и во всей Іудеѣ и Самаріи и даже до края земли» (Дѣян. 1, 7—8). Т. е., какъ бы такъ говорилъ Спаситель міра: «Не о царствѣ и о наградахъ вамъ дòлжно думать теперь, а о подвигахъ и терпѣніи даже до смерти; предоставьте будущее Тому, въ Десницѣ Коего оно находится: и сосредоточьте все вниманіе свое на томъ, что̀ предстоитъ вамъ и надъ чѣмъ вы должны потрудиться».

Среди такой бесѣды они достигли вершины Елеона, отстоявшей отъ Іерусалима на разстояніи субботняго пути[1]) (Дѣян., 1, 12). Здѣсь Господь остановился, воззрѣлъ на учениковъ Своихъ, потомъ воздвигъ руки Свои и благословилъ ихъ тѣмъ благословеніемъ, которое простираетъ свою силу навѣки и передается отъ одного поколѣнія къ другому, почивая на всѣхъ вѣрующихъ. И благословляя, Онъ поднялся въ глазахъ учениковъ и сталъ отдаляться отъ нихъ, и возноситься на Небо «не при помощи кого-нибудь ведшаго Его, но, по замѣчанію св. Іоанна Златоустаго, Самъ шелъ этимъ путемъ» (Бесѣда на Псалмы, С.-Пб., 1860 г., т. 1, стр. 381). Восхожденіе это совершалось столь неспѣшно, что ученики могли вполнѣ насладиться величественнымъ зрѣлищемъ. Когда же Возносящійся былъ уже на такой высотѣ, что зрѣнію было трудно слѣдовать за Нимъ, явился свѣтлый облакъ и сокрылъ Его отъ лица земли.

Такъ, предъ глазами Апостоловъ совершилось явленіе, подобное видѣнному Елисеемъ при отшествіи на Небо Пророка Иліи, но только въ несравненно славнѣйшемъ видѣ. «Илія,—разсуждаетъ по этому поводу св. Григорій Двоесловъ,—вознесся на Небо на колесницѣ въ доказательство того, что онъ, какъ человѣкъ, не могъ обойтись безъ внѣшнихъ пособій. Это пособіе и сдѣлали ему Ангелы, когда онъ восходилъ на Небо, ибо онъ самъ собою не

---

[1]) *Субботній путь*—это пространство, которое дозволено было Іудеямъ проходить въ субботу внѣ жилища. На основаніи Кн. Исходъ, гл. 16, ст. 29, гдѣ сказано: «Оставайтесь каждый у себя въ домѣ своемъ... въ седьмый день»; раввины, простиравшіе строгость субботняго покоя до мелочей, требовали, чтобы въ субботу никто не дѣлалъ болѣе 2000 шаговъ или около версты. Это разстояніе и называлось субботнимъ путемъ. Авторъ «Іудейскихъ древностей» Іосифъ Флавій разстояніе Масличной горы отъ Іерусалима опредѣляетъ въ 6 стадій, т. е. немногимъ менѣе версты; а у Ефрема Сирина субботній путь и считается именно въ 6 стадій.

могъ вознестись туда, потому что естественная слабость не позволяла ему отдѣлиться отъ земли. Между тѣмъ, Спасителю не нужна была колесница, не нужны были Ангелы, ибо Творецъ Своею Божественною силою вознесся на Небо; Онъ возвратился туда, откуда сошелъ, вошелъ туда, гдѣ отъ вѣка имѣлъ пребываніе; ибо хотя по человѣчеству Онъ возносился, но по Божеству обладалъ и Небомъ, и землею» (бесѣда на праздникъ Вознесенія).

Съ необъяснимымъ чувствомъ смотрѣли Апостолы на послѣднее, совершавшееся предъ ними чудо Его, слѣдя за тѣмъ, какъ все дальше и дальше скрывался отъ нихъ Божественный Учитель, и, конечно, не могли отвести очей своихъ отъ сладчайшаго зрѣлища. Уже Господь совершенно скрылся отъ нихъ, но ихъ взоръ все еще стремился за Нимъ, все еще искалъ Его... Среди такого напряженнаго вниманія Апостоловъ къ совершавшемуся послѣднему таинству Евангелія вдругъ ихъ поражаетъ голосъ, который выводитъ ихъ изъ оцѣпенѣнія. Это говорили два свѣтлыхъ небожителя, неожиданно представшіе предъ ними въ бѣлыхъ ризахъ. Пробудивъ учениковъ отъ бездѣйственнаго изумленія, небесные вѣстники разъяснили имъ, что отшествіе Господа есть видимое сокрытіе Его до времени Второго Пришествія: «Мужи галилейскіе,— говорили они,—что вы стоите и смотрите на Небо? Сей Іисусъ, вознесшійся отъ васъ на Небо, пріидетъ такимъ же образомъ, какъ вы видѣли Его восходящимъ на Небо» (Дѣян., **1**, 11),— пріидетъ такъ же «нечаянно и непредвидѣнно», такъ же «явно и торжественно» (объясн. Филарета, митр. Моск., соч. 1874 г., т. **2**, стр. 165, 167), такъ же «на облакѣ и съ тѣломъ» (св. Іоанна Златоуста бесѣда на Дѣян. Апост., 1856 г., ч. **1**, стр. 42).

Послѣ этихъ словъ Апостоламъ уже нечего было ждать на Елеонѣ, и они, съ благоговѣніемъ поклонившись Вознесшемуся, возвратились въ Іерусалимъ—возвратились не съ печалью отъ разлуки, но, какъ замѣчаетъ Евангелистъ, «съ радостію великою» (Луки, **24**, 52). Они радовались славѣ своего Учителя, вознесеніе Коего свидѣтельствовало, что Онъ есть Истинный Богъ, Владыка Неба и земли,—радовались и собственному предназначенію, такъ какъ видѣли, что призваны на дѣло Божіе, великое и святое; радовались самому явленію Ангеловъ и вѣсти отъ нихъ принятой, которая показывала, что отшедшій Учитель не прервалъ съ ними общенія любви, что въ нужныхъ случаяхъ они будутъ получать наставленія свыше.

Въ числѣ свидѣтелей вознесенія Господня вмѣстѣ съ Апостолами была и Пречистая Матерь Господня, Которую церковныя пѣснопѣнія представляютъ также свидѣтельницею этого дивнаго событія: какъ Мать, Она во время страданій Сына Своего болѣзновала сердцемъ болѣе всѣхъ, а теперь Ей болѣе всѣхъ «подобало при видѣ славы плоти Его насладиться преимущественною радостію» (служба на Вознес., вечерн. стих. на Лит., слава). Взирая вмѣстѣ съ Апостолами на восходящаго на Небо Сына и Господа Своего и постигая совершеніе всего чудеснаго, что хранилось въ сердцѣ Ея о Сынѣ Ея (Луки, **2**, 19, 51), Она «возвеличила» Его не только любовію, но и вѣрою въ Божество Его (служба на Вознесен., утр. кан., пѣснь 9, слава вечерней стихиры на стиховнѣ).

Такъ совершилось вознесеніе Господа на Небо. Какъ тихій дождь на руно, сошелъ Онъ въ утробу Приснодѣвы, какъ ѳиміамъ утренній,—вознесся теперь горѣ, ко Отцу. Но среди такой тишины и безмолвія совершилось лишь отшествіе Богочеловѣка съ земли—съ мѣста Его подвиговъ и конечнаго истощанія. Вступленіе Его въ міръ горній происходило при другой, въ высшей степени торжественной, обстановкѣ. По изображенію небесныхъ тайнозрителей, Побѣдитель ада и смерти возшелъ на Небо не Одинъ, а въ сопровожденіи сонма Ангеловъ небесныхъ, которые и во время земного странствованія служили Ему (Матѳея, **4**, 11). Когда Возносящійся на Небо приблизился къ предѣламъ небеснымъ,—ликъ сопровождавшихъ Его Ангельскихъ Силъ, предупреждая Горнія Силы, восклицалъ: «Поднимите верхи (князи) вратъ небесныхъ, пусть они какъ можно шире растворяются, ибо входитъ Царь Славы».

— Кто есть Сей Царь Славы?—вопрошаетъ на это Ликъ Ангеловъ на Небесахъ.—Кто Сей, восходящій отъ земли съ такою славою и величіемъ?

Это чрезвычайное и безпримѣрное восшествіе изумило міръ небесный. Онъ видѣлъ два восшествія на Небо—Эноха и Иліи, но тѣ вхожденія совершались не собственною силою, не съ такимъ величіемъ и не на такую высоту: они были взяты *яко на Небо*,—а не на самое Небо. Потому-то необычайное шествіе Господа, возносящагося съ плотію, въ рабьемъ зракѣ, вызываетъ среди встрѣчавшихъ Его такое недоумѣніе. Но сопровождавшіе Господа Ангелы поясняютъ, что Входящій въ образѣ человѣка есть никто иной, какъ Единородный Сынъ Божій.

— Господь Силъ, Онъ Царь Славы,—восклицаютъ они (Псал. **23**, ст. 10).

Однако и послѣ того недоумѣніе Силъ Небесныхъ не прекращается: Господь, какъ по воскресеніи являлся Апостоламъ съ язвами отъ пораненій на крестѣ, такъ и на Небо вознесся съ такими же знаками Своихъ крестныхъ страданій, со слѣдами Своей Пречистой Крови на обожествленномъ тѣлѣ. Такой видъ Его поражаетъ Небесныя Силы новымъ недоумѣніемъ, и они вопрошаютъ:

— Кто сей, пришедшій отъ Эдома? Отъ чего червлены (красны) ризы Его?

— Это—Истоптавшій точило ярости Божіей (Исаіи, гл. **63**, ст. 1—3) и обагрившій ризы Свои, Это—Пролившій Кровь Свою за человѣческій родъ,— оттого червлены ризы Его,— отвѣчаетъ Ликъ, сопровождающій Господа.

Когда всѣ недоумѣнія относительно Лица, восходящаго на Небо, окончились, Небесныя Силы разрѣшаются пѣніемъ и воскликновеніемъ. На это указываетъ Псалмопѣвецъ, восклицая: **взы́де бг҃ъ въ воскликнове́нїи, гдⷭ҇ь во гла́сѣ тр҃ꙋбнѣ** (Псал. **46**, 6). Въ это время, по свидѣтельству неботаинника Павла, міръ Ангеловъ торжественно покорился вознесшемуся Господу и призналъ въ Немъ Своего главу и правителя.

Такъ Божественный Искупитель, совершивъ наше искупленіе въ состояніи крайняго самоуничиженія (Филип., **2**, 7, 8), восшелъ въ предвѣчную славу Свою съ прославленнымъ человѣчествомъ (Іоанна, **17**, 5; Луки, **24**, 26), восшелъ превыше всѣхъ Небесъ (Ефес., **4**, 10), превыше всякаго Начальства, и Власти, и Силы, и Господства (Ефес., **1**, 21). Святый Евангелистъ Маркъ, какъ бы проникая взоромъ въ самую глубину Неба вслѣдъ за восходящимъ Господомъ, говоритъ, что Онъ по вознесеніи «возсѣлъ одесную Бога» (Марка, **16**, 19). Это сѣдѣніе одесную Бога Отца, по согласному толкованію святыхъ Отцевъ, означаетъ «равночестность съ Отцемъ», которую «Сынъ Божій, какъ Богъ и единосущный Отцу, имѣетъ прежде вѣковъ и въ которой, воплотившись въ послѣднія времена, воссѣдитъ и тѣлесно, по прославленіи плоти Его» (Толкован. св. Іоанна Дамаск. Точн. изл. прав. вѣры. М. 1844 г., стр. 223).

Таково славное, недомыслимое для самихъ Небесныхъ Силъ (1 Петр., **1**, 12), завершеніе спасительной жизни на землѣ Господа нашего Іисуса Христа. Великія блага для искупленнаго человѣчества принесло съ собою это событіе. Господь вознесся какъ Побѣдитель грѣха, смерти и ада, какъ Первенецъ нашей славы и

блаженства, какъ всемощный предстатель о насъ у престола Вседержителя.

Небо и земля отъ начала временъ раздѣлялись великою непроходимою бездною. Въ 500 лѣтъ только два человѣка вознеслись отъ земли съ плотію—Энохъ и Илія, но вознеслись не своею силою, не зная, какъ и куда,—вознеслись, какъ сказано въ Писаніи объ Иліи,—*яко на Небо;* поэтому они не могли обозначать намъ стези своей на Небо, тѣмъ менѣе сдѣлать ее проходимою для насъ. Но Христосъ вознесся Самъ, Своею Божественною силою, и Своимъ восхожденіемъ открылъ бывшій для всѣхъ заключеннымъ входъ въ небесное святилище (Евр., **9**, 24—28). Въ самомъ дѣлѣ Божество въ Іисусѣ Христѣ никогда не оставляло Неба. Онъ и тогда былъ на Престолѣ съ Отцомъ и Духомъ, когда находился «во гробѣ плотски, во адѣ съ душею, въ раи съ разбойникомъ» (пѣснь Пасхальн. часовъ). Слѣдовательно, во Христѣ восходитъ на Небо наше человѣческое естество — то, которое въ Немъ страдало, погребено и воскресло,—естество прославленное и обо̀женное. Оно-то и возсѣло *одесную Бога Отца*, какъ выражается Евангелистъ Маркъ. Такимъ образомъ сѣдѣніе Господа одесную Бога Отца въ конечномъ своемъ результатѣ знаменуетъ собою обо̀женіе и прославленіе человѣческаго естества во Христѣ. «Обоженіе,—говоритъ митрополитъ Макарій,—не въ томъ смыслѣ, будто человѣчество во Христѣ превратилось въ Божество, потеряло свою ограниченность и получило вмѣсто свойствъ человѣческихъ свойства Божескія, а въ томъ, что, бывъ воспринято Сыномъ Божіимъ въ единство Его ипостаси, оно пріобщилось Божеству Его, стало едино съ Богомъ Словомъ, и чрезъ это пріобщеніе Божеству Его возвысилось въ своихъ совершенствахъ до высшей, возможной для человѣчества, степени, не переставая, однако же, быть человѣчествомъ» («Православн. догмат. богословіе», изд. 4-е, томъ II, стр. 95). Такъ прославленъ былъ во Христѣ «начатокъ естества нашего», по выраженію святаго Іоанна Златоустаго.

Но если «начатокъ нашего естества» прославился во Христѣ и обо̀женъ, то чрезъ это и всѣмъ намъ пріобрѣтено освященіе; гдѣ глава, тамъ должны быть и члены; глава на Небѣ, въ славѣ,—не останутся на землѣ, въ униженіи, и члены ея. **А҆́ще а҆́зъ вознесе́нъ бꙋ́дꙋ ѿ земли̑**,—сказалъ Господь,—**всѧ̑ привлекꙋ̀ къ себѣ̀** (Іоанна, **12**, 32). Но Господь не только вознесъ на Небо есте-

ство наше; Онъ вмѣстѣ съ нимъ возсѣлъ также одесную Бога Отца и «почтилъ его,—по выраженію церковныхъ пѣснопѣній,—сосѣдѣніемъ» съ Отцомъ (служба на праздн. Вознесен. Господня, вел. веч. Стих. на Господи воззвахъ, слава, на Лит. стих. 5). Ибо «какой природѣ Богъ сказалъ: сѣдѝ ѡ҆деснꙋ́ю менѐ? Той самой,—говоритъ Златоустъ,—которая нѣкогда слышала: землѧ̀ є҆сѝ и҆ въ зе́млю ѿи́деши (Быт., **3**, 19). Недовольно было ей возвыситься надъ Небесами, не довольно было стать наряду съ Ангелами,—не была бы и сія честь чрезвычайна—но она превзошла Ангеловъ, превысила Архангеловъ, оставила за собою Херувимовъ, вознеслась выше Серафимовъ, миновала Начальства, и не прежде остановилась, чѣмъ достигши Престола Господня. Превыше всей той высоты Христосъ вознесъ нашу природу» (Іоан. Златоуст. бесѣда на праздн. Вознесен. изд. Спб. Дух. Ак., т. VII, стр. 2). «Удивишася,—по изображенію Церкви,—чины Ангельскіи, зряще на Престолѣ Отчемъ насажденое отпадшее естество человѣческое, затворенное въ преисподнихъ земли» (Окт. гл. 8, нед. утр. кан. 2, п. 1, троп. 2).

Итакъ, господство надъ врагами (Псал. **9**, 3), поверженіе ихъ къ подножію ногъ Своихъ (Псал. **109**, 1), священство по чину Мелхиседекову (Евр., **3**, 10), судъ надъ непокорными,—все это свойства сѣдящаго одесную Бога человѣчества. Христосъ, сѣдя одесную Бога, ходатайствуетъ о насъ и ходатайствуетъ такъ, какъ приличествуетъ въ состояніи прославленія. «Чего нельзя ожидать отъ сего ходатайства?—Онъ воспріялъ на Себя наше естество, пожилъ на землѣ—всѣ наши нужды такъ Ему извѣстны: о чемъ же Онъ не умолитъ Отца, чего не пошлетъ, чего не сдѣлаетъ для насъ? Онъ умолилъ Отца послать намъ Утѣшителя, излилъ отъ Духа Святаго на всяку плоть. Какъ глава есть начало всѣхъ движеній въ тѣлѣ, такъ и Христосъ—глава вѣрныхъ Своихъ—сіи таинственные члены оживляетъ, одушевляетъ, сообщаетъ имъ чувства и движенія духовныя; Церковь—тѣло Свое—защищаетъ отъ нападенія противной власти, враговъ ея сокрушаетъ, какъ сосуды скудельничи. Какъ прахъ предъ лицемъ вѣтра, такъ враги Іисусовы—нечестивые, еретики, богохульники, князи поднебесные—разсѣеваются и изчезаютъ» (Воскр. Чт., гл. V, стр. 41).

Таковы блага, которыя принесло съ собою для насъ событіе Вознесенія Господня. Но чтобы эти блага дѣйствительно возъимѣли для насъ силу, мы должны постояно помнить, что со вре-

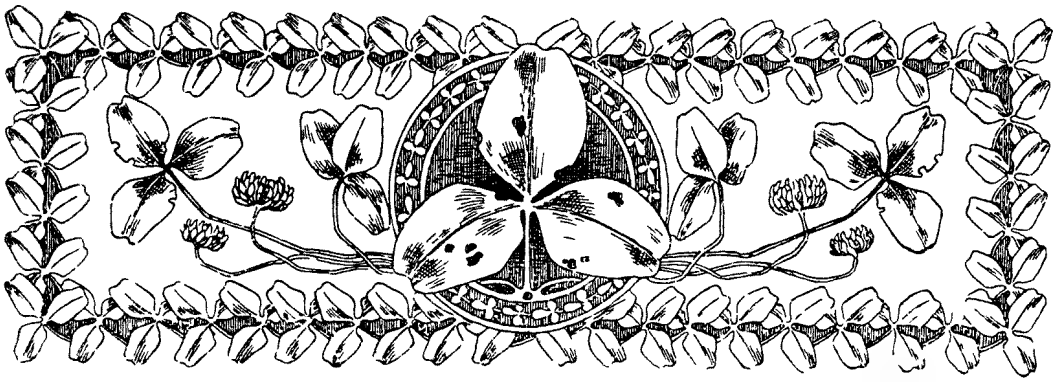
мени вознесенія Христова наше житіе на небесѣхъ есть, ѿонудуже и спсителя ждемъ гда нашегѡ іисса хрта (Филип., 3, 20). Вышнихъ мы должны искать, идѣже есть хрстосъ ѡдесную бга сѣдя (Колос., 3, 1). Къ Вознесшемуся на Небо должны мы постоянно возносить Свои мысли, сердца и взоры, въ надеждѣ и самимъ потомъ достигнуть Неба—сего вѣчнаго жилища, уготованнаго для истинныхъ христіанъ.

Тропарь, гласъ д:

Вознеслся еси во славѣ хрсте бже нашъ, радость сотворивый оучнкомъ, ѡбѣтованіемъ стагѡ дха, извѣщенным имъ бывшимъ благословеніемъ: якѡ ты еси снъ бжій, избавитель міра.

Кондакъ, гласъ ѕ:

Еже ѡ насъ исполнивъ смотреніе, и яже на земли соединивъ небеснымъ, вознеслся еси во славѣ хрсте бже нашъ, никакоже ѿлучаяся, но пребываяи неѿступный, и вопіяи любящымъ тя: азъ есмь съ вами, и никтоже на вы.



ПЯТИДЕСЯТНИЦА

(СОШЕСТВІЕ СВЯТАГО ДУХА)

Со временъ Моисея ветхозавѣтная Церковь ежегодно праздновала день *Пятидесятницы*[1]), наступавшій по истеченіи семи недѣль (седмицъ) послѣ іудейской Пасхи и потому называвшійся *праздникомъ седмицъ*[2]). Торжество это, сопровождавшееся знаменательными обрядами, установлено было въ память Синайскаго законодательства, даннаго Богомъ великому вождю древняго Израиля—Моисею[3]).

Этотъ праздникъ ветхозавѣтной Пятидесятницы былъ прообразованіемъ и новозавѣтной Пятидесятницы и Сіонскаго законоположенія. Еще Пророкъ Исаія предсказалъ, что «*отъ Сіона изыдетъ Законъ, и Слово Господне изъ Іерусалима*»[4]), и Пророкъ Іоиль предвозвѣстилъ: «*излію отъ Духа Моего на всякую плоть, и будетъ въ горѣ Сіонѣ и въ Іерусалимѣ спасаемый*»[5]).

Предъ Своими страданіями и смертію Господь Самъ обѣщалъ Апостоламъ, скорбѣвшимъ объ Его отшествіи, послать вмѣсто Себя Иного Утѣшителя, Духа Истины, Который *наставитъ* ихъ *на вся-*

---

1) То есть, 50-й.

2) Кн. Второзак., гл. **16**, ст. 9—10, Кн. Исход., гл **34**, ст. 22

3) На горѣ Синаѣ въ 50-й день по исшествіи Евреевъ изъ Египта (Кн. Исход., гл. **3**, ст. 7—9; гл. **5**, ст. 6—23; гл. **20**, и слѣд.).

4) Кн. Прор. Исаіи, гл. **2**, ст. 3.

5) Кн. Прор. Іоиля, гл. **2**, ст. 28 и 32.

кую истину[1]). По воскресеніи Своемъ Господь, предъизображая окончательное изліяніе Святаго Духа, *дуну* на учениковъ Своихъ *и глагола имъ: пріимите Духъ Святъ*[2]). Предъ вознесеніемъ на Небо Спаситель снова предвозвѣстилъ Апостоламъ, что они *не по мнозѣхъ сихъ днехъ имѣютъ креститься Духомъ Святымъ*[3]).

По вознесеніи Господа ученики Его и Апостолы, возвратясь съ горы Елеонской въ Іерусалимъ[4]), вошли,—какъ говоритъ преданіе,—въ тотъ самый домъ въ Сіонѣ, гдѣ совершена была Тайная Вечеря Христова. Пребывая тамъ въ единодушіи и молитвахъ съ нѣкоторыми женами и Матерію Божіею[5]), они ожидали сошествія на нихъ, по обѣщанію Господа, Святаго Духа и приготовлялись къ принятію благодатныхъ даровъ Его.

Въ десятый день по вознесеніи Господа, прилучившійся въ день іудейской Пятидесятницы, въ то время, когда по улицамъ и стогнамъ (площадям.—*Ред.*) города народъ стремился во храмъ съ веселіемъ торжествовать свой ветхозавѣтный праздникъ,—въ третій часъ дня[6]) внезапно произошелъ въ воздухѣ необычайный шумъ, какой бываетъ во время бури[7]) отъ сильнаго порыва вѣтра. Шумъ происходилъ съ неба—съ верхнихъ частей воздуха, но вскорѣ проникъ и наполнилъ чистѣйшимъ вѣяніемъ всю храмину, въ коей находились вѣрующіе[8]). Въ то же мгновеніе среди храмины, въ воздухѣ, явились раздѣляющіеся языки, какъ бы огненные, и почили на Богоматери и на каждомъ изъ учениковъ[9]).

---

1) Еванг. отъ Іоанна, гл. **16**, ст. 13.

2) Еванг. отъ Іоанна, гл. **20**, ст. 22.

3) Кн. Дѣяній Апост., гл. **1**, ст. 5.

4) Еванг. отъ Луки, гл. **24**, ст. 52; Дѣян., гл. **1**, ст. 4, 12—13.

5) Дѣян., гл. **1**, ст. 14.

6) То есть, въ 9-й часъ утра (за 3 часа до полудня). Срав.: Еванг. отъ Луки, **24**, ст. 53; Дѣян., гл. **2**, ст. 46.

7) Ꙗ҆́кѡ носи́мꙋ дыха́нїю бꙋ́рнꙋ—(Дѣян., гл. **2**, ст. 2).

8) Это былъ не вѣтеръ, а только шумъ вѣтра въ его бурномъ стремленіи; это былъ не огонь, а нѣчто подобное колеблющимся языкамъ пламени, которые свѣтились, но не жгли,—символъ Святаго Духа, вѣющаго какъ вѣтръ тамъ, гдѣ восхощетъ, хотя неизвѣстно, откуда приходитъ и куда уходитъ (Еванг. отъ Іоанна, гл. **3**, ст. 8).

9) И҆ бы́сть внеза́пꙋ съ нб҃е шꙋ́мъ ꙗ҆́кѡ носи́мꙋ дыха́нїю бꙋ́рнꙋ (Дѣян., гл. **2**, ст. 2—3). Шумъ долженъ былъ возбудить вниманіе учениковъ Господнихъ къ предстоящему событію и выражалъ самое присутствіе и величіе сходящаго Бога—Духа Святаго. Шумъ сходитъ съ неба въ напоминаніе того, что Духъ Святый нисходитъ по ходатайству Господа, вознесшагося на Небо. Ꙗ҆́кѡ дыха́нїе бꙋ́рно—въ ознаменованіе величія ниспосылаемаго дара. Шумъ сей *наполняетъ весь домъ* и обнимаетъ всѣхъ, находящихся въ немъ, чтобы сотрясеніемъ внѣшнихъ чувствъ ихъ болѣе раскрыть для пріятія дара чувства ихъ духовныя. Въ эти минуты надъ Апостолами совершилось таинство духовнаго возрожденія ихъ по обѣтованію Господа: вы́ же и҆́мате крести́тисѧ дх҃омъ ст҃ы́мъ не по мно́зѣхъ си́хъ дне́хъ (Дѣян., гл. **1**, ст. 5).

«Бурное дыханіе было ближайшимъ предвѣстіемъ, а явленіе огнецвѣтныхъ языковъ—видимымъ знаменіемъ пришествія Святаго Духа. Будучи Духъ чистѣйшій, безтѣлесный, Онъ избралъ чувственное знаменіе сіе, дабы тѣмъ ощутительнѣе явить Свое присутствіе». «Ибо,—разсуждаетъ святый Григорій Богословъ,—какъ Сынъ Божій явился на землѣ видимо, то и Духу Святому надлежало явиться видимо» (бесѣда 44). Такъ и прежде, когда Онъ сходилъ на Іисуса Христа во Іорданѣ, то избралъ знаменіемъ Своего явленія видъ голубицы[1])».

За первымъ чудомъ послѣдовало другое, бо́льшее. Умѣя до сего времени говорить только на одномъ природномъ языкѣ—еврейскомъ и притомъ на самомъ простомъ нарѣчіи его—галилейскомъ, Апостолы и прочіе вѣрующіе вдругъ начали говорить теперь на всѣхъ, тогда извѣстныхъ, языкахъ. «*И исполнились всѣ Духа Святаго и начали говорить на иныхъ языкахъ, какъ Духъ давалъ имъ провѣщавать*»[2]). Апостолы вѣщали *величія Божіи*[3]), то есть безпримѣрныя совершенства Божіи, чудныя дѣла Промысла, кои открылись теперь для нихъ во всей полнотѣ и силѣ.

Народъ еврейскій и множество пришельцевъ изъ другихъ странъ, собравшихся въ Іерусалимъ на праздникъ Пятидесятницы[4]), пораженные необычнымъ шумомъ съ неба, пришли въ смятеніе и массами устремились къ Сіонскому дому, гдѣ шумъ этотъ сосредоточивался и куда видимо направлялся. Какъ же удивились и ужаснулись всѣ, когда услыхали, что Апостолы начали говорить съ ними на всѣхъ языкахъ. Подошедшіе спрашивали другъ друга: «*сіи говорящіе не всѣ ли Галилеяне? Какъ же мы слышимъ каждый собственное нарѣчіе, въ которомъ—родились? Мы—Парѳяне и Мидяне и Еламиты, и жители Месопотаміи, Іудеи и Каппадокіи, Понта*

---

1) Бесѣда Иннокентія, архіепископа Херсонскаго, на Патидесятницу (Сочин., т. I. Изд. 1872 г., стр. 386).

2) Дѣян., гл. 2, ст. 4. То есть произносили то, что влагалъ имъ въ душу и уста Духъ Святый.

3) Дѣян., гл. 2, ст. 11.

4) По Закону Моисееву, во время праздниковъ Пасхи, Пятидесятницы и Кущей іудеи обязаны были для празднованія ихъ собираться въ Іерусалимъ, ко храму Господню (Кн. Исходъ, гл. 34, ст. 23; Кн. Второз., гл. 16, ст. 16). Для іудеевъ Палестины это было легко, но для іудеевъ разсѣянія, жившихъ въ разныхъ странахъ свѣта, равно и для пришельцевъ (*прозелитовъ*) изъ разныхъ странъ, далекихъ отъ Іерусалима, исполненіе этого требованія было дѣломъ большой трудности; только по любви къ Іерусалиму и храму и по ревности законной они презираютъ всѣ трудности далекаго путешествія и собираются теперь въ Іерусалимъ на праздникъ Пятидесятницы. Поэтому они справедливо называются людьми *благоговѣйными—набожными* (Дѣян., гл. 2, ст. 5).

и Асіи, Фригіи и Памфиліи, Египта и странъ Ливійскихъ, прилежащихъ къ Киринеѣ и пришедшіе изъ Рима Іудеи и прозелиты[1]) *изъ Критянъ и Аравитянъ—слышимъ ихъ говорящими на нашихъ языкахъ о великихъ дѣлахъ Божіихъ?»*[2]).

Всѣ изумлялись,—во-первыхъ, тому, что слышали Апостоловъ, славословящихъ Бога на языкахъ иноземныхъ, между тѣмъ какъ молитвы обыкновенно совершались на священномъ языкѣ еврейскомъ; во-вторыхъ,—тому, что никогда прежде не слыхали о столь высокихъ и святыхъ истинахъ, но всего болѣе изумлялись оттого, что каждый римлянинъ, грекъ, африканецъ, индіянинъ слышалъ свой природный языкъ, тогда какъ каждому было извѣстно, что говорившіе были всѣ галилеяне—люди, совсѣмъ незнакомые съ иностранными языками. Отъ удивленія переходили къ ужасу: ибо всѣ видѣли необыкновенное, слышали чудесное, а никто не могъ изъяснить того, что видѣлъ и слышалъ. «*И изумлялись всѣ и, недоумѣвая, говорили другъ другу: что это значитъ?*»[3]) Но скоро нашлись люди, желавшіе объяснить другимъ то, чего сами не понимали. Насмѣхаясь, эти люди говорили: «*они напились сладкаго вина!*»[4]).

Слыша хулу іудеевъ, Апостолъ Петръ, ставъ вмѣстѣ съ прочими Апостолами, возвысилъ голосъ свой и началъ такъ говорить имъ:

— *Мужи іудейскіе и всѣ живущіе въ Іерусалимѣ! Сіе да будетъ вамъ извѣстно, и внимайте словамъ моимъ: они не пьяны, какъ вы думаете, ибо теперь третій часъ дня*[5]); *но это есть предреченное Пророкомъ Іоилемъ: «И будетъ въ послѣдніе дни, говоритъ Богъ, излію отъ Духа Моего на всякую плоть, и будутъ пророчествовать сыны ваши и дочери ваши, и юноши ваши будутъ видѣть видѣнія, и старцы ваши сновидѣніями вразумляемы будутъ; и на рабовъ Моихъ и на рабынь Моихъ въ тѣ дни излію отъ Духа Моего, и будутъ пророчествовать. И покажу чудеса на небѣ вверху и знаменія на землѣ внизу, кровь и огонь и куреніе дыма: Солнце превратится во тьму, и луна въ кровь, прежде нежели наступитъ день Господень, великій и славный. И будетъ: всякій, кто призоветъ имя Господне, спасется*[6]).

---

1) *Пришельцы*, или *прозелиты*, то есть, обращенные изъ язычниковъ

2) Дѣяи., гл. 2, ст. 6—11.

3) Дѣян., гл. 2, ст. 12.

4) Дѣян., гл. 2, ст. 13.

5) Т. е., девятый часъ утра по нашему счисленію—первый молитвенный часъ и время утренней жертвы, до котораго, особенно въ праздничный день, израильтянинъ не дозволялъ себѣ принимать никакой пищи.

6) Дѣяи., гл 2, ст 14—21; ср.: Кн. Прор. Іоиля, гл. 2, ст. 27—32.

Такимъ образомъ, Апостолъ Петръ, отвергнувши сначала ложный взглядъ нѣкоторыхъ на явленіе дара языковъ («*напились сладкаго вина*»), отвѣчаетъ затѣмъ на вопросъ: что же это значитъ? Отвѣтъ свой на этотъ вопросъ онъ выражаетъ словами выше приведеннаго ветхозавѣтнаго пророчества и такимъ образомъ одновременно даетъ и собственное свидѣтельство, и подтверждаетъ его словомъ Божіимъ.

Въ своемъ пророчествѣ Іоиль боговдохновеннымъ взоромъ созерцаетъ время, когда не только отдѣльные люди временно, для особенныхъ цѣлей спасающаго людей Промысла Божія, будутъ удостаиваться наитія Духа Божія, какъ это было въ Ветхомъ Завѣтѣ, но когда благодать Святаго Духа, какъ обильный дождь на землю, изольется на всякую плоть, т. е., на всѣхъ спасаемыхъ людей, безъ различія пола, возраста и состоянія, такъ что по отношенію къ спасенію всѣ будутъ равны: мужи и жены, взрослые и дѣти, свободные и рабы — всѣ удостоятся благодати Божіей.

Апостолъ Петръ изъ многихъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ объ изліяніи Духа Божія на вѣрующихъ съ пришествіемъ Мессіи[1]) останавливается именно на этомъ пророчествѣ потому, что въ немъ, кромѣ общей мысли о сообщеніи людямъ благодати Духа Святаго, обозначены различныя проявленія откровеній Духа Божія, какія были въ Ветхомъ Завѣтѣ, и исчисленіе которыхъ даетъ указаніе и на другія проявленія, въ какихъ только благоугодно будетъ сообщить откровеніе Духу Божію.

Но Апостолъ не останавливается на этомъ въ приведеніи пророчества Іоиля, но указываетъ и дальнѣйшія слова его, въ которыхъ предуказываются великіе карающіе суды Божіи, долженствующіе предшествовать тому *великому и славному дню Господню*[2]), которымъ закончится настоящій міръ. Эти суды Божіи откроются въ великихъ и страшныхъ знаменіяхъ на небѣ и на землѣ: на землѣ откроется обильное пролитіе крови, изверженіе огня и дыма, на небѣ—затменія Солнца и Луны и другія страшныя явленія[3]). Апостолъ Петръ *днемъ великимъ и славнымъ* называетъ

---

1) Напр., Кн. Прор. Исаіи, гл. 32, ст. 15; гл. 14, ст. 3; Кн. Прор. Іезек., гл. 36, ст. 25—26; гл. 39, ст. 29.

2) Дѣян., гл. 2, ст. 19—20.

3) Очевидно, что во всей полнотѣ исполненіе этого пророчества еще предстоитъ въ будущемъ, именно при кончинѣ міра. Но въ нѣкоторой мѣрѣ оно пришло уже въ исполненіе,—именно въ тѣхъ великихъ наказаніяхъ, какія испыталъ народъ іудейскій за свое невѣріе.

сошéствїе ст҃áгѡ дх҃а

здѣсь послѣдній день міра, когда послѣдуетъ Второе славное Пришествіе Іисуса Христа на землю для рѣшительнаго суда надъ міромъ. Что касается цѣли, съ которою Апостолъ Петръ приводитъ эти слова пророчества Іоиля, то она ясно открывается изъ послѣдующаго, гдѣ онъ словами того же пророчества высказываетъ обѣтованіе благодати Божіей для благочестивыхъ,—что они милосердіемъ Бога спасутся во время этого великаго и страшнаго суда Божія[1]). Этимъ Апостолъ хочетъ возбудить слушателей къ покаянію и смиренію.

Призвавъ снова ко вниманію мужей израильскихъ, Апостолъ Петръ начинаетъ затѣмъ свою проповѣдь о Христѣ. Назвавъ Его мужемъ всѣмъ извѣстнымъ, засвидѣтельствованнымъ отъ Бога Силами, и чудесами, и знаменіями, сотворенными среди народа, Апостолъ припоминаетъ, что Его, по опредѣленному совѣту и предвѣдѣнію Божію, они убили, пригвоздивъ беззаконными руками — и свидѣтельствуетъ объ Его воскресеніи, вознесеніи на Небо и изліяніи Имъ отъ Отца Святаго Духа, произведшаго нынѣ видѣнное и слышанное.

Особенное же вниманіе слушателей Апостолъ останавливаетъ на событіи Воскресенія. Посему, благовѣствуя объ Его воскресеніи, Апостолъ не только даетъ объ этомъ свое собственное свидѣтельство, но и доказываетъ его словомъ Божіимъ[2]), показывая, что воскресеніе Іисуса Христа необходимо должно было быть, что хотя онъ и умеръ по опредѣленію Божію, однако же смерти невозможно было удержать Его въ своихъ узахъ. Событіе Воскресенія показывало въ воскресшемъ Іисусѣ Назореѣ не простого смертнаго человѣка, а Господа и Христа, давно обѣтованнаго Мессію.

Чтобы утвердить вѣру въ необычайное посланничество Іисуса Христа, Апостолъ Петръ сопоставляетъ съ Нимъ передъ Іудеями чтимаго ими Пророка Давида и говоритъ при этомъ, что Давидъ и умеръ, и погребенъ, и гробъ его у насъ до сего дня, и онъ не взошелъ на Небеса, но, будучи Пророкомъ, зналъ, что, по обѣтованію Божію, «отъ чреслъ его» воздвигнется Христосъ по плоти, Котораго душа не останется во адѣ и плоть Котораго не будетъ видѣть истлѣнія, и Который будетъ сидѣть одесную Бога[3]).

---

[1]) Дѣян., гл. 2, ст. 21.

[2]) Дѣян., гл. 2, ст. 24—32; ср.: Псал. 15, ст. 8—11.

[3]) Дѣян., гл. 2, ст. 29—36; ср.: Псал. 131, ст. 11; Псал. 15, ст. 10.

Первая проповѣдь Евангельскаго благовѣстія имѣла сильное дѣйствіе на его слушателей. Боговдохновенное слово Апостола Петра, воочію подтверждаемое чудеснымъ событіемъ изліянія на учениковъ Христовыхъ Духа Святаго и основанное на свидѣтельствахъ Священнаго Писанія, рѣшительно убѣдило слушателей въ Божественномъ достоинствѣ Господа, и они спрашиваютъ Апостоловъ: «*Что намъ дѣлать, мужи братія?*»[1])

Тогда Апостолъ Петръ, обращаясь съ словомъ увѣщанія къ своимъ слушателямъ, призываетъ ихъ всѣхъ къ покаянію и крещенію во Имя Іисуса Христа для прощенія грѣховъ и къ принятію дара Святаго Духа. «*Покайтесь,*—говоритъ Апостолъ,—*и да крестится каждый изъ васъ во Имя Іисуса Христа во оставленіе грѣховъ,—и получите даръ Святаго Духа*»[2]), т. е. сподобитесь того же Святаго Духа, чудесныя дѣйствія Котораго только что проявились въ Апостолахъ.

Въ концѣ своей рѣчи, желая еще и сильнѣе расположить къ вѣрѣ во Христа умиленныя сердца Израильтянъ, Апостолъ Петръ напоминаетъ имъ объ особенныхъ обѣтованіяхъ Божіихъ, имъ данныхъ, о томъ, что они и дѣти ихъ представляютъ богоизбранный народъ[3]), долженствующій предупреждать другихъ на путяхъ Царствія Божія[4]).

«*Итакъ охотно принявшіе слово его,*—прибавляетъ дѣеписатель,—*крестились, и присоединилось въ тотъ день душъ около трехъ тысячъ*»[5]).

Такъ окончилось событіе Сошествія Святаго Духа на Апостоловъ—полнымъ торжествомъ Святаго Духа надъ невѣровавшими! И исполнились здѣсь впервые слова Господа, что Его ученики вслѣдствіе и въ силу Его отшествія къ Отцу совершатъ бо́льшія дѣла, чѣмъ какія совершилъ Онъ Самъ во дни Своего уничиженія[6]).

---

1) Дѣян., гл. 2, ст. 37.

2) Тамъ же, ст. 38.

3) Тамъ же, ст. 39.

4) Помня заповѣдь Іисуса Христа—идти по всему міру и проповѣдовать Евангеліе всей твари даже до края земли (Матѳ., 28, 19; Марк., 16, 15; Дѣян., 1, 8), апостолъ, впрочемъ, прибавляетъ здѣсь же, что спасеніе Божіе во Христѣ не простирается только на Іудеевъ, но на всѣхъ, «*кого ни призоветъ Господь Богъ нашъ*» (Дѣян., 2, 39).

5) Дѣян., гл. 2, ст. 41.

6) Еванг. отъ Іоанна, гл 14, ст. 12.—То, что сохранилъ намъ писатель Кн. Дѣяній изъ благовѣстія Апостола Петра, есть только небольшая часть его наставленій. Равно Дѣеписатель ничего не передаетъ намъ изъ евангельскихъ рѣчей другихъ Апостоловъ, хотя изъ того, что, убѣжденные словомъ Апостола Петра, слушатели обратились не къ Петру

Сошествіе Святаго Духа на Апостоловъ есть окончательное установленіе новаго вѣчнаго завѣта съ людьми, о которомъ предсказалъ Пророкъ Іеремія: «*Се дніе грядутъ, глаголетъ Господь, и завѣщаю дому Израилеву, и дому Іудину завѣтъ новъ... Сей завѣтъ, его же завѣщаю дому Израилеву... дая законы Моя въ мысли ихъ и на сердцахъ ихъ напишу я*[1]). Духъ Святый,—*Духъ истины*[2]), *Духъ премудрости и откровенія*[3]), сшедшій на Апостоловъ, начерталъ вмѣсто синайскаго новый, сіонскій законъ, о которомъ предсказалъ Пророкъ Исаія[4]), «*не на скрижалѣхъ каменныхъ, но на скрижалѣхъ сердца плотяныхъ*»[5]). Мѣсто гласа синайскаго заступила благодать Святаго Духа, законополагающаго[6]), подающаго силы къ исполненію закона и вѣрующимъ изрекающаго оправданіе не по дѣламъ, а по благодати[7]).

«Святую Пятьдесятницу пріяхомъ отъ еврейскихъ книгъ,—говоритъ Синаксарь на этотъ праздникъ,—яко же бо евреи Пятьдесятницу празднуютъ, почитающе седьмое число и зане по Пасцѣ пятьдесятъ дній прешедше законъ пріяша: тако и мы по Пасцѣ пятьдесятъ дній празднующе, Всесвятаго Духа пріемлемъ законополагающаго и наставляющаго на всякую истину, и угодная Богу повелѣвающаго»[8]).

«Иже древле, — поетъ Церковь,—законъ начертавши Моисею, Новаго Завѣта величія и Законъ благодати излагаетъ ясно, въ Апостольскихъ сердцахъ написавъ»[9]).

Блаженный Іеронимъ пишетъ: «законоположеніе синайское и сіонское было въ 50-й день по Пасхѣ. На Синаѣ отъ землетрясенія колебалась гора: на Сіонѣ сотрясся домъ Апостоловъ. Тамъ среди пламени и сверкающихъ молній раздавались громы и гласъ бурный: здѣсь съ огненнымъ видомъ языковъ *бысть шумъ съ небесе*,

---

только, но и къ прочимъ Апостоламъ за совѣтомъ о средствахъ спасенія (Дѣян., 2, 37), можно видѣть, что и прочіе Апостолы вмѣстѣ съ Петромъ участвовали въ наученіи и убѣжденіи собравшагося около нихъ народа. Впрочемъ, это и безъ особыхъ указаній должно быть для насъ понятно, когда мы тамъ же читаемъ, что искавшихъ наученія Апостольскаго,—которые потомъ и крестились,—было около трехъ тысячъ (Дѣян., 2, 41).

1) Кн. Прор. Іереміи, гл. 31, ст. 31—34; Посл. къ Евр., гл. 8, ст. 8—12.
2) Еванг. отъ Іоанна, гл. 16, ст. 13.
3) Посл. къ Ефес., гл. 1, ст. 17.
4) Кн. Прор. Исаіи, гл. 2, ст. 3.
5) 2-е Посл. къ Коринѳ., гл. 3, ст. 3.
6) Синаксарь въ недѣлю Пятидесятницы.
7) Посл. къ Римл., гл. 5, ст. 16.
8) Синаксарь на праздникъ Пятидесятницы.
9) Канонъ Святому Духу, пѣснь 5-я.

яко носиму дыханію бурну. Тамъ звукъ трубный возгремѣлъ слова Закона: здѣсь труба Евангельская возгласила устами Апостоловъ»[1]).

Такимъ образомъ, день Пятидесятницы, бывшій древле ежегоднымъ воспоминаніемъ дарованія закона Божія на горѣ Синаѣ, и для христіанъ сдѣлался ежегоднымъ праздникомъ торжественнаго открытія данной святымъ Апостоламъ власти учить, священнодѣйствовать и управлять. Въ 50-й день по Воскресеніи Христа Господа Апостолы приняли Божественную силу Святаго Духа и для всей вселенной сдѣлались проповѣдниками и свидѣтелями Іисуса Христа[2]).

Принявъ Святаго Духа, Апостолы ежегодно начали праздновать день Пятидесятницы и заповѣдали святить его всѣмъ христіанамъ ради сошествія Святаго Духа.

Въ апостольской исторіи дѣйствительно находимъ указанія на празднованіе дня Пятидесятницы, собственно христіанское. Апостолъ Павелъ, намѣреваясь посѣтить Церковь Коринѳскую, писалъ въ посланіи къ ней объ этомъ намѣреніи своемъ; но прибавлялъ, что онъ пробудетъ еще въ Ефесѣ до Пятидесятницы[3]), а выше, говоря объ исправленіи нѣкоторыхъ безпорядковъ въ сей Церкви, сдѣлалъ ясный намекъ на празднованіе Пасхи, но не іудейской, а христіанской[4]). Если Пасха здѣсь разумѣется христіанская, и Пасха сія есть праздникъ,—то, конечно, таковъ же и день Пятидесятницы. Ибо для чего же было Апостолу, столько ревновавшему о свободѣ христіанъ отъ закона іудейскаго, дожидаться въ Ефесѣ праздника іудейскаго?

Вскорѣ послѣ сего мы видимъ того же Апостола поспѣшающимъ на праздникъ Пятидесятницы въ Іерусалимъ[5]). По толкованію святаго Епифанія и блаженнаго Августина, нельзя думать, что Апостолъ имѣлъ въ виду при этомъ исполнить только требованіе Закона Моисеева, который повелѣвалъ каждому Израильтянину являться въ сей день къ мѣсту общественнаго Богослуженія, а надо полагать, что въ томъ и другомъ случаѣ разумѣется день Пятидесятницы, который Апостолъ, и въ Ефесѣ и Іерусалимѣ, желалъ провести какъ праздникъ христіанскій.

---

1) *Блаж. Іеронимъ*, знаменитый Отецъ Западной Церкви конца IV и первой четверти V вѣка, извѣстный своими учеными трудами по истолкованію Священнаго Писанія. Скончался въ 420 году.

2) Дѣян., гл. **1**, ст. 8.

3) 1-е Посл. къ Коринѳ., гл. **16**, ст. 8.

4) Тамъ же, гл. **5**, ст. 6—8.

5) Дѣян., гл. **20**, ст. 16.

Въ Постановленіяхъ Апостольскихъ есть прямая заповѣдь праздновать Пятидесятницу: «Спустя десять дней по Вознесеніи бываетъ пятидесятый день отъ перваго дня Господня (Пасхи); сей день да будетъ великимъ праздникомъ. Ибо въ третій часъ сего дня Господь Іисусъ послалъ даръ Святаго Духа»[1]).

Въ другомъ мѣстѣ Апостольскихъ Постановленій въ числѣ дней, въ которые рабы должны быть свободны отъ работъ, послѣ Пасхи и Вознесенія упоминается и Пятидесятница: въ «Пятидесятницу рабы должны быть свободны отъ работъ ради пришествія Святаго Духа, даннаго увѣровавшимъ во Христа»[2]).

Тертулліанъ[3]), употребляя слово «Пятидесятница» и въ значеніи всего пятидесятидневнаго времени, въ другомъ мѣстѣ выражается такъ:

«Въ день Господень мы считаемъ неприличнымъ поститься или преклонять колѣна: тою же свободою пользуемся отъ дня Пасхи до Пятидесятницы».

Здѣсь подъ именемъ Пятидесятницы, очевидно, разумѣется одинъ опредѣленный день, именно—день Сошествія Святаго Духа, заключеніе всего пятидесятидневнаго времени, начинающагося Пасхою.

Въ IV-мъ вѣкѣ у Евсевія Кесарійскаго, у святыхъ Василія Великаго, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго, Епифанія и Златоуста, также у блаженнаго Августина и другихъ часто встрѣчается упоминаніе о праздникѣ сошествія Святаго Духа подъ именемъ *Пятидесятницы.*

Святый Іоаннъ Златоустый о времени празднованія Пятидесятницы говорилъ въ своей бесѣдѣ: «Еще не прошло 10 дней, какъ вознесся Христосъ, и уже ниспослалъ намъ духовныя дарованія, дары примиренія»[4]).

Какъ у древнихъ Израильтянъ, такъ и въ Церкви Христовой праздникъ Пятидесятницы есть великій *двунадесятый*, вселенскій. Въ Постановленіяхъ Апостольскихъ онъ называется великимъ.

Святый Григорій Богословъ въ недѣлю Пятидесятницы говорилъ: «Мы празднуемъ Пятидесятницу—пришествіе Духа, окончательное

---

1) Апост. Постан., кн. 5, гл. 20.

2) Тамъ же, кн. 8, гл. 38.

3) *Тертулліанъ*—знаменитый писатель Церкви III вѣка.

4) Въ 1-й бесѣдѣ на Пятидесятницу, гл. 2.

совершеніе обѣтованія, исполненіе надежды, таинство великое и досточтимое»[1]).

Святый Амвросій Медіоланскій[2]) въ словѣ своемъ въ день Пятидесятницы говорилъ: «Возвеселимся въ сей святый день, какъ въ Пасху мы возвеселились. Въ Пасху крестятся оглашенные, въ Пятидесятницу крещены Апостолы, по слову Господа, Который, восходя на Небо, сказалъ ученикамъ Своимъ: «*Іоаннъ убо крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ, не по многихъ сихъ днехъ*»[3]).

Святый Іоаннъ Златоустый[4]), бесѣдуя въ день Пятидесятницы, назвалъ этотъ день торжествомъ многочаднымъ. «Опять праздникъ,—бесѣдовалъ святитель,—опять торжество и опять многочадная и чадолюбивая Церковь украшается множествомъ чадъ. Велики и выше всякаго слова человѣческаго дары ниспосланы намъ сегодня отъ человѣколюбиваго Бога. Посему всѣ мы вкупѣ возрадуемся и съ восторгомъ будемъ прославлять Господа нашего. Подлинно нынѣ великій для насъ день и торжество. Какъ въ преемствѣ дней и временъ года одна перемѣна слѣдуетъ за другою, такъ точно и въ Церкви праздникъ идетъ за праздникомъ, а одинъ отсылаетъ насъ къ другому. Недавно праздновали мы кресту, страданію, воскресенію, потомъ вознесенію Господа на Небо,—а сегодня, наконецъ, дошли до самаго края благъ, вступили въ самую митрополію праздниковъ, достигли до самаго плода обѣтованія Господня. Много благъ нисходило съ Неба на землю для рода человѣческаго, но такихъ, какія нынѣ, никогда не было прежде сего. Одождилъ Богъ манну на землю и хлѣбъ небесный давалъ людямъ: ибо *хлѣбъ Ангельскій яде человѣкъ*[5]). Поистинѣ

---

1) Въ 41-мъ Словѣ на Пятидесятницу.

2) *Св. Амвросій, епископъ Медіоланскій,* прославился какъ ревностный поборникъ и защитникъ Православія противъ аріанства въ западной половинѣ Вселенской Церкви. Много оставилъ писаній, въ которыхъ частію объясняетъ Слово Божіе, частію излагаетъ ученіе вѣры, частію поучаетъ христіанскимъ добродѣтелямъ. Скончался въ 397 году. Память его — 7 декабря.

3) Дѣян., гл. 1, ст. 5.

4) *Св. Іоаннъ Златоустый,* архіепископъ Константинопольскій, знаменитый отецъ Церкви конца IV-го и начала V вѣка, прославившійся особенно своими многочисленными проповѣдническими трудами. За свое необыкновенное краснорѣчіе онъ и получилъ имя *Златоуста.* Сначала онъ былъ пресвитеромъ въ Антіохіи, а въ самомъ концѣ IV вѣка занялъ каѳедру Константинопольскаго архіепископа. Кончилъ жизнь въ ссылкѣ, въ Арменіи (въ 407 году). Память его — 13 ноября и 30 января. Ему принадлежитъ Литургія, совершающаяся въ Православной Церкви большую часть года.

5) Псаломъ 77, ст. 25.

велико сіе и достойно человѣколюбія Божія. Послѣ сего ниспосланъ былъ огнь, который обличилъ заблуждающійся народъ Іудейскій и пожралъ жертву отъ алтаря[1]). Ниспосланъ былъ дождь, когда всѣ изнемогали отъ голода, и произвелъ великое плодоносіе. Велико это и дивно: но настоящее гораздо болѣе. Не манна, не огонь, не дождь ниспосланъ нынѣ, но изливаются дарованія Духа. Принеслись свыше облака не для того, чтобы дать плодоносіе землѣ, но чтобы возбудить естество человѣческое, воспроизвести плодъ добродѣтели Божественному Дѣлателю. И тотчасъ, принявшіе хотя каплю отъ сего дождя, измѣнили свою природу, и вся земля внезапно исполнилась Ангелами,—Ангелами не небесными, но являющими въ человѣческомъ тѣлѣ добродѣтель безплотныхъ силъ»[2]).

Величіе праздника Пятидесятницы видно и изъ обычая древнихъ христіанъ принимать Святое Крещеніе въ этотъ праздникъ, какъ и въ другіе великіе праздники.

Святый Григорій Богословъ[3]), упоминая о различныхъ извиненіяхъ, по которымъ въ его время отлагали Крещеніе, замѣчаетъ, что иной изъ оглашенныхъ говорилъ: «Жду дня свѣтовъ; другой: болѣе уважаю Пасху; третій: дожидаюсь Пятидесятницы. Первый говорилъ: лучше со Христомъ просвѣтиться; другой: со Христомъ возстать въ день воскресенія; третій: почтить явленіе Духа».

Святые Іоаннъ Златоустъ и Проклъ въ своихъ бесѣдахъ на день Пятидесятницы также упоминаютъ о новокрещенныхъ. Благочестивый обычай креститься въ день Пятидесятницы по всей вѣроятности получилъ начало еще при Апостолахъ[4]). Въ воспоминаніе сего и доселѣ на Литургіи предъ чтеніемъ Апостола, вмѣсто обыкновеннаго пѣснопѣнія: *святый Боже, святый Крѣпкій, святый Безсмертный* поются слова Апостола: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся,* аллилуіа.

---

1) 3-я Кн. Царствъ, гл. 18, ст. 38.

2) Въ 1-й бесѣдѣ на Пятидесатницу.

3) *Св. Григорій Богословъ* (Назіанзинъ) былъ недолго Патріархомъ Константинопольскимъ и извѣстенъ своими высокими твореніями, за которыя получилъ прозваніе *Богослова.* Онъ былъ близкимъ другомъ другаго знаменитаго отца Церкви (IV вѣка)—св. Василія Великаго, съ которымъ познакомился еще во дни своей молодости въ Аѳинскихъ философскихъ школахъ. Память св. Григорія — 25 января.

4) Дѣян., гл. 2, ст. 38.

Въ Православной Церкви существуетъ благочестивый обычай украшать въ праздникъ Пятидесятницы храмы Божіи и жилища древесными зелеными вѣтвями, травами и цвѣтами. Это обыкновеніе вѣроятно произошло изъ примѣровъ Церкви ветхозавѣтной.

На обыкновеніе украшать дома и храмы зелеными растеніями въ день Святыя Троицы имѣла вліяніе мысль о явленіи Бога въ видѣ трехъ странниковъ Аврааму у дуба Мамврійскаго, гдѣ стояла куща сего патріарха [1]). Празднованіе Святой Троицѣ, Которой нѣкогда поклонился Авраамъ въ Мамврійской дубравѣ, располагало древнихъ христіанъ въ день Святыя Троицы вносить въ храмы древесныя вѣтви и цвѣты, дабы такимъ образомъ украшенный храмъ Божій очевиднѣе изображалъ собою ту Мамврійскую дубраву и Авраамову кущу, гдѣ нѣкогда благоволилъ явиться Тріединый Богъ.

Іудеи въ праздникъ Пятидесятницы украшали синагоги и дома древесными вѣтвями, травою и цвѣтами—въ память того, что Законъ былъ данъ въ то время, когда близъ горы все зеленѣло и цвѣло, и при томъ во время странствованія ихъ по пустынѣ, когда и сами они должны были жить въ кущахъ изъ древесныхъ вѣтвей. Сіонская горница, гдѣ Духъ Святый сошелъ на Апостоловъ въ день Пятидесятницы, по обычаю ветхозавѣтному, также украшена была въ сей день древесными вѣтвями и цвѣтами.

Кромѣ того, въ Церкви ветхозавѣтной былъ также священный обычай приносить въ праздникъ Пятидесятницы первые плоды жатвы, которая въ Палестинѣ оканчивалась къ сему времени [2]). И въ праздникъ христіанской Пятидесятницы вѣтви и цвѣты приносятся какъ начатки Богу—отъ весны, обновляющейся силою Духа Зиждителя [3]), и указываютъ на духовное плодоносіе Церкви Христовой.

«Іудеи, украшая кущи листьями и плодами,—говоритъ святый Григорій Нисскій,—симъ самымъ изображали новозавѣтную Церковь, произрастшую послѣ Закона» [4]).

---

1) Кн. Бытія, гл. **18**, ст. 1—15.

2) Кн. Левитъ, гл. **23**, ст. 16—20. Кн. Числъ, гл. **28**, ст. 26.

3) Псаломъ **103**, ст. 30.

4) (Въ словѣ при вступленіи въ Св. Четыредесятницу). *Св. Григорій Нисскій*—братъ св. Василія Великаго, епископъ города Ниссы въ Каппадокіи; одинъ изъ знаменитѣйшихъ Отцовъ Церкви IV-го вѣка, извѣстный своею ревностной борьбой съ аріанствомъ, а также и многими сочиненіями—богословскими, философскими и проповѣдническими; немало также у него бесѣдъ на Св. Писаніе и проповѣдей. Св. Григорій скончался въ 394 году. Память его совершается Церковію 10 января.

Святая Церковь, прославляя милосердіе Божіе, ниспосланіемъ Святаго Духа на Апостоловъ и силою Сего Духа просвѣтившее всю вселенную, благодарно воспѣваетъ[1]): «Величáемъ тѧ̀, живодáвче хр҃тѐ, и҆ чтéмъ всест҃áго дх҃а твоегò, є҆гóже ѿ ѻ҆ц҃à послáлъ є҆сѝ бж҃éственнымъ ѹ҆ч҃нкѡ́мъ твои҆мъ!»[2])

Тропáрь, глáсъ и҃:

Бл҃гословéнъ є҆сѝ хр҃тѐ бж҃е нáшъ, и҆́же премꙋ́дры ловцы̀ ꙗ҆влéй, низпослáвъ и҆̀мъ дх҃а ст҃áго, и҆ тѣ́ми ѹ҆ловлéй вселéннꙋю: чл҃вѣколю́бче, слáва тебѣ̀[3]).

Кондáкъ, глáсъ и҃:

Є҆гдà снизшéдъ ѧ҆зы́ки слїѧ̀, раздѣлѧ́ше ꙗ҆зы́ки вы́шнїй: є҆гдà же ѻ҆́гненныѧ ѧ҆зы́ки раздаѧ́ше, въ соединéнїе всѧ̀ призвà: и҆ соглáснѡ слáвимъ всест҃áго дх҃а[4]).

---

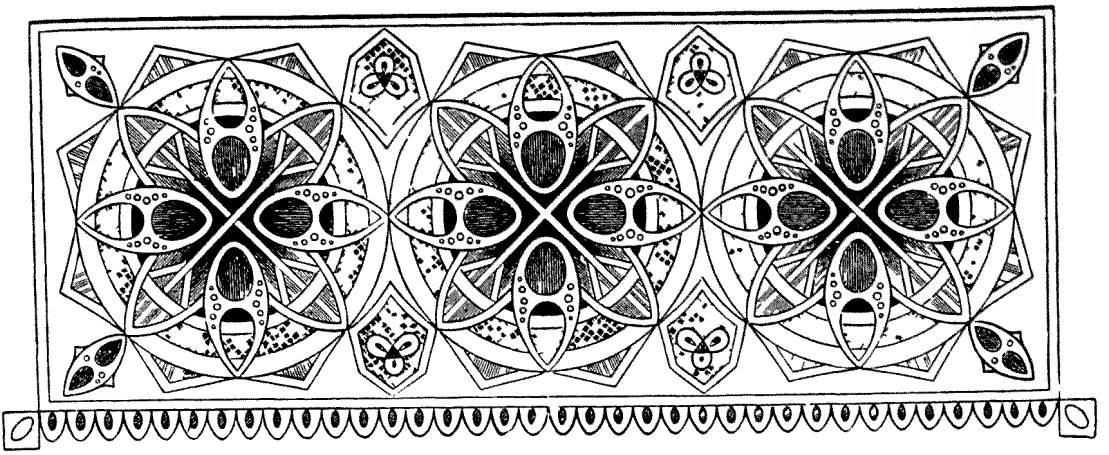
1) Величаніе празднику.

2) Особенность Церковнаго Богослуженія въ день Святой Троицы составляетъ то, что Литургія, совершаемая въ этотъ день, оканчивается вечернею, во время которой Церковь колѣнопреклонно читаетъ три особыя молитвы, составленныя на этотъ день св. Василіемъ Великимъ. *Первою* изъ нихъ она взываетъ къ Богу-Отцу: простить всѣ грѣхи юности и невѣдѣнія нашего, не отринуть насъ во время старости нашей и, посѣтивъ сердца наши благодатію и утвержденіемъ въ святыхъ законахъ Его, собрать насъ въ Царствіи Небесномъ. *Второю* молитъ Господа-Сына: подать намъ *духа* премудрости, разума и страха Божія для достойныхъ молитвъ Ему и полезнаго наставленія въ жизни. И *третьею*—проситъ Сына Божія упокоить всѣхъ умершихъ въ надеждѣ воскресенія и ослабить мѣру осужденія ихъ; насъ же, живущихъ, благословить.

3) *Русск. переводъ*: Благословенъ Ты, Христе Боже нашъ, явившій (міру) премудрыхъ ловцовъ (т. е. Апостоловъ), ниспославъ имъ Святаго Духа и ими уловившій вселенную, Человѣколюбецъ, слава Тебѣ!

Апостоловъ мы называемъ здѣсь *премудрыми ловцами*, потому что они своею проповѣдью о Христѣ, какъ рыболовы неводомъ рыбу, уловляли людей и обращали ихъ въ вѣру Христову.

4) *Русск. переводъ*: Когда Всевышній, сошедши, смѣшалъ языки, (тогда) Онъ раздѣлилъ народы; когда же Онъ раздѣлилъ (между Апостолами) огненные языки, (тогда) Онъ призвалъ всѣхъ къ соединенію. И мы единодушно прославляемъ Святѣйшаго Духа.



ВОСПОМИНАНІЕ

ПЕРВАГО и ВТОРАГО ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРОВЪ

Господь Іисусъ оставилъ Церкви Воинствующей, какъ Глава и Основатель Ея, великое обѣтованіе, вселяющее мужество въ сердца Его вѣрныхъ послѣдователей: созиждꙋ,—изрекъ Онъ,— цр҃ковь мою, и҆ врата̀ а҆̀дѡва не ѡ҆долѣ́ютъ є҆ѧ̀ [1]). Но въ этомъ радостномъ обѣтованіи находится пророческое указаніе и на то печальное явленіе, что жизнь Церкви Христовой здѣсь, на землѣ, должна проходить въ борьбѣ съ темными силами ада, которыя неустанно, тѣмъ или инымъ образомъ, пытаются рушить непоколебимую твердыню, воздвигнутую Господомъ среди бушующихъ волнъ мірового зла. Первые три вѣка въ жизни Церкви сопровождались гоненіями Ея, вначалѣ — со стороны Іудеевъ, а затѣмъ—со стороны язычниковъ въ особенности; лучшіе сыны Церкви за исповѣданіе Имени Христова претерпѣли мученія и даже самую смерть: по временамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Греко-римской имперіи лились потоки христіанской крови, но сила внѣшняго оружія не могла побѣдить внутренней силы духа,—и мечъ языческій принужденъ былъ, наконецъ, склониться предъ смиреннымъ знаменіемъ Креста Христова, когда въ началѣ IV вѣка надъ

---

1) Еванг. отъ Матѳ, гл. 16, ст 18

Греко-римскимъ міромъ впервые воцарился христіанскій императоръ, святый и равноапостольный Константинъ Великій[1]). Съ его воцареніемъ прекратилась самая возможность гоненій, но не прекратилась дѣятельность врага Церкви, діавола. Не побѣдивъ Церкви совнѣ, онъ пытался поразить Ее изъвнутри, возбудивъ аріанскую ересь, уничижавшую Лице Основателя Церкви Христа Іисуса.

Основныя положенія аріанской ереси сводятся къ слѣдующему. «Было время, когда существовалъ одинъ только Богъ-Отецъ, нерожденный, первопричина сущаго. Восхотѣвъ создать міръ и зная, что міръ, безконечно удаленный отъ Бога, не можетъ вынести непосредственнаго дѣйствія Его творческой силы, Богъ-Отецъ творитъ изъ *не*-сущаго посредствующее Существо между Нимъ и міромъ,—Сына Божія, дабы чрезъ Него создать міръ. Какъ сотворенный изъ *не*-сущаго Сынъ такъ же измѣняемъ по природѣ, какъ и всѣ творенія». Словомъ,—ересь признавала Христа, Сына Божія, не Богомъ, Отцу Единосущнымъ, а Существомъ сотвореннымъ, хотя и совершеннѣйшимъ изъ всѣхъ созданныхъ существъ. Отъ своего родоначальника эта ересь извѣстна въ исторіи христіанской Церкви подъ именемъ аріанской.

Арій родился въ 256 году въ Ливіи[2]). Ученикъ Лукіана, пресвитера антіохійскаго, Арій былъ человѣкъ строгой, безупречной жизни, соединявшій съ суровой внушительной наружностью пріятное обращеніе; скромный съ виду, онъ въ дѣйствительности былъ очень честолюбивъ. Посвященный въ діакона Петромъ, епископомъ Александрійскимъ, Арій этимъ же епископомъ былъ отлученъ отъ Церкви за дѣятельное сочувствіе одной мѣстной церковной партіи, проникнутой раскольническими стремленіями. Преемникъ епископа Петра Ахиллъ, принявъ отлученнаго Арія въ общеніе съ Церковью, посвятилъ его во пресвитера и вручилъ его попеченію одинъ приходъ въ Александріи. По смерти Ахилла, Арій,—какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые церковные писатели,—разсчитывалъ быть его замѣстителемъ, но въ дѣйствительности на епископскій престолъ Александріи былъ избранъ Александръ. На одномъ изъ собраній александрійскихъ пресвитеровъ (въ 318 году), когда епископъ Александръ велъ бесѣду о единствѣ Пресвятой Троицы,

---

[1]) См. житіе его подъ 21-мъ числомъ настоящаго мѣсяца.

[2]) *Ливія*—область Сѣверной Африки. По другимъ извѣстіямъ, мѣстомъ родины Арія была Александрія. См. о ней стр. 724-ую, примѣч. 3-е.

Арій обвинилъ его въ савелліанствѣ, высказавъ свои еретическія убѣжденія по вопросу о Лицѣ Сына Божія[1]). Епископъ пытался, было, заблуждавшагося пресвитера вразумить сначала дружескими увѣщаніями, но послѣдній оставался непреклоннымъ; между тѣмъ, снисходительное отношеніе къ Арію со стороны епископа нѣкоторые ревнители правой вѣры порицали столь сильно, что Церкви Александрійской грозилъ изъ-за этого расколъ. Тогда епископъ Александръ, признавъ неправославными мысли Арія, отлучилъ его отъ церковнаго общенія. Послѣ этого сторону Арія приняли нѣкоторые епископы, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны: Ѳеона Мармарикскій и Секундъ Птолемаидскій. Присоединилось къ нему также около двадцати пресвитеровъ, столько же діаконовъ и множество дѣвственницъ. Видя, что зло разрастается, Александръ созвалъ (въ 320 или 321 году) соборъ изъ подвѣдомственныхъ ему епископовъ, который тоже отлучилъ Арія отъ Церкви. Невозможность оставаться болѣе въ Александріи заставила Арія искать себѣ убѣжища сначала въ Палестинѣ; отсюда онъ старался расширить кругъ своихъ сторонниковъ, въ то время какъ епископъ Александръ распространялъ посланія, предостерегающія отъ увлеченія еретическимъ ученіемъ, отказываясь рѣшительно примириться съ Аріемъ, за котораго предъ нимъ ходатайствовали нѣкоторые во главѣ съ Евсевіемъ, епископомъ Кесарійскимъ. Удаленный изъ Палестины по настоянію александрійскаго епископа Арій перешелъ въ Никомидію, гдѣ епископомъ былъ Евсевій, подобно Арію ученикъ и почитатель Лукіана. Одинъ Виѳинійскій мѣстный Соборъ, руководимый Евсевіемъ Никомидійскимъ, призналъ Арія православнымъ, и Евсевій принялъ его въ церковное общеніе. Во время пребыванія въ Никомидіи Арій составилъ книгу «Ѳалія»[2]), назначенную для распространенія между простолюдинами, расположеніе которыхъ онъ умѣлъ пріобрѣтать: здѣсь въ общедоступной, полустихотворной формѣ Арій излагалъ свое еретическое ученіе о Сынѣ Божіемъ; съ этою же цѣлію—распространить свое ученіе—Арій сочинялъ пѣсни для мельниковъ, матросовъ и путешественниковъ.

---

1) *Савеллій*, еретикъ III вѣка, утверждалъ, искажая ученіе о Святой Троицѣ, что Богъ есть Одно Лице: какъ Отецъ Онъ на Небѣ, какъ Сынъ—на землѣ и какъ Духъ Святый — въ твореніяхъ.

2) *Ѳалія*—греческ. Θαλία, счастье; во множествен. числѣ — *пиръ*. Названіе свое книга получила оттого, что въ ней находились стихотворенія, которыя можно было пѣть во время обѣда.

Смута церковная, поднятая ересью, распространялась все болѣе и болѣе, такъ что самъ императоръ Константинъ, наконецъ, обратилъ на нее свое вниманіе. Чтобы уладить споры, раздиравшіе Церковь, онъ, по совѣту нѣкоторыхъ епископовъ,— главнымъ образомъ, Евсевія Кесарійскаго, имѣвшаго на него особенное вліяніе, — обратился съ письмомъ, адресованнымъ совмѣстно епископу Александру и Арію, гдѣ увѣщавалъ обоихъ къ миру и единенію[1]). Съ этимъ письмомъ императора въ Александрію былъ отправленъ Осія Кордубскій, одинъ изъ старѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ епископовъ[2]). Въ Александріи, на мѣстѣ возникновенія споровъ, Осія убѣдился въ необходимости рѣшительныхъ мѣръ для уничтоженія зла, такъ какъ раздоры въ Церкви до того усилились, что осмѣивались уже въ языческихъ театрахъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при смутахъ, вызванныхъ ими, даже наносились оскорбленія статуямъ императора. Когда Осія, возвратившись, разъяснилъ императору Константину дѣйствительное положеніе и истинную сущность дѣла, послѣдній съ подобающей серьезностью взглянулъ на раздоры, возникшіе, благодаря Арію, въ Церкви. Рѣшено было созвать Вселенскій Соборъ, чтобы возстановить нарушенный миръ, церковный и общественный, а также—рѣшить недавно возобновившійся споръ о времени празднованія Пасхи[3]). Впервые, съ объединеніемъ Востока и Запада

---

[1]) Изъ содержанія этого письма видно, что императоръ мало представлялъ себѣ, насколько важенъ былъ по существу предметъ церковнаго раздора.

[2]) Выдающійся защитникъ Православія, святый Аѳанасій Александрійскій говоритъ объ Осіи Кордубскомъ: «Онъ далеко знаменитѣе всѣхъ другихъ. На какомъ Соборѣ онъ не предсѣдательствовалъ? На какомъ, разсуждая здраво, не склонялъ всѣхъ къ одному убѣжденію? Какая Церковь не имѣетъ прекраснѣйшихъ доказательствъ его заступничества?»

[3]) *Пасха* — главный праздникъ Церкви Христіанской, установленный во дни святыхъ Апостоловъ, первоначально посвященъ былъ воспоминанію *смерти* Господа Іисуса и потому совершался на всемъ Востокѣ 14 нисана, въ день приготовленія Евреями пасхальнаго агнца, когда, по указанію Евангелія отъ Іоанна и по мнѣнію древнихъ Отцевъ Церкви (Иринея, Тертулліана, Оригена), и послѣдовала крестная смерть Христа Спасителя. Поэтому и самое названіе Пасхи древнѣйшіе Отцы Церкви (Іустинъ, Ириней, Тертулліанъ) производятъ не отъ Pesakh (проходить мимо), а отъ греческаго πάσχειν—страдать. По указаніямъ же святыхъ Евангелистовъ Матѳея, Марка и Луки смерть Господа Іисуса совершилась не 14, а 15 нисана; но христіане, примыкавшіе къ ихъ указанію, все-таки справляли Пасху 14 нисана въ воспоминаніе, однако, уже Тайной Вечери Господа съ учениками. Впрочемъ, ближайшіе по времени къ Апостоламъ Отцы Церкви не говорятъ о праздникѣ Пасхи какъ праздникѣ *годичномъ*, т. е. совершавшемся въ нарочито избранный день или періодъ. Въ «Пастырѣ», произведеніи мужа апостольскаго Ерма, находимъ упоминаніе о пятницѣ какъ днѣ *еженедѣльнаго* поста и скорби въ воспоминаніе страданій и смерти Іисуса Христа; Тертулліанъ же указываетъ на *день воскресный* какъ день радости, когда въ память воскресенія Христова отмѣнялись посты и колѣнопреклоненія. Уже во II-мъ вѣкѣ чествованіе страданій и смерти Христа и Его Воскресенія

подъ властью одного христіанскаго императора, явилась возможность созыва Вселенскаго Собора.

Соборъ опредѣлено было собрать въ Никеѣ[1]), причемъ императоръ издалъ особыя распоряженія, которыми облегчалось путешествіе созываемыхъ епископовъ къ мѣсту собранія; содержаніе ихъ на время соборныхъ засѣданій онъ приказалъ отнести на счетъ государства. Бо́льшая часть епископовъ съѣхались изъ Восточной половины имперіи; былъ одинъ епископъ изъ Скиѳіи и одинъ изъ Персіи; съ Западной половины, куда еще не проникли вызванные аріанствомъ раздоры, на соборѣ присутствовали только: Осія Кордубскій, Цециліанъ Карѳагенскій и замѣстители римскаго престарѣлаго епископа Сильвестра—пресвитеры Витонъ и Винцетій. Всѣхъ епископовъ быто 318[2]), а прибывшихъ съ ними пресвитеровъ и діаконовъ болѣе 2000 человѣкъ. Даже нѣкоторые языческіе философы являлись на Соборъ и вели бесѣды по спорнымъ вопросамъ съ епископами[3]).

выдѣлились въ особые праздники, называвшіеся Пасхой: 1) πάσχα σταυρόσιμον, pascha crucificatonis—Пасха Крестная, т. е. въ честь смерти Спасителя; эта Пасха проводилась въ строгомъ постѣ, продолжавшемся съ пятницы до утра воскресенья и заканчивавшемся воскресною Евхаристіею. Этою Евхаристіею начиналась 2) πάσχα ἀναστάσιμον, pascha resurrectionis—Пасха Воскресная. Нѣкоторые свидѣтельства даютъ указаніе на то, что Пасха Воскресная продолжалась пятьдесятъ дней, являясь такимъ образомъ, кромѣ того, праздникомъ Вознесенія и Сошествія Св. Духа; почему эти дни и назывались иногда Пятидесятницей. Чѣмъ болѣе, съ теченіемъ времени, Церковь христіанская освобождалась отъ іудейства, тѣмъ болѣе и болѣе становился несообразнымъ обычай, особенно упорно державшійся въ Церквахъ малоазійскихъ, праздновать пасху 14 нисана, одновременно съ Іудеями. Въ Церквахъ, образовавшихся изъ язычниковъ, празднующихъ пасху въ этотъ день, называли іудействующими, притомъ на Западѣ празднованіе Пасхи *никогда* не связывалось съ пасхою іудейскою, здѣсь она совершалась не въ пятницу, а въ первый воскресный день послѣ полнолунія. Благодаря этому между Востокомъ и Западомъ, точнѣе между азійскими епископами и Римомъ, возникъ «пасхальный споръ», продолжавшійся съ конца II вѣка на протяженіи всего III-го и чуть, было, не приведшій къ разрыву общенія между спорившими Церквами.

1) *Никея,* нынѣ бѣдное селеніе Исникъ, въ описываемое время была главнымъ приморскимъ городомъ Виѳинской области, богатымъ и обширнымъ; здѣсь находился обширный дворецъ императора и другія зданія, въ которыхъ съ удобствомъ могли расположиться участники Собора; она отстояла всего на 20 миль отъ Никомидіи, тогдашняго мѣстопребыванія императора, и была одинаково хорошо доступна какъ съ моря, такъ и суши.

2) Историки указываютъ неодинаковое число членовъ Собора. Евсевій говоритъ о 250, Аѳанасій Великій и Сократъ насчитываютъ «болѣе 300». По Созомену, ихъ было «всего 320». Число 318, даваемое св. Аѳанасіемъ въ одномъ посланіи Африканской Церкви, а также Епифаніемъ и Ѳеодоритомъ, принято, *по преданію,* по таинственному соотношенію съ числомъ слугъ Авраама (Кн. Быт., 14, 14) и потому еще, что греческое начертаніе его ТІН напоминаетъ крестъ Іисуса Христа.

3) У церковнаго историка (V вѣка) Созомена находится разсказъ, какъ одинъ малокнижный епископъ обратилъ философа однимъ прочтеніемъ ему своего Символа вѣры;

На соборѣ выступили три партіи, сложившіяся уже въ предшествовавшее ему время: двѣ изъ нихъ держались противоположныхъ воззрѣній на Лице Сына Божія, а третья занимала среднее, примиряющее положеніе между двумя крайними партіями. *Православную* партію составляли по преимуществу исповѣдники, во время гоненій претерпѣвшіе мученія за Имя Христово. Члены этой партіи «чуждались,—по словамъ Созомена,—нововведеній въ вѣрѣ, преданной издревле»; они считали особенно необходимымъ подчинять разумъ святой вѣрѣ по отношенію къ ученію о Святой Троицѣ, ибо «таинство Святой поклоняемой Троицы превышаетъ всякій умъ и слово, совершенно непостижимо и усвояется только вѣрою». Поэтому на вопросъ о сущности Сына Божія, подлежавшій разрѣшенію Собора, православные смотрѣли какъ на тайну, непосильную для ума человѣческаго, высказывая въ то же время строго опредѣленное догматическое ученіе, что Сынъ Божій есть столь же совершенный Богъ, какъ и Отецъ: «Христосъ сказалъ: А҆́зъ и҆ ѻ҆́цъ є҆ди́но є҆смѝ[1]). Сими словами Господь выражаетъ не то, что два естества составляютъ одну ипостась[2]), но то, что Сынъ Отчій точно и совершенно удерживаетъ и сохраняетъ одно естество со Отцемъ, имѣетъ въ Себѣ отпечатлѣнное самымъ естествомъ подобіе Его и ни въ чемъ отъ Него неотличный образъ Его». Наиболѣе важными представителями Православной партіи на соборѣ были: Александръ, епископъ Александрійскій, Осія, епископъ Кордубскій, Евстаѳій, епископъ Антіохійскій, Макарій, епископъ Іерусалимскій, Іаковъ, епископъ Низибійскій, Спиридонъ, епископъ съ острова Кипра, Паѳнутій, епископъ верхней Ѳиваиды, и Николай, епископъ Мѵръ Ликійскихъ. Первые изъ нихъ, Александръ Александрійскій[3]) и Осія Кордубскій[4]), были руководителями партіи Православныхъ.

онъ же передаетъ о Византійскомъ епископѣ Александрѣ, что послѣдній лишилъ способности рѣчи препиравшагося съ нимъ философа, сказавъ ему: «во Имя Іисуса Христа повелѣваю тебѣ не говорить!»

1) Еванг. отъ Іоанн., гл. 10, ст. 30.

2) Въ исторіи развитія ученія о Лицѣ Іисуса Христа терминъ ипостась (ὑπόστασις) употреблялся то въ значеніи сущности, то въ значеніи Лица; съ IV вѣка, согласно словоупотребленію, принятому вслѣдъ за Василіемъ Великимъ и Григоріемъ Богословомъ, а также II Всел. Соб., слово *ипостась* всею Церковью употребляется въ значеніи Лица.

3) Соборъ Никейскій, или I-й Вселенскій, называетъ его въ посланіи къ Александрійской Церкви «главнымъ дѣятелемъ и участникомъ во всемъ, что происходило на Соборѣ».

4) Сами аріане впослѣдствіи говорили объ Осіи Кордубскомъ: «Осія предсѣдательствуетъ на Соборахъ, писаніямъ его вездѣ внимаютъ, онъ и въ Никеѣ (т. е. на I-мъ Вселенск. Соборѣ) изложилъ вѣру».

Совершенно противоположную Православной партіи на Соборѣ представляла собою партія *строго аріанская,* которую составляли люди «искусные въ совопросничествѣ и отвращавшіеся простоты вѣры», подвергавшіе вопросы вѣры, какъ и всякіе другіе, разсудочному изслѣдованію и хотѣвшіе подчинить вѣру знанію. Во главѣ этой партіи, своимъ еретическимъ ученіемъ колебавшей самыя основы христіанства, стояли: опора аріанства и «первостепенный епископъ времени» Евсевій Никомидійскій, а также епископы: Минофанъ Ефесскій, Патрофилъ Скифопольскій, Ѳеогнисъ Никейскій, Ѳеона Мармарикскій и Секундъ Птолемаидскій. Число членовъ партіи въ строгомъ смыслѣ аріанской было невелико, не болѣе 17-ти человѣкъ. Въ среднюю партію, довольно значительную по числу членовъ, колебавшихся между православными и аріанами, входили лица, получившія впослѣдствіи названіе *полуаріанъ;* они, хотя и почитали Сына Божія Богомъ, но Божество Его признавали неравнымъ Божеству Отца, находившимся въ соподчиненномъ къ Нему отношеніи. Главою этой партіи былъ извѣстный историкъ Церкви Евсевій, епископъ Кесарійскій.

Соборъ начался въ іюнѣ 325 года; первыя засѣданія его, какъ можно съ вѣроятностью думать, происходили въ храмѣ. Спустя около двухъ недѣль послѣ открытія Собора въ Никею прибылъ самъ императоръ Константинъ, и засѣданія Собора были перенесены въ обширную палату царскаго дворца, куда являлся на нихъ и императоръ, державшій себя не какъ руководитель, но—какъ наблюдатель. Во время своего перваго появленія на Соборѣ, выслушавъ привѣтственныя рѣчи Евстаѳія Антіохійскаго и Евсевія Кесарійскаго [1]), Константинъ Великій обратился къ Отцамъ Собора съ отвѣтною рѣчью, умоляя ихъ прекратить «междоусобную брань въ Церкви Христовой!» Соборъ прежде всего и сосредоточилъ свое усиленное вниманіе на вопросѣ, вызвавшемъ эти междоусобные раздоры, то есть на ученіи Арія: обличивъ послѣдняго какъ еретика, Отцы Собора утвердили православное ученіе о Лицѣ Сына Божія, точнѣе—о Его сущности. Предварительныя

[1]) Нѣкоторые историки предполагаютъ, что Евстаѳій Антіохійскій и былъ предсѣдателемъ на Соборѣ; другіе считаютъ имъ Евсевія Кесарійскаго. Существуетъ, кромѣ того, мнѣніе, что на Соборѣ предсѣдательствовали по очереди епископы Антіохійскій и Александрійскій (Александръ); большинство, впрочемъ, болѣе склонно признавать предсѣдателемъ Собора Осію, епископа Кордубскаго, который первый подписался подъ соборными опредѣленіями.

разсужденія по этому главному вопросу велись на Соборѣ съ соблюденіемъ полной терпимости: на однихъ правахъ съ православными епископами высказывались и аріанскіе и полуаріанскіе. Словомъ,—какъ замѣчаетъ греческій церковный историкъ V вѣка Сократъ, — «опредѣленіе относительно вѣры производилось не просто и какъ случилось, но объявлено послѣ долгаго изслѣдованія и испытанія—и не такъ, что одно показано, а другое умолчано, но взято во вниманіе все, относящееся къ утвержденію догмата, и что вѣра не просто опредѣлена, но напередъ тщательно разсмотрѣна, такъ что устранено всякое мнѣніе, представлявшее поводъ къ обоюдности либо къ раздвоенію мыслей. Духъ Божій установилъ согласіе епископовъ».

Первою на Соборѣ была выслушана строго аріанская партія, такъ какъ именно ея ученіе, нарушившее церковный миръ, было главною причиною созванія Собора. Евсевій Никомидійскій, главный представитель этой партіи, внесъ отъ лица ея на разсмотрѣніе Отцевъ Собора символъ, заключавшій въ себѣ слѣдующія выраженія, исчерпывавшія сущность ученія строгихъ аріанъ о Лицѣ Сына Божія: «Сынъ Божій—произведеніе и тварь»; «было время, когда Сына не было»; «Сынъ измѣняемъ по существу». Тотчасъ за прочтеніемъ этого символа Отцы Собора единодушно[1]) и рѣшительно отвергли его, признавъ исполненнымъ лжи и безобразнымъ; причемъ, даже самый свитокъ, содержавшій въ себѣ символъ, былъ разорванъ, какъ того и заслуживалъ, на клочки. Главнымъ основаніемъ осужденія символа Евсевія Никомидійскаго для Отцевъ Собора служило то важное обстоятельство, что въ еретическомъ символѣ не находилось ни одного выраженія о Сынѣ Божіемъ изъ тѣхъ, какія находятся о Немъ въ Священномъ Писаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Отцы Собора «кротко»,—по свидѣтельству древнихъ церковныхъ историковъ,—потребовали отъ Евсевія Никомидійскаго и отъ Арія, чтобы они изложили доводы, подтверждающіе справедливость ихъ умствованій. Выслушавъ эти доводы, Соборъ тоже отвергъ ихъ — какъ совершенно лживые и неубѣдительные. Среди этихъ преній съ ересеучителями изъ среды православныхъ выдвинулись какъ ревностные защитники истиной вѣры и умѣлые обличители ереси: Аѳанасій, діаконъ Александрійскій, прислуживавшій своему епископу, и Маркеллъ, епископъ

[1]) Безъ сомнѣнія, и полуаріане осуждали символъ Евсевія Никомидійскаго, потому что они никогда не употребляли о Сынѣ Божіемъ выраженія «Сынъ тварь» и подобныхъ.

Анкирскій. Къ этому же времени соборныхъ засѣданій, очевидно, нужно пріурочить и слѣдующее преданіе объ участникѣ Собора святомъ епископѣ Николаѣ Мирликійскомъ, сохраненное инокомъ Студійскаго монастыря Іоанномъ. Когда Арій излагалъ предъ Отцами Собора свое еретическое ученіе, то многіе затыкали уши, чтобы его не слышать; присутствовавшій при этомъ святитель Николай, одушевленный ревностію по Богѣ, подобною ревности Пророка Иліи, не вынесъ хуленій ересеучителя и ударилъ его по щекѣ. Отцы Собора, негодуя на подобный поступокъ святителя, рѣшили лишить его архіерейскаго сана. Но это рѣшеніе они должны были отмѣнить послѣ одного чудеснаго видѣнія, бывшаго нѣкоторымъ изъ нихъ: они видѣли, что съ одной стороны святителя Николая стоитъ Господь Іисусъ Христосъ съ Евангеліемъ, а съ другой—Пресвятая Богородица съ омофоромъ[1]) и вручаютъ ему знаки епископскаго сана, коихъ онъ былъ лишенъ. Вразумленные свыше Отцы Собора перестали упрекать святителя Николая и воздали ему честь какъ великому угоднику Божію[2]).

Послѣ осужденія символа строгихъ аріанъ, содержавшаго въ себѣ еретическое ученіе о Лицѣ Сына Божія, Отцамъ Собора надлежало выразить о Немъ истинное, православное ученіе. Въ противоположность еретикамъ, чуждавшимся при изложеніи своего лжеученія изреченій Священнаго Писанія, Отцы Собора, наоборотъ, обращаются къ Священному Писанію, чтобы его выраженія о Сынѣ Божіемъ внести въ вѣроопредѣленіе, которое Собору предстояло издать по спорному вопросу. Но попытка, предпринятая въ этомъ направленіи ревнителями правой вѣры, потерпѣла полнѣйшую неудачу вслѣдствіе того, что буквально каждое выраженіе относительно Божества Христа Спасителя, приводимое Отцами Собора изъ Священнаго Писанія, аріане и полуаріане истолковывали въ смыслѣ своихъ неправославныхъ воззрѣній. Такъ, когда православные епископы, основываясь на свидѣтельствѣ Евангелія отъ Іоанна (гл. 1, ст. 1. 14. 18), хотѣли включить въ соборное вѣро-

---

[1]) *Омофоръ* съ греческ. нарамникъ, одно изъ семи архіерейскихъ облаченій, представляющее собою длинный узкій платъ съ четырьмя крестами; омофоръ возлагается на плечи епископа такъ, что концы его спускаются спереди и сзади. Омофоръ знаменуетъ заблудшую овцу (т. е. человѣчество, взятое Христомъ на рамена Свои).

[2]) Примѣчательно, что,—какъ свидѣтельствуетъ А. Н. Муравьевъ,—въ Никеѣ доселѣ сохранилось преданіе объ этомъ даже среди Турокъ: въ одной изъ бойницъ этого города показываютъ темницу святителя Николая, гдѣ онъ, по преданію, былъ заключенъ послѣ осужденія за поступокъ съ Аріемъ.

опредѣленіе слова «Сынъ *отъ Бога*», то аріанствующіе ничего не имѣли противъ этого выраженія, толкуя его въ томъ смыслѣ, что, по ученію Апостола Павла, **всѧ́ческаѧ ѿ бг҃а**[1]), **є҆ди́нъ бг҃ъ... и҆з̾ негѡ́же всѧ̑**[2]). Тогда Отцами предложено было назвать Сына *Богомъ Истиннымъ*, какъ именуется Онъ въ **5** гл. (ст. 20) 1-го Посланія Евангелиста Іоанна; аріанствующіе принимали и это выраженіе, утверждая, что «если Сынъ сдѣлался Богомъ, то, конечно, Онъ Истинный Богъ»[3]). То же самое произошло и со слѣдующимъ выраженіемъ православныхъ епископовъ: «въ Немъ (т. е. Отцѣ) Сынъ пребываетъ»; по мысли Отцевъ выраженіемъ этимъ, покоившимся на первыхъ словахъ Евангелія Іоанна[4]), вполнѣ опредѣленно высказывалось то ученіе, что Сынъ со Отцемъ и въ Отцѣ всегда нераздѣльно пребываетъ; но аріанствующіе и здѣсь нашли возможнымъ указать, что послѣдняго рода свойство вполнѣ приложимо и къ людямъ, такъ какъ Писаніе говоритъ: **ѿ не́мъ** (т. е. Богомъ) **живе́мъ и҆ дви́жемсѧ и҆ є҆смы̀**[5]). Послѣ этого Отцы Собора выставили новое выраженіе, примѣняя къ Сыну Божію наименованіе силы, взятое у Апостола Павла: «Слово[6]) есть *сила* Божія»[7]); однако аріанствующіе и тутъ нашли выходъ, доказывая, что въ Священномъ Писаніи не только люди, а даже гусеница и саранча называются силою и притомъ силою великою[8]). Наконецъ, Отцы, чтобы отразить аріанство, рѣшили внести въ

---

1) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. **5**, ст. 18.

2) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. **8**, ст. 6. Ссылаясь на указанныя изреченія Ап. Павла, аріанствующіе хотѣли сказать, что они признаютъ происхожденіе Сына отъ Бога въ смыслѣ творенія, какъ и все существующее въ мірѣ въ этомъ же именно смыслѣ происходитъ отъ Бога.

3) По православному же ученію, Сынъ не *сдѣлался* Богомъ, а отъ вѣка пребываетъ Богомъ.

4) **Въ нача́лѣ бѣ̀ сло́во, и҆ сло́во бѣ̀ къ бг҃ꙋ, и҆ бг҃ъ бѣ̀ сло́во,**—гл. **1**, ст. 1.

5) Дѣян., гл. **17**, ст. 28.

6) Такъ называется Второе Лице Св. Троицы, Сынъ Божій. Наименованіе это взято изъ Евангелія Іоанна (гл. **1**, ст. **1**—14).—Почему же Сынъ Божій именуется Словомъ? 1) По сравненію Его рожденія съ происхожденіемъ нашего человѣческаго слова; какъ наше слово безстрастно, духовно рождается отъ нашего ума или мысли, такъ и Сынъ Божій безстрастно и духовно рождается отъ Отца. 2) Какъ въ нашемъ словѣ открывается или выражается наша мысль, такъ и Сынъ Божій по существу и совершенствамъ Своимъ есть точнѣйшее отображеніе Бога и потому называется «сіяніемъ славы Его и образомъ (отпечатлѣніемъ) Ипостаси Его (Евр. **1**, 3). 3) Какъ мы черезъ слово сообщаемъ другимъ свои мысли, такъ и Богъ, многократно глаголавшій людямъ чрезъ пророковъ, наконецъ глаголалъ чрезъ Сына (Евр. **1**, 2), Который для сего воплотился и такъ полно открылъ волю Отца Своего, что видѣвшій Сына видѣлъ Отца (Іоан. **14**, 3). 4) Какъ наше слово бываетъ причиной извѣстныхъ дѣйствій, такъ и Богъ-Отецъ все сотворилъ чрезъ Слово-Сына Своего (Еванг. отъ Іоан., **1**, 3).

7) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. **1**, ст. 24.

8) Кн. Исх., гл. **12**, ст. 41; Кн. Прор. Іоил., гл. **2**, ст. 25.

вѣроопредѣленіе изреченіе изъ посланія къ Евреямъ: Сынъ сїа́нїе сла́вы и҆ ѡ҆́бразъ ѵ҆поста́си є҆гѡ̀[1]) (т. е. Отца); тогда аріанствующіе указывали на то, что Священное Писаніе то же самое говоритъ и о каждомъ человѣкѣ, называя его образомъ и славою Божіею[2]). Такимъ образомъ, стремленіе Отцевъ Собора выразить православное ученіе о Сынѣ Божіемъ путемъ внесенія въ вѣроопредѣленіе соотвѣтствующихъ библейскихъ изреченій не имѣло никакого успѣха. Возникло затрудненіе, устранить которое попытался представитель полуаріанской партіи Евсевій, епископъ Кесарійскій.

Онъ внесъ на обсужденіе Собора готовый Символъ, предлагая его утвердить общимъ согласіемъ членовъ Собора, причемъ символъ былъ составленъ такимъ образомъ, что, казалось, могъ быть принятъ какъ православными, такъ и строгими аріанами: имѣя въ виду первыхъ, Евсевій Кесарійскій излагаетъ вѣроопредѣленіе, предложенное Собору, словами Священнаго Писанія; чтобы угодить вторымъ, то есть крайнимъ аріанамъ, онъ внесъ въ свой Символъ слишкомъ общія выраженія, которыя, поэтому, еретики могли истолковывать въ нужномъ имъ смыслѣ. Кромѣ того, съ намѣреніемъ расположить членовъ Собора къ утвержденію символа и чтобы устранить всякаго рода подозрѣнія, Евсевій въ началѣ его сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: «Мы содержимъ и исповѣдуемъ вѣру такъ, какъ приняли отъ предшествующихъ нашихъ епископовъ, какъ научились ей отъ Божественнаго Писанія, какъ соблюдали и исповѣдывали въ пресвитерствѣ, а потомъ въ епископствѣ». На главный вопросъ въ спорахъ о Сынѣ Божіемъ,— какова именно была степень близости Сына къ Отцу,—Символъ Евсевія Кесарійскаго давалъ слѣдующій отвѣтъ, который въ силу своей неопредѣленности могъ быть принятъ строгими аріанами и который, по той же причинѣ, не могъ удовлетворить защитниковъ правой вѣры на Соборѣ: «Вѣруемъ, — говоритъ Символъ Евсевія, пользуясь изреченіями Священнаго Писанія,—во единаго Господа Іисуса Христа, Божіе Слово, Бога отъ Бога, Свѣта отъ Свѣта, Жизнь отъ Жизни, Сына единороднаго, перворожденнаго всея твари, прежде вѣкъ отъ Отца рожденнаго». Послѣ прочтенія Символа наступило молчаніе, истолкованное, было, Евсевіемъ Кесарійскимъ въ смыслѣ одобренія. Молчаніе это первый нарушилъ императоръ Константинъ, своими словами вмѣстѣ съ тѣмъ

[1]) Посл. къ Евр., гл. 1, ст. 3.

[2]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 11, ст. 7.

уничтожившій и преждевременныя надежды Евсевія на побѣду. Константинъ Великій одобрилъ Символъ, сказавъ, что онъ самъ такъ же мыслитъ, какъ учитъ Символъ, желаетъ, чтобы и другіе держались такого же вѣроисповѣданія; затѣмъ онъ предложилъ для опредѣленія отношенія Сына Божія къ Богу-Отцу внести въ Символъ слово ὁμούσιος-*единосущный*[1]). Это слово съ желанною для православныхъ членовъ Собора силою и опредѣленностью, не допускающею перетолкованій, выражало нужную мысль о равенствѣ Божества Сына Божія съ Божествомъ Отца. Внесеніемъ его въ Символъ разбивались въ прахъ надежды Евсевія Кесарійскаго, потому что оно съ очевидностью, какой нельзя было болѣе и желать, обличало еретическія умствованія полуаріанъ и крайнихъ аріанъ, обезпечивая въ то же время торжество Православія на всѣ послѣдующіе вѣка. Сдерживаемые авторитетомъ императора аріанствующіе могли противъ внесенія въ Символъ *единосущный* указать только на то обстоятельство, что этимъ понятіемъ въ ученіе о сущности Божества привносятся представленія слишкомъ вещественнаго характера: «единосущнымъ,—говорили они,—называется то, что есть изъ чего-либо другаго, какъ, напримѣръ, два или три золотыхъ сосуда изъ одного слитка». Во всякомъ случаѣ, пренія по поводу слова *единосущный* были мирны: аріанствующіе принуждены были, слѣдуя за императоромъ, согласиться на принятіе, разрушавшаго ихъ ересеученіе, слова. Представители Православной партіи, учитывая вынужденную уступчивость еретичествующихъ членовъ Собора, внесли въ Символъ и другія поправки и измѣненія, благодаря которымъ Символъ принялъ слѣдующій, чуждый всякой двусмысленности видъ:

«Вѣруемъ во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца всего видимаго и невидимаго;—и во единаго Господа Іисуса

---

1) «Слово *единосущный* указываетъ не только на *единство* существа Отца и Сына, но и на *одинаковость*, такъ что въ одномъ словѣ заключается указаніе и на единство Божіе и на различіе лицъ Сына Божія и Бога Отца, ибо единосущны могутъ быть только два лица»: единосущенъ и значитъ именно: «не слитъ по существу, но и не раздѣленъ». По свидѣтельству другихъ древнихъ историковъ христіанской Церкви, освященное церковнымъ преданіемъ слово *единосущный* провозгласили епископы Собора и значитъ не императоръ, какъ говоритъ Евсевій Кесарійскій. Кажущуюся противорѣчивость этихъ двухъ свидѣтельствъ можно согласить тѣмъ весьма вѣроятнымъ соображеніемъ, что императоръ Константинъ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ по внушенію православныхъ епископовъ, которые находили болѣе удобнымъ провозгласить именно его устами нужное слово, такъ какъ авторитетъ императора уничтожалъ возможность продолжительныхъ споровъ, кои непремѣнно бы возникли, если бы терминъ *единосущный* предложило Собору не столь вліятельное для всѣхъ партій лицо.

Христа, Сына Божія, единороднаго, рожденнаго отъ Отца, то есть изъ сущности Отца, Бога отъ Бога, Свѣта отъ Свѣта, Бога Истиннаго отъ Бога Истиннаго, рожденнаго, не сотвореннаго, единосущнаго Отцу, чрезъ Котораго (Сына) все произошло какъ на Небѣ, такъ и на землѣ;—ради насъ человѣковъ и ради нашего спасенія снисшедшаго и воплотившагося, вочеловѣчившагося, страдавшаго и воскресшаго въ третій день, восшедшаго на Небеса, и грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ;—и въ Духа Святаго».

Чтобы устранить всякую возможность какихъ бы то ни было перетолкованій Символа, Отцы Собора присоединили къ нему такое анаѳематствованіе аріанской ереси:

«Говорящихъ же, что было (время), когда не было (Сына), что Онъ не существовалъ до рожденія и произошелъ изъ не сущаго, или утверждающихъ, что Сынъ Божій имѣетъ бытіе отъ иного существа или сущности, или что Онъ созданъ, или преложимъ, или измѣняемъ, предаетъ анаѳемѣ Каѳолическая Церковь».

За исключеніемъ двухъ египетскихъ епископовъ, Секунда и Ѳеоны, всѣ остальные подписали Символъ Никейскій, выражая этимъ свое согласіе съ его содержаніемъ; впрочемъ, Евсевій Никомидійскій и Ѳеогнисъ Никейскій отказались дать свои подписи на анаѳематствованіе, присоединенное къ Символу. Такимъ образомъ, вселенское опредѣленіе вѣры было, по-видимому, почти всѣми принято единодушно. Но послѣдующая исторія аріанскихъ движеній показала, что многіе и очень многіе епископы «подписались подъ Символомъ только рукой, а не душею». Чтобы избѣжать отлученія и не потерять каѳедръ, подписали Символъ строгіе аріане, въ душѣ оставаясь такими же, какъ и прежде, еретиками. По соображеніямъ, далекимъ отъ искренности, подписали Символъ и представители полуаріанской партіи. Глава ихъ Евсевій Кесарійскій въ посланіи, написанномъ къ паствѣ вслѣдъ за окончаніемъ Собора, объясняетъ, что онъ и его приверженцы «не отвергли слова *единосущный*, имѣя въ виду сохранить миръ, котораго всей душей желаемъ» то есть изъ внѣшнихъ соображеній, а не изъ убѣжденія въ истинности заключавшагося въ немъ смысла; что же касается приложеннаго къ Символу анаѳематствованія, то Евсевій объясняетъ его не какъ проклятіе самаго смысла аріанскаго ученія, а только какъ осужденіе внѣшнихъ выраженій послѣдняго за то, что они не встрѣчаются въ Священномъ Писаніи.

Соборомъ, по рѣшеніи главнаго догматическаго вопроса, установлено было двадцать каноновъ по вопросамъ церковнаго управленія и дисциплины; улаженъ былъ и пасхальный вопросъ: Соборъ постановилъ, чтобы Пасха праздновалась христіанами непремѣнно отдѣльно отъ Іудеевъ и непремѣнно въ первый воскресный день, прилучившійся въ день весенняго равноденствія или непосредственно послѣ него. Соборъ оконченъ былъ празднованіемъ виценалій императора Константина, во время которыхъ онъ устроилъ въ честь епископовъ великолѣпное пиршество. Разстался императоръ съ Отцами Собора очень милостиво, увѣщавая ихъ поддерживать миръ между собою и прося молиться за него.

Воспоминаніе святаго Великаго Вселенскаго собора, бывшаго въ Никеѣ, совершается церковію 29-го мая.

Арія[1]) и двухъ открытыхъ приверженцевъ его, Секунда и Ѳеону, императоръ, по окончаніи Собора, отправилъ въ ссылку въ Иллирію[2]), провозгласивъ суровыя наказанія послѣдователямъ ересеучителя, причемъ даже одно обладаніе его сочиненіями вмѣнялось какъ уголовное преступленіе.

Никейскій Символъ, раскрывшій православное ученіе о Божествѣ Второго Лица Пресвятой Троицы — Господа Іисуса Христа и осудившій какъ ересь хульныя аріанскія умствованія, не по-

---

[1]) Партія Евсевія, пользуясь послѣ Собора все болѣе и болѣе возраставшимъ вліяніемъ при дворѣ, добилась, чрезъ сестру императора Констанцію, что Арій вскорѣ послѣ осужденія былъ позванъ изъ ссылки ко двору. Въ 336 году Соборъ въ Константинополѣ постановилъ, какъ можно думать, принять Арія въ церковное общеніе; наканунѣ (воскреснаго) дня, назначеннаго для осуществленія этого рѣшенія Собора, императоръ, обманутый Аріемъ, лицемѣрно подписавшимъ Православный Символъ, нарочно вызвалъ къ себѣ престарѣлаго Византійскаго епископа Александра, внушая ему не препятствовать принятію Арія въ Церковь. Выйдя отъ императора, Александръ пошелъ въ храмъ Мира и молилъ Бога о томъ, чтобы онъ самъ или ересіархъ были взяты изъ міра, такъ какъ епископъ не хотѣлъ быть свидѣтелемъ такого святотатства, какъ пріятіе еретика въ общеніе съ Церковью. И Промыслъ Божій явилъ надъ Аріемъ справедливый судъ Свой, въ день торжества пославъ ему нежданную кончину. «Выходя изъ императорскаго дворца,— говоритъ о смерти Арія историкъ Сократъ,—сопровождаемый толпой евсевіанскихъ приверженцевъ какъ тѣлохранителями Арій гордо проходилъ посреди города, обращая на себя вниманіе всего народа. По приближеніи къ мѣсту, называемому Константиновой площадью, гдѣ воздвигнута колонна изъ порфира, ужасъ, происходящій отъ сознанія своего нечестія, охватилъ его и сопровождался сильною болью въ животѣ. Поэтому онъ спросилъ, нѣтъ ли тутъ гдѣ поблизости удобнаго мѣста, и, когда ему указали заднюю часть Константиновой площади, онъ поспѣшилъ туда. Вскорѣ затѣмъ съ нимъ сдѣлался обморокъ, и вмѣстѣ съ испражненіями вышли его внутренности, сопровождаемыя обильнымъ геморроидальнымъ истеченіемъ и выпаденіемъ малыхъ кишекъ. Затѣмъ вмѣстѣ съ изліяніемъ крови вышли части его печени и селезенки, такъ что онъ почти немедленно умеръ».

[2]) *Иллирія* — въ древности общее названіе всего восточнаго прибрежья Адріатическаго моря съ лежащими за нимъ мѣстностями (теперешнія Далмація, Боснія и Албанія).

ложилъ конца церковной смутѣ: аріанствующіе епископы, скрѣпившіе соборное вѣроопредѣленіе своими подписями единственно изъ-за страха предъ государственной властью, вскорѣ сумѣли привлечь послѣднюю на свою сторону и, поддерживаемые ею, вступили въ ожесточенную борьбу съ защитниками правой вѣры. Въ серединѣ IV вѣка они одержали почти полную внѣшнюю побѣду надъ своими противниками, объединившимися подъ священной хоругвью Никейскаго Символа. Хоругвь эту твердо и самоотверженно держалъ вначалѣ святый Аѳанасій Великій [1]), а потомъ, со смертью престарѣлаго Александрійскаго епископа, она перешла въ не менѣе мужественныя и самоотверженныя руки Великаго Кесарійскаго епископа, святаго Василія [2]); около этихъ двухъ вы-

[1]) *Святый Аѳанасій Великій*, архіепископъ Александрійскій, пріобрѣтшій себѣ имя «Отца Православія» за ревностную защиту послѣдняго во время аріанскихъ смутъ, родился въ Александріи въ 293 году; въ 319 году Александрійскій епископъ Александръ посвятилъ его во діакона. Около этого времени святымъ Аѳанасіемъ написаны были два первыхъ его сочиненія: 1) «Слово противъ Еллиновъ», гдѣ выясняется, что вѣра во Христа Спасителя имѣетъ разумныя основанія и есть дѣйствительное познаніе Истины; 2) о «Воплощеніи Бога-Слова», гдѣ раскрывается, что воплощеніе Сына Божія было необходимо и достойно Бога. Эти сочиненія обратили вниманіе на святаго Аѳанасія, который затѣмъ,—какъ уже было замѣчено,—на Первомъ Вселенскомъ Соборѣ, будучи еще молодымъ діакономъ, выдвинулся какъ неустрашимый и искусный обличитель аріанской ереси. Неудивительно поэтому, что по смерти епископа Александра святый Аѳанасій, имѣвшій только 33 года, избранъ былъ (8 іюня 326 года) на Александрійскую каѳедру. Въ годы епископства святый Аѳанасій много претерпѣлъ скорбей отъ преслѣдовавшихъ его аріанъ: достаточно сказать, что изъ сорока лѣтъ своего епископскаго служенія онъ, благодаря аріанамъ, провелъ 17 лѣтъ 6 мѣсяцевъ и 10 дней въ изгнаніяхъ. Скончался онъ 2 мая въ 373 году, занимая, по возвращеніи изъ изгнанія, каѳедру.—Послѣ святаго Аѳанасія остались многочисленныя сочиненія, распадающіяся по содержанію на 1) апологетическія, 2) догматико-полемическія, 3) догматико-историческія, 4) труды по истолкованію Священнаго Писанія, 5) нравоучительныя и 6) Пасхальныя посланія, гдѣ, по древнему обычаю, святый Аѳанасій оповѣщалъ остальныя Церкви о времени празднованія Пасхи, присоединяя къ этимъ оповѣщеніямъ наставленія относительно вѣры и жизни христіанской. О сочиненіяхъ этихъ преп. Козьма замѣчаетъ, что если найдешь любую изъ книгъ св. Аѳанасія и не имѣешь бумаги, чтобы записать ее, то дòлжно «записать ее хотя бы на одеждѣ». Память св. Аѳанасія Православною Церковью совершается дважды: 2 мая и 18 января, гдѣ и положено его жизнеописаніе.

[2]) *Василій Великій* родился 329 году въ Кесаріи Каппадокійской. Отецъ и мать его принадлежали къ родовитымъ семьямъ Каппадокіи и Понта и имѣли возможность дать своимъ многочисленнымъ дѣтямъ наилучшее по тому времени воспитаніе. На 18 году Василій слушалъ въ Константинополѣ знаменитаго софиста Ливанія, затѣмъ пробылъ нѣсколько лѣтъ въ Аѳинахъ, бывшихъ центромъ высшаго философскаго образованія. Здѣсь въ это время у него завязались тѣсныя дружескія сношенія съ Григоріемъ Назіанзиномъ; здѣсь же онъ познакомился и съ будущимъ императоромъ Юліаномъ Отступникомъ. Вернувшись на родину, Василій крестился, а затѣмъ былъ посвященъ въ чтеца. Желая ближе ознакомиться съ монашеской жизнью, къ которой стремилась его душа, Василій черезъ Сирію и Палестину отправился въ Египетъ, гдѣ она особенно процвѣтала. Возвратившись отсюда въ Кесарію, Василій приступилъ здѣсь къ организаціи монашеской жизни, представители которой въ Египтѣ поразили его своими подвигами. Ва-

дающихся святителей Православной Церкви описываемаго времени объединялись и прочіе, остававшіеся Ей вѣрными, епископы.

Борьба между православными и аріанами, возобновившаяся вслѣдъ за окончаніемъ Перваго Вселенскаго Собора и сосредоточившаяся первоначально на рѣшенномъ Отцами его вопросѣ о Божествѣ Христа-Спасителя, съ теченіемъ времени вызвала появленіе новыхъ ересей, изъ коихъ наиболѣе примѣчательны ереси, связанныя съ именами Аполлинарія и Македонія.

Епископъ Лаодикійскій Аполлинарій вышелъ изъ рядовъ Православной партіи. Не ограничиваясь отрицаніемъ аріанскихъ положеній въ ученіи о Сынѣ Божіемъ, Аполлинарій стремился утвердить положенія имъ противоположныя; это стремленіе и привело его къ ереси. Такъ, въ противоположность особенному ударенію аріанъ, какое они, въ зависимости отъ своего ученія о Сынѣ Божіемъ какъ тварномъ существѣ, дѣлали на признаніи во Христѣ всецѣло человѣческой природы, Аполлинарій уничтожалъ человѣческую личность въ Господѣ Іисусѣ. Съ психологической точки зрѣнія ему казалось невѣроятнымъ ученіе Никейскаго Символа, что во Христѣ соединились совершенное Божество и совершенное человѣчество: онъ разсуждалъ, что двѣ сущности, съ сохра-

---

силій Великій основалъ нѣсколько монастырей въ Понтійской области, написавъ для нихъ уставъ. Въ 364 году св. Василій былъ посвященъ во пресвитера. Въ санѣ пресвитера онъ успѣшно боролся съ аріанами, которые, пользуясь покровительствомъ императора Валента, хотѣли овладѣть Кесарійскою Церковью. Заступникъ предъ властями угнетенныхъ и обездоленныхъ Василій, кромѣ того, основалъ множество убѣжищъ для бѣдныхъ; все это, въ соединеніи съ безупречною личною жизнію, пріобрѣло ему народную любовь. Въ 370 году Василій былъ избранъ архіепископомъ родного города и, будучи святителемъ, выступилъ на поприще общецерковной дѣятельности; чрезъ пословъ онъ вступилъ въ дѣятельныя сношенія со святымъ Аѳанасіемъ Великимъ, которыя поддерживалъ и путемъ письменнаго общенія; завязалъ сношенія и съ папою Римскимъ Дамасомъ, имѣя въ виду объединить православныхъ для побѣды надъ аріанами и умиротворенія Церкви. Въ 372 году императоръ Валентъ, пытаясь водворить аріанство въ Кесарійской Церкви, хотѣлъ было путемъ угрозъ поколебать стойкость въ Православіи св. Василія. Для этого онъ отправилъ въ Кесарію сначала префекта Эвиппія съ другимъ своимъ царедворцемъ, а потомъ явился и самъ. Св. Василій отлучилъ вельможъ-еретиковъ отъ Церкви, а самого императора допустилъ въ храмъ лишь для принесенія даровъ. Императоръ не рѣшился привести въ исполненіе своихъ угрозъ по отношенію къ мужественному епископу. Св. Василій Великій скончался въ 378 г. 49 лѣтъ. Память его Православная Церковь празднуетъ 1 и 30 января.—Послѣ него остались слѣдующія сочиненія, представляющія собою богатый вкладъ въ святоотеческую литературу: девять Бесѣдъ на *шестодневъ;* шестнадцать Бесѣдъ на разные Псалмы; пять книгъ въ защиту православнаго ученія о Святой Троицѣ *противъ Евномія;* двадцать четыре Бесѣды о разныхъ предметахъ; краткія и пространныя *монашескія правила;* уставъ подвижническій; двѣ книги о Крещеніи; книга о *Святомъ Духѣ;* нѣсколько проповѣдей и 366 писемъ къ разнымъ лицамъ.

неніемъ всѣхъ своихъ свойствъ, никогда не могутъ соединиться въ одну. Немыслимымъ представлялась ему идея Богочеловѣчества и со стороны догматической: съ полнымъ человѣчествомъ связанъ грѣхъ; если же мыслить грѣхъ въ естествѣ Христа, хотя бы какъ и возможность, то дѣло искупленія для Него уже становится невыполнимымъ. Поэтому Аполлинарій полагалъ, что, воспринявъ при воплощеніи тѣло и душу человѣческую, Христосъ не воспринялъ отличительной части человѣческаго существа — человѣческаго духа, такъ какъ послѣдній необходимо предполагаетъ свободу воли, а съ нею и наклонность ко грѣху[1]); духа человѣческаго, по мысли Аполлинарія, во Христѣ замѣнилъ Божественный Логосъ, господствовавшій надъ злыми влеченіями животной души[2]).

Вскорѣ послѣ Перваго Вселенскаго Собора (съ 341-го года) аріане вносятъ въ свои символы и ученіе о Третьемъ Лицѣ Пресвятой Троицы, Святомъ Духѣ, причемъ замѣтно выступаетъ стремленіе, въ полномъ соотвѣтствіи съ развитіемъ аріанскаго ученія о Сынѣ Божіемъ, «описать Святаго Духа какъ Ипостась раздѣльную, отчужденную, разобщенную отъ Отца и Сына». Съ теченіемъ времени по вопросу о Лицѣ Святаго Духа изъ среды полуаріанъ выдѣлилась особая партія Македоніанъ, получившая свое наименованіе отъ Константинопольскаго епископа (355—359 гг.) Македонія: партія эта, почитая Святаго Духа Третьимъ Лицемъ Пресвятой Троицы только изъ чести, отличала Его по существу отъ Первыхъ Двухъ Лицъ, признавая твореніемъ, а не Богомъ[3]). Вообще въ ученіи о Святомъ Духѣ существовала въ IV вѣкѣ, какъ среди православныхъ, такъ и аріанъ, крайняя разобщенность мнѣній, которую святый Григорій Богословъ изображаетъ слѣдующимъ образомъ: «Что касается до мудрецовъ на-

---

1) Аполлинарій слѣдовалъ греческому философу Платону при своемъ дѣленіи природы человѣка на тѣло, животную, или жизненную, душу (ψυχή) и духовную, или разумную, душу (νοῦς).

2) Аполлинарій умеръ въ 390 году. Ересь Аполлинарія осуждена Соборомъ Александрійскимъ 362 года, хотя безъ упоминанія имени самого ересеучителя. Въ 375 году, когда Аполлинарій, отдѣлившись отъ Церкви, началъ образовывать свою секту, онъ былъ осужденъ Соборомъ въ Римѣ; послѣднее осужденіе было повторено Вторымъ Вселенскимъ Соборомъ.

3) Нужно замѣтить, что впослѣдствіи, и именно ко времени Второго Вселенскаго Собора, эта партія отказалась отъ своего еретическаго ученія о Святомъ Духѣ, оставшись, однако, вѣрной осужденному Первымъ Вселенскимъ Соборомъ утвержденію полуаріанъ, что Сынъ *подобосущенъ*, а не *единосущенъ* Отцу. Поэтому обычное выраженіе, что Второй Вселенскій Соборъ созванъ «на Македонія Духоборца» не находится въ строгомъ соотвѣтствіи съ исторической дѣйствительностью.

шего вѣка, то одни почитаютъ Его (т. е. Святаго Духа) дѣйствованіемъ, другіе тварью, иные Богомъ, а иные не рѣшались сказать о Немъ ни того, ни другого, изъ уваженія, какъ говорятъ они, къ Писанію, которое будто бы ничего не выразило о семъ яснаго, почему они не чтутъ и не лишаютъ чести Духа, оставаясь къ Нему въ какомъ-то среднемъ, вѣрнѣе же сказать, весьма жалкомъ расположеніи. Даже изъ признающихъ его Богомъ одни благочестивы только въ сердцѣ, а другіе осмѣливаются выражать свое благочестіе и устами. Но слышалъ я о другихъ еще болѣе мудрыхъ измѣрителяхъ Божества, которые хотя согласно съ нами исповѣдуютъ Троицу, однако жъ столько раздѣляютъ Лица Ея между Собою, что Одно почитаютъ безпредѣльнымъ по сущности и по силѣ (т. е. Отца), Другое безпредѣльнымъ по силѣ, но не по сущности (т. е. Сына), а Третье—ограниченнымъ и въ томъ, и другомъ» (т. е. Духа).

Такимъ образомъ предъ созваніемъ Вселенской Церкви опять былъ поставленъ вопросъ о Божествѣ Второго Лица Пресвятой Троицы, и, кромѣ того, ересь Аполлинарія и ересь Македонія возбудила новые вопросы догматическаго свойства: первая—о Богочеловѣчествѣ Христа Спасителя, а вторая — о Святомъ Духѣ, Третьей Ипостаси Пресвятой Троицы.

Отвѣтомъ на указанные вопросы и послужила дѣятельность Второго Вселенскаго Собора. Соборъ этотъ созванъ былъ императоромъ Ѳеодосіемъ Великимъ[1]) въ 381-мъ году въ Константинополѣ съ цѣлію «утвержденія во всей имперіи Никейскаго ученія противъ всѣхъ ересей». На этомъ Соборѣ присутствовали одни только восточные епископы, число коихъ было сто пятьдесятъ[2]). Среди Отцевъ Собора находились великіе святители того времени: Мелетій Антіохійскій, Григорій Нисскій, Кириллъ Іерусалимскій и Григорій Богословъ. Первыя засѣданія Собора происходили подъ предсѣдательствомъ Мелетія Антіохійскаго. Въ это время, по желанію императора и народа, на праздную Константинопольскую

---

[1]) Въ это время *Ѳеодосій Великій* былъ только императоромъ Востока; сдѣлавшись въ 392 году единодержавнымъ, обладателемъ какъ Востока, такъ и Запада, онъ нанесъ окончательный ударъ язычеству, издавъ законъ, по которому служеніе богамъ признавалось такимъ же преступленіемъ, какъ и оскорбленіе величества.

[2]) Поэтому лишь позже (а на Западѣ только въ VI вѣкѣ), когда догматическія опредѣленія Собора по причинѣ ихъ особенной важности и достоинства были приняты всѣми Помѣстными Церквами, за Соборомъ было признано всею Церковію значеніе Вселенскаго.

каѳедру Соборомъ былъ избранъ святый Григорій Богословъ. Вскорѣ Мелетій скончался, и предсѣдателемъ Собора, естественно, сдѣлался вновь избранный епископъ столицы, т. е. Григорій Богословъ. Первымъ дѣломъ новаго предсѣдателя было внесеніе Собору предложенія уладить давно уже волновавшій Антіохійскую Церковь расколъ[1]). Онъ предложилъ Отцамъ Собора не выбирать преемника умершему Мелетію: выборъ этотъ, по его мысли, нужно было отложить до кончины второго епископа Антіохіи—Павлина, когда обѣ враждующія партіи Антіохійской Церкви уже съ взаимнаго согласія могли бы выбрать себѣ епископа. Но Соборъ отвергъ предложеніе предсѣдателя, благодаря чему между нимъ и Отцами Собора возникло охлажденіе, окончившееся тѣмъ, что святый Григорій добровольно отказался отъ Константинопольской каѳедры; тѣмъ болѣе, что епископы Египта и Македоніи, запоздавшіе на Соборъ и потому не дававшіе согласія на избраніе Григорія Богослова епископомъ столицы, возбудили вопросъ о правильности этого избранія въ виду существованія 15 правила Перваго Вселенскаго Собора, запрещавшаго епископамъ переходъ съ одной каѳедры на другую[2]). Въ іюнѣ 381 года, послѣ прощальной рѣчи Отцамъ Собора, святый Григорій удалился въ Назіанзъ. Его мѣсто, по избранію Собора, занялъ сенаторъ Нектарій, бывшій еще только оглашеннымъ; Нектарій немедленно крестился и потомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней былъ рукоположенъ во всѣ священныя степени по епископскую включительно, такъ что даже святительскія одежды онъ носилъ сверхъ бѣлой одежды новокрещеннаго.

Догматическая дѣятельность Второго Вселенскаго Собора нашла свое выраженіе въ составленіи Символа, извѣстнаго въ исторіи Церкви подъ именемъ Никеоцареградскаго. Символъ этотъ принятъ безъ измѣненій всею Православною Церковію и содержится каждымъ православнымъ христіаниномъ, вѣрнымъ ученію своей Матери—Церкви. До Восьмого члена, то есть изложенія ученія о Святомъ Духѣ, Символъ Второго Вселенскаго Собора представляетъ собою Никейскій Символъ, измѣненный и дополненный Отцами въ

---

[1]) Расколъ этотъ возникъ въ Антіохіи въ началѣ 60 годовъ IV вѣка, когда въ ней одновременно появились два епископа—Мелетій и Павлинъ; оба они раздѣляли управленіе надъ православною паствою Антіохійской Церкви и у каждаго были свои сторонники, находившіеся въ непримиримой враждѣ со сторонниками противной стороны.

[2]) Св. Григорій Богословъ былъ предъ возведеніемъ на престолъ Константинопольской Церкви епископомъ мѣстечка Сасимъ.

виду тѣхъ ересей, которыми была вызвана необходимость созванія Второго Вселенскаго Собора. Въ ученіи о Богѣ Отцѣ Никейскаго Символа Отцы Собора послѣ слова «Творца» присоединили слова «Неба и земли»[1]). Въ ученіи о Сынѣ Божіемъ они замѣнили выраженіе («рожденнаго отъ Отца») «изъ сущности Отца, Бога отъ Бога»[2]) словами: «прежде всѣхъ вѣковъ»[3]), вычеркнувъ изреченіе «на Небѣ и на землѣ», идущее за словами: «чрезъ Котораго все произошло». Въ послѣдующее ученіе о Сынѣ Божіемъ, содержащееся въ Никейскомъ Символѣ, Отцами Собора вставлены нѣкоторыя слова, имѣющія цѣлію яснѣе выразить православное ученіе о плотскомъ естествѣ Богочеловѣка въ виду нѣкоторыхъ ересей; слова эти здѣсь означены курсивомъ: «насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія сшедшаго *съ небесъ* и воплотившагося *отъ Духа Святаго и Дѣвы Маріи*, и вочеловѣчившагося, *распятаго за насъ при Понтіи Пилатѣ* и страдавшаго, *и погребеннаго*, и воскресшаго въ третій день *по писаніямъ*, и восшедшаго на Небеса, и *сѣдящаго одесную Отца* и паки имѣющаго *пріити со славою* судить живыхъ и мертвыхъ, *Котораго царству не будетъ конца*[4]). Никейскій Символъ оканчивался словами (вѣрую) «и въ Духа Святаго». Второй Вселенскій Соборъ дополнилъ его, присоединивъ къ нему ученіе о Святомъ Духѣ, о Церкви, о Крещеніи, о воскресеніи мертвыхъ и жизни будущаго вѣка; изложеніе ученія объ этихъ истинахъ вѣры и составляетъ содержаніе VIII, IX, X, XI и XII членовъ Никеоцареградскаго Символа.

---

[1]) Т. о. Отцы Собора въ ученіи о Богѣ Отцѣ, изложенномъ въ Никейскомъ Символѣ, «не сдѣлали никакихъ существенныхъ поясненій» по причинѣ отсутствія споровъ въ Церкви о Первомъ Лицѣ Святой Троицы: «нужно ли говорить объ Отцѣ,—замѣчаетъ св. Григорій Богословъ,—Котораго не касаются по общему согласію (т. е. въ виду отсутствія разногласій) всѣ водящіеся естественнымъ смысломъ» (т. е. еретики).

[2]) При существованіи въ Символѣ словъ «Бога Истиннаго отъ Бога Истиннаго» выраженіе «Бога отъ Бога» являлось нѣкотораго рода повтореніемъ, котораго и старались избѣжать Отцы Второго Вселенскаго Собора, когда опустили послѣднее изреченіе.

[3]) Слова «прежде всѣхъ вѣковъ», замѣнившія изреченіе Никейскаго Символа «изъ сущности Отца», съ исчерпывающей опредѣленностью указуютъ на предвѣчное рожденіе Сына Божія, тогда какъ выраженіе Никейскаго Символа: «рожденный отъ Отца т. е. изъ сущности Отца» и «единосущный Отцу» «могли приводить къ мысли, что сначала послѣдовало рожденіе Сына отъ Отца, и потомъ бытіе Его съ извѣстными свойствами».

[4]) Т. о. дѣятельность Отцевъ Второго Вселенскаго Собора, какъ видно, не была отмѣной или измѣненіемъ по существу Никейскаго Символа, но лишь болѣе полнымъ и опредѣленнымъ раскрытіемъ содержавшагося въ немъ ученія, и сами Отцы 1 правиломъ постановили: «да не отмѣняется Символъ Вѣры трехъ сотъ осминадесяти Отцевъ, бывшихъ на Соборѣ въ Никеѣ, что въ Виѳиніи, но да пребываетъ оный непреложенъ».

Вторымъ Вселенскимъ Соборомъ составлено *четыре*[1]) каноническихъ правила, изъ коихъ особенно важное значеніе имѣютъ два постановленія: 1) запрещеніе епископамъ однихъ Помѣстныхъ Церквей вмѣшиваться въ дѣла другихъ Церквей и 2) предоставленіе епископамъ Константинополя, какъ Новаго Рима, перваго мѣста въ смыслѣ чести вслѣдъ за римскими епископами. Воспоминаніе Второго Вселенскаго Собора Православною Церковію совершается 22 мая.

Тропа́рь ст҃ы́хъ ѻ҆те́цъ, гла́съ и҃:

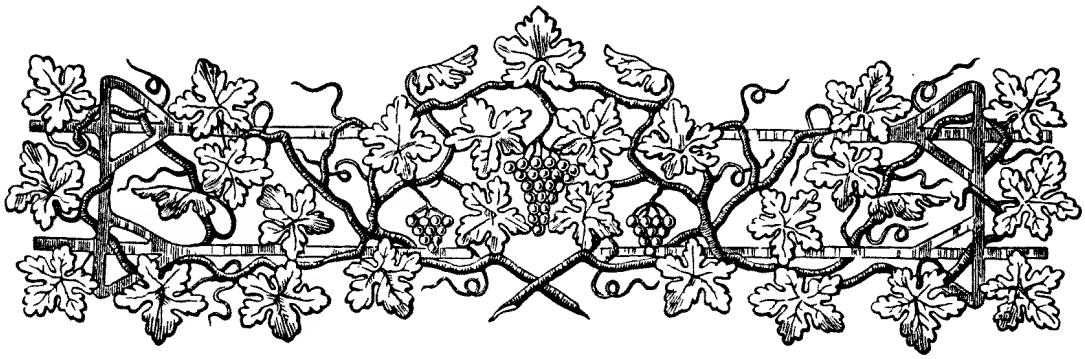
Препросла́вленъ є҆сѝ хр҃тѐ бж҃е на́шъ, свѣти́ла на землѝ ѻ҆тцы̀ на́ши ѡ҆снова́вый, и҆ тѣ́ми ко и҆́стиннѣй вѣ́рѣ всѧ̀ ны̀ наста́вивый: многобл҃гоꙋтро́бне, сла́ва тебѣ̀.

Конда́къ, гла́съ и҃:

А҆пⷭ҇лъ проповѣ́данїе и҆ ѻ҆те́цъ догма́ты, цр҃кви є҆ди́нꙋ вѣ́рꙋ запечатлѣ́ша: ꙗ҆́же и҆ ри́зꙋ носѧ́щи и҆́стины, и҆стка́нꙋ ѿ є҆́же свы́ше бг҃осло́вїѧ, и҆справлѧ́етъ и҆ сла́витъ бл҃гоче́стїѧ вели́кое та́инство.

---

[1]) Хотя въ греческихъ, славянскихъ и русскихъ изданіяхъ Второму Вселенскому Собору приписывается 7 правилъ, но въ дѣйствительности ему принадлежатъ только первыя четыре, о которыхъ упоминаютъ и церковные историки V вѣка. Правила же 5 и 6 составлены на Константинопольскомъ Соборѣ 382 года, 7-ое представляетъ собою сокращеніе посланія, сдѣланнаго Трулльскимъ Соборомъ (692 года) отъ лица Константинопольской Церкви къ Антіохійскому епископу Мартирію.



День первый

ЖИТИЕ
СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
МАКАРИЯ,
митрополита Киевского и всея Руси

Среди угодников Божиих, прославленных Русской Православной Церковью, есть святые, которые не оставили по себе никаких письменных произведений, земная жизнь их почти не освещена историей, но память церковная хранит и прославляет их как образец для подражания. Нетленные мощи таких святых, о которых время не сохранило даже достаточных их жизнеописаний, подают такие непреложные благодатные свидетельствования, что они всецело заменяют недостаточность исторических сведений о них.

К таким угодникам Божиим принадлежит и священномученик Макарий, митрополит Киевский и всея Руси. Вся его жизнь и вся его деятельность остались в тени истории,— возможно, для того, чтобы более ярко обозначилась небесная слава святителя.

О святом митрополите Макарии известно лишь то, что он происходил от зажиточных и благочестивых родителей, живших в западных украинских землях, находившихся под владычеством Литвы. Когда и где родился, воспитывался и учился священномученик Макарий, — об этом нам ничего не известно. Неизвестно и то, когда он поступил в монастырь и в каких монашеских подвигах он совершенствовался. Обо всех

Память священномученика Макария со времени его кончины праздновалась в день преподобного Макария Египетского, а именно 19 января (по ст. ст.), но с 1827 года празднуется 1 мая (по ст. ст.) — в день его мученической кончины.

Сщ҃енномч҃никъ
МАКАРИЙ
икона из Макариевской церкви (Киев) с частичкой мощей

этих сторонах его жизни мы можем говорить лишь по скупым свидетельствам исторических условий и событий того времени, в которых святитель жил, участвовал либо мог участвовать.

Один из исследователей жизни святого Макария говорит, что он славился своей подвижнической жизнью, истинным благочестием, нерушимой преданностью Православию и усердным исполнением возложенных на него обязанностей. Так, когда его избрали архимандритом Виленского Свято-Троицкого монастыря, он привел врученную его заботам обитель в цветущее состояние: основал при монастыре дом для паломников, содействовал развитию подвижничества среди монашеской братии. В управлении монастырем литовской столицы он проявил столь высокие способности, что после смерти митрополита Ионы Глезны Собор православных западнорусских епископов избрал архимандрита Макария митрополитом Киевским и всея Руси.

Время жизни священномученика Макария приходится на XV столетие. Оно известно в истории не только как время становления и роста могущества централизованного Российского государства, но в то же время как период различных смут и нестроений, время борьбы Православия против попыток ввести унию на украинских и белорусских землях, подвластных Польше и Литве, которые достигли в это время особого могущества. Отечественные историки справедливо считают XV столетие водоразделом русской истории.

И в церковном отношении XV столетие было временем великих событий. Выдающиеся военные и политические успехи Великого Литовского князя Витовта и стремление отдалить православное население Литвы от единоверных братьев в Московском государстве побудили его добиваться учреждения отдельной Митрополии для подчиненных ему белорусских и украинских земель. Не добившись в Константинополе призна-

ния Киева митрополичьим центром всей Русской Церкви, Витовт созвал в 1415 году в Новогрудке Собор западнорусского духовенства и представителей мирян. На нем митрополитом Киевским и всея Руси был поставлен ученый-иеромонах Григорий Цамблак.

После него признание Витовта снискал митрополит Фотий, возобновивший единство митрополии всей Русской Церкви. Получив власть над литовской паствой, митрополит Фотий поторопился посетить Литву и обратился к духовенству и верным этих епархий с большим посланием. Отношения с князем Витовтом у митрополита Фотия оставались хорошими до самой смерти Великого князя в 1430 году. В это время в единую Русскую митрополию вошла и Галичина, где с 1371 года были свои митрополиты или их наместники.

После смерти митрополита Фотия (8 июля 1431 г.) Московский Великий князь Василий Васильевич II (Темный) в 1432 году с Собором российских архиереев и всем духовенством избрали епископа Рязанского Иону митрополитом Киевским и всей Руси. Новоизбранный и нареченный митрополит Иона должен был поехать в Константинополь за патриаршим поставлением, но из-за княжеских междоусобиц задержался. Тем временем преемник Витовта Литовский князь Свидригайло после кончины митрополита Фотия послал к патриарху своего кандидата на Русскую митрополию — Смоленского епископа Герасима. Патриарх Константинопольский поставил в 1433 году Герасима митрополитом, но только на Литву. Когда же епископ Иона, несколько лет до того исполняя обязанности митрополита, наконец в 1436 году прибыл в Константинополь за утверждением, ему сказали, что митрополитом всея Руси уже поставлен грек Исидор. Ионе пообещали митрополию после Исидора.

Почему так случилось, если патриарху своевременно было сообщено об избрании на митрополию Ионы? Правящие круги Византии, на которые со всех сторон давили турецкие завоеватели, искали против них военную помощь на Западе. Там обещали помощь, но взамен требовали вступить в унию с Римом, признать верховенство римского первосвященника. Византийская государственная и церковная власти вопреки воле народа, становясь на сторону унии, были готовы, дабы угодить Риму, втянуть в унию Православную Русь. С этой целью, по подсказке Рима, и был рукоположен на Русь рьяный сторонник унии митрополит Исидор.

В мае 1437 года он приехал в Москву, где его встретили очень неприветливо, ибо он не скрывал своих взглядов и симпатий к латинству. В скором времени Исидор начал собираться на созываемый папой Собор в Ферраре. Великий князь Василий Васильевич настоятельно отговаривал митрополита от этого путешествия. Однако Исидор этого совета не принял и был на Ферраро-Флорентийском Соборе главным орудием наиактивнейших сторонников унии.

С Собора в Москву митрополит Исидор ехал уже как кардинал и «легат от ребра апостольского в землях ливонских, литовских и русских», везде показывая себя ревностным поборником и распространителем унии. Он совершал службу с католическим духовенством в костелах, освящал латинские храмы, рассылал послания, восхваляя в них унию. На Пасху 1440 года Исидор служил службу по православному обряду в краковском латинском соборе, но когда он во Львове попытался в православной церкви служить по латинскому обряду, рьяному пропагатору унии пришлось экстренно покидать город, спасаясь от возмущения православных львовян. Не приняли униатского «митрополита Киевского» и в центре Митрополии — Киеве: сторонников унии на Западе Руси не нашлось.

На Востоке Руси униатское рвение митрополита Исидора также встретило решительное осуждение всего православного русского народа. Московский князь Василий II, духовенство и весь народ решительно встали на защиту Православия. Когда митрополит Исидор в марте 1441 года в Успенском соборе Кремля на первой Литургии помянул имя папы Евгения, а после во всеуслышание огласил акты Ферраро-Флорентийского Собора,— он вызвал этим на себя гнев Великого князя, епископов, духовенства и всего православного народа. Великий князь велел взять митрополита Исидора под стражу в Чудовом монастыре, а Собор епископов осудил его как еретика.

В середине сентября 1441 года Исидор бежал из-под стражи сначала в Тверь, а потом в Новогрудок, к Великому Литовскому князю Казимиру. Не найдя почвы для распространения унии и в литовской части «своей» митрополии, униатский кардинал Исидор навсегда отбыл в Рим. Так безславно закончилось пребывание митрополита Исидора на Русской митрополии, таким ничтожным был конец его попытки насадить Флорентийскую унию на Руси.

После Флорентийского Собора авторитет греков и их Православия в глазах православных людей на Руси очень пошатнулся. Здесь начали считать Русь единственной хранительницей чистоты Православной веры и церковного сознания. Это мнение особенно укоренилось, когда турки в 1453 году взяли Константинополь и на руинах Византийской империи возникло нехристианское, мусульманское государство.

Еще до того, в декабре 1448 года, в Москве был созван Собор епископов, архимандритов, игуменов и всего священства. На нем епископ Иона поставляется митрополитом Киевским и всея Руси. Первой заботой святого Ионы после вступления на митрополичью кафедру было объединение под своей властью Литовской и Галицкой части Русской Православной Церкви. Старания святого митрополита Ионы увенчались успехом относительно Литвы: король Казимир признал его власть над Литвой; Галичина, входившая в состав Польского государства, номинально оставалась подвластной митрополиту Исидору. Мудрый и ревностный мит-

рополит Иона зорко следил за очищением подчиненных ему епархий от униатского семени, занесенного Исидором.

Десять лет митрополит Иона управлял литовскими епархиями, пока в 1458 году не отобрали у него литовскую половину митрополии. В тот год Русская Православная Церковь-митрополия была разделена на две митрополии: Киево-Литовскую и Московскую. Разделение это продолжалось 227 лет, до 1685 года, когда Киевская митрополия вошла в состав Московского Патриархата. Вследствие притязаний латинского духовенства папа Каллист III уговорил Польского короля Казимира отобрать у митрополита Ионы православные епархии в Литве и принять на них митрополита-униата Исидора. Сам Исидор уже состарился и не поехал из Рима в Литву. Вместо него запрещенный в священнослужении Собором 1451 года патриарх-униат Григорий Мамма, живший в Риме, рукоположил в митрополита настоятеля монастыря св. Димитрия в Константинополе Григория. Этому, назначенному римской курией, митрополиту Григорию Болгарину предоставлен был титул Архиепископа Киевского, Литовского и всея Малой Руси.

Когда известие об этом дошло до Москвы, Великий князь и Митрополит употребили все средства, чтобы не допустить Григория занять Киево-Литовскую кафедру. Великий князь отправил посольство к польскому королю с просьбой не принимать митрополита-униата. Митрополит Иона послал в Литву двух игуменов, поручив им убеждать православных вельмож, бояр, духовенство и всех православных стоять за свою веру и не принимать к себе митрополитом Исидорова ученика Григория. Однако Григорий Болгарин не только получил от короля Казимира Киево-Литовскую митрополичью кафедру, но Казимир даже предлагал самому Великому князю Василию Васильевичу принять митрополита Григория вместо состарившегося уже митрополита Ионы.

Такие далекоидущие планы распространения унии на Московию зрели в курии. Но в этот раз случилось по-другому. Ознакомившись с действительным положением вещей в подчиненных ему епархиях, митрополит Григорий вначале не проявлял никакой унийной активности, а в 1470 году Константинопольским патриархом Дионисием он был присоединен к Православию, получил от него благословение на Киевскую митрополию и оставался на ней до своей кончины в 1475 году.

Так обстоятельно изложены факты из церковной жизни на Руси XV столетия, дабы понятны были государственные и церковные обстоятельства того времени, когда священномученик Макарий был избран митрополитом Киевским.

При жизни святого митрополита Макария отношения между Москвой и Литвой преимущественно были неприязненными как с церковной, так и с государственной точки зрения. Как сказано выше, православный народ в Литве был предан своей вере. Но эта преданность не исключала

бытовых и религиозных трений среди народа. Непрестанные войны, набеги чужеземцев, княжеские усобицы, притеснения со стороны князей и бояр — все это делало тяжкой жизнь простого люда.

Православному духовенству в Польше и Литве приходилось, с одной стороны, хранить православную веру и паству от католиков и униатов, а с другой стороны, искоренять в народе остатки языческого суеверия, различные ошибки в понимании православного вероучения, исправлять моральные пороки богатых и бедных, утешать униженных и оскорбленных, удерживать сильных от произвола и насилия. И православные иерархи того времени, во главе с митрополитом Киевским и всея Руси, должны были соответствовать высоким христианским требованиям.

Среди таких иерархов, поборников евангельских заветов добра и справедливости, прославленных от Господа особыми знамениями через их святые мощи, был и священномученик Макарий. Кратковременная архипастырская деятельность его проходила в очень сложных условиях, ибо на долю митрополитов Киевских выпадала особенно трудная борьба с католиками и униатами для защиты православной веры. Православным возбранялось не только строить новые церкви своего обряда, но и возобновлять уже существующие храмы, если они приходили в упадок.

Но народ не оставлял своей веры: православные люди особенно щедро вносили пожертвования православным церквам и монастырям. Состоятельные люди отписывали монастырям и церквам села, земли и угодия, делали вклады на помин души и этим поддерживали Православие в борьбе за его существование.

В начале 1494 года умер митрополит Иона Глезна, и православные люди Литвы избрали своим митрополитом архимандрита Виленского Свято-Троицкого монастыря Макария. В1495 году Собор епископов нарек архимандрита Макария во епископы и поставил митрополитом. Супрасльская летопись рассказывает об этом так: «Собрались тогда епископы: Владимирский Вассиан, Полоцкий Лука, Туровский Вассиан, Луцкий Иона и поставили архимандрита Макария... митрополитом Киеву и всей Руси; а к Патриарху за благословением послали старца Дионисия и Германа диакона-инока»[1]). Посланные в Константинополь от элекционного Собора старцы Дионисий и Герман возвратились в Вильно в 1496 году «и принесли,— как замечает лепопись,— от Патриарха Никифора письма благословенны, под большими печатями оловянными, Великому князю и Великой княгине, и митрополиту, и епископам, и князьям, и боярам, и всем православным христианам»[2]).

О состоянии Православной Церкви в Литовском государстве при святом Митрополите красноречиво свидетельствует история женитьбы Вели-

[1]) Митрополит Макарий, История Русской Церкви. Т. IX. С. 82.

[2]) Там же. С. 83.

кого князя Литовского Александра на дочери Московского Великого Князя Иоанна III Елене. Брак этот устраивался обеими сторонами из соображений государственных. В то же время Иоанн III, «государь всея Руси», отдавая свою дочь Елену за князя Александра, добивался для нее, а через нее — и для всех православных в Литовском государстве, определенных религиозных льгот. Так, в беседе с послами Александра Иоанн III подчеркнул, что он согласен отдать дочь за Александра, только если «неволи ей в вере не будет». Великий Князь Московский требовал, чтобы Александр относительно этого дал утвердительную грамоту в такой форме: «Нам его дочь к римскому закону не принуждать, держит она свой греческий закон»[1]). Князь Александр не отказался дать такую грамоту, но велел написать ее в другой форме: «Александр не будет принуждать жену к перемене закона, но если она сама захочет принять римский закон,— то ее воля». Однако князь Иоанн III настаивал на своей редакции: «Скажите от нас брату и зятю нашему, Великому Князю Александру: о чем он с нами договорился и письмо дал, на том бы он и стоял, чтобы нашей дочери никоторым способом к римскому закону не принуждал; если бы даже наша дочь сама захотела приступить к римскому закону, то мы ей воли на то не даем, и Князь Великий Александр на то ей воли чтобы также не давал». Самой же Елене отец дает такой наказ: «В латинскую божницу не ходить, а ходить в свою церковь, а захочет посмотреть латинскую божницу либо монастырь, то может посмотреть один раз или дважды»[2]).

Православный люд Литвы надеялся на высокую поддержку от православной Великой княгини, но не всегда эти надежды оправдывались. Когда княжна Елена приехала в Вильно (15 февраля 1495 г.) и приблизилась к православной церкви Рождества Богородицы, здесь вместе с сонмом духовенства ее встретил нареченный митрополит Макарий и отправил торжественный молебен. Но когда из православной церкви княжну Елену для венчания повели в костел св. Станислава, перед нею из всего православного духовенства с крестом в руках позволено было идти одному священнику Фоме, сопровождавшему ее из Москвы.

Нареченный митрополит Макарий и прочее православное духовенство в службе Таинства Брака участия не принимали. Нарушив данное в Москве литовскими послами слово, князь Александр не разрешил митрополиту Макарию венчать княжну Елену. Молитвы во время венчания читал священник Фома. Послы Александра, как сетовал со временем князь Иоанн III, «договорились с нашими боярами, что когда дочь наша придет к нему в Вильно, то венчать ее — митрополиту, а не будет митрополита, то Владыке нашего, греческого закона; когда же наша дочь к нему приехала,— он на то время никоторому Владыке не велел у себя

[1]) С.М. Соловьев, История России с древнейших времен. Т. V. М., 1960. С. 104.
[2]) Там же. С. 106.

в Вильно быть, а нареченному митрополиту Макарию, архимандриту Троицкому, дочь венчать не велел»[1]).

Отпуская свою дочь Елену в Литву к Александру, князь Иоанн III поставил еще одно непременное условие: чтобы Александр построил для Елены неподалеку от дворца православную церковь. Однако Александр этого условия не выполнил, сколько ни настаивал на этом князь Иоанн. На все напоминания Александр отвечал, что «князи наши и паны, вся земля имеют права и записи от предков наших и от отца нашего, и от нас, а в правах написано, что церквей греческого закона больше не добавлять; поэтому нам тех прав предков наших, и отца нашего, и наших нарушать не годится. А для княгини нашей церковь греческого закона есть в городе близко: если ее милость захочет в церковь,— мы ей не возбраняем»[2]).

Вскоре после свадьбы Литовский князь отослал из Литвы всех русских бояр из свиты княгини Елены, оставив только священника Фому (кстати, не очень доброжелательного к Елене), двух певчих и поваров.

У кого же находила для себя поддержку, утешение и отраду православная княгиня Елена в таком католическом окружении, при постоянном стремлении привести ее к римской вере?

Единственным ее утешителем, советником и хранителем был святый митрополит Макарий. Как высший архипастырь всего православного народа в Польско-Литовском государстве он, конечно, имел доступ к православной княгине. Он постоянно убеждал ее быть твердой в Православной вере, а отца ее, Великого князя Иоанна III, предуведомлял о всех коварствах врагов Православия, ища у него защиты и помощи. И князь Иоанн неоднократно настойчиво напоминал князю Александру, чтобы он прекратил преследование православных в своем государстве. Иногда «государь всея Руси» даже оружной силой вставал на защиту православных подданных литовского князя.

Одному Богу известно, что было бы с православными в Литве да и с самой Великой княгиней Еленой, если бы они не имели такого искреннего молитвенника, ревностного заступника и поборника Православия, каким был святый митрополит Макарий.

Кроме защиты православной веры и православной паствы от притеснений со стороны католиков и униатов, митрополит Макарий много сил отдавал благоустроению самой Православной Церкви. «Святитель Макарий, — пишет один из исследователей его деятельности,— прилагал немало усилий и для того, чтобы в православных храмах торжествовали высокая набожность и надлежащий порядок, чтобы хранились уставы и обряды Православной Церкви, а храмы Божии чтобы содержались в возможной благолепности»[3]).

---

[1]) Митрополит Макарий, История... Т. IX. С. 85.

[2]) С.М. Соловьев, История... Т. V. С. 106.

[3]) Проф. Ф.И. Титов, Св. священномученик Макарий. К., 1897. С. 13.

Сохранились свидетельства, что после благоустройства церкви Свято-Духова Виленского монастыря попечением Великой княгини Елены митрополит Макарий сам освящал этот храм.

Постоянной заботой для святителя было улучшение быта духовенства, освобождение его от вмешательства мирских людей при избрании и содержании клириков.

В Литовском государстве духовенство было тогда в большой зависимости и подчинении светским властям и самим мирянам. Почти повсеместно в южных и западных областях прихожане сами избирали себе священников и весь церковный причт. Вполне естественно, что он полностью зависел от воли мирян. Точно так же король и местные вельможи и паны своей волей назначали епископов и настоятелей монастырей. Эти священные места как «духовные хлеба» подавались часто людям совершенно несоответствующим, безо всякого внимания к способностям и моральным достоинствам кандидата. Церковные должности иногда отдавали «на кормление» светским людям за военные или государственные заслуги. Случалось, что монастырями управляли люди абсолютно посторонние, даже враждебные правилам и уставам монастырской жизни. Бывали случаи, когда какой-либо пан или вельможа, получив «на кормление» монастырь или даже епископию, отдавал этот «духовный хлеб» на откуп епископу, архимандриту или же какому-нибудь абсолютно постороннему лицу.

Некоторые своевольные паны без каких-либо оснований изгоняли священников и монахов из приходов и монастырей, и Божьи храмы надолго оставались без церковных служб. Лишенные места священники и монахи скитались по городам и селам, морально опускались и тем порочили свой сан и Православную Церковь.

Конечно, такое положение вещей не было повсеместным и всеобщим, но такие недостатки были, и с ними вел решительную борьбу святый Макарий. Он принимал все меры к тому, чтобы православное духовенство было на высоте своего призвания и подавало добрый пример жизни для паствы, а не было для нее соблазном. Когда митрополит Макарий видел, что священник игнорирует его замечания и не исполняет своего пастырского долга, он сурово карал за такое непослушание. Например, он наказал священника Никольской церкви в Вильно за то, что тот непристойно вел себя и этим оскорблял свой сан и обычное человеческое достоинство. Святитель лишил этого священника прихода и запретил ему священнослужение, несмотря на заступничество и просьбы знатных прихожан.

Вмешательство мирян в церковно-приходские дела святый Макарий ограничивал церковными канонами и удерживал всякое своеволие. Назначать священнослужителей на свободные места без его согласия и благословения не разрешалось. Заведывать церковным и монастырским имуществом митрополит Макарий поручал людям, преданным Церкви и благо-

честивым. Все это содействовало сохранению монастырского и церковного достояния. Когда открылось место архимандрита в Свято-Троицком Виленском монастыре, где сам святитель прежде был архимандритом, святый Макарий, не ожидая согласия так называемых церковных попечителей, передал управление монастырем игумену Зосиме. Собравшимся мещанам он сказал: «Дети возлюбленные! Я тот монастырь получил от Симеона митрополита, а не от вас. А нынче тот монастырь даю Зосиме, а вам, дети мои, честь оказываю, — дайте ему ключи из своих рук».

Точно так же поступал святитель Божий и в других подобных случаях. Приводя в порядок церковные дела в Литве, святый Макарий не оставлял без внимания и другие места своей обширной митрополии. И Киев, и Святая София Киевская — митрополичья кафедра были тогда в большом упадке. Митрополиты уже давно не жили в Киеве. Софийский храм был очень разрушен. Предшественники святого Макария не бывали в Киеве уже более ста лет. Движимый чувством архипастырского долга и любовью к своей пастве, святый Макарий, собрав некоторые средства для восстановления Софии Киевской и Киево-Печерской Лавры, которые незадолго перед тем были разграблены и разрушены татарами, в 1497 году отправился в Киев — свой кафедральный город. Время было тревожное. По стране носились разбойнические татарские отряды. Друзья и почитатели святого Митрополита не советовали ему ехать в Киев в такое опасное время, а дождаться более спокойного. Но стойкий в своих решениях святитель Божий ответил, что он является Митрополитом Киевским и должен быть в Киеве, особенно когда этот город в беде. «Я хочу исполнить мой святительский долг как архипастырь. Да будет на мне воля Божия!»

Такая настойчивость митрополита Макария в желании ехать в Киев обусловливалась еще и тем, что Великий Князь Александр, согласно советам своего окружения, намеревался отдать Киевское княжество своему младшему брату Сигизмунду I, который на то время был королем католической Польши. Кроме того, по-видимому имело значение и то, что окружение Великого Князя Александра уверяло Митрополита, будто бы дорога в Киев безопасна, поскольку незадолго перед тем татары потерпели поражение в своих походах на Волынь и Подолию.

Вот так Великим Постом митрополит Макарий отправился в Киев. Проезжая вдоль Припяти, мимо села Стриголов, что неподалеку от Мозыря, святитель остановился для отдыха. В селе была церковь, и он пожелал совершить в ней Божественную Литургию. Во время службы ему сообщили, что появились татары. Святому Макарию советовали спрятаться, но он вышел на амвон и обратился к богомольцам: «Спасайтесь, детки, а мне нельзя. Я отдаю себя воле Божией!» Стриголовцы разбежались. Благоговейно положившись на волю Божию, святитель продолжал служить Литургию. Ворвавшись в церковь, татары схватили стоявшего возле Престола служителя

Божиего и тут же, у Престола, усекли ему главу. Поскольку при мощах священномученика Макария нет правой руки, есть основания полагать, что святитель крепко держал в правой руке Святой Потир так, что нечестивцы, не будучи в состоянии отнять драгоценную вещь, отсекли и десницу.

С таким истинным христианским самоотречением и апостольской преданностью своему долгу принял кончину святитель Божий священномученик Макарий—митрополит Киевский и всея Руси. Летопись о мученической его кончине говорит кратко: «Года 1497, мая 1-го, на шестой седмице по Пасхе, в понедельник безбожные перекопские татары убили преосвященного митрополита Киевского и всея Руси архиепископа Макария. Ворвались они в нашу землю крадучись от всех и настигли его в селе Стриголове на реке Бчиче, за пять миль от Мозыря, и тех, кто был с ним, одних поубивали, а других взяли в полон... Но я уповаю на Господа Бога, что такая смерть приключилась архиерею Божиему для большей ему награды, ибо ехал он в Киев, желая помочь церкви Божией — Софии, разоренной ранее теми же агарянами... Перед кончиной, за 8 дней, некто открыл ему близкое разлучение души его с телом; но он, как человек, несколько сомневался... Чудовищно, братие, когда такое случается с архиереем Божиим, по попущению Божию: как же мы избежим гнева Божия за наши дела?»[1]).

Святую душу Владыки, по разлучении с телом, Ангелы перенесли в Горний Иерусалим, а тело его было найдено в болотистой местности между реками Припять и Вжища (Бчича), спустя продолжительное время после возвращения стриголовцев к своим разграбленным и сожженным жилищам. Несмотря на жару и заболоченную местность, где был найден митрополит Макарий, тело его оставалось нетленным. В скором времени весть о всем случившемся достигла Киева. Тогда же стриголовцы вместе с монахами Киево-Печерской Лавры доставили нетленные останки священномученика по рекам Припяти и Днепру в Киев и положили их в правой (южной) части Софийского собора перед иконостасом, возле образа Архистратига Божия Михаила: в Софию Киевскую стремился все время святитель Божий, и именно здесь останки его нашли свою обитель. Здесь же хранился и митрополичий кипарисовый крест.

Воспоминания свидетельствуют, что когда челн с останками митрополита Макария плыл по Днепру, то поднялась буря, и волны были так велики, что люди боялись утонуть: но где шел челн с нетленными останками святителя Макария, была такая тишь, что все дивились и радовались милости Божией.

По представлению братии Киево-Печерской Лавры, в 1547 году, во время митрополита Киевского и Галицкого и всея Руси Макария II, священномученик Макарий, митрополит Киевский и всея Руси, был причтен к сонму святых.

---

[1]) Митрополит Макарий, История... Т. IX. С. 84.

Недолго судил Бог святительствовать священномученику Макарию, но и за короткое время своего управления Киево-Литовской митрополией он принес Церкви и православному люду Украины много пользы. Его апостольская забота о чистоте Православия, отеческое тщание о пастве, терпение в страданиях и мученическая кончина прославлены Богом, Которому священномученик Макарий посвятил всю свою жизнь.

От святых нетленных мощей святителя Макария от начала исходили чудеса. В 1625 году сентября 6 дня в правление польского короля Сигизмунда III и Киевского воеводы Хомы Замойского, когда митрополитом Киевским был Иов (Борецкий), паны Андрей Борецкий и Степан Шимонович — первый из с. Глевахи, а другой из Юровки — ехали в Киев. К восходу солнца прибыли к воротам города, называемым Золотыми, и как проехали их, увидели в Софии Киевской великое освещение в окнах и услышали очень приятное пение. Удивились они, что в пустой церкви так рано служится служба Божия. Когда же они захотели войти через двери, то не смогли этого сделать, потому что двери были завалены камнями и мусором. Сквозь проломы в стенах, оставшиеся после вражеского разрушения, они увидели на хорах певчих, одетых в белые ризы, и в испуге побежали сообщить об этом Митрополиту. Тогда Иов, задумавшись, рассказал им, что и сам он такое не однажды видел: «Вот незадолго перед вашим приездом, как-то после утренней молитвы, вышел я походить в саду,— рассказал он,— когда глядь на Святую Софийскую церковь, и вдруг вижу — в большом куполе огонь горит. Послал я служку к сторожу, чтобы спросил, кто там спозаранку с огнем расхаживает. Сторож сказал ему, что никого в церковь не пускал». Тогда же святитель сказал прибывшим: «Запомните, чада, слова мои; я уже стар и, наверное, не дождусь, но при моих преемниках возвернется к вам церковь из рук ее захватчиков». Что и произошло в 1633 году, июня 2-го дня.

Когда в 1635 году митрополит Петр (Могила) возобновил службу Божию в восстановленном соборе Святой Софии, еще более начали славиться святые мощи священномученика Макария среди благочестивого православного люда. Так, в 1636 году в день Введения Богородицы во храм перед иконостасом рукой и огнем небесным была возжена свеча, которая горела всю ночь на удивление всем благочестивым отцам и братии монастыря (было время, когда при Софии Киевской существовал монастырь).

Эти и другие чудесные знамения от святых мощей священномученика Макария записаны в «Тератургиме» Кальнофойского. Но они происходят и ныне и ежечасно, только бы мы имели глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать.

Чудодейственность святых мощей и заступничество священномученика Макария никогда не прекращаются. В 1995 году, после нескольких ограблений канонических православных церквей, среди них и Макари-

евской, что в Киеве на Юрковице, совершенных безбожными нечестивцами, настоятель храма решил защитить икону священномученика Макария со святыми мощами от святотатства и спрятал ее. Но после настойчивых просьб богомольцев он снова внес святую икону в церковь и положил ее на своем месте. Именно в этот день налетела гроза. Молния ударила в колокольню, прошла по деревянным столбам и балкам, пропаляя их. Вдруг пламя прекратилось. Пожара не случилось. На следующий день отец настоятель отслужил благодарственный молебен с Акафистом священномученику Макарию.

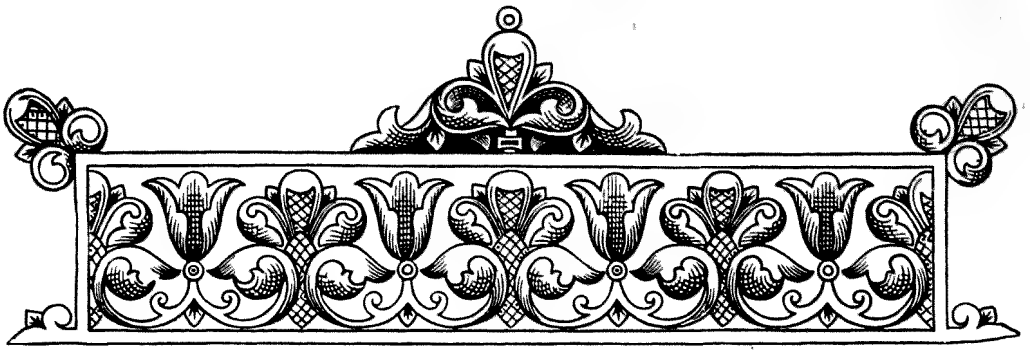
Так священномученик Макарий не оставляет своим заступничеством всех, кто искренно чтит его и радо к нему приклоняется в своих молитвах. Он, как при жизни своей здесь, на Земле, так и ныне с Небес, болеет о каждой душе — чтобы крепко держалась канонического Православия. И неслучайно мы поем в акафисте: “Ра́дꙋйсѧ, ꙗвле́нїемъ моще́й твои́хъ въ правосла́вїи на́съ оу҆тверждаѧй”.

Конда́къ, глас г҃:

О преди́вный и҆ преблж҃е́нный оу҆го́дниче хрⷭ҇то̀въ, ст҃ы́й сщ҃енномч҃ениче, оу҆слы́ши на̀съ грѣ́шныхъ ча̀дъ твои̑хъ и҆ прїѐмъ сїѐ ма́лое бл҃гохвале́нїе на́ше, многомо́щнымъ предста́тельствомъ твои́мъ, ѿврати̑ гнѣ́въ бж҃їй, пра́веднѡ за грѣхѝ на́шѧ на ны двѝжимый, и҆ и҆спроси́ на́мъ проще́нїѧ мно́жества беззако́нїй на́шихъ, оу҆молѝ дарова́ти хрⷭ҇тїанскꙋю кончи́нꙋ живота́ на́шегѡ, да по вели́цѣй млⷭ҇ти гдⷭ҇ни мꙋ́ки вѣ́чныѧ и҆зба́вльшесѧ, сподо́бимсѧ оу҆лꙋчи́ти нбⷭ҇ныхъ бл҃ги́хъ, и҆́хже ты̀ ны́нѣ наслажда́ешисѧ, поѧ̀ бг҃ꙋ: А҆ллилꙋ́їа.

Конда́къ, глас в҃:

Ви́дѧще ст҃ыѧ мо́щи твоѧ̑, мнѡ́гаѧ чꙋдеса̀ и҆сточа̑ющаѧ, и҆ покланѧ́ющесѧ и҆̀мъ, ꙗ҆кѡ ди́вномꙋ зна́менїю млⷭ҇ти гдⷭ҇ни къ землѝ на́шей, ра́достнѡ бл҃годари́мъ бг҃а, бл҃гоговѣ́йнѡ пою́ще є҆мꙋ̀: А҆ллилꙋ́їа.



День шестой

ЖИТІЕ
ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО
ІОВА,
игумена Почаевскаго

Вся столѣтняя подвижническая жизнь преподобнаго Іова прошла на далекой западной окраинѣ украинской земли, въ королевствѣ Польско-Литовскомъ, въ тяжелые годы гоненія на Православіе и украинскую народность со стороны іезуитовъ, уніатовъ и протестантовъ.

Родиной преподобнаго Іова была юго-западная часть Галиціи — Покутье[1]). Здѣсь около 1551 года у благочестивой, вѣроятно дворянской, супружеской четы, по фамиліи Желѣзо, родился сынъ, названный при Святомъ Крещеніи Іоанномъ. Проникнутые духомъ Христовой любви родители Іоанна внушили ее и своему сыну: въ отрокѣ очень рано начала обнаруживаться наклонность къ тихой, уединенной иноческой жизни, рѣшительное стремленіе всецѣло посвятить себя на служеніе Богу. На десятомъ году Іоаннъ, оставивши любимыхъ родителей, удаляется въ Угорницкій монастырь[2]) и проситъ игумена «дозволить ему служить

Память его празднуется также мѣсяца октября въ 28-й день.

1) Эта мѣстность лежитъ между Карпатами и Днѣстромъ, прежде Покутье принадлежало Польско-Литовскому королевству, а по первому раздѣлу Польши 1773 г. отошло къ Австріи и составляетъ въ настоящее время такъ называемый «Коломыйскій повѣтъ».

2) *Угорницкій монастырь* находился въ Покутьи, на родинѣ преп. Іова.

братіи». Опытный въ духовной жизни настоятель съ любовью принялъ юнаго пришельца, провидя въ немъ избранника Божія, и поручилъ монастырскому екклесіарху [1]) научить его церковному послушанію. Кротостью, смиреніемъ, стремленіемъ «услужить каждому изъ наименьшихъ монастырскихъ работниковъ» Іоаннъ пріобрѣлъ всеобщую любовь и скоро былъ принятъ въ число иноковъ: на второмъ году со дня вступленія въ монастырь и на двѣнадцатомъ отъ рожденія игуменъ, съ согласія всей братіи, постригъ Іоанна «за его добрые нравы» въ иночество съ именемъ Іова.

Принявъ ангельскій образъ, преподобный Іовъ жилъ среди братіи дѣйствительно какъ Ангелъ Божій и, несмотря на свою молодость, служилъ для всѣхъ примѣромъ добродѣтельной жизни. Поэтому какъ только подвижникъ достигъ совершенныхъ лѣтъ [2]), игуменъ настоялъ, чтобы онъ принялъ священство, хотя преподобный, по своему смиренію, и отказывался, считая себя недостойнымъ столь великаго сана. Спустя немного времени по рукоположеніи во пресвитера преподобный Іовъ облекся въ великій серафимскій образъ, то есть въ схиму [3]), и снова получилъ данное ему при Крещеніи имя Іоанна: сердце подвижника горѣло любовью къ Богу, и онъ, подобно Серафимамъ, желалъ непрестанно славословить своего Создателя.

Но не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы [4]). Слава о подвижникѣ начала распространяться по всѣмъ окрестностямъ обители, въ предѣлахъ Галиціи и Волыни, привлекая въ Угорницкій монастырь множество желавшихъ получить духовное наставленіе отъ преподобнаго; среди посѣтителей были простые и знатные, богатые и бѣдные. Тѣмъ болѣе такой свѣтильникъ благочестія, какимъ въ то мрачное время являлся преподобный Іовъ,

---

1) *Екклесіархъ* слово греческое — ἐκκλησιάρχης, начальникъ церкви. Екклесіархъ былъ главнымъ блюстителемъ церкви и ея принадлежностей, ея убранства и главнымъ надзирателемъ за Богослуженіемъ.

2) Вѣроятно, не менѣе тридцати лѣтъ, какъ это полагается по церковнымъ правиламъ (Неокессар. Соб. правило 11; Шест. вселен. прав. 14); слѣдовательно, рукоположеніе преп. Іова было около 1581 г.

3) Есть мнѣніе, что преп. Іовъ принялъ схиму послѣ 1642 г., значитъ, — спустя продолжительное время послѣ принятія священнаго сана. Но это мнѣніе стоитъ въ прямомъ противорѣчіи со свидѣтельствомъ списателя житія преп. Іова, ученика его Досиѳея: послѣдній прямо говоритъ, что преп. Іовъ принялъ «серафимскій образъ *не по многомъ времени*» по рукоположеніи; на Кіевскомъ соборѣ 1628 г. преп. Іовъ уже подписался своимъ схимническимъ именемъ Іоанна.

4) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 14.

не могъ утаиться отъ взора могугущественнаго защитника Православной Церкви на Волыни князя Константина Константиновича Острожскаго[1]). Въ борьбѣ съ врагами Православія Константинъ Острожскій особенно заботился о благоустройствѣ монастырей, находившихся въ его владѣніяхъ, и главное—о благочестивой жизни ихъ иноковъ. Поэтому князь усердно просилъ игумена Угорницкой обители, «да сотворитъ любовь Божію и пошлетъ сего блаженнаго трудолюбца» (преподобнаго Іова) въ его Дубенскій Крестный монастырь[2]), гдѣ бы преподобный Іовъ показалъ инокамъ образъ богоугоднаго житія; это было особенно необходимо тогда среди общей порчи нравовъ. Долго отказывался угорницкій игуменъ, не желая лишать свою обитель великаго подвижника, но, уступая настоятельнымъ просьбамъ князя, онъ согласился. Благословивъ преподобнаго Іова на новое служеніе, игуменъ съ печалію отпустилъ его въ Дубенскій монастырь.

Прп҃бный
І҃ѡвъ

Вскорѣ по прибытіи сюда преподобнаго братія помимо его воли избрали его игуменомъ, и преподобный Іовъ управлялъ Дубенской обителью болѣе двадцати лѣтъ[3]). За это двадцатилѣтіе была подготовлена и провозглашена церковная унія (въ 1596 г. на соборѣ въ Брестѣ) со всѣми ея печальными послѣд-

1) *Константинъ Константиновичъ Острожскій*—богатый и могущественный вельможа и ревностный защитникъ Православія въ Польско-Литовскомъ королевствѣ. Сами враги Православія отдавали ему должное: его не только уважалъ, но и боялся король Польскій Сигизмундъ III, а папа Римскій Климентъ VIII относился къ нему съ почтеніемъ.

2) Этотъ монастырь существуетъ доселѣ на островѣ, образуемомъ рѣкою Иквою; время основанія его неизвѣстно; въ началѣ XVII в. онъ былъ закрытъ, но въ 1860 г. возстановленъ.

3) Не сохранилось точнаго указанія ни на время перехода преподобнаго въ Дубно, ни на время его избранія въ игумена; можно думать, что то и другое было не позднѣе

ствіями для Православной Церкви Западнаго края — жестокимъ преслѣдованіемъ вѣрныхъ чадъ ея въ предѣлахъ Волыни, Подоліи и Украины. Правда, самъ преподобный Іовъ, находясь подъ покровительствомъ близко стоявшаго къ Дубенской обители могущественнаго князя Острожскаго [1]), можетъ быть, и не испытывалъ всѣхъ горькихъ послѣдствій уніи, но, весь проникнутый любовію ко Христу, онъ не могъ безучастно относиться къ бѣдствію, постигшему Православную Церковь, и дѣятельно выступилъ на ея защиту. Прежде всего преподобный Іовъ старался укрѣпить на пути евангельской жизни братію своего монастыря: свыше одаренный даромъ учительства, преподобный часто поучалъ иноковъ, подкрѣпляя словесныя наставленія живымъ примѣромъ— подвигами своей трудолюбной жизни; и, безъ сомнѣнія, Дубенская обитель въ описываемое время могла быть поставлена на ряду съ тѣми лучшими монастырями, какіе называетъ славный современникъ преподобнаго Іова митрополитъ Кіевскій Петръ Могила [2]), доказывая, что «убогіе православные монастыри» по жизни своихъ иноковъ стоятъ неизмѣримо выше богатыхъ уніатскихъ [3]).

Затѣмъ, по примѣру своего покровителя, князя Острожскаго, преподобный Іовъ заботился о распространеніи духовныхъ и церковно-богослужебныхъ книгъ, ибо въ то время онѣ были едва ли не главнымъ средствомъ борьбы Православной Юго-западной Церкви съ католиками. Преподобный игуменъ собралъ вокругъ себя многочисленное братство, члены котораго ревностно изучали Священное Писаніе и творенія отцевъ Церкви, дѣлали переводы святоотеческихъ твореній на славянскій языкъ. Избранные писцы переписывали лучшія книги подъ руководствомъ подвижника для распространенія ихъ среди православныхъ, при чемъ и самъ онъ «писаніемъ книгъ церковныхъ упражняшеся».

1582—1583 гг. По прямому свидѣтельству Досиѳея, преп. Іовъ пробылъ въ санѣ дубенскаго игумена болѣе двадцати лѣтъ, а между тѣмъ въ 1604 г. мы видимъ въ Дубенской обители новаго игумена — Виталія, вѣроятно, преемника преп. Іова. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что преп. Іовъ игуменствовалъ въ Дубенскомъ монастырѣ два послѣднихъ десятилѣтія XVI в. и первые годы XVII ст. Правда, въ лѣтописяхъ Дубенскаго монастыря въ 1582 г. значится игуменъ Василій, который упоминается и въ 1598 г. и 1602 г., но въ послѣднихъ случаяхъ наряду съ нимъ называются другіе игумены: Глѣбъ (1598 г.) и Алексѣй (1602 г.); они управляли обителью за престарѣлаго игумена Василія; на такихъ же условіяхъ могъ управлять ею и преп. Іовъ.

1) Константинъ Острожскій любилъ уединяться для молитвы на Дубенскій островъ въ монастырь преподобнаго и дѣлалъ Крестной обители значительныя пожертвованія землями и угодьями.

2) Управлялъ Кіевской митрополіей съ 1633 по 1647 гг.

3) Такое замѣчаніе онъ дѣлаетъ въ своемъ сочиненіи Αἶθος или Камень.

Слава о добродѣтельной жизни преподобнаго, о его дѣятельности по устроенію обители и о подвигахъ на защиту Православія разнеслась по окрестнымъ странамъ, и жители ихъ начали собираться къ блаженному игумену и докучать ему честью и похвалами. Но суетная слава отъ людей только смущала стремившагося къ уединенію подвижника Христова; желая имѣть похвалу лишь отъ Единаго Тайнозрителя Бога, преподобный рѣшилъ искать новаго мѣста для подвиговъ. Кромѣ этого, желанію преподобнаго Іова удалиться изъ Дубенской обители могли содѣйствовать и нѣкоторые поступки князя Острожскаго, которыхъ преподобный не могъ одобрить, хотя поступки эти и вытекали изъ благочестивыхъ побужденій. Стремясь къ умиротворенію Церкви, князь Острожскій вступалъ иногда въ столь близкія сношенія съ ея врагами, какихъ не могъ одобрить строгоправославный дубенскій игуменъ, горѣвшій ревностію по Богѣ и чуждый политическихъ разсчетовъ. Не могъ сочувствовать преподобный Іовъ, любившій уединенную скитскую жизнь, и мысли князя Константина Острожскаго преобразовать всѣ свои монастыри въ общежительные: князь предпринялъ это преобразованіе въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы строй монастырской жизни въ его обителяхъ не былъ ниже строя уніатскихъ монастырей, чтобы уніаты и католики не оскорбляли православныхъ иноковъ, жившихъ безъ строгихъ уставовъ, названіемъ «звѣрьми дивіими».

Улучивъ удобное время, преподобный Іовъ около 1600 года тайно оставляетъ Дубенскій монастырь и удаляется на сосѣднюю Почаевскую гору, «издревле свѣтлостію чудесъ многихъ сіяющую». Поселившись въ пустынной Почаевской[1]) обители, онъ думалъ совершенно скрыться отъ людскихъ взоровъ. Но Промыслъ Божій судилъ иначе: и въ Почаевской обители преподобный Іовъ не нашелъ уединенія, къ которому стремилась его душа. Въ это самое время Почаевская обитель была преобразована. До того времени она была обителью отшельниковъ-затворниковъ: иноки спасались отдѣльно въ горныхъ пещерахъ, сходясь только для молитвы въ храмъ Успенія Божіей Матери, стоявшій подъ Почаевскою горою. Теперь же обитель дѣлается общежительной.

Въ мѣстечкѣ Орлѣ, близъ Почаева[2]), жила благочестивая православная помѣщица, вдова Анна Гойская. Въ 1559 году греческій

---

1) *Почаевская обитель*, по преданію, основана около половины XIII в. иноками, бѣжавшими изъ Кіево-Печерской Лавры во время нашествія Татаръ.

2) *Орля*—нынѣ деревня Урля въ 13-ти верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Почаева.—*Почаевъ*—мѣстечко Волынской губ., Кременецкаго уѣзда.

митрополитъ Неофитъ въ благодарность за гостепріимство подарилъ ей свою родовую икону Божіей Матери. Знаменія и чудеса, совершавшіяся отъ иконы, особенно исцѣленіе слѣпого отъ рожденія брата, побудили Гойскую передать образъ Богоматери, какъ великую святыню, на Почаевскую гору, въ церковь во имя Успенія Богоматери — «на вѣчное храненіе». При этомъ Анна Гойская пожертвовала въ стоявшую на ея землѣ и потому принадлежавшую ей Почаевскую обитель богатыя угодья: поля, сѣнокосы, лѣса и даже крестьянъ — съ тѣмъ, чтобы при церкви Успенія содержалось на началахъ общежитія восемь православныхъ иноковъ доброй и набожной жизни. Переустройство обители изъ пустынной въ общежительную потребовало отъ иноковъ избранія игумена. Подвижники Почаевскіе единодушно, со слезными увѣщаніями, избрали въ игумена преподобнаго Іова: хотя онъ и скрывалъ званіе свое, но не могъ утаить отъ иноковъ своего благочестія и великихъ духовныхъ дарованій. «Тако бо,—замѣчаетъ списатель житія преподобнаго Іова, ученикъ его Досиѳей, — поистинѣ сицеваго стража зѣло подвижна и искусна изволи имѣти Пресвятая Дѣва Богородица Марія въ Своей, Небеси подобящейся, обители».

И по тому времени, дѣйствительно, нуженъ былъ мужъ особенно сильный духомъ и твердый вѣрою, чтобы стоять во главѣ Почаевской обители. Нуженъ былъ онъ какъ для устройства порядка въ самой обители, только что превращенной въ общежительную, такъ и для защиты Православія. Для того и для другого требовалось отъ преподобнаго Іова несравненно болѣе заботъ и трудовъ, чѣмъ въ предыдущіе годы управленія Дубенскимъ монастыремъ. Враги Православной Церкви еще болѣе усилились теперь и сосредоточили свою губительную дѣятельность главнымъ образомъ на Волыни, уничтожая здѣсь православные храмы и монастыри; они до того стѣснили православныхъ, что послѣдніе принуждены были собираться на молитву подъ покровомъ ночи, но и тогда уніатскія власти разгоняли ихъ. Между тѣмъ главные защитники Православія—князь Константинъ Острожскій и Гедеонъ Болобанъ, епископъ Львовскій,[1]) померли одинъ за другимъ, а съ ихъ смертью прекратили свою дѣятельность и лучшія училища на Волыни (Острожское и Львовское), служившія

[1]) Гедеонъ, еп. Львовскій умеръ въ 1607 г.; Константинъ Острожскій — въ 1608 г.

разсадниками поборниковъ православной вѣры. Дворянство начало измѣнять Православію. Сынъ князя Острожскаго Іоаннъ (Янушъ) склонился на сторону латинства, и примѣръ его увлекъ многихъ изъ православной знати. Къ довершенію несчастія въ 1612 году умираетъ послѣдній православный епископъ Волынскій Михаилъ Копыстенскій, такъ что православные не знали, къ кому теперь слѣдуетъ обращаться за рукоположеніемъ.

Искушенный въ борьбѣ съ врагами Православія еще за время своего двадцатилѣтняго управленія Дубенской обителью преподобный Іовъ и въ эти, особенно тяжелые годы явился однимъ изъ главныхъ защитниковъ угнетаемой Церкви. Устройство обители, усиленіе ея просвѣтительной дѣятельности при помощи типографіи, личный примѣръ истинно христіанской, подвижнической жизни — вотъ тѣ орудія, какія противопоставилъ преподобный насиліямъ враговъ Православной Церкви.

Святостью своей жизни преподобный Іовъ невольно привлекалъ къ себѣ сердца православныхъ обывателей Волыни, особенно изъ ближайшихъ окрестностей Почаевской обители. И нѣкоторые богатые дворянскіе роды на Волыни, твердо державшіеся Православія, щедро жертвовали изъ любви къ преподобному въ его монастырь средства на поминъ души. Средства эти расходовались на украшеніе храмовъ Божіихъ въ обители и на содержаніе иноковъ. При преподобномъ Іовѣ увеличилось и число братіи въ Почаевской обители; естественно, что теперь многіе поступали въ нее, ибо желали проходить путь монашеской жизни подъ руководствомъ столь опытнаго и славнаго своими подвигами игумена. Внѣшнее благоустройство обители, умноженіе числа иноковъ, молва о благочестіи настоятеля вскорѣ сдѣлали Почаевскій монастырь предметомъ особеннаго вниманія и почтенія со стороны православныхъ: изъ сосѣднихъ областей стекалось множество богомольцевъ для поклоненія чудотворному образу Богоматери. И малый деревянный храмъ монастыря скоро оказался тѣсенъ, почувствовалась нужда въ новомъ, болѣе обширномъ. Созданіе этого новаго храма—одно изъ наиболѣе важныхъ дѣлъ преподобнаго Іова по устроенію обители. Средства на постройку были пожертвованы. Супруги-дворяне Домашевскіе—Ѳеодоръ и Ева—пожелали на собственныя средства построить на Почаевской горѣ новый каменный храмъ во имя Пресвятой Троицы съ двумя придѣлами: въ честь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы и святаго муче-

ника Θеодора. Вѣроятно, по указанію преподобнаго Іова, храмъ былъ поставленъ выше Успенскаго собора, такъ что въ него вошла скала съ цѣльбоносною стопою[1]). Домашевскіе украсили новый храмъ «всѣми потребами, приличествующими таковой церкви», и пожертвовали большія денежныя средства вмѣстѣ съ наслѣдственными сокровищами изъ золотыхъ, серебряныхъ вещей и другихъ драгоцѣнностей съ тѣмъ, чтобы игуменъ и братія постоянно молились за отпущеніе грѣховъ ихъ. Храмъ окончили постройкою и освятили въ 1649 году, и тогда же перенесена была въ него изъ Успенской церкви чудотворная икона Богоматери и поставлена въ иконостасѣ надъ Царскими Вратами главнаго Престола.

Въ своей дѣятельности, направленной къ возвышенію Почаевской обители, преподобный Іовъ встрѣтился съ новымъ врагомъ Православія—протестантизмомъ въ лицѣ внука основательницы монастыря Анны Гойской Андрея Фирлея, къ которому, послѣ смерти Анны, перешли принадлежавшія ей имѣнія. Какъ протестантъ Фирлей не могъ не относиться враждебно къ православной обители и ея святынямъ, а какъ человѣкъ завистливый—не могъ мириться съ тѣмъ, что Гойская пожертвовала монастырю столько имѣній и доходовъ. И вотъ, онъ задумалъ разрушить монастырь, чтобы все, что только было по благодати Божіей на горѣ Почаевской чудеснаго, пришло въ вѣчное забвеніе. Для этого Фирлей сначала отнялъ поля, лѣса и сѣнокосы монастырскіе; затѣмъ присвоилъ себѣ монастырскихъ крестьянъ, портилъ разные матеріалы, раскопалъ пограничные знаки для уничтоженія дарственной записи, ловилъ за монастыремъ иноковъ, билъ ихъ и тиранилъ. Наконецъ онъ запретилъ брать воду изъ колодцевъ мѣстечка Почаева, а своего колодца въ монастырѣ не было, такъ что дальнѣйшее пребываніе иноковъ на Почаевской горѣ становилось невозможнымъ. Тогда преподобный Іовъ, помолившись Пресвятой Богородицѣ, велѣлъ рыть колодезь въ самой обители, въ горѣ, и на глубинѣ 64 локтей нашли воду. Этотъ источникъ и доселѣ, при безводности лаврской мѣстности, доставляетъ прохладу инокамъ и богомольцамъ. Озлобленный безуспѣшностью своихъ усилій повредить монастырю Фирлей въ октябрѣ 1623 года приказалъ своимъ

---

[1]) Разумѣется отпечатокъ стопы Богоматери. По преданію, въ 1240 году двое иноковъ, жившихъ на горѣ Почаевской, да житель Почаева пастухъ Іоаннъ Босый видѣли на скалѣ явленіе Богоматери въ столпѣ огненномъ, и послѣ явленія на камнѣ остался отпечатокъ цѣльбоносной стопы.

слугамъ, такъ же лютеранамъ, какъ и самъ онъ, разграбить монастырь и захватить образъ Богоматери, ибо,—думалъ онъ,—если возьму чудотворную икону, иноки не возмогутъ оставаться на этомъ мѣстѣ. Въ тотъ же день было произведено нападеніе, при чемъ грабители похитили не только украшенія церковныя, но и икону чудотворную. Отнесли ее въ городокъ Козинъ[1]), во дворъ Фирлея вмѣстѣ съ золотомъ, серебромъ, фелонями и серебряными подвѣсками, на которыхъ изображены были чудеса отъ иконы Богоматери. Послѣ безуспѣшныхъ кроткихъ просьбъ возвратить похищенное и примириться съ обителью преподобный Іовъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ безропотно переносившій несправедливыя притѣсненія и обиды, наконецъ въ 1641 году обратился за защитою отъ своего лица и братіи въ Луцкій судъ. Но главнымъ образомъ онъ надѣялся на помощь Божію и вмѣстѣ съ братіей усердно молилъ Господа, чтобы Онъ вразумилъ святотатца. И особенно горячи были молитвы преподобнаго и иноковъ о возвращеніи неоцѣнимаго сокровища обители,—чудотворной иконы. Господь услышалъ рабовъ Своихъ. Однажды Фирлей, «не вѣдая, что̀ болѣе дѣлать», нарядилъ свою жену въ священныя одежды, далъ ей въ руки святую чашу, и она вмѣстѣ съ присутствовавшими начала хулить Пресвятую Богородицу. Злой духъ тотчасъ же овладѣлъ обезумѣвшей женщиной, и страшныя мученія ея прекратились только тогда, когда икона Божіей Матери была возвращена обители. Такимъ образомъ, важнѣйшую свою драгоцѣнность Почаевская обитель получила не по суду человѣческому, а по суду Божію. Затѣмъ, благодаря неутомимой ревности преподобнаго Іова, Фирлей, несмотря на свое упорство въ исполненіи даже прямыхъ рѣшеній суда въ пользу Почаевской обители, все-таки въ концѣ концовъ принужденъ былъ возвратить часть захваченныхъ монастырскихъ сокровищъ и примириться съ православными иноками. А дѣла о земельныхъ угодьяхъ были окончены уже по смерти преподобнаго Іова его преемниками съ наслѣдниками Фирлея.

По преданію, въ Почаевской обители еще Анной Гойской была заведена типографія, которую преподобный Іовъ засталъ въ цвѣтущемъ состояніи. Конечно онъ съ радостью воспользовался ею для распространенія среди православныхъ необходимыхъ и полезныхъ книгъ, имѣя при этомъ въ виду главную нужду времени — борьбу съ врагами Православія. Такая дѣятельность пре-

[1]) *Козинъ*—въ настоящее время мѣстечко Волынской губ., Дубенскаго уѣзда.

подобнаго была тѣмъ болѣе полезна, что остальныя древнія типографіи Волыни уже прекратили свое существованіе: оставалась только Почаевская. Однимъ изъ важнѣйшихъ трудовъ, изданныхъ по благословенію преподобнаго Іова, является направленное противъ латинянъ сочиненіе Кирилла Транквиліона, впослѣдствіи архимандрита Черниговскаго: «Зерцало Богословія», напечатанное въ 1618 году. Въ Почаевской типографіи, кромѣ того, печатались проскомидійные листы для разсылки въ православныя церкви[1]), посланія Православныхъ архипастырей, разныя молитвы. Наконецъ, преподобный Іовъ не только издавалъ чужія книги, но и самъ, какъ поборникъ Православія, «писаніемъ книгъ церковныхъ упражняшеся»[2]): въ своихъ книгахъ, при свѣтѣ Христова ученія, преподобный выясняетъ чистоту и истинность вѣроученія Православной Церкви по сравненію съ Церковью Католической и, главнымъ образомъ, различными протестантскими сектами.

Какъ одному изъ видныхъ и всѣми уважаемыхъ членовъ Православной Церкви преподобному Іову приходилось принимать непосредственное участіе въ особенно важныхъ событіяхъ церковно-общественной жизни своего времени. Въ 1628 году онъ присутствовалъ на Кіевскомъ соборѣ западно-русскихъ епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ: Соборъ былъ созванъ Кіевскимъ митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ[3]) по дѣлу о Полоцкомъ епископѣ Мелетіи Смотрицкомъ, отпавшемъ въ унію. На Соборѣ Мелетій доставилъ православнымъ великое утѣшеніе, раскаявшись въ своемъ уклоненіи въ унію, совершенномъ изъ боязни смертной казни; но, къ сожалѣнію, его раскаяніе не было продолжительно[4]). 16 ав-

[1]) *Проскомидійный листъ* — чинъ проскомидіи, напечатанный на одномъ листѣ. Листъ этотъ вѣшается въ алтарѣ, близъ жертвенника для удобства совершителя проскомидіи— священника.

[2]) Памятникомъ писательской дѣятельности преп. Іова служитъ доселѣ хранящаяся въ Почаевской обители рукопись съ надписью: «Книга блаженнаго Іова Желѣза, игумена Почаевскаго, власною рукою его писанная». Здѣсь находимъ житія и сказанія на праздничные дни за мѣсяцы августъ, сентябрь, декабрь; выписки изъ Патериковъ и особенно—изъ Лѣствицы преп. Іоанна Синайскаго; поученія на Страстную и Свѣтлую седмицы и на нѣкоторые праздничные дни; выписки изъ книгъ, замѣтки, краткія поученія, заимствованныя и составленныя самимъ преп. Іовомъ. Въ своихъ поученіяхъ преп. Іовъ, имѣя въ виду главнымъ образомъ различныя протестантскія секты, распространявшія въ его время въ Западномъ краѣ свои заблужденія, излагаетъ ученіе о важнѣйшихъ догматахъ Православной Церкви, напримѣръ, о Пресвятой Троицѣ, Божествѣ Іисуса Христа. При этомъ преп. Іовъ повсюду стремится обосновать свои мысли ученіемъ Священнаго Писанія и святыхъ Отцевъ.

[3]) *Іовъ Борецкій* управлялъ Кіевской митрополіей съ 1622 г. по 1631 г.

[4]) Выѣхавъ изъ Кіева, Мелетій отказался отъ своего покаянія и оставался вѣрнымъ уніи до самой смерти своей въ 1633 г.

густа Соборъ издалъ объявленіе, въ которомъ отцы, присутствовавшіе на Соборѣ, оповѣщали, что они твердо стоятъ въ Православной восточной вѣрѣ, не мыслятъ объ отступленіи въ унію, подъ клятвою обѣщаются бороться съ нею и увѣщавать къ тому весь народъ православный. Среди подписавшихъ это соборное объявленіе находится и имя «Іоанна[2]) Желѣзо, игумена Почаевскаго».

Управляя обширною обителью, принимая участіе въ церковныхъ дѣлахъ своего времени, преподобный Іовъ въ своей внутренней, скрытой отъ взоровъ людскихъ жизни не оставлялъ любимыхъ подвиговъ созерцанія и уединенія. Подъ схимнической одеждой онъ всегда носилъ власяницу и тяжелыя вериги. День посвящалъ труду, а ночь—молитвѣ. Днемъ подвижникъ безпрестанно работалъ: садилъ деревья, дѣлалъ прививки, насыпалъ плотины, подавая братіи примѣръ трудолюбія. При этомъ съ его устъ не сходила молитва Іисусова: «Господи Іисусе Христе, Сынѣ Божій, помилуй мя». Ночами преподобный любилъ уединяться для молитвы въ глубокую каменную пещеру въ Почаевской горѣ[3]); со всѣхъ сторонъ обросшая лѣсомъ, она представляла надежное убѣжище для уединенной, безмолвной молитвы. Въ этой тѣсной пещерѣ, нѣмой свидѣтельницѣ подвиговъ преподобнаго, игуменъ Почаевскій, затворившись, проводилъ въ молитвѣ по нѣскольку сутокъ, питаясь «только слезами, изливаемыми отъ чистаго сердца». Угодникъ Божій съ давнихъ лѣтъ поставилъ на уступѣ скалы, вдавшемся въ пещеру, лучшій снимокъ съ чудотворной Почаевской иконы Божіей Матери: устремляя къ ней свои духовные взоры, преподобный преклонялъ колѣна на жесткомъ каменномъ полу и молился Владычицѣ міра «о благосостояніи свѣта, во злѣ лежащаго». Однажды, когда преподобный Іовъ молился въ пещерѣ, вдругъ озарилъ ее необычайный свѣтъ и болѣе двухъ часовъ отражался изъ глубины пещеры на противолежащей церкви. Это небесное явленіе, вѣнчавшее подвиги преподобнаго, возбудило такой страхъ въ ученикѣ его Досиѳеѣ, удостоившемся быть свидѣтелемъ чуднаго явленія, что онъ упалъ на землю.—Отъ «таковаго плоти изможденія», а главное, отъ

[1]) *Іоаннъ*—схимническое имя преподобнаго, но обычно онъ называется по первому монашескому имени—*Іовомъ*.

[2]) Эта пещера до сихъ поръ сохранилась въ Почаевской обители и находится въ такъ называемой пещерной лаврской церкви во имя преп. Іова. Входъ въ нее такъ узокъ, что приходится спускаться согнувшись и вытянувъ впередъ руки; самая пещера едва можетъ вмѣстить семь человѣкъ и настолько низка, что стоять въ ней можно лишь наклонившись.

продолжительныхъ стояній на молитвѣ у преподобнаго Іова начали отекать ноги и тѣло кусками отпадало отъ костей, «о чемъ и до сего дне,—замѣчаетъ Досиѳей,—свидѣтельствуютъ честныя мощи нетлѣнныя, въ ракѣ лежащія».

Со всѣми преподобный Іовъ обходился кротко и милостиво; никто не слыхалъ отъ него рѣзкаго слова. Онъ велъ себя какъ послѣдній между старшими, какъ самый грѣшный между праведными. Слѣдующій случай можетъ свидѣтельствовать ясно о незлобіи и кротости подвижника. Проходя разъ ночью чрезъ монастырское гумно, преподобный Іовъ засталъ человѣка, кравшаго пшеницу. Въ испугѣ человѣкъ тотъ упалъ къ ногамъ игумена, умоляя не разглашать объ его поступкѣ, чтобы доброе имя его не обезчестилось между сосѣдями. Незлобивый старецъ не только не укорилъ ни единымъ словомъ кравшаго, но еще самъ поднялъ на его плечи мѣшокъ съ пшеницей, наставляя смиренномудрыми словами впередъ не совершать ничего подобнаго «и приводя ему въ умъ Заповѣди Божія и нелицемѣрный Судъ, на которомъ надобно будетъ во всемъ отдать отчетъ Господу». Затѣмъ съ миромъ отпустилъ его.

Благочестивая жизнь преподобнаго Іова, его любящая, кроткая душа привлекали къ нему и здѣсь, въ Почаевѣ, какъ прежде въ Дубенской обители, многихъ почитателей: одни изъ нихъ ввѣряли свою совѣсть и душу его опытному руководству—дѣлали его своимъ духовникомъ; другіе обращались къ нему за помощію въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни и всегда находили утѣшеніе въ бѣдахъ и защиту въ напастяхъ. Во время войны Хмельницкаго съ Польшей, когда вслѣдствіе непріятельскихъ нападеній мало иноковъ было въ обители и изъ мірянъ только немногіе приходили на гору Почаевскую, преподобный Іовъ открылъ у себя убѣжище для всѣхъ сосѣднихъ обывателей. Изъ числа такихъ былъ панъ Жабокрицкій. Съ трогательною простотою названный панъ разсказываетъ въ своемъ завѣщаніи о томъ радушномъ пріемѣ, какой при тогдашнемъ бѣдствіи оказалъ ему преподобный Іовъ. Жабокрицкій «не могъ имѣть при себѣ не только пріятеля, но и собственныхъ дѣтокъ, разбѣжавшихся по разнымъ мѣстамъ». Въ эту тяжелую минуту «отецъ Іоаннъ Желѣзо, игуменъ Почаевскій, принять изволилъ какъ его, такъ и сына его младшаго», и ихъ обоихъ «достаточками своими содержалъ». Въ концѣ завѣщанія благодарный панъ проситъ похоронить его въ Почаевской обители и даруетъ ей небольшой вкладъ на поминъ души.

Неустанно украшаясь подвигами благочестія и неусыпно стоя на стражѣ Православія, преподобный Іовъ управлялъ Почаевскою обителію до 1649 года, когда ему исполнилось 98 лѣтъ. Удрученный трудами и обремененный годами теперь преподобный началъ заботиться о достойномъ преемникѣ. Въ то время мрачныя тучи, висѣвшія надъ Православною Церковію, сгущались все болѣе и болѣе: многіе православные изъ дворянъ уклонились въ латинство; почти всѣ древнѣйшіе православные монастыри и храмы на Волыни были разрушены. Поэтому преподобный Іовъ могъ опасаться, какъ бы и его обитель, остававшаяся почти единственнымъ оплотомъ Православія въ предѣлахъ Волынской земли, не сдѣлалась достояніемъ уніатовъ. Опасаясь этого, преподобный пожелалъ избрать себѣ преемника при своей жизни и дѣйствительно избралъ іеромонаха Самуила Добрянскаго. Когда избраніе состоялось, то всѣ, принимавшіе участіе въ исполненіи воли преподобнаго Іова, скрѣпили его особымъ актомъ за подписями[1]).

21 октября 1651 года преподобный Іовъ имѣлъ откровеніе свыше, что чрезъ семь дней онъ помретъ, о чемъ и сказалъ тогда братіи. И дѣйствительно, 28 октября, совершивъ послѣднюю Литургію, святый старецъ, имѣвшій сто лѣтъ отъ роду, простился со скорбящей братіей и въ тотъ самый часъ, который предсказалъ, мирно перешелъ отъ сей временной жизни къ вѣчному блаженству.

Братія, опрятавши трудолюбное тѣло святаго, изсохшее отъ поста и трудовъ, и, отпѣвши его по чину Православной Церкви, съ великой скорбью и слезами предали его землѣ.

Только семь лѣтъ тѣло преподобнаго Іова находилось въ землѣ, при чемъ надъ могилою его весьма часто являлся необычайный свѣтъ. Наконецъ въ 1659 году въ одну ночь преподобный въ сонномъ видѣніи явился Кіевскому митрополиту Діонисію Болобану[2]), говоря:

— Извѣствую твоему преосвященству, яко тобою хощетъ Богъ открыти кости моя.

Митрополитъ узналъ старца, такъ какъ еще при жизни хорошо зналъ образъ лица и богоугодное житіе его, но счелъ видѣніе за обыкновенный сонъ. Спустя нѣкоторое время оно повторилось

---

1) Грамота подписана 13 марта 1649 года. Конечно, и послѣ этого преп. Іовъ не переставалъ въ особенно важныхъ случаяхъ управлять дѣлами обители. Такъ, въ 1650 г., спустя годъ послѣ избранія Самуила, въ одной офиціальной бумагѣ встрѣчаемъ названіе преподобнаго Іова «игуменомъ Почаевскимъ».

2) *Діонисій Болобанъ* управлялъ Кіевскою митрополіею съ 1657 г. по 1663 годъ.

еще. Угодникъ Божій, «не давая покоя митрополиту», явился и въ третій разъ, «уже отмщеніемъ грозя ему, если не исполнитъ повелѣннаго». Послѣ этого митрополитъ Діонисій уразумѣлъ, что видѣніе — дѣло Божія Промысла, и, нимало не медля, со всѣмъ клиромъ своимъ въ то же утро отправился въ Почаевскую обитель. Здѣсь, на мѣстѣ, «извѣдавъ благія дѣла преподобнаго, Богу угодныя», митрополитъ велѣлъ открыть гробъ, въ которомъ и обрѣли святыя мощи, «безъ всякаго измѣненія, какъ бы въ тотъ часъ погребенныя и исполненныя неизреченнаго благоуханія». При многочисленномъ стеченіи народа митрополитъ съ подобающею честію 28 августа 1659 года перенесъ останки святаго въ церковь Живоначальныя Троицы и поставилъ по древнему обычаю въ притворъ [1]). Торжество это сопровождалось множествомъ чудесъ.

И въ послѣдующее время, по молитвамъ Своего угодника преподобнаго Іова, Господь являлъ многочисленныя чудеса и знаменія. Изъ нихъ упомянемъ здѣсь только тѣ, въ которыхъ съ особенною силою проявлялись всемогущество и милосердіе Божіи.

Черезъ нѣсколько дней по открытіи мощей преподобнаго Іова, передъ самымъ праздникомъ Воздвиженія Честнаго Креста, игуменъ Почаевскій Досиѳей [2]) заболѣлъ «огнемъ презѣльнымъ», такъ что утратилась надежда на его выздоровленіе. Тогда же на праздникъ прибыла въ Почаевъ благотворительница обители Домашевская. Въ полночь она услышала изъ своей келліи, гдѣ проводила ночь, необыкновенное пѣніе, исходившее изъ храма, а въ окнахъ его увидѣла необычайный свѣтъ. Думая, что это иноки совершаютъ всенощное бдѣніе, Домашевская послала свою прислугу Анну разузнать, дѣйствительно ли это такъ. Анна нашла церковныя двери отворенными и вошла въ храмъ. Здѣсь она увидѣла тотъ же необычайный свѣтъ, а въ немъ—среди двухъ свѣтлыхъ юношей преподобнаго Іова, совершающаго молитву. Въ страхѣ Анна остановилась, но преподобный, обратившись къ ней, сказалъ:

— Не бойся, дѣвушка,—пойди и позови ко мнѣ игумена обители.

— Онъ лежитъ на смертномъ одрѣ,—отвѣчала Анна.

Преподобный далъ ей шелковый платокъ, омоченный въ мѵро, и велѣлъ отнести къ больному. Подойдя къ двери, ведущей въ келлію игумена, Анна отъ имени преподобнаго Іова стала звать

---

1) Впослѣдствіи мощи преп. Іова были перенесены въ его пещеру, гдѣ 1858 г. былъ устроенъ особый храмъ во имя преподобнаго.

2) Этотъ Досиѳей—ученикъ преп. Іова, описавшій житіе угодника Божія.

его въ храмъ. Больной сначала принялъ это за мечту, но потомъ, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, наложилъ на себя платъ, данный преподобнымъ и, почувствовавъ выздоровленіе, пошелъ въ храмъ. Небесное явленіе уже прекратилось, и екклесіархъ отпиралъ церковныя двери для Утрени. Увидѣвъ настоятеля, онъ изумился и сказалъ:

— Что это, отче всечестнѣйшій? Ради великой болѣзни твоей я не пошелъ къ тебѣ и за благословеніемъ, а вотъ ты здоровъ и спѣшишь на утреннее пѣніе.

— Спѣшу,—отвѣчалъ игуменъ,—исполняя повелѣніе блаженнаго отца нашего Іова, который, исцѣливши меня, немедленно повелѣлъ мнѣ идти въ церковь.

И какъ только екклесіархъ отперъ двери, Досиѳей вошелъ въ храмъ и припалъ съ благодарною, горячею молитвою къ ракѣ чудотворца.

Сама обитель Почаевская въ 1675 году заступленіемъ Богородицы, по молитвамъ преподобнаго Іова, была избавлена отъ разоренія татарскаго. Это случилось во время Збаражской войны Польши съ Турціей. Полчища Татаръ, союзниковъ Турокъ, обложили обитель съ трехъ сторонъ, угрожая ей совершеннымъ разрушеніемъ. Въ такой бѣдѣ игуменъ обители Іосифъ убѣдилъ братію и мірянъ, затворившихся въ стѣнахъ монастыря, обратиться къ единственной Заступницѣ—Божіей Матери и преподобному Іову, и всѣ «непрестанно молились Богу, теплыя слезы отъ очей проливаючи и припадая къ образу Пресвятыя Богородицы и къ ракѣ блаженнаго Іова». На третій день осады Татары рѣшили овладѣть монастыремъ. Игуменъ велѣлъ пѣть Акаѳистъ Божіей Матери, и только что начали первый кондакъ «Взбранной Воеводѣ», какъ надъ церковію Пресвятыя Троицы явилась, «омофоръ бѣлоблестящійся распуская», Богоматерь съ Ангелами, имѣющими обнаженные мечи; близъ Нея находился преподобный Іовъ, который, кланяясь Пречистой Дѣвѣ, молилъ не предавать Татарамъ монастыря, гдѣ онъ былъ игуменомъ. Татары приняли явленіе за привидѣніе и пустили цѣлую тучу стрѣлъ въ Богородицу и угодника Божія, но стрѣлы, возвращаясь назадъ, ранили ихъ же самихъ. Непріятели пришли въ ужасъ и, бросая оружіе, побѣжали отъ Почаевской обители. Православные же, ободренные небеснымъ заступленіемъ, погнались за Татарами, взяли много плѣнныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые потомъ приняли христіанство.

Въ 1711 году пришелъ въ Почаевскую обитель панъ Каменскій съ двумя братьями и всѣ трое молились въ монастырскомъ храмѣ. Одинъ изъ братьевъ—Владиславъ—усомнился въ святости мощей преподобнаго Іова и помышлялъ, что иноки прославили его ради корыстныхъ видовъ. За это онъ былъ наказанъ: въ слѣдующую же ночь явился ему во снѣ грозный старецъ, и Владиславъ проснулся и вопилъ, говоря своему брату:

— Или ты не видишь страшнаго старца съ палицей, грозящаго мнѣ, чтобы не смѣлъ я говорить хульно о святомъ? Спасите меня изъ рукъ блаженнаго Іова Желѣза.

На другой день братья помолились предъ ракою преподобнаго о прощеніи грѣха и съ клятвой засвидѣтельствовали предъ игуменомъ явленіе преподобнаго. Прошло 20 лѣтъ послѣ того; пришелъ въ Почаевскую лавру одинъ изъ Каменскихъ и, спросивъ, записано ли чудо въ книгѣ житія преподобнаго Іова, снова повторилъ, что чудотворецъ наказалъ его брата за хульныя мысли.

Вѣрная завѣтамъ преподобнаго Іова обитель Почаевская и послѣ его смерти была твердымъ оплотомъ Православія, но въ 1720 году перешла въ руки уніатовъ. Уніаты, не почитая преподобнаго Іова, скоро закрыли мощи его, прекративъ въ первое время почти всякій доступъ къ нимъ. Но угодникъ Божій не переставалъ являть свою силу и врагамъ Православія, и чудеса его засвидѣтельствованы самими уніатами.

Въ 1737 году помѣщица Понтовская съ семействомъ и слугами пришла въ Почаевскую обитель. Когда прибывшіе вошли въ храмъ, гдѣ покоятся мощи преподобнаго Іова, старшій сынъ Понтовской, мальчикъ десяти лѣтъ, спросилъ екклесіарха:

— Гдѣ почиваетъ Іовъ Желѣзо, о которомъ говорятъ, что онъ не святый?

— Кто же это говорилъ тебѣ, что онъ не святый?—возразилъ екклесіархъ.

Мальчикъ указалъ на слугъ, а затѣмъ всѣ подошли къ ракѣ преподобнаго и, не воздавъ никакой чести мощамъ его, хотѣли уйти. Вдругъ мальчикъ, «злѣ глаголавшій о блаженномъ», оцѣпенѣлъ, руки его скорчило; у него отнялся при этомъ языкъ и все тѣло одеревенѣло. Въ ужасѣ мать и слуги вынесли мальчика изъ храма и насилу привели его въ чувство, окропивъ его водою изъ цѣльбоносной стопы и вливши ея немного ему въ ротъ, и такимъ образомъ въ домъ свой принесли еле живаго. А между

тѣмъ многіе, приходившіе съ вѣрою, получали у раки преподобнаго исцѣленіе. Вслѣдствіе этого сами уніаты стали съ уваженіемъ относиться къ памяти преподобнаго Іова, признали его святость, нетлѣніе его мощей, начали ставить свѣчи предъ его гробомъ и даже совершать тайкомъ молебны. Во второй половинѣ XVIII вѣка они даже хлопотали предъ Римскимъ папою Климентомъ XIV[1]) о признаніи святымъ преподобнаго Іова, но папа не рѣшился объявить святымъ ревностнаго защитника Православія.

Въ 1831 году Почаевская обитель по высочайшему повелѣнію императора Николая Павловича, послѣ болѣе чѣмъ вѣковаго пребыванія въ рукахъ уніатовъ, была возвращена православнымъ. А черезъ два года 28 августа мощи преподобнаго Іова были торжественно открыты для всеобщаго поклоненія.

Такъ прославилъ Господь угодника Своего, преподобнаго Іова Почаевскаго.

Тропа́рь, гла́съ д҃:

Возложи́въ на сѧ̀ и҆́го хрⷭ҇то́во, ѿ ю҆́ности, прпⷣбне ѻ҆́тче і҆ѡ́ве, многолѣ́тнѣ свѧ́тѡ подвиза́лсѧ є҆сѝ на по̀прищѣ бл҃гоче́стїѧ во ѡ҆би́тели оу҆горницкой и҆ на ѡ҆́стровѣ дꙋбе́нстѣмъ: и҆ прите́къ къ горѣ́ поча́евской, знамени́той цѣльбоно́сною стопо́ю прест҃ы́ѧ бцⷣы, въ тѣ́сной пеще́рѣ ка́менной бг҃омы́слїѧ ра́ди и҆ моли́твы многокра́тнѡ заключа́лсѧ є҆сѝ: и҆ бл҃года́тїю бж҃і́ею оу҆крѣплѧ́ѧсѧ, мꙋ́жественнѡ потрꙋди́лсѧ є҆сѝ на по́льзꙋ ѡ҆би́тели твоеѧ̀, кꙋ́пиѡ же и҆ проти́вꙋ врагѡ́въ правосла́вїѧ и҆ бл҃гоче́стїѧ хрⷭ҇тїа́нскагѡ: и҆ наста́вивъ сицево́мꙋ ѡ҆полче́нїю и҆ночествꙋющихъ, побѣди́тели тѣ́хъ предста́вилъ є҆сѝ своемꙋ̀ влⷣцѣ и҆ бг҃ꙋ: того̀ молѝ спасти́сѧ дꙋша́мъ на́шимъ.

---

1) Климентъ XIV управлялъ Римскою церковію съ 1769 по 1774 гг.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Возсїѧ̀ ѿ спꙋ́да земна́гѡ бл҃года́тнаѧ лꙋча̀ честны́хъ моще́й твои́хъ, оу҆го́дниче бж҃і́й, ꙗ҆́же бл҃гоче́стнѡ пожи́въ въ вѣ́рѣ хрⷭ҇та̀ бг҃а на́шегѡ, дости́глъ є҆сѝ добродѣ́телей соверше́нства. И҆ ѡ҆ста́вль сла́дость житїѧ̀ преходѧ́щагѡ, въ пеще́рѣ горы̀ поча́евскїѧ въ поще́нїи, моли́твахъ и҆ трꙋдѣ́хъ свѧ́тѡ потрꙋди́лсѧ є҆сѝ, и҆ тѣ́ми тѣ́ло твоѐ оу҆вѧди́лъ є҆сѝ. ны́нѣ же прише́дъ къ бг҃ꙋ въ безмѧте́жный и҆ вѣ́чный живо́тъ, мо́лишисѧ ѡ҆ всѣ́хъ съ вѣ́рою къ тебѣ́ прибѣга́ющихъ. тѣ́мъ же благода́рне вопїе́мъ тѝ: ра́дꙋйсѧ, ѻ҆́тче і҆ѡ́ве, пресла́вный оу҆го́дниче бж҃їй и҆ ѡ҆би́тели поча́евскїѧ оу҆краше́нїе.

День семнадцатый

ЖИТИЕ
ПРАВЕДНОГО
ИОНЫ,
Одесского чудотворца

Праведный Иона, Одесский чудотворец, — один из величайших подвижников XX века.

Когда южане приезжали к отцу Иоанну Кронштадтскому, он говорил: «Зачем вы трудитесь приезжать ко мне? У вас есть свой Иоанн Кронштадтский — отец Иона». Между ними, этими двумя светильниками, были взаимная любовь и почитание.

Протоиерей Иона явил в своем житии много различных образов святости. Он был обличителем расколов и ересей, прекрасным проповедником, ревностным миссионером и питателем бедных, суровым аскетом и любящим отцом.

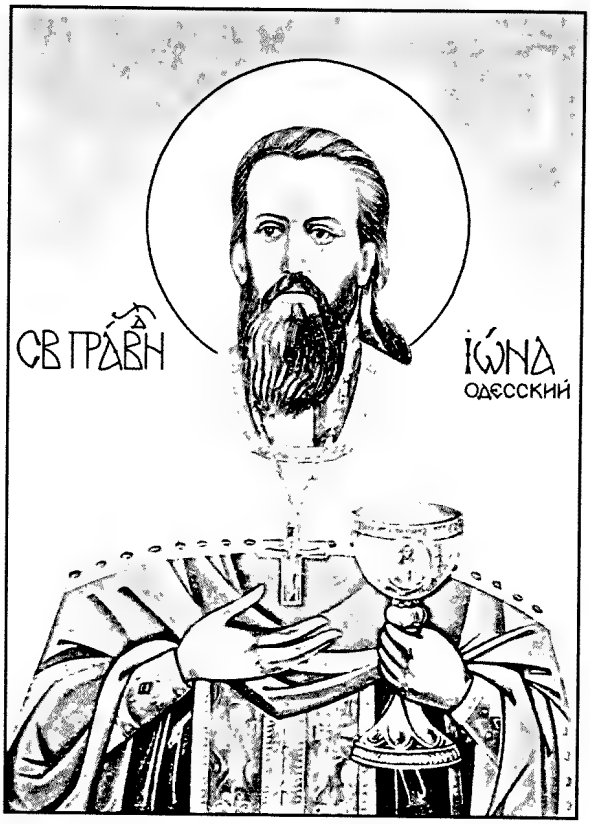
Он принадлежал к белому духовенству, но о нем говорили великие киевские подвижники того времени: «Мы, монахи, его не стоим, он намного выше нас». Он получил от Бога власть целить раненые души и недугующие телеса. Проникая за завесу времени, он пророчествовал о судьбах мира. Непрестанная молитва и строгое воздержание делали его подлинно святым, подобно его современнику — праведному Иоанну Кронштадскому.

Протоиерей Иона Моисеевич Атаманский родился 14 сентября 1855 года (1852 г. — по данным протоиерея В. Чемены) — в день Воздвижения Честнаго Креста Господня — в г.Одессе на Слободке Романовке. Отец его,

---

Праведный Иона причислен к лику святых решением Священного Синода Украинской Православной Церкви от 22 ноября 1995 года.

Моисей Фролович Атаманский, был диаконом городского храма Рождества Пресвятой Богородицы. Моисей Фролович умер, когда мальчику было 3 года (7 лет — по данным митрополита Вениамина). Вскоре умерла и его мать — Гликерия. Она желала, чтобы сын пошел по пути отца, поэтому с раннего детства отдала его прислуживать в храме. Умирая, мать благословила его следующими словами: «Хочу, чтобы ты был добрым пастырем».



Правный
ІѠНА

Оставшись круглым сиротой, отрок многие дни и ночи проводил на кладбище у могилы родителей. Мальчик собирал цветы и плел венки для украшения их могил. Голодный ребенок не имел приюта, кроме кладбища, но жестокий сторож избил его и прогнал. Мальчик стал скитаться по улицам у моря, питался остатками пищи, которые находил в ящиках для мусора. Ночевал где придется, пока не нашел приюта на колокольне одной из одесских церквей, но и оттуда прогнали его жестокие люди.

Наконец над ним сжалился его дядя, а потом и бывшая няня, которые приютили безпризорного ребенка и отдали в школу. Опекуны не смогли заменить ему родителей, и отрок не переставал чувствовать себя сиротой. Мать часто являлась ему во сне и утешала его. Однажды во сне она запретила ему плыть пароходом из Одессы. Мальчик послушался матери и остался в городе, а пароход в этот день затонул.

После окончания школы мальчик продолжал обучение в духовном училище. Преподаватели отмечали его хорошие способности и прекрасный голос, которым он украшал церковный хор. Отрок рос богобоязненным и религиозным, никогда не переставал молиться Богу.

После окончания обучения благочестивый юноша вступил в церковный брак с девицей Анастасией. За их совместную жизнь было у них девять детей: три сына — Иосиф, Аркадий, Иоанн и шесть дочерей — Вера, Надежда, Любовь, София, Мелания, Мария.

В 1884 году отец Иона был рукоположен во диакона, а через два года за благочестие и добрую жизнь — во священника. Преосвященный архиепископ Никанор (Бровкович), рукополагавший отца Иону, говорил ок-

ружающим: «Берите благословение у отца Ионы, это будущий добрый пастырь, и я чувствовал на нем особенную благодать. Душа его горит священным пламенем...»

Святитель Никанор назначил отца Иону сельским миссионером. Восемь лет он служил в селе Кардашовка, население которого состояло преимущественно из штундистов. Беседы пастыря с сектантами и молитвы о них принесли плоды: 200 штундистов вместе со своим руководителем присоединились к Православной Церкви.

С 1897 г. начинается его служение в Свято-Успенском храме г. Одессы (ныне кафедральный собор). Отец Иона своими добродетелями заслужил преданную любовь паствы, поэтому все стремились прийти на раннюю Литургию, которую он обычно служил. Прихожане ловили каждое его слово. Он вдохновлял всех своим служением и проповедью. Верующие чувствовали в нем великого молитвенника. Для них он был и отцом, и наставником, и духовником. Дом отца Ионы был открыт для всех скорбящих и обездоленных, и никто не уходил от него неутешенным. Он прекрасно знал людей, читал их мысли, проникал в их души. Всех своих чад духовных праведник знал по имени. Всех умело направлял к добродетельной жизни, к искреннему раскаянию в грехах. Особенно отец Иона покровительствовал сиротам, многих кормил, одевал. Был со всеми ласков, внимателен.

3 июня 1901 г. отец Иона отслужил последнюю Литургию в Успенском храме, после которой обратился к прихожанам со словом прощания:

«Промыслом Божиим, судьбы которого неиспытанны и неисследованны, указан мне новый жребий пастырского служения — в Свято-Николаевском Портовом храме. Совершенно неожиданно совершилось для меня таковое назначение... Прощай, храм святой, где так хорошо мне было молиться с духовными детьми моими! Прощайте, дети! И не забывайте своего духовного отца в молитвах! Благодарю вас, и да благословит вас Господь за ваше усердие к молитве, которой вы так много утешали меня в скорбной моей жизни...».

После прощальной беседы еще долгое время его слова передавались из уст в уста.

Став настоятелем Портовой Свято-Николаевской церкви, отец Иона раскрыл всю полноту своей боголюбивой души. Он был удивительно милосерд.

Как-то ксендзы, услышав о чудесных делах отца Ионы и об изгнании им бесов, пришли к нему в храм, желая убедиться в истинности рассказываемого о нем. С сомнением и любопытством ждали они случая проявления благодатной силы отца Ионы. Привели бесноватых. Вдруг они бросились на ксендзов, стали их бить и кричать: «Зачем пришли смотреть, что с нами делает и как нас изгоняет Иона?»

В другой раз привели к отцу Ионе бесноватого. Больной стал кричать. Батюшка после молитвы сказал духу: «Выйди из него!»

— Я страшный,— отвечал бес.

— Праведник тебя не боится, а грешный не увидит!— говорит опять отец Иона. И так три раза. После третьего раза бес вышел.

За изгнание бесов враг жестоко мстил семье отца Ионы.

Стоило ему изгнать беса, как в доме происходил пожар без всякой видимой причины. Измученная семья не любила, когда приводили бесноватых для исцеления, зная, что снова будут беды. Враг мстил отцу Ионе и через его родных детей. Почти всю жизнь они терпели скорби — их изгоняли из школы, у них были несчастливые браки и др.

Много горя принесла ему его родная дочь София. Скорбя о ее душе, перед своей смертью он сказал: «Я вымолю тебе у Бога мучительную смерть для покрытия твоих грехов и для спасения». Впоследствии она сошла с ума и попала в дом умалишенных. Когда пришли немцы, они расстреляли ее вместе с другими психически больными.

Отец Иона умел удивительно чувствовать все прекрасное. Убранство храма, красота облачений и предметов утвари, которые его окружали, свидетельствовали о его любви к прекрасному, к церковному благолепию.

Он прекрасно пел и сам сочинял умилительные, трогательные напевы на многие духовные песнопения. Им были написаны ноты к службе Успению Божией Матери.

Но особенно неизгладимые впечатления оставляли его благолепные и необыкновенно благодатные Богослужения. Во время служб отца Ионы стояла необычайная, глубокая тишина. В это время присутствующие благоговейно молились, увлеченные горячей молитвой отца Ионы. Проникновенная вера слышалась в молитве батюшки. Он с Господом говорил, как древние праведники.

Однажды его духовная дочь была свидетельницей силы его молитвы. В день праздника Нерукотворенного образа Спасителя, по окончании обедни, батюшка в облачении сошел с солеи, подошел к большому образу Нерукотворенного Спаса, стоявшему в храме с правой стороны, и опустился пред ним на колени со словами: «Пречистому образу Твоему поклоняемся, Благий!» В этот момент лик Христа Спасителя сделался совершенно живым, сияющим. С такой силой и верой произносил слова молитвы отец Иона!

Святую Четыредесятницу батюшка проводил очень строго. Не вкушал ничего, часто причащался. Никуда не отлучался из церкви, даже домой. Изредка только выходил в находившуюся рядом с алтарем комнату, в которую никто не имел доступа, кроме него. В ней помещался громадный, во всю стену, образ преп. Серафима Саровского, которого отец Иона очень чтил.

Духовные дети батюшки, с его благословения, также вели строгий пост — в понедельник и вторник ничего не вкушали, в среду причащались и вкушали хлеб, который батюшка раздавал по окончании обедни, в чет-

верг ничего не вкушали, в пятницу причащались и вкушали хлеб с чаем, в субботу причащались и вкушали вареное без елея, в воскресенье причащались и вкушали вареное с елеем. И таким образом проводили пост.

Наступала Пасха, самый радостный праздник. Накануне во двор храма въезжало 4-5 подвод с провизией. После торжественного праздничного Богослужения отец Иона христосовался с каждым, кто был в храме, и раздавал пасхальные подарки.

Сохранились воспоминания одного паломника из Москвы.

Вот как он описывает Богослужение батюшки во Св.Четыредесятницу: «С трепетом и радостью переступил я порог маленькой Свято-Николаевской церкви. Было еще рано, около половины седьмого утра, а людей в храме было много. После я узнал, что во всю Св.Четыредесятницу двери храма не закрываются ни днем, ни ночью. Народ остается в церкви на всю ночь. Ночью в храме читается Псалтирь. В 12 часов ночи отец Иона совершает Полунощницу и читает коленопреклонно Акафист Страстям Господним, в субботу читает Акафист Божией Матери, а в воскресенье — Пресвятой Троице. Служба оканчивается в два часа ночи. Народу бывает полный храм. Батюшка Иона всем молящимся раздает по куску черного хлеба. Приезжие бедняки только и питаются этим благословенным хлебом, остатки хранят как святыню, дорожа благословением дорогого батюшки. Когда я переступил порог храма, на меня повеяло чем-то небесным, святым. Я чувствовал себя, как среди древних христиан, которые собирались по ночам в катакомбах или подземных храмах на молитву. Вот вышел из алтаря отец Иона и стал прикладываться к иконам, изображая на себе крестное знамение широким крестом, с глубоким поясным поклоном. Приложившись к святым иконам, отец Иона стал совершать проскомидию. На клиросе чтец начал читать утренние молитвы. С благоговением я смотрел на батюшку. Я не мог отвести глаз от его кроткого, изможденного подвигами лица. Мир и небесный покой, необыкновенная сила и мощь души отражалась в каждой черте его лица.

По окончании утренних молитв отец Иона вышел на амвон и стал читать канон Пресвятой Троице, который он читает каждое воскресенье. Умиление, надежда, вера, упование, глубокое благоговение слышались в этом трогательном чтении. Читая, отец Иона как бы беседует, разговаривает с Пресвятой Троицею и Божией Матерью, как бы Они здесь перед ним находятся, а не там, где-то в недосягаемой для нас выси, в надземных заоблачных мирах. В спокойном, тихом голосе слышится глубокая, искренняя вера. Сам он при этом всецело сосредотачивался на читаемом.

На проскомидии просфор было так много, что их приносили сюда большими подносами. И подумал я: «Здесь у отца Ионы научишься, как надо христианину подавать просфоры на проскомидию о здравии и о упокоении». Я смотрел, как отец Иона долго-долго вынимал частицы и поминал о здравии и о упокоении. Душа моя ощущала здесь что-то осо-

бое, великое, святое. Я ощущал духом, что предо мною стоит и молится праведник. Вся жизнь моя, во грехах и лености проведенная, предстала предо мною во всей наготе. Душа жаждала чего-то лучшего, святого, небесного. Так этот дивный муж молча говорил мне, назидал меня, и столь глубоко и чувствительно, что я не мог удержаться от слез. Проскомидию отец Иона совершал вслух. При призывании Спасителя, Божией Матери и святых в каждом слове слышалась такая вера, что, казалось, призываемые здесь находятся и внемлют молитвенным словам. Сердце мое наполнилось священным страхом и благоговением.

Началась Литургия. Молитвенный дух отца Ионы передавался и проникал в сердце певчих и всего народа. В храме была такая тишина, как будто весь народ замер для здешней жизни, как будто его не было совсем в храме, а слышались только возгласы отца Ионы и пение певчих. Постепенно молитвенный дух все усиливался. Не забуду никогда молитвенного чувства, охватившего меня под влиянием великого молитвенника — отца Ионы. Мне казалось, что здесь Небо соединилось с землею и вместе с находящимися в храме людьми славословят Господа Ангелы и все святые. Вспомнил я тогда слова Иоанна Кронштадтского, который говорил: «Священник есть звено, соединяющее Небо с землей».

Один афонский инок говорил мне об отце Ионе следующее: «Случилось раз мне быть вместе с отцом Ионой. Сердце мое наполнилось при его присутствии неизреченным миром и неизъяснимой радостью».

Подобно этому иноку и все, значительно преуспевшие в духовной жизни, ощущают радость и великий подъем духа при встрече с человеком, находящимся в благодати Святого Духа. Вот почему так легко, отрадно и радостно было молиться вместе с отцом Ионой.

У него всегда причащалось много народа. Он, подобно Иоанну Кронштадтскому, и сам очень часто приобщался Св. Таин. Приезжавшие к нему всегда говели по его благословению, подобно древним христианам, которые причащались очень часто. Во время причащения я увидел, как к Чаше подводили больных, так называемых бесноватых, которые во время Литургии изрыгают страшные и богохульные слова и кричат на всю церковь. Вот ведут к Чаше бесноватую женщину, она упирается и не идет, ее подносят на руках. После причащения она умиротворилась, успокоилась. «Дивны дела Твои, Господи!»— подумал я. Потом подвели бесноватого мужчину, еще не старого. Он не хотел идти и говорил разные нелепости. Пред Святой Чашей он присмирел и причастился.

По окончании Литургии отец Иона стал раздавать всем антидор. На клиросе в это время пели очень протяжно и умилительно 33 Псалом «Благословлю Господа на всякое время...» Когда отец Иона раздавал антидор, подвели страждущую беснованием 18-летнюю девицу Елену Мазур, приехавшую с глубокой верой к батюшке из Минской губернии, Новогрудского уезда, деревни Заполье, Кореличской волости. Она не хотела брать антидор.

Отец Иона говорит ей: «Посмотри на меня». Как только она взглянула в лицо отца Ионы, то, по ее словам, почувствовала, как некая сила осенила ее и внутреннее томительное и мучительное чувство исчезло. После сего она несколько раз причащалась у отца Ионы и совершенно выздоровела.

Раздав антидор, отец Иона вышел на середину храма и стал совершать освящение воды, которое он совершал каждое воскресенье и даже по будним дням. Молящиеся стали подавать массу записок. Сколько глубокой веры слышится в каждом молитвенном слове отца Ионы! Во время освящения воды впереди держали одну бесноватую женщину, которая выкрикивала страшные богохульные слова. Отец Иона оборачивается к бесноватой и говорит: «Замолчи». — «Не замолчу»,— отвечает бесноватая. — «Я тебе говорю, замолчи». — «Не замолчу»,— отвечает бесноватая. —«Я тебе приказываю, замолчи»,— в третий раз говорит отец Иона. После сего больная притихла.

Кончился молебен. Отец Иона погружает крест в воду и из креста льет воду в рот и на голову бесноватой. И — чудное дело!— бесноватая успокоилась, присмирела и встала в сторону. Я заметил, что крест у отца Ионы из кипарисового дерева, обложен по сторонам каким-то вызолоченным металлом, в подножие вставлена частица Животворящего Креста Господня. В середине креста есть пустота, в которую набирается вода и маленькими струйками льется чрез нижний конец креста. Богомольцы раскрывают рот, и отец Иона льет воду из креста в рот и на лицо всем присутствующим в храме. После этого все прикладываются к кресту, и отец Иона окропляет их святой водой. После всех подошла к кресту и успокоившаяся страждущая бесноватая. Когда отец Иона окропил ее святой водой, она воздела вверх руки и проговорила: «Слава Тебе, Господи Боже мой, слава Тебе!» Когда все приложились ко кресту, отец Иона сделал пред Царскими Вратами у образа Божией Матери земной поклон, а певчие громогласно запели: «Владычице, приими молитвы раб Твоих и избави нас от всякия нужды и печали!» К певчим присоединились голоса многих молящихся в храме, и вся церковь, как бы едиными устами и единым сердцем, слилась в молитве. Не могу передать благоговейного чувства в этот момент, только скажу, что даже закоренелый грешник придет в умиление от такой молитвы всей церкви. Недаром говорят, что нигде не помолишься, как у отца Ионы. Да, в церкви у отца Ионы нет равнодушных к вере, нет неверующих. О сем свидетельствует сам отец Иона. «Я благодарен Богу,— говорил он,— что не встречался с неверующими и равнодушными к религии, о чем так скорбно слышать в последние дни в жалобах пастырей Церкви. Здесь богатый и бедный, знатный и простолюдин — все и всегда молились с глубокой верой, с чувством благоговения и с большим вниманием выслушивали мои поучения».

Окончилась служба, но молящиеся не расходились, несмотря на то, что была уже половина первого (иногда служба оканчивалась гораздо

позже). Не хотелось выходить из храма, так было отрадно на душе. Меня пригласили в страннноприимницу, где был приготовлен обед. Страннноприимница находилась тут же, с правой стороны храма. Это длинный одноэтажный каменный дом. Внутри по обе стороны устроены в два ряда нары. Посреди, немного справа, через всю комнату стоят длинные столы, где помещается более сотни богомольцев. Другой стол стоит впереди, поперек комнаты, за которым обыкновенно помещается отец Иона и певчие. Впереди, возле стены, стоит огромная икона святителя Николая в большом позолоченном киоте. Меня отец Иона пригласил сесть вместе с собой. Пред трапезой пропели «Отче наш...» Такие трапезы отец Иона устраивает каждое воскресенье и в праздничные дни. Здесь можно видеть и священника, и иеромонаха, и купца, и простолюдина. Нечто подобное было в первые века христианства, когда устраивались так называемые «вечери любви», когда у множества уверовавших было одно сердце и одна душа и все у них было общее (Деян. 4, 32).

По окончании трапезы и молитвы я вышел вслед за отцом Ионой во двор. По дороге отца Иону останавливали богомольцы с разными просьбами. Вот мать подводит дочь и просит благословения на поступление в монастырь. Далее поджидает вдовица с сиротами. Там стоят с письмами какие-то дальние приезжие. Всех выслушивает батюшка, никого не оставляет без слова утешения. Я после узнал, что без благословения отца Ионы никто из его почитателей не начинает никакого важного дела или предприятия.

На дворе я увидел толпу в несколько сот нищих, так называемых босяков, поджидающих милостыни. Мне рассказывали, что отец Иона является для босяков родным отцом. Он не только помогает им материально, но приучил их к говению, многих спас от неверия и обратил на путь спасения. Отец Иона стал раздавать им билеты на обед. Получив билет, они бегом отправлялись в столовую, находившуюся где-то в городе. И где берет отец Иона средства на хлеб, который он раздает всем присутствующим в храме во всю Св. Четыредесятницу, и на трапезу по воскресеньям, и на прокормление сотни босяков? (Сохранился корешок билета на посещение дешевой столовой на Новом молу. Такие билеты раздавал народный проповедник всем нуждающимся. Меню незамысловатое: «Борщ с мясом и хлеб безплатно».)

На эти вопросы отвечает нам Слово Божие, которое говорит: «Дающего рука не оскудеет». У отца Ионы все напоминает древние времена первых христиан. Это чувствуют все, кому приходилось хоть раз побывать у отца Ионы. Скажу о себе, что я был несколько раз в церкви отца Ионы и всегда выходил с обновленной душой, с чувством и жаждой лучшей, святой жизни».

Пастырское служение отца Ионы Атаманского выпало на тяжелый период отечественной истории: русско-японская война 1905 года, восстание на броненосце «Потемкинъ», Февральская революция и октябрь-

ский переворот 1917 года, гражданская война 1918–1920 гг., голод, разруха, автокефальный и обновленческий расколы в Церкви, воздвигнутое советской властью гонение на Православие.

В начале Японской войны 1905 года одесскому праведнику было следующее видение: он увидел Крест, на Кресте — Распятый Христос, а под Крестом сидел японский микадо.

Победа была у японцев. Даже стихии помогали им: ветер дул в ту сторону, куда летели их снаряды, и проч.

Во время бунта на броненосце «Потемкинъ» погиб матрос Вакуленчук. Градоначальник Одессы похороны его запретил. Все священнослужители отказались совершать над ним православное отпевание. Тогда матросы броненосца направили жерла пушек на город и послали делегацию к отцу Ионе. Он, несмотря на болезнь, отправился к городскому голове и уговорил его разрешить похоронить матроса. Затем совершил отпевание над телом погибшего. Однако земле предали его за оградой кладбища — как бунтовщика.

После октябрьского переворота и установления советской власти в городе отец Иона продолжал свое служение в Свято-Николаевской церкви. Он призывал своих прихожан не поддаваться духу времени, сохранять веру в Бога, быть верными чадами Православной Церкви.

В это время, как и в прежние годы, Господь по молитвам праведника творил чудеса для укрепления верных и для посрамления безбожников.

Раба Божия Л. свидетельствует: «Это было в 20-е годы. Отец моего мужа Райков Федор Сергеевич был болен эпилепсией. Ни один врач не смог вылечить его. Маме посоветовали обратиться к отцу Ионе. Когда отец Иона посмотрел на него, то сказал ей, чтобы она оставила его на некоторое время в храме. По молитвам отца Ионы свекор был исцелен».

Однажды в Одессу приехала крестьянка и привезла с собой двухлетнего сына, слепого от рождения. До нее дошли слухи, что проф. В.П.Филатов делает глазные операции и многим возвращает зрение. Она обратилась к нему. Но Филатов, продержав ребенка у себя в клинике, объяснил матери, что излечить ребенка он не может и что наука вообще в данном случае безсильна. Огорченная мать пошла к отцу Ионе и просила его помощи. Батюшка обещал помолиться. Девять ночей он простоял на молитве, служил непрерывно молебны и акафисты, а на 10-й день ребенок на руках матери прозрел. Случай этот наделал в городе много шума. Дошло до профессора Филатова, и он был поражен. Советская власть устроила следствие и показательный суд. На суд вызвали Филатова. Отцу Ионе инкриминировали обман и шантаж, но профессор Филатов твердо заявил, что это именно тот ребенок, которого он не брался излечить, и признал наличность чуда. Судьи порочили Филатова, стыдили его и говорили: «Как можно допустить здесь чудо?» Но профессор твердо стоял на своем, и суд окончился ничем.

У одного крестьянина был слепорожденный ребенок. Мальчику было 12 лет. Услышав, что отец Иона исцеляет слепых, крестьянин привез сына к нему. Батюшка отправил их к Филатову. «Только чудо может ему помочь»,— сказал профессор. Родители вернулись к отцу Ионе. Батюшка предложил оставить мальчика у себя. Дело было в Великом Посту. Отец Иона начал молиться о слепом и причащать его. Через две недели мальчик прозрел. После этого случая Филатов стал посещать отца Иону и сделался его другом. Когда спрашивали его, как он нашел способ пересадки тканей, он отвечал: «При помощи молитв отца Ионы».

В первые годы советской власти ее органы не трогали отца Иону. Потом стали делать обыски в его доме и храме, вызывали на допросы.

В эти годы Церковь постигает еще одно бедствие — обновленческий и автокефальный расколы.

Накануне обновленческого раскола отцу Ионе явилось видение, когда он стоял у Престола за Всенощной. Он вдруг умолк, застыл и через некоторое время, подняв руки, стал восклицать: «Хвалите имя Господне, хвалите имя Господне! Аллилуиа, Аллилуиа». Так, с поднятыми вверх руками, всего в слезах, увели его, неокончившего службу, из церкви домой. Присутствующие поняли, что батюшке было видение. Старшая его дочь Вера видела только, как огнем наполнился весь алтарь. А позже отец Иона рассказывал, что он видел: шел Христос, за Ним священники, раздирающие на Нем ризы. Рядом с Господом шел преп. Серафим Саровский и горько плакал. А Господь сказал ему: «Не плачь, они покаются!»

Отец Иона и еще несколько священников не поддались диавольскому прельщению[1] и во все годы гонений, несмотря на угрозы, твердо были верны Святейшему Патриарху Тихону. Вразумляя своих малодушных собратьев, отец Иона говорил: «Держитесь Богом посланного в наше смутное время второго Ермогена — Святейшего Патриарха Тихона и не идите за наемниками и за теми, которые «прелазят инуде» , ибо они «татие суть и разбойницы» (Ин. 10,1—8).

Много бед, горя и скорбей причинили ему обновленцы. По их навету его хотели выслать. Но Господь охранял отца Иону как Своего избранника. Однажды недоброжелатели в день Ангела преподнесли ему отравленный пирог. Отец Иона по своей прозорливости им сказал, чтобы пирог забрали обратно: «Я его не съем, а сколько людей отравятся...» И, как было предсказано в видении, позже, убедившись в своей ошибке, обновленческие священники приходили к отцу Ионе каяться. При этом они кланялись ему в ноги и просили прощения. Батюшка им говорил: «Кланяйтесь не мне, а народу, который вы ввели в заблуждение!» Кающиеся священники выходили на амвон, становились на колени и кланялись людям, прося прощения. Только тогда отец Иона воссоединял их с Православной Церковью.

---

[1] Остались верными Православию: настоятель Петропавловского храма о.Михаил Шараевский (†1928 г.) и настоятель Никольского храма (в Ботаническом саду) о.Александр Любинский (†1938 г.)

В это время в городе появился некто, объявивший себя «антихристом», будораживший умы легковерных людей. В народе было немалое смятение. Отец Иона призвал своих прихожан к молитве о том, чтобы человек этот сам пришел к нему в церковь. Тот не заставил себя долго ждать. Придя на Литургию и растолкав людей, он вошел прямо в алтарь и просил разрешения выйти к народу в качестве «антихриста». На это батюшка сказал, указывая на главную святыню храма: «Вот Престол и на нем восседает Царь Славы, поэтому ты, бес, молчи, а ты, Андрей, говори». Во время этой необычной исповеди отец Иона несколько раз запрещал бесу и, наконец, совсем изгнал его. Выйдя из храма, человек этот, измученный и утомленный, поплелся вверх по Потемкинской лестнице и, сев на одну из верхних ступенек, долго еще вытирал пот с лица. Он снова стал прежним Андреем, ушедшим от родных несколько лет назад и молитвами отца Ионы возвращенным в лоно родной Православной Церкви. «Я уверен,— говорил батюшка,— что этот человек станет серьезным подвижником».

Отец Иона окормлял женский Свято-Михайловский монастырь, в котором у него было много духовных чад. Однажды фельдшер монастырской больницы монахиня Галина, будучи чем-то очень взволнована, допустила ошибку: вместо 0,06 *г* какого-то ядовитого вещества взяла 6 *г*. Дав выпить больной монахине это лекарство и увидев проявление на ней признаков отравления, монахиня Галина бросилась в Портовую церковь, где служил отец Иона. Увидев отца Иону выходившим из храма, она упала к его ногам со словами: «Батюшка, я отравила сестру!» — и стала просить его молитв. Выслушав объяснение и просьбу, отец Иона стал молиться, сказав лишь кратко: «Молитесь и вы». Вернувшись в монастырь, матушка Галина увидела больную в добром здравии. «Напрасно ты ходила за врачом,— сказала она,— мне минут через 40 вдруг стало совсем хорошо». По времени это был момент молитвы отца Ионы.

И другой случай исцеления. Служил в Свято-Михайловском монастыре молодой священник отец Никанор. Жил он там вместе с семьей и болел скрытой формой туберкулеза. В ту суровую осень он простудился. После долгой болезни туберкулез перешел в открытую форму. Началось сильное кровохарканье, больной метался в жару, и окружающие ничем не могли ему помочь. Опытный врач, осмотрев больного, сказал: «Поднимается температура. Если дойдет до 40 и выше, знайте, что наступает агония». Услышав такой приговор и видя уже грозные признаки наступающего конца, матушка Галина снова спешит за помощью к отцу Ионе. Праведник, несмотря на усталость после Богослужения, обещал прийти. Пока больного готовили к Таинству, отец Иона не замедлил приехать. Молча вошел он с надвинутой на глаза скуфией. Ни на кого не глядя и не здороваясь, он тихо шептал про себя молитву: «Ныне Силы Небесные с нами невидимо служат». Когда окончилась исповедь, все присутствующие, стоявшие в

коридоре у двери, явственно услышали громко произнесенные слова: «Отче, брате и чадо: прощаю, разрешаю, и... исцеляю!». Эти слова произвели на всех потрясающее впечатление. Ушел праведник так же молча, ни с кем не попрощавшись. А у больного прекратилось кровохарканье, упала температура. Через короткое время он уже поднялся, стал ходить. И на первом же после смертельной болезни Богослужении ему сослужил его спаситель и молитвенник отец Иона Атаманский.

Отец Иона окормлял не только Свято-Михайловский монастырь, находящийся в городе, но и Благовещенский, стоявший в 25 верстах от Одессы. Батюшка любил его и называл «мое Благовещенское чадо». Монахиня этого монастыря матушка Онуфрия (в мантии Антония (Журова)) рассказывала: «Однажды приходит в монастырь женщина и спрашивает: «А кто здесь отец Иона?» Когда ей объяснили, она рассказала свой сон. Явилась ей покойная мать и сказала: «Все забыли о нас, никто не молится, не посещает. И только отец Иона проездом навестил нас, и мы получили великое утешение».

Оказывается, действительно отец Иона, проезжая мимо старого, заброшенного кладбища, был тронут жалким его видом и остановился там помолиться.

Бывая в Благовещенском монастыре, батюшка часто предупреждал сестер не подходить к нему, если внезапно увидят его присутствующим на Богослужении. В эти моменты он непостижимым образом, «в теле или вне тела», посещал любимую свою обитель.

В последние годы жизни, предвидя будущие скорби, праведный Иона в храме Благовещенского монастыря сказал: «Я вижу 200 венцов мученических над сестрами». Во время гонений 200 монахинь были замучены.

В 1921 году советская власть под видом помощи голодающим провела акцию изъятия церковных ценностей, которая имела своей целью лишить Церковь богослужебной утвари и подорвать ее жизнеспособность. Во время ее выполнения Свято-Николаевский храм лишился многого из своего имущества, а настоятель подвергся вскоре и аресту. Но в защиту своего пастыря выступило большое число людей. На Маразлиевской улице собралось такое множество его заступников из числа рабочих и крестьян, поднялся такой шум, что власти вынуждены были его выпустить. Слишком велика была любовь к нему народа, слишком популярен был образ отца Ионы, и это удерживало атеистическую власть от расправы над батюшкой.

Тяжелая болезнь — уремия приблизила кончину старца, и 17 мая 1924 года праведник отошел ко Господу.

Похороны его были грандиозными. Отдать последний долг почившему пастырю в порту собралась вся верующая Одесса. Рабочие, несмотря на объявление этого воскресного дня рабочим днем, крестьяне, нищие, так называемые «босяки», благодетелем которых был отец Иона, а также мно-

жество людей из окрестных сел и городов съехались хоронить своего молитвенника и благодетеля. Желая как-то уменьшить число людей, желающих присутствовать при погребении, власти перенесли день похорон с воскресенья на понедельник. Но в понедельник съехалось еще больше народа. Вся громадная Потемкинская лестница, внизу которой находились церковь св.Николая и дом, где батюшка жил, была тесно запружена многочисленной толпой народа. Рабочие просили задержать вынос тела до 4-х часов вечера, когда оканчивается их трудовой день. После соборного отпевания и обнесения почившего вокруг храма с пением ирмосов «Помощник и Покровитель» погребальная процессия отправилась на кладбище. Толпа народа плавно поднималась за гробом по каменной лестнице на Ришельевскую улицу, на которой все балконы и окна были заняты людьми. Вблизи церквей и на перекрестках улиц служились литии.

С 16 часов до позднего вечера грандиозная похоронная процессия двигалась через весь город к православному кладбищу на Слободке, где со слезами, молитвой и пением многочисленным хором «Вечной памяти» тихо опустили в землю тело чтимого пастыря. Гроб, крышку и дубовый крест портовые рабочие, несмотря на дальнее расстояние, несли на руках от Свято-Николаевского храма до могилы.

Выбор места захоронения сделал сам отец Иона. Он запретил хоронить себя в Портовой церкви, предвидя ее разрушение. «Церковь разорят, храма этого не будет», — говорил священник и заповедал похоронить себя у могилы родителей, среди природы, которую он очень любил. «Храма не стройте, похороните около родных, чтобы птичка могла пропеть надо мной.»

Когда похоронили отца Иону, приехал издалека один священник и опоздал. Тогда он решил пойти на могилу отца Ионы и проститься с ним. Было уже позднее время, совсем темно, и когда он подошел к могиле, то увидел над ней двух Ангелов.

Могила отца Ионы до сих пор является местом молитвы для всех, хранящих память о нем. У иконы теплится лампада. Почитатели отца Ионы в дни его именин, смерти, праздничные и поминальные дни стекаются к его могиле, ища здесь молитвенной помощи у покойного батюшки и получая ее. Вот лишь некоторые случаи: в 1947 году женщина, больная припадками, пришла на могилу батюшки, плакала здесь и молилась, и упала около могилы, испуская пену. Очнувшись, она почувствовала себя здоровой. Припадки с той поры прекратились.

Одна женщина, похоронив своего мужа, решила продать его вещи и сделать ему памятник. Перед этим она пошла на могилу отца Ионы помолиться, чтобы он помог ей осуществить задуманное. Ночью ей снится отец Иона и говорит: “Ты не делай памятник своему мужу, он уже мертв, а пойди по адресу (он указал ей адрес), там пропадает человек, и ты должна его спасти”. Так она и поступила, отнеся все вещи покойного

мужа по указанному адресу. Там от пьянства пропадал человек, не имея уже никакой одежды. Женщина отдала все вещи ему. С тех пор он преобразился, стал здоровым человеком.

Другая женщина, врач-стоматолог, опасно заболела. Доктора советовали ей делать операцию, так как ее положение было серьезным. Верующие соседи посоветовали ей сходить на могилу отца Ионы. Тяжело страдая, она с трудом добралась до могилы. По возвращении домой из больного места стал истекать гной, и она поправилась.

Как в прошлые десятилетия, так и ныне совершаются дивные чудеса по молитвам святого Ионы. Для всех сегодня ясно, что на Слободском кладбище в Одессе лежит праведник.

Ныне на небесах он продолжает молиться за призывающих его и посещать их, как показывают творящиеся на его могиле чудеса и исцеления.

Пусть это житие вдохновляет православных христиан, чтобы не овладело ими малодушие в трудах благочестия.

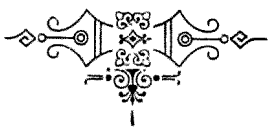
Пусть оно покажет, что вопреки всем нашим слабостям и недостаткам «Иисус Христос вчера и днесь, Тойже и во веки» (Евр. 13, 8) и что нет ничего угоднее Богу и спасительнее для человека, чем праведная жизнь во Христе, образцом которой был праведный протоиерей Иона Атаманский.

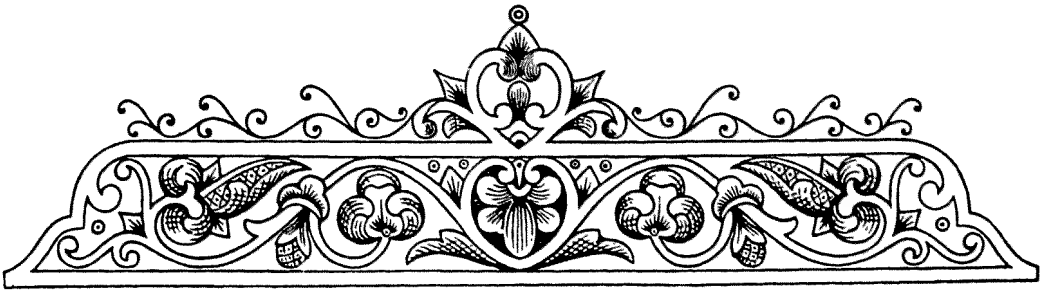
Тропарь, глас ѕ҃:

Православия ревнителю, раскола и ереси искоренителю, Одесский целебниче и к Богу теплый молитвенниче, житием и чудесы твоими уподобился еси Кронштадтскому чудотворцу, Ионо праведный, моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас ѕ҃:

Многоразличные подвиги жития твоего кто исповесть? Многообразные милости Божия тобою явленные кто исчислит? Дерзновение же твое у Всещедраго Бога и Пречистыя Богородицы добре ведуще, во умилении сердечнем зовем ти: не лиши и нас твоея помощи и заступления, пастырю Христов и чудотворче Ионо.





День двадцать пятый

ЖИЗНЬ и ТРУДЫ
ПРЕОСЯЩЕННАГО
ИННОКЕНТІЯ,
архіепископа Херсонскаго

В концѣ XVIII столѣтія въ г. Ельцѣ Орловской губерніи проживало пользовавшееся всеобщей любовью мѣстныхъ горожанъ семейство Борисовыхъ.

Глава этого семейства, священникъ градской Успенской церкви отецъ Алексѣй, былъ человѣкъ простой. Школьнаго образованія онъ не получилъ никакого, читать и писать научился самъ. Но, научившись читать, онъ съ усердіемъ занялся чтеніемъ богословскихъ сочиненій и съ избыткомъ восполнилъ пробѣлъ въ своемъ образованіи. Благочестивая жизнь и ревность къ храму Божію обратили на него вниманіе тогдашняго елецкаго духовенства, и Борисовъ былъ поставленъ въ дьячки и потомъ въ діаконы Успенской церкви. Прихожане такъ полюбили отца Алексѣя, что упросили Владыку поставить его и священникомъ для нихъ. Сдѣлавшись пастыремъ, отецъ Алексѣй отдавалъ всѣ силы своему приходу и прежде всего заботился о его духовномъ просвѣщеніи: не проходило ни одного воскреснаго или праздничнаго дня безъ того, чтобы Успенскій храмъ не оглашался проповѣдью отца Алексѣя.

Прихожане, глубоко любившіе отца Алексѣя за умъ и доброту, не менѣе были привязаны и къ его женѣ — Акилинѣ Гавриловнѣ. Дѣйствительно, это была женщина вполнѣ достойная уваженія. Совершенно неграмотная, простодушная до того, что не лѣчилась изъ боязни умереть отъ лѣкарствъ, она зато обладала непоколебимой вѣрой въ Бога и до болѣзненности чуткой ко всему доброму душой.

Преосвященный Иннокентий причислен к лику святых Священным Синодом Украинской Православной Церкви 13 декабря 1997 года.

Прѣбный
ИННОКЕНТІИ

Въ этой-то семьѣ, надъ которой, казалось, видимо почивало Божіе благословеніе, 15 декабря 1800 года родился сынъ, котораго при Крещеніи назвали Іоанномъ. Несмотря на крайне бѣдственное матеріальное состояніе, въ какомъ тогда вообще находилось все духовенство, отецъ Алексѣй и его жена съ радостью приняли Божіе благословеніе, хотя ребенокъ родился настолько хилымъ, что отцу пришлось крестить его въ самый день рожденія. «На все воля Божія»,— утѣшали себя родители.

Мальчикъ выросталъ окруженный атмосферой набожности и любви. Съ самыхъ раннихъ поръ въ немъ стала замѣчаться чрезвычайная чуткость и любознательность. Особенно любилъ онъ слушать въ храмѣ проповѣди своего отца: весь обратившись въ слухъ, онъ, бывало, не проронитъ ни одного слова и, вернувшись съ отцомъ домой, отъ слова до слова передастъ ему слышанное и попроситъ разъясненія непонятнаго. Отецъ Алексѣй скоро научилъ своего сына грамотѣ, и мальчикъ съ жадностью набросился на чтеніе богословскихъ книгъ, составлявшихъ библіотеку отца.

Въ январѣ 1810 года отецъ Алексѣй отвезъ маленькаго Ивана въ Воронежскую Духовную Семинарію, гдѣ уже учился его старшій сынъ Матвѣй. Иванъ оказался настолько подготовленнымъ и способнымъ, что поступилъ въ январѣ 1810 года прямо во 2-й классъ, а въ слѣдующемъ январѣ былъ уже въ 4-мъ классѣ.

Окончить Воронежскую Семинарію мальчику, однако, не удалось. 16 октября того же года отецъ Алексѣй умеръ, и оба брата Борисовы, во вниманіе къ памяти ихъ отца, были приняты на казенный счетъ въ родную Орловскую Семинарію, помѣщавшуюся тогда въ Сѣвскѣ.

Здѣсь талантливый Иванъ Борисовъ сразу обратилъ на себя вниманіе всѣхъ: и учителей, и товарищей. Богатыя способности, пылкая фантазія, а въ особенности — выдающееся краснорѣчіе рѣзко выдѣляли его

изъ ряда прочихъ. Вотъ почему въ 1819 году, по окончаніи Борисовымъ курса, его вмѣстѣ съ пятью другими товарищами назначили въ только что преобразованную Кіевскую Духовную Академію.

Въ Академіи талантъ Борисова развился и окрѣпъ во всей своей силѣ. Пытливый юноша скоро пересталъ здѣсь удовлетворяться тѣмъ, что давали въ своихъ лекціяхъ академическіе профессора и, выполняя все, что отъ него требовалось, работалъ еще и самостоятельно. Много читалъ, поглощая съ захватывающимъ интересомъ книгу за книгой, разсуждалъ по поводу прочитаннаго съ товарищами и профессорами, излагалъ письменно свои мысли; но въ особенности любилъ заниматься составленіемъ проповѣдей, которыя по своимъ высокимъ качествамъ и тогда уже предвѣщали въ немъ будущаго «Русскаго Златоуста».

Естественно, что благодаря своимъ дарованіямъ юный Борисовъ занялъ совершенно особое, выдающееся мѣсто въ Академіи. И профессора, и студенты чрезвычайно высоко цѣнили его. Профессора отказывались даже сравнивать его съ товарищами, а послѣдніе нерѣдко въ отсутствіе какого-либо профессора просили Борисова взойти на каѳедру и подѣлиться съ ними своими познаніями. Въ такихъ случаяхъ импровизированныя лекціи молодого студента вызывали всегда бурный восторгъ.

Скоро ученость Борисова обратила на себя всеобщее вниманіе. На выпускномъ академическомъ актѣ, въ 1823 году, онъ прочелъ предъ собравшимися почетными гостями часть своего студенческаго труда: «О нравственномъ характерѣ Господа нашего Іисуса Христа». Чтеніе это было встрѣчено громомъ рукоплесканій, и бывшій при этомъ знаменитый въ то время Евгеній Болховитиновъ привѣтствовалъ юношу какъ восходящее свѣтило русской богословской науки. Предсказанію этому суждено было сбыться въ полной степени.

Иванъ Борисовъ окончилъ курсъ первымъ магистромъ и сразу же былъ назначенъ въ С.-Петербургскую Духовную Семинарію инспекторомъ и профессоромъ церковной исторіи и греческаго языка. Необыкновенныя дарованія его обратили на себя и здѣсь, въ столицѣ, особенное вниманіе начальства, и не прошло и семи мѣсяцевъ, какъ онъ былъ назначенъ ректоромъ Санктъ-Петербургскаго Александро-Невскаго Духовнаго училища. Скоро молодой ректоръ принялъ монашество съ именемъ Иннокентія. Съ этого времени начальство обратило особенное вниманіе на молодого ученаго монаха и старалось всячески оказывать ему вниманіе.

Но Иннокентія не прельщали почести: его обширному, высокоразвитому уму нужно было ученое поприще, гдѣ бы онъ могъ проявиться во всей своей силѣ. И вотъ, уступая просьбамъ Иннокентія, 16 декабря 1824 года его переводятъ въ бакалавры С.Петербургской Духовной Академіи, причемъ вскорѣ онъ былъ сдѣланъ инспекторомъ и профессоромъ богословскихъ наукъ съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, что произошло въ 1826 году.

Получивъ возможность излагать свои мысли съ каѳедры, Иннокентій почувствовалъ, что онъ стоитъ у того дѣла, къ которому наиболѣе склоненъ, — и онъ отдался ему со всѣмъ пыломъ своей натуры. Съ академической каѳедры зазвучали дотолѣ неслыханныя рѣчи. Аудиторія молодого профессора-инока, излагавшаго основное и обличительное богословіе, стала все больше и больше пополняться. Въ лекціяхъ Иннокентія слушателей привлекало не только то, что онѣ всегда излагались свободной, живой, чрезвычайно изящной рѣчью: въ нихъ всегда присутствовали свѣтлость, оригинальность взгляда на разсматриваемые научные вопросы, быстрая, проницательная сообразительность, затѣмъ глубокое, всестороннее знакомство какъ съ богословіемъ, такъ и съ философіей на Западѣ, что тогда рѣдко было въ нашихъ академическихъ профессорахъ. Но, что всего главнѣе, Иннокентій ввелъ въ свои лекціи совершенно новый для того времени историческій и историко-сравнительный методъ, состоявшій въ томъ, что богословіе подтверждалось ссылками на историческіе факты и явленія. Этотъ методъ Иннокентій примѣнялъ и при написаніи своихъ многочисленныхъ сочиненій.

Скоро популярность молодого профессора вышла за предѣлы Академіи. Иннокентій по порученію с.-петербургскаго епархіальнаго начальства долженъ былъ нерѣдко произносить проповѣди въ Лаврѣ и въ Казанскомъ соборѣ. И вотъ, не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ слава о «новомъ Златоустѣ изъ Духовной Академіи» охватила всѣ концы Петербурга. Послушать Иннокентія стекались громадныя толпы народа со всѣхъ концовъ Петербурга.

Проповѣди Иннокентія действовали не только на воображеніе слушателей, но и на ихъ разсудокъ. Въ нихъ, въ этихъ проповѣдяхъ, плѣняли и увлекали рѣдкое соединеніе ясности и простоты слова, музыкальной размѣренности рѣчи и художественной ея картинности. При этомъ во всѣхъ нихъ въ каждомъ оборотѣ, въ каждомъ выраженіи проглядывало одно искреннее намѣреніе, связывавшее и одухотворявшее цѣлыя длинныя тирады. Касался ли Иннокентій догматовъ вѣры, правилъ нравственности, молитвы Господней, заповѣдей, явленій природы или какого-либо событія текущей жизни, — онъ, по замѣчанію одного изъ своихъ ученыхъ рецензентовъ С. П. Шевырева, имѣлъ всегда предъ собой одну великую мечту: отобразить въ своихъ рѣчахъ Бога, Его высочайшій образъ, образъ земной Его жизни.

На это ясно указывалъ и самъ Иннокентій въ одномъ изъ своихъ словъ: «Іисусъ и крестъ Его, — говорилъ онъ однажды своимъ слушателямъ, — се наша мудрость. Изображеніе Его предъ вами въ томъ самомъ видѣ, какъ Онъ представленъ у св. пророковъ и Апостоловъ, — вотъ наше краснорѣчіе! Болыпаго не знаемъ и не обѣщаемъ; лучшаго не можемъ и не хотимъ. И если бы когда-либо уклонились мы отъ сего святаго правила и обѣта и предались суетному желанію блистать передъ вами мудростію человѣческою и витійствомъ, то, вмѣсто вниманія слову

нашему, закройте тогда слухъ отъ него; остановите насъ и напомните, что мы говорили теперь передъ вами»...

Проповѣди свои, по произнесеніи ихъ, Иннокентій сталъ помѣщать въ издававшемся при С.-Петербургской Духовной Академіи журналѣ «Христіанское Чтеніе». Журналъ этотъ тогда еле влачилъ свое существованіе, но стоило появиться въ немъ проповѣдямъ за подписью молодого витіи, какъ интересъ общества къ журналу сразу поднялся.

Но книжки «Христіанскаго Чтенія» стали разбираться положительно нарасхватъ, когда на страницахъ его начали появляться научно-литературныя произведенія Иннокентія: «Жизнь св. Апостола Павла», «Жизнь св. священномученика Кипріана, епископа Карѳагенскаго» и въ особенности знаменитое его произведеніе — «Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа». Это сочиненіе, помимо своей художественности, обратило на себя вниманіе тѣмъ, что въ немъ впервые былъ примѣненъ къ изслѣдованію жизни Христа историко-археологическій методъ, чѣмъ Иннокентій опередилъ свое время на цѣлыхъ полстолѣтія. Въ этомъ своемъ знаменитомъ сочиненіи онъ «мастерской рукой пользуется всѣмъ собраннымъ имъ матеріаломъ; всякую черту Евангельской исторіи умѣетъ пояснить подходящей археологической или географической подробностью, и притомъ такъ, что эти подробности отнюдь не нагромождаются одна на другую — въ безпорядочную массу, за которой теряется главный предметъ, а размещаются съ мастерствомъ художника, который изъ мелкихъ мозаичныхъ камней создаетъ чудный образъ — образъ Богочеловѣка. Только гораздо позднѣе благодаря массѣ новыхъ открытій въ области географіи и археологіи Св. Земли этотъ методъ сдѣлался достояніемъ науки сначала на Западѣ, а потомъ и у насъ».

По справедливому замѣчанію одного изъ духовныхъ критиковъ, «Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа» имѣли «ту цѣль, чтобы при благословеніи Божіемъ возбудить въ боголюбивыхъ читателяхъ вѣру и любовь къ Господу нашему Іисусу Христу, Который и во всей жизни Своей есть высочайшій образецъ совершенствъ для всего рода человѣческаго, а въ послѣднихъ дняхъ Своего земного служенія человѣчеству и среди страданій Своихъ — особенно является, яко Единородный отъ Отца, исполнь благодати и истины».

Вскорѣ, въ 1829 году, Иннокентій получилъ ученую степень доктора богословія, а въ слѣдующемъ былъ назначенъ ректоромъ и профессоромъ родной Кіевской Академіи. Вступивъ въ качествѣ хозяина въ стѣны вскормившей его высшей школы, Иннокентій сразу поднялъ всѣ стороны ея жизни, и потому то десятилѣтіе, какое провелъ въ Кіевской Академіи этотъ гениальный ея питомецъ, по справедливости можетъ быть названо самымъ блестящимъ періодомъ ея исторіи.

Предметомъ лекцій самого Иннокентія въ Кіевѣ было сравнительное богословіе и литургика. Какъ профессоръ онъ пользовался особенной любовью слушателей. Студенты съ нетерпѣніемъ ждали появленія его на

каѳедрѣ и съ неохотой уходили изъ аудиторіи по окончаніи его лекціи. Впослѣдствіи одинъ изъ его кіевскихъ учениковъ, а именно митрополитъ Московскій Макарій, такъ отзывался о талантѣ своего учителя какъ профессора-богослова: «Это былъ человѣкъ въ собственномъ смыслѣ слова — геніальный: высокій свѣтлый проницательный умъ, богатое, неистощимое воображеніе, живая и обширнѣйшая память, легкая и быстрая сообразительность, тонкій правильный вкусъ, даръ творчества, изобрѣтательности и оригинальности, совершеннѣйшій даръ слова, — все это въ чудной гармоніи совмѣщено было въ немъ»...

Стоя самъ на высотѣ призванія, Иннокентій старался поднять уровень и своихъ товарищей профессоровъ, а также и студентовъ. Послѣднимъ онъ настойчиво совѣтовалъ не замыкаться въ тѣсный кругъ спеціальныхъ знаній, а заниматься возможно болѣе и другими науками.

Новый ректоръ ввелъ въ Академіи также нѣкоторые новые предметы, но самая большая его заслуга заключается въ томъ, что онъ измѣнилъ самый способъ преподаванія. До тѣхъ поръ въ Кіевской Академіи все преподавалось на мертвомъ латинскомъ языкѣ, что держало русское богословіе въ полной зависимости отъ католическаго. Иннокентій распорядился вести преподаваніе на родномъ, русскомъ языкѣ.

Насколько вообще велики были заслуги Иннокентія для Кіевской Академіи, видно хотя бы изъ слѣдующихъ словъ въ адресѣ Императорскаго Московскаго Университета. «Геніальный питомецъ, много послужившій Русской Церкви и наукѣ своими глубоко назидательными и учеными трудами, — говорится здѣсь между прочимъ, — былъ самымъ дорогимъ пріобрѣтеніемъ для воспитавшей его Академіи. Высокодаровитый наставникъ и вождь, онъ и въ Академіи, когда ему выпалъ жребій стать во главѣ ея, усердіемъ, примѣромъ неустанно двигалъ науку впередъ, и ему, своему бывшему ученику, она обязана и тѣмъ, что ея главная, русская богословская наука заговорила въ ней на родномъ, чисторусскомъ, изящно-литературномъ, имъ созданномъ языкѣ, вмѣсто чужого — латинскаго, схоластическаго языка»...

Но, живя въ Кіевѣ, Иннокентій былъ дорогъ не только для Академіи: имя его пользовалось всеобщимъ уваженіемъ въ городѣ — какъ имя необычайно разносторонняго ученаго, незамѣнимаго проповѣдника и прекраснаго литературнаго дѣятеля. Знакомившіеся съ нимъ находили его положительно живой энциклопедіей. По утвержденію М. П. Погодина, «геологія ему была такъ же близка, какъ гомилетика; анатомія, военное искусство, политическая экономія были извѣстны наравнѣ съ патристикой». Военные находили, что онъ замѣчательный тактикъ, медики съ удивленіемъ отзывались о его медицинскихъ познаніяхъ. Не было той научной области, въ которой бы Иннокентій не былъ до извѣстной степени свѣдущъ.

Въ это же время развернулся во всемъ своемъ блескѣ ораторскій талантъ Иннокентія. Проповѣди его, отличавшіяся необычайнымъ блес-

комъ краснорѣчія, собирали несмѣтныя толпы народа. При этомъ слушать вдохновеннаго оратора приходили не только кіевляне — многіе единственно съ этой цѣлью пріѣзжали изъ самыхъ далекихъ мѣстъ. Особенной силой краснорѣчія отличались его проповѣди на дни Страстной и Свѣтлой седмицъ, которыя впослѣдствіи были соединены въ особые сборники. Въ великіе дни страстей Христовыхъ слушатели, потрясенные художественно нарисованной картиной безконечныхъ страданій Богочеловѣка, нерѣдко плакали отъ умиленія.

Наряду съ проповѣднической непрерывно развивалась и научно-литературная деятельность Иннокентія. Какихъ размѣровъ она достигала въ это время, видно хотя бы изъ того, что, по собственному признанію Иннокентія, имъ въ двѣ недѣли было написано около 80 листовъ. Для помѣщенія своихъ трудовъ Иннокентій потомъ создалъ особый журналъ — «Воскресное Чтеніе», который благодаря имени великаго витіи скоро сдѣлался однимъ изъ самыхъ распространенныхъ въ Россіи. Характеръ научно-литературныхъ трудовъ Иннокентія въ это время былъ самый разнообразный. Онъ предпринимаетъ изслѣдованія историческихъ памятниковъ, задумываетъ и отчасти доводитъ до конца историко-догматическія изслѣдованія и т. д.

Живя въ Кіевѣ, Иннокентій принималъ участіе и въ жизни епархіи, особенно съ 21 ноября 1836 года, когда онъ былъ возведенъ въ санъ епископа Чигиринскаго, викарія Кіевской епархіи.

Къ глубокому прискорбію кіевлянъ пребываніе Иннокентія въ ихъ городѣ было непродолжительно: 1 марта 1841 года онъ былъ назначенъ на каѳедру епископа Вологодскаго, на которой, впрочемъ, пробылъ всего лишь девять мѣсяцевъ, послѣ чего былъ назначенъ на каѳедру Харьковскую, гдѣ прослужилъ болѣе семи лѣтъ. Здѣсь же преосвященный Иннокентій былъ въ воздаяніе своихъ заслугъ возведенъ въ санъ архіепископа.

Въ обѣихъ епархіяхъ Иннокентій оставилъ по себѣ славу мудраго администратора, неутомимаго проповѣдника и просвѣтителя. Особенно онъ любилъ возобновлять и вновь устраивать и украшать церкви, монастыри. Книжныя и рукописныя богатства послѣднихъ приказывалъ описывать и направлять въ ученые центры — въ Академіи. Много заботился Владыка объ улучшеніи матеріальнаго быта, о добромъ имени и подъемѣ образованія подвѣдомственнаго ему духовенства. Особенное вниманіе обращалъ на развитіе проповѣдничества въ сельскихъ церквахъ. Многіе жаловались на строгую требовательность Владыки, но вмѣстѣ съ тѣмъ признавали, что эта строгость направлена къ ихъ же благу.

Въ 1847 году Иннокентій былъ вызванъ для присутствованія въ Св. Синодѣ, а въ 1848 году состоялось Высочайшее повелѣніе о назначеніи его на Херсонскую и Таврическую каѳедру, каковую онъ и занималъ до самой своей смерти.

Въ Одессѣ дѣятельность Иннокентія носила такой же характеръ, какъ и раньше въ Кіевѣ, Вологдѣ, Харьковѣ: онъ неустанно работалъ, проповѣдовалъ, просвѣщалъ своихъ пасомыхъ, заботился о возможно лучшемъ устройствѣ своей епархіи и о томъ, чтобы сохранить въ неприкосновенности и обновить церковноисторическіе ея памятники. Такъ, Иннокентію обязана своимъ появленіемъ мысль о возстановленіи древняго Херсонеса — какъ мѣста Крещенія Владиміра Святаго; его же заботами учрежденъ въ Крыму «Русскій Аѳонъ». И за такую кипучую, неустанную дѣятельность одесситы искренно были привязаны къ своему «дорогому Владыкѣ».

Но любовь одесситовъ къ Иннокентію возросла особенно съ тѣхъ поръ, какъ настала Крымская кампанія. Въ тяжкую ея годину во всемъ величіи выступило архипастырское мужество Владыки: въ немъ сказался истинный пастырь своего стада, готовый жизнь свою положить за него. Несмотря на то, что одесскій каѳедральный соборъ составлялъ самую видную цѣль для непріятельскихъ пушекъ, обстрѣливавшихъ городъ, Иннокентій тѣмъ не менѣе безбоязненно совершалъ въ немъ на Страстной седмицѣ Богослуженія, ободряя и укрѣпляя одесситовъ своимъ дивнымъ словомъ. Въ Великую Субботу во время Литургіи послышался страшный, оглушительный взрывъ. Молившіеся пали ницъ. Царскія Врата немедленно раскрылись, въ нихъ показался Иннокентій. «Вы устрашились сего браннаго звука, произведеннаго вражеской рукою,— проговорилъ онъ,— и, стоя на молитвѣ въ этомъ святилищѣ, не устыдились пасть на землю по маловѣрію... Но какой страхъ и ужасъ обыметъ душу, когда возгремитъ архангельскій гласъ трубы, чтобы призвать на всеобщій судъ»... Эти слова сразу ободрили и укрѣпили собравшихся.

Но Иннокентій не ограничился тѣмъ, что безбоязненно подъ грохотъ орудій совершалъ Богослуженія въ Одессѣ: онъ рѣшилъ явиться съ словомъ утѣшенія среди доблестныхъ защитниковъ родины. Онъ отправляется въ Крымъ, появляется въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ и всюду подъ градомъ пуль, подъ непрерывный грохотъ орудій совершаетъ Богослуженія, утѣшаетъ, укрѣпляетъ воиновъ своимъ могучимъ словомъ. Нѣсколько разъ онъ былъ на мгновеніе отъ смерти, но ничто не устрашало этого самоотверженнаго пастыря.

Зная, какъ тяжелъ госпитальный трудъ во время военныхъ дѣйствій, Иннокентій неустанно заботился о госпитальномъ духовенствѣ, о сестрахъ милосердія, а чрезъ нихъ — и о раненыхъ.

Все это подняло Иннокентія чрезвычайно высоко въ глазахъ современниковъ, и одинъ изъ нихъ, историкъ Погодинъ, справедливо назвалъ Херсонскаго архипастыря «великимъ гражданиномъ земли Русской».

8 апрѣля 1856 года былъ заключенъ миръ, но заботъ у Иннокентія не уменьшилось: надо было возстанавливать и исправлять разрушенныя

и опустошенныя войной святыни, разоренные монастыри и церкви,— и неустанный Владыка продолжалъ энергично работать.

Въ томъ же году была коронація новаго Государя — Александра Николаевича. Въ числѣ прочихъ былъ вызванъ изъ своей епархіи и Иннокентій. Оторванный отъ устройства разстроенныхъ дѣлъ своей епархіи, онъ, едва вернулся, какъ немедленно отправился на ея обозрѣніе. Во время этого путешествія онъ сильно заболѣлъ.

Болѣзнь оказалась роковой: 26 мая 1857 года, въ день праздника Святой Троицы, Херсонскаго архипастыря не стало.

Когда вѣсть о его смерти облетѣла Россію, изъ всѣхъ ея уголковъ раздались выраженія искренняго сожалѣнія. Историкъ М. П. Погодинъ, выражая настроеніе всей Россіи, писалъ по случаю кончины Иннокентія: «Господи! За что Ты прогнѣвался на насъ такъ жестоко? Чемъ согрѣшили мы передъ Тобою паче всякой мѣры?..»

Всюду, во всѣхъ уголкахъ Россіи, были люди, искренно оплакивавшіе кончину Херсонскаго архипастыря. И это вполнѣ понятно, такъ какъ вліяніе Иннокентія далеко не ограничивалось тѣми епархіями, гдѣ онъ святительствовалъ. Онъ поддерживалъ оживленную дружескую переписку съ большинствомъ русскихъ архіереевъ, находился въ близкихъ отношеніяхъ къ четыремъ, слѣдовавшимъ одинъ за другимъ оберъ-прокурорамъ; начиная съ 1847 года былъ неоднократно вызываемъ для присутствованія въ Св. Синодѣ. Вообще онъ былъ связанъ самыми неразрывными нитями съ современными ему русскими дѣятелями.

Въ лицѣ его они похоронили великую, незамѣнимую умственную силу, оставившую потомству въ видѣ своихъ многочисленныхъ произведеній такое богатое духовное наслѣдіе, цѣнность котораго никогда не утратится...

Съ Иннокентіемъ, по единогласному признанію всѣхъ его современниковъ и потомства, сошелъ въ могилу единственный доселѣ въ Россіи проповѣдникъ, поистинѣ заслуживающій наименованія «Русскаго Златоуста»,— проповѣдникъ, который едва ли не болыпе всѣхъ заставилъ современное ему русское общество полюбить свою, русскую проповѣдь, едва ли не шире всѣхъ распространилъ просвѣтительное ея вліяніе на общество.

Въ лицѣ Иннокентія сошелъ въ могилу ревностный пастырь, истинный отецъ своего стада, однимъ словомъ — живое воплощеніе всего лучшаго, что можно себѣ представить въ лицѣ русскаго человѣка и архипастыря.

И потому правъ былъ преемникъ Иннокентія по Херсонской каѳедрѣ епископъ Никаноръ, когда въ своемъ словѣ у могилы почившаго сказалъ: «Славный витія, великій мыслитель, благородное, благожелательное сердце и высокій духъ, святитель, признанный красою нашей Церкви и славою нашей русской епархіи, святитель Иннокентій былъ и ве-

ликій богословъ, и пастырь добрый, право правившій слово Истины, и истинно образованный, въ полномъ, христіанскомъ смыслѣ этого слова, человѣкъ».

Такова была жизнь угодника Божія. За это онъ воспріиметъ награду отъ Господа на Небесахъ явно, предъ очами всехъ его небесныхъ согражданъ; водворившись съ ними, онъ прославляетъ Отца, и Сына, и Святаго Духа — Единаго Бога въ Троицѣ.

Тропарь, глас г҃:

Пра́вило ве́ры и о́браз кро́тости, воздержа́ния учи́теля яви́ тя ста́ду твоему́ я́же веще́й и́стина; сего́ ра́ди стяжа́л еси́ смире́нием высо́кая, нището́ю бога́тая, о́тче свяще́ннонача́льниче Иннокéнтие, моли́ Христа́ Бо́га спасти́ся душа́м на́шым.

Кондак, глас в҃:

Боже́ственный гром, труба́ духо́вная, ве́ры насади́телю и отсека́телю ересе́й, Тро́ицы угодниче, великий святи́телю Иннокéнтие, со А́нгелы предстоя́ при́сно, моли́ непреста́нно о всех нас.

День двадцать девятый

ЖИЗНЬ и ЖИТИЕ СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ СИМФЕРОПОЛЬСКОГО

Будущий архиепископ Лука — Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий родился в дворянской семье в 1877 году 14 апреля в г. Керчи, крещен был в Православии.

Начало жизни Валентина прошло в Киеве. Отец его был католиком, весьма набожным, всегда ходил в костел и подолгу молился дома. Он был человеком удивительно чистой души, ни в ком не видел ничего дурного, всем доверял, хотя по своей должности был окружен нечестными людьми. В православной семье он, как католик, был несколько отчужден.

Мать усердно молилась дома, но в церковь, по-видимому, не ходила. Два брата — юристы — не проявляли признаков религиозности. Однако они всегда ходили к выносу Плащаницы и целовали ее, и всегда бывали на Пасхальной утрени. Старшая сестра-курсистка, потрясенная ужасом катастрофы на Ходынском поле, психически заболела и выбросилась из окна третьего этажа, получив тяжелые переломы бедра и плечевой кости и разрывы почек, почему и умерла, прожив только двадцать пять лет. Младшая сестра была прекрасная и очень благочестивая женщина.

Религиозного воспитания Валентин в семье не получил, и, если можно говорить о наследственной религиозности, то, вероятно, он ее наследовал главным образом от очень набожного отца.

С детства у него была страсть к рисованию, и одновременно с гимназией он окончил Киевскую художественную школу, в которой проявил немалые художественные способности. Влечение к живописи было на-

* Святитель Лука Симферопольский причислен к лику святых решением Священного Синода Украинской Православной Церкви от 22 ноября 1995 года.

столько сильным, что, по окончании гимназии, он решил поступать в Петербургскую Академию Художеств.

Но во время вступительных экзаменов Валентином овладело тяжелое раздумье о том, правильный ли жизненный путь он избирает. Недолгие колебания кончились решением, что он не в праве заниматься тем, что нравится, но обязан заниматься тем, что полезно для страдающих людей. Из Академии Валентин послал матери телеграмму о желании поступить на медицинский факультет, но все вакансии уже были заняты, и ему предложили поступить на естественный факультет, с тем чтобы после перейти на медицинский. От этого он отказался, так как у него была большая нелюбовь к естественным наукам, ярко выраженный интерес к наукам гуманитарным, в особенности к богословию, философии и истории. Поэтому он предпочел поступать на юридический факультет и в течение года с интересом изучал историю и философию права, политическую экономию и римское право.

Но через год Валентина опять неодолимо повлекло к живописи. Он отправился в Мюнхен, где поступил в частную художественную школу. Однако уже через три недели тоска по родине неудержимо повлекла его домой, он уехал в Киев и еще год с группой товарищей усиленно занимался рисованием и живописью.

В это время впервые проявилась его религиозность. Валентин каждый день, а иногда и дважды в день, ездил в Киево-Печерскую Лавру, часто бывал в киевских храмах и, возвратясь оттуда, делал зарисовки того, что видел в Лавре и храмах. Он сделал много зарисовок, набросков и эскизов молящихся людей, лаврских богомольцев, приходивших туда за тысячу верст, и тогда уже в его занятиях живописью ярко определилось религиозное направление.

В это же время Валентин увлекся этическим учением Льва Толстого и стал, можно сказать, завзятым толстовцем: спал на полу на ковре, а летом, уезжая на дачу, косил траву и рожь вместе с крестьянами, не отставая от них. Однако толстовство его продолжалось недолго, только лишь до того времени, когда он прочел его сочинение «В чем моя вера», резко оттолкнувшее его издевательством над православной верой. Он сразу понял, что Толстой — еретик, весьма далекий от подлинного христианства.

Правильное представление о Христовом учении незадолго до этого он вынес из усердного чтения всего Нового Завета, который, по доброму старому обычаю, получил как напутствие в жизнь от директора гимназии при вручении аттестата зрелости. Очень многие места этой Святой Книги, сохранявшейся у Валентина десятки лет, произвели на него глубочайшее впечатление. Они были отмечены красным карандашом.

Но ничто не могло сравниться по огромной силе впечатления с тем местом Евангелия, в котором Иисус, указывая ученикам на поля созревшей

---

[1] Еванг. от Матф., гл. 9, ст. 37.

пшеницы, сказал им: «*Жатвы много, а делателей мало. И так, молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою*»[1]).

Святитель Лука

Валентин вспоминал об этом: «У меня буквально дрогнуло сердце, я молча воскликнул: «О Господи! Неужели у Тебя мало делателей?!» Позже, через много лет, когда Господь призвал меня делателем на ниву Свою, я был уверен, что этот евангельский текст был первым призывом Божиим на служение Ему».

Так прошел этот довольно странный год. Можно было бы поступить на медицинский факультет, но опять его взяло раздумье народнического порядка, и по юношеской горячности он решил, что нужно как можно скорее приняться за практическую, полезную для простого народа работу. Бродили мысли о том, чтобы стать фельдшером или сельским учителем, и в этом настроении он однажды отправился к директору народных училищ Киевского учебного округа с просьбой устроить его в одну из школ. Директор оказался умным и проницательным человеком: он хорошо оценил народнические стремления молодого человека, но очень энергично отговаривал его от того, что он затевал, и убеждал поступить на медицинский факультет.

Это соответствовало стремлениям Валентина быть полезным для крестьян, так плохо обезпеченных медицинской помощью, но поперек дороги стояло почти отвращение его к естественным наукам. Но все-таки он преодолел это отвращение и поступил на медицинский факультет Киевского университета.

На третьем курсе Валентин страстно увлекся изучением анатомии. Произошла интересная эволюция его способностей: умение весьма тонко рисовать и любовь к форме перешли в любовь к анатомии и тонкую художественную работу при анатомической препаровке и при операциях на трупах. Из неудавшегося художника он стал художником в анатомии и хирургии.

Когда были получены дипломы, товарищи по курсу спросили Валентина, чем он намерен заняться. Когда он ответил, что намерен быть земским врачом, они с широко открытыми глазами сказали: «Как, Вы будете земским врачом?! Ведь Вы — ученый по призванию!» Он был обижен тем, что его совсем не понимают, ибо изучал медицину с исключительной целью быть всю жизнь деревенским, мужицким врачом, помогать бедным людям.

Сразу стать земским врачом ему не пришлось, так как он окончил университет осенью 1903 года, перед самым началом войны с Японией; и началом его медицинской работы была военно-полевая хирургия в госпитале Киевского Красного Креста возле города Читы.

Молодой доктор сразу же развил большую хирургическую работу, оперируя раненых, и, не имея специальной подготовки по хирургии, стал сразу делать крупные ответственные операции на костях, суставах, на черепе. Результаты работы были вполне хорошими, несчастий не случалось.

В Чите Валентин женился на сестре милосердия, работавшей прежде в Киевском военном госпитале, где ее называли святой сестрой. Она покорила его не столько своей красотой, сколько исключительной добротой и кротостью характера.

Супруги уехали из Читы до окончания войны, и Валентин поступил врачом в Ардатовское земство Симбирской губернии. Там ему пришлось заведовать городской больницей. В трудных и неприглядных условиях он сразу стал оперировать по всем отделам хирургии и офтальмологии[1]). Однако через несколько месяцев ему пришлось отказаться от работы в Ардатове ввиду ее невыносимой трудности.

Он решил перейти на работу в маленькую больницу и нашел такую в селе Верхний Любаж, Фатежского уезда, Курской губернии. Однако и там было не легче, ибо в маленькой участковой больнице на десять коек он стал широко оперировать и скоро приобрел такую славу, что к нему пошли больные со всех сторон — из других уездов Курской губернии и соседней, Орловской.

Доктор вспоминал курьезный случай, когда молодой нищий, слепой с раннего детства, прозрел после операции. Месяца через два он собрал множество слепых со всей округи, и все они длинной вереницей пришли к нему, ведя друг друга за палки и чая исцеления.

В это время вышла первым изданием книга профессора Брауна «Местная анестезия, ее научное обоснование и практические применения». Валентин с жадностью прочел ее и из нее впервые узнал о регионарной анестезии, немногие методы которой были опубликованы весьма недавно. В те годы крайне несовершенный общий наркоз часто был несравненно опаснее самой операции, и в применении такого совершенного метода местного обезболивания, как регионарная анестезия, была огромная практическая потребность, особенно же у земских врачей. У него возник жи-

[1]) *Офтальмология* — раздел медицины, изучающий болезни глаза.

вой интерес к регионарной анестезии, и он поставил себе задачей заняться разработкой новых ее методов.

В 1916 году, живя уже в Переславле-Залесском, доктор Войно-Ясенецкий защитил в Москве докторскую диссертацию о регионарной анестезии.

У земского врача, каким он был тринадцать лет, воскресные и праздничные дни — самые занятые и обремененные огромной работой. Поэтому он не имел возможности ни в Любаже, ни в Романовке бывать на Богослужениях в церкви и многие годы не говел. Однако в последние годы жизни в Переславле-Залесском он с большим трудом нашел возможность бывать в соборе, где у него было свое постоянное место, и это возбудило большую радость среди верующих.

Было еще одно великое событие в жизни молодого врача, начало которому Господь положил в Переславле.

С самого начала своей хирургической деятельности в Чите, Любаже и Романовке он ясно понял, как огромно значение гнойной хирургии и как мало знаний о ней вынес из университета. И он поставил своей задачей глубокое самостоятельное изучение диагностики и терапии гнойных заболеваний. В конце пребывания в Переславле доктору Войно-Ясенецкому пришло на мысль изложить свой опыт в особой книге — «Очерки гнойной хирургии». Он составил план этой книги и написал предисловие к ней. И тогда, к его удивлению, у него появилась крайне странная, неотвязная мысль: когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа.

Быть священнослужителем, а тем более епископом Валентину и во сне не снилось, но неведомые нам пути жизни нашей вполне известны Всеведущему Богу еще когда мы во чреве матери. Как показало время, уже через несколько лет стала полной реальностью неотвязная мысль: «Когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа».

В начале 1917 года жена доктора Войно-Ясенецкого заболела туберкулезом легких. Переезд семьи в Ташкент, тяжелые условия жизни в городе, охваченном революцией, окончательно подорвали ее здоровье. В конце октября 1919 года она умерла, оставив четверых детей, из которых старшему было двенадцать, а младшему — шесть лет.

Две ночи доктор сам читал над гробом Псалтирь, стоя у ног покойной в полном одиночестве. Часа в три второй ночи он читал сто двенадцатый Псалом, и последние слова Псалма поразили и потрясли его, ибо он с совершенной несомненностью воспринял их как слова Самого Бога, обращенные к нему: *«Неплодную вселяет в дом матерью, радующеюся о детях»*[1].

Господу Богу было ведомо, какой тяжелый, тернистый путь ждет будущего Владыку, и тотчас после смерти матери его детей Он Сам позаботился о них и облегчил его тяжелое положение. Почему-то без малейшего сомнения Валентин Феликсович принял потрясшие его слова Псалма как указание Божие на его операционную сестру Софию Сергеевну Белецкую, о кото-

[1] Пс. 112, 9.

рой он знал только то, что она недавно похоронила мужа и была бездетной, и все его знакомство с ней ограничивалось только деловыми разговорами, относящимися к операции. И однако слова: *неплодную вселяет в дом матерью, радующеюся о детях,* — он без сомнения принял как Божие указание возложить на нее заботы о детях и воспитании их.

Он едва дождался семи часов утра и пошел к Софии Сергеевне, жившей в хирургическом отделении. Постучал в дверь. Открыв ее, она с изумлением отступила назад, увидев в столь ранний час своего сурового начальника, и с глубоким волнением слушала о том, что случилось ночью над гробом его жены. Он только спросил ее, верует ли она в Бога и хочет ли исполнить Божие повеление: заменить детям их умершую мать. София Сергеевна с радостью согласилась.

Квартира главврача состояла из пяти комнат, так удачно расположенных, что София Сергеевна могла получить отдельную комнату, вполне изолированную от тех, которые занимал доктор Войно-Ясенецкий. Она долго жила в его семье, но была только второй матерью для детей, ибо Всевышнему Богу известно, что отношение доктора к ней было совершенно чистым.

Доктор скоро узнал, что в Ташкенте существует церковное братство, и пошел на одно из заседаний его. По одному из обсуждавшихся вопросов он выступил с довольно пространной речью, которая произвела большое впечатление. Это впечатление перешло в радость, когда узнали, что он — главный врач городской больницы.

Видный протоиерей Михаил Андреев, настоятель привокзальной церкви, в воскресные дни по вечерам устраивал в церкви собрания, на которых он сам или желающие из числа присутствовавших выступали с беседами на темы Священного Писания, а потом все пели духовные песни. Будущий Владыка часто бывал на этих собраниях и нередко проводил серьезные беседы. Он, конечно, не знал, что они будут только началом его огромной проповеднической работы в будущем. И однажды Преосвященный Иннокентий (Пустынский) сказал ему: «Доктор, вам надо быть священником!»

У Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого никогда не было и мысли о священстве, но слова Преосвященного Иннокентия он принял как Божий призыв устами архиерея и, ни минуты не размышляя, ответил: «Хорошо, Владыко! Буду священником, если это угодно Богу!»

Уже в ближайшее воскресенье, при чтении Часов, он в сопровождении двух диаконов вышел в чужом подряснике к стоявшему на кафедре архиерею и был посвящен им в чтеца, певца и иподиакона, а во время Литургии—и в сан диакона. Через неделю после посвящения во диакона, в праздник Сретения Господня 1921 года, епископом Иннокентием он был рукоположен во иерея.

Будущему Владыке пришлось совмещать свое священническое служение с чтением лекций на медицинском факультете, слушать которые приходили во множестве и студенты других курсов. Лекции он читал в

рясе с крестом на груди: в то время еще было возможно невозможное в последующие годы. Отец Валентин и по городу ходил в рясе с крестом на груди и тем очень нервировал ташкентское начальство: был он к тому времени главным врачом городской больницы и общепризнанным первым хирургом, Председателем Союза врачей. В соборе о. Валентин служил только по воскресеньям.

Многие врачи рассказывали, что о. Валентин всегда с большой любовью и глубоким вниманием относился к каждому больному человеку, что его отношение к больным было идеальным. Даже неверующие коллеги не могли не видеть высокой нравственности православного священника, будущего архиепископа. Бывшая медицинская сестра Ташкентской городской больницы М.Г. Нежанская так говорила о нем: «В делах, требовавших нравственного решения, Валентин Феликсович вел себя так, будто вокруг никого не было. Он всегда стоял перед своей совестью один. И суд, которым он судил себя, был строже любого трибунала».

Кроме операций и преподавания, много занимался Войно-Ясенецкий живописью: писал иконы для храма и анатомические таблицы для своих университетских занятий. Власти долго все это терпели, уговаривали его бросить церковные дела, но он не поддавался. В больнице же главный хирург благословлял больных перед операцией.

Прежде чем приступить к операции, будущий Владыка Лука всегда осенял себя крестным знамением и сосредоточенно молился, повернувшись к иконе Божией Матери, которая висела в операционной городской больницы много лет. Неверующие врачи перестали обращать на это внимание, а верующие считали делом самым обычным. В начале двадцатого года одна из ревизионных комиссий приказала убрать икону. В ответ на это отец Валентин ушел из больницы и заявил, что вернется только после того, как икону вернут на место. Комиссия настаивала на том, что «операционная—учреждение государственное. У нас Церковь отделена от государства. Если вашему хирургу хочется молиться, пусть молится, никто ему не мешает, но пусть держит икону у себя дома». Священник-хирург повторил, что в операционную не вернется. Но в это время крупный партиец привез в больницу свою жену для неотложной операции. Женщина категорически заявила, что желает, чтобы ее оперировал Войно-Ясенецкий. Его вызвали в приемную. Он подтвердил, что очень сожалеет, но, согласно своим религиозным убеждениям, не пойдет в операционную, пока икону не повесят обратно... Доставивший больную заявил, что дает «честное слово», что икона завтра же будет на месте, лишь бы врач немедленно оперировал больную. Войно-Ясенецкий немедленно пошел в хирургический корпус и оперировал женщину, которая в дальнейшем вполне поправилась. На следующее утро икона действительно висела в операционной.

Преосвященный Иннокентий, редко проповедовавший, назначил отца Валентина четвертым священником собора и поручил ему все дело проповеди. При этом он сказал ему словами Апостола Павла: «Ваше дело

не крестити, а благовестити»[1]). Он глубоко понимал, что говорил, и слово его было почти пророческим: призванием о. Валентина от Бога была именно проповедь и исповедание Имени Христова. Кроме проповеди при Богослужениях, совершаемых Преосвященным Иннокентием и им самим, он каждый воскресный день после вечерни проводил в соборе долгие беседы на важные и трудные богословские темы, привлекавшие много слушателей. Целый цикл этих бесед был посвящен критике материализма.

Кроме того, в течение двух лет ему часто приходилось вести публичные диспуты при множестве слушателей с отрекшимся от Бога протоиереем Ломакиным, бывшим миссионером Курской епархии, возглавлявшим антирелигиозную пропаганду в Средней Азии. Как правило, эти диспуты кончались посрамлением отступника от веры, и верующие не давали ему прохода вопросом: «Скажи нам, когда ты врал: тогда, когда был попом, или теперь врешь?» Несчастный хулитель Бога стал бояться доктора-священника и просил устроителей диспутов избавить его от «этого философа».

На несчастном хулителе Духа Святого страшно сбылось слово Псалмопевца Давида: *смерть грешников люта*. Он заболел раком прямой кишки и при операции оказалось, что опухоль уже проросла в мочевой пузырь. В тазу скоро образовалась глубокая, крайне зловонная полость, наполненная гноем, нечистотами и кишевшая множеством червей. Враг Божий пришел в крайнее озлобление от своих страданий, и даже партийные медицинские сестры, назначаемые для ухода за ним, не могли выносить его злобы и проклятий и отказывались от ухода.

В это трудное для о. Валентина время, когда ему приходилось совмещать служение и проповедь в кафедральном соборе с заведованием кафедрой топографической анатомии и оперативной хирургии и чтением лекций, он должен был спешно изучать богословие. И в этом деле ему помогал Господь Бог через одного из слушателей его бесед и диспутов — верующего букиниста, который приносил ему так много богословских книг, что скоро у него образовалась порядочная библиотека.

Но и этого мало: о. Валентин продолжал работать в качестве главного врача больницы, широко оперировал каждый день и даже по ночам в больнице и не мог не обрабатывать своих наблюдений научно. Многие из этих исследований легли в основу его книги «Очерки гнойной хирургии». До эпохи антибиотиков, когда не было другой возможности бороться с гноем, кроме хирургической, книга была просто необходима, а, имея ее, молодой специалист или просто хирург, не гнойный, могли осуществлять сложные операции в нелегких условиях рядовой больницы.

А тогда те, кто считали Войно-Ясенецкого «погибшим для науки», были, вероятно, обескуражены, повстречавшись с о. Валентином на Первом научном съезде врачей Туркестана в Ташкенте в 1922 году, где священник-хирург выступил с четырьмя большими докладами и десять раз брал слово в прениях, имея большой научный и практический опыт.

[1]) 1 Посл. к Коринф., гл. 1, ст. 17.

Весной 1923 года, незадолго до церковного раскола и появления «живой» церкви, епископ Иннокентий созвал съезд духовенства Ташкентской и Туркестанской епархии, который должен был избрать двух кандидатов на возведение в архиерейский сан. Выбор пал на архимандрита Виссариона и на отца Валентина.

Вскоре произошло восстание некоторых московских и петроградских священников против Патриарха Тихона, которое возглавил протоиерей Александр Введенский. По всей России произошло разделение духовенства на стойких и крепких духом, верных Православной Церкви и Патриарху Тихону и на малодушных, неверных или не разбиравшихся в бурных церковных событиях, вошедших в «живую» церковь, возглавляемую Введенским и немногими его сообщниками.

Отозвался раскол и в Ташкентской епархии. Архиепископ Иннокентий, крайне редко сам проповедовавший, выступил со смелой, сильной проповедью о том, что в Церкви бунт и что необходимо сохранять верность Церкви Православной и Патриарху Тихону и не входить ни в какие сношения с «живоцерковниками».

В это время отец Валентин был назначен настоятелем собора и рукоположен в протоиереи.

Вскоре после этого из Ашхабада в Ташкент был переведен Преосвященный Андрей Уфимский (князь Ухтомский). Незадолго до своего ареста и ссылки в Среднюю Азию он был в Москве, и Патриарх Тихон, находившийся под домашним арестом, дал ему право избирать кандидатов для возведения в сан епископа и тайным образом рукополагать их. Приехав в Ташкент, Преосвященный Андрей одобрил избрание Собором ташкентского духовенства отца Валентина кандидатом на посвящение во епископа и тайно постриг его в монашество. Он говорил при этом, что хотел дать ему имя целителя Пантелеимона, но когда побывал на Литургии, совершенной отцом Валентином, и услышал его проповедь, то нашел, что ему гораздо более подходит имя Апостола-Евангелиста, врача и иконописца Луки.

Преосвященный Андрей направил о. Валентина в таджикский город Пенджикент, отстоявший за 90 верст от Самарканда. В Пенджикенте жили два ссыльных епископа: Даниил Волховский и Василий Суздальский. Епископ Андрей передал им через иеромонаха Луку письмо с просьбой совершить над ним архиерейскую хиротонию.

Преосвященные Даниил и Василий встретили приехавших с любовью. Прочитав письмо епископа Андрея Ухтомского, решили назначить на завтра Литургию для совершения хиротонии и немедленно отслужить Вечерню и Утреню в маленькой церкви Святителя Николая Мирликийского, без звона и при запертых дверях. С епископами жил ссыльный московский священник протоиерей Валентин Свенцицкий, известный церковный писатель, который тоже присутствовал при посвящении. На Вечерне и Литургии читали и пели спутники отца Луки и протоиерей Свенцицкий.

Когда сообщили об этой хиротонии Святейшему Патриарху Тихону, то он, ни на минуту не задумываясь, утвердил и признал ее законной.

На воскресенье, 21 мая 1923 г., день памяти равноапостольных Константина и Елены, Владыка Лука назначил свою первую архиерейскую службу.

В алтаре присутствовал Преосвященный Андрей Уфимский; он волновался, что новорукоположенный епископ не сумеет служить без ошибок. Но, по милости Божией, ошибок не было.

Спокойно прошла следующая неделя, и Владыка спокойно отслужил вторую воскресную Всенощную. Вернувшись домой, он читал правило ко причащению Святых Таин. В 11 часов вечера раздался стук в наружную дверь — обыск и первый арест. Владыка простился с детьми и Софией Сергеевной и в первый раз вошел в «черный ворон», как называли автомобиль ГПУ[1]). Так положено было начало одиннадцати годам его тюрем и ссылок.

Владыку посадили в подвал ГПУ. Первый допрос был совершенно нелепым. Владыку спрашивали о знакомстве с неведомыми ему людьми, о сообществе с оренбургскими казаками, о которых он, конечно, ничего не знал.

Однажды ночью вызвали на допрос, продолжившийся часа два. Его вел очень крупный чекист, допрашивал Владыку о его политических взглядах, отношении к советской власти. На время Владыку оставили в покое, из подвала перевели в более пристойное помещение.

В годы своего священства и работы главным врачом ташкентской больницы Владыка не переставал писать свои «Очерки гнойной хирургии», которые хотел издать вскоре: оставалось написать последний очерк первого выпуска — «О гнойном воспалении среднего уха и осложнениях его». Он обратился к начальнику тюремного отделения, в котором находился, с просьбой дать ему возможность написать эту главу. Тот был так любезен, что предоставил ему право писать в его кабинете. Владыка скоро окончил первый выпуск своей книги. На заглавном листе он написал: «*Епископ Лука. Профессор Войно-Ясенецкий.* Очерки гнойной хирургии».

Так удивительно сбылось таинственное и непонятное Божие предсказание об этой книге, полученное еще в Переславле-Залесском: «Когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа».

В тюрьме Владыку держали недолго и освободили на один день для того, чтобы он свободно ехал в Москву. В это время Ташкентская архиерейская кафедра уже была занята «живоцерковным» митрополитом. Владыка Лука, как бы провидя антихриста, назвал его лютым вепрем, возлегшим на Горнем месте, и запретил иметь с ним общение. Своей пастве он оставил завещание внешностью Богослужения не соблазняться и поругание Богослужения, творимого вепрем, не считать Богослужением. Идти в храмы, где служат достойные иереи, вепрю не подчинивши-

[1]) *ГПУ* — Государственное Политическое управление, карательный орган большевиков.

еся. Если и всеми храмами завладеет вепрь, считать себя отлученными Богом от храмов и ввергнутыми в голод слышания слова Божия. С вепрем и его прислужниками никакого общения не иметь и не унижаться до препирательства с ними.

На допросе в ГПУ епископ Лука говорил о живоцерковниках: «Христову правду попирает тот, кто, прислуживаясь к советской власти, авторитетом Церкви Христовой освящает и покрывает все ее деяния».

К середине августа все храмы в городе перешли к «живоцерковникам». Но... храмы эти стояли пустыми. Завещание епископа Луки — несколько десятков перепечатанных на машинке листков — оказали на прихожан значительно большее влияние, чем газетные заклинания партийных пропагандистов и «живоцерковников». В ГПУ поняли: Владыку Луку надо как можно скорее выслать за пределы Туркестана.

Наутро поезд, в котором должен был ехать епископ Лука, двадцать минут не мог двинуться с места: толпа народа легла на рельсы, желая удержать его в Ташкенте.

В Москве Владыка явился в центральное ГПУ, где после короткого, ничего не значащего допроса ему объявили, что он может свободно жить в Москве неделю, а потом должен снова явиться в ГПУ. В течение этой недели Владыка дважды был у Патриарха Тихона и один раз служил совместно с ним.

При вторичной явке в ГПУ Владыку арестовали и отправили в Бутырскую тюрьму, а позже — перевели в Таганскую.

В московских тюрьмах Владыке пришлось сидеть вместе с Новгородским митрополитом Арсением, протоиереем Михаилом Андреевым, другими священниками. В начале зимы 1923 года Владыку выслали из Москвы в его первую ссылку — через Тюмень, Омск, Новосибирск, Красноярск. Это была тяжкая дорога испытаний, болезней, унижений...

В Енисейске ссыльные священники получили квартиру в доме зажиточного человека и прожили в ней около двух месяцев. К ним присоединился еще один ссыльный священник, и по воскресным и праздничным дням они совершали Всенощную и Литургию в своей квартире. В Енисейске было очень много церквей, но и здесь священники уклонились в «живоцерковный» раскол, и с ними, конечно, не могли молиться. Один диакон сохранил верность Православию, и епископ Лука рукоположил его во пресвитера.

В один из праздничных дней Владыка, войдя, чтобы начать Литургию, неожиданно увидел стоявшего у двери незнакомого старика-монаха. Тот точно остолбенел при виде епископа и даже не поклонился. Придя в себя, он сказал, отвечая на вопрос Владыки, что в Красноярске народ не хочет иметь общения с неверными священниками и решил послать его в город Минусинск, верст за триста к югу от Красноярска, где жил другой православный епископ. Но не к нему поехал монах Христофор, ибо какая-то неведомая сила увлекла его в Енисейск к Владыке. «А почему же ты так остолбенел, увидев меня?» — спросил его Влады-

ка. «Как было мне не остолбенеть?! — ответил он. — Десять лет тому назад я видел сон, который помню как сейчас. Мне снилось, что я в Божием храме и неведомый мне архиерей рукополагает меня во иеромонаха. Сейчас, когда Вы вошли, я увидел этого архиерея!»

Десять лет тому назад, когда он видел Владыку Луку во сне, тот был земским хирургом в городе Переславле-Залесском и никогда не помышлял ни о священстве, ни об архиерействе. А у Бога в то время этот хирург уже был епископом. Так неисследимы пути Господни.

Приезд Владыки Луки в Енисейск произвел очень большую сенсацию, которая достигла апогея, когда он сделал операцию врожденной катаракты трем слепым маленьким мальчикам-братьям и сделал их зрячими. За два месяца жития в Енисейске Владыка сделал немало очень больших хирургических и гинекологических операций. В то же время он вел большой прием больных у себя на дому.

Все время пребывания в ссылке Владыка не прекращал свои труды врача-хирурга.

На каждую операцию с участием епископа Луки полагалось получить отдельное разрешение, которые давали неохотно: растущая популярность ссыльного раздражала городских начальников. В Енисейске рассказывают, что его однажды вызвали в ГПУ. Едва он, как всегда в рясе и с крестом, переступил порог кабинета, чекист заорал: «Кто это вам позволил заниматься практикой?» Владыка Лука ответил: «Я не занимаюсь практикой в том смысле, какой вы вкладываете в это слово. Я не беру денег у больных. А отказать больным, уж извините, не имею права».

К Владыке-врачу несколько раз подсылали «разведчиков», но оказалось, что никакой платы с больных он действительно не берет, а в ответ на благодарность пациентов отвечает: «Это Бог вас исцелил моими руками. Молитесь Ему». После этого власти стали смотреть на медицинскую практику ссыльного профессора более снисходительно.

В Енисейске имели особенный размах безчинства комсомольцев-атеистов. Незадолго до приезда ссыльных в Енисейске был закрыт женский монастырь, и две послушницы этого монастыря рассказали Владыке, каким кощунством и надругательством сопровождалось это закрытие храма Божия. Дело дошло до того, что комсомолка, бывшая в числе разорявших монастырь, задрала все свои юбки и села на Престол. Этих двух послушниц Владыка постриг в монашество и дал им имена своих небесных покровителей: старшую назвал Лукией, а младшую — Валентиной. Бывший милиционер с большой охотой рассказывал, как он сам в то время обдирал с икон Успенского собора золотые ризы, как грузил на подводу реквизированные Чаши и кадила, как помогал стаскивать с церквей колокола. Во время реквизиций верующие — порой собиралось несколько сот человек,— стоя поодаль, ругали представителей власти и комсомольских активистов. Слышались проклятия и молитвы о наказании богохульников. Милиционер делал предупредительные выстрелы в воздух, некоторых уводил в участок.

Владыка Лука несколько раз произносил проповеди, обличая это нечестие, стыдил разрушителей храмов. Тем самым он еще более настроил против себя енисейское начальство. И Владыку отправили в ссылку дальше — в Туруханск.

В Туруханске, когда он выходил из баржи, толпа народа, ожидавшая его, вдруг опустилась на колени, прося благословения. Владыку сразу же поместили в квартире врача больницы и предложили вести врачебную работу.

В Туруханске был закрытый мужской монастырь, в котором, однако, старик-священник совершал все Богослужения. Он подчинялся красноярскому «живоцерковному» архиерею, и Владыке Луке надо было обратить его и всю туруханскую паству на путь верности каноническому Православию. Достигнуть этого удалось проповедью о великом грехе церковного раскола: священник принес покаяние перед народом, и Владыка мог бывать на церковных службах и почти всегда проповедовал на них. До его приезда совсем мало людей посещало церковь, а с его приездом приток прихожан в церковь значительно усилился. Туруханцы говорили, что в двунадесятые праздники верующие выстилали ему дорогу от больницы до церкви красным сукном, коврами и половиками, а на церковные службы Владыку привозили в монастырь и домой на устланных коврами санях.

В больнице, конечно, он не отказывал никому в благословении, которое очень ценили тунгусы и всегда просили. За это и за церковные проповеди Владыке пришлось дорого поплатиться: уполномоченный ГПУ вызвал Владыку и объявил, что ему строго запрещается благословлять больных и проповедовать в монастыре. Владыка ответил, что по архиерейскому долгу не может отказывать людям в благословении и предложил повесить на больничных дверях объявление о запрещении больным просить благословения у епископа.

Однако недолго терпели твердость Владыки. Уполномоченный ГПУ с большой злобой объявил, что за неподчинение требованиям исполкома Владыка должен немедленно уехать дальше из Туруханска и на сборы дается полчаса. Владыка только спросил спокойно: куда же именно высылают? И получил раздраженный ответ: «На Ледовитый океан».

Путь по замерзшему Енисею в сильные морозы был очень тяжел для епископа Луки. Однако именно в это трудное время он очень ясно, почти реально ощущал, что рядом с ним — Сам Господь Бог Иисус Христос, поддерживающий и укрепляющий его. У него был с собою Новый Завет, с которым он не расставался и в ссылках своих.

Путь Владыки по Енисею был поистине архиерейским путем, ибо на всех тех остановках, в которых были приписные церкви и даже действующие, его встречали колокольным звоном, он служил молебны и проповедовал.

В некоторых станках к нему приходили его прежние пациенты, которых он оперировал в Туруханске. Особенно благодарил старик-тунгус,

полуслепой от трахомы, которому Владыка исправил заворот век пересадкой слизистой оболочки. Результат операции был так хорош, что он по-прежнему стрелял белок, попадая прямо в глаз. Мальчик, оперированный по поводу крайне запущенного остеомиелита бедра, пришел к Владыке здоровым. Были и другие подобные встречи.

... Приближался конец ссылки. Владыка Лука по-прежнему лечил страждущих телом, увещевал страждущих душой. Он ждал освобождения. Владыка так вспоминал это время: «Утром 20 августа 1925 г. я по обыкновению читал Утреню, а пароход разводил пары. Первый протяжной гудок парохода... Я читаю четвертую кафизму Псалтири... Последние слова 31 Псалма поражают меня, как гром... Я всем существом воспринимаю их как Глас Божий, обращенный ко мне. Он говорит: *«Вразумлю тя и наставлю тя на путь сей, воньже пойдеши, утвержу на тя очи Мои. Не будьте, яко конь и меск, имже несть разума: бродзами и уздою челюсти их востягнеши, не приближающихся к тебе»*[1]).

И внезапно наступает глубокий покой в моей смятенной душе. Пароход дает третий гудок и медленно отчаливает. Я слежу за ним с тихой и радостной улыбкой, пока он не скрывается от взоров моих. Иди, иди, ты мне не нужен... Господь уготовал мне другой путь».

И действительно, через три месяца, а не через год, Господь Промыслом Своим сократил ссылку: Владыке Луке разрешено было возвратиться в Ташкент, где жили его дети.

В Ташкенте, занимаясь только приемом больных у себя на дому, Владыка не переставал молиться на всех Богослужениях. Милосердие Владыки к больным было поистине христианским.

К.Ф. Панкратьева, пенсионерка из Ташкента, вспоминает следующий случай. Когда ей было шестнадцать лет, в диспансере ей сказали, что она больна туберкулезом легких. Это привело ее в смятение. Добрые люди посоветовали ей обратиться к епископу-профессору. Девушка долго не решалась записаться на прием к такому известному человеку. Воспитанная в семье неверующих, она не имела нательного креста. Ксения записалась на прием, но очередь ее дошла только через месяц. Доброжелательный доктор очень внимательно осмотрел и выслушал пациентку. Сказал, что легкие действительно слабые, но до туберкулеза далеко. Порекомендовал строгий режим питания, посоветовал поехать на кумыс. Спросил: «А есть ли у Вас средства на такую поездку?» Ксения не раз слышала, что Владыка Лука не только лечит, но и оказывает материальную помощь неимущим больным. Девушка поторопилась сказать, что деньги на лечение и поездку у нее есть, и Владыка отпустил ее, благословив на дорогу.

Однажды Владыка Лука заметил на ступеньках Городской больницы девочку-подростка и маленького мальчика. Чуткий к чужим бедам,

[1]) Псал. 31, ст. 8-9.

он тотчас заподозрил неладное и подошел к детям. Выяснилось, что их отец умер, а единственный в городе близкий человек—мать—в больнице и, очевидно, надолго. Лука повел детей к себе в дом, нанял женщину, которая ухаживала за ними, пока не выздоровела их мать.

Девочка (ее звали Шура Кожушко), которой было тогда пятнадцать-шестнадцать лет, стала помогать Владыке Луке на врачебных приемах. Она быстро освоила основы медицины и через год, не поступая ни в какое учебное заведение, стала хорошей медицинской сестрой. Владыка Лука постоянно посылал Шуру по городу искать больных, нуждающихся в помощи и материальной поддержке. Одной из найденных ею больных сирот была Рая Пуртова.

Эта девочка приехала в Ташкент сразу после средней школы в надежде продолжить учебу. На беду она заболела воспалением легких, лежала одна в чужом доме, лечить и ухаживать за ней было некому. Рая была истощена. В то время, когда не применялись еще антибиотики, она вполне могла бы погибнуть. По просьбе епископа Луки в одной верующей семье девочке стали давать усиленное питание. Рая окрепла, встала на ноги. Несколько раз заходила она к спасшему ее врачу как пациентка, а потом подружилась с Шурой Кожушко и стала в доме своим человеком. Она с радостью разыскивала по поручению Владыки Луки таких же, как она сама, длительно болеющих бедняков. Тех, кого они с Шурой находили, Владыка Лука навещал потом сам, помогал деньгами.

Окончив дела, девочки приходили в заставленный книжными полками кабинет Владыки Луки. Епископ сидел в кресле, девочки на скамеечках возле него. Они разговаривали о разных жизненных случаях, о прочитанных книгах. Рае запомнились слова, которые однажды произнес Владыка Лука: «Главное в жизни—всегда делать людям добро. Если не можешь делать для людей добро большое, постарайся совершить хотя бы малое».

23 апреля 1930 года епископ Лука был арестован вторично. На допросах он скоро убедился, что от него хотят добиться отречения от священного сана. Тогда епископ Лука объявил голодовку протеста. Всякими обманными посулами чекисты вынудили Владыку прекратить голодовку. Приблизительно через неделю он был отправлен по этапу.

Прихожанка Успенского кафедрального собора г. Ташкента А. А Медынцева вспоминает, как пересылали Владыку Луку: «Нас собралось несколько человек; шли и издали смотрели: его, как хулигана, дергали за бороду, плевали ему в лицо. Я как-то невольно вспомнила, что вот так же и над Иисусом Христом издевались, как над ним».

Владыка Лука провел год в тюремных камерах, лишенный книг, передач с воли, свиданий с близкими. Следствие было закончено, но в ГПУ еще что-то согласовывали. Зимой в душных тюремных камерах стало сыро и холодно. Владыка болел. Его несколько раз отвозили в больницу, затем опять на допросы. Затем из внутренней тюрьмы ГПУ перевели в общую. Только 15 мая следующего, 1931, года последовал протокол Особого Сове-

щания коллегии ГПУ. Три неизвестных человека заочно постановили: «...Войно-Ясенецкого Валентина Феликсовича выслать через ПП ГПУ в Северный край сроком на три года, считая с 6 мая 1930 года».

И вскоре он оказался в Архангельской ссылке. Через некоторое время Владыку Луку вызвали в Москву к особоуполномоченному Коллегии ГПУ. В течение трех недель тот ежедневно беседовал с Владыкой, обещал ему хирургическую кафедру в Москве, и было вполне понятно, что от Владыки хотят отказа от священнослужения. Но Владыка Лука открыто исповедовал свою веру. Не таил и того, что преследуют его за нее; говорил: «Мне твердят: сними рясу — я этого никогда не сделаю. Она, ряса, останется со мной до самой смерти». И еще говорил: «Не знаю, что они от меня хотят. Я — верующий. Я помогаю людям как врач, помогаю и как служитель Церкви. Кому от этого плохо? Как коршуны нападают на меня работники ГПУ. За что?»

Профессор-дерматолог из Ташкента А. А. Аковбян, когда-то слушавший лекции профессора Войно-Ясенецкого в университете, а впоследствии оказавшийся в одной камере с Владыкой, отмечал, что пережитые епископом Лукой скорби нисколько не подавили его, но, напротив, утвердили и закалили его душу. Владыка дважды в день вставал на колени, обратившись к востоку, и молился, не замечая ничего вокруг себя. В камере, до отказа наполненной измученными, озлобленными людьми, неожиданно становилось тихо. Все окружавшие его люди, а среди них были и мусульмане, и неверующие, начинали говорить шепотом, и как-то сами собой разрешались только что раздиравшие людей ссоры.

Во время раздачи утренней пайки, когда атмосфера в камере накалялась до предела, Владыка Лука обычно сидел в стороне, и в конце концов всегда кто-нибудь протягивал ему ломоть хлеба ничуть не хуже, чем те, что достались другим, а иногда даже и горбушку. Позже, когда были разрешены передачи, получая посылки, Владыка все до крохи раздавал сокамерникам.

Владыка не отрекся от Господа, и его снова вернули в Архангельск, и прибавили еще полгода к сроку ссылки.

Только в конце 1933 года Владыка Лука был освобожден и уехал в Москву. Еще до окончания архангельской ссылки Владыка, решив посвятить свои силы хирургии, послал наркому здравоохранения письмо с просьбой предоставить возможность заняться в специальном исследовательском институте разработкой гнойной хирургии. И теперь, приехав в Москву, он лично обратился с этой просьбой. Но власти отказались предоставить профессору-епископу заведование научно-исследовательским институтом.

Владыка вспоминал об этом периоде своей жизни: «Мне некуда было деваться, но на обеде у митрополита Сергия один из архиереев посоветовал мне поехать в Крым. Без всякой разумной цели я последовал этому совету и поехал в Феодосию. Там я чувствовал себя сбившимся с пути и оставленным Богом, питался в грязной харчевне, ночевал в доме кресть-

янина и наконец принял новое безтолковое решение—вернуться в Архангельск. Там месяца два снова принимал больных в амбулатории. В Архангельске открывался в это время медицинский институт, и мне предложили кафедру хирургии. Я отказался и, немного опомнившись, уехал в Ташкент.

Там я тоже чувствовал, что благодать Божия оставила меня. Мои операции бывали неудачны. Я выступал в неподходящей для епископа роли лектора о злокачественных образованиях и скоро был тяжело наказан Богом: я заболел тропической лихорадкой Папатачи, которая осложнилась отслойкой сетчатки левого глаза.

Скоро я узнал об операции швейцарского окулиста Гопена, которой излечивались от 60 до 80 % больных отслойкой сетчатки. Эта операция получила вскоре большое распространение во многих странах, и в Москве ее делал профессор Одинцов. Я оставил работу по гнойной хирургии и поехал в Москву, в клинику Одинцова. Он дважды сделал мне операцию, ибо в первый раз неточно определил все места отслойки сетчатки. Я лежал с завязанными глазами после операции, и поздно вечером меня опять внезапно охватило страстное желание продолжать работу по гнойной хирургии. Я обдумывал, как снова написать наркому здравоохранения, и с этими мыслями заснул. Спасая меня, Господь Бог послал мне совершенно необыкновенный вещий сон, который я помню с совершенной ясностью и теперь, через много лет.

Мне снилось, что я в маленькой пустой церкви, в которой ярко освещен только алтарь. В церкви неподалеку от алтаря у стены стоит рака какого-то преподобного, закрытая тяжелой деревянной крышкой. В алтаре на Престоле положена широкая доска, и на ней лежит голый человеческий труп. По бокам и позади Престола стоят студенты и врачи и курят папиросы, а я на трупе читаю им лекции по анатомии. Вдруг я вздрагиваю от тяжелого стука и, обернувшись, вижу, что упала крышка с раки преподобного, он сел в гробу и, повернувшись, смотрит на меня с немым укором. Я с ужасом проснулся...

Непостижимо для меня, что этот страшный сон не образумил меня. По выписке из клиники я вернулся в Ташкент и еще два года продолжал работу в гнойно-хирургическом отделении, работу, которая нередко была связана с необходимостью производить исследования на трупах. И не раз мне приходила мысль о недопустимости такой работы для епископа. Более двух лет еще я продолжал эту работу и не мог оторваться от нее, потому что она давала мне одно за другим очень важные научные открытия, и собранные в гнойном отделении наблюдения составили впоследствии важнейшую основу для написания моей книги «Очерки гнойной хирургии».

В своих покаянных молитвах я усердно просил у Бога прощения за это двухлетнее продолжение работы по хирургии, но однажды моя молитва была остановлена голосом из неземного мира: «В этом не кайся!» И я понял, что «Очерки гнойной хирургии» были угодны Богу, ибо в

огромной степени увеличили силу и значение моего исповедания имени Христова в разгар антирелигиозной пропаганды».

В 1937 году настал страшный для Святой Церкви период. Начались массовые аресты духовенства и всех, кого подозревали во вражде к советской власти. Конечно, был арестован и Владыка Лука. Это было поистине страшное время. На допросах арестованных применялись даже пытки. Был изобретен так называемый «допрос конвейером», который дважды пришлось испытать и ему. Этот страшный «конвейер» продолжался непрерывно день и ночь. Допрашивавшие чекисты сменяли друг друга, а допрашиваемому не давали спать ни днем ни ночью.

Владыка опять начал голодовку протеста и голодал много дней. Несмотря на это его заставляли стоять в углу, но скоро он падал на пол от истощения. Допрос «конвейером» продолжался тринадцать суток, и не раз его водили под водопроводный кран, из которого обливали голову холодной водой. Владыка Лука никогда не жаловался и никогда не рассказывал о возводимых на него обвинениях. Не жаловался и после тринадцатисуточного допроса «конвейером». Рассказывают, что больше тринадцати суток никто не выдерживал. После «конвейера» Владыку приволокли в камеру волоком. Голодал он тот раз восемнадцать дней.

От Владыки неуклонно требовали признания в шпионаже. Так ничего и не добившись, его в тяжелейших условиях продержали в тюрьме и, вторично подвергнув допросу «конвейером», отправили в новую, уже третью ссылку в Сибирь на три года.

Наступило лето 1941 года, когда гитлеровские полчища, покончив с западными странами, вторглись в пределы СССР.

Бывший начальник Енисейского пароходства И. М. Назаров рассказывает, что в начале войны Владыка Лука послал телеграмму Председателю Президиума Верховного Совета М. И. Калинину: «Я, епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий, отбываю ссылку в поселке Большая Мурта Красноярского края. Являясь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла — там, где будет мне доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить меня в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку. Епископ Лука». Когда телеграмма пришла на городской телеграф, в Москву ее не передали, а, в соответствии с существующими распоряжениями, направили в крайком[1]). При обсуждении вопроса присутствовали работники НКВД (Народный Комиссариат Внутренних Дел — преемник ЧК, ГПУ.— *прим. ред.*). Они говорили, что профессор Войно-Ясенецкий — ученый с мировым именем, что книги его издавались даже в Лондоне. В конце концов решено было телеграмму Калинину все-таки отправить. Ответ из Москвы пришел незамедлительно. Профессора приказано было перевести в Красноярск.

По словам Назарова, сразу несколько ведомств заинтересовались хорошим хирургом: больница водников, штаб Военного округа. Красно-

[1]) *Крайком* — Краевой комитет партии большевиков.

ярск должен был стать последним на востоке пределом эвакуации раненых. Там было организовано огромное учреждение — МЭП (местный эвакопункт), состоящее из десятков госпиталей и рассчитанное на десяток тысяч коек. С фронта уже шли в Сибирь первые санитарные эшелоны. МЭП нуждался в зданиях, белье, продуктах, врачах, а главное — в квалифицированном научном руководстве. На тысячи километров вокруг не было более необходимого и квалифицированного специалиста, чем Владыка Лука профессор Войно-Ясенецкий.

Главный хирург МЭП прилетел в Большую Мурту, где отбывал ссылку Владыка. Начальнику районного МВД была вручена бумага, по которой ссыльный профессор Войно-Ясенецкий переводился в Местный эвакопункт, точнее, госпиталь 15-15 и был назначен консультантом всех госпиталей Красноярского края.

Владыка Лука еще два года оставался на положении ссыльного, дважды в неделю он был обязан отмечаться в милиции. Выезжать на научные конференции в другой город он мог только с разрешения чекистов и должен был писать рапорты.

Зимой 1942 года Владыка Лука жил в сырой холодной комнате, которая до войны принадлежала школьному дворнику. Епископ оказался почти на грани нищеты. На госпитальной кухне, где готовилась пища на тысячу двести человек, хирурга-консультанта кормить не полагалось. А так как у него не было ни времени, чтобы отоваривать свои продуктовые карточки, ни денег, чтобы покупать продукты на черном рынке, то он постоянно голодал. Госпитальные санитарки тайком пробирались в дворницкую, чтобы оставить на столе тарелку каши. Позже Владыка Лука писал сыну Михаилу: «В первое время моей работы в Красноярске отношение ко мне было подозрительное».

Как и прежде, в годы тюрем и ссылок, Владыка терпел все с глубокой преданностью воле Божией. В одном из писем той поры он писал сыну, что «полюбил страдание, так удивительно очищающее душу».

Приезжавший в госпиталь 15-15 инспектор всех эвакогоспиталей профессор Приоров говорил, что ни в одном из очень многих госпиталей, которые он объезжал, он не видел таких блестящих результатов лечения инфицированных ранений суставов, как у Владыки Луки Войно-Ясенецкого.

Хирург В. Н. Зиновьева, ученица Войно-Ясенецкого по госпиталю 15-15, вспоминает, что Владыка Лука учил своих помощников и «человеческой хирургии»: с каждым раненым он как бы вступал в личные отношения, помнил каждого в лицо, знал фамилию, держал в памяти все подробности операции и послеоперационного периода. Ныне стали широко известными слова Владыки Луки: «Для хирурга не должно быть «случая», а только живой страдающий человек.» Проявления равнодушия к врачебному долгу возмущали епископа Луку.

Его труд бывал порой сопряжен с глубокими душевными страданиями. «Тяжело переживаю смерть больных после операции,—писал епис-

коп Лука сыну.—Было три смерти в операционной, и они меня положительно подкосили. Тебе как теоретику неведомы эти мучения, а я переношу их все тяжелее и тяжелее... Молился об умерших дома, храма в Красноярске нет...»

Если не было другой возможности спасти больного, Владыка Лука шел на рискованные операции, несмотря на то, что это налагало на него большую ответственность... Когда, войдя в палату, он замечал, что нет больного, которого он оперировал два дня назад, он, ни о чем не спрашивая, поднимался на второй этаж и запирался в своей комнате.

Владыка Лука считал необходимым не скрывать от умирающих близость их смерти, так как они могли пожелать умереть по-христиански.

Все это, конечно, крайне плохо отражалось на здоровье Владыки. Во время операции хирургу все чаще приходилось опускаться на стул: не держали ноги. Трудно было ему подниматься по госпитальным лестницам: давала себя знать эмфизема легких.

И все же и в Красноярске Владыка совмещал лечение раненых с архиерейским служением: милостью Божией в начале 1943 года он был назначен епископом Красноярским и во все воскресные и праздничные дни ходил далеко за город в маленькую кладбищенскую церковь, так как другой церкви в Красноярске не было. Вновь открыто зазвучала его проповедь о Христе. Ходить приходилось по такой грязи, что однажды на полдороге Владыка завяз, и упал в грязь, и должен был вернуться домой.

Священный Синод при Местоблюстителе Патриаршего престола митрополите Сергии приравнял лечение раненых к доблестному архиерейскому служению и возвел Владыку в сан архиепископа. Но еще более тяжелой скорбью для епископа Луки была невозможность бывать в храме.

В это время Владыку Луку вызвал первый секретарь Обкома партии и сказал ему, что отношения между Церковью и государством скоро улучшатся.

Владыка писал сыну, что отношение правительства к Церкви резко изменилось: «...Всюду открываются и ремонтируются за счет горсоветов храмы, назначаются епископы». И о себе: «Помни, Миша, что мое монашество с его обетами, мой сан, мое служение Богу — для меня величайшая святыня и первейший долг. Я подлинно и глубоко отрекся от мира и от врачебной славы, которая, конечно, могла бы быть очень велика, что теперь для меня ничего не стоит. А в служении Богу — вся моя радость, вся моя жизнь, ибо глубока моя вера. Однако и врачебной, и научной работы я не намерен оставлять.

Даже если бы не изменилось столь существенно положение Церкви, если бы не защищала меня моя высокая научная ценность, я не поколебался бы снова вступить на путь активного служения Церкви. Ибо вы, мои дети, не нуждаетесь в моей помощи, а к тюрьме и ссылкам я привык и не боюсь их». «О, если бы ты знал, как туп и ограничен атеизм, как живо и реально общение с Богом любящих Его...»

После окончания ссылки Владыка Лука стал хлопотать о переводе из Сибири. Должностные лица Красноярска не хотели отпускать его. Ему старались угодить и гражданские, и военные власти. В списке лучших врачей края фамилия Войно-Ясенецкого стояла на первом месте. Проблема перевода несколько месяцев согласовывалась между Патриархией и Наркомздравом. Наконец из Наркомздрава телеграфировали: «Намерены перевести Вас в Тамбов, широкое поле деятельности в госпиталях и крупной больнице». Святейший Патриарх Сергий специальным Указом назначил Владыку Луку архиепископом Тамбовским и Мичуринским. В начале 1944 года Владыка Лука переехал в Тамбов.

Многие труды ожидали архиепископа в его новой епархии. Он продолжал совмещать архипастырское служение и служение ближним врачебной работой.

В управлении епархией архиепископ Лука сразу столкнулся со множеством трудностей. Тамбовский храм, долгие годы содержавший под своей кровлей рабочие общежития, доведен был до последней степени запустения. Обитатели его раскололи иконы, сломали и выбросили иконостас, исписали стены ругательствами. Владыка Лука без жалоб принял наследие атеистов, начал ремонтировать храм, собирать причт, вести службы, продолжая и врачебную работу. На попечении Тамбовского архиепископа теперь находилось сто пятьдесят госпиталей, от пятисот до тысячи коек в каждом. Консультировал он также хирургические отделения большой городской больницы: Владыка Лука по-прежнему был готов работать сутками, несмотря на то, что скоро ему должно было исполниться семьдесят.

Владыка Лука лечил больных Бога ради, так же, во славу Божию, он часто помогал бедствующим и утешал несчастных. Его частные приемы, консультации были безплатными. Об этом хранится благодарная память его прихожан.

Однажды стояла возле церкви женщина-вдова, когда Владыка шел на службу. «Почему ты, сестра, стоишь такая грустная?»— спросил Владыка. А она ему: «У меня пятеро детей маленьких, а домик совсем развалился».— «Ну, подожди конца службы, я хочу с тобою поговорить». После службы повел он вдову к себе домой, узнал, какие у нее плохие дела и дал денег на постройку дома.

Вспоминают, что проповеди Владыки привлекали в церковь много врачей, библиотекарей, учителей. Проповеди записывала в храме учительница английского языка, очень преданная архиепископу Луке Наталья Михайловна Федорова, потом другая прихожанка-машинистка перепечатывала проповеди на папиросной бумаге и раздавала верующим. В Тамбове было записано семьдесят семь проповедей.

Истинно христианским было смирение Владыки. Протодиакон о. Василий Малин, которого Владыка Лука в 1945 году рукополагал в диаконы, рассказывает: «Был среди прихожан пожилой человек, кассир, И.М.

Фомин. Читал на клиросе часы. Читал плохо, неверно произносил слова. Владыка несколько раз поправлял его. Однажды после службы, когда архиепископ Лука в пятый или шестой раз объяснил ему, как произносятся некоторые церковнославянские выражения, между ними произошел спор. Владыка Лука темпераментно размахивал богослужебной книгой и, очевидно, задел Фомина. Тот возмутился, сказал, что архиерей ударил его, и демонстративно перестал посещать церковь. Спустя некоторое время, надев крест и панагию, Тамбовский Владыка через весь город отправился к обиженному прихожанину просить прощения. Фомин не принял архиепископа. Владыка снова пошел к нему и снова не получил прощения. Кассир буквально издевался над ним. Простил он Владыку только за несколько дней до отъезда архиепископа из Тамбова.

В Тамбовской епархии Владыка Лука восстановил и освятил несколько храмов, сосредоточив свои усилия на восстановлении приходской жизни. Богослужения, совершаемые архиепископом Лукой, отличались высокой духовностью и молитвенностью. Много сил он отдал просвещению паствы.

За большие заслуги перед Русской Церковью архиепископ Тамбовский и Мичуринский Лука в феврале 1945 года был награжден Патриархом Алексием правом ношения бриллиантового креста на клобуке.

В 1946 году архиепископу Луке была присуждена Сталинская (Государственная) премия Первой степени за монографии «Очерки гнойной хирургии» и «Поздние резекции при инфицированных ранениях больших суставов». Книги эти стали настольными книгами хирургов. Многие ученые отмечают, что «Очерки гнойной хирургии» написаны с большой любовью к страдающему человеку и с большим вниманием к читателю.

Есть свидетельство неверующих людей, что даже не зная, что «Очерки гнойной хирургии» написаны епископом Лукой, нельзя не заметить, что книгу писал христианин. Есть в ней строки, показывающие, с каким христианским вниманием относился Владыка к больному.

Почти всю Сталинскую (Государственную) премию Высокопреосвященный Лука пожертвовал на помощь сиротам — жертвам войны.

Свою научную деятельность, публикации книг и статей, получение Государственной премии Владыка Лука рассматривал как средство поднять авторитет Церкви. Несомненно, что в те страшные времена открытая проповедь о Христе знаменитого ученого, прославленного хирурга не могла не заставить задуматься многих и многих людей.

Владыка Лука считал, что его научный труд привлечет к Православию многих интеллигентов. Так оно и было. В одной передаче радиостанции Би-Би-Си того времени сообщалось, что группа французских юношей и девушек перешла в Православие, сославшись в своей декларации на христианских ученых в СССР—Ивана Павлова, Владимира Филатова и архиепископа Луку Войно-Ясенецкого.

И все же в 1946 году Владыке Луке окончательно запретили выступать перед научной аудиторией в рясе, с крестом и панагией.

Он писал сыну: «Я получил предложение Наркомздрава СССР сделать основной доклад о поздних резекциях крупных суставов на большом съезде, который должен подвести итоги военно-хирургической работе. Я охотно согласился, но написал, что нарком запрещает мне выступать в рясе, а Патриарх—без рясы. Написал и Патриарху об этом, он мне ответил письмом, ...его мнение совпадает с моим: выступать в гражданской одежде и прятать волосы в собрании, в котором все знают, что я архиерей,— значит стыдиться своего священного достоинства. Если собрание считает для себя неприемлемым и даже оскорбительным присутствие архиерея, то архиерей должен считать ниже своего достоинства выступать в таком собрании... По телефону я говорил с организатором съезда доктором Дедовым. Он заволновался и говорил, что все, и нарком в том числе, придают большое значение моему докладу и обещали поставить на ноги все начальство. Но через день он сказал, что все начальство целый день было занято этим вопросом и, как будто, дело дошло до ЦК партии, но на выступление в рясе не согласились. Я просил передать наркому, что принимаю это как отлучение от общества ученых».

В это время на здоровьи архиепископа Луки все больше сказывались испытания всей его трудной жизни и последствия исключительно напряженной работы. Он теряет зрение, сердце все чаще отказывает: аритмия, декомпенсация.

В мае 1946 года Владыка был переведен в Крым. «Как ни плакала моя тамбовская паства, как ни просила Патриархию оставить меня, я должен был ехать в Симферополь. Это было несомненно по воле Божией, ибо здесь я очень нужен. Мне приходится устраивать разоренную епархию»,— писал архиепископ Лука. На месте многих крымских храмов были развалины. В Херсоне, древней Корсуни, где святой князь Владимір принял Крещение, был разрушен величественный собор во имя равноапостольного Владиміра.

Положение дел в Крымской епархии было сложным. Владыка Лука начал объезжать пятьдесят восемь крымских приходов. Большинство храмов было открыто сравнительно недавно (до войны на весь Крым оставалась одна-единственная открытая церковь). В приходах архиерею жаловались на недостаток самого необходимого: облачений, богослужебных книг, ладана, свечей, лампадного масла. Много трудов положил архиепископ Лука для восстановления храмов и для возобновления в них Богослужений.

Особенно переживал Владыка, видя, что не все пастыри являют собой достойный пример для верующих. Он не уставал повторять им: «Какой ответ дам перед Богом за всех вас?» Бывший секретарь канцелярии Крымской епархии о. Виталий Карвовский вспоминает, что негодование Преосвященного вызывали не только священники пьющие, но и

курящие. Таким назначал он строгие епитимии — запрещал три месяца служить в храме. Столь же категорически требовал, чтобы священники всегда и повсюду носили соответствующую их сану одежду. «Неверный в малом будет неверен и в большом», — цитировал он Евангелие и наказывал священников, бреющих бороду и коротко стригущих волосы. Некоторые из них уклонялись от исполнения требований архиерея. Но Владыка Лука оставался непреклонным.

Вот еще одно Послание архипастыря иереям его епархии: «Много ли среди вас священников, которые подобны серьезным врачам? Знаете ли вы, как много труда и внимания уделяют тяжелым больным добрые и опытные врачи?.. Но ведь задача врача — только исцеление телесных болезней, а наша задача неизмеримо более важна. Ведь мы поставлены Богом на великое дело врачевания душ человеческих, на избавление от мучений вечных!..»

Будни старца-архиепископа были уплотнены до последней степени. День начинался в семь утра. С восьми до одиннадцати длилась ранняя обедня. Владыка Лука ежедневно произносил проповеди. За предельно скромным завтраком секретарь Евгения Павловна Лейкфельд ежедневно читала две главы из Ветхого и две главы из Нового Завета. Потом начинались дела епархиальные: распоряжения Патриархии, почта, прием духовенства, назначения и перемещения, претензии властей. Канцелярия находилась тут же, в квартире. Секретарь епархии, пожилой священник о. Виталий, привык к тому, что архиерей требует четких докладов и ясных ответов на вопросы. Решения архиепископ Лука принимал незамедлительно и твердо.

Чтение прессы и книг продолжалось до обеда. После обеда—отдых. Затем с четырех до пяти—прием больных. Под вечер — небольшая прогулка по бульвару вдоль мелководного Салгира. На прогулке Владыку часто сопровождали его внучатые племянники Георгий и Николай. Архиепископ Лука и это время не терял попусту: рассказывал мальчикам главы Священного Писания. Через много лет Георгий и Николай Сидоркины говорили, что навсегда запомнили эти, преподанные как бы между прочим, уроки. И снова кабинетная работа: Владыка Лука склоняется над проповедями, письмами, хирургическими атласами—до одиннадцати вечера.

Владыку Луку почитали даже иноверцы, в частности, евреи, как это бывало в жизни святых и праведных людей. По большим церковным праздникам православного архиепископа-врача приходил поздравить староста симферопольской синагоги, которого Владыка Лука когда-то спас от смерти. За православного архипастыря даже молились в синагоге, особенно, когда узнавали, что он болен.

Владыка Лука готов был помочь всем. Обед на архиерейской кухне готовился на пятнадцать — двадцать человек. Обед немудреный, состоявший подчас из одной похлебки, но у многих симферопольцев в 1946—1948 годах и такой еды не было. «На обед приходило много голодных

детей, одиноких старых женщин, бедняков, лишенных средств к существованию,— вспоминала племянница архиепископа Луки Вера Прозоровская.— Я каждый день варила большой котел, и его выгребали до дна. Вечером дядя спрашивал: «Сколько сегодня было за столом? Ты всех накормила? Всем хватило?»

Сам Владыка Лука питался очень просто. Завтрак состоял из одного блюда. Если подавали второе—сердился. Одевался более чем скромно. Симферопольская учительница Юдина, которой Владыка дал деньги на покупку дома, вспоминает, что Преосвященный всегда ходил в чиненных рясах с заплатанными локтями. Всякий раз, как племянница Вера предлагала сшить новую одежду, она слышала в ответ: «Латай, латай, Вера, бедных много». Бедных вокруг действительно было много. Секретарь епархии вел длинные списки нуждающихся. В конце каждого месяца по этим спискам рассылались тридцать-сорок почтовых переводов.

Да и сам Владыка Лука жил очень бедно, почти не имел вещей, только книги.

Владыка Лука начал окончательно терять зрение. Здоровый глаз стал видеть плохо еще в Тамбове. Осенью 1947 года архиепископу пришлось поехать в Одессу к Филатову. Знаменитый окулист долго осматривал Владыку и сказал, что до слепоты еще далеко.

И действительно, четыре года спустя архиепископ Лука все еще мог, хотя и с трудом, читать и писать. Весной 1952 года, не рассчитав своих сил, Владыка снова провел несколько недель, как всегда с утра до вечера, в московских медицинских библиотеках. Он переутомил глаз, и зрение стало падать буквально по неделям. Исчезло ощущение цвета, предметы обратились в тени. Близкие ему люди скорбели, сам же архиепископ Лука учился передвигаться по комнате ощупью, ощупью же подписывал бумаги, подготовленные секретарями.

В 1954 году, после июльского Постановления ЦК КПСС «Об улучшении научно-атеистической пропаганды», началась новая волна гонений на Церковь Христову. Травля и аресты верующих, публичные оскорбления священников, закрытие храмов, разгон «общественностью» церковных праздников напомнили людям старшего поколения события 20-х—30-х годов.

В декабре 1954 года в Симферополе проходил съезд священников Крымской епархии. Архиепископ Лука выступал с докладом, в котором указал, что из пятидесяти восьми церквей осталось в Крыму сорок девять (остальные были закрыты уполномоченным) и что в опасности еще два храма. Владыка Лука открыто говорил о том, что пропаганда, тайные и явные формы нажима на верующих делают свое дело—храмы пустеют.

Новые скорби встречали архиепископа, продолжалась тяжелая борьба с уполномоченным по делам Церкви за храмы, которые закрывались по клеветническим доносам на священников и членов причта.

В начале 1955 года Влададыка ослеп полностью. Год спустя он писал сыну: «Слепота, конечно, очень тяжела, но для меня, окруженного лю-

бящими людьми, она несравненно легче, чем для несчастных одиноких слепых, которым никто не помогает. Для моей архиерейской деятельности слепота не представляет полного препятствия, и думаю, что буду служить до смерти».

В годы управления Крымской епархией Высокопреосвященный Лука произнес бо́льшую часть своих проповедей. Он начал проповедовать еще в Ташкенте, но по причине ареста и ссылки многие годы вынужден был молчать. Но с весны 1943 года, когда в Красноярске открылся храм, и до конца жизни архиепископ Лука проповедовал неустанно: писал проповеди, произносил их, печатал, правил, рассылал листки с текстом по городам страны.

За тридцать восемь лет священства Владыка Лука произнес тысячу двести пятьдесят проповедей, из которых не менее семисот пятидесяти были записаны и составили двенадцать толстых томов машинописи (около четырех тысяч пятисот страниц). Совет Московской Духовной Академии назвал это собрание проповедей «исключительным явлением в современной церковно-богословской жизни» и избрал автора почетным членом Академии.

Каждая его проповедь дышала *духом и силой*, приближаясь к благовестию апостольскому и святоотеческому и по силе искреннего, сердечного чувства, и по духу пастырской душепопечительности, и по простоте и доходчивости содержания и изложения.

В последние годы своей жизни Владыка Лука стал сильно уставать от служб, проповедей, епархиальных дел. В это время в жизни Русской Церкви происходили печальные, трагические события, которые глубоко волновали старца-архиепископа.

1960-й год начался в стране новой волной гонений на Церковь. В печати появились безчисленные антирелигиозные статьи, брошюры и монографии.

Приближалась кончина архиепископа, он стал бледным, отказывался от пищи, тяжелые душевные переживания сказывались на состоянии Владыки. «Последнюю свою Литургию совершил на Рождество, последнюю проповедь произнес в Прощеное воскресенье. Проповеднического долга не оставлял до последней минуты, много молился...» — писала Е.П. Лейкфельд.

Утром 11 июня 1961 года, в воскресенье, когда празднуется память Всех Святых, в земле Российской просиявших, архиепископ Лука скончался. Перестало биться сердце, горевшее пламенной и деятельной любовью к Богу и к людям.

На долю святителя выпало то, что пережил любой русский православный архиерей первой половины XX века: поношения, тюрьмы, лагеря, ссылки, изгнания, пытки.

Пройдя весь этот коммунистический ад, архиепископ Лука остался верен исповеданию Истины, и, где бы он ни был: в застенке, на кафедре, за

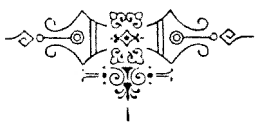
операционным столом — он был носителем слова: *«Так да просветится свет ваш пред людьми, чтобы видели ваши добрые дела и прославили Отца вашего, Который на Небесах»*[1]). Это был святитель, исповедник, врач, человек, принесший себя в живую жертву Богу и ближним. Пусть же это повествование о жизненном подвиге его достигнет всякого неравнодушного сердца и отзовется в нем решимостью последовать идеалам, которые всей своей жизнью проповедовал Владыка Лука.

Святитель Лука духовно окормлял Крымскую епархию более пятнадцати лет. Почитание его не прекращается и до сего времени. На могилу архиепископа Луки возле храма Всех Святых часто приходят помолиться, приносят цветы, зажигают свечи. Многие имеют большую веру к почившему архипастырю: известны даже случаи исцеления на его могиле.

До конца дней своих он сохранил живую, отзывчивую, обаятельную душу, нежно любящую людей... И вот время отшествия его наступило. Он ушел от нас, чтобы предстать пред Господом и дать ответ за себя и за свою многочисленную паству. Живя на земле, он *подвигом добрым подвизался, течение совершил, веру сохранил*[2]). Теперь же на Небе, дерзаем надеяться, Господь уготовал ему *венец правды... как возлюбившему явление Его*[3]).

Тропарь, глас д҃:

Правило вѣры и образъ кротости, воздержанїѧ оучителѧ ѧви тѧ стадꙋ твоемꙋ ѧже вещей истина; сего ради стѧжал еси смиренїемъ высокаѧ, нищетою богатаѧ. Отче священноначальниче Лꙋко, моли Христа Бога спастисѧ дꙋшамъ нашымъ.



---

[1]) Еванг. от Матф., гл. 5, ст. 16.

[2]) 2-е Посл. к Тимоф., гл. 4, ст. 7.

[3]) 2-е Посл. к Тимоф., гл. 4, ст. 8.

АЛФАВИТЪ СВЯТЫХЪ,

коихъ житія и памяти помѣщены въ сей книгѣ

Имена святыхъ	дни	стр.
Аверкій мученикъ	26	723
Акакій *[1]) мученикъ	7	226
Акакій священномученикъ	19	581
Алвіанъ мученикъ	4	184
Александра * мученица	18	549
Александръ * мученикъ	13	443
Алфей * апостолъ	26	723
Алфій мученикъ	10	315
Андрей мученикъ	18	575
Андроникъ * апостолъ	17	543
Арсеній * Великій	8	244
Аскалонъ * мученикъ	20	597
Ахиллій преподобный	15	525
Аѳанасій Великій	2	112
Борисъ * князь	2	77
Варваръ * воинъ	6	218
Варваръ * разбойникъ	6	221
Василискъ * мученикъ	22	644
Вата мученикъ	1	68
Вахтисій мученикъ	18	580
Венедимъ мученикъ	18	575
Витъ мученикъ	16	542
Георгій исповѣдникъ	13	465
Георгій Митиленскій	16	542
Георгій Новый	26	715
Германъ * Константинопольск.	12	378
Гликерія * мученица	13	430
Глѣбъ * князь	2	77
Дидимъ мученикъ	27	724
Діонисій мученикъ	18	575
Довмонтъ (Тимоѳей) Псковскій	20	606
Евтихій священномученикъ	28	747
Евфрасія * мученица	18	549
Евфросинія * Полоцкая	23	664
Евфросинъ * Псковскій	15	521
Елена мученица	26	723
Елена * равноапостольная	21	607
Еликонида * мученица	28	736
Елладій священномученикъ	28	747
Епифаній * Кипрскій	12	387
Еразмъ мученикъ	4	185
Ермій * мученикъ	31	768
Ермъ апостолъ	31	773
Есперъ * мученикъ	2	70
Ефремъ Перекопскій	16	542
Зоя * мученица	2	70
Игнатій * (Іоаннъ) Вологодскій	19	588
Игнатій * Ростовскій	28	744
Иннокентій * Херсонскій	25пр.	871
Ираклій мученикъ	18	575
Ирина * мученица	5	187
Исаакій * исповѣдникъ	30	761
Исаія Печерскій	15	526
Исаія * Пророкъ	9	271
Исаія Ростовскій	15	526
Исидора * юродивая	10	300
Исидоръ * мученикъ	14	466
Исидоръ Ростовскій	14	477
Исихій мученикъ	10	314

[1]) Звѣздочка, поставленная около имени святаго, означаетъ, что въ книгѣ помѣщено его изображеніе.

Имена святыхъ	дни	стр.
Іеремія * Пророкъ	1	5
Іоаннъ Богословъ	8	269
Іоаннъ * (Игнатій) Вологодскій	19	588
Іоаннъ Готскій	19	590
Іоаннъ Психаитъ	26	720
Іоаннъ * Устюжскій	29	758
Іовъ * многострадальный	6	207
Іовъ * Почаевскій	пр.	839
Іона * Одесскій	17пр.	857
Іунія * (Юнія) святая	17	543
Іулія (Юлія) мученица	18	549
Каллиникъ мученикъ	24	704
Калуѳъ мученикъ	19	587
Карпъ * апостолъ	26	720
Кассіанъ Грекъ	21	643
Кипріанъ мученикъ	10	315
Кириллъ * равноапостольный	11	325
Клавдія * мученица	18	549
Константинъ * Муромскій	21	640
Константинъ * равноапостол.	21	607
Корнилій Комельскій	19	591
Крискентія мученица	16	542
Лаодикій * мученикъ	13	430
Леонтій Ростовскій	23	675
Лука * Симферопольскій	29пр.	881
Мавра * мученица	3	113
Макарій * священномученикъ	пр.	826
Макарій Калязинскій	26	723
Максимъ мученикъ	14	476
Матрона * мученица	18	549
Мелетій мученикъ	24	703
Менандръ священномученикъ	19	581
Меѳодій * равноапостольный	11	325
Михаилъ * исповѣдникъ	23	659
Михаилъ * Муромскій	21	640
Михаилъ * черноризецъ	23	662
Модестъ мученикъ	16	542
Мокій * священномученикъ	11	316
Муза * блаженная	16	540
Никита Новгородскій	14	477
Никита * столпникъ	24	704
Никита * Халкидонскій	28	743
Нилъ Столобенскій	27	735
Павелъ мученикъ	18	575
Павлинъ мученикъ	18	575
Павсикакій преподобный	13	464
Паисій Галичскій	23	675
Патрикій * священномученикъ	19	581
Пафнутій * Боровскій	1	41
Пахомій * Великій	15	478
Пелагія * мученица	4	171
Петръ мученикъ	18	575
Петръ преподобный	3	168
Поліенъ священномученикъ	19	581
Полувій святый	12	386
Савинъ святый	12	385
Серапіонъ мученикъ	24	704
Серапіонъ * Синдонитъ	14	470
Сильванъ мученикъ	4	183
Симеонъ * Дивногорецъ	24	676
Симеонъ мученикъ	18	580
Симонъ * Зилотъ	10	298
Симонъ * Суздальскій	10	307
Солохонъ мученикъ	17	544
Стефанъ Цареградскій	17	774
Таисія * блаженная	10	304
Текуса * мученица	18	549
Тимоѳей * мученикъ	3	113
Фавстъ мученикъ	24	704
Фаина * мученица	18	549
Филадельфъ мученикъ	10	315
Философъ мученикъ	31	773
Христина мученица	18	575
Христофоръ мученикъ	9	289
Ѳалалей * мученикъ	20	592
Ѳеодосій * Печерскій	3	127
Ѳеодосія * мученица	29	748
Ѳеодосія * преподобномученица	29	750
Ѳеодора мученица	27	724
Ѳеодоръ * Муромскій	21	640
Ѳеодоръ мученикъ	24	704
Ѳеодоръ * Освященный	16	527
Ѳеодотъ * мученикъ	18	549
Ѳерапонтъ * Бѣлозерскій	27	732
Ѳерапонтъ * священномуч.	25	710
Ѳерапонтъ * священномуч.	27	730

ПРАЗДНИКИ и ПАМЯТИ

	ДНИ	стр.
Вознесеніе Господне *	прил.	777.
Воспоминаніе * знаменія Креста	7	240.
Воспоминаніе перваго и втораго **Вселенскихъ соборовъ**	прил.	807.
Обрѣтеніе и перенесеніе **мощей** святаго Алексія митрополита	20	602.
Перенесеніе мощей свв. Кипріана, Фотія и Іоны	27	731.
Перенесеніе мощей * святителя Николая	9	292.
Пятидесятница * (Сошествіе Св. Духа)	прил.	791.

Редактирование, корректура
и составление дополнений
к новому изданию "Житій святыхъ" —
В. Осьмак

Подп. в печ. 30.03.03. Формат 70×108 1/16. Печать офс. Бум. офс. Усл. печ. л. 48,3. Усл. кр.-отт. 48,3. Уч.-изд. л. 32,3.
Дополнительный тираж — 5000 экз. Изд. №23-122.

Издательство УАННП «Феникс». 03067, Киев-67, ул. Шутова, 13-б. Тел. 235-50-55.
Свидетельство ДК №271 от 07.12.2000 г.